НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Інстытут гісторыі

МАТЭРЫЯЛЫ ПА АРХЕАЛОГІІ БЕЛАРУСІ

MATERIALS ON THE ARCHAEOLOGY OF BELARUS

Зборнік навуковых артыкулаў
Заснаваны ў 1957 годзе

Выпуск 24

Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца)

The investigations of medieval antiquities of Central Belarus (in remembrance of Y. A. Zayatc)

Мінск
«Беларуская навука»
2013

УДК 902/904«653»(476.1)

У выданні прадстаўлены навуковыя працы Ю. А. Заяца па даследаванні старажытнасцей VI–XIII стст. на тэрыторыі Цэнтральнай Беларусі, якія яшчэ не былі ўведзены ў навуковы зварот, а таксама артыкулы іншых даследчыкаў, прысвечаныя сярэдневяковай тэматыцы. У зборнік ўключаны таксама новыя матэрыялы з палявых даследаванняў 2009–2011 гг.

Зборнік навуковых прац разлічаны на археолагаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, музейных работнікаў, настаўнікаў і ўсіх тых, хто любіць старажытную гісторыю, цікавіцца матэрыяльнай і духоўнай культурай нашых далёкіх продкаў.

Выданне падрыхтавана ў рамках выканання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2011–2015 гады «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі» (ДПНД «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава») (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), падпраграмы № 1 «Гісторыя, духоўная і матэрыяльная культура беларускага народа» («Гісторыя і культура») (кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. В. Даніловіч), раздзела 1 «Археалагічныя помнікі першабытнай і сярэднявечнай эпох на тэрыторыі Беларусі: этнагенэз, дзяржаўнасць, матэрыяльная і духоўная культура» (кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар В. М. Ляўко).

На вокладцы змешчана гербавая кафля з раскопак Ю. А. Заяца ў Заслаўі

ISBN 978-985-08-1543-9

ЗМЕСТ

ПАЛЯВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ
(2009–2011 гг.)

Першабытны перыяд

Перыяд сярэдневякоўя і ранняга новага часу

ПАМЯЦІ ЮРЫЯ АФАНАСЬЕВІЧА ЗАЯЦА

Прайшлі амаль два гады, як пайшоў з жыцця наш калега, які пакінуў прыкметны след у айчыннай археалогіі і гісторыі – Юрый Афанасьевіч Заяц. У студзені 2011 г. калектыў археолагаў інстытута адзначыў 60-годдзе навукоўца, а ўжо 3 красавіка таго ж года яго не стала.

Больш за 30 гадоў прайшло з таго часу, як будучы маладым чалавекам, Юрый Афанасьевіч упершыню ў 1979 г. прыйшоў працаваць у Інстытут гісторыі на пасаду старшага лабаранта і аднначасова стаў аспірантам-завочнікам гэтай навуковай установы. Аднак да пачатку працы ў Інстытуце гісторыі ў яго ўжо быў некаторы досвед паслявузаўскай практычнай дзейнасці. Скончыўшы ў 1977 г. Мінскі педагагічны інстытут, Ю. А. Заяц стаў супрацоўнікам Дзяржаўнага музея Беларускай ССР, а ў 1978 г. перайшоў на працу ў сектар старажытнабеларускай культуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР. Там ён займаўся падрыхтоўкай да экспанавання ў новым музеі археалагічных калекцый, якія паступалі з Інстытута гісторыі. Гэтая праца не была для яго складанай, таму што яшчэ ў студэнцкія гады Ю. А. Заяц неаднаразова выязджаў у археалагічныя экспедыцыі Г. В. Штыхава, засвойваючы прафесію археолага ў палявых умовах. Будучая навуковая дзейнасць у гэтай галіне ўяўлялася Юрыю Афанасьевічу жаданай і цалкам магчымай, таму, рыхтуючы сябе да яе, ён актыўна ўдзельнічаў з дакладамі ў рэспубліканскіх і ўсесаюзных навуковых студэнцкіх канферэнцыях. Прыйшоўшы ў Інстытут гісторыі АН БССР, малады спецыяліст пад кіраўніцтвам настаўніка – Георгія Васільевіча – прыступіў да падрыхтоўкі кандыдацкай дысертацыі па старажытным Ізяслаўлі. Яшчэ да яе паспяховай абароны ў Інстытуце археалогіі АН УССР ў 1989 г. ён апублікаваў невялікую, але вельмі прафесійна падрыхтаваную манаграфічную працу «Заславль X–XVIII веков (историко-археологический очерк)» (1987), заявіўшы сябе перспектыўным археолагам і гісторыкам-медыевістам. Гэтыя рысы выявіліся і ў навуковых выданнях Ю. А. Заяца: «Заслаўская кафля» (1990), «Оборонительные сооружения Минска XI–XIII вв.» (1996). Уменне глыбока аналізаваць фактычны матэрыял, укараняць у навуку новыя, добра абгрунтаваныя ідэі, імкненне прафесійна вывучаць тыя накірункі ў археалогіі і гісторыі, якімі раней не займаўся, і затым на добрым акадэмічным узроўні публікаваць вынікі сваёй працы – вось галоўныя якасці, якія адрознівалі Юрыя Афанасьевіча Заяца як навукоўца. За час навуковай працы ў Інстытуце гісторыі (з 1980 па 1989 г. – малодшы навуковы супрацоўнік сектара археалогіі сярэдневяковага перыяду, з 1989 па 1992 г. – навуковы супрацоўнік аддзела археалагічных даследаванняў зон новабудоўляў, з 1992 па 2001 г. – старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі і гісторыі Полацкай зямлі) ён апублікаваў значную колькасць рознабаковых навуковых прац, у тым ліку аднаасобныя манаграфіі і раздзелы ў калектыўных фундаментальных працах, шматлікія разгорнутыя і абагульняючыя артыкулы ў энцыклапедычных выданнях. Навуковыя інтарэсы Ю. А. Заяца былі сканцэнтраваны ў галіне вывучэння гісторыі і археалогіі старажытных гарадоў, сельскіх паселішчаў, пахавальных помнікаў, галоўным чынам, з тэрыторыі цэнтральнай Беларусі (Менская зямля). За манаграфію «Заславль в эпоху феодализма» (1995) ён быў удастоены звання Ганаровага грамадзяніна г. Заслаўля. Вялікі ўклад зроблены Ю. А. Заяцам у падрыхтоўку 4-га тома фундаментальнага выдання «Археалогія Беларусі» (2001), у якім прадстаўлены напісаныя ім часткі, а таксама праведзена вялікая праца ў складзе навуковай рэдкалегіі.

За плённую працу ў вышэйшых навучальных установах: Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце і Беларускім дзяржаўным тэхналагічным ўніверсітэце на працягу 2001–2005 гг., дзе раскрыліся выкладчыцкія здольнасці Ю. А. Заяца, – яму было прысвоена вучонае званне дацэнта (2009).

Асаблівую цікавасць у Ю. А. Заяца выклікалі сярэдневяковая ваенна-палітычная тэматыка і гісторыя хрысціянства. Гэтым пытанням прысвечаны шэраг яго найноўшых публікацый пасля вяртання на працу ў Інстытут гісторыі ў канцы 2005 г. У іх прадстаўлена арыгінальнае бачанне праблем, звязаных з развіццём абарончых (Мірскі замак, 2006), стратэгічных і тактычных (бітва пад Клецкам, 2007) магчымасцей Вялікага

Княства Літоўскага у эпоху сярэдневякоўя. Гэтыя пытанні адлюстраваны і ў падрыхтаваных Ю. А. Заяцам параграфах калектыўнай працы «Беларусь: народ, государство, время» (2009).

Працуючы ў складзе аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны, сваю навуковую дзейнасць Юрый Афанасьевіч спалучаў з працай па правядзенні ахоўных археалагічных раскопак на тэрыторыі г. Мінска і ў яго наваколлях, актыўна папулярызаваў археалагічную навуку, стаў адным з аўтараў даведачнага выдання «Археологическая научно-музейная экспозиция НАН Беларуси» (2009).

Ю. А. Заяц заўсёды меў заслужаны аўтарытэт прынцыповага вучонага-прафесіянала не толькі сярод сваіх калег, але і ў краінах блізкага замежжа.

Беларуская археалагічная навука панесла значную страту ў асобе Юрыя Афанасьевіча Заяца. Засталася незавершанай яго шматгадовая праца – доктарская дысертацыя «Менская земля», па матэрыялах да якой ён апублікаваў і падрыхтаваў да друку шэраг важных артыкулаў і частак даследавання. У гэтым зборніку мы прадстаўляем найбольш значныя для тэмы «Менская зямля» і некаторыя раней не ўведзеныя ў навуковы зварот працы Ю. А. Заяца.

Калектыў археолагаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі

СПІС ПУБЛІКАЦЫЙ ЮРЫЯ АФАНАСЬЕВІЧА ЗАЯЦА

Манаграфіі і брашуры

Заславль X–XVIII веков : ист.-археолог. очерк. – Минск : Наука и техника, 1987. – 63 с.

Заслаўская кафля. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 62 с.

Заславль в эпоху феодализма. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.

Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. – Минск : Изд. В. Н. Милютин, 1996. – 79 с.

Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. (Калектыўная манаграфія, у якой аўтарам напісаны наступныя раздзелы і параграфы і падрыхтаваны ілюстрацыі да іх: Уступ – с. 5–10; Асаблівасці матэрыяльнай культуры мястэчак (у сааўт. з Ю. М. Боханам) – с. 62–65; Замкі – с. 66–84, 146, 159, 173–188; Кафля і кафляныя печы – с. 319–348, 443– 459; рэзюмэ (на рускай мове) – с. 503–505, 509–510, 511–512, 512–516, 518, 519, 520, 555–557, 558–559, 560, 561. Аб'ём – 10,12 друк. арк. Аўтар таксама з'яўляецца адным з навуковых рэдактараў тома і членам рэдакцыйнай калегіі ўсіх тамоў выдання.)

Аўтарэферат

Заславль (Изяславль) X–VIII вв. Хронология и социально-историческая топография. – Киев, 1989. – 19 с. – Объем – 1,25 печ. л.

Артыкулы навуковыя, рэфераты

Работы в окрестностях Заславля и Дзержинска // Археологические открытия 1977 г. – М. : Наука, 1978. – С. 414.

Раскопки и разведки в окрестностях Заславля // Археологические открытия 1978 г. – М. : Наука, 1979. – С. 435.

Раскопки в окрестностях Заславля // Археологические открытия 1979 г. – М. : Наука, 1980. – С. 362.

Работы Заславльского отряда // Археологические открытия 1980 г. – М. : Наука, 1981. – С. 335–336.

К истории изучения древнего Изяславля // Древности Белоруссии и Литвы. – Минск : Наука и техника, 1982. – С. 110–116.

Работы Заславльского отряда // Археологические открытия 1981 г. – М. : Наука, 1983. – С. 349.

Гарадзішча Замэчак у Заслаўі // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1983. – № 3. – С. 70–76.

Курганный могильник Изяславля // Древнерусское государство и славяне. – Минск : Наука и техника, 1983. – С. 36–40.

Раскопки посада Изяславля // Археологические открытия 1982 г. – М. : Наука, 1984. – С. 365.

Беларуская кафля з выявай чалавека // Мастацтва Беларусі. – 1983. – № 3. – С. 53–55 (у сааўт. з В. М. Ляўко).

Работы в Изяславле // Археологические открытия 1983 г. – М. : Наука, 1985. – С. 390–391.

Таямніцы геральдыкі : Датаванне некаторых тыпаў заслаўскай кафлі // Мастацтва Беларусі. – 1985. – № 8. – С. 68–71.

Зброя блізкага бою, рыштунак коніка і верхавога каня з раскопак Заслаўя // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – С. 183–190.

Раскопки в Минске // Археологические открытия 1984 г. – М. : Наука, 1986. – С. 386–389 (в соавт. с Г. В. Штыховым, М. Ф. Гуриным).

Исследования в Минске и его округе // Археологические открытия 1986 г. – М. : Наука, 1988. – С. 386–389 (в соавт. с Г. В. Штыховым, З. С. Позняком).

Минская брама XII ст. // Помнікі культуры Беларусі : Новыя даследванні – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – С. 174–179.

Керамическая посуда Заславля // Сярэдневекавыя старажытнасці Беларусі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 107–118.

Дзейнасць Заслаўска-Мінскага атрада // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1993. – № 1. – С. 123–125.

Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Полоцкий летописец. – 1993. – № 1(2). – С. 5–11.

Мінская зямля : Этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1993. – С. 132–147.

Проблема возникновения Минска и поселения на р. Менка в свете исследования их округи // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый : матэрыялы канф. – Магілёў, 1994. – С. 165–167.
Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065–1069 гг. : от Пскова до Белгорода // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 88–113.
У истоков белорусской государственности : у 2 ч. // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Усебеларус. канф. гісторыкаў. – Мінск : Універсітэтскае, 1994. – Ч. 1 : Гісторыя Беларусі. – С. 24–28.
Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.) : по материалам Заславского курганного могильника // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – № 8. – С. 129–147.
Анусинские курганы // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. № 10. – С. 43–57.
Заславль в эпоху феодализма // Беларусістыка : рэферат. зб. : Гуманітарныя і сацыяльныя навукі. – Мінск, 1996. – № 28. – С. 41–52.
Основные итоги археологического изучения Заславля // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 48–50.
Новые археологические исследования Заславля // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 50–56.
История белорусских земель X – первой половины XIII в. в отображении летописей и хроник Великого княжества Литовского // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 85–91.
О постройке с изразцовыми печами возле княжеского терема в Полоцке // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 92–102.
Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. // Беларусістыка : рэферат. зб. : Гуманітарныя і сацыяльныя навукі. – Мінск, 1997. – № 29. – С. 84–86.
Роль земледелия и животноводства в хозяйстве горожан Беларуси в X–XIII вв. // Труды VI Междунар. конгр. славян. археолог. – М., 1998. – Т. 4 : Общество, экономика, культура и искусство славян. – С. 61–69.
К вопросу о достоверности татищевского рассказа о Святохне // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 106–115.
Друцк и Друть // Материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 18–24.
Новые археологические исследования Верхнего города Минска // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2001. – № 16. – С. 151–166.
Эволюция системы расселения в центральной Белоруссии в X–XVIII вв. (на примере Лошицкого микрорегиона) // Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий : Междунар. науч. конф. (докл. и сообщ.), Могилев, 30 янв.–1 февр. 2002 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2002. – С. 193–201.
К вопросу о времени зарождения и первоначальной топографической структуре г. Гродно (летописного Городно) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2003. – № 7. – С. 20–22.
Великий князь литовский Витовт как политик, военный и государственный деятель // Труды БГТУ. – Минск, 2003. – Сер. V, вып. XI. – С. 42–52.
Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. – С. 118–126.
Земли-княжения и уделы периода феодальной раздробленности на территории Беларуси в историков и археологов // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі : у 3 ч. : матэрыялы Рэспубл. навук.-практ. канф., Мінск, 28 лістап. 2003 г. – Мінск : Вучэбна-выдавецкі цэнтр БДПУ, 2003. – С. 15–23.
Правовой аспект взаимоотношений князей полоцкого и киевского домов (985–1129 гг.) // Беларусь Україна : гістарычны вопыт узаемаадносін : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сакав. 2003 г. – Мінск, 2004. – С. 59–63.
Деятельность краеведческих обществ в первой трети XX в. (организационное оформление краеведческого движения в Беларуси) // Труды БГТУ. – Минск, 2004. – Сер. V, вып. XII. – С. 40–45.
К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 9 : Древности Белоруссии (железный век и средневековье). – С. 26–31.
Результаты разведочных работ на территории неукрепленной феодальной усадьбы Лошица Сухая // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 9 : Древности Белоруссии (железный век и средневековье). – С. 188–194.
Сельские поселения и курганные могильники Менской земли в верхнем течении рек Птичь и Свислочь // Шляхі магілёўскай гісторыі : зб. навук. прац удзельнікаў IV Міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». – Магілёў, 2005. – С. 15–20.
Е. Р. Романов – один из зачинателей изучения периода позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) в Беларуси // «Открыть миру душу белоруса…» : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысв. 150-годдзю з дня нараджэння Е. Р. Раманава, Гомель, 25–26 кастр. 2005 г. – Гомель, 2005. – С. 45–47.

Археологические памятники Менской земли (курганные могильники и селища) в верхнем течении рек Птичь и Свислочь // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2006. – Вып. 11 : Древности Беларуси в системе международных связей. – С. 114–117.

О прототипе изображения на лицевой пластине изразца XVII в. из Тупичевского монастыря в г. Мстиславле // Религия и общество : актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов / под общ. ред. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2008. – С. 84–90.

Менск на Свислочи конца XI – XIII в. : проблема формирования поселенческой структуры // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – С. 23–30.

Новые памятники археологии в пределах городской черты Минска (правый берег Свислочи) // Древняя история восточной Европы : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загорульского. – Минск : БГУ, 2009. – С. 55–67.

Тэзісы дакладаў

К вопросу о происхождении Изяславля // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР : тез. докл. республ. конф. молодых ученых, Киев, апр. 1981 г. – Киев, 1981. – С. 118.

Менская волость-удел в X–XII вв. // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : тез. докл. конф. – Полоцк, 1987. – С. 21–22.

Сельское население Менской волости-удела X–XIII вв. // Сельское хозяйство : история, современный опыт и перестройка : тез. докл. конф. – Минск, 1988. – С. 15–17.

Новые данные об оборонительных сооружениях Менска второй половины XI – XII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли : тез. докл. науч.-практ. конф. – Псков, 1988. – С. 77–79.

Об одной группе погребений Заславского курганного могильника // Археология и история Пскова и Псковской земли : тез. докл. науч.-практ. конф. – Псков, 1990. – С. 55–56.

Сельские поселения на р. Лошица // Древнерусская деревня. Археологическое исследование микрорегионов : тез. докл. науч. конф. – М., 1991. – С. 20–21.

Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : тэз. дакл. навук. канф., прысвеч. 1130-годдзю Полацка. – Полацк, 1992. – С. 23–24.

Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материалам археологии) // Тэз. дакл. навук. канф., прысвеч. 1000-годдзю Полацкай епархіі праваслаўнай царквы на Беларусі, Мінск, 25 верас. 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 21–22.

У истоков белорусской государственности // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Тэз. дакл. і паведамленняў Усебеларус. канф. гісторыкаў. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 27–29.

К вопросу о сельском населении Изяславского удела Полоцкой земли в X–XII вв. // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў : тэз. дакл. Міжнар. канф. – Мінск, 1993. – С. 50–53.

Роль земледелия и животноводства в хозяйстве горожан Беларуси в X–XIII вв. // Тэз. дакл. і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнар. кангр. славянскай археалогіі, Ноўгарад, 26–31 жн. 1996 г. – Мінск, 1996. – С. 28–30.

Рэцэнзіі

Новае даследаванне па археалогіі Старога замка ў Гародні // Крыўя, 1996. – № 1. – С. 97–111. – Рэц. на кн. : Трусаў, А. А. Стары замак у Гродне. XI–XVIII стст. : гістар.-археалаг. нарыс / А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 152 с. : іл.

Адлюстраванне міфа ці міфатворчасць? // Мастацтва, 1996. – № 8. – С. 62–64. – Рэц. на музейную экспазіцыю : «Мара аб Заслаўі» ў дзяржаўным гісторыка-культурным запаведніку «Заслаўе».

Беларускі гістарычны агляд. – 1998. – Т. 5, сш. 1(8). – С. 242–257. – Рэц. на кн. : Гісторыя сялянства Беларусі са старажытых часоў да 1996 г. : у 3 т. – Мінск, 1997. – Т. 1 : Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. – 431 с.

Навукова-метадычныя публікацыі

Паходжанне беларусаў // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – С. 4–9.

Праблема дзяржаўнасці ва ўсходніх славян і на беларускіх землях у курсе гісторыі для 10-га класа сярэдняй школы // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – С. 9–16.

Распаўсюджванне хрысціянства на беларускіх землях // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – С. 16–21.

Узнікнене і развіццё ўсходнеславянскіх і старабеларускіх гарадоў (да канца XIII ст.) // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997.

Артыкулы ў энцыклапедычных выданнях

Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1985. – Т. 2. – Са зместу : Заслаўская кафля (с. 494–495); Заслаўская кераміка (с. 496).

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мінск : БелСЭ, 1985. – Са зместу : В. Бор, курганный могільнікі (с. 276); в. Занькі, курганны могільнік (с. 279); в. Звязда, гарадзішча, курганныя могільнікі, курган (у сааўт. з А. Р. Мітрафанавым) (с. 281, 283).

Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск : БелСЭ, 1986. – Т. 3. – Са зместу : Кастрыца (с. 581).

Збор помнікаў гісторыі і культры Беларусі. Мінская вобласць. – Мінск : БелСЭ, 1987. – Кн. 1. – Са зместу : в. Аздяцічы, гарадзішча, курганныя могільнікі (у сааўт. з Г. В. Штыхавым) (с. 62–63); в. Бягі, курганны могільнік (с. 65); в. Гара, курган (с. 66); в. Вяляцічы, курганныя могільнікі (с. 67); в Ніўкі, курганныя могільнікі (у сааўт. з Г. В. Штыхавым) (с. 78); г. Дзяржынск, гарадзішча (с. 81); в. Баравікі, курганны могільнік (с. 163); в. Грычына, курганныя могільнікі (с. 165–166); в. Каменка, гарадзішча, селішчы, курганны могільнік (с. 169); в. Курганне, курганныя могільнікі, курган (с. 170); в. Леніна, курган (с. 171); в. Лукашына, курганны могільнік (с. 172); в. Навасады, гарадзішча, селішчы, курганныя могільнікі (с. 173); в. Павуссе, курганныя могільнікі, в. Перхурава, курганны могільнік (с. 174); в. Радзіма, курганныя могільнікі, в. Ружампаль, курган; в. Скварцы, курган, в. Слабодка, курганныя могільнікі (с. 175); в. Старая Рудзіца, гарадзішча, в Цяўлава, курган, в. Чэрнікаўшчыны, курганны могільнік, курган (с. 177); в. Шпількі, курганны могільнік (с. 178); в. Шыкатавічы, курган (с. 179).

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. – Мінск : БелСЭ, 1987. – Са зместу : В. Анусіна, курганны могільнік (у сааўт. з Э. М. Зайкоўскім) (с. 42); Заслаўе : горад (у сааўт. з В. Б. Караткевіч, Т. І. Чарняўскай), бескурганны могільнік, гарадзішча Вал, гарадзішча Замэчак, курганны могільнік (с. 46–48, 48–49, 49–51).

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. – Мінск : БелСЭ, 1988. – Са зместу : г. Мінск : рэшткі замка, селішча, курганны могільнік, курган (у сааўт. з Г. В. Штыхавым) (с. 65–67, 68, 147–148).

Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1987. – Т. 4. – Са зместу : Пацеркі (с. 229–230).

Архітэктура Беларусі : энцыкл. даведнік. – Мінск : БелСЭ, 1993. – Са зместу : Заслаўе (у сааўт. з Р. А. Арцёмчыкам) (с. 220–221); Мінская брама (с. 319).

Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. – Мінск : БелЭн, 1993. – Са зместу : Анусіна (с. 40); Барздынь (с. 46); Бранзалет (у саўт. з С. Я. Расадзіным, Т. С. Скрыпчанка) (с. 94–95); Васілеўшчына (с. 116), Вяляцічы (с. 146–147); геральдыка (у сааўт. з Г.В. Штыхавым) (с. 170); Грычына (с. 200); Дворышча (с. 214); Доўбарава (с. 229–230); Дружба (с. 233–234); Дудаўка (с. 243); Заслаўе (с. 264–265); Заслаўскае гарадзішча «Замэчак» (с. 265); Заслаўскі бескурганны могільнік (с. 265); Заслаўскі замак (с. 265–267); Заслаўскія курганныя могільнікі (с. 267–268); Каменка (с. 298); Клінок (с. 331–332); Лошыцкія могільнікі (с. 374); Мінская брама (с. 430); Міцуры (у саўт. з Г. В. Штыхавым) (с. 439); Навасады (с. 456); Нож (у сааўт. з В. Я. Кудрашовым, С. Я. Расадзіным) (с. 466–467); Пацеркі (с. 492); Пашкавічы (с. 492–493); Пятроўшчына (с. 526); Сенніца (с. 561–562); Чэрнікаўшчына (с. 648).

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. – Са зместу : Барысаўскі раён (у сааўт. з Кіберман) (с. 322–323).

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1994. – Т. 2. – Са зместу : Бранзалет (у сааўт. з С. Я. Расадзіным, Т. С. Скрыпчанка) (с. 65); Вяляцічы (с. 439).

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 3. – Са зместу : Глябовічы (с. 53); Заслаўе (с. 410); Заслаўскі замак (с. 411–412); Ізяслаўскае княства (с. 478).

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1997. – Т. 5. – Са зместу : Кіеўскае паўстанне 1068–1069 гг. (с. 167–168).

Энцыклапедыя ВКЛ. – Мінск : БелЭН, 2005. – Т. 1. – Са зместу : Глябовічы (с. 540); Заслаўскі замак (с. 648–649).

Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. – Мінск : БелЭН, 2009. – Т. 1. – Са зместу : Абарончыя збудаванні (с. 23); Азярышча (с. 25); Анусіна (с. 36); Барздынь (с. 86); Бастыён (с. 91); Бастэя (с. 91); Брама (с. 113–114); Бранзалет (с. 114–115); Брылеўшчына (с. 122); Васілеўшчына (с. 147); Вежа (с. 153); Гарадзішча (с. 222–223); Геральдыка (с. 237–238); Грычына (с. 272–273); Дворыцкая Слабада (с. 295–296); Дворышча (с. 296); Дзяржынскі (Койданаўскі) замак (с. 303); Дзядзінец (с. 303–304); Дружба (с. 315–331); Дуброва (с. 326); Дудаўка (с. 327); Жужлянка (с. 326–327); Забарола (с. 345); Замак (с. 351); Заслаўе (с. 361–362); Заслаўскае Гарадзішча «Замэчак» (с. 362–363); Заслаўскі бескурганны могільнік (с. 363); Заслаўскі Дзяржаўны гісторыка-культурны запаведнік (с. 363); Заслаўскі замак (с. 363–364); Заслаўскія курганныя могільнікі і курганы (с. 364–366); Іказненскі замак (с. 382); Каменка (с. 404–405); Канвентхаўз (с. 416); Кангрэсы МУСА (с. 416–417); Кастэль (с. 42); Кіеўская Русь (с. 444–446).

Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. – Мінск : БелЭН імя Петруся Броўкі, 2011. – Т. 2. – Са зместу : Лецкаўшчына (с. 14); Ліпень (с. 17); Лошыцкія курганныя могільнікі (с. 25); Лошыцкія селішчы (с. 25); Мінская брама (с. 79); Навасады (с. 120); Пацеркі (с. 178–179); Пашкавічы (с. 179); Усціж (с. 370); Чэрнікаўшчына (с. 408–409).

Навукова-папулярныя выданні

Зямля нашых продкаў. Помнікі археалогіі. У складзе Полацкай дзяржавы // Памяць : гіст.-дакумент. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінскі раён. – Мінск : БелЭн, 1988. – С. 23–32, 33–37, 40–45.

Зямля нашых продкаў. Археалагічныя помнікі Заслаўя. Заславская кафля. У складзе Полацкай дзяржавы. Заслаўе ў складзе Вялікага Княства Літоўскага. Заслаўе ў складзе Рэчы Паспалітай // Памяць : гіст.-дакумент. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. г. Заслаўе. – Мінск : БелТА, 2000. – С. 20–52, 59–77.

Лошыцкія могільнікі. Курганы Рылаўшчыны. Бітва на Чарэсе і Нямізе. Цэнтр воласці, удзельнага княства, зямлі. Брама // Памяць : гіст.-дакумент. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. г. Мінск : у 4 кн. – Мінск : БелТА, 2001. – Кн. 1. – С. 45, 45–46, 70–71, 82–83. 106–107.

Помнікі археалогіі : Баравікі, Васілеўшчына, Вялікія Навасёлкі, Глухое Перхурава, Грычына; Забалоцце, Зарэчнае, Каменка; Крысава, Курганне, Курганы, Леніна, Лукашына, Машніца, Мезенаўка, Мораўшчына, Навасады, Павуссе, Перацяткі, Путчына, Перхурава, Радзіма, Ружампаль, Скварцы, Слабодка, Цяўлава, Чэрнікаўшчына, Шпількі, Шыкатавічы // Памяць : гіст.-дакумент. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Дзяржынскі раён. – Мінск : БелТА, 2004. – С. 27–29, 30–35, 35–36, 37–38.

Заславль : знакомый и незнакомый // Архитектура и строительство. – 2006. – № 2. – С. 82–85.

Примирить город и историю // Архитектура и строительство. – 2008. – № 9. – С. 14–19.

АРТЫКУЛЫ

УДК 27-9(476)

Ю. А. Заяц, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, старшы навуковы супрацоўнік аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)*

Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі

У гісторыі Беларусі, як і ў гісторыі іншых краін Еўропы, адной з найбольш значных падзей было прыняцце і распаўсюджванне хрысціянскай рэлігіі. У вывучэнні гэтай з'явы вызначальнымі з'яўляюцца наступныя праблемы:

– час зацвярджэння хрысціянства ў якасці афіцыйнай (дзяржаўнай) рэлігіі;

– распаўсюджванне новай веры ў часе і прасторы;

– умацаванне, ці ўкараненне новай веры сярод насельніцтва, тое, што ў багаслоўскай традыцыі называецца «глыбінёй схілення да веры».

Немалаважным з'яўляецца таксама пытанне аб адносінах да новай рэлігіі розных сацыяльных пластоў насельніцтва, а для тэрыторый з поліэтнічным насельніцтвам – і пытанне аб успрыманні новай веры прадстаўнікамі розных плямён (этнасаў). Для дзяржаў і тэрыторый, якія параўнальна позна ўспрынялі хрысціянства, значнай з'яўляецца таксама праблема аб шляхах яго пранікнення, гэта значыць аб тым, ад каго непасрэдна (краіна, місія) было яно ўспрынята.

У беларускай гістарычнай навуцы большасць гэтых пытанняў, калі не сказаць «усе», не атрымалі адпаведнай распрацоўкі, прыкладам чаго з'яўляюцца сучасныя навуковыя, навукова-папулярныя выданні, а таксама падручнікі. Асноўнымі недахопамі гэтых выданняў і прац з'яўляюцца ігнараванне рускіх, расійскіх, украінскіх і польскіх даследаванняў па праблеме і адсутнасць комплекснага падыходу і навуковай аб'ектыўнасці ў выкарыстанні і ацэнцы ўсяго комплексу крыніц.

Неабходна адзначыць, што пісьмовыя крыніцы, якія з'яўляюцца асноўнай базай шмат якіх даследаванняў, характарызуюцца малой інфарматыўнасцю (асабліва для тэрыторыі Беларусі) і пэўнай супярэчлівасцю звестак. Археалагічныя крыніцы, больш шматлікія, даюць звесткі ўскоснага характару, якія дазваляюць па-рознаму іх інтэрпрэтаваць.

Большасць даследчыкаў зыходзяць з таго, што падчас увядзення вялікім князем Уладзімірам хрысціянства ў якасці афіцыйнай (дзяржаўнай) рэлігіі, амаль уся тэрыторыя Беларусі, у тым ліку і Полацкае княства, уваходзіла ў склад Кіеўскай Русі, і таму дата прыняцця хрысціянства Кіеўскай Руссю ёсць таксама і датай хрышчэння беларускіх земляў. З гэтай думкай трэба пагадзіцца, таму што ніякіх слушных звестак і доказаў аб хрысціянізацыі ранніх дзяржаўных утварэнняў, якія існавалі на тэрыторыі Беларусі, няма.

Не выклікае сумнення інфармацыя «Аповесці мінулых гадоў», што Кіеўская Русь прыняла хрысціянства ў яго ўсходнім варыянце (праваслаўе) ад Візантыйскай царквы. Версіі аб прыняцці праваслаўя ад аўтакефальнай Ахрыдскай царквы [12, с. 35–38, 42–45] звычайна рэанімiруюцца, калі ўзнікаюць ідэі стварэння ў той ці іншай сучаснай дзяржаве альбо яе частцы царквы, адасобленай ад Маскоўскай патрыярхіі, і патрабуецца абгрунтаваць гэтыя намеры гістарычнымі прыкладамі. Аднак ніякіх слушных доказаў гісторыкі, якія спрабуюць зрабіць падобнае абгрунтаванне, у сваіх публікацыях не прыводзяць, а хутчэй, не ў стане прывесці.

Даследаванні, новыя пераклады і прачытанні расійскімі гісторыкамі прац візантыйскіх і арабскіх аўтараў пераканаўча паказалі, што хрышчэнне вялікім князем Уладзімірам жыхароў сталіцы Кіеўскай Русі – акт, які сімвалізаваў хрысціянізацыю краіны, адбыўся менавіта ў 988 г., верагодна, 1 жніўня [1, с. 39, 46; 13, с. 46].

Аднак гэтая дата не тлумачыць ні хуткага і паспяховага распаўсюджвання хрысціянства ва Усходняй Еўропе, ні наяўнасці раней за 988 г. хрысціянскіх храмаў і святароў у Кіеве і некаторых іншых гарадах Усходняй Еўропы. З другога боку, паколькі новую рэлігію князь Уладзімір успрыняў ад Візантыі, незразумелым застаецца замоўчванне гэтай падзеі візантыйскай гістарыяграфіяй і канстанцінопальскай патрыярхіяй. Прычыну гэтага пераканаўча паказаў польскі даследчык Анжэй Поппэ: афіцыйная візантыйская гістарыяграфія адносіць хрышчэнне Русі да IX ст., калі пры патрыярху канстанцінопальскім Фоціі кіеўскі князь Аскольд – прыблізна у 867 г. (гісторык рускай царквы Е. Голубінскі адносіў хрышчэнне Русі Аскольда да 860 г., яго датаванне прыняў і М. Ю. Брайчэўскі [2, с. 35; 3, с. 279–280]), прыняў хрышчэнне, а потым пачаў распаўсюджваць яго сярод падуладных яму плямёнаў [11, с. 205]. (Аб гэтым паведамляецца ў акруговым пасланні канстанцінопальскага патрыярха Фоція да ўсходніх патрыярхаў, а таксама і ў жыццяпісанні імператара Васіля І Македонскага, якое склаў каля 950 г. імператар Канстанцін Парфірагенет.) Дарэчы, згадван-

не ў царкоўным статуце князя Уладзіміра патрыярха Фоція вымушае меркаваць, што на справе гэты статут быў прыняты яшчэ пры князі Аскольдзе. Таму слушнай падаецца думка вядомага ўкраінскага гісторыка М. Ю. Брайчэўскага, што шматлікія анахранізмы, якія маюцца ў пасланні Фоція да князя Уладзіміра, ліквідуюцца, калі пагадзіцца з тым, што сапраўдным адрасатам Фоція быў князь Аскольд [2, с. 31, 35].

Князь і адначасова язычніцкі святар Алег пасля таго, як ён захапіў Кіеў і забіў князя Аскольда, аб'яднаў Паўднёвую (Кіеўскую) і Паўночную (Наўгародскую) федэрацыі, альбо канфедэрацыі, у адзіную дзяржаву – Русь, са сталіцай у Кіеве. Ён жа вярнуў язычніцтву статус афіцыйнай веры, але хрысціянскія храмы пры Алегу і яго наступніках, як сведчаць летапісы, захоўваліся і функцыянавалі, захоўвалася і руская мітраполія. Відавочна, што праваслаўная царква на Русі, існаваўшая не з канца X ст., а амаль з паловы IX ст., працягвала місіянерскую дзейнасць сярод усходніх славян, чаму садзейнічала і мэтанакіраваная палітыка Візантыі: згодна з дамовамі паміж Кіевам і Канстанцінопалем усе пасольствы і караваны гандляроў, якія прыязджалі ў сталіцу Візантыі з Кіеўскай Русі, павінны былі размяшчацца на падвор'і царквы (манастыра) св. Мамонта. Пісьмовыя крыніцы фіксуюць не толькі наяўнасць хрысціянскіх храмаў у Кіеве, але і згадваюць хрысціян у княскай дружыне, паведамляюць аб асабістым хрышчэнні княгіні Вольгі, якая працяглы час кіравала дзяржавай [10, с. 20, 25, 35, 38, 39]. Спрыяў распаўсюджванню хрысціянскай веры сярод усходніх славян і прыток місіянераў з Панонii і Маравіі, дзе хрысціянства прапаведвалі св. Кірыл і Мяфодзій, а таксама місіянеры з Ірландыі , якія да XI ст. былі бліжэй да Візантыйскай, чым да Рымскай царквы і якіх у сярэдневякоўі называлі «грэкамі» [8, с. 49–51, 62; 9, с. 13–14]. Пасля разгрому Вялікай Маравіі венграмі і ганенняў на праваслаўе, якое пасля таго, як у 885 г. памёр св. Мефодзій, пачалі нямецкія і рымскія святары, а таксама мясцовыя правіцелі, якія трапілі пад іх уплыў, паслядоўнікі Кірыла і Мяфодзія шукалі прытулку ў Балгарыі і Кіеўскай Русі, дзе яны садзейнічалі распаўсюджванню і ўмацаванню праваслаўя. Відавочна, што хрышчэнне Кіеўскай Русі Уладзімірам разглядалася Канстанцінопалем хутчэй як аднаўленне дзяржаўнага статусу хрысціянскай рэлігіі і царквы на землях усходніх славян. Гэты наш тэзіс блізкі да думкі А. Поппэ, які лічыць: «похоже, что во время восстания Варда Фоки светские и церковные власти обращались к Руси как к христианской, а имевшие место события рассматривали не более как личное крещение Владимира и вместе с ним тех русов, которые раньше не были крещены» [11, с. 205].

Не даводзіцца сумнявацца, што на тэрыторыю Беларусі хрысціянства таксама прыйшло ва ўсходняй праваслаўнай форме. Усе спробы некаторых аўтараў давесці, што адначасова хрысціянства тут распаўсюджвалі і выхадцы са Скандынаўскіх краін, не заслугоўваюць даверу, як і інфармацыія «Сагі пра Олава Тругвасона» аб схіленні падлеткам Олавам кіеўскага князя Уладзіміра да хрышчэння.

Было б, аднак, некарэктным гаварыць пра «другое, ці паўторнае хрышчэнне» Русі пры князі Уладзіміры, бо яго дзяржава і тэрыторыя і колькасцю і складам насельніцтва была прынцыпова іншай, чым тая, якой у IX ст. уладарыў князь Аскольд.

Трэба адзначыць, што вяртанне усходнеславянскай дзяржавы да язычніцтва пасля хрышчэння ў 860-я гады не было нейкай выключнай з'явай, уласцівай выключна усходнім славянам – падобныя працэсы мелі месца і ў іншых краінах Еўропы падчас іх хрысціянізацыі: так, у Польшчы пасля смерці караля Мешкі II (1034 г.) успыхнула народнае паўстанне, якое суправаджалася вяртаннем да язычніцтва; у канцы XI ст. швецкі кароль Свейн аднавіў звычай крывавых ахвярапрынашэнняў; польскі кароль Баляслаў II у 1079 г. уласнай рукой забіў у храме кракаўскага біскупа Станіслава; у Нарвегіі, якая прыняла хрысціянства ў канцы X ст. пры Олаве Тругвасоне, у XII ст. пачалася сапраўдная грамадзянская вайна, альбо рух «біркебейнераў» («берасценікаў»), што змагаліся супраць узмацнення дзяржаўнай улады, узвышэння свецкай і духоўнай знаці, які супаў з супрацьстаяннем свецкай і царкоўнай уладзе, а на Балтыйскім Памор'і падчас паўстання 983 г. супраць нямецкіх феадалаў былі разгромлены хрысціянскія абшчыны [4, с. 62–64, 85; 5, с. 203–213; 9, с. 15; 13; 14]. Падобнага супраціўлення хрысціянізацыі не ведалі ні Кіеўская Русь, ні Полацкая зямля, ні іншыя тэрыторыі Беларусі. Звычайна значныя выступленні супраць новай веры пад кіраўніцтвам язычніцкіх святароў – валхвоў – мелі месца пераважна на ўскраінах Кіеўскай дзяржавы, дзе працэс распаўсюджвання хрысціянства супаў з працэсам рассялення усходніх славян сярод неславянскага насельніцтва, ці ў землях з поліэтнічным насельніцтвам, такіх, як Наўгародская.

Відавочна, што перыяд неафіцыйнага статусу хрысціянскай царквы ў Кіеўскай Русі быў даволі плённым для яе місіянерскай дзейнасці. Хрысціянскі храм з'явіўся нават у аддаленым ад Кіева Ноўгарадзе: апавяданне Іякімаўскага летапісу, які у сваёй працы выкарыстоўваў і цытаваў В. Н. Тацішчаў, сведчыць, што, калі пасланыя вялікім князем Уладзімірам Дабрыня і Пуцята пачалі гвалтоўна хрысціць наўгародцаў, у горадзе ужо былі хрысціяне і існавала драўляная царква Ператварэння Гасподняга,

якая, зразумела, была пабудавана раней за 989 г. Падзеі, апісаныя Іякімаўскім летапісам, былі пацверджаны археалагічнымі раскопкамі [17, с. 50, 54–56]. Менавіта пад уплывам хрысціянства адбывалася адмова язычнікаў ад звычаю трупаспальвання пры пахаваннях у курганах, прычым, як слушна паказалі ўкраінскія і расійскія даследчыкі, працэс гэты пачаўся яшчэ да 988 г. У гэты ж перыяд і пазней у язычніцкіх курганных пахаваннях, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі, сярод язычніцкіх амулетаў і абярэгаў з'яўляюцца нацельныя крыжыкі, што, на нашу думку, сведчыць аб прызнанні язычнікамі, ці нейкай часткай іх, пры захаванні імі асноў сваёй веры і прыхільнасці да яе, моцы хрысціянскай веры і хрысціянскага бога.

Амаль адразу пасля хрышчэння дзяржавы і сваёй сям'і вялікі кіеўскі князь Уладзімір перавёў свайго сына Ізяслава з правінцыйнага пагранічнага гарадка Ізяслаўля на Полацкі княскі стол. Ізяслаў памёр маладым у 1001 г., уладу прынялі яго маленькія дзеці – спачатку Усяслаў, а потым, у 1003 г., Брачыслаў. У гэтых абставінах паспяховае распаўсюджванне хрысціянства ў Полацкай зямлі магло адбывацца толькі пры падтрымцы баярства, дружыны і ўплывовых гараджан – гандляроў і рамеснікаў. Пісьмовыя крыніцы нічога не гавораць аб працэсе хрысціянізацыі Полацкай зямлі, больш інфармацыйнымі па гэтай праблеме з'яўляюцца археалагічныя крыніцы. Параўнанне колькасці кургановых (язычніцкіх) пахаванняў у курганным могільніку горада Ізяслаўля з колькасцю насельніцтва горада, якое пастаянна расло (што вынікае з пашырэння гарадской тэрыторыі), паказала, што ўжо да паловы XI ст. язычніцкі кургановы пахавальны абрад (дарэчы, вельмі кансерватыўны) адмірае, што сведчыць аб поўнай хрысціянізацыі пераважнай колькасці гарадского насельніцтва [6, с. 22]. Між іншым, Ізяслаўль (Заслаўе) і яго акруга (валасць), якія знаходзіліся на перыферыі Полацкай зямлі, былі хутчэй выключэннем, чым правілам: у суседняй з імі Менскай воласці (у X ст., магчыма, перыферыя Тураўскага княства) насельніцтва ўпарта трымалася за язычніцкі абрад пахавання, бадай, на працягу ўсяго XI ст. Пра марудны працэс пранікнення сюды хрысціянства сведчыць тое, што у канцы X – пачатку XI ст. сярод насельніцтва Менскай воласці толькі пачынае распаўсюджвацца хрысціянскі звычай пахавання ў курганах [7, с. 115–116]. Вельмі верагодна, што прыкладна такімі ж тэмпамі, як і ў Ізяслаўлі, працэс хрысціянізацыі ішоў у іншых гарадах Беларусі, пра што сведчыць будаўніцтва храмаў і манастыроў, рэшткі якіх адкрыты і вывучаны археолагамі ў Полацку, Віцебску, Мінску, Гродне, Тураве, Друцку, Ваўкавыску, Навагрудку, і знаходкі ў культурным пласце гарадоў прадметаў хрысціянскага культу. Сцвярджэнні некаторых аўтараў аб схільнасці да язычніцтва ці двухвер'я некаторых полацкіх князёў супярэчаць добра вядомым фактам ці засноўваюцца на памылковай іх трактоўцы.

У вясковай мясцовасці хрысціянізацыя адбывалася больш марудна, што тлумачыцца недахопам святароў і аддаленасцю шмат якіх вёсак і сёл ад гарадоў, якія былі цэнтрамі распаўсюджвання новай веры. Таму ў вёсках язычніцкія пахавальныя звычаі і абрады захоўваліся яшчэ ў XII ст., а дзе-нідзе нават і пазней. Трэба мець на ўвазе, што некаторыя язычніцкія культы былі цесна звязаны з земляробствам, жывёлагадоўляй, некаторымі промысламі і іх абрады ўспрымаліся як неабходная і неад'емная частка падрыхтоўкі да працы, і таму былі вельмі жывучыя.

Аналіз вядомых нам археалагічных матэрыялаў дазваляе канстатаваць, што ў XI ст. паспяхова адбывалася хрысціянізацыя не толькі Полацкай зямлі, дзе больш-менш значныя астраўкі язычніцтва захоўваліся пераважна на паўночных і паўночна-заходніх ускраінах, на якіх славянскае насельніцтва яшчэ не з'яўлялася колькасна дамінуючым. На іншых абшарах беларускай тэрыторыі, за выключэннем шырокай паласы правабярэжнага Гродзенскага Панямоння, у глыб якога яшчэ толькі пачалі пранікаць паселішчы ўсходніх славян, з'яўляецца ўсе больш хрысціян.

І яшчэ некалькі значных праблем у гісторыі хрысціянізацыі – праблема ўзаемаадносін царкоўнай (духоўнай) і свецкай уладаў, а таксама праблема адпаведнасці вайсковай службы і прыналежнасці да ваеннага саслоўя нормам і патрабаванням новай рэлігіі. У беларускай гістарыяграфіі, як і ў расійскай і ўкраінскай, амаль наогул не закранаецца праблема адаптацыі ўлады і грамадства да нормаў і дагматаў хрысціянства, якая была вельмі актуальная ў Візантыі і ў шмат якіх краінах Заходняй Еўропы. У межах былой Заходнерымскай імперыі першая праблема вырашылася на карысць царквы – улада намесніка прастола св. Пятра лічылася вышэйшай за каралеўскую і нават імператарскую, хоць асобныя канфлікты паміж папскай і імператарскай уладай мелі месца яшчэ ў II тысячагоддзі н. э. У заходнееўрапейскіх краінах, якія далучыліся да хрысціянскага свету пазней, ідэалам лічылася магутная каралеўская ўлада, якая б забяспечвала мір і парадак, кіруючыся ўказаннямі біскупаў. Галоўнымі абавязкамі караля лічыліся абарона царквы і людзей царквы, а таксама ўсіх слабых і безабаронных: удоў, сірот, дзяўчат і жанчын. Менавіта з рук біскупаў пры абрадзе каранацыі кароль атрымліваў сімвалы сваёй

годнасці і ўлады: карону, скіпетр, дзяржаву і меч [16, с. 24, 139].

Ва Усходнерымскай імперыі, а потым і ў Візантыі свецкая ўлада імператара лічылася вышэйшай за ўладу канстанцінопальскага патрыярха. Магчыма, менавіта гэта схіліла ўладалюбівага Уладзіміра пры выбары ім веры на карысць Канстанцінопаля. Тым не менш пісьмовыя крыніцы ўтрымліваюць звесткі, якія сведчаць аб тым, што ў Кіеўскай Русі (у складзе якой знаходзілася большая частка тэрыторыі Беларусі, за выключэннем Полацкай зямлі), свецкая (княская) улада (нават вярхоўная) знаходзілася калі не ў залежнасці, то пад моцным уплывам царкоўных іерархаў. Нават калі князя на той ці іншы прастол запрашала веча, узаемныя абавязацельствы («рад») абодвух бакоў замацоўваліся абрадам «крыжацалавання», які падразумяваў прысутнасць і ўдзел прадстаўнікоў царквы. Таму можна з упэўненасцю казаць, што ўплыў царквы на свецкую (княскую) уладу быў значным менавіта ў землях і гарадах з моцным вечавым ладам, такіх, як Ноўгарад і Полацк. Пісьмовыя крыніцы апавядаюць пра адпаведнасць вялікага кіеўскага князя Уладзіміра пасля прыняцця ім хрышчэння ідэалам хрысціянскага правіцеля. Так, «Аповесць мінулых гадоў» расказвае пра будаўніцтва ім храмаў і клопат пра абарону краіны ад знешніх ворагаў, пра падтымку міра з суседнімі краінамі і клопаты аб хворых, нямоглых і жабраках, якім падчас княскіх піроў ён загадваў не толькі раздаваць харчы, але і развозіць іх па горадзе для тых, хто не ў стане сам прыйсці на княскі двор. Паколькі князь пад уплывам новай веры зрабіўся залішне мяккім і не караў смерцю, гэта прывяло да павелічэння ў краіне разбояў. У 996 г. епіскапы вымушаны былі тлумачыць князю, што ён «поставленъ еси от бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Пазней яны ж прапанавалі князю замяніць смяротную кару вірамі (штрафам) [10, с. 86–87]. Усё гэта дазваляе меркаваць, што і ва ўсходнеславянскіх краінах, як і ў заходнееўрапейскіх, пасля прыняцця хрысціянства свецкая ўлада ў пэўнай ступені адчувала ўплыў царквы і царкоўных уладаў.

Больш складана вырашалася пытанне аб адпаведнасці ваеннай службы патрабаванням хрысціянскай рэлігіі і маралі. Калі ў антычным свеце прыналежнасць да ваеннага саслоўя лічылася гонарам, то хрысціянская царква лічыла ваенную службу, звязаную з забойствамі і рабаваннямі, не адпавядаючай патрабаванням веры і маралі, якія прапаведвалі ненасілле. Св. Марцін Турскі і пакутнік Максімільян выказваліся аб несумяшчальнасці хрысціянскай веры і ваеннай службы. Уплывовыя царкоўныя дзеячы выказвалі думкі аб адлучэнні тых вернікаў, якія зноў вернуцца на ваенную службу; гэтага патрабаваў і 12-ы канон Нікейскага сабора [16, с. 34–36, 38]. Аднак абставіны жыцця – перманентныя войны, у тым ліку з мусульманамі і варварамі-язычнікамі, вымушалі дзеячаў царквы перагледзець свае адносіны да гэтай праблемы. Вынікам з'яўляецца градацыя войнаў на справядлівыя і несправядлівыя (удзел хрысціян у першых лічыў магчымым св. Аўгусцін, які свярджаў: «Нельга лічыць, што кожны, хто служыць пры баявой зброі, няўгодны богу»), робяцца спасылкі на Стары запавет, які дапускаў выкарыстанне ўзброенай сілы, і на аўтарытэт Іаана Хрысціцеля, (ён тлумачыў рымскім салдатам, якім чынам яны павінны несці службу, каб заставацца боскімі дзецьмі і мець надзею выратавацца). І хоць 3-і канон Арльскага сабора ўжо пагражаў адлучэннем ад царквы тым, хто ў мірны час кідае зброю, амаль да канца X ст. робяцца выказванні аб неадпаведнасці ваеннай службы хрысціянству і аб недапушчальнасці забойства ў баі ворага-нехрысціяніна нават пры наяўнасці прамога загаду гаспадара [16, с. 37–39, 43, 69, 96–97]. Толькі пасля фарміравання саслоўя рыцараў і рыцарскіх ваенных ордэнаў, якія ўдзельнічалі ў паходах за вызваленне Святой зямлі, адносіны заходняй хрысціянскай царквы да зброі і ваенна-служылага саслоўя пастунова змяняюцца. Паступова, таму што паступовым быў працэс трансфармацыі рыцараў-рабаўнікоў і гвалтаўнікоў у высакароднае саслоўе, якое ўспрыняло тую мараль і тыя патрабаванні пра абарону царквы і слабых, якая раней лічылася прэрагатывай каралеўскай улады. І вось ужо пры абрадзе прысвячэння ў рыцары воін атрымліваў з рук святароў меч, які быў асвечаны ў царкве [16, с. 24, 175, 273, 274].

Ва ўсходнеславянскім грамадстве, якое і да і пасля прыняцця хрышчэння, вяло войны з язычніцкімі альбо варожымі да хрысціянства народамі, праблема адпаведнасці ваеннай службы новай веры, здаецца, не стаяла гэтак востра. Праўда, у летапісах маюцца запісы, аўтары якіх негатыўна ставяцца да міжусобных войнаў і выкарыстання ў іх князямі наёмнікаў-язычнікаў («паганых») і праліцця крыві аднаверцаў і супляменнікаў. Аднак эпічныя творы (быліны) паказваюць, што яшчэ на ранняй стадыі прафесійным воінам Кіеўскай Русі быў уласцівы кодэкс маралі, які пазней на Захадзе стаў рыцарскім: абарона айчыны, царквы, сірот, слабых, жанчын і дзяўчат, адсутнасць у дзеяннях матываў асабістай карысці [15, с. 109].

Хрысціянская рэлігія, якая ў 860-я гады была прынятая ў паўднёвай частцы ўсходнеславянскай тэрыторыі (Русь Аскольда), паступова распаўсюджвалася па іншых землях, населеных усходнімі славянамі аж да Ноўгарада Вялікага, і не магла абмінуць

тэрыторыю Беларусі. Гэта забяспечыла паспяховае ўспрыняцце і ўкараненне хрысціянскай веры пасля прыняцця яе ў якасці афіцыйнай рэлігіі Кіеўскай Русі (у складзе якой на той час знаходзіліся і беларускія землі) ў 988 г. Тэмпы гэтага незваротнага працэсу не былі аднолькавыя для ўсіх рэгіёнаў беларускай тэрыторыі – у адных поспехі хрысціянізацыі былі адчувальнымі ўжо да сярэдзіны XI ст., у іншых выразна абазначыліся толькі ў XII ст. У адрозненне ад заходнееўрапейскага свету для Кіеўскай Русі і полацкай зямлі не былі ўласцівымі супрацьстаянне свецкай і царкоўнай улад, як і праблема падпарадкавання свецкіх правіцеляў адзінаму духоўнаму цэнтру. Выключэннем была спроба вялікага князя кіеўскага Ізяслава Мсціславіча самастойна (ў абыход патрыярха канстанцінопальскага) зацвердзіць саборам епіскапаў прызначэнне мітрапаліта кіеўскага. Таксама ва ўсходнеславянскам грамадстве не ўзнікала вельмі актуальнае для Заходняй Еўропы пытанне пра адпаведнасць хрысціянскай маралі выканання воінскага абавязку: у Кіеўскай Русі і яе асобных частках яшчэ да канчатковага зацвярджэння хрысціянства ў якасці афіцыйнай рэлігіі сфарміравалася дружынная этыка, што цалкам адпавядала ідэалогіі, якую заходнееўрапейскае рыцарства ўспрыняла не раней за другую палову ці апошнюю чвэрць XI ст.

Літаратура

1. Богданова, Н. М. О взятии Херсонеса князем Владимиром / Н. М. Богданова // Византийский временник. – 1986. – Т. 47. – С. 39–46.
2. Брайчевский, М. Ю. Неизвестное письмо патриарха Фотия киевскому князю Аскольду и митрополиту Михаилу Сирину / М. Ю. Брайчевский // Византийский временник. – 1986. – Т. 47. – С. 31–39.
3. Голубинский, Е. История русской церкви / Е. Голубинский. – М., 1901. – Т. 1.
4. Жак ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Жак ле Гофф. – М., 1992.
5. Гуревич, А. Я. Сверир в саге и в истории / А.Я. Гуревич // Сага о Сверире. – М. : Наука, 1988. – С. 187–225.
6. Заяц, Ю. А. Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материлам археологии) / Ю. А. Заяц // Тэз. навук. канф., прысвеч. 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі, Мінск, 25 верас. 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 21–22.
7. Заяц, Ю. А. Археологические памятники Менской земли (курганные могильники и селища) в верхнем течении рек Птичь и Свислочь / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2006. – Вып. 11 : Древности Беларуси в системе межкультурных связей. – С. 114–117.
8. Исаченко, А. В. К вопросу об ирландской миссии у панонских и моравских славян / А. В. Исаченко // Вопросы славянского языкознания. – М., 1963. – Вып. 7. – С. 43–72.
9. Кузьмин, А. Г. Принятие христианства на Руси / А. Г. Кузьмин // Вопросы научного атеизма. – 1980. – Вып. 25. – С. 7–35.
10. Повесть временных лет. – М. ; Л., 1950. – Ч. 1.
11. Поппэ, А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) / А. Поппэ // Как была крещена Русь. – М., 1989. – С. 202–240.
12. Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков // Зап. ист.-филолог. факультета импер. Санкт-Петербургского ун-та.– СПб., 1913. – Ч. CXVI.
13. Рапов, О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами / О. М. Рапов // Вопросы истории, 1984. – № 6. – С. 34–47.
14. Сага о Сверире. – М. : Наука, 1988. – С. 7–184.
15. Соколов, Борис. Былины : ист. очерк, тексты и коммент. / Борис Соколов. – М. : Задруга, 1918.
16. Флори, Жан. Идеология меча / Жан Флори. – СПб. : Евразия, 1999.
17. Янин, В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иакимовской летописи) / В. Л. Янин // Русский город (исследования и материалы). – М., 1984. – Вып. 7. – С. 40–56.

Резюме

Ю. А. Заяц

К проблеме распространения христианства на Беларуси

Опираясь на источники, автор рассматривает процесс христианизации Беларуси. Дается критика отечественных изданий, посвященных данному вопросу. Сообщается о перепитиях установления христианства на наших землях, временном возвращении к язычеству и трудностях в распространении христианской религии, сравниваются процессы принятия новой веры в городе и сельской округе. В статье также освещены проблемы взаимоотношений светской и духовной власти.

Summary

Y. Zayatc

To the problem of Christianization of Belarus

Being based on historical sources, this article relates about process of Christianization of Belarus. The author criticizes some Belarusian publications about this question and relates about difficulties of Christianization of this land and temporal returning to pagan believes. The processes adoption of new cult in town and in country, relations of laic and ecclesiastic authorities are considered too.

Паступіў 21.02.2012

УДК 94:34(476.5-21:477-25)«985/1129»

***Ю. А. Заяц,** Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Полоцкий княжеский дом: правовой аспект взаимоотношений князей Полоцкого и Киевского домов (985–1129 гг.)

В истории Восточной Европы конца X – первой трети XII в. ярко выделяются события, связанные с отношениями между правителями Киевской Руси и Полоцкой земли. Характер этих отношений был разным: от военно-политических союзов до военных столкновений. Особенно насыщен конфликтами был период с середины 1060-х и до конца 1120-х годов. И хотя в рассматриваемую эпоху имели место конфликты Киева и с другими регионами, которые также перерастали в вооруженное противостояние, борьба с Полоцком выделялась на общем фоне определенным постоянством. Она то затухала, то вспыхивала с новой силой, но не было ни одного Полоцкого князя, кроме Изяслава Владимировича (988–1001 гг.), и не одного великого князя киевского, за исключением Святослава Ярославича (1073–1076 гг.), которые не участвовали бы в этих столкновениях.

Такое положение дел вызывало потребность в объяснении причин конфликтов уже у их современников. Летописцы объясняли конфронтации времен полоцкого князя Всеслава Брячиславича его личными качествами, связанными с обстоятельствами рождения этого князя. Столкновения первых десятилетий XII в. полоцких князей с великими князьями киевскими в соответствии со складывающимся этикетом феодализирующегося восточнославянского общества, возводившего в ранг доблестей ревнование (стремление превзойти) в славе предков и мщение за нанесенные им обиды, объяснялись местью полоцких князей – «Рогволожих внуков» за обиды их родоначальников – Рогволода и Рогнеды.

Историки XIX – начала XX в. выдвинули несколько версий этих почти перманентных конфликтов. Н. М. Карамзин и О. Турчинович видели в мести полоцких князей результат устранения их от участия в делах Киевской Руси, а также желание расширить свои владения за счет последней. М. О. Коялович и В. О. Ключевский – стремление заселить слабо освоенные земли Полотчины за счет захвата и вывода населения соседних областей. Н. И. Костомаров и В. Б. Антонович видели в политике полоцких князей отражение «центробежных стремлений этнографических территорий», не принимая во внимание полиэтничность самой Полоцкой земли.

После смерти Изяслава (1078 г.) в Киеве произошло вокняжение Всеволода (среднего Ярославича – Святослава – к тому времени уже не было в живых). И с этого времени конфликт между полоцким и киевским князьями вспыхивает с новой, еще большей силой. Вероятно, одна из причин обострения взаимоотношений заключалась в том, что после Изяслава и Святослава Всеслав в порядке старшинства мог претендовать на киевский стол. С другой стороны, Всеволод, не желавший упускать Киев, и его сын Владимир Мономах, вынашивавший честолюбивые замыслы закрепить великокняжеский стол только за потомством Всеволода Ярославича, могли превентивно начать военные действия против Полоцка, чтобы ослабить потенциального соперника и доводами силы лишить Всеслава и его сыновей надежды на занятие великокняжеского киевского стола.

Затишье в отношениях между Киевом и Полоцком наступило после 1085 г.: сначала Всеволод был отвлечен борьбой с племянниками, затем по территории Полоцкой земли и Киевской Руси прошла волна эпидемии, а в 1093 г. после смерти Всеволода на великокняжеский стол сел Святополк Изяславич – единственный из оставшихся в живых сыновей Изяслава Ярославича. В его княжение (1093–1113 гг.) Киев лишь раз, уже после смерти Всеслава Брячиславича (1101 г.), выступил против одного из Всеславичей – Менского князя Глеба. Но это не был непосредственный конфликт Полоцкой земли с Киевом: Святополк лишь вмешался в распри сыновей Всеслава, вероятно, по просьбе Давыда Всеславича или его союзника – черниговского князя Олега Святославича.

Отчего же после смерти Всеволода Всеслав не заявил претензий на киевский стол? Думается, причин этому было несколько. Во-первых, эта претензия вызвала бы непременно новый конфликт с Владимиром Мономахом, а Полоцкая земля была ослаблена полосой военных действий конца 70-х – середины 80-х годов и эпидемией 1092 г. Во-вторых, Всеслав, вероятно не имел в Киеве сторонников, на которых он мог бы опереться. Те, кто в 1068 г. содействовали его вокняжению, были либо казнены при возвращении на великокняжеский стол Изяслава, либо были вынуждены покинуть Киев, а оставшиеся вряд ли простили Всеславу его тайное бегство из-под Белгорода в Полоцк и оставление безначальными киевлян, выступивших против возвращающегося Изяслава и союзных ему поляков. В-третьих, и это возможно, было главным мотивом, вокняжение Всеслава в Киеве после Всеволода означало бы признание им незаконности своего пребывания на великокняжеском столе в 1068–1069 гг., и тогда сыновья его имели бы право претендовать на княжение в Киеве не

после Святополка Изяславича, а лишь после всех внуков Ярослава Мудрого (реально это время наступило в 1129 г.). А в том случае, если Всеславу вокняжиться в Киеве после Всеволода по какой-либо причине не удалось бы, его сыновья и вовсе лишились бы прав на великокняжеский стол. Вероятно, исходя из реальной оценки ситуации и интересов своей династии, Всеслав решил в 1093 г. не претендовать на киевский стол.

Новое обострение отношений наступило после смерти Святополка Изяславича, когда Владимир Мономах, опираясь на своих киевских сторонников, в обход очередности, игнорируя права Всеславичей и сыновей Святослава Ярославича, узурпировал власть великого князя киевского. Военный талант и мощь Владимира вынудили многих смириться с этим незаконным захватом власти, но не князя менского Глеба Всеславича. И хотя по старшинству в полоцком доме Глеб не мог претендовать на киевский стол, именно он вступил в борьбу с Мономахом. Возможно, Глебом двигало не только чувство справедливости, но и личные интересы: вокняжение старшего из Всеславичей в Киеве открывало ему самому дорогу на полоцкий стол. Кроме того, Владимир Мономах не только узурпировал власть великого князя киевского, но, используя ее, захватил и часть отчины Изяславичей (Туровскую землю), а Глеб, как зять Ярополка Изяславича, мог иметь виды на какую-то ее долю. Между 1113 и 1116 годами Глеб захватывает и сжигает г. Слуцк и «противу Владимира глаголиша, укоряя и» [2]. Историки не пытались объяснить, в чем именно укорял Глеб Владимира. И даже видели в этом особую дерзость его. Но с позиции правовых отношений эти слова летописца становятся вполне понятными. Расправа Мономаха с Глебом была скорой и жестокой: сначала менский князь был лишен части владений, а вскоре и всего удела. Он был пленен и вывезен в Киев, где подозрительно быстро умер. Вслед за Владимиром Мономахом в Киеве вокняжился его старший сын Мстислав и тенденция закрепления великокняжеской власти за потомками Всеволода Ярославича стала очевидной. Видимо, полоцкие князья, лишившиеся к этому времени Менска, Орши и Копыси, утратили надежду на киевский великокняжеский стол, а, возможно, отречение от прав на него было получено у них в результате организованного Мстиславом в 1127 г. похода на Полоцкую землю. Так или иначе, но формула отказа Всеславичей от участия в войне с половцами в 1128 г. свидетельствует о потере ими интереса к киевским делам. Таковы доводы в пользу права полоцких князей на занятие великокняжеского стола в Киеве в конце X – первой трети XII в. Теперь следует рассмотреть вопрос о праве великих князей киевских на вмешательство в дела Полоцкой земли.

Владимир Святославич передал Полоцкое княжество Изяславу, восстанавливая отчину Рогнеды, т. е. статус-кво Полоцка до времени его завоевания Владимиром. А каков был этот статус? Как известно, отец Рогнеды Рогволод утвердился в Полоцке в период княжения в Киеве Святослава Игоревича, проводившего время в дальних военных походах и потому уделявшего мало внимания своей земле. Поиск после смерти Святослава его сыновьями Ярополком, князем киевским, и Владимиром, князем новгородским, союза с Рогволодом свидетельствует, что Полоцк ими в то время рассматривался как независимое княжество, не подчиненное Киеву. На особое положение Полоцкого княжества после 988 г. указывают следующие факты. Во-первых, при правлении в Киеве Владимира Святославича осуществляется перемещение его сыновей – волостных князей-наместников в порядке старшинства из волости в волость с учетом престижности последних. Направленный в Полоцк Изяслав, не участвует в этих перемещениях, как и получивший Туров Святополк. А после смерти Изяслава (1001 г.) Полоцк остается за малолетними Изяславичами. Во-вторых, в кровавой борьбе за верховную власть в Киевской Руси, развернувшейся между сыновьями Владимира после его смерти, никто из них не покушался на владения Изяславичей, хотя борьба шла за единовластие. В-третьих, мир и союз был предложен великим князем киевским Ярославом Владимировичем (Мудрым) в 1021 г. его племяннику – полоцкому князю Брячиславу Изяславичу с формулировкой «будь же ты со мной за един», означавшей союз равных правителей, а не признание старшинства, при котором племянник должен был бы признать Ярослава «в отца место».

Кратковременное пребывание на полоцком столе сыновей Изяслава Ярославича Мстислава и Святополка (1069–1071 гг.) в период изгнания из Полоцка Всеслава Брячиславича не могло создать правовой основы для притязаний этой ветви Ярославичей на Полоцк, поскольку они не принадлежали к линии Изяслава Владимировича, т. е. к потомкам Рогволода, не имели на полоцкий стол родовых прав.

Таким образом, сложилась любопытная и необычная ситуация: суверенные полоцкие князья в силу принадлежности к потомству Владимира Святославича и в силу обстоятельств, позволивших Брячиславу Изяславичу побывать на киевском столе, не захватывая его силой, получили право на замещение высшей иерархической ступени Киевской Руси, но ни сами они, ни их владения не подпадали под юрисдикцию великих князей киевских. Подобное положение не могло устраивать правителей Киевской Руси, и они, особенно в периоды княжения в Киеве Всеволода Ярославича, его сына Владимира Мономаха и внука Мстислава, пытались силой принудить полоцких князей сначала, вероятно, к от-

казу от права на киевский великокняжеский стол, а затем к подчинению их власти великого князя киевского и тем самым к признанию Полоцкой земли составной частью Киевской Руси. Но, используя силу, киевские князья пытались придать своим притязаниям на Полотчину видимость законности. Для чего Владимир Мономах (или его сын Мстислав) прибег к фальсификации, причислив своего предка Ярослава Владимировича к сыновьям Рогнеды, что делало всех Ярославичей потомками Рогволода, какими были Всеславичи, и давало им право претендовать на отчину Рогнеды, тем более что все они принадлежали к более старшему поколению, чем полоцкие князья.

Фальсификация эта прослеживается следующим образом. В летописях имеются три перечня сыновей Владимира Святославича: первый, помещенный в статье 980 г., содержащий сведения об их матерях; второй, наиболее полный – в статье 988 г.; в этой же статье имеется и перечень сыновей Владимира, получивших волости в качестве князей-наместников [3]. Первый и третий список аналогичны (с небольшими отличиями) имеющимися в «Сказании и страсти и похвале святую мученику Борису и Глебу» [4, с. 278]. Для удобства сопоставления всех трех списков мы приводим ниже все их вместе.

Список 980 г.		Списки 988 г.	
Жена	Ребенок	Сын	Сын (его волость)
Рогнеда	Изяслав	Вышеслав	Вышеслав (Новгород)
	Мстислав	Изяслав	Изяслав (Полоцк)
	Ярослав	Ярослав	Святополк (Туров)
	Всеволод	Святополк	Ярослав (Ростов, затем Новгород)
Грекиня	Святополк	Святослав	Борис (Ростов)
Чехиня	Вышеслав	Мстислав	Глеб (Муром)
«Другая»	Святослав	Борис	Святослав (в «Деревех»)
	Мстислав	Глеб	Всеволод (Владимир)
Болгарыня	Борис	Станислав	Мстислав (Тмутаракань)
	Глеб	Позвизд	
		Судислав	

Третий список дает представление о возрастном старшинстве сыновей Владимира, получавших княжения-наместничества в волостях по достижению определенных лет. Первую возрастную группу составляли Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав. Причем летописец вполне определенно называет Вышеслава старшим, упоминая о его смерти. Во вторую группу входили Борис, Глеб, Святослав, Всеволод, а не вошедшие в третий список Станислав, Позвизд и Судислав (позднее, быть может, направленный в Псков), очевидно, составляли младшую возрастную группу.

Для нас важно то, что Ярослав был значительно старше Мстислава. Отметим также, что в обоих списках 988 г. Мстислав помещен во второй их половине, ниже Святослава. Теперь обратимся к списку 980 г. В нем прежде всего бросается в глаза, что по имени из всех жен Владимира названа лишь одна – Рогнеда, которая в перечне поставлена первой, хотя на деле первой супругой Владимира была мать старшего из его сыновей Вышеслава, коей была не «чехиня» из списка, а скандинавка по имени Олова [5, с. 25–226; прим. № 150, 156]. Известия Татищева согласуются с княжением Владимира в Новгороде, связанном более тесно в те времена со Скандинавией, чем Киев, и с летописными же известиями о том, что Владимир два или три года скрывался в Скандинавии от Ярополка.

Среди детей Рогнеды первым назван Изяслав, и это позволяет предполагать, что ее сыновья в списке перечислены в порядке старшинства. Однако вторым в этом списке поименован Мстислав, а Ярослав – только третьим, хотя, как отмечалось выше, первый был моложе Ярослава, о чем устами самого Мстислава говорится в летописной статье 1024 г. Но, в списке 980 г. среди сыновей четвертой жены Владимира («другой») назван еще один Мстислав, помещенный в списке вслед за своим единоутробным братом. Сказанное позволяет сделать вывод, что список 980 г. был составлен или существенно переработан с целью причисления Ярослава к сыновьям Рогнеды. Чтобы фальсификация не была слишком откровенной, к детям Рогнеды отнесли также Мстислава, Всеволода и, вероятно, двух дочерей. При этом составитель или редактор списка забыл (возможно, умышленно) согласовать его с другими частями и списками, а именно изъять имя Мстислава из перечня детей четвертой жены Владимира (лишь позднее в некоторых летописных сводах, например в Ипатьевском, эта погрешность была устранена). Не соответствуют данные списка 900 г. о детях Рогнеды и иным известиям о ней. Так, ко времени ее покушения на Владимира, предшествующего их разрыву и переезду Рогнеды в Изяславль, Изяслав был настолько мал, что мать назвала его младенцем (словом, обозначавшим в те века детей младше семи лет). А поскольку Изяслав был первенцем Рогнеды, то сколько лет могло быть в то время другим пяти ее детям, упоминаемым в списке 980 г.? Не увязывается количество приписываемых Рогнеде детей ни со сроком ее замужества (с 980, либо 978 г., по 985 г.), ни с положением нелюбимой, удаленной от великокняжеского двора жены, лишь изредка, от случая к случаю, навещаемой супругом. Вероятнее всего, Изяслав был единственным ребенком Владимира и Рогнеды, тем более что, обвиняя мужа в нелюбви

к ней и этому сыну, об иных детях она вообще не упоминает. В том, что Ярослав не мог быть сыном Рогнеды, убеждает и дата его рождения. Летопись не сообщает о времени рождения этого князя, но дважды говорит о его возрасте: в статье 1016 г., что ему было 28 лет (соответствует 987 или 988 году рождения), а в статье 1054 г., сообщая об его смерти, указывает, что прожил Ярослав 76 лет (соответствует 977 или 978 году рождения). Одна из дат явно ошибочна, но для нас это не существенно. В любом случае Ярослав не мог быть сыном Рогнеды: в 978 г. она могла только-только стать женой Владимира и родить или еще ожидать рождения Изяслава, а в 988 г. уже не была женой Владимира и жила либо в Изяславле, либо в Полоцке. Все это еще раз убеждает нас в том, что список сыновей Владимира с обозначением их матерей, помещенный в летописной статье 980 г., является фальсификацией. Заметим также, что и приписанный Владимиру сын «грекини» Святополк по сути был его племянником и сыном старшего Святославича – Ярополка. Рассчитана данная фальсификация (с сыновьями Рогнеды) была преимущественно на обитателей Киевской Руси, поскольку в Полоцкой земле хорошо знали генеалогию не только своих князей, но и киевских, о чем свидетельствует сложенная на ее территории историческая песня, в которой четко различаются потомки Изяслава, сына Рогнеды – «Рогволожи внуци» и потомки Ярослава Мудрого [1, с. 30].

В заключение отметим еще раз, что анализ правового аспекта взаимоотношений князей Полоцкого и Киевского домов позволяет сделать следующие выводы.

1. Изяслав, сын Владимира и Рогнеды, получил в 988 г. Полоцкое княжество на правах независимого правителя. Его потомки в силу сложившихся обстоятельств и принадлежности через Владимира Святославича к роду Рюриковичей приобрели право претендовать на занятие киевского великокняжеского стола.

2. Великие князья киевские, потомки Ярослава Владимировича, активно противились осуществлению права потомков Изяслава и Рогволода на великокняжеский стол в Киеве, а последние отстаивали его силой оружия.

3. Правители Киевской Руси, потомки Ярослава Мудрого, не имели правовой основы для вмешательства в дела Полоцкой земли. Причисление их к сыновьям Рогнеды – фальсификация, относящаяся, вероятнее всего, ко времени княжения в Киеве Владимира Мономаха или его сына Мстислава.

Литература

1. Заяц, Ю. А. Заславль X–XVIII вв. : ист.-археолог. очерк / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1987.

2. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 1.

3. Повесть временных лет. – М. ; Л.

4. Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. – М., 1978.

5. Татищев, В. Н. История Российская : в 7 т. / В. Н. Татищев. – М. ; Л., 1963. – Т. 3. – С. 25–226; прим. № 150, 156.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Полацкі княжацкі дом: прававы аспект узаемаадносін князёў Полацкага і Кіеўскага дамоў (985–1129 гг.)

У артыкуле на падставе параўнання трох спісаў дзяцей вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаславіча і нарадзіўшых іх маці, паказана фальсіфікацыя раства Рагнеды з дзецьмі Уладзіміра ад іншых яго жонак і звязаны з гэтым прававы аспект наследвання княскага стала у Кіеўскай Русі.

Summary

Y. Zayatc

The House of Polotsk's Princes: juridical aspect of relationship of princes of Polotsk and Kiev Houses

In this article three lists of children of Kiev Great Prince Vladimir Svjatoslavovich and their mothers are analyzed. Basing on this fact author proves falsification of kinship of Rogneda and children of Vladimir by his other wives and juridical aspect of inheritance of throne of Kiev principality.

Поступила 15.02.2012

УДК 94(476)«12»

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Земли и уделы до середины XIII в. на территории Беларуси в трудах Л. В. Алексеева

В 1966 г. вышла в свет капитальная работа Л. В. Алексеева, посвященная Полоцкой земле [1]. Написана она на основе защищенной автором в 1955 г. одноименной кандидатской диссертации. Это была первая книга о раннегосударственных образованиях на территории Беларуси после наивно-романтических и декларационных сюжетов на эту тему в работах В. Ластовского, В. М. Игнатовского и опубликованной лишь в конце XX в. рукописи М. В. Довнара-Запольского [8, 11, 12][1]. Белорусские археологи и историки приветствовали выход данной монографии, которая, по сути, открывала им доступ к ранее запретной теме, тем более что сюжет о Полоцкой земле в том же 1966 г. вошел в первый том такого официального издания, как 12-томная «История СССР» [19]. Только если в 12-томнике уклончиво отмечалось лишь, что «у Полоцкой земли были все условия для приобретения независимости…» [19, с. 598], то в вышеназванном труде Л. В. Алексеева констатируется, что это было самостоятельное государство, близкое по территории таким европейским, как королевство Португальское либо Баварское герцогство [1, с. 66, рис. 11] (рис. 1).

После выхода в свет «Полоцкой земли» Л. В. Алексеева белорусские археологи и историки стали более смело обращаться к проблеме ранних государственных образований на территории тогда еще БССР; по крайней мере, последние фигурируют в названиях их работ [14, 20]. В 1975 г. в сборнике, посвященном древнейшим и крупнейшим государственным образованиям в составе Киевской Руси, вышел сокращенный вариант публикации Л. В. Алексеева 1966 г., повторявший основные ее положения [2]; в 2007 г. последний был переиздан в Полоцке, в серии «Наследие Полоцкой земли» [3].

В вопросе формирования территории Полоцкой земли Л. В. Алексеев, как он сам признает, следует теории А. Н. Насонова об «освоении» феодальным классом населения внутри страны и по соседству с ней, до поры, пока местная дань не сталкивалась с данью соседней земли или княжества [1, с. 73]. Такое столкновение приводило к возникновению «границы интересов» соседних земель и установлению между ними границы («межи»). В принципе такая интерпретация формирования государственных территорий вполне приемлема для периода ранней государственности, когда подвластное Полоцку пространство ограничивалось собственно Полоцкой волостью. Что касается рассматриваемого в монографии Л. В. Алексеева периода XI–XII вв., то расширение Полоцкой земли происходило в то время преимущественно путем завоевания, заключения договоров и колонизации [16].

И еще одно различие в подходах А. Н. Насонова и Л. В. Алексеева. Первый считал земли, складывавшиеся на территории Восточной Европы, на пространстве теряющей былое единство Киевской Руси, «полугосударственными» образованиями с известной долей самостоятельности. Второй же полагал Полоцкую землю неким конгломератом, «совокупностью уделов, экономически связанных с Полоцком и ему подчиненных» [1, с. 5, 74], что не помешало ему в той же работе говорить о Полоцкой земле как о древнерусском «политическом объединении» [1, с. 6].

Полоцкая земля в период своего расцвета не ограничивалась северо-восточной частью Беларуси, а занимала значительную часть ее территории, в том числе в центре и на востоке. Заметим, что границы юго-восточных владений Полоцка XII–XIII вв. (при всей их условности) показаны и обоснованы Л. В. Алексеевым недостаточно убедительно. Так, на карте «Границы Полоцкой земли по топонимическим данным» [1, с. 79, рис. 13] граница на юге и востоке проходит через территорию волостей, входивших в состав Полоцкой земли. Трудно определить, где ошибся Л. В. Алексеев: реконструируя линию границы земли или же устанавливая пределы некоторых волостей (рис. 2). Впрочем, на другой карте с реконструкцией «волостей-уделов» Полоцкой земли [1, карта-вклейка между с. 76 и 77], он совершенно необоснованно помещает сюда Мстиславскую, Слуцкую и даже Новогрудскую волости (рис. 3).

Изучая проблемы территории и структуры Полоцкой земли, Л. В. Алексеев обратил внимание на то, что ее города – центры волостей и впоследствии уделов – основывались или возникали в местах скопления сельских поселений, которые он определял по «сгусткам» (скоплениям) курганных могильников [1, с. 74]. Впрочем, подход этот далеко не нов, и не оригинален: его использовали уже авторы XIX в., а в середине XX в. широко применял в своих иссле-

---

[1] По сути, первым к проблеме ранних государственных образований на территории Беларуси обратился В. И. Пичета, один из авторов второго тома «Очерков истории СССР» [18]. Однако его тексты, будучи небольшими по объему (что было обусловлено характером издания), не охватывали всех аспектов жизни этих земель и в этом смысле, безусловно, проигрывали труду Л. В. Алексеева.

Рис. 1. Сравнение территории Полоцкой земли с территориями политических образований Западной Европы XII в.: *1* – Полоцкая земля; *2* – Баварское герцогство; *3* – Португальское королевство

дованиях А. Н. Насонов [17], которому во многом следует Л. В. Алексеев. Эти отстоящие друг от друга «сгустки», или «массивы», могильников Л. В. Алексеев относил к объединениям нескольких небольших племен. После образования в их среде центра, связанного «с новым видом подчинения», они именуются в летописях волостями, а в более позднее время – уделами [1, с. 74]. При этом ученый сетует, что «слабая археологическая изученность курганных древностей» (сельские поселения его занимают меньше. – *Ю. З.*) не позволяет проследить процесс возникновения и развития этих «массивов» [1, с. 74]. Впрочем, Л. В. Алексеев все-таки попытался реконструировать границы важнейших и некоторых более мелких уделов [1, с. 74–77].

Проследив вкратце политическую историю ряда уделов (при этом основное внимание уделялось походам, набегам и усобицам, развитию городов – центров уделов), и, разобравшись с запутанной и сложной проблемой атрибуции сыновей Всеслава по их крестильным и языческим именам [1, с. 252–253], исследователь справедливо отметил, что в 60–70-е годы XII в. Полоцкая земля распадается на 3, а затем на 2 составные части [1, с. 278]. Однако при этом он не смог увидеть, что эти укрупнившиеся уделы были по сути самостоятельными или «полусамостоятельными» землями и что в Полоцкой земле в 60–70-е годы XII в. происходили те же процессы, что и в Киевской Руси в целом [13]. Закончились они тем, что обособившиеся и вследствие этого ослабленные части некогда единой и сильной Полоцкой земли менее чем через полстолетия были присоединены к ее новому крепнущему соседу – Великому Княжеству Литовскому. А ведь В. Е. Данилевич еще за столетие до выхода работы Л. В. Алексеева в своем капитальной труде (к сожалению, недооцененном потомками) отмечал, что к концу XIII в. Полоцкая земля «отождествлялась с Полоцкой волостью», а Минская [10] снова разделилась на малые уделы [7, с. 31].

В очередной своей монографии Л. В. Алексеев рассматривает восточные территории Беларуси, входившие в состав Смоленской земли, и приходит к выводу, что часть белорусского верхнего Посожья с городами Мстиславль, Кречют (Кричев) и Прупои (Пропошеск, ныне Славгород) образовывали в XII в. часть домена смоленского князя. К Смоленской земле причислил он и город Копыс (Копысь) [4, с. 126, 131, 164–165], который в издании 1966 г. фигурирует среди «прочих городов и населенных пунктов» Полоцкой земли [1, с. 182–183].

Причина в том, что Л. В. Алексеев рассматривает Полоцкое государство (землю) не в развитии, а в момент достижения им пика своего расцвета, когда он имел наибольшую территорию. Отсюда и запись о Копысе, временно подчиненном минскому Глебу Всеславичу и отнятом у него в 1116 г. В. Мономахом: «До 1116 г. принадлежал полоцким князьям» [1, с. 182].

Монография, вышедшая в свет в двух книгах в 2006 г. [5, 6], как бы подводит итог научной деятельности Л. В. Алексеева. В ней автор, занимавшийся изучением преимущественно северо-восточной территории Беларуси и соседней Смоленщины, обращается уже к территории всей Беларуси, которую почему-то именует «западными землями домонгольской Руси». Это не совсем корректно с географической точки зрения, а с историко-политической навевает параллели с пресловутым «Северо-западным краем» российской историографии и политики второй половины XIX в. и отражает, по-видимому, позиции «постэсэсэсэровского великомосковского» шовинизма, которым оказалась заражена и часть научной интеллигенции.

От вышедших ранее книг данную монографию выгодно отличает наличие специального раздела, посвященного удельным княжествам и землям (в книге он именуется очерком пятым – «Возникновение княжеств, их политические судьбы. Междоусобия князей») [6, с. 3–44]. В параграфе, относящемся к Полоцкой земле, точнее ее политической истории [6, с. 4–22], Л. В. Алексеев практически не высказал

Рис. 2. Границы Полоцкой земли по топонимическим данным (по Л. В. Алексееву): *1* – Межа, Межно; *2* – Рубеж, Рубежевичи; *3* – граница волостей; *4* – граница Полоцкой земли (реконструкция); *5* – предполагаемые границы Полоцкой земли; *6* – Браслав, Брославль, Брячиславль; *7* – Полочане; *8* – земли дреговичей в составе Полоцкой земли; *9* – земли литовских племен в составе Полоцкой земли

новых идей об уделах и землях, которые возникали на территории Полоцкой земли, а повторил написанное им и другими российскими исследователями ранее, обильно цитируя летописи и не замечая при этом содержащихся в них (особенно в Ипатьевском своде) прямых указаний на возникновение новых административно-политических образований в прежде почти единой Полоцкой земле. При этом московский автор упорно игнорирует разработки, сделанные по данной проблеме белорусскими коллегами [13, 16].

Ничего нового, по сути, нет в последнем труде Л. В. Алексеева и по белорусским территориям, входившим в Смоленскую землю. Посвященные им страницы пестрят отсылками на монографию 1980 г. [6, с. 31–43]. Территории радимичей, подпавшие под власть черниговских князей, автор специально не рассматривает, упомянув лишь о походах смоленских князей на Гомель и поместив в первой книге краткие очерки о Речице и Гомеле [5, с. 241–243; 6, с. 33, 36]. Как и в книге о Полоцкой земле, Л. В. Алек-

Рис. 3. Волости-уделы Полоцкой земли (по Л. В. Алексееву): *а* – волости; *б* – древние леса; *в* – современные леса; *г* – область длинных курганов Понеманья; *д* – область литовских курганов; *е* – примерная граница латгальских памятников

сеев, обратившись к землям «Северо-Западной Черниговщины», концентрирует внимание не на уделах (волостях), а на городах – их центрах. По непонятной нам причине он игнорирует мнение Э. М. Загорульского о принадлежности Вищинского замка (близ д. Вищин Рогачевского р-на) смоленским князьям [9, с. 144–145], а ведь этот факт существенно расширяет пределы Смоленской земли.

Впрочем, в последней монографии Л. В. Алексеева к землям отнесены только Полоцкая и Гродненская; прочие же, а именно Смоленская и Турово-Пинская, именуются у него княжествами. И это при том, что автор отметил разделение территорий, подчиненных как Смоленску, так и Турову, на несколько уделов и волостей – а это, по его же определению, является признаком земли (правда, данный критерий он почему-то применил только в отношении полоцких владений). И еще одно замечание: категорически возражая против употребленных В. И. Пичетой [18] двойных названий «Полоцко-Минское княжество» и «Полоцко-Минская Русь», Л. В. Алексеев тем не менее сам применительно к владениям Турова пользуется двойным названием: «Турово-Пинское княжество» [6, с. 22].

Справедливо критикуя П. Ф. Лысенко[1], не замечавшего на дреговичской территории возвышения г. Пинска, о чем, как полагает Л. В. Алексеев, свидетельствует более частое (по сравнению с Туровом) упоминание последнего в летописях в первой половине XIII в. [6, с. 27, 28] и констатируя появление в рассматриваемых пределах самостоятельных мелких уделов [6, с. 27, 29], он не попытался определить их территорию и проследить историю. В этом

[1] Заметим, что объектом критики Л. В. Алексеев избрал монографию, изданную П. Ф. Лысенко в 1974 г. [14], тогда как более новая публикация белорусского археолога по Туровской земле [15] осталась не замеченной московским автором.

вопросе исследователь, по сути, нисколько не продвинулся вперед по отношению к критикуемому им белорусскому археологу.

Гродненская земля (так называемая Черная Русь) освещена в монографии 2006 г., пожалуй, наиболее слабо [6, с. 43–44]. По сути, это краткий очерк политической истории, основанный частью на сообщениях летописца, частью на разработках Н. Н. Воронина. По непонятной причине Л. В. Алексеев проигнорировал не только работы белорусских и польских исследователей (последние, вероятно, из-за трудностей с языком), но и широко известные публикации Ф. Д. Гуревич. Города Гродно, Волковыск, Новогрудок, Слоним – центры земли, уделов и волостей рассматриваются им в отрыве от самой Гродненской земли в первой книге издания [5, с. 242–255].

Так же, как и в более ранних публикациях, в монографии 2006 г. Л. В. Алексеев исходит из того, что основу волостей и уделов составляли объединения «малых племен», территории которых прослеживаются по скоплениям курганных могильников, и, как и прежде, воздерживается от характеристики этих объединений. Если в книге, изданной в 1966 г., он ссылался на недостаточную изученность курганных могильников, то после выхода в свет публикаций по данной проблеме Т. Н. Коробушкиной, П. Ф. Лысенко, Я. Г. Риера, Г. В. Штыхова, Л. В. Дучиц, Г. Ф. Соловьевой, К. В. Павловой, З. М. Сергеевой, О. Н. Левко, автора этих строк и других ученых, а также после начала изучения белорусскими исследователями средневековых сельских поселений (вся эта информация вышла в свет до появления новой книги Л. В. Алексеева) сетовать на отсутствие данных уже не приходится. Похоже, проблема населения волостей и уделов престала занимать московского ученого.

Несмотря на отмеченные недостатки в освещении истории земель и уделов, монография Л. В. Алексеева 1966 г. благодаря ее несомненным достоинствам оказала существенное влияние на соответствующие разделы первого тома 5-томной «Гісторыі Беларускай ССР» [21]. Неоднократно ссылались на эту монографию (тогда уже 35-летней давности) авторы соответствующих разделов первого тома 6-томной «Гісторыі Беларусі» и третьего тома 4-томной «Археалогіі Беларусі». Книга «Западные земли домонгольской Руси» превосходит издание «Полоцкая земля» по объему и более качественной полиграфии. Однако, являясь преимущественно компилятивной работой, бедной новыми идеями и оригинальными разработками, вряд ли она может рассчитывать на повторение успеха книги 1966 года издания.

Литература

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л. В. Алексеев. – 1966. – М. : Наука, 1966. – 295 с.

2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М. : Наука, 1975. – С. 202–239.

3. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев. – Полоцк : Издатель А. И. Судник, 2007. – Вып. 5. – 52 с. – (Наследие Полоцкой земли.)

4. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. : Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1980. – 261 с.

5. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории археологии и культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 2006. – 289 с.

6. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории археологии и культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 2006. – 167 с.

7. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев : Типография ун-та, 1864. – 264 с.

8. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : БелЭн, 1994. – 510 с.

9. Загорульский, Э. М. Вищинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Мінск : БГУ, 2004. – 159 с.

10. Заяц, Ю. А. Менская зямля : этапы фарміравання / Ю. А. Заяц // Беларус. гістар. часопіс. – Мінск, 1993. – № 4. – С. 8–15.

11. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1992. – 176 с.

12. Ластоўскі, Вацлаў. Кароткая гісторыя Беларусі : рэпрынт. выд. 1910 / Вацлаў Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 126 с.

13. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2004. – 279 с.

14. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1974. – 199 с.

15. Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1999. – 268 с.

16. Ляўко, В. М. Раздробленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы / В. М. Ляўко // Гістар.-археалаг. зб. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 116–122.

17. Насонов, А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства / А. Н. Насонов – М. : Наука, 1951. – 412 с.

18. Пичета, В. Полоцко-Минское княжество и Турово-Пинское княжество / В. Пичета // Очерки истории СССР. – Т. 2 : Период феодализма. IX–XIII вв. : в 2 ч. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 380–393, 414–416.

19. Рыбаков, Б. А. Полоцкое княжество / Б. А. Рыбаков // История СССР с древнейших времен до наших дней : в 12 т. – М.: Наука, 1966. – Сер. первая, т. 1. – С. 598–601.

20. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 158 с.

21. Шчарбакоў, С. А. Феадальная раздробленасць / С. А. Шчарбакоў // Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1 : Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. – С. 109–116.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Землі і ўдзелы да сярэдзіны XIII ст. на тэрыторыі Беларусі ў працах Л. В. Аляксеева

Даецца параўнальная характарыстыка назіранняў расійскага даследчыка Л. В. Аляксеева за палітычнымі, эканамічнымі і іншымі працесамі ў перыяд станаўлення дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі (да XIII ст.) з тымі высновамі, да якіх прыходзілі гісторыкі XIX–XX стст. і сучасныя беларускія навукоўцы.

Summary

Y. Zayatc

Lands and appanages till middle of 13th century on Belarusian territory in works of L. Alekseev

In this publication comparative characterization of observations of the Russian researcher L. Alekseev about political, economical and other processes in the period of appearance of state on territory of Belarus (till 13th century) as well as conclusions of historians of 19th–20th centuries and contemporary scientists are given.

Поступила 19.01.2012

УДК 94(476.5)«10»

***Ю. А. Заяц,** Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Завершение восточно-европейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в.

Сопоставляя информацию о приключениях принца Эймунда – сына Ранга, конунга Упланда в Швеции, друга детства и побратима Олава, будущего властелина Швеции – в восточнославянских государствах, которая содержится в саге, а точнее, в пряде (вставном рассказе) об Эймунде, входящей в «Сагу об Олаве Святом», включенную в Flateyjarbok («Книгу с Плоского острова»), с записями о событиях в Киевской Руси и Полоцкой земле в «Повести временных лет» [1], мы пришли к следующим выводам.

1. Не имеющие хронологической привязки события, описанные в пряде, охватывают временной период с 1015 (1016, а возможно, и с 1018 или 1019) по 1024 г. и в ряде случаев имеют параллели в соответствующих погодичных записях в «Повести временных лет», в которой Эймунд в статье 1024 г. выступает под именем Якун.

2. При переходе на службу от князя новгородского и киевского Ярицлейва (Ярослава Мудрого) к правителю полоцкому Вартилаву (Брячиславу Изяславичу) Эймунд-Якун вследствие жестокого разгрома, понесенного Ярославом в битве под Лиственом, причем основные потери пришлись на долю наемной варяжской дружины, мог привести с собой лишь жалкие остатки своего отряда. Поэтому его роль в политической жизни Полоцкой земли не могла быть столь значительной, каковой показывает ее скандинавский источник. По этим причинам предпочтение отдавалось информации древнерусских летописей, сообщавших, что после лиственского разгрома Ярослав бежал в Новгород, а Якун (Эймунд) «иде за море», т. е. возвращается в Скандинавию [2]. Казалось, что на этом восточно-европейская эпопея Эймунда заканчивается и след его в Восточной Европе, в частности на Полоцкой земле, с 1024 г. полностью потерян.

Однако как новые подходы к интерпретации археологических материалов, добытых в северо-восточной и восточной Беларуси, так и новая версия возникновения г. Друцка и его ранней истории позволяют в определенной степени пересмотреть выводы о дальнейшей судьбе принца Эймунда в Восточной Европе и Полоцкой земле.

В 1999 г. при раскопках детинца Друцка в раскопе, расположенном близ его «княжеской части», О. Н. Левко нашла довольно редкие для территории Беларуси металлические украшения – литые квадратные (длина стороны 27 мм) пластинки, обрамленные двойной орнаментированной рамкой, внутри которой помещено ажурное изображение какой-то хищной птицы (орла, сокола, ворона ?) (рис. 1). По углам пластинок имеются небольшие круглые отверстия, предназначавшиеся, как нам кажется, скорее для заклепок, чем для ниток. Пластинки были интерпретированы исследовательницей как «металлические бляшки-нашивки на одежду» и датированы, видимо, по слою, в котором обнаружены, второй половиной XII – началом XIII в. [7, с. 99; 8, с. 12], но в публикации 2001 г. они отнесены к XII в. [8, рис. 4]. К сожалению, эти любопытные находки не подвергались ни химическому, ни трассологическому изучению. Тем не менее с подобной интерпретацией как назначения пластинок и изображения на них, равно как и с их датировкой, мы не можем согласиться по нижеследующим причинам.

Подобными пластинами был украшен по нижнему ободу и креплениям-застежкам бронзовый с позолотой шлем, найденный среди прочего инвентаря в 38-весельной лодке под насыпью кургана-кенотафа в Саттон-Ху (Sutton-Hoo) в Англии [9] (рис. 2). По инвентарю, в состав которого входили монеты, исследователи датируют курган 625–630 гг. либо 650±25. Такие богато украшенные парадные шлемы, по верному замечанию специалистов, предназначались их обладателями – вендельскими династами – скорее для церемониальных выходов (выездов) и ритуалов, чем для боя [14, с. 42, 43]. Хотя от вендельской эпохи друцкие пластинки отделяет значительная временная лакуна, надо иметь в виду, что сама традиция создавать парадные, пышно орнаментированные шлемы не прекращалась. Как справедливо констатировал Г. С. Лебедев, «после сбоя в развитии культуры Скандинавии, вызванной распадом племенного строя «державы Инглингов», выдвинувшаяся на ведущие социальные роли местная свейская племенная знать в своих новых культурных нормах могла ориентироваться на стереотипы, складывающиеся в среде близкой знати англосаксонской, – где, однако, эти стереотипы были быстро вытеснены христианской церковной культурой» [14]. Не случайно на территории Скандинавии были найдены как сами орнаментированные шлемы, так и служившие для их украшения отдельные пластинки VII–VIII вв., орнаментированные изображениями

Рис. 1. Орнаментированные пластинки. Металл. Друцк

богов или сценками из скандинавских мифов и эпоса (рис. 3). Так, на одной из найденных в Швеции пластинок VII в. представлены вооруженные копьями и мечами воины в шлемах, увенчанных изображениями вепрей (рис. 3: *в*), что соотносится с описанием в «Беовульфе» шлемов дружинников-гаутов, прибывших на помощь к конунгу данов Хродгару:

ярко на шлемах
на островерхих
вепри-хранители
блистали золотом.

Близко к изображению на пластинке и описание шлема предводителя гаутов Беовульфа:

и шлем сверкающий
нужен воину
в бучиле темных
водоворотов,
кров надежный,
увитый сетью
и золоченым
вепрем увенчанный.

Однако особый интерес представляет для нас серебряная пластина VIII в. из Швеции, на которой изображен вооруженный всадник, сопровождаемый двумя воронами (рис. 3: *г*), которые, как верили, предвещали победу. Скорее всего эти птицы – вещие вороны бога Одина – Хугин (Думающий) и Мунин (Помнящий) [9, с. 47]. Их облик и манера изображения если и не сходны, то весьма близки изображению птицы на пластинках из Друцка (рис. 1), что позволяет предполагать, что на последних запечатлен один из вещих воронов – спутников Одина. А это, в свою очередь, является свидетельством скандинавского происхождения как самих пластинок, так и шлема, к которому они крепились, и, вероятно, их обладателя.

Вполне допустимо, на наш взгляд, предположение, что обладателем этого орнаментированного шлема мог быть прибывший в поисках службы к полоцкому князю Брячиславу Изяславичу предводитель наемной варяжской дружины Эймунд. В пользу этого

Рис. 2. Шлем из кургана-кенотафа в Саттон-Ху (Англия)

свидетельствует и пристрастие этого знатного скандинава к роскошным одеяниям, зафиксированное в древнерусских летописях [6, с. 144].

Каким же образом Эймунд мог оказаться в Друцке? Для ответа на этот вопрос обратимся к ранней истории города.

Как известно из летописей, после поражения на р. Судоме (Судомире), завершившего в 1021 г. набег полоцкого князя Брячислава на Новгород, Брячислав заключил со своим победителем – Ярославом Мудрым – военно-политический союз, следствием чего явилась передача Ярославом в состав Полоцкой земли двух городов с их волостями: Витебска (Витбеска) и Усвят (Всвяча). Поскольку эта передача осуществлялась за счет земель, находящихся на полоцко-смоленском пограничье и подвластных Смоленску, чья волость в то время уже оформлялась [4, с. 176],

Рис. 3. Металлические орнаментированные пластинки (*а–г*), сделанные в Скандинавии

то это не могло не породить напряжения в полоцко-смоленских отношениях, что, безусловно, затрудняло полочанам выход с Западной Двины в Днепр через Ореховский волок, имевшийся уже на смоленской территории [3, с. 20, 22]. В этой ситуации крайне важное для Полоцка значение приобретал путь в Днепр через его приток Друть, эпизодически использовавшийся еще в X в. Через приток Друти Кривую и впадающую в Лучесу Оболянку осуществлялась связь с Западной Двиной и стоящим на ней Витебском. В стратегическом месте этого водного пути, близ впадения Кривой в Друть, и был основан г. Друцк, охранявший и контролировавший сей важный для Полоцка водный путь. Расположение Друцка на важной торговой магистрали в значительной мере вплоть до начала XII в. способствовало процветанию этого города.

Несомненно, основав Друцк, полоцкий князь должен был позаботиться должным образом об его укреплении и обороне. Валы детинца и примыкающего к нему окольного города по своей мощности в пределах бывшей Полоцкой земли сопоставимы разве что с укреплениями Менковского городища, Менска на Свислочи и Логойска, однако, как было установлено нашими исследованиями 1988 г., укрепления детинца в процессе их эксплуатации «достраивались» с использованием культурного слоя, причем последнее увеличение вала имело место после XII–XIII вв. [5, с. 26]. Но помимо строительства укреплений город было необходимо снабдить сильным гарнизоном, во главе которого должен стоять опытный в военном и административном отношениях человек, преданный полоцкому князю и от него зависимый. Человеком, вполне отвечающим таким требованиям, мог быть варяг (норман) Эймунд.

Следует отметить, что привлечение варягов для управления княжескими городами и землями было в обычае восточнославянских государств едва ли не со времен Рюрика, раздававшего «мужемъ своимъ грады, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро» [6, с. 19]. В 980 г. Владимир Святославич, вокняжившись в Киеве не без помощи наемных варягов, не пожелал дать им «окупа» на киевлянах, а отпустил в Царьград (Константинополь), предварительно «избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады» [6, с. 77].

То, что Эймунд был «мужем добрым, смысленым и храбрым», видно из описания его подвигов в обороне Киева от врагов Ярослава, а также из той части пряди, в которой говорится, что Брячислав принял его к себе на службу на тех же условиях, на каких тот служил Ярославу, и при этом сказал Эймунду, что нуждается в его советах. «И вот они (Эймунд и его люди. – *Ю. З.*) в великом почете и уважении у конунга» [2, с. 102].

В финальной части пряди говорится, что Эймунд получил в управление Полоцкую землю, а через три года, после смерти Вартилава (Брячислава), и Киевское княжество, якобы тому принадлежавшее [2, с. 102]. В упоминавшейся публикации мы уже отме-

чали недостоверность подобной информации, содержащей к тому же явный анахронизм [1, с. 7, 9, 10]. Вместе с тем за явно преувеличенной (с целью возвысить) ролью Эймунда в управлении Полоцком может скрываться реальная деталь – получение норманским принцем в управление какой-либо части в государстве Брячислава Изяславича. Скорее всего, такой частью мог быть удаленный от стольного Полоцка пограничный город с волостью, поскольку далее в скандинавском источнике говорится, что Эймунд, осуществляя управление, также «держал оборону страны» [2, с. 104].

К сожалению, данная информация пряди не имеет параллелей в «Повести временных лет» и иных летописях. Но отсутствие ее в письменных источниках компенсируется археологическим материалом. Это, прежде всего, рассмотренные выше декоративные пластинки от парадного шлема. После того, как шлем по какой-то причине пришел в негодность, пластинки декора были с него сняты, вероятно, с целью использования для орнаментации другого шлема, но по какой-то причине долго хранились без применения, пока не были утрачены в пожаре, уничтожившем во второй половине XII или в начале XIII в. помещение, где они сберегались. Если наша версия о происхождении пластинок верна, то они должны быть датированы, вне зависимости от условий находки, X либо началом XI в., поскольку на территорию Восточной Европы Эймунд прибыл, несомненно, уже в этом шлеме. Возможно, он добыл его во время похода вместе с Оловом и Рагнаром в Англию, предшествовавшего его найму на службу к новгородскому князю Ярославу [2, с. 89].

Прядь говорит об успешном выполнении Эймундом возложенной на него миссии по управлению и обороне доверенной его попечению земли. Похоже, что эти сведения находят подтверждение и в археологических материалах. Мы уже отмечали, что в первой половине XI в. «активно шел процесс формирования Друцкой волости, ядро которой охватывало верхнее течение Друти с притоками» [2, с. 21].

Однако, похоже, активность Эймунда не ограничивалась Друтью, а распространялась на более широкую территорию. Так, исследователь Могилева И. А. Марзалюк полагает, что этот город являлся пограничной крепостью, находившейся в зависимости от Друцка. Вопреки укоренившимся мнениям о позднем происхождении Могилева он указывает на наличие на территории города курганного могильника X–XI вв. между реками Днепр и Дубровка и культурного слоя XI–XII вв. на различных участках города, в том числе Пелагеевом городище и на территории, занимаемой средневековым замком. Хотя форма первоначальных укреплений Могилева не выяснена, находки в курганном могильнике, существовавшем между Днепром и его притоком Дубровенкой, куфических дирхамов, а в раннем культурном слое города стеклянных многочастных бусин, изготовленных по технологии «тянутых трубочек» (распространение и тех и других было связано с активностью скандинавов), как и находки в Могилеве предметов вооружения, характерных для профессиональных воинов [10, с. 16, 57], позволяет связывать основание укрепленного поселения на месте Могилева в XI в. с активностью скандинавов. На зависимость Могилева непосредственно от Друцка, по мнению И. А. Марзалюка, указывают тамгообразные клейма в виде «знаков Рюриковичей» на некоторых изделиях местных гончаров, знаков, аналогичных изображенному на шиферном пряслице XII в. из Друцка [1, с. 15, 16; 10, 11]. Все сказанное выше позволяет полагать, что основание Могилева как пограничного укрепленного пункта (реальное название которого неизвестно и, вполне возможно, отличалось от современного), произошло не без участия Эймунда и его скандинавских соратников. Число последних Эймунд мог пополнить приглашениями и вербовкой, поскольку благодаря своему знатному происхождению и славе пользовался в Норвегии большим авторитетом и славой. Кроме того, вербовать новых дружинников он мог и от имени полоцкого князя Брячислава. И все-таки есть все основания полагать, что Могилев не был крайним южным пунктом Друцкой волости: гораздо южнее города на правом притоке Днепра Ртице близ д. Лудчицы в одном из погребений курганного могильника XI в. среди прочих вещей найдены пластинчатые фигурки человека в характерном для скандинавов одеянии с мечом у пояса и, вероятно, кольцом в правой руке [12] (рис. 4: *а*). Последнее обстоятельство позволяет полагать, что это изображение конунга, который в скальдической поэзии нередко обозначается кеннингом – «даритель колец». Быть может, это изображение коннунга Олафа, крестившего в 1030 г. своих подданных и в том же году павшем от рук «могучих бондов» Торира Собаки и Кальва Арнарсона в битве при Стиклестаде. Интересно, что одна из подобных фигурок была обнаружена в женском погребении первой половины XI в. [15]. По мнению В. П. Петренко, подобные фигурки могли быть отлиты до середины XI в., что вполне согласуется с предполагаемым периодом деятельности Эймунда в Друцкой волости. Местом изготовления фигурки ученая считает Скандинавию [16, с. 261].

Еще одна любопытная находка имеется среди вещей, обнаруженных крестьянами на месте разрушенных насыпей курганного могильника у д. Колодизская (Костюковичский район). Это пластинка с изображением мужчины в скандинавской одежде верхом на коне (рис. 4: *б*). Поскольку конь на изображении имеет четыре передние конечности, можно полагать, что на этом амулете представлен не

Рис. 4. Пластинчатые человеческие фигурки: *а* – зарисовка, курганы у д. Лудчицы; *б* – изделие из металла, курганы у д. Колодизская

некий простой анонимный викинг, как указывается во многих публикациях, а верховный бог Один на своем восьминогом коне Слейпнире. Хотя вещи из разрушенных курганов хронологически вписываются в рамки XI в., заметим, что исследованная археологом Я. Г. Риером неповрежденная насыпь датирована первой половиной этого столетия [15]. Могильник размещался на левобережье Сожа – территории расселения радимичей. Интересно, что в окрестностях Могилева, у пос. Восход, имеется курганный могильник X–XII вв., оставленный смешанным кривичско-радимичским населением [12, 13]. На основании приведенных выше данных можно предположить, что Эймунд с соратниками, стремясь увеличить население подвластной территории, занимались принудительным выводом обитателей соседних земель, в том числе и живших на левом берегу Сожа радимичей.

Итак, проанализированные нами новые археологические материалы приводят к следующему заключению. Перейдя на службу к полоцкому князю Брячиславу, Эймунд благодаря своему знатному происхождению и славе, вероятно, сумел, во-первых, пополнить свою сильно поредевшую под Лиственом дружину. Во-вторых, смог занять высокое положение в высших слоях полоцкого общества и получить важное назначение на пост правителя и оберегателя юго-восточной окраины Полоцкой земли с городом Друцком и его округой, или, выражаясь языком пряди, – Друцк «и область, которая сюда принадлежит» [2, с. 99]. На своем посту Эймунд продемонстрировал кипучую деятельность, укрепляя волость пограничными крепостями, служившими также опорными пунктами для дальнейшего расширения волости, одновременно с этим проявляя заботу об увеличении ее населения.

Таким образом, можно констатировать, что варяги в первой половине XI в. играли значительную роль в жизни юго-восточной окраины Полоцкой земли. Однако утрата Друтью роли основной водной артерии, связывающей Полоцкую землю и Западную Двину с Днепром в начале–первой половине XII в., привела к изменению вектора дальнейшего расширения Друцкой волости [3, с. 22]. Участие в нем варягов пока убедительно не прослеживается.

Литература

1. Заяц, Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993. – № 1(2). – С. 5–11.

2. Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIX вв. : материалы и исследования / Е. А. Рыдзевская. – М., 1978. – С. 89–104.

3. Заяц, Ю. А. Друть и Друцк / Ю. А. Заяц // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 18–24.

4. Куза, А. В. Новгородская земля / А. В. Куза // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 144–201.

5. Заяц, Ю. А. Обследование городов Полоцкой земли // Отчет о работе Заславской археологической группы в 1988 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. – Арх. № 143. – С. 25–26.

6. Лаврентьевская летопись // Русские летописи. – Рязань : Александрия, 2000.

7. Ляўко, В. М. Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі / В. М. Ляўко // Друцк старажытны. – Мінск, 2000. – С. 87–113.

8. Левко, О. Н. Друцк и Друцкая волость (Историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 5–17.

9. Петрухин, В. Мифы древней Скандинавии / В. Петрухин. – М. : Астрель, АСТ, 2001.

10. Марзалюк, І. Да пытання аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці і сацыяльным статусе Магілёва ў XII–XIII стст. / І. Марзалюк // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. – Полацк, 1998. – С. 183–184.

11. Марзалюк, І. Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / І. Марзалюк. – Магілёў, 1998.

12. Капыцін, В. Ф. Лудчыцы / В. Ф. Капыцін, Я. Г. Рыер // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. – Мінск, 1993. – С. 374–375.

13. Рыер, Я. Р. Новыя сведчанні аб курганах каля Магілёва / Я. Р. Рыер // Магілёўшчына. – Магілёў, 1995. – Вып. VI. – С. 32–35.

14. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе : историко-археологические очерки / Г. С. Лебедев. – Л. : Изд-во ЛУ, 1985.

15. Риер, Я. Г. Отчет об археологических работах в Могилевской области в 1973 г. // Архив ИИ НАН Беларуси. – Арх. № 429.

16. Петренко, В. П. О бронзовых «фигурках викингов» / В. П. Петренко // Исторические связи Скандинавии и России (IX–XX вв.). – Л., 1970. – С. 253–261.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Завяршэнне ўсходне-еўрапейскай эпапеі прынца Эймунда, або Варягі на паўднёва-ўсходняй ускраіне Полацкай зямлі ў першай палове XI ст.

У артыкуле на аснове разгляду адной з катэгорый знаходак – металічных арнаментаваных пласцінак, будуецца гіпотеза аб магчымасці знаходжання вядомага па сагах варага Эймунда з дружынай на службе ў полацкага князя Брачыслава ў Друцку.

Summary

Y. Zayatc

The final of the East-European epopee of the Prince Eimund, or Vikings on south-west border of Polotsk Land at the first half of 11th century

On a base of one of categories of archaeological finds – metallic ornamented plates – the author builds the hypothesis about the whereabouts of Eimund and his squad at service of Polotsk prince Bryachislav in Druzk.

Поступила 17.02.2012

УДК 94(476-25)+903/904(476-25)

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Минск: по следам истории[1]

Первое упоминание о Минске встречается в «Повести временных лет» под 1067 г. (в этом и других источниках до конца XVI в. город именуется Меньск либо Менеск) в связи с разгромом города южнорусскими князьями Ярославичами: Изяславом (великий князь киевский), Святославом (князь черниговский), Всеволодом (князь переяславский) – так они отомстили за нападение полоцкого князя Всеслава на Новгород.

Административно-территориальное развитие. В X – начале XI в. Мена (Меньск) был центром северной группы дреговичей, а затем и центром Меньской волости, управляемой из Турова или Киева. В 1020-е годы волость передана в состав Полоцкой земли, в которой Меньск, по сути, являлся вторым городом после Полоцка. С конца XI в. Менск – центр удельного княжества Полоцкой земли, образованного на основе волости. Первый менский князь Глеб Всеславич стремился расширить свои владения на восток и юг, пытаясь подчинить себе уделы и волости с центрами в Друцке, Орше, Копыси и Слуцке. После его смерти в 1119 г. Менский удел до 1146 г. временно отошел к Киеву и передавался великими князьями киевскими во владение их союзникам или конкурентам при улаживании конфликтов. После утверждения в Менске сыновей Глеба и их неудачных попыток занять полоцкий стол (1150–60-е годы) они подчиняют себе соседние Изяславское и Логойское удельные княжества, положив начало формированию Менской земли, лишь формально зависевшей от Полоцка.

В конце XIII в. или в начале XIV в. территория, принадлежавшая менским князьям, постепенно переходит под власть правителей зарождавшегося и крепнувшего Великого Княжества Литовского (ВКЛ), в состав которого вскоре был включен и Менск. В XIV–XV вв. Менск – центр наместничества, в которое входили остатки государственных земель, а позднее, в XV–XVIII вв. – центр Менского староства, после образования Менского повета сохранявшееся в XVII в. как королевское столовое имение. Менск с замком, а также некоторые деревни ближайшей округи входили в Менское гродское староство. Как центр наместничества и староства Менск административно подчинялся столице ВКЛ – Вильно. В рамках Виленского воеводства был создан Менский повет, который до 1565 г. не имел ни строго очерченных границ, ни специальных органов управления. Панские и боярские вотчины длительное время сохраняли по отношению к нему экстерриториальность. И лишь в результате административно-территориальной реформы 1655–1656 гг. все они были включены в Менский повет, который после вхождения в него Заславского и Логойского княжеств (вскоре преобразованных в графства), части Борисовской и других волостей практически вошел в границы Менской земли XII–XIII вв.

В 1565 г. Минск стал центром Минского воеводства, в состав которого вошли Менский и Речицкий, а с 1569 г. и Мозырский поветы. После второго раздела Речи Посполитой земли Центральной Беларуси отошли к Российской империи, была создана Минская губерния с центром в Минске, которая временно, с мая 1795 г. по декабрь 1796 г., именовалось Минским наместничеством.

Минск на Менке. Общепринято считать, что древний центр Минска – детинец, возник на правом берегу р. Свислочь в месте впадения в нее р. Немига. Ряд же исследователей полагают, что описанные летописцем события 1067 г. относятся не к историческому центру современного Минска, а к предшествовавшему ему крупному поселению на р. Мена (ныне р. Менка), от которой произошло название города *(Мен(а)еск).* Остатки его находятся в 17 км юго-западнее исторического центра современного Минска, на территории д. Городище Минского района.

В третьей четверти I тысячелетия н. э. здесь, рядом с небольшим городищем культуры штрихованной керамики, возникло неукрепленное поселение банцеровской культуры, которое вскоре распространилось и на противоположный берег речки, достигнув площади около 2 га. Во второй половине I тысячелетия н. э. здесь осели новые обитатели – носители археологических культур волынцевской, типа Луки-Райковецкой и роменской. В IX в. площадь поселения была не менее 2,5 га, а в X в. увеличилась до 8–10 га.

С X в. поселок на р. Мена, расположенный среди скопления сельских поселений, играл роль экономического центра северных территорий дреговичей и, как и последние, со временем подпал под власть великих князей киевских. Об этом свидетельствуют находки с изображением тамгообразных княжеских знаков в виде двух- и трехзубца. Поселение это, длительное время остававшееся неукрепленным, по ряду признаков (значительная площадь, расположение на торговом пути близ водораздела Днепровской и Неманской речных систем, наличие торга

[1] Статья была подготовлена автором для опубликования в Большой Российской энциклопедии.

и ремесленного производства, мозаичность застройки) соответствовало типу открытых торгово-ремесленных поселений, которые в летописной статье 947 г. названы *«места»*. Об этом свидетельствуют находки элементов поясов «дружинной культуры», вислая печать (рис. 1). Приблизительно на рубеже I и II тысячелетий н. э. на правом берегу речки при впадении в нее ручья Дунай был сооружен укрепленный центр площадью около 2 га, включивший в себя и городище культуры штрихованной керамики. Данное укрепление сложномысовой формы имело по всему периметру валы высотой в 4 м, позднее – до 8 м и дугообразный ров, соединявший русла Дуная и Мены. Основу вала составляли до трех рядов дубовых клетей – срубов. Укрепленный центр являлся детинцем города, а неукрепленное «место» трансформировалось в городской посад, который делился на части руслами речки и ручья. В конце X – первой половине XI в. территория поселения увеличилась до 40 га. После разгрома 1067 г. и основания нового политического административного центра уже не волости, а удела поселение на р. Мена пришло в упадок, но не прекратило существования. Некоторое время оно являлось феодальным двором, на который «замыкались» ближайшие сельские поселения, а в XIV–XVII вв. при дворе, на территории былого посада Меньска, функционировало местечко. На то, что после преобразования Менской волости в удел центром последнего некоторое время оставалось поселение на Мене[1], указывают находки вислых печатей с изображением св. Глеба на аверсе и букв «П» и «Г» (от «Помози, Господи») на реверсе.

Минск на Свислочи. Детинец Меньска на Свислочи был построен на песчаной возвышенности, имел форму полуовала площадью в 3 га. Основу оборонительного вала составляла внутренняя рустовая (решетчатая) бревенчатая конструкция. В конце XI – начале XII в. деревоземляные укрепления детинца были усилены: высота вала достигла 8 м, на его гребне установили деревянные стены с заборолами, а въезд в детинец-град защищала двухобъемная двухъярусная дубовая брама с надвратным храмом (рис. 2). Мощность и надежность обновленных укреплений Меньска на Свислочи вынуждает врагов отказаться от мыслей о штурме города – они прибегают исключительно к тактике осады (1104, 1116 г.). Вероятно, одновременно с усилением валов детинца князь Глеб начал строительство каменной церкви, которое не было закончено по причине пленения и скорой смерти основателя. Некоторое время внутри фундаментов храма и возле них совершали захоронения. *При раскопках было выявлено 21 захо-*

Рис. 1. Вислая печать (*а*) и накладки от наборного пояса (*б–е*). XI в. Поселение на р. Мена. Раскопки Ю. А. Заяца

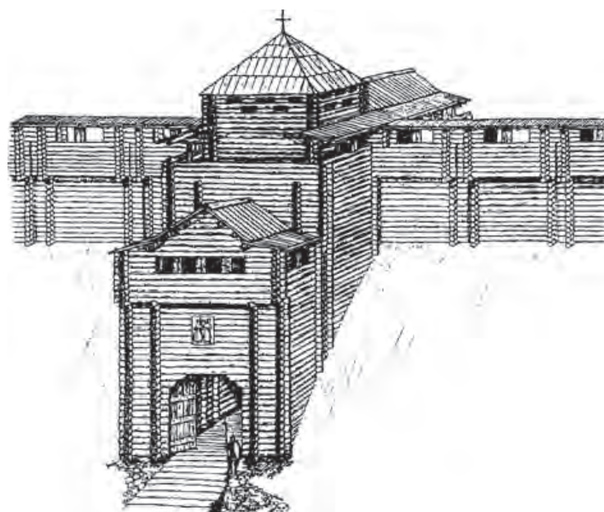


Рис. 2. Воротные укрепления (брама) детинца Менска. XII–XIII вв. Графическая реконструкция Ю. А. Заяца

[1] Исследования поселения на р. Мена проводили А. Рынейский (1930), А. Н. Лявданский (1935), А. Г. Митрофанов (1954), Э. М. Загорульский (1963, 1967), М. А. Ткачев (1968, 1970), Г. В. Штыхов (1975–1983), Ю. А. Заяц (1991, 1996–2001). Площадь изученной территории оставляет около 4000 м^2.

ронение XII в. в гробах из больших хвойных досок на шипах без гвоздей (материалы исследований находятся в Институте истории НАН Беларуси и Национальном музее истории и культуры Беларуси).

Длительное время (вероятно, до середины XII в.) Меньск на Свислочи структурно состоял только из *града-детинца*. По сути, в это время он и был градом – городом-крепостью. На его территории помимо князя, бояр, дружинников и их семей проживали ремесленники и торговцы. Формирование *посада* на основе сельских поселений, существовавших на берегах Свислочи близ устья Немиги еще в X – первой половине XI в., началось позднее и задерживалось постоянными нашествиями на столицу Меньского удела внешних врагов. Переселение части сельского населения ближе к укреплениям детинца, на берег Немиги, привело к образованию Немигского посада и Немигского рынка (торговая площадь, с XVI в. – Нижний рынок). С появлением и развитием посадов Менск в XII–XIII вв. стал крупнейшим ремесленным и торговым центром центрально-белорусских земель.

До XVI в. застройка детинца, а также посадов была преимущественно деревянная и состояла из срубных жилых домов и хозяйственных построек (среди последних были также столбовые и каркасные строения). Строения размещались вдоль улиц и переулков либо обносились оградой, образуя усадьбу, внутренняя планировка которой была устойчивой на протяжении десятилетий и даже веков. Площадь городского двора достигала 220–250 м^2. Жилые постройки были однокамерными, реже пятистенными, отмечено наличие двухэтажных домов и домов с внешними галереями. Улицы, переулки, реже дворы замащивались плахами и досками, имелись желобообразные водоводы для удаления талых и дождевых вод. Внутренняя планировка детинца и посадов (трассировка улиц, переулков, размещение площадей) до XIV в. отличалась устойчивостью.

Мощность культурного слоя на разных участках – 8 м и несколько больше. Но при прокладке улицы и застройке вдоль нее, а также при строительстве станции метрополитена этот слой частично был разрушен, а местами и полностью уничтожен. Остатки застройки на разных участках детинца образуют от 7–8-ми до 16-ти строительных горизонтов. В культурном слое найдены ремесленные инструменты, сельскохозяйственные орудия, различные ремесленные изделия, отходы производства продукции из черных и цветных металлов, кожи, дерева, кости и рога. О торговых связях населения свидетельствуют находки украшений из благородных и цветных металлов, стекла, ранней поливной керамической посуды, монет, предметов христианского культа.

После вхождения Менска в состав ВКЛ происходят изменения в топографии и планировке города – собственно город (посад, место) активно развивается за р. Свислочь на Троицкой горе и ее склонах (Троицкое предместье), где также возник Троицкий рынок. Детинец трансформируется в городской *замок*, являющийся резиденцией администрации города (наместничества, староства, а позднее и воеводства). Внутри замка произошла перепланировка отдельных участков, изменился характер застройки – появились каменные (кирпичные) строения. В XVI в. на правом берегу р. Немига вокруг Верхнего рынка формируется так называемый Верхний город.

После получения Менском привилея на самоуправление (магдебургское право) в 1499 г. в Верхнем городе оформляется новый центр с городской ратушей, вокруг которой концентрируются торговые ряды. Со второй половины–конца XVI в. в городе активно ведется каменное строительство. Из кирпича и камня возводятся не только общественные и культовые (церкви, костелы, монастыри) здания, но и дома зажиточных горожан. Тем не менее деревянная застройка преобладала, что приводило к серьезным последствиям от пожаров. Иной раз источники отмечали, что «город выгорел весь». После больших пожаров планировка города, как правило, менялась, и на нее оказывали влияние господствовавшие в то время стили – ренессанс, барокко, а затем и классицизм. Эти же стили влияли на архитектуру зданий и оформление их интерьеров. В интерьерах жилищ на смену печам из камней и глины приходят печи, сложенные сначала из сосудообразных, а затем и коробчатых изразцов. Деревянные уличные мостовые начинают сменяться каменными. Мощность культурного слоя на различных участках посада и предместий составляет от 0,5–1,0 до 5,0–7,0 м.

Хотя укрепления замка не модифицировались, он успешно выдерживал длительные осады войск крымских татар, отрядов М. Глинского и др. Однако события середины XVII в. выявили недостаточную защищенность Минска, и во второй половине либо в конце XVII в. город с посадами был обнесен валом с мощными бастионами. Увеличение населения привело к тому, что за новыми укреплениями, вдоль важнейших дорог, возникала застройка, образовавшая предместья Минска. Позднесредневековые укрепления Минска не сохранились; остатки их прослеживаются местами в рельефе и городской топонимике[1].

[1] Детинец Минска (Замчище) исследовали В. Р. Тарасенко (1945–1951, 1957), Э. М. Загорульский (1958–1967), Г. В. Штыхов (1976, 1983–1987), В. Е. Соболь (1981–1982), Ю. А. Заяц и А. М. Медведев (2009).

Территорию посада исследовали Э. М. Загорульский, Г. В. Штыхов, Ю. А. Заяц, А. М. Медведев, В. Е. Соболь, З. С. Позняк, А. В. Войтехович, И. В. Ганецкая, О. А. Трусов, П. А. Русов, Ю. В. Колосовский. Территорию города XVIII–XIX вв. изучает В. И. Кошман. Наряду с археологическими раскопками в Минске широко практикуется наблюдение за земляными работами и культурным слоем в зонах строительства.

Селища, курганные могильники и феодальные усадьбы, включенные в XIX–XXI вв. в территорию Минска, исследовали И. А. Сербов, В. Р. Тарасенко, Ю. А. Заяц.

Литература

1. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 1982.
2. Заяц, Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ю. А. Заяц. – Минск, 1996.
3. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 9. – С. 26–31.
4. Заяц, Ю. А. Менск на Свислочи конца XI–XIII в.: проблема формирования поселенческой структуры / Ю. А. Заяц // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі. – Мінск, 2008. – С. 23–30.
5. Заяц, Ю. А. Новые памятники археологии в пределах городской черты Минска (правый берег Свислочи) / Ю. А. Заяц // Древняя история восточной Европы. – Минск : БГУ, 2009. – С. 55–67.
6. Соболь, В. Е. Основные проблемы заселения территории феодального Минска / В. Е. Соболь // Древности Литвы и Белоруссии. – Вильнюс, 1988.
7. Тарасенко, В. Р. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. – Минск, 1957. – Т. 1.
8. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли / Г. В. Штыхов. – Минск, 1978.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Мінск: па слядах гісторыі

Коратка прасочана гісторыя Мінска – ад адміністрацыйнага цэнтра паўночнай групы дрыгавічоў да цэнтра Мінскай губерні. Асобна разгледжаны Мінск на Менке і Мінск на Свіслачы – іх гісторыя, тапаграфія, а таксама знойдзеныя на гэтых археалагічных помніках знаходкі. Прыведзена характарыстыка сярэдневяковага Мінска і спіс вучоных, якія даследавалі гэты горад.

Summary

Y. Zayatc

Minsk: following history

The subject of this article is the history of Minsk from tribal center of dregovitchs to center of a province. Minsk-on-Menka and Minsk-on-Svislotch are considered severally by author who describes their topography, history and archaeological finds, discovered on their territory. The description of medieval Minsk and list of scientists, who studied it are given too.

Поступила 11.02.2012

УДК 903/904(476-25)+94(476-25)

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Меньск и его пригороды[1]

Минск – нынешняя столица Республики Беларусь – является также одним из старейших городов на территории нашей страны, уступая, как полагают, лишь Полоцку, Турову, Заславлю (Изяславлю) и, быть может, Витебску и Друцку.

В древнейшей части летописных сводов – «Повести временных лет» Минск (в источниках того времени город именуется «Менескъ») впервые упоминается под 1067 г. Упоминание Минска связано с карательным походом правящих южнорусскими территориями Киевской Руси сыновей Ярослава Мудрого Изяслава (великого князя киевского), Святослава (князя черниговского), и Всеволода (князя переяславского) на полоцкого князя Всеслава Брячиславича, захватившего и ограбившего в конце 1066 г. или в начале 1067 г. Новгород – второй по значению город Киевской Руси. Таким образом, Ярославичи, избрав объектом нападения Минск, воздавали полоцкому князю «мерой за меру», не обостряя конфликт до крайности и оставляя возможность для разрешения противоречий путем переговоров, которые были предложены Всеславу летом 1067 г. в районе Орши. При подходе неприятеля к Меньску его обитатели «затворишася в граде». Тем не менее город был взят, его жители частично истреблены, частично розданы в качестве добычи воинам.

После этих трагических событий Меньск на несколько десятилетий исчез со страниц летописей. Лишь в «Поученье» Владимира Мономаха, вошедшем в ряд летописных сводов, упоминается о его внезапном нападении на Меньск с черниговцами, и с половцами-читеевичами. Полагают, что захват и разграбление города («и не оставихом у него ни челядина, ни скотины») произошли в 1085 г.

Положение существенно меняется в XII в. Политические события, связанные с Меньском и его князьями, постоянно притягивают внимание летописцев. В начале XII в. это были конфликты между меньским князем и великими князьями киевскими (в которых иногда участвовали и родичи Глеба Всеславича[2]), либо участие первого в столкновениях между князьями Киевской Руси и Полоцкой земли. В середине–второй половине XII в. Меньск вновь часто фигурирует в летописях в связи с тем, что его князья развернули борьбу за полоцкий княжий стол. Не преуспев в этом, меньские князья стали «приращивать» свои владения за счет соседних уделов и волостей. Впрочем, некоторое время оба процесса (и борьба за верховную власть в Полоцкой земле, и расширение владений потомков Глеба Всеславича) шли параллельно и как бы дополняли друг друга. После затухания этой борьбы (насколько можно судить из отрывочных и глухих сведений письменных источников, примерно в последней четверти XII в.) город вновь надолго исчезает со страниц письменных источников вплоть до отрывочных упоминаний о городе и его князе в источниках XIV в., когда Минск был уже в составе Великого Княжества Литовского.

Успешное противостояние могучему Киеву, а также Полоцку и поддерживающим его уделам дают основание говорить о большой значимости Меньска среди городов Полоцкой земли. В научной литературе в качестве критериев значимости того или иного восточноевропейского города времен классического средневековья (IX–XIII вв.) сторонниками формационной парадигмы выдвигаются наличие развитого ремесла и широких торговых связей, значительная площадь поселения, имеющего развитую топографическую структуру и мощные укрепления, а также наличие в городе памятников монументального зодчества (культового или светского). Впрочем, последний критерий не всегда можно установить, учитывая небольшую площадь и фрагментарность изученности городской территории археологическими раскопками и исключительно редкие случаи сохранения до наших дней памятников монументальной архитектуры (даже в искаженном позднейшими переделками виде) на уровне современной поверхности.

Далеко не всякий из средневековых городов, относимых их исследователями к значимым и развитым, обладает полным комплексом перечисленных выше признаков. Поэтому нередко археологи обходятся для подобных дефиниций набором из нескольких критериев, не заботясь особенно о том, что последние в силу их эмпиричности (и как следствие, субъективности) не являются вполне надежными. Мы исходим их того, что все упомянутые выше признаки являются по своей сути вторичными. Ведь развитие ремесла и торговли напрямую зависело от уровня спроса или местного рынка сбыта, т. е. от раз-

---

[1] Публикуемый текст представляет собой часть планового задания Ю. А. Заяца на 2006–2010 гг.

[2] Подробнее причины и результаты этих конфликтов, как и борьба меньских князей в середине–второй половине XII в. за полоцкий стол будут рассмотрены в отдельном параграфе, посвященном политической истории Меньска и Меньского княжества.

меров зависящей от города территории и населенности ее сельскими жителями; территориальный рост города был тесно связан с ростом его населения, приток которого в город опять же зависел от численности свободного населения волости (удела); наконец, богатство князя, владевшего уделом, дававшее ему возможности сооружать мощные укрепления в своем стольном граде и возводить в нем каменные терема или храмы, определялась размерами дани, поступавшей в княжескую казну от зависимого населения подвластных ему территорий. Таким образом, мы полагаем, что в эпоху средневековья значение и роль того или иного города определялись размерами зависимой от него территории и количеством населения, проживавшего на данной территории.

Менск – старший город волости. Наиболее ранняя запись о Менске в письменных источниках датирована 1067 г. [20, с. 162]. Она рассказывает о захвате города и расправе с его жителями объединенными силами трех южнорусских князей: великого князя киевского Изяслава Ярославича, князей черниговского Святослава Ярославича и переяславского Всеволода Ярославича. Но если город подвергся погрому в 1067 г., следовательно, он возник ранее этой даты, поэтому вопросы его происхождения и ранней истории могут осветить только археологические источники. Археологические исследования Замчища – детинца Минска, которые велись многие годы несколькими исследователями (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульским, Г. В. Штыховым и др.), показали отсутствие на этом памятнике слоев и материалов, которые хронологически соотносились бы с летописным рассказом 1067 г. [5, 13, 24, 30]. Попытки Э. М. Загорульского на основании данных дендрохронологического анализа отнести время сооружения ранних укреплений минского Замчища к 1063 г. [5, с. 148] не представляются убедительными [13, с. 27–28]. Проведенный нами анализ археологических источников с минского Замчища с опорой на недоступные в силу объективных причин Э. М. Загорульскому в момент работы над его монографией материалы раскопок середины 1980-х годов убедительно свидетельствуют, что наиболее ранние культурные напластования Замчища (в период Киевской Руси – детинца Менска на Немиге и Свислочи) следует датировать последними десятилетиями XI – началом XII в. [13, с. 28].

Вместе с тем нами отмечено, что верхняя дата культурного слоя эпохи Киевской Руси поселения на Менке существенно «омоложена» Э. М. Загорульским вследствие не совсем верного принципа датирования некоторых опорных вещей по не совсем удачно выбранным аналогиям [13, с. 28, 29]. Опубликованные этим исследователем позднесредневековые материалы городища на Менке практически совсем не дают представления о наличии на площадке культурного слоя конца XIV – XV в. [5, с. 44; 13, с. 29] и связи его с оборонительными сооружениями. Заметим также, что в предматериковых слоях минского Замчища совершенно отсутствуют материалы, которые можно было бы связать с описанными автором «Повести временных лет» событиями конца зимы 1067 г.

Кроме того, поход, предпринятый зимой 1067 г. Ярославичами в отмщение за разорение полоцким князем Всеславом Брячиславичем Новгорода, крупнейшего после Киева центра тогдашней Руси, должен был быть направлен против значимого и известного города Полоцкой земли, а не против пусть крупного, но только что возведенного (по Э. М. Загорульскому, около 1063 г.) града-крепости в устье Немиги. Между тем Менская волость, сформировавшаяся и оформившаяся уже к X – началу XI в., должна была иметь свой экономический и административный центр, который к моменту нападения Ярославичей должен был существовать несколько десятков лет и в силу этого быть хорошо известным в Киеве. Все это дает основание усомниться во мнении, что расположенное при впадении Немиги в Свислочь Замчище было тем градом Менеском, о котором рассказывается в летописи под 1067 г., и вынуждает искать его за пределами исторического центра современного Минска.

Поскольку главным признаком средневекового города периода Киевской Руси являлось наличие укрепленного центра (детинца, града), на роль городского центра волости может претендовать поселение, имеющее в своей структуре помимо открытой еще и укрепленную часть с напластованиями, датированными X – первой половиной XI в. Однако многие археологические памятники того времени, имеющие в своей структуре укрепленное и открытое поселение, на роль города – центра большой волости – претендовать не могут. В одних, таких, как комплексы у д. Новосады, Каменка и Старое Городище, укрепленные поселения эпохи раннего железного века и раннего средневековья использовались в качестве убежища, а не постоянно заселенной структурной части поселения, а открытые части поселений по характеру своей материальной культуры являлись типично сельскими; другие (Койданово, Лоск, Свислочь), имея напластования эпохи Киевской Руси на площадке, не имеют открытой территории – посада (также являющегося обязательной структурной частью города того времени) и к тому же располагаются на периферийной (приграничной) территории волости, что также препятствует интерпретации их как ее центра. Изучение таких городищ, как Каменка и Новосады, показало, что эти поселения, основанные в период раннего железного века, могли использоваться как укрепленные цен-

тры-убежища крупных общин, чьи открытые поселения примыкали к валам и рвам городищ. Ни по своим размерам, ни по мощности оборонительных сооружений, ни тем более по размерам заключенных внутри валов площадок, как и по общей площади поселения X–XI (первой половины XIII) вв., и по характеру материальной культуры эти поселения не могут претендовать на роль центра волости.

Из всех археологических памятников в пределах Менской земли на эту роль объективно может претендовать лишь археологический комплекс на р. Мена (современное местное название – Менка), расположенное в центре волости, а впоследствии – земли и имеющее сложную двухчленную структуру укрепленный центр («град») и открытый посад, иногда именуемый в литературе не совсем объективно селищем [5, с. 30].

Поселение на реке Мена. Археологический комплекс на р. Мена (после резкого обмеления и, как следствие, уменьшения протяженности русла чаще именуемой Менкой) состоит из сложно-мысового городища, расположенного на левом берегу Мены при впадении в нее ручья Дунай, теперь почти полностью пересохшего, и обширного неукрепленного поселения общей площадью в 40 га, размещенного по обоим берегам реки и ручья.

Городище имеет сложную конфигурацию, обусловленную прежде всего рельефом местности. Состоит оно из двух частей: большой, в плане близкой к неправильному четырехугольнику или пятиугольнику с мощными валами, ограничивающими территорию площадью около 1,25 га, и малой, вытянутой узкой полосой (размеры площадки 80 × 16–20 м) вдоль правого берега ручья Дунай по направлению к месту его впадения в Мену. Площадка большого городища имеет два уровня: северная часть ее резко понижается, так что перепад высот составляет 8–9 м [30, с. 64].

Зарождение и первый этап жизни на поселении у д. Городище на р. Мена. Наиболее ранней частью городища является его узкая мысовая часть, именуемая «малым городищем». Она была заселена еще в конце I тысячелетия до н. э. носителями культуры штрихованной керамики. На этом этапе существования мысовое поселение было защищено высокими крутыми (вероятно, искусственно эскарпированными) склонами холма и установленными по периметру площадки деревянными стенами. В 1967 г. Э. М. Загорульский, осуществивший прорезку вала малого городища (траншея № 3, продолжившая к западу северную стенку раскопа III), выявил на склоне городища «мощный слой» до 1,5 м культуры штрихованной керамики, отметив при этом, что в раскопе на площадке городища материалы этой культуры «представлены весьма слабо» [5, с. 51]. На опубликованном Э. М. Загорульским профиле траншеи № 3 [5, рис. 16: *1*] отчетливо видно, что слой с материалами культуры штрихованной керамики прослеживается с напольной стороны западного вала малого городища примерно на 6 м по склону от гребня, под которым структура вала экспедицией БГУ 1967 г. почему-то не изучалась. В верхней части этого слоя выявлены обгоревшие бревна и доски [5, с. 51], как нам представляется, – остатки уничтоженных огнем деревянных строений, вероятно, жилых построек, тыльная сторона которых на городищах раннего железного века выполняла функции оборонительных стен. Как можно судить по плану этого горизонта в траншее, ширина постройки достигала 8,0–8,5 м. Похоже, что искусственное эскарпирование склонов «малого городища» было достигнуто не только их подрезкой, но и подсыпкой верхней части склона, позволявшей как увеличить крутизну склона, так и несколько расширить площадку городища. Можно предположить, что в начале заселения мысовой холм не имел иных укреплений, кроме естественных, и только на финальном этапе существования здесь поселения культуры штрихованной керамики было произведено эскарпирование склонов возвышенности и возведены деревянные наземные укрепления.

Поскольку дата верхней границы культурного слоя с материалами культуры штрихованной керамики не установлена, а имеющие важное датирующее значение фрагменты керамической посуды [5, с. 51] руководителем раскопок не опубликованы, можно полагать, опираясь на следы разрушения, что разгром «городища штриховиков» был связан с приходом на земли центральной Беларуси нового населения – носителей археологической культуры типа верхнего слоя Банцеровского городища, а само укрепление городища описанными выше средствами могло быть вызвано именно угрозой вторжения иноплеменников.

Находки на территории неукрепленного поселения в раскопе XVII фрагментов сосудов, характерных для позднего периода существования культуры штрихованной керамики [12, с. 118], позволяет предположить, что в этот период какая-то часть населения начала переселяться с городища на открытое пространство неподалеку от укреплений. Но поскольку следы данного переселения представляют собой не культурные напластования или остатки каких-либо сооружений, следует полагать, что явление это было непродолжительным по времени и немасштабным по количеству переселенцев.

Именно после уничтожения деревянных укреплений мысового поселения культуры штрихованной керамики по его периметру сооружаются земляные укрепления (вал), высота которых, судя по профилю траншеи, прорезавшей вал, достигала 5,0–5,5 м. Перед возведением вала слой пожарища был засыпан слоем песка мощностью 0,4–0,5 м [5, с. 51].

Утверждения Э. М. Загорульского, что под валом малого городища имелись напластования «древнерусского времени» [5, с. 53], не соответствуют опубликованному профилю прорезки вала [5, рис. 16: *1*] и не имеют иного обоснования. Совершенно нельзя согласиться с заключительным выводом ученого по малому городищу, что сооружение его вала произошло не ранее конца XIV – XV в. И если его заключение, что в раннем железном веке эта часть «замка» (так исследователь именует городище на р. Мена) не имела искусственных укреплений, следует признать справедливым (с уточнением, что речь идет о земляных укреплениях), то стремление Э. М. Загорульского распространить этот вывод и на древнерусское время [5, с. 53] представляется нам необоснованным и надуманным. Заметим также, что культурный слой древнерусского времени (по терминологии Э. М. Загорульского) фиксируется в верхней части структуры насыпи вала, накладываясь на его склон, и вовсе отсутствует в иных частях насыпи.

Итак, несомненными представляются следующие моменты:

– территория, занимаемая комплексом археологических памятников у д. Городище на р. Мена, начала заселяться в раннем железном веке (в конце I тысячелетия либо на рубеже н. э.), когда на высоком мысу при впадении ручья Дунай в р. Мена носители культуры штрихованной керамики основали свое поселение;

– данное поселение ничем не выделялось из среды синхронных и однородных ему памятников раннего железного века центральных районов Беларуси, помимо того, что было укреплено искусственными деревянными оборонительными сооружениями лишь незадолго до его уничтожения. Площадь мысового поселения (до возведения на нем валов) составляла около 0,22 га.

Второй этап в истории комплекса на р. Мена связан с существованием здесь поселения банцеровской культуры [28, с. 360–363]. Как установлено исследованиями, ее носители весьма часто основывали свои поселения возле городищ предшествующей эпохи, укрепляли их земляными оборонительными сооружениями, но сами при этом селились поблизости в открытых поселках, используя городище в качестве убежищ при разного рода опасностях, а в некоторых случаях размещали на них свои святилища [19, с. 360–363]. Скорее всего, подобное предназначение (убежище, а быть может, и святилище) имело в третьей четверти I тысячелетия н. э. и малое мысовое городище на р. Мена. В правомерности подобного предположения убеждает прежде всего отсутствие в напластованиях малого городища слоя и материалов банцеровской культуры, на что косвенно указывал и Э. М. Загорульский, отмечавший в его культурном слое наличие существенного хронологического разрыва между отложениями раннего железного века и древнерусскими [5, с. 47]. Собственно поселение носителей банцеровской культуры размещалось рядом – на территории большого городища, где исследованиями А. Г. Митрофанова 1954 г. (раскоп II) выявлена характерная для этой культуры каменная вымостка. Находки фрагментов типичной для банцеровской культуры керамической посуды на большом городище отмечали М. А. Ткачев и Г. В. Штыхов. Подобная же керамика, равно как и глиняные биконические пряслица с большим отверстием, были найдены на территории неукрепленного поселения к югу и юго-востоку от городища, а также к северо-западу от него, на левом противоположном берегу р. Мена [12, с. 118, рис. 1: *5, 6*; 26, с. 193; 30, с. 64, 66–68]. Суммарная территория поселения банцеровской культуры на р. Мена (без учета убежища, которое, вероятно, не использовалось) достигала, по-видимому, 1,5–2,0 га или немного больше.

В период нахождения на менковском поселении племен – носителей банцеровской культуры, наблюдался, как свидетельствуют материалы раскопок, практически стабильный приток славянского населения с более южных регионов. Об этом свидетельствуют находки венчиков лепных горшков, относящиеся к раннему (с середины VII в.) и среднему (вторая половина VII – VIII в.) периодам волынцевской культуры [12]. Этот процесс продолжался и в последующие века, как можно судить по находкам фрагментов керамической посуды раннероменского периода (вторая половина VIII – конец IX в.) и культуры Луки-Райковецкой. Картографирование подобных материалов позволяет утверждать, что к IX–X вв. площадь неукрепленного поселения на р. Мена могла превышать 2,5 га.

Здесь следует заметить, что именно во второй половине I тысячелетия н. э. поселение на р. Мена начинает выделяться из среды иных поселений той же культурной принадлежности центрально-белорусского региона. Эта его особенность выразилась, во-первых, в постоянном притоке нового славянского населения (по нашему убеждению, носители банцеровской археологической культуры были преимущественно славянами) [14], а во-вторых, в том, что на этом поселении, занимающем географически центральное положение в регионе, между материалами третьей четверти I тысячелетия н. э. и X в. не имеется существенного временного хиатуса. Кроме того, нельзя не иметь в виду, что по своим размером поселение на р. Мена во второй половине I тысячелетия н. э. превратилось в крупнейшее из синхронных ему в регионе.

Третий этап развития поселения на р. Мена приходится на вторую половину X – первую половину XI в. Он характеризуется значительными из-

менениями в территориально-планировочном, экономическом и социальном содержании поселения.

Прежде всего, следует отметить существенный рост территории поселения. Керамическая посуда этого времени, изготовленная на ручном (медленном) гончарном круге и представленная горшками типов 1-IА,Б, 2-IА,Б и 3-IА (данная типология разработана нами для круговой посуды г. Изяславля (Заславля) [8], но, как показали наши исследования на иных памятниках Минской области, вполне пригодна для всех центральных районов Беларуси, впрочем, как и ее хронология) имеется практически в большем или меньшем количестве на всех участках культурного слоя поселения на р. Мена, т. е. на площади, близкой к 45 га.

К сожалению, расчленить материалы данного этапа на относящиеся ко второй половине X – началу XI в. и XI в. ныне не представляется возможным: находки раскопок середины 1970-х – 1980-х годов опубликованы Г. В. Штыховым далеко не полностью, а сами они большей частью были утрачены вследствие небрежного хранения в 1991 г. Проведенные позднее при разведках поверхностные сборы не позволяют уверенно выделить этапы территориального развития поселения в указанный период его существования.

Однако, опираясь на материалы исследованного нами на территории неукрепленной части поселения раскопа XVII, можно утверждать, что 92% всех комплексов, связанных с жилищами периода классического средневековья (X–XIII вв.), возникли именно в X в. Исходя из всех имеющихся у нас данных, можно полагать, что к концу X в. площадь поселения на р. Мена по обоим берегам реки и впадающего в нее ручья Дунай была близка к 8 га, а быть может, даже 10 га. Как и в прежние времена, в X в. наблюдался приток нового населения, прибывавшего на р. Мена с юга и юго-востока, а также с запада и юго-запада. Свидетельством этому являются фрагменты круговой керамической посуды, характерные для археологической культуры типа Луки-Райковецкой, а также так называемая волынская керамика.

От построек на поселении сохранились только заглубленные в материк и накопившуюся толщу культурного слоя материковые ямы, выполнявшие роль припечных и подпольных. Судя по отсутствию по их периметру ям от столбов, постройки эти были наземными срубными и, как вытекает из параметров подпольно-припечных ям, относительно небольших размеров. По мнению Г. В. Штыхова, некоторые ямы из его раскопа VIII (1975 г.), имевшие правильную прямоугольную форму и вертикальные стенки, могли быть жилищами-полуземлянками, однако ученый ставит под сомнение это предположение, отмечая, что в этих ямах «нет явных признаков печей» [30, с. 67]. Что касается застройки поселения, то, как видно из расположения подпольно-припечных ям жилищ, она была довольно плотной и бессистемной, по крайней мере, на участке между правыми берегами Мены и Дуная. Такая скученность застройки не позволяла обитателям этой части поселения устраивать рядом с жилищами сады и огороды.

В комплексах и напластованиях, относящихся к третьему этапу, полностью доминирует керамическая посуда, изготовленная на медленном (ручном) гончарном круге: горшки различных размеров, миски, сковороды. Но весь комплекс артефактов, полученных при раскопках поселения, свидетельствует о серьезных изменениях, затронувших его сущность (как социальную, так и экономическую). В первую очередь это значительное количество разнообразных привозных вещей: фрагменты амфор (Византия, быть может, Херсонес); бусы пастовые глазчатые (Византия), стеклянные лимонообразные простые и с красноватыми прожилками, стеклянные трубчатые пронизки и бисер рубленый (Скандинавия), бусы из сердолика и горного хрусталя (Средняя Азия и Ближний Восток) [27, с. 154, 155]; точильные бруски и серебряный ложновитой перстень с перевитью из сканой проволоки (Скандинавия); куски розового и лилового овручского сланца и множество изготовленных из него пряслиц (Киевщина). О развитии торговли на поселении свидетельствуют также находки обрубка слитка свинца цилиндрической формы длиной 16 мм, поперечным сечением 12 × 13 мм, весом 17,1962 г. По мнению Ш. И. Бектинеева, при кратности 5 единиц находка соотносится с теоретическим весом ногаты (3,439 г), а при кратности в 4 единицы (4,399 г) соответствует половине веса скандинавского артуга в 8,5 г. Таким образом, этот слиток является весовой гирькой второй половины X в. [3]. Еще одна бронзовая весовая гирька (вес 29 г) с этого поселения опубликована Г. В. Штыховым [30, с. 71, рис. 28: *8*]. К находкам, связанным с торговлей, относится и серебряный дирхам 893/984 г. (Арабский халифат, ал-Мутадид биллах; монетный двор Шош 280 г. х.[1]), использовавшийся в качестве украшения – привески, возможно, входящей в состав ожерелья. Развитие торговли и наличие широких торговых связей обусловлены не только центральным положением поселения на р. Мена в среде окружающих его деревень и сел, но и географическим расположением, позволяющим ему контролировать водные пути по рекам Птичь, Свислочь и Уса, по которым через систему волоков осуществлялась связь между Днепром (Черноморский бассейн) и Неманом (Балтийский бассейн). Несмотря на довольно большое ко-

[1] Определения выполнены В. Н. Рябцевичем.

личество и разнообразие найденных на поселении предметов из различных материалов, несомненные следы местного их производства в X в. (литейных форм, тиглей, инструментов и приспособлений, мастерских) до настоящего времени не обнаружены. Косвенными свидетельствами железоделательного или железообрабатывающего ремесла являются металлосодержащие шлаки. О наличии местного производства керамической посуды с использованием медленного (ручного) гончарного круга свидетельствует широкое распространение изготовленных на круге сосудов и отсутствие в слое и комплексах сопутствующих им фрагментов лепной (сделанной вручную) глиняной посуды. В пользу местного керамического производства «говорят», на наш взгляд, однотипность форм горшков и почти полная идентичность некоторых типов гончарных клейм.

На рассматриваемом поселении не выявлены укрепления даже временного характера, не зафиксированы находки, позволяющие говорить о наличии на нем представителей княжеской администрации. Похоже, что поселение управлялось местной общиной или же выдвинутым из ее среды органом. Если это так, то поселению на р. Мена в X в. были свойственны все формальные признаки, установленные группой ленинградских ученых для открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП), время существования которых в Восточной Европе приходится как раз на IX–X вв. [17, с. 33]. Это связь с водными путями, сравнительно большая площадь и мозаичность застройки, отсутствие или временный характер укреплений, зачатки ремесленного производства, клады, зарытые на территории или в ближайших окрестностях, а также наличие торга и капища [15, с. 33]. Торг, скорее всего, располагался в юго-восточной оконечности поселения, примыкающей почти к самому берегу р. Птичь, близ впадения в нее р. Мена. Следы капища пока не обнаружены, что вполне объяснимо, если учесть, что огромное поселение раскапывали лишь местами и даже на малом городище – наиболее подходящем для устройства капища месте – остались значительные неизученные участки. В своей монографии Г. В. Штыхов упоминает о трех монетных кладах, обнаруженных вблизи поселения на р. Мена, допуская, впрочем, неточности в их количестве, датировке и составе (принадлежности монет) [24, с. 72], но главное – ему неизвестно, что два клада были зарыты на территории селищ (сельских поселений) X–XI вв.[1] Таким образом, поселение на р. Мена в X в. по большинству признаков по терминологии А. Н. Кирпичникова и его соавторов вполне можно соотнести с ОТРП. Однако, по нашему убеждению, те поселения, которые они называют ОТРП, правильнее было бы соотнести с «местами» – типом поселений, упомянутых в «Повести временных лет» под 6455 (947) г. [20, с. 43].

Весьма значимыми находками являются фрагменты донцев круговых сосудов с изображениями клейм – княжеских знаков в виде двузубца и трезубца, являющихся знаком князей Рюриковичей, Игоря и Владимира Святославича соответственно. Знаком двузубца после смерти Игоря пользовался его сын Святослав, а во время его малолетства – Ольга, вдова Игоря, исполнявшая роль регентши при несовершеннолетнем сыне. По сути, даже после достижения Святославом совершеннолетия Ольга вплоть до своей смерти в 968 г. управляла Киевским государством, поскольку Святослав почти всегда был занят дальними походами (на Хазарию, Болгарию и Византию).

Мы полагаем, что в 947 г. княгиня Ольга занималась не только устройством повостов и установлением оброков и даней на севере и северо-западе державы (по рекам Мсте и Луге), но также успешно подчиняла себе все еще свободные от государственной (княжеской) власти места. Именно результатом этой ее деятельности является запись «ея суть по всей земли, знамения и места…» [21, с. 43]. Эти наши наблюдения соответствуют выводу А. Н. Кирпичникова и его соавторов, что в X в. или в начале XI в. ОТРП испытывают перенос места или же трансформацию в средневековый город [17, с. 33]. Причину этих явлений создатели термина ОТРП видели в снижении роли последних и попадании их под контроль феодальной администрации [17, с. 33].

«Окняжение» неукрепленного поселения-места на р. Мена было прочным и последовательным. Об этом свидетельствуют находки в его культурном слое и ямах конца X – начала XI в. около двух десятков днищ сосудов с изображением трезубца – знака великого князя киевского Владимира Святославича [5, рис. 9: *21–25*; 30, с. 66, рис. 53: *16*]. Подобные изображения на днищах сосудов найдены нами при раскопках сельских поселений, составлявших округу места на р. Мена, – селищ на р. Лошица у д. Дворецкая Слобода и Дружба (Рыловщина), сосуд с таким же клеймом найден в курганном захоронении близ д. Дворище в верховьях Лошицы.

Процесс трансформации места (ОТРП) на р. Мена в средневековый город был связан прежде всего с сооружением на его территории укрепленного центра, без которого восточнославянский город периода классического средневековья был вообще не мыслим. Существовавшее на этой территории небольшое мысовое городище, возникшее в период ран-

[1] Устная информация В. Н. Милютина, помогавшего нам в обследовании верхнего течения р. Птичь в начале 1990-х годов. Упоминаются клады, найденные у д. Новый Двор, Лецковщина и некой деревни в имении графа Гуттен-Чапского [30, с. 64]. Между тем д. Лецковщина входила в имение Гуттен-Чапского и, судя по датировкам и составам монет, на деле речь идет об одном и том же кладе.

него железного века, не могло, прежде всего по причине небольших размеров, играть роль городского детинца. Для решения проблемы к малому городищу, чьи укрепления «достраивались», модернизируясь, в VI–VIII вв. либо IX–X вв. присоединили так называемую большую площадку, обнеся ее со всех сторон валом и рвом, концы которого примыкали к устью ручья Дунай на юго-западе и к берегу р. Мена на северо-востоке. В плане площадка большого городища и вал имеют форму, близкую к четырехугольнику или квадрату со скругленными углами. В результате этих работ общая полезная площадь укрепленного центра несколько превысила 1 га.

Когда же произошло сооружение детинца поселения на р. Мена? В археологической науке существует несколько противоречивых и взаимоисключающих взглядов на время создания расширенного укрепленного поселения на р. Мена. М. А. Ткачев, проводивший изучение укреплений большого городища в 1969 г., по результатам прорезки (скорее, даже зачистки профиля) вала в месте южного въезда на городище выделил шесть этапов его возведения, датируя каждый из них. Общие же хронологические рамки этих работ он определил IX–XI вв. [26, с. 192–199]. Однако неудачно выбранное место исследования вала (нарушение стратиграфии вследствие осыпания слоев в этом искусственном и, вероятно, позднем разрыве вала), отсутствие связи между стратиграфией укреплений и культурного слоя площадки, сомнительное выделение этапов строительства (практически по структуре насыпи вала, материал для разных частей которого могли брать из различных мест и с разных глубин) не вызывает доверия к выводам М. А. Ткачева, подвергнутым объективной и справедливой критике Э. М. Загорульским [4]. Неожиданно высказывания С. А. Ткачева получили поддержку со стороны известного исследователя истории и археологии Полоцкой земли – московского археолога Л. В. Алексеева. Не приняв интерпретацию Э. М. Загорульским Строчицкого, или Менского, городища как укрепленного двора феодала или селянина, Алексеев предложил считать его центром Менской волости [1, с. 386], т. е. повторил мнение, изложенное в нашей публикации 1993 г. [7, с. 10, 11], с той лишь разницей, что нами в качестве центра волости рассматривалось все поселение на р. Мена, включая как городище, так и неукрепленное поселение. Выступая против версии о предшествующем Менску на Свислочи центру на р. Мена, Э. М. Загорульский выдвигает тезис о временном хиатусе между функционированием обоих поселений, опираясь при этом на установленную им верхнюю дату древнерусского слоя городища на Мене и нижнюю дату культурных напластований минского Замчища. Причем последнюю он отождествляет с окончанием возведения оборонительных сооружений (вала) Замчища, определяемого на основе дендрохронологического анализа бревен, 1063 г. Нами неоднократно отмечалась неубедительность дендрохронологического обоснования подобной датировки вала минского детинца [10, с. 15–16; 13, с. 28].

Дата нижнего слоя Замчища определена нами по комплексу материалов из отложений, перекрытых частью насыпи вала, относящейся ко второму этапу его строительства, при котором основание вала было расширено в сторону площадки детинца. Время совместного бытования найденных в отложениях под этой частью вала предметов определяется последними десятилетиями XI – началом XII в., что подтверждается и датой артефактов из культурного слоя, наложившегося на внутренний склон «достроенного» вала. Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие в нижних напластованиях детинца Минска на Свислочи немалого количества предметов вооружения, здесь нет явных следов военного разгрома, описанного летописцем в статье 1067 г., того разгрома, свидетельств которому Э. М. Загорульский и Л. В. Алексеев не видят (или не хотят видеть) в напластованиях поселения на р. Мена [1, с. 381; 5, с. 47].

Э. М. Загорульский, изучавший в 1967 г. вал большого городища траншеей, связанной с раскопом VI, относит возведение его к XIV–XV вв., полагая, что на позднее происхождение указывает и сама форма большого городища [5, с. 63; 6, с. 19]. Автор упорно настаивает, что валы городища «были насыпаны поверх культурного слоя древнерусского времени» и, таким образом, «не имеют никакого отношения к древнерусскому поселению», настаивая тем самым на сельском характере самого поселения древнерусского периода [6, с. 19].

Прежде всего отметим, что хотя траншея № 2, которой Э. М. Загорульский в 1967 г. изучал вал большого городища на р. Мена, была соединена с разработанным на площадке городища раскопом VI, примененная археологом методика разработки траншеи была далеко не лучшей: судя по опубликованному ее профилю [5, рис 16: *II*], прорезка производилась частично траншеей различной глубины, частично колодцеобразными шурфами, причем нигде уровень материка достигнут не был. В результате не удалось надежным образом «связать» стратиграфию насыпи вала и культурных отложений площадки городища, что, разумеется, ставит под сомнение как стратиграфические обоснования датировки, так и саму датировку укреплений, предложенную Э. М. Загорульским. То обстоятельство, что мощность древнерусских напластований, зафиксированных в траншее № 2, больше чем на площадке, объясняется в публикациях исследователя скорее на уровне предположения или догадки об использова-

нии части культурного слоя, взятого с места отрытия оборонительного рва для насыпи вала [5, с. 53–54; 6, с. 19]. Каким образом удалось исследователю определить мощность древнерусского культурного слоя под насыпью вала, не доведя траншею прорезки укреплений до материка, остается загадкой. Но в любом случае использовать находки из его верхней (перемещенной) части для обоснования датировки, по нашему мнению, не вполне корректно.

Вызывает сомнения и верхняя дата культурного слоя площадки городища на р. Мена, установленная Э. М. Загорульским (по предложенной им периодизации – завершение второго этапа жизни на этом поселении [5, с. 44]). Полагаем, что мнение исследователя об отсутствии в верхних пластах культурного слоя городища предметов «моложе начала XI в.» [5, с. 59] – плод не совсем верного датирования, выполненного по неудачно подобранным аналогиям. Например, стремена, представленные в раскопках Э. М. Загорульского преимущественно фрагментами верхних частей, датированы исследователем второй половиной I тысячелетия н. э. – началом II тысячелетия н. э. по аналогиям из опубликованного в 1962 г. Ф. Д. Гуревич свода археологических памятников Понеманья [5, с. 42]. Но, судя по специальному исследованию А. Н. Кирпичникова, подобные верхние части характерны для стремян типов II, VII, IX и IXa, употреблявшихся в X–XI, XI–XIII, «до начала XII в.» и во второй половине XI – XVI в. [16, с. 12, 47, 48, 50–53]. Грушевидные с крестообразной формой бубенчики были в употреблении не до середины XI в., а до середины XII в. [23, с. 156]. Нельзя согласиться с мнением Э. М. Загорульского, что в слое Менковского городища отсутствуют материалы, вошедшие в употребление со второй половины XI в. [5, с. 44]. Число таких предметов вообще невелико, но на городище найдены артефакты, период употребления которых охватывает и вторую половину XI в. Помимо уже упомянутых фрагментов стремян это подковообразные фибулы, завершающиеся на концах макоподобными головками (X–XIII вв.), наконец, витой перстень со сканой перевитью, вошедший в употребление с середины XI в.

К сожалению, в публикациях Э. М. Загорульского по городищу на Мене не представлены статистические данные по керамической посуде, найденной в древнерусских слоях городища. По материалам наших исследований неукрепленной части поселения на р. Мена, среди найденных фрагментов керамической посуды значительную часть составляют горшки, аналогичные выделенному нами для керамики Изяславля горшкам типа 2-IГ, характерным для слоев последних десятилетий XI в. – начала XII в. Поэтому нет никаких оснований для искусственного сокращения времени бытования находки с Менковского городища, ограничивая ее несколькими последними десятилетиями всего периода употребления изделий данного типа. Как, кстати, нет никаких оснований и для датировки укреплений городища концом XIV в. – началом XV в. либо иным временем, выходящим за пределы эпохи Киевской Руси. Одним из аргументов Э. М. Загорульского в пользу позднего происхождения укреплений большого городища на р. Мена, которое он без всякого на то основание упорно именует в своих публикациях замком (неправомерность употребления данного термина в отношении рассматриваемого памятника обстоятельно раскрыта Л. В. Алексеевым [2, с. 69]), является конфигурация валов городища, приближающаяся в плане к четырехугольнику. Однако, как следует из основательного изучения фортификационного искусства периода Киевской Руси, укрепления с подобной конфигурацией правильной геометрической формы появились на территории обитания восточных славян не позднее X в. [22]. Не лишним будет заметить, что принадлежность городища в устье Немиги (минского Замчища) к укреплениям с геометрической формой не вызывает почему-то у исследователя Минска желания «омолодить» его датировку.

Наибольший интерес для установления времени сооружения укреплений большого городища на поселении на р. Мена представляют результаты изучения его вала в 1979–1983 гг. Г. В. Штыховым, прорезавшим вал в северной части городища траншеей шириной 6 м. Данные, полученные при этих работах, впервые были опубликованы в 1998 г. Л. В. Алексеевым и лишь в 2000 г. самим Г. В. Штыховым. Впрочем, информацию по данной проблеме в обеих публикациях нельзя признать исчерпывающей.

Основу первоначальной насыпи вала составляли размещавшиеся по его оси в три ряда бревенчатые клети-срубы, сохранившиеся в высоту на 1,85 м (от 7 до 10 венцов). Размеры вскрытых клетей 3,5–4,0 × 4,0–4,7 м; техника рубки – «в обло» с остатком. Диаметр бревен от 0,2 до 0,5 м. Клети были заполнены суглинком и супесью. Изначальная высота вала в месте прорезке составляла 4 м. Вероятно, клети среднего ряда на гребне вала выходили на поверхность и имели продолжение в виде навальной оборонительной стены из городень и боевых площадок (заборол). Скорее всего, при гибели в огне этих деревянных навальных оборонительных сооружений и образовался слой золы мощностью до 1,0 м, зафиксированный на профиле вала. По мнению Г. В. Штыхова, этот первоначальный вал большого городища был возведен в конце X – начале XI в. [30, с. 186], но ранняя граница даты не представляется нам надежно обоснованной.

Вскоре после гибели в огне деревянных оборонительных стен высота вала была увеличена до 5,5 м, при этом несколько расширилось и его основание,

а внешний склон частично обложен камнями; позднее высота земляного вала была доведена до 8 м.

Сопоставление стратиграфии всех трех разрезов вала «большого городища» показывает наличие между ними определенных совпадений, позволяя полагать, что бревенчатая конструкция, выявленная Э. М. Загорульским в структуре вала [5, рис. 16: *II*], является остатками внутривальных клетей-срубов, аналогичных открытым Г. В. Штыховым, а вовсе не лежнями, уложенными на «илистом влажном грунте поймы», каковыми он их пытается представить [6, с. 20].

Зафиксированные в прорезке вала 1069 г. М. А. Ткачевым остатки сгоревшего дерева синхронны слою золы в прорезке Г. В. Штыхова и являются остатками навальной оборонительной стены, погибшей в огне.

В таком случае становится очевидным, что вал, окруживший большую площадку городища поселения на р. Мена, сооружался единовременно и по единому технологическому принципу. Согласно находкам керамического материала в прорезке 1979–1983 гг. [31, рис. 40], изначальный вал большого городища был сооружен, скорее всего, в последние десятилетия X в. или же на рубеже I/II тысячелетий н. э.

С возведением укрепленного центра на берегах Мены и ручья Дунай поселение на р. Мена приобрело недостающую для соответствия критериям города эпохи Киевской Руси функцию. Обитатели поселения, теперь уже города, продолжали активно заниматься торговлей, о чем свидетельствуют такие ранее не отмечавшиеся в культурном слое находки, как фрагменты керамических амфор. Появилась и новая отрасль ремесленного производства – изготовление шиферных пряслиц [30, с. 69]. И хотя пахотное земледелие было одним из занятий части обитателей города, все же нет никаких оснований причислять данное поселение к аграрным или земледельческим [11, с. 64], как это пытается сделать Э. М. Загорульский [6, с. 20].

Трудно ответить на вопрос: имело ли место неукрепленное поселение на реке Мена имя собственное, а если и имело, то какое? Но город, в который место трансформировалось с возведением укрепленного центра – детинца, по нормам, характерным для большинства восточнославянских городов на территории Беларуси, а также за ее пределами, должен был получить название. Образованный с помощью суффикса *-еск* от реки, на которой стоял, он, таким образом, стал именоваться Менеск, либо Меньск. Попытки вывести название города Меньск от имени собственного либо слова «мена» являются наивно-легендарными либо наивно-примитивными. Поселениям на реках Мена и Немига была свойственна торговая функция, однако товары сбывались и приобретались в ту пору путем купли-продажи, а не обмена, на что указывает, в частности, наименование мест подобных сделок в источниках – «торг», «торговище» [20, с. 166, 169]. Во время событий, описанных в летописи под 1067 г., укрепленного поселения при впадении Немиги в Свислочь еще не было. Кстати, когда оно было основано, то, по существовавшим канонам образования названий городов, должно было именоваться Немизеск либо Немизск, но никак не Меньск (Менеск).

Что касается упоминания Немизы в «Списке русских городов дальних и ближних», ссылками на который пытается подкрепить свою версию о месте возникновении Минска Э. М. Загорульский, то данный список был составлен, скорее всего, между 1387 и 1392 г. Автор его в ряде случаев демонстрирует хорошую осведомленность, указывая реки, на которых стоит город, наличие оборонительных стен и храмов. Ничего из подобных сведений по Немизе в «Списке» не имеется; более того, в перечне городов, находящихся на территории Литвы, автор поместил Немизу между Друцком и Оршей [25, с. 87, 90, 112]. Похоже, что основным методом формирования «Списка» для его автора были выписывание географических названий из летописных сводов. По этой причине наряду с городами в «Список» могли попасть и редко встречающиеся названия рек.

Мы вполне убеждены, что Немига, к которой вскоре после взятия Менеска двинулись войска Ярославичей, была небольшой речкой, впадающей в Свислочь, а вовсе не городом, как это предполагает Э. М. Загорульский, утверждающий, что о существовании такого города известно из летописи (в ссылке на источник, не указав конкретной страницы) [6, с. 18]. Наше убеждение основано на следующем: во-первых, в языке эпохи Киевской Руси для обозначения движения к реке наряду с предлогом «на» широко использовался и предлог «к» (например, в произведении второй половины XII в. «Слово о полку Игореве» неоднократно встречаем «побегоша к Дону великому», «Игорь к Дону вои ведеть!»), во-вторых, упоминание в том же «Слове о полку Игореве» кровавых *берегов* Немизы в принципе снимает вопрос о том, река или город фигурируют под этим названием в летописной статье 1067 г.

Сооружением детинца, превратившим на рубеже X/XI в. неукрепленное место на р. Мена в город Менеск, либо Меньск (при этом прилегающая к валам неукрепленная территория по сути стала городским посадом), завершился первый период третьего этапа истории поселения. Второй период третьего этапа (может условно обозначаться как время раннего средневекового города) охватывает большую часть XI в., вплоть до 1067 г., а может быть, и почти до конца XI в.

С трансформацией в город поселение на р. Мена, изначально занимавшее особое место среди прочих

поселений региона, становится настоящим центром (административно-экономическим, военным и пр.) территории обширной волости, которая по названию центра должна была именоваться Меньской. Сам центр волости успешно развивался – к середине XI в. общая площадь поселения, тянувшегося по обоим берегам Мены и ручья Дуная, приближалась к 45 га. Впрочем, насколько позволяют судить раскопки, в старых частях неукрепленного поселения застройка оставалась хаотичной, бессистемной. Как обстояло дело с планировкой новоосвоенных участков, пока не известно. Можно лишь предполагать наличие определенной системы планировки на территории детинца. Хотя на его территории несколькими раскопами разработана значительная суммарная площадь, в публикациях приводятся лишь разрозненные и отрывочные сведения об остатках отдельных построек, не проливающие свет на проблемы планировки. Новые исследования на городище, к сожалению, не смогут помочь освещению данного вопроса: в 1967 г. там проведены техникой большие нивелировочные работы, в результате которых на значительной площади культурный слой был срыт до уровня материка, оказался поврежденным в ряде мест и внутренний склон вала [30, с. 65].

Среди неразрешенных проблем первоначального Меньска – вопрос: какой из трех выделенных этапов в развитии оборонительных сооружений его детинца можно соотнести с событиями 1067 г.? Весьма заманчивым представляется соотнесение этих событий с первоначальными укреплениями: невысокий четырехметровый вал действительно мог не защитить менян от яростного штурма соединенного войска Ярославичей, а следы пожара навальных укреплений вполне соответствуют картине захвата града, тогда как последующее увеличение вала вполне соотносилось бы с восстановлением Меньска и стремлением усилить его детинец. Однако деревянные города и их укрепления в ту пору горели не только во время военных действий: Э. М. Загорульский упоминает о нескольких пожарах на поселении, в том числе и о происшедших в X в. и в начале XI в. [5, с. 63; 6, с. 19]. Как раз пожар начала XI в. (к этому времени относится борьба за киевский стол между Ярославом и Святополком, правившим в Турове – центре земель дреговичей, на северной окраине которой находился Меньск). Последнее усиление вала меньского детинца могло произойти вскоре после вхождения Меньской волости в состав Полоцкой земли при князе Брячиславе Изяславиче либо ближе к середине XI в., когда сын его Всеслав, князь полоцкий, готовился к нелегкому противостоянию с Киевом.

Погром, учиненный городу на Мене и Меньской волости в 1067 г. великим киевским князем и его братьями-союзниками, был тяжелым, но не фатальным: на поселении, хотя не повсеместно и в не очень больших количествах, представлены материалы конца XI–XIII в. Вероятно, эти обстоятельства и способствовали тому, что в 1085(6) г. Меньская волость одной из первых в Полоцкой земле выделилась в удельное княжество, правителем которого стал Глеб Всеславич, незадолго до этого сочетавшийся браком с Анастасией – дочерью Ярополка Изяславича, сидевшего на уделах Владимиро-Волынском и Туровском [5, с. 16].

Впрочем, старый центр волости (Меньск на р. Мена) уже не удовлетворял требованиям центра удельного княжества. И не удовлетворял вовсе не потому, что вследствие истощения почв в окрестностях обитатели вынуждены были искать новые места для поселения [5, с. 62–63] – город кормила сельская округа, а князь имел возможности обеспечить приток продовольствия в свой стольный город; и не потому, что могла обмелеть р. Мена или измениться направления торговых путей [30, с. 72] – обмеление рек произошло значительно позже, в период хищнической вырубки лесов и бездумной мелиорации (р. Птичь, например, еще в середине XIX в. на большей своей протяженности оставалась сплавной и судоходной, причем судоходству в большей степени препятствовали низкие мосты и мельничные плотины). Направление водных торговых путей в рассматриваемое время не изменялось, наоборот, роль Птичи как связующего звена между Днепром и Неманом возросла, особенно после того как утвердилась независимость Полоцкого княжества, которое посредством г. Изяславля контролировало верховья р. Свислочь – еще одно связующее звено на пути из Днепровско-Черноморского бассейна в Неманско-Балтийский.

Имеется еще две точки зрения на причину перемещения центра удела (волости) с р. Мена на р. Немига: новый княжеский центр сооружался в противовес прежнему, племенному, поскольку на смену родоплеменной организации явилась организация государственная [1, 18]. При этом Л. В. Алексеев считает, что жизнь центра на р. Мена прекратилась, «когда «Меньск» со всем «менским племенем» был захвачен полоцким князем», не замечая, что при такой постановке проблемы между прекращением функционирования одного центра и основанием другого возникает существенный временной разрыв, и не видя явной надуманности своего постулата о захвате Меньска и его волости полоцким князем. В таком случае в 1067 г. при подходе войск Ярославичей «менянам» следовало бы не затворяться в граде, а хлебом-солью встречать долгожданных освободителей. По версии О. Н. Левко Меньском на р. Мена после основания этого града уже управляли представители администрации великого князя киевского, так как дань с этой волости «в конце X –

начале XI в. собирал киевский князь» [18, с. 43]. Следует уточнить, что впоследствии, вероятно, дань собирал его наместник в Турове – княжич Святополк. Таким образом, Меньск в то время хотя и не имел своего князя, но был княжеским городом, являясь, если использовать более позднюю терминологию, «пригородом» Киева и, вероятно, какое-то время Турова.

Думается, необходимость основания нового центра волости, или уже удела, была обусловлена комплексом причин, среди которых немаловажное значение имела следующая. События 1067 г. показали недостаточную защищенность города на р. Мена. Увеличение мощности искусственных земляных укреплений (в два этапа: с 4,0 м до 8,2 м) неизбежно вело к сокращению полезной площади внутри небольшого детинца, который, конечно же, в случае опасности не мог укрыть жителей разросшегося посада. Однако рельеф местности не способствовал расширению существующего детинца или возведению рядом с ним мощного окольного города (подобную ситуацию с проблемой несоответствия старого укрепленного центра, или детинца, нуждам разрастающегося города мы наблюдаем в Полоцке, в котором взамен старому городищу, которое не могло быть расширено, возвели новый укрепленный центр при впадении р. Полота в р. Западная Двина). Разумеется, новый окольный центр можно было возвести за пределами существующего поселения, но это неизбежно привело бы и к перемещению посада, т. е., по сути, к созданию нового города.

Впрочем, сооружение нового центра волости на значительном удалении от старого помимо возможности возвести детинец нужных размеров, так сказать, с запасом на будущее, давало и иные выгоды. Политические преобразования в Киевской Руси XI в. поставили Туровское княжество фактически под двойную власть великого князя киевского. В этой ситуации главный водный путь, связывающий прежний центр Менской волости с южными землями, Киевом и Византией, – р. Птичь без труда могла перекрываться недоброжелательными южными соседями. Таким образом, меняне попросту не могли бы добраться по Птичи до Днепра и были бы заблокированы еще на Припяти, если не в низовьях самой Птичи. В такой ситуации более удобным для Менской волости (или княжества) становился водный путь через Березину и Свислочь, тем более что сооружение нового центра на Свислочи давало возможность создать конкуренцию расположенному в верховьях этой реки городу Изяславлю в контроле над путем из Черноморского бассейна в Балтийский. А это могло стать важным аргументом в притязаниях менского князя Глеба Всеславича на лидерство в Полоцкой земле после смерти Всеслава Брячиславича.

На протяжении третьего, основного для него этапа истории поселение на р. Мена переживало бурное развитие, выражавшееся в следующем:

– в значительном росте территории (до 30 га к концу X в. и 45 га к середине XI в.). Пропорционально территории увеличивалось и население;

– на неукрепленном тогда поселении развивалась торговля, зарождались некоторые виды ремесел (гончарное, железоделательное и железообрабатывающее); по суммарным характеристикам оно в X в. соответствовало типу места или открытого торгово-ремесленного поселения;

– данное поселение (место), являвшееся экономическим, а, возможно, также культурным и культовым центром обширной сельской округи, после взятия его под контроль около середины или во второй половине X в. правителями Киевской Руси и появления на нем постоянных представителей администрации великого князя киевского, превратилось в административный центр обширной округи – волости;

– с возведением в конце X в. или на рубеже X/XI вв. на территории исторического ядра места укрепленного центра поселение трансформировалось в восточнославянский средневековый город, в котором укрепленный центр выполнял функцию городского детинца, а неукрепленная часть – функцию посада. Около 1085(6) г. с выделением Менской волости в удельное княжество Полоцкой земли Меньск стал стольным городом этого одного из ранних и, пожалуй, самых крупных уделов;

– в результате связанного с военными действиями погрома 1067 г. и, быть может, повторного в 1085 г. город на Мене (Меньск) пришел во временный упадок и по ряду причин (среди которых доминировала необходимость иметь стольному городу более обширный детинец с мощными укреплениями) в последние десятилетия или последние годы XI в. при впадении р. Немига в р. Свислочь был возведен новый укрепленный центр, возле которого постепенно начал формироваться его посад. На эту новую столицу удела было перенесено название прежнего центра Меньск, под каковым он и фигурирует в летописях с начала XII в.

Последующий ***четвертый этап***, который можно обозначить как ***постгородской***, связан с функционированием поселения на р. Мена в конце XI – XIII в., поскольку, вопреки мнению некоторых исследователей этого памятника археологии [5, с. 56, 59], жизнь на нем после событий 1067 г., повлекших основание нового центра удела, не прекратилась. Видимо, по этой причине материалы данного периода исследователями практически не были опубликованы, а нередко не помещались в отчетах о полевых исследованиях.

Поэтому в оценке постгородского этапа мы опираемся на материалы собственных исследований

памятника на р. Мена и тех раскопок Г. В. Штыхова, в которых нам довелось принимать участие. Кстати, в одной из монографий Г. В. Штыхова отмечается, что в общей массе (2400 экземпляров) венчиков горшков из раскопа VIII (1975 г., 900 м^2) типы третий и четвертый, распространенные в XII–XIII вв., составляют 1,7 и 1,4% соответственно [30, с. 67]; в разработанном нами раскопе XVII на участках разных лет исследования одновременная керамика составляла от 9 до 11,7% всей керамической посуды, в общей массе которой доминировали типы, характерные для X–XI вв. Примерно в 10% остатков построек, основанных на предыдущем этапе истории поселения, выявлены материалы, свидетельствующие о продолжении жизни в них или на их месте и на протяжении четвертого этапа. Не пустовал и укрепленный центр поселения: на территории малого городища, которое легче было привести в порядок после погрома, найдены относящиеся к четвертому этапу бронзовые четырехугольная нательная иконка и наконечник ножен меча. К этому же времени вполне могут относиться упоминавшиеся выше ключи от замков типа В. Судя по этим находкам, на территории малого городища мог после частичного уничтожения детинца размещаться укрепленный двор феодала. Пока совершенно неясно (скорее по причине небольшого количества индивидуальных находок XII–XIII вв.), какой характер имело неукрепленное поселение, сохранявшееся на месте бывшего посада. Впрочем, ясно, что оно уже не было городским и утратило то центральное, скорее всего доминирующее, положение, которое занимало в регионе на протяжении нескольких столетий. С XIV в. оно превратилось в ***местечко,*** однако это уже новый, ***пятый этап в истории поселения,*** выходящий за временные рамки нашего исследования.

Менск на р. Немига (р. Свислочь). В отличие от поселения на р. Мена, которое на пути развития к городу прошло несколько длительных этапов, поселение, расположенное при впадении Немиги в Свислочь, изначально основывалось как стольный город удельного княжества. И поскольку княжество, а прежде волость, именовалось Менским, то новый их центр, естественно, должен был называться Меньском, восприняв это название от своего предшественника. Тем не менее новая столица не сделалась единовременно полноценным городом в научном (археологическом) понимании данного термина. Поскольку одной из причин строительства нового центра удела была необходимость иметь в нем более просторный и мощный детинец, первоочередное внимание уделялось именно ему. И в конце XI в., а может, даже начале XII в. территория города на Немиге ограничивалась укреплениями его детинца [15, с. 30].

Детинец Меньска был заложен на правом (наиболее насыщенном сельскими поселениями) берегу Свислочи при впадении в нее небольшой речки Немига (на левом берегу последней по руслу, которое она имела в конце XVIII – первой половине XX в.). Мнение, что близ устья р. Немига расходилась на два рукава, практически огибая детинец с длинных сторон его, не имеет временных привязок и, по сути, остается рабочей версией, требующей разработки и подтверждения.

Основатель детинца – скорее всего, им был менский князь Глеб Всеславич – указал строителям на расположенную в устье Немиги песчано-гравиевую возвышенность, которая сформировалась на стадии деградации днепровского ледника. Песчано-гравиевая толща ее залегает на галечно-валунном горизонте, придающем устойчивость верхним слоям.

Поэтому строители, хотя и пытались придать детинцу правильную геометрическую форму в виде полуовала, вынуждены были все-таки придерживаться конфигурации возвышенности, особенно в самом высоком ее месте (в северо-восточной оконечности, примыкавшей к берегу Свислочи, за которой, собственно, в более поздние времена и закрепилось название «Замчище»). Не связанные застройкой предшествующего времени строители, стремясь, с одной стороны, придать укреплению правильную форму, а с другой – окружить валом максимально возможную площадь, возвели вал в его юго-восточной части не на вершине естественной площадки, а на ее склоне. В результате внутренняя площадь детинца достигла 3,0 га, что поставило Менск на Немиге в разряд наиболее крупных детинцев с несложносоставной формой, а сам Менск – в число городов с крупным (по площади) укрепленным центром.

Основу песчаной насыпи вала составляла внутренняя решетчатая деревянная конструкция из тонких (12–22 см в диаметре) сосновых бревен, уложенных на лаги, располагавшиеся по оси вала. Сохранившаяся высота субструкции на исследованном участке – 2,4–3,4 м. Ширина первоначального вала у основания – 15,5–16,0 м, высота (расчетная) – 6,0 м. Для прочности склоны были обложены дерном, а с внешней стороны еще и слоем глины. Высыхая, она приобретала твердость, а в сезон дождей и сырости затрудняла вследствие вязкости подъем на вал. Время сооружения первоначального вала определяется последними десятилетиями XI в. [10, с. 14, 25].

Эти первоначальные укрепления, несмотря на их внешнюю внушительность, оказались недостаточными для защиты обитателей, поэтому спустя непродолжительное время после возведения (точнее, в начале XII в. [10, с. 25]), подверглись реконструкции. В результате ширина основания вала была доведена до 25–26 м, а высота – до 7– 8 м [10, с. 17, 21], что позволило, не изменяя крутизну склонов, расширить верхнюю навальную площадку до 3–4 м и установить на ней срубные оборонительные

стены с заборолами, существенно усилившими защищенность детинца [10, с. 30–34]. При реконструкции вала его основание расширялось как в сторону поля, так и в сторону площадки, со стороны которой новая насыпь крепилась с помощью опорной деревянной стенки так называемой крюковой конструкции [10, с. 17, 20, рис. 3, 5–8]. Тем не менее за счет расширения вала в сторону площадки полезная площадь городища в начале XII в. сократилась до 2,5–2,6 га.

Судя по изображениям Замчища на планах Минска XVIII в., в его валу имелось три разрыва, вероятно, соответствующих въездам [10, рис. 2], но археологически подтверждено только существование южного, основного (как можно считать по прохождению сквозь него ул. Великой), а быть может, для рассматриваемого нами периода и единственного.

Юго-восточный въезд в детинец, как показали археологические раскопки 1984–1985 гг., представлял простой разрыв в линии вала, защищенный мощной дубовой брамой (воротной башней). За рассматриваемый нами период на этом месте последовательно были возведены, а затем погибли в огне три брамы (наиболее поздняя (третья) брама, судя по находкам из перекрывшего ее остатки слоя, разрушена около середины XIII в. [10, с. 45]).

Наиболее изученной является вторая брама, сооруженная в начале или в 20–30-е годы XII в. и просуществовавшая до конца XII в. либо начала XIII в. [10, с. 43, 45]. Основу ее составляли располагавшиеся двумя параллельными рядами клети-срубы, служившие опорой для верхнего этажа, по периметру которого проходили боевые площадки-заборола, а в центре располагались надвратная церковь и помещение для стражи [10, рис. 25, 26]. Вероятней всего, брама состояла из двух объемов – малого и большого, что позволяло значительно увеличить мощность фронтального обстрела подступов к проезду. Боевые площадки большого объема брамы стыковались с заборолами оборонительной стены, позволяя защитникам города беспрепятственно передвигаться над разрывом вала в месте проезда. Брама запиралась на несколько (от двух до четырех) ворот. Двухскатная крыша большого объема и увенчанная крестом четырехскатная крыша храма делали ее архитектурной доминантой города.

При археологических раскопках внутри детинца выявлено около 150 остатков деревянных построек, из которых срубные сохранились на 1–5 венцов. Основным типом жилых и хозяйственных построек был сруб площадью от 16 до 25 м^2 [5, с. 168]. Застройка детинца была подворная и усадебная. Усадьбы имели площадь в 220–250 м^2 и отличались устойчивой внутренней планировкой. Ограды усадеб примыкали к деревянным мостовым улиц шириной от 3 до 4 м и отходящих от них в направлении групп дворов небольших улочек [5, с. 181, 184, 205].

К сожалению, сведения, имеющиеся по деревянной застройке детинца, неполные: нет данных по раскопкам 1980–1982 гг. Отсутствие объективных и полных данных не позволяет рассмотреть вопрос об изменениях в интенсивности застройки детинца во времени.

В северо-восточной части детинца обнаружены остатки небольшой то ли недостроенной, то ли разрушенной каменной церкви [5, рис. 125, 129]. Не исключено, что в восточной возвышенной части детинца Меньска на Немиге мог располагаться княжеский двор. Тогда понятными становятся небольшие размеры храма (12 × 12 м без абсид [5, с. 189]), вполне подходящие для дворцовой или семейной церкви. Если это предположение верно, то можно предполагать, что главный храм города и детинца может находиться на еще не изученной части минского Замчища.

Скорее всего, детинец был единственной укрепленной частью Меньска на Немиге: настойчивые попытки Л. В. Алексеева обосновать наличие у этого города еще и окольного города (позднее Нижнего замка) [1, с. 142–143, рис. 27; 2, рис. 29] основываются на неполном знании письменных источников и современных исследований, а также на не совсем точном переводе с польского языка публикации XIX в. [15, с. 24–27].

Таким образом, город на Свислочи и Немиге имел в период Киевской Руси простую поселенческую структуру: детинец и неукрепленный посад. Локализация городского посада Меньска этого периода длительное время оставалась проблемой белорусской средневековой археологии. Исследователи обычно оперировали отдельными немногочисленными находками (чаще всего это фрагменты керамической посуды), найденными при земляных работах и раскопках в исторической части современного Минска, ссылаясь на небольшой участок культурного слоя XII–XIII вв., исследованный В. Р. Тарасенко в урочище Николки [23, с. 206, 247; 30, с. 78]. И лишь в начале XXI в. проблема посада Меньска на Немиге продолжает получать свое разрешение [15, с. 30]. Но тем не менее все вопросы городской жизни Меньска на Свислочи решались (применительно к периоду Киевской Руси) исключительно (или почти исключительно) на материалах детинца.

Материалы раскопок свидетельствуют о наличии в городе, в том числе и на территории детинца, различных видов ремесел: кузнечного, ювелирного, гончарного, косторезного, деревообрабатывающего, кожевенного, сапожного, ткачества и прядения (последние существовали скорее на уровне домашних промыслов), о наличии которых можно судить по мастерским, инструментарию, готовой и незавершенной продукции, сырью [5, с. 257–286]. Э. М. Загорульский, признавая вслед за Б. А. Рыбаковым

необходимость комплексного подхода к изучению проблемы городского ремесла, считает возможным характеризовать Меньск периода XII–XIII вв. как «город ремесленников» [5, с. 258], что представляется нам в свете всего комплекса артефактов [5, с. 209–256] не вполне убедительным.

Похоже, основу экономики города, являвшегося центром обширной территории, составляло перераспределение поступавшей и скапливавшейся в городе феодальной ренты. Это, в свою очередь, обусловило развитие торговли, что для изучаемого периода фиксируется находками импортных изделий из Киева, Византии, Кавказа, Прибалтики, Западной Европы, а также по находкам торговых пломб.

За время с конца XI по XIII в. Меньск на Немиге из мощного града-крепости, каким был при основании, превратился в высокоразвитый столичный город, окруженный младшими городами (пригородами) и порубежными градами-крепостями.

Пригороды Меньска. В период формирования и существования Менской волости, как и во время существования Менского удельного княжества, практически до середины–второй половины XII в. Меньск (сперва на р. Мена, затем на р. Немига) был здесь единственным городом. Но после присоединения к владениям деятельных сыновей Глеба соседних уделов – Изяславского и Логожьского (Логойского) их центры – города Изяславль и Логойск, хотя имели нередко своих князей и оставались центрами прежних уделов, превратились, по сути, в пригороды Меньска [7, с. 14]. Таким же пригородом Меньска был и упоминаемый в летописях г. Городец [14]. Но он до сих пор не локализован, не подвергался археологическому изучению, поэтому неясно, был ли это удел Полоцкой земли, присоединенный в XII в. к владениям потомков Глеба Всеславича, либо центр волости внутри Менского княжества, выделенный в удел.

Изяславль (современный г. Заславль в Минском районе) – один из старейших городов в Полоцкой земле и Беларуси. В своем становлении он прошел примерно те же этапы, что и первоначальный Меньск на р. Мена.

Задолго до основания города, но не ранее первой половины–середины X в., на правом берегу р. Свислочь, неподалеку от места впадения в нее р. Черница, на уровне второй надпойменной террасы было основано неукрепленное поселение, площадь которого ко второй половине X в. достигла 3,0–3,5 га. Это поселение, как следует из материалов связанного с ним курганного могильника, было населено преимущественно кривичами-полочанами. (Заметим, что в пределах современного города известен грунтовый могильник банцеровской культуры, однако синхронное ему поселение не обнаружено [9, рис. 6: *11–16*]. О более ранней жизни на этой территории говорят находки каменных сверленых топоров (двух) и тесла.)

Этот поселок в верховьях Свислочи явно выделялся из окружающих сельских поселений. Расположен неподалеку от водораздела Днепра, притоком которого является Свислочь, и Немана. Население поселка не только контролировало этот важный участок водного торгового пути, но и использовало его в своих торговых интересах. Об интенсивных и широких торговых связях свидетельствуют находки ближневосточных, византийских и среднеазитских стеклянных и каменных бусин, скандинавских украшений, поливного сосудика иранского производства; как показали исследования изделий из черных металлов, некоторые из них содержат примеси, характерные для руд Западной Моравии; найдены также отдельные серебряные монеты, чеканенные в Самарканде и Саксонии [9, с. 100; рис. 46: *3, 4;* 50]. На территории поселка X в. обнаружены следы местного керамического, косторезного и кузнечного ремесел.

Необычным был и социальный состав обитателей. Значительную часть мужского населения составляли воины, среди которых были и профессиональные княжеские дружинники, обладатели поясов с металлическим набором, и местные «мужи», обязанные воинской службой местной общине или полоцкому князю, на юго-западной окраине владений которого, в месте их соприкосновения с владениями Киева, и размещался поселок.

По своим размерам и функциям он вполне соотносится с таким типом неукрепленного поселения, как упоминаемое в летописях место, хотя и существенно уступает по размерам одновременному месту на р. Мена.

Вероятно, в то же время, что и место на р. Мена, место в верховьях р. Свислочь стало объектом интереса великокняжеской власти. Об этом свидетельствуют две находки клейм в виде двузубца на днищах сосудов из курганных захоронений, датируемых серединой–началом второй половины X в. [9, с. 108, рис. 61: *26, 27*].

Примечательно, что представители киевской великокняжеской администрации поселились не на территории места, а основали отдельный небольшой поселок близ него, но на противоположном берегу р. Свислочь. Эта обособленность как бы подчеркивалась наличием для обитателей нового поселения собственного курганного могильника. Вероятно, полностью «взять на себя» место в верховьях р. Свислочь княгине Ольге (а на нее, как и в случае с местом на р. Мена, указывают знаки с изображением двузубца) не удалось, и место осталось в ведении Полоцка, а новый поселок был основан скорее всего как великокняжеский повост – пункт сбора регламентированной ренты и административного управ-

ления округой. Такие повосты могли возникать и в землях, где имелись местные князья или иные правители, признавшие верховную власть киевских князей из рода Рюриковичей [9, с. 1–8, рис. 74: *II*]. В подобном случае, полагаем, административное управление округой (волостью) оставалось прерогативой местных князей, а роль повостов ограничивалось получением той части ренты, которая предназначалась с данной территории великому князю киевскому. Невозможно с точностью установить судьбу левобережного поселения-повоста в период правления в Полоцке Рогволода, когда верховная власть Киева над полоцкими владениями была существенно ослаблена, а то и вовсе ликвидирована. Судя по археологическим материалам, жизнь на территории повоста не прекратилась, но статус его, несомненно, изменился. Если до последней четверти X в. дреговичское население по погребальным древностям фиксировалось преимущественно на территории повоста, то в конце X и начале XI в. погребения дреговичей с признаками их несвободного положения появляются в курганной группе IV, являющейся могильником пригородного владельческого села. Захоронение его владельца – знатного воина и землевладельца содержало арабский диргем, чеканенный в Самарканде между 942 и 954 г. [9, с. 45].

В конце 970-х годов власть Рогволода в Полоцке была ликвидирована, и после женитьбы на единственной наследнице Рогволода – Рогнеде – полоцкие земли сделались достоянием Владимира, в 980 г. завоевавшего киевский великокняжеский стол. В месте на верхней Свислочи вновь появляются представители великокняжеской администрации, что определяется по находке клейма Владимира в виде трезубца [9, рис. 61: *25*]. Вскоре после удачного похода на ятвягов 983 г. Владимир, заботившийся об охране границ своего государства, основывает близ места в верховьях Свислочи град-крепость, в котором размещается небольшой гарнизон (остатками этого града является городище Замэчек, расположенное на окраине современного города). Около 985 г. Владимир поселил в этом граде Рогнеду и сына Изяслава, выступившего в конфликте между родителями защитником матери. В честь сына Владимира и Рогнеды град получил название Изяславль [9, с. 110–111]. С поселением в граде-крепости княжича Изяслава с матерью, которой Изяславская волость досталась как часть бывшей отчины (Полоцкого княжества), град стал выполнять функцию городского детинца, а место (поселок на берегу Свислочи) превратилось в городской посад, отдаленный от детинца почти на 1 км. Такая планировочная структура (тип рассредоточенной планировки) сохранялась на протяжении конца X и всего XI в. Появление укрепленного поселения (детинца, крепости-града) [9, рис. 76: *I*] благоприятно сказалось на развитии неукрепленного посада (бывшего места), территория которого, существенно увеличившись, составляла 9,0–9,5 га [9, с. 110–111]. На рубеже XI/XII вв. территориальный разрыв между двумя структурными частями города был ликвидирован: на берегу р. Свислочь, на древнейшей части былого места был выстроен новый более просторный и лучше укрепленный детинец, в результате чего Изяславль приобрел типичную для восточнославянского города эпохи Киевской Руси планировку – детинец и примыкающий к его укреплениям посад. В XII – первой половине XIII в. общая площадь города несколько превышала 13 га. Его жители занимались различными видами ремесел и промыслов, торговлей внешней и внутренней [9, с. 86–102].

Не исключено, что перепланировка Изяславля, связанная с возведением нового, более мощного детинца, совпала по времени с выделением Изяславской волости в удельное княжество Полоцкой земли, хотя такое событие могло иметь место значительно раньше. Изяславль и его волость исторически занимали особое место в Полоцкой земле. Ведь здесь не менее трех лет с 985 по 988 г. жила Рогнеда, дочь последнего самостоятельного князя полоцкого с сыном Изяславом, будущим правителем Полоцка, ростком, от которого разрастется родовое древо «Рогволожих внуков» – князей Полоцкой земли. Практически в ту пору Изяславль был временной столицей Полоцкого княжества: согласно принципу раннефеодальных государств – «столица там, где пребывают государь и его двор». После перевода Изяслава на полоцкий стол, что случилось после крещения Киевской Руси Владимиром в 988 г., Изяславль не был забыт и заброшен, значение его в сформировавшейся Полоцкой земле определялась тем, что в него на правах удельного князя направлялся один из сыновей (вероятно, старший) князя, занимавшего старший, полоцкий, стол – это видно из событий 1127 г. [9, с. 115–117; 21, с. 282–284]. Значимость и престижность Изяславского удела прослеживаются также по упорной борьбе за право обладания им – борьбе между потомками Глеба и Бориса Всеславичей, имевшей место в 1150-е годы, в которой перевес остался на стороне князей меньских [9, с. 117]. Подчинение Изяславля власти князей меньских было, пожалуй, первым успешным шагом по формированию новой политико-административной единицы в центре белорусских земель (Менской земли). Хотя формально оно превращало Изяславль, считавшийся пригородом Полоцка, в пригород Меньска, но вовсе не лишало его статуса столицы удела, только удел этот был уже в системе иного территориально-политического образования. Успешное культурно-экономическое и урбанистическое развитие города, преодолевшего последствия событий 1127 и 1150-х годов, прервал погром города,

имевший место, согласно археологическим источникам, после середины XIII в. и ввергнувший Изяславль в полосу длительного упадка. Есть основания предполагать, что данный погром, замалчиваемый письменными источниками, был связан с подчинением города правителям Великого Княжества Литовского [9, с. 118, 119].

Вхождение Изяславля с уделом в состав Менской земли не сразу стало окончательным и бесповоротным. Были моменты, в которые полоцкому князю удавалось посадить на этот удел своего ставленника. Так, в 1180 г. источники называют изяславским князем Василька Брячиславича, вероятно, сына того Брячислава, который неудачно пытался вокняжиться в Изяславле в середине XII в.

Логойск. Этот город Полоцкой земли (ныне районный центр Минской области, удаленный от Минска на 39 км) впервые упомянут в «Поучении детям своим» Владимиром Мономахом при описании его похода на полоцкие владения в 1078 г. Детинец города, развившийся в позднесредневековый замок частновладельческого города, расположен на высоком правом берегу р. Гайна. Территория его площадки, имеющей два уровня высоты, равна 1,5 га. Город исследовался археологически в течение трех сезонов, но раскопки велись только на территории детинца-замка, где общая изученная территория достигла 420 м^2 [30, с. 90], и близ позднесредневекового дворца графов Тышкевичей.

Крайне мало имеется сведений о Логойске периода Киевской Руси в письменных источниках. Помимо «Поучения» есть упоминания о городе в записях XII в., относящиеся к описанию военных действий 1127(8) г. либо содержащие упоминания о логойских князьях.

Судя по имеющимся публикациям Г. В. Штыхова, который проводил раскопки Логойска, полученных материалов не хватает для раскрытия вопросов об экономике города в рассматриваемый период, о процессе возникновения и становления города и времени основания детинца. До настоящего времени не обнаружена в Логойске территория посада. Основной вывод исследователя о наличии в Логойске материалов X в. и, следовательно, о более раннем, чем упоминание в источниках, возникновении города [29, с. 87; 30, с. 90–91; 31, с. 218] нуждается в более существенном и научном обосновании. Еще более неубедительным представляется нам предположение Г. В. Штыхова, что «в Логойске, как и в других городах Полоцкой земли, действовало вече» [30, с. 91].

Согласно письменным источникам, в 1127 г. Логойск был одним из городов Полоцкой земли, вероятно, пригородом Полоцка; летописец, впрочем, не упоминает о наличии в Логойске князя [21, с. 282–283]. В 1180 г. в Логойске княжил Всеслав Микулич, принадлежность которого к конкретной ветви Всеславичей до настоящего времени не установлена. Но уже в 1185 г. логойским князем был Всеслав Глебович, младший брат Ростислава и Володоря, потомков Глеба Всеславича, владеющих Менской землею.

Городец. Выше нами отмечалось, что этот редко упоминаемый в письменных источниках город до настоящего времени не локализован. Попытку Г. В. Штыхова отождествить с летописным Городцом исследовавшееся им мысовое городище на р. Мнюта близ д. Дивное Шарковщинского района Витебской области [30, с. 24] нельзя признать удачной по ряду причин. Во-первых, на памятнике не выявлены материалы XII в., соотносящиеся с городской культурой [32, с. 170–174], а ведь именно в XII в. Городец фигурирует как город на страницах летописи. Во-вторых, и летопись, и «Слово о полку Игореве» указывают на территориальную близость Городца к землям Литвы (возможно, формирующейся территории Великого Княжества Литовского) и явную связь с Минском. Географическое положение городища на р. Мнюта не соответствует такой характеристике. Укрепления городища сооружены, весьма вероятно, в VIII–IX вв. Похоже, что поселение возникло в период активного освоения кривичами-полочанами бассейна р. Западная Двина. В том, что городище на р. Мнюта не было и не стало городом, убеждает отсутствие при нем посада [32, с. 174]. В итоге сам исследователь под давлением полученных им материалов вынужден был признать, что «доказаў існавання горада X–XIII стст. не знойдзена» [32, с. 174]. Не нашли археологического подтверждения и неоднократно высказываемые мнения, что остатками летописного Городца является городище в д. Городок на левом берегу в верховьях Березины Неманской, близ Молодечно [33, с. 93]. Как показали исследования, это двухслойный памятник, относящийся к раннему железному веку и позднему средневековью; имеющиеся на нем материалы эпохи Киевской Руси немногочисленны.

Нельзя не упомянуть об ошибке в локализации Городца, обусловленной, вероятно, не совсем точным переводом одного из мест «Слова о полку Игореве», где рассказывается о гибели князя Изяслава Васильковича:

Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубять городеньскии!

Последнее слово дало комментаторам и исследователям основание говорить о «Городене» (Гродно). Вполне возможно, что в оригинале текста речь шла о трубах городецких.

Между тем в письменных источниках есть, пусть и не вполне определенные, указания, ориентирующие в направлении поисков Городца. Так, статья 1162 г.

Ипатьевского летописного свода повествует, что полоцкий князь Рогволод (видимо, Борисович. – *Ю. З.*) пришел с полоцкой ратью к городу Городцу и, будучи разбитым в ночном бою правящим в городе Володарем (Глебовичем. – *Ю. З.*), бежал в г. Слуцк, где и укрывался три дня перед тем, как отправиться в свой Друцк. После страшных потерь, понесенных полочанами, он уже не осмеливался вернуться в Полоцк, где его, несомненно, ждал вечевой суд горожан. В этом же рассказе говорится, что в войске самого Володаря была литва (литовские воины, возможно, нанятые). В записи 1159 г. сообщается, что Володарь (кстати, городецким князем он при этом не назван) не участвовал вместе с братьями Ростиславом и Всеволодом в заключении мира с Рогволодом Борисовичем, «оже ходяше под Литвою в Лесех». Из этих сообщений можно сделать вывод, что Городецкий удел Володаря Ростиславича, вполне вероятно, находился где-то между Менском и Слуцком, возможно, с отклонением к западу, близ обширного лесного массива.

Литература

1. Алексеев, Л. В. «Меньск» и Минск. К начальной истории белорусской столицы / Л. В. Алексеев // Культура славян и Русь : к 90-летию Б. А. Рыбакова. – М, 1988. – С. 375–392.

2. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1.

3. Бектинеев, Ш. И. Заключение по находке свинцового цилиндрика / Ш. И. Бектинеев // Заяц, Ю. А. Отчет о раскопках археологического комплекса на р. Менка в 1996 г. / Ю. А. Заяц ; Архив Ин-та истории НАН Беларуси. – Д. 1621. – С. 19.

4. Загорульский, Э. М. Об укреплениях городищенского замка / Э. И. Загорульский // Вопросы истории : межвузовский сборник. – Минск, 1977. – Вып. 4. – С. 90–97.

5. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. И. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – С. 148.

6. Загорульский, Э. М. О местонахождении древнего Минска / Э. И. Загорульский // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – С. 17–23.

7. Заяц, Ю. А. Менская зямля : этапы фарміравання / Ю. А. Заяц // Беларус. гіст. часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

8. Заяц, Ю. А. Керамическая посуда Заславля X–XVIII вв. / Ю. А. Заяц // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Новыя матэрыялы і даследаванні. – Мінск, 1993. – С. 107–119.

9. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995.

10. Заяц, Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ю. А. Заяц. – Мінск : Изд. В. Н. Милютин, 1996.

11. Заяц, Ю. А. Роль земледелия и животноводства в хозяйстве горожан Беларуси в X–XIII вв. / Ю. А. Заяц // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии. – М., 1998. – Т. 4. – С. 61–69.

12. Заяц, Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье / Ю. А. Заяц // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 118–126.

13. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Менка) / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 5 : Древности Беларуси (железный век и средневековье). – С. 26–31.

14. Заяц, Ю. А. Погребальные памятники третьей четверти I тысячелетия н. э. Городокского и смежных районов как источник по этнической истории Северо-Восточной и Северной Беларуси / Ю. А. Заяц // Гарадоччына ўчора, сёння, заўтра : матэрыялы I Гарадоцкіх краязнаўчых чытанняў, Гарадок, 26 кастр. 2007 г. – Гарадок, 2008. – С. 29–31.

15. Заяц, Ю. А. Менск на Свислочи конца XI – XIII в. : проблема формирования поселенческой структуры / Ю. А. Заяц // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Міснк : Беларус. навука, 2008. – С. 23–30.

16. Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси X–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Л.,1973.

17. Кирпичников, А. Н. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения / А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко // Средневековые древности Восточной Европы. КСИА. – М. : Наука,1980. – Вып. 160. – С. 24–38.

18. Левко, О. Н. Перемена местоположения Менска в связи с формированием раннегосударственной территориально-административной структуры в Полоцкой земле / О. Н. Левко // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – С. 41–47.

19. Митрофанов, А. Г. Банцараўская культура / А. Г. Митрофанов, В. І. Шадыра // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Т. 2. – С. 359–376.

20. Повесть временных лет. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I : Текст и перевод.

21. Русские летописи. – Рязань : Александрия, 2001. – Т. 12 : Лаврентьевская летопись.

22. Раппопорт, П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / П. А. Раппопорт // Материалы и исследования по археологии СССР. – Л. : Наука, 1967. – № 140.

23. Седова, М. А. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. А. Седова. – М., 1981.

24. Тарасенко, В. Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) / В. Р. Тарасенко // Материалы по археологии БССР. – Минск, 1957. – Т. I. – С. 182–257.

25. Тихомиров, М. Н. Список русских городов дальних и ближних / М. Н. Тихомиров // Русское летописание. – М., 1979. – С. 83–137.

26. Ткачев, М. А. Прорезка вала городища на р. Менке / М. А. Ткачев // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 192–199.

27. Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Труды Государственного исторического музея / Очерки по истории русской деревни. – М. : Советская Россия, 1959. – Вып. 33. – С. 149–225.

28. Шадыра, В. І. Банцараўская культура / В. І. Шадыра // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – С. 359–376.

29. Штыхов, Г. В. Города северной и центральной Белоруссии / Г. В. Штыхов // Очерки по археологии Белоруссии. – Минск : Наука и техника, 1972. – Ч. II. – С. 73–95.

30. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – С. 64, 66–68.

31. Штыхаў, Г. В. Гарады паўночнай і цэнтральнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск, 2000. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 171–229.

32. Штыхаў, Г. В. Гарадзішча Гарадзец на рацэ Мнюта / Г. В. Штыхаў // Помнікі культуры : Новыя адкрыцці. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – С. 169–174.

33. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Минск : Наука техника, 1989.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Меньск і яго прыгарады

Апісана развіццё Мінска ад пасялення на р. Мена да горада Меньска на р. Свіслач. Дана характарыстыка фартыфікацыйных збудаванняў, забудовы і матэрыяльнай культуры. Асобна разгледжаны Ізяслаўль, Лагойск, Гарадзец.

Summary

Y. Zayatc

Minsk and its suburbs

In this article the description of development of Minsk from the settlement at river Mena to Men'sk-na-Svislotchi is given. The fortification constructions, building up and material culture are considered. Isjaslavl, Logoisk and Gorodez are considered separately.

Поступила 26.03.2012

УДК 94(476-22)«09/12»+903.42(476-22)«09/12»

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Сельские поселения центральных районов Беларуси X – первой половины XIII в.[1]

Бесспорным и общепризнанным фактом является то, что наиболее ярким, выдающимся явлением среди поселений эпохи средневековья являются города, которым белорусские медиевисты (будь то археологи или историки) уделяют наибольшее внимание. Вместе с тем несомненно, что большинство населения (причем подавляющее) в эту эпоху проживало в сельской местности.

Длительное время археологическое изучение белорусской деревни периода классического средневековья ограничивалось исследованием курганных могильников, что, хотя и доставляло ценный материал по различным аспектам истории населения, не могло, разумеется, обеспечить полноценными источниками исследователей, обращающих свой взор на средневековую деревню. В 1920–30-е годы отдельные случаи изучения средневековых сельских поселений на территории Беларуси скорее были исключением, чем правилом, и не выделились в самостоятельное научное направление. Даже когда на других территориях Восточноевропейского региона (Россия, Украина) началось изучение древнерусской деревни, включавшее и исследование поселений, территория БССР в этом отношении оставалась terra incognita (сельские поселения изучались эпизодически в отдельных регионах) [3]. Проблему сельского расселения в пределах Полоцкой земли пытался решить путем картографирования курганных могильников Л. В. Алексеев [1]. Попытку эту следует признать заслуживающей внимания, хотя не весьма успешной и плодотворной. Следствием такой ситуации было то, что в работе «Очерки по археологии Белоруссии», посвященной деревне IX–XIII вв., глава написана преимущественно на материалах иных восточнославянских территорий, а также по результатам раскопок белорусских городов [3]. В схожей ситуации с автором соответствующей главы «Очерков…» оказался и автор подобных глав и разделов первых томов «Гісторыі Беларусі» (в 6 т.), «Гісторыі беларускага сялянства» и третьего тома «Археалогіі Беларусі» (в 4 т.), вынужденный компенсировать недостачу или незнание фактического материала и исследований общими рассуждениями, которые нередко основывались на разрозненных материалах и разработках по отдельным памятникам и регионам, не характеризующих в полном объеме деревню Беларуси X–XIII вв. Так, например, даже в новейших обобщающих белорусских публикациях не учтены или в недостаточной степени учтены работы Я. Г. Риера, посвященные большому микрорегиону левобережья Белорусского Поднепровья и средневековой деревне Беларуси в целом [34]. Не вполне удачный опыт написания обобщающих работ по истории сельского населения деревень средневековой Беларуси показывает, что созданию подобных работ должно предшествовать тщательное изучение не только отдельных памятников, но и микро- и макрорегионов, синтез результатов которого позволит дать более полную и объективную картину жизни подавляющего большинства населения Беларуси в IX–XIII вв. По ряду макрорегионов такие работы уже ведутся [6, 7, 21, 26].

Настоящая статья представляет итоги изучения сельских поселений и могильников IX–XIII вв. в центральных районах Беларуси, целенаправленно ведущегося с начала 1980-х годов, хотя впервые к этой теме автор приступил в 1976 г., начиная самостоятельные археологические исследования.

Прежде всего оговорим, что под «центральными районами Беларуси» подразумевается определенная территория, а не современные административные районы Республики Беларусь. На современной административной карте Беларуси Минская область занимает серединное, но не центральное положение. Не имела его и Минская губерния конца XVIII – начала XX в., как и Минское воеводство времен Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Однако при внимательном рассмотрении карт XVI–XVIII вв. нетрудно заметить, что центральная часть белорусских земель ВКЛ заключалась в границы Минского повета. Разумеется, оригинальной карты ВКЛ или его белорусских земель этого периода не существует, однако имеется весьма надежная карта-реконструкция, созданная трудами известного белорусского медиевиста М. Ф. Спиридонова на основе скрупулезного анализа массы документов. Как отмечает другой исследователь белорусского средневековья В. Л. Носевич, ядром созданного

[1] Данный текст является плановой темой, выполнявшейся Ю. А. Заяцем в 2006–2010 гг.

в XIV в. Минского повета ВКЛ была территория Минского княжества, сам же повет до 1565 г. входил в состав Виленского воеводства, не имея ни официально очерченных границ, ни органов управления [30]. Но в середине XVI в. в результате административно-территориальной реформы 1565–1566 гг. эта в определенной степени расплывчатая и аморфная единица существенно расширяется, приобретя устойчивые, четко очерченные границы. Напомним, что каштелянам и поветовым властям вменялось в обязанность «тые границы мають быти … выпроставаны и копцами засыпаны водле набольшого уважен[ъ]я, розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можеть быти, тогды копцами осыповати ихъ» [33]. Иными словами, говоря языком современным, речь шла о демаркации поветовых границ с привязкой их к существовавшим дорогам и рекам, а также обозначением искусственными насыпями – копцами. По упомянутой реформе к Минскому повету были присоединены бывшие Заславское и Логойское княжества, а также ряд волостей, лежавших на правом берегу р. Березина. Это были те территории, которые деятельные потомки менского князя Глеба Всеславича в середине XII в. присоединили к отцовскому наследству, формируя под своей властью новое полугосударственное образование – Менскую землю [9]. Судя по отрывочным сведениям летописцев, процесс ее формирования шел довольно успешно, однако не известно, завершился ли он к тому моменту, как центральная часть территории Беларуси начала поглощаться формирующимся Великим Княжеством Литовским. Но в отличие от земель Полоцкой и Витебской, вошедших в состав ВКЛ несколько позднее и на иной основе, Менская не сохранила своей территориальной целостности и автономии, а была, по сути, разделена на части для создания крупных земельных владений верхушки ВКЛ. Так, уже в 1345 г. подчиненное с XII в. менским князьям Изяславское удельное княжество вместе с его центром г. Изяславлем (именуемом уже Жеславлем либо Заславлем), было отдано правителями ВКЛ Ольгердом и Кейстутом их младшему брату Явнуту Гедеминовичу [31], ставшему родоначальником князей Заславских. И лишь во второй половине XVI в. в ходе административно-территориальной реформы Минску были возвращены все или почти все ранее зависимые от него территории. Это, на наш взгляд, свидетельствует, что к моменту литовского завоевания формирование Менской земли уже завершилось.

Таким образом, понятие «центральные районы Беларуси» не только географическое, но и историческое, поскольку на этих землях шло формирование Менской волости (IX–X вв.), удельного княжества (конец XI – начало XII в.) и земли (XII – первая половина XIII в.), позднее Менского (Минского) повета, а затем Минского и иных, граничащих с ним уездов Минской губернии.

Система сельского расселения в пределах центральных районов Беларуси. Регионы и микрорегионы. Система сельского расселения, как и в целом деревня X–XIII вв., в пределах современной Беларуси практически не являлась предметом исследования, за исключением отдельных регионов и микрорегионов [7, 12, 22, 25, 32]. Вероятно, по этой причине довольно слабыми и поверхностными выглядят соответствующие разделы обобщающих трудов по истории и археологии Беларуси [2, 20, 23], вышедших в свет сравнительно недавно. Явный недостаток фактического материала и конкретных исследований вынужденно заменялся в них общими рассуждениями, нередко базирующимися на разрозненных фактах. Весьма показательны в этом отношении изданная в 1972 г. вторая часть «Очерков по археологии Белоруссии», авторам которой пришлось рассматривать данную проблему по материалам соседних, а иногда и довольно удаленных, но лучше изученных иных восточнославянских земель [19]. Попытку решить эту проблему для Полоцкой земли исключительно путем картографирования курганных могильников, предпринятую Л. В. Алексеевым [1, рис. 5], следует признать не очень плодотворной и успешной, хотя и заслуживающей внимания. К сожалению, даже в новейших обобщающих публикациях не учитываются новые исследования, и прежде всего работа Я. Г. Риера, посвященная белорусской средневековой деревне в целом [34].

Длительное время сельские поселения и особенно система сельского расселения эпохи Киевской Руси в центральных районах Беларуси оставались «белым пятном». Под центральными районами здесь понимаются Минский, Дзержинский, Логойский, Пуховичский, Смолевичский, Червенский, а также части примыкающих к ним Борисовского, Березинского, Вилейского, Воложинского, Докшицкого, Осиповичского и Узденского районов. Территории их в XII в. входили в состав формирующейся Менской земли, границы которой примерно совпадали с территорией Минского повета [9]. За последние десятилетия в центральных районах Беларуси значительно увеличилось количество открытых археологами селищ, на некоторых из них были проведены раскопки. Цель данной публикации – обобщение и систематизация имеющейся информации для рассмотрения вопросов сельского расселения, застройки и планировки сельских поселений, их экономического и социального развития.

Под сельским расселением мы подразумеваем распределение сельского населения в пределах указанной территории, а также те особые группы поселений (регионы и микрорегионы), которые сложились в процессе расселения.

Система (или сеть) сельского расселения в средневековье формировалась под воздействием ряда природно-географических и социально-экономических факторов. Если принять во внимание, что заселение центральной части Беларуси восточнославянскими племенами предшествовало включению этой территории в систему государства, то станет очевидным, что на начальном этапе природные и экономические факторы превалировали над прочими, которые впоследствии оказывали уже корректирующее воздействие на систему расселения.

При освоении центральной части белорусской территории дреговичами и кривичами характер расселения в первую очередь определяла природно-географическая среда, поскольку переселенцы занимались преимущественно сельским хозяйством (земледелием и в меньшей степени животноводством). Поэтому для поселений выбиралась прежде всего местность с наиболее плодородной почвой, при этом жилища должны были находиться поблизости от естественных источников воды. Желательным, но не обязательным было размещение селения вблизи путей сообщений и в защищенном природой месте.

Центральные районы Беларуси включают в себя на севере и в центре часть области Белорусской гряды – Минскую моренную возвышенность; к юго-востоку она сменяется центральнобелорусской моренной возвышенностью и водно-ледниковой равниной, на западе и юго-западе переходит в Верхненеманскую низину, захватывая также часть Столбцовской моренной равнины; на юге занимает северную и северо-восточную оконечность области равнин Предполесья.

Территория эта в эпоху раннего железного века и последующий период третьей четверти I тысячелетия н. э. не была заселена плотно, о чем можно судить по опубликованным сведениям об археологических памятниках этих периодов [17, с. 49–84, 161–179, 238–265; 18, с. 41–64, 119–140, 195–214, 264–283]. Даже если принять точку зрения, что носители банцеровской культуры были славянами, то небольшое количество ее памятников на рассматриваемой территории не позволяет считать население X–XI вв. полностью аборигенным. Несомненно, имел место значительный приток извне на эту территорию новых масс славянского населения. Причем, надо полагать, кривичи продвигались сюда с севера и северо-востока [24, с. 35], а дреговичи – с юга и юго-востока. Вероятнее всего, дреговичские племена продвигались вдоль основных водных магистралей центра Беларуси – рек Свислочь и Птичь. К сожалению, степень изученности археологических памятников этого периода (поселений, исследовавшихся за редким исключением разведками, и курганных могильников, раскапывавшихся без определенной системы) не позволяет достоверно установить динамику продвижения дреговичей и расселения их на новой территории. Однако некоторые факты подтверждают высказанную выше гипотезу. Так, на левом берегу Свислочи, близ д. Озерище Осиповичского района нами открыто селище с лепной керамикой, близкой по форме посуде позднего этапа киевской культуры и лепным горшкам культуры типа Луки-Райковецкой. Позднее часть территории селища оказалась занятой курганным могильником X в. с захоронениями по обряду трупосожжения, произведенного на месте; в одном из курганов найдены фрагменты изготовленной на гончарном круге керамической посуды [13, с. 120]. Неподалеку, на правом берегу Свислочи, в урочище Жужлянка Ю. И. Драгун, исследуя городище, открытое в 1925 г. А. Немцевым, обнаружил в верхнем горизонте слой с лепной посудой культуры Корчак. Поблизости располагалось большое неукрепленное поселение эпохи Киевской Руси [4]. В верхнем течении Свислочи, у истоков правого рукава речки Лошица, на селище у д. Слобода Дворецкая найдены фрагменты сосудов киевской культуры (абидненского ее варианта), датированные III–IV вв., и более поздние материалы, относящиеся, вероятнее всего, к VI–IX вв. [13, с. 119].

В верхнем и среднем течении р. Птичь, на южной периферии центральных районов Беларуси такие ранние памятники неизвестны. Но в центре, на территории археологического комплекса на р. Мена (Менка) у д. Городище близ Минска найдены фрагменты лепной керамики, близкой горшкам раннего и среднего периодов волынцевской культуры (VII в. и VII–VIII вв. соответственно), фрагменты горшков, аналогичных посуде ранneроменского периода (вторая половина VIII в. – конец IX в.) [13, с. 118–119]. Согласно устному сообщению В. Л. Казея, селище с раннеславянской лепной керамикой выявлено им на берегу р. Двиноса близ известного курганного могильника у д. Избище Логойского района, т. е. практически близ северной оконечности Менской земли. Краткую информацию об этом селище на р. Двиноса приводит Г. В. Штыхов в своей монографии о кривичах [36, с. 78–79].

Картографирование селищ X–XIII вв. и курганов X–XII вв. показывает, что наиболее насыщен этими памятниками бассейн верхней Птичи. А поскольку на большинстве поселений имеются материалы X – первой половины XI в., следует полагать, что именно эту зону осваивали и заселяли в первую очередь продвигавшиеся с юга к центру Беларуси дреговичские племена.

Такой выбор дреговичскими переселенцами места оседания не был случайным: поскольку основным занятием дреговичей в это время было пашенное земледелие [28, с. 106], то они, естественно, стремились занять на новой территории наиболее плодородные земли. Таковыми здесь были почвы по

верхнему течению р. Птичь, не уступающие по плодородности почвам «белорусской Украины» – Новогрудчины и Случчины.

В верховьях Птичи, где ширина ее невелика, сельские поселения располагались непосредственно по берегам реки, иногда на незначительном удалении от нее. Ниже, начиная от впадения в Птичь ее левого притока Мены, или Менки, сельские поселения размещались как по берегам реки, так и по ее притокам – небольшим речкам и ручьям, ныне почти пересохшим.

Селища X–XIII вв. в верхнем течении Птичи располагаются очень плотно, порой почти соприкасаясь друг с другом. Видимо, такое свободное и произвольное расселение в зоне плодородных почв было возможным по причине отсутствия здесь феодальной собственности на землю. Но близкое расположение селищ свидетельствует об определенной перенаселенности микрорегиона верхней Птичи, что не могло не повлечь «выталкивания» части населения за его пределы на еще не освоенные и мало освоенные территории.

Хотя большинство известных нам селищ концентрируются именно в бассейне верхней Птичи, отсутствие ранних поселений в ее среднем течении не дает основания утверждать, что именно эта река была если не единственным, то главным путем проникновения дреговичского населения в центральную часть Беларуси. В то же время наличие в нижнем течении Свислочи (Жужлянка, Озерище) ранних материалов и аналогичных материалов на р. Лошица, приток Свислочи в ее верхнем течении, убеждает, что часть дреговичей могла проникнуть в центральную часть Беларуси вдоль Свислочи, хотя этому предположению и противоречит небольшое количество археологических памятников на берегах самой Свислочи (исключая ее верховья, заселяемые преимущественно не дреговичами, а кривичами). Впрочем, на наш взгляд, можно с уверенностью утверждать, что часть дреговичского населения могла проникнуть в верховья Птичи по Свислочи и ее правобережным притокам вроде речек Сенница и Лошица. К сожалению, степень изученности дреговичских древностей пока не позволяет нам утверждать достоверно, с каких именно участков раннего общедреговичского массива происходила миграция населения в центр Беларуси и на этой основе определять среди памятников Верхней Птичи селища, оставленные этими переселенцами. Надо полагать, что в любом случае приток населения в верховья Птичи по свислочскому пути не был значительным: судя по концентрации археологических памятников IX–XII вв. и более ранних славянских материалов [17, с. 48–103], значительная часть мигрантов все-таки предпочла двигаться не к верховьям Свислочи, а вверх по Березине, вплоть до верховьев левобережных притоков Западной Двины, что и дало летописцу основание, описывая расселение славянских племен по Восточноевропейской равнине, написать о дреговичах: «седоша межю Припетью и Двиною» [27, с. 5]. Несомненно, что какая-то часть дреговичей все-таки продвигалась вверх по Свислочи, оседая по ее притокам на территории современных Пуховичского, Минского, Смолевичского и Червенского районов. Об этом косвенно свидетельствуют повторяющиеся гидронимы, которые, наверное, маркируют их передвижение. Это Волма – левый приток Свислочи и левый приток р. Ислочь, соответственно Днепровского и Неманского бассейнов, притоки Свислочи с повторяющимся в названиях корнем Цна. Можно предполагать, что те дреговичи, которые частично заселяли берега Свислочи, пришли на них из северо-восточных пределов собственно дреговичской территории, где они соседствовали и, вероятно, частично смешивались с радимичами. О том, что часть дреговичей продвигалась на территорию центральных районов Беларуси именно с тех мест, на наш взгляд, свидетельствует то, что на одном из их поселений на правобережье Свислочи (селище Козырево) найден фрагмент раннего лунницевидного височного кольца радимичей, датированного концом I тысячелетия н. э. [16, с. 66, рис. 7: *5*].

Хотя новые переселенцы при расселении не были скованы рамками феодальной собственности на землю, очень скоро в верховьях Птичи им стало тесно: расположенные вдоль берегов реки поселения почти стыковались друг с другом, оставляя предельно мало свободных земель для пашни и сенокосов. Это побуждало либо к расширению угодий путем расчистки земли от лесов (дело весьма трудоемкое), либо к переселению части обитателей на еще свободные или не столь плотно заселенные территории поблизости. Такими были уже знакомые им земли по средней Птичи и ее мелким притокам, а также примыкавшие к верховьям Птичи верховья притоков р. Неман – речки Волма и Уса. Еще одно возможное направление расселения – правобережье р. Свислочь.

Таким образом, при рассредоточении населения, прежде концентрировавшегося в верхнем течении Птичи, являвшемся территориальным ядром Менской волости, а затем княжества-удела, вокруг которого формировалась в XII в. Менская земля, в пределах последней выразительно наметились регионы, имевшие свои особенности.

Особенности региона бассейна реки Птичь указывались нами выше. К этому следует добавить, что для верхнего течения реки, которое можно обозначить как микрорегион верхняя Птичь, характерны относительно большие площади поселений (от 1,5 до 4,0–5,0 га). В среднем течении преобладают поселения площадью от 1 и до менее чем 2,0–2,5 га, более

крупные селища (до 4,5 га) редки. Именно здесь, по существу, на границе микрорегионов верхняя и средняя Птичь, расположился главный центр региона – поселение на реке Мена, со временем превратившийся в крупный ранний город – центр Менской волости, а затем и княжества, предположительно летописный Меньск или Менеск [14]. Только в микрорегионе верхней Птичи, у д. Старое Село, известны пока единственные в пределах Менской земли остатки языческого святилища с культовым камнем.

Понеманский регион Менской земли также имеет свои особенности. Все известные здесь селища размещались в верховьях рек Уса, Жесть и их безымянных притоков. За редким исключением (Каменка, Новосады, Стукатичи), площади селищ не превышают 1,5–2,0 га. Южнее, где до мелиорационных работ XX в. преобладала болотистая местность с редкими сухими возвышенностями, поселения, вероятно, были и вовсе небольшими, поскольку курганные могильники, оставленные их обитателями, насчитывают обычно до 4–7 насыпей. Еще одна особенность данного региона – размещение некоторых селищ, как правило, крупных, близ городищ предшествующей эпохи (Кальвинщина в Дзержинске, Каменка, Новосады). Городища эти изучались преимущественно как памятники раннего железного века, но их исследователи отмечали наличие в культурном слое некоторого количества материалов эпохи Киевской Руси. Имеющиеся описания материалов не позволяют интерпретировать эти городища как укрепленные усадьбы эпохи Киевской Руси. Вероятнее всего, городища использовались обитателями располагавшихся рядом с ними селищ как убежища в случаях опасности либо играли роль родовых центров.

Видимо, в пределах территории Менской земли следует выделить две отдельные части Понеманского региона – микрорегион Ислочи и Усы и микрорегион левобережья Ислочи. К сожалению, степень изученности не дает возможности для его характеристики.

Северо-западная часть региона (берега р. Волма и иных притоков Ислочи) изучены в археологическом отношении недостаточно. Здесь за редкими исключениями почти неизвестны селища и курганные могильники. Последние, быть может, по той причине, что население этих мест довольно рано перешло к обычаю хоронить покойников по обряду трупоположения в грунтовых могилах, внешне ничем не выделяющихся на поверхности. Такое захоронение было случайно обнаружено на левом берегу Ислочи у пос. Аксаковщина. Отсутствие курганных могильников, служащих ориентирами при поиске селищ, затрудняет обнаружение последних.

В регионе бассейна Свислочи выделяются две части. Правобережная довольно насыщенна поселениями и могильниками, по крайней мере в верхнем течении реки, где земли выше речки Ратомка, впадающей в Свислочь, принадлежали Изяславскому удельному княжеству, а ранее того – Изяславской волости, те же, что находятся ниже р. Ратомки, изначально входили в Менскую волость, а затем – в удельное княжество. Левобережная часть региона весьма бедна на археологические памятники рассматриваемого времени. Здесь известны преимущественно небольшие по числу насыпей курганные могильники, которые отстоят друг от друга на значительное расстояние. Причина, вероятно, кроется в низкой плодородности песчаных почв левого берега Свислочи, что препятствовало плотному расположению поселений и скоплению на них значительного количества обитателей. Исключением здесь, пожалуй, являются микрорегионы бассейна р. Вяча и нижней Свислочи. На правобережье Свислочи также выделяется несколько микрорегионов. Это прежде всего бассейн речки Лошица [12, 15], а также еще одного правого притока Свислочи – речки Сеница.

Топография и размеры селищ. Под топографией селища понимается расположение его на местности в соответствии с физико-географическими условиями и исторической ситуацией. Поскольку, как указывалось выше, геофизические условия в пределах центральных районов Беларуси весьма разнообразны, то, соответственно, разнится и топография селищ. По этой причине топография селищ рассматривается по выделенным нами для этой территории регионам и микрорегионам сельского расселения.

Так, в микрорегионе верхнего течения Птичи, где преобладает моренный и конечно-моренный ландшафт, а высокие берега рек изрезаны оврагами и руслами небольших ручьев, притоков Птичи, поселения размещались преимущественно не на вершинах разного рода возвышенностей, а на их склонах, как правило пологих, обращенных в сторону водоема. Причем наиболее близкая к реке оконечность таких поселений отстоит от воды или края берега на 10–20 м. Подобный тип поселений именуется приречным [35, с. 9]. Единичными исключениями являются селища 1–3 у д. Новый Двор. Часть их располагалась на вершине холма, а остальная площадь приходится на обращенный к реке склон.

При наличии возможности переселенцы основывали поселения при впадении в реку ручья (небольшой речки) либо между рекой и примыкавшим к ее руслу сухим оврагом, а иногда и между двумя такими оврагами. Таким образом, поселение приобретало черты мысового и имело естественную защиту. Впрочем, говорить с уверенностью о наличии таких оврагов в момент основания поселения нельзя: многие овраги образовались в более позднее время, доказательством чему служит овраг, пересекающий селище у д. Каменка.

Довольно редким является расположение селищ в прибрежных низинах (Лецковщина, Прилуки). Оно характерно для селищ, размещавшихся по берегам ручьев, не разливавшихся значительно в период сезонных паводков. Любопытна топография селищ, основанных возле городищ предшествующих эпох и используемых в эпоху средневековья в качестве убежищ. У д. Каменка городище расположено непосредственно на берегу ручья – притока Усы. Селище примыкает к его укреплениям с напольной стороны и распространяется не вдоль берега, а перпендикулярно к нему, как бы отгораживаясь от ручья городищем. Городище у д. Новосады занимает мыс, образованный притоком Усы речкой Славка и впадающим в нее безымянным ручьем. Селище расположено по обоим берегам этих водоемов. Причем традиционное деление открытого поселения на два самостоятельных селища представляется нам искусственным и ничем не оправданным.

Приречный тип селищ характерен также для микрорегионов средней Птичи, Лошицы, обоих Принеманских и правобережной Свислочи. Такая их топография обусловлена прежде всего тем, что вода имела огромное значение для жизни и хозяйственной деятельности людей. Во-первых, прибрежные луговые или кустарниковые зоны гораздо проще было осваивать под пашни и огороды, чем заниматься расчисткой старых лесных массивов. Да и после вырубки последние было безопаснее выжигать поблизости от водоема. Во-вторых, близость воды обеспечивала влажность почвы на сельхозугодьях, что было немаловажно, особенно в засушливые годы. В-третьих, при неразвитости системы сухопутных дорог (они обычно функционировали только между соседними поселениями и не всегда поддерживались в надлежащем состоянии) реки были основными, а порой и единственными путями сообщения (зимой на санях по льду, в остальные поры года – на речных судах), и таким образом способствовали вовлечению сельского населения в торговлю. В-четвертых, реки и озера обеспечивали человека рыбой, занимавшей важное место в рационе людей. Наконец, реки просто снабжали людей питьевой водой, поскольку в сильно изрезанной местности грунтовые воды находятся глубоко и устройство колодцев было трудоемким и не всегда эффективным делом. Кстати, по сообщениям старожилов, еще в первой половине XX в. население бассейна верхней и средней Птичи пользовалось водой из реки, ручьев и криниц, но затем из-за экологических проблем было вынуждено отказаться от нее.

Поскольку кладбища – как городские некрополи, так и сельские могильники – всегда были тесно связаны с самими поселениями, то обычно они включаются в топографическую структуру поселений. Однако при многих селищах центральных районов Беларуси курганные могильники либо отсутствуют, либо представлены одной – несколькими группами, насчитывающими в сумме не многим более одного-двух десятков насыпей, что не соотносится с наличием на поселениях большого количества материалов X–XI вв., – периода, когда христианизация сельского населения только начиналась и языческий погребальный обряд еще не мог быть искоренен полностью. Скорее всего, мы имеем дело с распахиванием либо иным разрушением всех или значительной части насыпей, в чем легко убедиться при сопоставлении материалов археологической разведки А. Рынейского по Птичи в 1930-е годы и результатов обследования тех же памятников, проведенных в 1970-е годы при подготовке «Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі». Курганный могильник мог размещаться рядом с поселением, практически на его окраине либо на удалении в несколько сотен метров, в некоторых случаях они отделялись от поселения водоемом (рекой, ручьем). Однако данных для обобщений и выделения каких-то региональных особенностей пока недостаточно.

При характеристике размеров селищ в археологической литературе нередко употребляют несколько расплывчатые определения: «крупное (большое)», «среднее» и «малое», при этом не всегда показывая, какие конкретно размеры и площади кроются за каждым из этих понятий. В. В. Седов указал лишь, что у очень крупных деревень площадь «превышает 50 тыс. кв. м» [35, с. 17]. Величину селища можно определить только при его изучении, но поскольку на изучаемых памятниках нередко имеются как ранние, так и поздние средневековые материалы, то более-менее объективно определить размеры поселения на каждый из периодов возможно только при раскопках или детальном обследовании. Например, на селище, выявленном нами у д. Старое Село в микрорегионе верхней Птичи, культурный слой занимает площадь в 7,5 га, а материалы X–XII вв. при тщательном обследовании выявлены только на площади в 5,0–6,0 га.

Решать вопросы о размерах деревни исходя из данных о курганных могильниках также некорректно: во-первых, неизвестен период функционирования могильника и наличие в нем захоронений, хотя бы по каждому из столетий; во вторых, как указывал В. В. Седов, большие курганные могильники могли служить кладбищами общины, т. е. не одной, а нескольких деревень [35, с. 17]. А по нашим наблюдениям, несколько курганных групп (иногда до семи) могли быть остатками единого кладбища одного крупного поселения [7, с. 20]. Таким образом, границы сельских поселений можно определить только в результате археологического обследования, фиксируя распространение культурного слоя, изменения его окраски и консистенции, а также рас-

пространение разновременных артефактов, собранных при детальном обследовании.

Размеры селищ X – первой половины XIII в. в пределах центральных районов Беларуси колеблются от 0,25 (минимальное) до 9,0 (максимальное) га. Оговорим сразу, что селище площадью в 9,0 га (у д. Слобода Дворецкая близ истоков Лошицы) является единственным исключением, поэтому большими следует считать селища площадью в 4,0 га и более. Заметим также, что каких-либо региональных особенностей, связанных с размерами поселений, в пределах изучаемой территории не выявлено.

Практически в каждом микрорегионе присутствуют одно-два больших селища (4,0–6,0 га). На верхней Птичи это Старое Село (более 5,0 га) и Новый Двор (4,5 га); на средней Птичи – Стукатичи и Заболотье; в микрорегионе Волмы–Усы – Новосады; Вилии – селище в урочище Колысковка близ д. Избище (4,5 га). По 1–2 селищам размерами менее 1,0 или 0,5 га имеется в каждом из вышеназванных микрорегионов (кроме Лошицкого). Это селище-2 у д. Дудовка (Новый Двор-1) на верхней Птичи, селище близ железнодорожной остановки «Птичь» на средней Птичи; селища у д. Поусье и Слободка в Понеманском регионе, причем площадь последнего всего 0,25 га. Большинство селищ относятся к поселениям средней величины (площадь от 1,0 до 3,0 га). Такие поселения в разных микрорегионах центральных районов Беларуси составляют от 50,0 до 86,0% селищ, а в среднем по рассматриваемой территории – 57,6%.

Выяснив вопрос о соотношении селищ разных размеров на всей изучаемой территории и в микрорегионах, рассмотрим, как они распределяются в пределах микрорегиона. В микрорегионе верхней Птичи, где поселения вытянуты вдоль реки, наиболее крупное селище находится примерно в средней части микрорегиона. Также в средней части имеются наиболее крупные селища в микрорегионе средней Птичи, но по отношению к другим поселениям они как бы смещены на северо-западную и западную периферию территории микрорегиона, удаляясь от р. Птичь в сторону водораздела ее с притоками Усы. В микрорегионе Волмы–Усы наиболее крупное селище (у д. Новосады) занимает место на северо-восточной периферии региона, максимально приближаясь к микрорегиону Верхней Птичи и расположенному в нем главному центру макрорегиона – поселению на р. Мена. В микрорегионе Лошица самое крупное поселение находится у истоков, а остальные – в среднем течении этой речки.

Планировка и застройка поселений. Поскольку сельские поселения в центральных районах Беларуси исследовались преимущественно археологическими разведками (раскопкам подвергались только 10 поселений, причем материалы по 2 из них остаются неопубликованными), судить о планировке и застройке поселений можно, опираясь лишь на материалы семи селищ микрорегионов Лошицы, средней и нижней Свислочи, результаты исследований которых, частью опубликованные, частью еще нет, имеются в нашем распоряжении.

Изучавший сельские поселения Смоленской земли В. В. Седов полагает, что при тщательной разведке и детальном обследовании селищ можно определить места расположения дворов и жилых домов, исходя из наличия более темных, чем окружающий слой пятен, а также по участкам скопления керамики, камней со следами пребывания в огне, и кусков глиняной обмазки; взаимное расположение пятен и названных скоплений в пределах селища дает представление о планировке поселения [35, с. 17–19]. При разведках по берегам Птичи и Лошицы мы убедились, что места скопления фрагментов керамики обычно действительно соответствуют остаткам построек. Что касается выявления системы размещения построек по выделяемым на селище более темным пятнам культурного слоя, то наш опыт показывает: такие пятна прослеживаются только на пахоте до появления всходов при условии, что мощность культурного слоя не превышает 0,2–0,3 м. На селищах с большей мощностью слоя такие пятна выделяются на пахоте разве что после сильного дождя в теплую погоду.

В силу отмеченных причин мы полагаем возможным характеризовать застройку селищ исключительно по материалам раскопок. В этом отношении наиболее интересны селища, исследованные на правом берегу левого рукава р. Лошица неподалеку от д. Дружба (быв. Рыловщина) и Козыревское (оба в пределах городской черты Минска). Площадь первого селища – 2,5–3,0 га. На исследованной территории в 1120 м^2 выявлены остатки 29 жилых, 4 хозяйственных и 3 производственных сооружений [5, с. 133]. Изучение их показало, что все жилые дома были наземными и срубными, скорее всего с деревянными полами. Дома имели разные размеры при преобладании небольших однокамерных построек площадью около 16 м^2. Жилые постройки средних размеров (площадь 18–24 м^2) могли быть двухкамерными, а большие (площадь свыше 24 м^2) были двухкамерными и, возможно, двухэтажными [5, с. 143]. Датировка построек данного селища, выполненная на основе тщательного изучения хронологии найденных в них материалов, позволила разделить все сооружения по временным периодам. В X в. на исследованной территории поселения имелось 8 жилых домов; в первой половине XI в. – 14, во второй половине того же столетия – уже 15. В последующие десятилетия количество жилых построек на изучавшемся участке сокращается, вероятно, за счет переселения в другие части поселения владельцев малых и, возможно, средних домов и передачи их

бывших участков под застройку социальной верхушки, чьи дома в этой части селища составляли в XIII в. 75% всей застройки [5, с. 145–146]. Отметим также, что если на первых этапах существования поселения производственные сооружения, связанные с получением железа из руды, размещались вблизи жилых и хозяйственных построек, то позднее они «выносятся» на периферийную часть, за линию жилой застройки, что, видимо, обеспечивало пожарную безопасность.

Помимо вышеприведенных особенностей, следов какой-либо еще упорядоченности в застройке поселения, т. е. регулирования его планировки, не прослеживается. Территория селища, насколько позволяют судить об этом материалы раскопок, застраивалась плотно, но произвольно [5, с. 143]. Такая же произвольная, но более свободная застройка, по материалам наших наблюдений, имела место на большом селище у д. Стукатичи в микрорегионе средней Птичи.

На селище второй половины X – начала XII в. близ бывшей д. Козырево, вытянутом вдоль правого берега Свислочи, постройки располагались параллельно береговой линии в 1–3 ряда, образуя, в зависимости от ширины самого поселения, от одной до двух-трех улиц, которые для обеспечения короткого и удобного выхода к реке могли соединяться переулками. Многие постройки (наземные, срубные) имели площадь около 16 м^2. Имелись и более крупные жилища площадью от 24 до 32 м^2. Еще одна из жилых построек козыревского селища состояла из двух параллельных срубов, вероятно, двухэтажных, связанных между собой с одного торцового фасада широким крытым проходом, с другого – расположенными на уровне верхнего этажа сенями, опирающимися на два столба. На уровне первого этажа полезная площадь данной постройки могла составлять от 33 до 48 м^2 [16, с. 57, 59]. Крупная срубная наземная жилая постройка (не менее 28 м^2) выявлена в северо-восточной оконечности селища Лошица-1 на правом берегу Свислочи в 2009 г. Неподалеку от нее, на самом краю селища, открыты остатки мастерской (предположительно, по обработке металлов) XI – первой половины XIII в. Остатки наземной срубной постройки X в. с дощатым полом обнаружены в раскопе № 2 на селище в урочище Жужлянка в микрорегионе нижней Свислочи [4, с. 429].

К приведенному описанию жилых построек добавим сведения об имевшихся в них печах. Как можно судить по их остаткам, для отопления домов применялись печи трех видов: глинобитные, каменные и комбинированные – из камня и глины. Соотношения между ними на селище у д. Дружба (Рыловщина) составляют 77,27; 4,55 и 18,18% соответственно. Со второй половины XI в. печи, как правило, помещались в северо-восточном углу дома, следовательно, вход в него устраивался с южной стороны постройки либо с западной, близ юго-западного ее угла. В трех исследованных постройках козыревского селища зафиксированы две печи-каменки и одна комбинированная. В жилище XII – первой половины XIII в. на селище Лошица-1 найдены остатки каменной печи, так же, как и в жилище X в. на селище в ур. Жужлянка.

Материальная культура сельских поселений Менской земли. Поскольку в отличие от городского культурный слой сельских поселений гораздо беднее находками, считаем целесообразным привлекать для характеристики материальной культуры сельских поселений артефакты, полученные при раскопках относящихся к этим поселениям курганных могильников.

Изделия из черных металлов представлены сельскохозяйственными и ремесленными орудиями – наральником и череслом от подошвенного рала (Слобода Дворецкая), сошником от двузубой сохи (Лошица-1, Новая Вёска), фрагментами косы и серпов (Слобода Дворецкая, могильник у д. Пианино близ Новосадов); преимущественно универсальными ножами, бритвой, топорами, зубильцем, долотцем, ножницами пружинными, кресалами калачевидными с язычком и овально-удлиненным с фигурной щелевидной прорезью; ключами от кубических и цилиндрических замков, а также от цельнодеревянного замка; наконечниками сулицы и стрел от лука; конскими удилами и их фрагментами, гвоздями и прочими скобяными изделиями, дужками, ушками и обручами от ведер и иных деревянных сосудов; сковородами; иглою, шильями; фибулами и пряжками.

Изделия из цветных и полудрагоценных (из серебра) металлов представлены фибулами подковообразными и лировидными пряжками, височными кольцами разных типов, браслетами и перстнями, колокольчиком-привеской, а также разного рода привесками и накладками на пояс, поясными кольцами, слитками.

Изделия из стекла представлены бусами разных типов, среди которых к ранним относятся глазчатые и лимоновидные, а к поздним – желтый бисер. Редким не только для культурного слоя селищ, но и для Беларуси в целом является фрагмент импортного стеклянного сосуда для питья X–XI вв.

Изделия из кости и рога представлены костяным гребнем в футляре.

Изделия из камня представлены бусами из сердолика и горного хрусталя; фрагментами жерновов; пряслицами из розового овручского сланца (шифера) и серого песчаника; точильными брусками, часть из которых имеет отверстия для привешивания; кремни для высекания огня с помощью кресала, для этого нередко использовали найденные кремневые из-

делия эпохи неолита и бронзового века, имевшие удобную для держания в руках форму.

Изделия из глины представлены в первую очередь посудой, изготовленной на ручном гончарном круге, – горшками, сковородами, мисками, которые по форме, технологии изготовления, орнаменту практически не отличаются от одновременных им сосудам из Заславля и поселения на р. Мена. Весьма редкими являются находки фрагментов привозной амфорной керамики.

Экономическое развитие и социальный статус сельских поселений центральных районов Беларуси X – первой половины XIII в. Не приходится сомневаться, что именно пашенное земледелие (быть может, в сочетании с подсечным) являлось основным занятием сельского населения центральных районов Беларуси, хотя орудий сельскохозяйственного производства на исследовавшихся селищах найдено немного. Среди орудий пашенного земледелия преобладают железные детали подошвенного рала – наральники (Дворецкая Слобода; Пианино, курганный могильник близ селища у д. Новосады; Козырево, поселение на р. Мена; Бирюли, селище-3) и чересла (Дворецкая Слобода). Рала обычно использовали на рассматриваемой территории для обработки тяжелых почв, а также новых (ранее не возделываемых) участков [16, с. 64]. Трубицы большинства наральников шире их рабочей части, что свойственно наральникам, применявшимся на осваиваемых новых территориях (рис. 1: *1*). Найденные вместе с материалами X и даже IX в., эти наральники в определенной степени отражают процессы как расселения, так и освоения новыми обитателями еще свободных земель. На старопашенных землях

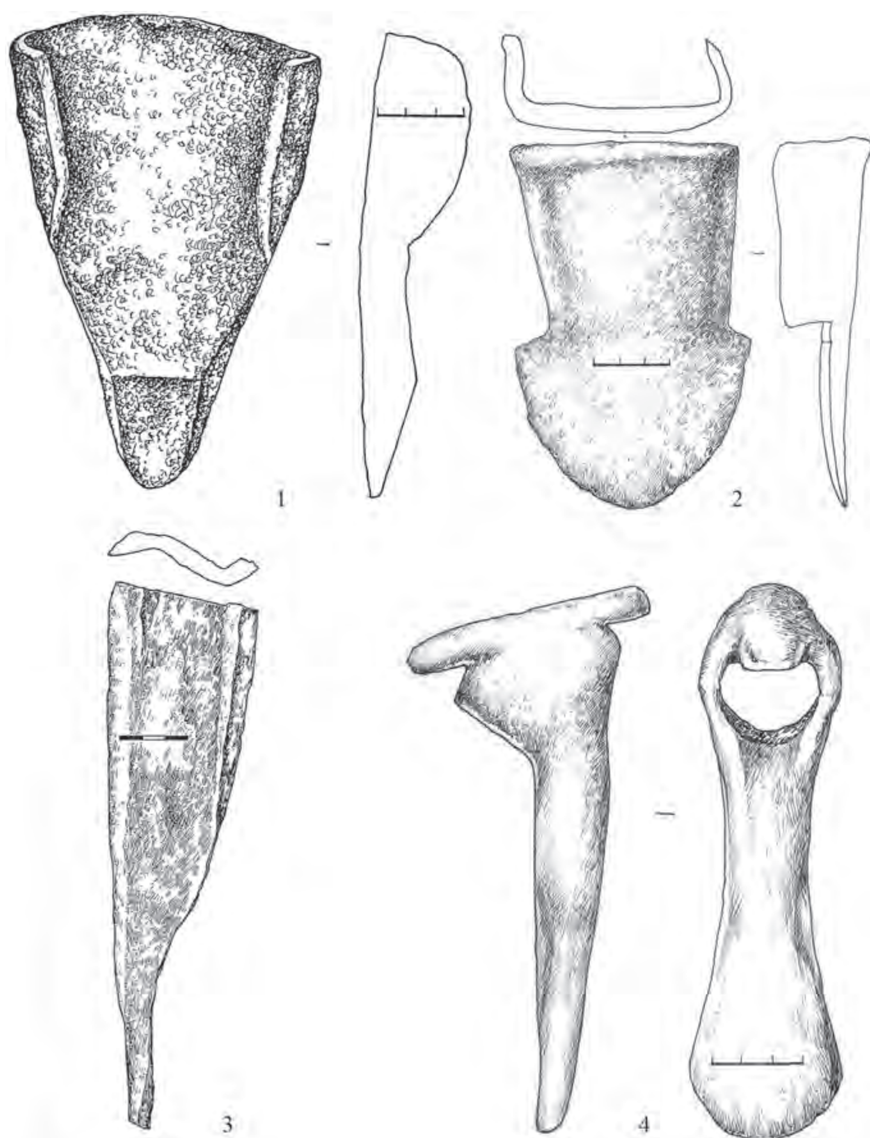


Рис. 1. Железные сельскохозяйственные орудия: *1, 2* – наральники (*1* – X в.; *2* – XI в.); *3* – сошник; *4* – мотыга; *1, 2, 4* – селище Козырево; *3* – селище Лошица-1

наряду с сохами (деревянными с железными наконечниками (рис. 1: *3*) (найдены на селищах Лошица-1 и у д. Новая Веска) могли применяться и подошвенные рала с полозом, но железные наральники у них были иной формы – с более узкой, чем рабочая часть, трубицей. Такой наральник найден в 2009 г. на селище Козырево в Минске (рис. 1: *2*). Помимо пашенного земледелия обитатели деревень, особенно территориально близких к городу – центру волости или княжества, занимались огородничеством. Огороды возделывались с помощью лопат (в те времена деревянных) и мотыг. Железная мотыга любопытной формы (обух ее снабжен выступами с тыльной стороны и щекавицами по бокам, как обухи топоров типа IV по классификации А. Н. Кирпичникова) найдена на селище Козырево в 2009 г. При массивном и прочном обухе она (рис. 1: *4*) отличается не очень широкой рабочей частью, что, на наш взгляд, свидетельствует об использовании ее на тяжелых почвах. Подобные мотыги, но гораздо меньших размеров, найдены на ряде памятников, относящихся к культуре Луки-Райковецкой в Поднепровье, Побужье и на территории Молдавии [29, с. 109, рис. 51: *6*].

С земледелием тесно было связано животноводство. При этом среди домашних животных доминировали лошади и крупный рогатый скот (23,8 и 52,38% костных останков соответственно), на долю овец и коз суммарно приходилось 23,82% (по данным остеологической коллекции с селища у д. Дружба (Рыловщина)) [5, с. 144].

Часть обитателей селищ помимо сельского хозяйства или наряду с ним занималась ремеслами: получением железа и его обработкой, резьбой по кости и рогу (находка на селище у д. Дружба – обрезка лосиного рога), прядением (пряслица); вероятно, имело место в ограниченном количестве ювелирное производство (литейные тигли, найденные на селищах у д. Дружба и Лошица-1), выгонкой дегтя (сосуды-фильтры с отверстиями в дне), обработкой, а возможно, и выделкой кожи [5, с. 145, мал. 1, 2; 16, с. 64]. Среди ремесленных инструментов, найденных на селищах, – шилья, зубила и долота, пружинные ножницы.

Разумеется, среди занятий населения были охота, рыболовство и собирательство.

Размещение большинства сельских поселений на реках, служивших путями сообщений, в том числе и торговых, способствовало втягиванию местных обитателей в торговлю, о чем свидетельствуют находки на селищах импортных изделий: бусин из стекла, хрусталя, сердолика; стеклянных браслетов (Михалово, Лошица-1), розового шифера, серебра, черных и цветных металлов, а также денария Оттона, амфорной керамики, служившей тарой для растительного масла или вина. Клады восточных и западноевропейских монет, обнаруженные случайно возле д. Лецковщина (микрорегион средней Птичи) и д. Новый Двор (микрорегион верхней Птичи), как удалось выяснить, были зарыты на территории селищ. Вероятно, эти монеты являлись собственностью не сельской общины, а местных феодалов, владельцев сел, остатками которых, скорее всего, являются данные селища.

Основные типы сельских поселений X–XIII вв. Сельские поселения рассматриваемого периода выступают в источниках под следующими названиями: весь, село (сельцо), повост. *Весь* – это деревня, населенная свободными земледельцами-общинниками, а затем крестьянами-общинниками, зависимыми от государства (в лице великого или удельного князя). *Село* – это поселение, находившееся в личной собственности князя или иного феодала. *Повост* именно так назван в источниках (*Ю. З.*), хотя в литературе чаще употребляют более поздний термин «погост». В. В. Седов различал «погост-округ», соответствовавший чаще всего территориальной общине, и «погост-место» – административный центр общины, обычно ее родоначальное поселение. Помимо прочего повосты (погосты) являлись и культовыми центрами общины в языческие времена, а потом теми поселениями, где строили первые сельские храмы [35, с. 30].

Мы, следуя летописям, считаем повосты, созданные по реформе княгини Ольги, прежде всего неукрепленными административно-хозяйственными пунктами, предназначавшимися для управления небольшими округами и сбором с них дани в пользу правящего князя; позднее название «повост» могло закрепиться и за самой округой, управляемой и контролируемой из такого пункта. Поскольку повосты были местами резиденций представителей княжеской или великокняжеской администрации, то на их территории обычными являются находки предметов с княжескими знаками-тамгами. Такие знаки в виде изображений двузубца, трезубца и их модификаций на днищах сосудов (горшков) и стенке амфоры, найденные на селище у д. Дружба (рис. 2: *7–9*), в культурном слое селища у д. Слобода Дворецкая, а также в одном из курганных захоронений возле него, являются индикаторами присутствия на этих поселениях представителей княжеской администрации. На селище у д. Дружба эти предметы найдены рядом с домом, большие размеры которого явно не соответствовали жилищу обычного, даже зажиточного крестьянина. Вероятно, это не самое большое в Лошицком микрорегионе селище, благодаря своему серединному положению являющееся административным центром округи, к которому «тянули» остальные сельские поселения микрорегиона. Центрами повостов могли быть как специально основанные поселения, так и существовавшие ранее, на которых сооружалась резиденция предста-

вителя княжеской администрации. В княжествах (Менском, Изяславском, Логожьском) повосты, основанные удельными князьями, могли иметь центрами села бояр и дружинников, представлявших в таких случаях интересы и власть князя на местах, в небольших сельских округах.

Еще один тип сельских поселений – село, загородное феодальное имение с владельческим двором и челядью. Селами также именовались поселения, обитатели которого находились в разной степени зависимости от феодалов. Существование на их территории княжеского или иного владельческого двора возможно, но не обязательно. До недавнего времени в пределах центральных районов Беларуси вопрос о наличии феодальных сел более-менее обоснованно был решен только для территории Изяславского княжества [8; 10, с. 139]. Устоявшихся археологических критериев для дефиниции сел в массе сельских поселений пока нет. Тем не менее очерчен ряд признаков, которые, по нашему мнению, позволяют отнести то или иное сельское поселение к категории сел. Это наличие на поселении выделяющихся (по площади и этажности, а также конструктивным особенностям) жилых построек (селище Козырево) либо усадеб, отделенных от остальной части селища оградой (селище Дружба (Рыловщина)), а также присутствие специфических артефактов, не свойственных не только крестьянам (стеклянные браслеты – селища Михалово и Лошица-1), но и рядовым горожанам – шейные гривны, характерные для княжеско-боярской знати (рис. 2: *1*; Козырево), элементы металлической гарнитуры наборных боевых поясов (рис. 2: *2–6*), носимых княжескими дружинниками во второй половине X–XI в. Элементы поясных наборов – бляшки-накладки и наконечники найдены как на поселениях (Дворецкая Слобода, Лошица-1), так и в курганных могильниках (Озерцо). Мы полагаем, что появление этих артефактов на сельских поселениях и в связанных с ними курганных могильниках отражает процесс «оседания» части княжеской дружины «на землю», т. е. получение дружинниками в пользование и во владение весей, которые при этом становились селами. Князь таким образом избавлялся от необходимости «кормить» (содержать, т. е. обеспечивать) часть дружинников, преданность которых своему князю отныне зиждилась и на личном экономическом интересе. Каковы были рамки этого процесса во времени, как он охватывал территорию центральных районов Беларуси и имевшиеся здесь удельные княжества – суть вопросы, для решения которых требуется систематическое и направленное изучение сельских поселений и могильников рассматриваемой территории.

Как показали раскопки селищ Дружба (Рыловщина), Козырево и Лошица-1, интерпретируемых нами как остатки владельческих сел, сельское ремесло в них имело вотчинный характер и обслуживало прежде всего нужды владельца села, его администрации и зависимых от феодала крестьян. Производственные постройки и сооружения размещались на территории владельческой усадьбы либо неподалеку от нее. Основным источником доходов владельцев сел, особенно расположенных неподалеку от города, была реализация на городском рынке продуктов земледелия, поскольку горожане в XII в. (а может быть, и ранее) в большинстве своем прекращают заниматься пашенным земледелием, а то небольшое их количество, не утратившее связи с земледелием (если это не были так называемые вилланские повинности), не могло, разумеется, обеспечить зерном всех обитателей города [11, с. 64–65].

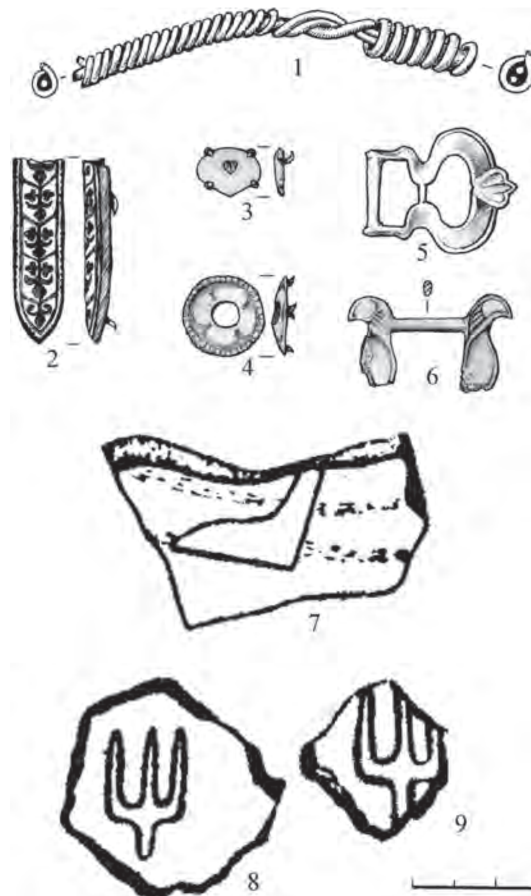


Рис. 2. Материалы из раскопок сел и повостов: *1* – шейная гривна (фрагмент); *2* – наконечник; *3*, *4* – поясные накладки; *5*, *6* – пряжки; *7* – стенка амфоры (фрагмент); *8*, *9* – днища горшков (фрагменты); *1–6* – бронза; *7–9* – глина; *1* – селище Козырево; *2–6* – селище Лошица-1; *7–9* – селище Дружба (Рыловщина)

Пока с уверенностью можно лишь констатировать, что если возникновение повостов отражало процесс «огосударствления» территории с сельскими поселениями, то распространение владельческих сел (будь то княжеские, церковные или боярские и дружинные) соответствовало процессу феодализации деревни.

Литература

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1966.

2. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1996 г. : у 3 т. – Мінск, 1997. – Т. 1 : Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г.

3. Деревня и ее хозяйство // Очерки по археологии Белоруссии. Часть II. – Минск : Наука и техника, 1972. – С. 52–71.

4. Драгун, Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь / Ю. И. Драгун // Белорусские древности. – Минск, 1967. – С. 422–431.

5. Заяц, Ю. А. Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1984. № 3. – С. 132–147.

6. Заяц, Ю. А. Сельское население Менской волости-удела X–XIII вв. // Сельское хозяйство : история, современный опыт и перестройка : тез. докл. – Минск, 1981. – С. 15–17.

7. Заяц, Ю. А. Сельские поселения на р. Лошица / Ю. А. Заяц // Древнерусская деревня. Археологическое исследование микрорегионов : тез. док. науч. конф. – М. : МГУ, 1991. – С. 20–21.

8. Заяц, Ю. А. К вопросу о сельском населении Изяславского удела Полоцкой земли в IX–XII вв. / Ю. А. Заяц // Час, помнікі, людзі : Памяці рэпрэсаваных археалагаў : тэз. дакладаў. Міжнар. канф., Мінск, 27–30 кастр. 1993 г. – Мінск, 1993. – С. 50–53.

9. Заяц, Юры. Менская зямля : этапы фарміравання / Юры Заяц // Беларус. гістар. часопіс. 1993. – № 4. – С. 8–15.

10. Заяц, Ю. А. Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.) : по материалам Заславского курганного могильника / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Минск, 1996. – № 8. – С. 129–147.

11. Заяц, Ю. А. Роль земледелия и животноводства в хозяйстве горожан Беларуси в X–XIII вв. / Ю. А. Заяц // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – Т. 4 : Общество, экономика, культура и искусство славян.– С. 61–69.

12. Заяц, Ю. А. Эволюция системы расселения в центральной Белоруссии в X–XIII вв. (на примере Лошицкого микрорегиона) / Ю. А. Заяц // Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий. – Могилев : МГУ им. А. Кулешова, 2002. – С. 192–201.

13. Заяц, Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Витебского Подвинья. – С. 118–126.

14. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 9 : Древности Беларуси (железный век и средневековье). – С. 26–31.

15. Заяц, Ю. А. Археологические памятники Менской земли (курганные могильники и селища) в верхнем течении рек Птичь и Свислочь / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 11 : Древности Беларуси в системе межкультурных связей. – С. 114–117.

16. Заяц, Ю. А. Новые памятники археологии в пределах городской черты Минска (правый берег Свислочи) / Ю. А. Заяц // Древняя история Восточной Европы : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загорульского. – Минск : БГУ, 2009. – С. 55–67.

17. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць.– Минск : БелСЭ, 1987. – Кн. 1.

18. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. – Минск : БелСЭ, 1987. – Кн. 2.

19. Зверуго, Я. Г. Сельские поселения / Я. Г. Зверуго // Очерки по археологии Беларуси. – Мінск : Наука и техника. 1972. – Ч. II. – С. 52–58.

20. Звяруга, Я. Г. Сельскія паселішчы / Я. Г. Звяруга // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) – С. 110–133.

21. Иов, О. В. Топография и планировка сельских поселений IX–XV вв. в Западном Полесье // Сельское хозяйство : история, современный опыт и перестройка: тез. докл. – Минск, 1988. – С. 13–14.

22. Иов, О. В. Сельские поселения IX–XIII вв. западной части Белорусского Полесья : автореф. дис. … канд. ист. наук / О. В. Иов. – Минск, 1991.

23. Іоў, А. Сельская абшчына і вёска / А. Іоў // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – Т. 1: Старажытная Беларусь : Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – С. 261–268.

24. Кенько, Павел. Разведки на юге Витебской области / Павел Кенько // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2007. – Вып. 23. – С. 233–235.

25. Клімаў, М. В. Ваколіца Полацка: гісторыя ў кантэксце археалагічных крыніц / М. В. Клімаў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. – Полацк, 1998. – С. 141–159.

26. Кошман, В. І. Сельскія паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук / В. І. Кошман. – Мінск, 2003.

27. Лаврентьевская летопись // Русские летописи. – Рязань : Александрия, 2001. – Т. 12.

28. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991.

29. Михайлина, Л. П. Слов'яни VIII–X стст. Між Дніпром і Карпатамі / Л. П. Михайлина. – Київ : Ін-т археології НАН України, 2007.

30. Насевіч, Вячаслаў. Мінскі павет / Вячаслаў Насевіч // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 295.

31. Предисловие о великих князьях литовских откуда они пошли // Полное собрание русских летописей. – СПб, 1907. – Т. 17. – С. 603.

32. Риер, Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X–XIII вв. / Я. Г. Риер // Советская армия. – 1982. – № 4. – С. 107–108.

33. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографическою коммиссиею. Том тридцатый: Литовская метрика. Отделы первый–второй. Часть третья : Книга публичных дел. Т. 1. – Юрьев, 1914. – Стб. 896.

34. Рыер, Я. Г. Развіццё сярэдневяковай вёскі на тэрыторыі Беларусі і ў суседніх землях / Я. Г. Рыер. – Магілёў, 1990.

35. Седов, В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В. В. Седов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – № 92.

36. Штыхаў, Г. В. Крывічы / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Сельскія паселішчы цэнтральных раёнаў Беларусі X – першай паловы XIII ст.

Прыведзена кароткая гістарыяграфія азначанага пытання, сістэма рассялення ў межах цэнтральных раёнаў Беларусі, дадзены тапаграфія і памеры селішчаў. Разгледжаны планіроўка і забудова паселішчаў. Асобна вылучана матэрыяльная культура сельскіх паселішчаў Мінскай зямлі. Таксама прааналізавана іх эканамічнае развіццё і сацыяльная прыналежнасць.

Summary

Y. Zayatc

Rural settlements of central districts of Belarus at 10th – first half of 13th century

In this article the short historiography of this problem and the system of settlements in central districts of Belarus are considered. The topography and size of settlements, planning and building up are given. Material culture of settlements of the Minsk Land is considered separately. Economic development and social condition of rural settlements in 10th–13th century are taken up.

Поступила 22.01.2012

УДК 903.53«653»

***Ю. А. Заяц,** Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Характеристика методик и направлений изучения средневековых могильников

Прежде чем рассматривать проблему методики исследования средневековых могильников, следует оговорить некоторые исходные позиции, такие, как хронологические рамки, территория, типы могильников, гражданство (подданство) исследователей или принадлежность их к тем или иным научным учреждениям. Это необходимо сделать по следующим причинам: на разных этапах, когда уже проводилось археологическое изучение могильников, под территорией Беларуси понимали земли, входившие в состав Белорусских губерний, границы и размеры которых не совпадают с теперешними областями Республики Беларусь, как прежде не совпадали с территорией БССР. До 1980-х годов средневековый период в археологии ограничивался IX(X)–XIII вв., соответственно, в круг погребальных памятников включались преимущественно курганные могильники и грунтовые захоронения этого времени, выявляемые при раскопках городов. С 1980-х годов верхняя граница средневековой археологии расширился по XVIII в., с появлением термина «позднесредневековая археология». При этом круг погребальных памятников стал шире и разнообразнее. В конце XX в. в белорусской исторической, а вслед за тем и в археологической науках было решено отнести к средневековью (точнее, к раннему средневековью) период, охватывающий VI(конец V)–VIII вв. Эта инициатива отдельных ученых не имела под собой сколько-нибудь серьезного обоснования. Тем не менее эта новая периодизация каким-то образом прижилась в белорусской историографии и в настоящее время является почти официальной, хотя и не общепризнанной. Таким образом, при данных хронологических рамках средневекового периода к средневековым погребальным памятникам относятся курганные могильники VI–XIII вв. и грунтовые могильники VI–VIII и XI–XVIII вв., включая и погребения, сделанные внутри храмов и на монастырских кладбищах.

Говоря об исследователях средневековых могильников на территории Беларуси, следует иметь ввиду, что в современной литературе белорусскими исследователями применительно к XIX в. и началу XX в. считаются археологи, работавшие на территории Беларуси, вне зависимости от их национальности, поскольку все они белорусы, литовцы, поляки и русские были подданными Российской Империи. Мы полагаем нецелесообразным выделять из числа специалистов, изучавших средневековые погребальные памятники на территории Беларуси, лиц не являющихся белорусами или штатными сотрудниками НАН Беларуси либо белорусских вузов, тем более, что при работе на одной территории представителей разных научных учреждений происходит взаимообмен и взаимообогащение научных идей и методик исследования.

Исходя из сказанного выше, территориальные рамки нашей работы определяются современными границами Республики Беларусь, хронологические – периодом средневековья в современной временной трактовке его в белорусской исторической науке, круг исследователей могильников – лицами, занимавшимися данной проблемой вне зависимости от их государственной и ведомственной принадлежности.

Методика изучения курганных могильников рассматривается нами в первую очередь, поскольку именно с курганов началось изучение погребальных средневековых памятников на территории Беларуси. Причиной такого предпочтения были, как мы полагаем, хорошая внешняя выделяемость курганных насыпей, возможность получения информации о наличии и местонахождении их у местных жителей и почти полная уверенность о наличии в них материалов.

Следует заметить, что поскольку в своих публикациях археологи-любители XIX – начала XX в. методику раскопок, как правило, не описывали, а полевая их документация, если таковая имелась, до нас не дошла, то судить о методике их полевых исследований можно только по отрывочным, косвенным свидетельствам. При этом следует иметь в виду, что сами авторы публиковавшихся в те времена методических рекомендаций не всегда им следовали.

Методика исследования курганных могильников во многом определялась теми целями и задачами, которые ставили перед собой их исследователи. Первые раскопки курганных погребений на территории Беларуси велись любителями и собирателями древностей, основной целью которых было получение вещей из захоронений.

Раскопки курганных захоронений в Беларуси, о которых имеются письменные свидетельства, про-

изводились в конце XVIII в. возле имения Мосар (ныне Глубокский район) помещиком Бжостовским. Судя по переписке об этих раскопках, их организатора прежде всего занимали предметы, которые могли быть при погребенном, однако некоторые особенности погребального обряда, такие, как положение покойника, место погребения в насыпе и т. д. также не ускользнули от внимания Бжостовского. Судя по описанию им некоторых деталей и особенностей устройства кургана, он раскапывал насыпь «на снос» [2, с. 16]. Т. Нарбут первым из археологов-любителей поставил проблему о племенной (этнической) принадлежности населения, оставившего курганы (впрочем, его попытки решить данную проблему выглядели более чем наивными); он же первым начал публиковать результаты своих раскопок, вводя добытые материалы в научный оборот. А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский) предложил привлекать археологические памятники, и прежде всего, курганные могильники и городища для изучения истории ранних славян, применяя для этого статистический и картографический методы [2, с. 42]. Идеи А. Чарноцкого развивал и применял на практике А. М. Сементовский, составивший археологическую карту Городокского уезда. Он подразделял курганы на полевые, кучные и одиночные, но при этом нередко смешивал понятия городище и курганы, внося в проблему определенную путаницу [2, с. 97, 98].

Практически первым предложил методику раскопок курганов К. П. Тышкевич. Согласно его методу, курганную насыпь следовало «рассечь» так, чтобы были обнаружены все слои, из которых она состоит [39, с. 15]. Выражение «рассечь насыпь» подразумевает производство раскопок кургана методом траншеи или траншей. О методике своих раскопок К. Тышкевич писал следующее: «Я долгое время производил раскапывание курганов, начиная работу с краю и разрывая курган по длине, снимая последовательно сверху до основания по тонкому слою земли, так, чтобы курган, разрытый через середину, представлял форму как бы разрезанной булки хлеба. При такой раскопке, коль скоро попадали на скелет, то по направлению его положения, вынимался над ним песок, и так очищалось поле для поисков в могиле» [39, с. 15, 16]. Но при этом автор отмечал недостатки такого метода: если погребения не обнаруживали в раскапываемой половине насыпи, то работы либо забрасывали, либо продолжали во второй части весьма небрежно и торопливо [39, с. 16]. По этой причине он перешел к раскопкам по методу А. К. Киркора (впрочем, в примечании Тышкевич отметил, что на деле автором этого метода был российский археолог Савельев). Суть метода заключалась в оставлении в кургане крестообразной бровки, позволяющей, во-первых, точно фиксировать все слои насыпи, а, во-вторых, обнаружить скелет при любом его положении в кургане [39, с. 16]. К. П. Тышкевич предложил свою классификацию курганов и курганных могильников, правда, весьма произвольную и наивную [39, с. 12]. Его брат Е. П. Тышкевич на основе своих раскопок курганов пришел к выводу, что большие (по размерам – *Ю. З.*) курганы являются не воинскими общими (братскими) захоронениями на местах битв, а погребениями «какого-то знатного рода славян». Таким образом, на лицо стремление к социальной и этнической интерпретации исследуемых курганных могильников, т. е. новый шаг вперед в археологии от любительства к науке.

Д. Я. Самоквасов в своей работе «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей» [31] предлагал раскапывать курган либо полной съемкой земли, т. е. «на снос», либо широкой траншеей, или «колодцем», рекомендовал «раскопщикам» в обязательном порядке иметь дневник работ, в котором фиксировать все их этапы, а главное – особенности устройства насыпи, детали погребального обряда, расположение предметов, обнаруженных при захоронении [32]. Пропагандируя свою методику ведения полевых работ, он в 1874 г. организовал для участников Третьего археологического съезда показательные раскопки кургана в окрестностях г. Чернигова [32]. В его докладе, прочитанном на Третьем археологическом съезде в Киеве в 1874 г., методика раскопок курганов описывалась следующим образом: сначала насыпь срезалась на треть высоты, затем разрабатывалась широким колодцем до «грунта» (материка); при появлении признаков близости костяка с помощью тонкого щупа отыскивался череп и от него отсчитывали границу погребения, которое, не доверяя рабочим, мечтающим найти драгоценности, археолог раскапывал и расчищал сам, тщательно просматривая, а при необходимости и просеивая сквозь решето землю, предварительно поручив землекопам углубиться ниже предполагаемых границ погребения. Вещи изымались только после нанесения их на план погребения [32, с. 186]. Для раскопок курганов с кремированными захоронениями он рекомендовал сначала прорыть «сбоку могилы» траншею для выявления уровня залегания слоя углей («кострища»), а затем копать «колодцем», который имел бы параметры большие, чем пятно от костра [32, с. 187]. Занимаясь составлением археологической карты, Самоквасов создал прообраз «Опросных листов» начала XX в., рассылая по губерниям свои «опросы» [2, с. 107].

Детальную фиксацию раскапываемых курганов проводил Ф. В. Покровский [30, с. 138, 141, 142], который по археологическим (курганным) материалам пытался проследить границу расселения литовского и западнорусского населения в древно-

сти [30]. Составленная им к Девятому археологическому съезду «Археологическая карта Гродненской губернии» и теперь может служить образцом для подражания, как по полноте сведений, так и по мастерству и культуре оформления издания [38, цв. карта-вклад.].

Известный ученый Е. Р. Романов, изучивший ряд могильников, выработал свой метод раскопок. Насыпь начали разрабатывать путем послойной съемки земли (в малых курганах до половины высоты, а в больших – на две трети), после чего, отступив на аршин от края основания насыпи, оставшуюся ее часть прорезали траншеями по линии запад–восток от северной до южной границы кургана, охватывая неизученную часть насыпи до уровня материка [30]. Несмотря на ряд недостатков этого метода, он был более прогрессивным, чем раскопки «колодцем».

Впрочем, несмотря на все новшества и разработки прогрессивных методов раскопок, предлагавшихся Ф. В. Покровским, Е. Р. Романовым и Д. Я. Самоквасовым, большинство археологов предпочитали работать «по старинке», хорошо апробированным методом раскопок «колодцем» и траншеей. Именно так раскапывал курганы Н. М. Турбин, причем зачастую, исследуя могильник, он не расчленял найденные в погребениях курганы по отдельным комплексам, а в ряде случаев (как, например, при раскопках Заславского курганного могильника) и по отдельным группам курганов. Так, осмотренные нами хранящиеся в Государственном историческом музее находки из раскопок Заславского могильника Н. М. Турбиным помещены без всякой системы на два небольшие планшета; отдельно сохраняется также переданный им в музей крупный фрагмент (полный профиль) изготовленного на круге горшка. Похоже, столь же бессистемно сохранял вещи из раскопок курганов на Минщине, проводившихся в 1915 г., Ю. В. Шавельский [40, с. 72, рис. 47], в таком же не разработанном виде они и хранятся в Государственном Эрмитаже.

Уроженец Воложинщины профессор В. З. Завитневич раскопал, применяя разные методики, на территории Беларуси 647 курганов. Анализируя их погребальный обряд с помощью статистического метода и картографирования, ученый пришел к важному выводу, что, во-первых, распространение дреговичских древностей не совпадает с этнографическими границами белорусов; во-вторых, так называемый дреговичский инвентарь распространен за пределами территории дреговичей, и по этой причине не следует считать его этноопределяющим [6, с. 223]. Гораздо позднее А. А. Спицин все-таки успешно решит проблему этноопределяющих элементов погребального инвентаря для различных восточнославянских племен, в том числе и для обитавших на территории Беларуси [37].

Следует все-таки констатировать, что несмотря на успешное решение зарождающейся белорусской научной археологией важных научных проблем и совершенствования методики полевых работ во второй половине XIX – начале XX в., многие лица, занимающиеся раскопками курганных могильников, придерживались устаревшей методики раскопок «колодцем» или траншеей (об этом свидетельствуют следы работ, сохранившиеся в ряде курганных групп и могильников на территории Беларуси), а сами их раскопки имели целью пополнить частные или музейные собрания и даже преследовали чисто коммерческий интерес, как, например, работы Г. Х. Татура [2, с. 119].

Археологов, изучавших средневековые курганные могильники с 1920-х годов, все более и более занимал погребальный обряд и его племенные особенности. Поэтому их уже не удовлетворял метод раскопок «колодцем», при котором часть насыпи оставалась неизученной, что не способствовало реконструкции погребального обряда в полном объеме.

Уже в 1920 г. при исследовании заславских курганов экспедиция Минского общества истории и древностей в составе В. П. Сущинского, И. П. Поляка и Н. Г. Маслакавца наряду с раскопками «колодцем» применяла методы полного раскапывания насыпи послойно (судя по сохранившимся чертежам с профилями; при этом оставляли бровки для фиксации структуры насыпи); не совсем удачным следует признать их метод раскопок, при котором треть или половина насыпи снимались послойно «на снос», а оставшаяся часть изучалась «колодцем» [17]. Более прогрессивной методики раскопок курганов придерживался И. А. Сербов, произведший в 1925 г. исследования двух курганных могильников в окрестностях Минска. Вопреки утверждениям Л. В. Алексеева, основанным на знакомстве (видимо, не совсем внимательном) с публикацией Сербова, о методе раскопок последнего кургана по половинам с одной бровкой, в статье И. А. Сербова имеются достаточно убедительные свидетельства, что курган им разбирался послойно по четвертям с оставлением крестообразно расположенных бровок [35, с. 193, 212]. В 1926 и 1928 г. экспедиция под руководством А. Н. Лявданского при работах на Заславском курганном могильнике применяла преимущественно метод раскопок «на снос» с двумя перекрещивающимися в центре насыпи бровками [17, с. 2, мал. 1]. При этом в удлиненных насыпях оставлялись одна продольная и одна-две поперечные бровки [17, мал. 7]. Характеризуя данный метод А. Н. Лявданский писал: «Раскопкі курганоў вяліся намі на знос, па спосабе, паказаным на мал. 1. Такое вядзенне раскопак, хаця яно абходзіцца і даражэй, дае магчымасць лягчэй і дакладней выявіць і зафіксаваць усе напластаванні, лепш вывучыць увесь насып кургана і абрад

пахавання» [17, с. 2]. Правда, сразу этот метод не вошел прочно в полевую практику белорусских археологов: в 1928 г. С. А. Дубинский, проводя дополнительные раскопки курганов того же Заславского могильника, раскопал, по крайней мере, часть насыпей «половинками», т. е. с одной бровкой, и только для могильной ямы на своих чертежах делал дополнительный поперечный профиль [4, табл. 19].

Кстати, и сам А. Н. Лявданский не столь уж последовательно придерживался данного метода раскопок: при раскопках курганов под Оршей, возле д. Черкасово и в урочище Волотовки у д. Бельчицы близ Полоцка в ряде случаев насыпи изучались половинами с одной бровкой, за исключением удлиненного кургана № 10 у д. Бельчицы, раскопанного с двумя крестообразно расположенными бровками [18–21]. Впрочем, публикация 1932 г. об археологических работах А. Н. Лявданского в Смоленской губернии, производившихся в 1926–1927 гг., предваряется замечаниями о методике раскопок, при этом указывается, что курганы раскапывались секторами «на снос» с оставлением одной или нескольких бровок, как показано на рисунке [22, мал. 1]. Описывая весьма кратко методику полевых исследований, Лявданский отмечал, что все курганы копались по секторам не менее чем с двумя бровками и только значительно поврежденные насыпи раскапывались с одной перемычкой (бровкой) [22, с. 269]. В качестве недостатка методики полевых исследований курганных могильников А. Н. Лявданского и его коллег следует отметить то, что прикурганные ямы и ровики, как следует из опубликованных текстов и чертежей, чаще всего не изучались археологически.

После 1945 г. средневековые курганные могильники на территории Беларуси изучались и изучаются как белорусскими археологами: А. В. Войтеховичем, В. В. Богомольниковым, Л. В. Дучиц, Э. М. Загорульским, Я. Г. Зверуго, Ю. А. Заяцем, О. Н. Левко, П. Ф. Лысенко, В. Л. Казеем, Т. Н. Коробушкиной, А. Н. Плавинским и Н. А. Плавинским, Я. Г. Риером, Г. В. Штыховым, так и российскими: В. Л. Алексеевым, Ф. Д. Гуревич, К. В. Павловой, В. В. Седовым, З. М. Сергеевой.

В послевоенный период при раскопках курганных могильников также, как и в предшествующий период, большое внимание уделялось погребальному обряду и, прежде всего, его хронологии [14]. Предпринимались также попытки выделения отдельных хронологических групп курганных могильников [40], правда не все эти попытки можно признать удачными. Так, например, неудачным и неправомерным является выделение особого термина «культура длинных курганов» и копирование этого нонсенса некоторыми белорусскими археологами и, более того, развитие и выделение его Г. В. Штыховым в «культуру ранних длинных курганов» [41]. Это, прежде всего, не согласуется с классическим и общепринятым определением понятия «археологическая культура» и, наконец, в культуре принято различать ранние этапы, либо стадии, но не выделять их в самостоятельные культуры. Решению этой проблемы способствовали многочисленные разработки по хронологии различных категорий археологических находок, выполненные учеными академических институтов и музеев Москвы и Ленинграда. Впрочем, далеко не всегда при раскопках и особенно при публикации материалов исследования курганных могильников тщательно фиксировались все детали погребального обряда [5, 40].

Следует отметить, что в связи с унификацией методических требований к полевым исследованиям в СССР, изложенных в учебниках и различных методических пособиях [1, 23, 24], существенной разницы в методике раскопок упомянутых выше археологов не имелось, а некоторые расхождения в применяемой в том или ином случае методике, объясняются скорее условиями работ и личными качествами археологов. Информацию о курганах, раскопанных по половинам, с одной поперечной бровкой, находим в отчетах и публикациях Г. В. Штыхова и отчетах К. В. Павловой, которая при раскопках могильника у д. Сулятичи делала поперечный разрез только для могильной ямы [27; 40, мал. 39, 41, 73, 78]. К сожалению, даже в публикациях, написанных на материалах курганных могильников, не всегда их авторы приводят сведения о методике своих полевых изысканий. Поэтому данную информацию можно почерпнуть из опубликованных чертежей раскопанных курганов, а также из отчетов о раскопках.

Наиболее распространенным способом исследования средневековых курганов, во второй половине XX – начале XXI в. была разборка насыпи по четвертям с оставлением двух крестообразных бровок. Именно таким способом изучалось большинство средневековых курганов на территории Беларуси. Близок к нему был метод, предложенный ленинградским археологом Н. И. Артамоновым и заключающийся в том, что насыпь разбивалась на сектора и вначале разрабатывались два параллельных сектора (I и III или II и IV, при нумерации по часовой стрелке). Вертикально зачищенные стенки временно не тронутых секторов позволяют более удобно и точно осуществить графическую фиксацию структуры насыпи, чем при оставлении крестообразных бровок. Такой метод раскопок курганов в Беларуси с 1980 г. применяет Ю. А. Заяц.

В последние годы имели место попытки перенести на Беларусь новые методы полевых исследований курганных могильников, применяющихся в российской археологии, а именно исследование могильника раскопом [29]. Впрочем, такая попытка не оказалась плодотворной.

В конце XX – начале XXI в., применяя новые методы анализа и интерпретации археологических материалов, археологи Беларуси на основе материалов раскопок курганных могильников решают вопросы этнической и социально-экономической истории [7, 10–12, 16].

Одним из важнейших направлений археологических исследований является выявление и регистрация и учет памятников. Этим видом работ практически занимались во все времена все археологи. Также почти неизменными оставались и методы археологического поиска, только в различные периоды разным было соотношение между применяемыми методами. Так, в XIX – начале XX в. метод личного обследования территорий сочетался с письменными запросами местным органам власти об известных населению памятниках. В 1920-е годы осуществлялись планомерные обследования территорий (преимущественно вдоль рек) экспедициями с участием краеведов и рассылка «Опросных листов» по районам и сельским советам. В дальнейшем сбор данных путем опросных писем, рассылаемых по сельским советам определенных территорий, занималась только Л. В. Дучиц с целью выявления культовых камней и валунов и А. В. Квятковская, рассылавшая по сельским советам письма-анкеты с целью сбора данных о каменных могильниках. До 1917 г. составлялись так называемые Археологические карты по губерниям, во второй половине XX в. по всей территории Беларуси с разделением по областям и районам. Впрочем, содержащиеся в них данные о памятниках не были полными и достоверными, что показала работа по подготовке «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», подразумевавшая сплошное археологическое обследование всех административных районов республики. Но и это издание грешит неполнотой сведений и неточностями привязок археологических памятников. Несмотря на, казалось бы, тщательное обследование территории Беларуси в период подготовки «Збора помнікаў…», в последующие после его издания годы при археологических разведках продолжают выявлять все новые и новые археологические памятники, в том числе и по периоду средневековья (в частности и могильники). Не удовлетворенные качеством привязок археологических памятников к местности в вышеупомянутых изданиях, археологи создают компьютерную базу данных «Памятники археологии Беларуси» с привязкой памятников по системе координат на картах-двухкилометровках.

Методика изучения средневековых грунтовых могильников. К грунтовым средневековым могильникам здесь отнесены следующие погребальные памятники: так называемые раннесредневековые грунтовые могильники, предшествующие возникновению обычая захоронения в курганах, каменные могилы, христианские кладбища, известные пока только в некоторых городах, а также захоронения на территории монастырей в оградах храмов и внутри культовых сооружений, в том числе и в криптах.

Изучение раннесредневековых грунтовых могильников началось только в начале XX в., когда в 1904 г. Е. Р. Романов открыл грунтовый могильник в Новом Быхове и исследовал в нем шесть погребений. В 1927 г. изучение могильника продолжили С. А. Шутов и И. А. Сербов. Во второй половине XX в. раннесредневековые грунтовые могильники на территории Беларуси изучали Ю. А. Кухаренко, А. Г. Митрофанов, Л. Д. Поболь и Ю. А. Заяц. Количество подобных могильников известных и изучавшихся на территории Беларуси невелико, возможно по причине того, что они не имеют внешних признаков. Следует подчеркнуть, что в публикациях и даже в археологической литературе почти ничего не говориться о методике поисков и раскопок таких могильников. Большинство известных бескурганных раннесредневековых могильников выявлены в процессе раскопок поселений, которым они предшествовали, либо часть которых заняли позднее, либо обнаружены на пашнях, в виде россыпи кальцинированных костей из поврежденных при вспахивании вследствие небольшой глубины их могил. В первом случае погребения таких могильников изучались в процессе разборки культурного слоя поселений, зачистки и выборки материковых ям, во втором – преимущественно методом разработки раскопов, шурфов и траншей.

Весьма существенными факторами в изучении грунтовых раннесредневековых могильников являются их культурная атрибуция и датировка. В решении данных проблем преобладает метод аналогий. Но если для культурной атрибуции он полностью оправдан, то для датировки его явно недостаточно. Так, например А. Г. Митрофанов, выявивший и частично изучивший грунтовый могильник на территории селища в урочище Василиха у д. Ревячка (точнее, на оставленной обитателями части селища), датировал погребения V–VI вв., исходя из близости погребального обряда Акатовскому могильнику на территории Смоленской области [25, с. 31], тогда как, исходя из соотношения поселения и могильника нижней датой захоронений, совершенных на поселении, логично было бы взять верхнюю дату культурного слоя.

Изучение каменных могил началось на территории белорусского Понеманья в последние десятилетия XIX в. и активно продолжалось в начале XX в. Хотя методика их исследования подробно не описана, из публикаций видно, что исследователи большое внимание уделяли деталям погребального обряда, фиксируя устройство каменной обкладки, форму, глубину и заполнение могильных ям, наличие

гробов и т. п., положению костяков и пр. Анализируя материалы этих раскопок, Ф. Д. Гуревич отметила, что многие находки из них оказались депаспортизированными, впрочем, она не исключает, что это может быть результатом небрежного их хранения в Виленском музее и поспешной передачи его коллекции в Государственный Эрмитаж [3, с. 122]. Рассмотрев находки из каменных могил (правда не по комплексам вследствие их депаспортизации), Ф. Д. Гуревич, не исключая появление таких могильников в XII в., пришла к заключению, что наиболее ранние каменные могилы следует отнести к XIII–XIV вв. [3, с. 130]. Судя по отрывочным и разрозненным сведениям, каменные могильники исследовались методом археологических траншей (обычно там, где внешние признаки могил не сохранялись) и вскрытием отдельных могил. Последний метод был применен в 1928 г. И. А. Сербовым при изучении каменного могильника у оз. Комаровское (Уклейна) в Ушацком районе [36, с. 208–211]. Во второй половине XX в. при изучении этого вида могильников использовался метод вскрытия его части небольшими (до 60 м^2) раскопками и шурфами, совпадающие размерами с площадью могилы [13, с. 23].

Исследование средневековых городских грунтовых могильников началось в связи с проведением широкомасштабных археологических раскопок городов. Размещавшиеся за пределами городов грунтовые могильники с развитием городской территории вошли в ее черту. Они, за редким исключением, обнаруживаются, обычно, случайно, в ходе раскопок или земляных работ. Локализовать их, хотя бы приблизительно, можно изучая картографический материал или городскую топонимику. Некоторые грунтовые могильники основывались на временно покинутой жителями по разным причинам городской территории, впоследствии вновь занимаемой застройкой. При исследовании грунтовых могильников применяется общепринятая методика [23, с. 53–55], но в городах Беларуси они обычно изучались не траншеями, а раскопками, что позволяло достоверно определять размеры и контуры могильных ям и систему расположения могил, а уровень залегания погребений в культурных отложениях и относительно друг друга при точной фиксации дает возможность решать вопрос о времени функционирования могильника более надежно, чем по погребальному инвентарю, в таких могильниках чрезвычайно бедному и имеющему, как правило, широкие хронологические рамки. Обнаружив в раскопе захоронения, относящиеся к городскому грунтовому могильнику, одни исследователи ограничиваются их изучением, другие с помощью дополнительных раскопов стремились определить границы и размеры могильника [8, с. 53–55; 28; 33].

В некоторых белорусских городах XI–XIII вв. зафиксирован обычай совершать погребения в недостроенных по каким-то причинам либо частично разрушенных храмах (Минск, Гродно). Методика их раскопок, как у обычных могил, но главным является решение вопросов о причинах превращения этих мест в городской могильник и о социальном статусе погребенных [9, с. 193, 256].

В местечках (бывших малых городах), где на старых кладбищах имеются могилы XVI–XVII вв. (Лукомль), последние исследовались шурфами, размеры которых слегка превышали внешние параметры могилы.

О. Н. Левко, изучавшая городские некрополи в северо-восточной Беларуси, выделила ряд признаков светских погребений на монастырских кладбищах и в храмах, а также признаки обряда, позволяющие устанавливать конфессиональную принадлежность погребенных [15, с. 172–173, 178–179], однако предложенное ею объяснение причин сравнительно небольшого количества ранних захоронений в городском грунтовом могильнике г. Витебска [15, с. 179], не представляется нам убедительным.

При исследовании погребений, совершенных в склепах под храмами, для их датировки весьма существенное значение имеет изучение строительных материалов и техники строительства склепов и ниш, дающее иногда более узкую и точную дату, чем инвентарь захоронений.

Литература

1. Авдусин, Д. А. Полевая археология СССР / Д. А. Авдусин. – 2-е изд. – М., 1980.

2. Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск : Беларус. навука, 1996.

3. Гуревич, Ф. Д. Древности белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич. – М. ; Л., 1962.

4. Дубінскі, С. А. Дадатковыя раскопкі курганой у Заслаўі / С. А. Дубінскі // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 5 : Працы катэдры археолёгіі. – Т. 1. – Мінск, 1928. – С. 253–255.

5. Дучыц, Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. : гіст.-археал. нарыс / Л. У. Дучыц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991.

6. Завитневич, В. З. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии / В. З. Завитневич // Тр. IX Археолог. съезда в Вильне в 1983 г. – М., 1895. – Т. 1. – С. 221–235.

7. Заяц, Ю. А. Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.) : по материалам Заславского курганного могильника / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1996. – № 8. – С. 129–147.

8. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1995.

9. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982.

10. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Минск, 1980.

11. Звяруга, Я. Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі / Я. Г. Звяруга. – Мінск, 2005.

12. Каробушкіна, Т. М. Насельніцтва Беларускага Пабужжа X–XIII стст. / Т. М. Каробушкіна. – Мінск : Беларус. навука, 1999.

13. Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI в. – XVII в.) / А. В. Квятковская. – Вильнюс, 1998.

14. Коробушкина, Т. К. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. / Т. К. Коробушкина. – Минск : Наука и техника, 1993.

15. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси. Формирование и развитие / О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2004.

16. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1991.

17. Ляўдансні, А. Н. Архэолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі / А. Н. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 5 : Працы катэдры археолёгіі. – Т. 1. – Менск, 1928. – С. 1–95.

18. Ляўдансні, А. Н. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе / А. Н. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 11 : Працы археалёгічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 31–45.

19. Ляўдансні, А. М. Курганны могільнік каля в. Чаркасава Аршанскай акругі / А. М. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 57–70.

20. Ляўдансні, А. М. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А. М. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 93–104.

21. Ляўдансні, А. М. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе / А. М. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 157–198.

22. Ляўдансні, А. Н. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах р. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі / А. Н. Ляўдансні // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 269–338.

23. Мартынов, А. И. Методы археологического исследования / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. – М. : Высш. шк., 1989.

24. Методические рекомендации по исследованию курганных памятников : для студентов исторического факультета. – Киев : КГУ, 1986.

25. Митрофанов, А. Г. Отчет об археологических исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1973 г. / А. Г. Митрофанов // ААНД ГНУ, Ин-т истории НАН Беларуси. – Арх. № 432.

26. Павлова, К. В. Отчет о раскопках могильника у д. Городиловка Новогрудского района Гродненской области БССР / К. В. Павлова // ААНД ГНУ, Ин-т истории НАН Беларуси. – Арх. № 371.

27. Павлова, К. В. Отчет о раскопках могильников у дд. Мольничи и Сулятичи Новогрудского района Гродненской области в 1971 г. / К. В. Павлова // ААНД ГНУ, Ин-т истории НАН Беларуси. – Арх. № 382.

28. Павлова, К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка / К. В. Павлова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. – Вып. 110 : Славяно-русские древности. – М., 1967. – С. 36–39.

29. Плавінскі, М. Справаздача па археалагічным даследаванні ў Браслаўскім раёне Віцебскай вобласці ў 2005 г. / М. Плавінскі // ААНД ДНУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Арх. № 2279.

30. Покровский, Ф. П. Курганы на современной границе Литвы и Белоруссии / Ф. П. Покровский // Тр. IX Археолог. съезда в Вильне в 1893 г. – М., 1895. – Т. 1. – С. 166–220.

31. Романов, Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. / Е. Р. Романов // Древности. Труды Московского Императорского археологического общества. – М., 1889. – Т. 1, вып. 3. – С. 129–153.

31. Самоквасов, Д. Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей / Д. Я. Самоквасов. – М., 1906.

32. Самоквасов, Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории / Д. Я. Самоквасов // Тр. III Археолог. съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. – Т. 1. – Киев, 1878. – С. 185–224.

33. Семянчук, Г. Раннесярэднявечны грунтовы могільнік Дрысвяты – Пашавічы / Г. Семянчук // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2002. – № 17. – С. 191–195.

34. Семянчук, Г. Папярэднія вынікі даследваньня сярэднявечнага могільніка ў г. Ваўкавыску Гродзенскай вобласці / Г. Семянчук // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2006. – № 21. – С. 202–204.

35. Сербаў, І. А. Архэолёгічныя раскопкі ў аколіцах Менску ў 1925 г. (Пятроўшчына і Рылаўшчына) / І. А. Сербаў // Гіст.-архэолёг. зб. – Мінск, 1925. – № 1. (Даклады і рэфераты 1926–1927 гг.). – С. 193–223.

36. Сербаў, І. А. Археолёгічныя помнікі Вушацкага раёну, Полацкае акругі (з матэр'ялаў, сабраных экспедыцыяй краязнаўчага таварыства Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ў 1928 г.) / І. А. Сербаў // Зап. аддз. гуманіт. навук. – К. 11. – Т. 2 : Працы археолёгічнай камісіі. – Мінск, 1930. – С. 199–211.

37. Спицин, А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении / А. А. Спицин // Зап. Росс. императорского археолог. общества. – Т. 8, вып. 1–2. – Т. 9, вып. 1–2. – СПб., 1899.

38. Труды девятого Археологического съезда в Вильне в 1893 г. – М., 1895. – Т. 2.

39. Тышкевич, К. О курганах на Литве и Западной Руси (археологические исследования) / К. Тышкевич. – Вильна : Типография А. К. Киркора, 1865.

40. Штыхаў, Г. В. Крывічы : па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

41. Штыхаў, Г. В. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VI стст.) / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск, 19999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – С. 376–384.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Характарыстыка методык і напрамкаў вывучэння сярэдневяковых могільнікаў

Разгледжана праблема методыкі даследавання сярэдневяковых могільнікаў. Асобна высветлены храналагічныя межы, тэрыторыя, тыпы могільнікаў, а таксама грамадзянства даследчыкаў і іх датыкальнасць да розных навуковых установ. Разглядаецца станаўленне і развіццё методыкі вывучэння курганоў, пачынаючы з XVIII ст. і заканчваючы нашымі сучаснікамі. Акрамя вывучэння курганоў асобнымі аспектамі дано вывучэнне раннесярэдневяковых грунтовых могільнікаў, каменных магіл і сярэдневяковых гарадскіх грунтовых могільнікаў.

Summary

Y. Zayatc

Describing of methodology of investigations of medieval burial grounds

In this publication author examines the problem of methodology of archaeological investigations of medieval burial grounds. He considers severally chronological borders, territories, types of burial grounds, and even citizenship of researchers and their membership in various scientific organizations. Becoming and development of methodology of investigations of medieval burial grounds (from 18th century to our contemporaries) is taken up.

Besides studying of burial mounds author considers Early Medieval burial grounds, «stone tombs» and city burial grounds.

Поступила 20.01.2012

УДК 94(476)«11»:94(47)026

С. П. Віцязь, *кандыдат гістарычных навук, намеснік дырэктара па навуковай і інавацыйнай рабоце Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (г. Мінск)*

Прусы ў кантэксце палітычных падзей Старажытнай Русі першай паловы XI ст.

Палітычнае становішча Старажытнай Русі першай паловы XI ст. адметнае імклівым ўзрастанем ролі Полацкага княства. Асабліва вылучаюцца рашучыя дзеянні Полацка ў небывалых да таго агульнарускіх маштабах, сярод якіх найперш значны ваенны паход 1021 г. полацкага князя Брачыслава на Ноўгарад, паўночны цэнтр Русі.

Звесткі аб паходзе ўпершыню былі выкладзены ў даўнейшай старажытнарускай летапіснай крыніцы – «Аповесці мінулых гадоў» (пачатак XII ст.) [57, с. 202]. У пазнейшых паведамленнях (летапісы Васкрасенскі, Лаўрэнцеўскі, Патрыяршы (Ніканаўскі), Сафійскі і інш.) былі прадстаўлены дадатковыя каментарыі па асобных аспектах той падзеі. Ёсць меркаванне, што пэўныя сведчанні на гэты конт меліся ў Полацкім летапісе, які, як вядома, не захаваўся, але быў фрагментарна пераказаны В. Тацішчавым [14, с. 96]. Таксама асобныя заўвагі аб паходзе прыводзіў Я. Длугаш. Але нават у агульным спалучэнні акрэсленыя звесткі не складаюць паслядоўнага, цэласнага апісання падзеі. І гэта не дзіўна. Як вядома, перыяд ранняга сярэдневякоўя Беларусі ў цэлым надзвычай стрымана асвятляецца ў пісьмовых крыніцах. Сведчанні аб паходзе Брачыслава і яго часе (перыяд княжання 1003–1044 гг.) таксама нельга прызнаць паўнаважкімі. Між тым, на агульным сціплым гістарыяграфічным фоне яны быццам бы дэманструюць адносную насычанасць характарыстыкі (акрэсленыя час, месца, кірункі паходу, пэўныя абставіны, некаторыя наступствы).

Абагульнены змест паходу Брачыслава. Па звестках узгаданых летапісаў, князь полацкі здзейсніў паспяховы ваенны напад на Ноўгарад, захапіў там хабар і палонных, з якімі вяртаўся ў Полацк. Але яшчэ непадалёк ад Ноўгарада (на р. Судоме, прытоку р. Шэлонь) Брачыслава сустрэў князь кіеўскі (і ўсея Русі) Яраслаў (Мудры). У тым сутыкненні перамог Яраслаў, адабраў захопленае і палонных вярнуў дадому. Істотна, што Яраслаў не стаў знішчаць супраціўнікаў, але дазволіў Брачыславу (свайму пляменніку) вярнуцца ў Полацк. Далей Яраслаў перадаў Полацку ў кіраванне гарады Віцебск і Усвят, прапанаваўшы Брачыславу саюзную дамову, якую князь полацкі прыняў і няўхільна выконваў.

Магчыма заўважыць у летапісных паведамленнях рысы адрывачнасці, фрагментарнасці. У прыватнасці, засталіся неасветленымі мэты, змястоўныя абставіны, вынікі паходу, гэта значыць яго дзяржаўны кантэкст, па сутнасці – галоўная характарыстыка. Больш за тое, супастаўленне вядомых сёння звестак дэманструе сутнасныя супярэчлівасці ў ацэнцы названых пытанняў. Побач з тым вышэйузгаданая крыніцазнаўчая адметнасць перыяду ранняга сярэдневякоўя мае вынікам выключна стрыманыя і асцярожныя ацэнкі падзей навукоўцамі, а таксама тую спецыфіку, што гістарычную рэканструкцыю выконваюць пераважна не гісторыкі, але археолагі, з улікам адпаведных, дадатковых крыніц. Прапануецца акрэсліць некаторыя гістарыяграфічныя пазіцыі па разглядаемым пытанні.

Мэты паходу Брачыслава. С. М. Салаўёў (1851) і за ім І. Д. Бяляеў (1872) адзначалі, што палачане незнарок напалі на Ноўгарад. А. В. Турчыновіч (1857) бачыў у тым паходзе памкненні Полацка да незалежнасці ад Кіева. М. Каяловіч (1864) меркаваў, што полацкія князі, пачынаючы з Брачыслава, здзяйснялі захопы палонных дзеля засялення імі сваёй краіны. Д. Іlавайскі (1876) і П. М. Бацюшкаў (1890) выказвалі, што Брачыслаў наўмысна дамагаўся Наўгародскіх зямель. М. В. Доўнар-Запольскі (1891) заўважаў, што Брачыслаў заявіў патрабаванні на Рускую зямлю ў цэлым, але задаволіўся ўладаннем двух названых гарадоў, паколькі з імі палачане «трымалі ў сваіх руках шляхі Верхняга Падзвіння і самую важную частку вялікага воднага шляху з Варагаў у Грэкі – волакі між Дзвіной і Дняпром». Апошнюю тэзу развіў А. М. Насонаў (1951), які падкрэсліваў эканамічны кантэкст дзеянняў Брачыслава, і лічыў іх скіраванымі на Дзвінскі маршрут гандлёвага шляху «з варагаў у грэкі». М. І. Ермаловіч (1990) бачыў у сціслых каментарыях Я. Длугаша і В. Тацішчава сведчанні імкненняў Полацка да заваявання Ноўгарада [4, с. 97]. Гэткую ж мэту прызнаваў В. Я. Пятрухін (1995). Э. М. Загарульскі (1998) вылучаў «нічым не прыхаваны разбойніцкі характар кампаніі», але таксама падкрэсліваў яе скіраванасць на авалоданне менавіта двума ўзгаданымі гарадамі на гандлёвым шляху. М. Б. Свярдлоў (2003) лічыў дамінуючымі рабаўніцкія, а не палітычныя імкненні Брачыслава. На сёння пераважнае прызнанне атрымала пазіцыя А. М. Насонава, якую падтрымалі Л. В. Аляксееў (1966), Г. В. Штыхаў (1975, 2002), П. П. Талоч-

ка (1987), І. Я. Фраянаў і А. Ю. Дварнічэнка (1988), М. В. Клімаў (2000), Д. У. Дук (2003), В. М. Ляўко (2004), Я. У. Новікаў (2007).

Роля і вынікі паходу Брачыслава. Пасля сутыкнення паміж князямі Кіеўскім і Полацкім Яраслаў адпусціў дадому Брачыслава – захаваў яму жыццё, не прадставіў эканамічных ці палітычных санкцый. Насупраць, Яраслаў перадаў Полацку ў кіраванне гарады Віцебск і Усвят (да таго яны падпарадкоўваліся Ноўгараду). Гэта не простая тэрытарыяльная саступка. Тыя гарады выконвалі функцыі вузлавых пунктаў паміж Дзвінскім і Волхаўскім маршрутамі Дняпроўскага гандлёвага шляху. Звыш таго Яраслаў прапанаваў Брачыславу дамову: «будь са мною адзіны», што агучвала палітычнае прызнанне фактычнай роўнасці князёў. «І былі яны разам ва ўсе дні жыцця свайго» (гэта значыць, амаль да сярэдзіны XI ст.) – красамоўна заключаў летапіс [48, с. 77].

Выкладзеныя факты сведчаць на карысць таго, што пераможцам у разглядаемым паходзе выступіў Брачыслаў, а не Яраслаў. Але ніводная з пісьмовых крыніц гэтага прама не сцвярджае, што схіляе да меркавання аб наўмысным замоўчванні, ці верагодным скажэнні аўтарамі крыніц пэўных акалічнасцей паходу Брачыслава. Так, напрыклад, М. І. Ермаловіч (1990) называў вынікі паходу Брачыслава нечаканымі. Э. М. Загарульскі (1998) адзначаў рэакцыю пераможцы, Яраслава, як дзіўную [1, с. 60]. В. М. Ляўко (2004) меркавала, што прычынай саступак з боку Яраслава на карысць Брачыслава магла быць складанасць у кантраляванні абшырных тэрыторый Русі, што прымушала Яраслава шукаць саюзнікаў [47, с. 61]. Гэта тэза, па сутнасці, прадстаўляецца абгрунтаванай. Сугучныя погляды выказваў яшчэ С. М. Салаўёў (1851) і пазней П. П. Талочка (1987), Л. В. Аляксееў (2006) у сэнсе, што Яраслаў «выкупіў мірныя адносіны» у Брачыслава. Але ў тым кірунку застаецца пытанне – ці заваяваў Брачыслаў сваім паходам на Ноўгарад статус саюзніка, ці насупраць, выклікаў недавер. Між іншым Э. М. Загарульскі (1998) адзначаў, што «Брачыслаў аказаўся моцным князем» і «менавіта ў сувязі з гэтымі падзеямі ён і стаў нам вядомы». В. Е. Данілевіч (1896) ацэньваў дзеянні Брачыслава як выток векавога супрацьстаяння полацкіх і кіеўскіх князёў. Г. В. Штыхаў (2002) вылучаў у кроках полацкага князя «імкненне да адасобленасці», у выніку чаго ў другой палове XI ст. Полацк «зрабіўся асноўным сапернікам Кіева». В. М. Ляўко (2004) бачыла ў разглядаемым паходзе «адлюстраванне барацьбы паміж Кіевам і Полацкам за ўмацаванне палітычнай улады шляхам пашырэння дзяржаўнай тэрыторыі» [47, с. 61]. Л. В. Аляксееў (2007) падкрэсліваў сэнс паходу, як вызначальнай падзеі ў супрацьстаянні Полацка з Ноўгарадам, а не з Кіевам, дзе Кіеў урэшце прыняў бок Полацка, і даверыў яму вузлавыя пункты гандлёвых шляхоў.

Навукоўцы аднадушны ў вызначэнні паходу Брачыслава як падзеі надзвычай высокага маштабу. Розначытанні ў ацэнцы вынікаў паходу, тым не меней, яднаюцца ў вылучэнні яго палітычнай значнасці. Галоўным кірункам, у рэчышчы якога аналізуюцца і ўзважваюцца абставіны паходу, абраны эканамічны кірунак, звязаны з дзейнасцю галоўнага гандлёвага шляху Старажытнай Русі – шляху «з варагаў у грэкі». Як бачна, ацэнкі даследчыкаў выяўляюць сістэмны характар мэт і вынікаў паходу. Мяркуецца, што гэта была не аднамомантная акцыя, не сітуатыўны выбух актыўнасці, але састаўны элемент доўгатэрміновых, наперад пралічаных і прагматычна падрыхтаваных геапалітычных працэсаў.

Паход 1021 г. – падзея выключнага ўзроўню: і па змесце, і па выніку. Падобнага на гэта не адзначалася як у Полацку, так і наогул па тэрыторыі Беларусі. Уражваюць нават фармальныя параметры – паход болей за 500 км супраць выдатнага цэнтра Старажытнай Русі. Каб адважыцца на такое, трэба было добра валодаць палітычнай сітуацыяй на той момант, быць упэўненым у сваіх сілах, дакладна разлічыць магчымыя дывідэнды ад рызыковай акцыі. У сувязі з гэтым паўстае пытанне аб дружыне князя полацкага ў гэтым надзвычайным дзеянні.

Змястоўныя абставіны паходу Брачыслава. Пытанне аб дружыне Брачыслава ў разглядаемым паходзе з'яўляецца прынцыповым. Ваенны паход сутнасна адрозніваецца ад абарончых дзеянняў сярэдневякоўя, дзе асноўную функцыю выконвала грамадзянскае апалчэнне – жыхары мясцовай акругі. Паход, актыўная падзея, здзяйсняўся намаганнямі прафесійных ваяроў – баявой дружыны. Для тагачаснай Русі (канец I – пачатак II тысячагоддзя н. э.), сельскагаспадарчага краю, утрыманне дружыны было няпростай, невідавочнай справай. Больш за тое, сам інстытут дружыны ўспрымаўся крытычна ў шырокіх колах старажытнарускага грамадства, што ў прыватнасці адлюстравана ў мясцовай фальклорнай спадчыне (найперш, былінныя сюжэты пра Мікулу, Вальгу). Невыпадкова, што нават прэтэндэнты на вярхоўную ўладу ў Старажытнай Русі звярталіся ў праблемных сітуацыях за вонкавай ваеннай дапамогай – да вікінгаў «за марам», да печанегаў, да палякаў. Напрыклад, толькі Яраслаў Мудры за перыяд 1015–1043 гг. не меней шасці разоў запрашаў варагаў «з-за мора» [50, с. 80].

У дадзеным выпадку выказваліся меркаванні (А. І. Ляшчанка, Н. Н. Ільін і інш.) аб тым, што названы паход быў здзейснены сіламі скандынаўскай дружыны, якая быццам бы да 1021 г. перайшла на службу ад Яраслава Кіеўскага да Брачыслава Полацкага [22, с. 52; 49]. Падставай для такога меркавання лічыцца паведамленне так званай «Сагі (больш дакладна – «Пасмы») аб Эймундзе» (твор

запісаны ў канцы XIV ст. Й. Тордарсан і М. Торхальсан) [59, 60]. Паведамленні саг, апавядальных крыніц вуснага паходжання, надзвычай складана інтэрпрэтаваць. Менавіта дадзены твор (апавяданне аб гераічных шляхах нарвежскага конунга Эймунда) спалучае як арыгінальныя сведчанні, так і недакладнасці, скажэнні [9, с. 500–502]. Між тым «скандынаўскую» версію падтрымліваў яшчэ Я. Длугаш («Брачыслаў… сабраў войска са сваіх палачанаў і варагаў»); насцярожана, але прымалі А. М. Насонаў (1951), Э. М. Загарульскі (1998); падтрымлівалі Л. В. Аляксееў (1966), С. Д. Дзярновіч (1998), М. В. Клімаў (2000).

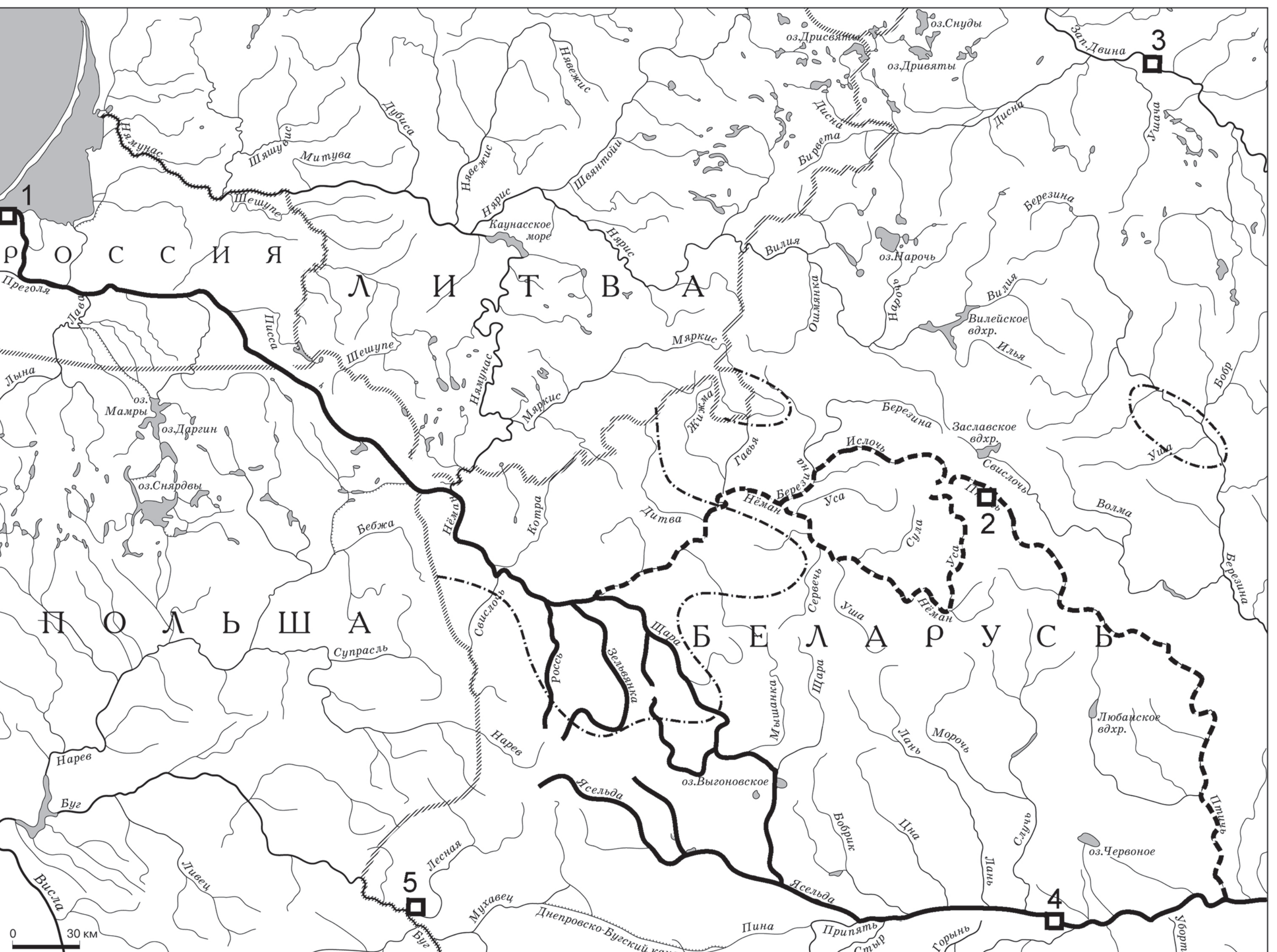
У гэтым кірунку магчыма адзначыць важную акалічнасць: колькасныя паказчыкі. Так, Эймунд прыбыў на Русь з дружынай у 600 ваяроў [59, с. 109], што пасля службы ў Яраслава, мяркуецца, паменшылася ў некалькі разоў. Такі невялікі атрад наўрад ці меў бы вызначальную ролю падчас паходу на Ноўгарад. Гэты аспект, а таксама іншыя змястоўныя абставіны і верагодную храналогію падзей вылучыў даследчык Мінскага рэгіёна Ю. А. Заяц, які крытычна прааналізаваў звесткі «Пасмы аб Эймундзе» [19]. Навуковец зрабіў асноватворную выснову, што пераход вікінгаў на службу ад Яраслава да Брачыслава мог адбыцца не раней за 1024 г., гэта значыць пасля паходу апошняга на Ноўгарад [19, с. 8–9]. Сапраўды, сама «Пасма...» адзначае толькі пераход Эймунда на службу да Брачыслава, але менавіта пра Наўгародскі паход нічога не гаворыць, што было немагчымым для гераічнага твору [59]. Нарэшце, археалагічныя матэрыялы ў Полацку і яго наваколлі не прэзентуюць адзнак прысутнасці скандынаўскай дружыны, што адзначаў Г. В. Штыхаў (1982), і засведчылі ў навейшай працы вядучыя даследчыкі Паўночнай Беларусі перыяду ранняга сярэдневякоўя (Г. В. Штыхаў, В. М. Ляўко, Д. В. Дук): «прысутнасць варагаў (скандынаваў) на полацкім гарадзішчы і паселішчах, што складалі тэрыторыю старажытнага горада, па рэчаваму комплексу практычна не прасочваецца» [13, с. 79] (наогул, на тэрыторыі Беларусі вядомы адзіны скандынаўскі могільнік, у Верхнім Панямонні [65, с. 76]). Такім чынам, версія аб скандынаўскай дружыне ў паходзе Брачыслава не сцвярджаецца.

Магчыма паставіць пытанне аб наяўнасці ў тагачасным Полацку ўласнай (крывіцкай) дружыны. Але археалагічныя матэрыялы папярэдняга да паходу перыяду (Х – пачатак ХІ ст.) не прэзентуюць сведчанняў укладання ў Полацку маштабных ваенных прафесійных фарміраванняў (вядомы толькі адзінкавыя знаходкі прафесійнай зброі, пры тым дружынныя могільнікі не выяўлены). Таксама адсутнічаюць даныя аб тагачаснай ваеннай актыўнасці Полацка ў пісьмовых крыніцах. А. М. Кірпічнікаў выканаў аналіз працэсаў станаўлення старажытнарускай дружыны на падставе тыпалагічнай і статыстычнай характарыстыкі знаходак узбраення ў пахавальных помніках [24, с. 41–54]. Навуковец вылучыў пранікненне дружынных традыцый ў грамадстве ў Х ст., іх замацаванне – у ХІ–ХІІ стст. (сярэднеўзважаная ваенізацыя грамадства ў ХІ ст. зменьшылася ў 2–3 разы ў параўнанні з Х ст., што сведчыць, на думку даследчыка, аб тэндэнцыі змяншэння ролі апалчэння) [24, с. 46, 48]. Пры тым А. М. Кірпічнікаў адзначаў высокую ступень ваеннай кансерватыўнасці (працяглае захаванне апалчэння) насельніцтва беларускіх зямель на агульнарускім фоне. Да сугучных высноў прыйшлі Я. У. Новікаў (2007) і М. А. Плавінскі (2012) у спецыяльных працах, складзеных з улікам археалагічных даных [52, 55]. М. А. Плавінскі заўважыў, што «найбольш шматлікай па колькасці часткай полацкага войска было апалчэнне» [55, с. 16]. Гаворачы менавіта пра дружыну, даследчык прызнаваў, што гэта «маглі быць варагі» [55, с. 17–18], канстатаваў складанасць пытання аб дакладнай колькасці полацкіх войскаў, і зрабіў адметную выснову: «магчыма меркаваць, што княжацкая дружына была нешматлікай» [55, с. 20–23].

У выніку, трэба шукаць іншую крыніцу атрымання полацкім князем ваеннага кантынгенту. У сувязі з гэтым падкрэслім сімптаматычную заўвагу, якую прывёў М. А. Плавінскі ва ўзгаданай працы: «яшчэ адной крыніцай папаўнення войска былі падуладныя Полацку балцкія плямёны» [55, с. 18]. Тая заўвага, пакуль не распрацаваная на фактычнам матэрыяле, тым не меней, вартая ўвагі ў метадалагічным плане, паколькі закранае новы кірунак асэнсавання праблемы. Больш за тое, гэта тэза прама суадносіцца з наступным палажэннем, вартым абмеркавання ў рэчышчы разглядаемай тэмы. Так, прадстаўляецца абгрунтаваным, што ваенны атрад для Брачыслава мог пакінуць Нёманскі гандлёвы шлях.

Нёманскі гандлёвы шлях (гл. малюнак) ацэньваецца, як адно з адгалінаванняў узгаданага транс'еўрапейскага шляху «з варагаў у грэкі». Гэта своеасаблівае арганізацыйнае (тэрытарыяльнае ваеннаэканамічнае) утварэнне спалучала бераг Балтыйскага мора (землі прусаў) з Рускім Кіевам (і далей – кірункі на поўдзень і ўсход), праз рэкі Нёман, Прыпяць, Днепр [23, 29]. Паўночным полюсам і кіруючым цэнтрам Нёманскага шляху быў гандлёварамеслены цэнтр Каўп (Віскаўтэн, Махавое), які месціўся ў прускіх землях на паўвостраве Самбія, на ўзбрэжжы Куршскага заліва, побач з дэльтай Нёмана. Каўп існаваў у перыяд з пачатку VIII ст. да пачатку ХІ ст.

Строга кажучы, Каўп – гэта не адзіны пункт, а функцыянальны тэрытарыяльны комплекс, які уключае селішча, ахоўна-умацаваныя збудаванні, шэраг могільнікаў, ахоўна-назіральных пунктаў, гавань з прыстанню, асобныя рамесленыя майстэрні,



Геапалітычная сітуацыя ва Ўсходняй Еўропе ў пачатку XI ст. Маршруты Нёманскага гандлёвага шляху: ——— – у пачатковай фазе (IX ст.); – – – – – у развітой фазе (X–XI ст.) (прамежкавыя маршруты паміж вылучанымі кірункамі і знешнія адгалінаванні не паказаны); ▪ – гандлёвыя цэнтры (*1* – Каўп, *2* – Гарадзішча на Менцы), гарады (*3* – Полацк, *4* – Тураў, *5* – Бярэсце); –·–·–·– – мяжа арэала яцвягаў у XI ст.

сакральныя аб'екты [25, 29, 33, 39]. Акрамя таго, акруга Каўпа ўключала кола дружынных пасяленняў і могільнікаў з пруска-скандынаўскімі рысамі (Варгенава, Ірзекапініс, Шульштайн, Бледаў) [32, с. 134]. У розныя часы на Каўпе дамінавалі скандынавы – з востава Готланд, з паўднёвай Швецыі, з Даніі (побач з археалагічнымі сведчаннямі захаваўся таксама комплекс скандынаўскай тапаніміі ў рэгіёне) [28; 33, с. 97–98]. Але Каўп не з'яўляўся незалежнай скандынаўскай аўтаноміяй, таксама асяродкам механічна змешанага пруска-скандынаўскага насельніцтва: ён не быў прама інкарпарыраваны ў прускае грамадства. Каўп меў своеасаблівы статус, які магчыма вызначыць, як знешні анклаў. Так, Каўп месціўся літаральна на ўскрайку прускіх зямель, непасрэдна межаваў з імі, але быў аддзелены ад племянных тэрыторый прусаў своеасаблівай «паласой бяспекі» – ланцугом свяцілішчаў [31, с. 137; 32, с. 212]. Гэта сведчыць, што сацыяльны клімат Каўпа (дружынны, гандлёвы) істотна адрозніваўся ад традыцыйнага укладу прусаў (родаабшчыннага). Побач з тым мела месца пастаянная, шматузроўневая сувязь прусаў з Каўпам: там пастаянна знаходзіліся пэўныя прадстаўнікі прускага грамадства – дружыннікі, прафесійныя ваяры, гандляры, рамеснікі [27–30; 32, с. 212–213; 40], іншымі словамі – прускія вікінгі [32, с. 134]. У археалагічных матэрыялах прасочваюцца сувязі Каўпа ад Куршскага заліва (гарадзішча Карален-Берг), праз Ніжні Нёман (гарадзішча Жардэ, могільнікі Лінкунэн (Ржэўскае), Вэшвіле) да Сярэдняга Панямоння (група могільнікаў каля г. Каўнас: Марвеле, Вершвай, Эйгуляй і інш.). На ўзгаданых могільніках сустракаюцца прускія і скандынаўскія пахаванні, рытуальна суадносныя з пахаваннямі на Каўпе. Верхняе Панямонне таксама змяшчае рознатыповыя адзнакі дзейнасці Нёманскага шляху, у тым ліку інфраструктуру (сетку гарадзішчаў – дружынных станаў; гандлёва-рамесленых цэнтраў; гарадоў), рознатыповыя імпарты (таварныя індыкатары гандлёвай дзейнасці: масавыя знаходкі, знаходкі адносна абмежаванага ўжытку; індыкатары сацыяльных змен: знаходкі абмежаванага ўжытку, прадметы раскошы, адзнакі дзейнасці ваеннай дружыны; індыкатары акцэнтаваных інаэтнічных уздзеянняў: скандынаўскіх і балцкіх; індыкатары тэхналагічных сувязяў з рэгіёнамі – вытворцамі спецыфічнай сыравіны для рамесленай вытворчасці; індыкатары прафесійнай гандлёвай дзейнасці: знаходкі каштоўнага інвентару, прафесійны рыштунак гандляра) [2, 4, 5, 23].

Ацэнка скандынаўскай прысутнасці ў Верхнім Панямонні выяўляе спецыфічныя рысы (у параўнанні з арэаламі іншых напрамкаў шляху «з варагаў у грэкі» – р. Волхаў, Заходняя Дзвіна, Днепр). У прыватнасці, Верхняе Панямонне змяшчае толькі асобныя адзнакі ўдзелу скандынаваў (пераважна, рознага роду прадметы матэрыяльнай культуры), і прытым не мае рыс варажскіх уплываў [10–12]. Так, ніводны з мастацкіх стыляў вікінгаў, альбо тыповых вырабаў скандынаваў не быў успрыняты ці рэтрансліраваны ў мясцовай рамесленай вытворчасці ў Верхнім Панямонні (і наогул, на тэрыторыі Беларусі). Самі скандынаўскія знаходкі па маршруце шляху – разнастайныя, але колькасна нешматлікія, не ўтвараюць комплексаў, альбо серый, не дэманструюць пунктаў канцэнтрацыі, якія магчыма было б ідэнтыфікаваць з месцамі ўстойлівага месцазнаходжання вікінгаў. Найбольш рэпрэзентатыўныя прыклады вырабаў – прафесійная зброя, менавіта мячы і коп'і. Але, натуральна, распаўсюджванне скандынаўскіх вырабаў зброі яшчэ не ўказвае на распаўсюджванне саміх скандынаваў. Гэта агульнаеўрапейская рэчаіснасць, якая сведчыць аб распаўсюджванні новых сацыяльных рэалій, аб складанні і дзейнасці дружынных фарміраванняў [12, с. 9–15; 56, с. 33]. Адметна, што для значнай часткі мячоў і наканечнікаў похваў мяча адзначаюцца балцкія тыпалагічныя рысы ці ўплывы [12, с. 22–24; 56, с. 29–33, 44–45]. Іншыя скандынаўскія вырабы (прадметы побыту, вопраткі, упрыгажэнні) рассеяны па даволі абшырнай тэрыторыі, але без прыкмет канцэнтрацыі [10–12]. Прытым магчыма ўдакладніць некаторыя этнічныя аспекты адносін са скандынавамі. Матэрыялы ўзгаданага скандынаўскага пахавання ў Верхнім Панямонні (Гарадзілава) і большасці знаходак суадносяцца з Паўднёвай Швецыяй. Заўважым, што гэта карэліруе са складам дамінуючага скандынаўскага кантынгента на Каўпе. Выкладзенае сведчыць аб тым, што непасрэдная прысутнасць варагаў у Верхнім Панямонні была абмежаванай, верагодна насіла транзітны характар. Трансляцыя ўздзеяння скандынаваў у рэгіёне адбывалася, відавочна, праз пэўнага роду пасрэдніцтва. Папярэдне магчыма выказаць меркаванне, што гэта было заходнебалцкае пасрэдніцтва (прусы, яцвягі).

Нёманскі гандлёвы шлях увасабляе адметную акалічнасць, важную для асэнсавання разглядаемага пытання. Раней абгрунтоўвалася палажэнне аб тым, што Нёманскі шлях паслужыў арганізацыйнай і эканамічнай асновай для прускага рассялення ў кірунку Верхняга Панямоння, вынікам чаго стала афармленне яцвягаў як раннесярэдневяковага адгалінавання прусаў [6, 7]. Прадстаўленасць прускай прысутнасці і уплываў у Верхнім Панямонні нашмат больш выразная за скандынаўскую. Гэта – пахавальныя помнікі яцвягаў (каменныя курганы і каменныя магілы), каменныя гарадзішчы і сакральныя помнікі прусаў, прускія этна- і сацыявызначальныя пахаванні з канём, афармленне гарадской культуры вершнікаў, пруска-яцвяжская тапаніміка, распаўсюджванне агульнабалцкай традыцыі ўжывання падкавападобных фібул у складзе вопраткі,

іншыя традыцыйныя знаходкі, у тым ліку бурштын [2, 4, 6, 8, 21, 23].

Важным элементам дзейнасці прусаў на Нёманскім шляху былі палітычныя зносіны. Яны былі скіраваны на ўстойлівыя, саюзныя дачыненні з насельніцтвам транзітных тэрыторый (найперш, дрыгавічы), а таксама з паўднёвым полюсам шляху – Кіевам. Сярод іншага вылучаецца стратэгічны саюз прусаў з князем Русі Уладзімірам (Святым). Так, напрыканцы X ст. прусы дапамаглі Уладзіміру (у складзе атрада варагаў «з-за мора») авалодаць Кіевам і прыняць у кіраванне Рускую дзяржаву [3, 30, 35, 37, 38].

У сувязі з выказаным варты ўвагі наступны сюжэт, які выклаў Адам Брэменскі ў схоліі (устаўцы) да каментарыя падзей 1014–1016 гг. у творы «Дзеянні архіепіскапаў Гамбургскай царквы»: «Канут аддаў сваю сястру замуж за сына караля Русі» [44, с. 131, 138; 51, с. 476]. Нагадаем, што Канут у перыяд 1016–1028 гг. заваяваў уладу і стаў каралём Англіі, Даніі, Нарвегіі, Шатландыі, Швецыі, атрымаў у кіраванне Шлезвіг і Памеранію, і стаў звацца «Канут Вялікі». Калі асоба «сястры Канута», Эстрыд, у даследчыкаў не выклікае сумненняў, то «сын караля Русі» дакладна не вызначаны дагэтуль. Навукоўцы аднадушныя ў меркаванні, што той саюз быў нядоўгім (вядома, што ў 1020 г. Эстрыд абрала шлюб з нарманскім герцагам Ульвам) [51, с. 477; 61, с. 83–85]. На думку М. Б. Свярдлова, гэта быў шлюб з «нейкім з сыноў» Уладзіміра Святога, у 1014–1015 гг. [61, с. 83–85]. А. В. Назаранка вылучаў больш шырокі перыяд 1014–1035 гг. [51, с. 477]. К. Маўрэр, А. Кэмпбэл і іншыя навукоўцы, прымалі пазнейшую дату, з 1025 г. (пасля забойства Ульва). Між тым, зыход вышэй 1016 г. відавочна супярэчыць датаванню схоліі, а таксама і рэаліям Старажытнай Русі. Таму падчас вызначэння «сын караля Русі» найперш абмяркоўваліся кандыдатуры сыноў Уладзіміра – Усевалада (князь Валынскі) (Л. М. Сухоцін, М. Б. Свярдлоў), і «іншых» (М. Б. Свярдлоў, А. В. Назаранка). На думку А. В. Назаранкі, найбольш верагодная асоба – Глеб Уладзіміравіч [51, с. 477–478].

Аднак сам даследчык адмаўляе гэту выснову на той падставе, што «не видно конкретных причин, которые могли бы привести в указанные годы к такому политическому союзу», а таксама «сближение с далёким Киевом… явно не сулило Кнуту тогда никакой пользы» і зрабіў адметнае крыніцазнаўчае вызначэнне: «этот неутешительный вывод свидетельствует либо о недостоверности информации, содержащейся в 39-й схолии хроники Адама Бременского, либо о том, что не все возможности ее объяснения были изучены» [51, с. 479]. Таксама А. В. Назаранка выканаў тэксталагічны аналіз схоліі і прыйшоў да высновы, што яна належыць менавіта Адаму Брэменскаму [51, с. 479–480]. Даследчык адзначае, што па сведчанні самога Адама Брэменскага, «адным з яго галоўных інфармантаў у скандынаўскіх справах быў Свен Эстрыдсэн» (кароль Даніі, сын узгаданай Эстрыд), «які трымаў у памяці ўсю гісторыю варвараў, быццам запісаную» [51, с. 480]. Такім чынам, крыніцазнаўчыя аргументы сведчаць на карысць сапраўднасці паведамлення аб шлюбу, менавіта ў перыяд схоліі 1014–1016 гг. На тое ж указваюць даныя нумізматыкі, якія вылучыў У. М. Поцін – аб выбухападобным распаўсюджванні на Русі ў пачатку XI ст. англійскіх манет Канута і Этэльрэда II (папярэдніка Канута) [58, с. 101–122]. Дэталёвая характарыстыка той з'явы ўключае наступныя параметры. Колькасць знаходак на Русі манет апошняй чаканкі (1009–1017 гг., тып А «Апошні малы крыж») Этэльрэда II (278 манет) блізкая да агульнай колькасці знаходак манет усіх яго папярэдніх 10 чаканак за 30 гадоў іх выкანання (358 манет). Колькасць знаходак на Русі манет першай чаканкі (1017–1023 гг., тып E «Чатырохліснік») Канута (296 манет) перавышае колькасць знаходак манет яго наступных 3 чаканак за 12 год (246 манет) [58, с. 110]. Агульная колькасць узгаданых двух чаканак манет перавышае агульную колькасць усіх іншых знаходак англійскіх манет на Русі. Таксама, тыя дзве чаканкі вылучаюцца высокай колькасцю імітацый. Прытым імітацыі да манет Этэльрэда II болей распаўсюджаныя на землях Усходняй Балтыкі (Эстонія), а імітацыі манет Канута – на Русі [58, с. 119], што ўскосна характарызуе кірунак і дынаміку развіцця гандлёвых і палітычных кантактаў у рэгіёне, у тым ліку адносіны Русі з рэгіёнам Паўднёвай Балтыкі [58, с. 119–121]. На падставе гэтых даных У. М. Поцін выказваў меркаванне аб існаванні ў пачатку XI ст. нейкіх прамых дацка-рускіх адносін [58, с. 101–122]. А. В. Назаранка прызнаваў таксама існаванне такіх адносін, але не бачыў іх у перыяд, вызначаны схоліяй, і таму прапанаваў гіпатэтычнае меркаванне, што Эстрыд атрымала шлюб з сынам Яраслава Іллёй у 1019 г. Даследчык выклаў падрабязнае абгрунтаванне на гэты конт, якое сам прызнаў «грувасткім» [51, с. 484–499]. Але галоўнае, што яно не з'яўляецца паўнаважкім і пераканаўчым. Пра Іллю невядома амаль нічога, у тым ліку і дата яго нараджэння. Калі ж прыняць меркаванні М. П. Пагодзіна і А. І. Ляшчанкі аб даце нараджэння Іллі ў 1018 г. [49, с. 1071], то натуральна, яго шлюб з Эстрыд у 1019 г. быў немагчымы.

Прадстаўляецца абгрунтаваным, што вузлавым пунктам для разумення ўзгаданага паведамлення Адама Брэменскага з'яўляецца дзейнасць Нёманскага гандлёвага шляху. Такі канцэптуальны падыход дакладна вызначае палітычную ролю, якую меў саюз з прусамі/яцвягамі для Уладзіміра, і прадстаўляе неабходны грунт (які справядліва вышукваў для даты схоліі 1014–1016 гг. А. В. Назаранка) для асэнсавання наступных саюзаў – асабістага («сястра Канута»–«сын караля Русі») і міждзяржаўнага (Данія–

Русь). Натуральна, іх стварэнне мела выключную значнасць для Нёманскага шляху, кіруючы цэнтр якога, Каўп, меў відавочныя кантакты з Даніяй. На тое ўказваюць археалагічныя матэрыялы (дацкія імпарты, адзнакі непасрэднай прысутнасці дацкіх вікінгаў), а таксама паведамленні сярэдневяковых хронік (Саксо Граматык, «Аналы Рыда») аб прыбыцці да прусаў шэрагу атрадаў дацкіх конунгаў (Рагнар Ладброк, сярэдзіна IX ст.; Латэкнут, пачатак X ст.; Хакан Харальдсан, другая палова X ст.) [66, S. 398; 67, S. 4–5; 68, p. 257, 274]. Па вызначэнні У. І. Кулакова, тыя паведамленні маюць карэліруючыя археалагічныя матэрыялы на Каўпе [28, 33, 39, 42]. Такім чынам, саюз Канута з Уладзімірам праз Каўп і Нёманскі шлях быў перадумоўлены працяглым перыядам гандлёвага супрацоўніцтва Каўпа з датчанамі праз Балтыку. Такое разуменне становішча асвятляе не толькі абмеркаваны фрагмент Адама Брэменскага, але і іншыя эпізоды гісторыі Старажытнай Русі.

Геапалітычная сітуацыя ва Усходняй Еўропе напярэдадні паходу Брачыслава. Калі прыняць шлюб Эстрыд з сынам Уладзіміра, Глебам, і суадносны з ім руска-дацкі саюз 1014 г., то адчыняецца новая пазіцыя на разуменне наступных падзей у гісторыі Русі. Найперш, гэта адначасовыя бунты ў тым жа 1014 г. двух старэйшых сыноў Уладзіміра – Святаполка, князя Тураўскага, і Яраслава, князя Наўгародскага. У разглядаемым кантэксце дзейнасці гандлёвых шляхоў – першы сын кантраліраваў зыходны маршрут Нёманскага шляху (праз левыя прытокі Прыпяці да Нёмана) і Бужскі шлях; другі – Волхаўскі шлях. Такая адмоўная рэакцыя сыноў Уладзіміра сведчыць аб іх палітычных розначытаннях. У выніку Святаполк быў заняволены ў Кіеве, а супраць Яраслава Уладзімір пачаў збірацца ў ваенны паход. Высвятляецца, што супрацьстаянне Уладзіміра і яго сыноў не было аднамомантнай з'явай, але выспявала працяглы час. Дынастычны саюз паміж Уладзімірам і Канутам толькі праявіў тыя рэаліі.

Заўважым дарэчы, што ўзгаданы саюз 1014 г. не з'яўляўся нечым надзвычайным. Так, Г. С. Лебедзеў вызначаў 1016 г. як памежны ў руска-скандынаўскіх адносінах (пераход ад III да IV перыяду) [46, с. 590–592], сярод адметных рысаў якога – развіццё палітычных, дынастычных сувязей – гэта значыць пошук шляхоў умацавання дагаварных адносін на новым узроўні (тыя змены характарызавалі таксама Е. А. Мельнікава, А. В. Назаранка, інш.). У гэтым рэчышчы адзначым шлюб Святаполка з дачкой польскага князя Баляслава Харобрага (мяркуецца, з 1013 па 1014 г.), прымусовы шлюб самога Баляслава (1018 г.) з сястрой Яраслава Прадславай, шлюб Яраслава (1019 г.) з дачкой шведскага караля Олафа Шотканунга (якой князь дараваў Ладагу, вызначыўшы адпаведна ролю Ноўгарада).

Уладзімір не паспеў здзейсніць паход на Ноўгарад супраць Яраслава. У 1015 г. Уладзімір адышоў з жыцця, што радыкальна змяніла сітуацыю на Русі. Святаполк вызваліўся з палону ў Кіеве, але не здолеў затрымацца ва ўладзе, і зыйшоў з Кіева ў 1016 г. Тады ж быў забіты Глеб, што зафіксавала разбурэнне неўзабаве створанага руска-дацкага саюзу. У тым жа 1016 г. Канут знішчыў Каўп і пазней стаў звацца «каралём Самбіі» [67, S. 3–5]. Святаполк звярнуўся за падтрымкай да свайго цесця, князя польскага Балеслава Харобрага, і з яго дапамогай у 1018 г. выступіў супраць брата Яраслава, прыбыў у Кіеў, але таксама не затрымаўся, і звярнуўся за дапамогай да печанегаў. У 1019 г. Святаполк прадпрыняў трэцюю і апошную спробу авалодаць Кіевам, але Яраслаў ізноў перамог.

У гэтай чарадзе дынастычных супрацьстаянняў Рурыкавічаў варта звярнуць увагу, што ваенныя канфлікты не спрыялі надзейнасці гандлёвых зносін. Канфлікты завяршыліся замацаваннем ва ўладзе князя Яраслава, які быў скіраваны да змены палітычнага курсу Уладзіміра, што ўказвае на наступныя верагодныя змены ў дзейнасці Нёманскага гандлёвага шляху. Сярод магчымых вектароў тых змен вылучаюцца наступныя: падпарадкаванне новаму уладару – Яраславу; супрацьстаянне Яраславу і новыя спробы змясціць яго.

У выніку дзеянняў па згодзе, па першым вектары, варта чакаць, што наступны перыяд атрымае характар павольнай эвалюцыі, без радыкальных змен сітуацыі. Дзеянні па другім, канфліктным вектары, несумненна, павінны былі прадставіць новыя палітычныя рашэнні. У гэтым выпадку паход 1021 г. князя Полацкага Брачыслава на Ноўгарад з'яўляецца відавочным адлюстраваннем дзеянняў па другім вектары. Такі сцэнарый адлюстроўвае супадзенне пазіцый Полацка і прускага персаналу Нёманскага гандлёвага шляху.

Звернем увагу на тое, што пасля разгрому Каўпа датчанамі (Канут Вялікі) у 1016 г., у яго наваколлі напачатку XI ст. паўстаў шэраг дробных пунктаў, гарадзішчаў, якія расцягнуліся ад Куршскага заліва да р. Прэгаль у падмурку Самбіі, і далей, у басейне Прэгалі [29, 41]. Сярод іх вылучым наступны прускі гандлёвы цэнтр Тувангстэ ў вусце Прэгалі (у будучым – горад Кёнігсберг/Калінінград) [41]. Эвалюцыя тых пунктаў, а таксама прыкметы па самому Нёманскаму шляху сведчаць, што яго гандлёвая дзейнасць працягвалася і далей [26, 29, 39]. Паўстаюць лагічныя пытанні: як адбылася рэарганізацыя шляху, хто прыняў на сябе функцыі кіравання шляхам, якія да таго выконваў Каўп? куды перамясціўся яго арганізацыйны і каардынуючы цэнтр? Рэарганізацыя, несумненна патрабавала часу, паколькі на знішчаным Каўпе, відавочна, загінула менавіта адміністрацыя шляху. Гэта значыць, што пэўны перыяд пачатку XI ст. шлях бяздзейнічаў. Адпаведна, на той перыяд персанал шляху застаўся без работы. Выканаем якасную ацэнку той

сітуацыі. Магчыма меркаваць, што персанал шляху складалі некалькі катэгорый ўдзельнікаў.

1. Адміністрацыя шляху. Яе асноўная група месцілася ў цэнтры Каўп; колькасць яе, верагодна, складала некалькі дзесяткаў чалавек (арыенціровачна, экіпаж баявога карабля), побач са шматлікім зменлівым колам (рамесленым, гандлёвым, ваенным і г. д.) іншых тубыльцаў.

2. Удзельнікі ахоўных пунктаў, воінскіх застаў па маршрутах шляху. Для папярэдняй ацэнкі прымем вызначэнне У. І. Кулакова, што заставы арганізоўваліся праз 30–40 км шляху [25, с. 115–117]. Для колькаснай ацэнкі прымем даўжыню Нёмана роўнай 1000 км, што дае каля 30 застаў. Баяздольны склад заставы – каля 10 чалавек (у суаднясенні з аналагічным пунктам Шаставіцы ў Сярэднім Падняпроўі, з удзелам скандынаваў і прусаў). Усяго па шляху – атрымліваецца некалькі соцень дружыннікаў у стацыянарных пунктах.

3. Гандляры, ахоўныя суправаджальныя атрады гандлёвых караванаў. Ацэньваючы становішча па звестках скандынаўскіх саг, магчыма меркаваць, што іх колькасць была зменлівай. Папярэдне зазначым, што гэта маглі быць адначасова каля дзесятка караванаў на поўначы (у Балтыцы) і столькі ж на поўдні (па рэках кірунку Нёман–Днепр), калі лічыць сярэдні рытм адпраўкі/прыбыцця караванаў адзін раз на месяц. Склад каравана прымем каля 30 чалавек (зыходзячы з колькаснай адзнакі экіпажу гандлёвага судна тыпу «кнор» у 30–40 чалавек; альбо з адзнакі каравану у складзе групы невялікіх гандлёвых судоў з экіпажамі па 10 чалавек). Усяго па шляху вылучаецца яшчэ некалькі соцень дружыннікаў у рухомых пунктах.

4. Прадстаўнікі мясцовых жыхароў па маршруце шляху, якія выконвалі гаспадарчыя справы, падтрымлівалі штодзённае бытаванне, выконвалі бягучае абслугоўванне ахоўных пунктаў – пераважна, тэхнічны персанал.

5. Прадстаўнікі мясцовага грамадства, якія нарыхтоўвалі таварныя запасы для гандлю і абмену, – як абшчыннікі, так і прафесійныя рамеснікі (відавочна, іх дзейнасць напачатку канцэнтравалася вакол ахоўных пунктаў, пазней – гарадоў). Таксама – тэхнічны персанал.

Як бачна, спалучэнне штодзённых функцый персаналу шляху патрабавала іх інтэграцыі і афармлення ў адпаведным арганізацыйным увасабленні – устойлівым і аўтаномным. Катастрофа Каўпа ўмацавала гэту тэндэнцыю, што вяла да стварэння гарадоў – менавіта, як надзейнага, самадастатковага элемента інфраструктуры. Гэты кірунак змен (якасная перабудова гандлёвых шляхоў, цэнтралізацыя кіравання) для перыяду канца X – пачатку XI ст. вылучаў таксама Г. С. Лебедзеў [45; 46, с. 590]. Для ўдзельнікаў тэхнічнага персаналу спыненне дзейнасці гандлёвага шляху мела другаснае значэнне, паколькі яны захоўвалі звычайныя бытавыя заняткі. Але для дружыннікаў, якія па абранаму жыццёваму лёсу былі выціснутыя за межы традыцыйнага грамадскага ўкладу, гэта азначала катастрофу. Як бачна, на той час аднамомантна без працы засталіся каля тысячы прафесійных ваяроў. Насамрэч гэта лічба магла быць і меншай і большай, у залежнасці ад інтэнсіўнасці гандлёвай дзейнасці яна магла дасягаць некалькі тысяч чалавек. Прынцыповай высновай з’яўляецца разуменне таго, што пасля разгрому Каўпа (кіруючага цэнтра Нёманскага шляху) ў рэгіёне Паўднёва-Усходняй Балтыі застаўся значны па колькасці, неарганізаваны кантынгент дружыннікаў, без ясных перспектыў на будучыню. На дадзеным этапе абагульненай ацэнкі сітуацыі прадстаўляецца абгрунтаваным прыняць атрыманую адзнаку ў 1000 дружыннікаў у якасці колькаснага арыенціра. Дарэчы будзе суаднесці гэты арыенцір з аналагічнымі данымі. Так, у дыяхронным кантэксце вылучым лічбу ў 1000 баяздольных ваяроў (уключаючы апалчэнне), якіх маглі выставіць усе прускія землі ў сярэдзіне XIII ст. (па вызначэнні У. І. Кулакова) [32, с. 124]. Е. А. Шынакоў рэканструіраваў склад «старшай дружыны» Уладзіміра (Святога) напрыканцы X ст. (уключаючы гарнізоны стэпавай лініі) у 5–7 тысяч чалавек; у той час, як «малодшыя дружыны» сыноў Уладзіміра уключалі каля 500 чалавек [63, с. 279]. У сінхронным кантэксце прыгадаем лічбу ў 1000 варагаў, якіх запрасіў «з-за мора» Наўгародскі князь Яраслаў у 1015 г., каб змагацца за Кіеўскі стол, а таксама 3000 наўгародцаў у тым жа атрадзе [57, с. 195, 200]. Г. В. Ласкавы абагуліў даныя аб колькасным складзе княжацкіх дружын XI ст.: у Яраслава ў Ноўгарадзе (пачатак XI ст.) – каля 160 чал., у Олава Святога (пачатак XI ст.) – каля 100, у Олава Ціхага (другая палова XI ст.) – 240, у Святаполка Ізяслававіча (канец XI ст.) – 800, княжацкая дружына Полацкай зямлі ў цэлым (пачатак XII ст.) – 1000 чал. (з іх палова – у Полацку) [43, с. 12–15]. Ацэнку колькасных паказчыкаў воінскіх кантынгентаў Старажытнай Русі XI ст. падчас ваенных кампаній выканаў Я. У. Новікаў, які вылучыў пераважны дыяпазон 1–5 тысяч, да 10 тысяч чалавек [52, с. 88–92]. Па звестках «Пасмы…», у дружыне вікінга Эймунда, з якой ён прыйшоў на службу да Яраслава, мелася 600 ваяроў [59, с. 109].

Магчыма зрабіць выснову, што акрэслены вышэй воінскі кантынгент Нёманскага шляху – надзвычайная сіла па маштабах таго часу, яго прысутнасць не магла застацца незаўважанай. Прытым вызваленыя пасля знішчэння Каўпа ваяры не маглі проста рассяліцца сярод прусаў. Нагадаем, што Каўп быў «аўтанамізіраваны», аддзелены ад прускай племяннной тэрыторыі сакральным чынам. Гэта значыць, прускае абшчыннае кіраўніцтва не жадала бачыць вікінгаў у сваім асяродку. Сетка новых гарадзішчаў,

узгаданая вышэй, прыняла толькі пэўную частку дружыннікаў. Таму варта чакаць напачатку XI ст. з'яўлення добра ўзброеных воінскіх падраздзяленняў пруска-скандынаўскага складу ў кірунках рассялення прусаў. Сярод іх вылучаюцца два асноўныя – у рэгіёны польскага Мазоўша і ў Верхняе Панямонне, па маршруце гандлёвага шляху.

У Верхнім Панямонні ў пачатку – першай палове XI ст. С. Піваварчык вылучаў шэраг сінхронных пажарышчаў, большасць з якіх таксама змяшчаюць прыкметы ваеннага нападу (найперш, наканечнікі стрэл): гарадзішчы Касцянёва, Кашалі, Касаўскі тракт (Слонім), Кульбачына, Мерачоўшчына, Плёткі, селішчы Кавалі, Гарадзілаўка, Гродна (Замкавая Гара), Навагрудак (Малы Замак) [53, S. 244]. С. Піваварчык ацэньваў выкладзеныя адзнакі знішчэнняў населеных пунктаў як сведчанне славяна-балцкага супрацьстаяння, непрымірымасці аўтахтонаў да находнікаў [53]. Прытым даследчык заўважаў, што і ў ранейшыя, і ў пазнейшыя часы падзеі такога роду ў Верхнім Панямонні былі адзінкавымі. Таму, вышэйвыкладзеныя палажэнні накіроўваюць да іншага разумення зместу той падзеі.

Як высветлена [5–7], балты (прусы) і славяне (дрыгавічы) прыбылі ў Верхняе Панямонне амаль адначасова, сярод іх не было аўтахтонаў. Кантактаванне іх склалася задоўга да названых пажарышчаў і не мела рыс ваяўнічасці, насупраць, адзначаецца канструктывізм і ўзаемакарыснае супрацоўніцтва (як лічаць В. В. Сядоў, Я. Г. Звяруга, А. К. Краўцэвіч, С. П. Віцязь). На наш погляд, названыя пажарышчы звязаны менавіта з прыходам вышэйакрэсленай поліэтнічнай дружыны пасля разгрому Каўпа. Рыс працяглага супрацьстаяння ў археалагічных матэрыялах рэгіёна не назіраецца, гэта была храналагічна вылучаная, аднамомантная акцыя. Кірунак таго ваеннага ўздзеяння магчыма з упэўненасцю рэканструіраваць і звязаць з прусамі. На тое ўказвае з'яўленне і дзейнасць ў тым самым арэале напачатку XI ст. прускіх гарадзішчаў з каменнай выбрукоўкай знешняга боку вала [2], прычым – на месцы раней існаваўшых: Кульбачына, Гарадзішча на Менцы, і пазней – Збочна.

Тыя падзеі таксама мелі наступствам умацаванне пруска-рускіх сувязяў, пра што сведчаць значныя змены, якія адбыліся на Самбіі, у наваколлі разбуранага Каўпа: рэарганізацыя мясцовай інфраструктуры гандлёвага шляху (раздрабленне на шэраг разнесеных пунктаў), узрастанне ўплыву Старажытнай Русі на фоне агульнай дэградацыі культуры прусаў [36, с. 77, 121]. Акрэсленыя змены, у спалучэнні з тым фактам, што ў прускіх землях у пазнейшым так і не з'явіўся маштабны гандлёвы цэнтр, супастаўляльныя з Каўпам, сведчаць аб тым, што кіруючы цэнтр Нёманскага шляху перамясціўся па-за межы арэала прусаў, магчыма меркаваць, што ў кірунку Старажытнай Русі.

З перыядам памежжа X/XI ст. звязаны два пункты па маршруце шляху, якія магчыма суаднесці з вышукваемай функцыянальнай нагрузкай. Абодва – новыя прускія гарадзішчы. Першы пункт – гарадзішча Кульбачына. Побач з каменнай выбрукоўкай вонкавага склону вала, характэрнай для прускіх гарадзішчаў, вылучаюцца археалагічныя знаходкі з дружынным акцэнтам (ланцэтападобныя наканечнікі дзід X ст. (лічацца скандынаўскімі, але таксама яны былі засвоеныя ў прускай зброевай вытворчасці) [12, с. 16; 28, с. 31–32; 39], падковападобная фібула, бурштынавая пацерка (апошнія – элементы прускага дружыннага набору)) [54; 62, с. 27, 29]. Але па арганізацыйным маштабе Кульбачына немагчыма параўнаць з Каўпам – гэта, напэўна, быў прамежкавы, дапаможны пункт.

Сінхронная падзея адзначаецца на іншым помніку – Гарадзішчы на Менцы. Там напачатку XI ст. было спалена былое гарадзішча, збудаванае пры Уладзіміры, і пасля істотнай рэканструкцыі ўзведзена новае. Яно таксама атрымала каменную выбрукоўку вонкавага схілу вала, уласцівую прусам [2, 64]. Інтэнсіўнае развіццё гарадзішча ў першай палове XI ст. [15, 64], а таксама шэрагу іншых пунктаў па Нёманскім шляху, і суседніх зямель дрыгавічоў, у спалучэнні з масавымі знаходкамі імпартаў сведчыць, што дзейнасць шляху была адноўлена. Так, у прыватнасці, напачатку XI ст. на суседнім з Менкай селішчы Рылаўшчына (на р. Лошыца, прыток Свіслачы) колькасць жытлаў узрасла ў 4 разы, сярод знаходак адзначаюцца два керамічныя вырабы з кляймом у выглядзе княжацкага трызубца; дружынныя адзнакі – падковападобныя фібулы, рыштунак каня (папружныя кольцы, цуглі, якія з'яўляюцца выключнымі рэчамі па-за межамі горада); сведчанні рамеснай дзейнасці (сырадутныя печы, шлакі, тыглі, матэрыялы і літыя вырабы з каляровых металаў, прылады для дзягцярні), імпарты: шыферныя праселкі, пацеркі (залачонае шкло, крышталь, сердалік), рэшткі амфар [18]. Найбольш выбітныя для Верхняга Панямоння на той час параметры Гарадзішча на Менцы, якое магчыма ўпэўнена вызначыць як протагорад [15, 16, 64], даюць падставы меркаваць, што менавіта сюды перамясціўся кіруючы цэнтр Нёманскага гандлёвага шляху.

Трэба разумець, што, нават пасля станоўчай рэарганізацыі, для аднаўлення дзейнасці Нёманскага шляху патрабаваліся пэўныя палітычныя рашэнні, а таксама час на іх укараненне. Дынастычныя войны Рурыкавічаў 1014–1019 гг. не спрыялі гэтым дзеянням і гандлёвай справе ў цэлым. Змаганне за Кіеў на прыкладзе Святаполка не прынесла станоўчых вынікаў. Відавочна, што крок да Ноўгарада, у супрацьлеглым ад Кіева кірунку, меў рэальную альтэрнатыву ў барацьбе за агульнае дамінаванне ў рэгіёне, у тым ліку і за Кіеў. У гэтым выпадку

падпарадкаванне Ноўгарада ў спалучэнні з саюзам Менкі і Полацка мела б вынікам стратэгічную па значнасці манапалізацыю паўночнага кірунку шляху «з вараг у грэкі» праз аб'яднанне ўсіх яго адгалінаванняў – Нёманскага, Дзвінскага і Волхаўскага (тое, што напрыканцы X ст. здзейсніў Уладзімір). Гэта, у сваю чаргу, паставіла б Кіеў (паўднёвы кірунак шляху) з князем Яраславам ў роўнае да саюзнікаў (паўночны кірунак) становішча, і паспрыяла б прымусіць яго да прыняцця ўзаемавыгадных палітычных рашэнняў. Менавіта такі кірунак дзеянняў, неабходны для прусаў, здзейсніў полацкі князь Брачыслаў у 1021 г. Поўнае супадзенне мэт і вынікаў паходу сведчыць аб тым, што менавіта прускі дружынны персанал Нёманскага гандлёвага шляху прыняў удзел у паходзе Брачыслава.

Нагадаем, пасля знішчэння Каўпа ў 1016 г. у рэгіёне з'явілася (больш дакладна – засталася без справы) моцная ваенная групоўка, якая да таго абслугоўвала Нёманскі гандлёвы шлях. Натуральна, тыя ваяры/гандляры добра ведалі шляхі да Ноўгарада, як і сам горад, яго стан, яго вартасці. Для іх такі паход быў звычайнай справай. Сугучна выкладзенаму, А. М. Насонаў падкрэсліваў прадмет спрэчак паміж братамі Яраславічамі, працытаваны ў тэксце «Пасмы...»: «гандлёвыя гарады... прыдатныя для збораў прыбытку». Прапанова ад Яраслава да Брачыслава «быць адзіным» [48, с. 77] агучвала прызнанне фактычнай роўнасці князёў і адпавядала прызнанню палітычнай роўназначнасці паўночнай і паўднёвай частак шляху «з варагаў у грэкі», што вылучалася намі верагоднай мэтай Наўгародскага паходу. Звыш таго, як паведамляе «Сага аб Эймундзе», пасля тых падзей Брачыслаў на некаторы перыяд прыняў у кіраванне Кіеў (мяркуецца, у якасці намесніка Яраслава) [20, с. 92; 59, с. 118]. Ю. А. Заяц абгрунтоўваў тэрмін той падзеі ў межах 1024–1026 гг. [19, с. 8–9].

Такім чынам, выкладзеныя факты адлюстроўваюць надзвычайныя ўступкі дзяржаўнага ўзроўню, з боку Яраслава на карысць Полацка, якія той атрымаў у выніку паходу на Ноўгарад. Гэта відавочна супярэчыць паведамленню «Аповесці мінулых гадоў» аб «перамозе» Яраслава і чарговы раз сведчыць аб палітычнай ангажаванасці аўтараў летапісу ў адносінах да падзей на Нёманскім гандлёвым шляху. Відавочна, што Яраслаў не «перамог» Брачыслава, але дамовіўся з ім аб падзеле ўлады. У выніку Брачыслаў атрымаў палітычныя паўнамоцтвы, неабходныя для аднаўлення дзейнасці гандлёвага шляху, што мелася мэтай і прускай дружыны. Нагадаем дарэчы, што галоўная гістарычная крыніца Старажытнай Русі – «Аповесць…» – складалася з канца XI ст. пад уплывам Наўгародскага баярскага роду Вышацічаў і таму магла наўмысна не паведамляць аб падзеях на канкурэнтным Нёманскім напрамку ці нават скажаць іх.

Адным з адметных наступстваў палітычнай дзейнасці Брачыслава стала з'яўленне ў Кіеве «двара Брачыслава» (узгаданы «Аповесцю…» з відавочным дружынным акцэнтам, у сувязі з падзеямі 1068 г. [57, с. 211]). Ю. А. Заяц і даследчык Полацкага рэгіёна Л. В. Аляксееў вылучалі факт тагачаснай прысутнасці ў Кіеве «двара Брачыслава», падкрэслівалі яго значнасць для дзейнасці купцоў [1, с. 245–247; 19, с. 8–9], Л. В. Аляксееў у тым рэчышчы прыгадваў факты існавання пазнейшых, менавіта купецкіх, старажытнарускіх «двароў» XII–XIII ст. [1, с. 246]. Мэтазгодна звярнуць увагу таксама на сінхронны (пачатку XI ст.) з абмяркоўваемымі падзеямі прэцэдэнт вызначэння «двара» такога роду. Так, па звестках «Аповесці…» вядома, што варагі, якіх запрасіў «з-за мора» Яраслаў у 1014 г., дзеля змагання з бацькам, князем кіеўскім Уладзімірам, месціліся ў Ноўгарадзе «во дворе Поромони» [57, с. 62]. Е. А. Мельнікава аргументавала этымалогію той назвы не ў антрапанімічным кірунку, а ў функцыянальным, і выводзіць яе са старажытна-ісландскага *farmannagardr,* што у перакладзе абазначае «падарожнік, гандляр у далёкіх краях» [50, с. 121–122]. Падобны аспект маецца і ва ўзгаданай «Пасме аб Эймундзе», у якой падчас заключэння дамовы з Яраславам старшыня варагаў Эймунд выказваўся: «найперш ты павінен даць нам дом, і ўсёй нашай дружыне» [59, с. 107]. Гэта сведчыць, што сярэдневяковыя дружыннікі/гандляры, як правіла, адасабліваліся ад мясцовага грамадства, стваралі свайго роду анклавы – таксама, як на прускім Каўпе, так і ў гарадах Русі. Тое, што ў Кіеве ў XI ст. з'явіўся «двор Брачыслава», прадстаўляецца дадатковым сведчаннем высокай палітычнай значнасці, якую набыў на Русі князь Полацкі Брачыслаў.

Высновы. У цэлым прапануецца наступная рэканструкцыя мэт і наступстваў паходу Брачыслава 1021 г. на Ноўгарад. Прынцыповую вартасць захоўвае гістарыяграфічная пазіцыя А. М. Насонава, але з істотнымі ўдакладненнямі. Так, вылучаецца палажэнне, што ініцыятарам паходу быў не асабіста Брачыслаў (Полацк, Полацкае княства), якія не мелі ваенных і арганізацыйных рэсурсаў для здзяйснення гэтай падзеі – а прускі (верагодна са скандынаўскім дамешкам) кантынгент Нёманскага гандлёвага шляху. Да пачатку XI ст. дзейнасць шляху забяспечвалася руска-візантыйскімі дамовамі з удзелам прадстаўнікоў прусаў і яцвягаў і саюзнымі адносінамі прусаў з кіеўскім князем Уладзімірам. У 1015 г. былі закладзены асновы для павелічэння міжнароднай значнасці Нёманскага шляху ў выніку заключэння руска-дацкага саюзу паміж каралём Даніі Канутам Вялікім і князем Русі Уладзімірам Святым, праз усталяванне матрыманальных адносін (шлюб сястры Канута Эстрыд з сынам Уладзіміра Глебам). Але адыход з жыцця Уладзіміра ў 1015 г. парушыў

тыя планы. Дынастычны канфлікт Уладзіміра з сынамі, які распачаўся ў 1014 г., перарос у чараду ваенных сутыкненняў, у выніку якіх загінулі сыны Уладзіміра Барыс, Глеб, Святаслаў, Святаполк, і ў 1019 г. Яраслаў стаў на чале Русі. Канут Вялікі ў 1016 г. знішчыў гандлёвы цэнтр Каўп – кіруючы пункт Нёманскага шляху. У выніку адбылася грунтоўная рэарганізацыя яго інфраструктуры, але дзейнасць Каўпа не была адноўлена. Яго утылітарныя функцыі былі перададзены да сеткі дробных ваенна-гандлёвых пунктаў на поўдні Самбіі, па рэчышчы р. Прэгаль і (Ніжні) Нёман. Ваенны кантынгент шляху, прускія дружыннікі (арыенціровачна 1000, магчыма некалькі тысяч чалавек) рассяліліся па розных напрамках, у тым ліку па маршруце шляху, у Верхняе Панямонне, у арэал яцвягаў. Сярод іншага, прусы падпарадкавалі і перабудавалі Гарадзішча на Менцы і перанеслі туды кіруючы цэнтр Нёманскага шляху. Прусы заключылі палітычны саюз з Полацкам, мэтай якога было аднаўленне дзейнасці гандлёвага шляху. Саюз відавочна гарманічны і ўзаемадапаўняльны – ваенны і арганізацыйны патэнцыял прускай дружыны, палітычныя паўнамоцтвы полацкага князя і спрыяльнае геаграфічнае палажэнне. Поспех паходу і адпаведнасць мэтам вылучанага саюзу адлюстраваны ў пісьмовых крыніцах. Сярод іншых наступстваў паходу Брачыслава варта адзначыць узмацненне працэсаў аўтанамізацыі Верхняга Панямоння (гэту тэндэнцыю вылучаў таксама Ю. А. Заяц [17]). Мяркуецца, пасля паходу на Ноўгарад, у 1024 г. адбыўся пераход Менскай воласці з княства Тураўскага ў Полацкае [17, с. 11]. Таксама Ю. А. Заяц абгрунтоўваў тэзіс аб верагодным утварэнні ў 1085 г. Мінскага ўдзела у складзе Полацкага княства [17]. Такім чынам, факты сведчаць, што ў старажытнарускіх падзеях пачатку XI ст. вылучыўся Полацка-Менскі, ці крывіцка-прускі, палітычны саюз, побач з эканамічным спалучэннем Нёманскага і Дзвінскага шляхоў. Наступствам гэтага саюзу стала «дагаварное падпарадкаванне» Полацку Ноўгарада і Кіева. У выніку, мэты, неабходныя для дзейнасці гандлёвых шляхоў, былі дасягнуты, а цэласнасць шляху «з варагаў у грэкі» – адноўлена.

Літаратура

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии.) / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 295 с.

2. Витязь, С. П. «Каменные» городища раннего средневековья / С. П. Витязь, В. И. Кулаков // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2011. – № 4. – С. 57–68.

3. Віцязь, С. П. Палітычныя аспекты станаўлення Неманскага гандлевага шляху ў раннім сярэднявеччы / С. П. Віцязь // Европа : актуальные проблемы этнокультуры : материалы III Междунар. науч.-теор. конф., Минск, 28 апр. 2010 г. / БГПУ им. М. Танка, редкол. В. В. Тугай (отв. ред.). – Мінск, 2010. – С. 51–54.

4. Віцязь, С. П. Пахаванні з канем на тэрыторыі Беларусі / С. П. Віцязь // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. прац / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2008. – Вып. 15 : Археалогія эпохі сярэдневякоўя. Да 70-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі. – С. 108–127.

5. Віцязь, С. П. Поліфункцыянальныя аспекты засялення Верхняга Панямоння ў раннім сярэднявеччы / С. П. Віцязь // Гіст.-археалаг. зб: зб. навук. прац / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 26 : Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 верас. 2009 г. – С. 213–228.

6. Віцязь, С. П. Помнікі яцвягаў перыяду ранняга сярэдневякоўя ў рэгіене Верхняга Панямоння / С. П. Віцязь // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. прац / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2008. – Вып. 16 : Да 80-годдзя з дня нараджэння Я. Г. Звяругі. – С. 44–54.

7. Віцязь, С. П. Старажытныя прусы : арэалы рассялення (да праблемы паходжання яцвягаў) / С. П. Віцязь // Дакл. НАН Беларусі. – 2010. – Т. 54, № 3. – С. 115–124.

8. Віцязь, С. П. Яцвяжская тапаніміка на тэрыторыі Беларусі / С. П. Віцязь // 60-летие образования Гродненской области : матер. Междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. / редкол. В. А. Белозорович (отв. ред.). – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2004. – С. 36–39.

9. Глазырина, Г. В. Скандинавские источники / Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М. : Логос, 1999. – С. 408–556.

10. Гуревич, Ф. Д. Скандинавские находки X–XI вв. на территории Белоруссии / Ф. Д. Гуревич // Скандинавский сборник. – Таллинн : Олион, 1990. – Вып. 33. – С. 111–117.

11. Дернович, С. Д. Североевропейские древности эпохи викингов в материальной культуре Белорусского Понеманья / С. Д. Дернович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Минск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 2003. – Вып. 7. – С. 17–19.

12. Дернович, С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси / С. Д. Дернович. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 86 с.

13. Дук, Д. В. Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв. / Д. В. Дук, О. Н. Левко, Г. В. Штыхов // Полоцк : Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 66–80.

14. Ермаловіч, М. І. Старажытная Беларусь : Полацкі і Новагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – Мінск : Мастацкая літ-ра, 1990. – 366 с.

15. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 1982. – 358 с.

16. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 9 : Древности Беларуси (железный век и средневековье). – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 26–31.

17. Заяц, Ю. А. Менская зямля : этапы фарміравання / Ю. А. Заяц // Беларус. гістар. часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

18. Заяц, Ю. А. Паселішча X–XIII ст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1994. – Вып. 3. – С. 88–113.

19. Заяц, Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Полоцкий летописец. – Полоцк : Диана, 1993. – № 1(2). – С. 5–11.

20. Заяц, Ю. А. Полоцкий князь Всеслав и Ярославовичи в 1065–1066 гг. : от Пскова до Белгорода / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1994. – Вып. 4. – С. 88–113.

21. Звяруга, Я. Г. Рыштунак вершніка і верхавога каня з раскопак старажытных гарадоў Верхняга Панямоння / Я. Г. Звяруга, С. П. Віцязь // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – Вып. 12 : Археалогія эпохі сярэдневякоўя. – С. 122–137.

22. Ильин, Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (опыт анализа) / Н. Н. Ильин. – М. : АН СССР, 1957. – 232 с.

23. Кауп и Нёманский путь в IX–XI вв. (участок одного из трансъевропейских торговых путей и его узловой пункт) : отчет о НИР (закл.) / Ин-т истории НАН Беларуси ; рук. темы С. П. Витязь. – Минск, 2009. – 177 с. – № ГР 20072464.

24. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие : в 3 вып. / А. Н. Кирпичников. – Свод археологических источников. – Вып. Е1–36. – Л. : Наука, 1971. – Вып. 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. – 126 с.

25. Кулаков, В. И. Раскопки поселения и могильника эпохи викингов Кауп. 1956–2004 гг. / В. И. Кулаков // Балто-славянские исследования. – М. : Индрик, 2006. – Т. XVII. – С. 413–457.

26. Кулаков, В. И. Грунтовой могильник Малый Кауп : раскопки и находки / В. И. Кулаков // Archaeologija Lituana. – 2010. – Vol. 11. – S. 188–210.

27. Кулаков, В. И. Балтская часть могильника Кауп / В. И. Кулаков // Archaeologia Lituana. – 2011. – Т. 12. – S. 87–98.

28. Кулаков, В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. / В. И. Кулаков // Свод археологических памятников СССР. – Вып. Г 1–9. – М. : Наука, 1990. – 170 с.

29. Кулаков, В. И. Западный отрезок Нёманского торгового пути в эпоху викингов / В. И. Кулаков // Культурное наследие Восточной Пруссии. – Калининград : Балт. федер. ун-т, 2011. – Т. 2. – С. 105–122.

30. Кулаков, В. И. Ирзекапинис и Шестовицы / В. И. Кулаков // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев : Наук. думка. – 1990. – С. 111–116.

31. Кулаков, В. И. Ирзекапинис. 23 апреля 997 г. / В. И. Кулаков // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков : Псковский гос. об. ист.-арх. и худ. музей-заповедник, 1988. – С. 134–137.

32. Кулаков, В. И. История Пруссии до 1283 г. (Prussia Antiqua. Т. 1) / В. И. Кулаков. – М. : Индрик, 2003. – 432 с.

33. Кулаков, В. И. Кауп / В. И. Кулаков // Становление европейского средневекового города. – М. : Наука, 1989. – С. 80–106.

34. Кулаков, В. И. Микрорегион поселения Кауп (Северная Самбия) в эпоху викингов / В. И. Кулаков // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). – М., 2008. – С. 47–49.

35. Кулаков, В. И. Прусская дружина и Русь / В. И. Кулаков // Восточная Европа в древности и средневековья. Спорные проблемы истории : Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто : тез. докл. – М. : Ин-т рос. ист., 1993. – С. 43–46.

36. Кулаков, В. И. Пруссы (V–XIII вв.) / В. И. Кулаков. – М. : Гоэко, 1994. – 208 с.

37. Кулаков, В. И. Пруссы и восточные славяне / В. И. Кулаков // Труды V Междунар. конгр. славянской археологии : в 3 т. – М. : Наука, 1997. – Т. 3. – В. 1а : Города, их культурные и торговые связи / редкол. Б. А. Рыбаков (гл. ред.). – С. 116–124.

38. Кулаков, В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. / В. И. Кулаков // Советская археология. – 1988. – № 3. – С. 106–117.

39. Кулаков, В. И. Технология изготовления копии пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) / В. И. Кулаков, М. М. Толмачева // Краткие сообщения Института археологии. – 1987. – Вып. 190. – С. 94–100.

40. Кулаков, В. И. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) / В. И. Кулаков // Российская археология. – 1996. – № 3. – С. 134–147.

41. Кулаков, В. И. Тувангсте и Кёнигсберг / В. И. Кулаков // Slavia Antiqua. – 1999. – Т. 40. – S. 215–233.

42. Кулаков, В. И. Юго-Восточная Балтия в IX в. / В. И. Кулаков // Труды Государственного Эрмитажа. – М. : Гос. Эрмитаж, 2009. – Т. 49 : Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 14–18 мая 2007 г. – С. 155–172.

43. Ласкавы, А. Г. Да пытання аб арганізацыі і складзе ўзброеных сіл Полацкай зямлі ў канцы XI – пачатку XIII ст. / А. Г. Ласкавы // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1993. – Вып. 2. – С. 5–21.

44. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII вв. / сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. – М. ; Л. : Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР, 1989. – 205 с.

45. Лебедев, Г. С. Путь из варяг в греки как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии / Г. С. Лебедев // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии. – Т. 2 : Славянский средневековый город. – 1997. – С. 197–209.

46. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г. С. Лебедев. – Спб. : Евразия, 2005. – 640 с.

47. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси : формирование и развитие / О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2004. – 280 с.

48. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 288 с.

49. Лященко, А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи / А. И. Лященко // Изв. АН СССР. VI сер. – 1926. – Т. 20, № 12. – С. 1061–1086.

50. Мельникова, Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого / Е. А. Мельникова // Ярослав Мудрый и его эпоха. – М. : Индрик, 2008. – С. 78–133.

51. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях : Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков / А. В. Назаренко. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

52. Новікаў, Я. У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.) : у 2 т. / Я. У. Новікаў. – Мінск : Логвінаў, 2007. – Т. 2. – 300 с.

53. Піваварчык, С. Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы / С. Піваварчык // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 1999. – № 11. – S. 235–245.

54. Піваварчык, С. А. Кульбачына / С. А. Піваварчык // Археалогія Беларусі : энцыкл : у 2 т. – Мінск : БелЭн, 2009. – Т. 1 (А–К). – С. 482.

55. Плавінскі, М. А. Войска Полацкага княства ад часоў Рагвалода да эпохі Чарадзея / М. А. Плавінскі. – Мінск : Галіяфы, 2012. – 48 с.

56. Плавінскі, М. А. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі / М. А. Плавінскі. – Мінск : Выд. І. П. Логвінаў, 2009. – 158 с.

57. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева ; ред. В. П. Адрианова-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. / подгот. М. Б. Свердлов. – СПб. : Наука, 1999. – 668 с.

58. Потин, В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. : ист.-нумизмат. очерк / В. М. Потин. – Л., 1968.

59. Прядь об Эймунде Хрингссоне // Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) / Джаксон Т. Н. – М. : Ладомир, 1994. – С. 87–119.

60. Сага об Эймунде // Рыдзевская, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. / Е. А. Рыдзевская. – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978 г. / ред. В. Т. Пашуто. – М. : Наука, 1978. – С. 89–104.

61. Свердлов, М. Б. Дания и Русь в XI в. / М. Б. Свердлов // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. – Л. : Наука, 1970. – С. 83–85.

62. Седов, В. В. К истории поселений Черной Руси / В. В. Седов // Краткие сообщения института археологии. – 1974. – Вып. 139. – С. 27–33.

63. Шинаков, Е. А. Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков. – Брянск : БрГУ, 2002. – 488 с.

64. Штыхаў, Г. В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII ст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.] ; навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – С. 171–229.

65. Штыхаў, Г. В. Крывічы : па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1992. – 191 с.

66. Annales Ryenses // Monumenta Germaniae Historica. – Scriptores / ed. G. H. Pertz. – 1959. – T. 16. – Hannover : IBAH, – S. 386–410.

67. Mühlen, B. Die kultur der Wikinger in Ostpreussen / B. Mühlen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. – Bonn, 1975. – № 9. – 287 s.

68. Saxo Grammaticus : Saxonis Gesta Danorum / ed. J. Olrik& H. Raeder. – Copenhagen : Levin&Munksgaard, 1931.

Резюме

С. П. Витязь

Пруссы в контексте политических событий Древней Руси первой половины XI в.

Обсуждаются полититические события Древней Руси первой половины XI в., связанные с возрастанием роли Полоцкого княжества. Подчеркнута значимость похода полоцкого князя Брячислава на Новгород в 1021 г. Охарактеризованы содержание и историография похода, выделена одна из неразрешенных, основополагающих проблем этого события – проблема дружины Брячислава. Отмечен историографический стереотип (сложился на основе устного эпического произведения «Прядь об Эймунде», записанного в конце XIV в.) о скандинавской основе той дружины. Приведена критическая оценка этого положения, которую аргументировал Ю. А. Заяц. Проанализирован вариант местного (кривичского) состава дружины Брячислава, который не подтверждается местными археологическими материалами, так же, как и скандинавский вариант. Предложена гипотеза о прусском составе дружины Брячислава. Основанием для этого положения выделяются, с одной стороны, данные о деятельности раннесредневекового Неманского торгового пути, связывавшего Балтику (северный полюс пути – торговый центр Кауп в землях пруссов) и Русь (южный полюс – Киев), с другой стороны – сведения о союзных отношениях конца X в. – начала XI в. между пруссами и киевским князем Владимиром, а также о заключении матримонального русско-датского союза между Владимиром Святым и Канутом Великим в 1014 г. (брак сестры Канута Эстрид с сыном Владимира Глебом, по сообщению Адама Бременского), подтверждаемого взрывоподобным распространением в начале XI в. на Руси монет Канута и Этельреда II. Отмечено, что династический конфликт, возникший в 1014 г. среди Рюриковичей, обрел разрушительные формы после ухода из жизни Владимира в 1015 г., включая военное противостояние до 1019 г. сыновей Владимира, среди последствий которого – убийство Глеба в 1015 г., ознаменовавшее разрушение названного русско-датского союза. С этим политическим событием соотносится поход Канута на Самбию и разгром центра Кауп в 1016 г. Отмечено, что в результате разгрома Каупа и династического конфликта на Руси деятельность Неманского торгового пути была приостановлена. Как следствие, с 1016 г. остался без работы и средств к существованию значительный военный контингент – персонал пути. Выполнена оценка численности этого контингента (ориентировочно – 1000 чел.) и ее соотнесение с аналогичными синхронными и диахронными данными. Обосновано положение об участии военного персонала Неманского торгового пути (прусской дружины) в походе Брячислава, и о переносе управляющего центра пути из Каупа в Городище на Менке (верховья Немана). В связи с этим подчеркивается преимущественно «торговый» эффект похода Брячислава, определенный А. Н. Насоновым и поддержанный большинством современных исследователей. Среди политических последствий похода Брячислава выделяются тенденции автономизации округи названного Городища на Менке (на пограничье княжеств Туровского и Полоцкого). В их числе положения, которые выделил Ю. А. Заяц: переход Менской волости из княжества Туровского в Полоцкое в 1024 г. и вероятное образование Минского удела в составе Полоцкого княжества в 1085 г. Изложенные данные свидетельствуют о формировании прусско-кривичского союза в первой половине XI в., одним их этапов которого был поход Брячислава на Новгород.

Summary

S. Vitsiaz

Prussians in the context of political events of Ancient Rus at the first half of the XIth century

The article discusses political events of Ancient Rus in the first half of the XIth century, which are connected with the increase of the role of the Polotsk princedom. It emphasizes the importance of the campaign of Polotsk prince Bryachislav against Novgorod in 1021. The content and historiography of the campaign are described; one of the unresolved, basic problems of this event – the problem of Bryachislav's druzhyna (armed force) – is highlighted. The historiographic stereotype about the Scandinavian basis of this druzhyna (which was formed on the basis of oral epic work «Eymund's Saga», written down in the end of the XIVth century) is noted. The critical appraisal of this proposition, which was substantiated by Y. A. Zajats, is cited. The version of local (crivitian) composition of Bryachislav's druzhyna, which does not prove to be true by local archeological materials as well as the Scandinavian version, is analysed. The hypothesis about Prussian composition of Bryachislav's druzhyna is offered. The basis for this proposition is provided, on the one hand, by data about early medieval Neman trading route, which connected the Baltic (route's north pole – trading center Kaup in the Prussian lands) and the Rus (south pole – Kiev); on the other hand – by data on allied relations between Prussians and the Kiev prince Vladimir in the beginning of the Xth century – the end of the XIth century; and also – about the conclusion of matrimonial Russian-Danish union between Vladimir the Saint and Canute the Great in 1014 (marriage of Canute's sister Estrid and the Vladimir's son Gleb, according to Adam Bremensky), confirmed by explosive spread of Canute and Ethelred II coins in Rus in the beginning of the XIth century. It is noted that the dynastic conflict which arose in 1014 among Rurikovichi, has become destructive in form after Vladimir's death in 1015, including military opposition to Vladimir's sons up to 1019, among the consequences of which is Gleb's murder in 1015, which marked the destruction of the above-named Russian-Danish union. With this political event corresponds Canute's campaign against Sambia and rout of Kaup in 1016. It is noted that as a result of Kaup's rout and the dynastic conflict in Rus the Neman trading route activity was suspended. Consequently, the route's personnel – a significant military contingent – remained without work and means of subsistence since 1016. The number of this contingent is estimated (roughly – 1000 people), and its correlation with similar synchronic and diachronic data is shown. Proposition about participation of the above-named military personnel (prussian druzhyna) in Bryachislav's campaign, and about transference of the route operating center from Kaup to the Site on Menka (Upper Neman) is proved. In this connection, essentially «trading» effect of Bryachislav's campaign, which was revealed by A. N. Nasonov and supported by the majority of modern researchers, is emphasized. Among the political consequences of Bryachislav's campaign tendencies to autonomisation of the area around the Site on Menka (on a border of the princedoms of Turov and Polotsk) are established. Among them the propositions which were suggested by Y. A. Zajats: a transition of the Mensk volost (district) from Turov to Polotsk princedom in 1024, and probable formation of the Minsk udel in the structure of the Polotsk princedom in 1085. The stated data gives evidence of the formation of the prussian-crivitian union in the first half of the XIth century, one of the stages of which was Bryachislav's campaign against Novgorod.

Пастуніў 03.03.2012

УДК 903.4(476.4)

***Н. Н. Дубицкая**, Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук (г. Минск)*

Раскопки поселения Симоновичи на р. Птичь

Поселения второй четверти I тысячелетия н. э., как правило, занимали невысокие первые надпойменные террасы с легкими песчаными почвами, заросшими широколиственно-сосновыми лесами [24, с. 26]. Именно в таких топографических условиях располагалось поселение Симоновичи. Оно находится на правом берегу р. Птичь в урочище Тямшево Поле в д. Симоновичи Глусского района Могилевской области. Выявлено А. Рынейским в 1930 г. во время разведок в бассейне р. Птичь [21, с. 209]. В 1987, 1989, 1990, 1997–1999 гг. Н. Н. Дубицкая провела на поселении археологические раскопки. Общая изученная площадь – 535 м^2 (рис. 1).

Мощность культурного слоя составляла от 0,2 до 0,9 м. Слой на глубине 0–0,2 м представлял собой слабо- и среднегумусированный пахотный однородный песок с небольшими зольными пятнами и угольками. На глубине 0,2–0,4 м он переходил в темно-серый довольно плотный гумус.

В культурном слое поселения выявлены остатки трех наземных и одной углубленной построек. У двух из трех наземных построек сохранились остатки отопительных сооружений (в одном случае каменного очага, в другом – очаг размером 0,5 × 0,4 м с предочажной ямой). Остатки наземных построек прослеживаются в культурном слое в виде пятен более темной окраски. Углубленная постройка представляла собой сооружение, размеры котлована которого составляли 1,7 × 1,3 м (рис. 2). Глубина котлована – 0,9 м от современной дневной поверхности и 0,3–0,4 м от уровня зачистки в материке. Отопительного сооружения не выявлено. В заполнении постройки найдены обломки лепной посуды (очевидно, развал сосуда), глиняной обмазки, шлак, фрагмент тигля.

На памятнике выявлены материалы двух этапов. К первому этапу относятся немногочисленные материалы эпохи бронзы. Это обломки керамических сосудов и небольшая коллекция кремневых орудий и заготовок. Основное количество находок относится к I тысячелетию н. э. Также присутствуют материалы эпохи средневековья.

Преобладающей категорией находок в культурном слое поселения являются обломки керамических сосудов. Другие изделия из глины, а также из металла, камня, стекла малочисленны.

Вся посуда делится на посуду, изготовленную без помощи гончарного круга и посуду, сформированную на гончарном кругу. Всего найдено 6064 обломка глиняной посуды, из них 5603 обломка лепных и 460 обломков гончарных сосудов.

Лепная посуда I тысячелетия н. э. в основном представлена горшками различных размеров, возможно, присутствуют миски. Встречаются ребристые формы. Это могли быть как ребристые горшки, так и миски. В ассортимент также входили сковородка, миниатюрные сосуды, сосуды с ручками (горшки или кружки).

Вся посуда изготовлена из местных озерно-аллювиальных глин, преимущественно гидрослюдистого состава. Это легкоплавкие среднепластичные глинистые породы, в которых содержание естественной примеси минерального происхождения составляет 20–40%.

В качестве специальных отощителей симоновичские гончары в состав формовочных масс вводили дресву гранита и шамот. Дресва гранита являлась основной специальной добавкой, на ее долю приходилось 5–15%. Максимальное содержание шамота не превышало 3–5%.

Для изготовления посуды различного функционального назначения использовались одни и те же глины и одинаковые рецепты составов формовочных масс. Единственно, для лепки лощеной посуды глины тщательнее приготавливались, искусственные отощители измельчались тоньше.

На поверхности и в тесте черепков лепных сосудов выявлены единичные обугленные зерна и следы от выгоревшей половы культурных злаков, а также бобовых культур. По-видимому, примеси злаков и бобовых не являлись специальным компонентом формовочных масс древних сосудов, а выполняли какие-то иные, возможно, ритуальные функции.

Обжиг сосудов происходил в костре, преимущественно, в восстановительной газовой среде. Температуры обжига составляли 500–700 ºС.

По способу обработки поверхности вся лепная посуда делится на гладкостенные сосуды, сосуды со штриховкой, с расчесами, лощеные и подлощеные. В общем количестве гладкостенная керамика составляет около 80%, со штриховкой – 14–15, с расчесами – до 1,5, лощеная и подлощеная – 3–5%.

Качество лощения симоновичских сосудов среднее. На киевских памятниках количество лощеных и подлощеных сосудов обычно не превышает 5% [13, с. 292]. Это, как правило, столовая посуда. Присутствие лощеной посуды характеризует несомненную

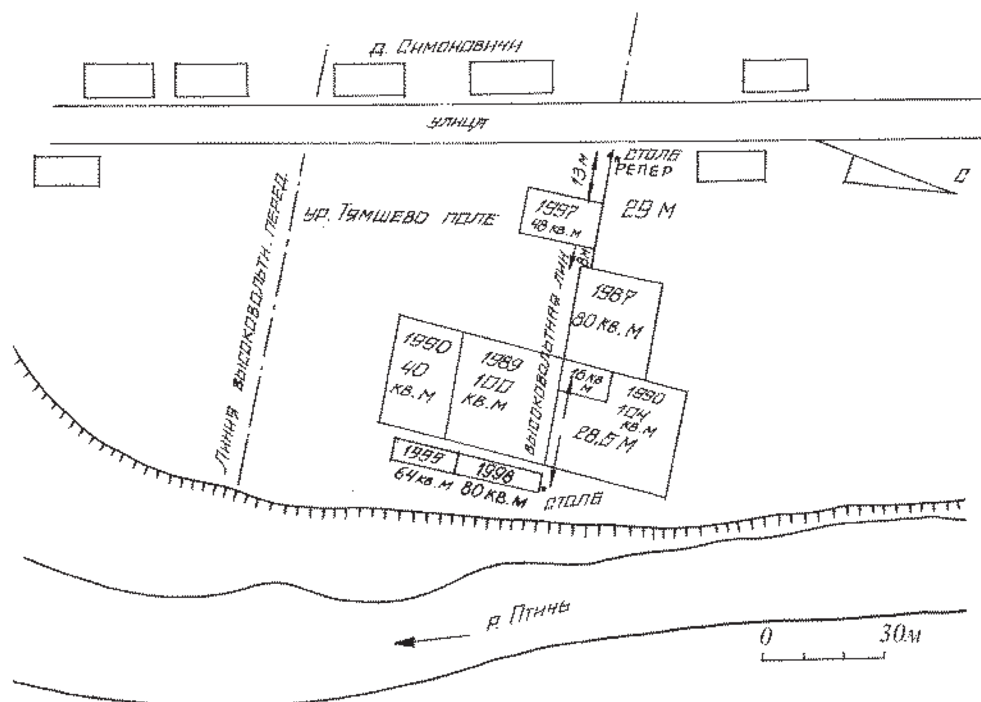


Рис. 1. План расположения раскопов. Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

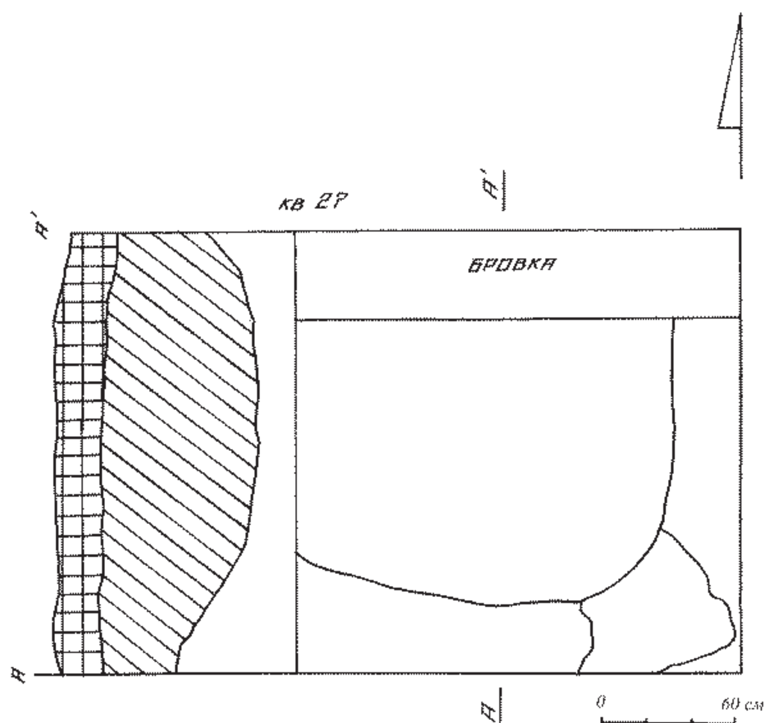


Рис. 2. План углубленной постройки. Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

преемственность с зарубинецкими и постзарубинецкими традициями в керамическом производстве второй четверти I тысячелетия н. э. Однако незначительный процент такой посуды, ухудшение качества лощения свидетельствует об угасании данной традиции. К середине I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье лощеная посуда практически не встречается.

Прием покрывать сосуды штриховкой особенно характерен для северо-западных памятников культурной общности типа Абидни. Мощный импульс культуры штрихованной керамики не мог не оказать своего влияния на традиции керамического производства соседних культур. Штриховка в гончарстве культуры штрихованной керамики первоначально возникла как технологический прием. Постепенно

она превращается в элемент декора [12, с. 28]. Очевидно, в этом одна из причин ее исчезновения к концу первой половины I тысячелетия н. э. В то же время население соседних культур, по-видимому, всегда воспринимало штриховку, прежде всего, как технологический прием.

Если штриховку исследователи в основном рассматривают как технологический прием обработки поверхности посуды, то относительно расчесов бытует устойчивое мнение, что это орнаментальный мотив (Р. В. Терпиловский, А. М. Обломский и др.). Расчесы на сосудах выполнены частым или редким гребнем, расположены по тулову чаще всего без определенной системы. Следует отметить, что нанесение глубоких расчесов на сырой сосуд способствует его равномерной и более быстрой сушке, так как влага, находящаяся в глине, с рифленой поверхности испаряется быстрее, чем с гладкой. При обжиге стенки также прокаливаются лучше. Нанесение расчесов на поверхность сосудов намного уменьшает риск деформации при сушке и обжиге. Такие сосуды более прочные при использовании их в быту. Тем не менее, несмотря на значимые технологические показатели, традиция покрывать сосуды расчесами не закрепилась и в конце первой половины I тысячелетия н. э. окончательно угасла. Не исключено, что здесь имели место не только производственные, но и какие-то другие моменты.

Орнамент на симоновичских лепных сосудах встречается довольно редко. Зона нанесения орнамента у нелощеных сосудов – край венчика. Это насечки по внешнему краю, пальцевые вдавления, иногда мелкие ямки. Наиболее распространенным видом орнамента являются насечки, которые встречаются двух видов: а) мелкие густые, нанесены тонкой палочкой; б) более широкие, расстояние между насечками 0,5 см, нанесены ногтем или более широкой палочкой.

В отдельных случаях по тулову отмечен орнамент в виде защипов или комбинация защипов и насечек. Данный элемент декора размещался зонами по всему тулову. Такой тип орнамента встречается и на других памятниках типа Абидни (Дедново [6, с. 29], Тайманово, полуземлянка № 48 [17, с. 25, рис. 10: *1*]). Защипы весьма характерны для позднего керамического комплекса культуры штрихованной керамики. Чаще всего таким образом орнаментировались ребристые сосуды [12, с. 33]. Защипной орнамент на керамических сосудах имеет северное происхождение. На поселениях Литвы он встречается на протяжении всего I тысячелетия н. э. [3, с. 24], на белорусских памятниках – в I–V вв. [5, с. 35].

Встречен также орнамент в виде сквозных отверстий. Скорее всего, отверстия выполняли не декоративную функцию, а служили для подвешивания сосудов или появились в результате ремонта горшка.

Найдены обломки горшка с отогнутым венчиком и гребенчатым орнаментом по плечикам и тулову, близкий к роменскому.

Лощеная посуда не орнаментировалась. Как исключение, встречена одна стенка сосуда, украшенная прочерченным орнаментом.

Основную группу лепной посуды I тысячелетия н. э. составляют средне- и сильнопрофилированные округлобокие горшки с наибольшим расширением в верхней части (80–85%). Сосуды с прямым венчиком и баночной формы встречаются редко. В небольшом количестве присутствует ребристая посуда. Ребро, как правило, слабовыраженное, округлое. Найдено несколько обломков стенок сосудов с утолщенным массивным ребром. К сожалению, все обломки ребристой посуды без верхней части.

Края венчиков горизонтально срезаны или скруглены, иногда срезаны под небольшим углом. В единичных случаях внешний край слегка оттянут, образуя «карнизик». Днища плоские, иногда с закраиной. Отмечены следы подсыпки песка.

Удалось реконструировать профили трех горшков (в одном случае полностью, в двух других – частично). Полностью восстановленный профиль относится к крупному высокому низкогорлому горшку с высокорасположенными и средневыпуклыми плечиками и узким дном. Край венчика орнаментирован насечками. Высота сосуда – 34,8 см, диаметр горловины – 38,0, диаметр наибольшего расширения тулова – 38,3, диаметр по основанию шейки – 36,8, диаметр днища – 15,0, высота шейки – 2,8, высота плечика – 4,5, высота придонной части тулова – 27,5 см (рис. 3). Формы таких сосудов были распространены среди позднезарубинецких древностей (тип I.1 по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому) [15, с. 15] и в ранних комплексах киевской культуры (класс 1, тип 2.б по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [23, с. 46–48], (тип I.1а по А. М. Обломскому) [14, с. 152, рис. 2]. Широко представлены такие горшки и на верхнеднепровских памятниках (тип 3, вариант 2 по А. В. Ильютик) [20, с. 102–153]. В частности, подобный горшок найден в Абидне, в жилище № 14 [20, с. 167, 141, рис. 55].

Второй сосуд, профиль которого удалось восстановить частично, представлял собой сильнопрофилированный горшок больших размеров с высокорасположенными и довольно слабовыпуклыми плечиками. Сосуд покрыт штриховкой, край венчика орнаментирован насечками. Типологически данный горшок близок к первому (рис. 4).

Верхняя часть третьего сосуда почти непрофилированная, край венчика горизонтально срезан. Сосуд также покрыт штрихами (рис. 5). Такие горшки встречаются в керамическом комплексе верхнеднепровских древностей типа Абидни (Абидня, Тайманово, Дедново).

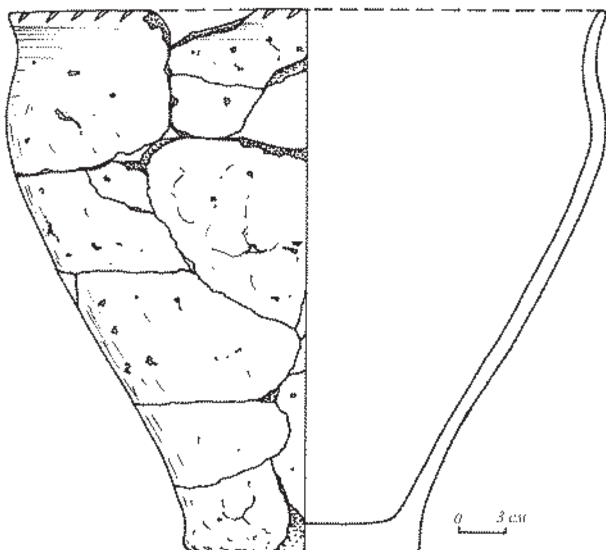


Рис. 3. Сосуд. Керамика. Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

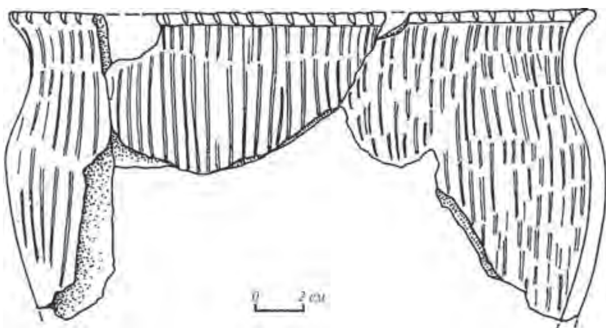


Рис. 4. Верхняя часть сосуда. Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

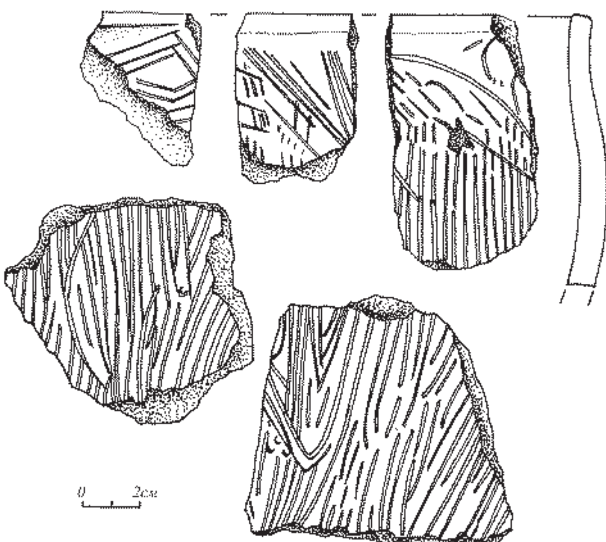


Рис. 5. Развал сосуда. Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

Гончарная посуда на селище Симоновичи изготовлена из тех же глин, что и лепная. В качестве искусственных отощителей применялась мелкая дресва, возможно песок. Посуда представлена обломками горшков и мисок. Посуда, в основном, неорнаментированая. В одном случае отмечен орнамент «колесиком». Относится к XI–XVI(XVII) вв.

Керамика производственного назначения на поселении представлена двумя обломками тиглей и фрагментом льячки. Наиболее сохранившийся из тиглей имеет подковообразную форму с округлыми боками, форма горловины тигля овальная (рис. 6: *15*). Фрагмент льячки представлен обломками черенка с округлым отверстием диаметром около 0,8 см, в которое вставлялась деревянная рукоятка. Льячка изготовлена из глины с примесью дресвы в тесте (рис. 6: *7*). Находки тиглей и льячки свидетельствуют о существовании на поселении производства по обработке цветных металлов.

Особую группу глиняных изделий составляют пряслица. Всего на селище Симоновичи найдено 8 биконических пряслиц и 3 пряслица уплощенно-биконической формы, 4 пряслица имели цилиндрическую форму и 2 пряслица изготовлены из стенок сосудов. Все пряслица неорнаментированные. Изготовлены из хорошо отмученной глины с минеральными примесями мелкой размерности. Высота биконических и уплощенно-биконических пряслиц – 1,0–2,5 см, диаметр – 2,0–3,0 см. Биконические пряслица уплощенной формы с большим отверстием (высота – 1,0–1,2 см, диаметр отверстия – 1,0 см) (рис. 7: *3, 10, 12, 13*) типичны для киевских памятников по всему ареалу их распространения. По-видимому, в это время бытовали и уплощенные пряслица без выраженного ребра также с широким отверстием (рис. 3: *14*). Биконические высокие пряслица с более узким отверстием (высота – до 2,5 см, диаметр отверстия – 0,7 см) (рис. 7: *3, 9, 11, 12*) наибольшее распространение получают с VI по VII в. [16, с. 31], хотя находки таких пряслиц не исключение и на более ранних памятниках (Чаплин, Щатково и др.) [18, с. 219, рис. 16: *9*; 19, с. 38, рис. 22: *11–16*; с. 39, рис. 23: *9, 20*]. Широкое распространение биконических пряслиц, очевидно, имеет большое технологическое значение, так как биконическая форма обладает наибольшей инерцией при вращении.

Округло–цилиндрические пряслица (рис. 7: *10*), как и пряслица, изготовленные из стенок сосуда (рис. 7: *4, 13*), бытовали у населения Белорусского Поднепровья на протяжении всей эпохи железного века [7, с. 73, 74, рыс. 1: *33*].

Цилиндрические пряслица с вогнутыми верхней и нижней сторонами (рис. 7: *1*) весьма характерны для поздних памятников культуры штрихованной керамики и банцеровской культуры [12, с. 41].

Из глины были изготовлены фрагменты грузила и изделия с отверстием (рис. 7: *15, 16*).

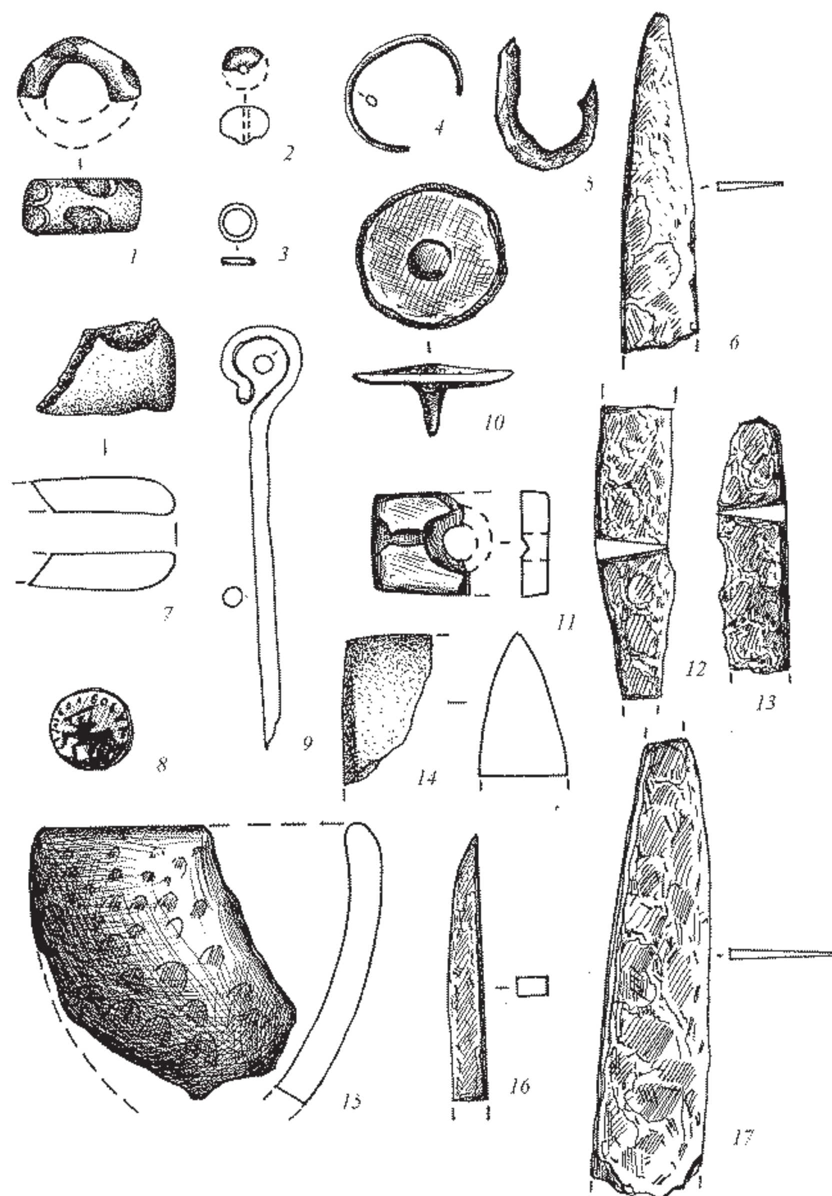


Рис. 6. Археологические находки (*1–17*). Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

Находки из металла представлены немногочисленными орудиями труда и украшениями, изготовленными из бронзы и железа. Из круглой в сечении бронзовой проволоки выполнено колечко, один конец которого обломан (рис. 6: *4*). Из бронзы изготовлена пронизка диаметром 0,7 см, диаметр отверстия – 0,5 см (рис. 6: *3*).

К деталям одежды относится посоховидная булавка из Симонович, изготовленная из круглой в сечении железной проволоки (рис. 6: *9*). Общая длина булавки – 8,3 см, головка округлая диаметром 1,5 см, завиток слегка отогнут (тип I по А. М. Медведеву) [10, с. 172–201]. Булавки с верхней частью круглой формы из стержня ромбической, реже круглой формы, по мнению А. М. Медведева, относятся ко II–III вв. н. э. [10, с. 193].

Из тонкой железной проволоки изготовлено кольцо с заходящими концами диаметром 1,9 см. Это могло быть как кольцо на палец, так и детское височное кольцо. Бронзовые и железные проволочные кольца получают распространение на позднем этапе милоградской культуры [11, с. 81; 8, с. 63] и бытуют на протяжении I тысячелетия н.э.

Среди железных орудий труда преобладают ножи. Всего на поселении найдено 7 ножей с прямой спинкой (рис. 6: *6, 12, 13, 17*). В основном это обломки лезвий. Только в одном случае можно проследить переход лезвия в черенок (рис. 6: *12*). Ножи с прямой спинкой широко известны в древностях I тысячелетия н.э. лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Характерны они и для древнерусских памятников.

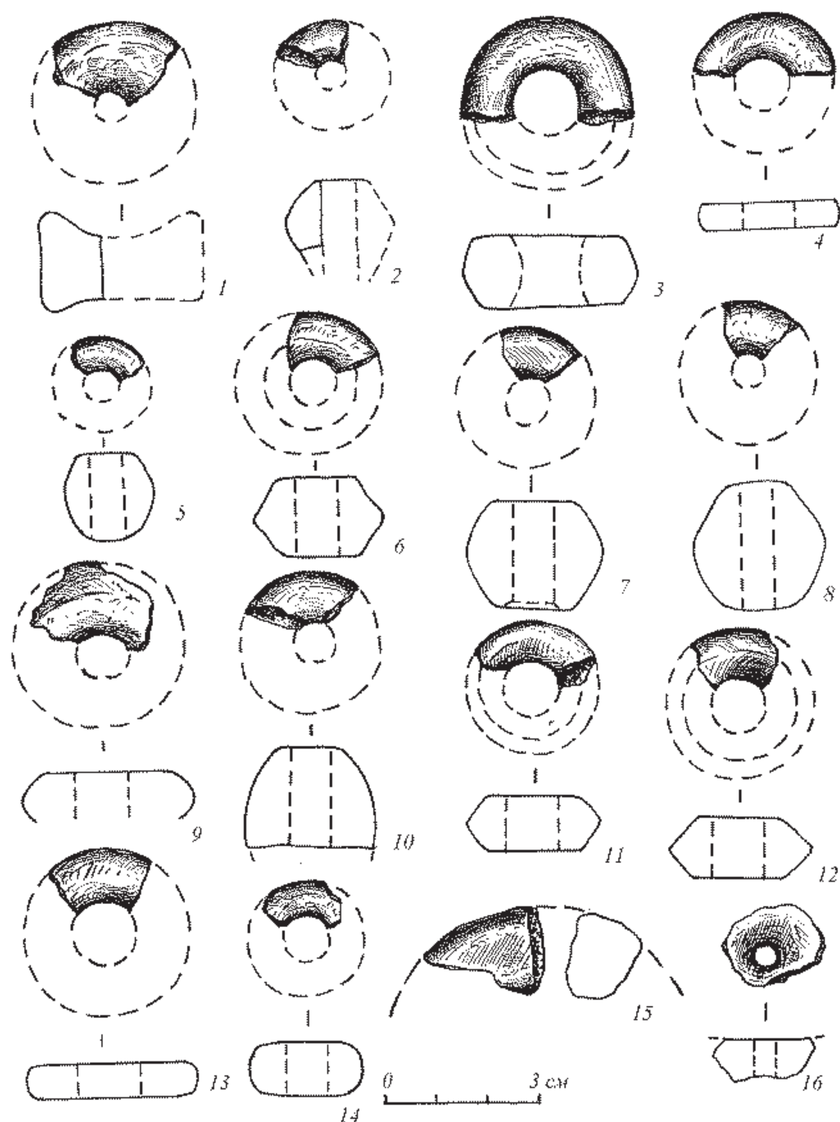


Рис. 7. Пряслица (*1–16*). Поселение Симоновичи. Глусский район. Могилевская область

В культурном слое поселения найден рыболовный крючок с шипом и обломанной петелькой для привязывания к леске (рис. 6: *5*), который относится к IV типу по В. А. Мальму [9, с. 117]. Аналогичные рыболовные крючки широко бытовали на памятниках I – начала II тысячелетия н. э. В частности, они найдены в Колочине и Тайманово [2, рис. 20; 32, с. 195, 210; 22, рис. 25: *23*].

Из железа также изготовлены три язычка от пряжек, обломок небольшого четырехгранного в сечении зубила, длина сохранившейся части – 5 см (рис. 6: *16*), обломок изделия, возможно, фрагмента втулки (рис. 6: *14*), наклепка, возможно, относящаяся к конской упряжи (рис. 6: *10*), обломанное четырехгранное в сечении шило, различные острия.

К украшениям также относятся две стеклянные бусины. Одна из них, глазчатая, отлита из глухого желтого стекла с выпуклыми слоисто-щитковыми глазками, синий центр которых окружен узким синим и более широким белым кольцами. Диаметр бусины – 2,3 см, диаметр отверстия – 1,2 см. Бусина несколько оплавлена (рис. 6: *1*). Похожие бусы Е. М. Алексеева относит к типу 61, вариант В и датирует их концом I в. до н. э. – II в. н. э. [1, табл. 16: *60*]. М. Темпельманн–Мачинска подобные бусы датирует 150–220 гг. (период $B_1 – C_1$) [26, tab. 4, s. 20, 47–52].

Вторая бусина – желто-белого цвета луковичной формы, возможно, двучастная, с металлической прокладкой из золоченого листика, сечение круглое. Ее размеры: длина – 0,7 см, диаметр – 0,9, диаметр отверстия – 0,1 см. Бусина деформирована, по-видимому, побывала в огне (рис. 6: *2*). Как считает Е. М. Алексеева, стеклянные бусы с позолотой появились в Северном Причерноморье в III в. до н. э. К IV в. н. э. разнообразие золоченых бус резко сокращается [1, с. 28–29]. В VI–VIII вв. вместо золотых листков для прокладки стали употреблять серебряные [4, с. 221]. Бусина из Симонович несомненно

относится к римскому времени, так как для эпохи эллинизма характерны мелкие украшения. Бусы же римского времени крупнее и массивнее [1, с. 29]. М. Темпельманн–Мачинска датирует подобные бусы 220–450 гг. н. э. (период C_{1B} – D) [26, s. 19, tab. 2: *99–100*; s. 95, tab. 8].

К изделиям из камня относится обломок шлифованного топора-клина, исходным материалом для изготовления которого послужила сланцевая порода (рис. 6: *14*). XII–XIII вв. датируется фрагмент литейной формочки из розового сланца для отливки бусины (?) (рис. 6: *11*).

К позднему периоду жизни на поселении принадлежит находка медной монеты солида 1666 г. На лицевой стороне – изображение Я. Казимира (1648–1669), на оборотной стороне – «погоня» (рис. 6: *8*). Монета выпущена Виленским монетным двором, подскарбий Виленский Литовский Ироним Кришпин Киршенштейн (1662–1676) (определение Ш. И. Бектинеева). Вариант с эмблемой подскарбия в каталоге не отмечен [25, s. 117–118].

К I тысячелетию н. э. относится грунтовый могильник с захоронениями по обряду кремации. Он расположен на левом берегу ручья, севернее селища. Захоронения, очевидно, совершались в неглубоких ямах. Там же находятся несколько курганных насыпей, захоронения в которых связаны с более поздним периодом жизни на селище.

Полученный археологический материал свидетельствует о следующем. Впервые человек поселился на изученной территории в эпоху неолита и бронзы, что подтверждается находками кремневых изделий и обломков посуды. Тогда это было небольшое поселение с маломощным культурным слоем. О постоянном и длительном функционировании жизни на поселении можно говорить с начала второй четверти I тысячелетия н. э. На конец II – начало III в. указывают находки стеклянных бус: глазчатой и с золоченой прокладкой, посоховидной булавки с округлой головкой. К горизонту (II)III–V вв. следует отнести горшки с расширением корпуса в верхней части, лощеную посуду и посуду с расчесами, насечки и вдавления по краю венчика как прием декора. Часть керамики могла относиться к третьей четверти I тысячелетия н. э. Материалы железного века перекрывает древнерусский горизонт, представленный гончарной керамикой (XI)XII–XIII вв., обломком литейной формочки. На поселении встречена керамика XIV–XVI вв., а также некоторые предметы XVII в. (солид).

Литература

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева – М. : Наука, 1978. – 100 с. – (Свод археологических источников. – Г1–12).

2. Гурин, М. Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие) / М. Ф. Гурин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 126 с.

3. Данилайте, Е. А. Штрихованная керамика в Литве (некоторые данные по вопросу об этногенезе литовцев) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Е. А. Данилайте. – Вильнюс, 1967. – 32 с.

4. Деопик, В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. / В. Б. Деопик // Советская археология. – М., 1961. – № 3. – С. 202–232.

5. Звяруга, Я. Г. Паселішча на беразе возера Свір / Я. Г. Звяруга, А. М. Мядзведзеў // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 27–37.

6. Ильютик, А. В. Селище Дедново на Березине / А. В. Ильютик // Старажытнасці Бабруйшчыны. – Бабруйск, 1998. – С. 26–42.

7. Лашанкоў, М. І. Тыпалогія гліняных грузікаў з усходнепалескіх гарадзішчаў мілаградскай культуры / М. І. Лашанкоў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 5. – Мінск, 1989. – С. 72–81.

8. Лашанкоў, М. І. Матэрыяльная культура і заняткі насельніцтва / М. І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – С. 46–70.

9. Мальм, В. А. Промыслы древнерусской деревни X–XIII вв. / В. А. Мальм // Труды Государственного исторического музея. – М., 1956. – Вып. 32. – С. 106–138.

10. Медведев, А. М. Посоховидные булавки / А. М. Медведев // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1995. – № 7. – С. 172–201.

11. Мельниковская, О. Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская / АН СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1967. – 193 с.

12. Митрофанов, А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VIII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А. Г. Митрофанов / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1978. – 160 с.

13. Мядзведзеў, А. М. 1999. Кіеўская культура / А. М. Мядзведзеў // Археалогія Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – С. 290–298.

14. Обломский, А. М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.) / А. М. Обломский / Рос. акад. наук. Ин-т археологии. – М., 2003. – 255 с. – (Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. – Вып. 5).

15. Обломский, А. М. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э. / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский / АН СССР, Ин-т археологии – М., 1991. – 175 с.

16. Петрашенко, В. О. Слов'янски пряслица VIII–X стст. з правобережжя Середнього Подніпров'я / В. О. Петрашенко // Археалогія. – Київ, 1988. – № 62. – С. 24–33.

17. Поболь, Л. Д. Поселение железного века около д. Щатково Бобруйского района / Л. Д. Поболь // Белорусские древности. – Минск, 1967. – С. 182–242.

18. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1971. – 232 с.

19. Побаль, Л. Д. Праблемы славянскага этнагенезу (па даных археалагічных крыніц) / Л. Д. Побаль / АН БССР. Бел. кам-т славістаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 28 с.

20. Поболь, Л. Д. Жилища второй четверти I тыс. н. э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2001. – Вып. 3. – С. 102–153.

21. Рынейскі, А. Археалагічныя разведкі на р. Пціч / А. Рынейскі // Зап. аддз. гуманіт. навук Беларус. акад. навук. – Кн. Працы секцыі археалогіі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 197–214.

22. Сымонович, Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине / Э. А. Сымонович // Славяне накануне образования Киевской Руси / АН СССР, Ин-т археологии / Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1963. – Вып. 108. – С. 97–137.

23. Терпиловский, Р. В. Памятники киевской культуры : свод археологических источников / Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина / АН Украины, Ин-т археологии. – Киев : Наук. думка, 1992. – 224 с.

24. Шведов, А. А. О возрасте природных факторов и тенденциях развития геокомплексов Полесья / А. А. Шведов // Географические аспекты рационального природопользования. – Минск, 1985. – С. 25–29.

25. Kopicki, E. Katalog podstawowych typow monet i banknotyw polski ziem historycznie z Polska zwzanych. 1632–1795 / E. Kopicki. – Warszawa, 1977. – T. 3.

26. Tempelmann–Maczycska, M. Die Perlen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Phaze der Völkerwanderungszeit im Mitteleuropaischen Barbaricum / M. Tempelmann–Maczycska. – Mainz am Phein, 1985. – 335 p. – (Römisch-Germanische Forchungen. – Bd. 43).

Рэзюмэ

Н. М. Дубіцкая

Раскопкі паселішча Сіманавічы на р. Пціч

Пададзены высновы даследаванняў на паселішчы. За гады раскопак вывучана 535 м^2 плошчы паселішча. Атрыманы матырял сведчыць об некальких этапах засялення паселішча. Самы ранні матэрыял адносіцца да эпохі неаліта і бронзы. Аб пастаянным і працяглым функцыянаванні жыцця на паселішчы можна казаць з пачатку другой чвэрці I тысячагоддзя н. э. З канцом II – пачаткам III ст. звязаны знаходкі шкляных пацерак, пасахападобнай шпількі з акруглай галоўкай. Да гарызонта (II)III–V стст. адносіцца посуд з пашырэннем корпуса ў верхняй частцы, глянцаваны посуд, посуд з расчесамі, насечкі і ўціскання па краі венца як прыём дэкору. Акрамя таго на помніку знойдзены матэрыялы трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э., часоў Старажытнай Русі і ВКЛ.

Summary

N. Dubitskaya

Excavation of the settlement of Simonovichi on the Ptich River

The results of excavations on settlement. For years of investigations of its area it has been studied 535 sq. m. Several stages of settling of settlement are presented according to the received material. The earliest artifacts are referred to the Late Stone Age and Bronze Age. Constant and long functioning using of this site is noticed only from a second quarter of the 1st millennium AD. Glass beads, crook-shaped pins are pointed to the late 2nd – early 3rd centuries. Pots with broadened upper part, polished pottery, decorated with as scratches as strokes and imprints on the upper edges of vessels are dated back to the (2nd)3rd–5th centuries. The artifacts of the third quarter of the 1st millennium AD, the Ancient Rus and the GLD are presented on the settlement, too.

Поступила 14.04.2012

УДК 902.24:903.42(477)«12/14»

К. Н. Капустин, *аспирант Национального университета «Киево-Могилянская Академия», лаборант I категории Научных фондов Института археологии НАН Украины (Киев, Украина)*

«Взлет на холмы» и исторические реалии Южной Руси

В последнее время исследователи все чаще обращаются к анализу топографии, планировки, особенностей развития поселений второй половины XIII – XIV в. Наиболее обстоятельно данная проблема изучена по материалам раскопок средневековых памятников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Так, в работах С. З. Чернова рассмотрен процесс внутренней колонизации территории Московского княжества; А. В. Чернецова и М. Ю. Стрихалова – округи Старой Рязани; Н. А. Макарова и С. Д. Захарова – средневековых памятников в районе Кубенского озера [15, с. 131–150; 21, с. 18–33; 23, с. 88–92].

Что касается Южной Руси, то отдельные исследования в этом направлении проводились С. О. Беляевой (Среднее Поднепровье), Е. М. Веремейчик (междуречье Днепра и Десны), Ю. Н. Сытым (Задесенье), И. П. Возным (междуречье Серета и Днестра) [4, с. 51–65; 7, с. 19–65; 17, с. 91–95].

К сожалению, до сих пор остается нерешенным вопрос развития и трансформации поселенческих структур второй половины XIII – XIV в., не известно, был ли перенос поселений на водораздел вызван объективными природно-географическими, климатическими факторами или скорее произошел вследствие социально-экономических трансформаций в обществе. Цель работы – попытаться ответить на поставленный вопрос.

Как известно, в XII–XIII в. и особенно в XIV в. неукрепленные поселения все чаще основываются не в привычных топографических условиях (на берегах рек, озер и т. д.), а на водоразделе, вдалеке от открытых источников воды. Процесс, получивший в историографии название «взлет на холмы», характерен для территории не только Восточной, но и Западной Европы. Отметим, правда, что во Франции и Германии освоение водоразделов происходит в XI–XIII вв.; в Чехии и Польше – несколько позже, в XIII в. [24, с. 154–155]. Что касается территории Руси, то начало ее внутренней колонизации пришлось на период 1250–1350 гг., когда феодальное землевладение еще не сформировалось на большей территории страны, а общество, основанное на «служебной системе» и достаточно сильной княжеской власти, переживало свой расцвет [24, с. 155].

Однако, такие выводы применимы лишь для территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, что подтверждается не только письменными, но и археологическими источниками. На землях же Южной Руси наблюдаются несколько иные тенденции демографического развития. Так, абсолютное большинство селений второй половины XIII – XIV в. на землях Черниговского Полесья располагалось на незначительных возвышенностях в поймах рек или озер. Таким, например, было поселение «Пойма», открытое в 1984 г. А. В. Шекуном около с. Шестовица Черниговской обл. Здесь невыразительный культурный слой располагался на склоне пойменной, не заливаемой даже при высоком половодье возвышенности, вдоль западного берега старицы р. Десна, называемой местными жителями Коровель [5, с. 367].

В подобных условиях находились поселения близ с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. и с. Озаричи Конотопского р-на Сумской обл. Первое находилось на берегу затоки р. Днепр в его левобережной пойме; второе – в урочище Лутимнины Грудки на возвышенном останце над старицей р. Сейм [1, с. 5, 56].

На территории Днепровского Правобережья наблюдается несколько иная ситуация. Анализ топографии археологических памятников середины XIII – XV в. показал, что абсолютное большинство поселений продолжает существовать на берегах и в поймах рек, т. е. в тех же топографических условиях, что и в древнерусское время [11, с. 78–83].

Сохранение установившейся системы расселения происходит и в других регионах древнерусского государства (междуречье Серета и Днестра, Днепровское лесостепное Левобережье, Нижнее Поднепровье) [7, с. 261; 19, с. 75–77].

Чтобы понять, что же побуждало население одних регионов Руси переселяться на водораздел, а других оставаться «на месте», необходимо проанализировать конъюнктуру, сложившуюся в середине XIII в.

Прежде всего, попытаемся понять, как влияли природные факторы на процесс формирования поселенческой структуры середины XIII – XIV в.

Как известно, на территории Южной Руси распространены преимущественно суббореальные гумидные и суббореальные семигумидные типы ландшафтов. Они отличаются от бореальных ландшафтов, которые распространены в северных регионах Руси, прежде всего более высокой теплообеспечиваемостью. Запасы тепла здесь возрастают к югу, но одновременно в этом же направлении сокращается атмосферное увлажнение. И если по количеству осадков

бореальные и суббореальные типы ландшафтов не отличаются друг от друга, то по коэффициенту увлажнения эта разница хорошо прослеживается [10, с. 161–162, 176–177]. Речная сеть хорошо развита, особенно в лесной зоне. По мере продвижения на юг поверхностный и подземный сток все более уменьшается, снижается количество осадков, увеличиваются относительные потери на испарение, более глубоко залегают подземные воды [18].

В целом, такие природные условия удобны для ведения сельского хозяйства, занятия ремеслами, торговлей и т. д. Однако следует учитывать, что в конце XII – XIII в. заканчивается малый климатический оптимум и наступает малый ледниковый период, для которого характерны процессы дестабилизации климатических условий, похолодания, активизации циклонической деятельности, увеличение числа паводков и других климатических экстремумов [3, с. 33–34].

Изменения климата, вызванные объективными геофизическими, астрономическими и метеорологическими факторами [3, с. 35–36], привели к тому, что в середине XIII в. значительно увеличилась влажность природной среды северных регионов Руси, вследствие чего население вынуждено было переселяться в более сухие области – на водораздел. На юге же изменения климата не были столь ощутимы, поэтому поселения продолжали оставаться в тех же топографических условиях, что и раньше. Такие выводы подтверждаются результатами палинологических изысканий. Исследования А. Н. Кренке подтвердили, что изменения температуры и влажности в разных регионах Руси проходили неравномерно. Например, в центре Русской равнины влажность возрастала на протяжении IV–XV вв., а максимальные показатели зафиксированы на рубеже тысячелетий; на северо-востоке такие изменения фиксируются в V в., а на юго-востоке они менялись вместе с соответствующими температурными колебаниями [14, с. 34–38].

К схожим выводам пришел Е. П. Борисенко, который заметил, что «изменения и изменчивость климата в малый ледниковый период носили ярко выраженный региональный характер и что существенную, если не основную, роль в этих региональных изменениях играли циркуляционные процессы» [3, с. 34]. Даже на Северо-Востоке Руси «взлет на холмы» происходит не повсеместно, а регионально. Это хорошо прослеживается на примере сельских поселений волостей Пехорка и Воря, где в одном случае наблюдался процесс сохранения сложившейся системы заселения, а в другом – его полная трансформация [23, с. 91].

Не следует забывать и об антропогенном факторе. Ведь, зачастую, именно истощение природных ресурсов заставляло население двигаться на неосвоенные территории. Как известно, причиной упадка Белоозера было истощение промышленных ресурсов региона. Необходимость переориентации хозяйственного уклада на увеличение удельного веса аграрного сектора в экономике и расширения сельскохозяйственных угодий привела к созданию на противоположном берегу Белого озера нового центра сельскохозяйственной округи региона – Белозерска [9, с. 43–47]. На землях Южной Руси такие изменения, скорее всего, не происходили. Уменьшение в середине XIII в. антропогенной нагрузки на природу вследствие существенного сокращения количества населения позволило частично восстановить не только плодородность грунтов, но и экологический баланс в целом [16, с. 27—34].

По данным С. В. Кирикова, негативное антропогенное влияние на природу восточноевропейской лесостепи проявилось несколько позднее (в середине XVI – XVII в.), когда увеличилось количество населения и интенсивность промышленного производства [12, с. 48].

Нельзя также забывать и о том, что южнорусские земли находились в непосредственной близости от золотоордынских кочевий. Отсутствие единого политического организма и сильной княжеской власти негативно сказывалось на восстановлении и развитии производственных сил региона. Только после стабилизации военно-политической ситуации в середине XIV в. началась реколонизация южных рубежей Руси. Она проходила постепенно и проводилась путем возобновления «старых» и постройки новых замков, вокруг которых концентрировалось мирное население [8, с. 4]. Именно замки в XIV в. стали военно-политическим орудием колонизации территории Правобережной Украины [6, с. 56–58].

В Северо-Восточной Руси соответствующие условия для внутренней колонизации сложились уже в середине XIII в.

Так, по мнению С. З. Чернова формированию новой системы заселения Московского княжества в XIII в. способствовало усиление княжеской власти и последующее формирование волостной общины, которая оказалась наиболее приспособленной для земледельческого освоения обширных пространств региона [22, с. 130].

Сохранению постоянной топографии способствовало также возрождение функционирования речных торговых путей, обслуживанием которых и занималось население некоторых поселений (поселение «Пойма» близ с. Шестовица) [5, с. 371].

Отметим, что приречный тип поселений сохраняется на землях Южной Руси и позднее. Так, А. Шарко в 1901 г. писал, что «села и деревни Малороссии ютятся обыкновенно вблизи рек, занимая места, непригодные для обработки в пахотные поля» [25, с. 119].

В Полесье это было вызвано тем, что разработка небольших полевых подсечных участков в окруже-

нии леса, в низинах или на водоразделе приводила к затенению последних, застою воздуха, туманам, увеличению влажности и наступлению ранних заморозков. Поля, расположенные на берегах рек (островах, мысах, в поймах) имели лучший дренаж, циркуляцию воздуха, равномерный ход суточных температур, что позитивно влияло на урожайность и эффективность ведения сельского хозяйства [20, с. 22]. Кроме того, природные условия Полесья более всего подходили для архаической «пойменной» формы земледелия «когда производилось разбрасывание зерна (проса) в черную потрескавшуюся поверхность пересохших болот» [2, с. 105].

В южных регионах, где климат более аридный, основным источником влаги оставались открытые водоемы и реки, возле которых и продолжало селиться население. К примеру, абсолютное большинство поселений Южного Поднепровья расположены на берегах рек, реже на островах [13, с. 6].

Таким образом, видна четкая зависимость системы заселения от множества факторов (природных, антропогенных, политических и т.д.). На севере Руси общая конъюнктура способствовала освоению водоразделов уже в послемонгольское время, а на юге эти условия сложились значительно позже – в XVII–XVIII вв.

Литература и источники

1. Беляева, С. О. Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. / С. О. Беляева, А. І. Кубишев. – К., 1995.
2. Бондарчук, В. К. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчук, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская. – К., 1988.
3. Борисенко, Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. / Е. П. Борисенко, В. М. Пасецкий. – Л., 1985.
4. Веремейчик, О. М. Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої Десни та Дніпра у IX–XIII ст. / О. М. Веремейчик // Україна і Росія в панорамі століть. – Чернігів, 1998. – С. 51–65.
5. Веремейчик, Е. М. Поселение «Пойма» около Шестовицы близ Чернигова / Е. М. Веремейчик // Чернігів у середньовічні та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. – Чернігів, 2007. – С. 366–378.
6. Виногродська, Л. І. Замок у соціально-просторовій структурі міст і містечок Правобережної України XIV–XVII ст. / Л. І. Виногродська // Сучасні проблеми археології : зб. наук. праць. – К., 2002. – С. 56–58.
7. Возний, І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст. / І. П. Возний. – Чернівці, 2009. – Ч. 1 : Поселення.
8. Грушевський, М. С. Южнорусские господарские замки въ половине XVI века : ист.-стат. очерк / М. С. Грушевський. – М., 1890.
9. Захаров, С. Д. «На Беле озере два городка» / С. Д. Захаров // Русь а XIII веке : Континуитет или разрыв традиций : тез. докл. – М., 2000. – С. 43–47.
10. Исаченко, А. Г. Ландшафты СССР / А. Г. Исаченко. – Л., 1985.
11. Капустін, К. М. Тенденції демографічного розвитку Правобережжя Київської землі у середині XIII–XV ст. / К. М. Капустін // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи : матеріали VIII Міжнар. студентської наук. археолог. конф., Чернігів, 10–12 квітня 2009 р. – Чернігів, 2009. – С. 78–83.
12. Кириков, С. В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X–XIX в. / С. В. Кириков. – М., 1979.
13. Козловський, А. О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. / А. О. Козловський. – К., 1992.
14. Кренке, А. Н. Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным показателям) / А. Н. Кренке [и др.] // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.,1989. – С. 34–38.
15. Макаров, Н. А. Накануне перемен : сельские поселения на Кубенском озере в XII–XIII века / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров // Русь в XIII веке : Древности темного времени. – М. 2003. – С. 131–150.
16. Романчук, С. П. До використання природних ресурсів Придніпров'я в епоху Київської Русі / С. П. Романчук // Фізична географія та геоморфологія. – 1975. – Вип. 13. – С. 27–34.
17. Ситий, Ю. М. Поселення X–XIV ст. північно-західної частини Чернігівського Задесення / Ю. М. Ситий // Україна і Росія в панорамі століть. – Чернігів, 1998. – С. 91–95.
18. Соколов, А. А. Гидрография СССР [Электронный ресурс] / А. А. Соколов. – Л., 1952. – Режим доступа : http://www.abratsev.narod.ru/biblio/sokolov/p1ch18b.html. – Дата доступа : 05.05.2012.
19. Супруненко, О. Б. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя / О. Б. Супруненко, В. В. Приймак, К. М. Мироненко. – К. ; Полтава, 2004.
20. Томашевський, А. П. Правобережне Полісся / А. П. Томашевський // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). – К., 2003. – С. 4–26.
21. Чернецов, А. В. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований / А. В. Чернецов, И. Ю. Стрикалов // Русь в XIII веке : Древности темного времени. – М., 2003. – С. 18–33.
22. Чернов, С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины / С. З. Чернов // Советская археология. – М., 1991. – №1 – С. 112–133.
23. Чернов, С. З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в. : «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1990-х годов волостей Пехорка и Воря) / С. З. Чернов // Русь а XIII веке : Континуитет или разрыв традиций : тез. докл. – М., 2000. – С. 88–92.
24. Чернов, С. З. Аграрная микроистория на примере Волока-Ламского и Радонежа (XIV–XVI вв.) и особенности раннемосковского общества / С. З. Чернов // Cahiers du Monde russe. – 2005. – № 46/1–2. – С. 147–156.
25. Шарко, А. Малороссийское жилище / А. Шарко // Этнографическое обозрение. – М., 1901. – № 4. – С. 119–131.

Резюме

К. М. Капустін

«Злет на пагорби» та історичні реалії Південної Русі

В сучасній історичні науці існує кілька поглядів на проблему зміни топографії неукріплених поселень у другій половині XIII–XV ст. Для території Середнього Подніпров'я жодна концепція не може бути використана, як така, що найбільш повно характеризує процес розвитку окремих поселенських структур післямонгольського часу. Використання комплексного підходу для вирішення цього питання дозволило зробити певні висновки згідно яких, зміна топографії поселень відбувалася під впливом багатьох факторів, які різнилися відповідно до природно-географічних, політичних та кліматичних умов окремого регіону.

Summary

K. Kapustin

«Fly to the hills» and the historical realities of the South Russ

Modern historical science has several points of view concerning the problem of unfortified settlement topography changes in the second half of 13th–15th centuries. Any of these concepts cannot be employed as the one that entirely describes the process of Post Mongolian separate settlement structures development. The use of combined approach towards solution of this problem made it possible to draw certain conclusions in accordance with which the change of settlement topography took place under the influence of many factors which differentiated according to geographical environment, political and climatic conditions of the separate region.

Поступила 07.06.2012

УДК 94(476.5)

О. Н. Левко, *заведующая Центром истории доиндустриального общества Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Роль Менского княжества в территориально-административном и политическом развитии Полоцкой земли

Начальная история древнего Минска сочетает в себе наиболее характерные компоненты переходного этапа от племенного строя к государственному на большой территории и раскрывает механизм проходившей политической борьбы у истоков этого процесса. Полоцкое государство изначально развивалось на одном стадиальном уровне с Киевской Русью, в состав которой также вошли Новгородская и Смоленская волости (земли). Поэтому, все исторические процессы X–XII вв. в Восточной Европе были в одинаковой степени типичными как для Киевской Руси, так и для Полоцкой земли.

Менская волость в племенную эпоху. На р. Мена или Менке, притоке верхнего течения р. Птичь у современной д. Городище в 16,7 км юго-западнее г. Минска в IX–XI вв. располагался центр обширной и густо заселенной Менской волости (княжества). В пользу такого вывода свидетельствуют результаты научных археологических исследований, проводившихся на комплексе расположенных здесь памятников (два городища и прилегающие к ним три селища) в 1970-х и 1990-х годах.

В 1968 г. Э. М. Загорульским, а в 1969 г. М. А. Ткачевым были прорезаны валы малого и большого городищ с целью выяснения времени их сооружения. Установлено (М. А. Ткачевым), что вал большого городища насыпан не ранее IX в.[1], а до этого времени на его территории располагалось неукрепленное поселение рядом с малым городищем, имевшим земляной вал [1]. Такая структура поселений характерна для родоплеменной эпохи. В 1969–1971 гг. Г. В. Штыхов произвел вокруг городищ сплошное обследование распахиваемых полей и установил, что городища окружены тремя обширными селищами, общая площадь которых составляет более 30 га [2, с. 66]. В 1992 г. Ю. А. Заяц установил, что помимо селища середины–третьей четверти I тысячелетия н. э., располагавшегося на территории большого городища, примыкающего к малому городищу, содержащему как напластования с материалами эпохи раннего железного века (культура штрихованной керамики), так и банцеровской культуры, единовременное ему селище находилось на противоположном, левом берегу р. Менка в 0,25 км от малого городища [3, с. 118]. Таким образом, нам представляется возможным утверждать, что поселения, возникшие у д. Городище на р. Менка в железном веке, получили свое развитие в раннем средневековье и заложили основу формирования племенного центра.

В окрестностях археологического комплекса на р. Менка в 1980–90-е годы Г. В. Штыховым и Ю. А. Заяцем были выявлены и исследовались многочисленные обширные сельские поселения X–XI вв., принадлежавшие населению, которое обслуживало волоки на ответвлении пути «из варяг в греки» по рекам Птичь, Свислочь, Березина. В пользу того, что именно комплекс поселений у д. Городище (городища и селища) стал сначала центром племенной территории (волости), а позднее трансформировался в ранний город – центр княжества, говорят и находки в его окрестностях трех крупных монетных кладов, датируемых с 816 г. по конец X в.

Кто же собирал дань с Менской волости в процессе огосударствления племенных территорий? В раскопе VIII на большом городище Г. В. Штыхов собрал 8 днищ горшков с клеймами в виде трезубца – княжеского знака Владимира Святославича. Неоднократно обнаруживались они в раскопках селищ как менковского комплекса, так и его округи на р. Птичь. Довольно часто встречаемые в раскопках клейма позволяют считать, что населенная еще с племенной поры дреговичами данная волость в конце X в. была данником Киева [4, с. 43].

Изучая верховья р. Свислочь, Ю. А. Заяц проследил трансформацию на протяжении X в. поселений с территории, занятой впоследствии крепостью Замэчек и ранними городскими посадами Изяславля. Он установил, что городу предшествовал неукрепленный поселок полоцких дружинников-кривичей первой половины X в. В 50–60-е годы X в. на левом берегу Свислочи возникает второй славянский, но не кривичский (вероятно, дреговичский) поселок. Исходя из клейм князя Святослава Игоревича на керамике могильника, принадлежавшего населению данного поселка, исследователь предположил,

[1] Ю. А. Заяц полагает, что более правильным будет датировать вал большого городища концом X в., сопоставив его прорезку М. А. Ткачевым с прорезкой, выполненной Г. В. Штыховым в 1979 г. См.: Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 9. – С. 30.

что этот поселок был пунктом сбора дани в пользу Киева. Позднее, уже при Владимире Святославиче, клейма на днищах сосудов появляются и в правобережном (кривичском) поселке. Это свидетельствует о времени, когда Полоцкое княжество подпало под власть Владимира. Северо-западный рубеж Киевской Руси был обозначен крепостями после похода Владимира на ятвягов в 983 г. Видимо, и крепость Изяславля, отделившая вотчину Изяслава и Рогнеды от киевских владений (в том числе и Менской волости), появилась в их числе [5, с. 48–49]. Как видим, здесь был первоначальный рубеж между Киевской Русью и Полоцким княжеством.

Менское княжество с центром на Менке. В первой четверти XI в. Менская волость, заселенная дреговичами, была самостоятельной территориально-административной единицей в составе Киевской Руси. По соглашению между Ярославом Мудрым и его племянником Брячиславом полоцким в 1024 г. Менская волость вошла в состав формирующегося государственного образования Полоцкая земля [6, с. 10]. Северная ее часть примыкала к Изяславской волости, основанной, видимо, в конце X в., когда на юго-западном рубеже Полоцкого княжества с Киевской Русью была построена крепость Изяславль, отданная Владимиром Святославичем своем сыну. На юге Менская волость граничила с волостями, подчиненными Киеву. Одна из них – волость Дреговичи, крепости которой (Клеческъ, Копыль, Случескъ) на данном пограничье известны по источникам, описывающим события XII в. Но, судя по археологическому материалу [7, 8], они могли быть возведены после вхождения Менской волости в состав Полоцкой земли, т. е. в XI в. и, таким образом, обозначили новый, более южный рубеж между Полоцкими и Киевскими владениями.

Летопись сообщает, что в 1116 г. Глеб менский «воевал Дреговичи и Случеск», который в это время уже существовал. А в 1149 г. Святослав Ольгович черниговский «взя и Случьск и Клечьск и вси Дреговичи» [9, стб. 282; стб. 384]. Очевидно, что Слуцк, Клецк, а, следовательно, и находящийся между ними Копыль, в XII в. относились к волости Дреговичи, располагавшейся между Менским княжеством и Туровской землей [10, рис. 1].

Летописи под 1067 г. отразили трагическое событие в истории Менска, когда объединенными силами трех сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода был разрушен этот город, убиты все мужчины, а женщины и дети взяты в качестве военной добычи. В решающей битве, происходившей уже на р. Немига между Ярославичами и Всеславом полоцким (сыном Брячислава) победу одержали южнорусские князья. Это событие имеет, несомненно, глубокую мотивацию, а не просто «давнее военное соперничество Полотчины с Киевщиной» [11, с. 16]. К такой мотивации, на наш взгляд, можно отнести: 1) этническое единство территории Менской волости с дреговичскими землями, вошедшими в состав Киевской Руси, что создавало прецедент для попытки их воссоединения; 2) передачу Ярославом Мудрым данной волости Полоцкой земле, вероятно, на определенных политических условиях; 3) нежелание сыновей Ярослава считаться с этими условиями и утратой земельных владений в пользу Полоцка; 4) и, наконец, предшествующее этому походу нападение Всеслава полоцкого на Псков (1065 г.) и Новгород (1066 г.).

В конце X – XI в. малое городище на р. Менка выполняло функцию детинца раннесредневекового города. На его территории найден привезенный из Северного Причерноморья уникальный амулет из египетского фаянса цвета бирюзы в виде плоской бусины с рельефным изображением крылатого божества. К этому времени относятся раннекруговые сосуды, наконечники ножен мечей, стрел, предметы снаряжения всадника и коня, застежки плащей (фибулы). Примыкающее к детинцу, плотно заселенное большое городище выполняло функцию укрепленного окольного города. Здесь обнаружено 86 фрагментов амфор, свидетельствующих о торговле с южными землями.

На территории неукрепленного селища (раннегородского посада), окружавшего детинец и окольный город, выявлены уникальные свинцовые печати XI в. На одной из них – поясное изображение двух святых, на другой – архангела Гавриила в полный рост. Здесь же найдена костяная шахматная фигура коня наиболее раннего из известных типов с территории Киевской Руси. На селище также впервые на территории Беларуси зафиксированы мастерские по изготовлению пряслиц из овручского шиферного сланца. Стеклянные бусы, характерные для раннегородских слоев, поставлялись с южных территорий. Часть из них на поселении Менка представлена подъемным материалом (более 100 штук), другие обнаружены в культурном слое X–XI вв. Нижние слои крупных поселений, расположенных в направлении современного центра г. Минска по течению р. Птичь в ее верховьях, а также на р. Лошица датированы X–XI вв. Находки серебряной монеты, чеканенной в Германии в X в., клада серебряных арабских дирхемов и западноевропейских денариев, захороненного в землю около 1000 г. указывают на обслуживание местным населением волока от городища на р. Менка до р. Свислочь [12, с. 21].

Несомненный раннегородской характер материальной культуры поселенческого комплекса на р. Менка у д. Городище, его значительные размеры (вместе с городищами около 40 га), развитая сеть окружающих его поселений вдоль волоков в период функционирования пути «из варяг в греки», указы-

вают на неординарность этого комплекса, его ведущее положение в регионе в IX–XI вв. К концу данного периода жизнь на Менке почти прекратилась. Вероятно, этому способствовал поход Владимира Мономаха в 1084–1085 гг., ознаменовавшийся тем, что он, как написано в его «Поучении»: «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» [13, ч. 2, с. 160].

Поход Владимира Мономаха на Менск на р. Мена, видимо, был спровоцирован Всеславом полоцким, который неустанно трудился над расширением и укреплением государственных границ Полоцкой земли. В чем суть этой провокации и реакции на нее Владимира Мономаха? Известно, что около 1085 г. сын Всеслава полоцкого Глеб женится на Анастасии – дочери владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича, отец которого входил в состав триумвирата южнорусских князей. Переговоры о сватовстве Всеслав с Изяславом вели еще в 1073 г.: «Изъяславъ сватися со Всеславомъ, мысля на наю», отмечали братья Изяслава [13, ч. 1, с. 121]. Это было обоюдовыгодным в свете возможного усиления позиций Изяслава, с одной стороны, и дальнейшего закрепления за Полоцком Менской волости после демонстративного похода Ярославичей в 1067 г. на Менск, с другой стороны. Женившись, Глеб получил от отца Менскую волость в удел и с этих пор можно говорить о Менском княжестве как качественно новой структурной составляющей в пределах Полоцкой земли. Владимир Мономах, сын Всеволода Ярославича, сменивший отца на киевском столе, оказался перед лицом уже двух противников со стороны Полоцкой земли, занимавших княжеский стол: Всеслава полоцкого и Глеба менского. Он пошел на Менск с целью показать свою непримиримость по отношению к полоцкому княжескому дому и его политическим устремлениям. Не оставил он без внимания, как считают исследователи [14, с. 18], и тестя Глеба менского – Ярополка Изяславича, с владений которого начал свой поход, вынудив тем самым последнего бежать в Польшу.

Менск на Свислочи – новый центр Менского княжества. Основанный в конце XI в. на р. Свислочь город стал преемником Менска на р. Менка, воплотив в себе функции центра княжества. Почему произошел перенос Менска с р. Менка на р. Свислочь на расстояние 16,7 км? На территории Беларуси, как и других восточноевропейских государств, прослежены переносы территориально-административных центров определенной округи в эпоху средневековья. Причины этих переносов различны. Однако в качестве основной всегда выступало изменение политико-экономической ситуации. Сложный процесс трансформации Менска из племенного центра в раннегородской центр волости-удела и перемены его местоположения схож с историческими вехами преемственности между племенным и раннегородским центрами Гнездово и Смоленском. Но есть и другой аспект. Просматриваются различия в размещении княжеской резиденции внутри отдельных разностадиальных территориально-политических структур. Так, если подчеркивалась родовая связь князя с населением управляемой им территории, то его резиденция располагалась в пределах племенного центра и в раннегосударственный период (например, полоцкое городище). Если князь получал управление территорией, с населением которой не был связан родовыми узами, то его резиденция располагалась в другом месте (Рюриково городище, Смоленск, Менск на Свислочи) и как бы противопоставлялась подвластной ему территориально-административной структуре.

Детинец нового Менска на Свислочи имел площадь 3 га, и, как показали археологические исследования, был обнесен мощным валом с въездными воротами. Такой размах в возведении оборонительных укреплений, с одной стороны, свидетельствует о привлечении значительных денежных и людских ресурсов. С другой стороны, просматривается намерение полоцких князей упрочить свои позиции в вопросе политического противостояния Киевской Руси. Последующие события 1104 и 1116 г. подтвердили значение фортификационных сооружений в обороне Менска на р. Свислочь. Ю. А. Заяцем аргументированно опровергнуты предположения Э. М. Загорульского о том, что выявленные на замчище прослойки пожаров следует связывать с военным нападением на Менск в 1067 и 1084 г. [15].

Территория минского замчища исследуется с перерывами с 1945 г., однако имеется ряд важных вопросов, на которые до сих пор не получены ответы. К ним относятся время закладки фундаментов каменного храма и местоположение княжеского двора. В стадии дискуссии остаются соотношение Минского замчища с археологическим комплексом на р. Менка, конструкция и время возведения оборонительных сооружений замчища. Лишь в последние годы удалось найти располагавшийся за пределами замчища в районе современных улиц Кирилла и Мефодия городской неукрепленный посад XII в. [16, 17].

Территориально-административная структура Полоцкой земли до конца XI в. В основе государственной территории Полоцкой земли лежала волость (княжение) полочан, ядро которой занимало междуречье Уллы и Ушачи. Обе реки впадали в Западную Двину. Территориальный рост Полоцкой волости осуществлялся изначально в западном и южном направлениях. На западе Полоцк привлекали районы, населенные литвой и латгалами, которые могли платить дань, а также устье Западной Двины. Как показали археологические исследования, проведенные на Замковой горе г. Браслава, ран-

негородскому слою XI в. здесь предшествовало поселение второй половины I тысячелетия н. э., причем верхние раннегородские напластования сменили слои, связываемые с культурой длинных курганов [18]. Можно полагать, что полоцкие кривичи овладели этой территорией еще в период становления княжения, т. е. в племенную эпоху, а при полоцком князе Брячиславе (1001–1044 гг.), здесь была основана порубежная крепость с волостью.

На юг от Полоцка вели водные пути, связывающие его с Днепровским бассейном. На водоразделе Днепра и Западной Двины в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах и сегодня имеются населенные пункты с названиями «Межа», «Межеево», «Полочане», «Смоляне», «Смолянцы», которые свидетельствуют о пограничье, установившемся между смоленскими кривичами из Оршанского Поднепровья и полочанами к концу IX – X в. В бассейне р. Друть и ее притоков в Оршанском Поднепровье в это время сложилась племенная территория с центром в Друцке, в зоне волоков и левых притоков Западной Двины обозначилось племя «лукомян» с центром в Лукомле [19, с. 5].

В конце X – начале XI в. власть Полоцка распространилась на Лукомльскую волость. Этот вывод, на наш взгляд, подкрепляется выявленным Г. В. Штыховым при раскопках Лукомльского городища пожаром [2, с. 44] и сооружением новых оборонительных укреплений городища в Лукомле [20, с. 111]. В своем «Поучении» Владимир Мономах упоминает о том, как сжег Друцк и Лукомль (1078 г.), совершая поход на Полоцкие владения, что указывает на принадлежность в XI в. данных волостей к Полоцкой земле. Наряду с Лукомлем и Друцком в «Поучении» упомянут центр еще одной волости – Логожской, на северо-западе примыкающей к Изяславской волости. Логожск в XI в. как и другие крепости Полоцкой земли фиксировал пограничье с Киевской Русью. В последние годы Г. В. Штыховым проведены исследования на р. Логоза в 9 км от Замковой горы, расположенной на берегу р. Гайна и являющейся той крепостью, которую «воевал» Владимир Мономах в 1078 г. Установлено, что Логойской крепости у южных рубежей Полоцкой земли предшествовало значительное поселение I тысячелетия н. э., являвшееся племенным центром округи. Как показывают археологические материалы, данная округа была заселена в IX–X вв. населением, аналогичным Друцку и Лукомлю (смесь культуры длинных курганов с роменско-боршевской и Лука-Райковецкой культурами). В XI в. поселение на р. Логоза приходит в упадок, видимо, после возведения крепости на р. Гайна [21, с. 181]. Только в последние десятилетия XII в. Логожская волость становится уделом, о чем свидетельствует упоминание под 1180 г. в Ипатьевской летописи князя Всеслава Микулича из Логожска, а под 1186 г. в Лаврентьевской летописи назван князь «из Логожьска Василко Володаревич» [34, стб. 403]. Возможно, позднее образование Логожского удела повлияло на его размеры, которые могли соответствовать исторически сложившейся территории волости, на основе которой он был создан.

Град-крепость Замэчек (Изяславль), возникший на юго-западных рубежах Полоцкой земли в конце X в., положил начало Изяславской волости. Видимо, предполагалось, что сын киевского князя Владимира и полоцкой княжны Рогнеды Изяслав будет управлять в качестве наместника Владимира Полоцким княжеством из Изяславля, расположенного на границе с киевскими землями. Однако Изяслав занял стол в Полоцке в качестве наследника линии его деда Рогволода, тем самым подтвердив свою родственную связь с полочанами и положив начало новой династии полоцких князей, состоявших также в родстве с киевским княжеским домом [22, с. 18–19]. Направление развития территории Изяславской волости (северо-запад) определяется по порубежной крепости Лошеск (Лоск) в верховьях р. Березина Неманская. Не позднее начала XI в. здесь возникло поселение, давшее ему начало [23, с. 14].

Печать полоцкого князя Изяслава (найдена в Новгороде) подтверждает, что он являлся верховным распорядителем государственной земли, и, следовательно, полноправным главой Полоцкого государства. События первых десятилетий XI в. показывают развитие отношений партнерства между Киевом и Полоцком. В Киеве построен двор полоцкого правителя Брячислава. А самому Брячиславу уже Ярослав Мудрый предлагает: «Буди же с мною един» [24, с. 77]. Этот договор скреплен передачей в 1021 г. Полоцкому княжеству двух волостей на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвинье: Витебской и Усвятской.

Восточный рубеж Витебской волости со Смоленским княжеством, проходил по нижнему течению р. Усвяч, р. Каспле, р. Рутавечь до оз. Рутавечь, где располагался волок к р. Березина. Южная граница Витебской волости, отделяющая ее от Оршанского Поднепровья, обозначена р. Рубежница, подходящей к оз. Рутавечь. Таким образом, граница Полоцкой земли на юго-востоке в первой половине XI в. не доходила до р. Днепр [25, с. 175]. Каменный крест с изображением древнего герба Полоцка, выявленный в д. Межево, расположенной на р. Скунья Оршанского района подтверждает местоположение юго-восточной границы Полоцкой земли в XI в. С установлением в Смоленске во второй половине XI в. власти киевских наместников левобережье Верхнего Поднепровья переходит под контроль Смоленска и здесь формируются волости, составившие западную периферию территории этого княжества в составе Киевской Руси.

Кульминационными событиями XI в. для Полоцкой земли, видимо, можно считать пленение Всеслава полоцкого с сыновьями на р. Рша в 1067 г. Ярославичами и затем вокняжение его в Киеве. Этим двум неразрывно связанным событиям предшествовал ряд военных операций, инициированных Всеславом полоцким. Как уже отмечалось, правление Брячислава полоцкого благотворно сказалось на расширении границ Полоцкой земли, стабилизации отношений с Киевской Русью, приобретении возможности контролировать Двинский путь (через города-колонии Герсике и Кукейнос) и Двинско-волховский (через Усвят). Но ситуация меняется с приходом к власти его сына Всеслава. Еще в 1060 г., будучи молодым человеком, Всеслав участвовал вместе с южнорусскими князьями, сыновьями Ярослава Мудрого, в походе на торков. А уже спустя пять лет он начал демонстрировать свои притязания на принадлежащие Киевской Руси владения. Ю. А. Заяц считает, что Всеслав полоцкий, нападая в 1065 г. на Псков, а в 1066 г. на Новгород, имел целью обратить на себя внимание родственников по линии Рюрика, с тем, чтобы заявить свое право на киевский престол [26, с. 92, 93]. На наш взгляд, для Полоцкой земли было важным приобретение выхода в Днепр, не через р. Друть, где стояла крепость Друцк, удаленная от низовьев Друти на значительное расстояние и не контролирующая их, а непосредственно вблизи юго-восточной границы с Киевскими и Смоленскими владениями. Поэтому после кровавой битвы на р. Немига в 1067 г. и разграбления Ярославичами Менска, Всеслав предпринял попытку летом 1067 г. завладеть выходом из р. Днепр к верховьям Лучесы, впадающей в Западную Двину. Здесь, на р. Рша Ярославичи обманом взяли его в плен и посадили в Киеве в «поруб» (тюрьму). Неожиданным стал финал этих событий, когда спустя 14 месяцев Ярославичи потерпели поражение от половцев на р. Альта и в Киеве вспыхнуло восстание. Недовольные своими князьями, препятствовавшими новому походу на половцев, киевляне освободили Всеслава из тюрьмы и возвели на киевский престол. Результатом этих неоднозначных событий были дальнейшая нестабильность княжеской власти в Киеве (бегство Всеслава в Полоцк, изгнание Изяслава Ярославича дважды из Киева, захват верховной власти Святославом и Всеволодом Ярославичами), переговоры между Изяславом и Всеславом о женитьбе Глеба полоцкого на Анастасии, внучке Изяслава. Среди трех киевских князей, наследников Ярослава Мудрого, лишь один Всеволод сохранял последовательную линию непримиримости к полоцкому князю. От него эта враждебность перешла к его сыну Владимиру Мономаху. Последние десятилетия XI в. показывают обострение борьбы между Всеволодом и Владимиром Мономахом, с одной стороны, и Всеславом полоцким, с другой. После вокняжения Всеволода в Киеве в 1078 г., Всеслав напал на Смоленск, а Владимир Мономах сделал рейд по центрам ряда волостей Полоцкой земли: Лукомлю, Логойску и Друцку, а в 1084 г. опустошил Менск. Ю. А. Заяц видит в этом противостоянии все тот же мотив соперничества в борьбе за киевский великокняжеский стол, полагая, что по княжьему праву Всеслав полоцкий должен был занять его раньше Всеволода [26, с. 108–109]. Мы же считаем, что в основе усугубления конфликта между Всеволодом и Всеславом лежали узкосемейные интересы, стремление обеспечить своих наследников дополнительными владениями. Именно этот аспект выступает наиболее ярко в первые десятилетия XII в., когда на сцену противостояния вышли Глеб менский и Владимир Мономах.

Роль Менского княжества в территориально-политической структуре Полоцкой земли XII в. Выделение Всеславом полоцким в конце XI в. в управление сыну Глебу *на родовом праве* Менского удела из числа волостей, подчинявшихся непосредственно Полоцку, стало началом необратимых процессов в историческом развитии Полоцкой земли, как и других государственных образований Восточной Европы. Во-первых, с рубежа XI/XII вв. появились *уделы-вотчины на феодальном праве* (начало им положило решение, принятое князьями Киевской Руси в Любече в 1097 г. о наследовании вотчин). Во-вторых, после смерти Всеслава полоцкого (1101 г.) произошел раскол среди его наследников, которым хотелось получить долю отчины и определенную политическую самостоятельность.

Что же представляла собой территориально-политическая структура Полоцкой земли к началу XII в.? *Полоцкая волость* в узком смысле, как и *Русская земля* в Киевской Руси, была основой государственной территории и уже по этой причине не могла стать наследуемой вотчиной ни одного из князей, занимавших полоцкий стол. Она лишь давала возможность князьям, во время их пребывания во главе Полоцкой земли, получать дополнительные доходы и поэтому полоцкий стол продолжал оставаться притягательным для удельных князей XII в. С Полоцкой волостью неразрывно была связана *Лукомльская волость,* подчиненная Полоцкой земле с рубежа X/XI вв. (при Изяславе, или в самом начале правления Брячислава). Она представляла собой, на наш взгляд, домениальное владение полоцкого княжеского рода [27, с. 120]. Граничившая с Полоцкой волостью, она, судя по археологическому материалу с территории Лукомльского городища, окрестных селищ и могильников, использовалась для содержания и обслуживания семьи полоцкого княжеского рода, его дружины. Примечательно, что Лукомль не выполнял функции порубежной крепости, и в последу-

ющее время ни один удельный князь не претендовал на эту волость как часть отчины. Уже после включения территории Полоцкой земли в состав Великого Княжества Литовского, сын великого князя Ольгерда, Андрей полоцкий, выступивший против Кревской унии, в 1386 г. занял с войском Лукомль. Затем он овладел той частью территории ВКЛ, которая представляла собой Полоцкое княжество (королевство) после распада Полоцкой земли (сюда входили Полоцк, Дрисса, Друя и Лукомль с волостями) [28, с. 316–317]. Лукомль был также одним из опорных пунктов Свидригайло Ольгердовича во время гражданской войны 1430-х годов [29, с. 154–155; 30, с. 87]. Эти немногочисленные сведения позволяют рассматривать Лукомльскую волость, как неотъемлемую составляющую собственно Полоцких владений вплоть до конца XV в.

Что же касается других волостей, из которых складывалась территория Полоцкой земли на рубеже XI/XII вв., то это были волости с центрами-крепостями в пограничных зонах (Браславская, Изяславская, Логожская, Друцкая, Витебская, Усвятская) и все они подчинялись непосредственно Полоцку. Впоследствии на основе ряда волостей были созданы вотчинные владения особых ветвей полоцкого княжеского дома, главными из которых были наследники Борисовичей (или Рогволодовичей) друцких, Глебовичей менских, Васильковичей витебских. Причем инициировали создание таких вотчин князья, занимавшие в какой-то период полоцкий стол.

Борис Всеславич, наследовавший (как старший сын ? – *О. Л.*) полоцкий стол после смерти Всеслава, победив ятвягов в 1102 г., «поставил *град* Борисов в своё имя и людьми населил» [31, с. 123]. Город был заложен на левом берегу р. Березина, а его волость располагалась вдоль обоих берегов реки в верхнем ее течении между Логожской (на западе), Лукомльской и Друцкой (на северо-востоке) волостями. Южнее ее находились земли Менского княжества – удела Глеба, севернее – территория Полоцкой волости. Границы Борисовской волости на северо-западе и востоке, видимо, отмечают так называемые Борисовы камни [32, с. 249–260]. Один из них зафиксирован возле д. Каменка (современный Вилейский район Минской области) в верховьях р. Вилия на границе с Полоцкой волостью. Второй находился на пограничье с Лукомльской и Друцкой волостями возле д. Высокий Городец (современный Толочинский район Витебской области). Археологически установлено, что культурный слой в Старом Борисове (центр волости) датирован XII–XIII вв. и соответствует значимости данного поселения [2, с. 100–102].

Возможно, что местоположение вновь образованной волости и ее размеры обеспокоили Глеба менского в свете новых принципов формирования феодальных уделов. В Логожской и Друцкой волостях, сопредельных с Борисовской вотчиной, удельных князей не было, и они также, как Полоцкая и Лукомльская волости, находились под властью Бориса, бывшего в это время полоцким князем. Глеб мог опасаться укрепления Бориса в роли собственника и его притязаний на большую часть территории Полоцкой земли. Поэтому ответным шагом менского князя, видимо, стал захват Друцкой волости, а также он попытался закрепиться в Оршанском Поднепровье, построив для этого *крепость Оршу* на правом берегу р. Днепр, напротив *крепости Копысь*, расположенной на левом берегу этой реки и отмечающей западный рубеж Смоленского княжества [25, с. 172–180]. Археологический материал подтверждает возведение оборонительных сооружений на городищах в Копыси и Орше в конце XI – начале XII в. Кроме того, время сооружения крепости Орша можно отождествлять со временем образования Оршанской волости, подвластной Глебу, так как ранее данная территория подчинялась погосту в Черкасово, бывшем центром сбора дани в пользу Киевской Руси [33].

В этой связи приобретает смысл сообщение летописи о новом походе южнорусских князей на Менское княжество в 1104 г. «Сего же лета исходяща, посла Святополкъ Путяту на Менеск, а Володимеръ – сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глеба, *поемше Давыда Всеславича*» [13, ч. 2, с. 185].

Смоленское княжество к этому времени стало вотчиной Владимира Мономаха и его наследников, поэтому захват Глебом менским Оршанского Поднепровья мешал дальнейшему расширению Смоленских владений на запад. Таким образом, в первой четверти XII в. уже личные интересы мономаховичей сталкиваются с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба менского. В то же время южнорусские князья видели, что Полоцкая земля поделена между двумя наследниками Всеслава полоцкого: Борисом и Глебом и вознамерились вбить между ними клин в лице их родного брата Давыда Всеславича, «поемше» его на борьбу с Глебом. Незавидная участь князя-изгоя [34, стб. 177], вместе с другими такими же князьями без отчины добывающего себе средства к существованию военными походами (в 1103 г. он участвует в походе на половцев), подтолкнула Давыда Всеславича к борьбе за шанс получить долю в отцовском наследстве. И этот шанс ему выпал: после провального похода 1106 г. объединенного войска полоцких князей на земгалов [13, ч. 1, с. 186] Давыд Всеславич заменяет Бориса Всеславича на полоцком столе. Своего же сына Брячислава он сажает в Изяславле, тем самым пытаясь завладеть частью полоцкого наследства.

Археологические исследования Ю. А. Заяца показали, что на территории Изяславля был построен новый укрепленный центр – детинец (начало XII в.), а крепость-град приходит в упадок. Размеры городской территории достигли 12–13 га, и по уровню

своего развития Изяславль, по мнению данного исследователя, уступал только Полоцку и Минску [5, с. 48–49]. Возможно, расцвет города связан с тем, что *Изяславская волость* в самом начале XII в. становится уделом Брячислава Давыдовича, а впоследствии, как свидетельствуют летописи, переходит поочередно к сыновьям князей, занимающих полоцкий стол. На протяжении второй половины XII в. борьбу за этот удел ведут наследники менской и витебской ветвей Всеславичей. Однако с развитием феодальных отношений и укреплением права отчины уделы становятся более постоянными. Так, право Брячислава Васильковича (витебского) на Изяславль как на отчину поддержал в 1159 г. занимавший полоцкий стол Рогволод Борисович (друцкий).

Весь комплекс военно-политических событий, связанных с борьбой между Глебом менским и его могущественными противниками – кланом Мономаховичей, позволяет рассматривать их как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. В 1113 г. Владимир Мономах становится киевским князем. А уже в 1116 г. Глеб менский предпринимает новый поход во владения своего противника – на этот раз в дреговичские земли, где сжигает Случескъ. Видимо, он захватил и Копысь с волостью в смоленских владениях мономаховичей, так как в ответном походе на Менск, мономаховичи сожгли крепости-«грады» Копысь, Оршу, Друцк. Итогом военного противостояния явилось пленение Глеба менского в 1119 г., заключение его в тюрьму в Киеве, где он вскоре умер.

Однако победившие Глеба менского мономаховичи завладели лишь изначальной территорией Менской волости, которая вновь была передана наследникам Глеба после 1140 г. О том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей» сообщает В. Н. Татищев [31, с. 134]. Результатом переговоров явилось установление пограничья по р. Днепр между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, отмеченного рядом крепостей [25, рис. 3]. Официальное закрепление за Полоцкой землей, по обоюдному согласию с киевским правителем, Оршанской волости было компенсацией за утрату ею территории Менской волости в ходе военной операции сыновей Мономаха в 1119 г. Поскольку в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, названа Копысь, то, видимо, она по условиям перемирия была возвращена Смоленску, как Орша – Полоцку.

Новый этап в развитии отношений между ветвями полоцкого княжеского дома и их союзниками со стороны отдельных княжеств Киевской Руси наступил после 1140 г., когда полоцкие князья вернулись на родину из византийской ссылки[1] в основанные на территории Полоцкой земли Менский, Друцкий и Витебский уделы.

Начало *Друцкому уделу* было положено князем Борисом при его втором вокняжении в Полоцке (1127 г.). Заняв повторно полоцкий стол, князь Борис присоединил к своей вотчине – Борисовской волости – граничившую с ней Друцкую волость, которая после смерти Глеба менского вновь попала под власть Полоцка. Закреплять восточную границу Друцкого удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию), поставившему по примеру своего отца в 1171 г. «Рогволодов камень» на границе с Оршанской волостью (современная д. Дятлово Оршанского района) [27].

В 1132 г. полоцким князем становится Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, в числе других сосланного в Византию. Он правил Полоцкой землей до 1146 г. [18, с.267]. Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василько Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно в правление князя Василько в Полоцке и был создан *Витебский удел*. По археологическим данным значительные перемены в развитии Витебска наблюдаются с 40-х годов XII в. В это же время возводятся мощные дерево-земляные укрепления вокруг детинца и Окольного города [35, с. 57]. Первоначально территория Витебского удела могла состоять из Витебской и Усвятской волостей.

Наследники Глеба, получившие в свое распоряжение после 1140 г. Менскую волость, не могли смириться с территориальными потерями *Менского удела.* С 1146 по 1151 г. полоцкий стол занимает Рогволод Борисович друцкий. Однако, с помощью политических интриг [9, с. 394–418] его сменяет Ротислав Глебович менский, который правит Полоцкой землей до 1158 г. За это время глебовичи укрепляются на всех ключевых позициях. В Менске находится брат Ростислава Глебовича Володарь, в Изяславле восседает его второй брат – Всеволод, сместив Брячислава Васильковича, посаженного там его отцом Васильком Святославичем во время своего правления в Полоцке (1132–1146 гг.). Друцк занимает сын полоцкого князя Глеб Ростиславич. Таким образом, Глебовичи не только завладевают верховной властью в Полоцкой земле, захватывают Изяславский удел, но и возвращают себе Друцкую волость, включенную ранее также путем захвата Глебом

[1] Объединенный поход южнорусских князей в 1127(28) г. на Полоцкую землю и дальнейшая конфронтация, нежелание полоцких князей подчиняться воле Киева, привели к тому, что местное боярство позволило сослать их в Византию, а Полоцкой землей два года правили киевские наместники, пока к власти не пришел Василько Святославич. См.: Ляўко, В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы / В. М. Ляўко // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 116–122.

Всеславичем в состав Менского удела. Заодно они прихватывают вотчину Борисовичей (Борисовскую волость), вошедшую в созданный Борисом в 1127 г. Друцкий удел.

После возвращения на правление в Полоцк (1158–1162 гг.) Рогволод Борисович занялся урегулированием имущественных вопросов в соответствии с правом отчины. Рогволод потребовал от Глебовичей возврата Брячиславу Васильковичу Изяславля, видимо понимая заслугу его отца перед Полоцкой землей, когда тот защитил ее от киевских наместников, приняв верховную власть в отсутствие остальных полоцких князей. Ростислав Глебович, утратив Друцк (летописи сообщают о кровавой расправе с Глебовичами при возврате Рогволодом своей «жизни», т. е. Друцкой волости), как вытекает из тех же сообщений, дополнительно к этому «прида волости Рогволоду» [9, с. 445, 446, 493–496]. О чем шла речь? Как видно из дальнейшего территориально-административного деления бывшей Полоцкой земли, в начале XVI в. Борисовская волость занимала левобережье р. Березина, примыкающее непосредственно к Друцкой волости. Та же часть Борисовской волости, которая располагалась на правом берегу р. Березина, вероятно, осталась в границах Менского удела после ее захвата Глебовичами. Ю. А. Заяц отмечает, что границы Менского удела, окончательно выделившегося из состава Полоцкой земли после 1185 г., почти сответствуют границам Менского повета XVI в. [23, с. 14].

Таким образом, подводя итог рассмотрению роли Менского княжества в территориально-административном и политическом развитии государственного образования Полоцкая земля, можно сделать следующие выводы.

1. Территория Менской волости сформировалась на основе части племенного союза дреговичей и в процессе огосударствления племенных образований стала данником Киевской Руси (X в.).

2. При Брячиславе Изяславиче и Ярославе Мудром взаимоотношения между Полоцкой землей и Киевской Русью складываются на основе партнерства. В первой четверти XI в. Менская волость переходит под власть Полоцка, включена в территорию Полоцкой земли и пограничьем между этим государством и Киевской Русью становится волость Дреговичи, где возводятся крепости Клеческъ, Копыль, Слуцк. Таким образом, владения Полоцкой земли расширились в южном направлении, а внешнеполитическая обстановка стабилизировалась.

3. На протяжении второй половины XI в. политика Всеслава полоцкого в отношении владений Киевской Руси носит претенциозно-провокационный характер, результатом чего явились неоднократные военно-политические конфликты (1065, 1066, 1067, 1078, 1084 г.). В этот период Полоцкая земля не достигла усиления своего авторитета на пространстве Восточной Европы и не имела территориального увеличения. В конце XI в. по инициативе Всеслава создается Менский удел на основе Менской волости (княжества) и его центр переносится с р. Менка на р. Свислочь, где строится мощный замок. Данным уделом по родовому праву управляет сын Всеслава Глеб. Перенос центра княжества связан с изменением этнополитической и экономической ситуации в регионе.

4. Стремление к приобретению и расширению своих личных владений на фоне вступления в силу феодального права отчины, не только привело к новым военным столкновениям между Глебом менским и кланом мономаховичей (1104, 1116, 1119 г.), но и внесло раскол в семейные отношения между полоцкими князьями (Борис и Давыд не пришли на помощь Глебу в его борьбе с мономаховичами).

5. Небольшим, но все-таки успехом Полоцкой земли является расширение юго-восточной части ее территории в 1120-е годы благодаря захватнической деятельности Глеба Менского (создание новой Оршанской волости с выходом в р. Днепр), продолжившей политику Всеслава Полоцкого. Однако при этом до 1140 г. была утрачена Менская волость.

6. Выделение части территории Полоцкой земли в удел (Менский) привело к необратимым процессам образования с начала XII в. вотчин-волостей (Борисовская волость) и затем новых уделов: Друцкого (1130-е годы), Витебского (1140-е годы) уже на феодальном праве, а также к дальнейшему дроблению территории государства, ослаблению власти и политического веса Полоцка на пространстве Восточной Европы (ссылка полоцких князей в Византию после военно-политического конфликта 1127–1129 гг.).

7. Дальнейшее развертывание феодальных отношений во второй половине XII в. привело к окончательному обособлению отдельных составляющих Полоцкой земли и их преобразованию в новые территориально-политические структуры. Менские Глебовичи не преуспели в борьбе с другими полоцкими князьями за расширение своих владений и к 1185 г. данное княжество вышло из состава Полоцкой земли.

Литература

1. Ткачев, М. А. Прорезка вала городища на р. Менка / М. А. Ткачев // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 192–199.

2. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск, 1978.

3. Заяц, Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье / Ю. А. Заяц // МАБ. – Вып. 8.– Минск, 2003. – С. 118–126.

4. Левко, О. Н. Перемена местоположения Менска в связи с формированием раннегосударственной территориально-административной структуры в Полоцкой земле / О. Н. Левко // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі :

матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск, 2008.– С. 41–47.

5. Заяц, Ю. А. Основные итоги археологического изучения Заславля / Ю. А. Заяц // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 48–50.

6. Заяц, Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Полоцкій летописецъ.– Полоцк, 1993.– № 1(2). – С. 5 – 11.

7. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко.– Минск, 1974.

8. Калядзінскі, Л. У. Капыль / Л. У. Калядзінскі // Археалогія Беларусі : энцыкл. – Ч. 1, 2009. – С. 423, мал.

9. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. II.

10. Левко, О. Н. Древности Копыльщины в историко-культурном наследии Беларуси / О. Н. Левко // Капыль: гісторыя горада і рэгіёна. Да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права : зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2012. – С. 328–335.

11. Кошман, В. І. Глеб Усяслававіч Менскі ў святле гістарычных і археалагічных крыніц / В. І. Кошман // МАБ. – Мінск, 2012. – Вып. 23. – С. 16 – 22.

12. Гісторыя Мінска. – Мінск, 2006.

13. Повесть временных лет. – М. ; Л., 1950. – Ч. 1; Ч. 2 : Лаврентьевская летопись.

14. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск, 1982.

15. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселения на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // МАБ. – Минск, 2005. – Вып. 9. – С. 26–31.

16. Заяц, Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ю. А. Заяц. – Минск, 1996.

17. Минское замчище : материалы исследований северо-восточной части в 2009 году (участок I, раскопы 1,2) / А. М. Медведев [и др.] // МАБ. – Минск, 2011. – Вып. 22.

18. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (Очерки Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966. – 295 с.

19. Левко, О. Н. Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет : материалы к науч.-практ. конф.– Витебск, 2001. – С. 5–13.

20. Еремеев, И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой / И. Еремеев, Г. Штыхов // Acta Archaeologica. – Vol. I (вып. I). – Мінск, 2007. – С. 110–134.

21. Штыхаў, Г. В. Старажытны Лагойск у святле археалагічных раскопак / Г. В. Штыхаў // МАБ. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 163–183.

22. Ляўко, В. М. Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (структура, служылыя арганізацыі, павіннасці) / В. М. Ляўко // Штогоднік Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – С. 17–25.

23. Заяц, Ю. А. Менская зямля / Ю. А. Заяц // Беларус. гіст. часопіс. – № 4. – Мінск, 1993. – С. 8–15.

24. Патриаршья, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 8–9.

25. Ляўко, В. М. Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 172–180.

26. Заяц, Ю. А. Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065–1066 гг. : от Пскова до Белгорода / Ю. А. Заяц // ГАЗ. – Минск, 1994. – № 4. – С. 88–113.

27. Ляўко, В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы / В. М. Ляўко // ГАЗ. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 116–122.

28. Штыхов, Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 годах / Г. В. Штыхов // Древности Белоруссии. – Минск, 1969.

29. ПСРЛ. – М., 1975. – Т. 32.

30. Хроника Быховца / предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащика. – М., 1966.

31. Татищев, В. Н. История Российская с древнейших времен : в 7 т. / В. Н. Татищев. – М. ; Л., 1962–1968. – Т. 2. – 1963. – 352 с.

32. Таранович, В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР / В. П. Таранович // Советская археология. – М., 1946. – Вып. VIII.

33. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О. Н. Левко. – Минск, 2004.

34. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. – М., 1962. – Т. I.

35. Калядзінскі, Л. У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска / Л. У. Калядзінскі // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 57–60.

Рэзюмэ

В. М. Ляўко

Роля Менскага княства ў тэрытарыяльна-адміністратыўным і палітычным развіцці Полацкай зямлі

Раскрыты этапы развіцця Менскай воласці (княства) з улікам палітычных працэсаў перахода ад племяных да дзяржаўных структур ва Усходняй Еўропе IX–XII стст.

На першым этапе (IX–X стст.) Менская воласць з'яўлялася тэрытарыяльна-племяным аб'яднаннем дрыгавічоў, якое плаціла даніну Кіеўскай Русі. На другім этапе, з 1024 г., Менскае княства ўваходзіла у склад Полацкай зямлі. Ваенные канфлікты паміж паўднёварускімі і полацкімі князямі грунтуюцца на пытаннях аб пашырэнні і узмацненні дзяржаўнай тэрыторыі. Перанос цэнтра Менскага княства з р. Менка на р. Свіслач у канцы XI ст. меў этнапалітычны характар з улікам змены эканамічнай сітуацыі у рэгіёне. Менскае княства ў XII ст. развівалася ў рэчышчы тэндэнцый феадальнага раздраблення.

Summary

O. Levko

Significance of the Mensk princedom in the territorial, administrative and political development of the Polotsk Land

Stages of developing of the Mensk volost (princedom) in view of political processes of transition from tribal life to the state structures in the Eastern Europe in the 9th–12th centuries are disclosed in the article.

It is shown, that at the first stage (the 9th–10th centuries) the Mensk volost was territorial and tribal formation of the Dregovichy, paid a tribute to the Kiev Rus'.

At the second stage after 1024 the Mensk princedom was included into the Polotsk Land. Expansion and strengthening of the state territories underlied in the basis of military conflicts between the Southern Rus' and Polotsk princes.

Transferring the center of the Mensk princedom from the river of Menka to the river Svisloch in the late 11th century had the ethnic and political character in view of the changed economic situation in region. The Mensk princedom had been developed in the 12th century as a part of tendencies of feudal dissociation.

Поступила 02.03.2012

УДК 902/904

І. У. Магалінскі, *Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, старшы навуковы супрацоўнік (г. Полацк)*

Вырабы з каляровых металаў у кантэксце культурна-эканамічных кантактаў Полацка ў X–XVII стст.

У артыкуле вырабы з каляровых металаў разглядаюцца ў якасці важнай крыніцы для вывучэння асноўных накірункаў культурна-эканамічных сувязяў Полацка ў X–XVII стст. Для ўстанаўлення паходжання пэўных груп рэчаў аўтар прапаноўвае спалучаць традыцыйны тыпалагічны метад з данымі спектральнага аналізу хімічнага складу металу. У выніку робіцца выснова, што вялікі ўплыў на характар ювелірнага ўбору і матэрыяльную культуру старажытнага насельніцтва Полацка на правах суседзяў аказвалі прыбалтыйскія землі і гарады Паўночна-Заходняй Русі. У залежнасці ад геапалітычных абставін на асартымент вырабаў з каляровых металаў уплывалі і іншыя тэрыторыі (краіны Усходу, Паўднёвая Русь, Візантыя, Скандынавія). З XIII ст. важным накірункам у культурна-эканамічных кантактах Полацка стаў заходнееўрапейскі, які актуалізаваўся праз пасрэдніцтва Рыгі.

Вырабы з каляровых металаў з’яўляюцца важнай часткай матэрыяльнай культуры Полацка. У гэтых рэчах знайшлі адлюстраванне складаныя працэсы палітычнай, эканамічнай і культурнай гісторыі горада. Дадзеную катэгорыю артэфактаў трэба разглядаць у якасці важнай крыніцы для вывучэння асноўных накірункаў культурна-эканамічных сувязяў Полацка ў X–XVII стст.

Матэрыялы, атрыманыя ў ходзе археалагічных даследаванняў, дазваляюць сцвярджаць, што ў Полацку існавала мясцовая вытворчасць манетападобных падвесак, шыракасярэдзінных пласцінчатых пярсцёнкаў (нарыхтоўка), гузікаў, асобных прадметаў узбраення, крыжоў-цельнікаў, металічных пацерак, звярынагаловых і створкавых бранзалетаў, шпілек «пус епі» і інш. [1–3]. Не выключана, што мясцовыя ювеліры займаліся вытворчасцю вырабаў з перагародчатымі эмалямі [4]. У той жа час некаторыя групы рэчаў з’яўляліся аб’ектам імпарту. Важнай крыніцай для ўстанаўлення паходжання пэўных груп прадметаў з’яўляецца хімічны склад металу, з якога яны зроблены. У апошнія гады дадзены накірунак даследаванняў асабліва актуалізаваўся ў сувязі з распрацоўкай неразбуральных метадаў вывучэння хімічнага складу металаў. Спалучэнне традыцыйнага тыпалагічнага метаду з данымі, атрыманымі ў выніку спектральнага аналізу, у некаторых выпадках дазваляе казаць аб паходжанні той ці іншай рэчы, яе сувязі з пэўнай культурнай супольнасцю, што дае магчымасць прасачыць асноўныя накірункі культурных і гандлёвых кантактаў.

Адсутнасць на тэрыторыі Беларусі радовішчаў каштоўных і іншых каляровых металаў дае аснаванні сцвярджаць, што ўвесь сыравінны метал з’яўляўся аб’ектам імпарту [5; 6; 7, с. 129]. Сыравінны метал у полацкай калекцыі прадстаўлены зліткамі (10 экз.); кроплямі і аплаўкамі металу (43 экз.); фрагментамі і маткамі дроту (44 экз.); абрэзкамі, пласцінамі і нарыхтоўкамі (43 экз.). Формамі паступлення металічнай сыравіны на тэрыторыю горада з’яўляліся: 1) злíткі; 2) металічны лом; 3) манеты. Уяўленне пра форму і характар прывазных металічных зліткаў дае манетна-рэчавы скарб 1910 г. з Верхняга замка. У яго складзе знаходзілася пяць палачкападобных сярэбраных зліткаў, восем трапецападобных алавяных пласцін і вялікая колькасць разрубленых невялікіх алавяных зліткаў акруглай формы [8, с. 107]. Вялікую цікавасць уяўляе сабой злітак X ст. з раскопак селішча каля «Чырвонага моста» [9, с. 6]. Прадмет мае форму трапецападобнага ў сячэнні прутка, які зроблены са шматкампанентнай бронзы. Аналагічныя злíткі са шматкампанентных сплаваў у літаратуры лічацца скандынаўскім імпартам і часта сустракаюцца на тэрыторыі Паўднёвай Русі [10]. Актуальнасць скандынаўскага накірунку паступлення металічнай сыравіны ў Полацк таксама пацвярджае склад скарбу залатых рэчаў другой паловы X ст. [11].

Нешматлікасць аналізаў прадметаў гаспадарчага і бытавога прызначэння не дазваляе выказаць адназначнага меркавання аб паходжанні тых ці іншых прадметаў. Асноўнай сыравінай для вытворчасці інструментаў і прылад працы з Полацка з’яўляюцца латуні з сярэдняй і высокай канцэнтрацыяй цынка. Металічны посуд найбольш часта рабілі з медзі і бронзы. Частка прадметаў гаспадарчага і бытавога прызначэння з Полацка адносіцца да прадукцыі мясцовых ювеліраў. Гэта пацвярджаецца лакалізацыяй асобных знаходак у межах ювелірных майстэрняў. Некаторыя тыпы вырабаў адносяцца да прадукцыі мясцовага хатняга рамяства, не звязанага з ювелірнай вытворчасцю (рыбалоўныя кручкі, блёсны). Некаторыя прадметы адносіліся да матэрыяльнай культуры вышэйшых слаёў насельніцтва (накладка з выявай грыфона, ручка збана, міска). Гэта ўскосна пац-

вярджаецца і археалагічным кантэкстам знаходак. Так, бронзавая міска была выяўлена на гарадзішчы, а фрагмент ручкі металічнага збана X–XI стст. паходзіць з матэрыялаў раскопак княжацкага церама [12].

Адметнасцю прадметаў хрысціянскага культу з Полацка з'яўляецца іх пераважная вытворчасць з алавяна-свінцовай бронзы з нізкім і сярэднім утрыманнем волава. Гэты сплаў мае добрыя ліцейныя якасці, а таксама вылучаецца шчыльнасцю атрыманых адлівак [13]. Ужыванне для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу алавяна-свінцовай і свінцовай бронзы ў цэлым характэрна для тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі і Беларусі (Ноўгарад, Пскоў, Ваўкавыск) [14, с. 136; 15, с. 37, 44]. Такім чынам, аналіз хімічнага складу і тыпалагічных асаблівасцей полацкіх крыжоў-цельнікаў дазваляе сцвярджаць, што асноўная іх колькасць паходзіць з тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі. Гэта не выключае магчымасці вырабу іх часткі ў самім горадзе мясцовымі ювелірамі, што пацвярджаецца знаходкай каменнай ліцейнай формы для адліўкі крыжоў з прафіляванымі канцамі і блізкай да рамбічнай формай сяродкрыжжа [8, рис. 34: *3*]. Частка крыжыкаў адносіцца да імпартных рэчаў. Гэта ў першую чаргу датычыцца прадметаў са шматкампанентнай бронзы (крыжы з грубай выявай Распяцця, крыжы з эмалямі і інш.).

Складана вызначыць месца вытворчасці знойдзеных у Полацку крыжоў-рэлікварыяў, а таксама богаслужэбных прадметаў. Метал і тыпалагічныя адметнасці гэтых вырабаў у цэлым аднатыпныя з іншымі рэчамі дадзенай групы з сінхронных помнікаў Паўночна-Заходняй і Паўднёвай Русі [13; 15, с. 37]. У сувязі з тым, што на тэрыторыі Полацка не было выяўлена адмысловых прыстасаванняў для вырабу энкалпіёнаў і богаслужэбных прадметаў, пытанне аб месцы іх вырабу застаецца адкрытым. Рэлікварыі з невыразнымі выявамі, якія з'яўляюцца пераадліўкамі з арыгінальных вырабаў, маглі адносіцца да прадукцыі мясцовых ювеліраў. Асобныя тыпы крыжоў-рэлікварыяў траплялі на тэрыторыю горада з традыцыйных паўднёварускіх цэнтраў (Кіеў), дзе былі археалагічна зафіксаваныя сляды існавання іх вытворчасці [16]. Адзінкавы характар знаходак змеевікоў, фрагментаў кіотнага крыжа, падвесак-іконак можа з'яўляцца ўказаннем на імпартны характар прадметаў. Гэта пацвярджаецца і данымі тыпалагічнага даследавання асобных вырабаў. Так, змеевікі з выявай Казьмы і Даміяна з'яўляюцца сведчаннем кантактаў Полацка з Сярэднім Падняпроўем. Гэтая тэрыторыя лічыцца асноўным цэнтрам вытворчасці гэтых вырабаў [17, с. 77–78].

Каляровыя і каштоўныя металы дастаткова рэдка ўжываліся для вырабу прадметаў узбраення. Найбольш распаўсюджаным металам для вытворчасці гэтай групы рэчаў з'яўляўся свінец, які паводле сваіх фізічных характарыстык быў прыдатны для вырабу некаторых відаў ударнай зброі бліжняга бою (булавы, кісцяні) і элементаў агнястрэльнай зброі (кулі). Не выклікае сумнення і мясцовая полацкая вытворчасць пэўных відаў узбраення. Гэта пацвярджаецца знаходкамі спецыяльных інструментаў (кулялеяк), а таксама выяўленнем асобных прадметаў у межах ювелірных майстэрняў [18, 19].

Найбольшую цікавасць для аналізу культурнаэканамічных сувязяў горада ўяўляе самая масавая катэгорыя прадметаў – упрыгажэнні і дэталі адзення. Гэтыя вырабы вызначаюцца поліфункцыянальнасцю і полісемантычнасцю, што праяўлялася ў выкарыстанні іх не толькі для задавальнення пэўных эстэтычных патрэб, але і ў якасці апатрапеяў, важных функцыянальных дэталяў. Строгае занальнае размеркаванне ўпрыгажэнняў на целе чалавека з'яўляецца пацвярджэннем асаблівага статусу гэтых прадметаў у семантычнай сістэме убору [20, с. 6]. Значная частка ўпрыгажэнняў і дэталяў адзення мае выразную этнічную афарбоўку, маркіруе сабой прыналежнасць да пэўнай культурнай прасторы, што стварае падставы для выяўлення накірункаў паступлення гэтых рэчаў ці іх ідэй на тэрыторыю Полацка.

Упрыгажэнні галавы ў полацкай калекцыі прадстаўлены асноўнымі тыпамі рэчаў, якія выкарыстоўваліся ў матэрыяльнай культуры ўсходнеславянскага насельніцтва Паўночна-Заходняй Русі. Усе вырабы з'яўляюцца часткай жаночага металічнага ўбору. Найбольшае распаўсюджванне атрымалі скроневыя кольцы (канец X–XIII ст.) [21]. Ім на змену ў якасці галаўных упрыгажэнняў прыходзяць завушніцы ў выглядзе пытальніка, якія маюць карані ва ўсходніх старажытнасцях, а таксама кольцавыя завушніцы, прамыя аналогіі якім сустракаюцца ў прыбалтыйскіх матэрыялах XIV–XVIII стст. [21; 22; 23, с. 58–60]. Акрамя масавых рэчаў, даступных для большасці насельнікаў горада, у склад ювелірнага ўбору заможных палачанак уваходзілі расна, залатое трохпацеркавае кольца і інш. [21]. Такім чынам, галаўныя ўпрыгажэнні з Полацка развіваліся ў рэчышчы агульнарускай, усходняй і прыбалтыйскай культурных традыцый.

Нагрудныя ўпрыгажэнні ў калекцыі прадстаўлены падвескамі, бразготкамі, шпількай, засцежкамі-фібуламі, ланцугатрымальнікамі. Характэрнай адметнасцю манетападобных падвесак з'яўляецца іх пераважная вытворчасць з легкаплаўкіх сплаваў на аснове волава і свінца. Выкарыстанне для вытворчасці падобных прадметаў легкаплаўкіх сплаваў і алавянай бронзы з вялікім утрыманнем волава

(11%) тлумачыцца спробай імітацыі колеру і фізічных уласцівасцей дарагіх сярэбраных упрыгажэнняў. На думку Г. В. Штыхава, менавіта волава з'яўлялася найбольш распаўсюджанай сыравінай, якая выкарыстоўвалася полацкімі ювелірамі [24, с. 123–124]. Ацэнка аб'ёму выкарыстання волава і сплаваў на яго аснове ў ювелірнай вытворчасці ўскладняецца фізічнымі ўласцівасцямі гэтых металаў (волава пры тэмпературы 13 ºС ніжэй за нуль ператвараецца ў парашок) [25, с. 14]. На тэрыторыі Полацка археалагічна зафіксавана існаванне мясцовай вытворчасці манетападобных падвесак [21]. У сувязі з гэтым, падвескі, выкананыя з легкаплаўкіх сплаваў, трэба лічыць прадукцыяй полацкіх ювеліраў.

Цікавасць выклікае хімічны склад ўмбонападобнай падвескі, якія ў літаратуры звязваюцца з латгальскімі старажытнасцямі [26, табл. 42: *22*]. Высокая канцэнтрацыя цынка (10,33%) ў яе метале можа з'яўляцца сведчаннем прыбалтыйскага паходжання рэчы. У цэлым для прыбалтыйскіх старажытнасцей характэрна ўтрыманне ў высокіх канцэнтрацыях цынку, што з'яўляецца сведчаннем доступу мясцовых рамеснікаў да крыніц чыстага металу [27].

Падвескі-бразготкі Х–ХІІІ стст. з Полацка зроблены з «чыстай» медзі (1 экз.), алавяна-свінцовай (4 экз.) і шматкампанентнай бронзы (1 экз.). Падобныя сплавы выкарыстоўваліся для вытворчасці бразготак у Ноўгарадзе, Пскове і інш. [15, с. 35–36; 28]. Цікавасць выклікае галоўка крыжападобнай шпількі ХІ–ХІІІ стст., якая зроблена з алавяна-свінцовай бронзы з нізкім утрыманнем волава і свінца (да 4,78%). Выкарыстанне нізкаалавяністай бронзы можа з'яўляцца сведчаннем вытворчасці прадмета на тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі. Як адзначалася, алавяна-свінцовая бронза з'яўлялася асноўным металам для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу. Ускосным пацвярджэннем мясцовай вытворчасці шпількі з'яўляецца хімічны склад аналагічнага вырабу з Ноўгарада, які зроблены са свінцовай латуні і лічыцца прыбалтыйскім імпартам [15, с. 34].

Да групы нагрудных упрыгажэнняў адносяцца засцежкі-фібулы. Гэта найбольш распаўсюджаны элемент металічнага ўбору, паходжанне якога традыцыйна звязваецца з прыбалтыйскімі і фіна-угорскімі плямёнамі [29]. Асноўная частка (9 экз.) фібул, для якіх даследаваўся хімічны склад металу, зроблены з латуні ці са шматкампанентных сплаваў з вялікай канцэнтрацыяй цынка (да 14%). Да прыбалтыйскага імпарту трэба адносіць засцежкі з высокай канцэнтрацыяй цынка (спіралеканечныя трохвугольнага сячэння (3 экз.), спіралеканечныя круглага сячэння (4 экз.), з галоўкамі ў выглядзе макавых каробачак (1 экз.), спіралеканечныя сегментападобнага сячэння (1 экз.). Нельга адмаўляць магчымасці вытворчасці пэўнай часткі фібул з гэтых сплаваў на тэрыторыі Полацка. У гэтым выпадку выкарыстанне дадзеных металаў трэба тлумачыць высокімі спружыннымі якасцямі вырабаў з медна-цынкавых сплаваў [15, с. 32]. Акрамя латуні для вытворчасці полацкіх фібул ужывалі алавяна-свінцовую бронзу з нізкай і сярэдняй канцэнтрацыяй волава (звярынагаловая, спіралеканечная сегментападобнага сячэння). Алавяна-свінцовыя бронзы ў цэлым характэрныя для мясцовай ювелірнай вытворчасці, што можа з'яўляцца сведчаннем вырабу засцежак полацкімі ювелірамі. Экзэмпляр кольцападобнай фібулы з раскопак на Верхнім замку таксама трэба лічыць мясцовай вытворчасцю ў сувязі з выяўленнем прадмета ў межах ювелірнай майстэрні, а таксама выразным незавершаным характарам вырабу [8, с. 71, рыс. 33: *12*].

Упрыгажэнні рук у калекцыі прадстаўлены бранзалетамі і пярсцёнкамі. Хімічны склад металу даследаваўся для 14 бранзалетаў. У выбарку трапілі вырабы, якія паходзяць пераважна з матэрыялаў археалагічных раскопак. У выніку было ўстаноўлена, што 10 прадметаў адносяцца да медна-цынкавых сплаваў. Высокай канцэнтрацыяй цынку вылучаюцца бранзалеты прыбалтыйскіх тыпаў (звярынагаловыя, пуката-ўвагнуты). Утрыманне цынку ў гэтых прадметах дасягае 15,13%. Асобныя бранзалеты (ілжэвіты і пласцінчаты) зроблены з алавяна-свінцовай бронзы з нізкім і сярэднім утрыманнем волава, сыравінай для вытворчасці аднаго бранзалета ХІІ–ХІІІ стст. з'яўляецца сплаў на аснове волава з уключэннем медзі і свінца. Бранзалеты балцкіх тыпаў з Полацка характарызуюцца павышаным ўтрыманнем цынка ў метале, што характэрна для тэрыторыі Прыбалтыкі і Скандынавіі (да 20%) [15, с. 147]. Падобныя прадметы можна прызнаць імпартнымі рэчамі. Аднак аналіз матэрыялаў з раскопак ювелірнай майстэрні ХІІ–ХІІІ стст. на Вялікім пасадзе дазваляе дапускаць магчымасць існавання мясцовай вытворчасці звярынагаловых бранзалетаў [30]. На карысць дадзенага меркавання сведчаць знаходкі нарыхтовак падобных вырабаў, а таксама сыравіны для іх вытворчасці, што вызначаюцца надзвычай высокай канцэнтрацыяй у сплавах цынку (да 25%). Не выключана, што на тэрыторыі горада існавала вытворчасць і іншых тыпаў бранзалетаў. Пацвярджэннем гэтага факта з'яўляецца знаходка плеценага бранзалета з ювелірнай майстэрні ХІІІ ст. на Верхнім замку ў распрастаным стане, што сведчыць пра незавершаны характар апрацоўкі прадмета [8, с. 67].

Пярсцёнкі з Полацка адносяцца да найбольш распаўсюджаных тыпаў. Увогуле, для ўпрыгажэнняў дадзенага віду складана выявіць выразны культурны кантэкст. У выніку даследавання хімічнага скла-

ду 16 пярсцёнкаў і дзвюх нарыхтовак было ўстаноўлена, што большасць прадметаў зроблена з латуней і шматкампанентых сплаваў з павялічаным утрыманнем цынку (11 экз.), астатнія прадметы зроблены з бронзавых сплаваў. Падобныя сплавы выкарыстоўваліся для вытворчасці упрыгажэнняў гэтага віду і на іншых помніках Паўночна-Заходняй Русі (Ноўгарад, Пскоў) [15, с. 41–42; 28]. Папулярнасць медна-цынкавых сплаваў у дадзеным выпадку трэба тлумачыць фізічнымі ўласцівасцямі металаў (прыгожы залацісты колер, прыдатнасць да тонкай апрацоўкі).

Яскравай часткай старажытнага ювелірнага ўбору з'яўляліся элементы паяснога набору. Хімічны склад металу быў даследаваны для спражак, накладкі і паяснога наканечніка. Устаноўлена, што асноўнай сыравінай для вытворчасці гэтых прадметаў з'яўляюцца латуні і бронзы (пераважаюць алавяна-свінцовыя бронзы (5 экз.)). Выкарыстанне падобных сплаваў для вырабу спражак з'яўляецца характэрным для помнікаў Паўночна-Заходняй Русі [15, с. 34].

У Полацку археалагічна зафіксавана вытворчасць гузікаў і грузікаў (знаходкі ліцейных форм) [8, рыс. 32: *2, 17*]. У выніку даследавання хімічнага складу металаў гэтых вырабаў было ўстаноўлена, што ўсе грузікі зроблены з «чыстага» свінца, а для вытворчасці гузікаў мясцовыя ювеліры выкарыстоўвалі медзь і латунь. У межах ювелірнага комплексу XVII ст. была археалагічна зафіксавана вытворчасць шпілек тыпу «пус епі» [18]. Сыравінай для іх вырабу з'яўлялася латунь з сярэдняй канцэнтрацыяй цынку [3].

Невялікая колькасць прадметаў пісьменства ў полацкай калекцыі не дае магчымасці адназначна адказаць на пытанне паходжання рэчаў гэтай групы. Аднатыпныя кніжныя засцежкі і накладкі мелі шырокае распаўсюджванне на вялікай тэрыторыі. Хімічны склад металу гэтых прадметаў (бронза) таксама не дазваляе вызначыць месца іх вытворчасці.

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы:

1. Вядучую ролю ў культурна-эканамічных сувязях Полацка адыгрывалі ўсходнеславянскія землі пры адчувальнай перавазе гарадоў Паўночна-Заходняй Русі. На тэрыторыі горада атрымалі распаўсюджванне артэфакты, якія паводле тыпалагічных асаблівасцей і адметнасцей хімічнага складу найбольш блізка стаяць да адпаведных старажытнасцей сінхронных помнікаў гэтых тэрыторый.

2. Важным накірункам культурнай дыфузіі з'яўляліся прыбалтыйскія землі. Даўнія традыцыі супрацоўніцтва балцкіх плямён і палачан праявіліся ў шматлікіх элементах матэрыяльнай культуры і, перадусім, у элементах ювелірнага ўбору. Фібулы, ланцугатрымальнікі, шпількі, звярынагаловыя і пуката-ўвагнутыя бранзалеты, некаторыя тыпы падвесак традыцыйна атаясамліваюцца з матэрыяльнай культурай прыбалтыйскіх плямён. Акрамя тыпалагічных адметнасцей асобных прадметаў выразным доказам сувязей з прыбалтыйскай тэхналогіяй металаапрацоўкі з'яўляецца хімічны склад металу дадзеных артэфактаў. Характэрная для Прыбалтыкі перавага медна-цынкавых сплаваў з сярэдняй і высокай канцэнтрацыяй цынка фіксуецца і на полацкіх матэрыялах. Палітычная гісторыя Полацка спрыяла захаванню гэтых культурных уплываў на працягу ўсяго даследуемага перыяду.

3. На розных этапах гісторыі ў залежнасці ад геапалітычных і эканамічных абставін значную ролю ў структуры гандлю і накірунках культурнай дыфузіі адыгрывалі таксама і іншыя тэрыторыі. Для перыяду X–XII стст. актуальным з'яўляўся скандынаўскі культурны вектар. Менавіта Скандынавія была адным з галоўных накірункаў паступлення металічнай сыравіны на тэрыторыю горада. Для азначанага перыяду важнае значэнне мелі культурныя і гандлёвыя кантакты Полацка з краінамі Усходу (Каз'янкаўскі скарб арабскіх дырхемаў) і Заходняй Еўропы (манетны склад скарбу 1910 г. на Верхнім замку). Палітычныя падзеі XIII ст. спынілі сталыя кантакты з арабскім светам і Візантыяй. З гэтага часу найбольшае значэнне ў структуры міжнароднага гандлю пачынае адыгрываць Заходняя Еўропа (Рыга, Ганзейскі саюз).

4. Даследаванне культурнага кантэксту пэўных груп артэфактаў з Полацка дае магчымасць вылучыць адметнасці мясцовай металаапрацоўкі. На тэрыторыі горада мела месца існаванне ўласнай вытворчасці шырокага спектру вырабаў з каляровых металаў, што пацвярджаецца не толькі знаходкамі адмысловых інструментаў для іх вырабу, але і хімічным складам гатовых вырабаў. У выніку аналізу даных даследавання хімічнага складу металу вырабаў розных тыпалагічных груп можна адзначыць, што важнае месца ў полацкай ювелірнай вытворчасці адводзілася латуням (пераважае свінцовая латунь) і бронзам (алавяна-свінцовыя бронзы). Медна-цынкавыя сплавы з высокімі канцэнтрацыямі цынку ў асноўным выкарыстоўваліся для вырабу прадметаў, якія маюць аналогіі ў прыбалтыйскім матэрыяле (фібулы, бранзалеты і інш.). Алавяна-свінцовая бронза з'яўлялася сыравінай для вытворчасці рэчаў, якія маюць усходнеславянскія карані (прадметы хрысціянскага культу, падвескі і інш.). Такім чынам, можна весці гаворку пра існаванне дзвюх асноўных традыцый у каляровай металаапрацоўцы Полацка X–XVII стст., якія ўмоўна можна назваць «прыбалтыйскай» і «усходнеславянскай».

Літаратура

1. Магалінскі, І. У. Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 115–121.

2. Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X–XVII стст. / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 184–193.

3. Магалінскі, І. У. Шпількі «пус епі» з тэрыторыі Полацка : класіфікацыя, храналогія і праблема паходжання / І. У. Магалінскі // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1. – С. 78–83.

4. Кошман, В. И. Изделия с перегородчатой эмалью на территории Беларуси / В. И. Кошман // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2001. – Вып. 16. – С. 130–137.

5. Гурын, М. Ф. Гандлёвыя сувязі Полацкай зямлі / М. Ф. Гурын, Ш. І. Бекцінееў // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1997. – Вып. 12. – С. 66–76.

6. Ганецкая, І. У. Імпарт у Полацку X–XIII стст. па археалагічных матэрыялах / І. У. Ганецкая // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк : НПГКМЗ, 2003. – С. 50–58.

7. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.

8. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.

9. Штыхов, Г. В. Отчет о работах в 1979 г. в окрестностях Минска и в других местах Полоцкой земли / Г. В. Штыхов // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – № 635.

10. Зоценко, В. Н. Скандинавский импорт бронзы в Южную Русь / В. Н. Зоценко // Тверской археолог. сб. – Тверь : Изд-во «Триада», 2007. – Т. II, вып. 6. – С. 228–231.

11. Еремеев, И. И. Полоцкая земля / И. И. Еремеев // Русь в IX–Хвв. : археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2012. – С. 274–299.

12. Магалінскі, І. У. Вырабы з каляровых металаў гаспадарчага і бытавога прызначэння з тэрыторыі Полацка / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. артыкулаў за 2011 г. / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч. – Полацк : НПГКМЗ, 2012. – С. 64–76.

13. Асташова, Н. И. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного исторического музея / Н. И. Асташова, Т. Г. Сарачева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 317–329.

14. Ениосова, Н. В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М. : Вост. лит., 2008. – С. 107–188.

15. Коновалов, А. А. Цветной металл (медь и сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. / А. А. Коновалов // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М. : Вост. лит., 2008. – С. 7–106.

16. Корзухина, Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) / Г. Ф. Корзухина // Византийский временник. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. – С. 129–137.

17. Николаева, Т. В. Древнерусские амулеты-змеевики / Т. В. Николаева, А. В. Чернецов. – М. : Наука, 1991. – 124 с. : ил.

18. Дук, Д. У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д. У. Дук // Весн. «ПДУ». – 2007. – № 1. Сер. А, Гуманіт. навукі. – С. 5–23.

19. Клімаў, М. В. Асобныя аспекты развіцця паўночнай часткі Вялікага пасада г. Полацка (па выніках археалагічных даследаванняў 2009 г. на вул. Ф. Скарыны) / М. В. Клімаў // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1. – С. 55–64.

20. Рябцева, С. С. Древнерусские ювелирный убор (основные тенденции формирования) / С. С. Рябцева. – СПб. : Нестор-История, 2005. – 384 с.

21. Магалінскі, І. У. Ювелірныя ўпрыгажэнні старажытнага Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // Вестн. ПГУ. – 2012. – № 9. – Сер. А, Гуманит. науки. История. – С. 16–27.

22. Козлова, А. В. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове / А. В. Козлова // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков : Ин-т археологии РАН, 2007. – С. 125–143.

23. Svetikas, E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab. – XV a. : archeologiniai radiniaisukrikščioniškais simboliais / E. Svetikas. – Vilnius : Diemedžioleidykla, 2009. – T. 1 – 659 p. : iliustr., žml.

24. Митрофанов, А. Г. Древний Полоцк (по археологическим данным) / А. Г. Митрофанов, Г. В. Штыхов, В. Р. Тарасенко // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – № 124.

25. Бреполь, Э. Теория и практика ювелирного дела / Э. Бреполь. – Л. : Машиностроение, 1982. – 384 с.

26. Latvijas PSR archeologija. – Riga : Zinātne, 1974. – 368 p.

27. Daiga, J. Krāsainometalu ķīmiskais sastāvs Latvijā / J. Daiga // Archeologijaun Etnografija. – Riga : Zinātne, 1962. – T. IV. – P. 47–65.

28. Королёва, Э. В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова / Э. В. Королёва // Археологическое изучение Пскова. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.). – Псков : ГП «Невельская типография», 1996. – Том 1, вып. 3. – С. 229–300.

29. Мальм, В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы / В. А. Мальм // Труды ГИМ. – М. : Советская Россия, 1967. – Вып. 43 : Очерки по истории русской деревни (X–XIII вв.). – С. 149–190.

30. Тарасаў, С. В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. / С. В. Тарасаў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк : НПГКМЗ, 2003. – С. 267–272.

Резюме

И. В. Магалинский

Изделия из цветных металлов в контексте культурно-экономических контактов Полоцка в X–XVII вв.

В статье изделия из цветных металлов рассматриваются в качестве важного источника для изучения основных направлений культурно-экономических связей Полоцка в X–XVII вв. Для установления происхождения определенных групп вещей автор предлагает совмещать традиционный типологический метод с данными спектрального анализа химического состава металла. В результате делается вывод, что большое влияние на характер ювелирного убора и материальную культуру древнего населения Полоцка на правах соседей оказывали прибалтийский земли и города Северо-Западной Руси. В зависимости от геополитических условий на ассортимент изделий из цветных металлов влияли и иные территории (страны Востока, Южная Русь, Византия, Скандинавия). С XIII в. важным направлением в культурно-экономических контактах Полоцка стало западноевропейское, которое актуализировалось через посредничество Риги.

Summary

I. Mahalinski

Products made from non-ferrous metals in connection with cultural and economic communications of Polotsk in 10th–17th centuries

In this article products made from non-ferrous metals are regarded as the important source of study the main tendencies of cultural and economic communications of Polotsk in 10th–17th centuries. The author combines traditional typological method with the results of the spectral analysis of metal’s chemistry in order to define the origin of some groups of things. The author concludes that Baltic lands and some towns of north-west Rus had a great influence upon the jewelry structure and material culture of Polotsk ancient population. Subject to geopolitical conditions, some territories (Eastern Countries, South Rus, Byzantine Empire, and Scandinavia) influenced the range of products made from non-ferrous metals. Since XIIIth century west-European tendency became one of the important ones in cultural and economic communications of Polotsk.

Паступіў 15.04.2012

УДК 903(476.4)«9/14»

І. А. Марзалюк, *Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт, загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, доктар гістарычных навук, прафесар (г. Магілёў)*

Культурны слой Магілёўскага замчышча як гістарычная крыніца

Магілёўскае замчышча (зараз Парк імя М. Горкага) размешчана на мысе высокага правага берага Дняпра, паблізу р. Дубравенка. З захаду пляцоўка дзядзінца узвышалася на 20 м над далінай Дубравенкі, з поўдня – на 25 м над далінай Дняпра, з усходу вышыня схілу дасягала 14 м, з поўдня была ўмацавана шырокім і глыбокім ровам. Сучасная плошча помніка – 30 342 м^2 (мал. 1).

Старажытнарускае мінулае Магілёва доўгі час заставалася белай плямай у савецкай і постсавецкай археалогіі і медыявістыцы. Сістэмных даследаванняў на тэрыторыі магілёўскага гарадзішча «Магіла» да пачатку 1990-х гадоў не праводзілася. Аднак яшчэ ў 1972 г. студэнтам Магілёўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута І. Г. Іонэ падчас археалагічных разведак у перыяд з 1969 г. па 1972 г. быў атрыманы наступны археалагічны матэрыял:

а) старажытнаруская жалезная сякера XI–XII стст.;

б) каса-гарбуша XI–XII стст.;

в) жалезны нож XI–XII стст.;

г) бранзалет бронзавы лентачны са спіральнападобнымі канцамі X–XI стст.;

д) некалькі фрагментаў кругавой керамікі з высокімі шыйкамі і адвогнутымі вонкі венчыкамі, са скошанымі або закруглёнымі краямі, з тыпова лінейна-хвалістым славянскім арнаментам па плечуках сасудаў, якія датуюцца XI–XII стст. Астатняя кераміка адносілася да больш позніх часоў (XIII–XV стст.);

е) праселкі шыферныя, біканічныя, оўручскага тыпу XI–XIII стст. [8].

У 1983 г. археалагічныя даследаванні ў Магілёве праводзіў Міхаіл Аляксандравіч Ткачоў. Ім упершыню былі праведзены невялікія археалагічныя раскопкі (раскоп плошчай 48 м^2) на тэрыторыі Замчышча (мал. 1). У межах раскопа вучоны зафіксаваў два жаночых пахавання XII–XIII стст. Гэтага аказалася дастаткова для таго, каб даследчык зрабіў выснову аб тым, што сярэдневяковаму магілёўскаму замку папярэднічала не старажытнае гарадзішча, а грунтовы могільнік XII–XIII стст. На падставе сваіх даследаванняў М. А. Ткачоў зрабіў выснову, што «*археалагічныя матэрыялы сведчаць аб малаінтэнсіўным жыцці на берагах Дняпра і Дубравенкі да XIV–XV стст.*» [30, с. 73–74]. Артыкул І. Г. Іонэ з матэрыяламі старажытнарускага часу М. А. Ткачовым не згадваўся і не каментаваўся.

З 1993 г. археалагічныя даследаванні помніка праводзіць аўтар дадзенага тэксту. Сёння на тэрыторыі помніка намі вывучана 626 м^2 (мал. 1). Вынікі буйнамаштабных даследаванняў магілёўскага замка не дазваляюць пагадзіцца з высновамі М. А. Ткачова аб адсутнасці на гэтай тэрыторыі старажытнарускага ўмацаванага паселішча.

Неабходна адразу звярнуць увагу на тую акалічнасць, што першы этап у асваенні тэрыторыі гістарычнага цэнтра Магілёва ўсходнеславянскім насельніцтвам звязаны з IX–XI стст. Аб гэтым сведчаць матэрыялы курганнай групы, што знаходзілася побач з замкам, у міжрэччы Дняпра і Дубравенкі. Курганы былі распаханы ў 1880-х гадах. У раскапаных курганах былі знойдзены срэбраныя пярсцёнкі, шкляныя залачоныя пацеркі, кераміка. У некалькіх насыпах былі адшуканы арабскія дзірхамы пачатку VIII–IX ст. Адна манета была амейядскай (704 г.), а пяць – абасідскімі, выбітымі ў Басры ў 752 г., Балсе ў 803 г., Аране, Багдадзе ў 807 г., Маадэне-Баджынесе ў 810 г. Вельмі каштоўнай і важнай для разумення эвалюцыі і статуса паселішча на гары «Магіла» з'яўляецца і знаходка ўражваючага манетнага скарбу, знойдзенага каля замку, на правым беразе р. Днепр у 1820-х гадах. Гэты скарб налічваў 1300 цэлых і некалькі соцен палавінак і чацвярцінак куфічных дзірхамаў. Манеты датаваліся ў храналагічным дыяпазоне ад 699 да 802 г. [12, с. 179; 14; 15, с. 16; 24, с. 25–26].

У выніку работ аўтара 1993–2007 гг. (мал. 1–9) быў выяўлены старажытнарускі культурны слой, прасочаны рэшткі старажытнарускіх умацаванняў гарадзішча «Магіла». Упершыню культурны слой Магілёва XII–XIII стст. быў адкрыты намі ў ходзе даследаванняў 1993 г. Раскопкі 1994–1996 гг. далі даволі рэпрэзентатыўны матэрыял старажытнарускага часу [12; 14; 15, с. 16–20; 16–18].

Пры вывучэнні матэрыялаў геалагічных свідравін з тэрыторыі замка намі была звернута ўвага на тую акалічнасць, што спачатку плошча пляцоўкі замчышча была значна меншай – на адлегласці 51–69 м ад заходняга краю пляцоўкі, амаль пасярэдзіне сучаснай плошчы помніка ў геалагічных свідравінах магутнасць штучных напластаванняў вагаецца ў межах ад 7,8 да 15,0 м. Усё гэта дазволіла выказаць меркаванне, што менавіта тут праходзіла ўсходняя мяжа першапачатковага гарадзішча (мал. 1).

Мал. 1. Сітуацыйны план даследаванняў. Парк імя М. Горкага. Магілёў

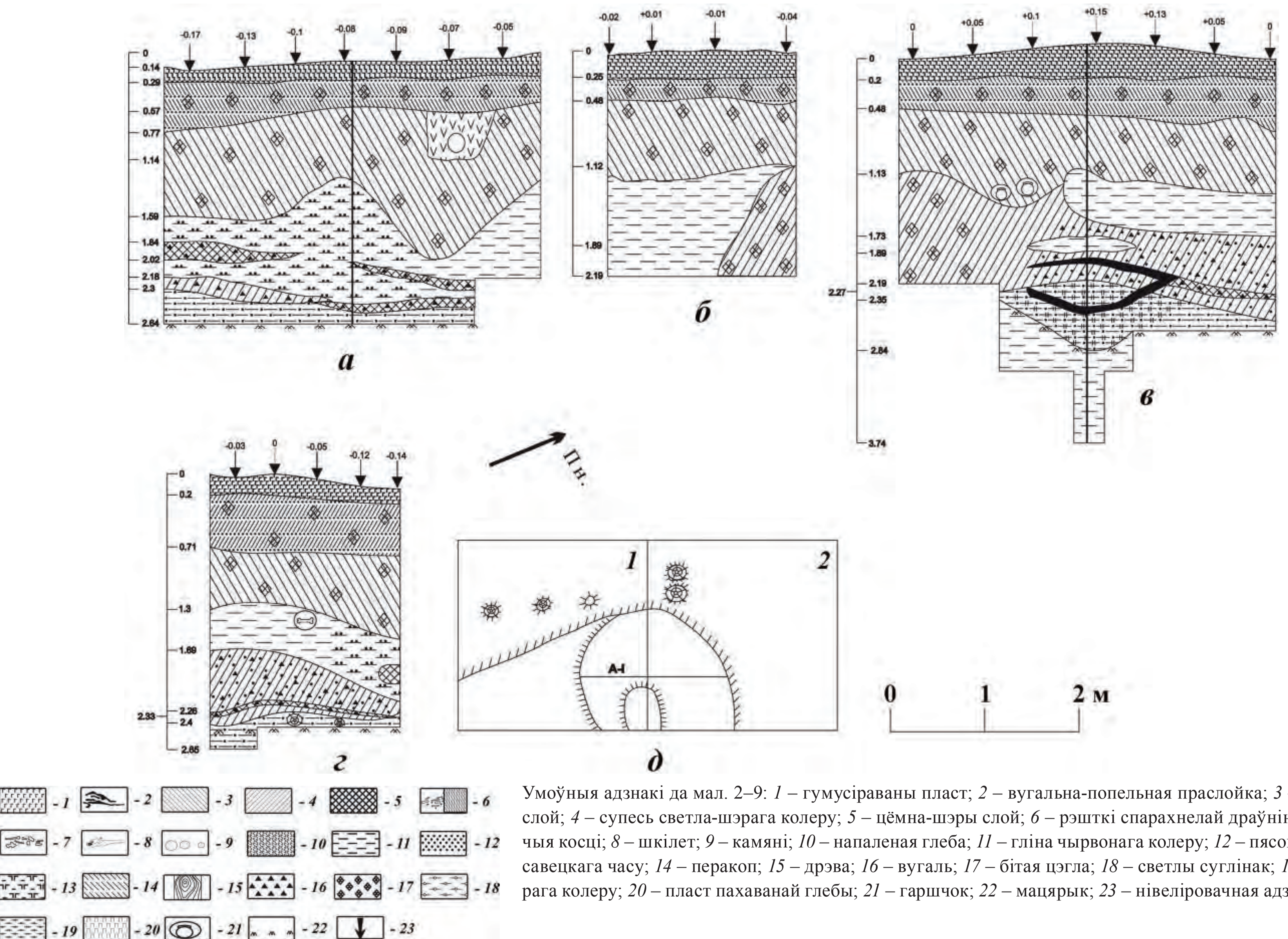
Пасля археалагічнага сезона 1996 г. сумненняў у справядлівасці гэтай думкі не засталося. У паўночна-ўсходняй частцы помніка быў вывучаны раскоп № 5 плошчай 32 м^2. Нам пашанцавала натрапіць на рэшткі вонкавага схілу першапачатковага вала і вызначыць час яго нівеліроўкі з мэтай павелічэння пляцоўкі гарадзішча. Насып вонкавага схілу вала складаецца з зямлі чорнага колеру. У яго верхняй частцы на глыбіні 2,4 м ад дзённай паверхні ў кв. 1 быў зафіксаваны фрагмент венца гаршка канца XV – пачатку XVI ст. Характар рэчавага матэрыялу рэзка змяняецца, калі пачынаюць сустракацца праслойкі вугалю значных памераў і таўшчыні – тут зафіксаваны два венцы з прафіліроўкай, характэрнай для рэчаў канца XII – XIII ст., фрагмент шклянога старажытнарускага бранзалета, які мае на сабе сляды тэрмічнай апрацоўкі, а таксама абламанае зубіла. Але самая цікавая знаходка чакала нас наперадзе. На глыбіні 3,7 м ад дзённай паверхні быў знойдзены наканечнік мангольскай стралы XIII ст. – зрэзень [15, с. 18, 188; 18].

Магутны нівеліровачны слой гліны, які прасочваўся на ўсіх профілях раскопу, трэба адносіць да 1526 г., калі пры будаўніцтве новага замка «было принято много горы Могилы», першапачатковы вал зніверліраваны, роў засыпаны, а познасярэдневяковая фартэцыя ахапіла амаль у два разы большую плошчу.

Раскоп 2004 г. (катлаван пад царкву), нягледзячы на свае памеры, быў малаінфарматыўны. На яго плошчы культурны слой амаль цалкам знішчаны і пераадкладзены ў ходзе будаўнічых работ 1960-х гадоў, калі тут быў пабудаваны летні тэатр. У ходзе даследаванняў на плошчы гэтага раскопу былі зафіксаваны толькі невялікія лінзы культурнага слою XII–XIII стст. (мал. 1).

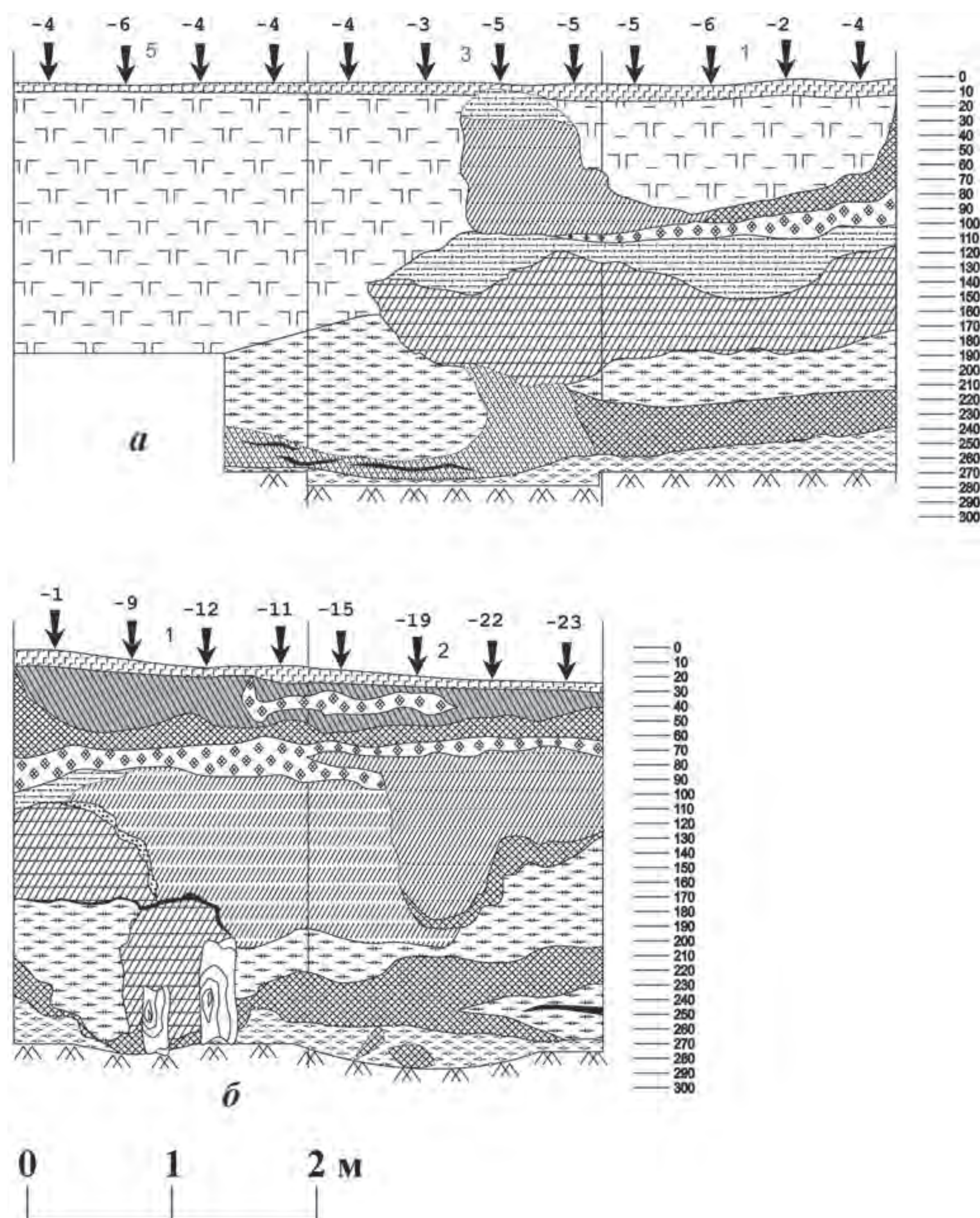
Надзвычай важныя матэрыялы па гісторыі старажытнарускіх умацаванняў былі атрыманы ў ходзе вывучэння *траншэі № 5 2005 г.,* разбітай ў паўночнай частцы помніка, амаль на краі пляцоўкі замчышча. Плошча траншэі – 8 м^2 (мал. 1; 2, *д*).

Пасля гумусіраванага слою урадлівай глебы (магутнасць 0,15–0,20 м) пачынае прасочвацца перакоп, які складаецца з *будаўнічага друзу шэрага колеру* з артэфактамі савецкага часу. У гэтых напластаваннях былі зафіксаваны як фрагменты керамікі эпохі Кіеўскай Русі, так і XIV–XVIII стст. Яго магутнасць знаходзіцца ў межах 0,5 м, у паўночна-заходняй частцы кв. 2 перакоп з будаўнічага друзу прасочваецца амаль да мацерыка. Узнікненне гэтых напластаванняў звязана з будаўнічай дзейнасцю 1960-х гадоў, калі на тэрыторыі замчышча быў пабудаваны летні тэатр. Фрагмент рэшткаў яго бетанiраванага падмурка чытаецца на ўсходнім профілі траншэі ў кв. 2 (мал. 3, *а*).



Умоўныя адзнакі да мал. 2–9: *1* – гумусіраваны пласт; *2* – вугальна-попельная праслойка; *3* – светла-шэры слой; *4* – супесь светла-шэрага колеру; *5* – цёмна-шэры слой; *6* – рэшткі спарахнелай драўніны; *7* – чалавечыя косці; *8* – шкілет; *9* – камяні; *10* – напаленая глеба; *11* – гліна чырвонага колеру; *12* – пясок; *13* – перакоп савецкага часу; *14* – перакоп; *15* – дрэва; *16* – вугаль; *17* – бітая цэгла; *18* – светлы суглінак; *19* – супесь шэрага колеру; *20* – пласт пахаванай глебы; *21* – гаршчок; *22* – мацярык; *23* – нівеліровачная адзнака

Мал. 2. Разгортка профіляў траншэі № 5 (*а–г*) і план мацерыка (*д*). Замчышча. Магілеў. 2005 г.



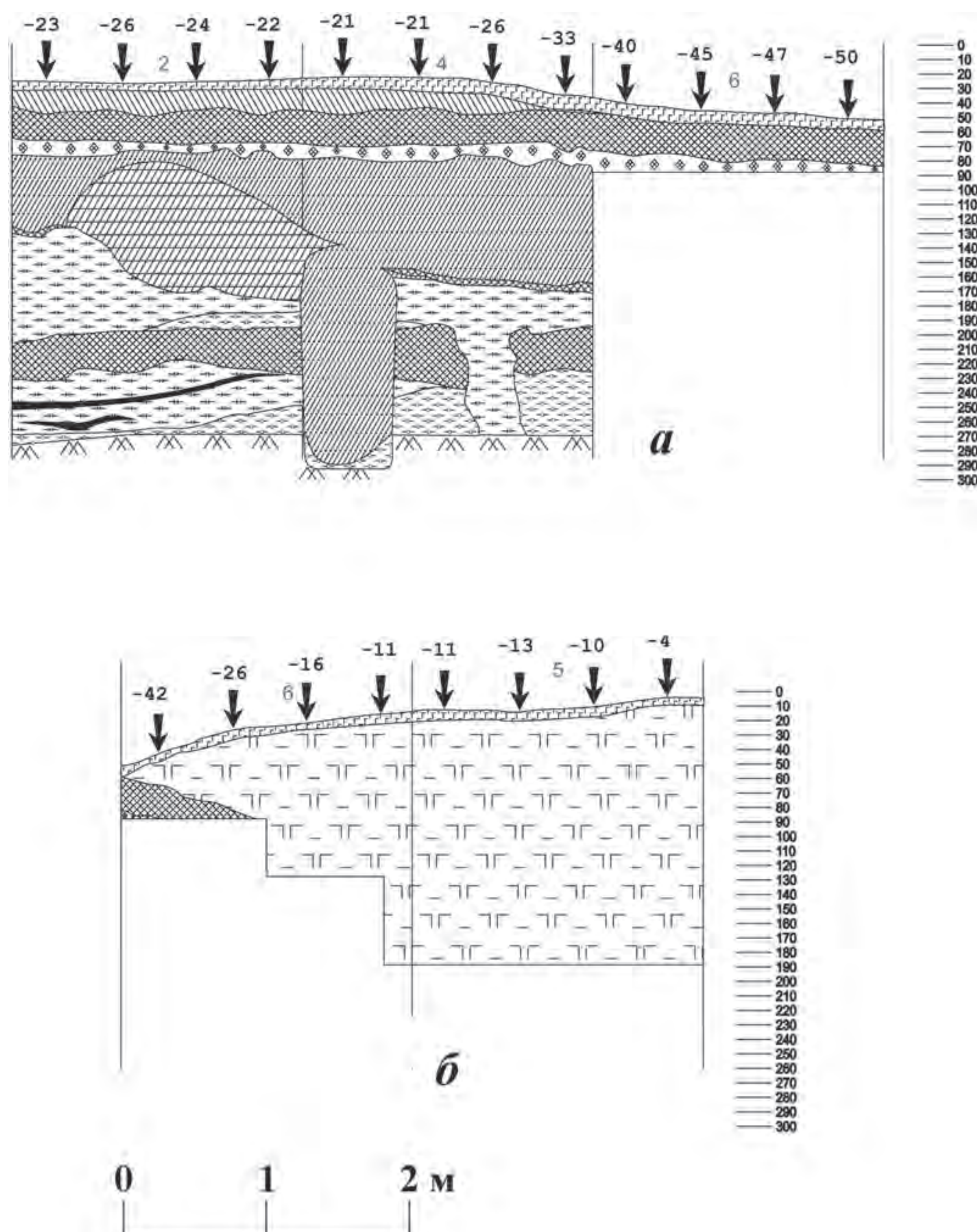
Мал. 3. Разгортка профіляў раскопу № 7: *а* – паўдневы профіль; *б* – заходні профіль. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2

Будаўнічы друз у непашкоджанай перакопам частцы траншэі змяняюць *напластаванні шэрага колеру* магутнасцю 0,6–0,8 м з украпінамі бітай цэглы-пальчаткі і керамічнымі матэрыяламі XVI–XVIII стст. (мал. 2).

Пасля іх сустракаецца *пласт абпаленай да цэглападобнага стану гліны* ярка-чырвонага колеру магутнасцю 0,401 м. У паўднёва-заходняй частцы кв. 1 пласт гліны змяняецца *гліністай супессю* магутнасцю да 0,6 м. Гліністая супесь стратыграфічна звязана з пластам абпаленай гліны, з'яўляецца своеасаблівым яго працягам (мал. 2). На глыбіні 1,65 м ад дзённай паверхні пры распрацоўцы пласта гліны была зафіксавана шпора з рэпейкай. Падобны тып вырабаў характэрны для старажытнасцей XVI ст.

Пласт абпаленай гліны ёсць усе падставы адносіць да рэшткаў будаўнічых канструкцый магілёўскага замка 1526 г. Цікава, што пры распрацоўцы гэтага пласта былі зафіксаваны рэшткі будаўнічай ахвяры – ля падэшвы гліны на глыбіні 1,16–1,22 м ад дзённай паверхні знойдзены фрагменты двух непаліваных гаршкоў XVI ст. з рэшткамі стравы, косткамі жывёл і рыбінай лускай (мал. 2, *в*). Акрамя гэтага ў межах кв. 1 на глыбіні 1,31 м ад дзённай паверхні выразна чыталася яма-канаўка, запоўненая пасечанымі косткамі жывёл (мал. 2, *г*).

Пасля гліны прасочваецца *супесь светла-шэрага колеру,* насычаная шматлікімі ўкрапінамі вугалю. Яе сярэдняя магутнасць – 0,7 м. Гэта і ёсць ядро магілёўскага вала. Пры распрацоўцы гэтых на-



Мал. 4. Разгортка профіляў раскопу № 7: *а* – паўночны профіль; *б* – усходні профіль. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2

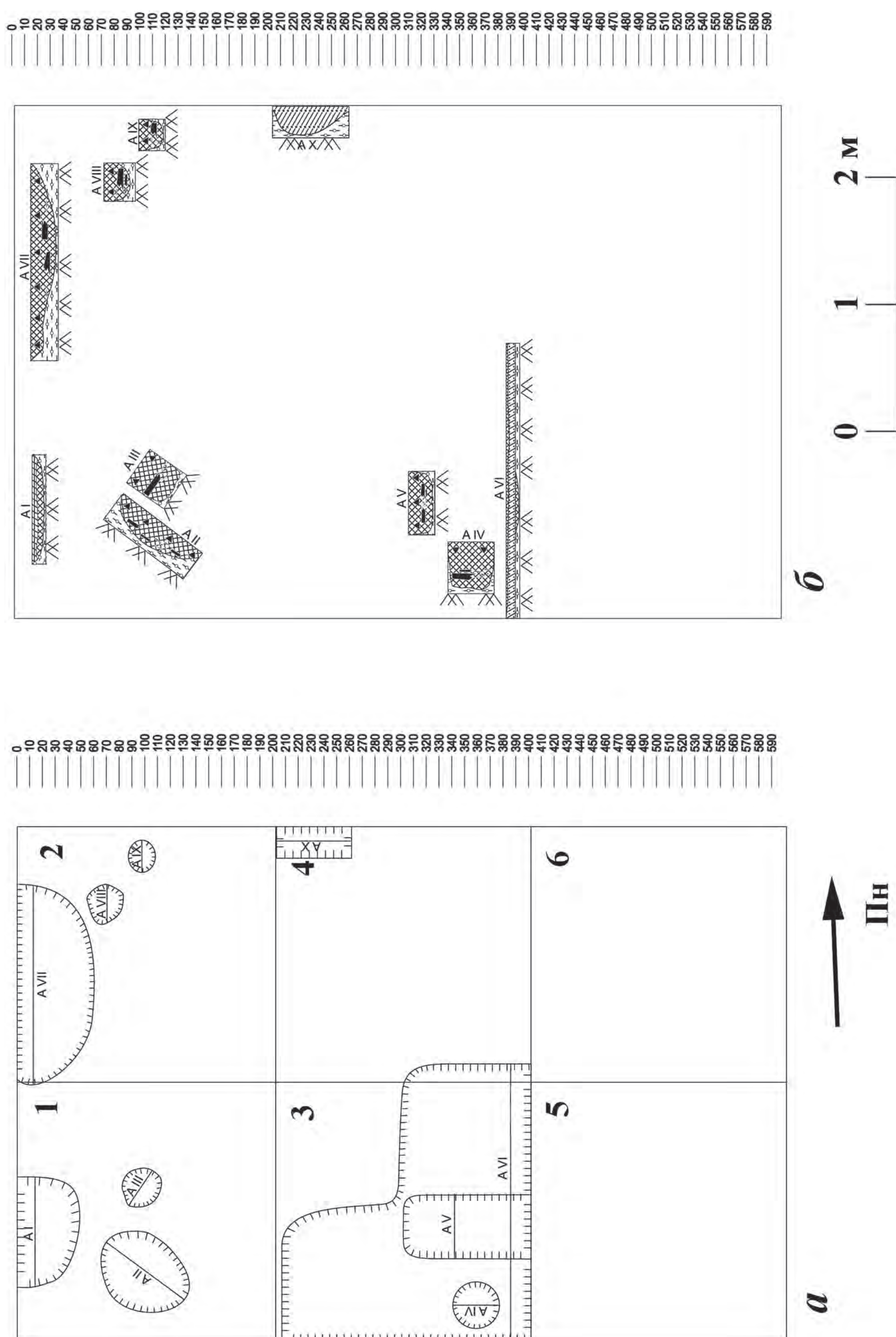
пластаванняў сабрана шматлікая калекцыя керамікі, шкляных бранзалетаў, побытавых рэчаў і зброі. На глыбіні 2,4 м ад дзённай паверхні насып вала змяняецца *мацерыковым суглінкам* белага колеру.

Першапачатковы схіл насыпу вала выразна чытаецца на паўднёвым профілі (мал. 2, *г*). На профілі і зачышчаным мацерыку траншэі вельмі добра відаць рэшткі двух радоў спарахнела драўлянага частаколу, які быў пастаўлены па краі вала (мал. 2, *д*).

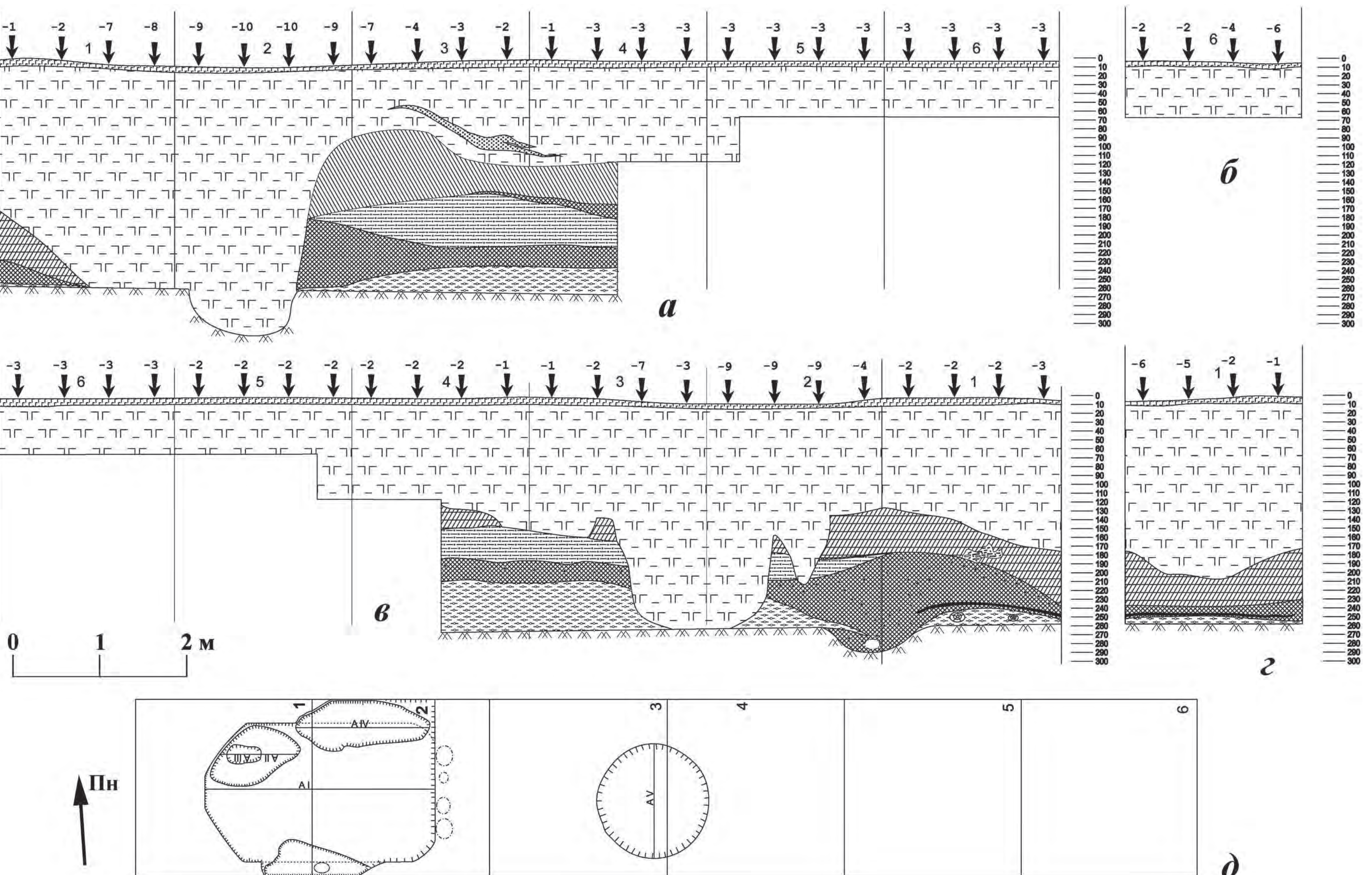
Характар размяшчэння у насыпе керамічнага матэрыялу і іншых рэчаў дазваляе вызначыць як прыкладны час узвядзення першапачатковых умацаванняў, так і пазнейшыя этапы, звязаныя з узнаўленнем і падсыпкай вала.

У прадмацерыковай праслойцы светла-шэрай супесі (пл. 12), якая аддзелена ад астатняй часткі насыпа вала праслойкай цёмна-шэрага колеру з украпінамі вугалю, былі зафіксаваны фрагменты керамікі з адвогнутым вонкі элементарным венцам і венцы з карнізікам, характэрныя для канца X – XI ст. (мал. 10: *3–6, 8*) [3, с. 75; 4, с. 84–85; 5, с. 75]. На мяжы пластоў 11 і 12 была знойдзена ляпная кераміка з расчосамі III–V стст. (мал. 10: *1, 2*).

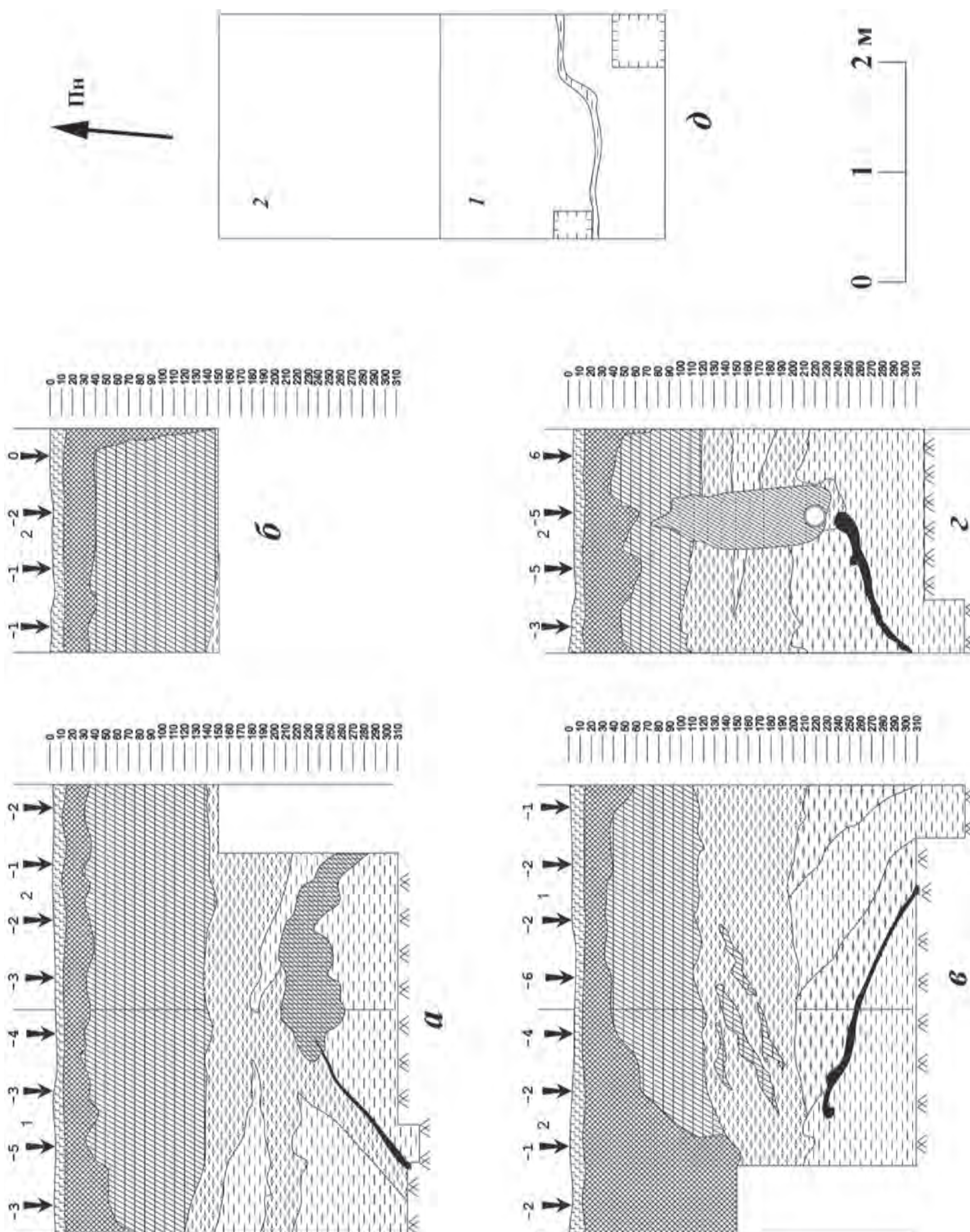
Вышэй гэтага узроўню (пл. 10, 11) у насыпе сустракаліся шкляныя бранзалеты разам з керамікай,



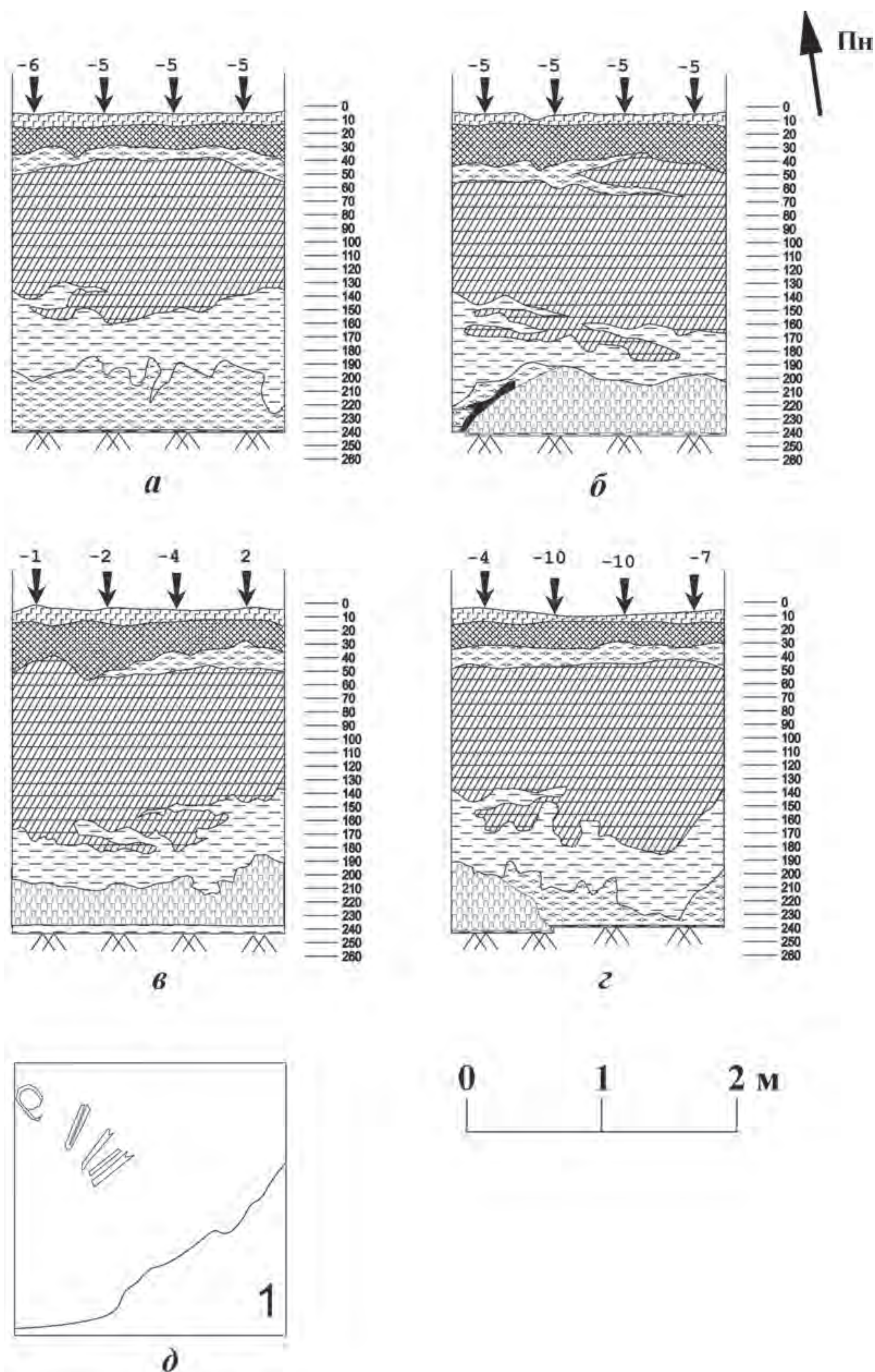
Мал. 5. План мацерыковых ям раскопу № 7. Разрэзы і іх запаўненне. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2



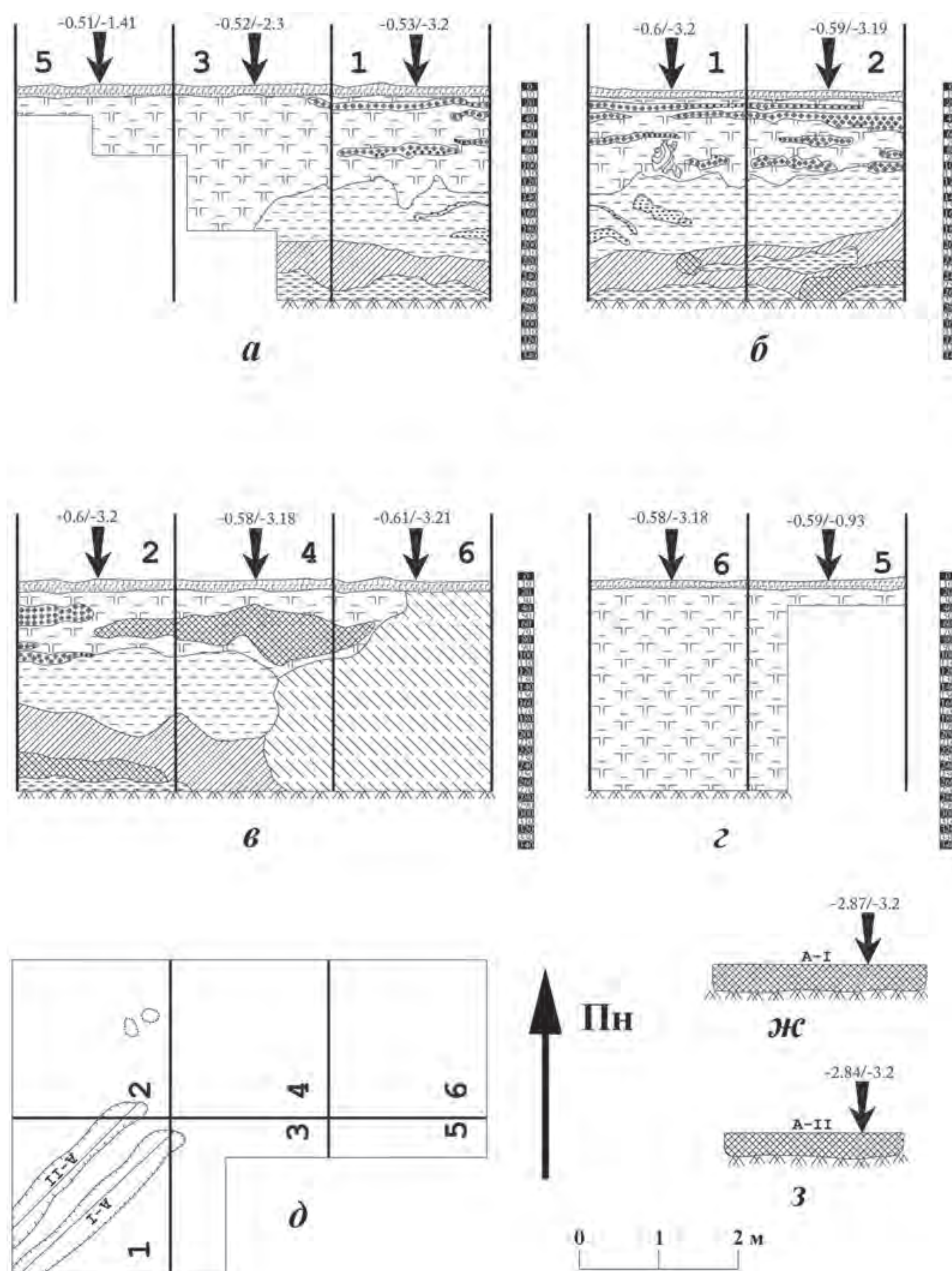
Мал. 6. Разгортка профіляў траншэі № 5: *а* – паўночны профіль; *б* – усходні профіль; *в* – паўдневы профіль; *г* – заходні профіль; *д* – план мацерыковых ям. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2



Мал. 7. Разгортка профіляў траншэі № 6: *а* – заходні профіль; *б* – паўночны профіль; *в* – усходні профіль; *г* – паўдневы профіль; *д* – план мацерыка. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2



Мал. 8. Разгортка профіляў шурфа № 1: *а* – паўднёвы профіль; *б* – заходні профіль; *в* – паўночны профіль; *г* – усходні профіль; *д* – план мацерыка. Замчышча. Магілеў. 2006 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2

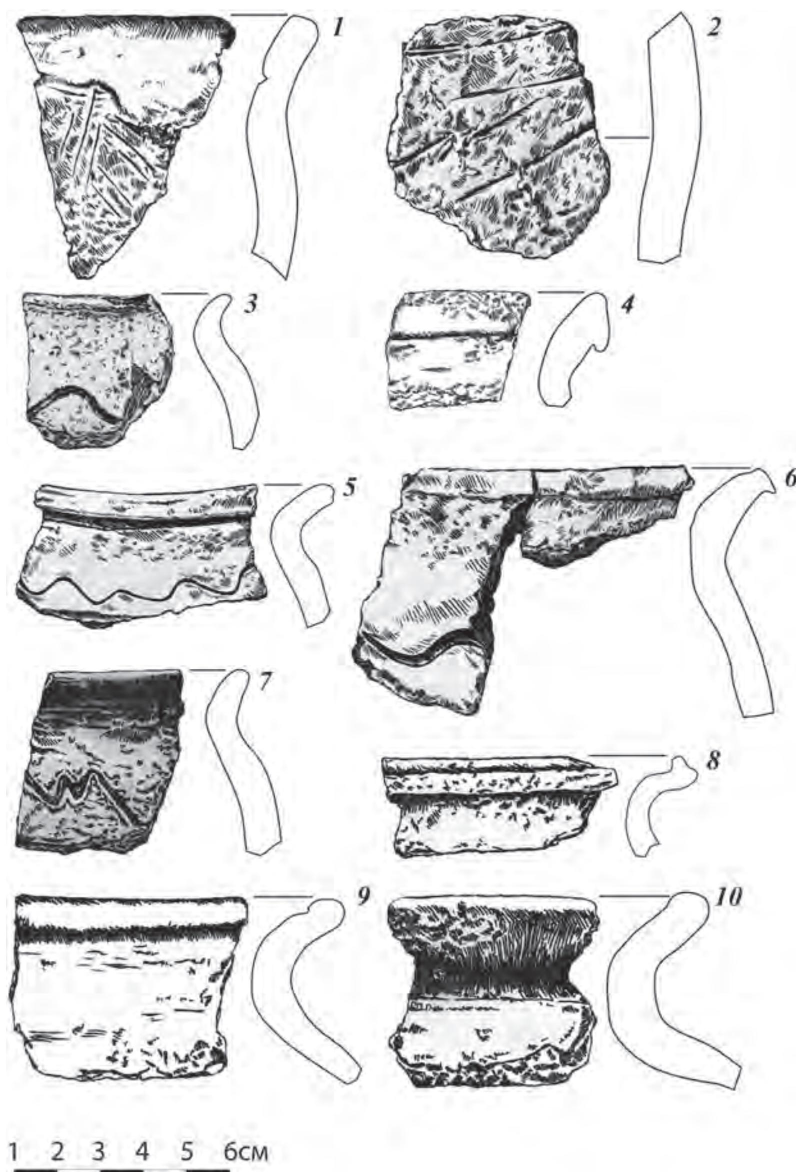


Мал. 9. Разгортка профіляў раскопу № 8: *а* – паўднёвы профіль; *б* – заходні профіль; *в* – паўночны профіль; *г* – усходні профіль; *д* – план мацерыка; *ж* – запаўненне ямы А-I; *з* – запаўненне ямы А-II. Замчышча. Магілеў. 2007 г. Умоўныя адзнакі тыя ж, што і да мал. 2

прафіліроўка венцаў якой з'яўляецца характэрнай для XII – першай паловы XIII ст. (мал. 10: *9, 10*). Менавіта на гэтыя пласты прыпадае максімальная колькасць бранзалетаў. Сярод іх шмат паліхромных асобнікаў. Пераважаюць кручаныя бранзалеты, гладкіх амаль няма.

Сенсацыйнай для Магілёва з'яўляецца і знаходка фрагмента цамянкі, якая была зафіксавана таксама ў пл. 11. Акрамя цамянкі ў пл. 10 і 11 у насыпе вала было знойдзена шмат іншых будаўнічых матэрыялаў: фрагменты глінянай абмазкі, кавалкі пракаленага пяску, кавалкі цаглянай пліткі і плінфы.

У верхняй частцы насыпу знойдзены фрагменты гаршкоў, характэрныя для сярэдзіны XIII – пачатку XIV ст. Рэзка змяншаецца колькасць бранзалетаў, усе знойдзеныя ў гэтым пласце асобнікі аднатыпныя, гладкія, чорна-зялёнага колеру. У гэтым жа пласце знойдзена дужка ад спружыннага замка (мал. 11: *7*).



Мал. 10. Гаршкі (фрагменты): *1, 2* – III–V стст.; *3–8* – канец X – першая палова XI ст.; *9, 10* – XII–XIII стст.; *1–6, 8–10* – 2005 г.; *7* – 2006 г. Магілёў

Надзвычай важную інфармацыю мы атрымалі ў выніку разборкі запаўнення мацерыковай ямы амаль авальнай формы (фундамента драўлянай вежы). Яе абрысы пачалі «чытацца» з глыбіні 1,89 м ад дзённай паверхні на ўзмежжы кв. 1, 2 (мал. 2, *д*). Верхняя частка ямы перакрыта магутным пластом пажарышча. Пры распрацоўцы запаўнення ямы быў знойдзены цэлы шэраг артэфактаў, які дазваляе датаваць слой пажарышча часам не раней (але і не пазней) за сярэдзіну XIII ст. У запаўненні ямы зафіксаваны: характэрны для мангольскіх старажытнасцей наканечнік стралы – зрэзень; бранябойны наканечнік стралы; уток кап'я; фрагмент нажа, выкананага ў тэхніцы трохзварачнага пакета; два гаршкі, адзін з іх мае выразнае рабро на плечуку, на яго донцы змешчана кляймо ў выглядзе княскага трызуба; філігранны бранзалет лімоннага шкла з залатой, эліпсоіднай формы, ніткай пасярэдзіне; два паліхромных кручаных шкляных бранзалета (мал. 11: *2, 3, 6;* 12; 13).

Як вядома, філігранныя бранзалеты такога тыпу ўвайшлі ў ужытак у канцы XII ст. і былі распаўсюджаны да сярэдзіны XIII ст. Адзіным месцам, дзе іх выраблялі ва Усходняй Еўропе, быў Кіеў[1]. Пасля знішчэння Кіева туменамі Бату-хана вытворчасць такіх бранзалетаў спынілася [29]. Такім чынам, у Магілёў падобная рэч магла патрапіць не пазней за 1240 г. Уявіць, каб бранзалет мог насіцца 60 гадоў

[1] «Найноўшыя» даследаванні аб адсутнасці ўласнага шкларобства ў Кіеўскай Русі мы лічым навукова не абгрунтаванымі і бяздоказнымі.

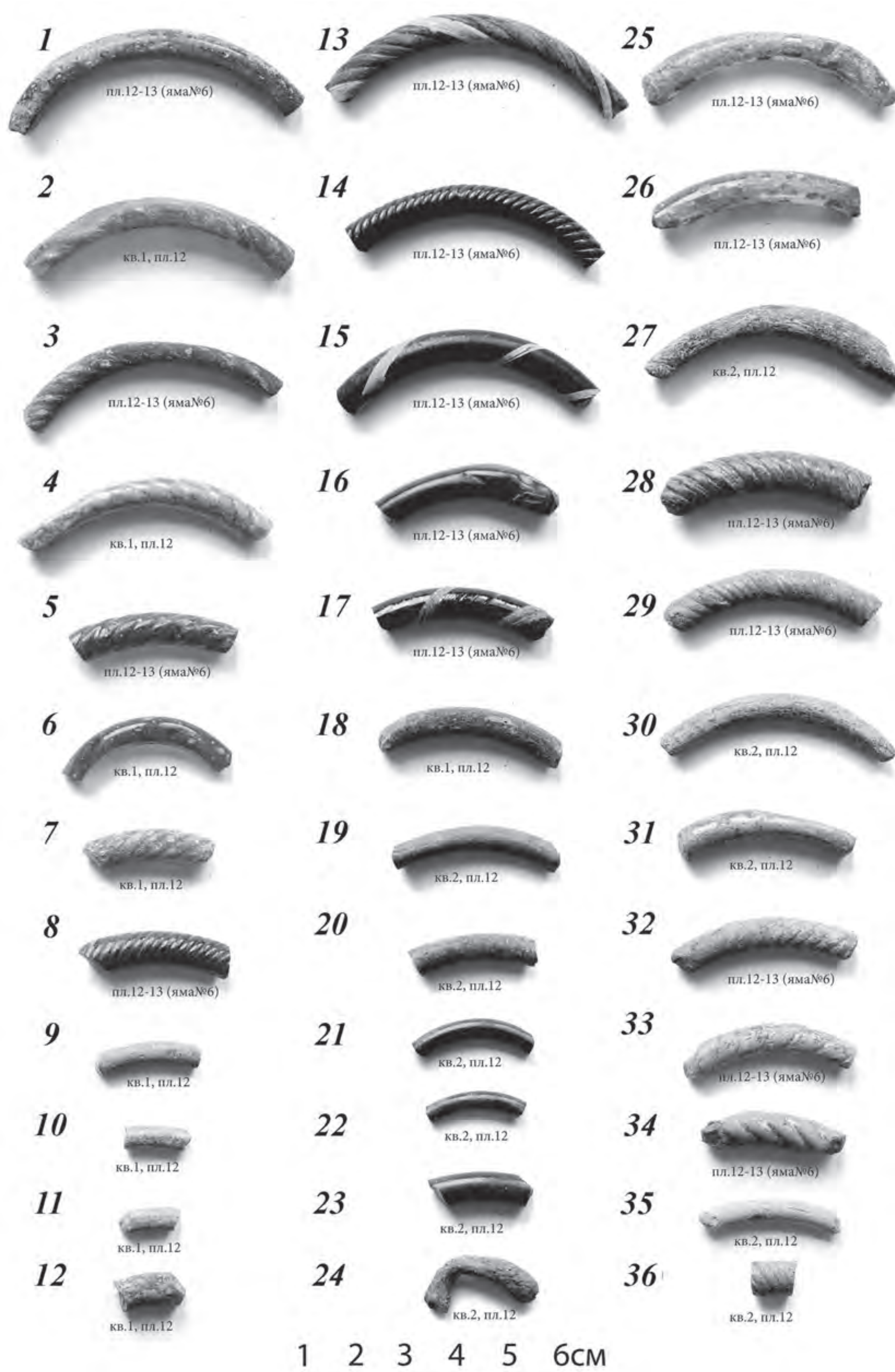
Мал. 11. Металічныя вырабы (*1–8*). XIII–XVI стст.

пасля вырабу, проста не магчыма. Кераміка, знойдзеная ў запаўненні ямы, таксама паказвае на тое, што пажар, рэшткі якога прасочваюцца ў насыпе вала, палыхаў як раз у сярэдзіне XIII ст. Не пярэчаць падобнаму датаванню і знаходкі зброі.

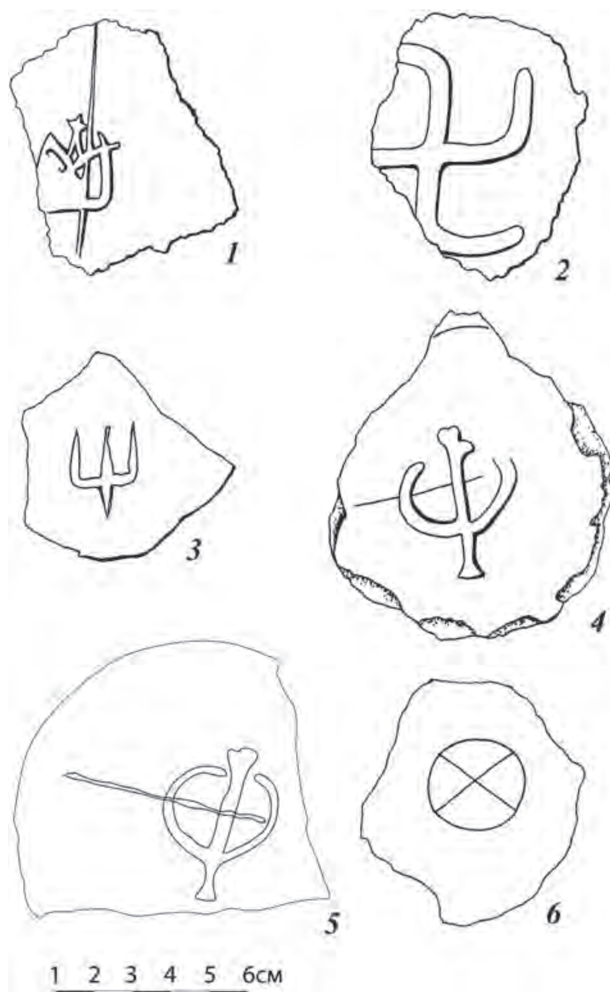
Траншэя № 5 2006 г. з'яўляецца працягам траншэі 2005 г. Плошча вывучанай у 2006 г. траншэі – 10 м^2. Траншэя разбіта на квадраты плошчай 2 × 2 м кожны (мал. 1, 6). У сувязі з тым, што пры мінулагодніх даследаваннях у кв. 1 траншэі выразна фіксаваўся край вала і часткова чытаўся абрыс вежы, было вырашана, для лепшай графічнай і фотафіксацыі, раскрыць гэты квадрат яшчэ раз. З улікам гэтага квадрата плошча траншэі складае 12 м^2.

Стратыграфічная сітуацыя ў траншэі амаль ідэнтычная з траншэяй 2005 г. Пасля *гумусіраванага пласта урадлівай глебы* (магутнасць 0,07–0,09 м) пачынае прасочвацца *будаўнічы друз XX ст.*, яго змяняюць *напластаванні шэрага колеру* магутнасцю ад 0,3 да 0,8 м з украпінамі бітай цэглы-пальчаткі. У паўночнай частцы кв. 3 і 4 іх падсцілае праслойка цёмна-шэрага колеру (0,05–0,18) (мал. 6, *а–г*).

Пасля гэтага прасочваецца *пласт абпаленай да цэглападобнага стану гліны* ярка-чырвонага колеру магутнасцю 0,28–0,58 м. У межах кв. 2–4 на глыбіні 1,6–1,8 м ад дзённай паверхні пласт гліны змяняецца *суглінкам* магутнасцю ад 0,26 да 0,6 м. У межах кв. 1 на глыбіні 1,7 м ад дзённай паверхні выразна



Мал. 12. Бранзалеты (*1–36*). Шкло. XII–XIII стст. Раскоп № 7. Магілёў. 2006 г.



Мал. 13. Ганчарныя клеймы (*1–6*). Гліна. Канец X – XIII ст.

Мал. 14. Металічныя (*1, 2, 4*) і каменныя (*3*) вырабы: *1* – бранзалет XII – першай паловы XIII ст.; *2* – лязо нажа (фрагмент) канца XII – сярэдзіны XIII ст.; *3* – асялок; *4* – варган XII–XIII стст.; *1–3* – 2006 г.; *4* – 2007 г. Магілёў

чыталася яма-канаўка, запоўненая пасечанымі косткамі жывёл (мал. 6, *а–г*).

Пасля гліны прасочваецца культурны слой *цёмна-шэрага колеру,* насычаны шматлікімі ўкрапінамі вугалю. Яго сярэдняя магутнасць – 0,49 м, мінімальная – 0,2, максімальная – 0,78 м. Пры распрацоўцы гэтых напластаванняў сабрана кераміка і шкляныя бранзалеты, характэрныя для XII–XIII стст. (мал. 6, *а–г*).

Надзвычай каштоўнымі знаходкамі з'яўляюцца зафіксаваныя пры распрацоўцы пл. 12 кв. 2 металічнага бранзалета з кірылічным надпісам-кляймом майстра на ўнутраным баку, фрагмента кручанага шклянога бранзалета чырвонага колеру, бронзавага жаночага пярсцёнка і свінцовай «рыбкі» амулета (?) (мал. 14) [23, мал. 66: *8, 9, 14*]. У пл. 12 кв. 2 быў таксама знойдзены даволі вялікі кавалак плінфы.

На глыбіні 2,3–2,5 м ад дзённай паверхні насып вала змяняецца *мацерыковым суглінкам* белага колеру. У межах кв. 1, 2 выразна чытаецца абрыс вежы, фундамент якой па краях быў умацаваны камянямі (мал. 6, *д*). Запаўненне вежы па лініі А1 утрымоўвае ў сябе спарахнелую драўніну, шмат вугалю.

Надзвычай каштоўныя матэрыялы атрыманы ў выніку распрацоўцы гаспадарчай ямы (*яма AV*) ў межах кв. 3 і 4 (мал. 6, *д*). Запаўненне ямы – цёмна-шэры слой з украпленнямі вугалю, костак і спарахнелай драўніны. У запаўненні ямы быў знойдзены ключ тыпу В варыянт 2, зламанае цясло, 3 фрагменты шкляных бранзалетаў, кераміка, у тым ліку донца з выявай княскага знаку аналагічнае знойдзенаму ў траншэі № 5 на гаршчку сярэдзіны XIII ст. (мал. 13: *5*; 15). Як вядома, замкі тыпу В датуюцца другой паловай XII – першай паловай XV ст. [9, с. 160–163]. Характар рэчавага комплексу дазваляе датаваць гэтую гаспадарчую яму сярэдзінай XIII ст.

Першапачатковы схіл насыпу вала выразна чытаецца на паўднёвым профілі, а яго «хвост» на паўночным. На паўднёвым профілі траншэі вельмі добра відаць рэшткі двух спарахнелых слупоў, якія былі пастаўлены па краі вала (мал. 6: *а, в*).

Знаходка ў насыпу вала кавалка цамянкі, фрагментаў цаглянай пліткі і плінфы дае права выказаць гіпатэтычнае меркаванне аб магчымасці існавання ў Магілёве ўжо ў XII–XIII стст. мураванага храма. Калі гэта так, то яго ўзнікненне хутчэй за ўсё магло мець места толькі ў XII ст. Уявіць сабе, каб мураванае культавае будаўніцтва магло адбывацца ў Магілёве ў першай палове XIII ст., калі яно прыпынілася ў найважнейшых гарадскіх цэнтрах Беларусі, наўрад ці магчыма.

Траншэя № 6 2006 г. была разбіта ў паўднёвай частцы помніка, амаль на краі пляцоўкі гарадзішча з мэтай вывучэння старажытных умацаванняў. Плошча траншэі – 8 м^2 (мал. 1, 7).

Пасля *гумусіраванага слою урадлівай* глебы (магутнасць – 0,09–0,13 м) па ўсёй плошчы траншэі пачынае ісці *пласт зямлі цёмна-шэрага колеру.* Мі-

німальная магутнасць – 0,15–0,16 м, максімальная – 1,35 м. Пласт насычаны знаходкамі канца XVI – XX ст.

З глыбіні 0,3–0,6 м на непашкоджаных частках квадратаў траншэі пачынаецца *гліна светла-чырвонага колеру.* У пласце гліны зафіксаваны фрагменты цэглы-пальчаткі. У межах паўночна-усходняй частцы кв. 2 да глыбіні 1,5 м працягваецца перакоп цёмна-шэрага колеру.

Напластаванні гліны светла-чырвонага колеру змяняюцца *пластом светлага суглінку* з украпінамі гліны светла-чырвонага колеру. На непашкоджаных участках траншэі яго магутнасць вагаецца у межах 0,60–1,12 м. З глыбіні 1,1–1,4 м ад дзённай паверхні суглінак змяняюць *напластаванні суглінстай супесі шэрага колеру* і *гліны ярка чырвонага колеру.*

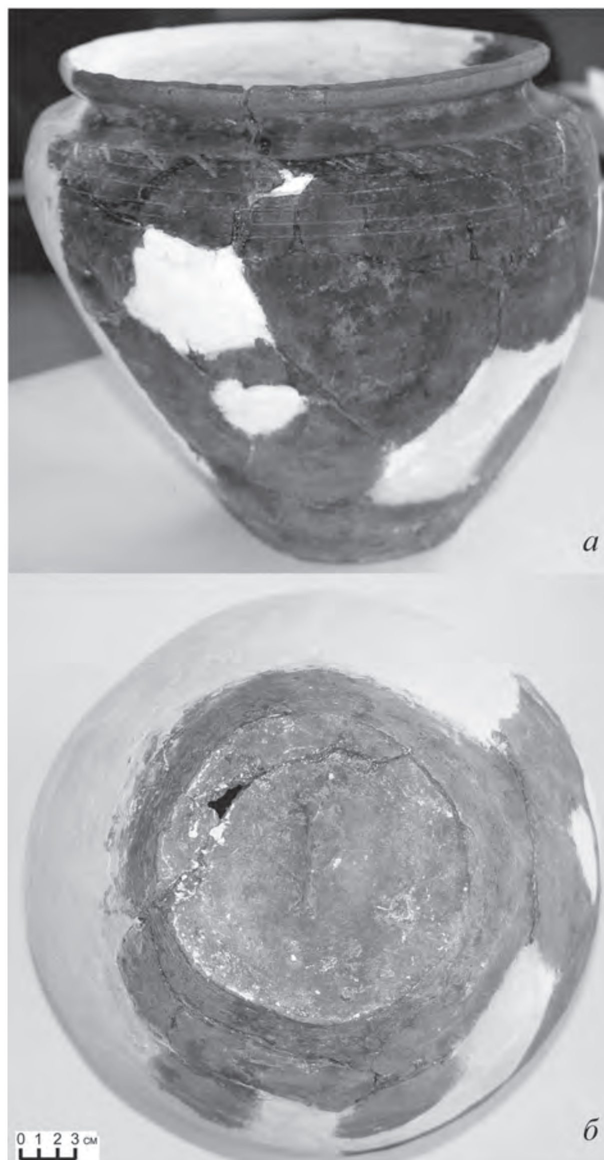
Да глыбіні 2,30–2,35 м ад дзённай паверхні на паўднёвым профілі траншэі чытаецца *перакоп* пад каналізацыю з рэшткамі цэментнай трубы XX ст. На заходнім профілі траншэі ў межах кв. 2 і часткова кв. 1 з глыбіні 2,1 м прасочваецца *пласт спарахнелай драўніны* магутнасцю ад 0,25 да 0,55 м.

У межах траншэі нам пашанцавала патрапіць на рэшткі старажытнага вала. На схіле марэннай мацерыковай гліны выразна чытаецца слой вугалю, які з'яўляецца рэшткамі рытуальнага ачышчальнага вогнішча (мал. 7, *а, в, г*). Адразу пад праслойкай вугалю, на мяжы пласта спарахнелай драўніны і светлага суглінку, на глыбіні 2,39 м побач з заходнім профілем кв. 1 быў зафіксаваны фрагмент венца керамікі так званага полацкага тыпу [23, мал. 68: *2*]. Як вядома, такая кераміка з'яўляецца ў XI ст. і працягвае шырока скарыстоўвацца на працягу XII–XIII стст. [5, с. 77]. Сёння ў Магілёве гэта адзінкавая знаходка венца з такой прафіліроўкай. Пры далейшай распрацоўцы слою у гэтым жа квадраце на глыбіні 2,58 м ад дзённай паверхні, на мяжы праслойкі вугалю і слою светлага суглінку, быў зафіксаваны фрагмент венчыка з масіўным карнізікам, характэрным для канца X – XI ст. [3, с. 93; 4, с. 85; 5, с. 76; 23, мал. 68: *1*].

Каштоўныя матэрыялы па стратыграфіі помніка даў **раскоп № 7 2006 г.** (4 × 6 м) (мал. 1, 3, 4).

Верхні гарызонт складаецца з баласта XX ст. Пасля *гумусіраванага слою урадлівай глебы* (максімальная магутнасць – 0,12 м, мінімальная – 0,04, сярэдняя – 0,08–0,09 м) у межах кв. 1, 3, 5, 6 пачынае ісці *будаўнічы друз шэрага колеру савецкага часу* (максімальная магутнасць – 1,78 м, мінімальная – 0,72, сярэдняя – 1,25 м).

На непашкоджанных частках раскопу з глыбіні 1,1–1,2 м ад дзённай паверхні прасочваецца *пласт гліны светла-чырвонага колеру*, абпаленай да цэглападобнага стану (мал. 3, 4) (максімальная магутнасць – 0,9 м, сярэдняя – ад 0,28 да 0,65 м). Пры яго распрацоўцы ў межах кв. 1 на глыбіні 1,3 м ад дзённай паверхні зафіксаваны фрагмент гаршковай кафлі [23, мал. 48: *1*].



Мал. 15. Гаршчок. Гліна. Сярэдзіна XIII ст.: *а* – від збоку; *б* – від знізу. Магілёў. 2005 г.

Пласт гліны змяняецца *суглінстай супессю шэрага колеру* (максімальная магутнасць – 1,0 м, мінімальная 0,23–0,30, сярэдняя – 0,5–0,6 м; пл. 9–11, у межах кв. 1 пл. 8–13) (мал. 3, *а, б*; 4, *а*).

Пасля яе па ўсёй непашкоджанай плошчы раскопу ішоў *слой цёмна-шэрага колеру* (мал. 3, 4) (максімальная магутнасць – 0,4–0,5 м, мінімальная – 0,1 м, сярэдняя – 0,29 м, пл. 11–13) насычаны керамікай, шклянымі бранзалетамі, металічнымі вырабамі XII–XIII стст.

Бліжэй да краю пляцоўкі пасля слою цёмна-шэрага колеру выразна чытаецца *суглінстая супесь шэрага колеру* (пл. 13–14) з праслойкамі вугалю (мал. 3, *а, б*; 4, *а*).

З глыбіні 2,4–2,6 м ад дзённай паверхні па ўсёй плошчы раскопу пачынае ісці *белы мацерыковы суглінак*.

Пры яго зачыстцы зафіксавана некалькі ям (мал. 5). Найбольш позняй з'яўляецца *яма А I.* Яна з'яўляецца рэшткамі асвятляльнага драўлянага слупа, пастаўленага побач з тратуарам у савецкі час.

Астатнія ямы адносяцца да старажытнарускага часу. Яны падзяляюцца на дзве групы – ямы, насычаныя спарахнелай драўнінай і керамікай канца X – XI ст. і гаспадарчыя ямы, характар запаўнення якіх дазваляе датаваць іх XII–XIII стст.

Яма А II – максімальная шырыня 0,75 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, цёмна-шэрая зямля і два фрагменты раннекругавой керамікі, падпраўленай на ручным ганчарным крузе X–XI стст. [3, с. 93; 4, с. 85; 5, с. 76; 23, мал. 5; мал. 32: *2–4*]

Яма А III – максімальная шырыня – 0,33–0,34 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, цёмна-шэрая зямля, два фрагменты ляпной керамікі (сценкі) і адзін фрагмент раннекругавой керамікі X–XI стст. з элементарным, адвогнутым вонкі венцам, падпраўлены на ручным ганчарным крузе [3, с. 93; 4, с. 85; 5, с. 76; 23, мал. 5; мал. 31: *4, 5*; мал. 32: *1*].

Яма А IV – максімальная шырыня – 0,37–0,38 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, цёмна-шэрая зямля. У запаўненні знойдзены тры фрагменты венцаў і адна сценка раннекругавой керамікі. Два венцы – з карнізікам, адно – элементарнае, адвогнутае вонкі. Датуюцца X–XI стст. [3, с. 75, 93; 4, с. 84–85; 5, с. 75–76; 23, мал. 5; мал. 31: *1–3, 6*].

Яма А V – максімальная шырыня – 0,50–0,51 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, цёмна-шэрая зямля. У запаўненні ямы зафіксавана паясная спражка [23, мал. 5; мал. 53: *9*].

Яма А VI – максімальная шырыня – 2,17 м. Запаўненне ямы: супесь светла-шэрага колеру з дамешкамі зямлі цёмна-шэрага колеру і праслойкамі вугалю. Паводле матэрыялу яма датуецца канцом XII – XIII ст. Пры яе распрацоўцы зафіксавана вялікая колькасць керамікі, шкляных бранзалетаў (мал. 12). Сярод шкляных бранзалетаў знойдзены паліхромныя, зялёныя, чорныя асобнікі. Акрамя гэтага ў яме знойдзены філігранныя бранзалеты, выкананыя з лімонна-жоўтага шкла з залатымі ніткамі па цэнтру сячэння, два фрагменты сценак лімонна-жоўтага шкла і аплаўленая пацерка. У гэтай жа яме зафіксаваны каменны асялок і нож, выкананы ў тэхніцы зварачнага пакета (мал. 14: *2, 3*). Пры разборцы ямы быў знойдзены перапаленае зерне гароха, бабоў, рэшткі стручкоў (вызначэнне кандыдата біялагічных навук, вядучага навуковага супрацоўніка Інстытута эксперыментальнай батанікі імя В. Ф. Купрэвіча НАН Беларусі Д. І. Траццякова), шмат костак жывёльнага паходжання.

Яма А VII – максімальная шырыня – 1,55 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі. Рэчавага матэрыялу не знойдзена. На заходнім профілі кв. 2 у межах ямы А VII выразна чыталіся дзве плямы з запаўненнем шэрага колеру, якія нагадваюць па форме рэшткі слупоў.

Яма А VIII – максімальная шырыня – 0,30 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, слой цёмна-шэрага колеру. Пры распрацоўцы запаўнення знойдзены фрагмент сценкі і фрагмент венца з карнізікам. Такая кераміка датуецца канцом X – XI ст. [3, с. 93; 4, с. 85; 5, с. 76; 23, мал. 5; мал. 31: *7*; мал. 32: *3*].

Яма А IX – максімальная шырыня – 0,25 м. Запаўненне – спарахнелая драўніна, вугольчыкі, слой цёмна-шэрага колеру.

Яма А X – максімальная шырыня – 0,60 м. Перакоп XX ст. Запаўненне – зямля шэрага колеру з цвікамі і шыферам савецкай вытворчасці.

Такім чынам, ямы А II, А III, А IV, А VII, А VIII, А IX можна інтэрпрэтаваць як рэшткі першай, самай старажытнай, лініі ўмацаванняў гарадзішча. Ямы А V і А VI з'яўляюцца гаспадарчымі. Характар іх запаўнення дазваляе датаваць іх канцом XII – XIII ст.

Вельмі цікавая інфармацыя была атрымана і ў ходзе распрацоўкі **шурфа № 1 2006 г.** (2 × 2 м), разбітага ў паўднёвай частцы помніка. Плошча шурфа – 4 м^2. Шурф знаходзіцца на адлегласці 2 м ад заходняга профілю раскопу Міхася Ткачова (мал. 1, 8).

Стратыграфія шурфа (мал. 8, *а–г*) наступная.

Гумусіраваны пласт глебы магутнасцю 0,08–0,12 м. Утрымоўвае знаходкі XX ст. – фрагменты бітага шыферу, бутэлечнае шкло савецкай вытворчасці.

Пласт зямлі цёмна-шэрага колеру. Яго максімальная магутнасць – 0,40 м, мінімальная – 0,15 м. Знаходкі – тры фрагменты бутэлечнага шкла савецкага часу, фрагмент шыфера, цвік фабрычнай вытворчасці.

Праслойка светлага суглінку. Максімальная магутнасць – 0,20 м, мінімальная – 0,03 м. Знаходкі адсутнічаюць.

Гліна светла-чырвонага колеру. Максімальная магутнасць – 1,45 м, мінімальная – 0,81 м. Пры распрацоўцы гліны зафіксавана: медная расійская манета 1 капейка 1828 г. (пл. 4), фрагменты цэглы-пальчаткі (пл. 6–8), фрагмент паліхромнай рэльефнай кафлі, пакрытай кобальтавай глазурай XVIII ст. (пл. 8).

Светлы суглінак. Максімальная магутнасць – 0,85 м, мінімальная – 0,06 м. Знаходак не ўтрымоўваў.

Пласт пахаванай глебы, які складаецца з суглінiстай супесі светла карычневага колеру. Выразна чытаецца ў паўднёва-заходнім паўднёвага і паўднёва-усходнім куце ўсходняга профіляў шурфа. Максімальная магутнасць – 0,32 м, мінімальная – 0,04 м. У гэтым пласце было зафіксавана старажытнае пахаванне па абраду інгумацыі ў грунтовай магіле.

У паўночна-заходнім куце шурфа знаходзіўся чэрап нябожчыка і пяць вялікіх костак шкілета (мал. 8, *д*). Абрыс пахавальнай ямы і магільнага грудка (гумусіраваная праслойка дзённай паверхні часоў пахавання) выразна чытаюцца на плане і профілях шурфа (мал. 8). Пры зачыстцы пахавання былі знойдзены: кавалак крамянёвай пласцінкі і два фрагменты кругавой керамікі (сценка і фрагмент венца з абламаным верхнім краем, аздобленным рыфленнем па плечуку). Цеста сценак добра прамешанае, з невялікі дамешкамі дробнай жарствы і пяску. Падобная тэхніка апрацоўкі характэрна для керамікі XII–XIII стст. з культурнага слою замка. Такім чынам, у шурфе намі зафіксаваны працяг старажытнага грунтовага могільніка, які ўпершыню быў адкрыты М. Ткачовым пры яго раскопках у гэтай частцы замка. Улічваючы той факт, што ў непасрэднай блізкасці ад гэтага месца знаходзілася праваслаўная Васкрасенская царква, аб якой інвентар магілёўскага замка 1604 г. лаканічна паведамляе, што яна «вельмі опадла», то можна меркваць, што тут, побач з храмам, знаходзіўся самы старажытны магілёўскі грунтовы хрысціянскі могільнік. Знаходкі плінфы дазваляюць выказаць меркаванне аб існаванні тут царквы ўжо ў XII ст.

Высновы. Самыя раннія матэрыялы на тэрыторыі помніка былі зафіксаваны пры зачыстцы мацерыка – ляпная гладкасценная з расчосамі і падштрыхоўкай кераміка, характэрная для старажытнасцей кіеўскай культуры III–V стст.

Зыходнай фазай усходнеславянскага засялення тэрыторыі Замчышча трэба лічыць канец X – XI ст. Аднак выразнага стратыграфічнага гарызонту гэтага часу на помніку не прасочваецца. Культурны слой XII–XIII стст. выразны, добра вылучаецца стратыграфічна. Улічваючы характар рэчавага матэрыялу, яго больш карэктна датаваць другой паловай XII – сярэдзінай XIII ст. Напластаванні XVI–XVIII стст. амаль цалкам пераадкладзены ў ходзе будаўнічых прац XX ст.

У выніку археалагічных даследаванняў 1992–2007 гг. на тэрыторыі магілёўскага замка (гара «Магіла») даказаны факт існавання на гэтай тэрыторыі ўмацаваннанага старажытнарускага паселішча з канца X – XI ст., росквіт якога прыпадае на канец XII – сярэдзіну XIII ст. Гэтым часам датуецца багаты культурны пласт (рэшткі зброі, ювелірных і шкляных упрыгажэнняў, апрацаваных касцей, керамікі).

Найбольш раннія ўсходнеславянскія матэрыялы – кераміка канца X–XI ст. з элементарнымі адвогнутымі вонкі венцамі і венцы з манжэтамі-«карнізікамі». Акрамя гэтага знойдзена некалькі ляпных керамічных сценак. Усе знаходкі гэтага часу паходзяць з прадмацерыковага слою і запаўнення мацерыковых ям ад слупоў умацаванняў.

Пры раскопках знойдзена шмат посуду з клеймамі ў выглядзе княскага знака – трызубца. Яны падзяляюцца на тры групы. Найбольш раннія знакі суадносяцца з сімволікай Уладзіміра Святаславіча, Хрысціцеля Русі (мал. 13: *3*) [12, с. 183; 15, с. 19]. Цікавую атрыбуцыю другой групы знакаў ранніх магілёўскіх трызубцаў (мал. 13: *1*) прапанаваў пецербургскі даследчык С. В. Бялецкі [2, с. 85–90, 95]. Княскія знакі з культурнага слою XII–XIII стст. маюць прамыя аналагі ў матэрыялах археалагічных раскопак старажытнага Друцка [15, с. 20]. Апошняя акалічнасць падмацоўвае слушнасць тых даследчыкаў (М. К. Любаўскі, В. Л. Насевіч), якія на падставе аналізу пісьмовых крыніц XI–XV стст. прыйшлі да высновы аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці Магілёва ў старажытнарускі час да Друцкага удзела Полацкай зямлі [26, с. 51, 57, 62; 27, с. 89].

Раскопкамі 2005 і 2006 г. устаноўлена, што ў канцы X – XI ст. на гары «Магіла» былі ўзведзены першыя ўмацаванні. Перад іх будаўніцтвам было распалена рытуальнае вогнішча, вугальная праслойка ад якога выразна прасочвалася ў прадмацерыковым пласце. З напольнага боку паўночная частка гарадзішча першапачаткова была ўмацавана двума радамі драўляных гародняў. З поўдня ў гэты жа час быў насыпаны вал з чырвонай гліны.

У сярэдзіне XIII ст. умацаванні былі спаленыя. У заходняй частцы помніка, у межах вала, зафіксаваны рэшткі драўлянай вежы, якая, мяркуючы па яе запаўненні, таксама згарэла ў сярэдзіне XIII ст.

З упэўненнасцю можна сцвярджаць, што на тэрыторыі замчышча знаходзіліся прафесійныя воіны-дружыннікі. Пра гэта сведчаць не толькі знаходкі ўзбраення, але і знойдзеная мініяцюрная рытуальная сякерка-амулет XII–XIII стст. тыпу 1, паводле класіфікацыі М. Макарава [10, с. 42; 15, с. 103]. М. Макараў, скурпулёзна вывучыўшы вялікую колькасць падобных матэрыялаў з розных рэгіёнаў Кіеўскай Русі, прыйшоў да думкі аб сувязі гэтых прадметаў з вайсковым асяродкам і спецыфічнымі для яго вераваннямі і абрадамі. У сякерках-амулетах трэба бачыць своеасаблівыя знакі прыналежнасці да вайсковага стану, які давалі сынам дружыннікаў пры пастрыгах – абрадах, што суправаджалі першае абразанне валасоў у дзіцяці. Верагодна, калі хлопчык станавіўся малодшым дружыннікам, «отроком», сякерка-амулет адыгрывала ролю ахоўніка, які захоўваў жыццё свайму ўладальніку ў паходах і на полі бою [10, с. 51].

Надзвычай каштоўнымі з’яўляюцца знаходкі фрагмента металічнага бранзалета з кірылічным надпісам-кляймом майстра на ўнутраным баку (мал. 14: *1*), фрагмент кручанага шклянога бранзалета чырвонага колеру візантыйскай вытворчасці

і свінцовай «рыбкі»-амулета. Паводле меркавання І. Калечыц найбольш верагоднае чытанне слова на нашым бранзалеце як ЖЕОД – кірылічны варыянт напісання грэчаскага слова geoid, geoides – «земляны», «земляпадобны» [8, с. 68].

Акрамя гэтага быў знойдзены даволі вялікі кавалак плінфы (10 × 10 см; таўшчыня – 3,2 см) з рэшткамі рошчыны. Знаходкі дазваляюць выказаць меркаванне аб наяўнасці ў Магілёве мураванай царквы ўжо ў XII ст. Аб наяўнасці хрысціянізаванага насельніцтва ў XII–XIII стст. сведчаць знаходкі энкалпіёнаў [1; 13; 15, с. 45, 57, 105, 243; 21–24]. Будзе дарэчы ў сувязі з гэтым прывесці меркаванне аб прычыне ўзнікнення Магілёва, выказанае ў свой час Ю. А. Заяцам: «Верагодна, што некаторыя гарады, былі заснаваны ў XI–XII стст. як асяродкі распаўсюджвання хрысціянства (Барысаў, Браслаў, Лагойск і, магчыма, Магілёў)» [6, с. 44].

У выніку праведзеных прац на помніку сабрана надзвычай рэпрэзэнтатыўная калекцыя керамікі XII–XIII стст., больш за 200 фрагментаў шкляных бранзалетаў гэтага часу (маюцца філігранныя асобнікі). Пры распрацоўцы гаспадарчых ям канца XII – XIII ст. знойдзены перапаленае зерне гароху і бабоў, рэшткі стручкоў гэтых культур, каменны асялок, нож, зроблены ў тэхніцы зварачнага пакета, ключ тыпу «В», зламанае цясло. Вельмі цікавай знаходкай, што паходзіць з напластаванняў XII–XIII стст., з'яўляецца музычны інструмент – варган (мал. 14: *4*) [24, мал. 54].

У той жа час на тэрыторыі будучых Пакроўскага («Падміколле») і Задубровенскага пасадаў існавалі неўмацаваныя паселішчы, сінхронныя магілёўскаму гарадзішчу на тэрыторыі гары «Магіла» [13, 14].

У сярэдзіне XIII ст. Магілёў быў знішчаны – наяўнасць у культурным слоі гэтага часу слядоў магутнага пажару, знаходкі мангольскіх наканечнікаў стрэл – зрэзняў, пасечаных рубячай зброяй чалавечых касцей паказваюць на тое, што жыхары Магілёва зведалі чорны лёс Гомеля, Вішчына, гарадзішча Свіслач на дняпроўскай Бярэзіне, якія былі спалены туменамі Бату-хана.

У XIV ст. жыццё на Падняпроўскіх кручах пачынае аднаўляцца – аб гэтым сведчаць і археалагічныя матэрыялы, і першая дакументаваная згадка горада ў пісьмовых крыніцах. У канцы XIV ст. Магілёў згадваецца ў «Списке русских городов дальних и ближних», які быў змешчаны ў археаграфічным спісе Наўгародскага Першага летапісу малодшага ізвода. У гэтым спісе Магілёў аднесены да гарадоў кіеўскіх «А се киевские гроди… Чечерск, Тетерин, Попова Гора, Пропошеск, Речица, Могилев, Быхов, Лучин» [28, с. 476]. У канцы XIV ст. «град Могилев» ужо быў адміністрацыйным асяродкам воласці і належаў каралеве Ядвізе.

Літаратура

1. Алексеев, Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западно-русских земель / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1974. – № 3. – С. 204–219.

2. Белецкий, С. В. Знаки Рюриковичей / С. В. Белецкий. – СПб., 2000. – Вып. 2, ч. 1: X–XI вв. Исследования и музеефикация древностей Севера-Запада.

3. Бубенько, Т. С. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска / Т. С. Бубенько, О. Н. Левко // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. – Минск, 2003.

4. Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск / Т. С. Бубенько. – Витебск, 2004.

5. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск, 1995.

6. Заяц, Ю. А. Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі / Ю. А. Заяц // Религия и общество : актуальные проблемы современнного религоведнеия : сб. науч. трудов. – Могилев, 2006. – С. 43–46.

7. Ионе, И. Г. К вопросу о первоначальной дате г. Могилева (по материалам археологических разведок) / И. Г. Ионе // Материалы пятой регион. археолог. студенческой конф. вузов Северо-Запада и центральных областей СССР. – Могилев, 1975. – С. 71–72.

8. Калечыц, І. Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І. Л. Калечыц. – Мінск, 2011.

9. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 156–177.

10. Макаров, Н. А. Древнерусские амулеты-топорки / Н. А Макаров // Российская археология. – М., 1992. – № 2. – С. 41–56.

11. Марзалюк, І. А. Вынікі археалагічных даследаванняў у гістарычным цэнтры і ваколіцах Магілёва / І. А. Марзалюк // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : ІГ НАН Беларусі. – 2007. – № 23. – С. 254–255.

12. Марзалюк, І. А. Да пытання аб адміністрацыйнатэрытарыяльнай прыналежнасці і сацыяльным статусе Магілёва ў XII–XIII стст. Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі / І. А. Марзалюк // Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк : Полацкі гіст.-культ. музейзапаведнік, ПГУ, 1998. – С. 178–185. : іл.

13. Марзалюк, И. А. «ЖООД» Когда и как возник Могилев на Днепре? / И. А. Марзалюк // Родина – Москва. – 2007. – № 9. – С. 27–28.

14. Марзалюк, І. А. Культурны слой Магілёва, як крыніца па гісторыі развіцця горада ў эпоху Сярэднявечча / І. А. Марзалюк // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии. – М. 1997. – Т. 2 : Славянский средневековый город. – С. 231–242.

15. Марзалюк, І. А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы : манаграфія / І. А. Марзалюк. – Мінск : Выд-ва «Веды», 1998. – 260 с.

16. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у гістарычнай частцы г. Магілёва (Замчышча, Пакроўскі пасад) у маі–ліпені 1993 г. / І. А. Марзалюк. –

Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1475. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст 34 с., кал. воп. 6 с., фота 18 с., 20 арк.

17. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Магілёўскага замчышча (Парк М. Горкага) ў 1994 г. / І. А. Марзалюк. – Архіў Інстытута Гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1535. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст 14 с., кал. воп. 3 с., іл. 15 с.

18. Марзалюк, І. А. Справаздача аб правядзенні археалагічных даследаванняў у чэрвені 1996 г. у горадзе Магілёве на тэрыторыі Замчышча (парк імя М. Горкага) / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1638. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ўніверсітэт імя А. А. Куляшова. – Тэкст 6 с., кал. воп. 2 с., іл. 6 с.

19. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках у Магілёве у 1998 г. (тэрыторыя Магілёўскага замчышча) / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1778. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–9, кал. воп. с. 10, іл. с. 11–32.

20. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках у Магілёве ў 1999 г. (тэрыторыя Магілёўскага замчышча) / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 1826. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–7, кал. воп. с. 8–9, іл. с. 10–29.

21. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках Магілёўскага замчышча ў 2004 г. / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 2035. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–6, кал. воп. с. 7, ум. абазн. с. 8, мал. с. 9–23.

22. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на Магілёўскім замчышчы (парк імя М. Горкага) і Пакроўскім пасадзе (Падмiколле, Магілёў) у 2005 г. / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 2304. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–19, кал. воп. с. 20–30, спіс умоўн. пазнач. с. 31, мал. с. 32–110, даведка с. 111.

23. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на Магілёўскім замчышчы (парк імя М. Горкага) у 2006 г. / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 2399. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–27, кал. воп. с. 28–41, мал. с. 42–106, даведка с. 107.

24. Марзалюк, І. А. Справаздача аб археалагічных раскопках на Магілёўскім замчышчы (парк імя М. Горкага) у 2007 г. / І. А. Марзалюк. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 2521. – Магілёў : Магілёўскі дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова. – Тэкст с. 3–10, кал. воп. с. 11–13, спіс. с. 14, іл. с. 15–27, даведка.

25. Марков, А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) / А. Марков. – СПб., 1910.

26. Насевіч, В. Л. Друцкае княства і князі друцкія / В. Л. Насевіч // Друцк старажытны. – Мінск, 2000. – С. 49–76.

27. Насевіч, В. Л. Род князёў друцкіх у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (XIV–XV стст.) / В. Л. Насевіч // Старонкі гісторыі Беларусі. – Мінск, 1992. – С. 81–104.

28. Новгородская первая летопись. – М., 1950.

29. Скрыпчанка, Т. С. Філігранныя бранзалеты / Т. С. Скрыпчанка // ПГКБ. – 1980. – № 4. – С. 27–28.

30. Ткачев, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачев. – М. : «Полымя», 1987.

31. Янин, В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков / В. Л. Янин. – М., 1998.

Резюме

И. А. Марзалюк

Культурный слой могилевского замчища как исторический источник

Статья посвящена истории археологического изучения детинца древнего Могилева – могилевского замчища (гора Могила, современный Парк имени М. Горького). Большинство материалов получены в ходе исследований автора и впервые вводятся в научный оборот. В результате археологических исследований 1992–2007 гг. доказан факт существования на этой территории укрепленного древнерусского поселения с конца X – XI в., а расцвет его материальной культуры приходится на конец XII – середину XIII в.

Summary

I. Marzaluk

The cultural layer of Mogilev castle as a historical source

The article is dedicated to the history of the archeological studies of the basis of ancient Mogilev – Mogilev castle (Mount Mogila, the place of where M. Gorky park is now situated). The majority of the materials have been received as a result of the author's investigations and are being introduced into scientific turnover for the first time. As a result of the archeological studies conducted in 1992–2007, the fact of the existence of a fortified ancient Russian settlement of the end of the 10th–11th centuries has been proved, and its material culture prosperity took place at the end of the 12th – the middle of the 13th century.

Паступіў 10.02.2012

УДК 903.2«16»

***С. Е. Рассадин**, Белорусский государственный технологический университет, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Челенга из Казимира

Во время раскопок 2012 г. в центральной части города Казимира, существовавшего с 1643 по 1655 г. на территории нынешней д. Королевская Слобода 2-я Светлогорского р-на Гомельской области, ближе к основанию 35-сантиметрового культурного слоя было выявлено ювелирное изделие из посеребренной бронзы весом 24,74 г. Напоминая по форме стилизованное изображение раскрытой книги и будучи слабо изогнутым как по продольной, так и по поперечной оси, оно имеет длину 56 мм, максимальную ширину – 34, толщину – 2,5 мм.

С лицевой стороны посередине пластины вертикально укреплена слегка расширяющаяся трубка, самый кончик которой обломан, а верх несколько сплющен. Ее первоначальная длина была, по-видимому, 49,2 мм; сейчас верхнее отверстие имеет величину 6,7 × 3,5, а нижнее – диаметр 2,9 мм. С оборотной стороны напаяны три ушка. Лицевая поверхность посеребрена, окантована чуть выступающим рантом. По зернистому ее фону, по обе стороны трубки, она украшена изображением пышного плюмажа (рис. 1).

Таким образом, налицо прямое указание функциональной принадлежности этой довольно хорошо сохранившейся вещи из Казимира. Как именно подобные ей использовались в ту историческую эпоху, хорошо иллюстрируют, в частности, многие портреты XVII в., живописные и гравированные. Так, судя, по портрету Яна II Казимира Вазы, написанному Даниелем Шульцем Младшим (1615–1683), плюмаж крепился к королевскому головному убору с помощью подобной, по-видимому, также металлической, детали (рис. 2, *а*). На портрете Кшиштофа Радзивилла Младшего, великого гетмана литовского в 1635–1640 гг., также можно рассмотреть аналогичное приспособление, – кстати, треугольной, скорее всего, формы (рис. 2, *б*). Безусловно, треугольную форму имеет крепление плюмажа к гетманской шапке, которое мы видим на гравированном портрете Богдана Хмельницкого работы Вильгельма Гондиуса, середина XVII в. (рис. 2, *в*). Впрочем, на польской гравюре XVII в., где подобное приспособление на шапке Лжедимитрия II прорисовано более детально, оно имеет более сложное, скорей всего, трехчастное, устройство (рис. 2, *г*).

Рис. 1. Ювелирное изделие из посеребренной бронзы. Казимир. 2012 г.

Говоря о головных уборах Польши XVII в., как цивильных, так и воинских, С. И. Шаменков утверждает, что их уже тогда украшали, якобы, «брошами-аграфами, с вставленными в них перьями» [8]. Известно, однако, что аграфы, от французского agrafe, «застежка», вошли в моду уже в следующем, XVIII, веке, когда ими действительно украшали также и шляпы [6, с. 212]. Однако хорошо известно, что, например, знаменитый шляпный аграф с бриллиантами середины XVIII в. из собрания дрезденского музея Grüne Gewölbe имеет отнюдь не вставные натуральные перья, а уже драгоценные металлические, и с каменьями. Поэтому применительно к XVI–XVII вв. более употребим, наверное, другой французский же, специальный термин «aigrette», буквально, «малая белая цапля». Согласно И. Фингерляйн, эгрет – новый тип ювелирных украшений со вставным птичьим пером, был специально разработан для вошедших в Западной Европе в моду в середине XVI в. шляп с высокой тульёй [10, S. 603–604].

Вернемся однако на Восток, пока что европейский. С. И. Шаменковым отмечается, что еще настоящие, птичьи, украшали шапки-магерки *piechoty wybranieckiej*, или гайдуков, в предшествующие два столетия. Гравюра 1581 г. Абрахама де Брайна позволяет сделать интересные наблюдения на этот счет (рис. 3). Здесь различима разница в способе крепления перьев на головных уборах гайдуцкого рядового и начальствующего состава. У рядового перо показано просто заткнутым за шапочный отворот, тогда как у офицера плюмаж вставлен в некое подобие казимировской находки. Надо полагать, что здесь имелось в виду также пришивное, а не пристегивающееся украшение наподобие аграфа: брошка просто не могла бы устойчиво удерживать довольно

Рис. 2. Аналоги находки в Казимире на портретах XVII в.: *а* – короля Яна Казимира Вазы; *б* – гетмана Кшиштофа Радзивилла Младшего; *в* – гетмана Богдана Хмельницкого; *г* – Лжедимитрия II

большую перьевую вставку, особенно в процессе верховой езды.

Итак, мы имеем дело с неким статусным, по-видимому, офицерским, аксессуаром. Пребывание в Казимире лиц офицерского звания документирует гетманский «Diariusz Kancelaryjny» Януша Радзивилла, где говорится о прибытии 28 июня 1649 г. сюда роты из 100 драгун под командованием капитана Питера Маена. К тому же, в 2007 г. здесь при раскопках удалось выявить фрагмент стеклянного кубка середины XVII в. Он был изготовлен явно по индивидуалному заказу, о чем свидетельствует монограмма владельца, содержащая литеру *«M»* – т. е. инициал упомянутого капитана [7, с. 347]. Кстати, имеется некоторая возможность представить, перо какой именно птицы могло украшать его головной убор. Выбор здесь был лимитирован указанным выше диаметром трубки, в которую оно вставлялось. По нашей просьбе доцентом, кандидатом биологических наук В. Б. Звягинцевым была сделана соответствующая выборка по диаметру очина – наиболее толстой, нижней, части стержня птичьего пера. Оказалось, что подходят, в частности, перья не только той же Egretta garzetta (малой белой цапли), но также Ardea cinerea (серой цапли) и Ardea purpurea (рыжей цапли), гнездящихся на территории Беларуси. Из других наших видов подходящие размеры имеют перья Grus grus (серого журавля), Tetrao urogallus (глухаря), Lyrurus (тетерева), а также соколообразных, от Aquila chrysaetos (беркута) до Falco tinnunculus (пустельги).

Поиск источника заимствования этого популярного военного атрибута уверенно ведет нас именно к ориентальной традиции. Насколько можно судить по турецкой миниатюре XVII в., подписанной, между прочим, как «татарский венец», крымский хан изображен, собственно, в точно такой же меховой шапке, что и упомянутые выше король, гетманы, самозванец, точно также украшенной пером, укрепленным явно аналогичным металлическим приспособлением (рис. 4, *а*). Однако, вопреки подписи на упомянутом рисунке, данный «венец» был скорей все же турецким. Так, в 1768 г. крымский хан Керим-, или Крым-Гирей, кстати, герой пушкинского «Бахчисарайского фонтана», приглашенный в Стамбул, был щедро награжден своим османским коллегой Мустафой III, получив, среди прочего, также «перо, осыпанное бриллиантами и именуемое соргучем, каковое сами султаны на турбанах своих носят…» [3, с. 38–40]. Такие роскошные украшения XVIII в. со вставками из драгоценных камней и жемчуга, хранятся теперь в стамбульском музее Топкапы, или Серале, бывшем главном дворце Османской империи (рис. 4, *б*) [9].

Подобный парадный соргуч (турецк. sorguç) можно видеть и на вполне европеизированном парадном портрете Абдул Меджида I (1839–1861), и на огромном тюрбане Баязида II Дервиша (1481–1512) (рис. 4, *в, г*). Но уже при Баязиде I Молниеносном

Рис. 3. Офицер с гайдуками.
Гравюра Абрахама де Брайна. 1581 г.

Рис. 4. Турецкие головные уборы с украшениями соргуч (sorguç): *а* – миниатюра «татарский венец» (по И. В. Зайцеву); *б* – соргуч из дворца Топкапы, XVIII в.; *в* – султан Абдул Меджид I (1839–1861); *г* – султан Баязид II Дервиш (1481–1512)

(1389–1402), согласно «Истории происхождения законов янычарского корпуса», появился сам этот обычай украшения головных уборов перьями различных птиц. Они служили символом гази, то есть, бесстрашного воителя за веру. Гази в этой истории янычар именуется их основатель, султан Мурад I (1359–1389). «Так как янычары душой и телом служили падишаху, – говорится далее в «Истории», – султан повелел им носить тот же головной убор, какой носил сам» [5, с. 560].

Как известно, янычары были чрезвычайно популярны даже среди своих христианских противников. Видимо, также этим объясняется, что в Речи Посполитой по военной реформе 1717 г. прежняя «венгерская», т. е. гайдуцкая, пехота преобразовывалась в янычарскую, в составе пяти рот. Соответственно, и обмундирование копировало уже не венгерский, а турецкий национальный костюм. Соответственно, к офицерскому мундиру полагалась чалма с плюмажем спереди (рис. 5, *а*) [2]. Стоит ли удивляться, что в дореформенную эпоху, гайдуцких и драгунских хоругвей, происходила инфильтрация отдельных янычарских воинских атрибутов, типа найденного в Казимире?

Встает вопрос о правильном наименовании функционально аналогичных предметов. В Западной Европе, как мы знаем, за ними закрепилось французское название aigrette (рис. 5, *б–г*). Однако в обиход

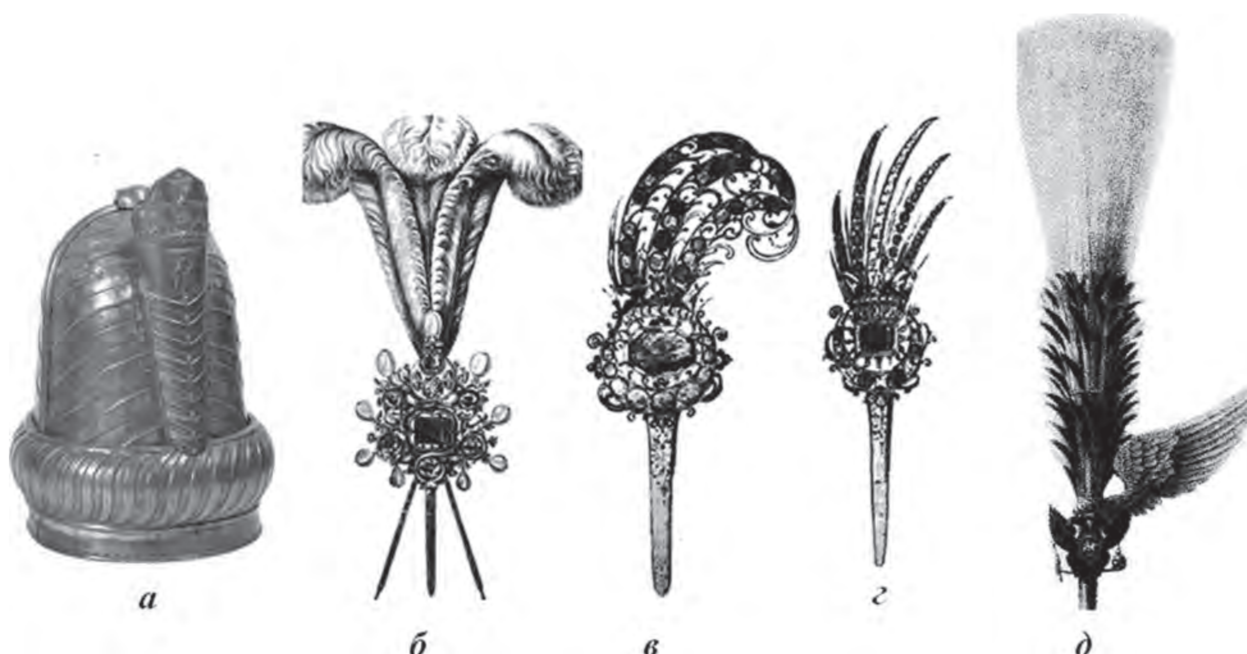


Рис. 5. Головные уборы: *а* – чалма польского янычарского офицера (по А. П. Грицкевичу); *б* – Г. Милих, эргет герцога Альбрехта IV Баварского, 1550 г.; *в, г* – А. Луллс, проекты эргетов, 1610 г. (по И. Фингерляйн); *д* – султан, вставленный в челенгу, со шляпы русского гусарского генерала (по А. В. Висковатову)

вошло, в частности, также и выражение «эргет турецких султанов». В этой связи обратим внимание на соответствующий термин официальной российской униформистики, совпадающий, практически, с оригинальным турецким. В капитальном труде А. В. Восковикова читаем: «Генералы, от офицеров, отличались только тем, что на шляпах имели высокий султан, из прямых, страусовых, белых перьев, с черными и желтыми петушьими перышками, к корню, вставленный в металлическую трубку или челенгу, с двуглавым, черным орлом и с золотым орлиным крылом; наподобие того, как было у Лейб-Гусаров времени Императрицы Екатерины II» (рис. 5, *б*) [1, с. 29; рис. 1057].

Итак, это – челенга, представляющая, в своей основе, металлическую трубку-держатель для плюмажа, или перьевого султана. Как и соргуч, термин «çeleng» – также турецкий, и точно так же означающий наградное золотое перо, инкрустированное бриллиантами, османский эквивалент европейского ордена. Челенгом султан Селим III дважды наградил, в частности, адмирала Ф. Ф. Ушакова за его победы над французами в 1798–1800 гг. [4, с. 56]. Первоначально соргуч, согласно «Истории происхождения законов янычарского корпуса», представлял собой отнюдь не ювелирное изделие, а, просто-напросто, султан из птичьих перьев [5, прим. 42]. В свою очередь, и челенг сперва должен был быть трубчатым приспособлением для крепления такого султана к головному убору. Это и сохранил русский вариант его названия, «челенга».

Значит, ценность находки челенги в Казимире уже в том, что представляет собой материализацию одного престижного аксессуара, раньше известного в Беларуси лишь по его изображениям на знаменитых портретах XVII в. Прикладное ее значение заключается в подтверждении способа крепления, – не пристегивалась, как позднейший аграф, а пришивалась посредством трех своих ушек на обороте.

Литература и источники

1. Висковатов, А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск / А. В. Висковатов. – СПб., 1900. – Ч. 8 : Перемены в одежде и вооружении армейской кавалерии, артиллерии, инженеров и гарнизонов с 1796 по 1801 год. – 156 с.
2. Грыцкевіч, А. П. Янычары ў Беларусі / А. П. Грыцкевич // Новы Час. – 2003. – № 16 (21).
3. Зайцев, И. В. Крымские ханы*:* портреты и жизнь / И. В. Зайцев // Вокруг света. – 2003. – № 8. – С. 36–41.
4. Ионина, Н. А. 100 великих наград / Н. А. Ионина. – М. : Вече. – 2000. – 198 с.
5. Мебде-и Канун-и йехсчери. Оджьгы Тарихи: (История происхождения законов янычарского корпуса). – М. : Наука, 1987. – 560 с.
6. Нерсесов, Я. Н. Путешествие в мир. Мода / Я. Н. Нерсесов. – М. : Олма-Пресс Гранд, 2012. – 240 с.
7. Рассадин, С. Е. Историко-археологические открытия последних лет на территории Светлогорского района и города Светлогорска в Беларуси. Пензенский археологический сборник : Междунар. сб. науч. тр. / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина / С. Е. Рассадин. – Пенза, 2011. – Вып. 3. – С. 344–375.
8. Шаменков, С. И. Польский костюм первой половины XVII века [Электронный ресурс] / С. И. Шаменков. – Режим доступа : http://data/manuals/polsky_kostyum.pdf. – Дата доступа: 25.09.2012.
9. Bilirgen, E. Topkapı Sarayı'ndaki zümrütler [Electronic resource] / E. Bilirgen. – Режим доступа : http://www.herkonudan.com/tarih/turk-sanatlari/6192-topkapi-sarayindaki-zumrutler-2.html. – Дата доступа : 25.09.2012.
10. Fingerlein, I. Plakette mit dem Bildnis Karls V. – am Barett getragen / I. Fingerlein // Forschungen und Berichte der Archäologie des Mittelalters in Baden–Württemberg. – 2002. – Bd. 25. – S. 597–605.

Рэзюмэ

С. Я. Рассадзін

Чэленга з Казіміра

У 2012 г. у горадзе сярэдзіны XVII ст. Казімір (на месцы цяперашняй в. Каралеўская Слабада-2, Светлогорскі р-н) знойдзена бронзовая, пасрэбраная чэленга. Яе прататыпы паходзяць з Турцыі. Раней такія металічныя дэталі галаўных убораў, якія служылі для прымацавання плюмажа, былі вядомы толькі па партрэтам.

Summary

S. Rassadin

Chelenga from Kazimir

Bronze, silver-plated chelenga was found in the town of the middle of XVII century Kazimir (on the location of present village Korolevskaya Sloboda-2, Svetlogorsk region) in 2012. Its prototypes take place from Turkey. Earlier such metallic details of head-dress, assigned for fixing of plume, were known only on portraits.

Поступила 12.05.2012

УДК 902.6(476)

Я. Г. Риер, *Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, заведующий кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор (г. Могилев)*

Динамика раннего развития славян в европейском контексте

Славистика политизируется. Это естественно в условиях очередных радикальных изменений в жизни славянских народов. Политики и публицисты ищут опоры своим воззрениям в прошлом, обращаются к историческим судьбам славянства. Но, как верно замечено, история отвечает на те вопросы, которые перед ней ставят. Каждое поколение ставит свои особые вопросы. Когда вопросы задаются под конкретную конъюнктуру, причем нередко теми, кто не имеет специального образования, ответы могут исказить общую картину исторических процессов. Что и проявляется в массе блуждающих по современной литературе (и Интернету, само собой) суждений, нередко весьма далеких от установленных исторических реалий. Порой они – добросовестные заблуждения дилетантов. Но нередки и сознательные искажения в угоду политическим целям, паразитирование на естественном человеческом уважении к прошлому.

С учетом изложенного и обратимся к некоторым ключевым проблемам ранней истории славянства.

Ранний социогенез. Общим местом в современном историческом дискурсе стал *цивилизационный подход.* Разрушив в постсоветской историографии формационную схему, он привнес в нашу науку плюрализм, выразившийся, в данном случае, в придании термину *цивилизация* неопределенной многозначности. В литературе встречается: *мировая цивилизация*, *европейская цивилизация*, *славянская цивилизация*, *православная цивилизация* и т. п. Можно понять культурологов, понимающих *цивилизацию* как противопоставление *варварству.* В остальных же случаях описываемый термин может быть столь же многозначным, как и само человеческое сообщество, к которому он прикладывается. Поэтому, применяя его, каждый автор должен четко определять его и для себя, и для читателя. В моем представлении *цивилизации* – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей. При таком подходе в равной степени сочетаются антропогенные (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой признаки – географическая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, быт, ментальность, между которыми отсутствует строго заданная иерархичность; в разных цивилизациях ведущими могут быть разные признаки [1, с. 6–16].

Следовательно, учитывая исторические судьбы разных регионов европейского континента, едва ли можно выделять на нем единую цивилизацию. То же относится и к славянскому миру. Рассмотрим его социальное становление.

Характерной особенностью славянской социальной организации является, как известно, сильная крестьянская община. Причины прочности общинных связей лежали, прежде всего, в особенностях природной среды: бóльшая, чем на западе континента, лесистость, более континентальный климат с меньшей продолжительностью теплых дней в году. Отсюда – при меньшей плотности населения – потребность в коллективном, совместном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом рельеф в отличие, например, от прибалтийского не разграничивал угодья отдельных семей, а, наоборот, позволял большим семьям сохранять общее землепользование и совместный труд на таких владениях [2, с. 115; 3, с. 190–191; 4, s. 167–171; 5, s. 138–147; 6, s. 20; 7, s. 308; 8; 9]. В этом кроется коренное отличие славянского мира от германского, в котором уже с начала новой эры начало формироваться частное землевладение в форме аллода [3, с. 204].

Однако с конца I тысячелетия н. э. столь явная социальная общность славян распадается. Сначала у болгар под влиянием Византии, затем в ранних польском и чешском княжествах под влиянием проникавших туда западных веяний знать добивается индивидуальных прав на земельные владения – возникают иммунитетные права. Постепенно, в XII–XIII вв., представления о частном земельном праве проникают и в крестьянскую среду (в виде немецкого, или эмфитевческого, права) [10]. В то же время у восточных славян прочная община сохраняется. В ВКЛ – до середины XVI в., до введения «Уставы на волоки» в 1556 г., определившей правила индивидуального крестьянского землепользования. В Московской Руси – до столыпинской аграрной реформы начала XX в. Показательно, что в примыкавших к Московии восточных землях ВКЛ (Поднепровье), «Волочная померa» провалилась – сказались общинные традиции[1].

---

[1] Аграрные реформы XVI в. не уничтожили общину, за которой оставались угодья и некоторые общие повинности [11, с. 129–130]. Прежде всего, это касалось государственных земель и делалось для их сохранения [12; 13, S. 109–111].

Так как аграрные порядки в средние века были определяющими для исторических процессов, можно констатировать, что с начала II тысячелетия н. э. пути дальнейшего развития западных и восточных славян разошлись. Познавшие частную собственность западнославянские народы повернулись лицом к Западной Европе, как социально близкой[1]. Упреки западных славян в отступничестве от некоей славянской общности, начиная с Н. Я. Данилевского [14, с. 28, 189, 411], не выглядят правомерными. Более сложная ситуация развивалась у южных славян. В удаленных горных областях сохранилась многократно описанная этнографами *задруга.* В более развитых землях усиливалась роль частного землевладения. Однако накрывший Балканы с середины II тысячелетия н. э. османский гнет замедлил и исказил тамошние социальные процессы. И не только их, что видно из нынешних конфликтов в регионе, давно уже изжитых в остальной Европе. У восточных же славян сохранились обычаи ранней общины, близкой традиционным общинам Востока, что и способствовало сложению в Московской Руси средневекового общества и государства восточно-деспотического характера [15; 16; 17, с. 154].

Начальный политогенез. Долгое сохранение верховенства общины в славянских земельных порядках ограничивало права возникавшей с VIII в. знати, в том числе и князей, на землю. В обществе не сложилось представление о возможности отчуждения земли отдельной семьей. Аристократия распоряжалась землей как административная и политическая власть, но не могла в отличие от западных сеньоров иметь землю в личном владении и раздавать ее на таких же правах своим приближенным. В итоге не складывалась характерная для запада Европы вассально-ленная система.

Военные слуги оставались при княжеских дворах и не могли превратиться в военно-служилое сословие. Поэтому в ранних государствах, которые стали возникать в IX–X вв., и великоморавские князья, и Пржемысловичи, и Пясты, и Рюриковичи, в отличие от элит Западной Европы, оказывались не только самыми крупными землевладельцами в своих странах, но и единственными. Они имели право распоряжаться всей землей и жившими на ней людьми, но не как частные лица, а как правители. Опирались они не на местных, автономных феодалов, как у франков, а на так называемую градскую организацию – родственников и приближенных, которым они поручали управлять отдельными землями от своего имени. Поэтому крупное землевладение возникало по принципу кормлений, т. е. не закреплялось в наследственные владения. В отсутствие традиций отчуждения земель в частные владения все правящее сословие здесь жило не за счет принадлежавших ему земель с крестьянами, а за счет государственных доходов, которые собирали с тех же крестьян в государственную (княжескую) казну [18, 19]. Поэтому крестьяне оставались лично свободными наследственными держателями земель в общинах. Не складывалось и крупного частного землевладения – сеньорий. А в личных усадьбах знати работали рабы (как у франков при Меровингах). Поэтому также долго не формировалось мелкое землевладение служилого слоя – рыцарства, задерживалось их оседание на землю.

Феодализация здесь состояла не в личном (юридическом) закабалении крестьян сеньорами, как на Западе, а в потере ими прав на свободное владение землей по старым общинным традициям. Земля становилась государственной, и за нее платили налог. В этом – особенность феодализации в Центральной и Восточной Европе [1, с. 78–79; 10; 21; 22]. Но такое развитие замедляло структурирование славянских обществ – господствовавший слой складывался в особое сословие медленно [23, s. 421–426; 24, с. 206]. Начавшись у более динамично развивавшихся западных славян в VIII–IX вв., этот процесс, благодаря западноевропейскому политическому и конфессиональному влиянию, завершился лишь в XI–XIII вв.

С XI–XII вв. усиливаются индивидуальные права крестьян на наделы, а знать, особенно с XIII в., начинает получать от князей землю и иммунитетные привилегии, принятые в Западной Европе. Такое развитие во многом было связано с западным влиянием: через политические и личные контакты (Чехия, вспомним, вообще с X в. была вассалом Священной Римской империи), через католичество, через немецкую колонизацию и экспансию. Сказывалась общая логика развития европейского феодализма с индивидуализацией хозяйственной деятельности и личных прав.

В итоге, западнославянские страны, территориально и культурно близкие Западу, постепенно воспринимали западноевропейские ценности. Но разные исходные уровни предопределили отставание, не изжитое и поныне. К тому же, поскольку западноевропейские порядки проникали сюда «сверху», через правящие элиты, они оказывали лишь опосредованное влияние на ментальность широких народных масс. С другой стороны, именно «память о гарантиях частной собственности и гражданском обществе» определяет направленность нынешнего развития центральноевропейских (бывших социалистических) стран.

Развитие восточных славян пошло по иному пути. Первопричина видится все в тех же природных условиях. Более континентальный, чем даже в области обитания западных славян, климат здесь требовал дополнительных энергозатрат, как в хозяй-

[1] Отсюда и победа католицизма, и общая латинская культура.

ственной деятельности, так и в быту. Период сельскохозяйственных работ здесь составлял 5–6 месяцев против 8 месяцев в Западной Европе [25; 26, с. 60; 27]. Все это не только затрудняло качественное проведение сельхозработ и замедляло общее развитие, но и оставило глубокий след в народном сознании, легло в основу ментальности [28, с. 554–555; 29, с. 357–364]. Отсюда и длительное сохранение общинных порядков.

Однако если у западных славян, как отмечалось, тесное соседство с западноевропейским миром все же с XI–XIII вв. привело к усилению частнофеодальных – сеньориальных – порядков, восточные славяне испытывали внешние импульсы совсем иные. Здесь и опасности кочевого мира, и влияние византийских государственных традиций на формирующуюся восточнославянскую правящую элиту. К тому же вышеотмеченная природная обусловленность предопределила и меньшую плотность восточноевропейского населения, что долгое время позволяло решать возникавший в общинах земельный голод освоением новых земель, а не интенсифицировать хозяйственную деятельность. Этот демографический фактор отсутствовал в более плотно заселенных западнославянских землях. Не потому ли на востоке Европы не возникло и аллодов. Долго сохранявшаяся прочная коллективистская община стала основой и для формирования в дальнейшем государственного феодализма с деспотическим режимом, и для возникновения основных отличий России от других европейских стран [25, с. 72; 30–32].

Сказалась и неблагоприятная внешнеполитическая обстановка. Именно когда на землях восточных славян установилось господство удельных княжеств (XII – начало XIII в.) и началось оседание на землю не только князей, но и их бояр – на них обрушились монголы. Ордынская традиция с дарованием власти конкретному князю прервала развитие западной системы сеньор–вассал и закрепила традицию государь–подданный. Такие государи-князья ликвидировали возникавшие формы вассалитета (т. е. договорных начал и взаимных обязательств с нижестоящими), и с XV в. служилый человек – боярин – стал даже не подданным князя, а его холопом. Если в Западной Европе переход к централизации происходил от вассалитета, то на Руси – от министериалов-холопов, что типологически было ближе византийской модели, где вертикальные связи также преобладали над горизонтальными. Так сложилось из-за отсутствия у бояр четко оформленных (в традиции и законодательстве) прав на земельную собственность. В Московской Руси централизация происходила и вызывалась не внутренними предпосылками, а необходимостью борьбы с внешней опасностью, прежде всего, с Ордой. Кстати, это традиционное ощущение угрозы извне и необходимости, несмотря ни на что иметь сильную державу, отпечаталось в российском менталитете надолго [17]. Гипертрофия государственности, свойственная Руси, также сближала ее с Византией, как, впрочем, и с Востоком.

Первым внешним признаком отхода Руси от общего с западными славянами пути в феодализм стало и восприятие христианства в его восточном, византийском варианте. Поначалу это, правда, благоприятно отразилось на общекультурном уровне восточных славян, ибо в конце X в. Византия занимала лидирующее положение в христианской Европе. В дальнейшем, с начавшимся упадком Византии, конфессиональные различия еще больше отделили Русь от остальной Европы, особенно от набиравшего темпы развития запада континента. Эта обособленность восточных славян и, главным образом, русского общества по отношению к западным соседям сохранилась и поныне[1]. Католичество, как известно, хотя и не сразу, но с ростом городов, с XIII–XIV вв., постепенно меняло свою доктрину, подстраивая ее под земные интересы. Хотя делало это медленно, «сквозь зубы», что и породило из него протестантизм, освятивший религиозностью земную повседневность. Русь этого избежала, сохранив ортодоксальное, раннесредневековое православие практически в неизменном виде. Единственная попытка церковной реформы в Московской Руси в духе протестантизма (отчасти – и гуманизма) – стригольничество – было уничтожено в зародыше, не выйдя из среды православных русских интеллектуалов XV в. [34, с. 111–306; 35].

Отсюда особый взгляд на мир, место и предназначение в нем. Подчинение частного целому, человека коллективу – общине, сословным распорядкам и высшей форме коллективной организации – государству – стало краеугольным камнем восточнославянской средневековой, затем российской, цивилизации. Личность, как в типичном традиционном обществе, растворялась в коллективе. Индивидуализм воспринимался негативно. Отсутствие гарантированного традицией права на собственность затрудняло достижение хозяйственной самостоятельности и порождало всеобщую зависимость от власти, что делало ненужным гражданское общество и тоже стало характерной чертой российской цивилизации [36; 37, с. 60; 38, с. 91].

[1] Отсюда происходит стремление присвоить себе функции хранительницы фундаментальных славянских традиций, проявившееся и в идее «Москва–Третий Рим», и в особо обоснованной Н. Я. Данилевским идее русского лидерства в славянском мире [14, с. 406, 411].

* * *

Итак, время распространения общеславянских языковых и материальных признаков на достаточно определенной территории приходилось на V–IX вв. н. э. В этот период у славян была и единая социальная основа – прочная, хозяйственно неразделенная община. Этим раннесредневековый славянский мир отличался от западноевропейского, в котором слились черты разделенной на аллоды германской общины-марки с позднеримскими частноправовыми нормами. На этой основе в Западной Европе сложилась специфическая западная цивилизация, основными признаками которой являются частнохозяйственная деятельность и соответствующие ей общественно-политические формы (сеньориальный феодализм в средние века и буржуазный строй с нового времени).

Цивилизационное развитие славянского мира оказалось сложнее. В процессе непрекращавшегося с VII в. расселения, на новых землях славяне, сохраняя свою этноязыковую, хозяйственную и социальную идентичность, постепенно впитывали и новые влияния. В Центральной Европе – западнофеодальные (сеньориальные), на Балканах – византийские (болгары, сербы) и, опять-таки, западные (хорваты, карантанцы – будущие словенцы). Лишь в удаленной от европейских центров восточной части континента днепровские славяне были свободны от активных внешних воздействий. В результате только восточные славяне сохранили древнеславянскую социальную основу – прочную общину.

В ходе дальнейшего развития западные славяне постепенно втягивались в западноевропейскую систему ценностей, южные оказались под двойным – западным и византийским – влиянием, но их специфичное развитие было прервано османским порабощением. Восточные славяне, соприкасавшиеся с кочевым миром, восприняли ряд восточных общественно-политических черт, переработав их в особую цивилизацию.

Так, славянский мир с начала второго тысячелетия оказался разделенным на две цивилизации с исторически неустоявшимися переходными моделями – балканской и днепровской (славяне эпохи Великого Княжества Литовского).

Литература

1. Риер, Я. Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени : опыт структурного анализа / Я. Г. Риер. – Могилев, 2003.

2. Риер, Я. Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы : сравнительный анализ археологических данных / Я. Г. Риер // Российская археология. – 1996. – № 1.

3. Риер, Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным / Я. Г. Риер. – Могилев, 2000.

4. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jarhhundert. – Berlin, 1985.

5. Donat, P. Haus und Hof / P. Donat // Die Slawen in Deutschland. – Berlin, 1970.

6. Herrmann, J. Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. bis 13 / J. Jahrhundert. – Berlin, 1965.

7. Łosiński, W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI) / W. Łosiński. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1972.

8. Meřzinský, Z. Čechy v dobe Slovanskej / Z. Meřzinský // Archæologia historica. – 1985. – N 10.

9. Pitterová, A. Typy nejastaršich slovanských sidlišt vesnického carakteru a jejich vývoj ve světle archeologicých pramenů / A. Pitterová // Česky lid. – 1968. – R. 55. – Č. 2–3.

10. Тржештик, Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья / Д. Тржештик // Этносоциальные и политические структуры раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987.

11. Похилевич, Д. Л. Селяньска громада в західніх воеводствах ВКЛ після аграрної реформы Сігізмунда Августа / Д. Л. Похилевич // Ученіе запіскі Львівського університэта. – 1948. – Т. X.

12. Пьянков, А. П. Основные формы феодальной зависимости сельского населения Руси, Украины, Белоруссии и Литвы в XIV–XV вв. / А. П. Пьянков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. – Минск, 1964.

13. Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1979.

14. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995.

15. Данилова, Л. В. Становление системы государственного феодализма: причины, следствия / Л. В. Данилова // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1.– С. 40–92.

16. Данилова, Л. В. К вопросу о понятии «государственный феодализм» / Л. В. Данилова // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С 3–17.

17. Лурье, С. В. Россия: община и государственность / С. В. Лурье // Цивилизации и культуры. – М., 1995. – Вып. 2 : Россия и Восток : цивилизационные отношения.

18. Флоря, Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян / Б. Н. Флоря // Отечественные записки. – 1992. – № 2.

19. Галямичев, А. Н. Город и городское право в средневековой Чехии / А. Н. Галямичев // Право в средневековом мире. – М., 1996.

20. Данилова, Л. В. Влияние природных факторов на сельское хозяйство средневековой Руси. Аграрные технологии в России IX–XX вв. / Л. В. Данилова // Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999.

21. Милов, Л. В. Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) / Л. В. Милов // История СССР. – 1989. – № 2.

22. Милов, Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. Милов // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1.

23. Steuer, H. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials / H. Steuer // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen, 1982. – N 128.

24. Флоря, Б. Н. Эволюция социальных и общественных структур и возникновение государства / Б. Н. Флоря // Раннесредневековые государства и народности. – М., 1991.

25. Данилова, Л .В. Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой Руси / Л. В. Данилова // Традиционный опыт природопользования в России. – М., 1998.

26. Дулов, А. В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.) / А. В. Дулов. – М., 1983.

27. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5.

28. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М., 1998.

29. Соколов, А. К. Природно-демографические факторы в истории России / А. К. Соколов // Традиционный опыт землепользования в России. – М., 1998.

30. Андреев, В. Ф. Существовал ли княжеский домен в Новгородской земле XIII–XV веков? / В. Андреев // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995.

31. Бородин, Е. Т. К вопросу об особенностях исторического развития России (XVI–XX вв.) / Е. Т. Бородин // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 2.

32. Кузьмин, А. Г. Истоки русского национального характера / А. Г. Кузьмин // Вестн. МГУ. – 1993. – № 5. – Сер. 8 : История.

33. Милов, Л. Если говорить серьезно о частной собственности на землю / Л. Милов // Свободная мысль. – 1993. – № 2.

34. Клибанов, А. И. Реформаторское движение в России в XIV – первой половине XVI в. / А. И. Клибанов. – М., 1960.

35. Рыбаков, Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия / Б. А. Рыбаков. – М., 1993.

36. Гиренок, Ф. И. Евразийские тропы / Ф. И. Гиренок // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993.

37. Данилова, Л. В. Сельская община в средневековой Руси / Л. В. Данилова. – М., 1994.

38. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. – Брянск, 2000.

Рэзюмэ

Я. Р. Рыер

Дынаміка ранняга развіцця славян у еўрапейскім кантэксце

Разгледжаны сацыяльныя і палітычныя працэсы славянскай супольнасці, якія адбываліся ў другой палове I тысячагоддзя – пачатку II тысячагоддзя н.э. у параўнанні з раннесярэдневяковымі германцамі. Адзначана вялікая роля трывалых абшчынных сувязяў у славян пры даволі аморфнай абшчыннай арганізацыі германцаў, што вызначалася, перш на перш, прыроднымі чыннікамі. Як вынік, склаліся розныя тыпы зямельнай уласнасці, якія, у сваю чаргу, адбіліся на палітычным развіцці. На захадзе Еўропы распаўсюдзіліся аўтаномныя сеньярыі з трывалымі правамі феадалаў на ўладанні і палітычную самастойнасць, на усходзе – адбылася цэнтралізацыя зямельнай уласнасці і, адпаведна, улады. Заходнеславянскія дзяржавы з пачатку II тысячагоддзя н. э. пад заходнім рэлігійным, культурным і сацыяльным уплывам паступова ўспрымалі і заходні тып сеньярыяльнага феадалізма.

Summary

Ya. Riyer

Dynamics of early development of Slavs in the European context

The article deals with the problems of social and political processes of the Slavic society, which took place in the second half of the 1st millennium – the early 2nd millennium AD in comparison with the early medieval Germans. The author points at strong communal ties which were peculiar for the Slavs whereas the Germans had quite amorphous community-based organization. It is explained, first of all, by the natural reasons. As a result, there were different types of the land tenure which, in turn, influenced the political development. In the west of Europe there was autonomous manorial system with the strong rights of feudal lords to possession as well as political independence. In the east there was land centralization and, respectively, centralization of power. Since the early 2nd millennium under the western religious, cultural and social influence the West Slavic states have been gradually accepting the western feudalism based on the manorial system.

Поступила 11.04.2012

УДК 572.71

И. И. Саливон, *Институт истории НАН Беларуси, ведущий научный сотрудник отдела антропологии и экологии, доктор биологических наук, доцент (г. Минск);*

Н. Н. Помазанов, *Институт истории НАН Беларуси, младший научный сотрудник отдела антропологии и экологии (г. Минск);*

В. И. Хартанович, *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), заведующий отделом антропологии, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)*

Краниологическая характеристика серии из курганных погребений XI–XII вв. на территории Витебской области[1]

Данные антропологии позволяют не только давать половозрастные характеристики костных материалов из погребальных археологических памятников, но и определять их расовую принадлежность. Исследование репрезентативного количества краниологического материала (черепов) вносит свой вклад в решение этногенетических проблем исторической науки, являясь дополнительным источником информации в комплексе гуманитарных наук – археологии, этнографии и этнолингвистики.

Своеобразие химического состава почв на территории Беларуси в большинстве случаев (за редким исключением) является причиной плохой сохранности костного материала в погребениях, что ограничивает возможности его исследования по полной антропологической программе. Тем не менее даже фрагментарные костные останки – источник уникальной информации об ископаемом костном материале по населению, обитавшему на территории Беларуси в разные исторические периоды.

Исследована серия черепов из раскопок кургана первой половины XII в., осуществленных под руководством О. Н. Левко и А. В. Войтеховича в окрестности деревни Друцк Толочинского района Витебской области, а также из раскопок курганов второй половины XI в. под руководством А. В. Войтеховича около деревень Бирули и Небышино Докшицкого района Витебской области. Данные раскопки были проведены в 2008–2010 гг. К сожалению, черепа очень плохой сохранности и почти все без лицевого отдела черепа. По совокупности структурных особенностей черепа и костей посткраниального скелета определен пол каждого захороненного индивидуума, а по сочетанию степени зарастания черепных швов и степени стертости зубов – его возраст.

Визуальная характеристика индивидуальных особенностей черепов. ***Коллективное курганное захоронение в Друцке.***

М у ж с к и е   ч е р е п а.

Погребение № 1 – возраст 30–35 лет (*adultus* II – молодой). Череп плохой сохранности, его форма овоидная. Сохранились черепная крышка (*calvaria*) со скуловыми отростками, нижняя челюсть. Из-за прижизненной левосторонней потери коренных зубов с резорбцией лунок альвеолярного отростка нижней челюсти ее левая ветвь по сравнению с правой истончена из-за недостаточной механической нагрузки на жевательные мышцы.

Погребение № 3 – возраст старше 60 лет (*seniles* – старческий). Сохранена только верхняя часть мозговой коробки (*calva*). Форма черепа ромбовидная. Отмечается посмертная деформация правой височной и левой теменной костей.

Погребение № 18 – судя по степени стертости зубов возраст (*maturus* I – зрелый). Череп долихокранный, очень грацильный, форма черепной крышки эллипсоидная. Надпереносье отчетливо выражено. Посмертная деформация. Подбородочный выступ нижней челюсти сильно выступает. Зубы крупные.

Погребение № 28 – возраст не старше 60 лет (*maturus* II – зрелый). Череп плохой сохранности без лицевого скелета. Сохранилась только черепная крышка (*calva*). Ее форма сфероидная. Признаки полового диморфизма выражены крайне противоречиво. С одной стороны череп небольшой, а с другой – основание сосцевидного отростка широкое, отчетливо выражена *linea nuche superior,* затылочный бу-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке международного гранта РГНФ и БРФФИ – проект Г10Р-031 от 01.05.2010 г. «Комплексное изучение древнего населения Беларуси в свете этнической истории славян», а также международного гранта РГНФ и БРФФИ – проект Г11РПЛ-005 от 15.04.2011 г. «Антропология древнего и современного населения Полоцкой земли».

гор крючковидной формы. Малые размеры головы не соответствуют большим размерам бедренных костей. Во фрагменте тела нижней челюсти зубы мелкие, подбородочный выступ хорошо выражен. Совокупность структурных особенностей скелета позволяет предположить, что он принадлежал грацильному, высокорослому, долихоморфному мужчине.

Погребение № 31 – возраст около 50 лет (*maturus* II – зрелый, моложе индивида из погребения № 28). Череп очень плохой сохранности без лицевого отдела. Форма мозгового отдела черепа ромбовидная. На сохранившемся фрагменте средней части тела нижней челюсти подбородочный выступ отчетливо выражен. Визуально отмечается большое сходство в строении черепа с черепом из погребения № 28 (возможно кровное родство – братья ?). В левой лобно-глазничной области следы ударов рубящим орудием и отверстие размерами 3 × 2 см. Справа в области теменной, височной, затылочной костей, вероятно, следы удара рубящим орудием. Слева в области средней части затылочной кости отверстие правильной округлой формы с ровными краями размерами 4 × 3 см (возможно, прижизненная трепанация).

Погребение № 33 – возраст 50–60 лет (*maturus* II – *seniles*). Сохранилась только черепная крышка (*calva*). Ее форма эллипсоидная, долихокранная. Следы ударов рубящим орудием в правой лобно-глазничной области, в левой лобно-височной, затылочной и основной костей черепа. Череп грацильный. Пол определен по структуре костей тазового пояса.

Женские черепа.

Погребение № 12 – возраст около 30 лет (*adultus* I – молодой). Череп сфероидной формы, в значительной степени разрушен, отслоен компактный слой костей, отсутствуют скуловые и лобные отростки. В левой части ламбдовидного шва единичные вставные косточки. От лицевого отдела есть лишь плохой сохранности фрагменты правой и левой частей верхней челюсти, фрагмент нижней челюсти.

Погребение № 13 – возраст около 30–35 лет (*adultus* I – молодой). Череп пентагоноидной формы, удовлетворительной сохранности с лицевым отделом и фрагментом нижней челюсти.

Курганные захоронения в Бирулях.

Парное захоронение.

Погребение № 1 (мужское), курган 86 – возраст более 60 лет (*seniles* – старческий). Череп овоидной формы удовлетворительной сохранности с лицевым отделом и нижней челюстью. На черепе имеются следы от удара рубящим орудием в середине лобной кости. В правой теменной кости, в средней части затылочно-теменного отдела ламбдовидного шва редукция ткани с несколькими округлыми отверстиями.

Погребение № 2 (женское), курган 86 – возраст более 60 лет (*seniles* – старческий). Череп пентагоноидной формы, плохой сохранности, без нижней челюсти. Присутствуют следы четырех ударов рубящего орудия по всей лобной кости, а также следы одного удара в области верхней части левой глазницы.

Одиночное захоронение.

Погребение № 1 (женское), курган 40 – возраст 35–40 лет (*maturus* I – зрелый). Череп пентагоноидной формы, хорошей сохранности с лицевым отделом и нижней челюстью.

Курганное захоронение в Небышино.

Погребение № 1 (предположительно мужское) курган 31 – возраст 25–30 лет (*adultus* – молодой). Сильно разрушенный череп был восстановлен Н. Н. Помазановым (см. рисунок). Череп пентагоноидной формы. Лицо мезогнатное с выступающей вперед альвеолярной частью верхней челюсти. Сохранилась нижняя челюсть.

Краниометрическая характеристика черепов. Проанализируем результаты антропологического исследования по традиционной программе, включающей краниометрические и краниоскопические расовые признаки. Материал обработан методом Описательной статистики. Для сравнения привлечены средние арифметические величины исследованных ранее серий из Гродненской области – из грунтового могильника XI–XII вв. в городе Новогрудке,

Мужской череп в трех проекциях: *а* – вид спереди; *б* – вид сбоку, *в* – вид сверху. Реконструкция. Курганный могильник Небышино. Докшийцкий раон. Витебская область

сборная серия из курганных могильников XI–XIII вв. вокруг города Новогрудка, из грунтового могильника X–XIII вв. с каменными кладками.

Для исследованных краниометрических признаков были рассчитаны статистические параметры серии. Несмотря на то, что исследованная мужская курганная серия представлена восемью черепами, антропологическую характеристику на среднегрупповом уровне можно дать лишь мозговому отделу черепа, да и то весьма приблизительную (табл. 1).

Таблица 1. **Статистические параметры краниометрических показателей серии мужских черепов из курганных могильников XI–XII вв. на территории Витебской области**

Признак	*n*	*min*	*max*	*M*	*m(M)*	*S*
Мозговой отдел черепа						
1. Продольный диаметр от глабеллы, мм	8	164	189	179,63	2,86	8,09
1а. Продольный диаметр от офриона, мм	5	172	180	176,80	1,77	3,96
8. Поперечный диаметр, мм	7	128	146	138,43	2,22	5,88
17. Высотный диаметр (базион-брегма), мм	6	133	144	137,50	1,67	4,09
5. Длина основания черепа, мм	3	101	108	105,33	2,19	3,79
9. Наименьшая ширина лба, мм	4	83	100	93,25	3,64	7,27
10. Наибольшая ширина лба, мм	4	112	128	121,50	3,40	6,81
11. Ширина основания черепа, мм	5	117	124	120,40	1,44	3,21
12. Ширина затылка, мм	5	107	116	113,25	2,10	4,19
32. Угол лба от назиона, град.	1	–	–	83,00	–	–
Угол лба от глабеллы, град.	1	–	–	77,00	–	–
Указатели, ед.						
8:1. Черепной	7	71,11	83,64	77,21	1,62	4,29
17:1. Высотно-продольный	6	70,74	82,93	76,75	1,58	3,88
17:8. Высотно-поперечный	6	95,71	101,47	98,11	0,85	2,12
9:8. Лобно-поперечный	4	64,84	69,44	67,29	1,17	2,33
9:10. Широтный лобный	4	74,11	80,65	76,70	1,45	2,91
12:9. Затылочно-лобный	3	113,83	119,79	116,54	1,74	3,02
Лицевой отдел черепа						
40. Длина основания лица, мм	2	101	107	104,00	3,00	4,24
43. Верхняя ширина лица, мм	3	105	105	105,00	0	0
45. Скуловой диаметр, мм	2	132	133	135,00	2,52	4,36
46. Средняя ширина лица, мм	2	90	96	93,00	3,00	4,24
47. Полная высота лица, мм	1	–	–	116,50	–	–
48. Верхняя высота лица, мм	2	62	70	66,00	4,00	5,66
51. Ширина орбиты максиллофронтальная (правая), мм	2	40	41	40,50	0,50	0,71
51. Ширина орбиты максиллофронтальная (левая), мм	1	–	–	41,50	–	–
51а. Ширина орбиты дакриальная (правая), мм	1	–	–	38,00	–	–
51*d*. Ширина орбиты дакриальная (левая), мм	–	–	–	–	–	–
52. Высота орбиты (правая), мм	2	29	38,5	33,75	4,75	6,72
52. Высота орбиты (левая), мм	1	–	–	38,50	–	–
54. Ширина грушевидного отверстия, мм	2	23	25	24,00	1,00	1,41
55. Высота носа, мм	2	41	54	47,50	6,50	9,19
Глубина клыковой ямки (правая), мм	2	3,9	6,5	5,20	1,30	1,84
Глубина клыковой ямки (левая), мм	1	–	–	5,50	–	–
60. Длина альвеолярной дуги, мм	2	51	59	55,00	4,00	5,66
61. Ширина альвеолярной дуги, мм	2	51	60	55,50	4,50	6,36
62. Длина нёба, мм	3	43	45	43,67	6,67	1,15
63. Ширина нёба, мм	2	36	36,5	36,25	0	0

Окончание табл. 1

Признак	*n*	*min*	*max*	*M*	*m(M)*	*S*
43(1). Биорбитальная ширина, мм	2	96	98	97,00	1,00	1,41
Высота назиона над биорбитальной шириной, мм	2	16,9	20	18,45	1,55	2,19
Зигомаксиллярная ширина, мм	2	86,5	93	89,75	3,25	4,60
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной, мм	2	20,4	30	25,20	4,80	6,79
DC. Дакриальная ширина, мм	1	–	–	22,10	–	–
DS. Дакриальная высота, мм	1	–	–	9,40	–	–
MC. Максиллофронтальная ширина, мм	2	21,4	23	22,20	0,80	1,13
MS. Максиллофронтальная высота, мм	2	8,2	10	9,10	0,90	1,27
SC. Симотическая ширина, мм	2	8,5	10,5	9,50	1,00	1,41
SS. Симотическая высота, мм	2	4,6	5,0	4,80	0,2	0,28
72. Общий лицевой угол, град	2	80	83	81,50	1,50	2,12
73. Средний лицевой угол, град.	2	77	85	81,00	4,00	5,66
74. Угол альвеолярной части, град.	1	–	–	68,00	–	–
75. Угол наклона носовых костей, град.	2	46	55	50,50	4,50	6,36
75(1). Угол выступания носа, град.	2	25	47	36,00	11,00	15,56
77. Назомолярный угол, град.	1	–	–	134,00	–	–
Зигомаксиллярный угол, град.	1	–	–	110,00	–	–
Указатели, ед.						
40:5. Выступания лица	2	99,07	100,00–	99,54	0,46	0,65
45:8. Поперечный фациоцеребральный	1	–	–	91,67	–	–
48:17. Вертикальный фациоцеребральный	2	48,61	68,57	58,59	9,98	14,11
47:45. Общий лицевой	–	–	–	–	–	–
48:45. Верхний лицевой	1	–	–	72,73	–	–
52:51. Орбитный максиллофронтальный (правая глазница)	2	72,50	84,63	78,657	6,07	8,58
52:51. Орбитный максиллофронтальный (левая глазница)	1	–	–	92,77	–	–
54:55. Носовой	1	–	–	46,30	–	–
63:62. Нёбный	1	–	–	84,88	–	–
DS:DC. Дакриальный	1	–	–	42,53	–	–
MS:MC. Максиллофронтальный	2	38,32	43,48	40,9	2,58	3,65
SS:SC. Симотический	2	41,49	54,12	47,81	6,32	8,93
Нижняя челюсть						
65. Мыщелковая ширина, мм	2	130	180	155,00	25	35,36
66. Угловая ширина, мм	2	108	179	143,5	35,5	50,20
67. Передняя ширина, мм	2	44,5	45	44,75	0,25	0,35
68. Проекционная длина от углов, мм	1	–	–	86,00	–	–
68(1). Длина от мыщелков, мм	1	–	–	90,00	–	–
70. Высота ветви, мм	1	–	–	65,00	–	–
71а. Наименьшая ширина ветви правая, мм	2	29	32,5	30,75	1,75	2,47
71а. Наименьшая ширина ветви левая, мм	1	–	–	29,00	–	–
79. Угол наклона ветви, град.	1	–	–	124,00	–	–
C(1). Угол выступания подбородка, град.	–	–	–	–	–	–
69. Высота симфиза, мм	4	28	36	32,75	1,70	3,40
69(1). Высота тела, мм	2	28	30	29,00	1,00	1,41
69(3). Толщина ветви, мм	4	12	16	13,88	0,83	1,65

П р и м е ч а н и е: *n* – численность выборки; *min* и *max* – минимальное и максимальное значение признака соответственно; *M* – среднее арифметическое значение признака; *m*(*M*) – ошибка среднего арифметического значения признака; *S* – стандартное отклонение.

В серии мужских черепов к средним категориям величин относятся продольный диаметр мозгового отдела черепа, а также черепной, лобно-поперечный и затылочно-лобный указатели. Поперечный диаметр и наибольшая ширина лба относятся к категории между малыми и средними величинами, а ширина основания черепа и широтный лобный указатель – к малым величинам. В пределах больших величин находятся показатели длины основания черепа, наименьшей и наибольшей ширины лба, ширины затылка, высотно-продольного и высотно-поперечного указателей. Углы наклона лба от назиона и глабеллы находятся в пределах средних величин, а разница между ними в 6° свидетельствует о довольно сильном развитии надбровья.

Лишь у одного мужского черепа удалось почти полностью реконструировать лицевой отдел. На двух остальных мужских черепах были определены только некоторые из размеров лицевого отдела черепа. Среднегрупповые величины размеров, полученные для трех черепов, оказались в пределах средних категорий для верхней ширины лица и в пределах малых величин – для длины и ширины нёба. Два черепа характеризовались средними значениями скуловой ширины, глубины клыковой ямки, длины и ширины альвеолярного отростка, симотической ширины (при большой высоте), средними значениями передней ширины нижней челюсти и наименьшей ширины ее ветви. Средние величины общего лицевого угла и угла альвеолярной части отражают мезогнатность вертикального профиля лицевого отдела. Очень большие величины угла выступания носа в сочетании с малой величиной назомалярного угла (на уровне орбит) и очень малой величиной зигомаксиллярного угла (на уровне скул) свидетельствуют о выраженности европеоидных черт двух исследованных мужских черепов.

Серия женских черепов еще малочисленней и фрагментарней, чем мужская серия (табл. 2). Поэтому среднегрупповую антропологическую характеристику, как и для мужской серии, оказалось возможным представить лишь в отношении мозгового отдела черепа.

Таблица 2. **Статистические параметры краниометрических показателей серии женских черепов из курганных могильников XI–XII вв. на территории Витебской области**

Признак	*n*	*min*	*max*	*M*	*m(M)*	*S*
Мозговой отдел черепа						
1. Продольный диаметр от глабеллы, мм	4	166	174	169,00	1,91	3,83
1а. Продольный диаметр от офриона, мм	3	166	173	169,67	2,03	3,51
8. Поперечный диаметр, мм	4	131	138	134,25	1,44	2,67
17. Высотный диаметр (базион-брегма), мм	4	123	127	125,75	0,95	1,89
5. Длина основания черепа, мм	3	82	99	91,00	4,93	8,54
9. Наименьшая ширина лба, мм	3	92	97	94,00	1,53	2,65
10. Наибольшая ширина лба, мм	2	112	117	114,60	2,50	3,64
11. Ширина основания черепа, мм	4	111	116	113,25	1,03	2,05
12. Ширина затылка, мм	3	107	110	108,33	0,88	1,53
32. Угол лба от назиона, град.	2	90	91	90,5	0,5	0,71
Угол лба от глабеллы, град.	2	87	90	88,5	1,5	2,12
Указатели, ед.						
8:1. Черепной	4	77,01	83,13	79,47	1,30	2,59
17:1. Высотно-продольный	4	72,99	75,90	74,42	0,61	1,22
17:8. Высотно-поперечный	4	84,78	96,18	91,22	2,63	5,26
9:8. Лобно-поперечный	3	68,66	72,39	70,68	1,09	1,89
9:10. Широтный лобный	2	82,91	83,04	82,97	0,05	0,09
12:9. Затылочно-лобный	1	–	–	113,40	–	–
Лицевой отдел черепа						
40. Длина основания лица, мм	2	94	96	95,00	1,00	1,41
43. Верхняя ширина лица, мм	3	97	102	99,00	1,53	2,65
45. Скуловой диаметр, мм	2	121	122	121,50	0,50	0,71
46. Средняя ширина лица, мм	1	–	–	84,00	–	–
47. Полная высота лица, мм	1	–	–	102,00	–	–
48. Верхняя высота лица, мм	2	62	64	63,00	1,00	1,41
51. Ширина орбиты максиллофронтальная (правая), мм	3	39	42	40,67	0,86	1,53
51. Ширина орбиты максиллофронтальная (левая), мм	–	–	–	–	–	–
51а. Ширина орбиты дакриальная (правая), мм	1	–	–	37,00	–	–
51а. Ширина орбиты дакриальная (левая), мм	–	–	–	–	–	–

Окончание табл. 2

Признак	*n*	*min*	*max*	*M*	*m(M)*	*S*
52. Высота орбиты (правая), мм	2	32	34	33,00	1,00	2,00
52. Высота орбиты (левая), мм	–	–	–	–	–	–
54. Ширина грушевидного отверстия, мм	3	23	27	25,00	1,15	2,00
55. Высота носа, мм	3	44	50	47,33	1,76	3,06
Глубина клыковой ямки (правая), мм	2	3,5	6,7	5,10	1,60	2,26
Глубина клыковой ямки (левая), мм	–	–	–	–	–	–
60. Длина альвеолярной дуги, мм	2	44	48	46,00	2,00	2,83
61. Ширина альвеолярной дуги, мм	2	45	56	50,50	5,50	7,78
62. Длина нёба, мм	2	38	42	40,00	2,00	2,83
63. Ширина нёба, мм	3	35	41	37,33	1,86	3,21
43(1). Биорбитальная ширина, мм	3	90	96	94,00	2,00	3,46
Высота назиона над биорбитальной шириной, мм	3	14,9	17,4	16,17	0,72	1,26
Зигомаксиллярная ширина, мм	–	–	–	–	–	–
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной, мм	–	–	–	–	–	–
DC. Дакриальная ширина, мм	2	20,9	21,3	21,10	0,20	0,28
DS. Дакриальная высота, мм	2	8,5	12,0	10,25	1,75	2,47
MC. Максиллофронтальная ширина, мм	3	11,2	19,0	16,30	2,60	4,42
MS. Максиллофронтальная высота, мм	3	5,8	8,2	6,77	0,73	1,27
SC. Симотическая ширина, мм	3	8,9	11,6	9,90	0,95	1,65
SS. Симотическая высота, мм	3	3,1	3,8	3,53	0,22	0,38
72. Общий лицевой угол, град.	2	83	89	86,00	3,00	4,24
73. Средний лицевой угол, град.	2	85	91	88,00	3,00	4,24
74. Угол альвеолярной части, град.	–	–	–	–	–	–
75. Угол наклона носовых костей, град.	2	56	63	59,50	3,50	4,95
75(1). Угол выступания носа, град.	2	26	27	26,50	0,50	0,71
77. Назомолярный угол, град.	3	140	144	141,67	1,20	2,05
Зигомаксиллярный угол, град.	–	–	–	–	–	–
Указатели, ед.						
40:5. Выступания лица	2	–	–	104,35	–	–
45:8. Поперечный фациоцеребральный	3	91,04	92,37	91,71	0,44	0,76
48:17. Вертикальный фациоцеребральный	1	–	–	50,39	–	–
47:45. Общий лицевой	–	–	–	–	–	–
48:45. Верхний лицевой	1	–	–	52,46	–	–
52:51. Орбитный максиллофронтальный (правая глазница)	2	76,92	80,95	78,27	1,34	2,33
52:51. Орбитный максиллофронтальный (левая глазница)	–	–	–	–	–	–
52:51a. Орбитный дакриальный (правая глазница)	2	–	–	81,08	0	0
52:51a. Орбитный дакриальный (левая глазница)	–	–	–	–	–	–
54:55. Носовой	3	47,92	61,36	56,88	4,48	7,76
63:62. Нёбный	1	–	–	94,74	–	–
DS:DC. Дакриальный	2	40,67	56,34	48,50	7,83	11,08
MS:MC. Максиллофронтальный	3	33,16	51,79	42,93	5,40	9,35
SS:SC. Симотический	3	26,27	42,70	36,69	5,23	9,06
Нижняя челюсть						
65. Мыщелковая ширина, мм	–	–	–	–	–	–
66. Угловая ширина, мм	1	–	–	97,00	–	–
67. Передняя ширина, мм	3	35	45	38,33	3,33	5,77
68. Проекционная длина от углов, мм	–	–	–	–	–	–
70. Высота ветви, мм	–	–	–	–	–	–
71a. Наименьшая ширина ветви правая, мм	–	–	–	–	–	–
71a. Наименьшая ширина ветви левая, мм	3	25	46	32,67	6,69	11,59
79. Угол наклона ветви, град.	1	–	–	108,00	–	–
C(1). Угол выступания подбородка, град.	–	–	–	–	–	–
69. Высота симфиза, мм	3	25	30	27,67	1,45	2,52
69(1). Высота тела, мм	1	–	–	24,00	–	–
69(3). Толщина ветви, мм	2	13,0	17,5	15,25	2,25	3,18

П р и м е ч а н и е: аналогично примечанию табл. 1.

В серии женских черепов к средним категориям величин относятся: продольный и поперечный диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая и наибольшая ширина лба, черепной, высотно-продольный, высотно-поперечный, широтный лобный и затылочно-лобный указатели. Величина высотного диаметра (базион-брегма) находится на грани малых и средних величин, а длина основания черепа и его ширина – в пределах малых величин. К разряду больших величин относятся ширина затылка и лобно-поперечный указатель. Большие величины углов наклона лба от назиона и глабеллы свидетельствуют о почти прямом вертикальном профиле лба. Разница между этими углами почти в 3º отражает среднюю для женщин степень развития надбровья.

Чтобы определить место исследованной серии черепов из курганов XI–XII вв. с территории витебщины среди антропологического состава населения, обитавшего на территории Беларуси в тот же период, для сравнительного анализа были привлечены полученные ранее основные расодиагностические краниометрические показатели серий из соседней Гродненской области [1–3] (табл. 3).

Таблица 3. **Сравнительная характеристика среднегрупповых величин краниологических показателей серий черепов из могильников XI–XIII вв. Витебской и Гродненской областей**

Признак	Краниологические серии							
	мужские				женские			
	Типы могильников по областям							
	Курганные могильники XI–XII вв. Витебской области	Могильники Гродненской области			Курганные могильники XI–XII вв. Витебской области	Могильники Гродненской области		
		Курганные могильники XI–XIII вв. вокруг Новогрудка	Грунтовой могильник в Новогрудке конца XI – начала XII в.	Грунтовой могильник с каменными кладками в деревне Вензовщина X–XIII вв.		Курганные могильники XI–XIII вв. вокруг Новогрудка	Грунтовой могильник Новогрудка конца XI – начала XII в.	Грунтовой могильник с каменными кладками в деревне Вензовщина X–XIII вв.
Количество черепов в серии	8	17	29	20	4	21	14	12
Мозговой отдел черепа								
1. Продольный диаметр, мм	179,6	184,9	188,5	182,2	169,0	177,2	178,5	169,4
8. Поперечный диаметр, мм	138,4	138,7	140,1	142,0	134,3	138,8	135,2	138,8
17. Высотный диаметр (*ba–br*), мм	137,5	134,4	138,1	134,6	125,8	127,8	130,3	130,6
8:1. Черепной указатель, ед.	77,2	75,1	74,1	78,5	79,5	78,3	75,5	82,0
Лицевой отдел черепа								
45. Скуловая ширина, мм	132,5	132,7	132,5	127,1	121,5	122,2	124,1	120,5
48. Верхняя высота лица, мм	66,0	69,0	70,6	64,8	63,0	63,0	65,6	64,8
48:45. Верхнелицевой указатель, ед.	–	52,0	53,4	50,9	52,46	51,6	53,1	50,9
52. Высота орбиты, мм	33,8	31,5	31,8	31,5	–	31,6	31,7	29,6
52:51. Орбитный указатель максиллофронтальный, мм	84,6	79,3	76,6	77,0	78,3	81,4	80,5	78,1
54. Ширина грушевидного отверстия, мм	24,0	24,2	25,4	24,5	25,0	23,6	24,2	23,9
54:55. Носовой указатель, ед.	46,3	48,1	48,2	49,5	56,9	49,0	48,4	53,8
DS:DC. Дакриальный указатель, ед.	42,5	57,1	65,2	55,0	48,5	53,0	56,8	50,3
SS:SC. Симотический указатель, ед.	54,1	44,5	48,8	48,9	36,7	47,8	45,1	38,2
75(1). Угол выступания носа к линии профиля, град.	36,0	31,1	28,3	29,1	26,5	29,5	25,9	24,5
77. Назомолярный угол, град.	134,0	139,0	137,6	138,2	141,7	136,6	137,4	139,6
Зигомаксиллярный угол, град.	110,0	127,3	125,6	125,7	–	124,9	126,3	133,0

Среди сравниваемых серий мужские и женские черепа из курганов Витебской области выделяются наименьшими продольным и поперечным диаметрами черепа. Учитывая большую индивидуальную вариабельность отдельных экземпляров, по структурным особенностям лицевого скелета и черепному указателю единичных черепов можно лишь гипотетически охарактеризовать их в качестве наиболее близких к грацильной мезокранной серии из могильника X–XIII вв. с каменными кладками в деревне Вензовщина. Сельская и городская серии из Новогрудка более массивны, долихокранны, высоколицы и низкоорбитны.

Таким образом, небольшая коллекция черепов (8 мужских и 4 женских), полученная при археологических раскопках курганных погребений XI–XII вв. на территории Витебской области (Толочинский и Докшицкий районы), проводившихся под руководством О. Н. Левко и А. В. Войтеховича в 2008–2010 гг., была исследована визуально и измерена по традиционной краниометрической программе. Визуально определены индивидуальные особенности мезодолихокранной формы мозгового отдела черепа. На двух мужских черепах из Друцка и двух черепах из Бирулей сохранились следы воздействия рубящих орудий. Плохая сохранность костного материала из-за своеобразия химического состава почв рассматриваемой территории позволила лишь на единичных черепах определить важные для расовой диагностики структурные показатели лицевого отдела. По фрагментарным визуальным и краниометрическим данным серию этих черепов можно отнести к одному из мезодолихокранных относительно грацильных узконосых вариантов большой европеоидной расы с немного ослабленной горизонтальной профилировкой лица на уровне орбит, встречавшихся на территории Беларуси в начале II тысячелетия н. э. [4]. Более точная характеристика возможна при дальнейшем пополнении коллекции новыми материалами из данного региона.

Литература

1. Саливон, И. И. Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тысячелетия н. э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 03.00.14 / И. И. Саливон ; Ин-т этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М., 1969. – 25 с.

2. Салівон, І. І. Краніологічна характеристика середньовічного населення м. Новогрудка / І. І. Салівон // Матеріали з антропологиії України. – Кіїв, 1971. – Вип. 5. – С. 92–110.

3. Салівон, І. І. Краніялогія насельніцтва беларускага Панямоння па матэрыялах каменных могільнікаў / І. І. Салівон, А. В. Квяткоўская, А. І. Кушнір // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1989. – № 3. – С. 73–81.

4. Саливон, И. И. Антропологическая характеристика древнего и современного населения белорусско-польского пограничья / И. И. Саливон // Антропология населения белорусско-польского пограничья в свете этнической истории славян / Л. И. Тегако, И. И. Саливон, О. В. Марфина. – Минск, 2009. – С. 54–149.

Рэзюмэ

І. І. Салівон, М. М. Памазанаў, В. І. Хартановіч

Краніялагічная характарыстыка серыі з курганных пахаванняў XI–XII стст. на тэрыторыі Віцебскай вобласці

Сярэднегрупавыя краніяметрычныя паказчыкі невялікай серыі чэрапаў (8 мужчынскіх і 4 жаночых) з курганных пахаванняў XI–XII стст. на тэрыторыі Віцебскай вобласці сведчаць пра прыналежнасць серыі да аднаго з варыянтаў еўрапеоіднай расы, адносна грацыльнага, мезадоліхакраннага, вузканосага з высокім пераноссем і некалькі ўплошчаным у верхняй частцы тварам. Такі вырыянт сустракаўся на тэрыторыі Беларусі ў пачатку II тысячагоддзя н. э.

Summary

I. Salivon, N. Pomazanov, V. Khartanovich

Craniological features of burial mounds series of the 11th–12th centuries on the territory of the Vitebsk region

There were analyzed the average group craniometrical indices of several skulls (8 male and 4 female) from burial mounds of the 11th–12th centuries on the territory of the Vitebsk region. The indices prove that the series belongs to one of the Europoid race variants, which is relatively gracile, mesodolichocranial, catarrhine, with high nose bridge; face is flattened a bit at the top. This variant occurred on the territory of Belarus at the beginning of the 2nd millennium A.D.

Поступила 10.01.2012

УДК 94(476.5):930.2+94(476.5)(092)Лукомльские

***Г. В. Штыхов,** Институт истории НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела археологии средневекового периода, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

История Лукомля по письменным источникам и княжеский род Лукомльских

Лукомль впервые упоминается в автобиографическом произведении «Поучение», написанном древнерусским князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом (1053–1125 гг.). Это произведение создано около 1117 г. как урок жизненной мудрости своим детям и другим князьям. Мономах вспоминает о своих многочисленных походах по Руси, по степям и Европе. Поучение было включено в Лаврентьевский летописный свод под 1096 г. без всякой связи с событиями, проходившими в этом году. В самом «Поучении» не названа ни одна дата походов, в нем вообще нет датировок. Исследователи смогли установить даты походов Мономаха [10, с. 143]. Опустошение Полоцкой земли Мономахом, разгром Лукомля и Логойска относятся к 1078 г. [19, с. 11].

Владимир Мономах был в разные годы князем: смоленским (1067), черниговским (1078), переяславским (1093), великим князем киевским (1113). Между полоцким князем Всеславом Брячиславичем и Владимиром Мономахом произошло военное столкновение в 1078 г.

В «Поучении» сообщается: «И Всеслав Смолнеск ожьже, и аз вседъ с черниговци о двою коню, и не застахом в Смолиньске; темже путем по Всеславе пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьск врюя, та Чернигову» [6, с. 239].

Перевод: «И Всеслав Смоленск пожег, – а я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал (его) в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною, и опять в Чернигов» [4, с. 157].

Приведенное сообщение свидетельствует, что Лукомль, как Логойск и Друцк, в XI в. являлись крепостями Полоцкой земли – государственного образования на территории Северной Беларуси. Эти крепости могли быть построены полоцкими князьями на месте волостных центров.

Находясь в составе Полоцкого княжества Лукомль в начале XIV в. вошел в состав Великого княжества Литовского. В «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в конце XIV в., Лукомль называется в числе литовских городов [13, с. 224].

Важные сведения о Лукомле есть у М. Стрыйковского в его «Хронике»: «Воспользовавшись тем, что литовские князья выехали в Краков на свадьбу Ягайло с Ядвигой, магистр Пруссии Конрад Зельнер вторгся в пределы Литвы и Жмуди. Вместе с магистром во главе русского войска выступил князь Андрей Ольгердович, хотевший с помощью прусских и лифляндских крестоносцев овладеть Великим Литовским княжеством. Немцы осадили замок Лукомль, гарнизон которого, состоявший из русских и литовцев, мужественно защищался. После длительного штурма замок был взят. Много немцев погибло у его стен. Андрей Ольгердович со своим войском остался в Лукомльском замке. Потом ему подчинились полочане с замком и городом и всем Полоцким княжеством, так как прусский магистр Конрад Зельнер и Лифляндский магистр Генрих их к этому вынудили. Таким образом Полоцком, Дриссой, Друей, Лукомлем и значительной частью Руси с помощью крестоносцев овладел Андрей Ольгердович». Осада Лукомльского замка, о которой пишет М. Стрыйковский, имела место в 1386 г., когда Андрей Полоцкий выступил против Кревской унии (союза) Великого Княжества Литовского и Королевства Польского [20, с. 316–317].

Известно сказание об основании в Лукомле монастыря и строительстве церкви св. Николая «у ледника, на горке» во времена Великого Княжества Литовского [11, с. 78].

В источнике говорится о явлении святителя Николая в Лукомле и чудесах, совершившихся при перенесении его мощей из Жидичинского монастыря на Волыни в Лукомль; на том месте, где лукомлянину Парфению явился святой, была построена Никольская церковь. Историк А. А. Турилов пишет об этом: «Заслуживает внимания историческое осмысление и само перенесение святыни с Волыни в Полоцкую землю – примечательный факт в небогатой известиями картине межрегиональных культурных связей XIV и первой пол. XV столетий». Перенесение мощей Николы в Лукомль следует относить к 1401–1402 гг. [14, с. 147–148]. Изучение этого сказания продолжается [11, с. 74–79].

Лукомль имел определенное значение в ходе так называемой гражданской войны между князьями Великого Княжества Литовского Свидригайлом Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем в 1430-е годы.

В 1430 г. великим князем Великого Княжества Литовского стал сын Ольгерда Свидригайло. Он начал широко привлекать для управления государством крупных православных землевладельцев,

раздавая им замки и должности. Это вызвало недовольство литовской аристократии. Литовские феодалы, поддерживаемые польскими, провозгласили великим князем брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича.

Свидригайло оказался в Полоцке, где его поддерживала местная знать. Произошел временный политический раскол ВКЛ на две части. В 1432 г. началась гражданская война. Она охватила большую территорию белорусских, украинских и литовских земель и продолжалась почти до конца 30-х годов XV в. [18, с. 205–207]. Война имела в значительной степени династический характер и являлась борьбой за политическую власть. Лукомль был одним из опорных пунктов Свидригайло Ольгердовича, и здесь некоторое время находилось собираемое князем войско [12, с. 154–155; 15, с. 87].

Вызывает интерес, как появился княжеский род Лукомльских. «Баварский географ» IX в. наряду с известными по древнерусским летописям «племенами» называет другие группы населения Восточной Европы и среди них загадочное племя «Lucolane». Н. П. Шафарик переводит его, как «лукомляне» [16, с. 215, 229]. П. М. Шпилевский считал, что речь идет о небольшом княжении лукомлян в пределах поселений древних кривичей [17, с. 168]. Возможно, Шпилевский был близок к истине. Лукомль в IX в. мог быть центром исторической волости кривичей на реке Лукомка.

Вероятно, средневековый княжеский род Лукомльских происходит из местных князей, потомков полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Такое предположение высказывали некоторые историки. Московский историк и археолог Л. В. Алексеев писал, что в XII в. Лукомль был центром княжества и княжить здесь мог кто-то из родословия полоцких князей. Однако о Лукомле полоцком в древнерусских летописях сведений нет. Ипатьевская летопись под 1179 г. сообщает о Лукомльском городище на реке Сула. Попытка отнести это сообщение к Лукомлю полоцкому не может быть принято [1, с. 76].

В. Л. Носевич, ссылаясь на известного исследователя генеологии великих князей литовских Ю. Вольфа, пишет о мнении, высказанном еще Н. М. Карамзиным, что род Лукомльских пошел от кого-то из местных потомков полоцких князей Всеславичей [8, с. 166]. Мне довелось обратиться к работе Н. М. Карамзина «История государства Российского», используя «Ключ или алфавитный указатель, составленный П. М. Строевым» [5, кн. II, т. VI, гл. V]. Такого мнения у Карамзина мной не найдено. Можно предположить о подобном мнении самого Ю. Вольфа.

Ю. Вольф называет только двух лукомльских князей Мелешковского и Щедуцкого в то время как Друцких князей указывает 23 [2, с. 106]. О. Н. Левко считает, что Лукомль и его округа являлись доменом полоцкого князя [7, с. 120]. Здесь мог быть посадник полоцких князей.

Лукомльское княжество, очевидно, во второй половине XIV в. было пожаловано кем-то из великих князей литовских основателю рода князей Лукомльских. В «Хронике Быховца» под 1402 г. сказано, что Витовт был женат второй раз на Марии, «дочери князя Андрея Лукомского и Стародубского» [15, с. 78]. В XIV–XV вв. Лукомль участвовал в усобицах потомков Гедимина и был хорошо укрепленным замком. Впервые лукомльские князья в источниках упоминаются в XV в.: Василий (1463 г.) и Иван, оказавшийся в Москве на десять лет позже [8, с. 167].

Н. М. Карамзин довольно подробно пишет об Иване Лукомльском, который выехал в Москву в 1473 г. с целью покушения на великого князя московского Ивана III. По версии Карамзина, князя Лукомльского подослал Казимир IV, король Польши. Иван Лукомльский привез с собой в Москву яд и, будучи хорошо принят, вступил здесь на службу. По какой-то неосторожности раскрыл свой умысел. Ивана Лукомльского взяли под стражу и нашли яд. Лукомльского и его единомышленника поляка сожгли в клетке на берегу реки Москвы [5, с. 150].

В начале XVI в. были известны несколько князей Лукомльских. Они совместно владели замком Лукомль, местечком возле его и иными имениями в Лукомльском княжестве. Среди них находился Федор Иванович, участвовавший в мятеже князей Глинских 1508 г., когда группировка крупных феодалов Великого Княжества Литовского вела борьбу за власть в государстве.

Богдан Андреевич (1530–1591) иногда именуемый князем Щедуцким, вместе с братом участвовал в Ливонской войне 1558–1582 гг., несколько лет провел в московском плену, затем был маршалком оршанским. Константин Михайлович (1540–1581) во время Ливонской войны являлся ротмистром войска Великого Княжества Литовского. Отличился в 1568 г. при взятии замка Улла, доставшегося ему в управление [9, с. 399].

В XVI в. в итоге раздела между князьями Лукомльскими их княжество перестало существовать как единое целое. В 1563 г. царские войска сожгли Лукомль и увели многих жителей в плен. Белорусский и польский историк, этнолог, археолог А. К. Киркор утверждал, что по достоверным данным, князья Лукомльские владели Лукомлем во времена Батория. В 1576 г. король писал к воеводе полоцкому «чтобы он наблюдал за границею между воеводствами, рекою Оболя, вниз до Двины и далее Двиною до самой границы князей Лукомльских». Лукомльские князья

назывались также и Стародубскими (Черниговской губ.). Из данного рода происходили князья Полубинские, владельцы Лубна. А. К. Киркор заключил: «Род князей Лукомльских, или Лукомских существовал в Литве еще под конец XVII столетия, во внутренней же России, кажется, и теперь еще существует» [3, с. 418].

Историю Лукомля и Лукомльской волости с использованием известных и мало известных источников изложил видный белорусский историк В. Л. Носевич и составил нужную карту: «Реконструкция территории Лукомльской волости на начало XV в.» [8, с. 161–186].

Литература

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966.
2. Вольф, Юзаф. Князі на абшарах Вялікага княства Літоўскага ад канца XIV ст. / Юзаф Вольф // Спадчына. – Мінск, 1992. – № 4.
3. Живописная Россия. Репринтное воспроизведение издания 1882 года. – Минск, 1994.
4. «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси) – М., 1989.
5. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1989. – Кн. II, т. VI, гл. V.
6. Лаврентьевская летопись // Русские летописи. – Рязань, 2001. – Т. 12.
7. Ляўко, В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы / В. М. Ляўко // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2000. – № 15.
8. Насевіч, Л. В. Лукомль і Лукомльская волость / Л. В. Насевіч // Гіст.-археалаг. зб. – 1994. – № 4.
9. Насевіч, В. Лукомскія, княжацкі род / Л. В. Насевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4.
10. Орлов, А. С. Владимир Мономах / А. С. Орлов. – М., 1946.
11. Пак, Н. Сказанне пра «літоўскія» цуды свяціцеля Мікалая Мірлікійскага / Н. Пак // Праваслаўе. – 1999. – № 8.
12. Полное собрание русских летописей. – М, 1975. – Т. 32.
13. Тихомиров, Н. М. Список русских городов дальних и близких / Н. М. Тихомиров // Исторические записки. – М., 1952.– Вып. 40.
14. Турилов, А. А. К изучению «Сказания о явлении и чудесах Николы Чудотворца в Лукомле» / А. А. Турилов // Наш радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4 (ч. 1).
15. Хроника Быховца / пред., коммент. и пер. Н. Н. Улащика. – М., 1966.
16. Шафарик, П. Славянские древности / П. Шафарик. – Т. II, кн. 1. – М., 1848.
17. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. М. Шпилевский.
18. Штыхаў, Г. В. Гісторыя Беларусі. Старажытныя часы і сярэднявечча / Г. В. Штыхаў, У. К. Пляшэвіч. – Мінск : Народная асвета, 1993.
19. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Минск, 1975.
20. Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 годах / Г. В. Штыхов // Древности Белоруссии. – Минск, 1969.

Рэзюмэ

Г. В. Штыхаў

Гісторыя Лукомля па пісьмовых крыніцах і княжацкі род Лукомльскіх

Абагульнены ўсе пісьмовыя даныя па гісторыі старажытнага Лукомля, пачынаючы з першай летапіснай узгадкі ў 1078 г. і да XVI ст. Асаблівая ўвага надаецца паходжанню княжацкага роду Лукомльскіх і жыццёваму шляху яго асобных прадстаўнікоў.

Summary

G. Shtyhov

History of Lukoml according to the written sources and the Lukoml'sky princely kin

The article generalizes all written evidences about the history of ancient Lukoml from the first annalistic mention in 1078 till the 16th century. The special attention is presented to the origin of Lukomlsky princely kin, especially to careers ones of them.

Поступила 18.07.2012

МАТЭРЫЯЛЫ

УДК 903/904(476-25)

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Археологические памятники территории Менской земли: материалы к археологической карте

Изучая историю центральных районов Беларуси (Менской земли) второй половины X – первой половины XIII в. и, в частности, исследуя проблему расселения в данный период, мы полагаем полезным обратиться к вопросу о заселенности данной территории в предшествующие периоды, считая, что это даст возможность установить наличие или отсутствие преемственности между системами расселения в эти периоды.

Не углубляясь в весьма отдаленные эпохи, остановимся на ближайших к изучаемому времени периодам – раннему железному веку, третьей четверти I первого тысячелетия н. э. и VIII–IX вв. (или первой половине X в.), поскольку последние непосредственно примыкают (по времени) к избранному нами периоду.

Цель работы – отобрать в массе известных на изучаемой территории памятников те, которые относятся конкретно к обозначенным выше периодам, выбрать наиболее объективные данные об их размерах, этнической и культурной принадлежности, датировке, месте расположения и т. п.

Наиболее полные сведения о памятниках археологии представлены в следующих изданиях: Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі (Мінская вобласць (кн. 1, 2), Віцебская і Магілёўская вобласць); Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии: Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Мінск: Полымя, 1971; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н.э.). Минск: Наука и техника, 1974; Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983. Эти работы во многом компилятивные, основанные нередко на публикациях исследователей 1920–30-х годов и не всегда проверенных сведениях «Опросных листов». Что касается надежности сведений о памятниках, опубликованных Л. Д. Поболем, то оценка их дана в рецензии А. Г. Митрофанова [Митрофанов А. Г. Рец. на кн.: Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983 // Советская археология. 1986. № 1]. Упомянутая «Археологическая карта», как и тома «Збора помнікаў», решая специфические задачи учета и охраны памятников истории и культуры, группируют их по существовавшим на момент издания административным районам, территории которых не всегда полностью вписываются в границы Менской земли. Причем по районам сгруппированы разновременные памятники. Так, например, в карте Г. В. Штыхова в памятниках одного района присутствуют вместе поселения раннего железного века, третьей четверти, средневековья классического (X–XIII вв.) и позднего (по XVIII в.); в томах «Збора помнікаў» к ним добавлены еще памятники периодов каменного и бронзового века. Вместе с тем нельзя не отметить, что по каким-то причинам в «Збор помнікаў» по Минской области не были включены некоторые существующие памятники, в том числе такой хорошо сохранившийся и изучавшийся многими археологами, как городище в д. Острошицкий городок Минского района (рис. 1).

В этих же изданиях многослойные памятники, содержащие материалы разновременных культур, выступают как одна «единица учета».

Помимо указанных изданий сведения о памятниках отдельных периодов и эпох на означенной нами территории имеются и в иных публикациях [Штыхаў Г. В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.). Минск, 1996].

В нашем приложении памятники даются по периодам раннего железного века, третьей четверти и конца I тысячелетия н. э. Основная географическая привязка памятников (их размещение в пределах мегарегиона) дается по долинам и бассейнам рек (как это делали археологи первой половины XX в. (рис. 1), в дополнение к этому для облегчения ориентации указывается привязка к ближайшему существующему населенному пункту и административному району Республики Беларусь. Этого принципа «привязки» мы придерживаемся для всех хронологических групп памятников, что дает возможность сопоставления при нанесении их на карту одного масштаба и получения данных о динамике расселения обитателей центральных районов территории Беларуси в разные исторические эпохи. Наконец, при наличии разновременных отложений на одном и том же памятнике мы будем приводить его в каждой из временных групп.

Рис. 1. Населенные пункты Менского повета по Попису войска ВКЛ 1567 г. Составитель – В. Н. Темушев (по материалам М. Ф. Спиридонова)

Основными источниками составления настоящего «Приложения» являются публикации материалов об археологических раскопках и обследованиях памятников, а также научные отчеты о них, хранящиеся в Научном архиве археологической документации Института истории НАН Беларуси. При необходимости привлекаются также данные соответствующих томов и книг «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», хотя, как автор имел случаи убедиться, некоторые статьи в них написаны не по результатам персонального обследования памятников соответствующих районов, а представлены как не совсем добросовестная компиляция либо непроверенных, либо устаревших сведений. Этими же словами можно охарактеризовать и ряд сведений, содержащихся в «Археологической карте» Г. В. Штыхова, которая выгодно отличается от «Збора помнікаў» большим количеством учтенных поселений и могильников. Относительно публикаций по разведкам и раскопкам 1920–30-х годов следует заметить, что, отличаясь правильным методом ведения разведок (по долинам и бассейнам рек даже внутри административно-территориальных единиц), их авторы были недостаточно подготовлены для определения хронологии и культурной принадлежности собранного материала, а значит, и для атрибуции памятников,

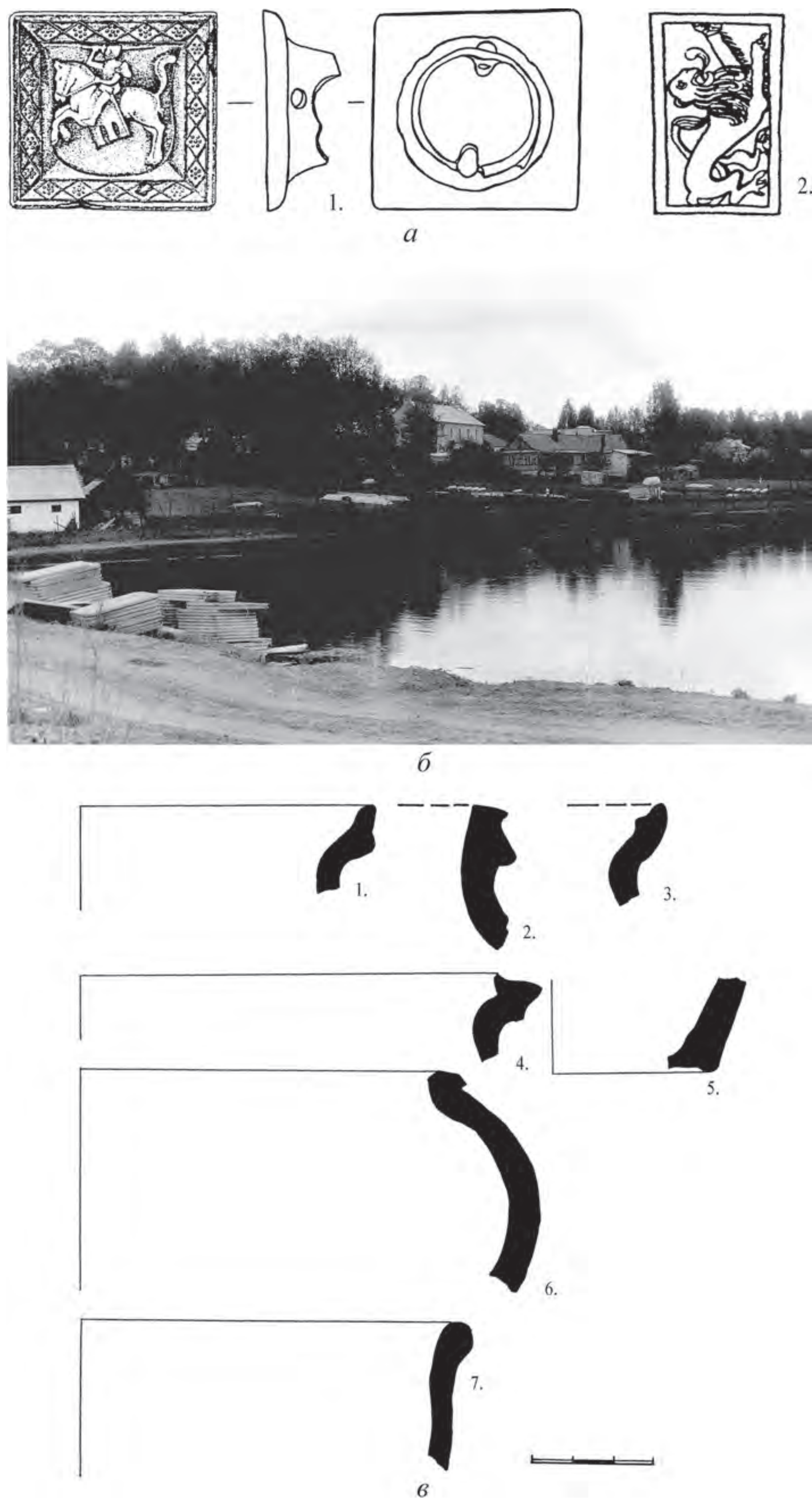


Рис. 2. Археологические памятники территории Менской земли: *а* – плитки с изображением гербов: *1* – «Погоня» (Лошыца Сухая); *2* – «Лев» (Заславский замок); *б* – вид с севера на селище в д. Прилуки; *в* – керамика (фрагменты) из селища в д. Прилуки: *1–5* – вторая половина X – XII в.; *6, 7* – XVII–XVII вв.

особенно содержащих разновременные материалы, даже в таких, например, моментах, как разделение керамики, собранной при разведках, на лепную и круговую. Отсюда, вероятно, такие определения лепной посуды, как «тыпу даславянскіх гарадзішч», «больш ранейшага часу» или отсылка на аналогии к памятникам, публикации по которым не указываются. Несколько исправляет положение наличие зарисовок самих материалов (рис. 2).

По центральным районам Беларуси (будущей Менской земле) проходят полностью или частично реки Неманского и Днепровского бассейнов, основными из которых являются Березина, Птичь, Свислочь и Усса.

Памятники раннего железного века

Долина и бассейн р. Свислочь

1. Городище Лабенщина (Минский район), западная окраина деревни, левый берег Свислочи, близ впадения в нее ручья Криница. Площадка овальная размерами 68 × 42 м, высота склонов холма – 12–14 м. С разных сторон укреплено 2–3 валами остаточной высотой от 0,5 до 0,7 м и 2 рвами. Открыто в 1926 г. А. Д. Коваленей, раскопки производили А. Н. Лявданский и А. Г. Митрофанов (в 1927 и 1950–1952 гг. соответственно). Относится к культуре штрихованной керамики. Датируется IV в. до н. э. – IV в. н. э. [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978].

2. Городище Банцеровщина, нижний слой (Минский район), левый берег Свислочи. Площадка 55 × 35 м. Высота холма со стороны реки – до 22 м. Открыто в 1925 г. Н. Н. Улащиком и С. С. Шутовым. Исследовалось раскопками 1926–1928 гг. Н. Н. Улащиком и С. С. Шутовым и в 1948–1949 гг. А. Г. Митрофановым. Нижний слой относится к культуре штрихованной керамики. Датируется III в. до н. э. – IV в. н. э. [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978].

3. Городище Жужлянка (нижний слой) в 3 км на северо-восток от д. Смык, правый берег р. Свислочи, при впадении в нее ручья Жужлянка (Осиповичский район). Площадка 100 × 130 м, два вала высотой 2 и 4 м и два рва. Открыл в 1925 г. А. Немцев, обследовали в 1926 г. Н. Н. Улащик и С. С. Шутов, в 1958 г. Л. Д. Поболь, раскопки проводили в 1963 г. Э. М. Загорульский, в 1991 г. Ю. А. Заяц. Нижний горизонт культурного слоя содержит материалы III–IV вв., относящиеся к культуре штрихованной керамики [Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь // Беларускія старажытнасці. Минск, 1967; Драгун Ю. И. Отчет об археологической разведке и раскопках, проведенных отрядом археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1964 г. / Архив научной археолгической документации ИИ НАН Беларуси. Д. № 241; Немцаў А. Помнікі старасветчыны ў Асіповіцкам раёне // Асіповіцкі раён Бабруйскай акругі. Вып. 2. Мінск, 1928. С. 79–88; Шутаў С. С., Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. С. 120].

4. Селище на правом берегу Свислочи в 1,2 км от деревни Устиж (Осиповичский район). Справа от дороги на Свислочь. Обследовали в 1929 г. С. С. Шутов и Н. Н. Улащик, в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 2009 г. Ю. А. Заяц. Были найдены разновременные матералы, в том числе фрагменты посуды культуры штрихованной керамики. К настоящему времени культурный слой полностью разрушен распахиванием [Шутаў С. С, Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. С. 110–112].

5. Селище в урочище Синяя речка, при впадении одноименной реки в Свислочь (правый берег) близ д. Комарин (Осиповичский район). Открыли и исследовали в 1926 г. Н. Н. Улащик и С. С. Шутов. Судя по опубликованным материалам, относится к культуре штрихованной керамики, возможно, к позднему ее этапу [С. С. Шутоў, М. М. Улашчык. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II., Мінск, 1930].

6. Городище «Замчище». Правый берег Свислочи, близ впадения ее в Березину, южная окраина д. Свислочь (Осиповичский район). Площадка треугольной формы размерами 67 × 77 м, с крутыми склонами холма, который с двух сторон укреплен рвами. Изучалось в 1926 г. Н. Н Улащиком и С. С. Шутовым, в 1962 г. Э. М. Загорульским, в 2000 г. А. В. Ильютик и В. И. Кошманом, в 2002 г. А. В. Ильютик. Нижний слой содержит материалы культуры штрихованной керамики, судя по опубликованным рисункам, скорее всего, позднего ее этапа (II–IV вв. н. э.). Правда, в отчете Э. М. Загорульского упоминается лишь о наличии и мощности этого слоя [С. С. Шутоў, М. М. Улашчык. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Мінск, 1930; Ільюцік А. В., Кошман В. І. Гарадзішча Свіслач (матэрыялы даследавання 2000 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2003. № 6. С. 110–129].

7. Городище на левом берегу Свислочи, при впадении в нее безымянного ручья, в д. Зборск (Осиповичский район). Состоит из двух площадок: малой (26 × 17 м) и большой (диаметром 60 м), разделенных валом высотой 2 м. Обследовали в 1872 г. Я. Завиша, в конце XIX в. Г. Х. Татур, в 1925 г. А. Немцев, в 1926 г. Н. Н. Улащик и С. С Шутов, в 1964 г. Э. М. Загорульский, в 1965 г. Л. Д. Поболь, в 1978 г.

А. Г. Митрофанов, в 1999 г. А. В. Ильютик провела раскопки на обеих площадках. Ранние материалы, по мнению А. В. Ильютик, относятся к культуре штрихованной керамики и датируются последней четвертью I тысячелетия до н. э. [Шутаў С. С, Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Мінск, 1930. С. 120; Ильютик А. В. Городище Зборск на р. Свислочь // МАБ. Мінск, 2002. № 5. С. 41–44] .

8. Городище на левом берегу Свислочи в ур. Ранняя Речка (бывш. деревня), в 2 км к северо-западу от д. Зборск (Осиповичский район). Площадка овальная 150 × 120 м. Материалы аналогичные городищу Зборск. В настоящее время, местность, где расположено городище, затоплено водами Осиповичского водохранилища.

9. Городище на левом берегу Свислочи, в 1 км к югу от д. Блужский Бор (Пуховичский район). Площадка 50 × 20 м, два дугообразных вала. Открыл и исследовал в 1965 г. Л. Д. Поболь. Ранние материалы относятся к культурам милоградской, зарубинецкой и штрихованной керамики.

10. Городище «Городок» на левом берегу р. Волма за 0,1 км до впадения ее в Свислочь, близ северо-западной окраины д. Мижречье (Пуховичский район). Площадка 58 × 54 м с двух сторон ограждена подковообразными валами. Открыл и обследовал в 1967 г. А. Г. Митрофанов, в 1985 г. Т. С. Бубенько. Датируется III–V вв. Относится к культуре штрихованной керамики [Бубенька Т. С в. Міжрэчча, гарадзішча № 2225 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 2. С. 133].

11. Городище «Городок», на правом берегу Свислочи, на южной окраине д. Теребуты (Пуховичский район). Площадка диаметром около 80 м. Вал высотой 1,5 м и ров глубиной 5 м. Мощность слоя – более 0,6 м. Известно с 1924 г. Обследовали в 1965 г. Л. Д. Поболь, в 1985 г. Т. С. Бубенько. Относится (по находкам) к культуре штрихованной керамики [Бубенька Т. С в. Церабуты, гарадзішча № 2307 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 2. С. 139].

12. Городище на левом берегу Свислочи (верховье), в 0,2 км на запад от д. Дворище (Роговское, Минский район). Площадка 45 × 40 м, с севера и северо-запада на склоне холма валы и ров между ними. Открыл в 1963 г. А. Т. Куракевич. Исследовал в 1964 г. К. П. Шут. Датируется IV до н. э. – III–IV в. н. э. [Шут К. П. Городище Дворище // Вопросы истории и археологии. Минск, 1966].

13. Городище на берегу р. Гуйка (верхний левый приток Свислочи), в 0,5 км на юго-восток от д. Збаровичи (Минский район). Площадка 50 × 30 м, остатки вала. Мощность слоя – от 0,30 до 0,95 м. Открыл в 1912 г. А. К. Снитко. Исследовал в 1951, 1952 и 1958 г. А. Г. Митрофанов. Датируется I–IV вв. [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978].

14. Городище «Замчище» на правом берегу истоков Вячи (левый приток Свислочи) в 1,5 км к югу от деревни Мочаны (Логойский район). Площадка 57 × 26 м, 2 вала и рва. Известно с 1923 г. обследовал в 1964 г. Ю. И. Драгун. Найдены материалы культуры штрихованной керамики.

15. Городище «Замэчек» на левом берегу р. Вязынка (левый приток Свислочи), в 0,25 км к юго-востоку от филиала музея Я. Купалы в д. Вязынка (Молодечненский район). Площадка 60 × 50 м. В 1952 г. обследовал К. М. Поликарпович, исследовал А. Р. Митрофанов. Датируется II–V вв. Относится к культуре штрихованной керамики [Митрофанов А. Г. Городище в Вязынке // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1].

16. Городище на левом берегу канала ВМВС (ранее – русло р. Вязынка), в 0,5 км к северо-востоку от д. Вязынка (Молодечненский район). Площадка 45 × 35 м. Открыл в 1954 г. А. Г. Митрофанов, обследовал в 1985 г. Я. Г. Зверуго. По найденным материалам относится к культуре штрихованной керамики [Митрофанов А. Г. Городище в Вязынке // Материалы по археологии БССР. Мінск, 1957. Т. 1].

17. Городище «Шведская гора» на правом берегу Гуйки (левый приток Свислочи, ныне канала ВМВС), по ул. Заславской в г. п. Радошковичи (Молодечненский район). Площадка диаметром 55 м. Мощность слоя – до 1,1 м. Открыл в конце XIX в. Ф. В. Покровский. Обследовали в 1969 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. В. И. Шадыро. Материалы нижнего горизонта относятся к культуре штрихованной керамики [Шадыра В. І. Радашковічы, гарадзішча № 1738 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 32; Медведев А. Ф. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 85].

Долина и бассейн р. Березины (Днепровской)

18. Городище в бассейне р. Гайна (правобережье) у д Кимия (Борисовский район). Площадка 42 × 64 м, с запада укреплена невысоким валом и рвом. Открыл в 1931 г. А. Н. Лявданский. Исследовал в 1950 г. А. Г. Митрофанов. Датируется VI–I вв. до н. э. А. М. Медведев датирует городище IV в. до н. э. – IV в. н. э. [Поболь Л. Д., Мітрафанаў А. Г. Праблема рассялеення славян на тэрыторыі Беларусі ў I тыс. н. э. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1966. № 2; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 82].

19. Городище «Замковая гора» речка Недалька (правый приток Березины), в 5,7 км к западу от д Дедиловичи (Борисовский район). Площадка 42 × 28 м, два кольцевых вала и рва. В 1962 г. открыл и исследовал А. Г. Митрофанов. Датируется I–IV вв. н. э.

Относится к культуре штрихованной керамики [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 82].

20. Городище правый берег р. Усяжы, притока Гайны (правого притока Березины) в д. Прилепы, (Смолевичский район). Открыл в 1925 г. А. Н. Лявданский. Обследовали в 1964 г. Ю. И. Драгун (с шурфовкой), в 1979 г. М. А. Ткачев. Нижний слой – материалы культуры штрихованной керамики [Ткачоў М. А. в. Прылепы, гарадзішча, № 2787 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Кн. 1. С. 208].

21. Городище на правом берегу р. Добрицы, правого притока Березины, в 1 км на юго-восток от деревни Городок (Червенский район). Площадка 115 × 100 м, валы и рвы. В 1963 г. обследовал и шурфовал Л. Д. Поболь, в 1979 г. – С. М. Васильева. Относится к раннему железному веку, вероятно, к культуре штрихованной керамики [Поболь Л. Д. Славянские древности Беларуси: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.; Васильева С. М. в. Гарадок, гарадзішча № 3173 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць Мінск, 1987. Кн. 2. № 3170. С. 271].

22. Городище «Шведская гора», правый берег верхнего течения Березины, в 2 км на север от д. Бирюли (Докшицкий район). Площадка овальная 56 × 48 м с дугообразными валами и рвом, глубиной до 2,3 м и шириной 12–13 м. Исследовали А. Г. Митрофанов и П. М. Кенько Датируется III в. до н. э. – IV в. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 79].

23. Городище «Замок», нижний слой правый берег р. Усяжи в д. Острошицкий городок (Минский район). Площадка размерами 60 × 55 м, на холме высотой до 18 м. Видимых следов укреплений нет. Исследовали в 1928 г. А. Д. Коваленя, в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1962 и 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1967 г. Г. В. Штыхов. Нижний слой относится к культуре штрихованной керамики.

24. Городище на правом берегу р. Березины в 3–4 км на восток от д. Новоселки (Осиповичский район). Состоит из трех площадок, на одной из них, средней (размеры 61 × 46 м) – материалы раннего железного века. Г. В. Штыхов пишет о милоградской и других культурах, но ссылки на отчеты Л. Д. Поболя не кажутся нам убедительными. Вероятно, правы Н. Н. Улащик и С. А. Шутов, открывшие и изучавшие в 1926 г. этот памятник, видившие аналогию его лепной керамике среди однотипных сосудов городища Свислочь, т. е. культуры штрихованной керамики [Шутаў С. С., Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Мінск, 1930. Т. II. С. 115–116].

25. Селище, правый берег Березины, в 0,2 км на восток от д. Гливин, при дороге на д. Новоселки (Борисовский район). Площадь – 3,0 га. Мощность слоя – до 0,5 м. Исследовал Г. В. Штыхов в 1982 г. Содержит разновременные материалы, в том числе лепную керамику с расчесами и ребристые мискообразные сосуды. Относится к зарубинецкой и Киевской культурам. Датируется II–V вв. н. э. [Штыхаў Г. В. Глівін, № 94а селішча // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 67; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 82].

26. Городище «Замковая гора», левый берег р. Цна, притока Черницы и Гайны, в 3 км к северо-востоку от д. Лавники (Борисовский район). Площадка диаметром 55 м, с востока укреплена 2 валами и 3 рвами, с юга вал у подножья городища. Обследовал в 1979 г. Г. В. Штыхов. Найдена лепная керамика с расчесами [Штыхаў Г. В. Лаўнікі, гарадзішча. № 151 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 75].

27. Городище «Замковая гора», правый берег Березины, в 2 км к западу от д. Лещины (Борисовский район). Площадка диаметром 35 м, с запада укреплена валом высотой 1,0 м, второй вал – на склоне горы. Исследовал в 1979 г. Г. В. Штыхов. Мощность слоя – 0,8 м. Относится к культуре штрихованной керамики [Штыхаў Г. В. Ляшчыны, гарадзішча № 158 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 76].

28. Городище на правом берегу Березины, восточная окраина д. Новоселки (Борисовский район). Площадка 45 × 16 м, с запада была укреплена валом (не сохранился). Мощность слоя – до 1,4 м. Открыл в 1931 г. А. Н. Лявданский, исследовал в 1950 г. А. Г. Митрофанов. Датируется VI в. до н. э. – V в. н. э. (По А. М. Медведеву верхняя временная граница функционирования памятника – IV в н. э.) Относится к культуре штрихованной керамики [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 82].

29. Городище на правом берегу р. Рова, притоке (правом) Березины, в 1 км на юго-восток от д. Слободка (Борисовский район), в урочище Верх. Площадка 55 × 45 м, 2 вала и рва. Мощность слоя – 0,4 м. Изучал в 1964 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. обследовал Ю. А. Заяц. Относится к культуре штрихованной керамики [Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974].

30. Городище на левом берегу Березины, в 1 км на юго-запад от д. Оздятичи (Борисовский район).

Площадка 50 × 30 м укреплена с востока валом и рвом. Открыл в 1931 г. А. Н. Лявданский, в 1958 г. исследовал А. Г. Митрофанов. Датируется VI в. до н. э. – I в. н. э. [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978].

31. Городище Косцельная гора (Костелище) на левом берегу р. Уса (правый приток Березины) в центре д. Богушевичи (Березинский район). Площадка 60 × 50 м, 3 вала и рва. Мощность слоя – до 0,6–1,9 м. Известно с 1927 г. В 1964–1965 гг. исследовал Л. Д. Поболь, в 1979 г. обследовала Т. С. Бубенько. Материалы датируются I до н. э. – II в. н. э. Относится к милоградской и зарубинецкой культуре [Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974].

32. Городище на правом берегу Березины и ее старицы, в урочище «Городок», на восточной окраине д. Городок (Березинский район). Площадка 110 × 80 м со стороны поля укреплена двумя валами и рвами. Открыл в 1930 г. А. Н. Лявданский, обследовал в 1963 г. Л. Д. Поболь и в 1979 г. Т. С. Бубенько. В шурфе слой мощностью до 0,5 м и керамика, в том числе милоградская, зарубинецкая и штрихованная. Относится к раннему железному веку [Бубенька Т. С. в. Гарадок, гарадзішча, № 271 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 93].

33. Городище на правом берегу р. Уша (правый приток Березины), в 0,4 км к востоку от д. Котово (Березинский район). Площадка 35 × 22 м, 2 вала и 2 рва, слой мощностью 0,35 м. Обследовали в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. Милоградская и зарубинецкая культура [Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974].

34. Городище «Замок» на правом берегу Березины, в урочище Погулянка, близ д. Мурова (Березинский район). Площадка 47 × 50 м, со стороны поля – вал и ров. Известно с 1935 г. Обследовал в 1928 г. А. Рынейский. В 1963 г. исследовал Л. Д. Поболь. Датируется VII в. до н. э. – IV в. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Бубенька Т. С. в. Мурова, гарадзішча № 342 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 98].

35. Городище «Городок» на правом берегу Березины, в месте впадения в нее безымянного ручья, в центре д. Прибрежное (Березинский район). Площадка 40 × 50 м, вал и ров со стороны поля. Мощность слоя – 0,3–1,0 м. Открыл в 1928 г. А. Рынейский, в 1928 г. обследовали Колодкин и Конвисаров, в 1963 г. исследовал шурфами Л. Д. Поболь. Найдены материалы милоградской, зарубинецкой и штрихованной керамики культур [Бубенька Т. С. в. Прыбрэжнае, Гарадзішча № 360а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 100].

36. Городище на левом берегу р. Уша (правый приток Березины) в урочище Коза, в 1 км на юго-восток от д. Уша (Березинский район). Площадка 30 × 20 м, со стороны поля 2 вала и 2 рва. Мощность слоя – 0,3–0,6 м. Известно с 1925 г. Обследовали в 1928 г. А. Рынейский, в 1929 г. Колодкин и Конвисаров, в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. Ранние материалы относятся к культуре штрихованной керамики, датируется I–IV вв. [Бубенька Т. С. в. Уша, гарадзішча № 369 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 101].

37. Городище «Городок» правый берег Березины при впадении безымянного ручья в урочище Городок в 0,3 км на север от д. Чижаха (Березинский район). Площадка 110 × 102 м. Два дугообразных вала и рва. Открыли около 1929 г. Колодкин и Конвисаров. Обследовали в 1931 г. А. Н. Лявданский, в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. Найдены материалы культур милоградской, зарубинецкой и штрихованной керамики. Датировано VII в. до н. э. – II в. н. э. [Бубенька Т. С. в. Чажаха, гарадзішча, № 374 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 101].

38. Селище-1 в пойме правого берега Березины, в урочище Равинки, в 1,5 км к востоку от д. Чырвоная Зорька (Березинский район), с запада у подножья городища. Площадь – около 0,5 га. Открыл и исследовал в 1964 г. Л. Д. Поболь., в 1979 г. обследовала Т. С. Бубенько. Обнаружены материалы, относящиеся к культурам милоградской и зарубинецкой [Бубенька Т. С. в. Чырвоная Зорка, селішча-1, № 378б // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 102].

39. Селище-2 в урочище «Крыжык» в пойме правого берега Березины, в 0,7 км к северо-западу от городища и селища-1, в 1,5 км к востоку от д. Чырвоная Зорька (Березинский район). С трех сторон ограничено старицами Березины. Открыл в 1931 г. А. Н. Лявданский, обследовали в 1964 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. По найденным материалам датировано VII в. до н. э. – V в. н. э. и отнесено к раннему железному веку, без определения конкретной археологической культуры [Бубенька Т. С. в. Чырвоная Зорка, селішча-2, № 378в // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 102].

40. Городище «Городок» на правом берегу р. Добрица (правый приток Березины), в 1 км к юго-востоку от д. Городок (Червенский район). Размеры площадки 115 × 100 м, с трех сторон 2 вала и рвы. Мощность слоя в шурфе – 0,4 м. Обследовали в 1963 г.

Л. Д. Поболь, в 1979 г. С. Н. Васильева Среди обломков лепной керамической посуды имеются фрагменты со штриховкой. Отнесено к культуре штрихованной керамики [Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) Минск, 1974].

41. Городище-1 на левом берегу Березины, при впадении в нее р. Сергуч, в 0,3 км к западу от д. Оситище (Докшицкий орайон). Площадка размерами 57 × 46 м, укреплена по периметру валом и рвом. Еще один дугообразный вал с юга. Мощность слоя – до 0,5 м. Обследовали в 1931 г. А. Н. Лявданский, в 1971 г. А. Г. Митрофанов. Датируется по подъемному материалу III–IV вв. н. э. Относится к культурам штрихованной керамики и днепро-двинской [Мітрафанаў А. Р. в. Асетішчы, гарадзішчы, № 1220а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1885. С. 243–244].

42. Гарадзишча-2 на левобережье Березины, в 3–4 км от д. Осетище, в урочище Кадлубище (Докшицкий район). Площадка размерами 71 × 57 м. Обследовали в 1931 г. А. Н. Лявданский и в 1972 г. А. Г. Митрофанов. Датируется III–IV вв. н. э. Относится к культурам штрихованной керамики и днепродвинской [Мітрафанаў А. Р. в. Асетішчы, гарадзішчы, № 1220б // Збор помникаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1885. С. 244].

43. Городище «Замок», правый берег Березины, в 0,5 км на северо-запад от д. Асинавик (Докшицкий район). Площадка размерами 56 × 52 м, 2 кольцевых вала и ров, мощность слоя – до 0,8 м. Обследовал в 1972 г. А. Г. Митрофанов. Датируется III–IV вв. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Мітрафанаў А. Р. в. Асінавік, гарадзішча, № 1230 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1885. С. 244].

44. Городище на правом берегу Березины, в 1 км к юго-востоку от д. Березино (Докшицкий район). Площадка 49 × 47 м, укрепления – вал и ров на склонах холма. Слой мощностью 0,2–0,8 м. Известно с 1924 г. Обследовал в 1971 г. А. Г. Митрофанов. Датируется III–IV вв. н. э. Относится к культурам штрихованной керамики и днепро-двинской [Мітрафанаў А. Р. в. Бярэзіна, гарадзішча, № 1223 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1885. С. 244].

45. Городище «Замок» на правом берегу верхнего течения Цны (левый приток Гайны), в урочище Тартак, в 2 км к юго-востоку от д. Васильковка (Логойский район). Площадка диаметром 57–59 м, два кольцевых вала и ров. Мощность слоя – от 0,25 до 2,24 м. Известно с 1934 г. В 1964, 1966 1967 г. изучал А. Г. Митрофанов. Датируется IV– вв. н. э. Относится к позднему этапу культуры штрихованной керамики [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978].

46. Городище «Замковище, или Замковая гора» на правобережье Гайны, в 1 км к северо-западу от Логойска. Известно с 1858 г. Исследовали в 1915 г. М. В. Шавельский, в 1925 г. А. Н. Лявданский, в 1966, 1968 г. Г. В. Штыхов, в 1979 г. обследовал М. И. Лошенков. Относится к культуре штрихованной керамики [Лашанкоў М. І. Лагойск, гарадзішчы, № 1238а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 242, № 1238а].

47. Городище «Паненская гора» на правобережье Гайны, на юго-восточной окраине г. Логойска, при дороге на д. Зембин. Площадка размерами 30 × 30 м, с восточной стороны – вал и ров. Известно с 1857 г. Исследовал в 1957 г. К. П. Шут. В 1979 г. обследовал М. И. Лошенков. Относится к культуре штрихованной керамики [Лашанкоў М. І. Лагойск, гарадзішчы // Збор помнікаў гісторіі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 243, № 1238в].

48. Городище на правом берегу Гайны, в 0,5 км к востоку от д. Свидно (Логойский район). Площадка размерами 49 × 45 м, 3 вала и рвы. Открыл в 1858 г. К. П. Тышкевич. Обследовали в 1925 г. А. Н. Лявданский, в 1979 г. М. И. Лошенков. Отнесено к культуре штрихованной керамики [в. Свидна. Гарадзішча, № 1422 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 258].

49. Городище «Замковая гора», левый берег р. Лагоза (правый приток Гайны), в 0,5 км к северу от д. Старое Городище (Логойский район). Площадка размерами 65 × 30 м. Укреплена 3 валами и рвами. Обследовали в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. М. И. Лошенков. Ранние материалы относятся к культуре штрихованной керамики [М. І. Лашанкоў. в. Старое Гарадзішча. Гарадзішча, № 1445а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 259].

Долина и бассейн р. Птичь

50. Малое городище при впадении ручья Дунай в р. Мена (правый приток Птичи), в д. Городище (Минский район). Площадь – около 0,2 га, обнесена валом. Обследовал в 1930 г. А. Рынейский. Исследовали 1954 г. А. Г. Митрофанов, в 1967 г. Э. М. Загорульский, в 1978 г. Г. В. Штыхов. Датируется рубежом н. э. – IV в. н. э., относится к культуре штрихованной керамики.

Бассейн р. Нёман

51. Городище на р. Зеленая, приток Усы, у д. Городище (Узденский район). Площадка размерами 65 × 65 м. Мощность слоя – до 0,6 м. Открыл в 1931 г. А. Рынейский. Обследовали в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1951 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. Л. В. Колединский. Найдены материалы (ранние) культуры штрихованной керамики [Рынейскі А. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч (Матэр'ялы да археалёгічнай

карты) // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН. Кн. 15. Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай АН. Мінск, 1932. Т. III].

52. Городище на правом берегу р. Тепленьки (приток Усы), на северной окраине д. Теплень (Узденский район). Площадка размерами 60 × 80 м, со стороны поля 2 вала и ров. Мощность слоя – около 0,5 м. Открыл в 1931 г. А. Рынейский. Обследовали в 1951 г. А. Г. Митрофанов, в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1977 и 1979 г. Л. В. Колединский. Ранние материалы относятся к культуре штрихованной керамики [Рынейскі А. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч (Матэр'ялы да археалёгічнай карты) // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН. Кн. 15. Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай АН. Мінск, 1932. Т. III].

53. Городище на берегу р. Волмы (левый приток Ислочи), в 1,5 км к северу от д. Замостяны (Воложинский район). Площадка размерами 65 × 50 м, мощность слоя – 0,25–1,15 м. Открыл и исследовал в 1967 г. А. Г. Митрофанов. Датируется I–IV вв. н. э. относится к культуре штрихованной керамики [Мітрафанаў А. Замасцяны, гарадзішча, № 440 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 117].

54. Городище на правом берегу Березины (неманской), в 0,5 км на юго-запад от д. Кащеличи (Воложинский район). Площадка размерами 52 × 42 м. Открыл в 1967 г. А. Г. Митрофанов, обследовал в 1976 г. Э. М. Зайковский. Исследовали в 1986 г. А. А. Егорейченко, в 1987–1989 гг. А. М. Медведев. Датируется I–IV вв. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Медведев А. Ф. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 84].

55. Городище на левом берегу р. Ислочи, в 0,5 км на юг от Ракова. Площадка 52 × 22 м, подковообразные валы и рвы. Слой до 0,2 м. Обследовали в 1976 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. Э. М. Зайковский. Относится к культуре штрихованной керамики [Медведев А. Ф. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 85].

56. Городище на левобережье Березины (неманской), в 1 км к югу от д. Узболоть (Воложинский район). Площадка размерами 40 × 23 м. Слой – до 0,26 м. Открыл и исследовал в 1967 г. А. Г. Митрофанов. Датируется I–IV вв. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Мітрафанаў А. Р. в. Узбалоць, гарадзішча, № 508 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1987. Кн. 1. С. 131].

57. Городище на берегу р. Яршевки (левый приток Ислочи), в 0,6 км на юго-восток от д. Яршевичи (Воложинский район). Площадка размерами 75 × 45 м, подковообразный вал. Мощность слоя – до 0,7 м. Открыл в 1838 г. и обследовал в 1893 г. Ф. В. Покровский, обследовал и изучил шурфом в 1983 г. Э. М. Зайковский. Отнесено к культуре штрихованной керамики [Зайкоўскі Э. М. д. Яршэвічы, гарадзішча, № 519 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 132].

58. Городище на левобережье Вилии, в 0,5 км к северо-западу от д. Безводное (Вилейский район). Площадка размерами 67 × 50 м, вал и ров с юго-восточной стороны. Мощность слоя – 0,5 м. Открыл и исследовал в 1967 г. А. Г. Митрофанов. Датируется I–IV вв., относится к культуре штрихованной керамики [Мітрафанаў А. Р. в. Бязводнае, гарадзішча, № 560 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 141].

59. Городище на левом берегу небольшой речки, впадающей с правого берега в Вилию, в болотистой местности, в 0,8 км к северо-западу от д. Долгиново (Вилейский район). Площадка размерами 47 × 40 м. С трех сторон укреплено валом. Мощность слоя – 0,5–1,0 м. В 1967 г. изучал А. Г. Митрофанов. Ранние материалы (I–IV вв. н. э.) относятся к культуре штрихованной керамики [Мітрафанаў А. Р. в. Бязводнае, гарадзішча, № 560 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 141; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 80].

60. Селище, берег оз. Слободское, левый берег р. Нарочь (приток Вилии), в 2 км на восток от д. Слобода (Вилейский район). Площадь – 0,7 га. Открыл и обследовал в 1867 г. М. М. Чернявский. Ранние материалы относятся к культуре штрихованной керамики [Чарняўскі М. М. в. Слабада, селішча, № 681 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 158].

61. Селище на правом берегу р. Двиноса (приток Вилии) в 1,2 км юго-западу от д. Избище (Логойский район). Площадь – около 2 га. Открыл и исследовал в 1986–1989 гг. В. В. Казей. Имеются материалы второй четверти I тысячелетия н. э. [Медведев А. Ф. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 81].

62. Городище «Кальвинщина (Гаштольдова гора)» на правом берегу р. Нетеча (правый приток Усы), на северо-восточной окраине г. Дзержинска (быв. Койданово). Площадка размерами 55 × 80 м. Исследовали и обследовали в 1963 г. Э. М. Загорульский, в 1976, 1978 и 1983 г. Ю. А. Заяц, 1988 г. Г. Н. Саганович. Нижний горизонт содержит материалы культуры штрихованной керамики [Загорульский Э. М. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1963 г. / ААД ИИ НАН Беларуси. Д. № 220; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 88].

63. Городище «Замок» на берегу безымянного правого притока Усы, в 0,5 км к юго-западу от д. Каменка (Дзержинский район). Площадка размерами 27 × 29 м, дугообразный вал. Открыл в 1928 г.

А. Н. Лявданский. Исследовал в 1961 г. А. Г. Митрофанов. Обследовал в 1979 и 1980 г. Ю. А. Заяц. Относится к культуре штрихованной керамики [Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 87–88].

64. Городище на правом берегу р. Уса, близ впадения в нее речки Славка (левый берег), в 0,4 км к югу от д. Новосады (Дзержинский район). Площадка размерами 125 × 53 м, со стороны поля вал и ров. Мощность слоя – до 0,35 м. Обследовали в 1928 г. А. Н. Лявданский и Н. Н. Конвисаров. В нижнем слое материалы культуры штрихованной керамики [Дубінскі С. А. Археалагічная праца на Беларусі за 1919–1928 гг. // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Т. 1. Кн. 5. Працы кафэдры археолёгіі. Мінск, 1928; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 88].

65. Городище на левом берегу р. Уша (левый приток Вилии), в 0,5 км к югу от д. Красное (Молодечненский район). Площадка размерами 45 × 30 м. Открыл в XIX в. Ф. В. Покровский В 1979 г. обследовал В. И. Шадыро. По найденным материалам относится к культуре штрихованной керамики [Шадыра В. І. в. Краснае, гародзішча, № 1685. // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 23; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 84].

66. Городище на левобережье Уши (левый приток Вилии), в д. Носилово (Молодечненский район). Площадка размерами 60 × 70 м, на три четверти окружности укреплена валом. Открыл в конце XIX в. Ф. В. Покровский. Изучал в 1968 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. В. И. Шадыро. Ранние материалы относятся к культуре штрихованной керамики (I–IV вв. н. э.). [Шадыра В. І. в. Насілава, гарадзішча № 1718 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 28].

67. Городище на правом берегу Березины (неманской), в 0,3 км к северу от д. Дуброво (Молодечненский район). Площадка диаметром 60 м, следы вала. Мощность слоя – до 1 м. Обследовали в 1967 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. В. И. Шадыра. Датируется VII в. до н. э. – IV в. н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Шадыра В. І. в. Дубрава, гарадзішча, № 1669 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 20; Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 85].

68. Городище на правобережье р. Березины, в 1 км на юго-запад от д. Порадовщина (Молодечненский район). Диаметр площадки – 52 м. Открыл и исследовал в 1969 г. Г. В. Штыхов, обследовал в 1979 г. В. И. Шадыро. Датируется VII–IV вв. до н. э. Относится к культуре штрихованной керамики [Шадыра В. І. в. Парадоўшчына, гарадзішча № 1727 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 29].

Памятники третьей четверти I тысячелетия н. э.

Долина и бассейн р. Свислочь

69. Могильник (грунтовый), правый берег Свислочи, левый берег ее притока – речки Черницы, на юго-восточной окраине города, на территории городища Замэчек в г. Заславле (Минский район). Открыл и исследовал в 1979 г. Ю. А. Заяц. Относится к банцеровской культуре. Датируется VI–VIII вв. [Заяц Ю. А. Гарадзішча Замэчак у Заслаўі // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1983. № 3].

70. Городище Банцеровщина, верхний слой, левый берег Свислочи (Минский район). Площадка размерами 55 × 35 м. Высота холма со стороны реки – до 22 м. Открыто в 1925 г. Н. Н. Улащиком и С. С. Шутовым. Исследовалось раскопками 1926–1928 гг. Н. Н. Улащиком и С. С. Шутовым и в 1948–1949 гг. А. Г. Митрофановым. Верхний горизонт датируется VI–VIII вв. Относится к культуре, которая получила название по данному городищу [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.)].

71. Городище на левом берегу Свислочи, в 1 км к югу от д. Блужский Бор (Пуховичский район). Площадка размерами 50 × 20 м, 2 дугообразных вала. Открыл и исследовал в 1965 г. Л. Д. Поболь. Материалы верхних пластов относятся к банцеровской культуре.

72. Городище «Шведская гора» на правом берегу Гуйки (левый приток Свислочи, ныне канала ВМВС), в г. п. Радошковичи, по ул. Заславской (Молодечненский район). Площадка диаметром 55 м. Мощность слоя до 1,1 м. Открыл в конце XIX в. Ф. В. Покровский. Обследовали в 1069 г. А. Г. Митрофанов, в 1079 г. В. И. Шадыро. Материалы нижнего горизонта относятся к культуре штрихованной керамики [Шадыра В. І. Радашковічы, гарадзішча, № 1738 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 32; Медведев А. Ф. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск, 1996. С. 85].

73. Городище Жужлянка (средний слой) в 3 км на северо-восток от д. Смык, правый берег р. Свислочь, при впадении в нее ручья Жужлянка (Осиповичский район). Площадка размерами 100 × 130 м, 2 вала высотой 2 и 4 м и 2 рва. Открыл в 1925 г. А. Немцев, обследовали в 1926 г. Н. Н. Улащик и С. С. Шутов, в 1958 г. Л. Д. Поболь, раскопки проводили в 1963 г. Э. М. Загорульский. Средний горизонт культурного слоя содержит материалы VI–VII вв., относящиеся к культуре Корчак [Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1967; Драгун Ю. И. Отчет об археологической разведке и раскопках, проведенных отрядом археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1964 г. / Архив на-

учной археологической документации ИИ НАН Беларуси. Д. № 241; Немцаў А. Помнікі старасветчыны ў Асіповіцкім раёне // Асіповіцкі раён Бабруйскай акругі. Мінск, 1928. Вып. 2. С. 79–88; Шутаў С. С., Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы сэкцыі археолёгіі. Мінск, 1929. Т. II].

Долина и бассейн р. Березина

74. Городище правый берег р. Усяжы, притока Гайны (правого притока Березины), территория деревни. Прилепы (Смолевичский район). Открыл в 1925 г. А. Н. Лявданский. Обследовали в 1964 г. Ю. И. Драгун (с шурфовкой), в 1979 г. М. А. Ткачев. Верхний слой – материалы третьей четверти I тысячелетия н. э.

75. Селище-1 возле д. Бирюли на правобережье верхнего течения р. Березина (Докшицкий район), примыкает с запада к городищу «Шведская гора». Открыл и исследовал в 2006 г. П. М. Кенько. Мощность слоя – 0,3–0,5 м. Датируется VI–VIII вв. Относится к банцеровской культуре.

76. Городище «Замок» (первый средний слой) на правом берегу р. Усяжи, приток Гайны, бассейн Березины (правый берег) в д. Острошицкий городок (Минский район). Площадка размерами 60 × 55 м, на холме высотой от 1 до 18 м. Видимых следов укреплений нет. Исследовали в 1928 г. А. Д. Коваленя, в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1962 и 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1967 г. Г. В. Штыхов, в 2009 г. Ю. А. Заяц. В первом (снизу) среднем слое найдены материалы VI–VII вв., относящиеся к банцеровской культуре.

77. Селище у городища «Замковая гора», у речек Недалька и Цна (правый приток Березины) близ д. Дедиловичи (Борисовский район). У подножья и на склонах холма с городищем. Площадь – 5–6 га. Открыл в 1962 г. и исследовал в 1962–1964 гг. А. Г. Митрофанов. Датируется VI–VIII вв., относится к банцеровской культуре [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. VI в. до н. э. – VIII в. н. э. Минск, 1978].

78. Городище на правом берегу р. Уша (правый приток Березины), в 0,4 км к востоку от д. Котово (Березинский район). Площадка размерами 35 × 22 м, 2 вала и рва, слой мощностью 0,35 м. Обследовали в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. Милоградская и зарубинецкая культура [Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины II в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974].

79. Городище «Замок» на правом берегу Березины, в урочище Погулянка, близ д. Мурова (Березинский район). Площадка размерами 47 × 50 м, со стороны поля – вал и ров. Обследовал в 1928 г. А. Рынейский, в 1963 г. исследовал Л. Д. Поболь. В верхнем слое содержит материалы VI–VIII вв. банцеровской культуры [Бубенька Т. С. в. Мурова, гарадзішча, № 342 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 98].

80. Городище «Городок» на правом берегу Березины, в месте впадения в нее безымянного ручья, в центре д. Прибрежное (Березинский район). Площадка размерами 40 × 50 м, со стороны поля – вал и ров. Мощность слоя – 0,3–1,0 м. Открыл в 1928 г. А. Рынейский, в 1928 г. обследовали Колодкин и Конвисаров, в 1963 г. исследовал шурфами Л. Д. Поболь. Найдены материалы банцеровской культуры [Бубенька Т. С. в. Прыбрэжнае, гарадзішча, № 360а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 100].

81. Городище на левом берегу р. Уша (правый приток Березины) в урочище Коза, в 1 км на юго-восток от д. Уша (Березинский район). Площадка размерами 30 × 20 м, со стороны поля 2 вала и рва. Мощность слоя – 0,3–0,6 м. Известно с 1925 г. Обследовали в 1928 г. А. Рынейский, в 1929 г. Колодкин и Конвисаров, в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. Т. С. Бубенько. Более поздние материалы относятся к банцеровской культуре, датируются VI–VIII вв. [Бубенька Т. С. в. Уша, Гарадзішча № 369 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 101].

82. Городище в пойме правого берега Березины, в урочище Равинки, в 1,5 км к востоку от д. Чирвоная Зорька (Березинский район). Площадка 25 × 27 м, с юго-запада укреплена валом. Открыл и исследовал в 1964 г. двумя шурфами Л. Д. Поболь., в 1979 г. обследовала Т. С. Бубенько. Атрибутировано и датировано как городище-убежище VI–VIII вв. [Бубенька Т. С. в. Чырвоная Зорка, гарадзішча, № 378а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1987. Кн. 1. С. 102]. Но рядом на селище – милоградская и зарубинецкая культуры (! – *Ю. З.*).

83. Городище «Замковая гора», левый берег р. Логоза (правый приток Гайны), в 0,5 км к северу от д. Старое Городище (Логойский район). Площадка 65 × 30 м. Укреплена тремя валами и рвами. Обследовали в 1963 г. Л. Д. Поболь, в 1979 г. М. И. Лошенков. Материалы верхней части слоя относятся к банцеровской культуре [М. І. Лашанкоў в. Старое Гарадзішча, гарадзішча, № 1445а // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 259].

84. Селище на правом берегу р. Логоза (приток Гайны) в 0,5 км к северу от д. Старое Городище (Логойского района), у подножья холма с одноименным городищем. Площадь около 2 га. Обследовал в 1963 г. Л. Д. Поболь. В верхних пластах – матери-

алы банцеровской культуры [М. І. Лашанкоў в. Старое Гарадзшча, селішча, № 1445б // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 259].

Долина и бассейн р. Птичь

85. Открытое поселение (часть его позднее – большое городище) по обоим берегам р. Мена (правый приток р. Птичь) и правому берегу ручья Дунай в д. Городище (Минский район). Исследовали в 1967 г. Э. М. Загорульский, в 1975 и 1983 г. Г. В. Штыхов, 1992 и 1996–2001 г. Ю. А. Заяц. Площадь достигала 2,0 га. Найдены материалы VI–VIII вв., относящиеся к банцеровской культуре [Заяц Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье // МАБ. Минск, 2003. Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Витебского Подвинья].

Бассейн р. Нёман

86. Городище на р. Зеленая, приток Усы, у д. Городище (Узденский район). Площадка размерами 65 × 65 м. Мощность слоя до 0,6 м. Открыл в 1931 г. А. Рынейский. Обследовали в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1951 г. А. Г. Митрофанов, в 1979 г. Л. В. Колединский. Найдены материалы банцеровской культуры [Рынейскі А. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч (Матэр'ялы да археалёгічнай карты) // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН. Кн. 15. Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай АН. Мінск, 1932. Т. III].

87. Городище на правом берегу р. Тепленьки (приток Усы), на северной окраине д. Теплень (Узденский район). Площадка размерами 60 × 80 м, со стороны поля 2 вала и ров. Мощность слоя – около 0,5 м. Открыл в 1931 г. А. Рынейский. Обследовали в 1951 г. А. Г. Митрофанов, в 1964 г. Ю. И. Драгун, в 1977 и 1979 г. Л. В. Колединский. Материалы среднего слоя относятся к банцеровской культуре [Рынейскі А. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч (Матэр'ялы да археалёгічнай карты) // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН. Кн. 15. Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай АН. Мінск, 1932. Т. III].

88. Городище на левом берегу небольшой речки, впадающей с правого берега в Вилию, в болотистой местности, в 0,8 км к северо-западу от д. Долгиново (Вилейский район). Площадка размерами 47 × 40 м. С трех сторон укреплено валом. Мощность слоя – 0,5–1,0 м. В 1967 г. изучал А. Г. Митрофанов Материалы верхнего слоя (VI–VIII вв.) относятся к банцеровской культуре [Мітрафанаў А. Р. в. Бязводнае, гарадзішча, № 560 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1887. Кн. 1. С. 141].

89. Селище на правом берегу р. Сервич (правый приток Вилии), в 1,5 км к западу от д. Задворье (Вилейский район. Площадь 0,6–0,7 га, мощность слоя 0,3 м. Открыл и исследовал в 1971 г. А. Г. Митрофанов. Датируется V–VI вв., относится к раннему этапу банцеровской культуры [Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978].

90. Городище «Замок» на левом берегу Березины (неманской). При впадении в нее безымянного ручья, в северной части д. Городок (Молодечненский район). Площадка размерами 60 × 40 м. Исследовали в. 1965 г. Э. М. Загорульский, в 1966 г. Я. Г. Зверуго, в 1989 г. Г. Н. Саганович. Нижний слой относится к культуре штрихованной керамики [Медведев А. М. Белорусское Понеманье а раннем железном веке. Минск, 1996. С. 83].

91. Городище на левобережье Уши (левый приток Вилии), в д. Носилово (Молодечненский район). Площадка размерами 60 × 70 м, на три четверти окружности укреплена валом. Открыл в конце XIX в. Ф. В. Покровский. Изучал в 1968 г. А. Г. Митрфанов, в 1979 г. В. И. Шадыро. Материалы верхних пластов относятся к банцеровской культуре (VI–VIII вв.) [Шадыра В. І. в Насілава, гарадзішча, № 1718 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1987. Кн. 1. С. 28].

92. Городище на правобережье р. Березины, в 1 км на юго запад от д. Порадовщина (Молодечненский район). Диаметр площадки – 52 м. Открыл и исследовал в 1969 г. Г. В. Штыхов, обследовал в 1979 г. В. И. Шадыро. Использовалось в VI–VIII вв. носителями банцеровской культуры [Шадыра В. І. в. Парадоўшчына, гарадзішча. № 1727 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1987. Кн. 1. С. 29].

Археологические памятники VIII–IX вв.

Долина и бассейн р. Свислочь

93. Селище Ошмянцы, левый берег р. Вячы, притока Свислочи. Площадь – 1,5 га. Двуслойное, ранний слой датируется VIII–IX вв. Изучал в 1964 г. Э. М. Загорульский.

94. Селище на левом берегу Свислочи, в 0,5 км к юго-востоку от д. Озерище (Осиповичский район). Площадь около 1,0 га. Мощность слоя – 0,25–0,35 м. Открыл и исследовал в 1991 г. Ю. А. Заяц. Датируется VIII–X вв. Предположительно относится к культуре типа Лука-Райковецкая [Заяц Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье // МАБ. Минск, 2003. № 8].

95. Селище на правом берегу Свислочи, в урочище Жужлянка (рядом с городищем), в 3 км к северо-востоку от д. Смык (Осиповичский район). Площадь – около 2 га. Открыл в 1963 г. и исследовал

в 1963–1964 гг. Ю. И. Драгун. Содержит лепную и раненекруговую керамику, материалы VIII–X вв. [Драгун Ю. И. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь // Беларускія старажытнасці. Минск, 1967].

Долина и бассейн р. Березина

96. Селище правый берег Березины, в 0,2 км на восток от д. Гливин, при дороге на д. Новоселки (Борисовский район). Площадь – 3,0 га. Мощность слоя – до 0,5 м. Исследовал Г. В. Штыхов в 1982 г. Содержит разновременные материалы, в том числе лепную керамику VIII–IX вв. [Штыхаў Г. В. Глівін, № 94а селішча // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 67].

97. Селище на правом берегу Свислочи у юго-восточной окраины д. Липень, бывш. Холуй, вдоль ул. Старосельской (Осиповичский район). В литературе Староселье именуется урочищем и поселком, причем в карте Г. В. Штыхова памятник проходит дважды и по д. Липень и по пос. Староселье. Последний некогда был отдельной деревней близ местечка Холуй, затем название закрепилось за урочищем и полем, ныне там – застройка, именуемая Старосельской улицей, идущей от деревни к мосту через Свислочь параллельно дороге на Устиж, Брицаловичи и Елизово. Обследовали в 1926 г. С. С. Шутов и Н. Н. Улащик, в 1965 г. Л. Д. Поболь, в 2009 г. Ю. А. Заяц. Селище тянется по огородам между застройкой улицы и дорогой к мосту и кладбищу. Площадь селища – 3,5 га. Распахивается, слой мощностью до 0,30–0,4 м содержит разновременные материалы: керамику лепную, круговую эпохи Киевской Руси и позднего средневековья. Лепная керамика отнесена С. С. Шутовым и Н. Н. Улащиком к типу «дославянских городищ», но отмечено, что штриховки на ней нет. На единственном же рисунке в их публикации фрагмент лепного венчика напоминает сосуды VIII–IX вв. Этим временем, видимо, и следует датировать ранние материалы селища [Шутаў С. С., Улашчык М. М. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Мінск, 1930. Т. II. С. 116–118; Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971. Вып. 2. С. 229, 230].

Долина и бассейн р. Птичь

98. Открытое поселение, по обоим берегам р. Мена (правый приток Птичь) и правому берегу ручья Дунай в д. Городище (Минский район). Исследовали в Э. М. Загорульский, в 1975 и 1983 г. Г. В. Штыхов, 1992 г. и 1996–2001 гг. Ю. А. Заяц. К X в. площадь достигала 10 га. Найдены материалы волынцевской и позднего этапа Луки-Райковецкой и роменской культур [Заяц Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднепровье и Витебском Подвинье // МАБ. Минск, 2003. Вып. 8: Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Витебского Подвинья].

Долина и бассейн р. Березина

99. Селище-1 на правом берегу р. Логоза (приток Гайны) в 0,5 км к северу от д. Старое Городище (Логойский район), у подножья холма с одноименным городищем. Площадь – около 2 га. Обследовал в 1963 г. Л. Д. Поболь. Исследовал в 2006–2008 гг. Г. В. Штыхов. В нижних пластах – материалы банцеровской культуры [М. І. Лашанкоў. в. Старое Гарадзішча, селішча-1, № 1445б // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 259].

100. Селище-2 на правом берегу р. Логоза (приток Гайны) в 0,5 км к северу от д. Старое Городище (Логойского района), у подножья холма с одноименным городищем. Площадь – около 2 га. Обследовал в 1963 г. Л. Д. Поболь. Исследовал в 2006–2008 гг. Г. В. Штыхов. В верхних пластах – материалы VIII – середины X в. [М. І. Лашанкоў. в. Старое Гарадзішча, селішча, № 1445б // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1887. Кн. 1. С. 259].

Сведения о памятниках, безосновательно относимых к раннему железному веку и концу I тысячелетия н. э.

1. Городище Михановичи, правый берег Свислочи (Минский район), в 1,0 км к северу от деревни. Обследовалось А. Д. Коваленей, в 1930 г. А. Рынейским, в 1963 г. Ю. И. Драгуном, в 1979 г. В. Е. Соболем. Раскопки не проводились. В. Е. Соболем городище безосновательно, без ссылки на материалы, отнесено к раннему железного веку [Собаль В. Е. в. Міханавічы, гарадзішча № 1866 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 2. С. 55–56].

2. Городище в д. Городище, Смиловичского сельсовета Червенского района. Площадка почти круглая 30 × 42 м, 2 вала, раскопки не производились. Обследовалось в 1963 г. Ю. И. Драгуном, в 1979 г. С. Н. Васильевой, в публикации которой памятник отнесен к раннему железному веку [Васільева С. М. в. Гарадзішча, гарадзішча, № 3170 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 2. С. 271].

3. Стайки, левый берег Свислочи. Минский район. В карте Г. В. Штыхова упомянуто городище с площадкой 30 × 25 м, обследовавшееся в 1963 г. Ю. И. Драгуном. Раскопки проводил в 2006 г. В. Обуховский. Выявлены материалы эпохи мезолита.

4. Городище на левом берегу р. Свислочь в д. Лапичи (Осиповичский район). Упоминается Г. В. Шты-

ховым в его «Археологической карте» и А. Г. Митрофановым среди памятников Осиповичского района в «Зборы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць», обеими со ссылкой на обследования Л. Д. Поболя 1965 г. Оба автора повторяют ошибку Л. Д. Поболя, привязавшего городище к месту впадения в Свислочь р. Теслянки, или Телянки (так в указанных публикациях). На самом деле в указанном месте деревни Лапичи (ул. Заречанская) в Свислочь впадает речка Гравка. А речка Целянка является правобережным притоком Свислочи. Отметим также, что в статье А. Г. Митрофанова городище отнесено к раннему железному веку, хотя там же указывается, что раскопки памятника не проводились.

5. Селище на левом берегу Свислочи в 1 км у пос. Великое Поле (Пуховичский район). По Л. Д. Поболю, им в 1965 г. здесь было открыто и исследовано селище площадью в 10 га, с материалами зарубинецкой и, судя по упоминанию керамики с расчесами, киевской культур, а также Киевской Руси. Наше обследование показало, что поселок Великое поле, представляющий собой улицу с односторонней застройкой, одним концом упирается в пойму левого берега реки, заболоченную и густо поросшую осокой и ольшаником. К востоку от поселка на небольшом поле (менее 10 га), явных признаков селища нет. Обнаружены только фрагменты керамической посуды не ранее XVIII в. За полем начинается лес, местами заболоченный, который тянется почти до пос. Сосновый Осиповичского района.

6. Городище «Городок» в 1 км от д. Городище Логойского района. Площадка 73 × 50 м, с востока вал и ров на склоне. В 1978 г. обследовал Г. В. Штыхов. На основании микрошурфа (0,5 × 0,5 м, раскопки не проводились) отнес городище к культуре штрихованной керамики [Гарадзішча, № 1311 // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Минск, 1987. Кн. 1. С. 248].

7. Городище близ истоков р. Удранка, левого притока Свислочи, в 1 км к западу от д. Лысая Гора (Минский район). Занимает высокий холм с площадкой размерами 40 × 30 м, укрепленной с востока дугообразным валом. Мощность культурного слоя – до 0,3 м. Обследовал в 1928 г. А. Д. Коваленя. Г. В. Штыхов отнес городище к раннему железному веку, хотя в публикации А. Д. Ковалени упоминается лишь о лепной керамике и глиняном пряслице, причем на рисунке опубликованный фрагмент горшка имеет явно облик посуды эпохи неолита или бронзового века [Каваленя А. Археолёгічныя разьведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Минск, 1930. Т. II. С. 153–155; Штыхов Г. В.].

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Археалагічныя помнікі тэрыторыі Менскай зямлі: матэрыялы да археалагічнай карты

Разгледжаны помнікі ранняга жалезнага веку, трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э. і VIII–IX стст., якія знаходзяцца на Менскай зямлі. Прадстаўлена кароткая археалагічная характарыстыка кожнага з помнікаў, яго датаванне, указаны даты яго адкрыцця і даследаванняў, а таксама даследчыкі, якія праводзілі вывучэнне дадзеных аб’ектаў.

Summary

Y. Zayatc

Archaeological sites of the Mensk Land: materials for an archaeological map

In this article archaeological sites of the Early Iron Age, third quarter of first millennium and 8th–9th centuries are described. The brief archaeological descriptions of each site and its dating, dates of its discovery and names of scientists who studied those objects are given.

Поступила 05.02.2012

УДК 903/904(476-25)

***Ю. А. Заяц,** Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Новые памятники археологии в пределах городской черты Минска (правый берег р. Свислочь)

Длительное время единственным памятником археологии в пределах г. Минска считалось минское Замчище – остатки городского детинца эпохи Киевской Руси, а также позднесредневекового замка города [1, с. 72–82]. Интенсивные поиски городского посада и начавшиеся с середины 1970-х годов археологические исследования позднесредневековых напластований способствовали взятию под охрану еще одного археологического и историко-культурного объекта – территории Верхнего города Минска с прилегающими к нему предместьями (Раковским, Троицким), где имеются культурные напластования с материалами от XII по XVIII в.

Результатом значительного территориального роста Минска во второй половине XX и начале XXI в. явилось вхождение в черту города зон с многочисленными селищами и курганными могильниками, связанными с сельскими поселениями, некогда густо размещавшимися в окрестностях столь значительного центра, каким был летописный Менск. Основная масса подобных археологических памятников находится вдоль правобережных притоков Свислочи – небольших речек Лошица и Сенница. Поскольку ряд этих селищ и могильников оказались в зонах строительства новых жилых массивов (Малиновка, Сухарево, улиц Космонавтов и Есенина), необходимость срочного их изучения привлекла к ним внимание археологов, в то время как участкам старой городской застройки, расположенным в пределах территории Минска XIX – начала XX в., уделялось значительно меньше внимания.

На правом берегу р. Свислочь, ниже впадения в нее р. Немига, в районе Музыкального переулка и ул. Герцена, в процессе строительных земляных работ были выявлены остатки поселения второй половины X – XIII в., которое в X–XI вв. предшествовало Менску на Свислочи, а затем вошло в территорию его посада [4; 5, с. 30, рис. 4].

В 1990 г. было выявлено, а в 1992 г. и 2005 г. частично исследовано селище-1 на правом берегу р. Свислочь, на территории Лошицкого садово-паркового хозяйства. (Обозначение «селище-1» принято, поскольку к юго-западу от него зафиксировано селище-2 с материалами периода позднего средневековья и раннего Нового времени.) Оно занимает территорию П-образной излучины надпойменной террасы правого берега Свислочи и прилегающих участков, имея, таким образом, неправильную форму. Общая площадь селища-1 близка 1,5 га. Поверхность его не имеет значительных неровностей, но местами изрезана промоинами и овражками. Мощность культурного слоя (без учета ям) на участке, изученном раскопками, – до 0,4 м, а местами, в обнажениях промоин и склонов оврага, – до 0,7–0,8 м.

Находки из разведывательной траншеи 2001 г. представлены железным сошником с частично обломанными рабочим концом и загибом трубицы, каменной бусиной, изготовленной из агатовидной разновидности кварцита[1], и фрагментами керамических горшков, изготовленных на ручном гончарном круге, в том числе их венчиками. По типологии, разработанной нами для керамики Заславля [2], они принадлежат к типу I отдела 2 (варианты А, Б, В). Эти венчики весьма близки или вполне идентичны венчикам горшков соответствующих отдела, типа и вариантов Заславля, поселения на р. Мена и селища у д. Дворицкая Слобода, датированных соответственно X – началом XI в., X – первой половиной XI в., концом X – XI в. (началом XII) в. либо XI в. в целом [3, с. 76]. При обследовании распаханной северо-западной оконечности селища-1 нами в 1992 г. было обнаружено небольшое количество венчиков горшков с характерным для отдела 4 загнутым внутрь сосуда краем устья. В материалах поверхностных сборов, относящихся к эпохе Киевской Руси, доля венчиков, датированных XII или XII–XIII вв., составила всего 12,5%. Таким образом, можно сделать заключение, что на части (скорее всего, периферийной) территории селища, функционировавшего во второй половине X – XI в. жизнь продолжалась и в последующее время (в XII в., а быть может, и в XIII в).

Селище Козырево[2] названо по ближайшей деревне, поглощенной в XX в. городской застройкой. На археологической карте окрестностей Минска, опубликованной И. А. Сербовым в 1925 г., помечено, что близ данной деревни имелся курган, южнее, близ д. Карзюки (ныне не существует), еще в 1930-е годы имелась курганная группа из двадцати одной насыпи [10, с. 198–199, 204; 11, карта-вклейка]. Селище занимает край первой надпойменной террасы пра-

---

[1] Определение заведующего музеем землеведения Белорусского государственного университета В. Л. Смоляковой.

[2] Выражаю признательность научному сотруднику рабочей группы по созданию музея истории г. Минска А. В. Журавскому, передавшему нам материалы, обнаруженные им на территории памятника и принявшему вместе с П. М. Кенько деятельное участие в его исследовании.

вого берега Свислочи, вдоль которого оно тянется полосой шириной от 20 м на северо-западе до 100–140 м в средней части. В северо-западной оконечности территория его изрезана глубокими оврагами.

Площадь распространения культурного слоя близка к 3,0–3,5 га. На значительной части территории селища культурный слой срезан практически до уровня материка, на котором просматриваются темные пятна ям и западин. В пределах этих пятен обнаружены значительные россыпи камней, часть которых имеет следы пребывания в сильном огне, и скопления фрагментов керамической посуды.

Вполне вероятно, что многие из этих пятен связаны с припечными и подпольно-припечными ямами наземных жилищ, стоявших некогда на поселении. Подобные ямы изучались нами на городище Замэчек в Заславле и на селище у д. Рыловщина (Дружба) в черте Минска [3, 14]. Судя по их расположению, постройки, по крайней мере в средней части поселения, располагались тремя линиями, идущими параллельно краю террасы. На более узких участках селища застройка могла быть двухрядной и даже однорядной.

Судя по размерам ям с остатками печей, основная масса жилых построек имела небольшие размеры – приблизительно от 3 × 3 м до 4 × 4 м.

Среди массы сравнительно небольших ям, связанных с наземными жилищами, в средней части селища выделяется одна, расположенная в южном, наиболее удаленном от реки ряду. В плане форма этой ямы П-образная: состоит из двух параллельных ровикообразных углублений длиной 4,0–4,3 м и шириной 0,8–1,0 м. Расстояние между этими углублениями – 2,6 м. Восточные их оконечности соединены между собой третьим углублением длиной 2,6 и шириной до 1,0 м. Эта сложная П-образная яма, вероятно, относилась к большой наземной постройке, образованной двумя деревянными срубами, связанными широким крытым проходом в единое целое на уровне первого этажа. На этом уровне общая полезная площадь постройки составляла от 33 до 48 м^2. На то, что строение, скорее всего, имело не менее двух этажей, указывает, на наш взгляд, наличие с запада в промежутке между его длинными сторонами двух круглых (столбовых) ям диаметром около 0,4 м. Подобные столбы могли служить опорой для сеней, располагавшихся на уровне выше первого этажа [13, с. 72, 240, 243].

Хотя культурный слой, как уже отмечалось, на значительной части селища был снят техникой, по собранным здесь и в отвалах-буртах снятого слоя предметам все-таки устанавливается наличие на памятнике материалов разных периодов и эпох. Позднее средневековье представлено фрагментом ножа с железной основой для накладок на рукоятку и втоком (подтоком) от копья или пики, датированными XVI–XVII вв.; к этому же периоду, а быть может, к Новому времени относится свинцовая пуля, скорее всего пистолетная. Следует отметить полное отсутствие фрагментов позднесредневековой керамической посуды, указывающее на то, что другие предметы этой эпохи попали на территорию селища случайно.

На материке и в тонком (1–2 см) предматериковом слое найдено несколько предметов из кремня – асимметричный наконечник стрелы, проксимальный фрагмент пластины с полукрутой ретушью по краю и еще один фрагмент пластины. Все – мезолитического облика. Конечно, эти изделия из кремня могли быть найдены где-либо обитателями селища и использоваться вместе с кресалами для высекания огня. Однако против данной версии свидетельствует отсутствие на их концах характерных забоин от ударов по железу. Поэтому нельзя исключать вероятности, что на месте средневекового селища находилось небольшое поселение или временная стоянка более раннего времени, быть может, эпохи мезолита.

Основная же часть материалов, собранных на территории селища Козырево, относится к периоду классического средневековья, а именно к эпохе Киевской Руси.

Поскольку индивидуальные находки с поселения чаще всего имеют довольно широкую датировку (в пределах двух-трех столетий), обратимся прежде к массовому материалу. Он представлен фрагментами керамических сосудов (горшков), изготовленных на медленном (ручном) гончарном круге из глиняной массы, получающей при обжиге светло-желтый цвет поверхности.

Основная масса фрагментов стенок горшков покрыта частым линейным орнаментом с глубоким вдавливанием линий. Но у фрагментов, относящихся к нижней, придонной части сосуда, орнаментальные линии менее глубокие. Пространство между ними увеличено, а самая нижняя часть тулова горшков вовсе не орнаментирована. Такой вид орнамента характерен для изделий X–XI вв., им обычно украшали горшки отделов 1–3 [3, с. 89].

Следует отметить, что фрагменты горшков, содержащие в орнаменте рельефные волнистые линии (характерная особенность посуды XII–XIII вв., которая в небольших количествах фиксируется и на более ранних изделиях), крайне немногочисленны: найден всего один фрагмент. Пригодные для классификации фрагменты верхних частей сосудов относятся к типам 2-IA–Г, 3-I и 2-IIIA. Отсутствие в керамической коллекции лепной посуды (обнаружение ее, возможно, дело будущего) и нижние даты бытования большинства типов горшков (2-IA–В и 3-IB, их доля равна 85,3%), уходящие в X в., дают основание отнести время зарождения жизни на се-

лище к середине либо второй половине X в. Верхняя граница периода бытования 42,4% всех обнаруженных здесь горшков определяется началом, серединой или концом XI в. Сосуды, имеющие верхней границей начало или середину XII в., составляют большую часть коллекции (57%), но необходимо учесть, что многие из них вошли в употребление еще в конце X в. Принимая во внимание непродолжительность существования керамических изделий, вполне возможно, что горшки типов 2-IB и 3-IA были разбиты еще в XI в. Это замечание относится и к немногочисленным горшкам типа 2-IГ (12,12% от всей коллекции), бытовавшим в конце XI – начале XII в. [3, с. 76]. Тем не менее датировку имеющейся в нашем распоряжении керамической посуды с селища Козырево можно определить серединой (второй половиной) X в. – концом XI в. либо началом XII в. В эти временные рамки не вполне вписывается единственный венчик горшка типа 2-IIA, датированный XII – серединой XIII в. [3, с. 77]. До получения более полной информации путем исследования материковых ям можно предположить, что этот фрагмент венчика, как и фрагмент стенки с волнистым орнаментом, попал на территорию памятника случайно в то время, когда жизнь на поселении уже прекратилась, а его территория могла использоваться как пахотные угодья или сенокосы обитателями близлежащего лошицкого селища-1.

В коллекции изделий из черных металлов преобладают ножи и их фрагменты. Последние представлены обломками черенков и клинков, реже клинками с полностью или частично утраченным черенком. Судя по немногочисленным полностью сохранившимся экземплярам на поселении были распространены черенковые ножи двух вариантов. Первый – средних размеров длиной до 128 мм, длина клинка – до 76, ширина – до 14, толщина спинки (обушка) – до 4,0–4,5 мм, что позволяет предполагать использование в его производстве технологии трехполосного пакета. Ко второму варианту относятся миниатюрные ножики длиной не более 70 мм с коротким (32–40 мм) нешироким (до 10 мм) клинком, имеющим толщину обушка около 3 мм. У ножей обоих вариантов ось черенка практически параллельна спинке клинка. По внешним признакам эти ножи близки ножам типа I из Заславля [3, с. 59, рис. 37: *1, 2*] и курганных погребений. Подобные изделия были распространены в X – первой половине XII в. По своему назначению ножи с козыревского селища являются универсальными.

Бытовые предметы из черных металлов в коллекции с селища Козырево представлены помимо ножей фрагментом бритвы с обломанным крепежным окончанием (вероятно, в форме завитка), которым она закреплялась в ручке-футляре, ушком для крепления дугообразной ручки к деревянному ведру (малораспространенной формы для данного региона). Запорные устройства представлены в коллекции ключом от замка типа А по новгородской классификации. Ключи и замки этого типа в Восточной Европе получили распространение в IX–X вв., и в Новгороде Великом были в употреблении до середины XIII в. [8, с. 160]. В Минске подобные ключи и замок найдены в слое XI в. [1, с. 244].

Несколько предметов относятся к украшениям и деталям одежды: цепедержатель, хомутик и кольцо для пояса, фибула подковообразная с дужкой ромбического сечения и спиральными завитками на концах, датированная по курганным материалам и раннегородским слоям X – первой половиной XI в., иглы от фибулы и пряжки. Железная накладка с двумя крепежными шипами могла украшать как мужской пояс, так и конскую сбрую.

Весьма невелика группа железных изделий, позволяющих судить о занятиях обитателей поселения. Это детали земледельческих орудий, небольшой рыболовный крючок без бородки и два шила, принадлежащие к разным типам. Небольшое шило с рабочей частью (лезвием) и черенком ромбического сечения имело длину всего 51 мм; сечение в месте перехода лезвия в черенок – 3 × 4 мм. По мнению Б. А. Колчина, такие шилья применяли чаще в сапожном и шорном ремесле [7, с. 64]. У второго шила рабочая часть имеет овальное сечение (5,0 × 4,5 мм), длина ее 46 мм, частично обломанный черенок в сечении прямоугольный (4,0 × 27,0 мм). Для заточки ножей, а быть может, и шильев мог использоваться точильный камень, фрагмент которого найден на территории селища.

Орудия для обработки почвы представлены железным наральником и двумя фрагментами наральников: обломками загиба трубицы и нижнего конца лопасти (рабочей части). Целый наральник имеет общую длину 165 мм, ширину вверху – 110 мм, трубица, образованная двумя загибами, имеет в плане вид удлиненного овала с размерами вверху 94 × 28 мм, расстояние между загибами трубицы – 72 мм, толщина лопасти наральника – 17–18 мм. Наральник принадлежит к типу узколопастных, применявшихся, судя по разомкнутой втулке, для рала с полозом [15, с. 222]. Рала являются пахотными орудиями, характерными для более южных территорий Восточной Европы [15, с. 222], но центральные районы Беларуси относятся к той части лесной зоны, где рала сосуществовали с сохами. Поэтому в зонах находок сошников известны и наральники без плечиков. По мнению Т. Н. Коробушкиной, наральники, у которых трубица шире рабочей части, предназначались для работ на тяжелых почвах [9, с. 21]. Наральники подобного назначения обнаружены в нижних слоях (X–XI вв.) поселений [9, рис. 1: *2*, рис. 2: *2–5*], обитателям которых приходилось осваивать окрестные

угодья, приспосабливая их для выращивания зерновых культур.

Количество изделий из цветных металлов крайне невелико и, за единственным исключением, все находки фрагментированы. Любопытен фрагмент шейной витой гривны – украшения, характерного скорее для княжеско-боярской знати, как полагает М. В. Седова, отмечавшая редкость подобных украшений в культурном слое Новгорода Великого [12, с. 22]. Фрагмент состоит из двух бронзовых проволочных стержней, обвитых бронзовой проволокой.

Найдены фрагменты двух медных пластинчатых тупоконечных браслетов с прямо срезанными концами. Один из них в сечении напоминает вытянутый прямоугольник; внешняя сторона пластины покрыта орнаментом, сочетающим прямые линии и ряды зубцов-треугольников. Пластина второго браслета слегка выпуклая; орнамент, заключенный в прямоугольную рамку, состоит из косых крестов, пространство внутри которых заполнено косыми штрихами, повторяющими направление ближайшей стороны креста. Сходный мотив орнамента имеется на некоторых новгородских браслетах X–XI вв. [12, рис. 38: *7–10*].

Грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью и орнаментированной нижней частью, согласно новгородской хронологии, имел распространение в период от середины X до середины XII в. [12, с. 156]. Фрагмент еще одного украшения с трудом поддается атрибутации. Этот фрагмент литого изделия, орнаментированного с двух сторон рядами линий и зубцов, между которыми с одной стороны имеется группа точек, нанесенных, вероятнее всего, пунсоном, может быть частью замкнутой лунницы, имевшей распространение в конце XII – XIII в. [12, с. 24]. Однако более вероятно, что это обломок довольно редкого лунницевидного височного кольца, известного в длинных курганах кривичей конца I тысячелетия, а также в древностях радимичей, мери и муромы [12, с. 16].

Следует заметить, что время бытования индивидуальных находок частично, реже – полностью совпадает с датой комплекса керамической посуды и, таким образом, не противоречит установленной нами предварительной датировке поселения – вторая половина X – конец XI в. (возможно, начало XII в.).

Хотя объем исследований, проведенных на селищах Лошица-1 и Козырево, невелик, анализ полученных нами артефактов позволяет выполнить предварительную реконструкцию их истории. В середине или во второй половине X в. на правом берегу Свислочи по обеим сторонам ее притока речки Лошицы возникли два сельских поселения. Среди населения нижнего по течению Свислочи (козыревского) поселения, вероятно, могли быть выходцы из земель радимичей (лунницевидное височное кольцо). Обитатели этого поселения занимались преимущественно пашенным земледелием, осваивая новые, прежде не обрабатывавшиеся участки (использование наральника с мощной трубицей). Судя по малому размеру найденного крючка, рыболовство не играло значительной роли в занятиях жителей поселения, являясь скорее развлечением детей и подростков. Не исключено, что часть жителей, используя близость реки, выделывали кожу из шкур животных, поставляя их мастерам соответствующих специальностей г. Менска. Возможно, что некоторые из кожевенников могли заниматься сапожным или шорным производством, используя для этого шилья ромбического сечения.

В XI в. (скорее, во второй его половине), а быть может, и в начале XII в. на поселении появилась резиденция представителя княжеской администрации или боярина, ставшего владельцем данной деревни (находка гривны, наличие большого, явно не крестьянского дома).

По непонятным нам пока причинам к концу XI в. или в начале XII в. жизнь на нижнем (козыревском) поселении прекратилась. Территория верхнего поселения (селище Лошица-1) к этому времени (XII в.) также существенно сократилась. Основной деятельностью его обитателей оставалось земледелие (судя по находке сошника) на старопахотных землях.

Литература

1. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во Белорус. ун-та, 1982.

2. Заяц, Ю. А. Керамическая посуда Заславля X–XVIII вв. / Ю. А. Заяц // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі : Новыя матэрыялы і даследаванні. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 107–118.

3. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Навука і тэхніка, 1995.

4. Заяц, Ю. А. Новые археологические исследования Верхнего города Минска / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – № 16. – Мінск, 2001. – С. 151–156.

5. Заяц, Ю. А. Археологические памятники Менской земли (курганные могильники и селища) в верхнем течении рек Птичь и Свислочь / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2006. – Вып. 11 : Древности Беларуси в системе международных связей. – С. 114–117.

6. Заяц, Ю. А. Менск на Свислочи конца XI – XIII в. : проблема формирования поселенческой структуры / Ю. А. Заяц // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Минск : Беларус. навука, 2008. – С. 23–30.

7. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР /

Институт истории материальной культуры. – М., 1959. – № 65 : Труды Новгородской археологической экспедиции. – Т. 2.– С. 7–119.

8. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. – М. : Наука, 1982. – С. 156–175.

9. Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Беларуси в X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина. – Минск : Наука и техника, 1979.

10. Рынейскі, Анат. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч (Матар'ялы да археалёгічнай карты) / Анат. Рынейскі // Працы сэкцыі археолёгіі. – Менск, 1932. – Т. 3. – С. 197–214.

11. Сербаў, І. Архэолёгічныя раскопкі ў ваколіцах Менска ў 1925 г. (Пятроўшчына і Рылаўшчына) / І. Сербаў // Гіст.-архэолёг. зб. № 1 (даклады і рэфэраты 1926–27 годы). – Менск, 1927. – С. 193–232.

12. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981.

13. Спегальский, Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX–XIII вв. / Ю. П. Спегальский. – Л., 1972.

14. Тарасенко, В. Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) / В. Р. Тарасенко. // Материалы по археологии БССР / Сектор археологии Ин-та истории АН БССР. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 182–257.

15. Чернецов, А. В. Земледелие и промыслы / А. В. Чернецов, А. В. Куза, Н. А. Кирьянова // Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 219–242.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Новыя помнікі археалогіі ў мяжы горада Мінска (правы бераг р. Свіслач)

У артыкуле прадстаўлены папярэднія вынікі вывучэння нядаўна адкрытых помнікаў археалогіі, якія размешчаны на правым беразе р. Свіслач ў мяжы г. Мінска – рэштkaў сельскіх паселішчаў (вёсак) эпохі Кіеўскай Русі, якія ўмоўна называюцца селішчамі Лошыца-1 і Козырава. Вывучэнне апошняга пачалося толькі ў 2008 г. Памеры гэтых селішчаў – 1,5 і 3,5 га адпаведна. Абодва паселішчы ўзніклі ў X ст. і былі заснаваны, магчыма, прышлым насельніцтвам, асноўным заняткам якога было земляробства, якое патрабавала засваенне новых зямель. Верагодна, што жыхары Козыраўскага селішча маглі займацца апрацоўкай скуры і, магчыма, вырабаў рэчаў з яе. Устаноўлена, што пабудовы на гэтым паселішчы размяшчаліся радамі паралельна рачному берагу. У XI ст. ці ў пачатку XII ст. на гэтым паселішчы з'яўляецца прадстаўнік княжаскай адміністрацыі ці баярын, які атрымаў вёску ва ўладанне ці ў лён. Па папярэдніх даных, у канцы XI ст. ці ў пачатку XII ст. тэрыторыя Лошацкага селішча-1 значна зменшылася, а на козыраўскім паселішчы жыццё спынілася ўвогуле.

Ахарактарызованы асноўныя катэгорыі знаходак з селішчаў, адзначаецца наяўнасць трох артэфактаў з крэменю, якія, магчыма, адносяцца да эпохі мезаліта.

Summary

Y. Zayatc

New archaeological sites in urban area of Minsk (right bank of river Svislotch)

The topic of this publication is resent investigation of newly discovered archaeological sites. Those sites are remnants of two medieval hamlets which are contingently called Loshiza-1 and Kozyrevo settlements. They are situated on the right bank of river Svislotch in urban area of Minsk. Their studying had begun at 2008. Areas of those settlements are 1.5 and 3.5 hectare. Both of settlements appeared at 10th century and probably had been founded by alien people, who had been engaged in agriculture and had needed new lands. Probably, people from Kozyrevo settlement were engaged in tanning industry and leather craft. The buildings of this settlement were placed in a row in parallel river bank. At 11th or 12th century a representative of Prince's authority (or a boyar) appeared at this settlement and probably that hamlet had been given to him as estate or feud. Is it seems that at the end of 11th or at the beginning of 12th century territory of Loshiza decreased and life a Kozyrevo had stopped.

In the article archaeological finds from the settlements (including three artifacts of flint of Mesolithic) are described.

Поступила 05.02.2012

УДК 903.4(476.1)«09/12»

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Эталонное поселение X–XIII вв. – селище у д. Дворецкая Слобода

Введение (общая характеристика памятника и история его изучения). Селище у д. Слобода Дворецкая является крупнейшим селищем Лошицкого микрорегиона. Располагается оно близ ныне пересохших истоков правого рукава речки Лошица (который на современных картах именуется собственно Лошицей), по обоим его берегам.

Селище выявлено нами в 1986 г., когда при раскопках курганов возле северо-западного угла кладбища д. Дворище были осмотрены склоны балки (русла пересохшего ручья) и на юго-западном берегу русла, на незасеянной части поля, был обнаружен темный слой с мелкими неорнаментированными фрагментами изготовленной на гончарном круге посуды. Для определения мощности характера и датировки слоя были разработаны небольшая разведочная траншея размерами 6 × 2 м и шурф-1 размерами 2 × 2 м. Мощность культурного слоя на исследованных участках колебалась от 0,8 до 1,2 м. Однородный по окраске (темно-серый), в верхней части (0,3–0,4 м) он был более рыхлый от многолетнего распахивания, а в нижней части очень плотным, что затрудняло его разборку. Слой, видимо в результате окраинного положения участка, оказался чрезвычайно бедным на находки, представленные одним небольшим железным предметом, вероятно втульчатым перьевым сверлом, и несколькими фрагментами керамической посуды, изготовленной на круге, в том числе и венчиками, датированными концом X – XI в. и XII в. В период разработки траншеи была более детально обследована прилегающая к данному участку местность, в результате чего выяснилось, что культурный слой прослеживается по обоим «берегам» пересохшего русла верхнего течения речки Лошица и зона его распространения довольно велика с учетом небольшого участка с культурным слоем, имеющегося за трассой Минской КАД. По предварительным оценкам площадь левобережной части селища составляла 7 га, а правобережной – 1,5 га, всего 8,5 га. По уточненным в ходе и повторного обследования памятника данным 2007 г. площадь правобережной части селища с учетом пятен слоя от периферийной застройки достигает 2 га, т. е. общая площадь памятника равна примерно 9 га. Отметим, что в средней (по длине) левобережной части селища зрительно возникало ощущение отсутствия слоя: здесь явно прослеживался красновато-желтый суглинок с черными вкраплениями. Позднее выяснилось, что мощность культурного слоя здесь не превышала 0,3–0,4 м и при распашке он был перемешан с материковыми суглинком и супесью. В 1989 г. нами на левобережной части селища был разработан раскоп площадью в 120 м^2. В 1990 г. в связи с проектированием на этой (левобережной) территории строительства жилого микрорайона Малиновка-6 первоначально предназначавшегося для переселенцев с территорий, загрязненных при аварии на ЧАЭС, на левобережной территории селища в 1990–1991 гг. проводились спасательные археологические раскопки и наблюдения за земляными строительными работами в рамках хозяйственного договора «Малиновка», заключенного между УКСом г. Минска и Институтом истории АН БССР. Поскольку в 1990 г. предназначавшиеся для застройки земли до 13 декабря не были выведены из пользования колхозом им. М. И. Калинина и использовались как посевные, раскопки были ограничены незасеянным участком между ржаным полем и кюветом МКАДа, площадь разработанного раскопа II составила всего 200 м^2. Помимо раскопа II в 1990 г. были проведены наблюдения за строительной траншеей-2 протяженностью 239 м с зачисткой материка и полной выборкой обнаруженных материковых ям.

Г. В. Штыхов, в 1986 г. обследовавший строительную траншею-1 (в его публикации [1] эти работы неправильно обозначены как раскопки на площади в 120 м^2), нашел в выбросах земли из траншеи железные наральник и чересло от рала. В 1991 г., когда на левобережье пересохшего русла Лошицы уже развернулись строительные земляные работы, нами с помощью студенческого строительного отряда «Кривичанка», созданного на базе филологического факультета МГПИ им. Горького, была исследована раскопками площадь в 8895 м^2; общая же площадь изученной археологами территории составила 1,015 га, что составляет 11,94% об общей площади памятника и 14,5% от площади его левобережной части. В 1991 г. до начала широкомасштабных раскопок (т. е. до подключения к ним студенческого стройотряда «Кривичанка») на левобережной части селища силами кооператива «Кристаллкомплекс», созданного при Институте геофизики, под руководством начальника геофизической партии В. И. Татарчука были проведены магнитная и электроразведка, охватившие площади в 6,0 и 0,45 га соответственно.

1991 г. фактически был самым результативным годом исследования поселения у д. Слобода Дворецкая и в то же время последним годом полевых работ на этом памятнике. Сложное экономическое

положение Республики Беларусь затронуло в значительной степени строительную отрасль и финансирование археологических исследований в зоне строительств в Минске временно прекратилось, чему в немалой степени способствовал непрофессионально подготовленный и поспешно принятый Верховным Советом Закон Республики Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны». В результате в течение нескольких лет вся территория селища у д. Дворецкая Слобода оказалась застроенной, за исключением небольшого участка между ул. Громова, Есенина и Белицкого, т. е. восточная половина левобережной части селища; при сооружении транспортных развязок у МКАД в районе ул. Громова и Слободской был срыт культурный слой на территории селища, лежавшей за линией кольцевой автодороги.

Культурный слой и закрытые комплексы селища. Мощность культурного слоя селища колебалась от 0,2 до 1,0–1,2 м; впрочем, превышение показателя 0,5–0,7 м является скорее исключением, чем правилом. По этой причине в результате многолетнего распахивания (следы которого прослеживались в раскопах в виде неглубоких параллельных бороздок от плугов, стратиграфия и хронология культурного слоя были в значительной степени нарушены. Тем не менее найденные в слое материалы дают хотя бы приблизительное представление о времени функционирования памятника – X – середина XIII в. Эта датировка существенно уточняется исследованием закрытых комплексов – 310 ям, оставшихся от жилых, хозяйственных и производственных построек. Оговорим сразу, что единственным надежным критерием для определения среди ям тех, что были связаны с жилыми постройками, является наличие в них остатков отопительных сооружений – печей различных конструкций, либо слой золы и угольков, характерный для заполнения припечных печей жилищ.

Закрытые комплексы на селище представлены ямами, нумерация которых в каждом раскопе и траншее начиналась цифрой 1 «один». Поэтому для избежания путаницы в повторяющихся номерах ям после номера ставится косая черта, за которой обозначается объект, на участке которого исследовалась данная яма: например, яма 7/тр.-2, яма 1/ш.-2 или яма 7/Р-III означают, что данные ямы находились в пределах траншеи-2, шурфа 2 или раскопа III соответственно.

Датировка закрытого комплекса (материковой ямы) определялась с учетом длительного функционирования многих из них по крайним (верхней и нижней) датам содержащихся в них артефактов, а также по стратиграфии (в случаях наложения одной ямы на другую). Учитывалась при датировке в обязательном порядке количественное соотношение между материалами разных времен. Что позволяло в ту или иную сторону объективно (как нам представляется), корректировать верхнюю или нижнюю даты комплекса.

Яма № 1/Р-I. Размеры – 4,10 × 1,85 м, глубина – до 0,55 м. В заполнении найдены камни от разрушенной печи-каменки и венчики горшков типов 2-IА–В, датирующие жилище второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 2/Р-I. Г-образная, размеры – 2,85 × 2,55 м, глубина – до 0,8 м. Найдены камни от развала печи и угольки. По венчикам горшков типов 2-IА–В, 3-IБ и 3-II и железному ножу датируется второй половиной X – XI в. Связана с жилищем.

Яма № 3/Р-I. Изучена частично. Прослеженные размеры – 2,60 × 1,43 м, глубина – 0,36 м. Следов печи нет, найдены фрагменты горшков типа 2-IБ, датирующие яму второй половиной–концом X – началом XI в.

Яма № 4/Р-I. Размеры – 3,3 × 2,76 м, глубина – 0,67 м. Следов печи нет, но имеются примеси золы в заполнении. По находкам: фрагмент обруча от ведра и венчики горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – первой половиной XI в. Возможно, это подпольная или припечная яма наземного жилища.

Яма № 1/тр.-2. Размеры – 2,6 × 1,2 м, глубина – 0,22–0,60 м; в заполнявшем культурном слое прослежена прослойка золы с угольками и куски обожженной глины от печи. По найденным в заполнении фрагментам керамики – изготовленных на круге горшков типов 2-IБ и 1-IБ (здесь и далее типы и варианты венчиков указываются по разработанной нами заславской классификации [2–5]), яма, безусловно, связана с жилой постройкой, датируется X – серединой XII в.

Яма № 2/тр.-2. Размеры – 3,70 × 1,72 м, глубина – 0,40–0,85 м. Следов отопительных приспособлений нет. По находкам венчиков керамических горшков типов 1-IБ, 2-IА–В датируется второй половиной X – XII в., но отсутствие венчиков горшков, производившихся с XII в., как и расположение поздней керамики в верхней части заполнения ямы, практически на границе с пахотным слоем позволяет сузить датировку до второй половины X – XI в. Яма, вероятно, хозяйственного назначения.

Яма № 3/тр.-2. Длина – 2,08 м, по форме, видимо, круглая; глубина – 0,36 м. Следов отопительных сооружений нет, как и узкодатирующих находок, но наличие стенок и донышек керамической посуды, изготовленных на ручном гончарном круге, позволяют определить нижнюю дату ямы временем не ранее середины X в.

Яма № 4/тр.-2. Размеры – 1,60 × 0,44 м, глубина – до 0,2 м. В заполнении материалов, относящихся к печи, нет. По находкам венчиков типов 2-IА–В датируется второй половиной X – XI в. (найденные в яме кремни без следов обработки и точильный камень на эту датировку не влияют). Выше ямы, в пе-

рекрывавшем ее распахивавшемся культурном слое, найдены венчики горшков XI–XII вв. Находка в яме № 4 шлака позволяет считать ее производственной.

Яма № 5/тр.-2. Размеры – 2,7 × 0,8 м, глубина – 0,28–0,32 м. Следы отопительных устройств не обнаружены. По содержавшимся в заполнении венчикам круговых горшков типов 2-1Б, В, отдела 4 и материалам из слоя, перекрывавшего яму, она датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 6/тр.-2. Длина – 7,32 м, глубина – 0,28–1,00 м. Связана с жилой постройкой, что подтверждается наличием в заполнении ямы фрагментов обожженной глины, угольков и золы. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В; 3-IБ и 4-I датируется концом X – началом XII в. Находки двух бронзовых слитков на эту датировку не влияют.

Яма № 7/тр.-2. Размеры – 2,00 × 1,05 м, глубина – 0,4 м. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ и 2-VIБ датируется второй половиной X – серединой XI в.

Яма № 8/тр.-2. Размеры – 1,60 × 1,05 м, глубина – до 0,2 м. По керамическому материалу (2-IВ) датируется концом X – началом XII в. Следов отопительного устройства нет.

Яма № 9/тр.-2. Размеры – 1,00 × 0,95 м, глубина – до 0,28 м. Следов отопительного сооружения нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В и 4-IБ датируется концом X – началом XII в.

Яма № 10/тр.-2. Размеры – 2,0 × 1,3 м, глубина – до 0,4 м. Следов отопительного сооружения нет. По фрагментам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – первой половиной XII в.

Яма № 1/ш.-2. Размеры – 1,30 × 0,98 м, глубина – 0,2 м. Найдены камни от печи-каменки, венчики горшков типов 2-IБ и В. Датируется концом X– первой половиной XII в.

Яма № 2/ш.-2. Диаметр – 1,7 м, глубина – 0,32–0,6 м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В и клинка железного ножа, изготовленного по трехполосной схеме, датируется концом X – первой половиной XII в.

Яма № 3/ш.-2. Размеры – 0,9 × 0,48 м, глубина – 0,15(0,76) м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ и В датируется концом X – первой половиной XII в., этим же временем следует датировать и найденный в яме (вероятно, хозяйственной) фрагмент железного сошника.

Яма № 1/Р-II. Размеры – 2,2 × 2,0 м, глубина – до 0,55 м. Следов печи нет. По находкам (венчики горшков типов 2-IА-В и шиферное пряслице) датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 2/Р-II. Размеры – 2,4 × 1,9 м, глубина – 0,63. Печь-каменка у восточного края ямы размерами 1,5 × 1,3 м указывает на жилое назначение постройки, с которой связана эта яма. По находкам (венчики горшков типов 2-IА–В; 2-VIБ и 3 железных ножа) датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 3/Р-II. Размеры – 2,60 × 1,45 м, глубина – до 0,57 м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в. Находка нижней части сосуда с шестью отверстиями, проделанными уже после обжига (такие сосуды могли служить для приготовления творожных сыров, либо использоваться в качестве фильтров при получении дегтя), указывает на производственный характер постройки, связанной с данной ямой.

Яма №1/Р-III. Размеры – 1,5 × 1,3 м, глубина – 0,48 м. Найден точильный камень и венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в. (или первой половиной XI в.).

Яма №2/Р-III. Размеры – 0,9 × 0,9 м, глубина – 0,15 м. Печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, 2-VIА датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 3/Р-III. Размеры – 3,8 × 0,6 м, глубина – до 0,23 м. Найдены камни от печи и угли, кремень для высекания огня, фрагмент клинка ножа. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма №4/Р-III. Размеры – 1,22 × 0,9 м, глубина – до 0,8 м. По венчика горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 5/Р-III. Размеры – 1,0 × 0,75 м, глубина – 0,42 м. По найденным венчикам горшка типа 2-IБ датируется X – первой половиной XI в. Рядом найден точильный камень.

Яма № 6/Р-III. Размеры – 0,8 × 0,8 м, глубина – 0,32 м. Не датирована: в заполнявшем слое нет находок.

Яма № 7/Р-III. Размеры – 1,0 × 0,9 м, глубина – 0,2 м. Найден нож с характерными признаками X – первой половины XII в.

Яма № 8/Р-III. Размеры – 1,65 × 1,52 м, глубина – 0,4 м. Найдены камни от печи. По находкам венчиков горшков типов 2-IА–В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 9/Р-III. Размеры – 1,48 × 0,65 м, глубина – 0,12 м. Найдены куски обожженной глины от печи и угольки. По венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IБ, В яма и связанное с ним жилище датируются второй половиной или концом X – XI в.

Яма № 10/Р-III. Размеры – 0,9 × 0,8 м, глубина – 0,25 м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – XI в.

Яма № 11/Р-III. Размеры – 1,26 × 1,08 м, глубина – до 0,98 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 12. Размеры – 1,75 × 1,22 м, глубина – 0,12 м. Следов печи нет. Найдены фрагмент серпа и венчики горшков типов 2-IБ, В. датирующих яму концом X – XI в.

Яма № 13. Размеры – 1,48 × 0,68 м, глубина – до 0,08 м. Датирующих находок нет.

Яма № 14. Размеры – 2,96 × 2,05 м, глубина – 0,34 м. Обнаружены камни и глина от печи, угольки и зола, кремень для высекания огня. По венчикам горшков типов 2-IA–B датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 15. Размеры – 1,15 × 0,88 м, глубина – 0,14 м. Камни и куски обожженной глины от печи. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируются второй половиной X – XI в. Рядом с ямой найден фрагмент шила.

Яма № 16. Диаметр – 0,25 м, глубина – 0,2 м. Находок нет; столбовая.

Яма № 17. Диаметр – 0,48 м, глубина – 0,1 м. Находок нет; столбовая.

(Ямы № 15–17 образуют один комплекс).

Яма № 18. Размеры – 3,20 × 1,02 м, глубина – 0,24 м. Найдены остатки печи, кремень, фрагмент железной сковороды. По венчикам горшков типов 2-IБ, В и 3-IБ датируется второй половиной или концом X – первой половиной XII в.

Яма № 19. Размеры – 3,1 × 1,7 м, глубина – до 0,8 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, фрагмент точильного камня. По венчикам горшков типов 2-IA–B датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 20. Размеры – 3,90 × 2,05 м, глубина – до 0,5 м. Найдены камни от печи, железный язычок от пряжки или фибулы, венчики горшков типов 1-IA и 2-IБ, датирующие комплекс X – началом XI в.

Яма № 21. Размеры – 3,65 × 1,70 м, глубина – до 0,48 м. Камни и глина от печи, линза золы. Найдены кремень, нож, точильный камень и венчики горшков типов 2-IБ – Г и 3-IA, датирующие яму X – началом XII в.

Яма № 22. Размеры – 5,22 × 2,25 м, глубина – до 0,42 м. Угли и камни от печи. Найдены ушко от ведра, нож, фрагмент удил, сковорода железная, шлаки с металлом и венчики горшков типов 2-IБ, В и 2-VI. Датируется X–XI вв.

Яма № 23. Размеры – 3,0 × 0,6 м, глубина – до 0,38 м. Следов отопительных устройств нет. По венчикам горшков типов 1-IA, 2-IБ, В датируется X–XI вв.

Яма № 24. Размеры – 2,8 × 1,1–1,4 м, глубина – до 0,52 м. Следов отопительных устройств нет. Найдены дужка от ведра, бронзовая подковообразная фибула, фрагменты керамической посуды. Датируется XI в.

Яма № 25. Размеры – 2,8 × 1,0 м, глубина – до 0,62 м. Найдены камни от печи, 2 ножа, кресало калачевидное с язычком, венчики горшков типов 2-IA–B, 2-VI, 3-IA, Б. Датируется X – началом XII в.

Яма № 26. Размеры – 0,65 × 0,52 м, глубина – 0,28 м. Находок нет.

Яма № 27. Размеры – 3,00 × 1,45 м, глубина – 0,2 м. По венчикам горшков типов 2-IБ и В датируется X – началом XI в.

Яма № 28. Размеры – 3,83 × 1,15 м, глубина – до 0,58 м. Следов печи нет. Найдены 2 кремня для высекания огня и венчики горшков типов 1-IA, 2-IБ, В. Датируется X–XI вв.

Яма № 29. Размеры – 7,35 × 2,35 м, глубина – до 0,38 м. Камни и глина от печи, 3 ножа, венчики горшков типов 1-IA, Б; 2-IA–Г; 3-IБ. Датируется X – началом XII в.

Яма № 30. Размеры – 2,85 × 1,60 м, глубина – до 0,36 м. Остатки печи-каменки. По венчикам горшков типов 2-1Б, В; 3-1Б датируется концом X – XI в.

Яма № 31. Размеры – 2,4 × 1,6 м, глубина – 0,45 м. Камни и глина от печи. Фрагмент амфоры, венчики горшков типов 2-IB. Датируется второй половиной XI в.

Яма № 32. Размеры – 2,0 × 1,48 м, глубина – 0,24 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В, 3-IA датируется X – первой половиной XI в.

Яма № 33. Размеры – 3,0 × 2,0 м, глубина – 0,38 м. В пределах ямы, в центре и у юго-западного угла 2 столбовые ямы диаметром 0,40 и 0,45 м и глубиной 0,45 и 0,40 м соответственно. Найдены камни и глина от печи, кремень для высекания огня, железосодержащий шлак. По венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IБ, В, 2-VI датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 34. Размеры – 1,2 × 0,8 м, глубина – 0,12 м. Датирующих находок нет.

Яма № 35. Диаметр – 0,24 м, глубина – 0,17 м. Столбовая; без даты.

Яма № 36. Диаметр – 0,36 м, глубина – 0,16. Находок и даты нет; столбовая.

Яма № 37. Диаметр – 0,32 м, глубина – 0,10 м. По венчикам горшков типов 1-IБ и 2-IБ и стратиграфии датируется первой половиной XI в.

Яма № 38. Размеры – 2,30 × 1,15 м, глубина – 0,29 м. Печи не было. По венчикам горшков типов 1 – IБ, 2-IБ, В и 3-IБ датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 39. Размеры – 2,95 × 1,35 м, глубина – 0,1 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IA–Г датируется концом или второй половиной X – XI в.

Яма № 40. Размеры – 3,42 × 2,40 м, глубина – 0,17–0,42 м. Найдены остатки глинобитной печи, шлак, венчики горшков типов 2-IA–B, а в верхней части заполнения – денарий императора Германской (Священной Римской) империи, Саксония, г. Майнц, Оттона I (936–973 гг.) или Оттона II (973–983 гг.) с отверстием для ношения (определения доктора исторических наук В. Н. Рябцевича). Датируется X–XI вв.

Яма № 41. Размеры – 2,30 × 1,15 м, глубина – до 1,15 м. Найдены остатки глинобитной печи и венчики горшков типов 1-IB, 2-IA, 1-IIA, датирующие яму концом X – серединой XII в.

Яма № 42. Размеры – 3,05 × 0,85 м, глубина – 0,13 м.

Яма № 43. Размеры – 1,8 × 1,1 м, глубина – 0,15 м. Найдены камни и глина от печи. Датирующих находок нет, но не исключена датировка второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 44. Размеры – 15,40 × 0,56–1,04 м, глубина – 0,24–0,34 м. Найдены камни от печи. Иных находок, датирующих яму, нет.

Яма № 45. Размеры – 2,5 × 0,9 м, глубина – 0,25 м. Найдены куски глины и камни от печи, нож и венчики горшков типов 2-IБ, В, датирующие яму второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 46. Размеры – 2,4 × 2,06 м, глубина – до 0,57 м. Найдены камни и обожженная глина от печи, прямоугольная железная пряжка, керамика. Датируется X – первой половиной XI в.

Яма № 47. Размеры – 2,15 × 1,62 м, глубина – 0,51 м. Найдены остатки печи-каменки, венчики горшков типов 2-IБ, В и стеклянная малая двойная бусина-лимонка. Датируется X – первой половиной XI в.

Яма № 48. Размеры – 2,50 × 1,02 м, глубина – 0,25 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – XI в.

Яма № 49. Комплекс из двух расположенных рядом (на расстоянии в 0,12– 0,50 м) ям. Размеры – 1,65 × 1,30 м и 2,40 × 0,35 м, глубина – до 0,3 и 0,24 м соответственно. В первой найдены камни от печи. По фрагментам горшков датируются второй половиной X в. либо первой половиной XI в.

Яма № 50. Размеры – 3,45 × 1,50 м, глубина – 0,55 м. Найдены камни от печи, дужка от ведра и венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 51. Размеры – 2,45 × 1,45 м, глубина – до 0,3 м. По венчикам горшков типов 1-IА, Б и 2-IА–В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 52. Размеры – 1,7 × 1,1 м, глубина – 0,23 м. Остатки печи-каменки, точильный камень с отверстием, венчики горшков типов 2-IБ, В; 2-VI. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 53. Размеры – 3,05 × 1,65 м, глубина – 0,16–0,55 м. В заполнении камни и куски глины от печи. *Яма № 53а.* Размеры – 1,4 × 1,1, глубина – 0,2. Без следов печи. Обе ямы входили в комплекс одного жилища и по венчикам горшков типов 2-IА–В датируются X–XI вв.

Яма № 54. Размеры – 5,5 × 2,9 м, глубина – до 0,48–0,65 м. Камни и куски обожженной глины от печи. Венчики типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в. Рядом с ямой найден фрагмент ножа.

Яма № 55. Размеры – 0,85 × 0,52 м, глубина – 0,2. Находок нет. Не датирована.

Яма № 56. Размеры – 1,55 × 1,00 м, глубина – 0,13 м. Без находок, не датирована.

Яма № 57. Размеры – 1,60 × 0,75 м, глубина – 0,3 м. Находок нет. Не датирована.

Яма № 58. Размеры – 2,9 × 1,4 м, глубина – 0,25 м. По находкам венчиков горшков типов 2-IА и В датируется второй половиной X – началом или первой половиной XI в. Рядом с ямой найден ключ от деревянного запора.

Яма № 59. Размеры – 1,4 × 1,0 м, глубина – 0,25 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В и 3-IБ датируется второй половиной или концом X–XI в.

Яма № 60. Размеры – 2,05 × 1,40 м, глубина – 0,24–0,41 м. Найдены камни от печки. По венчикам горшков типов 2-1А–В и 3-1Б датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 61. Диаметр – 0,77 м, глубина – 0,12 м. Находок нет. Датировки нет.

Яма № 62. Размеры – 1,66 × 1,04 м, глубина – 0,18–0,42 м. Следов печи и находок нет. Стратиграфически (перекрывает угол ямы № 63) датируется концом XI или XII в.

Яма № 63. Размеры – 5,36 × 3,48 м, глубина – до 0,48 м. Найдены бритва, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 64. Размеры – 4,65 × 0,95 м, глубина – 0,28 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены железная подковообразная фибула, фрагменты кольчатых удил и железной сковороды, венчики горшков типов 2-IБ, 4-IБ. Датируется второй половиной или концом X – XI или началом XII в. Образует комплекс с ямой № 60.

Яма № 65. Размеры – 2,45 × 1,82 м, глубина – 0,28 м. Следов печи нет. Найден фрагмент керамического сопла, указывающего на производственное назначение постройки, с которой связана эта яма. Датируется по фрагментам керамической посуды временем не позднее середины XI в.

Яма № 66. Размеры – 1,50 × 1,15 м, глубина – 0,28 м. Найдены нож и клинок ножа, железная проволока, венчики горшков типов 1-1В, 2-1Б–Г, 3-1Б, 4-1Б и донце с клеймом в виде двузубца. Датируется второй половиной X – XII в. или серединой XIII в.

Яма № 67. Размеры – 3,40 × 2,35 м, глубина – до 0,46 м. Найдены фрагменты глинобитной печи, венчики горшков типов 2-IА–В. Датируется второй половиной X – началом или первой половиной XII в.

Яма № 68. Размеры – 5,0 × 2,5 м, глубина – 0,82 м. Следов печи нет. По находкам венчиков типов 2-IА–В, 3-IБ датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 69. Размеры – 2,15 × 1,60 м, глубина – до 0,4 м. Найдены фрагменты глинобитной печи, втульчатый двушипный наконечник стрелы, венчики горшков типов 2-IА–Г. Датируется второй половиной X – XII в.

Яма № 70. Размеры – 0,98 × 0,95 м, глубина – 0,23 м. Датирующих находок и следов печи нет.

Яма № 71. Столбовая. Диаметр – 0,21 м, глубина – 0,11 м. Не датирована.

Яма № 72. Размеры – 3,6 × 4,4 м, глубина – 0,8 м. Найдены камни от печи, нож, бусина стеклянная

призматическая синяя, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – первой половиной или началом XI в.

Яма № 73. Размеры – 1,45 × 1,02 м, глубина – до 0,41 м. Датируется временем до середины XI в.

Яма № 74. Размеры – 3,07 × 0,90 м, глубина – до 0,22 м. Следов отопительного сооружения нет. По венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IБ, В датируется XI–XII вв. Возможно, ей предшествовала яма № 69.

Яма № 75. Размеры – 2,50 × 0,86 м, глубина – 0,2 м. Следов печи нет. Рядом с ямой найден кусок бронзовой проволоки. Датируется по фрагментам керамической посуды временем до середины XI в.

Яма № 81. Размеры – 1,72 × 0,85 м, глубина – до 0,32 м. По венчикам горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 82. Размеры – 0,55 × 0,35 м, глубина – 0,13 м. Без находок, не датирована.

Яма № 83. Размеры – 1,85 × 1,00 м, глубина – до 0,24 м. Найдены камни от печки. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 84. Размеры – 1,97 × 0,87 м, глубина – 0,17 м. Найдены камни от печи, шлак, не содержащий металла, и венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной или концом X – XI в.

Яма № 85. Размеры – 2,85 × 1,00 м, глубина – до 0,48 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, кремень для высекания огня, венчики горшков типов 1-IГ, 2-IБ–Г, 3-IБ, 4-IБ. Датируется концом X – XII в.

Яма № 86. Размеры – 4,67 × 1,07 м, глубина – до 0,38 м. Найдены камни и обожженная глина от печи, зола с угольками. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – началом XII в.

Яма № 87. Размеры – 3,40 × 1,75 м, глубина – до 0,7 м. Найдены камни от печки и венчики горшков типов 2-1Б, В, датирующие яму второй половиной или концом X – XI в. Рядом найден кусок бронзовой проволоки.

Яма № 88. Размеры – 1,37 × 1,12 м, глубина – 0,15 м. Найдены угли и камни от печки, деталь замка и венчики горшков типов 2-IВ, Г; 4-IБ. Датируется XI–XII вв.

Яма № 89. Размеры – 1,48 × 0,88 м, глубина – 0,15 м. Найдены камни от печки, зола и угли. По находкам венчиков горшков типов 1-IГ и 4-IБ датируется второй половиной XI – XII в.

Яма № 90. Размеры – 1,15 × 0,78 м, глубина – 0,8 м. В заполнении камни от печки, зола, угли. С запада к яме примыкала глиняная прокаленная основа печи в виде овала размерами 0,9 × 0,8 м. По венчикам горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в. Найдены также железная трехлучевая скрепа с шипами и фрагмент серпа.

Яма № 91. Размеры – 1,0 × 0,6 м, глубина – 0,21 м. Найдены камни от печи, венчик горшка типа 2-IГ. Датируется концом XI – началом XII в.

Яма № 92. Размеры – 1,15 × 0,97 м, глубина – 0,2 м. По фрагментам горшка датируется временем до середины XI в.

Яма № 93. Размеры – 2,65 × 1,80 м, глубина – 0,24. Найдены камни от печи, фрагмент бронзового изделия, венчики горшков типов 1-IА, Б; 2-IБ, В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 94. Размеры – 1,0 × 0,9 м, глубина – 0,2 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – началом XII в.

Яма № 95. Размеры – 0,7 × 0,7 м, глубина – до 0,25 м. Следов печи нет. Датирующих находок нет.

Яма № 96. Размеры – 7,72 × 0,85–3,85 м, глубина – до 0,39 м. Найдены камни и обожженная глина от печи, кремень для высекания огня, венчики горшков типов 1-IА, Б; 2-IБ–Г; 3-IБ. Датируется концом X – XII в.

Яма № 97. Размеры – 0,95 × 0,90, глубина – 0,13 м. Найдены камни от печи и венчик горшка типа 2-IБ. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 98. Размеры – 2,03 × 1,47 м, глубина – 0,1–0,2 м. Датирующих находок нет.

Яма № 99. Размеры – 1,45 × 1,35 м, глубина – 0,28 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IВ. Датируется XI в. Входила в комплекс с ямой № 96.

Яма № 100. Размеры – 1,37 × 0,82 м, глубина – 0,26 м Следов печи нет. По венчику горшка типа 2-IВ датируется XI в.

Яма № 101. Размеры – 1,8 × 1,6 м, глубина – 0,33 м. Следов печи нет. По венчику горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 102. Размеры – 2,15 × 1,45 м, глубина – до 0,43 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 1-IГ, 2-IБ, В; 2-IIБ, 4-IБ, 4-IIА датируется концом X (или XI)– первой половиной XIII в.

Яма № 103. Размеры – 12,2 × 1,45–3,00 м, глубина – до 0,40 м. В юго-западной части – столбовая яма диаметром 0,46 м, уходящая в дно на 0,34 м. Найдены камни от двух печей, удаленных на 6,2 м друг от друга, рядом с каждой из печей – своя припечная яма, при этом одна из таких ям располагалась неподалеку от столбовых. Найдены ножницы пружинные, нож, долото, игла и венчики горшков типов 1-IБ, 1-IIА, Б, 2-IА–В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XII или серединой XIII в.

Яма № 104. Размеры – 5,0 × 2,8 м, глубина – 0,23 м. Найдены камни и обожженная глина от печи, шлаки, венчики горшков типов 2-IА–В. Датируется второй половиной X – началом или первой половиной XII в.

Яма № 105. Размеры – 2,48 × 1,05 м, глубина – до 0,23 м. Следов печи нет. По фрагментам горшков датируется временем до середины XI в.

Яма № 106. Размеры – 1,15 × 1,00 м, глубина – 0,15 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 107. Размеры – 1,2 × 1,3 м, глубина – 0,31 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IВ, 3-IБ датируется XI в.

Яма № 108. Размеры – 1,25 × 1,00 м, глубина – 0,30 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, по находке венчика горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – началом XI в. Существовала несколько лет.

Ямы № 109 и 109а. Размеры – 2,15 × 1,60 м, диаметр – 0,52 м, при глубине 0,5 и 0,12 м соответственно. В большей яме найдены куски обожженной глины и камни от печи, нож, железные браслет и перстень, венчики горшков типов 2-IА–В; в меньшей – венчик горшка типа 2-IБ. Датируются второй половиной X – началом XII и XI в. соответственно; яма № 109а является столбовой.

Яма № 110. Размеры – 10,44 × 3,10 м, глубина – до 0,5 м. Найдены в двух местах камни от печи, душипный наконечник железной черешковой стрелы, нож, фрагменты ножа и ножниц пружинных, ключ от замка типа А, точильный камень и два шиферных пряслица, обруч от ведра, венчики горшков типов 1-IА–В, 1-IIА, 2-IБ–Г, 2-IIБ и 4-IБ. Датируется концом X – серединой XIII в.

Яма № 111. Размеры – 2,50 × 1,55 м, глубина – до 0,25 м. Найдены камни от печи, нож, фрагмент серпа и обручей от ведра, бусина глазчатая, венчики горшков типов 1-IБ, В, 2-IБ, В, 2-IВ, Г, 3-II, 4-IБ, 4-IIА. Датируется XI – первой половиной XIII в.

Яма № 112. Размеры – 1,28 × 0,40 м, глубина – 0,14 м. Печи нет. По венчику горшка типа 2-IВ датируется XI в.

Яма № 113. Размеры – 3,3 × 1,0 м, глубина – до 0,23 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, стеклянная малая двойная бусина-лимонка, кремень для высекания огня, стамеска (?), ножницы пружинные, венчики горшков типов 2-IА–В, 2-VIА, 2-IIА. Датируется второй половиной либо концом X – XII в.

Яма № 114. Диаметр – 0,85 м, глубина – 0,25 м. Следов отопительных устройств нет. По венчикам горшков типов 2-IБ–Г, 3-IБ датируется концом X – XII в.

Яма № 115. Размеры – 2,8 × 1,4 м, глубина – до 0,48 м. Следов печи нет. Найдены фрагмент железной сковороды и венчики горшков типов 2-IБ, В, датирующие яму второй половиной либо концом X – XI в.

Яма № 116. Размеры – 2,28 × 1,45 м, глубина – 0,37 м. Следов отопительных сооружений нет. Найдены венчики горшков типов 2-IБ–Г, 3-IБ, 4-IА, Б, 2-IIА. Датируется XI – первой половиной XI в.

Яма № 117. Размеры – 2,0 × 1,9 м, глубина – 0,25 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IА–Г, датирующие яму концом X – началом XII в.

Яма № 118. Размеры – 2,6 × 2,0 м, глубина – до 0,25 м. По венчикам горшков типов 2-IВ, 4-IБ датируется XI–XII вв.

Яма № 119. Размеры – 6,25–1,00 м, глубина – до 0,25 м. Следов печи нет. Найдены точильный камень, два ножа, костяное пряслице; венчики горшков типов 1-IВ, 2-IБ, В, 3-IБ, 4-IБ, датирующие яму концом X – первой половиной XIII в.

Яма № 120. Размеры – 2,4 × 1,4 м, глубина – 0,27 м. Следов отопительных сооружений нет. Найдены железная подковообразная фибула без иглы, нож, гвоздь, шиферное пряслице, венчики горшков типов 1-IА, Б, 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 121. Размеры – 2,3 × 0,9 м, глубина – 0,24 м. Найдены камни от печи, 3 точильных камня, венчики от горшков типов 1-IБ, 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 122. Размеры – 4,0 × 1,3 м, глубина – 0,18 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной либо концом X – XI в.

Яма № 123. Размеры – 1,7 × 0,6 м, глубина – 0,27 м. Следов печи нет. Датирующих находок нет.

Яма № 124. Размеры – 1,4 × 1,2 м, глубина – 0,26 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 125. Размеры – 3,05 × 1,70 м, глубина – до 0,36 м. Следов отопительных сооружений нет. По находкам венчиков сковороды и горшков типов 2-IБ, В, датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 126. Размеры – 3,5 × 2,5 м, глубина – до 0,65 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IА–Г и 3-IБ датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 127. Размеры – 4,90 × 2,65 м, глубина – до 1,45 м. Исходя из плана и стратиграфии ямы, она может быть подразделена на две отдельные самостоятельные ямы (а и б). *Яма № 127а* по находкам двух гвоздей, удил кольчатых без перегиба, шлаков с содержанием железа и венчиков горшков типов 1-IБ, В, 2-IА–Г датируется концом X – началом XII в., а *яма № 127б* (в ней найдены куски обожженной глины от печи, гвоздь, клинок ножа, венчики горшков типов 1-IВ, 1-IIА, 2-IГ, 2-IIБ, 4-IБ 4-IVА) датируется концом XI в. либо началом XII – концом XIII в.

Яма № 128. Размеры – 7,6 × 3,3 м, глубина – до 0,6 м. Найдены камни от печи, кремень для высекания огня, бронзовый браслет, венчики горшков типов 1-IБ, 2-IБ–Г, 4-IБ, датирующие яму (с учетом даты соседней ямы № 127) началом XII в.

Яма № 129. Размеры – 3,65 × 1,65 м, глубина – до 0,43 м. Найдены камни от печи (в двух местах), железная пластина, венчики горшков типов 1-IБ, 2-IБ, В, 2-IVБ. Датируется XI – началом XIV в.

Яма № 130. Размеры – 2,42 × 1,45 м, глубина – 0,16 м. Найдены камни от печи, фрагмент наральника и венчики горшков типов 2-IА, Б, Г. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 131. Размеры – 1,30 × 0,74 м, глубина – 0,18 м. Найден фрагмент глиняной сковороды. Входит в комплекс постройки с ямой № 130 и, очевидно, синхронна ей.

Яма № 132. Размеры – 1,65 × 0,90 м, глубина – 0,19–0,25 м. Следов печи нет. По находкам фрагментов керамических горшков датируется временем до середины XI в.

Яма № 133. Размеры – 2,10 × 1,95 м, глубина – 0,30–0,42 м. Следов отопительных устройств нет. По венчикам горшков типа 2-IБ датируется концом X – первой половиной XI в.

Яма № 134. Размеры – 1,00 × 0,73 м, глубина – 0,13 м. Следов печи нет. Найдены венчики горшков типа 2-IБ. Датируется концом X – первой половиной XI в.

Яма № 135. Размеры – 3,36 × 2,00 м, глубина – до 0,38 м. Найдены остатки печи из камней и глины, 2 кремня для высекания огня, точильный камень, 2 ножа, бронзовая подковообразная фибула без иглы, венчики горшков типов 2-IA–Г, 3-IБ, 4-IБ и сосуда типа Бирки. Датируется второй половиной X – XII в.

Яма № 136. Размеры – 2,50 × 0,55 м, глубина – 0,45 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 137. Размеры – 1,2 × 1,0 м, глубина – 0,28 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены три шиферных пряслица и венчики горшков типов 2-IВ, 3-IБ, 4-IБ. Датируется второй половиной X – XII в.

Яма № 138. Размеры – 1,55 × 1,45 м, глубина – 0,33 м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 139. Размеры – 1,85 × 1,70 м, глубина – до 0,5 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 140. Размеры – 5,0 × 2,5 м, глубина – 0,30–1,25 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В, 4-IБ датируется концом X – XII в.

Яма № 141. Размеры – 5,8 × 6,7 м, глубина – до 1,28 м. Следов печи нет. Найдены нож, венчики горшков типов 2-IA–В, 4-IБ. Датируется второй половиной X – началом либо первой половиной XII в.

Яма № 142. Размеры – 2,2 × 1,6 м, глубина – 0,28 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IA–Б датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 143. Размеры – 3,40 × 1,95 м, глубина – до 0,39 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IA–В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 144 включает в себя два разновременных углубления. Размеры – 2,80 × 1,55 м и 3,5 × 1,7 м при глубине до 0,54 и 0,15 м соответственно. Следов отопительных сооружений в обеих частях ямы нет. По находкам венчиков горшков типов 1-IБ и 2-IБ ранняя часть датируется X – первой половиной XI в., а поздняя часть по венчикам горшков типов 1-IБ, 2-IВ – XI в.

Яма № 145. Размеры – 3,00 × 1,38 м, глубина – до 0,32 м. Следов печи нет. Найдены венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 146. Размеры – 2,12 × 1,20 м, глубина – до 0,33 м. Следов печи нет. Найден нож с признаками X – начала XII в.; еще один такой же нож найден рядом с ямой.

Яма № 147. Размеры – 3,46 × 0,90 м, глубина – 0,3 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 148. Размеры – 2,10 × 1,75 м, глубина – до 0,38 м. По венчикам горшков типов 2-IВ, Г датируется XI в.

Яма № 149. Размеры – 2,4 × 2,0 м, глубина – 0,24 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены кремень для высекания огня, венчики горшков типов 2-IБ, В; 2-IIБ. Датируется концом X – началом XII в.

Яма № 150 состоит из трех отдельных углублений, образующих один комплекс. В *яме № 150а* найдены камни от печи, фрагменты обручей и дужки ведра, гвоздь, венчики горшков типов 1-IБ, 2-IA–Г, 2-III, 3-IБ, 4-IБ (конец X – середина XIII в.); в *яме № 150б* найдены и венчики горшков типа 2-IБ (вторая половина X – первая половина XI в.); в *яме № 150в* следов печи и находок нет. Дата комплекса определяется по углублению в *яме № 150а* концом X – серединой XIII в.

Яма № 151. Размеры – 2,6 × 2,2 м, глубина – 0,35 м. Найдены камни от печи, шиферное пряслице, венчики горшков типов 2-IA–Г. Датируется второй половиной X – первой половиной XII в.

Яма № 152. Размеры – 1,95 × 1,10 м, глубина – до 0,26 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IA, Б. Датируется X в. или же второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 154. Размеры – 1,8 × 1,0 м, глубина – 0,26 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется концом X – XI в.

Яма № 155. Размеры – 1,8 × 0,4 м, глубина – 0,12 м. Следов отопительного устройства нет. По фрагментам горшка датируется временем до середины XI в.

Яма № 156. Размеры – 2,20 × 1,27 м, глубина – 0,55 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, кресало калачевидное с язычком, точильный камень, шиферное пряслице, обручи железные от ведра. Нож-ланцет и венчики горшков типов 1-IБ, В, 2-IБ–Г, 3-II, 4-IБ и 4-IIA. Датируется XI–XIII вв.

Яма № 157. Размеры – 1,70 × 1,65 м, глубина – 0,55 м. Следов отопительного сооружения нет. Найдены железные проволочный браслет, пряжка без язычка, венчики горшков типов 1-IБ, 2-IA–В, 4-IБ. Датируется концом X – началом или первой половиной XI в.

Яма № 158. Размеры – 2,00 × 2,06 м, глубина – 0,31 м. Найдены камни от печи, нож, фрагмент жернова из овручского сланца, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 159. Размеры – 0,92 × 0,85 м, глубина – 0,22 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типа 2-IВ датируется второй половиной или концом X – XI в.

Яма № 160. Диаметр – 0,38 м, глубина – 0,3 м. По находке фрагмента керамического горшка датируется временем не позднее середины XI в.

Яма № 161. Размеры – 0,65 × 0,45 м, глубина – 0,17 м. Следов печи нет. По находкам фрагментов керамических горшков в заполнении датируется временем не позднее середины XI в.

Яма № 162. Размеры – 0,36 × 0,34 м, глубина – 0,2 м. Следов отопительных устройств нет. По венчику горшка типа 1-IВ датируется второй половиной либо концом X – XI в.

Яма № 163. Размеры – 4,00 × 2,88 м, глубина – до 1,0 м. Найдены камни и обожженная глина от печи, нож, кольцо от удил, венчики горшков типов 1-IВ, 2-IА–Г. Датируется концом X – XII в.

Яма № 164. Размеры – 1,65 × 1,65 м, глубина – до 0,69 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной или концом X – XI в.

Яма № 165–166. Размеры – 3,65 × 2,05 м и 3,2 × 1,7 м, при глубине 0,27 и 0,16 м соответственно. По венчикам горшков типов 2-IА–Г датируются второй половиной X – началом XII в.

Яма № 167. Размеры – 1,7 × 0,9 м, глубина – 0,32 м. Следов печи нет. Найдены точильный камень, венчики горшков типов 2-IБ–Г. Датируется концом X – первой половиной XII в.

Яма № 168. Размеры – 2,50 × 1,08 м, глубина – до 0,40 м. Следов печи нет. Найдены наконечник стрелы черешковый двухшипный без упора, венчики горшков типов 1-IБ, 2-IБ, В, шлак, не содержащий металла. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 169. Размеры – 1,30 × 0,85 м, глубина – до 0,25 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены железный нож, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 170. Размеры – 2,70 × 2,32 м, глубина – 0,63 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 1-IБ, В, 2-IВ, Г, 2-IIБ и 4-IБ датируется XI–XII вв.

Яма № 171. Размеры – 2,25 × 1,80 м, глубина – до 0,63 м. Найдены камни и угли от печи, венчики горшков типов 2-IБ, В, а рядом с ямой – корпус цилиндрического замка типа Б. Датируется яма второй половиной X – XI в, а жилище, с которым она связана на основании находки замка имеет верхней датой XII в.

Яма № 172. Размеры – 6,8 × 4,0 м, глубина – до 1,06 м. Найдены камни от печи, фрагмент серпа, венчики горшков типов 2-IБ–Г, 4-IБ. Датируется второй половиной или концом X – XII в.

Яма № 173. Размеры – 3,20 × 2,94 м, глубина – 0,32 м. Найдены камни от печи, железная трехлучевая скрепа с шипами, венчики горшков типов 2-IБ, В, 4-IБ, 4-II. Датируется концом X – XII или первой половиной XIII в.

Яма № 174. Размеры – 2,22 × 1,20 м, глубина – до 0,75 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены не содержащий металла шлак, венчики горшков типа 2-IБ. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 175. Размеры – 3,20 × 0,95 м, глубина – 0,33 м. Следов печи нет. Найдены венчики горшков типов 2-IВ, датирующие яму концом X – XI в.

Яма № 176. Размеры – 1,1 × 0,9 м, глубина – 0,21 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 177. Размеры – 1,90 × 1,56 м, глубина – 0,13. Следов отопительного устройства нет. По находке фрагментов горшков датируется временем не позднее середины XI в.

Яма № 178. Размеры – 11,3 × 5,8 м, глубина – до 0,95 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены фрагменты железной дужки ведра, венчики горшков типов 1-IБ, 1-IIА, 2-IБ, В, 4-IА, Б, 4-II. Датируется концом X – первой половиной XIII в.

Яма № 179. Размеры – 1,88 × 1,55 м, глубина – до 0,71 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 1-IБ, 4-IБ датируется XI–XII вв.

Яма № 180. Размеры – 4,92 × 2,10 м, глубина – до 0,42 м. Найдены камни от печи, 2 фрагмента бронзовых изделий, точильный камень, шиферное пряслице, 3 ножа, фрагмент серпа, венчики горшков типов 1-IIБ, 2-IБ, В, 4-IА. Датируется второй половиной X – началом или первой половиной XII в.

Яма № 181. Размеры – 1,1 × 1,1 м, глубина – 0,24 м. Следов отопительных сооружений нет. По венчику горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 182. Размеры – 2,35 × 1,75 м, глубина – 0,59 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, фрагменты железных обручей от ведра, ножа, ключ от замка типа А, венчики горшков типов 1-IВ, 1-IIА, 2-IВ, Г, 4-IБ. Датируется второй половиной XI – первой половиной XIII в.

Яма № 183. Диаметр – 0,8 м, глубина – 0,36 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 184. Диаметр – 0,36 м, глубина – 0,10 м. Следов отопительных устройств нет. По находке венчика горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 185. Размеры – 0,85 × 0,68 м, глубина – до 0,14 м. По находкам фрагментов горшков датируется временем ранее середины XI в.

Яма № 186. Размеры – 0,95 × 0,65 м, глубина – 0,1 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типа 2-IВ датируется концом X – XI в.

Яма № 187. Размеры – 5,60 × 4,36 м, глубина – 0,4 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, 2 ножа, точильный камень, фрагмент обруча от ведра, острие железное с подвижным кольцом, венчики горшков типов 1-IБ, В, 2-IБ–Г, 4-IБ. Датируется концом X – началом XII в.

Яма № 188. Диаметр – 0,55 м, глубина – 0,11 м. Следов печи и датирующих находок нет. Вероятно, парная с ямой № 196.

Яма № 189. Диаметр – 0,68 м, глубина – 0,39 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 190. Диаметр – 0,66 м, глубина – 0,38 м. Следов отопительного устройства и датирующих находок нет.

Яма № 191. Размеры – 1,7 × 1,7 м, глубина – 0,23 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 192. Размеры – 4,05 × 2,30 м, глубина – до 0,62 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 193. Размеры – 2,95 × 1,25 м, глубина – 0,22 м. Найдены камни от печи, кресало калачевидное с язычком, ключ от замка типа А, фрагменты серпа и сошника, либо наральника, точильный камень, венчики горшков типов 2-IА–В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 194. Размеры – 1,5 × 1,1 м, глубина – до 0,49 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типа 2-IА. Датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 195. Размеры – 2,35 × 1,80 м, глубина – до 0,81 м. Найдены камни от печи, венчики горшков типов 2-IА, Б. Датируется второй половиной X в. либо второй половиной X – началом XI в. С постройкой, которая была над ямой, связана столбовая яма № 188.

Яма № 196. Размеры – 2,55 × 2,35 м, глубина – до 0,56 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 1-IБ, 2-IБ, Г, 3-IБ. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 197а. Размеры – 3,55 × 2,70 м, глубина – до 0,63 м. Найдены камни от печи, шиферное пряслице, 2 ножа, маленькое зубило, венчики горшков типов 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 197б. Размеры – 3,2 × 1,4 м, глубина – 0,63 м. Найдены камни от печи, две железные подковообразные фибулы, венчики горшков типов 1-IА, 2-IА–В, 4-IБ. Датируется второй половиной X – XII в. Ямы № 197а и № 197б в X–XI вв. входили в комплекс одной большой жилой постройки.

Яма № 198. Размеры – 2,96 × 1,52 × 0,18 м. Следов отопительного устройства нет. По находкам венчиков горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 199. Диаметр – 0,6 м, глубина – 0,35 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 200. Размеры – 0,95 × 0,50 м, глубина – 0,16 м. Следов отопительного устройства и датирующих находок нет.

Яма № 201. Размеры – 4,05 × 2,20 м, глубина – до 0,75 м. Следов печи нет, найдены нож, венчики горшков типов 2-IА – В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 202 (203, 204). Размеры – 1,7 × 1,6 м, глубина – до 0,5 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены железные фибула подковообразная, пинцет и венчики горшков типов 1-IА–В, 2-IА–Г, 2-IIБ, 4-IБ. Датируется второй половиной X – XIII в.

Яма № 205. Размеры – 2,4 × 1,8 м, глубина – 0,43 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены нож-ланцет, фрагмент бронзового браслета орнаментированного, венчики горшков типов 2-IБ–Г, 2-VI, 4-IБ. Датируется концом X – первой половиной XIII в.

Яма № 206. Размеры – 2,65 × 1,64 м, глубина – 0,64 м. Следов отопительных сооружений нет. Найдены 2 кремня для высекания огня, фрагмент керамического сопла, венчики горшков типов 1-IА, 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 207. Размеры – 3,95 × 1,10 м, глубина – 0,45 м. Следов печи нет. Найдены нож, венчики горшков типов 2-IБ, В, 4-IБ. Датируется второй половиной X – началом или первой половиной XII в.

Яма № 208. Размеры – 2,15 × 1,30 м, глубина – до 0,4 м. Следов отопительных сооружений и датирующих находок нет. Стратиграфически (моложе ямы № 210) датируется временем позднее середины XI в.

Яма № 209. Размеры – 1,80 × 1,75 м, глубина – до 0,52 м. Найдены камни от печи и фрагменты изготовленных на круге горшков. Датируется временем не позднее середины XI в.

Яма № 210. Размеры – 2,8 × 1,6 м, глубина – 0,69 м. Следов печи нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 211. Размеры – 5,25 × 1,30 м, глубина – 0,34 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 1-IА, 2-IА, Б датируется второй половиной X в., но не исключена и датировка второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 212 (213–215). Размеры – 6,4 × 3,5 м, глубина – до 0,52 м. Найдены камни от печи и фрагменты изготовленных на круге горшков. Датируется XI в.

Яма № 216. Размеры – 3,40 × 3,75 м, глубина – до 0,59 м. Найдены камни от печи, фрагмент обруча от ведра, втульчатый двухшипный наконечник стрелы, фрагменты горшков типов 1-IВ, Г, 1-IIБ, 2-IБ, Г,4-IБ, 4-IIБ. Датируется XI–XIII вв.

Яма № 217. Размеры – 2,1 × 1,0 м, глубина – 0,23 м. Следов отопительного сооружения и датирующих предметов нет.

Яма № 218. Размеры – 1,65 × 0,90 м, глубина – 0,33 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 219. Размеры – 1,12 × 1,10 м, глубина – 0,25 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типа 2-IБ, датирующие яму второй половиной X – первой половиной XI в. Судя по малому количеству фрагментов посуды, жилище, к которому относится яма, в рамках этого периода существовало весьма непродолжительный отрезок времени.

Яма № 220. Размеры – 2,2 × 1,8 м, глубина – до 0,24 м. Следов отопительных сооружений нет. Найдены шлак, венчики горшков типов 1-IБ, Г, 1-IIБ, 2-IБ, В, 4-IБ. Датируется XI – первой половиной XIII в.

Яма № 221. Размеры – 4,90 × 2,97 м, глубина – до 0,7 м. Найдены камни от двух печей, нож, венчики горшков типов 2-IА, Б. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 222. Размеры – 2,96 × 2,32 м, глубина – 0,22 м. Следов отопительного устройства нет. По находкам фрагментов горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 223. Размеры – 1,90 × 1,85 м, глубина – до 0,53 м. Следов печи нет. По горшку типа 4-IБ датируется XII–XIII вв.

Яма № 224. Размеры – 1,95 × 0,78 м, глубина – 0,29 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 225. Размеры – 3,55 × 1,90 м, глубина – до 0,23 м. Следов отопительных сооружений нет. По находкам венчиков горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 226. Размеры – 3,20 × 1,23 м, глубина – до 0,32 м. Найдены куски обожженной глины от печи и фрагменты горшков, датирующие яму временем до середины XI в. Использовалась непродолжительное время.

Яма № 227. Размеры – 1,08 × 0,75 м, глубина – 0,53 м. Следов печи нет. Найдены кремень для высекания огня и фрагменты изготовленной на круге керамической посуды, в том числе венчик горшка типа 2-IВ. Датируется XI в.

Яма № 228. Размеры – 1,35 × 1,35 м, глубина – 0,52 м. Следов отопительных устройств и датирующих предметов нет.

Яма № 229. Размеры – 2,46 × 1,60 м, глубина – до 0,64 м. По находкам венчиков горшков типов 1-IГ, 2-IВ, Г, 2-III, выделяются 2 периода функционирования ямы: XI – начало XII в. и XIII в. (вероятно, его вторая половина). Следов печи нет.

Яма № 229а . Видимо образует один комплекс с ямой № 229. Размеры – 0,7 × 0,5 м, глубина – 0,14 м. Следов отопительных сооружений и датирующих предметов нет

Яма № 230. Размеры – 1,92 × 1,60 м, глубина – 0,46 м. Следов печи нет. Найдены шиферное пряслице, фрагмент керамической сковороды (?), венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется концом X – XI в.

Яма № 231. Размеры – 2,3 × 3,2 м, глубина – до 1,28 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены 2 кремня для высекания огня, 2 фрагмента керамического тигля, фрагмент глиняного биконического пряслица, венчики горшков типов 2-IА–В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 232. Размеры – 4,4 × 4,4(1,8) м, глубина – 0,22–0,37 м. Найдены камни и угольки от печи, нож, точильный камень и шиферное пряслице, венчики горшков типов 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 233. Размеры – 1,00 × 0,82 м, глубина – 0,20 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 1-IIБ, 2-IВ датируется XI–XII вв.

Яма № 234. Диаметр – 0,56 м, глубина – 0,45 м. Следов печи нет; по фрагментам изготовленных на круге орнаментированных горшков датируется временем до середины XI в.

Яма № 235. Размеры – 2,32 × 1,32 м, глубина – 0,33 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 236. Размеры – 3,9 × 1,4 м , глубина – 0,83 м. Найдены камни от печи, железные ключи от деревянного запора и замка типа А, шиферное пряслице, фрагмент бронзового пластинчатого браслета, нож, венчики горшков типов 1-IБ, 1-IIА, Б, 2-IА–Г, 3-IБ. Датируется второй половиной или концом X – началом либо первой половиной XII в.

Яма № 237. Размеры – 3,20 × 1,56 м, глубина – до 0,76 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IБ, В, датирующие яму второй половиной X – XI в.

Яма № 238. Размеры – 5,6 × 3,6 м, глубина – до 1,0 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IА–Г, 2-VIА, 3-IБ и 4-IБ. Датируется второй половиной X – XII в.

Яма № 239. Размеры – 2,45 × 1,60 м, глубина – до 0,53 м. Следов печи нет. Найдены шиферное пряслице, венчики горшков типов 2-IБ, В, датирующие яму второй половиной X – XI в.

Яма № 240. Размеры – 8,4 × 3,8 м, глубина – до 0,68 м. Найдены камни от двух печей, бронзовые фрагмент проволочного браслетообразного кольца и поясная накладка, железные гвоздь и рамка от пряжки, фрагмент стеклянного сосуда, венчики горшков типов 2-IА–Г, 2-III, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XII в. (либо первой его половиной).

Яма № 241. Размеры – 3,2 × 1,8 м, глубина – до 0,26 м. Найдены камни от печи, нож, и венчики горшков типов 2-IБ, В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 242. Размеры – 3,75 × 3,10 м, глубина – 0,4 м. Найдены камни от печи, железный ключ от деревянного запора с разделителем для привешивания других ключей, венчики горшков типов 2-IА–Г. Датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 243. Размеры – 1,10 × 0,85 м, глубина – до 0,11 м. Следов отопительных устройств и датирующих предметов нет.

Яма № 244. Размеры – 1,85 × 1,05 м, глубина – 0,2 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В. 4-IБ датируется второй половиной X – XII в. (вероятно, его началом).

Яма № 245. Размеры – 5,0 × 1,7 м, глубина – 0,25 м. Следов отопительного устройства нет. По фрагмен-

там изготовленных на круге горшков датируется временем до середины XI в.

Яма № 246. Размеры – 3,6 × 2,1 м, глубина – 0,66 м. Найдены камни от печи. По фрагментам изготовленных на круге горшков датируется XI в.

Яма № 247. Размеры – 4,2 × 2,8 м, глубина – 0,4 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 248. Размеры – 4,5 × 2,5 м, глубина – 0,48 м. Найдены камни от печи. По венчикам горшков типов 2-IБ, В, 4-IБ датируется второй половиной X – началом XII в.

Яма № 249. Размеры – 6,05 × 1,90 м, глубина – до 0,4 м. Найдены камни от печи, жернов, точильный камень, железные пластина и гвоздь, венчики от горшков типов 1-IБ, 2-IА–Г, 4-IВ, датирующие яму второй половиной X – XII в.

Яма № 250. Размеры – 4,50 × 1,25, глубина – 0,22 м. Следов отопительного устройства и датирующих предметов нет.

Яма № 251. Размеры – 3,6 × 1,6 м, глубина – до 0,47 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 252. Размеры – 3,05 × 2,15 м, глубина – до 0,47 м. Найдены камни от печи, 2 шиферных и 1 песчаниковое пряслице, фрагмент дверного кольца, клинок железного ножа, фрагмент бронзового браслета с утонченными концами, венчики горшков типов 1-IА, 2-IА–В. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 253. Размеры – 2,6 × 2,0 м, глубина – 0,39 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены фрагменты изготовленных на круге сосудов, в том числе венчики горшков типов 3-IБ и 4-IБ. Датируется XII – первой половиной XIII в.

Яма № 254. Диаметр – 0,28–0,30 м, глубина – 0,2 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 255. Диаметр – 0,28 м, глубина – 0,11 м. Следов отопительного устройства и датирующих предметов нет.

Яма № 256. Размеры – 3,05 × 1,45 м, глубина – 0,61 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типа 2-IВ. Датируется концом X – XI в.

Яма № 257. Размеры – 0,42 × 0,36 м, глубина – 0,11 м. Следов печи нет. По фрагментам орнаментированных горшков, изготовленных на круге, датируется временем до середины XI в.

Яма № 258. Размеры – 2,20 × 1,95 м, глубина – 0,42 м. Следов отопительного устройства нет. Найдены венчики горшков, 2-IБ, В, 2-IIБ, 4-IБ, датирующие яму XI–XII вв.

Яма № 259. Размеры – 2,55 × 2,70 м, глубина – до 0,25 м. Найдены камни от печи, фрагмент железного изделия и венчик горшка типа 2-IА. Датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 260. Размеры – 2,30 × 1,48 м, глубина – 0,2 м. Найдены камни от печи, фрагмент грызла удил, венчики горшков типов 2-IБ. Датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 261. Размеры – 1,22 × 0,90 м, глубина – 0,16 м. Следов печи нет. По венчику горшка типа 2-IА датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 262. Размеры – 2,10 × 0,85 м, глубина – 0,19 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – началом XI в.

Яма № 263. Размеры – 4,80 × 1,82 м, глубина – до 0,42 м. Следов печи нет. Найдены фрагмент серпа, кремень для высекания огня, венчики горшков типов 2-IБ, В, 3-IБ. Датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 264. Размеры – 14,8 × 6,8 м, глубина – до 0,75 м. Найдены камни от печи, 3 точильных камня, 3 ножа, дверной пробой, железный стержень, венчики миски и горшков типов 2-IА–Г, 3-IБ. Датируется второй половиной или концом X – началом XII в.

Яма № 265. Размеры – 4,35 × 1,35 м, глубина – 0,20 м. Следов печи нет. Найдены фрагменты горшка типа 4-IБ, датирующие яму XII – первой половиной XIII в.

Яма № 266. Размеры – 2,12 × 1,45 м, глубина – до 0,14 м. Следов печи нет. По венчику горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 267. Размеры – 1,95 × 0,76 м, глубина – 0,11 м. Следов отопительного устройства нет. По венчикам горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной X – XI в.

Яма № 268. Размеры – 3,32 × 2,40 м, глубина – 0,55 м. Следов печи нет. Найдены фрагменты изготовленных на круге горшков, в том числе венчик типа 2-IВ, датирующий яму концом XI – началом XII в.

Яма № 269. Размеры – 1,30 × 1,08 м, глубина – 0,18 м. Следов отопительных сооружений нет. Найдены венчики горшков типов 2-IА, Б. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 270. Размеры – 1,50 × 1,55 м, глубина – 0,12 м. Следов печи нет. По венчикам горшков типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 271. Диаметр – 0,52 м, глубина – 0,15 м. Следов отопительного сооружения нет. Датируется по венчикам горшков типов 2-IБ, В второй половиной X – началом XII в.

Яма № 272. Размеры – 4,12 × 0,85 м, глубина – 0,16 м. Следов печи и датирующих находок нет.

Яма № 273. Размеры – 4,96 × 0,86 м, глубина – 0,25 м. Найдены камни от печи, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной или концом X – первой половиной (началом) XI в. Судя по количеству содержавшихся в яме материалов, связанное с нею жилище существовало непродолжительное время, которое, быть может, определяется концом X – началом XI в.

Яма № 274. Размеры – 1,10 × 0,56 м, глубина – 0,15 м. Следов печи и датирующих предметов нет. По заполнявшему ее светло-серому предматериковому слою может датироваться временем до конца X в.

Яма № 275. Размеры – 4,05 × 0,45 м, глубина – 0,12 м. Следов отопительного сооружения нет. По венчику горшка типа 2-IБ датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 276. Размеры – 6,85 × 1,10 м, глубина – до 0,28 м. Найдены камни от печи, бронзовое шило, венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Яма № 277. Размеры – 2,45 × 1,20 м, глубина – до 0,2 м. Следов отопительных сооружений нет. По находкам венчиков горшков типов 2-IБ, В датируется второй половиной, или концом X – XI в. (вероятно, его первой половиной).

Яма № 278. Размеры – 2,2 × 1,9 м, глубина – до 0,42 м. Следов печи нет. Найдены венчики горшков типов 2-IБ, В. Датируется второй половиной или концом X – началом XI в.

Яма № 279. Размеры – 11,5 × 3,5 м, глубина – до 0,8 м. Размеры – 11,5 × 3,5 м, глубина – до 0,6 м. Найдены в двух местах камни от двух печей, 2 точильных камня, фрагменты железных дужек и обручей от ведра, шила, куски овручского сланца (шифера), бронзовый ложновитой перстень, перевитый сканой проволокой, небольшой бронзовый слиток, венчики горшков типов 1-IБ, В, 1-IIБ, 2-IA–Г, 2-IIБ, 3-IБ, 4-IБ. Датируется второй половиной X – XII в. (возможно, первой его половиной).

Яма № 280. Размеры – 3,15 × 1,88 м, глубина – 0,25 м. Следов печи нет. Найдены железная дужка от ведра, венчики горшков типов 2-IБ, В, 4-IБ. Датируется XI – первой половиной XIII в.

Яма № 281. Размеры – 1,12 × 0,85 м, глубина – до 0,2 м. Следов отопительного сооружения и датирующих предметов нет.

Яма № 282. Размеры – 2,2 × 1,9 м, глубина – до 1,11 м. Найдены камни от печи, фрагмент глиняного пряслица, венчики горшков типов 2-IБ, В, 3-IБ. Датируется XI в. (возможно, первой его половиной).

Яма № 283. Размеры – 1,95 × 1,20 м, глубина – 0,50 м. Найдены камни от печи, фрагменты горшка типа 4-IБ. Функционировала непродолжительное время в пределах с XII по первую половину XIII в.

Яма № 284. Размеры – 2,40 × 0,96 м, глубина – 0,33 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 285. Размеры – 1,60 × 1,12 м, глубина – 0,38 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 286. Размеры – 3,20 × 1,88 м, глубина – до 0,75 м. Найдены камни от печи, железные овально-удлиненное кресало, нож, кусок овручского сланца (шифера), венчики горшков типов 1-IA, Б, 2-IA–В. Датируется второй половиной X – первой половиной XII в.

Яма № 287. Размеры – 2,30 × 1,88 м, глубина – до 0,43 м. Найдены камни от печи и венчики горшков типов 2-IВ, 4-IБ. Датируется второй половиной XI – XII в.

Яма № 288. Диаметр – 0,38 м, глубина – 0,23 м. Следов печи и датирующих предметов нет.

Яма № 289. Размеры – 6,82(7,20) × 1,22 м, глубина – 0,35 м. Найдены камни и куски обожженной глины от печи, нож с остатками деревянной рукоятки, венчики горшков типов 1-IБ и 2-IБ. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Предметы, найденные в культурном слое вне комплексов. Мощность культурного слоя в изученной раскопками 1989–1991 гг. части селища была неравномерной и на отдельных участках колебалась в пределах от 0,20–0,32 м до 0,45–0,82 м. Отметим сразу же, что большинство предметов на селище у д. Дворецкая Слобода найдены в закрытых комплексах (материковых ямах), либо в непосредственной близости от них, т. е. в пределах площади построек, связанных с данными ямами. Значительная часть предметов из культурного слоя селища не являются датирующими (кремни для высекания огня, точильные камни, куски проволоки медной или бронзовой) или имеют весьма широкую датировку (железные ножи, шилья, фрагмент серпа, игла от фибулы, либо пряжки, пряжка с прямоугольной рамкой, ключ от деревянного запорного устройства). Отметим, что все найденные многофункциональные ножи принадлежали (независимо от их размеров и степени сохранности к одному типу, распространенному в X – первой половине XII в., но наиболее характерных именно для X–XI вв. Ключи коленчатые от деревянного запорного устройства, судя по новгородской хронологии, бытовали до середины XII в. [6], но наиболее распространены были именно в X–XI вв.

Из узко датированных предметов, найденных вне комплексов, в слое отметим корпус цилиндрического замка типа Б, глазчатую бусину черного глухого стекла с многоцветной инкрустацией и звено фигурных двусоставных удил. Замки этого типа имеют широкую датировку, но для нас важно то, что распространение они получили только со второй половины XI в. и, судя по данным Минска, время наибольшего их распространения приходится на XII в. [7], хотя в Новгороде они бытовали и в последующее столетие. Найденная на материке глазчатая черная бусина принадлежит к типу, бытовавшему в X – начале XI в. Заметим, что все индивидуальные находки из культурного слоя поселения если и не полностью, то своими нижними датами вписываются в XI в., а некоторые и в X в.

Почти на всей изученной территории селища количественно доминирует керамика второй половины X – первой половины XI в., составляя на раз-

ных участках этой территории от 77,64% до 90,00%, а местами и до 100% всего керамического материала. Фрагменты керамической посуды конца XI – середины XII в. и первой половины XIII в. не многочисленны и соответственно составляют 6,65 и 3,60% от общей массы, хотя на отдельных участках суммарная доля их в керамическом материале достигала 10,3% и даже 21,3%.

Наши наблюдения над распространением материала в культурном слое показывают, что большинство фрагментов керамической посуды XII – первой половины XIII в. концентрировались в средней части поселения, в местах, где были сосредоточены одновременные им постройки, и крайне немногочисленны или вовсе отсутствуют на окраинных участках поселения. Эти наши выводы подтверждаются и наблюдениями 1989 г. Г. В. Штыхова, проследившего на отрезке в 120 м стратиграфию строительной траншеи для подземных инженерных коммуникаций, проложенной вдоль левого берега пересохшего русла р. Лошицы. В прорезанном ею культурном слое и девяти материковых ямах доминировали исключительно материалы X – первой половины XI в. [8]. Хотя Г. В. Штыхов упоминает о нахождении в некоторых комплексах (материковых ямах) значительного количества керамики XII в., но на рисунках, к которым он отсылает, изображены главным образом фрагменты горшков, бытовавших в XI в., быть может, во второй его половине.

Застройка селища у д. Слобода Дворецкая, как и прочих одновременных ему селищ, была исключительно деревянной. Поскольку культурный слой памятника не сохраняет органических веществ, в том числе и дерева, судить о застройке поселения мы можем только по сохранившимся остаткам ее элементов, которые заглублялись в землю и сохранились в виде материковых ям различных размеров, формы и назначения. Однако для раскрытия вопросов о динамике жизни на поселении, его характере и занятии обитателей наибольший интерес для нас имеют остатки жилищ.

Жилые постройки. Судя по незначительному количеству на памятнике столбовых ям, расположение которых не образует характерных для столбовых построек конфигураций, жилища на поселении были если и не исключительно, то преимущественно срубные. Хотя от всех жилых построек сохранились материковые ямы, размеры – и формы последних не дают основания предполагать, что сами жилища заглублялись в землю.

Среди массы материковых ям те, что остались от жилых построек, определяются прежде всего по остаткам печей либо следам их функционирования, в виде скоплений камней, имеющих следы воздействия огня, кусков обожженной глины, прослоек золы и вкраплений углей. Замечено, что именно возле таких ям в культурном слое концентрируются различные синхронные им предметы, а также основная масса фрагментов керамики, содержащихся в культурном слое. Эти наблюдения были сделаны нами при изучении селища X–XIII вв. у д. Дружба (Рыловщина), которое также размещалось на берегу р. Лошица [9, с. 132]. Но если следы отопительных сооружений позволяют интерпретировать содержащие их ямы как подпольные и припечные ямы жилищ, то, исходя из их параметров и расположения относительно соседних ям, возможно определить приблизительные размеры – построек [9, с. 132–133]. Дополнительными данными для таких определений служат сведения о размерах срубов этого же периода рядовой деревянной застройки городов Менска и Берестья [10, с. 168–188; 11, с. 173–194], поскольку в те времена размеры – сельских жилищ не отличались существенно от рядовой застройки городов.

Из 289 материковых ям, обнаруженных на исследованной археологами территории, в 109 были выявлены остатки отопительных сооружений, но только 106 из них могут быть определены как остатки жилых построек, остальные три по составу находок связываются с производственными помещениями.

По своему назначению все эти ямы являются подпольными или припечными ямами наземных жилищ. Подобные ямы размещались ниже уровня настила пола и служили для хранения небольших запасов продуктов, имущества или для выгребания золы и углей из остывшей печи. Соединялись такие ямы с помещением при помощи люка с деревянной крышкой, а при значительной глубине подпольной ямы спуститься в нее можно было по небольшой деревянной лестничке со ступеньками. Несмотря на небольшую заглубленность большинства ям в материк (от 0,12 до 0,50 м, но некоторые уходили в материк на 0,80 и даже 1,28 м), фактическая глубина их была большей: ведь пол в домах устраивался на уровне между вторым и третьим или же между третьим и четвертым венцами сруба (считая снизу) [12, с. 176], а постройки, возведенные позднее середины X в., возвышались над материком на толщину гумусного и накопившегося к моменту их строительства культурного слоя. Но даже когда дома возводились на дневной поверхности над культурным слоем, их подпольные и припечные ямы по каким-то соображениям заглублялись дном в материк. Многолетнее, точнее, многовековое распахивание территории памятника не дает возможности фиксировать верхние части связанных с жилищами ям, которые приходятся на уровень культурного слоя. Жилища, располагавшиеся на одном и том же месте на протяжении длительного времени, вполне вероятно, перестра-

ивались, при этом переделке подвергались и ямы. Поэтому наилучшее представление о них мы можем получить, анализируя остатки построек, возникших в то время, когда материк от дневной поверхности, служившей строительной площадкой, отделялся лишь тонким слоем гумусной почвы, при условии, что сами эти жилища существовали не более нескольких десятилетий. Таким образом, речь идет о ямах жилищ второй половины X в. либо второй половины X – первой половины XI в.

Литература

1. Дворыцкая Слабада // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 214.
2. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 75–80; мал. 55.
3. Заяц, Ю. А. Отчет о полевых исследованиях отряда «Малиновка» в 1989 г. / Ю. А. Заяц // Архив ИИ НАН Беларуси. – Д. 1159. – Л. 21–27.
4. Заяц, Ю. А. Отчет об охранных археологических раскопках на селище у д. Слобода Дворецкая в 1990 г. / Ю. А. Заяц // Архив ИИ НАН Беларуси. – Д. 1215а.
5. Заяц, Ю. А. Отчет о раскопках селища у д. Слобода Дворецкая (в зоне строительства микрорайона Малиновка-4) весной-летом 1991 г. / Ю. А. Заяц // Архив ИИ НАН Беларуси.
6. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин. – С. 163.
7. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – С. 244–245.
8. Заяц, Ю. А. Отчет о полевых исследованиях отряда «Малиновка» в 1989 г. / Ю. А. Заяц // Архив ИИ НАН Беларуси. – Д. 1158. – Л. 28.
9. Заяц, Ю. А. Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 132–147.
10. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982.
11. Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1985.
12. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – С. 176.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Эталоннае паселішча X–XIII стст. – селішча каля в. Дворацкая Слабада

Апублікаваны вынікі археалагічных раскопак селішча каля в. Дворацкая Слабада. Таўшчыня культурнага пласта складае 0,2–1,2 м, знойдзеныя ў пласце матэрыялы датуюцца X–XIII стст. Налічваецца вялікая колькасць ям ад гаспадарчых пабудоў. Падчас раскопак знойдзены шэраг прадметаў: красала, тачыла, нажы, шылы, сярпы, спражка, ключ і чорная вочкавая пацерка. Кераміка, знойдзеная на гарадзішчы датуецца другой паловай X – першай паловай XI ст. Фрагменты керамікі XII і XIII стст. нешматлікія. Жытлы ў асноўным зрубныя і датаваны X – першай паловай XI ст.

Summary

Y. Zayatc

Etalon settlement 10th–13th centuries – the settlement at the hamlet Dvoreckaya Sloboda

The subject of this article is result of the archeological excavations of the settlement at the hamlet Dvoreckaya Sloboda. Thickness of the culture layer is 0.2–1.2 m. Artifacts from excavation are dated 10th–13th centuries. A lot of pits remained from household constructions, flints, whetstones, knives, awls, scythes, clasp, key and black eyed bead were found. Pottery is dated second half 10th – beginning 11th century; debris of pottery of 12th–13th centuries is rare. Building up of this settlement is dated 10th – first half of 11th century.

Поступила 05.02.2012

УДК 903.53(476.1)

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Раскопки большой курганной группы могильника у д. Новосады в верховьях р. Уса

Близ д. Новосады Дзержинского района Минской области имеется интересный археологический комплекс, состоящий из мысового городища с материалами раннего железного века и средневековья, средневекового селища площадью около 4,5 га, разделенного на две части ручьем, и двух групп курганного могильника. Расположены эти памятники по берегам р. Славка и впадающего в нее безымянного ручья – притоков р. Уса, которая после слияния с р. Неманец дает начало р. Неман.

Все новосадские археологические памятники неоднократно были объектами внимания разных исследователей, но сведения об этих раскопках публиковались весьма скупо. Задача данной публикации ввести в научный оборот материалы наших исследований 1987 г. проводившихся в самом большой группе курганного могильника у д. Новосады при содействии Дзержинского районного музея и при участии группы учащихся Дзержинского СПТУ–212.

Из двух курганных могильников первый (могильник-1) именуется большим как по занимаемой им территории, так и по числу насыпей. Он располагается к востоку от городища, у дороги между деревнями Юцки и Новосады. В различных публикациях даются сведения о наличии здесь 70 или 100 насыпей. На деле курганы этого могильника образуют две группы – большую из 142 и малую из 16 насыпей, всего 158 курганов. Обе группы удалены одна от другой на 20–25 м. Лишь несколько курганов имеют удлиненно-овальную форму, остальные в плане круглые диаметром в 4–8 м и высотой от 0,5 до 1,5 м. Но отдельные насыпи имеют в диаметре 15–19 м, при высоте 2,0–2,5 м. В большой группе 8 насыпей кем-то были раскопаны «на снос». При этом у трех из них заметны остатки крестообразных бровок, оставляемых при раскопках курганов по четвертям – методике раскопок, применявшейся преимущественно с 1920-х годов. Похоже, что именно здесь проводил раскопки новосадских курганов в 1928 г. А. Н. Лявданский.

Об этих раскопках имеется довольно-таки туманная информация в публикации С. А. Дубинского [1, с. 281], сообщающего, что А. Н. Лявданский помимо раскопок городищ возле деревень Новосады и Каменка изучил 8 курганов. Эту цифру ряд исследователей соотносят именно с курганами возле д. Новосады [4], хотя далее в публикации С. А. Дубинского говорится, что из этих 8 курганов 4 были изучены у д. Точилище Смолевичского района, а 4 – возле деревень Новосады и Каменка, причем сколько насыпей было раскопано конкретно у каждой деревни, не сказано. Вероятно, в том году А. Н. Лявданский раскопал возле д. Новосады не более трех курганов. Но при обследовании и съемки плана большого могильника нами в 1987 г. были зафиксированы остатки 8 раскопанных насыпей, как уже говорилось выше. Кто именно и когда проводил здесь раскопки курганов, неизвестно, тем не менее нумерацию изученных нами курганов мы начали с порядкового номера 9. В 1987 г. нами в большом могильнике было раскопано 4 кургана (№ 9–12): три в большой группе и один в малой. Принимая во внимание ограниченные возможности для проведения полевых исследований в сезон 1987 г., мы стремились вести их не только в разных частях большого могильника, но и получить при этом представление о насыпях разных размеров.

Курган № 9 по размерам был одним из небольших в могильнике: диаметр его незначительно превышает 4 м, а высота песчаной насыпи составляет всего 0,7 м. Под ней на уровне древней поверхности прослежено овальной формы (2,40 × 2,04 м) пятно из мелких угольков мощностью 0,03–0,10 м, среди которых в нескольких местах небольшие скопления кальцинированных костей, наиболее крупное из которых помещалась в восточной части пятна, на небольшом удалении (0,25–0,40 м) от центра. В западной части кострища, ближе к краю, отдельно от пережженных костей найден побывавший в огне железный нож с толстым обушком, характерный для древностей IX – первой половины XII в. В северо-восточной четверти кострища найдены фрагменты изготовленного на гончарном круге горшка: части венчика, стенки, днище. Небольшие фрагменты стенок кругового горшка с линейным орнаментом были найдены в других частях кострища, а также несколько выше его (на 3–5 см), в насыпи кургана. Судя по отличиям между фрагментами венчиков, в кургане найдены остатки двух разных, хотя и относящихся к одному типу и его варианту, горшков.

Отсутствие прокаленного материка под пятном от кострища в основании кургана позволяет предполагать, что кремацию покойника производили за его пределами (на стороне). После чего на зольном пятне от ритуального костра на месте сооружения насыпи были перенесены остатки кремации – каль-

цинированные кости и вещи, бывшие при покойнике во время сожжения. Они были размещены на кострище без всякой системы, хотя основную массу остатков кремации постарались поместить более-менее компактно близ центра кострища. По находкам – ножу и фрагментам гончарных горшков типов 2-IБ (по заславской классификации [2; 3, с. 76, рис. 55], которая, как выяснилось, действительна для всей центральной Минщины), бытовавшим до середины XI в., – погребение в кургане № 9 датируется X – первой половиной (возможно, началом) XI в.

Курган № 10 входит в число больших насыпей данного могильника (его диаметр – 12,00 м, а высота – 2,05 м). Под насыпью из суглинка на древней дневной поверхности прослежено зольное пятно от ритуального костра, овальное по форме, размерами 10,4 × 8,0 м и мощностью 0,05–0,15 м, бледно-серой окраски, слабо насыщенное вкраплениями угольков, что свидетельствует, как и отсутствие прокаленной почвы под ним, о небольшой мощности костра. Выше, в насыпи, отделяясь от нижнего пятна подсыпкою высотой в 0,4 м (в которой присутствуют квраплениия мелких углей), проходит еще однозольное пятно, включающее значительные примеси угля и суглинка. Его мощность составляет 0,12 м, а в северной и западной частях – местами до 0,3–0,4 м. Своими концами это пятно почти повсеместно (за исключением восточной своей части) соединяется с нижним пятном от кострища.

В западной половине насыпи, ближе к ее центру, отделяясь от верхнего зольного пятна тонким (1,0–1,5 см) слоем прокаленного суглинка, приобретшего при этом розовый цвет, прослежено пятно углей мощностью 0,03 м, имевшее форму четырехугольника с округленными концами размерами 2,6 × 2,4 м. В пределах этого пятна располагалось погребение – слой пережженных костей мощностью до 1 см, занимавший участок прямоугольной формы размерами 1,68 × 1,35 см. Наличие прокаленного суглинка и расположение пережженных костей дают основание считать, что кремация проводилась на месте погребения, а значительная ширина площадки с остатками кремации наводит на мысль, что здесь сожгли, по меньшей мере, двух покойников. Никаких вещей среди остатков кремации не было. Однако за пределами погребения в насыпи и на материковом зольном пятне найдены фрагменты коррозированного железного изделия, скорее всего, дужки от деревянного ведра, фрагмент ножа с толстым обушком и несколько фрагментов изготовленного на гончарном круге горшка – стенки с частым линейным орнаментом. По комплексу находок погребение может быть датировано X – первой половиной XII в.

Курган № 11 был раскопан в малой группе большого могильника. Это овальная в плане небольшая (5,6 × 4,8 м) насыпь высотой 0,9 м. Под песком, из которого она сооружена, прослежены остатки древней погребенной почвы, пятна от ритуального костра на ней не обнаружено. Однако местами в насыпи прослеживались вкрапление углей, чаще мелких, но иногда и довольно крупных. В северо-западной четверти кургана, на удалении в 1,4 м от центра, скопление угольков образовывало пятно круглой формы диаметром 0,3 м и мощностью 0,25 м. Залегало оно в нижней части насыпи в 0,1 м над уровнем материка. В ряде мест в насыпи отмечено наличие камней небольших и средних по размерам, в расположении которых не прослеживается какого-либо порядка. Никаких следов погребения в данном кургане нет. Рядом с упомянутым выше небольшим пятном углей и в других местах насыпи найдены фрагменты (стенки) изготовленного на гончарном круге горшка, в том числе и фрагмент венчика типа 1-IВ, что позволяет отнести сооружение этой насыпи к XI–XIII в.

Курган № 12 раскопан в большой группе могильника. Это небольшая округлая (диаметром около 5,1 м) песчаная насыпь высотой 0,8 м. В насыпи на уровне в 0,1–0,2 м от материка прослежено зольное пятно от костра мощностью 0,04–0,06 м в плане близкое к кругу (1,98 × 1,72 м). Вне его пределов на высоте от 0,10 до 0,25 м от материка в насыпе найдены фрагменты изготовленного на гончарном круге сосуда (стенки с линейным орнаментом и гладкие, а также придонная часть), а также расколотый на две части кремень с забоинами на ударной части, служивший, вероятно, для высекания огня. Следов погребения в кургане не обнаружено. По фрагментам изготовленного на круге керамического сосуда время сооружения данного кургана – не ранее второй половины X в.

Во всех раскопанных нами курганах этого могильника, имевших погребения, последние были совершены по обряду кремации; кремированные погребения были обнаружены здесь и в курганах, раскопанных А. Н. Лявданским [1, с. 281]. В раскопанных в 1928 г. курганах все погребения были кремированы вне насыпи [1, с. 181] так же, как и в исследованных нами курганах, за исключением кургана № 10, в котором кремация произведена на месте погребения.

К сожалению, в публикации С. А. Дубинского, сообщающей о раскопках новосадских курганов А. Н. Лявданским, ничего не говорится о том, были в тех погребениях вещи и если да, то какие именно. Из четырех раскопанных нами курганов лишь три имеют относительно точную, хотя и весьма широкую датировку: курган № 9 (X – первая половина либо начало XI в.), курган № 10 (X – первая половина XII в.) и курган № 11 (XI–XIII вв.).

Литература

1. Дубінскі, С. А. Досьледы культур жалезнага перыяду на Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне / С. А. Дубінскі // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Менск, 1928. – Кн. 5 : Працы катэдры археолёгіі. Т. I. – С. 275–284.

2. Заяц, Ю. А. Отчет об обследовании и раскопках поселений и могильников сельской округи Минска X–XIII вв. в 1987 г. / Ю. А. Заяц // Архив Института истории НАН Беларуси. – Д. 1031.

3. Заяц, Ю. А. Заславь в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995.

4. Штыхаў, Г. В. Крывічы : па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Раскопкі вялікай курганнай групы могільніка каля в. Навасады ў вярхоўях р. Уса

Паведамляецца аб археалагічным даследаванні групы курганоў каля в. Навасады ў 1987 г. Таксама дадзена характарыстыка раскапаных курганоў. У шэрагу з іх выяўлены рэшткі рытуальных вогнішчаў. Усе раскапаныя пахаванні з'яўляюцца крэмацыямі.

Summary

Y. Zayatc

Excavations of a big group of barrows at the village Novosady at the headstream of river Usa

The article relates to archaeological investigation of a group of barrows at the village Novosady in 1987. Description of excavated barrows is given. In some of those burial mounds remnants of ritual fires were found. In all excavated barrows vestiges of cremation were discovered.

Поступила 05.02.2012

УДК 902/904(476-25)

Ю. А. Заяц, *Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Работы на реставрируемых и реконструируемых объектах Минска (Лошицкий парк, Лошицкий усадебный дом, Замчище)

В связи с осуществлением программы развития туризма в Республике Беларусь, в том числе и в ее столице г. Минске ведутся реставрационные работы на различных памятниках истории и культуры. В ряде случаев они требуют присутствия на объектах археологов, участие которых проявляется как в проведении на требуемых участках полноценных раскопок, так и в наблюдении за земляными строительными работами. Последние предполагают сбор артефактов, наблюдения за культурными отложениями с графической и фотографической фиксацией и последующим составлением научного отчета.

В 2009 г. нами велись работы на трех реставрируемых и реконструируемых объектах г. Минска: в Лошицком парке, господском доме Лошицкой усадьбы и на Замчище.

Наблюдения за земляными работами в Лошицком парке были обусловлены сооружением на его территории двух помещений хозяйственно-бытового и инженерного назначения, а также прохождением через историческую зону нескольких траншей. Основная их часть проходит через территорию садового хозяйства, заложенного в первой половине XX в., причем трассы этих траншей находятся вне зоны расположенных на территории сада средневековых селищ. Общая протяженность частей траншей, прошедших через историческую зону усадебного парка, 572 м при ширине от 0,4 до 2,0 м. Как и следовало ожидать, учитывая, что территория господской части усадьбы содержалась в порядке, культурный слой почти повсеместно отсутствовал и под довольно мощным дерновым слоем сразу же открывался материк. Небольшие участки переотложенного культурного слоя серого цвета с материалами XVI–XIX вв. выявлены лишь вблизи фундаментов господского дома и связаны с нивелировочными работами по расширению или выравниванию верхней площадки занимаемого им возвышенного участка. Подобные работы предшествовали как строительству, так и перестройкам дома, а также, вероятно, были связаны с благоустройством прилегающей непосредственно к нему территории. На остальных участках траншей в гумусном слое и материке выявлены отдельные предметы периода позднего средневековья и Нового времени: фрагменты керамической и стеклянной посуды, деталь стального затвора магазинной винтовки или карабина (вероятно, системы Маузера, образца 1898). Следует отметить находку в траншее, проложенной вблизи домика привратника (садовника), фрагментированной чайной чашки рижской мануфактуры М. С. (или М. О.) Кузнецова.

Наблюдения и исследования в господском доме Лошицкой усадьбы велись как в самом доме (подвальные и цокольные помещения, под снятыми настилами полов), так и на прилегающей непосредственно к нему территории, по которой проходили участки подземных инженерных коммуникаций и сооружались временные подсобные помещения строителей. Исследования показали, что, вопреки мнению некоторых архитекторов, не каменная часть здания была пристроена к деревянному дому, а наоборот. Под полом и каменными фундаментами деревянной части здания обнаружены участки переотложенного культурного слоя с материалами XV–XVIII вв. и даже XIX в. Последний этап перестройки господского дома датируется находкой среди камней фундамента корешка бумажного билета с датой «март 1904 г.» и фрагмента крышки спичечного коробка спичечной фабрики «Виктория» (г. Борисов, владельцы Соломонов и Гиршман). Если принять данные артефакты как указания на время последней перестройки, то они вполне соотносятся с архитектурным стилем дома – сочетание эклектики и модерна. Все найденные при наблюдениях за земляными работами предметы относятся преимущественно к более ранним этапам существования здания, ведь Лошицкая усадьба известна по письменным источникам с середины XVI в. и в истории ее господского дома по археологическим, письменным и иконографическим данным выделяется не менее пяти строительных этапов.

Большинство артефактов средневекового периода по назначению подразделяются на две группы. В первую входят бытовые вещи, фрагменты бытовой и архитектурно-декоративной керамики (печных изразцов), стеклянной посуды, которые могли иметь отношение как к господскому дому, так и к иным постройкам усадьбы Лошица (исключение, пожалуй, составляют изразцы, прежде всего с полихромным покрытием и геральдическим орнаментом). Случайными по отношения к господскому дому в коллекции выглядят керамическое грузило цилиндрической формы для рыболовной сети и железная асимметричная четырехзубая острога.

Непосредственно к строительной истории господского дома и его материальной культуре, характеризующей быт и занятия обитателей, относятся

помимо уже упомянутых изразцов (геральдических, полихромных и пр.) фрагмент деревянного навершия (возможно, от перил лестницы, крыльца или открытой террасы), железное арочное стремя, фрагмент железной фигурной оковки или решетки, орнаментированные бронзовые ручки от сундука, двери или окна, металлические ложки, пуговица, наперсток, деталь керосиновой лампы, фрагменты стеклянной посуды (бутылок, штофов и т. д.). В относящейся к позднесредневековому периоду нумизматической коллекции медные монеты Российской империи, чеканенные в период от Анны Иоанновны до Александра I (с 1730 по 1813 г.), и 1/6 талера Фридриха-Августа I (Герцогство Варшавское).

Дополнительный материал по строительной истории господского дома Лошицкой усадьбы дали открытый с южной стороны каменной части дома арочный проем входа в подвальное помещение и фрагмент, вернее, блок кирпичной кладки с дугообразными выемками-углублениями, которые могли служить опорами для деревянных колон здания, предшествовавшего существующему и ныне реставрируемому.

К периоду функционирования господского дома, перестроенного в начале XX в., относятся находки мужских запонок, женских украшений из цветных металлов, фаянсовой посуды рижского завода Кузнецова. К советскому периоду принадлежат различные предметы, относящиеся к деятельности существовавшей здесь в 1920–30-е годы опытной растениеводческой станции, медные монеты достоинством от 1 до 5 копеек, чеканенные в 1930-е и 1950-е годы, осколки стеклянной посуды, металлические пробки от бутылок.

Полученные при исследованиях господского дома Лошицкой усадьбы новые материалы – весьма важные свидетельства его строительной истории, которые будут способствовать успешному проведению реставрационных работ такого важного архитектурного и исторического объекта, каковым является усадебный дом в Лошице.

Исследования на минском Замчище проводили в связи с планируемыми работами по его частичной реконструкции и музеефикации. Целью работ 2009 г. было изучение территории, прилегающей к фундаментам каменного храма в северо-западной части Замчища (участок 1, раскопки А. Ф. Медведева), и повторное раскрытие фортификационных объектов, выявленных в 1984–1985 гг. (участок 2, разрабатывавшийся под нашим научным руководством). К сожалению, из-за насыщенности участка над остатками брамы и внутривальных конструкций, исследовавшихся 25 лет тому назад, подземными коммуникациями, обслуживающими станцию метро «Немига», отведенный для раскопок участок 2 оказался значительно смещен в сторону от планируемого первоначально. К тому же лишь на четвертой части, отведенной для исследования территории, имелся культурный слой, изученный нашим раскопом II. Культурный слой был перекрыт поздним балластом мощностью в 1,8–2,4 м, но тем не менее в ряде мест поврежден или разрушен позднейшими перекопами. Местами серого, местами черного цвета, он содержал примеси навоза древесной щепы и тлена и был разработан до глубины 3,6–4,4 м от уровня современной дневной поверхности. После этого по независящим от нас субъективным причинам раскопки были остановлены, а участок 2 засыпан с восстановлением на его поверхности зеленого газона.

В изученном культурном слое раскопа II открыты остатки строений и иных конструкций, относящихся к семи строительным горизонтам. Нижний седьмой строительный горизонт представлен бревном и несколькими вертикально вкопанными столбами, назначение которых неясно. Можно только предполагать, что они могли служить для ограждения дорожки или тропы, проходившей вдоль внутреннего склона вала. Как показали наблюдения по результатам многолетних исследований, уровень первоначальной поверхности Замчища понижался в северо-восточном направлении, поэтому до нивелировочных земляных работ прилегающая к нему территория полосой не менее чем в 4–5 м была малопригодна либо вовсе непригодна для заселения. Лишь после относительного выравнивания площадки в результате постепенного «наложения» культурного слоя на внутренний склон вала детинца в конце XII в. либо самом начале XIII в. здесь была поставлена срубная двухкамерная постройка (жилой дом с тамбуром), условно обозначенная как постройка В, или П-В. Во второй половине XIII в. она была уничтожена (разрушена). К северо-востоку от нее во второй половине – конце XII в. возведен еще один срубный дом – П-Г (постройка Г), длина стены которого достигала 3,25 м. П-Г имела наилучшую сохранность из всех деревянных построек раскопа – до 5–6 венцов. Вместе с П-В она образовывала шестой строительный горизонт, но, просуществовав длительное время (до XV в.), сосуществовала также с сооружениями пятого строительного горизонта – П-А и П-Б.

Постройка А, срубленная из более тонких (диаметром 11–12 см) бревен, интерпретируется как производственное или хозяйственное помещение. Сооруженная во второй половине либо конце XIII в., она просуществовала почти до конца XV в.

Сруб постройки Б, возведенный, как на фундаменте, на нижних, уцелевших венцах П-В во второй половине или конце XIII в., имел, по крайней мере вдоль северо-восточной стены, закрытую галерею. Разрушена П-Б была в XV в., скорее всего, в его на-

чале. В пятом строительном горизонте постройки А, В и Г сочетались с вымостками или настилами дворов, выполненных из колотых плах, которые у П-В уложены на бревенчатые лаги. Не исключено, что настил рядом с П-В мог быть деревянным мощением не двора, а переулка.

Второй, третий и четвертый строительные горизонты представлены исключительно деревянными настилами уличных мостовых. Второй и третий строительные горизонты датируются первой половиной XVI в., а четвертый – концом XV в.

К первому строительному горизонту отнесен фрагмент фундамента стены либо контрфорса каменной постройки, которая нижней частью прорезала верхние пласты культурного слоя и повредила верхние венцы постройки В. Время возведения каменной постройки определяется второй половиной или концом XVI – началом XVII в., а время ее разрушения – второй половиной XVII в. или, что более вероятно, даже XVIII в.

Анализ артефактов, найденных в постройках различных горизонтов и в непосредственной близости от них, в сочетании со строительными особенностями позволяет установить назначение этих строений. Выше уже говорилось, что постройка А пятого горизонта, скорее всего, была по своему назначению производственной. С этим согласуется находка в ней резной ложки с орнаментированным черенком, а рядом – ножа для резьбы по дереву. Постройка Г (пятый и шестой строительные горизонты) была жильем человека, связанного с военным делом. Может быть, младшего княжьего дружинника или зажиточного горожанина, входившего в состав городового ополчения. Причем этот статус, судя по хронологии найденных в П-6 вещей, передавался по наследству. В постройке обнаружены стержневой ключ от комбинированного замка (конец XI – середина XIV в.), черенковый шиловидный без упора наконечник стрелы, звездочка («репейка») от шпоры (не ранее второй половины XIII в.), литой крестик-тельник, привеска, орнаментированная с одной стороны изображением «процветшего креста», медная шаровидная «шумящая» бусина, орнаментированная напаянными медными колечками, мелкая зонная стеклянная бусина и несколько фрагментов разных по типам и цвету стеклянных браслетов. В прочих деревянных постройках также найдены втульчатый шиловидный наконечник стрелы (П-Б) и фрагмент грызла кольчатых двузвенных удил (П-А). Характеризуя социальную принадлежность владельцев выявленных в раскопе II жилых построек, отметим еще одну особенность – почти полное отсутствие в раскопе шиферных пряслиц, употреблявшихся для прядения нити (занятие женщин почти всех социальных слоев). Вместе с тем в постройках и рядом с ними найдено 5 железных игл, которые могли использовать как для шитья, так и для вышивания, почитавшихся более изысканным занятием для женщин, нежели прядение.

Коллекция артефактов из раскопа II помимо массового материала (изделия из глины и кожи, остатки животных) насчитывает 76 единиц, среди которых преобладают предметы, изготовленные из черных металлов (42 экземпляра): скобяные изделия (гвозди, скобы и т. д.), ножи (среди которых большинство принадлежат к универсальным, единичными являются боевой нож и рабочий нож древореза), швейные иглы, фрагмент ударной части топора (рабочего), шпоры, удила, наконечники стрел, ключи, части обручей для деревянных ведер. Предметы из цветных металлов (13 единиц) представлены украшениями и их фрагментами, застежками одежды, поясов, сумок, культовыми предметами (крестик-тельник). Единичны предметы из кости, рога (2) и дерева (3). Найдено 8 фрагментов стеклянных браслетов разных типов и цвета и 1 бусина. Кожаные артефакты представлены ножнами, фрагментами поясов, обуви, но в основном обрезками – отходами производства. Изделия из глины представлены фрагментами керамической посуды (преимущественно разнотипных горшков) и изразцов коробчатых, найденных в верхних пластах культурного слоя и в балласте. Многие находки с Замчища 2009 г. найдут достойное место в экспозиции музея истории Минска.

В северо-восточной части раскопа II на глубине от 1,8 до 3,2 м от современной поверхности открылся слой, условно названный «полосато-пестрый», который состоял из чередующихся полос темно-серого и буро-коричневого цвета. Зафиксированные в раскопе параметры этого слоя: 1,0–1,8 м (ширина), не менее 1,52 м (высота по вертикали). Подобные слои были ранее прослежены на склонах первоначального вала и, на наш взгляд, правильно интерпретированы как дерновая обкладка, укрепляющая склон песчаной насыпи. Под этим слоем в некоторых квадратах раскопа открылся песок насыпи вала, как мы полагаем, относящейся ко второму этапу его строительства. В нижней части слоя дерновой обкладки выявлены и частично расчищены накаты и лаги так называемой рустовой (решетчатой) конструкции, аналогичной той, что была в основании первоначального вала детинца. Таким образом, в раскопе II участка 2 был выявлен и частично исследован доселе не известный в детинце Минска прием укрепления внутреннего склона песчаного вала, при котором в основе дерновой обкладки склона была рустовая деревянная конструкция, аналогичная имевшейся в основе первоначального вала.

В раскопе I, разработанном в пределах участка 2, обнаружены остатки бревен XI и XVIII в. Степень их сохранности дает основание предполагать, что та-

кую же сохранность имеют и находящиеся в аналогичных условиях (состав и влажность грунта, вибрация, глубина залегания) деревянные элементы оборонительных сооружений детинца, выявленные и исследованные раскопками 1984–1985 гг., а затем засыпанные при рекультивации участка сооружения станции «Немига» второй линии метрополитена.

Изучение минских селищ Козырево, Лошица-1, Лошица-2 велось в форме спасательных работ в связи с проведением на их территории земляных строительных и озеленительных работ.

На селище Козырево в связи с хозяйственными работами и повторной нивелировкой дневной поверхности (по сути материка) техникой были выявлены три материковые ямы. Все они располагались в самой широкой части поселения во втором и третьем ряду застройки, считая от берега Свислочи. Все эти ямы по наличию в их заполнении камней со следами пребывания в огне, углей и линз золы можно интерпретировать как подпольно-припечные ямы наземных жилищ. Жилища, связанные с данными ямами, судя по размерам последних, относились к разряду скорее крупных, чем средних, имея в плане площадь от 28 до 32–36 м^2. Все жилища были срубными и функционировали со второй половины X в. до конца XI или начала XII в. Помимо исследования ям на территории козыревского селища велись поверхностные сборы, также давшие хорошие результаты. Впервые здесь были найдены фрагменты лепной керамической посуды (придонная часть горшка, по консультации А. М. Медведева и А. В. Ильютик, – культура штрихованной керамики, ориентировочно, начало нашей эры), куски овручского сланца (шифера) и шиферные пряслица, отсутствие которых среди артефактов, добытых при работах 2008 г., вызывало недоумение. Впрочем, последних мало, чем объясняется находка пряслица, выточенного из стенки сосуда, и заготовка еще для одного такого же. Среди находок бронзовый браслет со звероголовым окончанием, мелкая зонная стеклянная бусина.

Селище-1, -2 в Лошицком саду выявлены нами в 1992 г. и по материалам поверхностных сборов и шурфовки датированы XVI–XIX вв. В связи с работами по реконструкции в Лошицком имении «красной мельницы» и прокладкой к ней трассы для автотранспорта, а также сооружения спортивного объекта в восточной и северо-восточной оконечности второй надпойменной террасы под частично срезанным позднесредневековым слоем мощностью 0,40–0,55 м открылись напластования эпохи Киевской Руси, являющиеся на этой части террасы продолжением селища-1, датированного второй половиной X – XII в. На этой свободной от поздних наслоений части селища был проведен поиск и сбор подъемного материала, исследована одна обнажившаяся на материке яма и разработан шурф площадью в 36 м^2, в котором исследована материковая яма (подпольно-припечная) от наземного срубного жилища. Первая из исследованных ям, вероятно, была связана с мастерской по обработке железа (кузницей ?). Помимо нескольких фрагментов керамической посуды XI в. в ней найдены мощная прослойка углей, шлаки, точильный камень, камни от развала печи (горна ?), несколько железных изделий, фрагменты тигля. Находки с селища представлены 13 железными целыми и фрагментированными ножами, шилом, малым рыболовным крючком, кольцом от удил, фрагментом кольца от кольчуги, точильным камнем, тремя железными подковообразными фибулами со спиралевидными концами, бронзовой подковообразной фибулой с утолщенными концами овального сечения, двумя лировидными пряжками, небольшим перстнеобразным височным кольцом, крестиком-тельником, тремя ременными накладками и наконечником от боевого пояса дружинника, скобкой для пояса, гирькой-разновесом (?), двумя железными наконечниками стрел, фрагментами керамических горшков. Несколько неожиданной явилась находка на селище стеклянного браслета гладкого синего цвета. Здесь же было найдено типичное радимичское семилучевое височное кольцо.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Працы на рэстаўрыраваных і рэканструяваных аб’ектах Мінска (Лошацкі парк, гасподскі дом Лошацкай сядзібы, Замчышча)

У шэрагу выпадкаў, падчас рэстаўрацыі некаторых помнікаў гісторыі і культуры, патрабуецца прысутнасць археолагаў для нагляду за землянымі працамі, збору артэфактаў, назірання за культурнымі адкладамі з графічнай і фотаграфічнай фіксацыяй і складання справаздачы.

Падчас назірання за працамі ў Лошыцкім парку былі знойдзены асобныя прадметы перыяду позняга сярэдневякоўя і новага часу. У гасподскім доме Лошыцкай сядзібы знойдзены матэрыялы XV–XVIII і XX ст. Праведзены даследаванні таксама на мінскім Замчышчы, дзе выяўлены сляды некалькіх пабудоў і разнастайны археалагічны матэрыял – пацеркі, скабяныя вырабы, нажы, прадметы з каляровых металаў, рэшткі керамікі. Селішча Козырава і селішчы-1, -2 у Лошацкім парку датаваны другой паловай X – XII ст.

Summary

Y. Zayatc

Works at objects restored and reconstructed in Minsk (Loshizky Park, Loshizky house, Minsk Zamchisze)

In some cases of building and earthwork archaeological surveying is needed. In such cases artifacts are collected and graphic and photographic fixations and reports are made. During surveying in Loshizky Park some artifacts of late-medieval and modern periods were found.

Such surveying took place at Minsk Zamchisze too. The remnants of buildings and a lot of archaeological material such as beads, ironmongery, items made of nonferrous metals and debris of pottery were found. The settlement Kozyrovo, settlement-1 and settlement-2 in Loshizky Park are dated second half 10th–12th century.

Поступила 05.02.2012

УДК 903.4(476-25)

***Ю. А. Заяц,** Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск)*

Отчет об археологических исследованиях участка-2 на территории Замчища в г. Минске летом 2009 г.

Введение. В 2009 г. после более чем двадцатилетнего перерыва были возобновлены археологические исследования исторического ядра современной столицы Республики Беларусь – Замчища Минска. Работы эти проводились в связи с предполагающимися или планируемыми властями города мероприятиями по частичной музеефикации Замчища.

Техническое задание. В 2009 г. перед археологами были поставлены следующие задачи:

1) открыть и надежно привязать к находящимся на современной дневной поверхности ориентирам остатки каменного храма, выявленного в 1949 г. В. Р. Тарасенко [1, с. 93], и установить, имеются ли между зданием Дома физкультуры ДСО «Трудовые резервы» и берегом Свислочи участки с сохранившейся средневековой деревянной застройкой;

2) уточнить местонахождение остатков деревянной брамы минского детинца, открытых раскопками 1984–1986 гг. и определить степень сохранности дерева брамы, а по возможности и субструкции вала.

Первая задача с составлением отдельного научного отчета решалась отрядом под руководством М. А. Медведева, который осуществлял общее руководство и координацию работ на Замчище в 2009 г. Работы по решению второй задачи велись отрядом под нашим руководством на основании Открытого листа по форме 4, за № 2009, выданного ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» на 2009 г. для исследования оборонительных сооружений минского Замчища в Минске.

Историческая справка. В начале археологического изучения Минского Замчища основными задачами, решаемыми археологами, были вопросы о соответствии конфигурации его укреплений тем, что показаны на планах города периода позднего средневековья и раннего Нового времени (рис. 1) и проблема количества въездов на территорию Замчища [1, с. 152–153].

Исследователям удалось установить, что изначально детинец имел лишь один въезд, который соответствовал разрыву вала в южной части линии укреплений [1, с. 153, рис. 75], показанному на поздних планах Минска (рис. 1, 2).

В процессе раскопок на Замчище в 1940–50-е годы археологи в нескольких местах выходили на участки вала (рис. 2, 3), но обычно вал при этом изучался на небольших его фрагментах, либо сквозными (пересекающими всю ширину вала) траншеями, которые по глубине либо не доходили до уровня материка (траншея № 1, 1945 г.), либо прорезала лишь

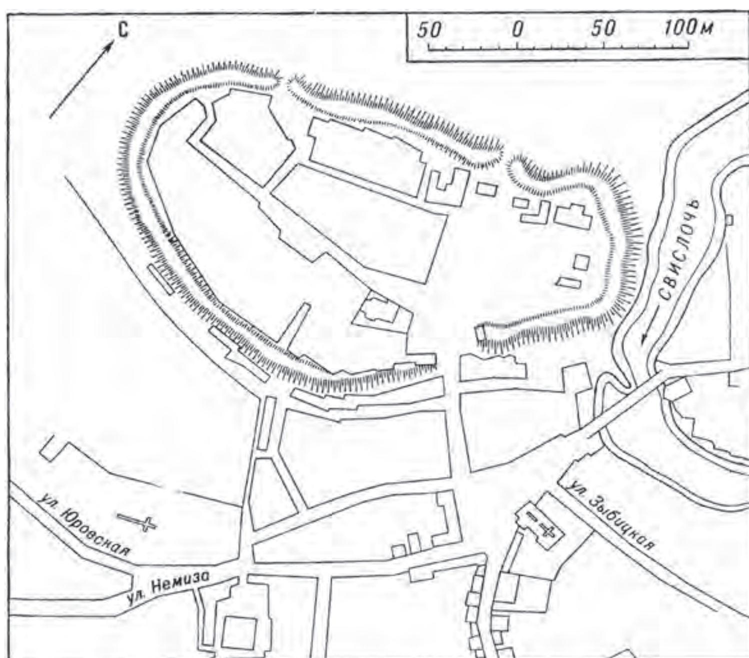


Рис. 1. Совмещение плана Минского замка XVIII в. с планом Минска середины XX в. с обозначением выходов вала и раскопов (по Э. М. Загорульскому)

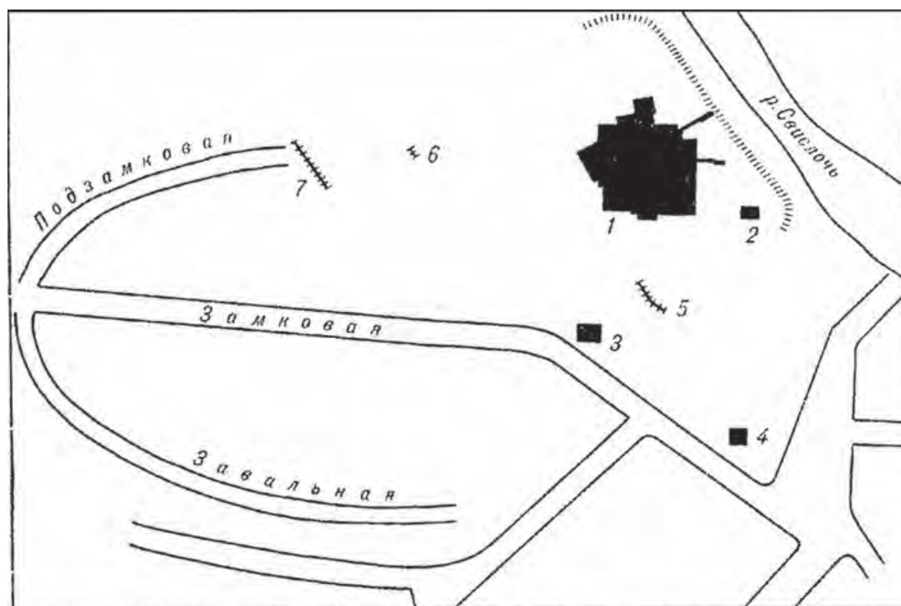


Рис. 2. Расположение участков археологических раскопов 1946–1961 гг. на Минском замчище

нижнюю часть вала там, где верхние напластования Замчища были уничтожены строительной техникой (1957 г.) [1, с. 153–155]. Попытка Э. М. Загорульского графически совместить эти разновременные и отстоящие друг от друга территориально стратиграфические разрезы в единое целое [1, с. 154, рис. 77] не представляется убедительной. Выявленная при этих работах деревянная субструкция вала в высоту не превышала 1 м [1, с. 156]. Тем не менее весьма ценным и интересным следует признать наблюдение Э. М. Загорульского о том, что детинец Минска (по Загорульскому, «минская крепость») «обнаруживает различия конструктивных решений в разных участках вала, что, видимо, нельзя считать случайным» [1, с. 156–157].

Ширина первоначального вала детинца Минска, определенная по материалам исследований В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульского, достигала 10 м, что позднее вызвало серьезные сомнения у Э. М. Загорульского [1, с. 157]. Более убедительны предположения этого автора о высоте вала Замчища в 8–11 м (последняя цифра соответствует высоте гребня вала над уровнем воды в Свислочи) [1, с. 158].

Определив почти точно место нахождений брамы детинца («крепостных ворот») [1, с. 164], Э. М. Загорульский тем не менее сделал основанное на небрежном анализе планов города ошибочное заключение о якобы имевшем место смещении основы-опоры ворот относительно продольной оси вала детинца, что породило ошибочную графическую, а затем и макетную реконструкцию этих «крепостных ворот» [1, с. 164, рис. 86, 87, 90]. Следует заметить, что исследователь Минска столкнулся с определенными сложностями, поскольку изучаемый им объект фортификации вскрывался раскопками поэтапно и в разные годы (причем иногда небольшими площадями (рис. 4, 5), раскрывающими только часть сооружения), что, естественно, препятствовало воссозданию целостной объективной картины изучаемого предмета [1, с. 166]. Заметим, что весьма сомнительным представляется нам метод реконструкции устройства ворот детинца или «крепости» (по терминологии Э. М. Загорульского) Минска XI в. с привлечением аналогий весьма удаленных по времени или по территории объектов (Любеч и Братский острог XVI в.) [1, с. 166–167]. Более чем сомнительна и предлагаемое Э. М. Загорульским описание укреплений въезда в детинец («крепость») конца XI – начала XII в., которые, по его мнению, состояли из группы столбов, пространство между которыми было заложено деревом [1, с. 167]. Реконструкция ворот Замчища (детинца) Минска в виде сооружения, в основе которого лежат две деревянные башни, предложен-

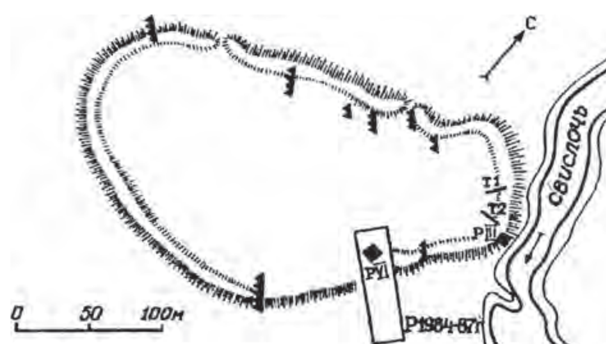


Рис. 3. Укрепление Минского замка по плану 1793 г. с указанием мест раскопов III, VI и 1984–1987 гг., траншей и мест наблюдений за земляными работами, проводившимися по трассе вала (по Ю. А. Заяцу)

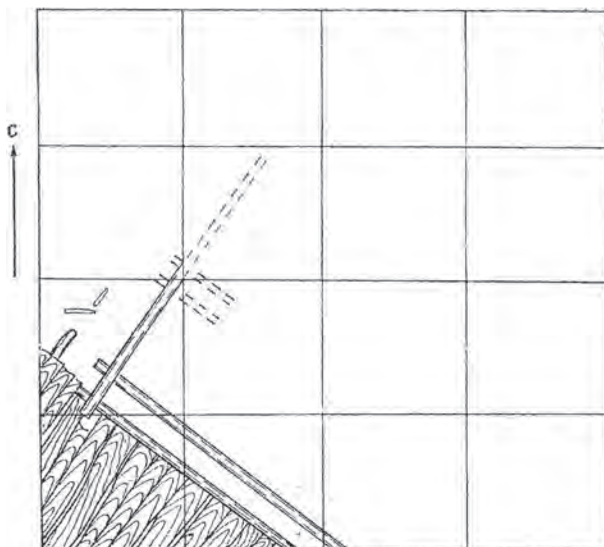


Рис. 4. План части воротной башни и мостовой проезда (по Э. М. Загорульскому)

ная Э. М. Загорульским (рис. 6), сомнительна еще и потому, что, как признает сам автор реконструкции, раскопками была обнаружена лишь одна из предполагаемых опорных башен [1, с. 167].

Существенный прорыв в изучении конструкции оборонительных сооружений детинца Минска был сделан в 1984–1985 гг., когда в связи со строительством станции «Немига» второй линии минского метрополитена был вскрыт значительный участок линии укреплений детинца, в том числе вал по всей его ширине, на протяженности 20,8 м, а также южный въезд в детинец, вместе с остатками имевшихся в разрыве вала деревянных конструкций воротных укреплений башнеобразной брамы (рис. 6). В исследовавшуюся при строительстве станции метро «Немига» площадь полностью вошел и раскоп VI 1959–1960 гг., в котором, по утверждению Э. М. Загорульского, им были обнаружены остатки въездных ворот двухбашенной конструкции [3, с. 8–10, рис. 2].

В результате произведенных в 1984–1985 гг. исследований остатков оборонительных сооружений удалось установить следующее:

– первоначальный вал детинца Минска, возведенного при впадении Немиги в Свислочь, был сооружен на свободном от застройки предыдущего времени месте;

– ширина основания вала составляла 15,5–16,0 м;

– деревянная решетчатая субструкция вала сохранилась в месте исследования на высоту до 3,4 м,

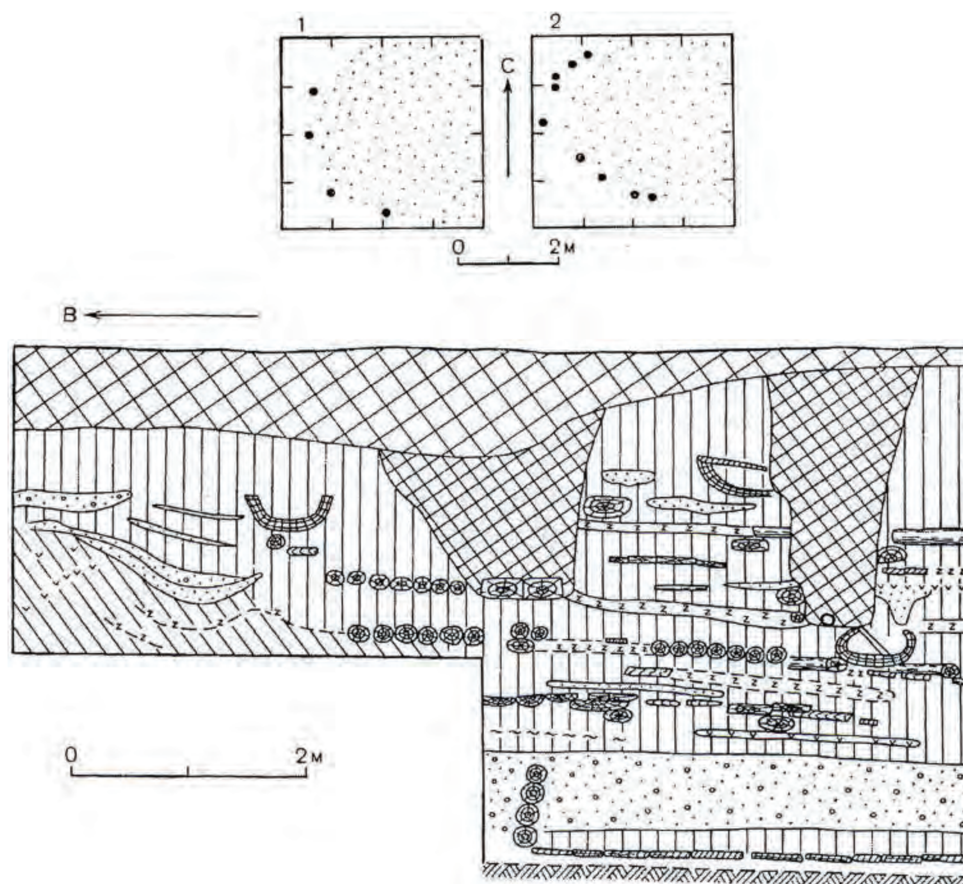


Рис. 5. Размещение остатков столбов в проезде крепости (вверху) и разрез южной стенки раскопа VI (по Э. М. Загорульскому)

причем нижняя ее часть в высоту до 2,4 м имела хорошую сохранность древесины, а в верхней части (высотой в 1,0 м), остатки бревен прослежены только в виде полос древесного тлена;

– бревно нижнего (ближнего к материку) наката деревянной субструкции уложены на семи лагах, расположенных параллельно продольной оси вала, по мере повышения субструкций количество опорных лаг уменьшалось до 2–3;

– внутренний и внешний склоны вала были обложены слоями дерна, оставившего на вертикальных разрезах чередующиеся черные и светло-коричневые полосы-прослойки;

– расчетная высота первоначального вала достигала 6 м;

– крутизна внешнего склона вала равнялась 44–46 градусам, а быть может и 35–40 градусам, а внутреннего – 50–52 градусам [3, с. 10, 12, 14–15]

– за время между первым и вторым этапами строительства вала на прилегающей к внутреннему склону первоначального вала территории, занятой впоследствии подсыпкой вала, образовался тонкий (0,12 м) культурный слой. По содержащимся в нем артефактам, а также по предметам из слоя, наложившегося на нижнюю часть внутреннего склона «достроенного» вала, время перестройки оборонительных сооружений следует отнести к концу XI – началу XII в. или к первым десятилетиям XII в. [3, с. 25].

Спустя непродолжительный срок после постройки детинца возникла необходимость в увеличении мощности и, главным образом, высоты вала. В южной части детинца расширение основы вала происходило как в сторону «поля», так и в сторону внутреннего пространства детинца. При этом новый внутренний склон крепился у основания вертикальной стенкой крюковой («гаковой») конструкции, а затем и подсыпкой плотного грунта (легкого пылеватого суглинка), а также дерновой обкладкой. Расширение основы вала до 25–26 м позволило увеличить его высоту до 8 м с устройством на гребне горизонтальной площадки шириной до 4 м, на которой могли устанавливаться оборонительные деревянные срубные

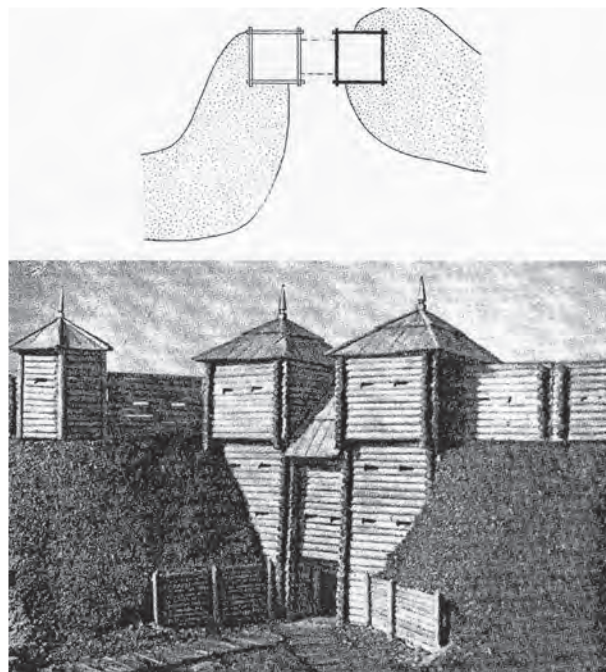


Рис. 6. План и реконструкция минских ворот (по Э. М. Загорульскому и Ю. И. Драгуну)

стены, завершающиеся крытыми боевыми площадками – заборолами [3, с. 17, 18, 20, 21, рис. 3, 5–9].

В южном въезде в детинец были обнаружены остатки трех последовательно сменявших одна другую брам (воротных укреплений) (рис. 6, 7). Нижняя из них, сооруженная, скорее всего, одновременно с валом, не вскрывалась.

Возведение второй брамы совпало по времени с перестройкой (увеличением) вала. Просуществовала она до конца XII или начала XIII в. Эта новая брама опиралась на два параллельных ряда дубовых срубов-клетей, располагавшихся по обе стороны проезда. Эти клети служили опорой для верхних этажей брамы, где помимо боевых настилов, соединявшихся с заборолами расположенных на гребне вала оборонительных стен, имелись два помещения – комната для городской стражи и надвратная церковь или часовня. Брама состояла из двух объемов, разнящихся по высоте (6 и 12 м, соответственно)

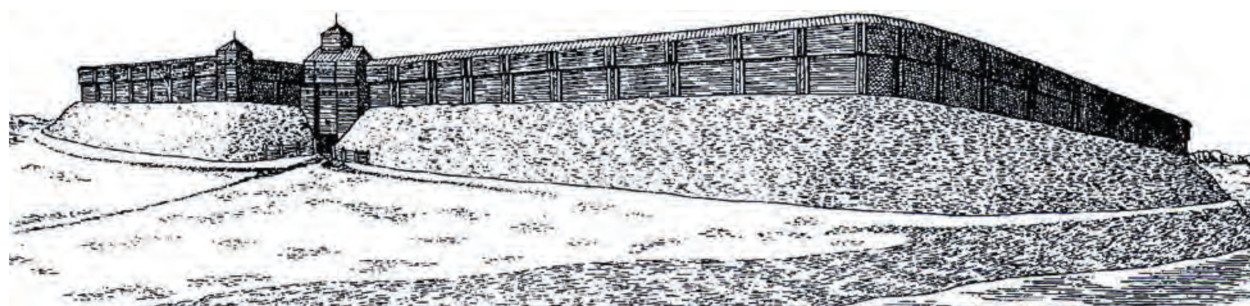


Рис. 7. Панорама детинца Минска с въездными воротами. Реконструкция Э. М. Загорульского

(рис. 8). Несмотря на значительную высоту, эта брама в плане имела сравнительно небольшие размеры – 17,9 × 7,7–8,1 м [3, с. 39, 41, 46, 50]. Так же, как и ее предшественница, эта брама по длине полностью располагалась в разрезе первоначального вала, а для предотвращения осыпания песка из нового участка вала в проем проезда позади брамы пространство между брамой и опорной стенкой нового внешнего склона вала было закрыто стенкой из горизонтальных бревен, укрепленных позднее вертикальными столбами. Фрагменты этого ограждения, открытые в раскопе VI 1959–1969 гг., были приняты Э. М. Загорульским за остатки одной из опорных башен укреплений проезда, возможно потому, что он не довел свой раскоп до материка [3, с. 26].

После завершения исследований в зоне строительства станции «Немига» над вскрытыми археологами деревянными конструкциями строителями был сооружен навес, защищавший средневековое дерево от воздействия атмосферных осадков. Однако ближе к срокам завершения строительства станции навес был разобран, а раскоп засыпан разнородным грунтом (преимущественно, песчаным).

Сведения о составе отряда, методике исследований и подготовке участка к работе. *Состав отряда.* Отряд по исследованию участка-2 на минском Замчище не имел постоянного состава в связи с периодом отпусков, участием многих археологов в работах на иных объектах.

Возглавлял отряд старший научный сотрудник Института истории доцент Ю. А. Заяц. Помощь в руководстве работами по раскопкам оказывали старшие научные сотрудники Института истории В. И. Кошман, М. И. Лошенков и И. Н. Езепенко, а также младший научный сотрудник Н. А. Плавинский, старший преподаватель БГУ А. Н. Плавинский и студент второго курса исторического факультета БГУ В. А. Плавинский. Работой по первичной обработке массового материала и составлению коллекционной описи руководила старший научный сотрудник Института истории И. В. Ганецкая.

Рис. 8. Реконструкция внешнего вида брамы Менского детинца, второй этап строительства (по Ю. А. Заяцу)

Впрочем, по мере необходимости названные выше лица привлекались к работам и на участке-1, где раскопками руководил А. М. Медведев. Зарисовкой находок и перечерчиванием «набело» полевых чертежей занимались старшие художники Института истории Г. Д. Молоткова и Т. В. Зинченко. Что касается рабочих, выполнявших на раскопках земляные работы (разборку, просмотр и удаление отработанного грунта), то они привлекались через Центр социальной занятости и в явочном порядке как добровольцы на оба участка, причем количество их на каждом участке ежедневно регулировалось в зависимости от объема производимых работ.

Подготовка участка (места) исследований. Согласно заданию заказчика исследования должны были проводиться на участке нахождения остатков брамы и примыкавшей к ней бревенчатым накатам внутривальной конструкции. Поскольку после засыпки котлована под станцию «Немига» участок раскопа был превращен в газон без обозначения места открытых раскопками памятников истории и культуры, определить точное место их нахождения можно было только путем расчетов. Для этого был использован отчет Г. В. Штыхова об исследованиях в 1984–1986 гг. на месте строительства станции метро «Немига»: на общей сетке квадратов были вычленены квадраты с номерами 41, 51–54, 61–65, 71–75, 81–85, 91–95, 101–105, 111–114, 121–124, 131–134 и 141–144, соответствующими тем, в которых исследовались интересующие нас объекты, после чего этот участок размерами 20 × 10 м был привязан к северо-восточной торцовой стене с крыльцом ДФ «Трудовые Резервы» (рис. 9).

Осмотр данного участка на местности показал наличие там посадок декоративных деревьев и люков от подземных коммуникаций, связанных с Домом физкультуры, или же со станцией «Немига» метрополитена. Вопросы согласования работ на данном участке и переноса с него коммуникаций и насаждений должен был решать Заказчик работ – КСУП «Минская спадчина». В результате согласованный им с Метростроем и коммунальными службами города участок раскопа был смещен от определенного нами на 6,5 м в сторону Дома физкультуры и на 16 м в сторону Свислочи, а размеры его должны были составить по предварительной разметке 20 × 15 м (рис. 9). Но нахождение поблизости подземных инженерных коммуникаций внесло коррективы и в эти размеры отведенного под раскоп участка. На уровне дневной поверхности они составили 21 × 18 м.

Привязка раскопа к существующим ныне объектам. Юго-западный угол участка-1 на уровне современной дневной поверхности отстоит от юго-восточного угла фундамента Дома физкультуры по линии, продолжающей к востоку линию главного (обращенного к проспекту Победителей) фасада ДФ, на 23,5 м,

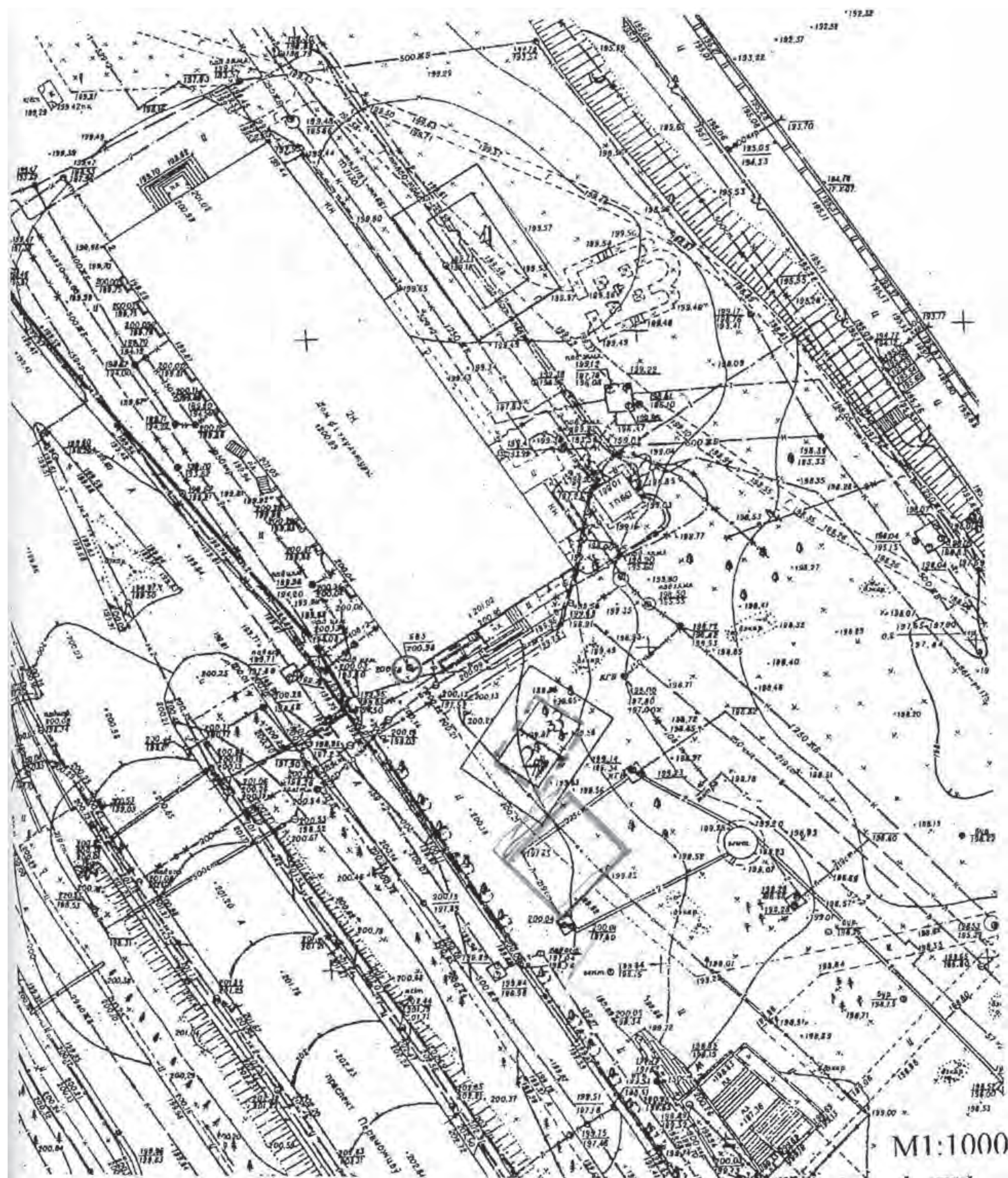


Рис. 9. Ситуационный план-схема с нанесением места работы отряда под руководством Ю. А. Заяца. Минское Замчище. 2009 г.

но от этой оси крайняя точка угла смещена в сторону берега Свислочи на 6,5 м. Таким образом, протяженность юго-западной стенки участка – 21,0 м, а северо-восточной (наиболее близкой к входу в метро) – 21,0 м. Ближняя к торцу Дома физкультуры граница участка-2 гораздо короче, всего 18 м, поскольку расширению участка в сторону реки здесь препятствовали подземные коммуникации метрополитена и открывшиеся в процессе снятия балласта кабели освещения и связи. По этим же причинам в ходе снятия балласта была скорректирована и утратила прямолинейность граница участка-2 со стороны Свислочи. После всех корректировок (часть из которых по требованию городских служб коммунального хо-

зяйства и транспорта имели место уже в ходе работ по снятию балласта) общая площадь участка-1 на уровне дневной поверхности составила 190 м^2.

После того как с участка были выкопаны деревья (кстати в ямах, оставшихся от посадок, хорошо просматривался насыпной песчаный грунт с примесью подсыпанного чернозема) и установлено ограждение, верхнюю часть насыпного грунта начали снимать экскаватором «Ивановец». Первоначально планировалось снять грунт до глубины 1,5–3,0 м от современной дневной поверхности, т. е. до уровня возможного залегания верхних слоев дерева, но когда выяснилось, что в ближайшей к проспекту части участка-2 археологического дерева на этой глубине не наблюдается, приняли решение углубиться до 4,0–4,5 м, чтобы сократить объем ручных работ, а, соответственно, и сроки их проведения. Механическое снятие грунта велось под постоянным наблюдением археологов А. М. Медведева, Ю. А. Заяца и В. И. Кошмана. В ближайшей к проспекту половине участка-1 под тонким (15–20 см) слоем поддернового гумуса открылся и постоянно шел слой привозного разнозернистого песка, использовавшегося при засыпке метростроевского котлована и раскопа 1984–1986 гг. Весьма скоро ближе к северной части участка открылась стенка из вбитых горизонтально металлических двухтавровых балок и досок, заполнявших пространство между ними. Расстояние между ближайшей к проспекту Победителей границей участка и стенкой швеллеров (так ее называли метростроевцы) – 9,5 м. Таким образом, эта не ликвидированная в 1986–1987 гг. строителями метро стенка, зашивавшая северный профиль котлована станции, разделила участок-2 на две неравномерные части, которые условно можно обозначить как «южная» и «северная». «Южная» часть, в свою очередь, поделилась на две половины при выборке засыпанного грунта экскаватором: ближайшую к торцу Дома физкультуры, которая была выбрана техникой почти до 5 м глубины и ближайшую ко входу на станцию «Немига», где механические работы были приостановлены на глубине около 4 м в связи с тем, что ковш экскаватора начал цеплять дерево, как оказалось позднее, от разобранного перекрытия-навеса, сооруженного над раскопом 1984–1986 гг. Это были доски, покрытые рубероидом, прибитым современными гвоздями, под шляпками которых имелись прокладки, вырезанные из цинка. В более узкой «северной» части также в ходе выборки (производившейся более мощным экскаватором) засыпки выделились две зоны: западная (ближайшая к Дому физкультуры), где открылся черный культурный слой с деревом и с характерным запахом навоза, и восточная, засыпанная светло-серым слоем, вероятно, смесью песка и культурного слоя, либо гумуса. Эта зона была разработана на глубину до 5,2 м, после чего работы здесь прекратились, так как на отдельных участках дна стала выступать грунтовая вода (уровень ее в 2009 г. был высокий), либо это была инфильтрация вод Свислочи, уровня которой достигло дно участка. Когда и как образовалась эта засыпка, в точности выяснить не удалось. Археологические раскопки здесь в 1980-е годы не проводились. Вероятно, это результат «деятельности» строителей станции метрополитена, так как по линии этой засыпки видны наружные выходы коммуникаций станции.

Отметим, что попытки при выборке грунта оставлять для безопасности вдоль стенок участка горизонтальный ступенчатый уступ из-за осыпания неслежавшегося еще засыпного грунта успеха не имели: грунт постоянно осыпался, поэтому пришлось выбирать стенки с откосом, за исключением западной зоны «северной» части участка-2. Эти откосы на уровне дна участка сократили его параметры на 3–5 м с каждой стороны. Лишь в секторе, где сохранился непотревоженный культурный слой, осыпей стенки практически не было, тем более что техникой данный сектор разрабатывался на глубину всего в 1–2 м от уровня дневной поверхности.

Методика работ на участке-2 определялась целями и задачами, стоящими перед исследователями. Как уже отмечалось выше, участок-2 был «привязан» к ближайшему существующему ныне на проспекте Победителей зданию Дома физкультуры ДСО «Трудовые резервы», кроме того, он привязан к сетке квадратов раскопа 1984–1985 гг., также имевшего привязку к этому же зданию. Перед началом работ границы участка нивелировались с привязкой к балтийской системе высот. В качестве репера использовался находящийся у юго-восточного угла здания Дома физкультуры государственный репер, соответствующий отметке 200,98 м (рис. 9).

После снятия балласта техникой была выполнена нивелировочная съемка уровня поверхности, подготовленной для ручных работ, а также периметра участка (последнее – в связи с изменением его границ). Предназначенные для ручной разборки зоны участка-2 обозначались как раскопы I и II соответственно. Они имели конфигурацию близкую к прямоугольной, но при этом не были строго ориентированы по сторонам света. Для удобства фиксации раскопы разбивались в соответствии с требованиями методики полевых исследований на квадраты размерами 2 × 2 м. Всем квадратам в каждом раскопе присваивались порядковые номера, начиная с № 1. В раскопе II, где линия квадратов у юго-западной стенки была уже 2 м, для их обозначения использовались номера соседнего ряда полных квадратов с добавлением буквы «А» (1А–3А). Разборка культурного слоя велась пластами мощностью по 0,2 м. Однако при наличии деревянных конструк-

ций (бревенчатых срубов, дощатых настилов и вымостки) толщина пластов могла быть и меньшей.

Все выявленные в раскопе деревянные конструкции оставались *in situ* до полного их раскрытия как по горизонтальным параметрам, так и по высоте. Только после полной их графической и фотофиксации, а также нивелировочной съемки они разбирались, чтобы не препятствовать дальнейшей разборке слоя и изучению нижележащих пластов и конструкций. При этом до разборки и снятия деревянных конструкций для их осмотра в обязательном порядке приглашали архитекторов проекта С. Г. Багласова и Г. А. Лаврецкого. Для разборки относительной хронологии деревянных конструкций методом дендрохронологии с ряда бревен, досок и плах брали спилы. Отбор спилов для последующего их изучения производил научный сотрудник Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси М. В. Ермохин. Номера спилов показаны цифрами на планах горизонтов и ярусов.

Фиксация выявляемых в процессе раскопок артефактов велась по раскопам (с указанием участка), квадратам и пластам, с привязкой к строениям, если предметы были обнаружены в таковых.

Необходимость фиксации и расчистки древесины, а также ожидание осмотра их архитекторами проекта препятствовали одновременности снятия пластов культурного слоя по всей площади раскопа, поэтому, а также по причине заливания части квадратов дождевыми и грунтовыми водами, дневная поверхность раскопа II имела временами вид ступенчатых уступов. Однако фиксация строго по квадратам и пластам с проверкой уровня последних по нивелиру препятствовала смешению материалов из разных уровней глубины (пластов).

Ход работ и описание исследованных участков (раскопов I и II). *Разработка раскопа I на участке-2.* В ходе подготовки к раскопкам участка-2 выяснилось, что именно он (точнее та его часть, что располагалась к югу от швеллерной стенки) совпал территориально с юго-западной оконечностью раскопа 1984–1985 гг., разработанной в те годы до уровня материка. Заметим, что это была территория раскопа или котлована станции, лежавшая между субструкциями вала и западной стенкой котлована.

Эта зона участка-2, что располагалась южнее швеллерной стенки, в свою очередь, подразделялась на две части:

– юго-западную, в которой, как показали контрольные шурфы, насыпной слой залегает до глубины 6,0–6,5 м, т. е. до уровня материка, песок которого отличается большей плотностью;

– юго-восточную, в которой на глубине от 4,0 до 4,5 м близ швеллерной стенки стали открываться обрезки досок и бревен. Поскольку сразу происхождение и датировка этого дерева не были ясна, работа экскаватора в этой зоне участка-2 была остановлена и затем она разрабатывалась вручную, как раскоп I. Из-за большого наклона внешних стенок участка-2 и угрозы осыпания влажного (по причине постоянных дождей) площадь раскопа I составила всего 36 м^2 (размеры 6 × 6 м).

Длинная сторона раскопа ориентирована вдоль швеллерной стенки, а короткая – по поперечным стенкам участка. Раскоп I разбит на 9 квадратов размерами 2 × 2 м, имеющих нумерацию от 1 до 9. Хотя слой в раскопе представлял собой желтый песок (скорее всего, насыпной), работы в раскопе I велись по квадратам и пластам в 0,2 м с расчисткой выявляемого дерева. Расположенная к юго-западу от раскопа часть южной (от швеллерной стенки) зоны участка-2 использовалась для размещения отвалов отработанного грунта и установки трапов для спуска в раскоп. В ближайших к швеллерной стенке квадратах № 3, 6 и 9 открылись и были расчищены завалы из обрезков досок и бревен, причем на концах последних, сконцентрированных в квадрате № 9 (рис. 10), отчетливо были видны следы зубов пилы. Следует отметить, что уровень залегания верхней части досок был несколько выше, чем обрезков бревен. Осмотр досок показал, что к одной из сторон многих из них были прибиты гвоздями фабричного производства толь и рубероид. Это обстоятельство помогло определить происхождение данных досок. До 1987 г. их использовали вместе с толью и рубероидом для покрытия навеса, сооруженного метростроителями над выявленными в 1984–1985 гг. остатками деревянных брамы и субструкции вала. При разборке навеса части разрушаемой крыши сбрасывали прямо в раскоп. Заметим, что по другую сторону швеллерной стенки подобных находок не было.

Что касается обрезков бревен, то их происхождение иное: в 1985 г. младший научный сотрудник П. А. Русов, член отряда, занимавшегося под руководством Г. В. Штыхова раскопками в пятне котлована строящейся станции метрополитена «Немига», отбирал из выявленных в раскопе деревянных конструкций, прежде всего внутривальных, спилы для последующего составления дендрохронологической шкалы Минска (которую, впрочем, так и не смог выполнить). При отборке образцов из внутривальной конструкции он отрезал края бревен, имевшие малоудовлетворительную сохранность, чтобы затем взять спил с лучше сохранившегося участка. Кстати, справедливость нашего предположения о происхождении этих обрезков бревен подтвердил и сам П. А. Русов, приходивший посмотреть на раскоп.

На участках квадратов № 2, 5, 8 на глубине от 4,41 до 5,88 м от дневной поверхности были выявлены бревна длиной до 3,4–3,7 м и 0,244, 0,34 м в поперечнике, часть которых были обтесаны «на брус». Близ

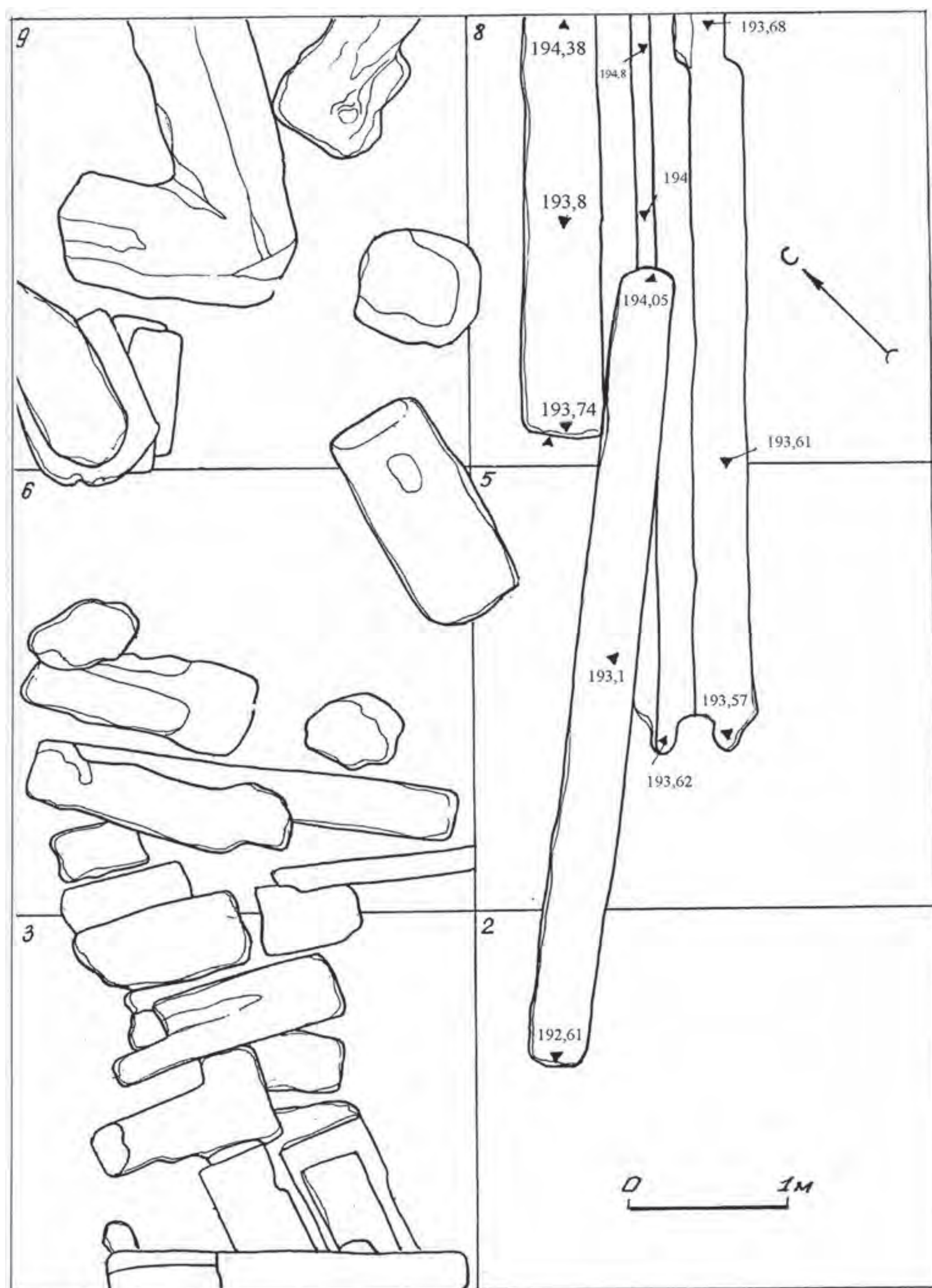


Рис. 10. Обрезки досок и стоек от перекрытия над раскопом 1984–1985 гг. и бревна от разобранной в 1986 г. позднесредневековой постройки, перенесенные в том же году в юго-западную оконечность раскопа 1984–1985 гг. Участок-2, раскоп I. Минское Замчище. 2009 г.

концов большинства из этих бревен имелись углубления – так называемые чашки, применявшиеся для соединения бревен в срубах, при строительстве их в технике «в обло» с остатком; остальные имели концы, обработанные для заборки по технике «в шулу». Остатки двух таких построек XVIII или XVII–XVIII вв., сохранившихся на 6–8 венцов, были обнаружены за линией укреплений при раскопках в 1986 г. Тогда, чтобы они не задерживали дальнейшую разборку культурного пласта, Музею народной архитектуры и быта было предложено перевезти их на свою территорию в Строчицах. Один из срубов, помнится, работники музея действительно разобрали и увезли, а с вывозом второго, по каким-то причинам, существенно задержались. Тогда члены Минского археологического отряда с помощью рабочих Метростроя сами разобрали его, а бревна, во избежание повреждения, перенесли в завершенную часть раскопа, поместив между его юго-западной стенкой и таковой конструкцией вала, где они,

или часть их и были обнаружены нашим отрядом в 2009 г.

В квадратах № 1, 4, 7 никаких остатков дерева не было. Заметим также, что кроме бревен от сруба, а также обрезков досок и бревен, иных артефактов в раскопе I обнаружено не было. После того как упомянутые деревянные остатки были удалены с территории раскопа, была сделана попытка углубить его, но на глубине в 5,4–5,5 м от уровня дневной поверхности в квадратах № 7–9 начала сочиться и выступать вода.

Попытки прокопаться по откосу северо-восточной стенки раскопа I с целью выйти на нижние бревна подпорной стенки вала (гаковой конструкции) успеха не имели, поскольку после окончания дневных работ (вечером или ночью) произошло осыпание стенки.

Поэтому дальнейшие работы в раскопе I были прекращены, а его территория начала использоваться для сбрасывания разобранного и просмотренного культурного слоя из раскопа II участка-2.

Стратиграфия раскопа I/2[1] предельна проста: северо-восточная и юго-восточные стенки его – желтый насыпной песок, юго-западная стенка практически отсутствует, поскольку эта часть участка-2 была разработана техникой на большую глубину, а северо-западная граница раскопа совпадала со швеллерной стенкой, доходящей до материка.

Хотя раскоп I участка-2 не вышел на исследованные в 1984–1985 гг. остатки оборонительных сооружений детинца Менска конца XI – начала XII в., то, что в нем, наиболее приближенном территориально к зоне расположения этих остатков, хорошо сохранились обрезки дерева как XI в., так и XVIII в. и конца XX в., дает основание полагать, что засыпанные в конце 1980-х годов остатки брамы и деревянной субструкции вала, находясь в аналогичных или близких к ним условиях, также должны были сохраниться за прошедшие с момента засыпки почти 30 лет.

Разработка раскопа II на участке-2. Как уже отмечалось, территория раскопа II занимала северозападную оконечность той части участка-2, которая располагалась севернее швеллерной стенки, ограждавшей участок раскопа 1984–1985 гг. Ожидалось, что на всей территории этой зоны участка-2 после снятия балласта откроется неповрежденный культурный слой Замчища. К сожалению, ожидания эти не оправдались. Восточная половина «северной» зоны представляла собой сплошную засыпку какого-то котлована, связанного, скорее всего, с работами метростроителей, проводившимися без ведома и надзора археологов, что в конце XX в. в г. Минске (да и за его пределами) становилось, к сожалению, обычной практикой.

Как уже отмечалось выше, этот насыпной, или засыпной слой в северо-восточной четверти участка-2 снимался техникой до глубины от 5 до 6 м, пока на дне не начали скапливаться грунтовые воды. После этого работа экскаватора была прекращена, а образовавшаяся выемка использовалась в дальнейшем для размещения отвала из раскопа II, разрабатываемого в северо-западной части участка-2.

Стратиграфия и строительные горизонты раскопа II/2. На территории раскопа II уровень перепада современной дневной поверхности в направлении с северо-востока к северо-западу составлял 0,72 м, или около 0,12 м в среднем на 1 погонный метр. Здесь техникой (экскаватором) была снята верхняя часть слоя мощностью от 1,8 до 2,4 м.

Этот снятый слой состоял из насыпного песка, смешанного с серым грунтом, образовавшегося, скорее всего, либо при разработке строителями котлована, зафиксированного в северо-восточной части участка-2, либо при засыпке последнего. Ниже этого насыпного слоя просматривались три слоя асфальта от покрытия территории автобусной стоянки при диспетчерском пункте «Площадь 8-го марта», функционировавшей здесь еще в начале 1980-х годов. Ниже залегал коричневато-серый слой рыхлой консистенции, при выемке которого были обнаружены предметы XIX–XX вв., в том числе спинка железной кровати, фрагменты детской коляски и трехколесного велосипеда, гаечный ключ, топливный бачок от керогаза, порванная оболочка резинового мяча средних размеров, битые пивные бутылки и пробки от них, а также пакеты из фольги от чипсов и мороженого. Под этим насыпным слоем, образовавшимся, вероятно при нивелировочных работах на поверхности Площади 8-го марта открылся плотный и влажный слой местами черного, местами темно-серого цвета, от которого шел характерный для культурного слоя эпохи средневековья запах слежавшегося навоза, особенно ощущавшийся после дождя. С этого уровня и началась разработка культурного слоя раскопа II участка-2. По расчету глубины, с которой началась ручная разработка культурного пласта в раскопе II, первый раскопочный пласт получил номер 10, таким образом, пласты 1–10 и частично 11 в описании стратиграфии и в коллекционной описи отсутствуют. Отметим, что после снятия балласта поверхность с культурным слоем на территории раскопа II не сделалась горизонтальной, так же, как и дневная поверхность до начала работ (хотя и не столь заметно), поверхность раскопа понижалась в направлении с северо-востока на юго-запад.

Границы раскопа II/2 определялись на северозападе и юго-западе соответствующими границами

[1] Здесь и далее для удобства и для отличия от нумерации раскопов на участке-1, номера раскопов на участке-2 приводятся следующим образом: римскими цифрами обозначается номер раскопа, затем, через косую черту приводится арабской цифрой номер участка.

участка-2, на юго-востоке – участком швеллерной стенки, а на северо-востоке – обрывом горизонтальной поверхности раскопа в более низко выбранную экскаватором северо-восточную часть участка-2.

Поскольку из-за изменений в конфигурации участка-2 и наличия швеллерной стенки и перекопа с уничтоженным слоем размеры участка были равны 6,0 × 5,4 м, причем границы раскопа были неровные, раскоп был разбит на 9 квадратов, из которых 6 были полными (2 × 2 м), а юго-западная линия квадратов имела меньшую ширину (до 1,4 м). Полные квадраты имели нумерацию от 1 до 6, неполные – дублировали номера соседних с ними полных квадратов с добавлением в обозначении буквы «А». Особенностью раскопа II, влияющей на распределение в его напластованиях артефактов, является наличие в квадрате 4 железной трубы и скважины, служивших для понижения с помощью электронасосов уровня грунтовых вод в котловане для станции метро в период ее строительства. Тогда по периметру котлована было пробурено более 20 таких скважин, в которые были опущены такие же железные трубы с внутренним диаметром более 0,4 м. Тогда верхние концы труб несколько возвышались над уровнем дневной поверхности. Открывшуюся в раскопе трубу, после того, как надобность в ней отпала, не извлекли из скважины, а обрезали до уровня дневной поверхности автогеном. При засыпке скважины в нее попали разновременные вещи, в основном, второй половины XX в., которые при разборке квадрата диссонировали хронологически с артефактами из непотревоженных перекопами пластов.

Строительный горизонт 1. При выравнивании и зачистке поверхности и стенок раскопа после удаления балласта в юго-западной стенке, на участке квадрата 2А были открыты остатки строительного горизонта 1[1]. Это фрагмент фундамента, а быть может, нижняя часть контрфорса, сложенного из камней и битого кирпича на известковом растворе. Само здание, к которому принадлежал данный фундамент, похоже, тоже было каменным или кирпичным. Описания минского Замчища, составленные в позднем средневековье и раннем Новом времени, упоминают на нем несколько «камениц», в том числе здание суда (трибунала), дворец князей Заславских, принадлежавший в первой половине XVII в., Ежи (Георгию Николаевичу) Глебовичу и др. К сожалению, данных для атрибуции постройки, фрагмент которой был открыт в раскопе II, не достаточно.

Остатки каменной конструкции сохранились в высоту на 1,0 м, а в ширину до 0,5–0,75 м. Само здание, вернее, остатки его руин находились на участке между нашим раскопом и Домом физкультуры, строительством которого большая их часть была, вероятно, уничтожена, если, конечно, это не произошло раньше. Сам выступ фундамента, или контрфорс, также существенно пострадал при прокладке траншей для подземных коммуникаций, от которых сохранилась часть металлической трубы небольшого диаметра, или металлической оболочки для электрокабеля.

Верхняя часть данной конструкции входит в коричневый насыпной слой, а нижняя залегает в черном культурном слое, прорезая дерево двух нижележащих строительных горизонтов. Таким образом, стратиграфически постройка из камня является в пределах раскопа II самой «молодой», т. е. самой поздней.

Хронология постройки горизонта 1 определяется следующим образом. В квадратах 2А и 3А, в перекопе, образовавшимся при засыпке траншеи для закладки основания конструкции, отнесенной нами к горизонту 1, обнаружены следующие датирующие артефакты, относящиеся как ко времени сооружения строения, так, вероятно, и ко времени ее разрушения: в квадратах № 2А и 3А найдены венчики горшков типов 1-IA (характерен для X–XI вв., но в небольшом количестве производившихся и в XVI в.), 1-IIIA (употреблялся до второй половины XVI в.), типа 1-IIIB, 4-V (первая половина или середина XVI – начало XVII в.), типов 4-III и 4-IVA (характерные для XIV–XV вв.). Все эти фрагменты сосудов, за исключением последних, относящихся к отделу 4 и попавших в засыпку траншеи или котлована, скорее всего, случайно, имеют временем совместного бытования вторую половину – конец XVI в. И, поскольку обнаружены они, преимущественно, в нижних частях засыпки траншеи, то, следует полагать, указывают на время сооружения каменного строения горизонта 1 – вторая половина – конец XVI в. либо даже начало XVII в. Преимущественно в верхней части заполнения траншеи для каменной конструкции строительного горизонта 1 найдены венчики горшков типов 5-IV и 5-III и 1-IB с выраженными особенностями, характерными для XVII в., фрагменты мореной и зеленополивной посуды, а также фрагменты коробчатых муравленых неорнаментированных безрамочных изразцов, имевших распространение в XVIII в. Мы полагаем, что второй половиной XVII в. или, что более вероятно, XVIII в. следует датировать разрушение или значительное повреждение постройки горизонта 1. Сооружения

[1] В археологии существует два подхода к нумерации открытых в раскопе строительных ярусов и горизонтов: первый – в порядке их возведения (когда первым номером обозначается нижний ближний к материку ярус или горизонт (такого порядка придерживаются обычно в публикациях, где данные о постройках сведены воедино и обобщены); второй – в порядке их открытия, то есть «сверху вниз» (обычно такого порядка придерживаются в полевой документации и отчетах о раскопках). В данном отчете мы следуем второму способу нумерации горизонтов.

всех остальных строительных горизонтов в раскопе II/2 были деревянными, либо деревоземляными.

На уровне пластов 11–12 в квадратах 1–3 и 1А–3А было открыто и расчищено скопление остатков дерева – нескольких целых и обрубленных колотых плах и беспорядочное нагромождение обрезков плах, бревен и досок (рис. 11). В расположении последних никакой системы не просматривалось, скорее всего – это отходы от сооружения какого-то не дошедшего (не сохранившегося) до нашего времени сооружения, которое могло быть уничтожено вместе с верхними культурными напластованиями Замчища.

Что касается колотых плах, то они расположены в одном направлении (почти по оси запад–восток с небольшим отклонением к югу), что почти совпадает с направлением деревянной мостовой, выявленной в 1984–1985 гг. в юго-западной оконечности котлована станции метро «Немига». Совпадение их конструктивных особенностей, направления и датировок позволят считать данные плахи северо-западным продолжением открытой в 1984–1985 гг. улицы детинца-Замчища, проложенной вблизи вала. На этом основании данный настил выделен нами в качестве строительного горизонта 3. К строительному горизонту 2 отнесены несохранившиеся в раскопе, но прослеживающиеся в северо-западном профиле остатки деревянного настила или мостовой и столба, возможно, от ограждения (рис. 12). Судя по отсутствию зазоров (промежутков), разделяющих отдельные доски и плахи в настиле, последний был уложен параллельно северо-западной границе раскопа и на его профиле видны остатки одной из плах длиной более 2,28 м. Можно полагать, что это был

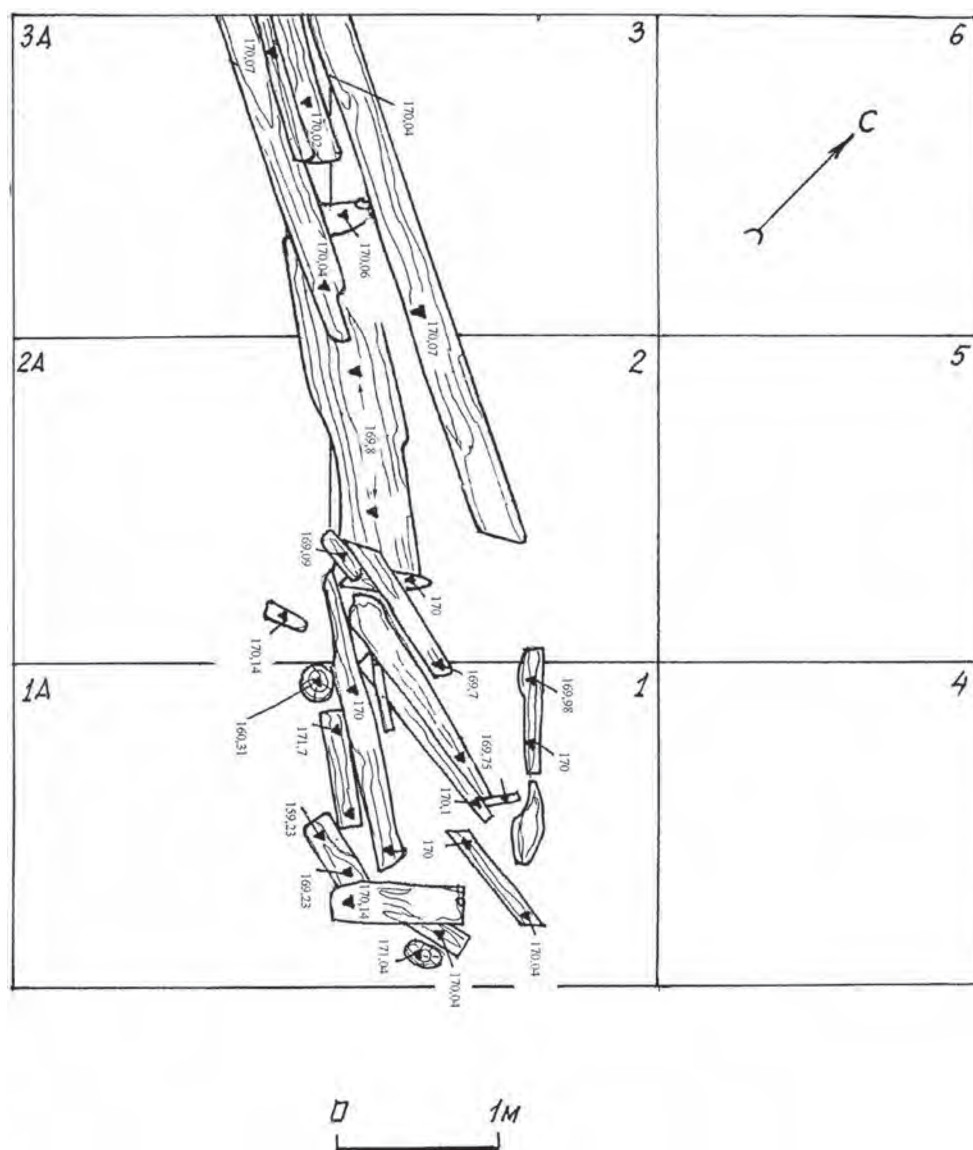


Рис. 11. Остатки дерева, выявленного при разработке пластов 11–12. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

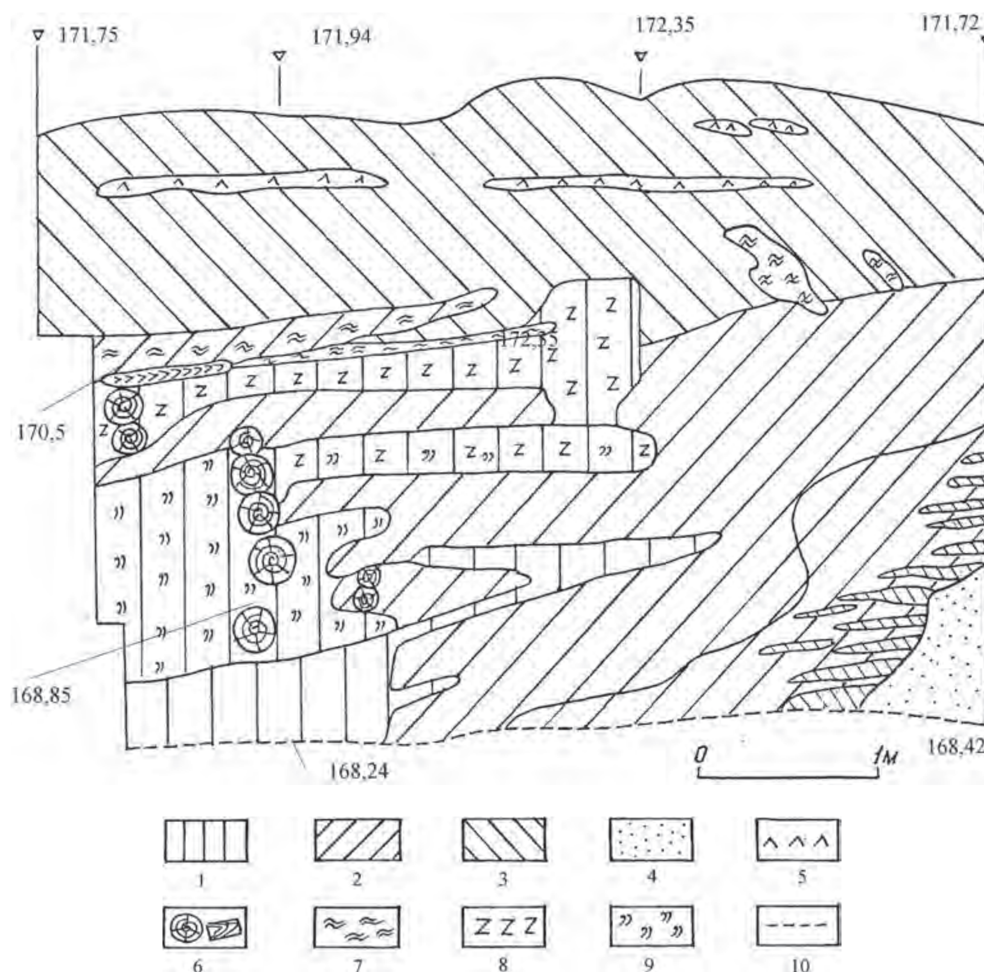


Рис. 12. Северо-западный профиль. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г. Условные обозначения: *1* – слой черного цвета; *2* – слой серого цвета; *3* – слой коричневого цвета; *4* – песок; *5* – асфальт; *6* – бревна и доски; *7* – древесный тлен; *8* – щепа; *9* – навоз; *10* – нижняя граница раскопа, не доведенного до материка

настил улицы, которая вела от средней части Замчища к его оборонительным сооружениям. Данный горизонт представлял собой несколько досок (или плах) шириной от 0,28–0,44 до 0,5 м и толщиной от 0,05 до 0,09 м, уложенных на землю (на этом участке без каких-либо подкладок или креплений). Концы некоторых досок уходили в северо-западную стенку раскопа, другие, ближние к юго-западной границе раскопа, были обрублены при прокладке проходившей здесь траншеи электрокабеля для наружного освещения. Хотя ширина расчищенного настила или вымостки из плах, расчищенной в раскопе, не превышала 1,2–1,4 м, судя по следам тлена от досок в северо-западном профиле раскопа, общая ширина ее некогда составляла около 4,15 м, что соответствует обычной ширине улиц минского Замчища [1, с. 205]. Следует отметить, что, судя по остаткам настила в профиле раскопа (рис. 12), его доски располагались не строго горизонтально, а с небольшим повышением (подъемом) в восточном направлении, что, по нашему предположению, могло быть обусловлено тем, что восточная половина настила перекрывала собою часть срубной постройки предшествующего периода, опираясь в большей степени на бревна ее верхнего сохранившегося венца, чем на бревенчатые лаги мостовой.

В слое, соответствующем данному настилу, были обнаружены обрезки кожи, фрагменты кожаной обуви, кожаные ножны для ножа, железный ключ от замка типа «Е» по новгородской классификации (рис. 13: *2*). (Подобные ключи, по Б. А. Колчину, были широко распространены в XV в., но продолжали употребляться и в XVI в. [5, с. 160, рис. 3]). Помимо ключа были найдены железный наконечник стрелы двухшипный черешковый с упором, аналогичный найденным у внешнего склона вала в 1986 г. Подобные наконечники по находкам из слоя относятся к XVI–XVII вв. [3, с. 68, рис. 27: *10–12*]. Помимо названных выше предметов в слое (пласт 12) найдены фрагмент (придонная часть) стеклянного сосуда (скляницы) с петлеобразным краем поддона и фрагменты керамической посуды, в том числе венчики горшков с ребристым плечиком (тип 1-IB), стенка горшка, покрытая по внутренней поверхности полупрозрач-

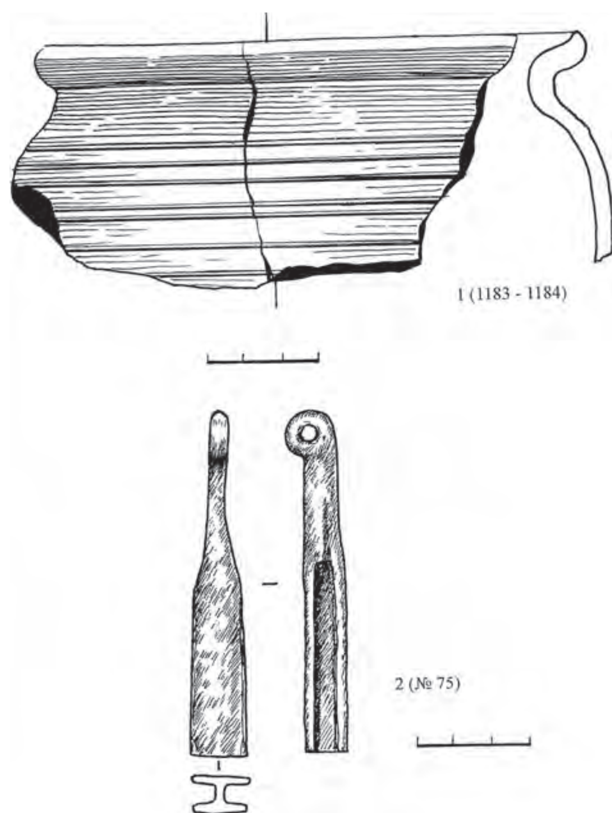


Рис. 13. Изделия из глины и железа: *1* – венчик горшка терракотового тип 4-IVБ; *2* – ключ от замка типа «Е». (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

ной поливой светло-зеленого цвета, а также венчики и стенки мореной посуды – горшков отдела 5[1]. По комплексу находок строительный горизонт 3 раскопа II/2 2009 г. датируется XV в., а следовательно, строительный горизонт 2 этого же раскопа можно датировать концом XV в. либо, что более вероятно, первой половиной XVI в.

Следует, разумеется, ради объективности отметить, что при разработке пласта 12, в тех местах, где верхняя часть грунта была снята техникой до его уровня, были найдены отдельные артефакты, датированные более поздним периодом: XVII, XVIII, а также XIX и даже XX в.

Можно предположить, что единичные фрагменты горшков этого времени попали на уровень пласта 12 либо при осыпании слоя, при механическом удалении балласта, либо в результате поздних перекопов при прокладке траншей различного назначения.

Если это предположение верно, то пласт 12, а вместе с ним и строительный горизонт 3 следует датировать второй половиной или концом XV – первой половиной или началом XVI в. Следует отметить, что среди венчиков керамической посуды количественно доминировали венчики терракотовых горшков типа 1-IГ, имевших широкое распространение в XIII в., и в почти неизменном виде употреблявшиеся и в XVI в. (рис. 14: *1*). С учетом этого обстоятельства, мы склоняемся к тому, чтобы распространить датировку пласта 12 и строительного горизонта 1 на весь XVI в.

После снятия плах настила строительного горизонта 3, в квадратах № 2 и 3 были обнаружены колотые плахи длиной от 2,8 до 4,4 и шириной от 0,24 до 0,26 м, имевшие толщину 0,04–0,08 м (рис. 15). Общая ширина этого настила достигала 1,15–1,16 м, при этом плахи размещались в нем не горизонтально, а с небольшим уклоном (понижением на 15–30 см) в восточном направлении. В квадрате № 3А плаха этого нижнего настила продолжения не имела, так как была обрезана, либо обрублена, чтобы не упереться в венец зафиксированной в этом же квадрате

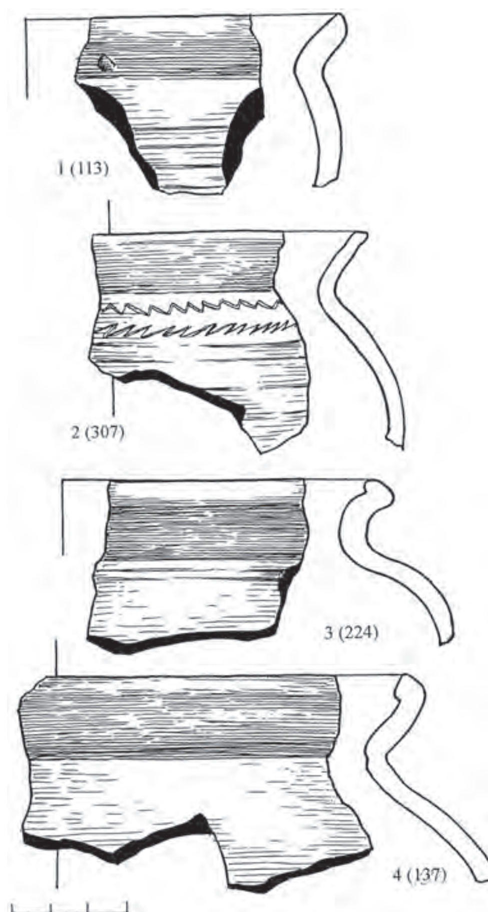


Рис. 14. Венчики терракотовых горшков: *1* – тип 1-IГ; *2* – тип 1-IБ; *3* – тип 4-V; *4* – тип 4-IБ. Глина. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

[1] Здесь и далее типы керамической посуды приводятся по типологии, разработанной нами для средневековой керамической посуды г. Заславля, поскольку, как показал опыт нескольких лет работ на разновременных средневековых памятниках Минска, существенной разницы между формой и хронологией глиняной посуды этих территориально близких городов в XII–XVIII вв. не было.

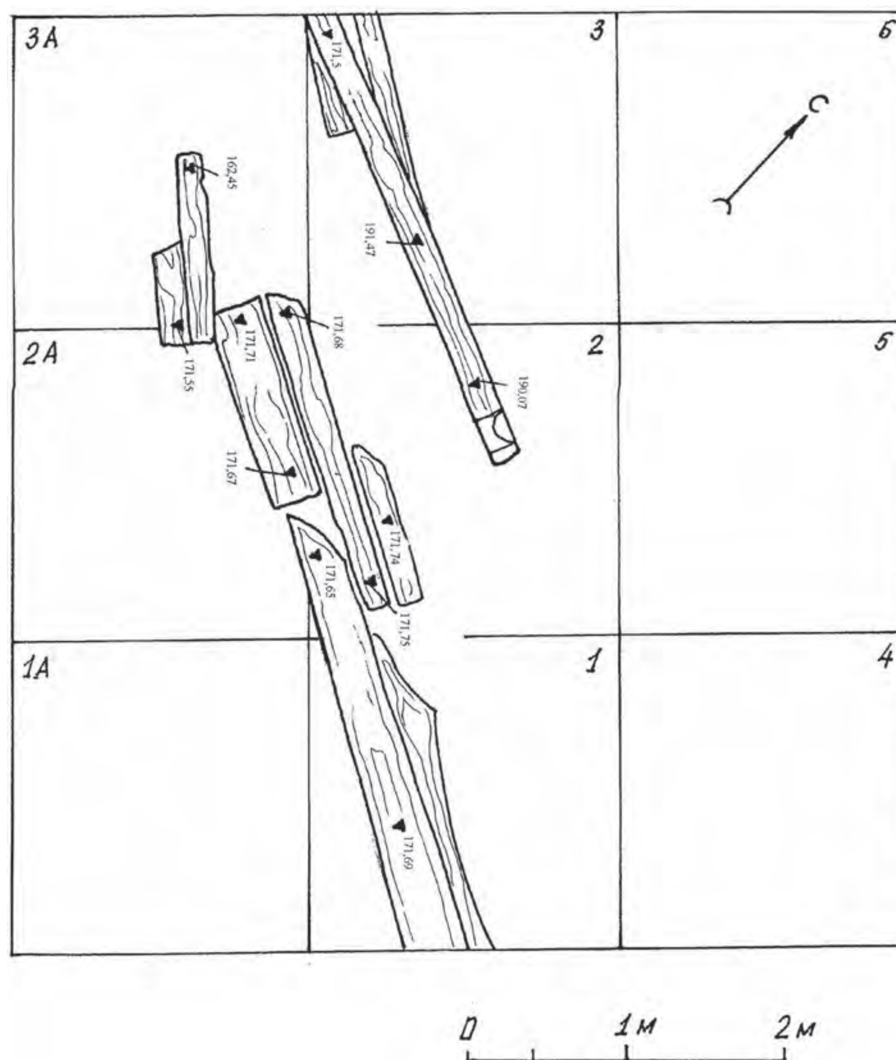


Рис. 15. Деревянная мостовая (фрагмент) строительного горизонта 2 или 3 в юго-западной оконечности раскопа. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

срубной постройки А[1]. Направление (ориентация) плах этого нижнего настила полностью идентична ориентации описанного выше настила строительного горизонта 3, что позволяет предполагать, что это нижний ярус настила той же улицы. Таким образом, он может обозначаться и как уличный настил строительного горизонта 4 (рис. 16) и как первый (снизу) ярус строительного горизонта 3. Сколько-нибудь существенной прослойки культурных отложений между этими ярусами деревянной мостовой не было, следовательно, разрыв, разделяющий их во времени, не был существенным. К сожалению, отсутствие отложений между ярусами настила означает и отсутствие датирующих материалов. Тем не менее считаем возможным, учитывая отсутствие существенного хронологического разрыва между ярусами и датировку горизонта 3, отнести первый ярус настила к первой половине XVI либо к концу XV в. Такой датировке не противоречат даты найденных на одном уровне с настилом венчиков горшков типов 4-IVA, 4-IVБ и 1-IIIБ, а также железные ножи черенковые, гвозди, швейные иглы.

Почти на одном уровне со вторым ярусом уличного настила были открыты и иные *сооружения и конструкции строительного горизонта 5*: срубные постройки А–Б, настил переулка или дворовая вымостка из колотых плах, а также бессистемно лежавшие в слое обрезки бревен и плах (рис. 17).

Постройка А вошла в площадь раскопа лишь частично, располагаясь в квадрате 3А и выходя за

[1] Принятое в настоящем отчете буквенное обозначение построек и иных объектов имеет рабочий, временный характер, чтобы не вносить путаницу в уже имеющуюся цифровую нумерацию построек из раскопок предыдущих лет. Буквенная нумерация может быть заменена на цифровую после «увязки» выявленных строительных горизонтов с выделенными в раскопках предыдущих лет, для чего потребуется проведение дендрохронологических и иных исследований.

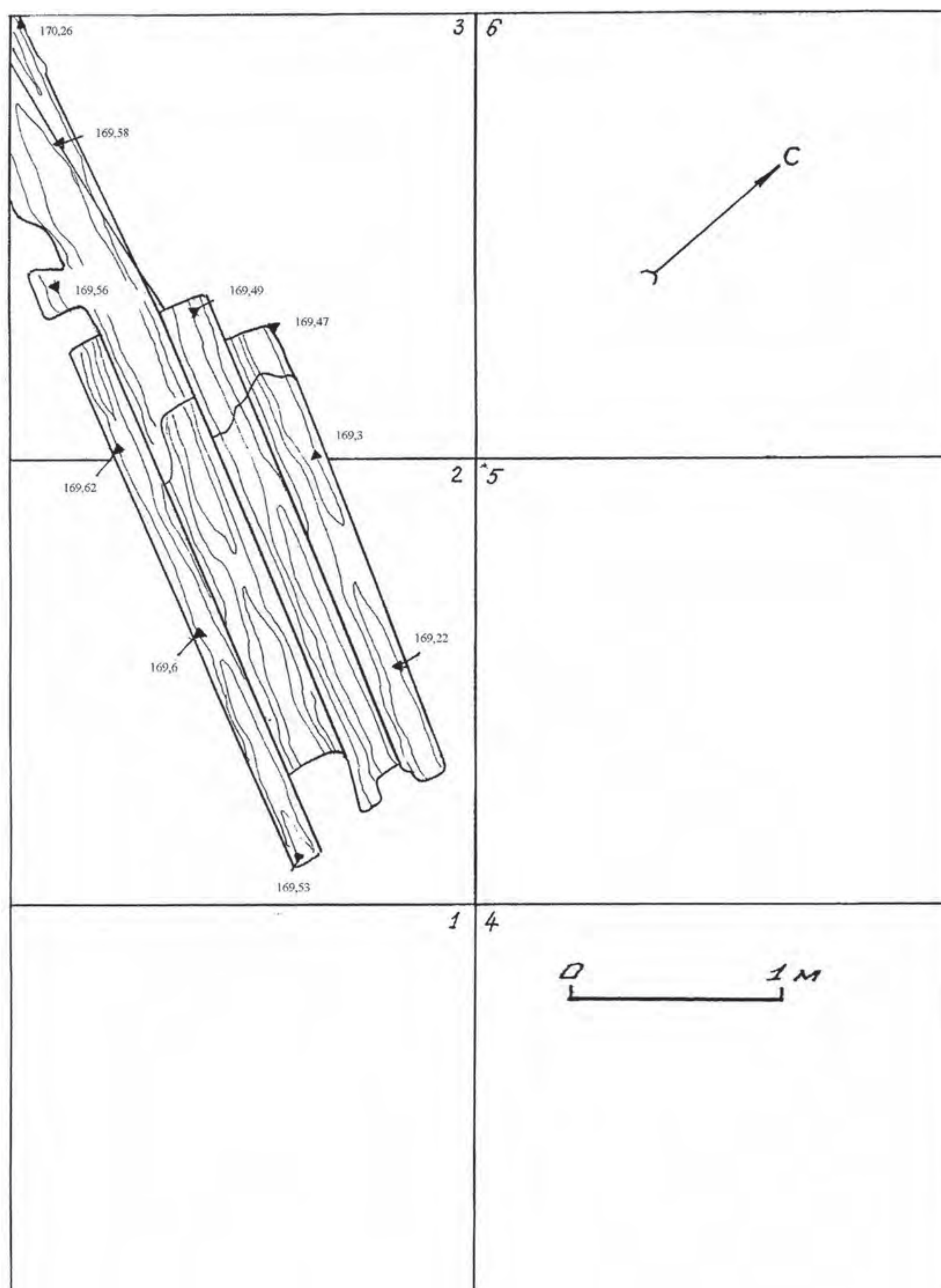


Рис. 16. Плахи уличного настила строительного горизонта 4. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

его пределы (в квадраты № 2А и 3 только остатками бревен). Прослеженные максимальные (с учетом остатков) размеры сруба – 1,90 × 0,98 м. Изготовлен из бревен диаметром 0,11–0,12 м в технике «в обло» с остатком. Сохранился в высоту на 3–4 венца. Сохранность его неплохая, но верхнее бревно северо-восточной стены сдвинуто в южном направлении, возможно, при укладке уличного настила горизонта 4. На уровне границы между вторым и третьим венцами (считая снизу) сохранились фрагменты дощатого полового настила. Ни следов дверного проема, ни отопительного сооружения в П-А не выявлено.

Внутри П-А и в прилегающем к ней культурном слое выявлены следующие датирующие вещи: венчики терракотовых горшков типов 1-IБ,Г; 1-IIIА,В; 4-III; 4-IVА,Б и 4-V. Они подразделяются на две хронологические группы, одна из которых относится к эпохе Киевской Руси (венчики данной группы

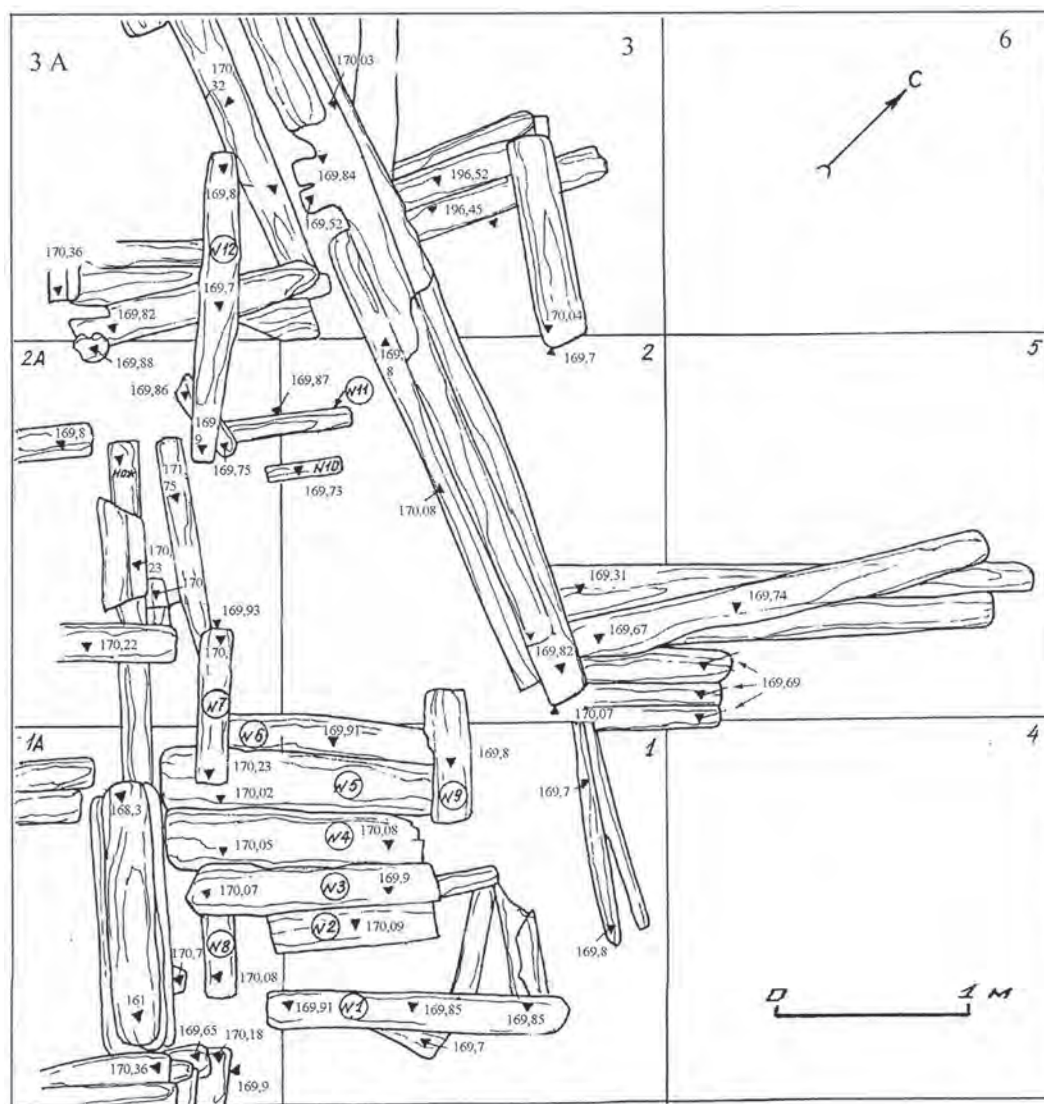


Рис. 17. Остатки дерева конструкций строительных горизонтов 4 и 5. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

по времени совместного бытования датируются в комплексе XIII – началом XIV в.) и периоду позднего средневековья (комплекс XIV–XVI вв.). В эти же хронологические группы вписываются и остальные находки: фрагменты стеклянных браслетов гладкого черного либо темно-зеленого цвета (№ 3) и ложнокрученого ярко-голубого цвета (№ 65)[1], а также деревянная орнаментированная ложка (рис. 18: *2*), лезвие железного топора, фрагмент железного грызла кольчатых удил (рис. 19: *7*) и находки, не имеющие конкретной даты, – костяная проколка (рис. 20: *1*) и бронзовое литое поясное кольцо (рис. 19: *4*). Таким образом, можно полагать, что П-А пятого горизонта была сооружена в XIII в. и просуществовала до второй половины XVI в. Верхняя дата имеет и стратиграфическое обоснование: сруб П-А сочетается с уличным настилом строительного горизонта 4.

Постройка Б, как и предыдущая, вошла в территорию раскопа лишь частично своей северо-восточной четвертью (рис. 17). Протяженность ее северно-восточной стенки – 3,25 м (вместе с остатками), прослеженная ширина сруба с остатками – 1,1 м. Постройка Б сохранилась в высоту на 2–3 венца. Бревна нижнего венца П-Б были уложены на границе пластов 13 и 14. Верхние бревна повреждены каменной конструкцией строительного горизонта 1.

В постройке и прилегающей к ней части культурного слоя найдены железные бронебойный втульчатый шиловидный наконечник стрелы (№ 1), швейная игла и П-образная скоба, бронзовый замок-застежка от привески или иного украшения и венчики терракотовых горшков типов 1-IB,Г и 5-IV. Последний, надо полагать, попал сюда при строительстве каменного здания горизонта 1. По комплексу нахо-

[1] Здесь и далее в скобках приводятся номера, под которыми данные предметы значатся в коллекционной описи индивидуальных находок.

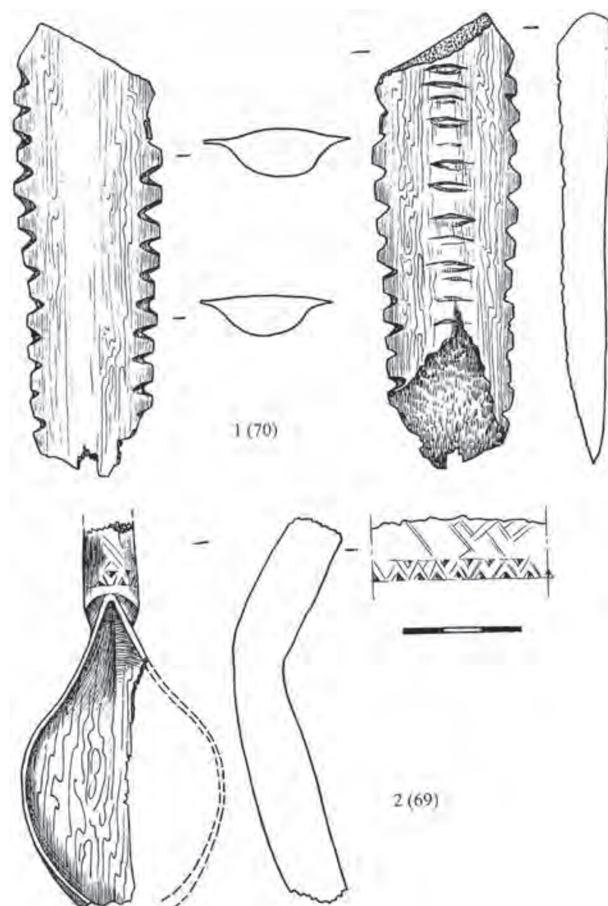


Рис. 18. Изделия из дерева: *1* – бирка счетная или штамп для орнаментации; *2* – ложка с фрагментом орнаментированного черенка. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

док время возведения П-Б следует отнести к XIII в., скорее ко второй его половине. Погибла она в пожаре ранее времени разрушения П-А, вероятно, в XIV или XV в.

К П-Б с северо-восточной стороны примыкали шесть уложенных в ряд колотых плах длиной до 1,34–1,70 м и шириной до 0,28 м, толщиной в 4–6 см. Они лежали на обрезках бревен, так что это скорее мощение переулка, который вел от улицы к П-Б, а не дворовая вымостка. Уровень их залегания приходится на высоту второго (считая сверху венца П-Б), что дает основание предположительно датировать этот настил XIV в. Каких либо находок подтверждающих эту, или же дающих иную дату настила, не имеется.

Постройка Г (П-Г). Бревна верхнего венца ее открылись на уровне настила мостовой горизонта 4. Это – самый большой сруб в раскопе II/2. Протяженность его вдоль улицы (с учетом остатков) – 3,25 м. Прослеженная ширина – 3,65 м, но она была большей: северная часть постройки уничтожена котлованом, который является северо-восточной границей раскопа II. П-Г изготовлена в технике рубки «в обло» с остатком из бревен диаметром 0,19–0,25 м. Сохранилось 5–6 нижних венцов постройки, фрагменты дощатого пола и переводины для него. Возле юго-восточной стены П-В прослежен настил из плах, уложенный «впритык» к стене и имеющий общую ширину 0,35–0,43 м (рис. 17). Этот настил был устроен на уровне пятого венца, вероятно, когда «нарастание» культурного слоя возле постройки затрудняло передвижение вокруг ее. Следует отметить, что бревна северо-западной и юго-восточной стен П-Г были частично смещены относительно оси стен и не были строго перпендикулярны линии юго-западной стены. Несомненно, это произошло при частичном разрушении вышеназванных стен, затронутых котлованом, который уничтожил часть П-Г в том числе и полностью «снес» ее северо-восточную стену.

При выборке культурного слоя из П-Г было найдено немало предметов, не дающих дату этого сооружения: железные гвозди, иглы для шитья, фрагменты черенковых ножей (преимущественно их клинков),

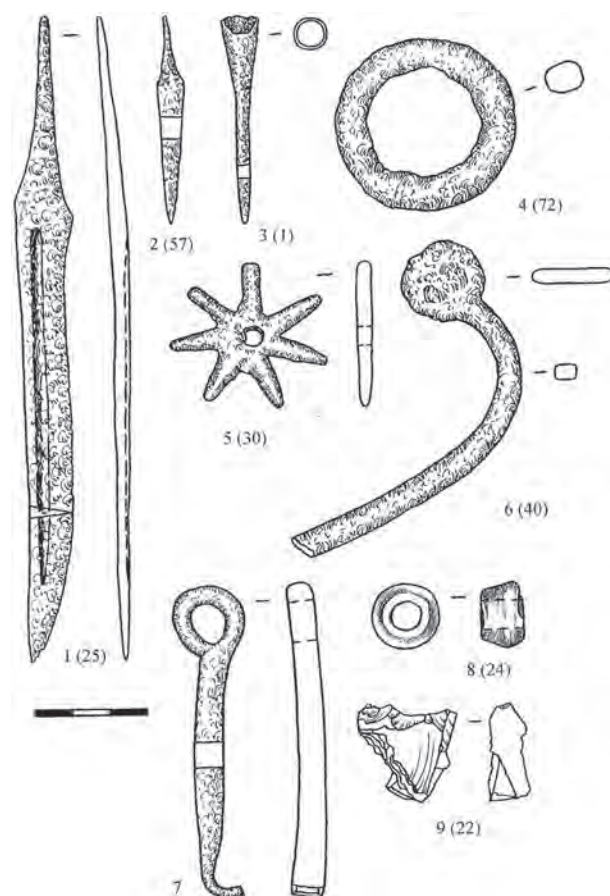


Рис. 19. Изделия из черных металлов и камня: *1* – боевой нож; *2, 3* – наконечники стрел; *4* – кольцо поясное или сбруйное; *5* – звездочка от шпоры; *6* – шпора (часть дужки с петлей) (фрагмент); *7* – звено грызла двухчастных удил (фрагмент); *8* – пряслице шиферное; *9* – кремень для высекания огня. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

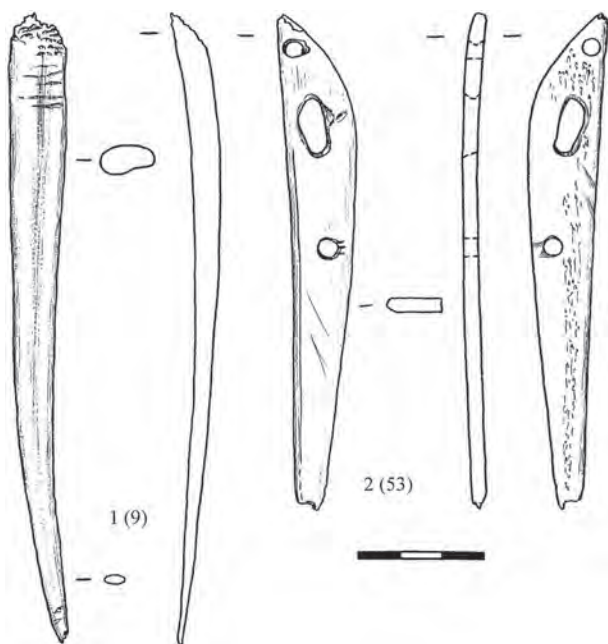


Рис. 20. Изделия из кости и рога: *1* – проколка; *2* – петля для колчана. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

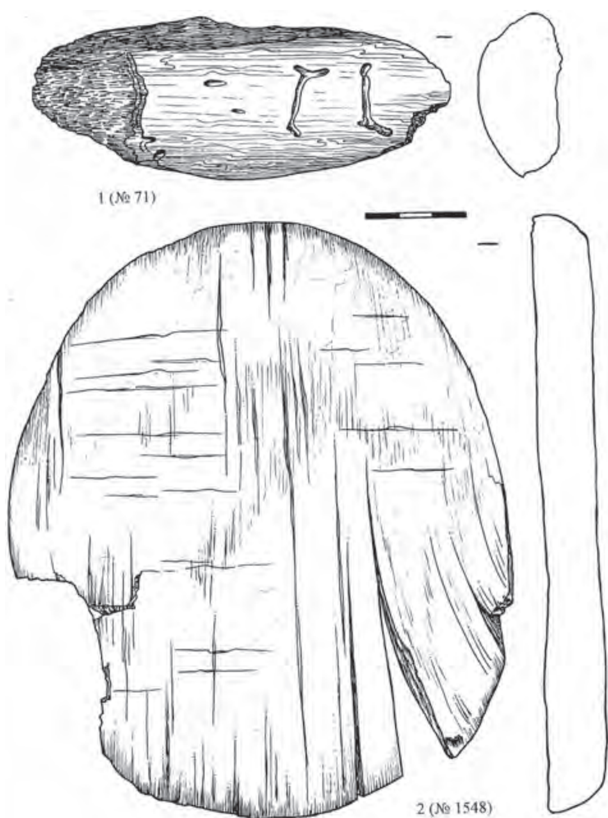


Рис. 21. Изделия из дерева: *1* – обрубок дерева с буквами (?) (фрагмент); *2* – дно или крышка бондарной посуды. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

серпа, обруча для деревянного ведра, фрагмент кольца от удил, ручка от ларца или сундучка; изготовленные из цветных металлов литые поясовые кольца, накладка-застежка; обрезок дерева с изображением вырезанных или выжженных букв (?) (рис. 21: *1*); фрагменты стенок и донцев керамической посуды.

Среди датирующих П-Г артефактов – изготовленные из железа ключ со стержневым окончанием от комбинированного замка (по новгородской хронологии такие ключи употребляли с конца XI до середины XIV в.; рис. 22: *7*), звездочка от шпоры (рис. 19: *5*; такой тип шпор вошел в употребление не ранее второй половины XIII в.) и наконечник стрелы бронебойный ромбического сечения (шиловидный) черенковый без упора (X–XIV вв.; рис. 19: *2*); изделия из цветных металлов: крестик-тельник (XII–XIII вв.; рис. 23: *7*), серебряное или билоновое украшение (возможно, привеска), круглой формы, несущее на одной стороне орнамент типа «процветший крест» (рис. 23: *12*). Подобные украшения найдены в Бресте и Полоцке, где датируются соответственно концом XII – нача-

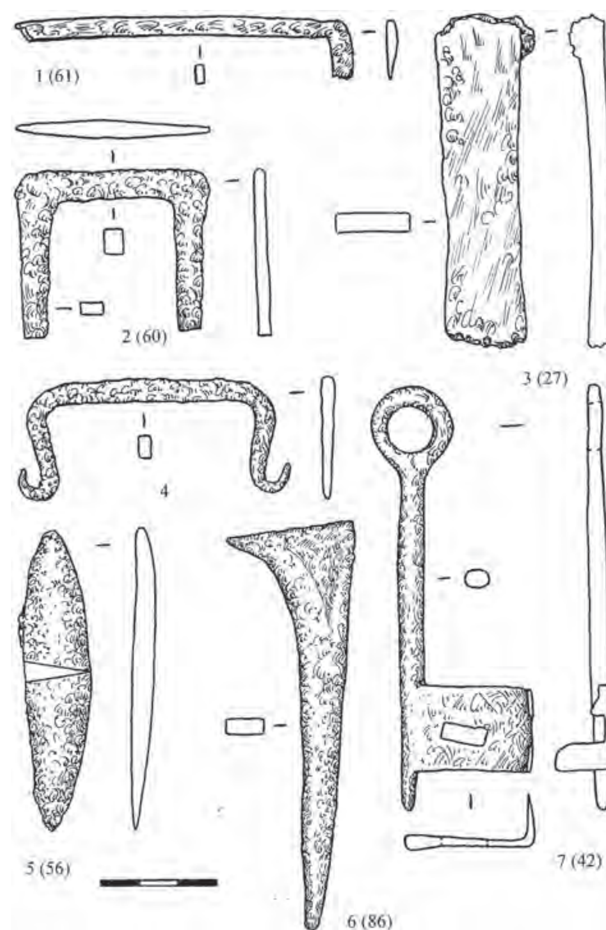


Рис. 22. Изделия из черных металлов: *1–4* – скобяные изделия и заготовки к ним; *5* – топор (ударная часть) (фрагмент); *6* – серп (фрагмент); *7* – ключ. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

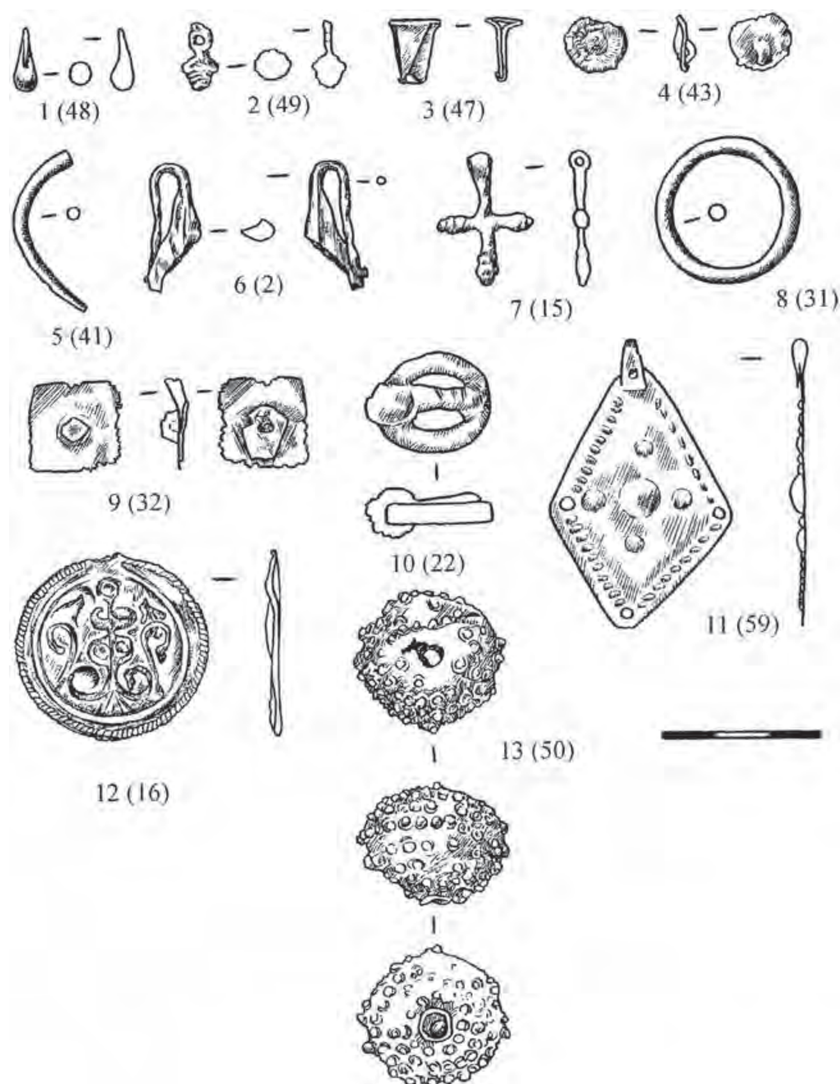


Рис. 23. Изделия из цветных металлов: *1, 2* – пуговицы; *3* – заклепка гвоздевидная; *4* – пломба или печать вислая; *5* – круглопроволочный перстень с разомкнутыми заходящими концами (фрагмент); *6* – застежка-замок от украшения; *7* – крестик-тельник; *8* – кольцо поясное; *9* – накладка; *10* – пряжка или кольцевая фибула; *11, 12* – привески; *13* – бусина шумящая, орнаментированная зернью и напаянными колечками. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

лом XIII в. и XIII в. Украшения со сходным орнаментом были найдены также в Витебске и Торопце. Интересна находка медной полой шарообразной бусины, украшенной припаянными медными колечками (рис. 23: *13*). В Новгороде Великом такая бусина датируется рубежом XII/XIII вв., но М. В. Седова отметила, что по способу изготовления и по форме такие бусы близки найденным в курганных захоронениях [8, с. 155, рис. 61: *1*]. Внутри минской бусины – небольшой металлический шарик, превращающий ее в шумящее украшение. К датирующим (вернее, дающим дату, но не узкую, а довольно широкую) относятся и найденные здесь фрагменты стеклянных браслетов (рис. 24). Эти популярные среди горожанок украшения, согласно хронологии Великого Новгорода, получили распространение в XII–XIII вв. и вышли из употребления только в первой половине XIV в.

Из П-Г происходит мелкая зонная бусина темно-зеленого, на вид почти черного стекла. Подобные в Новгороде Великом найдены по Ю. Л. Щаповой на уровне 21–27 ярусов, что соответствует концу X в. (972 г.) – концу XI в. (1096 г.). Э. М. Загорульский определил время бытования в Минске различных типов стеклянных браслетов, но верхняя временная граница их бытования в Минске практически совпадает с новгородской. Относительно стеклянных бус Загорульский отметил, что «с середины XIII в. они практически исчезают» из слоя [1, с. 233].

Отдельную группу находок, связанных с рассматриваемой постройкой, составляют фрагменты керамической посуды, в том числе венчики террако-

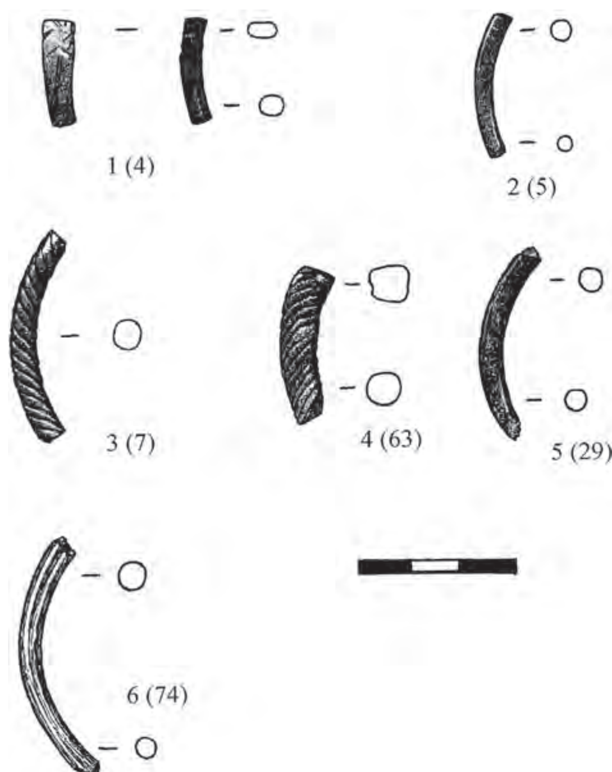


Рис. 24. Стеклянные браслеты (*1–6*). (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

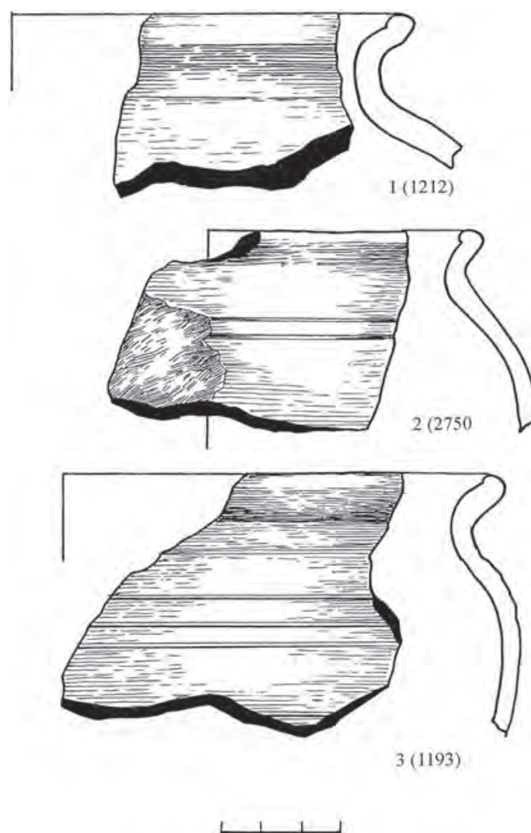


Рис. 25. Венчики терракотовых горшков: *1* – тип 4-IIIА; *2* – тип 4-IIIБ; *3* – тип 4-IVА. Глина. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

товых горшков следующих типов: 1-IБ, В, Г; 4-IБ, 4-IIIБ и 4V (рис. 25, 26). Если не принимать во внимание горшки, представленные единичными экземплярами и попавшие в зону П-Г, скорее всего, при повреждении слоя перекопами, то керамический комплекс, полученный при вскрытии и расчистке постройки, можно датировать XII(XIII)–XIV(XV) вв., что не противоречит общей дате комплекса содержащихся внутри П-Г артефактов, отнесенных к индивидуальным находкам.

В принципе, подобная датировка соотносится и с данными стратиграфии: верхний венец П-Г перекрыт плахами настилов мостовых горизонтов 3 и 4, а нижний заглублен до уровня пластов 18–19. В них доминирующим типом керамической посуды является горшок типа 4-IБ (рис. 26). Они характерны для XII – первой половины XIII в. Все это вместе взятое дает основание датировать постройку ГXII (скорее всего, второй половиной или концом XII в.), либо XII–XV вв. и отнести ее к *строительному горизонту 6*, учитывая, что она функционировала и в период существования строительного горизонта 5.

Постройка Г не являлась единственным сооружением строительного горизонта 6 в пределах раскопа II/2. К этому горизонту относится также постройка В (П-В), вошедшая в раскоп лишь частично своим северо-восточным углом (рис. 17). К сожалению, по причине того, что архитекторы, руководители проекта не дали согласия на разборку П-Б, расположенную над остатками П-В, а местами и опирающимися на них, нам не удалось полностью изучить даже ту часть постройки В, которая вошла в площадь раскопа. Как можно судить по северовосточной стене П-В, она была срублена в технике «в обло» с остатком; длина остатков – 0,17–0,22 м. Постройка была двухкамерной и состояла из малого (северо-западного) сруба (длина по северо-восточной стенке – 1,4 м) и большого (южного) сруба (прослеженная длина – 2,6 м). Сохранность обеих камер-срубов по прослеженной стороне – 2–3 венца. Диаметр бревен нижних венцов – до 0,22 м.

Поскольку доступ к срубу П-В был перекрыт неразобранной П-Б, исследовать его заполнение не представилось возможным, что не дало определить точную дату возведения и разрушения П-В. Тем не менее, очевидно, что верхняя дата П-В должна корректироваться с временем возведения над нею построек Б и в определенной степени А, которая частично перекрыла собой сруб малой камеры П-В. Выше уже приводились даты сооружения П-Б и П-А – XIII в., с уточнением, что П-Б могла быть возведена во второй половине этого столетия. Сложнее решается вопрос о времени строительства П-В. Непосредствен-

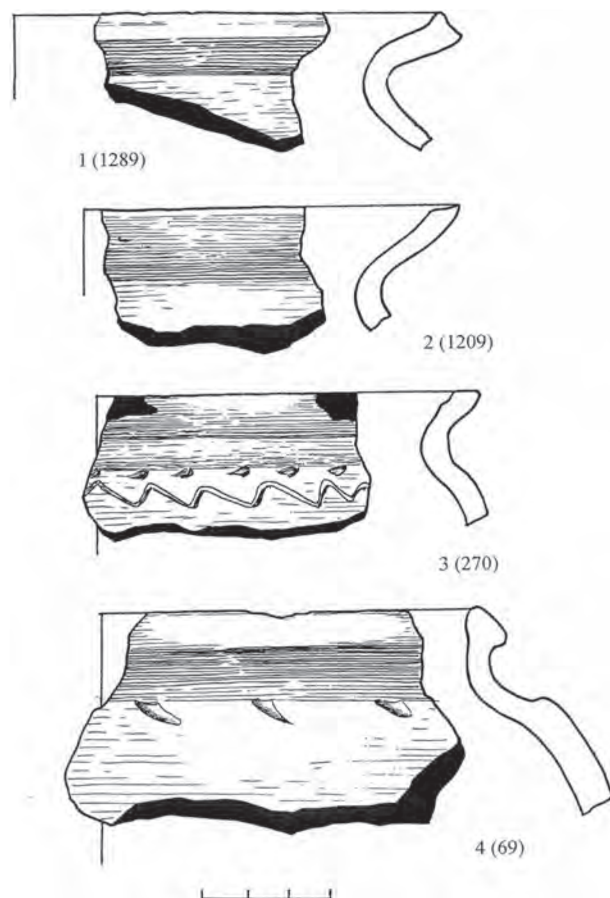


Рис. 26. Венчики терракотовых горшков: *1* – тип 1-IВ (модификация XIII в.); *2* – тип 4IБ; *3* – тип 1-IIIВ; *4* – тип 1-IIIБ. Глина. (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

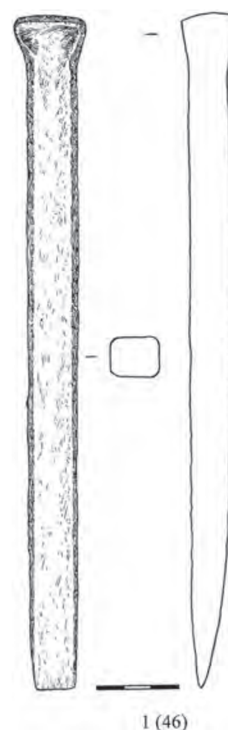


Рис. 27. Долото (*1*). Черный металл. (Номер в скобках соответствует коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

но под бревнами ее нижнего венца было найдено крупное долото (рис. 27). По размерам, форме и пропорциям оно близко долоту конца XII в. из Неревского раскопа Великого Новгорода [4, рис. 20: *1*]. В слое рядом с П-В обнаружены венчики терракотовых горшков типов 4-IБ и 1-IВ (рис. 26), что дает основание датировать сооружение П-В XII в., может быть, даже началом XIII в. Принимая во внимание залегание П-В выше по уровню, чем П-Г (оценивается уровень залегания нижних венцов обеих построек), возможное время строительства П-В корректируется до конца XII – начала XIII в. В любом случае существование постройки В не было продолжительным. Данная постройка вместе с П-Г образовывала строительный горизонт 6 раскопа II/2. Сама постройка Г, с возведением которой было связано образование строительного горизонта 6, функционировала продолжительное время, и сосуществовала с постройками А и Б и иными сооружениями горизонта 5.

Постройка Б горизонта 5 была возведена непосредственно над П-В горизонта 6, но с небольшим смещением в юго-западном направлении, при этом сохранившиеся венцы П-В были использованы в качестве внешней опоры для поперечного настила из коротких колотых плах шириной в 20–22 см, концы которых стыковались с бревнами сруба П-Б. Похоже, что П-Б имело по своему периметру (как минимум, с одной из сторон) крытую галерею с дощатым настилом. Ширина галереи была не менее 0,5 м, а ее настил приобрел почти вертикальное положение (рис. 28). В таком случае плахи и доски в квадратах 1А и 1, примыкающие к срубу П-Б и принятые нами выше за настил двора или переулка, могут являться остатками постройки В, образованными в результате частичного разрушения бревен либо «проседания» их. По непонятной нам причине, галерея разрушилась досками, ограждавшими с внешней стороны галерею постройки В. Дома с крытыми галереями, имевшими дощатое заграждение, известны в застройке Старой Ладоги, Великого Новгорода и Заславля, но в отличие от П-Б жилой сруб в них окружался дополнительным венцом (или двумя), который был опорой для настила и внешней дощатой загородки. В П-Б в качестве такой основы использовались уцелевшие венцы сруба предшествующей ей П-В.

Сооружение *строительного горизонта 7* в нашем раскопе выявлены фрагментами какой-то конструкции, остатки которой зафиксированы в квадратах 1–3А ниже уровня П-А и П-В, в пласте 20 (рис. 29). Поскольку сохраненные *in situ* П-А и П-Б, П-В препятствовали «продвижению» к юго-запад-

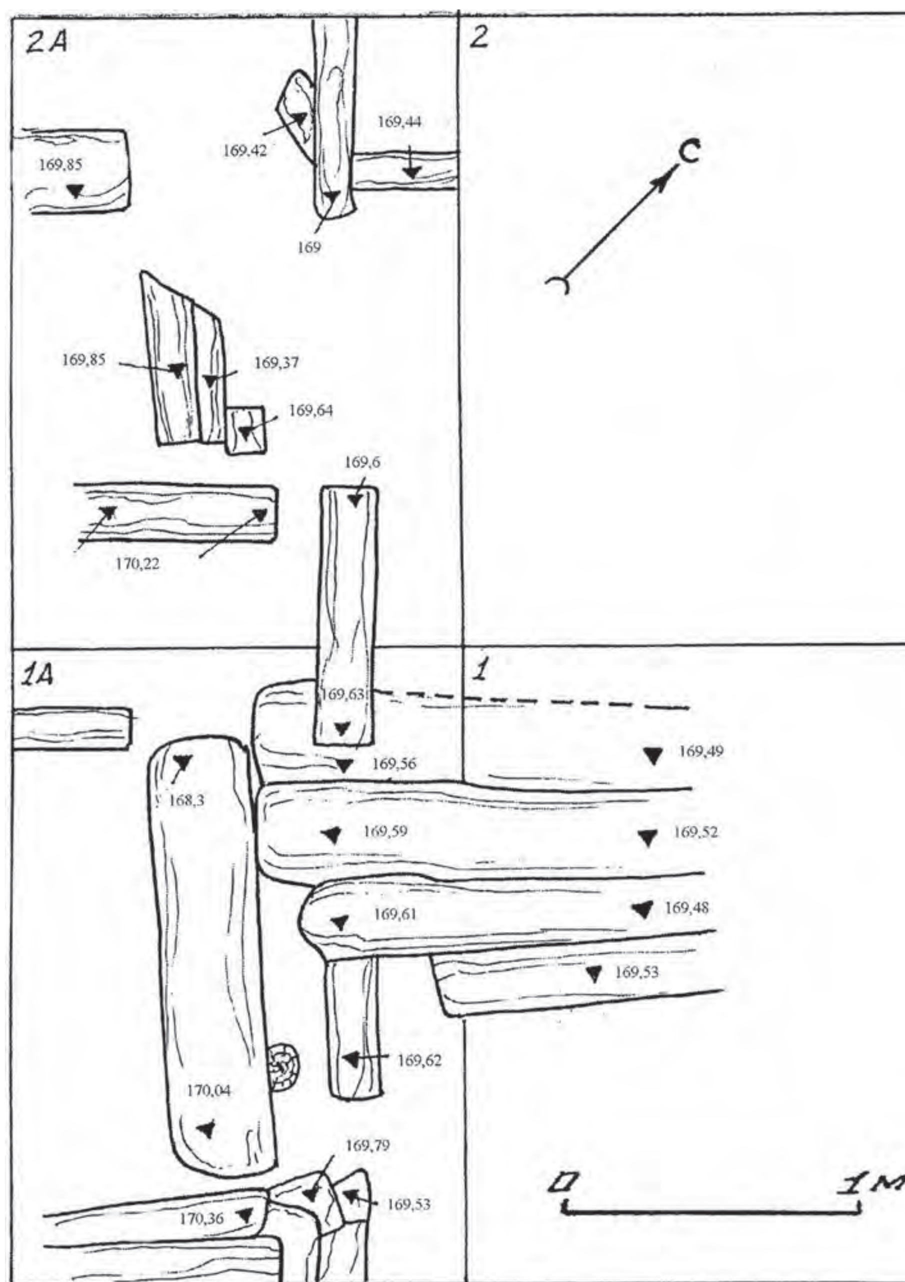


Рис. 28. Деревянные конструкции горизонта 5 в южной оконечности раскопа. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

ной стенке раскопа, возможно, конструкцию горизонта 7 на всей его площади раскрыть не удалось. Остатки его представлены бревном длиной 3,2 м и диаметром 0,21 м, часть которого сверху перерыта плахой-горбылем. Прослеженная ее длина – 0,8 м, ширина – 0,32 и толщина – до 0,6 м. К юго-восточному концу бревна примыкает бревенчатый столбик диаметром 0,14 м, в высоту прослежен на 0,2 м. Еще один бревенчатый столб диаметром 0,22 м (прослежен в высоту на 0,29 м) отстоял от первого к северо-востоку на 0,85 м. Никаких находок возле этих остатков дерева, которые могли бы датировать или указать на их назначение, не обнаружено, но в пласте, в котором они располагались, на территории раскопа выявлена керамика, датированная XII – первой половиной XIII в. (фрагменты горшков типа 4-IВ). Полагаю, что наиболее объективной для строительного горизонта 7 будет дата «XII в.».

Деревянные конструкции всех описанных выше строительных горизонтов сохранились в культурном слое черного цвета, в верхней части которого, особенно на линиях квадратов 1А–3А и 1–3 имелись значительные примеси навоза и древесной щепы. Наличие последней указывает, что постройка и плахи для настилов могли изготавливаться либо дорабатываться (подтесываться, подгоняться) на месте.

Наибольшую мощность черный культурный слой имел в указанных выше линиях квадратов, особенно в крайней с юго-запада 1А–3А – не менее 2,25 м (поскольку раскоп не был доведен до материка, то общую мощность нижних слоев определить не удалось, а в последнем разрабатываемом на данной линии квадратов пласте продолжал идти все тот же черный слой, правда, уже без примесей навоза и щепы). На остальных линиях квадратов раскопа II/2 слой черного цвета выглядит скорее прослойками, ответвляющимися от основной его массы в юго-западных квадратах. Эти «прослойки», разделяющие на части иные слои или вклинивающиеся в них (рис. 15), имеют мощность от 0,25 до 0,9 м.

На части квадратов 1–3 и повсеместно в квадратах 4–6 непосредственно под верхним насыпным (перекопанным) верхним слоем залегал слой серого цвета более светлый в верхних пластах и темный в нижних, с уровня пласта 15–16.

Под ним (серым слоем), в квадратах 4–6 на глубине 1,8 м, а в квадратах 1–3 на глубине 3,2 м от уровня современной дневной поверхности открылся «полосато-пестрый слой», состоящий из чередующихся полос темно-серого и буро-коричневого цвета (рис. 15). Ширина этого слоя по горизонтали (насколько он прослежен в нашем раскопе) от 1,0 до 1,8 м, высота по вертикали (прослеженная) – не менее 1,52 м. Данный слой совершенно не содержал артефактов. Подобные «полосато-пестрые» слои были прослежены в раскопе 1984–1985 гг. по внутреннему склону первоначального вала детинца и Э. М. Загорульским в нижней части внешнего склона этого вала. В обоих случаях такой слой интерпретировался как дерновая обкладка, укреплявшая склоны песчаного вала.

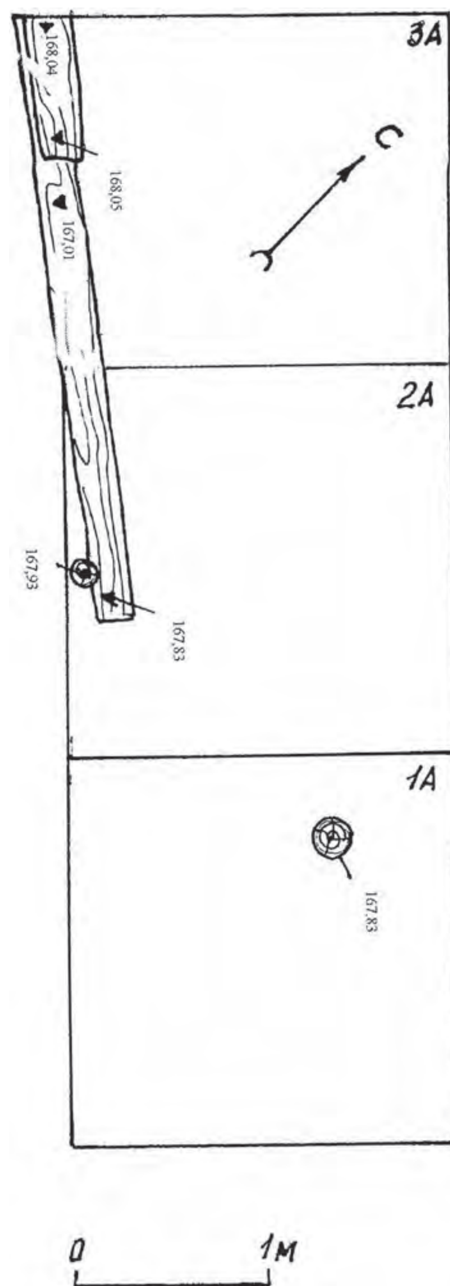


Рис. 29. Дерево горизонта 6 в квадратах 1А–3А. Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

В восточной оконечности квадрата 6 и в квадрате 5 под «полосато-пестрым» слоем открылся слой разнозернистого песка, относящийся ко второму этапу строительства вала. Прослеженные параметры этого слоя 0,65 м (ширина) и 0,85 м (высота). В этом слое песка находок не было. Как было выяснено в 1984–1985 гг. песчаную насыпь второго этапа строительства вала со стороны города ограждала и укрепляла деревянная крепежная стенка так называемой гаковой конструкции [3, с. 17–20]. По мере «ветшания» этой стенки внутренний склон вала дополнительно был укреплен «присыпкой» легкого пылеватого суглинка, который, обладая большой плотностью, предотвращал «расползание» песчаной насыпи на территории детинца. Мы полагаем, что на некоторых участках, в том числе и на изучаемой нами в 2009 г. территории, вместо легкого пылеватого суглинка могла применяться обкладка из дерновых пластин. Однако, принимая во внимание отсутствие следов древесного тлена на границе песчаного вала и «полосато-пестрого» слоя, с равной долей вероятности можно предположить, что деревянной гаковой конструкцией склон второй подсыпки вала укреплялся только вблизи брамы, а на остальных участках мог «крепиться» с помощью дерновой обкладки, или же применения подсыпки из плотных, препятствующих оползанию песчаной насыпи вала, грунтов.

При разработке этого слоя дерновой обкладки в квадратах 2, 3 и 5, 6 были выявлены и прослежены частично два наката бревенчатой рустовой (решетчатой) конструкции, такой же, какая применялась для укрепления основы первоначального вала Менска на Свислочи (Немиге).

Хотя, согласно паспорту объекта, работы на участке-2 должны были вестись по октябрь месяц 2009 г.

(сроки работ должны были быть согласованы Заказчиком с городскими властями), по требованию руководства города котлован и территория раскопов I и II начали засыпаться в начале сентября, с тем, чтобы к празднованию Дню города (сентябрь) восстановить на месте участка-2 зеленый газон. Для засыпки использовался отработанный грунт, взятый с места раскопок на объекте «Минский Свято-Духов собор». Поскольку расстояние между двумя объектами небольшое, то засыпка участка-2 велась более быстрыми темпами, чем работы по снятию балласта и насыпного грунта, предшествующие раскопкам. Чтобы «выкроить» еще несколько дней для работ на раскопе II, А. М. Медведев договорился, чтобы сначала засыпали участок-1 и ту часть участка-2, что расположена южнее швеллерной стенки. Однако испортившаяся внезапно погода (новая полоса затяжных дождей и ливней, затруднивших и замедливших работу) не позволила нам воспользоваться этим шансом – вскоре раскоп был засыпан, поверхность над ним разровнена, а на участке-2 высажена трава. По этой причине решетчатую деревянную конструкцию облицовки внутреннего склона вала нам удалось только зафиксировать на фотоснимках.

Поскольку из-за попыток сохранить не тронутыми остатки деревянных конструкций и неравномерного схода (высыхания) дождевых вод культурный слой в раскопе разрабатывался не одновременно на всех квадратах, дно его приобретало «уступистый» вид. Поэтому на момент окончания работ в раскопе II/2 на разных участках его глубина составляла от 3,6 до 4,4 м.

История застройки на участке II/2 по состоянию его изученности сегодня выглядит следующим образом. Поскольку раскоп не был доведен до уровня материка, невозможно установить, имелись ли на его территории строительные конструкции, предшествовавшие горизонту 7 и второму этапу строительства вала. Можно лишь предполагать, что после «достройки» вала прилегавшая к нему территория некоторое время не застраивалась по двум причинам: во-первых, чтобы не препятствовать свободному перемещению вдоль подножья вала со стороны детинца, а во-вторых, поскольку с сооружением вала между его склоном и наклонной площадкой возвышенности, на которой был сооружен детинец, образовалась ровикообразная западина, не пригодная для заселения, скорее всего, по причине скапливающихся в ней дождевых и сточных вод. Ранее начала застраиваться юго-западная, наиболее удаленная от вала часть территории, исследованной раскопом II/2 (строительный горизонт 7, назначение остатков которого, к сожалению, не представляется возможным выяснить). Таким образом, первоначально застраивалась часть детинца отстоящая от подножья вала примерно на 4–5 м. И лишь с нарастанием культурного слоя, который, накладываясь на внутренний склон «обкладки» вала, расширял пригодную для заселения площадь детинца, ближе к валу в XII в. была возведена срубная двухкамерная постройка В горизонта 6. Она не была единственной постройкой этого горизонта на изучаемой территории: во второй половине, либо конце XII – начале XIII в. южнее ее была возведена постройка В, уничтоженная во второй половине XIII в. На смену ей во второй половине XIII в. (не исключено, что в самом начале XIV в.), была сооружена срубная постройка Б с галереей, относящаяся уже к строительному горизонту 5, в котором продолжала функционировать и постройка Г, сооруженная на уровне строительного горизонта 6. Также в XIII в. была сооружена срубная П-А, вошедшая в строительный горизонт 5.

По непонятным пока нам причинам в XV в., скорее, в начале первой его половины произошло полное или частичное разрушение П-Б. В то же время прекратилось функционирование и П-Г. Постройка А, менее прочная (сооружена из более тонких бревен), тем не менее, «дотянула» почти до второй половины или конца XV в., после чего была перекрыта дощатым настилом строительных горизонтов 4 и 3. В XVI в. часть северо-западного участка раскопа была перекрыта настилом (уличным) строительного горизонта 2, который стратиграфически мог предшествовать, либо даже соотноситься с каменной постройкой горизонта 1, возведенной во второй половине XVI в.

Краткая характеристика основных групп находок (по категориям, т. е. по материалу изготовления). *Изделия из черных металлов (железа и стали)* представлены в коллекции 42 экземплярами. Часть этих находок мало информативна: это гвозди, скобы и их фрагменты (рис. 30: *1, 2, 5–8*) и прочие скобяные изделия (рис. 22: *1–4*) всего 16 экземпляров, а также заготовки различных изделий, в большинстве бракованные (рис. 31: *7, 12*). Мало пригодны для датировок швейные иглы (рис. 31: *1–5*), фрагменты удил и пинцетов (рис. 30: *3, 4, 10*), обломок ударной части топора и нижней части серпа (рис. 22: *5, 6*), фрагмента обруча для деревянного ведра. Зато эти предметы «говорят» о занятиях жителей этой части детинца. Обломок ударной части топора, скорее всего плотницкого или универсального (рис. 22: *5*), найденный в слое, содержащем древесную щепу, указывает на то, что обработка бревен для построек и изготовление плах для настилов и вымосток велись, скорее всего, на месте. Судя по фрагменту, ширина лезвия топора доходила до 82–85 мм. Иглы имели длину до 55–62 мм, диаметр стержня – 1 мм или несколько больше, отверстие ушка – овальное (1 × 2 мм). Подобные иглы могли применяться как для шитья, так и вышивания. Ножи, в большинстве их, представлены клинками и фрагментами клин-

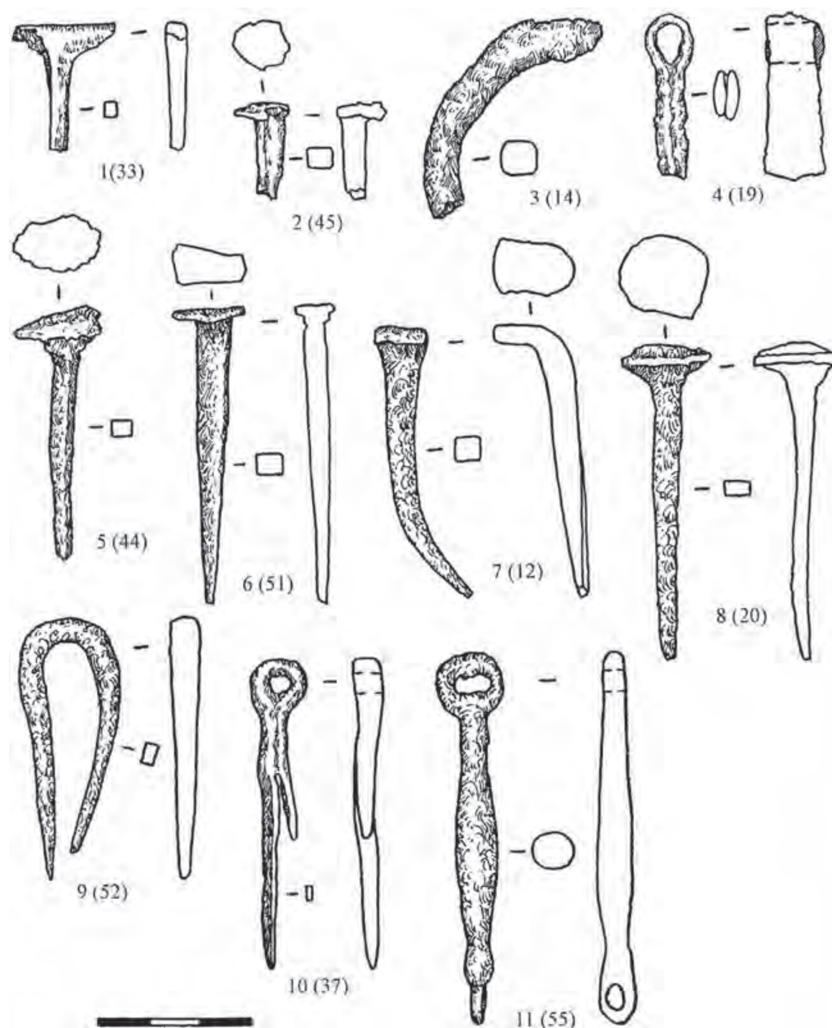


Рис. 30. Изделия из черных металлов: *1, 2, 5–8* – гвозди; *3* – кольцо от удил (фрагмент); *4, 10* – пинцеты (фрагменты); *9* – пробой; *11* – ключ от замка типа «А». (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

ков. Судя по наиболее целым экземплярам, длина клинков колебалась между 70 и 90 мм, а ширина редко превышала 13–14 мм (при этом следует иметь ввиду, что мы имеем дело с частично сработанными, сточенными экземплярами). Ширина спинок (обушков) клинков – 24 мм; в этот период ножи по технологии трехполосного пакета почти не изготавливались: стальное лезвия у них наваривалась (косо или торцово, т. е. прямо) на железную основу. Такие ножи вошли в употребление в XII в. и использовались до конца XIV в. [5, с. 165]. Спинка клинка плавно «закругляется» к острию.

Ось короткого (по сравнению с ножами предыдущего времени) черенка образует с осью клинка тупой угол, отчего такие изделия именуют «ножами с горбатой спинкой». По конфигурации почти все ножи из раскопа II/2 принадлежат к универсальным орудиям хозяйственного назначения. Исключения составляют два экземпляра. Один из них – фрагмент неширокого клинка, у которого спинка «сходила» к острию с плавным выгибом, напоминающим форму так называемых финок XX в. (рис. 31: *6*). Такие признаки свойственны рабочим ножам для резьбы по дереву и инструменту сапожника [4; 9, с. 54, рис. 43]. Принимая во внимание наличие в пласте 13, где был найден этот фрагмент ножа, большое количество отходов производства изделий из кожи, а равно и резные деревянные изделия, трудно определить: ремесленнику какой конкретно специальности принадлежал данный нож. Второй нож сохранился неплохо, если не принимать во внимание некоторую сточенность клинка. Общая длина изделия – 175 мм, ширина клинка – 16, длина – 127, толщина обушка – 4,5 мм. На одной стороне клинка имеется дол длиной 100 мм, шириной 3,7 мм и глубиной 1,7 мм (рис. 19: *1*). Это типичный боевой засопожный нож [9, с. 56, рис. 43: *В*]. К ремесленным инструментам относится довольно крупное долото (рис. 27). Длина – 255 мм, размеры стержня прямоугольного сечения – 19 × 15 мм.

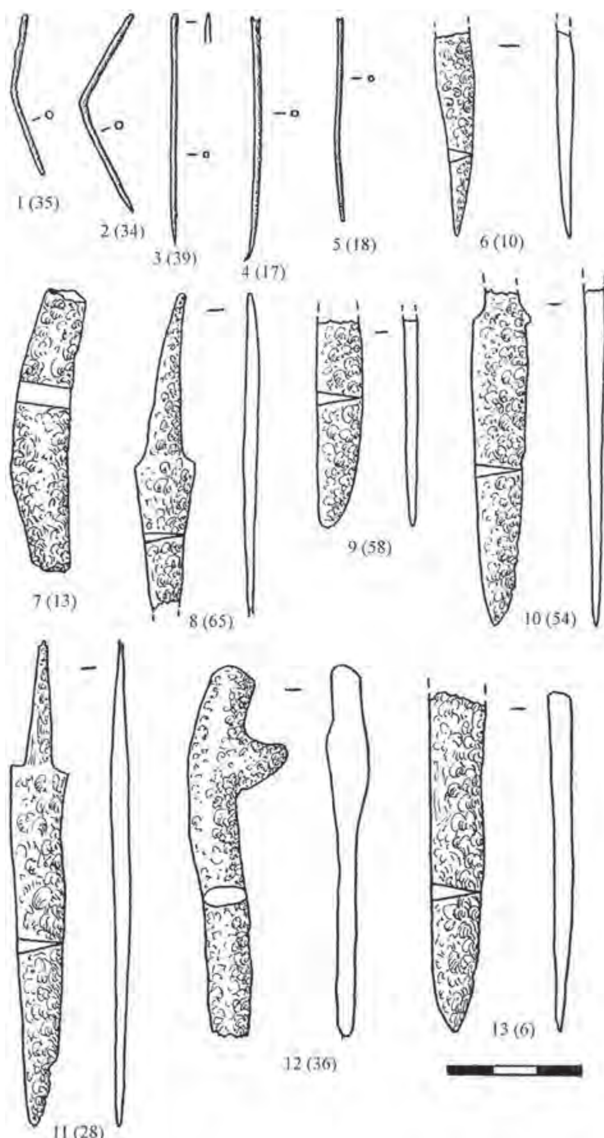


Рис. 31. Изделия из черных металлов: *1–5* – иглы; *6, 8–11, 13* – ножи и их фрагменты; *7* – заготовка серпа (фрагмент); *12* – заготовка кресала (брак) (фрагмент). (Номера в скобках соответствуют коллекционной описи.) Участок-2, раскоп II. Минское Замчище. 2009 г.

Удила, найденные в раскопе, относятся к типу кольчатых двухзвенных, широко представленных в слоях эпохи Киевской Руси и ВКЛ городов, сельских поселений и в меньшей степени в погребальных памятниках. Находки представлены фрагментами колец и звеньями грызл (рис. 19: *4, 7*; 27: *3*).

Фрагменты шпор (рис. 19: *5, 6*) представлены частью дужки с петлей, близкой по типу шпоре конца XIII – XIV в. из Заславского замка [2, с. 64–65, рис. 41–47]. Репейка от шпоры по своим размерам близка репейкам шпор XV–XVI в.

Наконечники стрел шиловидный черешковый без упора (рис. 19: *2*) и шиловидный втульчатый (рис. 19: *3*) датируются X–XIV и X–XIII вв. соответственно.

Все найденные в раскопе ключи относятся к разным типам. Миниатюрный ключ с круглой лопастью и поперечной ключевой щелью (рис. 30: *11*) от кубического замка типа А найден на уровне пласта 18, с материалами XII и XII – первой половины XIII в. Замки этого типа были широко распространены в X, употреблялись в XI–XII вв., а к середине XIII в. постепенно вышли из употребления. Можно предположить, что данный ключ, благодаря небольшому размеру и весу мог использоваться в качестве подвески-амулета, символизирующей богатство. Второй ключ (рис. 22: *7*) предназначался для комбинированного замка, имел стержневое окончание. Подобные замки и ключи были распространены с конца XI до середины XIV в. [5, с. 160, 161]. На рабочей лопасти ключа всего одно отверстие прямоугольной формы, что указывает на малую степень защиты замка от применения отмычек и подбора ключей. Третий ключ относится к замку типа Д-Е (рис. 13: *2*), вошедшему в употребление с начала XIV в. и применявшемуся в XV и даже в XVI в. [5, с. 169]. В раскопе он найден на уровне пласта 12, датируемом, скорее всего, XVI в.

Изделия из цветных металлов представлены в коллекции 13 предметами. Поскольку анализ этих артефактов методами естественных наук еще не проводили, в большинстве случаев определить род металла затруднительно.

Среди изделий из цветных металлов, как и среди артефактов из железа и стали, имеются фрагменты, по которым невозможно с точностью установить, каков был сам предмет, как, например, обломок ушка застежки от привески, или иного украшения (рис. 23: *6*). Есть также вещи, которые указывают на возможность существования на участке раскопа или близ него мастерской ювелира, но не являются датирующим материалом (рис. 23: *3*). Большинство остальных артефактов имеют весьма широкую датировку. Две бронзовые литые пуговицы (одна грушевидная, другая в форме желудя; рис. 23: *1, 2*) могли использоваться для застегивания воротов как на мужских, так и на женских рубахах. Подобные пуговицы были в употреблении с XI по XV в. [8, с. 155, рис. 61: *3–7*]. Широкие рамки бытования имеют литые разделительные поясные кольца (рис. 23: *8*). Малая кольцевидная пряжка, или фибула из проволоки круглого сечения (рис. 23: *10*), бытовали с конца XII до середины XVI в. [8, с. 92]. Перстни круглопроволочные с разомкнутыми заходящими концами (рис. 23: *5*) М. В. Седова датирует по новгородским материалам концом XI – XIII в. [8, с. 122]. В курганах подобные перстни, найденные в нашем раскопе, получили распространение на землях Беларуси с XI–XII вв. Квадратная неорнаментированная накладка с одной заклепкой в центре (рис. 23: *9*) могла использоваться для украшения одежды, но, скорее,

служила в качестве застежки сумки или крупного кошелька. К сожалению, рельефное изображение на аверсе вислой печати, или пломбы, совершенно не читается (рис. 23: *4*), что препятствует атрибуции, а следовательно и датировке этого артефакта, найденного в пласте 17. Круглая серебряная или билоновая привеска, орнаментированная с одной стороны изображением «процветшего креста» (рис. 23: *12*), по аналогиям датируется концом XII – XIII в. [6, с. 89]. Еще одна привеска ромбовидной формы с рельефным орнаментом и приклепанным ушком (рис. 23: *11*) выявлена на участке позднего перекопа траншеи для подземных коммуникаций. По форме и орнаменту она близка найденному нами в 2009 г. в Лошицком усадебно-парковом комплексе украшению XVIII–XIX вв.

Изделия из стекла (всего 9 предметов) представлены фрагментами гладких и ложнокрученных браслетов (рис. 24) и малой зонной бусиной, раскрошившейся при промывании. Размеры фрагментов невелики: длина по хорде внутреннего диаметра – от 19 до 42 мм. Поперечник изделий в основной части – 4,5–7,0 мм у круглого сечения и до 6,0 × 5,2 мм у браслетов овального сечения; замковая часть имеет сечение прямоугольное размерами 7,0 × 8,0 мм. Преобладают фрагменты браслетов черного, возможно, темно-зеленого цвета (74%), отдельные экземпляры были изготовлены из синего и ярко-голубого стекла.

Немногочисленные и мелкие фрагменты стеклянной посуды и оконного стекла обнаружены на уровне строительных горизонтов 2 и 3, преимущественно в местах поздних перекопов, и датированы XVI–XVIII вв.

Изделия из кости и рога представлены грубо обработанной костяной проколкой (рис. 20: *1*) и петлей для колчана, либо накладкой от налучий с тремя отверстиями (рис. 20: *2*). Похожие изделия найдены в слоях XII–XIII вв. Новгорода Великого [7; 9, с. 147–148, рис. 10: *6*; 11: *5–9*]. Длина изделия – 123 мм, максимальная ширина – 18, толщина – до 4 мм. Стороны его тщательно отполированы, но неорнаментированы.

Изделия из дерева представлены четырьмя находками: неглубокой ложкой с орнаментальным пояском на черенке близ перехода его в емкость; большая часть черенка-держки обломана; обломком пластины полуовального сечения с зубчатыми краями обеих ребер и нарезами-насечками на одной из плоскостей (рис. 18: *2*). Такое изделие могло являться счетной биркой или использоваться для нанесения линейного орнамента на поверхность керамической посуды. Донце для бондарной посуды (деревянного ведра или небольшой кадки) имеет овальную форму размерами 180 × 159 мм при толщине 18 мм (рис. 21: *2*). Четвертый деревянный экземпляр коллекции, собственно говоря, не изделие, а обломок дерева, на котором заметны не то прорезанные, не то выжженные буквообразные (?) знаки (рис. 21: *1*).

Изделия из камня представлены четырьмя находками: двумя кремнями для высекания огня с помощью кресала, имеющими на конце и гранях характерные «забоины» (рис. 19: *9*), маленьким биконическим пряслицем из овручского шифера (рис. 19: *8*) и кремневый наконечник стрелы мезолитического облика, найденный в пласте 13 с материалами XIII–XIV вв. и использовавшийся, вероятнее всего, в качестве оберега.

Изделия из глины представлены фрагментами керамической посуды и изразцов в количестве 8 и 675 экземпляров соответственно. Изразцы представлены находками фрагментов румп и мелких обломков лицевых пластин, не позволяющих судить о характере орнамента, в тех случаях, когда таковой имелся. Помимо изразцов на участках перекопов найдены два фрагмента терракотовой половой плитки и несколько обломков кирпича-пальчатки. Надо полагать, что все эти артефакты попали в перекопы из лежавших выше слоев эпохи позднего средневековья. Фрагментов керамической посуды в раскопе собрано 675 единиц, из них венчиков – 175. К сожалению, большинство венчиков по степени их сохранности являются неопределимыми. Ниже в таблице показано распределение определимых по типам венчиков по пластам раскопа и их количество (последнее указано после номера пласта через косую черту, в последней графе в скобках показаны крайние параметру диаметров устья сосудов)[1].

Из распределения типов керамических горшков по пластам видно, что в нижних пластах преобладали сосуды, характерные для XII в. и XII–XIII вв. Обращает на себя внимание полное отсутствие венчиков отдела 2, точнее тех их типов, которые характерны для XI в., к которому Э. М. Загорульский относит возникновение Минска в устье Немиги. Заметим, что и стенки горшков с линейным орнаментом, который ряд исследователей склонен относить к XI в., имеет расположение и характер орнаментальных линий, свойственных, как показало изучение хорошо датированного материала, для XII в. и даже для первой половины XIII в. Такое начертание и расположение горизонтальные орнаментальные линии имеют на горшке XIV–XV вв. из исследованной нами поздней насыпи в курганном могильнике у д. Василевщина. Заметим попутно, что наличие на фрагментах тулова сосудов ребра (на плечике), поливы ангоба, особенности орнамента и сырья (белая глина) и иные технологические при-

[1] В данной таблице не учитывались венчики, собранные на поверхности после снятия балласта и после вертикальных зачисток стенок раскопа, если при этом не фиксировался уровень залегания находки, т. е. если она не имела «привязки» к конкретному пласту.

знаки (морение, использование быстрого, или ножного гончарного круга для производства посуды) дают возможность привлекать такие артефакты для датирования, хотя хронологические рамки, устанавливаемые с их помощью, отличаются шириной диапазона, а также определенной «размытостью».

В раскопе II/2 найдено почти 150 артефактов из кожи, преимущественно различных обрезков и деталей (возможно, бракованных). Хотя кожаные артефакты специально не изучались, не возникает сомнения, что на изучаемой раскопом II/2 территории имело место производство изделий из кожи, в чем убеждает и находка обрезка кожи, не очищенной от шерсти. Хотя артефакты из кожи весьма многочисленны, найдены они только в пластах 10–17. При этом наибольшее количество таких находок приходится на пласты 10–13, несколько меньшее, но все-таки значительное количество кожаных артефактов происходит из пластов 14, 15 и 16; в пласте 17 подобные находки уже единичны. Найдены также обрывки какого-то изделия из тонких веревок (возможно, рыболовной сети).

Распределение определимых по типам венчиков

Тип горшка	Пласт / количество венчиков данного типа в пласте	Общее количество венчиков данного типа в раскопе
1-IА	12 / 3	3 (14)
1-IБ	12 / 2; 14 / 1	3 (10–14)
1-IВ	10 / 1; 13 / 3; 18 / 2	6 (13–17)
1-IГ	10 / 1; 12 / 1; 14 / 1	3 (9–13)
1-IД	12 / 1	–
1-IIА	13 / 1	1 (14)
1-IIIБ	13 / 1	1 (13)
1-IIIВ	13 / 1	1 (10)
4-IА	14 / 1; 19 / 1	2 (14–20)
4-IБ	1 / 2; 12 / 4; 13 / 1; 15 / 1	8 (11–16)
4-IIIБ	13 / 3; 19 / 1	4 (13–22)
4-IVА	13 / 1	1 (21)
4-V	12 / 1; 13 / 1	2 (13–15)
5-I	10 / 1; 13 / 1	2 (11–12)
5-III	10 / 1; 11 / 1; 14 / 1	3 (11–13)
5-IV	12 / 2	–

Также в раскопе собрано и взято для последующего изучения немало костей животных: в большинстве это кухонные остатки.

Среди прочих находок отметим скорлупу лесных орехов, сосновые шишки, попавшие на эту территорию, вероятно, вместе с древесиной, предназначенной для строительства или отопления домов, а также половинки ракушек двустворчатого моллюска. На одной из них было круглое отверстие, оставшееся после вырезания кружка для перламутровой пуговицы. Подобные раковины, их обрезки и обломки, а также заготовки пуговиц в немалом количестве были найдены при разработке участка-1.

Социально-историческая интерпретация построек из раскопа II/2. Соединив данные о постройках раскопа II/2 и результаты анализа вещевого материала, мы получаем возможность для интерпретации выявленных здесь построек. Разумеется, речь идет о постройках, а не об отдельных элементах конструкций строительных горизонтов, как, например, об остатках горизонта 7. Имеются в виду конкретные срубные постройки с рабочим (условным) обозначением А–Г.

П-А, сооруженная из относительно тонких бревен (диаметром до 12 см), не производит впечатления надежного жилища. Отсутствие печи (впрочем, она могла быть в той части постройки, что не вошла в пределы раскопа), также является аргументом в пользу непричисления П-А к жилым постройкам. Вероятно, это какая-то постройка сезонного использования, возможно, мастерская древореза, на что указывают находки в ней орнаментированной резной деревянной ложки, а поблизости с П-А – ножа для резьбы по дереву (рис. 31: *6*).

П–Г, существовавшая длительное время, по своим размерам, несмотря на отсутствие отопительного приспособления (ведь значительная часть постройки, как отмечалось выше, была разрушена перекопом), вполне может быть отнесена к жилищам. Находки в П-Г предметов, связанных с военным бытом: наконечник стрелы, фрагмент шпоры, дает основание полагать, что в доме, сооруженном близ укреплений детинца, мог жить воин (младший дружинник, или городовой воин из числа обеспеченных горожан). На зажиточность домовладельца указывают находки ключа, украшений из цветных металлов и стекла.

Не приходится сомневаться в жилом предназначении построек В (с крытой галереей) и Б (с малой камерой – тамбуром-входом). Найденные возле них артефакты не противоречат такой интерпретации.

Говоря о социальном положении обитателей жилых построек, остатки которых выявлены в Р II/2, необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство – на участке раскопа, т. е. возле этих построек найдено всего одно пряслице – непременный атрибут женщин, занимавшихся прядением. В то же время относительно большое количество железных иголок указывает на наличие в постройках женщин, занимавшихся более «изысканными» видами работы – шитьем и вышиванием. В сочетании со сказанным выше, можно полагать, что участок близ вала и брамы детинца застраивался домами, если и не дружинников минского князя, то представителей обеспеченных городских слоев.

Заключение. Несмотря на то, что участок-2, отведенный археологам для повторного раскрытия въездной брамы детинца и деревянной субструкции вала, оказался не на том месте, где по нашим расчетам и документации исследований 1984–1985 гг. находятся предназначавшиеся для исследования объекты, в результате исследований 2009 г. участка-2 на Замчище Минска нам удалось решить ряд вопросов и сделать следующие выводы.

Степень сохранности дерева XVIII и второй половины XX в., засыпанного таким же песком, что и раскрытые в раскопе 1984–1985 гг., остатки деревянных конструкций оборонительных сооружений, убеждают, что и последние должны иметь если и не хорошую, то удовлетворительную сохранность.

Установлено, что после окончания работ в котловане станции метро «Немига», строителями станции без привлечения археологов велись земляные работы на прилегающей к швеллерному ограждению котлована участке между котлованом и берегом реки. При этих работах культурные напластования Замчища были срыты до уровня материка, а строительные котлованы, либо траншеи заглублялись в материк. Об этом свидетельствуют результаты наблюдений за стратиграфией северо-восточной четверти участка-2.

Также определено, что на территории Замчища, на участке между ДФ «Трудовые резервы» и ул. Немига, местами сохранились участки культурных напластований с верхней датой XVI в. Впрочем, таковые особенно в верхней их части повреждены различными перекопами XX и XXI в. На данных участках сохраняются остатки деревянной, а местами и каменной застройки периодов Минского детинца и Минского замка.

На этом же участке обнаружен и частично изучен ранее неизвестный прием укрепления внутреннего склона песчаного вала детинца после работ по его расширению. Склон вала обкладывался пластами дерна, дающими в разрезе «полосато-пестрый» слой. Такой прием укрепления склонов был зафиксирован неоднократно при изучении первоначального вала детинца, однако в раскопе II/2 новым было то, что в нижней части подобной обкладки была выявлена бревенчатая решетчатая конструкция, подобная той, которая сооружена в основании первоначального вала детинца.

В раскопе 2009 г. выявлены новые типы жилых построек средневекового Минска: дом с тамбуром-входом и дом с внешней закрытой галереей.

Артефакты, полученные в ходе раскопок 2009 г. на участке-2, дополняют имеющиеся сведения о торговых и культурных связях Минска, а также о быте, занятиях и социальной принадлежности его обитателей.

Остается лишь сожалеть, что завершившиеся по волевому решению городских властей почти на два месяца ранее планируемого срока раскопки на участке-2 не позволили археологам довести раскоп II до уровня материка, что, несомненно, дало бы новые и убедительные материалы по проблеме времени основания Минска на Немиге (Свислочи).

Литература

1. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд. БГУ, 1982.

2. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1995.

3. Заяц, Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ю. А. Заяц. – Минск : Изд. В. Н. Милютин, 1996.

4. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // МИА СССР. – № 65. – М., 1959.

5. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. – М. : Наука, 1982.

6. Лавыш, К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.) / К. А. Лавыш. – Минск : Беларус. навука, 2006.

7. Медведев, А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // МИА СССР. – № 65. – М., 1959.

8. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981.

9. Труды новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – Вып. 2.

Рэзюмэ

Ю. А. Заяц

Справаздача аб археалагічных даследаваннях участка-2 на тэрыторыі Замчышча ў г. Мінску летам 2009 г.

У справаздачы змешчаны задачы азначанага даследавання і гістарычная даведка. Таксама прыведзены звесткі аб складзе атрада, аб падрыхтоўцы ўчастка даследавання і методыцы работ. Зроблена дэтальнае апісанне хода работ і даследаваных участкаў.

У артыкуле даецца характарыстыка раскапаных аб'ектаў і знаходак. Знаходкі прадстаўлены наступнымі катэгорыямі: вырабы з жалеза і сталі (цвікі, іглы, нажы, фрагменты шпор і вудзіла, наканечнікі стрэл, ключы), вырабы з каляровых металаў (гузікі, фрагменты спражак, падвеска), вырабы са шкла (фрагменты бранзалетаў і пацерка), косці і рогу (празолка і накладка для калчана), вырабы з каменю (праслiца, крэмні для высекання агню і наканечнік крамянёвай стралы) і дрэва (рэшткі бандарнага посуду, лыжка).

Summary

Y. Zayatc

The report of archaeological investigation of site No 2 on the territory of Zamchiche in Minsk at summer 2009

In this report aims of the investigation and historical reference are given. Also information about staff of group, preparing of the site of investigation, methodology of the investigation and describing of partial progress and sites investigated are taken up.

The records of objects excavated and artifacts are given too. Finds of various types were found during excavation. Those are ironmongery (nails, needles, knives, fragments of spurs and bit, arrow-heads and keys), items of nonferrous metals (buttons, fragments of clasps, a pendant), glassware (fragments of bracelets and a bead), items of bone and horn (a borer and fragments plates for ornament of quiver), stoneware (spindle-whorl, flints and stone arrow-head), woodwork (fragments of barrels and wooden spoon).

Поступила 05.02.2012

УДК 903.211.3«658/653»(476.1)

В. У. Ашэйчык, *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, аспірант (г. Мінск)*

Выпадковая знаходка каменнай шліфаванай сякеры-кліна з Пухавіцкага раёна

У 2010 г. жыхар пасёлка Дружны (Пухавіцкі раён Мінскай вобласці) Аляксандр Уладзіміравіч Кусаў перадаў В. Ашэйчыку каменную шліфаваную сякеру-клін. Сякера была выпадкова знойдзена ў ваколіцах (дакладная лакалізацыя невядома) вёскі Вугалец Турынскага сельскага савета Пухавіцкага раёна ў першай палове 2000-х гадоў.

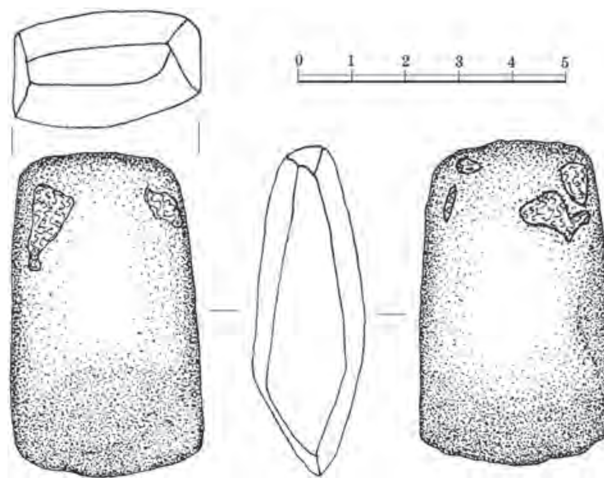
Артэфакт (гл. малюнак) выкананы з каменю цёмнашэрага колеру – з пароды асадкавага паходжання змяшанага складу (аргалітападобная парода), часткова метамарфізаванай[1]. Усе паверхні добра зашліфаваныя.

Сякера анфас мае трапецападобныя абрысы, звужаецца да абушка; у папярочным сячэнні падпрамавугольная; бакавыя грані плоскія; абушок сплошчаны, злёгку выпуклы; лязо дугападобнае. Падоўжнае сячэнне вырабу мае форму ўсечанай з аднаго канца дваякавыпуклай лінзы, максімальнае патаўшчэнне знаходзіцца крыху ніжэй цэнтра. Адна з франтальных паверхняў у падоўжным сячэнні дугападобная на ўсёй працягласці, другая – у апошняй трэці сваёй даўжыні заламваецца, утвараючы даволі выразнае рабро, і прама сыходзіцца з лязом. Гэта надае сякеры крыху асіметрычны, долатападобны выгляд.

Максімальная даўжыня вырабу – 58,75 мм, шырыня ляза – 34,0, шырыня абушка – 27,95, максімальная таўшчыня – 19,15, таўшчыня абушка – 10,15 мм, вага – 71,22 г.

Каменныя шліфаваныя сякеры-кліны з’яўляюцца ва Ўсходняй Еўропе, пачынаючы з часоў неаліту [3, с. 133–135; 7, с. 87]. Значнае распаўсюджванне на тэрыторыі ўсходняй Прыбалтыкі і Беларусі такія вырабы атрымалі ў раннім жалезным веку. Сякеры-кліны – даволі частыя знаходкі на гарадзішчах днепрадзвінскай культуры і культуры штрыхаванай керамікі [1, с. 28–29, табл. 5; 2, с. 94, рис. 1–7, 10–12; 4, с. 24; 6, с. 34–36, рис. 15–17; 8, p. 125].

Верагодна, сякеру з вёскі Вугалец неабходна звязваць менавіта з культурай штрыхаванай керамікі. На карысць гэтага ўскосна можа сведчыць і той факт, што ўсяго праз 2,5 км ад месцазнаходжання артэфакта – на ўскрайку вёскі Міжрэчча Пухавіцкага сельсавета Пухавіцкага раёна – месціцца гарадзішча названай культуры [5, с. 181].



Шліфаваная сякера-клін. Камень. в. Вугалец. Пухавіцкі раён. Малюнак А. М. Вашанава

---

[1] Вызначэнне загадчыцы Музея землязнаўства геаграфічнага факультэта БДУ Валянціны Лявонцьеўны Смаляковай.

Літаратура

1. Егорейченко, А. А. Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. – Минск : БГУ, 2006. – 207 с.

2. Зверуго, Я. Исследования Гораньского городища / Я. Зверуго // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1992. – Т. 9. – С. 92–103.

3. Лакіза, В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 343 с.

4. Медведев, А. М. Беларуское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.) / А. М. Медведев. – Минск, 1996. – 200 с.

5. Харытановіч, З. А. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Мінскай і Віцебскай абласцей / З. А. Харытановіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2009. – Вып. 17 : Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе. – С. 179–185.

6. Шадыро, В. И. Ранний железный век северной Белоруссии / В. И. Шадыро. – Минск : Наука и техника, 1985. – 126 с.

7. Bagušienė, P. Akmeniniai gludinti dirbiniai / P. Bagušienė, R. Rimantienė // Lietuvos TSR archeologijos atlasas. – Vilnius: Mintis, 1974–1977. – T. I : Akmens ir žalvario amžiaus paminklai. – 1974. – P. 84–105.

8. Grigalavičienė, E. Žalvario ir ankstyvasis geležies amžius Lietuvoje / E. Grigalavičienė. – Vinius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 280 p.

Резюме

В. В. Ашейчик

Случайная находка каменного шлифованного топора-клина из Пуховичского района

Приведена информация о каменном шлифованном топоре, найденном местным жителем в окрестностях деревни Уголец Пуховичского района в начале 2000-х годов. Подобные изделия появляются в Восточной Европе в неолите, значительное же распространение они получают на территории восточной Прибалтики и Беларуси в раннем железном веке. Вероятнее всего топор из Угольца необходимо связывать с культурой штрихованной керамики.

Summary

V. Asheichyk

Stray Find of Stone Ground Axe from Pukhavichy District

Stone ground axe was accidentally found near Vuhalec village (Pukhavichy district, Minsk region) by local resident in the early 2000s. Such kind of artifacts appeared in Eastern Europe in the Neolithic and became widespread in the Eastern Baltic region and Belarus in the Early Iron Age. The axe from Vuhalec most probably can be connected with Hatched Pottery Culture.

Пастуніў 18.09.2012

УДК. 903.2(476.1)

Э. А. Ляшкевич, *Институт истории НАН Беларуси, младший научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия (г. Минск)*

Предметы и объекты рыболовного промысла из раскопок археологического комплекса на р. Менка

Несмотря на 80-летнюю историю изучения археологического комплекса на р. Менке, известного как объект дискуссии о первоначальном возникновении Минска, многие стороны его материальной культуры еще не достаточно освещены. Особенно актуальной является публикация отдельных категорий артефактов в связи с возобновившимися в 2011 г. исследованиями по включению археологического комплекса в зону экскурсионного маршрута «Золотое кольцо Минска». Данная работа посвящена находкам, характеризующим хозяйственные занятия, в частности рыболовный промысел[1].

Археологический комплекс находится в 16 км на юго-запад от Минска у д. Городище Щемыслицкого сельсовета. Два городища, большое и малое, окаймленные высокими, до 8 м, валами, и бывшим руслом ручья Дунай, а также окружающие их селища расположены на берегах небольшой р. Менка (Мена), которая через 3–4 км сливается с р. Птичь в ее верховьях (бассейн р. Припяти) [4]. Жители на правом берегу Менки появились еще в каменном веке, о чем свидетельствует небольшая коллекция кремневых артефактов и каменных топоров, затем с разной интенсивностью осваивали эту местность с I по XIX в., с пиком заселенности в XI в.

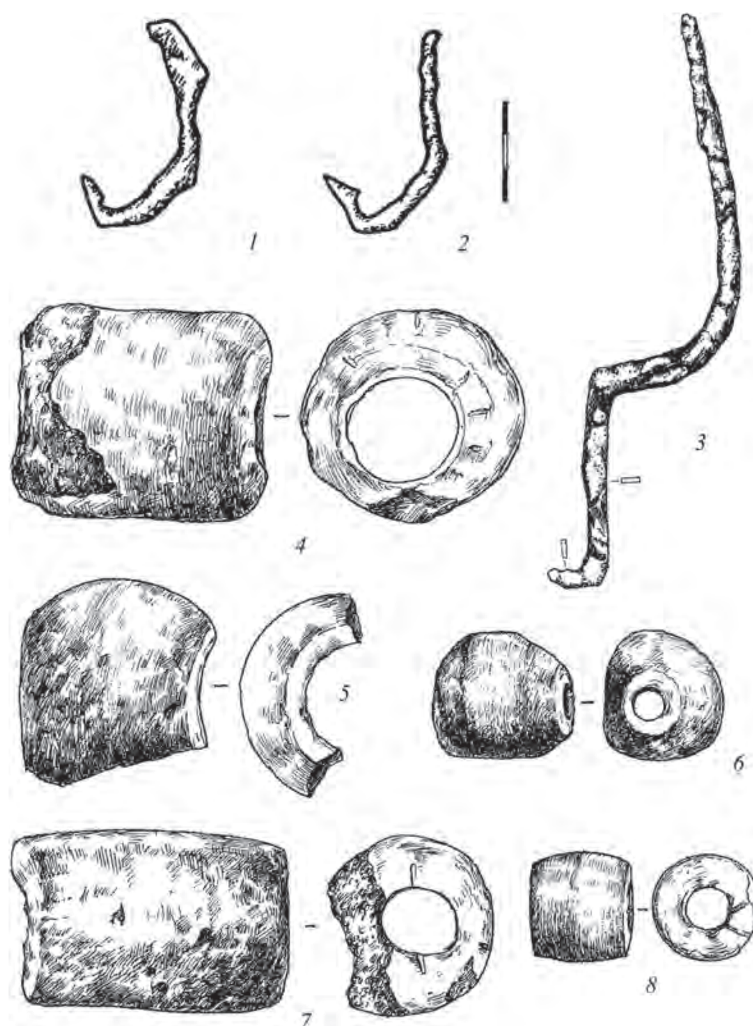
За годы раскопок собрана небольшая, но интересная коллекция орудий рыболовства, насчитывающая 8 предметов. Наибольшую часть из них составляют сетевые грузила, три из которых найдены на городище [8], два – на селище (поверхностные сборы местного учителя в 1965–1999 гг.). Два грузила из раскопок нижней площадки большого городища представляют собой однотипные изделия – крупные массивные цилиндры с большим отверстием. Длина первого (пласт 2) составляет 7,4 см, диаметр – 6,6, диаметр отверстия – 3,3 см, вес 282 г (см. рисунок: *4*). Изготовлено из красновато-коричневой глины с добавками шамота и дресвы, поверхность неровная гладкая. Второе грузило (пласт 7) имеет длину – 8,4 см, диаметр – 5,6, диаметр отверстия, которое смещено в сторону, – 2,2 см, неполный вес – 236 г (пятая часть отколота) (рисунок: *7*). Керамическое тесто желтовато-коричневой окраски обильно насыщено дресвой и шамотом. На торцевых сторонах заметны четыре прорезные неглубокие короткие линии, нерегулярно исходящие от центра. Еще одно грузило бочковидной формы (п/м), представленное фрагментом, имеет длину – 5,6 см, диаметр – 6,4 см, неполный вес – 80 г (рисунок: *5*). Отверстие в изделии довольно широкое – 3,3 см снаружи, 3,8 см изнутри, в результате чего стенки грузила получились тонкие. Сформовано из теста, схожего с описанным в первом случае, только поверхность его бугорчатая. По аналогии с материлами других памятников все эти грузила можно датировать XVII–XVIII вв. – временем существования на городище феодальной усадьбы.

Следующие два грузила были обнаружены на селище, примыкающем с юга к городищу. Одно из них неправильно-яйцевидной формы красно-коричневое подлощеное, длиной 4,3 см, диаметром 4,1, с диаметром отверстия 1,0 см, весом 74 г (рисунок: *6*). По внешним признакам его можно предположительно датировать древнерусским временем. Второе грузило, короткоцилиндрическое, длиной 2,9 см, диаметром 3,2, с отверстием диаметром 1,3 см, весом 34 г, сделано из глины кирпичного цвета без примесей, поверхность его гладкая (рисунок: *8*). На одной из торцевых сторон имеются две прорезные линии, исходящие из центра. Как и в вышеописанном случае, это не следы трения веревки, а намеренно сделанные метки (?) при формовке изделия. Судя по технологии изготовления и размеру отверстия, данное грузило, скорее всего, относится к самым поздним этапам существования памятника, возможно, к этнографической современности.

Все описанные нами грузила вследствие их катящейся формы использовали для волоковых сетей отцеживающего действия, в том числе и для таких крупных, как неводы. Большие размеры керамических грузил в позднем средневековье связывают с укрупнением сетевых снастей [6, с. 132]. Отметим, что наличие массивных неводных грузил, найденных на городище, входит в противоречие со «скромными» размерами как самой Менки, так и верхнего участка Птичи, ширина которых сегодня составляет несколько метров, а глубина едва достигает 0,5 м. Подобное несоответствие наблюдается и на феодальной усадьбе Лошица Сухая (Минск), в Заславле и в Кревском замке[2], где ближайшие реки также невелики, а найденные грузила массивны [2, рис. 71: *7, 9–11*; 3, рис. 6: *4*; 7, табл. 46: *10–14*]. Если исклю-

[1] Автор выражает благодарность Г. В. Штыхову за предоставленные для публикации материалы. Все описываемые нами предметы, за исключением крючков, хранятся в научных археологических фондах Института истории НАН Беларуси.

[2] Выражаю благодарность О. А. Трусову за возможность пользоваться материалами полевых отчетов.



Предметы рыболовного промысла: *1–3* – железные крючки и наконечник остроги;
4–8 – глиняные сетевые грузила. XI–XVIII вв. Археологический комплекс на р. Менка

чить, что керамические грузила на таких памятниках изготавливались на сбыт, то объяснений этому противоречию может быть несколько. Например, окружавшие поселение водоемы были полноводнее и (или ?) на них в то время существовали пруды (запруды), как, например, в Заславском замке [2, с. 99]. Во-вторых, рыболовный промысел мог носить отхожий характер и в нашем случае, осуществлялся на нижних участках Птичи а, возможно, и Свислочи. Вероятнее всего, что крупные сети являлись собственностью не самого рыбака, а владельца усадьбы (замка).

Металлические орудия лова представлены железными крючками и острогой. Два крючка, обнаруженные при раскопках большого городища (пласты 6 и 7), сильно коррозированы [1, рис. 8: *10, 11*]. Они однотипны: оснащены бородкой, имеют длину 6 см (рисунок: *1, 2*). Датированы автором раскопок X – началом XI в. Крючки с бородкой, предназначенные для лова крупной хищной рыбы, начиная с железного века, встречаются повсеместно, хотя и не составляют большинства среди других типов.

Наконечник остроги, найденный на селище (раскопки Ю. А. Заяца, 1999 г.), имеет вид коленчатого зубца с упором. Длина изделия – 17,0 см, длина зубца – 10,0 см, жало отломано (рисунок: *3*). Острога данного типа представляла собой набор из трех зубцов, забитых сбоку в длинный шест и дополнительно укрепленных обмоткой. Трехзубые остроги на территории Беларуси начинают бытовать со второй половины I тысячелетия н. э. [5]. Аналогии наконечнику из Менки, который выделяется среди других округлостью зубца, известны на Минском замчище и в курганном могильнике Избище Логойского района Минской области [9, рис. 49: *1*; 10, іл. 104: *4*]. Добыча острогой являлась особенно прибыльной во время нереста.

В 2011 г. во время раскопок селища (работы А. В. Войтеховича) впервые был собран ихтиологический материал, благодаря которому мы можем составить представление об объектах рыболовства. Отметим, что в пахотном слое кости и чешуя рыб не встречались. Однако, при выборке ямы № 2, заполнение которой состояло из керамики XI в., глиня-

ной обмазки, костей животных, а также обгорелой скорлупы лесных орехов, стали попадаться отдельные остатки рыб. Насыщенный ими грунт далее высушивался в камеральных условиях и просеивался через сито 0,2 см, что позволило максимально собрать материал. В результате коллекция ихтиологических остатков насчитывает 321 экз. костей и 172 экз. чешуи (см. таблицу).

Виды рыб из раскопок селища на р. Менке, XI в.

Виды	Количество костей
Щука *Esox lucius*	43
Лещ *Abramis brama*	2
Плотва *Rutilus rutilus*	4
Линь *Tinca tinca*	4
Карповые *Cyprinidae*	31
Окунь *Perca fluviatilis*	34
Окуневые *Percidae*	10
Неопределимые особи	193
Всего:	321

Щука представлена не менее чем 4 особями длиной 35–40, 50–55, 70–75, 75–80 см (определены по *ectopterygoideum*) соответственно. С учетом плотвы (длина 18 см), леща и линя, представленных единичными особями, судя по количеству костей и чешуи (168 экз.) важное место в уловах занимали рыбы семейства карповых. Несколько особей окуня длиной 15–25 см представлены 34 костями, среди которых части головы и туловища, как и у предыдущих видов, встречены почти в равном количестве. Таким образом, в заполнении ямы находились остатки примерно десяти рыб, представляющих три семейства. Данные отложения являлись, скорее всего, кухонными отходами, а не продовольственными запасами.

Полученная в результате исследований археологического комплекса р. Менка коллекция рыболовных предметов и ихтиологических остатков позволяет сделать следующие выводы. Рыболовство фиксируется здесь с конца X – начала XI в. и представлено в это время крючковыми, сетевыми и ударными орудиями. В уловах обитателей селища в XI в. отмечены щука, рыбы семейства карповых, в том числе плотва, лещ и линь, а также окунь. В XVII–XVIII вв. в обиходе жителей усадьбы, расположенной на городище, появляются массивные неводные грузила, что свидетельствует о том, что рыболовство велось в более полноводных водоемах.

Литература

1. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – 358 с.
2. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.
3. Заяц, Ю. А. Результаты разведочных работ на территории неукрепленной феодальной усадьбы Лошица Сухая / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 9. – С. 188–194.
4. Заяц, Ю. А. Гарадзішча / Ю. А. Заяц // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 222–223.
5. Ляшкевич, Э. А. Рыболовные колющие орудия на территории Беларуси в I тыс. до н. э. – начале II тыс. н. э. / Э. А. Ляшкевич // Музейны веснік. – 2011. – Вып. 5. – С. 124–131.
6. Мазуров, А. Б. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) / А. Б. Мазуров, Е. А. Цепкин // РА. – 2003. – № 4. – С. 129–138.
7. Трусов О. А. Археологический отчет о проведении раскопок в Кревском замке и д. Крево в июле 1985 г. Кн. II / ААНД ИИ НАН Беларуси – № 943д.
8. Штыхов, Г. В. Отчет об археологических исследованиях в 1978 году / ААНД ИИ НАН Беларуси. – № 578.
9. Штыхов, Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Минске в котловане строящейся станции метро «Немига» в 1985 году / ААНД ИИ НАН Беларуси – № 986.
10. Штыхаў, Г. В. Курганны могільнік Ізбішча–Дзвінаса / Г. В. Штыхаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – № 16. – 248 с.

Рэзюмэ

Э. А. Ляшкевіч

Прадметы і аб’екты рыбалоўнага промыслу з раскопак археалагічнага комплексу на р. Менка

На працягу XI–XVIII стст. жыхары паселішчаў на беразе р. Менка Мінскага раёна выкарыстоўвалі тры віды лову – кручковы, ударны і сеткавы. Буйныя невадовыя грузілы сведчаць, што здабыча адбывалася ў больш паўнаводных вадаёмах. Аб’ектамі лову ў XI ст. з’яўляліся шчупак, акунь, лешч, плотка і лінь.

Summary

E. Lyashkevich

Artifacts and objects of the fishing trade from excavations of the archaeological complex on the River Menka

Inhabitants of the settlement on the River Menka (the district of Minsk) used spears, hooks and networks as fishing trade in the 11th–18th centuries. Objects of fishing were pike, bream, tench, roach and perch. The size of network sinkers point to that trade was conducted in deeper reservoirs.

Поступила 20.09.2012

УДК 903'1«12/16»

С. Е. Рассадин, *Белорусский государственный технологический университет, доктор исторических наук, профессор (г. Минск);*
В. Б. Звягинцев*, Белорусский государственный технологический университет, доцент (г. Минск)*

Монастырский и местечковый остеологические комплексы по раскопкам 2011 г.

В 2011 г. были начаты раскопки Лавришевского монастыря в Новогрудском районе Гродненской области [6, с. 74–77], а также продолжены стационарные исследования местечка Паричи в Светлогорском районе Гомельской области [7, с. 242–255]. На этих памятниках вскрыто 32 и 24 м^2 соответственно.

В результате раскопок получены обширные коллекции из керамических, стеклянных, металлических находок, в том числе и нефрагментированные. В частности, в Паричах было обнаружено статуарное изображение коня, выполненное в классическом стиле французского бронзового литья XVIII в. *or moulu* [8]. На статуе – отчетливые следы серебрения (рис. 1: *1*). На одной из паричских свинцовых товарных пломб имеется изображение уже фантастического животного – двуглавого орла (рис. 1: *2*). По аналогиям она датируется, ориентировочно, концом XIX – началом XX в. [3, с. 13–17].

Лавришевские находки датируются более ранним временем – от XIII до XVIII в. включительно. Примечательно, что по результатам предварительных исследований этого же памятника в 1990 г. А. К. Кравцевичем не отмечалось наличие среди находок остеологических материалов [2, с. 227–234]. В 2011 г. эти материалы были получены здесь в значительном количестве (159 экз.; определено по принадлежности 53,5%), а их репрезентативность позволила произвести сравнение с еще более обширным остеологическим комплексом из Парич (896 экз.; определено по принадлежности 51,6%) (табл. 1).

Таблица 1. **Принадлежность определенных костных останков вскрытых слоев Лавришевского монастыря и местечка Паричи, 2011 г.**

Принадлежность костных останков	Количество костных останков			
	Лавришево		Паричи	
	шт.	%	шт.	%
Корова	24	28,2	164	35,3
Свинья	34	40,0	75	16,1
Коза	9	10,6	188	40,3
Лошадь	1	1,2	2	0,4
Собака	–	–	1	0,2
Птица	17	20,0	31	6,7
Рыба	–	–	5	1,1

Костные останки млекопитающих на обоих памятниках представлены, по-видимому, исключительно доместицированными видами. В частности, характерные следы огневой обработки на клыках свиней из Лавришева свидетельствует о «домашнем» статусе этих животных (рис. 2).

Вообще сравнение состава стада из монастыря и местечка демонстрирует как раз свиноводческую направленность хозяйства Лавришева, что, впрочем, не является неожиданностью. Так, современный тогдашнему Лавришевскому Долматов Успенский мо-

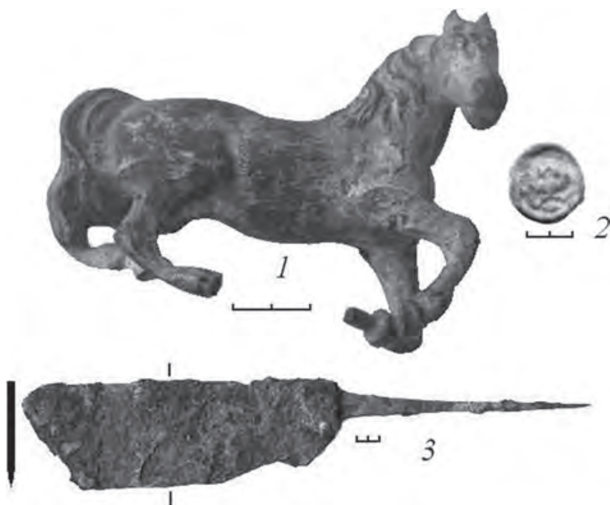


Рис. 1. Металлические находки: *1* – конь; *2* – пломба с изображением двуглавого орла; *3* – нож. Паричи

Рис. 2. Кабаньи клыки со следами огневой обработки. Лавришево

настырь на среднем Урале специализировался также и на продаже свиного сала собственного производства [4, с. 57]. Монастырской спецификой лавришевского свиноводства, был обусловлен, наверное, высокий процент старых особей, – вероятно, производителей (табл. 2). Получение и выращивание поросят на продажу является особенностью некоторых монастырских хозяйств и в настоящее время [1].

Таблица 2. **Возрастная представленность костных останков**

Возрастная группа животных	Количество костных останков			
	Лавришево		Паричи	
	шт.	%	шт.	%
Молодые особи	8	9,4	17	5,1
Взрослые особи	42	49,4	280	83,3
Старые особи	34	41,2	39	11,6

В Паричах же над старыми абсолютно доминируют взрослые особи, мясо которых обладало, конечно, лучшими вкусовыми качествами. Обращает внимание, что место, которое в монастырском стаде принадлежало свинье, в местечковом занимала коза, т. е. животное кошерное с точки зрения ортодоксального иудаизма (табл. 1, 2). Последний момент важен в связи со следующими известными историческими событиями. В 1846 г. вышел указ Николая I о запрещении евреям заниматься шинкарством по деревням, и они начали массово перебираться в местечки, этническая демография которых в результате претерпевает весьма значительные изменения. В частности, когда в марте 1927 г. был образован Паричский еврейский местечковый сельсовет, его население насчитывало 2730 евреев и всего 519 жителей других национальностей [5, л. 10об].

Согласно иудаизму, употребляемое в пищу кошерное животное должно быть умерщвлено в соответствии со строго регламентированном ритуалом шхиты (שְׁחִיטָה), предусматривающим, в частности, использование особого ножа, который в 2 раза длиннее, чем ширина шеи животного и при этом не заострен на конце [9]. Возможно, подобным кошерным резаком как раз и являлся один из ножей, обнаруженных в Паричах (рис. 1: *3*).

В соответствии с ритуалом шхиты, кости не должны быть задеты. Действительно, в Паричах воздействие каких-то режущих инструментов прослеживается на незначительном количестве костей (рис. 3: *1*). Впрочем, процент костей со следами разделки рубящими инструментами здесь оказался значительно выше, чем в Лавришеве (табл. 3; рис. 3: *2*). Зато одна из лавришевских костей оказалась со следами ударов плохо заточенным инструментом, предположительно топором (рис. 3: *3*).

Таблица 3. **Следы разделки на костных останках**

Инструмент разделки	Количество костных останков			
	Лавришево		Паричи	
	шт.	%	шт.	%
Режущий	9	10,0	38	2,0
Рубящий	14	15,6	307	64,8
Следы отсутствуют	64	74,4	128	27,0

В отличие от лавришевского остеологического комплекса, где таковые отсутствуют вовсе, в паричском широко представлены реберные кости, разрубленные на небольшие фрагменты длиной 45–75 мм (рис. 4: *1*). Отличие местечкового меню от монастырского понятнее, если учесть, что этим фрагментам как раз и соответствуют некоторые мясные блюда еврейской национальной кухни: мясо на ребрах, тушенное с чесноком, когда оно нарезается не-

Рис. 3. Кости со следами разделки туши – воздействия режущих (*1*), рубящих (*2*), плохо заточенных (*3*) инструментов. Паричи

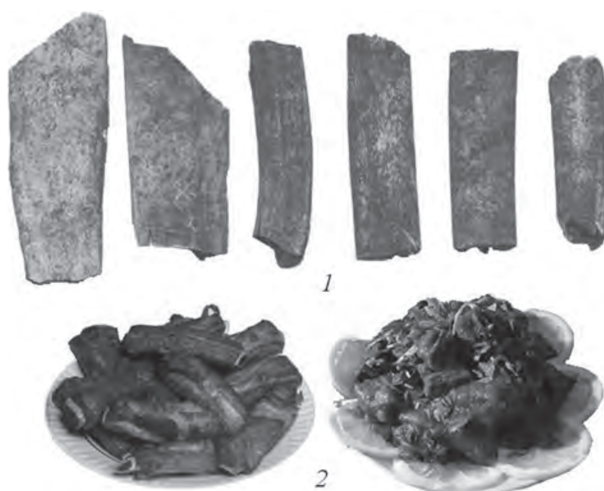


Рис. 4. Ископаемые фрагменты ребер из Парич (*1*) и соответствующие блюда еврейской национальной кухни (*2*)

большими кусочками вместе с косточками, «эсикфлейш», или кисло-сладкое мясо под соусом, тоже предварительно нарезанное сходным образом, и т. д. (рис. 4: *2*).

Итак, основные выводы здесь следующие. Во-первых, остеологические комплексы из этих археологических раскопок дают достаточно полное представление о возрасте и видовом составе употребляемых в пищу или выращиваемых для продажи мяса животных. Во-вторых, на двух исследуемых памятниках выявляются существенные отличия, как в основных направлениях животноводства, так и в употреблении его продукции. Небольшое количество костей рыб в парических раскопках и отсутствие таковых при раскопках Лавришевского монастыря позволяют думать о несовершенстве методики отбора мелких фрагментов, что будет учтено при дальнейших работах.

Литература и источники

1. Абрамова, Н. Возрождение Хутыни / Н. Абрамова // Новгородские ведомости. – 1998. – № 5 (1253).

2. Краўцэвіч, А. К. Археалагічныя даследаванні Лаўрышаўскага манастыра на Панямонні / А. К. Краўцэвіч // Наш край. 1996. – Вып. 1. – С. 227–234.

3. Литвинов, В. А. Коллекция пломб и печатей XVIII–XX вв. из Гомеля как исторический источник / В. А. Литвинов // Гомельшчына : старонкі мінулага. – 1994. – Вып. 1. – С. 13–17.

4. Лобов, Е. В. Сельское хозяйство в вотчинах Далматова Успенского монастыря в данный период (60-е гг. XVII – 60-е гг. XVIII в.) / Е. В. Лобов // Изв. Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. – 2010. – Вып. 126. – С. 54–58.

5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 701. – Оп. 1. – Ед. хр. 44.

6. Рассадин, С. Е. Возрождение Лавришевского монастыря и археологические исследования в Лавришеве в 2011 г. / С. Е. Рассадин // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 10–11 лістап. 2011 г. – Мінск, 2011. – С. 74–77.

7. Рассадин, С. Е. Археологические находки XIX – начала XX в. из Парич на Березине как исторический источник / С. Е. Рассадин // Пензенский археологический сборник. Междунар. сб. науч. тр. / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина. – Пенза, 2012. – Вып. 4. – С. 242– 255.

8. Социальный специализированный ресурс содействия в сохранении, реставрации и консервации материальных памятников искусства и свидетельств старины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://art-con.ru/node/332. – Дата доступа : 15.12.2011.

9. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eleven.co.il. – Дата доступа : 15.12.2011.

Рэзюмэ

С. Я. Рассадзін, В. Б. Звягінцаў

Манастырскі і мястэчкавы астэалагічныя комплексы па раскопках 2011 г.

Костныя рэшткі з Лаўрышаўскага манастыра былі выяўлены ў культурным пласце другой паловы XIII – XVII в., а з Парыч – ў пласце XVI – пачатку XX в. Сярод лаўрышаўскіх пераважаюць косткі сталых і старых асобін свінні, а сярод парыцкіх – маладых асобін каровы і дробнай рагатай жывёлы. Манастырскі астэалагічны комплекс пацвярджае спецыялізацыю на таварнай свінагадоўлі, тады як ў мястэчкавым адлюстраваны габрэйскія ежавыя традыцыі і забароны.

Summary

S. Rassadin, V. Zvyagintsev

Cloistral and borough osteological complexes on the basis of excavations in 2011

Bone remainder from Lavrishevsky monastery were found in the cultural layer of second half of 13th–17th centuries, and from Parichi – in the layer of 16th– at the beginning of 20th centuries. Bones of adult and old individuals of pigs are prevailing in the Lavrishevsky monastery, and bones of young individuals of cow and small cattle are dominant in Parichi. Cloistral osteological complex confirms specialization on commodity pig-breeding, whereas in borough osteological complex Jewish food traditions and prohibitions were reflected.

Поступила 25.09.2012

УДК 903.2.02(476.2)«634»

М. И. Ткачева, *Институт истории НАН Беларуси, младший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества (г. Минск)*

Случайные находки неолитической керамики с территории Гомельского и Добрушского районов

В 2011 г. житель г. Гомель Д. М. Приходько передал сотруднице отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси А. Г. Тимофеенко археологический материал, собранный им на территории Гомельского и Добрушского районов[1]. В состав переданной коллекции артефактов входили изделия из кремня, камня и лепная керамика.

Первоначально Д. М. Приходько сообщил, что получил материалы посредством поверхностных сборов. Однако характер находок поставил под сомнение данную информацию. Позже гомельчанин признался в осуществлении несанкционированных археологических раскопок. Осмотр трех местонахожденний неолитической керамики, проведенный А. Г. Тимофеенко, подтвердил факт повреждения памятников.

Данная статья посвящена анализу развалов неолитической керамики, выявленных в трех различных пунктах на территории Гомельского и Добрушского районов. Чаще всего исследователь имеет дело с фрагментами сосудов и аппелирует неполными данными. Поэтому особенно ценными являются находки целых форм или развалов, по которым можно восстановить технологию, морфологию и орнаментацию древних сосудов в системе, а не отрывочно.

Гомельский район. Местонахождение керамики эпохи неолита возле *д. Сосновка* (Давыдовский с/с) расположено в 1,1 км на север от деревни на краю террасы правого берега р. Уза за северо-западной окраиной деревенского кладбища. Памятник находится на берегу между двумя выдающимися в пойму мысами на опушке небольшого соснового леса. Склон террасы зарос кустарником. Вблизи северо-западного края кладбища произведена выборка верхнего почвенного слоя для подсыпки могил, что позволило Д. В. Приходько обнаружить слой эпохи неолита [5, с. 27].

Основная масса находок – керамика эпохи неолита. Был извлечен и графически восстановлен высокий широкогорлый сосуд со сведенным внутрь венчиком, высокой конической нижней частью и острым дном (общее число фрагментов – 113) (рис. 1). Размеры горшка составили: диаметр венчика – 34 см, полная высота – 54 см. В тесте есть минеральная примесь (дресва) и в меньшей мере органическая примесь. При изготовлении сосуда использовалась техника косоторцового налепа.

Сосуд ангобирован и хорошо заглажен с двух сторон. Внешняя поверхность имеет бордовый цвет, внутренняя – темно-серый.

Вся поверхность горшка покрыта орнаментом, состоящим из неглубоких вдавлений по внутренней стороне среза венчика (слегка волнистый край), ряда ямок под венчиком, горизонтальных рядов гребенчатого штампа из трех зубьев в верхней части сосуда, диагональных рядов, объединенных в зигзаг, в средней части сосуда, вертикальных поясов в нижней части (рис. 1).

На горшке прослеживаются следы ремонтажа – четыре просверленных отверстия в разных частях сосуда.

Подобные сосуды были найдены В. Ф. Исаенко на памятниках типа Литвин и И. Н. Язепенко на памятниках Сосновка-1, Прорва-2 [1, с. 48–138; 6, с. 10–26; 7, с. 161–169].

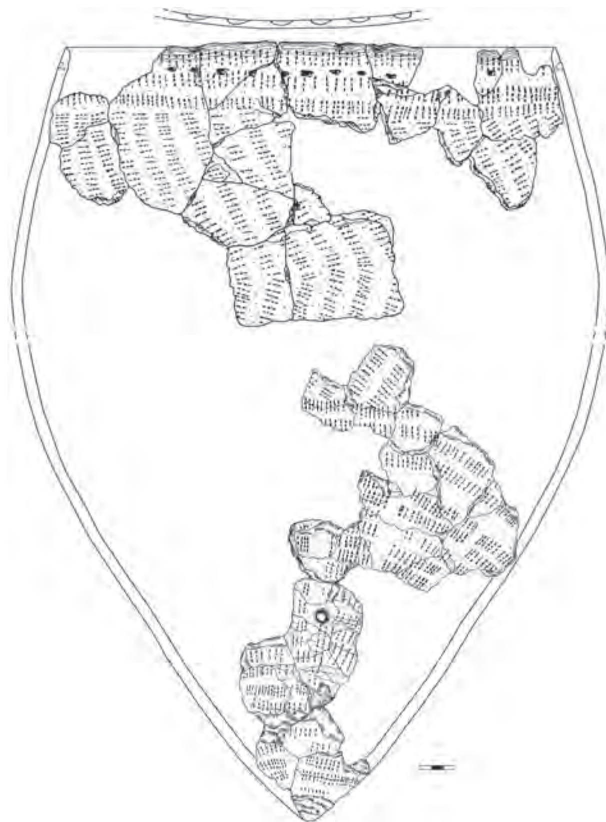


Рис. 1. Реконструкция неолитического сосуда. д. Сосонка

[1] Выражаю благодарность А. Г. Тимофеенко за любезно предоставленную возможность работы с археологическим материалом.

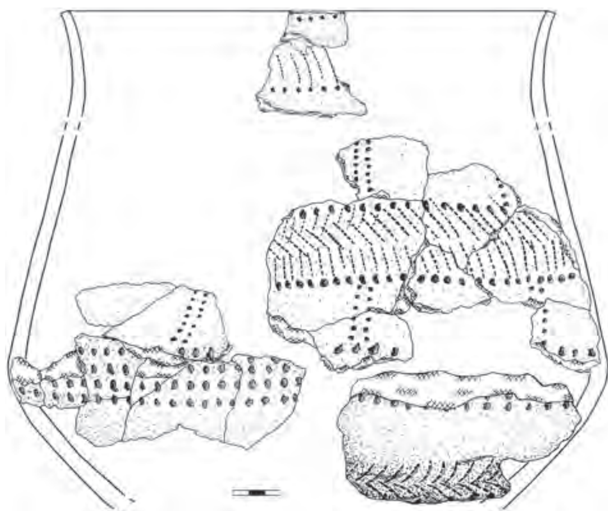


Рис. 2. Реконструкция неолитического сосуда. д. Осовцы

Помимо указанного развала в коллекции имеется 15 фрагментов сосудов эпохи неолита орнаментированных гребенчатым штампом и наколами [5, с. 28].

Второе местонахождение неолитической керамики локализируется на песчаной гряде в 0,9 км юго-западнее *д. Осовцы* (Давыдовский с/с).

На данный момент памятник практически полностью разрушен в ходе разработки песчаных карьеров [5, с. 22]. О поселениях неолита и бронзового века на правом берегу р. Сож на берегу озера-старицы к юго-западу от деревни известно с конца XIX в. Их обследовали А. Лоначевский, Е. Р. Романов, К. М. Поликарпович, Е. Г. Калечиц [3, с. 138–139; 4, с. 64]. Карьеры, заложенные лет десять назад на юго-восточном конце песчаной гряды между левым берегом р. Уза и правым берегом р. Мильча (Случь), разрабатываются и сегодня. Местность возвышается над уровнем воды на несколько метров. В бортах карьеров, примерно до уровня 0,2–0,4 м от дерна, а также в песчаных отвалах и осыпях были собраны материалы эпохи неолита [5, с. 24].

Особый интерес представляет развал горшка (77 фрагментов), восстановленный графически и представляющий собой высокий широкогорлый сосуд со сведенными вверху стенками и ребром в нижней трети высоты (рис. 2). Размеры восстановленного сосуда: диаметр венчика – 32 см, высота от венчика до ребра – 27, высота реконструированной части – 36 см. В тесте содержится минеральная (разнозернистая дресва) и органическая примесь. В изломе хорошо видны пустоты, образовавшиеся в результате выгорания стеблей травы. Изготовлен сосуд при помощи косоторцевого налепа, ширина лент – 3,5 см.

По внешней стороне сосуд ангобирован и хорошо заглажен, по внутренней – подштрихован. Цвет черепков кремовый. На поверхности видны участки более темные и более светлые – результат кострового обжига. В изломе хорошо прослеживается темная полоса.

При орнаментации использовались четыре вида орнаментиров: гребенчатый штамп («гребенка»), палочка с прямоугольным основанием, сужающимся к концу («наколы 1»), полая палочка («наколы 2») и палочка, обмотанная веревкой («лапка»). Орнамент на сосуде располагался зонально – горизонтальные ряды сменяли друг друга, объединяясь диагональными рядами.

Подобные сосуды были найдены В. Ф. Исаенко на памятниках типа Литвин и И. Н. Езепенко на памятниках Могилевско-Рогочевского Поднепровья [1, с. 48–138; 6, с. 10–26; 7, с. 161–169].

Кроме того, на памятнике были собраны и другие фрагменты лепных сосудов эпохи неолита – венчик с орнаментом из четырех горизонтальных параллельных линий веревочных оттисков, ряда круглых вдавлений по ним и трех косых линий гребенчатого штампа, примыкающих к верхним под острым углом (рис. 3: *1*); венчик с орнаментом из четырех горизонтальных параллельных линий наколов ромбической формы на внешней и штриховкой на внутренней поверхностях (рис. 3: *2*); стенки сосуда с орнаментом из параллельных рядов косых насечек (рис. 3: *3–5*); стенки сосуда с орнаментом из параллельных линий частых круглых наколов, пересекающихся под прямыми и острыми углами на

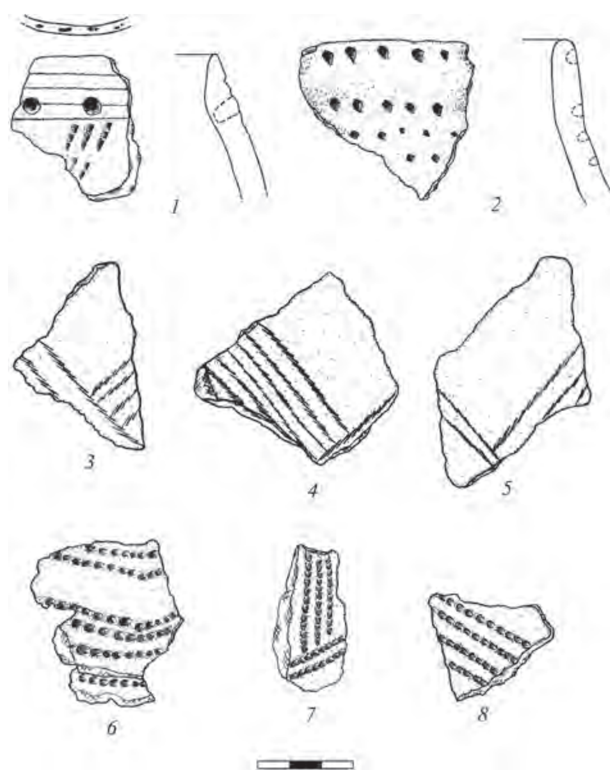


Рис. 3. Керамика эпохи неолита (фрагменты) с различным орнаментом (*1–8*). д. Осовцы

внешней и штриховкой на внутренней поверхности (рис. 3: *6–8*) и др. [5, с. 24].

Добрушский район. Третье местонахождение неолитической керамики расположено возле *г. Добруш* в 1,5 км на восток от города на краю низкой надпойменной террасы левого берега р. Ипуть. Высота над поймой – 3,0–3,5 м, вглубь террасы высота повышается еще примерно на 1 м. Склон пологий, примыкающий участок поймы заболочен, местность задернована. От края террасы начинается сосновый лес, заболоченный край которого порос кустарником [5, с. 38]. В этом лесу находится курганный могильник среднеднепровской культуры.

В ходе несанкционированных раскопок у подножья одного из курганов В. Д. Приходько был выявлен развал лепного неолитического сосуда (302 фрагмента). Графическая реконструкция позволила восстановить высокий сосуд со сведенным внутрь венчиком, легким расширением в центре и высокой конической нижней частью (рис. 4). Размеры сосуда: диаметр венчика – 22 см, почти полная восстановленная высота (без донной части) – 34 см. В качестве примеси в тесте использован шамот, песок и органика. Горшок изготовлен при помощи косоторцевого налепа.

Орнаментирован сосуд косыми наколами гребня по срезу венчика, кругообразными и волнообразными расчесами гребня (многорядным орнаментом) по средней части, тремя параллельными рядами наколов гребнем из семи зубьев под венчиком и более чем восемью параллельными рядами гребня по нижней части. Орнамент имеется и на внутренней поверхности горшка – вертикальные ряды продолговатых ямок покрывают внутреннюю поверхность днища.

Следы ремонтажа представлены шестью отверстиями в разных частях сосуда.

Подобный сосуд был найден И. Н. Езепенко на памятнике Толстыки-1 (Жлобинский район Могилевская область) [7, с. 161–169].

Кроме указанного развала в коллекции есть фрагменты сосуда с орнаментом из рядов косых параллельных наколов гребенкой, чередования рядов расчесов гребенкой и косых наколов и подлощения ангобированной внешней поверхности и подштриховкой внутренней поверхности; неполный развал сосуда с жемчужным орнаментом на венчике из параллельных рядов наколов гребня, расположенных под углом друг к другу на внешней поверхности, обе поверхности хорошо заглажены (подлощены); стенка сосуда с подлощеной красноватой внешней поверхностью и штрихованной внутренней и сквозным отверстием [5, с. 39].

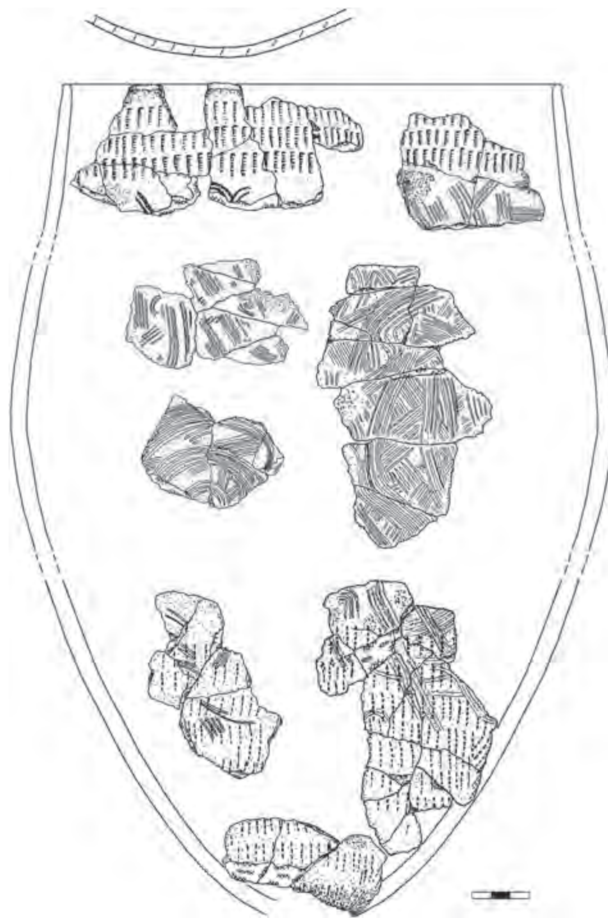


Рис. 4. Реконструкция неолитического сосуда. г. Добруш

Таким образом, выявленная на территории Гомельского и Добрушского районов керамика эпохи неолита по своей технологии, морфологии и орнаментации сходна с керамикой нижней Припяти (памятники типа Литвин) [1, с. 48–138; 2], нижней Березины (Толстыки-1, Василевичи-3) и Могилевско-Рогачевского Поднепровья (Сосонка-1 и др.) [6, с. 10–26; 7, с. 161–169]. Это позволяет отнести рассматриваемые горшки к поздним этапам восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры и датировать их поздним неолитом (2500–2300 – 1800–1700 гг. до н. э. – некалиброванная хронология по В. Ф. Исаенко), (5290–3900 BP (4002–1970 cal BC) по И. Н. Езепенко).

Литература

1. Исаенко, В. Ф. Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти / В. Ф. Исаенко // Белорусские древности : доклады конф. – Минск : Наука и техника, 1967. – С. 48–138.

2. Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. – Минск : Наука и техника, 1976. – 128 с.

3. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 160 с.

4. Лоначевский, А. Археологические находки в Гомельском уезде Могилевской губернии / А. Лоначевский // Киевская старина. – Киев, 1885. – Т. IX. – С. 573–577.

5. Тимофеенко, А. Г. Отчет об археологических работах, проведенных на территории Ветковского, Гомельского и Добрушского районов Гомельской области в 2011 г. / А. Г. Тимофеенко // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – 165 с.

6. Язэпенка, І. М. Да пытання аб інтэрпрэтацыі матэрыялаў неалітычных паселішчаў Беларускага Падняпроўя / І. М. Язэпенка // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Беларус. навука, 1994. – Вып. 3. – С. 10–26.

7. Язепенко, И. Н. Новые результаты исследований днепро-донецкой культуры в междуречье Березины и Днепра / И. Н. Язепенко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Вып. 18.– С. 161–169.

8. Язэпенка, І. М. Храналогія і перыядызацыя днепраданецкай культуры ў Падняпроўі Беларусі / І. М. Язэпенка // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu. – Białystok, 2011. – С. 103–108.

Рэзюмэ

М. І. Ткачова

Выпадковыя знаходкі неалітычнай керамікі з тэрыторыі Гомельскага і Добрушскага раёнаў

Прадстаўлены новыя знаходкі неалітычнай керамікі з тэрыторыі Гомельскага і Добрушскага раёнаў. Кераміка мае аналогіі з неалітычным матэрыялам ніжняй Прыпяці, ніжняй Бярэзіны и Магілёўска-Рагачоўскага Падняпроўя і адносіцца да ўсходнепалескага варыянта днепра-данецкай культуры.

Summary

M. Tkachova

Casual finds of Neolithic pottery from the territory of Gomel and Dobrush regions

The article is devoted to the new finds of Neolithic pottery from Gomel and Dobrush regions. This pottery have analogies in Neolithic materials of lower parts of Prypiac and Berezina rivers, Dnieper river basin in its Magilev and Rogachev parts and belong to the eastern Palessie variant of the Dnieper-Donets culture.

Поступила 27.09.2012

ПАЛЯВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ
(2009–2011 гг.)

Першабытны перыяд

УДК 902.21(476.7)«2011»

***В. Г. Белявец**, Інстытут гісторыі НАН Беларусі, навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Археалагічныя разведкі ў Бярозаўскім раёне ў 2011 г.

Разведкі на тэрыторыі Бярозаўскага р-на Брэсцкай вобласці праводзіліся ў чэрвені і кастрычніку 2011 г. Працы вяліся сумесна з аспірантамі ІГ НАН Беларусі А. Ф. Касюк і А. Ю. Ткачовым. Задачай гэтых работ з'яўлялася, перадусім, абследаванні ў правабярэжжы р. Ясельда, – на тэрыторыі Загароддзя, – дзе мэтанакіраваныя разведкі помнікаў археалогіі пачаліся толькі ў апошнія гады. Працы 2011 г. былі сканцэнтраваны ў ніжнім цячэнні р. Вінец – правага прытока р. Ясельда. Разведкі праводзіліся на ўчастку прыкладна 14 км па абодвух берагах ракі. У іх ходзе былі выяўлены і абследаваны 10 археалагічных помнікаў і месцазнаходжанняў (мал. 1).

Сабалі-1 (мал. 1: *1*). Месцазнаходжанне матэрыялаў каменнага веку, верагодна, мезаліту. Адкрыта на паўднёвай частцы ўзвышша, якое займае вёска, па правым беразе р. Вінец, каля 20–40 м на паўночны захад ад пабудоў жывёлагадоўчай фермы. У агаленнях грунту і на дарозе знойдзены: нуклеус ад адшчэпаў і пласціністых адшчэпаў са зменнай арыентацыяй; фрагмент пласціны – праксімальная частка, з ужытковай рэтушшу (?) па краях; абломак крэменю нуклеападобны.

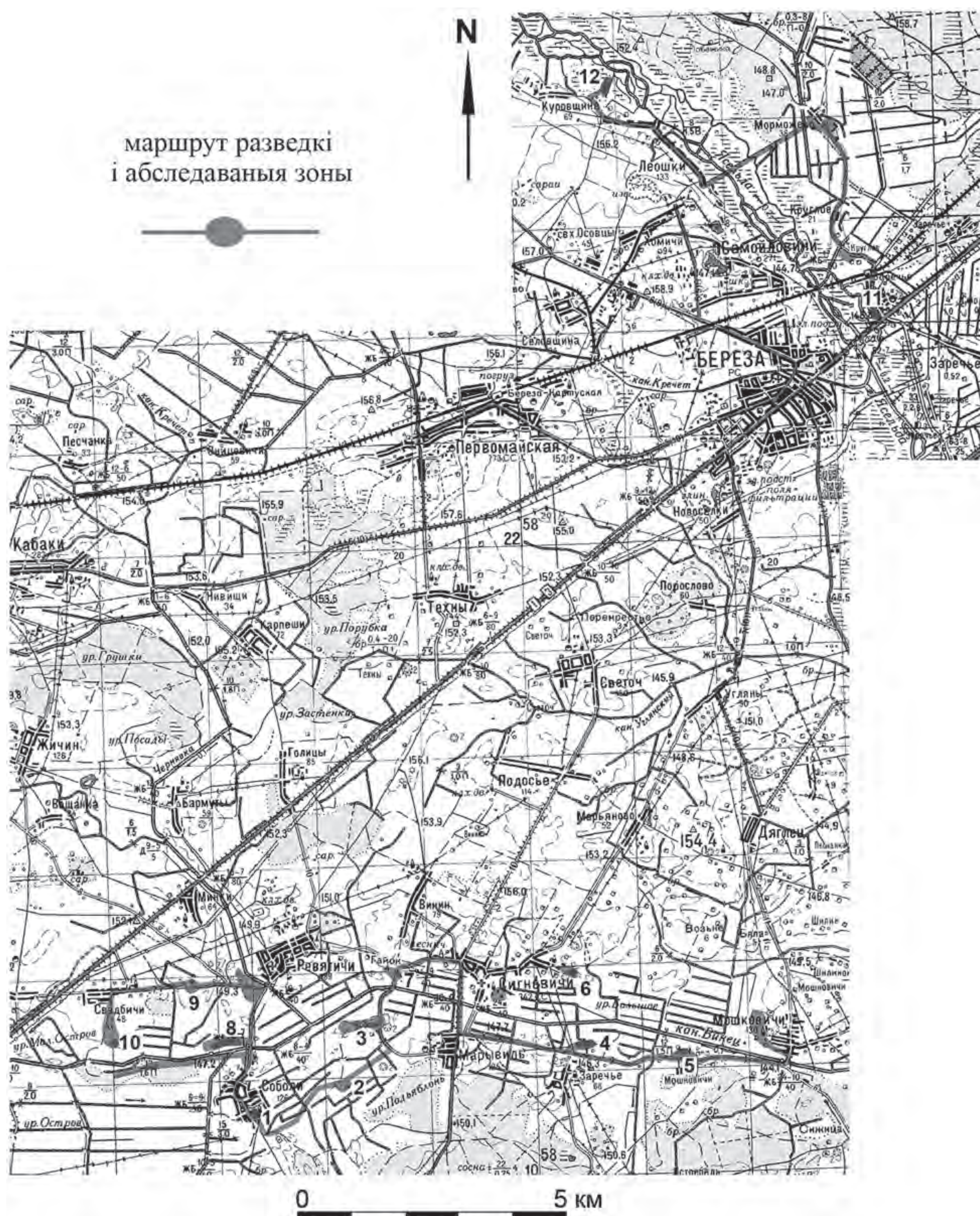
Марывіль-1 (мал. 1: *2*). Месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага веку. Па правым беразе р. Вінец на паўднёва-ўсходнім схіле марэннага ўзвышша, размешчанага каля 1 км на поўдзень ад ракі паміж вёскамі Сабалі і Марывіль. Тут на разараным полі былі знойдзены: крамянёвы серпападобны нож (мал. 4: *1*) на падскарыністай пласціне, дыстальны канец нарыхтоўкі абламаны, краі апрацаваны стромкай і паўстромкай рэгулярнай рэтушшу; адшчэп крамянёвы; дробны фрагмент шыйкі ляпной (?) пасудзіны.

Марывіль-2 (мал. 1: *3*). Месцазнаходжанне з матэрыяламі эпохі каменю–бронзы, жалезнага веку і ранняга сярэдневякоўя (?). Знаходзіцца на адлегласці каля 1,0–1,2 км на паўночны захад ад в. Марывіль, на марэнным ўзвышшы, якое цягнецца на 1,2 км па-над правым берагам р. Вінец. Ва ўсходняй яго частцы на разаранай паверхні і агаленнях глебы знойдзены: крамянёвы скрабок канцавы і бакавы на пласціне; тры крамянёвыя адшчэпы; дробны фрагмент сценкі ляпной пасудзіны са штрыхоўкай па вонкавай паверхні; два абломкі сценак, верагодна, ад раннеганчарных пасудзін.

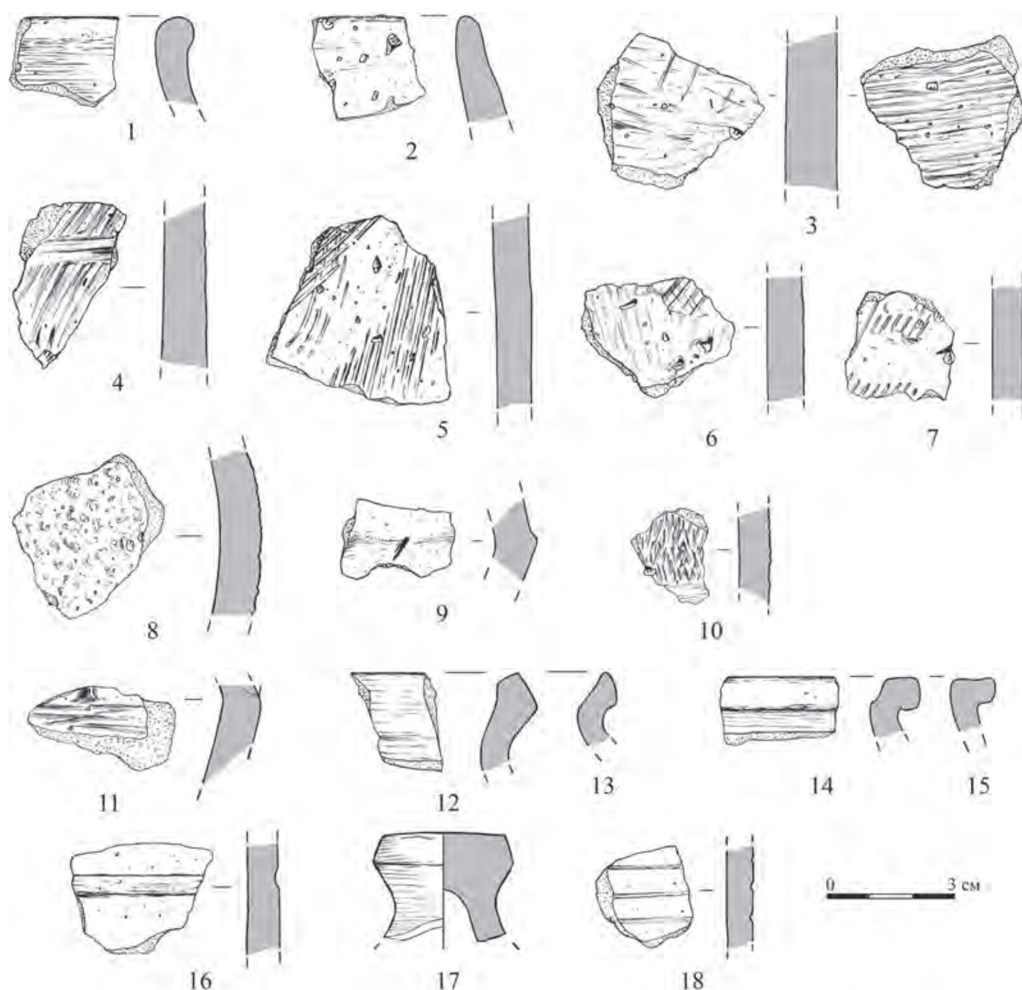
Зарэчча (Сігневіцкі с/с) (мал. 1: *4*). Месцазнаходжанне з матэрыяламі эпохі каменю–бронзы, жалезнага веку і позняга сярэдневякоўя. Помнік знаходзіцца ў 150–200 м на поўнач ад вёскі, размешчаны на ўзгорках у пойме па правым беразе р. Вінец. На ім былі знойдзены: высокая рабрыстая крамянёвая пласціна (мал. 4: *3*); крамянёвы адшчэп; фрагменты сценак ад пасудзін жалезнага веку – 7 грубаляпных і 1 лошчаны; а таксама 7 абломкаў сценак познеганчарных пасудзін XIV–XVIII стст.

Машковічы, хутар (мал. 1: *5*). Месцазнаходжанне матэрыялаў эпохі каменю–бронзы, жалезнага веку і позняга сярэдневякоўя. Сляды помніка выяўлены на ворным полі, якое прымыкае з поўдня да хутара Машковічы, на ўзвышанай частцы тэрасы правага берага р. Вінец. Матэрыялы выступалі на ўчастку прыкладна 250 × 70 м уздоўж ракі. Знаходкі каменнага веку ў зборах прадстаўленыя дзвюма крамянёвымі пласцінамі, адна з якіх, верагодна, належыць да фінальнага палеаліту, і крамянёвым адшчэпам. Да жалезнага веку належаць 12 фрагментаў ляпных пасудзін. З іх 9 паходзяць ад грубаляпных пасудзін з не апрацаванай дадаткова паверхняй, 2 маюць лошчаную знешнюю паверхню, 1 пакрыты штрыхоўкай. Апошні паходзіць ад гаршка рабрыстай формы (мал. 2: *11*) з парнымі гарызантальнымі зашчыпамі па рабру, ніжэй якога паверхня пакрытая гарызантальнай штрыхоўкай. У цесце прасочваюцца дамешкі жарствы да 3 мм у папярочніку. Асноўная маса сабраных на помніку матэрыялаў належыць да эпохі позняга сярэдневякоўя: тут знойдзена звыш 50 фрагментаў познеганчарнага посуду XV–XVII стст. (мал. 2: *12–18*).

Сігневічы-1 (мал. 1: *7*). Месцазнаходжанне матэрыялаў эпохі каменю–бронзы, жалезнага веку і позняга сярэдневякоўя. Выяўлена каля 1 км на паўднёвы захад ад в. Сігневічы, каля 500 м на паўднёвы ўсход ад хутара Гаёк, 400–450 м на поўнач ад моста праз р. Вінец. Помнік месціцца на схіле высокай тэрасы левага берага ракі. На грунтовай дарозе і агаленнях глебы паабапал яе тут выяўлены сляды апрацоўкі крэменю: рабрыстая крамянёвая пласціна, медыяль-



Мал. 1. Карта маршрута разведкі и абследавання зоны: *1* – месцазнаходжанне Сабалі; *2* – месцазнаходжанне Марывіль-1; *3* – месцазнаходжанне Марывіль-2; *4* – месцазнаходжанне Зарэчча; *5* – месцазнаходжанне хутара Машковічы; *6* – паселішча Сігневічы-2; *7* – месцазнаходжанне Сігневічы-1; *8* – паселішча Рэвяцічы; *9* – месцазнаходжанне Свадзьбічы-1; *10* – месцазнаходжанне Свадзьбічы-2; *11* – стаянка Зарэчча-4; *12* – стаянка Левашкі. Бярозаўскі раён. 2011 г.



Мал. 2. Ляпны (*1–11*) і ганчарны (*12–18*) гліняны посуд (фрагменты) з паселішча Рэвяцічы (*1–10*) і хутара Машковічы (*11–18*). Малюнкі В. Г. Беляўца

ная частка другой пласціны, крамянёвы адшчэп, а таксама дробны фрагмент сценкі ляпной пасудзіны, верагодна жалезнага веку, са штрыхоўкай на вонкавым баку.

Сігневічы-2 (мал. 1: *6*). Паселішча з матэрыяламі эпохі каменю–бронзы і жалезнага веку. Помнік знаходзіцца на ўсходняй ускраіне вёскі, за жывёлагадоўчай фермай. Займае вяршыню і паўднёвы схіл выступу тэрасы па левым беразе р. Вінец. З усходу да тэрасы ў гэтым месцы некалі падыходзіла ручаіна – прыток р. Вінец, якая абазначана тут на карце канца XIX ст. Матэрыялы выступалі ў палосе прыкладна 400 × 150 м.

Эпоха каменнага веку прадстаўлена ў зборах наступнымі знаходкамі.

1/ Фрагмент, лязовая частка, свідраванай сякеры (мал. 3: *2*) са шліфаванага каменю шэрага колеру.

2/ Шліфаванае долата з крэменю шэрага колеру (мал. 3: *3*). Вастрыё і абушок са сколамі, на паверхні назіраюцца сляды тэрмічнага ўздзеяння.

3/ Фрагмент шліфавальнай пліты (мал. 3: *4*) з каменю пячоначна-чырвонага колеру, перапалены. Адна з паверхняў зашліфаваная, на ёй выразна бачны сляды спрацаванасці.

4/ Камень шліфавальны, шэрага колеру, паўкруглай формы, пляскаты, са слядамі спрацаванасці.

5/ Крамянёвая долатападобная прылада (?) на пласціне.

6/ Нуклеус крамянёвы двухпляцовачны монафрантальны ад пласцін, з апрацоўкай бакоў і контрфронту (мал. 3: *1*).

7/ Нуклеус ад пласцін двухпляцовачны (?) монафрантальны, моцна спрацаваны, перапалены.

8/ Нуклеус ад пласцін двухпляцовачны монафрантальны, з апрацоўкай бакоў і контрфронту.

9–12/ 4 пласціны крамянёвыя.

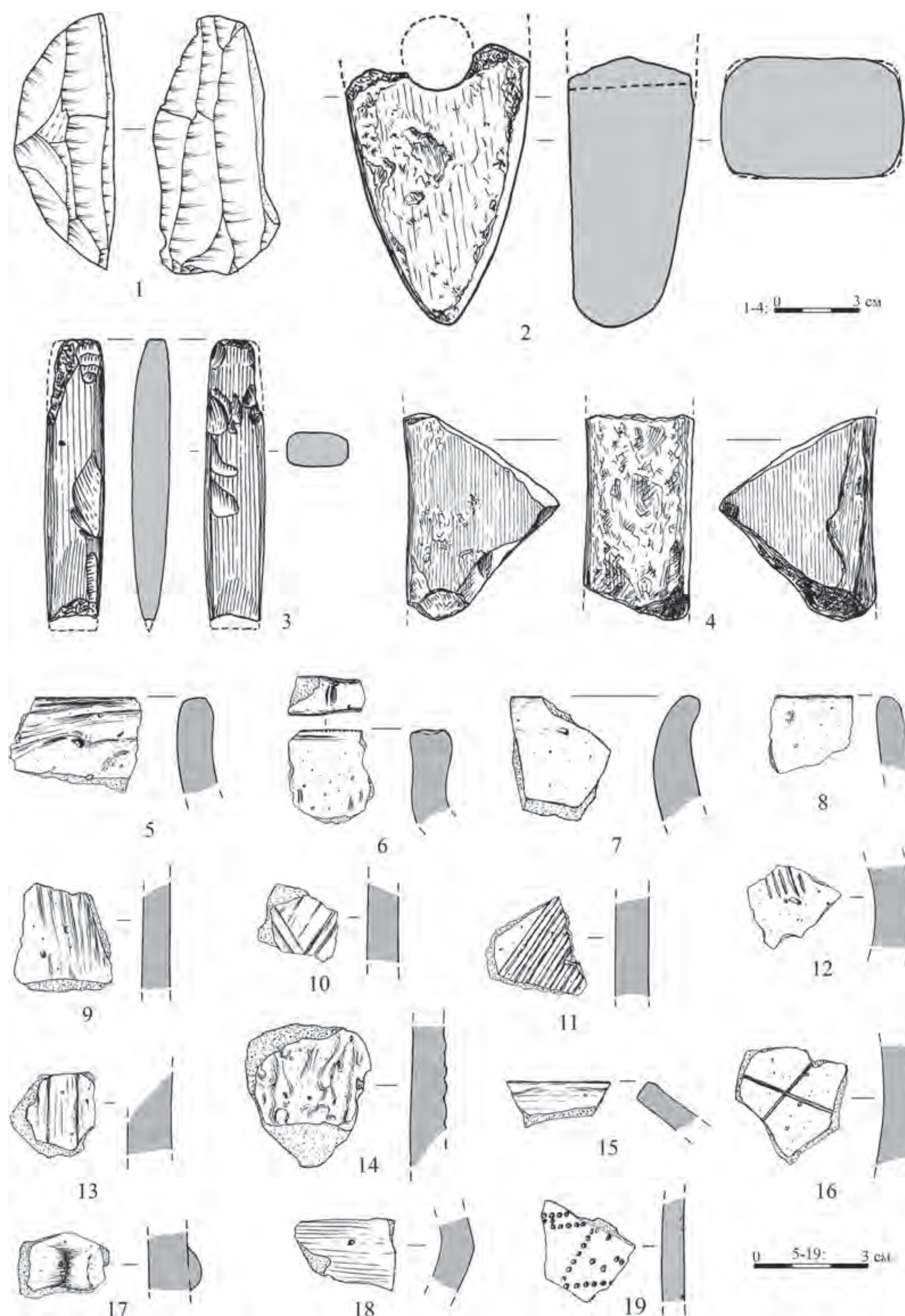
13–16/ 4 фрагменты пласцін крамянёвых.

17–31/ 15 адшчэпаў крамянёвых, у тым ліку 4 з участкамі рэтушы.

32, 33/ 2 сколы з нуклеусаў крамянёвых.

34–36/ 3 абломкі крэменю.

У дадзеных матэрыялах выразна вылучаюцца два храналагічных гарызонта: фінальнага палеаліту (свідэрскай культуры) і позняга неаліту, якія могуць



Мал. 3. Археалагічныя знаходкі: *1, 3* – крэмень; *2, 4* – камень; *5–19* – ляпны гліняны посуд (фрагменты). Паселішча Сігневічы-2. Малюнкі А. Ю. Ткачова (*1*), М. М. Крывальцэвіча (*2–4*), В. Г. Беляўца (*5–19*)

быць аднесены да кола культур шнуравой керамікі і/альбо культуры шарападобных амфар.

Наступны этап выкарыстання помніка звязаны з жалезным векам. Да яго належаць 124 фрагменты ляпнога посуду, якія па спосабах апрацоўкі паверхні падзяляюцца на наступныя групы: 1) з не апрацаванай дадаткова паверхняй – 86; 2) лошчаны посуд – 16; 3) з храпаватай паверхняй – 14; 4) са штрыхоўкай – 4 і расчэсамі – 4. Абломкі з не апрацаванай дадаткова паверхняй паходзяць пераважна ад таўстасценных (да 1,6 см) пасудзін, верагодна гаршкоў. Па складзе цеста вылучаюцца ў дзве групы – з перавагай жарствы (да 4 мм у папярочніку) у глінянай масе, і тая, што ўтрымлівае дамешкі ша-

моту. Фрагменты адна- і двухслойныя ў зломе. Знешняя паверхня розных адценняў карычневага колеру – ад пясочнага да цёмна-карычневага і рудаватага. Найбольш масіўныя абломкі двухслойныя ў зломе, з унутранай паверхняй цёмна-шэрага альбо чорнага колеру. На вонкавай паверхні двух фрагментаў бачны сляды загладжвання шчапой (мал. 3: *13*). У асобных выпадках вонкавы бок арнаментаваўся: на двух абломках выступаюць ўчасткі геаметрычных кампазіцый, якія былі ўтвораныя лініямі кропкавых наколаў (мал. 3: *19*); на адным з фрагментаў па сырой паверхні пракрэслены арнамент у выглядзе косай сеткі (мал. 3: *16*). Шыйкі маюць плаўны S-падобны выгін (мал. 3: *7*), прамыя вертыкальныя (мал. 3: *5, 6*), альбо нахіленыя ўнутр (мал. 3: *8*). Венчык аднаго з гашкоў быў упрыгожаны па рабры пальцавымі ўцісканнямі (мал. 3: *6*).

Па характарыстыках цеста і абпалу посуд са штрыхоўкай і расчэсамі аналагічны грубаляпному без дадатковай апрацоўкі паверхні, мае дамешкі жарствы ў цесце. Штрыхоўка неглыбокая шчыльная, наносілася на знешні бок пасудзін (мал. 3: *9*), у тым ліку па шыйцы (мал. 3: *5*). Расчэсы выкананы грабеньчатымі штампамі з рознай шырынёй і формай зубчыкаў (мал. 3: *10–12*).

У пасудзін з храпаватай паверхняй унутраны бок больш альбо менш старанна загладжаны, на вонкавы ж нанесены слой ангобу, як правіла з утрыманнем пяску і дробнай жарствы. У шэрагу выпадкаў у цесце прасочваецца дамешка шамоту (тоўчанай керамікі). На адным з абломкаў на момант нанясення ангоб быў вадкім і ўтварыў характэрную, з падцёкамі, паверхню (мал. 3: *14*).

У групе лошчанага посуду большасць, 9 фрагментаў, чорнаглянцаваныя, ад адносна тонкасценнага, верагодна сталовага посуду. Адзін з фрагментаў паходзіць ад пасудзіны з загнутым унутр венцам, верагодна гаршка яйкападобнай формы (мал. 3: *15*).

У паўднёва-заходняй частцы помніка праведзена шурфоўка на плошчы 4 м^2. Выяўлена наступная стратыграфія. Ворны пласт складае 0,30–0,32 см, утвораны гумусіраванай глебай шэра-карычневага колеру. Ніжэй месцамі на глыбіню да 0,42 м ад паверхні захаваўся культурны пласт – пясок светла-карычневага колеру, які падсцілаў жоўты мацерыковы пясок. У шурфе знойдзена 17 абломкаў сценак ляпнога посуду: 13 грубаляпных, 2 лошчаныя, 2 са штрыхоўкай. У паўночна-ўсходнім куце расчышчаны ўчастак аб’екта, які быў запоўнены слаба гумусіраваным пяском карычневага колеру. Даўжыня ямы па ўсходняй сценцы складала каля 1,40 м, па паўночнай сценцы – 0,45 м, мела глыбіню каля 0,63–0,65 см ад дзённай паверхні. Сценкі плаўна закругляліся да няроўнага, у западзінах, дна. У запаўненні аб’екта знойдзены: крамянёвы аднапляцовачны монафрантальны нуклеус з участкамі мелавой коркі, а таксама 3 абломкі сценак ляпнога посуду – 1 храпаваты і 2 гладкасценныя, адзін з якіх мае псеўдавушка (мал. 3: *17*).

У керамічным матэрыяле жалезнага веку, які атрыманы на помніку, выразна вылучаюцца дзве групы. Адна з іх звязана з традыцыямі ўсходнееўрапейскай лясной зоны. Гэта грубаляпны посуд без дадатковай апрацоўкі паверхні, загладжаны шчапой альбо пакрыты штрыхоўкай, арнаментаваны ямкавымі ўцісканнямі па венчыку і расчэсамі на тулаве (мал. 3: *5–13*). Па наяўнасці фрагментаў посуду з расчэсамі гэтыя матэрыялы датуюцца ў межах I–III/IV стст. і павінны звязвацца з познезарубінецкакіеўскім культурным колам. Да другой групы, традыцый цэнтральнаеўрапейскіх культур, трэба аднесці фрагменты храпаватага посуду, абломак гаршка яйкападобнай формы, фрагмент сценкі з псеўдавушкам (мал. 3: *14, 15, 17, 18*). Спосаб нанясення храпаватасці – слоем малой таўшчыні, з дамешкамі пяску, блізкі да прынятага ў вельбарскай культуры. У аздабленні посуду апошняй таксама выкарыстоўваліся псеўдавушкі.

Рэвяцічы (мал. 1: *8*). Селішча з матэрыяламі жалезнага веку. Помнік знаходзіцца ў 2 км на паўднёвы захад ад в. Рэвяцічы і ў 0,7 км на поўнач ад в. Сабалі, пры шашы М1 Брэст–Масква, на поўнач ад моста праз р. Вінец. Размешчана на ўзвышаным, да 1,5 м над узроўнем мясцовасці, участку тэрасы левага берагу ракі. Матэрыялы выступалі на ўчастку памерам каля 450 × 100 м. Сабраны 61 фрагмент ляпнога посуду жалезнага веку. З іх 3 фрагменты другасна абпаленыя. Рэшта па спосабе апрацоўкі паверхні падзяляецца на: фрагменты грубаляпнога посуду без дадатковай апрацоўкі паверхні – 31; са штрыхоўкай – 15; з расчэсамі – 4; лошчаныя – 5 (з іх 2 чорнаглянцаваныя); храпаватыя – 3.

Грубаляпны посуд вельмі блізкі па характарыстыках керамічнай масы і абпалу да апісанага вышэй посуду з паселішча Сігневічы-2. Штрыхоўка розная па спосабе выканання: ад хаатычнай неглыбокай (мал. 2: *3*) да выразнай рэгулярнай (мал. 2: *4*). На адным з фрагментаў яна нанесена з абодвух бакоў (мал. 2: *3*). Грабеньчатыя расчэсы (мал. 2: *5, 7*) наносіліся на вонкавы бок посуду і на адным з фрагментаў спалучаюцца са штрыхоўкай (мал. 2: *6*). З марфалагічна выразных можна адзначыць абломак грубаляпной пасудзіны з прамой нахіленай унутр шыйкай (мал. 2: 2).

Фрагменты храпаватага і лошчанага посуду больш мяккія ў дотыку, верагодна ўтрымліваюць дамешкі шамоту (молатай керамікі). Гэты посуд меў старанна загладжаную ці падглянцаваную ўнутраную паверхню. Слой ангобу тонкі, без падцёкаў (мал. 2: *8*). На адным з фрагментаў храпаватасць дасягнута вельмі шчыльным markнакіраваным прадрапваннем сырой паверхні і спалучаецца з праглян-

цаваным участкам (мал. 2: *10*). Сярод фрагментаў чорнаглянцаванага посуду прысутнічае абломак пасудзіны сярэдніх памераў, верагодна міскі, шыйка якой была нахілена ўнутр, мела плаўны S-падобны выгін (мал. 2: *1*).

У сэнсе культурнай прыналежнасці грубаляпныя абломкі посуду са штрыхоўкай і расчэсамі пакідаюць ураженне культурнай і храналагічнай аднароднасці, павінны датавацца ў межах I–III/IV стст. і звязвацца з познезарубінецкакіеўскім культурным колам. Фрагменты храпаватай і лошчанай керамікі блізкія па характарыстыках да посуду вельбарскай культуры.

Свадзьбічы-1 (мал. 1: *9*). Месцазнаходжанне матэрыялаў эпохі каменю–бронзы і жалезнага веку. Выяўлена каля дарогі з в. Рэвяцічы на Свадзьбічы, каля 0,7 км на ўсход ад апошняй, на найбольш высокай кропцы гэтай часткі карэннага левага берага р. Вінец. На разаранай паверхні ў радыусе каля 50 м знойдзены крамянёвы адшчэп і 3 дробныя абломкі сценак ляпнога посуду жалезнага веку: 1 гладкасценны, 1 з апрацаванай шчапой вонкавай паверхняй і 1 са штрыхоўкай па вонкавай паверхні.

Свадзьбічы-2 (мал. 1: *10*). Месцазнаходжанне матэрыялаў эпохі каменю–бронзы і ранняга сярэдневякоўя. Знаходзіцца прыкладна ў 800 м на поўдзень ад в. Свадзьбічы, на заходнім краі ўзвышанай часткі тэрасы па левым беразе р. Вінец. На момант агляду большая частка ўзгорка была задзірванелая. На разараным ўчастку памерамі 30 × 50 м знойдзены:

1) нуклеус крамянёвы ад пласцін аднапляцовачны; пляцоўка падрыхтавана адным сколам, без слядоў падпраўкі, з падрыхтоўкай бакоў і контрфронта (мал. 4: *2*);

2) нуклеус крамянёвы ад пласцін двухпляцовачны (?) монафрантальны, моцна спрацаваны, перапалены;

3) перапалены фрагмент шліфавальнай пліты з каменю пячоначна-чырвонага колеру.

Нуклеусы належаць да фінальнага палеаліту, верагодна свідэрскай культуры. Абломак шліфавальнай пліты ўказвае на выкарыстанне помніка ў перыяд позняга неаліту–бронзавага веку.

Сабрана таксама 3 абломкі шыек і 15 сценак ад ганчарнага посуду XI–XII стст.

Акрамя абследаванняў па Вянцу, у 2011 г. таксама былі праведзены кропкавыя разведкі па цячэнні р. Ясельда, каля вёсак Зарэчча і Левашкі.

Зарэчча-2 (Бярозаўскі с/с) (мал. 1: *11*). Стаянка каменнага веку. Адкрыта ў 2011 г. Знаходзіцца па левым беразе р. Ясельда каля 1 км на поўнач ад в. Зарэчча і 1 км на ўсход ад г. Бяроза, каля 550 м на поўнач ад шашы М1 Брэст–Масква і моста праз раку. Помнік размешчаны на ўзвышанай частцы рачной тэрасы ўздоўж старарэчча Ясельды. Засаджаны сасновым лесам. Матэрыялы былі сабраны ў двух пунктах: А – на просецы ўздоўж лініі электраперадачы і Б – каля 250 м на поўнач на ўскраіне лесапасадкі, дзе ў дадзены час вядзецца будаўніцтва прыватных дамоў.

У пункце 5/А па просецы былі знойдзеныя: 2 крамянёвыя нуклеусы – двухпляцовачныя монафрантальныя ад пласцін (мал. 4: *4, 5*); скрабок крамянёвы на адшчэпе (мал. 4: *6*); 2 крамянёвыя пласціны, дыстальныя часткі, адна з іх абпаленая; 2 адшчэпы падскарыністыя. Характарыстыкі нуклеусаў дазваляюць аднесці помнік да эпохі фінальнага палеаліту і звязваць яго са свідэрскай культурай.

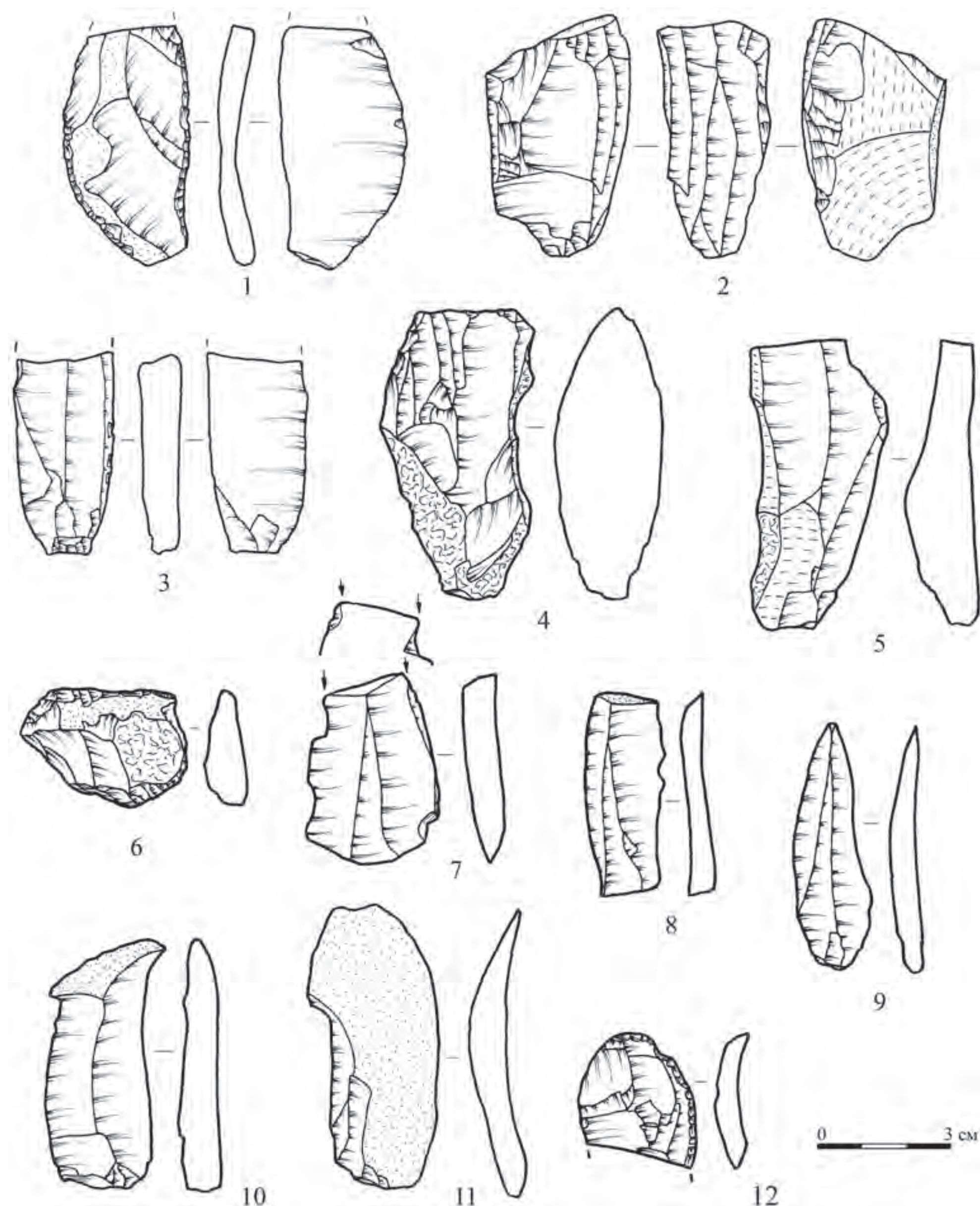
У пункце 5/Б у катлаванах пад будаўніцтва катэджаў і вакол іх была знойдзена крамянёвая пласціна і 6 адшчэпаў.

Лявошкі (мал. 1: *12*). Стаянка эпохі каменю–бронзавага і жалезнага вякоў. Адкрыта ў 1999 г. школьнікамі з г. Бяроза А. Белавешкіным і М. Пашкевічам. У 2002 г. помнік абследаваўся А. Г. Калечыц і аўтарам. Матэрыялы жалезнага веку, выяўленыя на помніку, звязаны з насельніцтвам кола культур усходнееўрапейскай лясной зоны ранняга жалезнага веку і постзарубінецкакіеўскага культурнага кола [2, с. 103, мал. 8/Б].

Помнік знаходзіцца каля 400 м на поўнач ад паўднёвага краю в. Куроўшчына і блізу 800 м на паўночны захад ад в. Лявошкі. Размешчаны на вялікім марэнным узвышшы ў пойме р. Ясельда – авальнай формы, каля 600 × 350 м, які мае вышыню да 4 м над узроўнем мясцовасці. Узвышша засаджана сасновым лесам, заходні і паўночна-заходні краі знішчаныя кар'ерамі. Матэрыялы выступалі перадусім у паўночнай, больш блізкім да Ясельды, частцы ўзвышша. У агаленнях грунту і на пашкоджаных кар'ерамі ўчастках тут было сабрана 58 фрагментаў апрацаванага крэменю: крамянёвы скрабок (мал. 4: *12*); скол падпраўкі нуклеуса; 14 пласцін (мал. 4: *7–9*) і 1 мікрапласціна; 29 адшчэпаў (мал. 4: *10, 11*); 8 лусак; 2 сколы; 2 абломкі крэменю. Знойдзены фрагмент сценкі ляпной пасудзіны, верагодна, жалезнага веку.

Заключэнне. Прадстаўленыя вынікі разведак 2011 г. сведчаць аб трываласці і шчыльнасці пасяленчых структур у парэччы р. Вянец на працягу ўсяго перыяду засялення Заходняга Палесся. На серыі помнікаў атрыманы матэрыялы свідэрскай культуры эпохі фінальнага палеаліту: ў Зарэччы-2, Сігневічах-2, Свадзьбічах. Мезалітычныя матэрыялы выяўлены ў Сабалях. Прадстаўнічы комплекс знаходак неаліту–бронзавага веку сабраны на селішчы Сігневічы-2. Эпоха сярэдневякоўя выразна прадстаўлена ў зборах з паселішчаў ля хутара Машковічы і ў Свадзьбічах.

На 7 з 10 помнікаў, адкрытых па р. Вінец, прысутнічае гарызонт жалезнага веку. На фоне культурна-роднасных помнікаў, выяўленых А. Ф. Касюк на тэрыторыі Драгічынскага і Іванаўскага раёнаў [3],



Мал. 4. Знаходкі вырабаў з крэменю: *1* – Марывіль-1; *2* – Свадзьбічы-2; *3* – Зарэчча; *4–6* – Зарэчча-2; *7–12* – Левашкі. Бярозаўскі раён. Малюнак А. Ю. Ткачова

прадстаўленыя вышэй матэрыялы з'яўляюцца новым сведчаннем шырокага распаўсюджвання на Загароддзі помнікаў жалезнага веку, адметнай рысай керамічнага комплексу якіх з'яўляецца грубаляпны посуд са штрыхоўкай і расчэсамі. Верагодна, такія помнікі ўтвараюць у гэтым рэгіёне некалькі храналагічных гарызонтаў. Фрагменты грубаляпнога посуду з грабеньчатымі расчэсамі, выяўленыя на селішчах у Рэвяцічах і Сігневічах-2, датуюць позні гарызонт помнікаў гэтай традыцыі на Загароддзі ў агульных межах I–IV стст. і ўказваюць на прыналежнасць іх насельніцтва да познезарубінецкакіеўскага культурнага кола. На абодвух згаданых помніках таксама выяўлены фрагменты посуду цэнтральнаеўрапейскага кола культур, якія могуць суадносіцца з паморскай культурай ранняга жалезнага веку і/альбо вельбарскай культурай познерымскага часу. Прысутнасць у гэтым рэгіёне насельніцтва падклёшава-паморскай культуры ў IV ст. да н. э. пасведчаная матэрыяламі грунтовага могільніка каля станцыі Драгічын [4, с. 197, рис. 3: *2, 5*]. Яркім сведчаннем існавання кантактаў паміж мясцовым насельніцтвам і носьбітамі вельбарскай культуры, альбо прасоўвання апошніх па р. Ясельда ў накірунку Цэнтральнага Палесся, з'яўляецца манетны скарб з Малеча [1, с. 221, рис. 3: *1*]. Сучасны стан даследаванняў не дазваляе казаць аб характары і формах ўзаемадзеяння насельніцтва розных культурных традыцый на тэрыторыі Загароддзя ў жалезным веку.

Літаратура

1. Белевец, В. Г. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций лесной зоны в Беларуси : постановка проблемы / В. Г. Белевец // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : сб. ст. / И. Р. Ахмедов [и др.] ; под. ред. А. Н. Наумова. – Тула, 2008. – Вып. 1. – С. 209–237.

2. Белявец, В. Курадава I – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся / В. Белявец, В. Вяргей // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : навук. зб. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 5–24.

3. Касюк, А. Ф. Археалагічныя разведкі ў Брэсцкай вобласці ў 2010 г. / А. Ф. Касюк // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : навук. зб. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2012. – № 23. – С. 208–213.

4. Никитина, В. Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине / В. Б. Никитина // Советская археология. – М., 1965. – № 1. – С. 194–205.

Резюме

В. Г. Белевец

Археологические разведки в Березовском районе в 2011 г.

Представлены результаты разведок 2011 г. в нижнем течении р. Винец – правого притока р. Ясельда. В их ходе открыто 10 памятников, материалы которых свидетельствуют об устойчивом характере поселенческих структур в этой, еще не обследовавшейся, части Западного Полесья: от эпохи финального палеолита до средневековья. На семи из них выявлены материалы железного века. Обломки керамики с расчесами, выявленные на селищах Ревятичи и Сигневичи-2, позволяют выделить на них горизонт I–IV вв., связанный с населением позднезарубинецкого и киевского культурного круга. На этих памятниках также выявлена керамика центральноевропейской культурной традиции, которую следует относить к поморской и вельбарской культурам.

Zusammenfassung

V. Beljavec

Archäologische Erforschung im Jahre 2011 in Bezirk Berëza

In Artikel sind die Ergebnisse der Archäologische Erforschung in den Unterlauf des Flusses Vinec – rechter Nebenfluss Jaselda präsentiert. In ihrem Verlauf geöffnet man 10 archäologisches Denkmale. Erhaltene auf diesen Materialien sind ein Beweis kontinuierliches Charakter des Siedlungsstruktures in diesem, noch nicht erhoben, Region den Westen Polesie aus der abschließende Altsteinzeit bis ins Mittelalter. Am 7 von dieser Dekmellern sind einige Materialien aus der Eisenzeit identifiziert. Aufgrund die Fragmenten des Töpfers mit Rasčesy-Verzierung, die auf Siedlungen Revjatyčy und Signevičy-2 stammen, kann man hier ein Horizont I–IV Jhrhunderts unterscheiden, der mit der Bevölkerung des Post-Zarubincy–Kiever Kulturkreises verbundet ist. Hier fand man auch Keramik mitteleuropäischen Kulturtraditions, die den Glockengraber- und Wielbark-Kulturen zugeschrieben werden sollte.

УДК 902/904(476)«2011»

А. М. Вашанаў, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, аспірант (г. Мінск)*

Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Бялыніцкага і Івацэвіцкага раёнаў у 2011 г.

У 2011 г. аўтарам артыкула праводзіліся археалагічныя раскопкі на стаянцы Бялынічы-1А ў Бялыніцкім раёне, а таксама разведкі на тэрыторыі Бялыніцкага раёна Магілёўскай вобласці і Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці [3].

Стаянка Бялынічы-1А размешчана на паўднёва-заходняй ускраіне г. п. Бялынічы ў 0,97 км на поўдзень ад в. Рагач на падтрохкутным мысападобным выступе карэннага берага ракі ва ўрочышчы Салатопка (геаграфічныя каардынаты: 54º00´34.53´´ пн. ш, 29º41´30.11´´ у. д.)[1] (мал. 1, *А: 1*). Помнік выяўлены ў 1982 г. Э. М. Зайкоўскім [4, с. 10; 5, с. 86–87], даследаваўся аўтарам у 2009 г. [1] і 2010 г. [2].

У 2011 г. на помніку побач з шурфамі 2010 г. [2], былі закладзены два раскопы агульнай плошчай 22 м^2. Даследаванне вялося ўмоўнымі механічнымі пластамі па 10 см. Пры фіксацыі знаходак кожны квадрат быў падзелены на чатыры сектары (а, б, в, г). Грунт прасейваўся праз сіта з вочкамі памерамі 0,5 см.

Раскоп 1 (10 м^2) даследаваны да глыбіні 90 см, знаходкі сустракаліся да глыбіні 80 см. Яго стратыграфія: а) шэры бесструктурны пясок магутнасцю 16–30 см; б) шчыльны дробназярністы бесструктурны пясок попельна-белаватага колеру з прапласткамі торфу (14–26 см); в) шчыльны бесструктурны пясок буравата-жоўтага колеру (8–26 см); г) белы дробназярністы бесструктурны пясок з ардзандамі (30–40 см). Мацерыковая паверхня – суглінак бялёсага адцення, які падсцілаецца дробназярністым белым пяском.

Раскоп 2 (12 м^2) даследаваны да глыбіні 40 см. Адразу пад ледзь заўважным дзёрнам ішоў ворны слой цёмна-шэрага колеру магутнасцю да 36 см, у якім і канцэнтраваліся знаходкі. Яго падсцілаў мацярык – слой светла-жоўтага пяску. У заходняй частцы раскопу ў кв. 28в была зафіксавана зольная пляма, палова якой зыходзіла ў заходнюю сценку. Памеры даследаванай часткі – 52 × 32 см, глыбіня – 30 см. У запаўненні аб'екта знаходак не выяўлена.

Атрыманая калекцыя налічвае 1990 артэфактаў, сярод якіх 1959 крамянёвых вырабаў (98,4%), 2 дробныя фрагменты ляпной керамікі эпохі позняга неаліту (0,1%)[2], 13 сценак кругавой керамікі (0,6%), 2 фрагменты каменных неазначальных вырабаў (0,1%), фрагмент сучаснай меднай трубкі (0,05%), 13 фрагментаў дробных перапаленых костак (0,6%) (гл. табліцу).

Археалагічны матэрыял, атрыманы ў выніку археалагічных раскопак на помніку Бялынічы-1А, 2011 г.

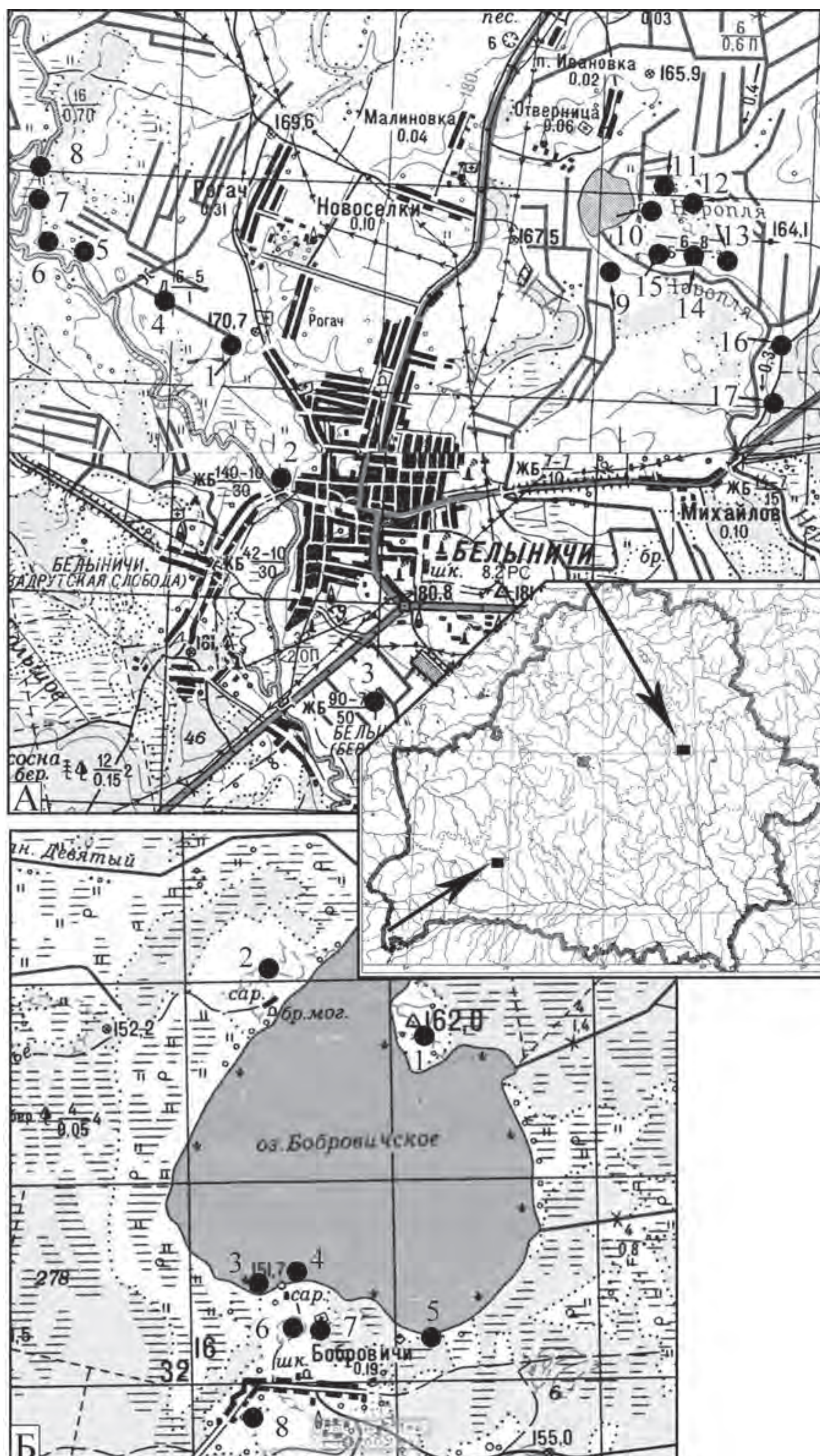
Матэрыял	1/2011 г. (10 м^2)	2/2011 г. (12 м^2)	Пав. зб. 2011 г.	Разам
Крэмень	1746	204	9	1959
Кераміка ляпная	2	–	–	2
Кераміка ганчарная	–	13	–	13
Камень	2	–	–	2
Метал		1	–	1
Костка	12	1	–	13
Усяго:	1762	219	9	1990

Сярод знойдзеных артэфактаў найбольшую цікавасць выклікаюць знаходкі наканечнікаў стрэл (мал. 2: *11, 12*), групы мікралітаў і адходаў ад іх вытворчасці (мал. 2: *1–10*), а таксама скрабкоў (мал. 2: *13–15*) і разцоў (мал. 2: *16–18*). Аналіз крамянёвага матэрыялу дазваляе вылучыць на помніку некалькі культурна-храналагічных кампанентаў. Фінальны палеаліт/ранні мезаліт – тэхнакомплекс з лістападобнымі наканечнікамі стрэл, грэнская культура; ранні мезаліт – кудлаеўска-каморніцкі тэхнакомплекс, кундская/бутаўская культура; позні мезаліт – яніславіцкая культура.

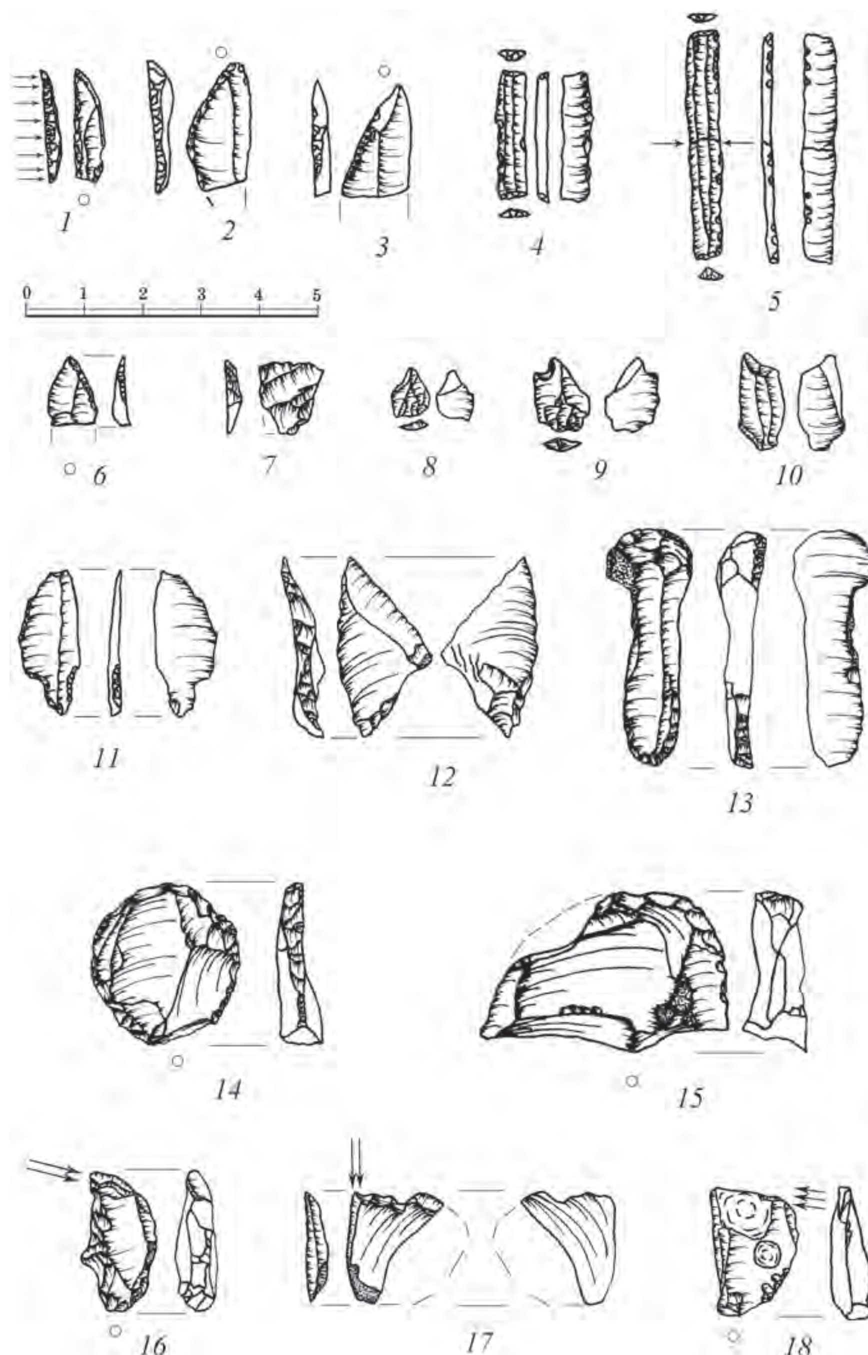
Археалагічныя разведкі ў Бялыніцкім раёне Магілёўскай вобласці працягваліся ў 2011 г. на левым беразе р. Друць, на паўночны захад ад г. п. Бялынічы, а таксама па берагах ракі і возера Нярпля.

Бялынічы-2В (мал. 1, *А: 2*). Паселішча з матэрыяламі эпохі неаліта–бронзавага веку, позняга сярэдневякоўя і новага часу, выяўлена ў 2009 г. аўтарам [1], абследавана ў 2010 г. [2]. Размешчана на паўднёва-заходнім ускрайку пясчанага ўзвышша праз 0,13 км на паўночны ўсход ад моста праз р. Друць і за 0,08 км на паўночны ўсход ад русла ракі (геаграфічныя каардынаты: 53º59´50.88´´ пн. ш., 29º41´56.52´´ у. д.). У 2011 г. на паверхні было знойдзена 20 крамянёвых вырабаў (мал. 3: *1–4*), фрагмент ляпной і 10 фрагментаў кругавой керамікі, а таксама былі закладзены 2 шурфы памерамі 1 × 1 м: шурф 1 на паўднёва-заходнім краі ўзвышша ў 2 м на ўсход ад дарогі на месцы, вызваленым ад лесапасадкі, і шурф 2 на паўднёвым краі ўзвышша, на яго схіле, праз 19 м на паўднёвы ўсход ад шурфа 1, за 5 м на паўночны захад ад металічнай трубы, укапанай на склоне ўзвышша. Стратыграфія шурфа 1: тонкі дзірван, шэры дробназярністы пясок (18–20 см), светлаоўты дробназярністы пясок з цёмнымі ўкрапінамі (12–18 см), светла-жоўты дробназярністы пясок да глыбіні 50 см,

[1] Каардынаты пададзены згодна сістэме Google Earth.
[2] Вызначэнне ляпной керамікі зроблена М. І. Ткачовай і З. А. Харытановіч.



Мал. 1. Лакалізацыя помнікаў: *А* – Бялыніцкі раён: *1* – Бялынічы-1А; *2* – Бялынічы-2В; *3* – Бялынічы-3; *4* – Бялынічы-5; *5* – Бялынічы-6А; *6* – Бялынічы-6Б; *7* – Бялынічы-6В; *8* – Бялынічы-6Г; *9* – Няропля-1; *10* – Няропля-3; *11* – Няропля-4; *12* – Няропля-5; *13* – Няропля-6; *14* – Няропля-7; *15* – Няропля-2; *16* – Міхалоў-2; *17* – Міхалоў-1; *Б* – Івацэвіцкі раён: *1* – Бабровічы-1; *2* – Бабровічы-2; *3* – Бабровічы-10; *4* – Бабровічы-11; *5* – Бабровічы-3А; *6* – Бабровічы-8; *7* – Бабровічы-4В; *8* – Бабровічы-16. 2011 г.



Мал. 2. Крамянёвыя вырабы: *1–10* – мікраліты і адходы ад іх вытворчасці; *11, 12* – наканечнікі стрэл; *13–15* – скрабкі; *16–18* – разцы. Бялынічы-1А. Малюнак А. М. Вашанава

да якой і сустракаліся знаходкі. У шурфе былі знойдзены 17 крамянёвых вырабаў і 24 фрагменты кругавой керамікі. Шурф 2: пад дзірванам ішоў слой перавеянага пяску светла-карычневага колеру таўшчынёй 12–14 см, ніжэй – слой дробназярністага пяску светла-жоўта-шэрага колеру з дробнымі ўкрапінамі светла-шэрага колеру (14–30 см), пад ім – слой цёмна-шэрага гумусіраванага пяску (28–50 см), мацярык – дробназярністы чырванаваты пясок. Знаходкі сустракаліся да глыбіні 78 см. У шурфе было знойдзена 16 крамянёвых вырабаў і 24 фрагменты керамікі позняга сярэдневякоўя–новага часу[1].

Бялынічы-3 (мал. 1, *А: 3*) – месцазнаходжанне расшчапаных крамянёў, выяўлена ў 2009 г. аўтарам [1], знаходзіцца на левым беразе р. Друць праз 0,67 км на поўдзень ад г. п. Бялынічы, праз 0,53 км на паўднёвы ўсход ад шашы М4 (Мінск–Магілёў) і за 0,87 км на паўночны ўсход ад моста праз р. Друць на

[1] Вызначэнне кругавой керамікі тут і далей зроблена Г. Р. Цімафеенка.

паўднёва-ўсходнім краі выцягнутай па лініі паўночны ўсход–паўднёвы захад дзюны (геаграфічныя каардынаты: 53º58′43.10′′ пн. ш., 29º42′43.22′′ у. д.). Паверхня месцазнаходжання моцна пашкоджана сіласнымі ямамі. На помніку быў закладзены шурф памерамі 1 × 1 м, які аказаўся без знаходак. Ён размяшчаўся на паўднёва-ўсходнім краі дзюны праз 0,2 км на паўднёвы-ўсход ад месца збора пад'ёмнага матэрыялу ў 2009 г. Стратыграфія шурфа: 1) навеяны пясок светла-жоўтага колеру (6–22 см); 2) слой супеску бялёсага колеру (19–20 см); 3) слой чырванавата-жоўтага пяску (да 22 см).

Бялынічы-5 (мал. 1, *А: 4*) – месцазнаходжанне матэрыялаў каменнага–бронзавага вякоў выяўлена на левым беразе р. Друць, праз 0,22 км на паўночны захад ад паўночна-заходняй ускраіны г. п. Бялынічы, праз 1,06 км на паўднёвы захад ад в. Рагач, на пясчанай дзюне (геаграфічныя каардынаты: 54º00′45.12′′ пн. ш., 29º40′46.74′′ у. д.). Меліярацыйны канал перарэзаў помнік на дзве часткі. На пясчаных агаленнях канала былі знойдзены скарыністы адшчэп і фрагмент неазначальнага сколу.

Бялынічы-6А (мал. 1, *А: 5*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–броназавага вякоў адкрыта на левым беразе р. Друць, праз 2,26 км на паўночны захад ад г. п. Бялынічы і праз 1,72 км на паўднёвы-захад ад паўднёвай ускраіны в. Рагач, на краі першай надпоймавай тэрасы (геаграфічныя каардынаты: 54º01′07.08′′ пн. ш., 29º35′53.75′′ у. д.). На ўскрайку тэрасы, на мяжы з лесапасадкай, былі знойдзены адшчэп звычайны, луска і 2 дробныя абломкі неазначальныя.

Бялынічы-6Б (мал. 1, *А: 6*) – месцазнаходжанне каменнага-бронзавага вякоў, існуе верагоднасць, што гэта помнік, які ў 1982 г. адкрыў Э. М. Зайкоўскі (Пасека-2) [4, 5], размяшчаецца на левым беразе р. Друць, праз 2,54 км на паўночны захад ад г. п. Бялынічы, праз 1,9 км на захад ад паўднёвай ускраіны в. Рагач, за 0,25 км на паўночны захад ад месцазнаходжання Бялынічы-6А, на краі першай надпоймавай тэрасы (геаграфічныя каардынаты: 54º01′14.28′′ пн. ш., 29º39′49.78′′ у. д.). На ўскрайку тэрасы, на мяжы з лесапасадкай, знойдзены дробны абломак неазначальны.

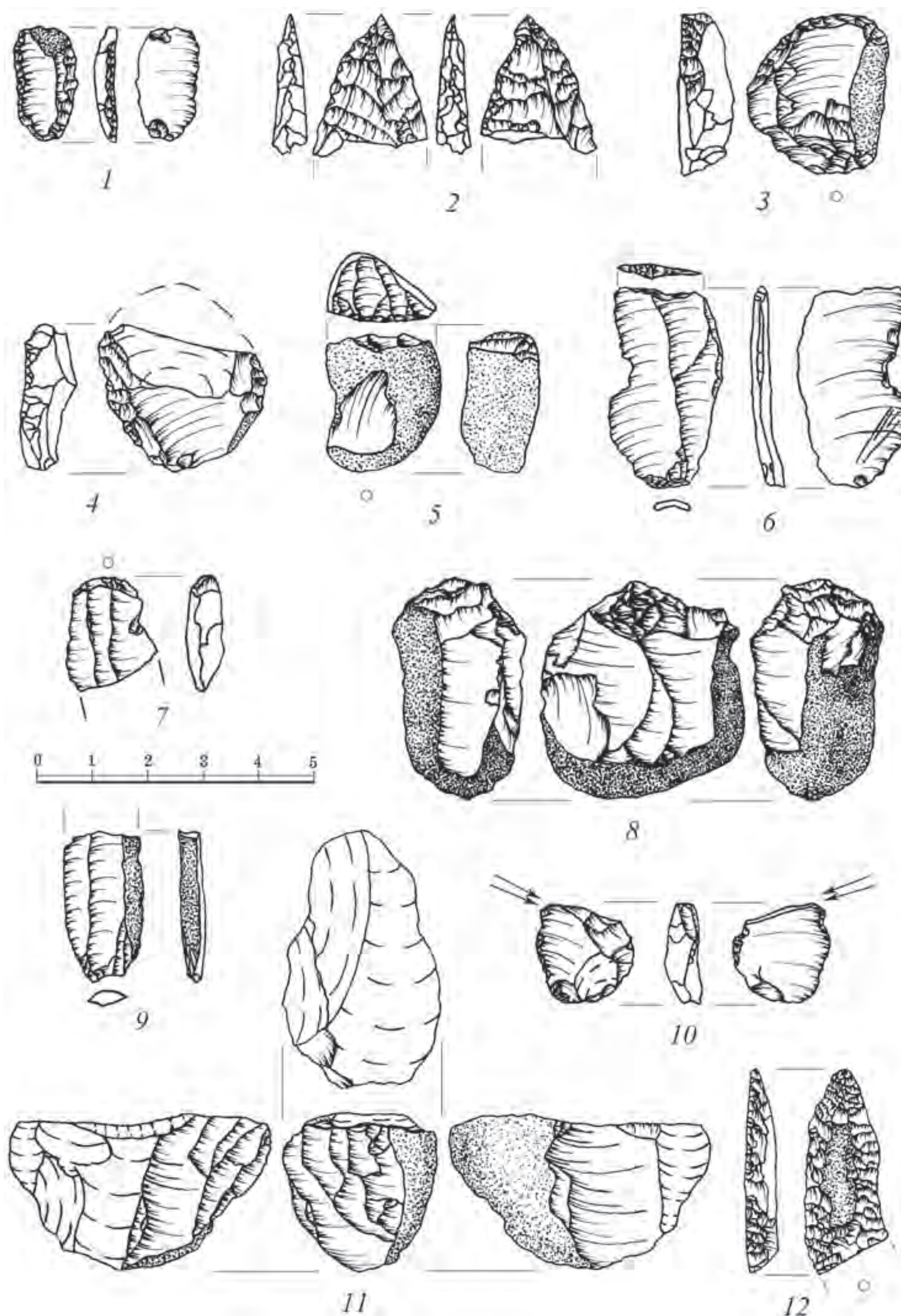
Бялынічы-6В (мал. 1, *А: 7*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў, можа з'яўляцца помнікам, адкрытым у 1982 г. Э. М. Зайкоўскім (Пасека-1) [4, 5], размешчана на левым беразе р. Друць, праз 2,74 км на паўночны захад ад г. п. Бялынічы, праз 2 км на паўночны захад ад паўднёвай ускраіны в. Рагач і за 0,24 км на паўночны захад ад месцазнаходжання Бялынічы-6Б, на краі першай надпоймавай тэрасы (геаграфічныя каардынаты: 54º01′23.04′′ пн. ш., 29º39′47.11′′ у. д.). На мысападобным выступе тэрасы, на мяжы з лесапасадкай, знойдзены праксімальны фрагмент пласціны і фрагмент скола неазначальнага.

Бялынічы-6Г, «урочышча Лысая Гара» (мал. 1, *А: 8*). Стаянка з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў, адкрыта ў 1932 г. А. Дз. Кавaленяй пад назвай Лысая Гара [7]. У 1982 г. помнік абследаваўся Э. М. Зайкоўскім [4]. Каб у далейшым пазбегнуць блытаніны з назвамі помнікаў, яму быў надзены парадкавы нумар 6Г. Размяшчаецца на левым беразе р. Друць, праз 2,88 км на паўночны захад ад г. п. Бялынічы, праз 2,04 км на паўночны захад ад паўднёвай ускраіны в. Рагач і за 0,24 км на паўночны захад ад месцазнаходжання Бялынічы-6В, на краі высокага крутога берага р. Друць (геаграфічныя каардынаты: 54º01′30.03′′ пн. ш., 29º39′48.05′′ у. д.). У абсыпцы грунту былі сабраны фрагмент перапаленай косткі, 2 дробныя неазначальныя крамянёвыя абломкі, луска, 3 адшчэпы звычайныя, скрабок на скарыністым адшчэпе.

Міхалоў-1 (мал. 1, *А: 17*). Месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага веку. Адкрыта аўтарам ў 2010 г. [2], размяшчаецца на левым беразе р. Няропля, праз 2,9 км на паўночны ўсход ад могілак, на заходняй ускраіне г. п. Бялынічы, праз 0,6 км на паўночны ўсход ад вёскі Міхалоў на краі першай надпоймавай тэрасы (геаграфічныя каардынаты: 54º00′12.36′′ пн.ш., 29º46′05.38′′ у.д.). На дарозе, што цягнецца па краі тэрасы, былі знойдзены 2 адшчэпы звычайныя, 2 лускі, фрагмент адшчэпа, 7 дробных абломкаў неазначальных.

Міхалоў-2 (мал. 1, *А: 18*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў выяўлена на левым беразе р. Няропля праз 0,14 км на паўночны ўсход ад месцазнаходжання Міхалоў-1, праз 0,8 км на паўночны ўсход ад в. Міхалоў, за 0,17 км на ўсход ад русла ракі (геаграфічныя каардынаты: 54º00′19.59′′ пн. ш., 29º46′10.72′′ у. д.). Апрацаваныя крэмені трапляліся на дарозе, што цягнецца па краі тэрасы ўздоўж лесу. У гэтым месцы выяўлены фрагмент сценкі ляпной керамікі, 4 лускі, 2 адшчэпы звычайныя.

Няропля-1 (мал. 1, *А: 9*) – стаянка з матэрыяламі позняга неаліту–бронзавага веку адкрыта на правым беразе р. Няропля, праз 0,5 на поўдзень ад воз. Няропля і праз 1,2 км на паўночны ўсход ад будынка дома састарэлых на паўночна-ўсходняй ускраіне г. п. Бялынічы, праз 1,37 км ад в. Навасёлкі (геаграфічныя каардынаты: 54º00′51.54′′ пн. ш., 29º44′40.29′′у. д.) на мысападобным выступе пясчанага ўзвышша, які моцна ўрэзваецца ў затарфаваны поплаў. Для праверкі магутнасці культурных напластаванняў у паўночна-заходняй частцы мысападобнага выступу быў закладзены шурф (1 × 2 м). Стратыграфія шурфа: дзёран (5–6 см), ворны слой цёмна-шэрага колеру (22–28 см), светла-жоўты пясок (12–22 см). Знаходкі трапляліся да глыбіні 50 см. У шурфе было знойдзена 207 артэфактаў, пераважную большасць якіх складаюць крамянёвыя вырабы (190 экзэмпляраў (мал. 3: *5, 6*)), а таксама 10 фраг-



Мал. 3. Крамянёвыя вырабы: *1–4* – Бялынічы-2В; *5, 6* – Няропля-1; *7–10* – Няропля-4; *11* – Бабровічы-1; *12* – Бабровічы-4В. Малюнак А. М. Вашанава

ментаў ляпной керамікі, 6 фрагментаў кальцыніраваных костак, фрагмент каменнага вырабу неазначальнага.

Няропля-2 (мал. 1, *А: 15*) – помнік эпохі мезаліту (?), неаліту, позняй бронзы і позняга сярэдневякоўя, выяўлены на левым беразе р. Няропля на паўднёва-заходнім ускрайку пясчанага ўзвышша, праз 1,74 км на паўднёвы ўсход ад в. Навасёлкі, праз 2 км на паўднёвы захад ад в. Пачапок, за 0,14 км на поўнач ад русла ракі (геаграфічныя каардынаты: 54º00´59.07´´ пн. ш., 29º45´08.97´´у. д.). Паверхня стаянкі добра задзірванелая, дзе-нідзе парасла маладой хвояй. Шурф (1 × 2 м) быў разбіты прыблізна ў 30 м на поўдзень ад дарогі, што цягнецца ўздоўж лесу. У шурфе выяўлена наступная стратыграфія: слой дзірвану (4–6 см), ворны пласт цёмна-шэрага колеру (20–34 см), слой жоўта-шэрага пяску да глыбіні 50 см, да якой сустракаліся знаходкі. Мацярык – дробназярністы пясок светла-жоўтага колеру. У шурфе былі знойдзены 82 вырабы з крэменю, 3 фрагменты аб-

мазкі, фрагмент глінянага грузіка, 25 фрагментаў ляпной керамікі, фрагмент каменнага вырабу неазначальнага (фрагмент каменнай шліфаванай сякеры ?), 38 дробных фрагментаў неазначальнай керамікі, 42 фрагменты кругавой керамікі, 4 дробныя фрагменты кальцыніраваных костак.

Нярапля-3 (мал. 1, *А: 10*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў. Помнік выяўлены на паўднёва-заходнім беразе воз. Нярапля, праз 1,6 км на ўсход ад в. Навасёлкі, праз 0,9 км на паўднёвы-ўсход ад в. Атверніца, за 0,18 км ад берагавой лініі, на заходнім ускрайку ўзвышша (геаграфічныя каардынаты: 54º01′09.51′′ пн. ш., 29º45′00.64′′у. д.). Нешматлікія знаходкі сустракаліся на дарозе, што цягнецца ўздоўж лесу, дзе знойдзена 12 вырабаў з крэменю: 7 дробных абломкаў неазначальных, 2 адшчэпы звычайныя, 3 лускі, дробны фрагмент скола неазначальнага.

Нярапля-4 (мал. 1, *А: 11*) – стаянка эпохі мезаліту (?), неаліту. Выяўлена на ўсходнім беразе воз. Нярапля, праз 0,7 км на паўднёвы ўсход ад в. Атверніца, праз 1,65 км на захад ад паўднёвай ускраіны в. Пачапок, за 0,33 км ад берагавой лініі, на паўночным краі ўзвышша (геаграфічныя каардынаты: 54º01′22.47′′ пн. ш., 29º45′12.80′′у. д.). На помніку была праведзена шурфоўка. Шурф (1 × 2 м) быў закладзены з правага боку ад дарогі, што цягнецца ўздоўж лесу ва ўсходнім накірунку, на ўчастку, вольным ад лесапасадкі. Стратыграфія: слой дзірвану таўшчынёй (2–4 см), ворны слой цёмна-шэрага колеру (14–26 см), слой пяску жоўта-шэрага колеру (да глыбіні 40 см). Мацярык – светла-жоўты пясок. У шурфе было знойдзена: 144 крамянёвых вырабаў (мал. 3: *7–10*), каменны адбойнік, 6 фрагментаў ляпной і фрагмент кругавой керамікі, 4 фрагменты перапаленых костак.

Нярапля-5 (мал. 1, *А: 12*) – помнік з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў, выяўлены за 0,6 км на ўсход ад воз. Нярапля, праз 1 км на паўднёвы ўсход ад в. Атверніца і праз 1,5 км на захад ад паўднёвай ўскраіны в. Пачапок, на ўсходнім краі ўзвышша (геаграфічныя каардынаты: 54º01′18.41′′ пн. ш., 29º45′27.42′′у. д.). Паверхня помніка задзірванела і месцамі парасла маладымі елкамі. Для высвятлення культурна-храналагічнай прыналежнасці матэрыялаў на помніку была праведзена шурфоўка. Шурф (1 × 1 м) быў закладзены з левага боку ад дарогі, што цягнецца ў паўднёвым накірунку ўздоўж лесу. Стратыграфія: дзірван (4–6 см), ворны пласт цёмна-шэрага колеру, у якім і трапляліся знаходкі (21–28 см), слой жоўтага пяску з цёмнымі ўкрапінамі (6–12 см). У шурфе знойдзены: адшчэп звычайны і фрагмент гільзы ад паляўнічага патрона, на вонкавым баку якога прасочваецца надпіс «USSR».

Нярапля-6 (мал. 1, *А: 13*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў. Выяўлены на левым беразе р. Нярапля праз 1,75 км на паўднёвы ўсход ад в. Адверніца і праз 1,40 км на паўднёвы захад ад паўднёвай ускраіны в. Пачапок, за 0,20 км на поўнач ад русла ракі, на паўднёва-ўсходнім ускрайку ўзвышша (геаграфічныя каардынаты: 54º00′59.54′′ пн. ш., 29º45′41.65′′у. д.). На дарозе, што цягнецца ўздоўж леса былі знойдзены: адшчэп скарыністы, 3 адшчэпы звычайныя, дробны фрагмент сколу неазначальнага.

Нярапля-7 (мал. 1, *А: 14*) – месцазнаходжанне з матэрыяламі каменнага–бронзавага вякоў. Адкрыта на левым беразе р. Нярапля, праз 1,5 км на паўднёвы захад ад в. Атверніца і праз 1,7 км на паўднёвы захад ад паўднёвай ускраіны в. Пачапок, за 0,14 км на поўнач ад русла ракі (геаграфічныя каардынаты: 54º00′59.21′′ пн. ш., 29º45′25.87′′у.д.). Нешматлікія крамянёвыя артэфакты трапляліся на дарозе, што цягнецца ўздоўж лесу (падскарыністы адшчэп і 2 дробныя абломкі неазначальныя).

У ліпені 2011 г. былі праведзены археалагічныя разведкі на тэрыторыі **Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці.** Галоўнай мэтай працы стала высвятленне сучаснага стану помнікаў каменнага веку, сканцэнтраваных у раёне воз. Бабровіцкае (Бабровіцкі мікрарэгіён), а таксама вызначэнне найбольш перспектыўных аб’ектаў, для правядзення стацыянарных археалагічных раскопак[1].

Бабровічы-1 (мал. 1, *Б: 1*). Помнік выяўлены ў 1963 г. У. Ф. Ісаенка [6]. Абследаваўся у 1971 г. У. Ф. Ісаенка, у 1979 г. Н. У. Шаблюк [9], у 2002 г. Э. А. Ляшкевіч, А. Г. Калечыц, В. Л. Лакізам, В. С. Абухоўскім [9].

Размяшчаецца на паўночна-ўсходнім беразе воз. Бабровіцкае ва ўрочышчы Востраў, на марэнным мысападобным узвышэнні, даўжыня якога складае 0,99 км, шырыня – 0,6 км (геаграфічныя каардынаты: 52º38′36.15′′ пн. ш., 25º47′31.15′′ у. д.). Вышыня над узроўнем вады – каля 3–4 м. На момант абследавання, летам 2011 г., паверхня стаянкі была амаль цалкам пакрыта хваёвым лесам, невялікія прагаліны назіраліся ў яе цэнтральнай, найбольш высокай, частцы, дзе ўсталяваны трыангуляцыйны знак. У гэтым месцы, на незадзірванелых участках, былі знойдзены: аднапляцовачны монафрантальны нуклеус ад пласцін і адшчэпаў (мал. 3: *11*) без дадатковай апрацоўкі бакоў і контрфронта, фрагмент масіўнага скарыністага адшчэпа, натуральны абломак з негатывамі асобных сколаў, 2 натуральныя абломкі без апрацоўкі.

[1] На помніках Бабровічы-3А (мал. 1, *Б: 5*), Бабровічы-8 (мал. 1, *Б: 6*), Бабровічы-10 (мал. 1, *Б: 3*), Бабровічы-16 (мал. 1, *Б: 8*) артэфактаў выяўлена не было, таму вынікі іх абследавання ў артыкуле не прыводзяцца.

Крамянёвыя артэфакты папярэдне датуюцца каменным–бронзавым векам. Аднапляцовачны нуклеус, знойдзены на помніку, можа адносіцца да эпохі мезаліту.

Бабровічы-2 (мал. 1, *Б: 2*). Помнік быў выяўлены ў 1963 г. У. Ф. Ісаенка [6]. Абследаваўся ў 1971 г. У. Ф. Ісаенка, у 1979 г. Н. У. Шаблюк [8], у 2002 г. Э. А. Ляшкевіч, А. Г. Калечыц, В. Л. Лакізам, В. С. Абухоўскім [9]. На працягу 1990–2010 гг. зборам матэрыялаў на помніку займаўся В. М. Бычкоўскі.

Помнік размешчаны на паўночна-заходнім беразе воз. Бабровіцкае ва ўрочышчах Вяда і Тупічыцы (геаграфічныя каардынаты: 52º38′50.00′′ пн. ш., 25º46′11.48′′ у. д.), на месцы існаваўшых тут у даваенны час вёсак з аднайменнымі назвамі (вёскі спалены нямецкімі войскамі 15 верасня 1942 г.). На момант даследавання паверхня помніка падвяргалася моцнаму ўздзеянню ветравой эрозіі. У межах развейваемых пяскоў былі вылучаны чатыры месцы з выразна акрэсленымі канцэнтрацыямі крамянёвага і керамічнага матэрыялу, якія былі названыя зонамі збору 1А, 1В, 1С і 1D адпаведна**.**

Зона збору-1А. На плошчы 35 × 30 м было знойдзена: 37 крамянёвых вырабаў, а таксама фрагменты кругавой керамікі. Крамянёвы матэрыял папярэдне датуецца каменным–бронзавым векам, асобныя артэфакты адносяцца да эпохі мезаліту. Кругавая кераміка датуецца XVIII–XIX стст.

Зона збору-1В. На ўчастку плошчай 30 × 30 м было знойдзена: 35 крамянёвых артэфактаў і фрагменты кругавой керамікі. Храналогія крамянёвага матэрыялу вызначаецца ў шырокіх рамках: каменны–бронзавы век. Асобныя крамянёвыя артэфакты датуюцца эпохай фінальнага палеаліту і мезаліту. Кругавая кераміка адносіцца да XVIII–XIX стст.

Зона збору-1С. На плошчы 40 × 30 м знойдзена: 134 крамянёвыя вырабы і фрагменты кругавой керамікі. Большасць крамянёвых артэфактаў папярэдне датуецца каменным–бронзавым векам, некаторыя адносяцца да фінальнага палеаліту і мезаліту. Керамічны матэрыял датуецца XVIII–XIX стст.

Зона збору-1D. На тэрыторыі плошчай 50 × 30 м былі сабраны: 43 крамянёвыя артэфакты, фрагмент ляпной і шматлікія фрагменты кругавой керамікі. Большасць вырабаў з крэменю папярэдне датуецца каменным–бронзавым векам, частка – фінальным палеалітам–мезалітам, фрагмент сценкі ляпной керамікі – перыядам ранняга жалезнага веку. Кругавая кераміка адносіцца да XVIII–XIX стст.

Бабровічы-4В (мал. 1, *Б: 7*). Помнік выяўлены У. Ф. Ісаенка, даследаваўся шурфоўкай у 2001 г. А. Г. Калечыц, В. Л. Лакізам, В. С. Абухоўскім [9]. Размешчаны праз 0,50 км на поўнач ад цэнтра в. Бабровічы, з паўднёва-заходняга боку ад вясковых могілак (геаграфічныя каардынаты: 52º36′51.95′′ пн. ш., 25º46′32.53′′ у. д.). Помнік пашкоджаны невялікім кар'ерам. Паверхня паступова зарастае хмызняком. Тут знойдзены фрагмент серпападобнага нажа (мал. 3: *12*), які датаваны неалітам–бронзавым векам.

Бабровічы-11 (мал. 1, *Б: 4*). Помнік выяўлены і даследаваны ў 2002 г. Э. А. Ляшкевіч [9]. Лакалізаваны на дне воз. Бабровіцкае, праз 40 м на ўсход ад стаянкі Бабровічы-10 (геаграфічныя каардынаты: 52º37′08.28′′ пн. ш., 25º46′22.70′′ у. д.). Летам 2011 г. на дне возера знойдзена 7 крамянёвых артэфактаў: праксімальная частка рэгулярнай пласціны; 2 дробныя абломкі неазначальныя; скол аднаўлення пляцоўкі нуклеуса; адшчэп падскарыністы; 2 фрагменты адшчэпаў. Па сваіх тэхніка-марфалагічных рысах яны адносяцца да яніславіцкай культуры і датуюцца познім мезалітам.

Вынікі абследавання 2011 г. сведчаць, што помнікі Бабровіцкага мікрарэгіёна маюць досыць розную ступень захаванасці, некаторыя пашкоджаны антрапагенным уздзеяннем. Найбольш перспектыўнымі для даследавання з'яўляюцца помнікі Бабровічы-1, -2, -10, -11, -3А.

Літаратура

1. Вашанаў, А. М. Справаздача аб разведках на тэрыторыі Бялыніцкага раёна ў 2009 годзе / А. М. Вашанаў // ААНД ІГ НАН Беларусі.

2. Вашанаў, А. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Бялыніцкага раёна ў 2010 г. / А. М. Вашанаў // ААНД ІГ НАН Беларусі.

3. Вашанаў, А. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у Івацэвіцкім раёне Брэсцкай вобласці і Бялыніцкім раёне Магілёўскай вобласці ў 2011 годзе / А. М. Вашанаў // ААНД ІГ НАН Беларусі.

4. Зайкоўскі, Э. М. Справаздача аб палявых даследаваннях у 1982 годзе / Э. М. Зайкоўскі // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 794.

5. Зайкоўскі, Э. М. Разведкі на Друці / Э. М. Зайкоўскі // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Магілёў. – 1995. Ч. I. – С. 86–90.

6. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях 1963 года / В. Ф. Ісаенко// ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 160.

7. Каваленя, А. Зьм. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук, Лукомкі / А. Зьм. Каваленя // Працы сэкцыі археолёгіі. – Менск, 1932. – Т. 3. – С. 187–195.

8. Шаблюк, Н. В. Отчет о полевых исследованиях 1989 года / Н. В. Шаблюк // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 1140.

9. Этапы засялення бабровіцкага мікрарэгіёна ў фінальным палеаліце–бронзавым веку / В. С. Абухоўскі [і інш.] // Гіст.-археалаг. зб. – 2003. – № 18.

Резюме

А. М. Вашанов

Археологические исследования на территории Белыничского и Ивацевичского районов в 2011 г.

Отражены результаты археологических исследований 2011 г. в верховьях р. Друть (восточная Беларусь) и в районе озера Бобровичи (юго-западная Беларусь). В результате было обследовано 25 памятников, из которых 10 ранее не были известны. Были проведены археологические раскопки на стоянке Белыничи-1А. На памятнике было выявлено 1990 артефактов. Большинство находок относится к эпохам финального палеолита–мезолита (гренская культура), раннего мезолита (кундская культура, кудлаевская культура), позднего мезолита (яниславицкая культура). Отдельные находки относятся к концу неолита.

Summary

A. Vashanov

The archaeological investigations on the territory of Belynichsky and Ivazevichsky districts in 2011

The paper presents the results of the archaeological researches in 2011 in the upper part of the Druć river (eastern Belarus) and Lake Babrovi district (south-western Belarus). As a result, 25 sites were surveyed, 10 of which were previously unknown. Excavations were carried out at the Bialynichy-1A site. At this site 1990 artifacts were found. The majority of the artifacts belong to the final periods of the Paleolithic–Mesolithic (Grensk culture), Early Mesolithic (Kunda culture, Kudlaevska culture), the Late Mesolithic (Yanislavitskaya culture) eras. Several finds are dated to the end of the Neolithic era.

УДК 903.4(476.6)«2011»

А. У. Зуева, *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, старшы выкладчык, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Вынікі археалагічных раскопак паселішча Краснасельскі-8 у 2011 г.

У палявым сезоне 2011 г. на падставе Дазволу № 2290 па форме № 1, які быў выдадзены Інстытутам гісторыі НАН Беларусі, былі праведзены археалагічныя раскопкі помніка Краснасельскі-8 Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці. Даследаванні адбываліся ў межах правядзення археалагічнай практыкі студэнтаў гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта.

Помнік Краснасельскі-8 знаходзіцца ў правабярэжжы р. Рось праз 1,2 км на поўдзень ад пас. Краснасельскі і праз 1 км на паўночны захад ад в. Мачуліна (Краснасельскі п/с). Паселішча размяшчаецца на краі тэрасы, вышыня якой над узроўнем поплава дасягае 3 м.

Помнік быў выяўлены аўтаркай сумесна з Ш. Каліцкім у 2008 г. У тым жа годзе былі закладзены два шурфы агульнай плошчай 18 м^2. У атрыманых матэрыялах вылучаны комплексы фінальнага палеаліту, лысагорскага этапу нёманскай культуры, кола культуры шнуравой керамікі, жалезнага веку і сярэдневякоўя [2, с. 237–239].

У 2011 г. на помніку быў закладзены раскоп плошчай 45 м^2. Раскопкі вяліся натуральнымі і ўмоўнымі пластамі, выбарка культурнага слою ажыццяўлялася саўкамі.

У раскопе, які даследаваўся на глыбіню да 0,9 м, была прасочана наступная стратыграфія: 1) пласт дзёрну і глебавага покрыва магутнасцю 0,2–0,35 м; 2) слой наноснага светла-жоўтага пяску таўшчынёй да 0,25–0,30 м; 3) чорны гумусіраваны супесак магутнасцю 0,08–0,22 м; 4) пясок жоўта-рудага колеру, які на глыбіні каля 0,8 м ад узроўню выяўлення падсцілаўся шчыльным белым пяском.

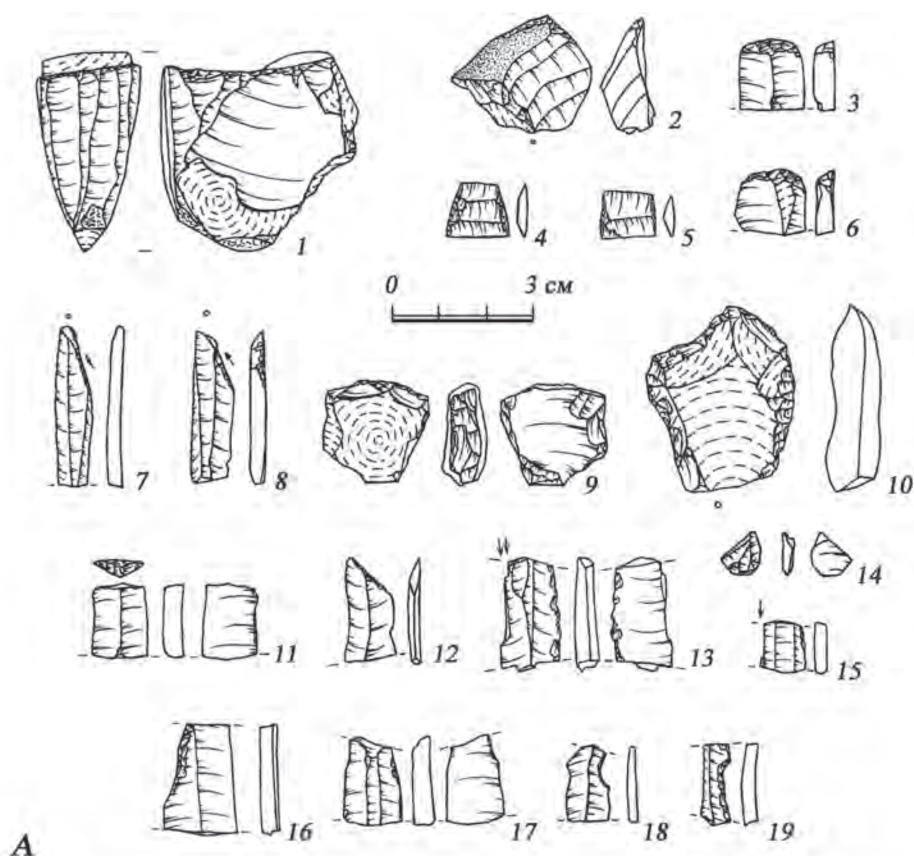
Пачынаючы з пласта 4 фіксаваліся аб’екты. Некаторыя з іх мелі працяг да мацерыковага пяску і заглыбляліся ў яго, некаторыя ўдалося прасачыць толькі на ўзроўні мацерыка. Усяго ў раскопе было выяўлена 15 розначасовых аб’ектаў, пераважная большасць якіх – разнастайныя па памерах, глыбіні і прызначэнні ямы. Асаблівай увагі заслугоўваюць два аб’екты.

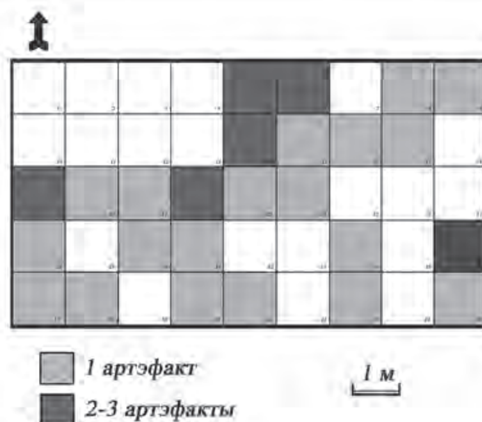
Аб’ект 12. Падчас выбаркі пласта 3 у квадраце 5 была зафіксавана канцэнтрацыя крамянёвых артэфактаў. Пачынаючы з узроўню пласта 4, канцэнтрацыя разбіралася як аб’ект. Дыяметр найбольшага нагрувашчання артэфактаў дасягаў 0,55 м, глыбіня залягання крэменяў – 0,25 м ад узроўню фіксацыі. У запаўненні аб’екта было выяўлена 1549 крамянёвых артэфактаў (з іх 6 вырабаў з другаснай апрацоўкай) і 8 фрагментаў ляпнога посуду. Культурна і храналагічна вызначальнымі знаходкамі з’яўляюцца яніславіцкае вастрыё (мал. 1, *А: 7*) і кераміка (5 фрагментаў посуду кола культуры шнуравой керамікі і 3 фрагменты познанеалітычнай керамікі неакрэсленай культурнай прыналежнасці). У выніку праведзеных рэмантажных прац быў атрыманы шэраг складальнікаў, што дазволіла інтэрпрэтаваць аб’ект 12 як працоўнае месца майстра па першаснай апрацоўцы сыравіны (так званы тачок). Вызначэнне культурнай прыналежнасці аб’екта выклікае цяжкасці. У сумежных з аб’ектам 12 квадратах адзначалася канцэнтрацыя артэфактаў з другаснай апрацоўкай яніславіцкай культуры (мал. 1, *Б*), а таксама назіралася скапленне познанеалітычнай керамікі. Фрагменты «шнуравога» посуду размеркаваныя па ўсёй плошчы раскопу (мал. 2, *Б: 2*). Такім чынам, для вырашэння пастаўленага пытання даныя планіграфічнага аналізу павінны быць удакладнены вынікамі тэхналагічнага аналізу прадуктаў дэбітажу, атрыманых у запаўненні аб’екта.

Аб’ект 14. У паўднёва-ўсходняй частцы раскопу на ўзроўні пласта 3 была выяўлена аморфная пляма гумусіраванага шэра-рудага супеску, у якім заўважаліся адзінкавыя дробныя вугольчыкі. Фіксацыя і выбарка аб’екта пачаліся на ўзроўні мацерыковай паверхні. Аб’ект, які паўднёвай часткай уваходзіў у профіль, меў аморфныя абрысы. Яго памеры дасягалі 1,94 × 1,84–1,95 м, глыбіня ад ўзроўню фіксацыі вагалася ад 0,13 да 0,34 м. Запаўненне аб’екта складалася з гумусіраванага шэра-рудага супеску. У цэнтры даследаванай часткі знаходзілася нагрувашчанне камянёў. Усяго ў запаўненні аб’екта было выяўлена 13 крамянёвых артэфактаў, 9 фрагментаў «шнуравой» керамікі, 5 фрагментаў керамікі жалезнага веку. Мяркуючы па стратыграфіі і характары запаўнення, аб’ект 14, функцыянальнае прызначэнне якога засталося нявызначаным, адносіўся да перыяду засялення тэрыторыі помніка ў I–V ст. н. э.

Падчас раскопак былі атрыманы 4702 знаходкі: 3728 крамянёвых артэфактаў, 856 фрагментаў керамікі, 13 фрагментаў глінянай абмазкі, 4 фрагменты нявызначаных металічных вырабаў, 2 кавалкі шлаку, 88 фрагментаў кальцыніраваных костак, 1 створка ракавінкі.

Крамянёвыя артэфакты сустракаліся адразу пад дзёрнам і распаўсюджваліся да мацерыковага ўзроўню, аднак асноўная частка калекцыі была атрымана ў пластах 3 і 4. Колькасць знаходак на квадрат вагалася ад 1 да 164 адзінак, у сярэднім – 46 адзінак.





Мал. 1. Краснасельскі-8: *А* – крамянёвы інвентар: *1* – нуклеус ад пласцін; *2* – рэтушаваны скол падпраўкі плоскасці сколвання; *3, 6* – скрабкі; *4, 5* – трапецыі; *7, 8* – янiславiцкiя вастрыі; *9, 10* – скрабачы; *11, 12* – пласціны са скошаным рэтушшу канцом; *13, 15* – разцы на зломе пласцін; 14 – мікраразец; *16, 17* – фрагменты пласцін з рэтушшу; *18, 19* – пласціны, зламаныя ў месцы выемкі; *Б* – паквадратная планіграфія крамянёвых вырабаў янiславiцкай культуры. 2011 г.

Для вырабу прылад працы выкарыстоўваўся балтыйскі крэйдавы крэмень так званай выкапнёвай разнавіднасці, а таксама мясцовы марэнны крэмень. 308 артэфактаў (8,4%) абпаленыя.

Агульная тэхніка-марфалагічная структура крамянёвага інвентару адлюстравана ў табліцы. Калекцыя, атрыманая на помніку, змешаная. Культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя артэфактаў была ўскладнена недастатковай ступенню вывучанасці крамянёвага інвентару тых культур, якія існавалі на Панямонні ў неаліце–бронзавым веку. Таму на падставе тэхніка-марфалагічнага аналізу матэрыялаў у калекцыі крамянёвых артэфактаў быў вылучаны толькі адзін комплекс – янiславiцкай культуры. Да яго аднесены: аднапляцовачны нуклеус ад рэгулярных пласцін (мал. 1, *А*: *1*), тэхнічна вызначальныя сколы,

звязаныя з рознымі этапамі эксплуатацыі нуклеусаў гэтага тыпу, і вырабы на такіх сколах (мал. 1, *А*: *2*); яніславіцкія вастрыі (мал. 1, *А*: *7, 8*); трапецыі (мал. 1, *А*: *4, 5*); скрабкі на рэгулярных пласцінах (мал. 1, *А: 3, 6*); скрабачы (мал. 1, *А: 9, 10*); разцы на зломе пласцін (мал. 1, *А*: *13, 15*); рэгулярныя пласціны са скошаным рэтушшу канцом (мал. 1, *А: 11, 12*); мікраразцы (мал. 1, *А*: *14*); серыя рэгулярных пласцін і іх фрагментаў, неапрацаваных і з апрацоўкай (мал. 1, *А: 16–19*).

Нуклеус і артэфакты з другаснай апрацоўкай, аднесеныя да яніславіцкай культуры, сканцэнтраваны ва ўсходняй і паўднёвай частках даследаванай плошчы (мал. 1: *Б*). Мезалітычны этап засялення тэрыторыі помніка Краснасельскі-8 датуецца шырокім адрэзкам часу – ад канца барэальнага перыяду (часу з'яўлення яніславіцкай культуры) да пачатку атлантычнага перыяду (часу распаўсюджвання трапецый) (параўн.: [7, s. 297–298; 1, с. 137–138]).

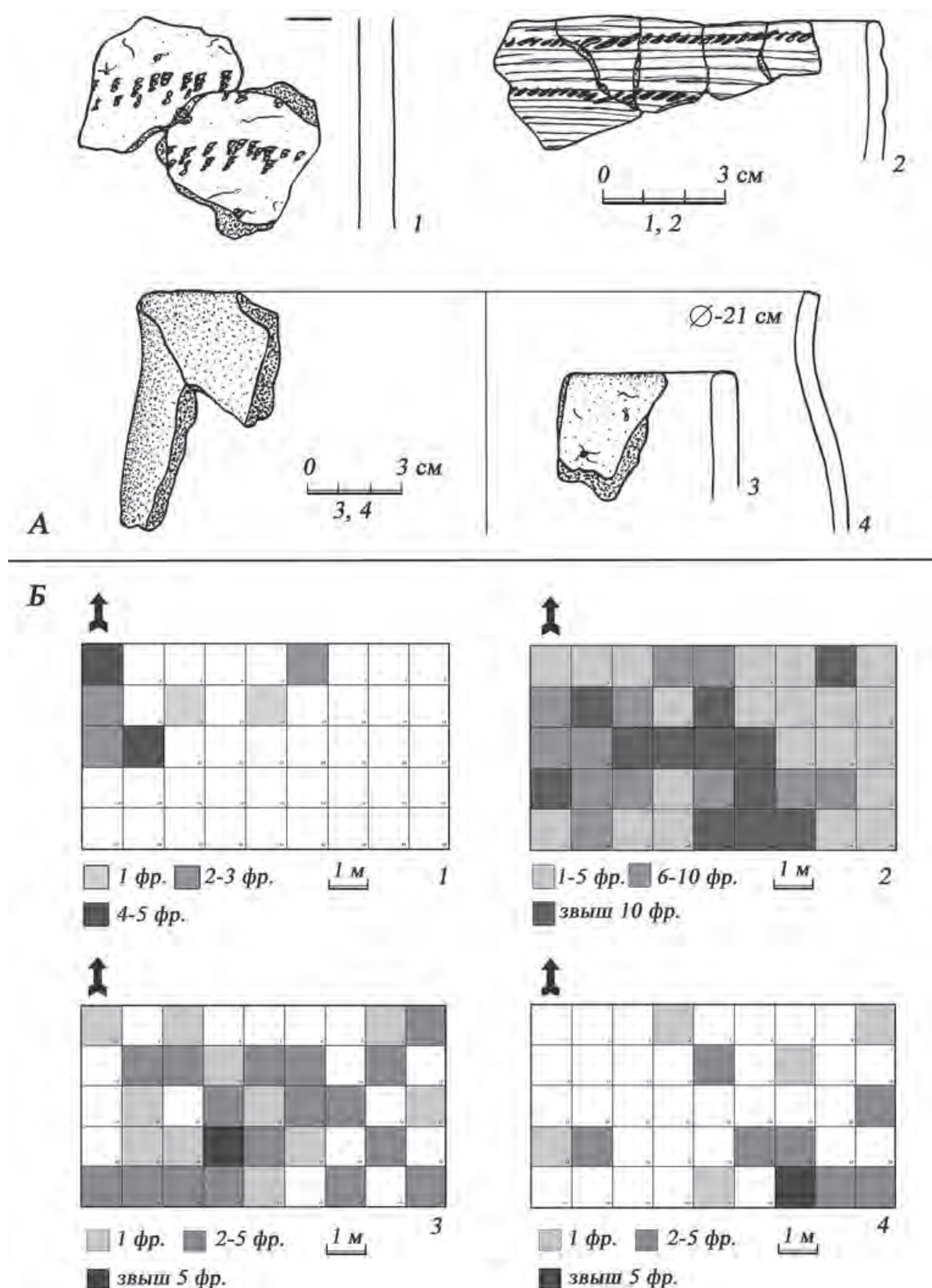
Агульная тэхніка-марфалагічная структура крамянёвага інвентару. Краснасельскі-8. 2011 г.

Марфалагічная група*	Катэгорыя	Колькасць	Усяго ў групе
I	Крамянёвыя канкрэцыі і іх фрагменты	17	628
	Крамянёвыя абломкі	611	
II	Нуклеусы ад пласцін	2	21
	Нуклеусы ад адшчэпаў	6	
	Фрагменты нуклеусаў	5	
	Крамянёвыя абломкі з негатывамі адзінкавых сколаў	8	
III	Пласціны і іх фрагменты	315	2977
	Адшчэпы і іх фрагменты	1154	
	Лускі крамянёвыя	716	
	Неазначальныя фрагменты сколаў	792	
IV	Рабрыстыя пласціны	9	25
	Сколы падпраўкі і пераафармлення ўдарнай пляцоўкі	4	
	Сколы пераафармлення паверхні сколвання	3	
	Скол з захлыстам	1	
	Бугарковыя лускі (рус. – *скол изъянца*, пол. – *łuska sęczkowa,* англ. – *secondary flake, parasitical flake, eraillure flake*)	8	
V	Скрабкі	10	77
	Скрабачы	3	
	Разцы	2	
	Праколкі	2	
	Мікраліты	5	
	Біфацыяльныя вырабы і іх нарыхтоўкі	4	
	Выемчатая прылада	2	
	Пласціны са скошаным рэтушшу канцом	4	
	Рэтушаваныя пласціны	18	
	Рэтушаваныя адшчэпы	16	
	Рэтушаваная бугарковая луска	1	
	Рэтушаваны скол падпраўкі плоскасці сколвання	1	
	Крамянёвыя абломкі з рэтушшу	3	
	Фрагмент нявызначанага вырабу	1	
	Мікраразцы	2	
	Пласціны, зламаныя ў месцы выемкі	3	
	Усяго:	3728	3728

* I – сыравіна; II – нуклеусы і нуклеусападобныя абломкі; III – прадукты дэбітажу; IV – тэхнічна вызначальныя формы; V – артэфакты з другаснай апрацоўкай і адходы вытворчасці.

Кераміка. З 856 фрагментаў керамікі, атрыманых на помніку, каля 630 з'яўляліся прыдатнымі для культурна-храналагічнай ідэнтыфікацыі.

Кераміка нёманскай культуры прадстаўлена 12 арнаментаванымі і 8 неарнаментаванымі фрагментамі сценак, якія паходзілі ад адной пасудзіны (мал. 2, *А*: *1*). Кераміка залягала ў пластах 4 і 5, пры гэтым асноўная колькасць фрагментаў прыпадала на пласт 4. Фрагменты посуду былі сканцэнтраваны ў паўночна-заходняй частцы раскопу (мал. 2, *Б*: *1*). Кераміка гладкасценная; таўшчыня сценак дасягала 8–9 мм. У глінянае цеста былі дададзены розназярністая жарства і невялікая колькасць раслінных дамешак. Арнамент, нанесены ў «адступаючай» манеры зубчастым штампам, утварае гарызантальныя паясы вертыкальных адбіткаў. Кераміка адпавядае прык-



Мал. 2. Краснасельскі-8: *А* – ляпны посуд: *1* – кераміка лысагорскага этапу нёманскай культуры; *2* – кераміка тыпу Бершты-Русакова кола культуры шнуравой керамікі; *3, 4* – кераміка жалезнага веку, група 2; *Б* – паквадратная планіграфія фрагментаў посуду: *1* – кераміка лысагорскага этапу нёманскай культуры; *2* – кераміка тыпу Бершты-Русакова кола культуры шнуравой керамікі; *3* – кераміка жалезнага веку, група 1; *4* – кераміка жалезнага веку, група 2. 2011 г.

метам посуду лысагорскага этапу нёманскай культуры, які датуецца сярэдзінай IV – першай паловай III тысячагоддзя да н. э. [6, с. 107–109].

Кераміка кола культуры шнуравой керамікі прадстаўлена 8 фрагментамі арнаментаваных венцаў, 7 фрагментамі арнаментаваных сценак (14 з якіх паходзяць ад адной пасудзіны; мал. 2, *А*: *2*) і 401 фрагментам неарнаментаваных сценак. Кераміка сустракалася на ўсіх узроўнях, аднак найбольшая колькасць абломкаў посуду была выяўлена ў пластах 3 і 4. Кераміка размеркавана па ўсёй плошчы раскопу (мал. 2, *Б*: *2*). Усе фрагменты паходзяць ад пасудзін, у цеста якіх была дададзена вялікая колькасць рознаярністай жарствы. Таўшчыня сценак вагалася ў межах 4–6 мм. Пераважная большасць фрагментаў керамікі захоўвае сляды рэльефнай гарызантальнай штрыхоўкі абедзьвюх паверхняў. Посуд быў арнаментаваны гарызантальнымі шнуравымі адбіткамі. Кераміка адпавядае прыкметам посуду тыпу Берншты-Русакова і датуецца другой чвэрцю III – першай чвэрцю II тысячагоддзя да н. э. [4, с. 147–150].

Да позняга бронзавага веку аднесены 2 фрагменты неарнаментаваных сценак. Кераміка гладкасценная, таўшчыня сценак дасягала 7–8 мм. У цеста была дададзена вялікая колькасць буйназярністай жарствы.

Кераміка жалезнага веку, у залежнасці ад тэхналагічных асаблівасцей, падзелена на дзве групы. Кераміка, аднесеная да першай групы, сустракалася ў пластах 1–4, найбольшая колькасць фрагментаў была выяўлена ў пласце 3. Асноўная канцэнтрацыя керамікі заўважалася ў цэнтральнай частцы раскопу (мал. 2, *Б*: *3*). Кераміка, аднесеная да другой групы, сустракалася ў пластах 3–5, пераважная большасць была выяўлена ў пласце 3. Яе канцэнтрацыя назіралася ў паўднёва-заходняй частцы раскопу (мал. 2, *Б*: *4*). Да першай групы аднесены 2 дробныя фрагменты венцаў, фрагмент донца, 88 фрагментаў неарнаментаваных сценак гладкасценнага посуду. Таўшчыня сценак вагалася ў межах 7–15 мм. У якасці дамешкі выкарыстоўвалася рознаярністая жарства. Да другой групы аднесены 8 фрагментаў неарнаментаваных венцаў (4 фрагменты паходзяць ад адной пасудзіны; мал. 2, *А*: 3, *4*), 2 фрагменты донцаў, фрагмент арнаментаванай сценкі, 28 фрагментаў неарнаментаваных сценак посуду з бугрыстымі паверхнямі, на якіх прасочваюцца гарызантальна ці дыяганальна накіраваныя сляды штрыхоўкі. Таўшчыня сценак вагалася ў межах 5–10 мм. У якасці дамешкі выкарыстоўвалася рознаярністая жарства. Была рэканструявана верхняя частка гаршка, які меў прамыя высокія і кароткія плаўна адагнутыя вонкі шыйкі (мал. 2, *А*: *4*). Акрамя таго, у раскопе выяўлены фрагмент аблітой керамікі і 5 абпаленых фрагментаў посуду. Уся кераміка, па вызначэнні А. М. Мядзведзева і З. А. Харытановіч, датавана I–V ст. н. э.

Кераміка ранняга сярэдневякоўя прадстаўлена 3 фрагментамі неарнаментаваных венцаў, 4 фрагментамі арнаментаваных і 5 фрагментамі неарнаментаваных сценак. Кераміка сустракалася ў пластах 2–4, яе канцэнтрацыя назіралася ў паўднёвай частцы даследаванай плошчы. Уся кераміка ляпная, падпраўленая на ганчарным крузе. Пасудзіны мелі невысокія, адагнутыя вонкі шыйкі. Для аздаблення керамікі выкарыстоўваўся пракрэслены хвалісты арнамент. Кераміка датавана IX–X ст. н. э.

Такім чынам, у выніку археалагічных раскопак 2011 г. на помніку Краснасельскі-8 вылучаны наступныя комплексы: яніславіцкая культура (канец барэальнага перыяду–пачатак атлантычнага перыяду); лысагорскі этап нёманскай культуры (сярэдзіна IV – першая палова III тысячагоддзя да н. э.); тып Бершты-Русакова кола культуры шнуравой керамікі (другая чвэрць III–першая чвэрць II тысячагоддзя да н. э.); позні бронзавы век; жалезны век (I–V ст. н. э.); ранняе сярэдневякоўе (IX–X ст. н. э.).

Даследаванні дазволілі атрымаць першы для Краснасельскага мікрарэгіёна выразны комплекс яніславіцкай культуры, якая дагэтуль была прадстаўлена месцазнаходжаннямі адзінкавых культурнавызначальных артэфактаў – Краснасельскі «Цэментны завод»-1, 2 [8, s. 38], Подрась-3 [3, с. 192, мал. 2: *5*].

Значную ўвагу выклікае такі аб’ект, як працоўнае месца майстра па першаснай апрацоўцы сыравіны. Яго наяўнасць дае падставы аднесці паселішча Краснасельскі-8 да тыпу стаянак-майстэрань. Да гэтага ж тыпу помнікаў адносяцца ўсе буйныя паселішчы, якія былі размешчаны ў правабярэжжы р. Рось – Краснасельскі-5, -6, -7 [5, с. 56–69]. Такім чынам, далейшае вывучэнне помніка Краснасельскі-8 дазволіць удакладніць наяўныя ўяўленні аб характары крэмнеапрацоўчай дзейнасці насельніцтва Краснасельскага мікрэрэгіёна ў каменным–бронзавым вяках.

Літаратура

1. Залізняк, Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л. Л. Залізняк // Кам’яна доба України. – 2009. – Вип. 12. – 278 с.

2. Зуева, А. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Ваўкавыскага раёна ў 2008 г. / А. Зуева, Ш. Каліцкі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2011. – Вып. 20 : Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – С. 236–242.

3. Зуева, А. Вынікі археалагічных даследаванняў 2009 года ў Краснасельскім мікрарэгіёне / А. У. Зуева, Ш. Каліцкі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. – С. 190–193.

4. Лакіза, В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 343 с.

5. Чарняўскі, М. М. Старажытныя шахцёры на Росі / М. М. Чарняўскі, В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцкая; пад. рэд. У. Ф. Ісаенкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – 144 с.

6. Чарняўскі, М. Неаліт Беларусі: праблемы перыядызацыі і храналогіі / М. Чарняўскі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. red. tomu A. Kośko. – Warszawa : Ośrodek ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, 2004. – S. 99–118.

7. Galiński, T. Społeczeństwa mezolityczne. Osadnictwo, gospodarka, kultura ludów łowieckich w VIII–IV tys. p. n. e. na terenie Europy / T. Galiński. – Szczecin : Museum Narodowe w Szczecinie, 2002. – 406 s.

8. Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z Zachodniej Białorusi / W. Obuchowski. – Warszawa : IA UW, 2009. – 296 s.

Резюме

А. В. Зуева

Результаты археологических раскопок поселения Красносельский-8 в 2011 г.

Отражены основные результаты археологических раскопок многокультурного поселения Красносельский-8 (Среднее Поросье). На памятике было зафиксировано 15 объектов и выявлено свыше 4500 артефактов. Полученный материал отражает шесть этапов заселения территории памятника, которые охватывают период от позднего мезолита до раннего средневековья.

Summary

A. Zuyeva

The Results of Archaeological Excavation of the Site Krasnaselsky-8 in 2011

The article deals with the results of archaeological investigation of the multicultural site Krasnaselsky-8 (Ros river basin). The excavation led to discovering 15 objects and finding more than 4500 artefacts. The settlement was attributed to 6 stages of habitation from the Late Mesolithic till the Early Mediaval Age.

УДК 902.21(476)«2009»

Е. Г. Калечиц, *Институт истории НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела археологии первобытного общества, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Археологические разведки на территории Берестовицкого и Пружанского районов в 2009 г.

Исследования на территории Берестовицкого района. Весенняя практика студентов III и IV курса исторического факультета Белгосуниверситета проводилась в 2009 г. на территории Берестовицкого района Гродненской области под руководством автора. В исследованиях на территории Берестовицкого района приняли участие научный сотрудник Института истории НАН Беларуси В. Г. Белевец и студентка V курса исторического факультета БГУ А. С. Арабей. Поскольку рамки нашего исследования были весьма ограничены во времени, а территория довольно большая и слабо изученная в плане археологических наблюдений, мы осмотрели несколько пунктов, которые интересовали сотрудников Берестовицкого музея для пополнения его фондов коллекциями.

Попытки найти остатки городища, о котором упоминал еще Ф. В. Покровский в XIX в., предпринимала К. Т. Ковальская в 1955 г., а затем Я. Г. Зверуго. В его отчете № 522 по результатам обследования в 1973–1975 гг. четырех районов Гродненской области, в том числе Берестовицкого, отмечено, что городище (местное название Альщина), которого по данным К. Т. Ковальской не существует, на самом деле сохранилось. Я. Г. Зверуго приводит точное описание его конфигурации и размеров [1, с. 113–114]. Это позволило нам довольно быстро найти остатки этого памятника. Едва приметные в траве четырехугольные выступы частично уцелели в двух случаях. Сохранились оплывшие контуры бывших оборонительных сооружений типа вала и рва, которыми была обнесена площадка четырехугольной формы. На площадке есть несколько развеянных пятен, места современных огнищ, где были найдены единичные кусочки посуды и несколько кремневых артефактов. Повсюду множество ям, которые оставили после себя «черные копатели». Множество легенд о невероятных находках привлекают сюда вновь и вновь новых грабителей.

Усилия следующих двух дней были направлены на исследование огромного поля, которое начинается приблизительно в 0,2 км на юго-восток от городища сразу за «зверинцем» и тянется на продолжении нескольких километров в сторону д. Жукевичи. Тут, по сведениям местных жителей, находят необычные вещи (рис. 1). Поле целиком вспахано. Оно имеет небольшой наклон на юг. На наиболее углубленной части сохранились остатки бывшего огромного водоема, который в жаркую пору года, кажется, полностью пересыхает. Чем ближе к воде, тем меньше, а то и вообще нет находок. В целом это осушенный со временем приледниковый водоем. На его более высоком и сухом северном склоне были стоянки людей. Об этом свидетельствуют находки из камня, кремня, металла, глины, которые были собраны на большой площади.

Некоторая концентрация артефактов была замечена около дороги на д. Жукевичи, около бывшего хутора и кладбища. Их можно рассматривать как места существования трех селищ феодальной поры. Многие находки были разграблены во время неоднократного распахивания территории. Абсолютное большинство керамики – осколки гончарной посуды. Индивидуальные находки собраны на поверхности пашни или происходят из шурфа, заложенного около дороги. При этом единичные находки были собраны в границах нижнего пласта (рис. 2). Ниже были найдены два пятна, которые отличались более темным цветом, но не содержали артефактов.

Попытки отыскать культурный пласт в трех шурфах и других местах концентрации артефактов остались безуспешными. Другим местом внимательного осмотра был тот кусок поля, где, по сведениям П. Кеньки в 2008 г. были найдены две стеклянные бусины римского времени. Это место размещается в поле на расстоянии примерно 450 м на северо-восток–восток от «зверинца», напротив девятого по счету от него столба линии электропередач.

Последний день раскопок был посвящен посещению других мест района, из которых стало известно о некоторых археологических находках: валуне с антропоморфными изображениями, топорах, которые находятся в школе д. Эйсмонты и музее технического училища д. Малая Берестовица.

Исследования у д. Ровбицк (центр с/с) Пружанского района проводились силами студентов I курса истфака Белгосуниверситета под руководством автора с участием В. Г. Белевца.

Окрестности д. Ровбицк были обследованы в 2007 г. В. Белевцом, В. Лакизой и Е. Калечиц при составлении каталога памятников археологии, выявленных на территории Беловежской пущи. Историческая справка о находках в этих местах древностей свидетельствует о том, что в 1970 г. северо-западнее д. Ровбицк была найдена монета Римской империи – денарий императора Трояна. В 1972 г., в ходе разведки, проведенной Л. Д. Поболем в месте находки монеты, были выявлены следы селища железного

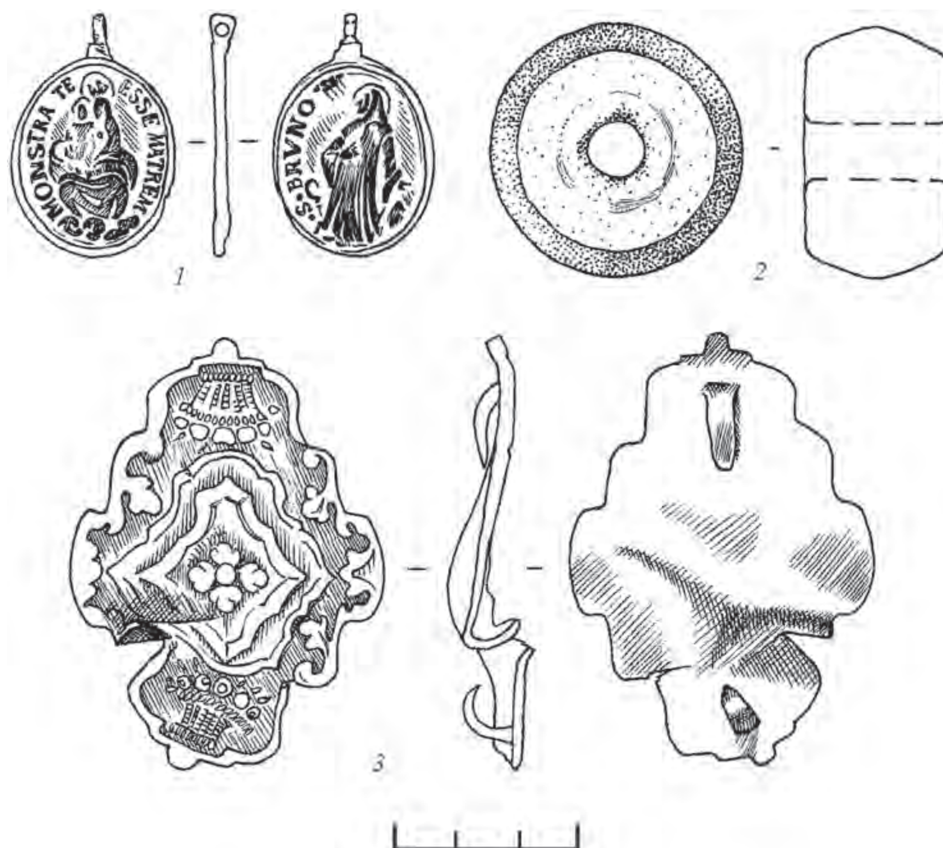


Рис. 1. Археологические находки: *1*, *3* – из цветного металла; *2* – из глины. Берестовицкий район

века [2, с. 115]. В 1997 г. данные об этом памятнике были подтверждены А. В. Квятковской, собравшей дополнительные сведения местных жителей о находках, сделанных в указанном месте. Среди прочих сообщается о находках в урочище каменных топоров и стеклянных бус. Сказанное может свидетельствовать о многоразовом заселении данной территории – его использовании в эпоху неолита и бронзового века, железного века и, возможно, в раннем средневековье.

Разведки 2007 г. показали, что огромный песчаный останец (по данным местных жителей ранее он назывался «Каплюш») исчез с лица земли благодаря длительной эксплуатации участка как источника песка. На месте былых песчаных гор (Горы – так еще называют это урочище) осталась огромная вогнутая песчаная поверхность, которую засадили лесом. Тогда нами были выделены три скопления археологических материалов, свидетельствовавших о наличии здесь в былые времена памятников каменного, бронзового и железного веков. Они расположены на ближнем и дальнем от деревни (по мере продвижения на запад) участках и получили названия Ровбицк-1, -2. Пункт Ровбицк-3 был локализован между ними, на одной из полян среди леса.

Поверхностные сборы 2009 г. порадовали находками обгорелых кремней, костей, отщепов, пластин, единичных орудий труда, мелких фрагментов стенок гончарных и лепных сосудов. Дальнейшие усилия были направлены на поиск материалов железного века, которые изредка встречались на раздернованной поверхности песков в виде фрагментов посуды.

После осмотра участка на западной окраине останца (пункта Ровбицк-2) на одной из полянок было решено заложить шурф. Первый шурф площадью 16 м^2 был ориентирован по сторонам света и разобран квадратами со стороной 2 м. Сняли едва сформировавшийся дерн, представляющий собой иглисто-моховую подстилку, мощность которой не превышала 0,05 м. В ней и было найдено несколько фрагментов керамики, в том числе железного века. Под этой иглистой массой начинался песок мелкозернистый однородный, желтого цвета без включений. В западной половине шурфа на квадратах 1 и 3 была хорошо заметна широкая полоса – след борозды от лесопосадки. В содержимом верхнего слоя были встречены редкие отщепы, пластины, осколки кремня без обработки и со следами обработки, кремни, побывавшие в огне, 2 двухплощадочных нуклеуса, скол оживления и мелкие фрагменты стенок гончарной посуды. Этот пятисантиметровый слой и последующие 10 см песка мы назвали пластом 1, а ниже, в пределах последующих 10 см (пласт 2) находок не было.

Впритык к этому шурфу с юга был прирезан шурф 2, такой же площади и аналогичной стратиграфии. Здесь находок оказалось еще меньше. Квадраты 2 и 4 оказались без находок, а на квадратах 1 и 3 они были представлены 7 кремневыми артефактами и 3 фрагментами стенок гончарных сосудов. На квадрате 2 был найден камень диаметром до 0,3 м, очевидно, побывавший в огне. При прикосновении он распался на осколки. Никаких признаков кострища, связанных с ним, не найдено. Очевидно, камень был сдвинут со своего места и попал на площадь нашего шурфа в результате работы тяжелой техники.

Шурф 3 был заложен примерно в 100 м к востоку от предыдущих, на поляне среди леса. Тут же были собраны мелкие неопределимые кальцинированные косточки. По рассказам местных жителей раньше их было так много, что во время непогоды, ветер поднимал над урочищем настоящее белое облако пыли. Первоначальную площадь шурфа 3 (16 м^2) позже пришлось расширить, прирезав к квадрату 4 с востока еще 1 м^2 – квадрат 5. Это было вызвано находкой в квадрате 4 небольшого гумусированного пятна – ямы. В ее заполнении был найден маленький фрагмент венчика сосуда железного века и мелкие кусочки шлака. На остальной площади шурфа были найдены обгорелые кремни и косточки, отходы кремниевого производства, единичные орудия труда (скобель, осколки кремня с участками ретуши), мелкие фрагменты стенок гончарных и лепных сосудов, кусочки шлака. В шурфе 3 было вскрыто 2 слоя по 10 см песка желтого разнозернистого. Кропотливые поиски на поверхности и единичные находки в шурфах позволили В. Г. Белевцу сделать вывод о несомненном заселении урочища в эпоху железа. К большому сожалению, разрушение урочища карьерами привело к почти полной утрате информации.

Исследования у д. Боровики (Рудницкий с/с) Пружанского района. В издании «Археологическая карта Белоруссии. Вып. 1. Памятники каменного века» В. Ф. Исаенко упоминает о наличии памятника каменного века у д. Боровики Рудницкого сельсовета Пружанского района [3]. Речь идет о большом песчаном останце, на котором В. Ф. Исаенко во второй половине XX в. собрал с поверхности разновременные материалы.

На мелиорированной пойме правобережья Ясельды, примерно в 1 км к востоку от северной оконечности деревни хорошо виден повышенный участок, занятый густыми лесопосадками. Территория слабо задернована, но чрезвычайно густо залесена и абсолютно лишена находок. Артефакты в виде преимущественно кремниевых изделий встречаются лишь на опушках леса, тропинках или традиционных местах проезда гужевого транспорта. Наибольшие сборы

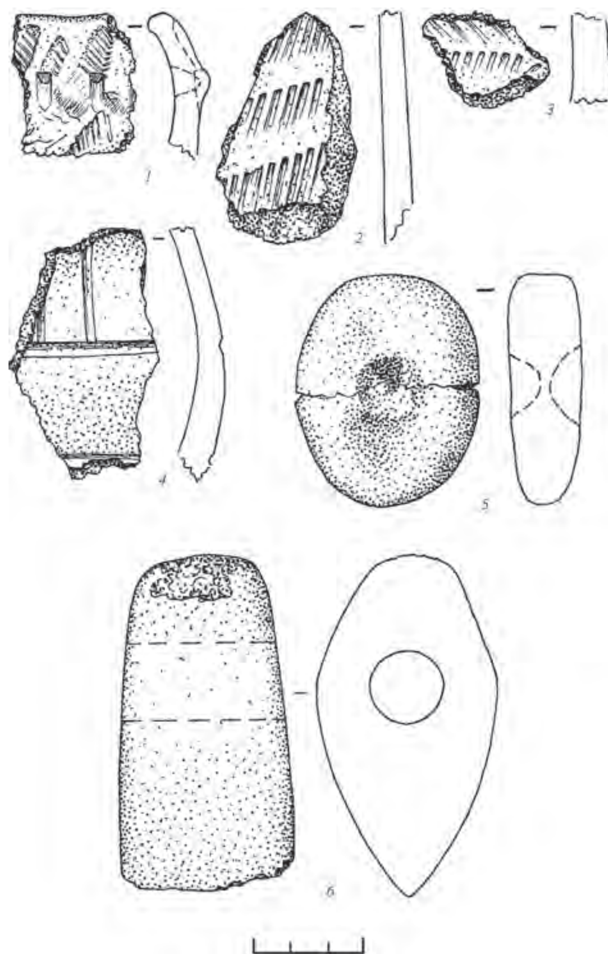


Рис. 2. Археологические находки: *1–4* – лепная посуда (фрагменты); *5*, *6* – каменные изделия. Берестовицкий район

получены при тщательном осмотре поля, распаханного к востоку от лесочка и засеянного кормовыми травами. Здесь, на периферийной части поселения, и удалось собрать коллекцию, состоящую из кремниевых изделий и мелких фрагментов лепной и гончарной посуды. Керамика представлена мелкими фрагментами очень поздней тонкостенной гончарной посуды и единичными фрагментами лепных сосудов железного века (определения В. Г. Белевца).

Кремниевый материал разновременный и может относиться ко всем периодам каменного века (преобладают изделия неолитического облика). При этом есть несомненные признаки мезолита (трапеция и микропластины). Единственным наиболее ярким индикатором, который не оставляет сомнения в культурном аспекте, является находка нуклеуса, типичного для свидерской культуры. Среди находок: пластины без ретуши и с ретушью, пластины ребристые и подребристые, единичные пластинчатые отщепы. Количественно преобладающие отщепы без ретуши, осколки кремня со следами обработки, чешуйки. Собраны сколы оживления нуклеусов, одно-

площадочные, двухплощадочные и аморфные нуклеусы, нуклевидные кремни, скребки, резцы, скобели, обломки рубящих орудий, мелкие обломки стенок и венчиков гончарных сосудов, стенок лепных сосудов, кусочки шлака. Среди находок есть орудия неясного назначения, индивидуальные изделия, как, например, массивное орудие со следами употребления и единичными сколами. Многие кремни побывали в огне.

С целью выявления культурного слоя на одной из маленьких полянок среди густого ельника был заложен шурф размерами 4 × 4 м^2 (общая площадь 16 м^2), который дал несколько находок. Это скобель на пластине, скребок на ретушированном по периметру отщепе с меловой коркой на спинке, одноплощадочный нуклеус от пластин, несколько пластин, в том числе с ретушью основания и заострением. Был вскрыт один слой мощностью 20 см, который содержал указанные находки лишь в верхней части. Они соответствовали тому же уровню, на котором собирали артефакты на всей поверхности урочища, а ниже их не было найдено. Дерна практически не было, как не было и никаких признаков объектов. Никаких изменений в окраске слоя также не замечено. Однородный чистый желтый мелкозернистый песок глубже был полностью лишен находок. Можно констатировать, что культурный слой некогда большого поселения полностью разрушен, а дальнейшие сборы с поверхности можно производить с интервалом в несколько лет, когда сформируются новые раздувы.

Разведки в окрестностях д. Белый Лесок (Никарское лесничество) были практически безрезультатными. Возможно, это связано с работами в июле, еще до начала жатвы. Редко где можно увидеть такое изобилие кремниевого сырья. Огромный бывший водоем (теперь – мелиорированное болото Никар) – одно из самых больших по площади. При этом озеро было мелководным. Такое стечение обстоятельств весьма привлекало для обустройства поселений человека первобытной эпохи. Однако никаких следов пребывания людей не найдено. Все склоны к Никарскому болоту засеяны кормовыми злаками (подкормка для обитателей Пущи), сильно задернованы, залесены, что сильно осложнило поиски древних стоянок. однако в любой проталине можно увидеть множество кремниевого сырья, что ставит перед нами задачу продолжения поисков в более подходящее для раскопок время года.

Литература

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць. – Минск : БелСЭ, 1986. – С. 113–114.

2. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск : Наука и техника, 1983.

3. Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии. – Вып. 1 : Памятники каменного века / В. Ф. Исаенко. – Минск : Полымя, 1968.

Рэзюмэ

А. Г. Калечыц

Археалагічныя разведкі на тэрыторыі Бераставіцкага і Пружанскага раёнаў у 2009 г.

Артыкул прысвечаны работам на тэрыторыі Бераставіцкага раёна, які мала даследаваны ў археалагічным плане. Былі агледжаны некалькі пунктаў, якія цікавілі супрацоўнікаў Бераставіцкага музея для папаўнення фондаў калекцыямі. Былі знойдзены рэшткі гарадзішча Альшчына, канцэнтрацыя артэфактаў была заўважана каля дарогі на в. Жукевічы. Каля весак Роўбіцк і Баровікі былі праведзены паверхневыя зборы.

Summary

E. Kalechits

The archaeological investigations on the territory of Berestovitsky and Pruzhany districts in 2009

Article dedicated to the works in Berestovitsky district. He is a little studied in archaeological terms. Was inspected several items that interested employees Berestovitsky museum collections for replenishment. Were found remains of the city Alschina. Concentration of artifacts was spotted near the road to the village Zhukevich. Near villages and Boletus Rovbitsk held surface charges.

УДК 902.21(476.7)«2011»

Е. Г. Калечиц, *Институт истории НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела археологии первобытного общества, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Археологические разведки в междуречье Ясельды и Пины в 2011 г.

Несмотря на многолетние работы нескольких поколений археологов, в процессе ежегодных разведок удается находить все новые памятники археологии. Почти двадцатилетние поиски и сборы артефактов на территории Мотольского микрорегиона и близлежащих территорий позволили выявить ряд новых поселений.

Целью работы 2011 г. было обследование таких мест на территории Ивановского, Пинского, Ивацевичского и Березовского районов. Работы проводились на основании Разрешения № 2237 от 27.04.2011 г. Моими спутниками в разведках по Полесью были аспирант А. Вашанов (Пинский, Ивацевичский район) и выпускница V курса истфака Брестского университета имени А. С. Пушкина, жительница д. Мотоль Е. Романович. Сотрудничество было взаимовыгодным, так как А. Вашанов попутно искал материалы для диссертации, а Е. Романович знакомилась с методикой проведения полевых работ.

Разведки на территории Ивановского района. Обследования памятников Мотольского микрорегиона до 2011 г. были ограничены окрестностями д. Мотоль, берегами водохранилища Джидинье, р. Ясельда в районе д. Тышковичи и междуречья Ясельды и Пины к югу от Днепро-Бугского канала.

При этом отдельные участки Загородья никогда мной не посещались. В 2011 г. я решила посетить именно эту территорию. В процессе разведок мы осмотрели следующие участки.

В первую очередь мы посетили стоянку Мотоль-13 (урочище Качатник), на территории которой ежегодно проводились обширные поверхностные сборы и раскопки. Материалы, полученные на памятнике, дают представление о многократном заселении урочища во все периоды каменного и бронзового веков. Посещение урочища в 2011 г. показало, что никакого антропогенного воздействия за прошедший год памятник не претерпел и угрозы разрушения нет.

К северу от д. Мотоль, справа от асфальтной дороги на Джидинье, примерно в 0,3 км от насосной станции, я неоднократно подбирала артефакты, привязывая их памятнику Мотоль-7, как ранее назвал его В. Ф. Исаенко. Мы увидели, что в данный момент здесь начато строительство обводного канала. Это вызвало опасения за судьбу памятника и мы тщательнейшим образом осмотрели русло канала. В разрезе стенки канала хорошо видна стратиграфия: типичные пойменные отложения перемежаются с торфянистыми прослойками. Артефакты не найдены. Возможно, здесь было скопление памятников, которые в годы мелиорации были уничтожены и растянуты по полю. До отъезда из деревни Мотоль стройка не закончилась, а лишь разворачивалась.

Все работы предыдущих лет велись справа от дороги к Джидинью, поэтому мы решили внимательно осмотреть окрестности правобережной поймы р. Ясельда слева от дороги. Был продолжен маршрут на северо-запад по восточной окраине былой д. Панцевичи, которая ныне является частью д. Мотоль. Это заболоченные участки, которые перемежаются песчаными гривами, ежегодно затопливаемые водой и потому безлюдные в древности. Лишь достигнув западной окраины Панцевич и повернув в сторону дороги Хомск–Мотоль мы вышли к урочищу с названием Каменная Гора. Само название предполагало здесь наличие большого скопления валунов, в том числе, и кремня. Поскольку вся гора была густо засеяна, удалось поднять лишь несколько отщепов, которые позволяют предположить наличие памятника, обследование которого стоит продолжить ранней весной или поздней осенью.

Далее мы вышли на пойму левого берега р. Ясельда для сбора находок в ранее открытых урочищах (Мотоль-23–Мотоль-28), а также для того, чтобы проверить состояние этих памятников. Разведки показали, что стоянка в урочище Бутьманов хутор обнаруженная ранее, которая была выявлена на песчаном всхолмлении к северо-востоку от д. Мотоль справа от дороги на Тышковичи приблизительно в километре от моста, ныне полностью заросла. На всхолмлении расположено старое кладбище. Возможно, погребений было больше, сейчас их сохранилось 2-3. Если раньше на раздувах находились десятки артефактов, теперь не найдено ничего. Старые груши и дикие яблони свидетельствуют о наличии здесь хутора. По свидетельству местных жителей, хуторяне были расстреляны в годы войны.

Посещения урочища Гора (Мотоль-1), памятников Мотоль-11, Мотоль-5 и даже Мотоль-13 новых материалов не принесли. Из-за частых ливней все заросло травой, из-за которой артефакты обнаружить не удалось.

Поход в сторону деревень Молодово–Бусса. Последняя стала широко известна всей стране из-за трагедии, разыгравшейся в 1950-е годы в сельском клубе. Практически все взрослое население и часть детей сгорели во время пожара, так как из-за давки

люди не успели покинуть помещение. На месте пожарища в центре деревни стоит обелиск. В самой деревне находок костей крупных животных, топоров, кремневых изделий не найдено.

В 0,3 км от въезда в деревню Бусса, за мостом через малую речку на ее левом берегу, есть всхолмление, которое знают все местные жители. Оно называется «Торжище». Такое название урочище получило из-за того, что в древности здесь проводились ежегодные торги, на них съезжались купцы из всех уголков. Там, безусловно, можно найти артефакты – свидетельства тех далеких дней и событий. Деревня расположена в бассейне р. Ясельда, вокруг ранее были болота, а участок, где проводились торги, ранее не заселялся. В самой деревне Бусса и ее окрестностях, в связи с ее удаленностью от р. Ясельда, памятники не выявлены.

Из деревни Буссы мы переместились в Молодово, деревню с богатой и очень интересной историей. Это большой населенный пункт, в нем есть средняя школа, две церкви, сельский совет. Здесь также находится памятник, охраняемый государством – остатки ротонды Скирмунтов. Сохранилось фото внутреннего интерьера. По свидетельству местных жителей фрагменты фундамента дворца и служебных помещений Скирмунтов существовали еще недавно, но потом их растащили на свои нужды местные крестьяне. На кладбище находится расколотая могильная плита с надписью «Скирмунт». В школьном музее д. Молодово начисто отсутствует память об интереснейших событиях минувших эпох. В экспозиции музея отражены в основном события военных лет и представлены единичные артефакты, которые попали в музей случайно, путем обмена этих предметов на топоры. В этих местах подобные обмены «черные» археологи проводили неоднократно. Свидетельств о Скирмунтах и их деятельности в музее не содержится.

Практически безрезультатными были наши походы вглубь района. В Вороцевичах введен в эксплуатацию музей Наполеона Орды и строится новое здание бывшего дома, которое восстанавливается на руинах в строгом соответствии с имеющимися материалами. Его фундамент изучил В. Соболь. При этом артефакты более раннего времени не выявлены.

Поездку на юг района к оз. Песчаное (д. Одрижин) пришлось отменить, так как эта территория вошла в погранзону и на ее посещение необходим специальный пропуск.

Посещение д. Вулька оказалось безрезультатным. Населенный пункт обезлюдел. Собрать артефакты, как это было ранее, не удалось. Вместо раздува мы застали абсолютно заросший травой бугор, на котором построена подстанция. Та же судьба постигла урочища Глинно-1, -2, Озерище-1, -2.

Разведки на территории Ивацевичского района. Поездка в Ивацевичский район была связана с необходимостью осмотра ранее выявленных памятников археологии и их сохранности, а также для ознакомления прибывшего в д. Бобровичи аспиранта А. Н. Вашанова с памятниками данного региона. На протяжении нескольких дней мы посетили эти места. Был обнаружен карьер в урочище Селище, где рядом со старинным кладбищем начали брать песок. Сообщение в сельский исполком и землеустроителю позволили прекратить дальнейшее разрушение памятника. В урочище Вядо удалось собрать ряд артефактов.

На территории Пинского и Березовского районов была проведена паспортизация памятников археологии, внесенных в Государственный реестр охраняемых объектов. Помимо паспортов и учетных карточек были определены границы охранных зон.

Рэзюмэ

А. Р. Калечыц

Археалагічныя разведкі ў міжрэччы Ясельды і Піны ў 2011 г.

Артыкул распавядае аб археалагічных даследаваннях, праведзеных у міжрэччы Ясельды і Піны з мэтай высвятлення стану раней вядомых і пошуку новых помнікаў каменнага веку. Дадаткова да гэтага былі складзены пашпарты, уліковыя карткі і ахоўныя зоны 28 помнікаў.

Summary

E. Kalechits

Archeological exploration in the area between Yaselda and Pina in 2011

The article is devoted to the results of the archaeological research in the area between Yaselda and Pina. The purpose of research was the study of the state of the known monuments of the Stone Age and the search for the new ones. For the 28 sites are written passports, registration cards and projects of protected areas.

УДК 903.4(476.6)

***А. В. Колосов**, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, заместитель декана исторического факультета по учебной работе, кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев)*

Археологические работы на территории Могилевской области в 2011 г.[1]

В 2011 г. археологический отряд Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова под руководством автора, при финансовой поддержке университета и на основании Открытого листа № 2253 (форма № 1), проводил изучение памятников археологии на территории Быховского, Климовичского, Кричевского и Чериковского районов Могилевской области. Основное внимание было сконцентрировано на изучении памятников археологии междуречья Сожа и Остра[2] и в бассейне р. Днепр. В итоге было обследовано более 50 местонахождений, на отдельных из них проведены стационарные работы.

Так, в 2011 г. нами впервые проводились раскопки неолитической стоянки Борисовичи-4 (Черное-1). Поселение открыто нами в 2008 г. [8, с. 114] и находится на коренном юго-восточном берегу старичного озера Черное (левобережье р. Сож), в 1,4 км северо-восточнее д. Борисовичи, в 1,8 км юго-восточнее д. Поклады Кричевского района, расположенной на противоположном берегу реки.

Вдоль берега озера по линии юго-запад–северо-восток был заложен раскоп, общая площадь которого составила 66 м^2. Находки в виде расщепленного кремня, орудий труда из него, фрагментов лепной и гончарной керамики залегали сразу под дерном. Культурный слой на памятнике не выражен и установлен условно по уровню залегания вещевого материала. Максимальная концентрация находок в раскопе наблюдалась на глубине 0,1–0,4 м от дневной поверхности, в пределах современной почвы и верхних слоях песка желтого цвета (иллювиальный горизонт).

В результате раскопок стоянки Черное-1 обнаружены 3972 находки (с учетом данных по объекту и просева дерна), среди которых 3755 изделий из кремня, 216 фрагментов лепной керамики эпохи неолита, обломок посуды, сделанной на гончарном круге. Планиграфически изделия из кремня равномерно распределялись в пределах раскопа с заметной их концентрацией на отдельных участках исследованной площади. Так, скопление кремня отчетливо читалось в пределах квадратов Г-Д–2, где на глубине 0,50–0,53 м были зачищены остатки очага.

В пределах объекта локализировались многочисленные изделия из кремня – 200 ед., в том числе отщепы (143 ед.), мелкие осколки и чешуйки (29), пластины (15), нуклеусы одноплощадочные (3 ед.), нуклеус двухплощадочный. Среди изделий со вторичной обработкой следует указать наконечники стрел (3 ед.), отщепы с ретушью (2 ед.), скребок концевой из пластины, резец ретушный из отщепа, пластину-вкладыш, изделие с выемкой.

В заполнении объекта обнаружены также и фрагменты неолитической керамики (185 ед.). Значительная ее часть сконцентрирована в северо-западной части очага, в пределах квадрата Г-2 (163 ед.). Основная часть лепной керамики относится к сосуду, украшенному поясами из ямочных вдавлений и оттисков гребенчатого штампа (58 ед., или 35,6% всех находок керамики в квадрате Г-2). Следует обратить внимание на положение фрагментов этой керамики в объекте, соответствующей морфологии горшка: в верхней части заполнения найдены венчики сосуда, располагавшиеся краем вверх по окружности, ниже обнаружены фрагменты стенок придонной части горшка. В квадрате Г-2 на глубине 0,57 м под фрагментами керамики был обнаружен обожженный камень.

В целом количество кремниевых находок на квадрат в раскопе стоянки Борисовичи-4 (Черное-1) составило от 8 до 276 ед. Сырьем для изготовления основной части артефактов являлся меловой кремень серого цвета. Свидетельством его обработки на месте стоянки является наличие нуклеусов и полученных с них сколов – пластин и отщепов, в том числе и первичных.

Среди находок преобладают продукты расщепления кремня – 93,9% (всей коллекции кремневых изделий), а среди них доминирующее положение занимают отщепы – 2664 ед. (70,9%), пластины – 410 (10,9), пренуклеусы и нуклеусы – 35 ед. (0,9%). Нуклеусы представлены преимущественно одноплощадочными (18 ед.) формами. Остальные включают группы нуклеусов в виде обломков и аморфных форм (8 ед.), двухплощадочных – 6 ед. и одного «черепаховидного» ядрища. В двух экземплярах имеются пренуклеусы. Мелких осколков и чешуек кремня – 418 ед. (11,1%).

---

[1] Исследования осуществлялись в рамках выполнения задания «Динамика развития и взаимодействия культур финального палеолита–мезолита Белорусского Поднепровья и Посожья в контексте восточноевропейских культурно-исторических процессов», включенного в Государственную комплексную программу научных исследований «История, культура, общество, государство» на 2011–2015 гг. (№ госрегистрации 20112350 от 08.08.2011 г.).

[2] Более подробная информация о работах на территории Белорусского Поостерья в 2011 г. содержится в статье А. В. Колосова и Я. Л. Хомченко настоящего издания.

Орудийный комплекс образуют 213 изделий, что составляет 5,7% всех кремневых находок. Большая часть (71,9%) орудий изготовлена из отщепов. Индекс пластинчатости орудий низкий и составляет всего 0,4. В свою очередь, индекс пластинчатости всех изделий из кремня еще ниже и равен 0,2.

Морфологически выраженных орудий – 143 ед. (3,9%) (рис. 1). Количественно преобладают скребки (27 ед., или 12,7% внутри группы орудий) (рис. 1: *8, 9*), а среди них изделия концевых форм с дугообразным и скошенным лезвием (21 ед.), боковые (2), мысовидные (2) и подокруглые скребки (2 ед.). На втором месте по числу орудий стоят резцы (18 ед., или 8,5%) (рис. 1: *10, 11*). Доминирующее положение в группе резцов занимают орудия с ретушированной площадкой скола (7 ед.) и резцы на сломе заготовки (7 ед.); двугранных резцов обнаружено всего 3 ед. Одним экземпляром представлен псевдомикрорезец на отщепе.

Следующую по численности группу орудий образуют скребачи – 13 ед. (6,1%), наконечники стрел – 12 (5,6) (рис. 1: *1–5*); вкладышевые изделия – 11 (5,2), рубящие орудия – 10 (4,7) (рис. 1: *16–18*); скребловидные изделия – 9 (4,2) (рис. 1: *15*), изделия с выемкой – 9 (4,2), проколки, сверла (рис. 1: *12, 13*) и развертка – 9 (4,2), ножи – 6 (2,8) (рис. 1: *14*), острия – 5 ед. (2,3%). В двух экземплярах представлены комбинированные орудия в виде модификаций острия – резца на сломе заготовки и концевого скребача – изделия с выемкой. Семью находками характеризуются неопределимые формы орудий и их обломки, в том числе два из них образованы путем бифасиальной обработки. В коллекции имеются также пять геометрических микролитов – четыре трапеции

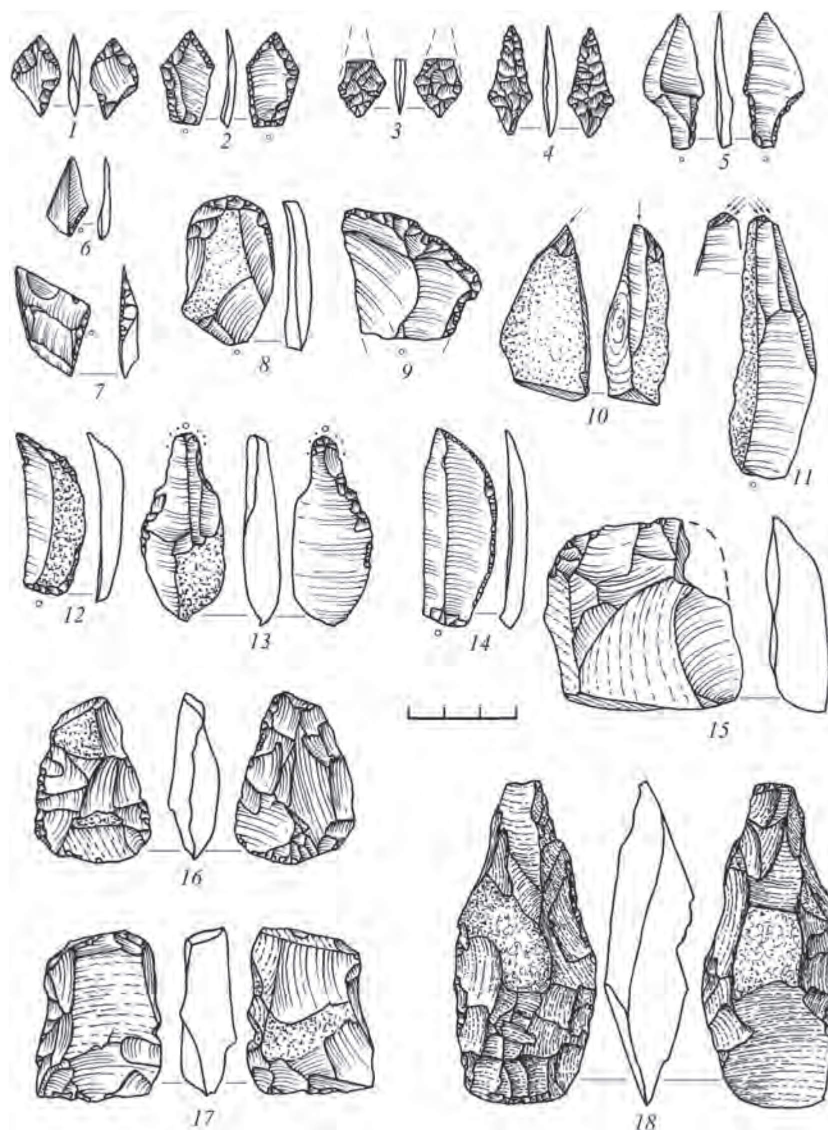


Рис. 1. Кремневый инвентарь: *1–5* – наконечники стрел; *6* – ромб; *7* – трапеция; *8, 9* – скребки; *10, 11* – резцы; *12* – проколка; *13* – сверло; *14* – нож; *15* – скребловидное изделие; *16–18* – рубящие орудия. Борисовичи-4 (Черное-1). 2011 г.

и один ромб (рис. 1: *6, 7*). Три трапеции относятся к числу симметричных, одна – ассиметричная. Обращает на себя внимание последний микролит (рис. 1: *7*). Трапеция изготовлена из фрагмента массивной пластины, имеет скошенные крутой ретушью края и, возможно, относится к более раннему времени, о чем будет сказано ниже.

В итоге раскопок стоянки Борисовичи-4 (Черное-1) собрано 217 фрагментов керамики. Основной фон керамических материалов представляют обломки лепной неолитической посуды (216 ед.) (рис. 2), 92 из которых орнаментировано. По морфологии фрагментов, толщине, цвету и орнаментации выделяются следующие группы керамики:

1) фрагменты от сосуда с венчиком, край которого слабо отогнут наружу (рис. 2: *1, 2, 5*). Толщина стенок – 10–15 мм. В тесте керамики присутствуют примеси растительности и песка, что определило плохую сохранность некоторых фрагментов. Поверхность керамики украшена поясами из двух-трех рядов округлых ямок, нанесенных на поверхность сосуда под углом орнаментиром с накрученной на конце ниткой. Ямки сочетаются с поясами из косопоставленных и вертикальных оттисков гребенки. К этой группе керамики относятся 62 фрагмента, на поверхности которых имеется орнамент. Цвет фрагментов неравномерный: от оранжевого и светло-коричневого до темно-серого. Внутренняя поверхность обломков имеет следы расчесов гребенки;

2) фрагменты стенок от сосуда, украшенных горизонтальными рядами из косопоставленных отступающих оттисков мелкой гребенки (17 ед.) (рис. 2: *3*). Толщина керамики – 4–5 мм. Цвет фрагментов: от светло-оранжевого до желтого. Поверхность керамики с двух сторон выровнена расчесами гребенки, после чего на внешнюю поверхность нанесен орнамент;

3) фрагменты стенок, сохраняющих на поверхности горизонтальные и параллельные друг другу ряды наколов (13 ед.) (рис. 2: *4*). Цвет обломков: от серого до коричневого. Толщина фрагментов – 5–7 мм. Внутренняя поверхность сохраняет следы расчесов гребенки.

Таким образом, стоянка Борисовичи-4 (Черное-1) представляет собой остатки сезонного неолитического поселения охотников и рыболовов, о чем свидетельствуют как топография памятника, так и состав находок. Неолитом определяются наконечники стрел ромбовидной и листовидной формы, заданной путем полного или частичного плоского ретуширования заготовки с двух сторон, ножи, отдельные формы бифасиальных рубящих орудий, скребков, перфораторов.

По керамическому материалу стоянка Черное-1 проявляет сходство с памятниками верхнеднепров-

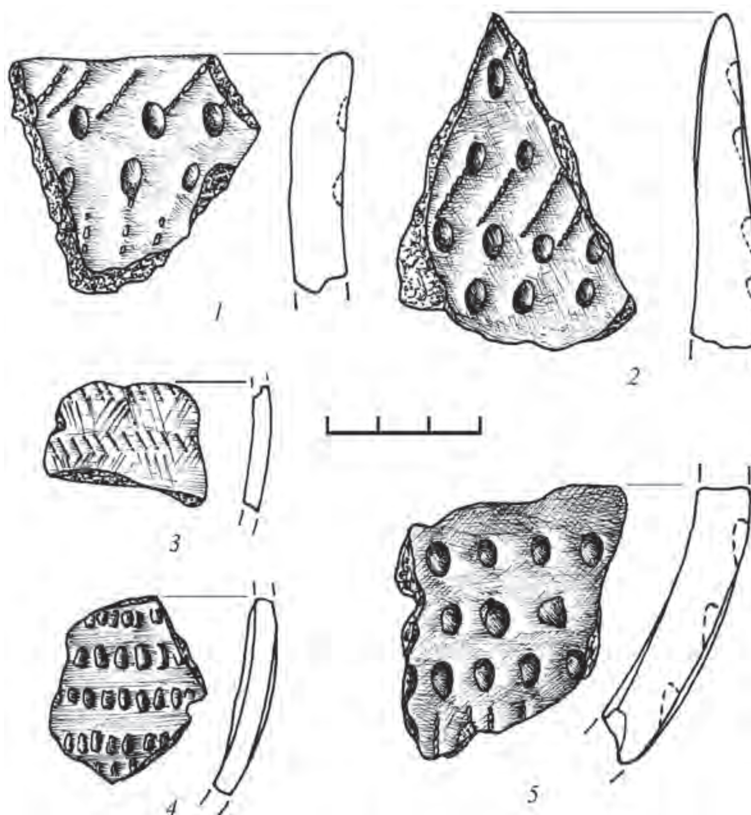


Рис. 2. Лепная керамика (*1–5*) эпохи неолита (фрагменты). Борисовичи-4 (Черное-1). 2011 г.

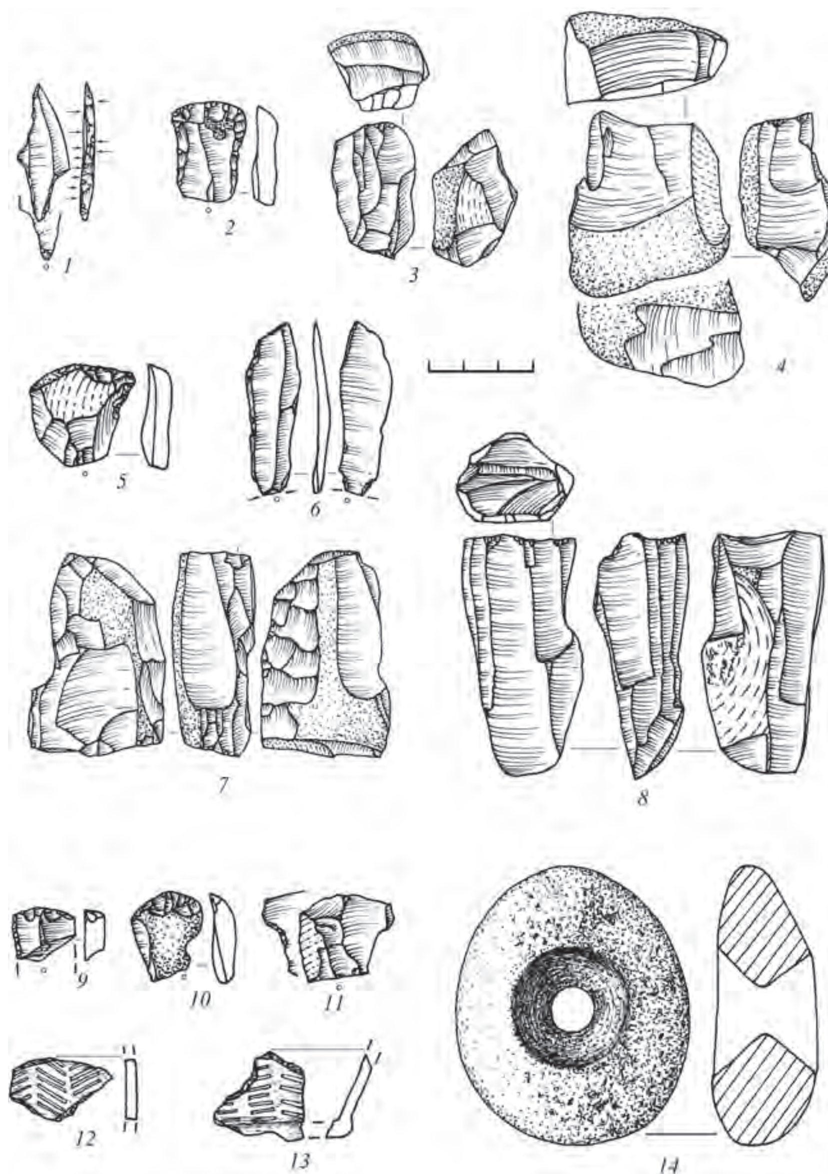


Рис. 3. Вещевой материал: *1–4* – Боровка-1А; *5–8* – Боровка-1Б; *9–13* – Боровка-3; *14* – Боровка-2. Каменный–бронзовый века. Стоянки у д. Боровка. Быховский район. 2011 г.

ской неолитической культуры. Свою идентичность керамика стоянки находит аналогии в материалах поздненеолитических стоянок Гронов в урочищах Курганье и Стров [5, с. 38–60] и Рудня-1 [8, с. 58–72, 236–246]. Памятники находятся на левом берегу р. Сож и удалены на незначительное расстояние от стоянки Борисовичи-4 (Черное-1). Неолитическая стоянка Рудня-1 расположена выше по течению реки в 5,5 км северо-восточнее от Борисовичи-4 (Черное-1). Гроновские стоянки, наоборот, лежат в 15 км юго-западнее исследованного поселения, ниже по течению р. Сож.

Материалы памятника соответствуют второму этапу верхнеднепровской культуры, который Е. Г. Калечиц датирует поздним неолитом или второй половиной IV – концом III – началом II тысячелетия до н. э. [5, 6]. На наш взгляд, материалы стоянки Черное-1 могут относиться к началу второго этапа (вторая половина IV – первая половина III тысячелетия до н. э.), принимая во внимание в первую очередь толстостенную керамику, украшенную ямочно-гребенчатым орнаментом. Некоторые свои параллели данная керамика находит среди материалов IV–VIII этапов ямочно-гребенчатой культуры центра Русской равнины [13, с. 85–135, 216–242]. Хронологические рамки выделенных этапов, по данным Ю. Б. Цетлина, укладываются в пределах третьей четверти IV – второй четверти III тысячелетия до н. э. Заметное сходство комплекса находок неолитической стоянки Черное-1 очевидно и с материалами памятников второго (позднего) этапа деснинской культуры, которые А. С. Смирнов датирует рубе-

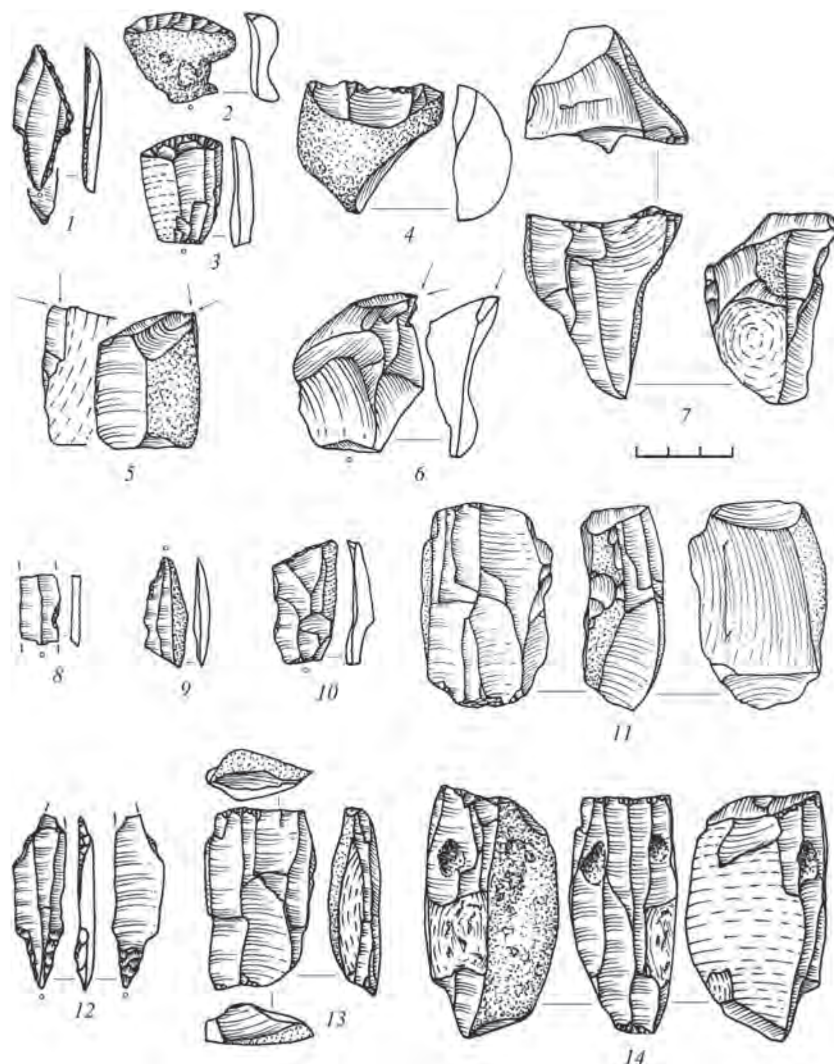


Рис. 4. Вещевой материал: *1–7* – Дальнее Лядо-3; *8–11* – Дальнее Лядо-4; *12–14* – Баркалабово.
Каменный век. Стоянки у д. Дальнее Лядо, Баркалабово. Быховский район. 2011 г.

жом IV/III – началом III тысячелетия до н. э. [11, с. 49–78]. При этом исследователь отмечает роль верхнеднепровских традиций в развитии поздненеолитических комплексов деснинской культуры [11, с. 51–54].

Вместе с тем кроме неолитических на стоянке обнаружены и находки более раннего времени. В процессе зачистки площади, окружавшей очаг, на глубине 0,82 м от уровня дневной поверхности был обнаружен черешковый наконечник стрелы (тип Хинтерзее) (рис. 1: *5*). Он изготовлен на пластине из сожского кремня, снятой с двухплощадочного нуклеуса. Черешок сформирован крутой ретушью со стороны брюшка. Наконечники такой формы характерны для технокомплексов финального палеолита (дриас III) и присутствуют в материалах отдельных культур. В научной литературе они фигурируют под разными названиями: красносельская [2; 3, с. 44–51], волкушанская [7; 14, s. 66–69], гренская [7], иеневская (ранние комплексы) [2, 12].

Возможно, этим временем можно датировать и находку ассиметричной трапеции, изготовленной на массивной заготовке (рис. 1: *7*). Учитывая архаичный облик изделия и тот факт, что геометрические микролиты известны в материалах постаренсбургских культур Скандинавии (Фосна, Комса), памятников типа Песочный Ров на Десне, иеневской культуры Волго-Окского междуречья [6; 7, с. 44–51; 12], исключать возможность датирования находки более ранним временем нельзя.

В 2011 г. раскопки памятников были дополнены археологическими разведками. В частности, было продолжено изучение археологических памятников на левом берегу р. Сож. Археологическим отрядом обследована группа стоянок финального палеолита и мезолита в окрестностях деревень Борисовичи и Игнатовка (Селище) Климовичского, Горки и Криничная Чериковского районов. На этих памятниках путем поверхностных сборов собраны коллекции кремневого инвентаря (продукты расщепления крем-

ня и изделия со вторичной обработкой – концевые и двойные скребки, ретушные и на сломе заготовки резцы, изделия с выемкой, скребловидные и рубящие орудия). Среди новых памятников следует отметить стоянку-7 каменного века у д. Борисовичи (Черное-2) и стоянку-4 каменного века у бывшей д. Игнатовка (Селище). В Чериковском районе среди новых памятников следует указать курганный могильник-2 у д. Баков и одиночный курган возле д. Езеры.

На территории Быховского района работы проходили по правому берегу р. Днепр (маршрут Боровка–Дальнее Лядо–Баркалабово). Обследовано 12 памятников. Следует отметить, что последние разведки на территории района, связанные с изучением конкретных памятников, проводились В. Ф. Копытиным в 2000 г. За прошедшие 11 лет на поверхности береговых террас, в результате многолетней распашки, действия природного фактора, оказалось значительное количество находок. Во время обследования стоянок были отмечены отдельные локализации вещевого материала, в первую очередь изделий из кремня, что учитывалось нами в процессе поверхностных сборов.

Так, на стоянке гренской культуры Боровка подъемный материал собирался отдельно севернее оврага (условно мы его обозначили его как скопление 1А) и южнее оврага (скопление 1Б) (рис. 3: *1–8*). При этом если скопление 1А проявляет типологическое однообразие и в нем представлены находки гренской культуры (рис. 3: *1–4*), то в скоплении 1Б присутствуют также материалы свидерской культуры (рис. 3: *5–8*).

Среди интересных находок, найденных на стоянке эпохи неолита и бронзового века Боровка-2, следует указать каменную булаву (рис. 3: *14*). Предмет изготовлен из светлой породы камня, имеет овальную форму, выпукло-уплощенный профиль и размеры (84 × 70 × 30) мм. В центре изделие имеет отверстие, просверленное с двух сторон. Максимальный диаметр отверстия составляет 35 мм, минимальный – 16 мм. Поверхность булавы, особенно тыльная плоская сторона, образована путем пришлифовки. Наибольшее распространение форма такого навершия из камня получила в бронзовом веке [4; 10, с. 135–139, 337, табл. 337]. На территории Верхнего Поднепровья каменные булавы встречаются в материалах среднеднепровской культуры [1, с. 37–42; 4].

В 0,3 км восточнее северо-восточной окраины д. Боровка, южнее оврага, выходящего в пойму реки, обнаружена новая стоянка бронзового века – Боровка-3 (рис. 3: *9–13*). Находки представлены изделиями из кремня и керамическим материалом. Керамика имеет серый цвет, толщина фрагментов составляет 3–4 мм. Поверхность фрагментов украшена оттисками линейного штампа, образующего елочные композиции. Ближайшие аналогии керамическому материалу стоянки Боровка-3 находим среди памятников среднеднепровской культуры.

Новые пункты по скоплению кремневых артефактов выделены возле д. Дальнее Лядо (рис. 4: *1–11*), подъемный материал собран на свидерской стоянке Баркалабово (рис. 4: *12–14*). Кроме известных в литературе стоянок Дальнее Лядо-1, - 2, [14, с. 88–89] нами отмечено еще три пункта находок – Дальнее Лядо-3 (финальный палеолит, культура Лингби; рис. 4: *1–7*), Дальнее Лядо-4 (финальный палеолит, культура черешковых наконечников стрел, свидерская культура; мезолит; рис. 4: *8–11*), Дальнее Лядо-5 (финальный палеолит, культура черешковых наконечников стрел, свидерская культура; мезолит; бронзовый век, среднеднепровская культура).

Литература

1. Артеменко, И. И. Среднеднепровская культура / И. И. Артеменко // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР с древнейших времен до средневековья : в 20 т. – М., 1987. – С. 37–42.

2. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Европи / Л. Л. Залізняк. – Київ, 1999. – 283 с.

3. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба України.– Київ, 2005. – Вип. 8. – 184 с.

4. Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии : Памятники бронзового века / В. Ф. Исаенко. – Минск, 1976. – Вып. 3. – 151 с.

5. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск, 1987. – 158 с.

6. Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск, 2003. – 223 с.

7. Калечыц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск, 2010. – 340 с.

8. Колосов, А. В. Археологические древности Могилевского Посожья : по материалам экспедиций 2002–2008 гг. / А. В. Колосов. – Могилев, 2009. – 264 с.

9. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1995. – 152 с.

10. Лакіза, В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 343 с.

11. Смирнов, А. С. Неолит верхней и средней Десны / А. С. Смирнов. – М., 1991. – 144 с.

12. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithlogic Problems / А. Н. Сорокин. – М., 2006. – 216 с.

13. Цетлин, Ю. Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур / Ю. Б. Цетлин. – Тула : Гриф и К., 2008. – 352 с.

14. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. – Warszawa, 1995. – 191 s.

Рэзюмэ

А. У. Коласаў

Археалагічныя работы на тэрыторыі Магілёўскай вобласці ў 2011 г.

Артыкул падводзіць вынікі археалагічных работ 2011 г. на тэрыторыі Быхаўскага, Клімавіцкага, Крычаўскага і Чэрыкаўскага раёнаў Магілёўскай вобласці. Было абследавана больш за 50 помнікаў археалогіі, асноўная частка якіх прадстаўлена знаходкамі ад фінальнага палеаліту да бронзавага веку ўключна. Праведзены раскопкі неалітычнай стаянкі на воз. Чорнае (Барысавічы-4, Крычаўскі раён). Атрыманая матэрыялы (вырабы з крэменю, фрагменты ляпнога посуду, рэшткі авальнага вогнішча) дазваляюць адносіць помнік да верхнедняпроўскай неалітычнай культуры і датаваць пачаткам позняга этапу развіцця культуры (другая палова IV – першая палова III тысячагоддзя да н. э.).

Summary

A. Kolosov

The archaeological works in Mogilev region in 2011

The article summarizes the results of the 2011 archaeological works in Bykhov, Klimovichi, Krichev and Cherikov districts of Mogilev region. There were examined more than 50 archaeological sites, most of them represented by the findings dating the Final Paleolithic Age up to the Bronze Age, inclusive. A Neolithic site by the lake Chornoye (Borisovichi-4, Krichev district) was excavated. The resulting materials (the flint inventory, fragments of molded earthenware, remains of an oval fireplace) allow to refer the site to the Upper Dnieper Neolithic culture and to date it the beginning of the late stage of the development of this culture (throughout the 2nd half of the 4th and the 1st half of the 3rd millennium BC).

УДК 903.4(476.6)

А. В. Колосов, *Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, заместитель декана исторического факультета по учебной работе, кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев);*
Я. Л. Хомченко, *Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, студент исторического факультета (г. Могилев)*

Результаты археологических работ в бассейне р. Остер в 2011 г.[1]

В гидрологическом отношении р. Остер является левым притоком Сожа и берет свое начало на склонах Смоленской возвышенности в Рославльском районе Смоленской области Российской Федерации. На территорию Беларуси приходятся только низовья реки. Здесь р. Остер протекает в пределах двух восточных районов Могилевской области – Климовичском и Кричевском.

Интерес к памятникам археологии Белорусского Поостерья был проявлен еще во второй половине XIX в. [5]. Однако, несмотря на многолетние работы, связанные в первую очередь с поиском памятников, сбором подъемного материала, рассматриваемый регион фактически оставался своеобразным «белым пятном» на археологической карте востока нашей страны. Ни один из известных археологических памятников на Остре, за исключением отдельных славянских курганных захоронений, не подвергался раскопкам. В стороне оставался вопрос о первоначальном заселении бассейна р. Остер в каменном веке.

Начиная с 2005 г., археологические работы в бассейне р. Остер ведет экспедиция под руководством А. В. Колосова [4]. В итоге детального изучения памятников, отдельные из которых изучены путем раскопок, удалось не только увеличить источниковую базу по археологии региона, но и поставить вопрос о его заселении на протяжении последних 12–10 тысяч лет. В 2011 г. экспедицией А. В. Колосова на основании Открытого листа № 2253 было обследовано 20 памятников археологии, 6 из которых являются новыми, ранее не известными в научной литературе: местонахождение-4 каменного века у д. Ивановск, местонахождение-2 каменного века у д. Кулешовка, стоянка-3 эпохи неолита и селище-3 позднего средневековья у д. Старые Пранички, местонахождение-2 каменного века у д. Ходунь, мезолитическая стоянка у д. Хотовиж.

Среди обследованных памятников особое внимание привлекает комплекс находок, собранный на последнем местонахождении. Оно расположено на правом берегу р. Сосновка (0,25 км), в 0,7 км северо-восточнее д. Хотовиж. Находки собраны в песчаных раздувах западной части возвышенности. Здесь на площади около 30 м^2 зафиксирована компактное скопление находок из сожского мелового кремня. Всего собрано 395 артефактов, в том числе 391 изделие из кремня (рис. 1): многочисленные отщепы (295 ед.), пластины (55), нуклеусы (7) (рис. 1: *14, 15*), мелкие осколки (15), скребачи на отщепах (6) (рис. 1: *5–8*), концевой скребок (рис. 1: *4*), вкладыш на отщепе (рис. 1: *2*), вкладышевое изделие с притупленным краем (рис. 1: *9*), изделие с перехватом (рис. 1: *11*), изделие с выемкой (рис. 1: *3*), проколка (рис. 1: *10*), отщепы (3) и пластины (3 ед.) с ретушью. Также встречены четыре фрагмента гончарной керамики. Интересной является находка острия яниславицкого типа (рис. 1: *1*). Изделие создано на дистальном конце регулярной пластины. Учитывая то, что стоянки с находками яниславицкого типа встречены пока только в низовьях р. Сож, местонахождение Хотовиж открывает новые перспективы в изучении миграций древнего населения, обитавшего на территории Посожья в эпоху мезолита.

В окрестностях д. Старые Пранички, на левом берегу р. Остер, обнаружена стоянка-3 эпохи неолита и селище-4 позднего средневековья (XVIII в.). Памятник находится на небольшом, едва заметном (высотой около 1 м) всхолмлении в пойме реки, на юго-восточном берегу заболоченной старицы р. Остер. На момент изучения поверхность дюны была распахана, что привело к обнажению культурных отложений. Находки собраны в юго-западной части всхолмления: отщепы (8 ед.), отщеп с ретушью, пластина с ретушью на конце, острие на пластине, проколка угловая на отщепе, фрагменты лепной керамики, украшенной оттисками ямок и гребенки (3 ед.), фрагменты гончарной керамики (2 ед.).

В 2011 г. с целью поиска памятников каменного века было решено провести небольшие стационар-

[1] Работы осуществлялись в рамках задания «Динамика развития и взаимодействия культур финального палеолита–мезолита Белорусского Поднепровья и Посожья в контексте восточноевропейских культурно-исторических процессов», включенного в Государственную комплексную программу научных исследований «История, культура, общество, государство» на 2011–2015 гг. (№ госрегистрации 20112350 от 08.08.2011 г.).

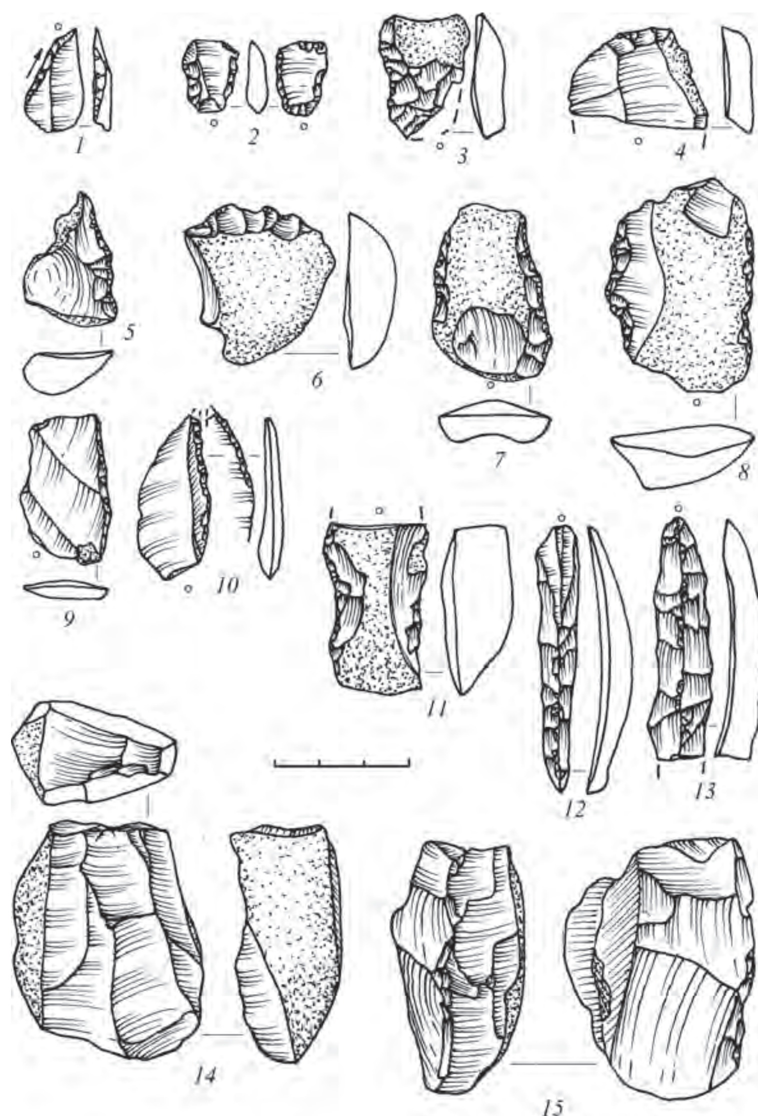


Рис. 1. Кремневый инвентарь: *1* – острие яниславицкого типа; *2* – вкладыш; *3* – изделие с выемкой; *4* – скребок концевой; *5–8* – скребачи; *9* – вкладышевое изделие с притупленным краем; *10* – проколка; *11* – изделие с перехватом; *12, 13* – ребристые пластины; *14, 15* – нуклеусы. Стоянка Хотовиж. 2011 г.

ные работы в окрестностях д. Зарубец Кричевского района. В качестве объекта исследований было избрано местонахождение-7 каменного века и селище-4. Памятник открыт нами в 2008 г. [4, с. 123] и находится на западном берегу озера-старицы р. Остер, которое у местного населения носит название Морозово, в 2 км севернее деревни, в урочище Малинино. Через селище проходит дорога на д. Зимонино, расположенная на противоположном берегу р. Остер, на территории Шумячского района Смоленской области Российской Федерации.

Памятник приурочен к небольшой береговой возвышенности, высота которой составляет около 1,0–1,2 м над поймой реки при ширине до 30–40 м. По линии берега озера (северо-запад–юго-восток), вдоль которой вытянута изучаемая возвышенность, был заложен раскоп размерами 3 × 4 м. Находки залегали сразу под дерном (0,05 м) в супеси темно-серого цвета мощностью 0,2–0,7 м. Судя по профилям стенок раскопа, этот слой на глубине 0,1–0,2 м от уровня дневной поверхности приобретает более выраженную окраску.

Наблюдалось резкое увеличение мощности слоя в юго-восточных квадратах раскопа (А-3, А-4, Б-3, Б-4). На профиле стенки одного из квадратов (А-4) на глубине 0,44–0,66 м прослеживалась линза темно-серого песка с вкраплениями угольков. В профиле стенок квадратов Б-1 и В-1 на глубине 0,12–0,14 м обнаружены камни. Для сохранения целостности культурного слоя камни из стенок не изымались.

Вещевой материал, найденный в раскопе, залегал на глубине 0,10–0,45 м от уровня дневной поверхности. Только в юго-восточной части раскопа, где отмечалось резкое увеличение мощности тем-

но-серого слоя, керамика встречалась до глубины 0,65–0,70 м, о чем красноречиво свидетельствует и вертикальный разброс находок. Если в слое 1 (0,0–0,2 м) было найдено 218 ед., то в слое 2 (0,2–0,4 м) количество артефактов уменьшилось практически в 2 раза и составило 118 ед. В слое 3 (0,4–0,6 м) и в слое 4 (0,6–0,8 м) поднято всего 9 и 6 находок соответственно.

В результате раскопок обнаружены 354 находки. Основная часть относится к фрагментам гончарной (345 ед.) и лепной (5 ед.) керамики (рис. 2). Керамический материал заметных скоплений не образовывал. Можно отметить только то, что значительное количество фрагментов керамики собрано в квадратах А-3 (50 ед.), А-4 (50) и Б-4 (49 ед.). Среднее количество керамики на квадрат в раскопе 2011 г. селища Зарубец-4 составляет 29 находок.

Комплекс керамики представлен фрагментами от горшков, для которых в целом характерен отогнутый наружу венчик со срезанным краем, удлиненные округлые шейки, низкие плечики (рис. 2: *1–8*). На донце одного из горшков сохранилось клеймо в виде двух концентрических кругов (рис. 2: *9*). Основная часть керамических фрагментов имеет серый цвет при незначительном количестве красного и коричневого. В тесте керамики присутствуют примеси песка и дресвы.

По профилю посуды и ее орнаментации можно выделить несколько типов керамики. Тип 1 образуют сосуды, венчик которых отогнут наружу и имеет срезанный край (собраны 174 фрагмента). К этому типу горшков следует отнести фрагменты лепного сосуда с заглаженной поверхностью. В отдельных случаях, как вариант типа 1, срез венчика подчеркивается ложбинкой. К типу 2 следует отнести конусовидные горшки с отогнутым наружу высоким прямым венчиком Г-образной формы, по срезу которого сохраняется неглубокая ложбинка (138 ед.). В верхней части слабовыраженного плечика и по тулову нанесен линейный орнамент (как варианты сосудов этого типа – мотивы в виде многорядной волны или композиции, сочетающие горизонтальные линии и многорядную волну) (рис. 2: *11*). Тип 3 представлен фрагментами сосуда, у которого край венчика загнут наружу (12 ед.). К типу 4 следует отнести сосуды с отогнутым наружу венчиком, имеющим профилированную ложбинку. При этом по краю венчика смоделирована манжета, на внутренней части присутствует характерная закраина (23 ед.). Тип 5 представлен фрагментами округлобокого горшка с венчиком в виде валика (3 ед.).

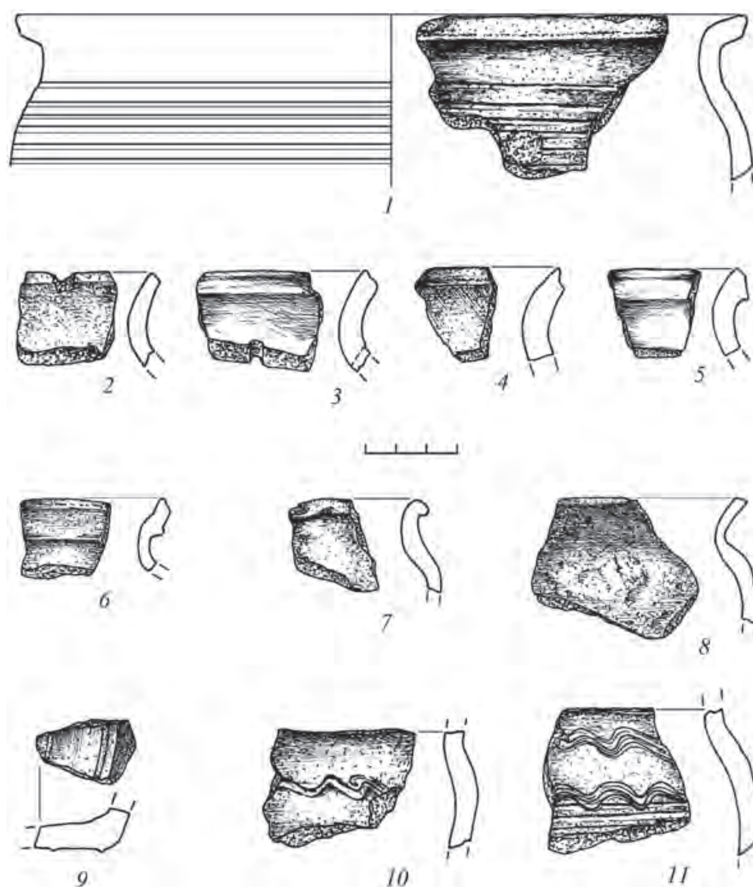


Рис. 2. Керамический материал (*1–11*). X–XI вв. Зарубец-4. 2011 г.

Хронологический диапазон керамики первых четырех типов соответствует X–XI вв. Очевидна связь керамики селища Зарубец-4 (тип 2) с керамикой Лука-Райковецкой культуры [1, с. 182–183, рис. 42; 2, с. 71–95, рис. 18–19; 3, с. 118–126, рис. 5]. Ближайшие аналогии керамическому комплексу изученного поселения можно найти среди памятников Белорусского Посожья. В частности, селище X в. Нисимковичи-2 [6, с. 165–174] и селище второй половины X – XI в., которое располагалось возле г. Кричев в пойме левого берега р. Сож [7, с. 9, мал. 5]. При этом селище Зарубец-4 с Кричевским поселением сближает не только керамический комплекс, но и топография: оба памятника находятся на песчаных возвышенностях в пойме рек. Такое расположение поселений, на наш взгляд, является не случайным и объясняется, очевидно, динамикой развития водного режима рек Верхнего Поднепровья в IX–XI вв. Как справедливо отмечает А. А. Метельский [7, с. 23, 103], появление восточнославянских поселений пойменного типа совпало с климатическим оптимумом, который способствовал очередному врезанию русла рек. Новый подъем уровня воды в реках начал отмечаться во второй половине XI в., что собственно согласуется с керамическим материалом, найденным на селище Зарубец-4. Единственный тип 5 керамики с валиковым венчиком относится к позднесредневековому времени (XVII–XVIII вв.) и типологически выпадает из комплекса раннекруговой посуды.

Кроме керамики на площади раскопа обнаружено железное шило (?) и кремневые изделия – отщепы (3 ед.). В данном случае находки кремневых артефактов позволяют говорить о более раннем посещении урочища Малинино еще в каменном веке (местонахождение-7) и дают возможность проведения здесь дальнейших исследований, направленных на выяснение реальной картины первоначального заселения окрестностей д. Зарубец в доисторическое время.

Не менее интересные материалы получены в результате обследования раннесредневекового селища Кулешовка-2. Памятник находится на северо-восточном коренном берегу озера-старицы правого берега р. Остер, в 0,9 км северо-западнее сельского кладбища.

С целью поиска поселений более раннего времени на одном из участков берега старичного озера была зачищена яма неизвестного происхождения размерами 0,5 × 0,7 м, глубиной 0,10–0,15 м, развернутая нами в шурф размерами 2 × 2 м. Шурф ориентирован относительно береговой линии на северо-запад–юго-восток. Квадраты шурфа по этой линии получили цифровое обозначение – 1 и 2. С северо-востока на юго-запад квадраты были обозначены буквами – А и Б соответственно.

Культурный слой залегал сразу под дерном (0,05–0,07 м) в супеси темно-серого цвета мощностью до 0,2 м. Ниже она подстилалась супесью белесого цвета (мощность 0,05–0,15 м) и песком желтого цвета (прокопан на глубину 0,4–0,5 м). В отдельных местах на стенках шурфа квадратов А-2, Б-1 и Б-2 прослеживались пятна темно-серого цвета с вкраплениями угольков мощностью от 0,10 до 0,32 м.

В пределах шурфа обнаружена гончарная керамика XII–XIII вв. (76 ед.) (рис. 3), которая залегала

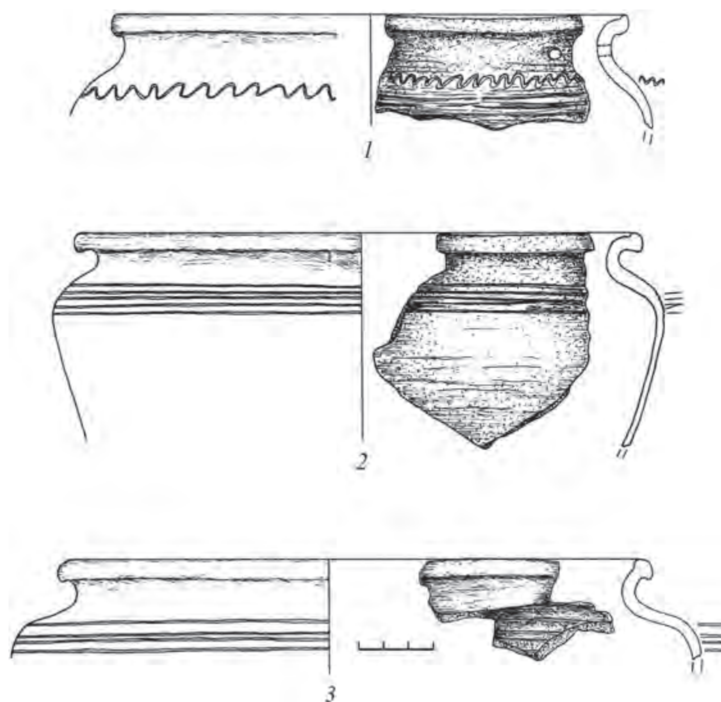


Рис. 3. Керамический материал (*1–3*). XII–XIII вв. Кулешовка-2. 2011 г.

на глубине 0,10–0,25 м от дневной поверхности. Квадрат А-1 содержал 6 ед., квадрат А-2 – 26, квадрат Б-1 – 13 и квадрат Б-2 – 31 ед. Вся керамика фрагментирована и представлена обломками от горшков с отогнутым наружу венчиком, выделенным на нем карнизиком, короткой шейкой и выраженными плечиками. Для изготовления посуды использована глина серого, реже красного цвета. Тесто имеет примеси песка и жерствы. Поверхность отдельных фрагментов украшена линейным и волнистым орнаментом в основном по плечику сосуда. На венчике одного из горшков имеется сквозное отверстие.

В заключение следует отметить, что во время проведения археологических работ, кроме поселений, были обследованы курганные могильники у деревень Ивановск, Ходунь, Хотовиж. С сожалением приходится констатировать, что за последние 15 лет, после работ В. Ф. Копытина [5], эти памятники подверглись значительному разрушению в результате раскопок «черными» кладоискателями, что, на наш взгляд требует скорейшей организации охраны оставшейся части курганных некрополей.

Литература

1. Археология Украинской ССР : в 3 т. / под ред. В. Д. Барана [и др.]. – Киев, 1986. – Т. 3 : Раннеславянский и древнерусский периоды. – 575 с.

2. Бубенько, Т. С. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска / Т. С. Бубенько, О. Н. Левко // Материалы по археологии Беларуси : сб. науч. статей / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. – С. 71–95.

3. Заяц, Ю. А. Новые материалы и памятники раннего железного века и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Минском Поднеповье и Витебском Подвинье / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси : сб. науч. статей / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. – С. 118–126.

4. Колосов, А. В. Археологические древности Могилевского Посожья : по материалам экспедиций 2002–2008 гг. / А. В. Колосов. – Могилев, 2009. – 264 с.

5. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1998. – 110 с.

6. Макушников, О. А. Восточнославянский горизонт селища Нисимковичи II в Посожье / О. А. Макушников // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2002. – № 17. – С. 165–174.

7. Мяцельскі, А. А. Старадаўні Крычаў : гісторыка-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. / А. А. Мяцельскі. – Мінск, 2003. – 167 с.

Рэзюмэ

А. У. Коласаў, Я. Л. Хомчанка

Вынікі археалагічных работ у басейне р. Асцёр у 2011 г.

Падводзяцца вынікі археалагічных работ 2011 г. на тэрыторыі Крычаўскага і Клімавіцкага раёнаў, прылеглых да басейна р. Асцёр. Абследавана каля 20 розначасовых помнікаў археалогіі ад эпохі мезаліту (8–6 тысяч гадоў таму назад) да позняга сярэдневякоўя (XVII–XVIII стст.). На асобных помніках праведзена шурфоўка (селішча XII–XIII стст. Куляшоўка-2) і раскопкі (селішча X–XI стст. Зарубец-4).

Summary

A. Kolosov, Y. Khomchenko

The results of archaeological works in the Ostyor river basin in 2011

The article summarizes the results of the 2011 archaeological works in the Krichev and Klimovichi districts adjoining the Ostyor river basin. A total of 20 multitemporal archaeological sites dating from the Mesolithic Age (8–6 thousand years ago) to the Late Middle Ages (17th–18th centuries) were explored. Some sites underwent trenching (the 12th–13th centuries rural settlement Kuleshovka-2) and excavations (the 10th–11th centuries rural settlement Zarubets-4).

УДК 902/904(476.6)«2010/2011»

В. Л. Лакiза, *Iнстытут гiсторыi НАН Беларусi, загадчык аддзела археалогii першабытнага грамадства, кандыдат гiстарычных навук, дацэнт (г. Мiнск)*

Археалагiчныя даследаваннi ў зоне будаўнiцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010–2011 гг.

У 2010 г. на тэрыторыi Гродзенскага i Мастоўскага раёнаў Гродзенскай вобласцi пад кiраўнiцтвам аўтара дзейнiчала экспедыцыя па даследаваннi помнiкаў археалогii ў зоне будаўнiцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман. У яе склад акрамя вучоных аддзела археалогii першабытнага грамадства Iнстытута гiсторыi НАН Беларусi ўваходзiлi выкладчыкi i студэнты ГрДУ iмя Я. Купалы, БрДУ iмя А. С. Пушкiна, БДУ, супрацоўнiкi Нацыянальнага гiстарычнага музея Беларусi i Гродзенскага дзяржаўнага гiсторыка-археалагiчнага музея[1].

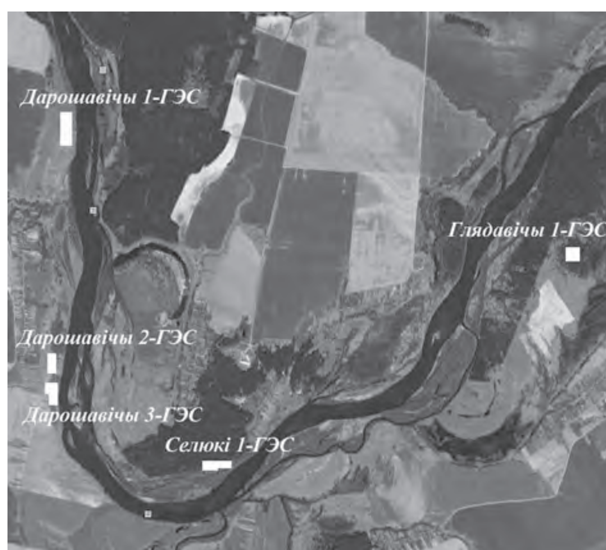
За лета-восень 2010 г. былi праведзены раскопкi на апошнiх 8 помнiках, якiя траплялi ў зону будаўнiцтва Гродзенскай ГЭС. Так, В. Л. Лакiза кiраваў даследаваннямi ў адпаведнасцi з Дазволам па форме № 4 на помнiках Мiгова-1-ГЭС (113 м^2) i Селюкi-1-ГЭС (224 м^2) на правабярэжжы Нёмана, Навасёлкi-1-ГЭС (305 м^2), Дарошавiчы-1-ГЭС (140 м^2) i Дарошавiчы-3-ГЭС (140 м^2) на левабярэжжы ракi. М. А. Плавiнскi кiраваў раскопкамi ў адпаведнасцi з Дазволам па форме № 4 на селiшчы Дарошавiчы 2-ГЭС (80 м^2), З. А. Харытановiч – на гарадзiшчы Глядавiчы-1-ГЭС (104 м^2) (мал. 1), а Ю. В. Юркавец – на могiльнiку Коматава-5-ГЭС (448 м^2). Агульная плошча раскопак у 2010 г. склала 1554 м^2 [2, 5, 6].

У дадзеным артыкуле ў абагульненым выглядзе прадставiм iнфармацыю аб даследаваннях помнiкаў, якiя праводзiлiся ў 2010 г. пад кiраўнiцтвам аўтара (акрамя Навасёлкi-1-ГЭС, якому прысвечаны асобны артыкул [4]).

Селюкi-1-ГЭС размяшчаецца праз 0,3 км на паўднёвы захад ад нiжняй ускраiны в. Селюкi Гродзенскага раёна (унiз па цячэннi ракi), на схiле надпоймавай правабярэжнай тэрасы р. Нёман, якая засаджана маладым хвойным лесам (мал. 1). Помнiк выяўлены ў 2003 г. [1, с. 272–273]. У 2009 г. падчас земляных работ па добраўпарадкаваннi ложа вадасховiшча ГЭС (без узгаднення з археолагамi) паўднёвая (прырэчная) ускраiна помнiка была пашкоджана высечкай лесу, выкарчоўкай пнёў, а культурны пласт часткова знiвелiраваны бульдозерамi.

У лiпенi 2010 г. для раскопак была выбрана залесеная i не кранутая землянымi работамi цэнтральная (?) частка паселiшча. На вольных ад дрэў участках даследавана 228 м^2 (мал. 2, *А*). Асноўная частка раскопу (участак 1) (96 м^2, памеры 4 на 24 м) была закладзена ў лесе на даволi вялiкай паляне. Затым да ўсходняга вугла кв. 24 была прырэзана раскоп-траншэя (участкi 2 i 3) агульным памерам 2 на 80 м, плошчай 132 м^2 (з-за пашкоджанняў кв. 52–58 не капалiся) (мал. 2, *В*). Нiвелiроўка паверхнi паказала на невялiкi нахiл пляцоўкi тэрасы i самога паселiшча па лiнii поўнач–поўдзень (у бок ракi) у сярэднiм да 0,3 м, а па лiнii захад–ўсход на больш значны – ад 0,14 да 1,56 м [2].

У абагульненым выглядзе стратыграфiю помнiка можна апiсаць наступным чынам (мал. 2, *Б*): тонкi пласт дзёрну i тонкi пласт паддзёрнавай шэрай лясной глебы; даволi тоўсты светла-шэры цi жаўтавата-шэры пласт дробназярнiстага нанесенага пяску, якi паступова змяншаўся ад заходняга да ўсходняга краю раскопу; цёмна-шэры гумусiраваны пласт пахаванай глебы, якi таксама паступова змяншаўся па лiнii захад–ўсход i закончыўся ў кв. 38; светла-жоўты,



Мал. 1. Спадарожнiкавы здымак зоны будаўнiцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман (ад в. Дарошавiчы Гродзенскага раёна да в. Глядавiчы Мастоўскага раёна). Лакалiзацыя помнiкаў, даследаваных раскопкамi ў 2010 г.: Дарошавiчы-1-ГЭС, Дарошавiчы-2-ГЭС, Дарошавiчы-3-ЭС, Селюкi-1-ГЭС, Глядавiчы-1-ГЭС

[1] Выказваю шчырую ўдзячнасць усiм археолагам, хто прымаў непасрэдны ўдзел у даследаваннях у зоне будаўнiцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 г. – А. А. Дабрыяну, Н. А. Кiзюкевiч, М. А. Плавiнскаму, В. М. Сiдаровiчу, Г. М. Семянчуку, М. I. Ткачовай, З. А. Харытановiч, Ю. В. Юркавец, а таксама супрацоўнiкам БрДУ i ГрДУ А. А. Башкову, Г. У. Карзенку, С. Я. Куль-Сяльвестравай, С. А. Пiваварчыку, I. А. Фёдараву, I. I. Шаўчуку, якiя займалiся арганiзацыяй i кiраўнiцтвам студэнцкай археалагiчнай практыкi.

Мал. 2. Раскопкі на помніку Селюкі 1-ГЭС: *А* – выгляд участка 1 на мацерыковым узроўні; *Б* – асаблівасці стратыграфіі; *В* – выгляд участка 2 на мацерыковым узроўні з аб'ектам № 2. 2010 г.

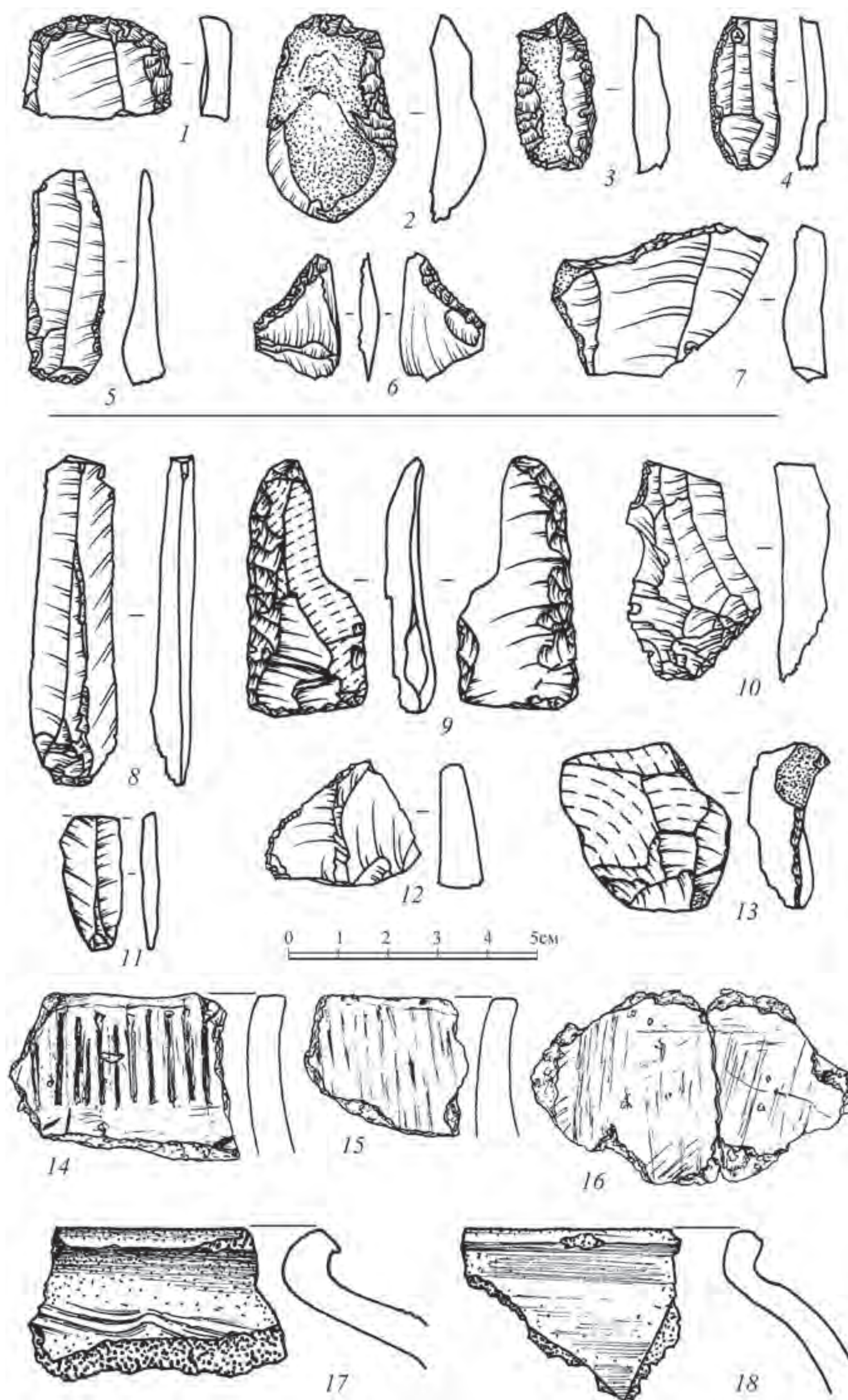
жаўтавата-шэры мацерыковы пласт дробназярністага пяску.

На мацерыковым узроўні былі зафіксаваны тры аб'екты: разнастайныя па форме, памерах і глыбіні ямы. Найбольш цікавымі з іх з'яўляліся аб'екты № 1 і № 2. *Аб'ект № 1* выяўлены на ўчастку 1 у кв. 2 і 14. Яма мела акругла-падавальную форму, памеры каля 1,56 м на 0,8–1,0 м, максімальную глыбіню да 0,48 м і была запоўнена цёмна-шэрай, шэрай, месцамі чарнаватай супессю з дробнымі вугольчыкамі (у цэнтральнай частцы аб'екта). У запаўненні знойдзены 7 артэфактаў, сярод якіх крамянёвыя вырабы і фрагменты ляпнога штрыхаванага посуду ранняга жалезнага веку (мал. 3: *16*). *Аб'ект № 2*, выяўлены на ўчастку 2 у кв. 35 і 36 (мал. 2, *В*), складаўся з дзвюх частак – аморфнай ямы памерамі каля 0,94 на 1,2 м пры глыбіні да 0,42 м і невялікай авальнай ямы дыяметрам да 0,36 м пры глыбіні 0,38 м. Аб'ект быў запоўнены цёмна-шэрым пяском з уключэннямі гліны і дробных вугольчыкаў. У ім знойдзены крамянёвы абломак і дробны фрагмент ляпной сценкі.

Усяго выяўлена 709 рухомых артэфактаў (мал. 3: *8–18*). Пэўнай залежнасці ў размеркаванні знаходак па плошчы раскопу не заўважана, акрамя значнага дамінавання ганчарнай керамікі ў другім умоўным пласце, які прыпадаў на цёмна-шэрую пахаваную глебу. Фрагменты ляпной керамікі часцей трапляліся ў пласце 1 (бліжэй да яго заканчэння ці ў ніжняй частцы), які прыпадаў на пласт нанесенага светла-шэрага пяску. У цэлым для помніка характэрна даволі слабая насычанасць культурных напластаванняў артэфактамі (толькі 3,1 знаходкі на адзін $м^2$), а колькасна знаходкі размяркоўваліся наступным чынам: у першым пласце знойдзена 210 артэфактаў, у другім – 432 экз., трэцім (які фіксаваўся толькі як зачыстка мацерыковай паверхні) – 54 экз. Невялікая колькасць артэфактаў утрымлівалася і ў запаўненні аб'ектаў – 12 экз.

Асноўная колькасць артэфактаў (607 экз.) – гэта фрагменты ляпнога і ганчарнага посуду. Маюцца таксама 2 фрагменты кафлі, 8 фрагментаў глінянай абмазкі, фрагмент шкла, 2 нявызначаныя пашкоджаныя металічныя вырабы, 21 дробны фрагмент неазначальных костак, 2 камяні натуральныя. Астатнія знаходкі – крамянёвыя вырабы – 66 экз.

Большасць з крамянёвых знаходак – 57 экз. – прадукты першаснага расшчаплення: абломкі, адшчэпы, пласціны. З іх 9 экзэмпляраў абпаленыя. У калекцыі маецца крамянёвая канкрэцыя з адзін-



Мал. 3. Археалагічныя знаходкі з помнікаў Мігова-1-ГЭС (*1–7*) і Селюкі 1-ГЭС (*8–18*): *1–13* – крамянёвыя вырабы; *14–16* – ляпная кераміка (фрагменты); *17–18* – ганчарная кераміка (фрагменты). 2010 г.

кавымі сколамі, 2 адшчэпы і пласціна з участкамі рэтушы, 2 фрагменты пашкоджаных нявызначаных прылад, нож (нож-разец) на правільнай ножападобнай пласціне, серпападобны ўкладыш на пласціне, 2 скрабкі на адшчэпах (мал. 3: *8–13*).

Сярод керамікі маюцца 58 фрагментаў ад разнастайнага і розначасовага ляпнога посуду. Большасць з іх, гэта вельмі дробныя і пашкоджаныя сценкі з мінеральнымі дамешкамі ў цесце, часам са штрыхаванымі паверхнямі. Іх складана культурна ідэнтыфікаваць, як і дробны фрагмент плоскага дна. Знойдзены 4 венчыкі. Адзін з іх з мінеральнымі дамешкамі (розназярністая жарства), светла-карычневы на знешнім боку і цёмна-шэры знутры, лёгкай штрыхоўкай на знешнім боку і выразнай гарызантальнай штрыхоўкай на знешняй паверхні, арнамен-

таваны вертыкальнымі адбіткамі доўгага лінейнага штампа (мал. 3: *14*). Датавацца такі посуд можа познім неалітам – раннім перыядам бронзавага веку. Да гэтага ж перыяду адносяцца яшчэ 2 венчыкі ад аднаго гаршка без арнаменту з мінеральнымі дамешкамі і лёгкай штрыхоўкай. Чацвёрты венчык блізкі да першага марфалагічна, аднак адрозніваецца памерамі даданай ў цеста жарствы (дробназярністая), апрацоўкай паверхні, на знешняй выразна бачна вертыкальнае загладжванне зубчатым штампам (?) (мал. 3: *15*). Папярэдне, такі посуд аднесены намі да позняга перыяду бронзавага – ранняга перыяду жалезнага веку. Некалькі фрагментаў сценак адносяцца да ранняга жалезнага веку (І тысячагоддзя да н. э.) і звязваюцца з традыцыямі культуры штрыхаванай керамікі (мал. 3: *16*).

Пераважная колькасць ганчарнай керамікі – дробныя пашкоджаныя сценкі без арнаменту (415 экз.). Маюцца таксама 37 фрагментаў плоскіх дноў, фрагмент ручкі, 2 венчыкі і 5 сценак ад паліванага ганчарнага посуду. На 21 сценцы захаваліся сляды арнаментавання – пракрэсленыя гарызантальныя лініі, хвалісты арнамент, хвалістыя лініі, выкананыя зубчатым штампам. Венчыкаў ад разнастайных гаршкоў, місак, накрывак – 60 экз. (мал. 3: *17, 18*). Дробных венчыкаў з арнаментам – толькі 8 экз. Знойдзеную на помніку ганчарную кераміку (гаршкі, міскі, карчагі, збаны, макотры, накрыўкі) можна датаваць эпохай позняга сярэдневякоўя. Такі посуд мог выкарыстоўвацца на працягу доўгага часу – ад XIV да XVII–XVIII ст. Верагодна, што асобныя венчыкі адносяцца і да больш ранняга часу – да XII–XIII стст.[1]

Такім чынам, стаянка і селішча Селюкі-1-ГЭС з выразным культурным пластом пахаванай глебы з’яўляецца шматкультурным помнікам з розначасовымі матэрыяламі позняга неаліту–ранняга бронзавага веку, позняга бронзавага веку–ранняга жалезнага веку, эпохі сярэдневякоўя. У сярэдневякоўі жыццё на гэтым паселішчы было найбольш інтэнсіўным і насычаным.

На жаль, прырэчная ці паўднёвая частка паселішча разбурана землянымі работамі па будаўніцтве вадасховішча Гродзенскай ГЭС. Хутчэй за ўсё у пашкоджанай частцы помніка магло размяшчацца асноўнае паселішча першабытнага часу, а даследаваныя раскопам участкі – толькі яго перыферыя. У далейшым частка паселішча Селюкі-1-ГЭС, якая захавалася, не будзе падвяргацца значным уздзеяннем вадасховішча ГЭС і стацыянарныя даследаванні помніка могуць быць працягнуты.

Мігова-1-ГЭС размяшчалася праз 1,2 км на поўнач–паўночны-захад ад вёскі Мігова Гродзенскага раёна, праз 0,1 км на поўдзень ад былога помніка Александрова-2-ГЭС, на паласе надпоймавай правабярэжнай тэрасы р. Нёман, якая абмежавана з поўдня вусцем вялікага яра, а з поўдня – знікаючым клінам надпоймавай тэрасы, насупраць верхняй ускраіны в. Славічы (раней Кавальцы, якая размяшчаецца на супрацьлеглым беразе ракі). Помнік выяўлены ў 2003 г. [1, с. 272–273], папярэдне вызначаны яго памеры – 180 м даўжыні і 30–40 м шырыні, магутнасць культурнага пласта (0,4–0,5 м) і слабая насычанасць яго артэфактамі.

Раскопкі на стаянцы і селішчы праводзіліся ў 2010 г. пасля пачатку даволі інтэнсіўных земляных работ ў ложы вадасховішча Гродзенскай ГЭС (высечка леса, выкарчоўванне пнёў, зняцце грунту і падрыхтоўка дна будучага вадасховішча) [2]. Трыма раскопамі ў паўднёвай (28 м^2), цэнтральнай (45 м^2) і паўночнай (40 м^2) частках помніка аўтар даследаваў 113 м^2. Устаноўлена, што культурны пласт паўднёвай паловы помніка знішчаны. Часткова захавалася толькі ўсходняя ўскраіна і яе паўночная палова шырынёй каля 15–20 м. У трох раскопах быў зафіксаваны культурны пласт шэрага, жоўта-шэрага колеру ад 0,3 да 0,5 м без аб’ектаў і з невялікай колькасцю крамянёвых артэфактаў. Усяго выяўлена толькі каля 250 экз. Сярод іх фрагмент нуклеуса, адшчэпы, пласціны, скрабкі, нажы на пласцінах (укладышы), камбінаваныя прылады (мал. 3: *1–7*). На жаль, адсутнічаюць выразныя культуравызначальныя рэчы. Матэрыял датуецца каменным векам. У калекцыі маецца таксама невялікая колькасць вельмі дробных фрагментаў ганчарнай керамікі без арнаменту.

Стаянка і селішча Мігова-1-ГЭС былі паўторна абследаваны аўтарам у 2011 г. [3]. Устаноўлена, што помнік практычна цалкам разбураны, а пасля запаўнення вадасховішча Гродзенскай ГЭС яго паверхня будзе затоплена. Было прынята рашэнне аб выключэнні помніка Мігова-1-ГЭС з «Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь».

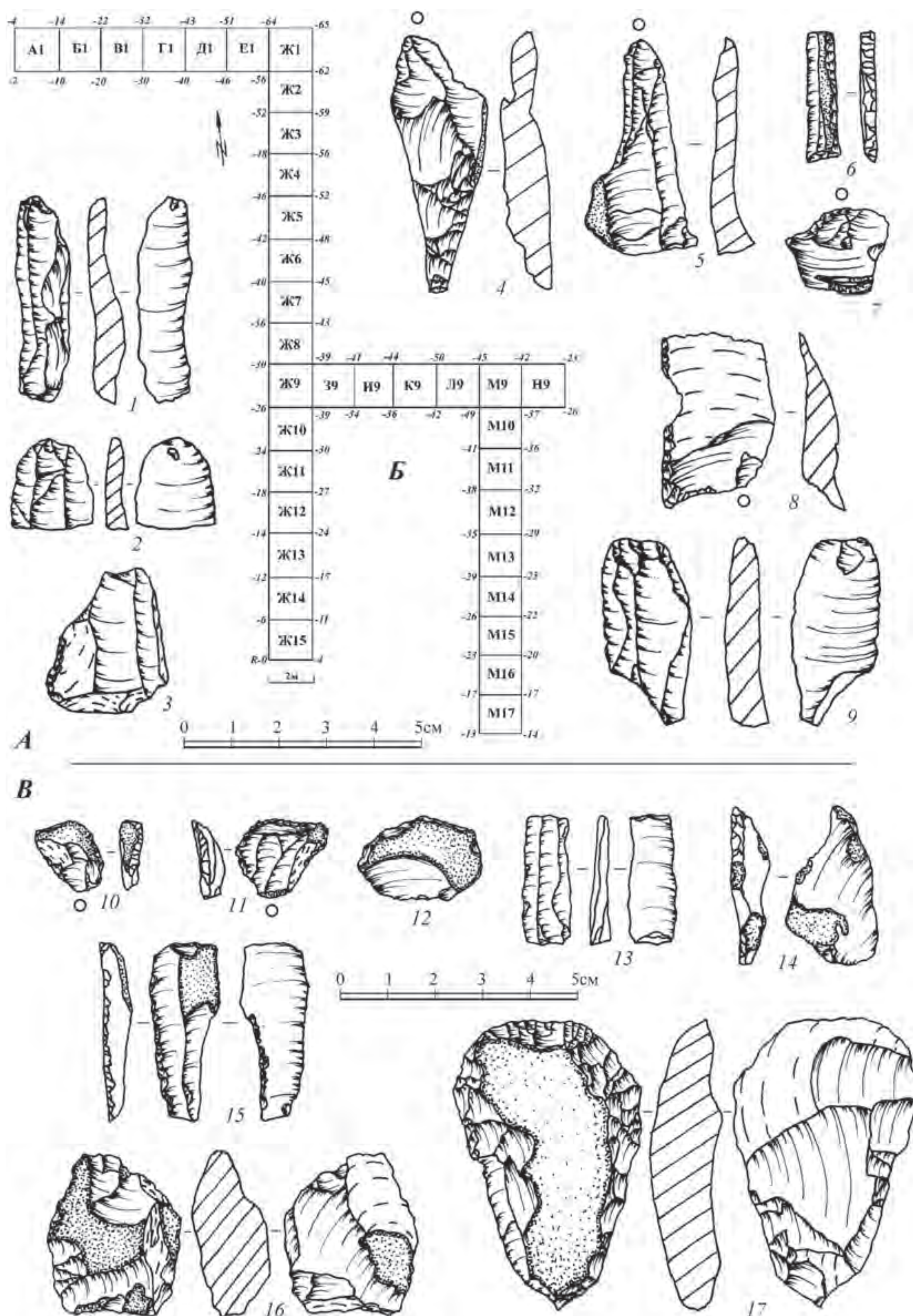
Дарошавічы 1-ГЭС размешчана на высокай левабярэжнай тэрасе р. Нёман праз 0,5–0,8 км на паўночны ўсход ад паўночнай ускраіны в. Дарошавічы Гродзенскага раёна, насупраць вострава пасярод ракі (мал. 1). Займае пляцоўку, злёгку нахіленую у паўночным і ўсходнім накірунках (разворваецца). З паўднёвага боку яна абмежавана ярам, з усходу – краем тэрасы і руслам ракі, на поўначы практычна прымыкае да ракі. Прыкладныя памеры – каля 600 м уздоўж цячэння ракі пры шырыні да 100 м. Помнік выяўлены ў 2003 г., папярэдне вызначаны памеры яго ніжняй ці паўночнай часткі, сабраны крамянёвыя вырабы і фрагменты керамікі каменнага і бронзавага вякоў [1, с. 272–273].

У 2010 г. аўтар правёў на помніку археалагічныя раскопкі [2]. На краі тэрасы ў паўночнай частцы было даследавана 140 м^2 культурнага пласта ма-

[1] Папярэдняе датаванне ганчарнай керамікі праведзена малодшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі Г. Р. Цімафеенка.

гутнасцю ад 0,3–0,6 м да 0,8 м. Раскоп меў складаную канфігурацыю, якая, на нашу думку, дазваляла ахапіць даследаваннямі найбольшую тэрыторыю помніка і пры выяўленні цікавых аб’ектаў і вялікай колькасці артэфактаў пашырыць плошчу раскопак у любым напрамку: па лініі поўнач–поўдзень раскоп быў выцягнуты на 34 м, а па лініі захад–усход – на 26 м (мал. 4, *Б*).

Усяго знойдзены 474 рухомых артэфактаў (3,39 знаходкі на 1 м^2). Пэўнай залежнасці ў размеркаванні знаходак па плошчы раскопу не заўважана. Усе яны выяўлены ў межах 1-га пласта (геалагічны пласт,



Мал. 4. Крамянёвыя вырабы з помнікаў Дарошавічы-1-ГЭС (*А: 1–9*) і Дарошавічы-3-ГЭС (*В: 10–17*); план раскопу на помніку Дарошавічы-1-ГЭС (*Б*). 2010 г.

якi прыпадаў на ворны пласт і дасягаў глыбіні ад 0,3 да 0,7 м) і ў запаўненні аб'екта (12 экз.)

Асноўная колькасць артэфактаў – 211 экз. – гэта фрагменты ляпнога і ганчарнага посуду. У калекцыі таксама маюцца 4 фрагменты кафлі, фрагмент неазначальнага керамічнага вырабу, фрагмент неазначальнага шклянога вырабу, 72 дробныя фрагменты цэглы, 20 фрагментаў неазначальных пашкоджаных жалезных вырабаў, 4 жалезныя цвікі, 2 каменныя вырабы (у тым ліку фрагмент шліфавальнай пліткі), фрагмент косткі і 12 зубоў. Астатнія знаходкі – крамянёвыя вырабы – 146 экз.

Большасць з крамянёвых знаходак – 131 экз. – прадукты першаснага расшчаплення: абломкі, луска, адшчэпы, пласціны. З іх 11 экз. абпаленыя. У калекцыі маецца крамянёвая канкрэцыя з адзінкавымі сколамі, 2 лушчні, 2 нуклеусы, 3 адшчэпы, 2 абломкі і 2 пласціны з участкамі рэтушы, фрагмент пашкоджанай неазначальнай прылады і нарыхтоўка прылады, мезалітычны трохвугольнік і скрабач на адшчэпе (мал. 4, *А: 1–9*).

Сярод керамікі маецца 7 дробных фрагментаў ляпнога посуду. На жаль, моцная фрагментаванасць, пашкоджанасць, адсутнасць венчыкаў і арнаментаваных сценак, не дазваляюць гаварыць аб яго дакладнай культурнай прыналежнасці і храналогіі. Пераважная колькасць ганчарнай керамікі – таксама дробныя, пашкоджаныя фрагменты (198 экз.). Сярод іх маюцца 165 дробных ганчарных сценак, 24 дробныя венчыкі, 7 фрагментаў плоскіх дноў, 2 фрагменты ручак. Толькі на адзінкавых фрагментах сценак захаваліся сляды арнаментавання – пракрэсленыя гарызантальныя лініі. Такі посуд мог выкарыстоўвацца на працягу позняга сярэдневякоўя і ранняга новага часу (XVI–XVIII стст.).

У 2011 г. аўтар паўторна абследаваў шматкультурны помнік Дарошавічы-1-ГЭС [3]. Устаноўлена, што землянымі работамі па будаўніцтве вадасховішча Гродзенскай ГЭС тэрыторыя стаянкі і селішча практычна не закранута. У будучым будзе падмывацца толькі яго прырэчны ўсходні край. Для помніка складзена навуковая і ўліковая дакументацыя, праект зон аховы.

Дарошавічы-3-ГЭС размешчана на правабярэжных тэрасах р. Нёман, праз 0,3 км на поўдзень і праз 0,3–0,4 км на паўднёвы ўсход ад паўднёвай ўскраіны в. Дарошавічы Гродзенскага раёна, праз 0,2 км на поўдзень ад стаянкі і селішча Дарошавічы-2-ГЭС (мал. 1). Займае ўчасткі верхняй і ніжняй (надпоймавай) тэрас. Верхні абмежаваны з поўначы ярам. Ніжні прыпадае на своеасаблівае ўзвышэнне тэрасы і пачынаецца ад палявой дарогі адразу за помнікам Дарошавічы-2-ГЭС і працягваецца на ўсходзе да русла ракі, а на поўдні цягнецца ўздоўж цячэння да 250–300 м. Прыкладныя памеры – каля 400 м на 250 м.

Упершыню крамянёвыя вырабы і фрагменты посуду культуры шнуравой керамікі выявіла Н. М. Гурына праз 1 км ніжэй цагельні і вышэй вёскі на невысокім пясчаным узвышшы левага берагу р. Нёман ў сярэдзіне XX ст. Непасрэдна помнік Дарошавічы-3-ГЭС лакалізавалі на мясцовасці ў 2003 г. На паверхні, якая разворвалася, на плошчы каля 300 м на 80 м была знойдзена шматлікая калекцыя крамянёвых вырабаў, пераважна фінальна-палеалітычнага часу [1, с. 272–273].

У 2010 г. аўтар правёў на ніжнім участку помніка археалагічныя раскопкі на плошчы 140 м^2: раскоп № 1 плошчай 80 м^2 і шурфы № 1–3 плошчай па 20 м^2 [2]. Як і на шэрагу іншых помнікаў, методыка раскопак вызначалася фінансавымі магчымасцямі і жаданнем ахапіць даследаваннямі найбольшую тэрыторыю помніка, а пры выяўленні аб'ектаў і значнай колькасці артэфактаў пашырыць плошчу раскопак у любым напрамку: па лініі поўнач–поўдзень зона даследаванняў ахапіла 58 м, а па лініі захад–усход – 22 м.

Культурны пласт меў магутнасць ад 0,3–0,5 м і складаўся з аднароднага гумусу (ворны пласт) шэра-карычневага колеру са слядамі разворвання. Ніжэй пачынаўся светла-жоўты, жоўта-шэры дробназярністы пясок (мацярык). Мяжа паміж імі выразная. На даследаванай раскопкамі плошчы помніка аб'ектаў не зафіксавана.

Усяго знойдзена 250 рухомых артэфактаў (мал. 4, *В*). Пэўнай залежнасці ў размеркаванні знаходак па плошчы раскопу не заўважана. Пераважная іх большасць выяўлена ў межах пласта 1 (102 экз.), якія прыпадаў на верхнюю частку ворнага пласта. У другім пласце знаходак было значна менш (61 экз.), у трэцім – толькі адзінкавыя артэфакты (9 экз.) (1,79 знаходкі на 1 м^2).

Асноўная колькасць артэфактаў – 157 экз. – гэта разнастайныя крамянёвыя вырабы. У калекцыі таксама маюцца 2 фрагменты неазначальных бронзавых вырабаў, жалезная падкова, 2 жалезныя цвікі, 4 фрагменты неазначальных пашкоджаных жалезных вырабаў, дробны фрагмент цэглы, 17 фрагментаў костак. Астатнія знаходкі – фрагменты ганчарнага посуду – 66 экз.

Большасць з крамянёвых знаходак – 112 экз. – прадукты першаснага расшчаплення: абломкі, луска, сколы, адшчэпы, пласціны. Пры гэтым заўважана колькасная перавага адшчэпаў (12 экз.) над пласцінамі (5 экз.) і значнае дамінаванне разнастайных абломкаў (87 экз.). У калекцыі маецца крамянёвы разцовы скол, 12 невялікіх канкрэцый з адзінкавымі сколамі, 6 лушчняў, 5 адшчэпаў і 6 абломкаў з участкамі рэтушы, прылада з выемкай, 4 фрагменты пашкоджаных дрэнна азначальных прылад і 2 нарыхтоўкі прылад, у тым ліку біфацыяльнай прылады, праколка, цясло, укладыш, 3 скрабачы, 2 скрабкі (мал. 4, *В: 10–17*).

Уся знойдзеная кераміка – гэта фрагменты ганчарнага посуду. Пераважная колькасць яе – дроб-

ныя, пашкоджаныя сценкі (50 экз.), сярод якіх маюцца арнаментаваныя пракрэсленымі гарызантальнымі і хвалістымі лініямі, а таксама 12 венчыкаў, 4 фрагменты плоскіх дноў. Такі посуд мог выкарыстоўвацца на працягу позняга сярэдневякоўя і ранняга новага часу – ад XV да XVIII ст.

Аўтар у 2011 г. паўторна абследаваў помнік, прырэчная частка якога трапіла ў зону земляных работ па добраўпарадкаванні вадасховішча ГЭС. Устаноўлена, што землянымі работамі закранута і пашкоджана толькі ніжняя частка помніка, якая ў далейшым будзе затоплена вадасховішчам [3]. Складзена ўліковая і навуковая дакументацыя, падрыхтаваны праект зон аховы.

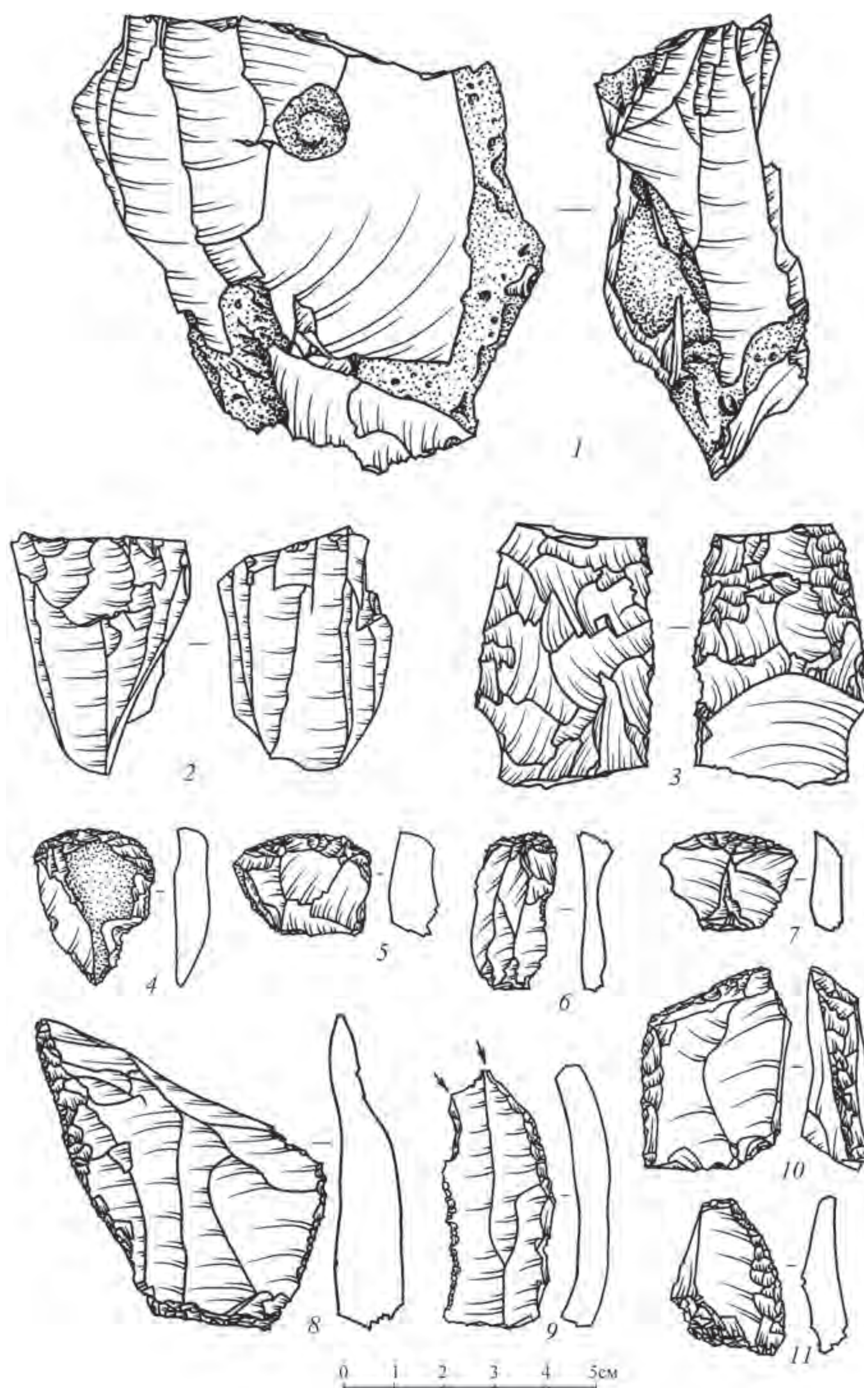
У 2011 г. археалагічныя даследаванні ў зоне Гродзенскай ГЭС на р. Нёман былі працягнуты [3]. Адной з галоўных іх задач стаў археалагічны нагляд за будаўніцтвам у ахоўных межах помнікаў археалогіі, а таксама за правядзеннем работ па ўмацаванні схілаў пагорка, на якім размяшчаецца стаянка, селішча і могільнік ***Коматава 5-ГЭС*** (даследаваўся ў 2010 г.). Да добраўпарадкавання тэрыторыі гэтага ўнікальнага помніка акрамя будаўнічай арганізацыі былі падключаны студэнты ГрДУ імя Янкі Купалы пад кіраўніцтвам Ю. В. Юркавец. У выніку было вырашана агарадзіць камянямі плошчу раскопу 2010 г. і ўстанавіць над перазахаванымі парэшткамі памерлых і пахаваных на могільніку людзей каменныя надмагіллі з крыжамі (мал. 5). Паралельна, на паўднёвым участку помніка, у месцы найбольшага пашкоджання дзённай паверхні (грунт быў часткова зняты бульдозерам) было раскапана 84 м^2 (Ю. В. Юркавец).

Археалагічны нагляд ажыццяўляўся таксама на Коматава-1-ГЭС, Коматава-2-ГЭС, Дарошавічы-2-ГЭС, Дарошавічы-3-ГЭС. Рабіліся зачысткі, пошукі пад’ёмнага матэрыялу, фота- і графічныя фіксацыі асаблівасцей культурных напластаванняў, вызначаліся іх дакладныя межы.

На ***Коматава-2-ГЭС*** праведзены дадатковыя даследаванні (асноўныя раскопкі ажыццяўляліся ў 2009 г.) [3]. Для гэтага былі закладзены 3 шурфы (9 м^2). Прасочаны і ўдакладнены асаблівасці культурных напластаванняў, насычанасці іх артэфактамі, выяўлены новыя матэрыялы каменнага веку і сярэдневякоўя.

Мал. 5. Выгляд помніка Коматава 5-ГЭС пасля правядзення добраўпарадкавання яго плошчы ў 2011 г: *А, Б* – месца правядзення раскопак 2010 г.

У выніку земляных работ 2011 г. пасля змен першапачатковага праекта па будаўніцтве ложа вадасховішча ***Коматава-1-ГЭС*** (даследаваўся ў 2009 г.) пацярпеў найбольш [3]. Рэшткі культурных напластаванняў аказаліся канчаткова разбуранымі, знівеліраванымі ці перакрытымі пяском. На працягу мая–жніўня 2011 г. на помніку ажыццяўляўся перыядычны нагляд, пры неабходнасці рабіліся зачысткі, вяліся пошукі і зборы пад'ёмнага матэрыялу. На вялікі жаль, з-за моцнай пашкоджанасці помніка, выявіць на паверхні прадстаўнічую калекцыю артэфактаў не ўдалося. Сабрана толькі 23 знаходкі, сярод якіх 18 крамянёвых вырабаў і 5 фрагментаў ганчарнага посуду (сценкі і плоскае дно): 2 фрагменты крамянёвых нуклеусаў, 13 адшчэпаў, 2 пласціны, фрагмент прылады. Пасля будаўніцтва Гродзенскай ГЭС і запаўнення вадасховішча помнік Коматава 1-ГЭС будзе цалкам затоплены. Было прынята рашэнне аб выключэнні помніка Коматава-1 ГЭС з «Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь».



Мал. 6. Крамянёвыя вырабы (*1–11*). Помнік Пужычы-2-ГЭС. 2011 г.

Значныя работы ў 2011 г. былі праведзены на помніку ***Пужычы-2-ГЭС*** (часткова даследаваўся ў 2009 г.) [3]. У сувязі са зменамі праекта па будаўніцтве вадасховішча ГЭС паселішча аказалася цалкам разбурана землянымі работамі. На ўсёй плошчы помніка былі высечаны і выкарчаваны дрэвы, карані ад іх закопаны, а дзённая паверхня знівеліравана бульдозерамі (разам з культурным пластом і рухомымі артэфактамі). Зруйнаванымі аказаліся нават высокія ўчасткі тэрасы р. Нёман, якія, па нашым меркаванні, не будуць затапліваецца вадасховішчам ГЭС. Аднак, у адрозненні ад помніка Коматава-1-ГЭС, на паверхні стаянкі Пужычы-2-ГЭС засталася дастакова вялікая колькасць крамянёвых артэфактаў, верагодна, рэшткі крэмнеапрацоўчых майстэрань [3]. Сярод выяўленых у 2011 г. знаходак маюцца крамянёвы адбойнік, серыя разнастайных крамянёвых нуклеусаў, скрабкоў, нажападобных пласцін, у тым ліку серпападобны нож, крамянёвая пашкоджаная ў лёзавай частцы сякера, разец (мал. 6: *1–11*). Папоўнілася, хоць і нязначна, калекцыя ляпной керамікі, у тым ліку адным фрагментам з выразнай штрыхоўкай паверхні (верагодна, жалезнага веку).

На жаль, помнік Пужычы-2-ГЭС цалкам пашкоджаны. Пасля запаўнення вадасховішча Гродзенскай ГЭС яго паверхня будзе практычна цалкам затоплена. Таму было прынята рашэнне аб выключэнні помніка Пужычы 2-ГЭС з «Дзяржаўнага спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь».

У 2011 г. была звернута ўвага і на тыя ўчасткі зоны будаўніцтва Гродзенскай ГЭС, якія раней, па розных прычынах, аказаліся не абследаванымі на прадмет выяўлення новых аб’ектаў археалогіі. Напрыклад, былі абследаваны ўзбярэжжы р. Котра каля в. Плавы і праведзены археалагічны нагляд за землянымі работамі. Адметна, што ў выніку даследаванняў новых помнікаў археалогіі тут не выяўлена, а значыць у дадзеным месцы будаўніцтва Гродзенскай ГЭС не нанесла шкоды гісторыка-культурным каштоўнасцям Рэспублікі Беларусь.

Літаратура

1. Археалагічнае абследаванне ўзбярэжжаў Нёмана ў зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС / В. С. Абухоўскі [і інш.] // Гіст.-археалаг. зб. – № 19. – Мінск, 2004. – С. 272–273.

2. Лакіза, В. Л. Раскопкі на помніках Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС Гродзенскага раёна, Навасёлкі 1-ГЭС Мастоўскага раёна. Раздзел 1–5 // Справаздача № 4 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС, Навасёлкі 1-ГЭС, Дарошавічы 2-ГЭС, Глядавічы 1-ГЭС, Коматава 5-ГЭС у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 годзе / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2787. – Мінск, 2011. – 281 с.

3. Лакіза, В. Л. Справаздача № 5 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі ў зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2011 годзе (частка 1) / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2860. – Мінск, 2012. – 225 с.

4. Лакіза, В. Л. Папярэднія вынікі даследавання шматкультурнага паселішча Навасёлкі 1-ГЭС (Мастоўскі раён, 2010 г.) / В. Л. Лакіза, М. А. Плавінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. – С. 74–85.

5. Плавінскі, М. А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на паселішчы Дарошавічы-2-ГЭС у 2010 г. // Справаздача № 4 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС, Навасёлкі 1-ГЭС, Дарошавічы 2-ГЭС, Глядавічы 1-ГЭС, Коматава 5-ГЭС у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 годзе / М. А. Плавінскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Мінск, 2011.

6. Харытановіч, З. А. Археалагічныя даследаванні на помніку Глядавічы-1-ГЭС у 2010 г. / З. А. Харытановіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. – С. 374–378.

Резюме

В. Л. Лакиза

Археологические исследования в зоне строительства Гродненской ГЭС на р. Нёман в 2010–2011 гг.

Введены в научный оборот предварительные результаты исследований археологических памятников в зоне строительства Гродненской ГЭС на р. Нёман в 2010–2011 гг. В 2010 г. автором проведены раскопки на Мигово-1-ГЭС (113 м^2), Селюки-1-ГЭС (224 м^2), Новоселки-1-ГЭС (305 м^2), Дорошевичи-1-ГЭС (140 м^2) и Дорошевичи-3-ГЭС (140 м^2). Также изучены Дорошевичи-2-ГЭС (80 м^2; Н. А. Плавинский), Гледовичи-1-ГЭС (104 м^2; З. А. Харитонович), Комотово-5-ГЭС (448 м^2; Ю. В. Юрковец). Общая площадь раскопок в 2010 г. составила 1554 м^2. В 2011 г. автором повторно обследованы все памятники. На них составлена учетная документация, научные паспорта, определены охранные зоны, проведена дополнительная шурфовка Комотово-2-ГЭС, сборы подъемного материала и наблюдения на Комотово-1-ГЭС, Комотово-5-ГЭС, Пужичи-2-ГЭС, Дорошевичи-2-ГЭС и Дорошевичи-3-ГЭС.

Summary

V. Lakiza

Archaeological research in Grodno Hydropower plant area on the river Neman in 2010–2011

The article introduces into scientific circulation the preliminary results of research on the archaeological monuments in the construction zone of Grodno HPP on the river Neman in 2010–2011. In 2010 the author conducted excavations on the following settlements: Migava-1-HPP (113 m^2), Selyuki-1-HPP (224 m^2), Navaselki-1-HPP (305 m^2), Daroshavichy-1-HPP (140 m^2) and Daroshavichy-3-HPP (140 m^2). Also we cannot but mention the investigations carried out on Daroshavichy-2-HPP (80 m^2; N. Plavinsky), Gledovichy-1-HPP (104 m^2; Z. Kharitanovich), Komatava-5-HPP (448 m^2; Y. Yurkavets). The total area of excavations in 2010 made 1554 m^2. In 2011 the author examined all the monuments again. We prepared accounting documentation, research passports of objects, determined reservation zones, performed additional pit sampling works on Komatava-2-HPP, gathering of surface material and observations on Komatava-1-HPP, Komatava-5-HPP, Puzhichy-2-HPP, Daroshavichy-2-HPP and Daroshavichy-3-HPP.

УДК 902/904(476-15)«2011»

***В. Л. Лакіза,** Інстытут гісторыі НАН Беларусі, загадчык аддзела археалогіі першабытнага грамадства, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)*

Папярэднія вынікі археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 2011 г.

Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі шасці заходніх раёнаў Беларусі (мал. 1) у 2011 г. праводзіліся аўтарам па наступных асноўных накірунках: 1) пошук і вывучэнне помнікаў археалогіі для пашырэння крыніцазнаўчай базы па неаліту і бронзаваму веку (разведкі, раскопкі); 2) правядзенне ахоўных археалагічных мерапрыемстваў у зонах новабудоўляў; 3) інвентарызацыя рознапачасовых, у тым ліку першабытных помнікаў, уключаных у «Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь» (далей – ДзСГКК).

Першы накірунак фундаментальных даследаванняў адпавядаў у цэлым навуковай дзейнасці аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі, якая ажыццяўляецца ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2011–2015 гг. «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі» («Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава») (кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), падпраграмы 1 «Гісторыя, духоўная і матэрыяльная культура беларускага народа» (кіраўнікі – доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя, кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. В. Даніловіч), задання 1.1.01 «Археалагічныя помнікі першабытнай і сярэднявечнай эпох на тэрыторыі Беларусі: этнагенэз, дзяржаўнасць, матэрыяльная і духоўная культура» (кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар В. М. Ляўко, намеснік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. Л. Лакіза), раздзела 1.2. «Помнікі неаліту і бронзавага веку» (кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. Л. Лакіза), падраздзела 1.2.1. «Помнікі каменнага і бронзавага вякоў Паўночна-Заходняй Беларусі: новыя даследаванні і матэрыялы» (выканаўца – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. Л. Лакіза).

Раскопкі. На тэрыторыі Белавежскай пушчы ў ліпені 2011 г. з удзелам студэнтаў БрДУ імя А. С. Пушкіна праведзены раскопкі на паселішчы Камянюкі-6-Студэнцкая гара (Камянецкі раён). Яно размешчана праз 400–500 м на паўночны захад ад заходняй ускраіны в. Камянюкі на краі правабярэжнай тэрасы р. Лясная Правая ва ўрочышчы Студэнцкая гара. Прыблізныя памеры помніка – каля 80–90 м на 110–120 м. Яго плошча засаджана лесам, паверхня месцамі пашкоджана невялікімі ямамі-кар'ерамі і супрацьпажарнымі траншэямі, раней выкарыстоўвалася для размяшчэння летняга лагера падчас праходжання студэнцкай практыкі. Пры земляных работах студэнты ў адной з ям знайшлі каменную свідраваную сякеру. Яшчэ адну сякеру падабраў на краі ўзвышша мясцовы жыхар Алег Жарко. Лакалізаваў паселішча і даследаваў у 2007–2008 гг. на плошчы 65 м^2 аўтар артыкула [1, с. 39–41].

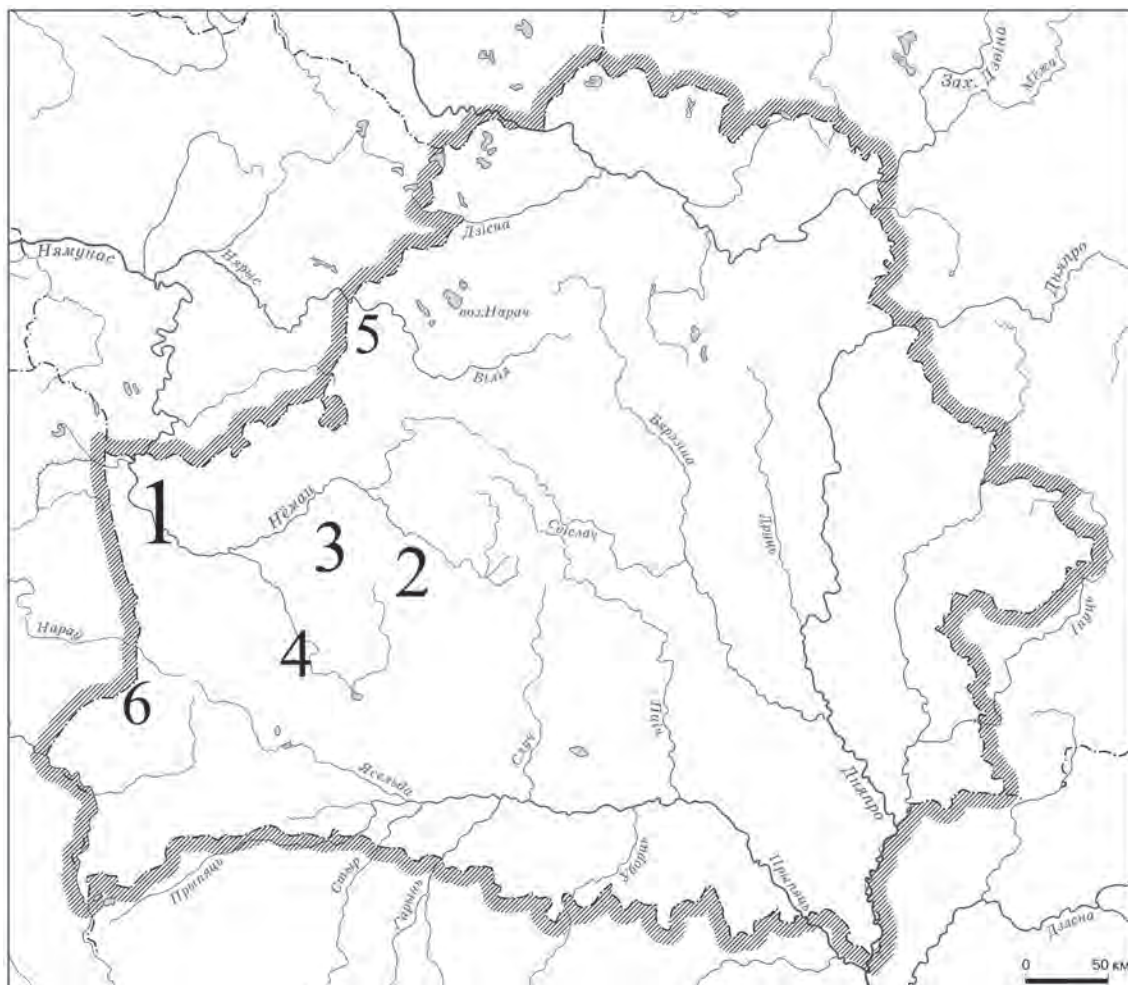
У 2011 г. быў даследаваны яшчэ 41 м^2 [5]. Асаблівасці стратыграфіі помніка былі адзначаны яшчэ ў мінулыя гады: культурны пласт у выніку прыродных уздзеянняў і гаспадарчай дзейнасці моцна пашкоджаны, развеяны, перамешаны. Верагодна, што толькі пасля засаджвання тэрасы лесам пачаў фарміравацца верхні шэры пласт з тонкім дзёрнам. Пад ім пачынаўся пласт з шэрага дробназярністага пяску таўшчынёй 0,22–0,25 м, які паступова пераходзіў у светла-шэры, жаўтавата-шэры пласт дробназярністага пяску са знаходкамі (разбіраўся на глыбіню да 0,69–0,73 м), затым мацярык, складзены з светла-жоўтага дробназярністага пяску.

У паўночнай частцы раскопу зафіксаваны *аб'ект № 1-1* – частка ямы, запоўненая цёмна-шэрым (шызаватым) гумусіраваным пяском з рэдкімі жаўтаватымі ўключэннямі дробназярністага пяску, святлейшая па перыметры і цямнейшая ў цэнтры (з-за вялікіх памераў даследаваны толькі часткова). У запаўненні выяўлены 124 артэфакты, сярод якіх крамянёвыя адшчэпы, пласціны, абломкі, 2 нуклеусы, 2 лушчні, 2 скрабкі (мал. 2: *2, 4–7*), 39 фрагментаў ляпной керамікі. Знойдзена таксама жалезнай шпора[1] з чатырохгранным пірамідападобным канцом і Z-падобным выгінам дужкі, якая адносіцца да тыпу III згодна класіфікацыі А. М. Кірпічнікава і датавана XII–XIII стст., што сведчыць аб познім паходжанні аб'екта [5, іл. 50].

Падчас раскопак выяўлены 505 рухомых артэфактаў (528 з іх – разам з пад'ёмным матэрыялам), якія стратыграфічна не падзяляліся, размяркоўваліся па плошчы раскопу амаль раўнамерна, былі сканцэнтраваны пераважна на глыбіні 0,2–0,4 м ад сучаснай дзённай паверхні.

У калекцыі налічваецца 171 фрагмент ляпнога посуду (мал. 2: *9–13*), пераважна дробных і пашкоджаных сценак з дамешкамі розназярністай жарствы. Сценкі злёгку заштрыхаваныя, загладжаныя, часам шурпатыя на вобмацак. Колер іх светла-карыч-

[1] Вызначэнне шпоры зроблена кандыдатам гістарычных навук А. В. Вайцяховічам, камеральная апрацоўка і кансервацыя – малодшым навуковым супрацоўнікам Я. В. Уласаўцом.

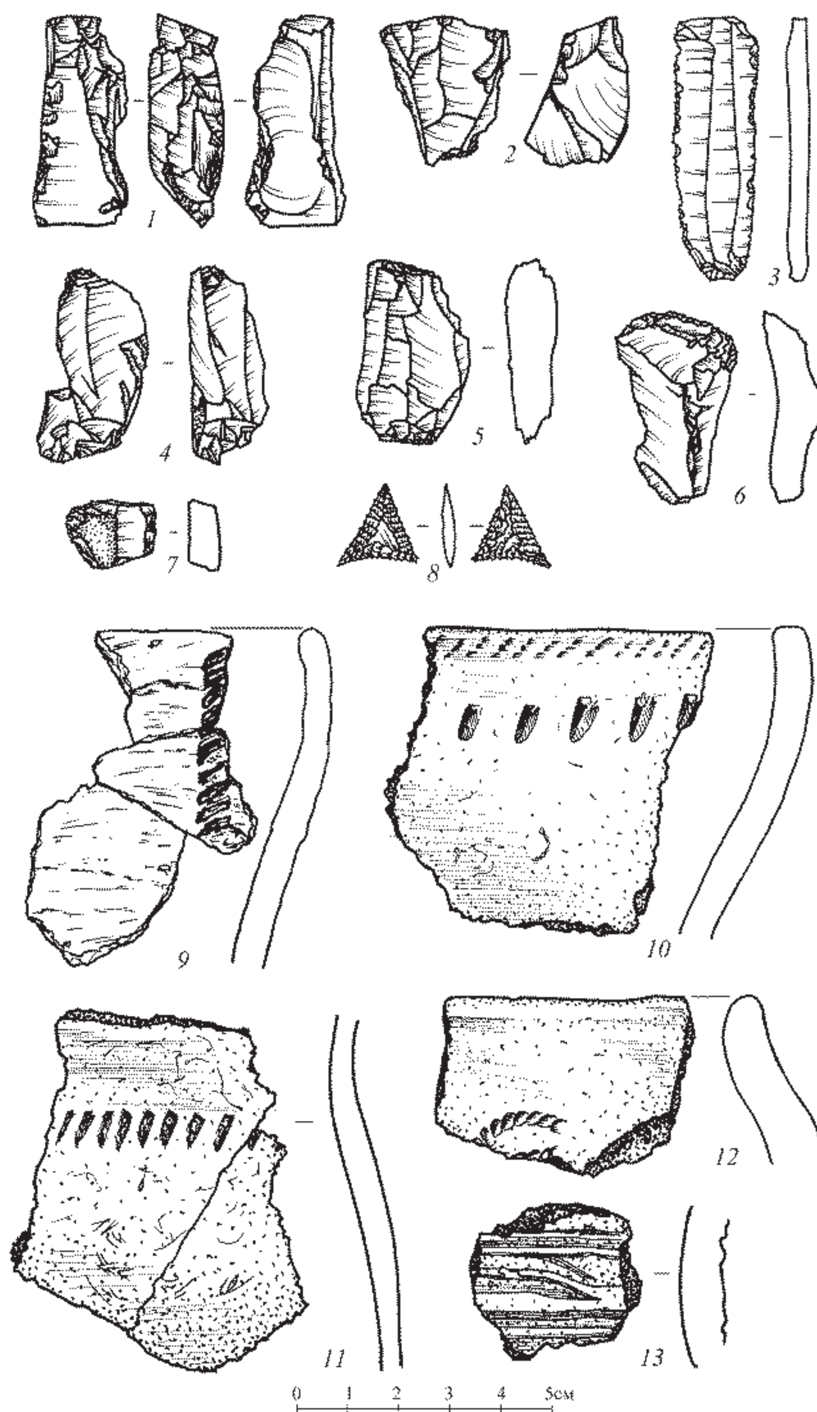


Мал. 1. Рэгіёны на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у якіх у 2011 г. праводзіліся археалагічныя даследаванні: *1* – Гродзенскі раён; *2* – Карэліцкі раён; *3* – Дзятлаўскі раён; *4* – Слонімскі раён; *5* – Астравецкі раён; *6* – Камянецкі раён

невы, шэра-карычневы. Дакладна ідэнтыфікаваць знаходкі з той ці іншай культурай і храналагічным перыядам вельмі складана.

Упершыню для дадзенага помніка выяўлены фрагмент сценкі з арганічнымі дамешкамі, які атаясамліваецца з прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культурай. Яго тэхналогія практычна не адрозніваецца ад тэхналогіі, якая характэрна для аналагічнай керамікі з асноўнага арэала культуры. Таксама, упершыню выяўлены керамічныя матэрыялы нёманскай неалітычнай культуры, якія знаходзяць аналогіі сярод старажытнасцей дабраборскага этапу культуры (мал: 2*: 9, 10*). Цэлая серыя фрагментаў керамікі, у тым ліку з арнаментам адбіткамі лінейнага (прамавугольнага) штампа, паходзіць ад некалькіх познанеалітычных пасудзін, якія маглі быць выраблены ў мясцовым неалітычным асяроддзі, але пад уплывам традыцый кола культуры шнуравой керамікі (мал. 2: *11*). Маецца кераміка са шнуравой арнаментацыяй (дугападобнымі адбіткамі) (мал. 2: *12*), прычым выяўлены венчык вылучаецца як сваёй марфалогіяй, так і тэхналогіяй (дамешкі буйнай жарствы, асаблівасці апрацоўкі паверхні), якія больш характэрны для керамікі «ляснога» неаліту. Заслугоўваюць увагі і фрагмент сценкі з арнаментам у выглядзе лукаткі з лінейных адбіткаў – ад посуду, верагодна, культуры шарападобных амфар [5, іл. 49: *3*], а таксама фрагмент сценкі з арнаментам у выглядзе «заштрыхаванага трохкутніка», аналогіі якому можна знайсці сярод старажытнасцей сярэднедняпроўскай культуры [5, іл. 49: *4*]. Упершыню выяўлены матэрыял тшцінецкага культурнага кола: фрагмент арнаментаванай пракрэсленымі лініямі сценкі (мал. 2: *13*) і фрагмент плоскага дна (?) з характэрнай для «тшцінца» тэхналогіяй. Новымі крыніцамі з'яўляюцца і фрагменты посуду з вялікай колькасцю буйнай жарствы ў злёгку падштрыхаваных сценках, якія адносяцца, верагодна, да ранняга перыяду жалезнага веку [5, іл. 48: *7, 8*].

Сярод 332 крамянёвых знаходак пераважная большасць – гэта прадукты першаснага расшчаплення: абломкі (73), адшчэпы (150), пласціны (25), у тым ліку некалькі правільных ножападобных, абпаленыя адшчэпы, пласціны і абломкі (41), канкрэцыі



Мал. 2. Археалагічныя знаходкі 2011 г. з помніка Камянюкі-6-Студэнцкая гара Камянецкага раёна: *1–8* – крамянёвыя вырабы; *9–13* – ляпная кераміка (фрагменты)

(3), лускавінкі (13). Заўважана колькасная перавага адшчэпаў над пласцінамі. Нуклеусаў і іх фрагментаў – 12 экз. (мал. 2: *1, 2*), якія ў асноўным аднапляцовачныя для адшчэпаў і пласцін, аморфныя, некаторыя моцна выкарыстаныя. Сярод крамянёвых знаходак вылучаецца серыя з 6 лушчняў, якія паказваюць некаторыя асаблівасці тэхнікі апрацоўкі сыравіны і вырабу прылад (мал. 2: *4, 5*), а таксама 2 адшчэпы, якія атрыманы ад крамянёвых прылад са шліфаванымі паверхнямі. Крамянёвых вырабаў з другаснай апрацоўкай выяўлена толькі 7 экз.: трохвугольны наканечнік стралы з увагнутай падставай, апрацаваны практычна па ўсім перыметры рэтушшу (мал. 2: *8*), 3 скрабкі (мал. 2: *6, 7*), 3 пласціны з участкамі рэтушавання (мал. 2: *3*).

Папярэдні аналіз наяўных матэрыялаў дае падставы сцвярджаць, што ўзвышша на р. Лясная Правая засялялася неаднаразова – у раннім неаліце

(прыпяцка-нёманская культура), у познім неаліце (нёманская культура і кола культуры шнуравой керамікі), раннім перыядзе бронзавага веку (тшцінецкае культурнае кола), раннім перыядзе жалезнага веку (верагодна, лужыцкая культура (?), а таксама культура, ідэнтыфікацыя якой пакуль застаецца дыскусійнай), сярэдневякоўі (наяўнасць аб'екта з жалезнай шпорай).

Разведкі. У 2011 г. былі праведзены разведкі ў асобных мікрарэгіёнах Беларускага Панямоння (мал. 1: *1, 2*) [4]. У сувязі з планамі будучага будаўніцтва яшчэ адной ГЭС на р. Нёман ніжэй Гродна (Нямноўская ГЭС) восенню абследаваны асобныя участкі 20 км адрэзка р. Нёман (лева- і правабярэжжа) ад в. Плебанскія, каля якой плануецца будаваць плаціну Нямноўскай ГЭС, амаль да самага г. Гродна (в. Пышкі і в. Ласосна), і, ад дачнага пасёлка, які размешчаны паміж в. Пальніца і в. Гожа да в. Астравок[1].

Практычна большая частка абследаванай тэрыторыі ў левабярэжжы Нёмана (з высокімі тэрасамі і даволі вузкай поймай) засаджана лесам, кустамі і хмызняком, моцна задзірванела. Вольных ад дрэў пляцовак, асабліва на ніжніх ўзроўнях разараных участкаў, практычна няма. Даволі цікавая сітуацыя для ніжніх левабярэжных тэрас каля в. Плебанскія. У месцы, запланаваным пад будаўніцтва плаціны, у лёгкім выгіне р. Нёман, выразна вылучаецца шырокая надпоймавая тэраса (90–100 м шырынёй і 900–1000 м даўжынёй). Яна моцна задзірванела. Магчыма, яна актыўна выкарыстоўвалася ў гаспадарчых мэтах, на яе плошчы маглі быць размешчаны хутары (засталіся ўчасткі са старымі садамі). Візуальна археалагічныя артэфакты не былі зафіксаваны (на 2012 г. была запланавана мэтанакіраваная шурфоўка бемясцовасці). Перспектыўнымі для выяўлення помнікаў археалогіі падаваліся мясціны каля в. Беражаны. Аднак папярэднія пошукі на ніжніх тэрасах не прынеслі вынікаў. Толькі на верхняй тэрасе на поўдзень ад вёскі пад ЛЭП і побач з ачышчальным калектарам знойдзена некалькі крамянёвых артэфактаў (мал. 3: *2*). Каля в. Баля Сольная размешчана некалькі помнікаў археалогіі (Баля Сольная-1, Баля Сольная-2), якія былі абследаваны (мал. 3: *3–6*). Устаноўлена, што часткова будзе падмывацца вадасховішчам будучай ГЭС толькі стаянка Баля Сольная-1.

Амаль падобная сітуацыя і з правабярэжжам р. Нёман, дзе таксама значная частка тэрыторыі (з высокімі тэрасамі і даволі вузкай поймай) засаджана лесам, парасла кустамі і хмызняком, моцна задзірванела. У месцы будаўніцтва плаціны тэраса вельмі высокая, надпоймавай тэрасы практычна не прасочваецца. Аднак вольных ад дрэў пляцовак, разараных участкаў трохі больш, асабліва каля в. Гожа (але тут практычна толькі высокія тэрасы з лакалізацыяй на іх помнікаў археалогіі Гожа-1 і Гожа-2 (мал. 3: *1*)), якія не будуць затапліваціа, а толькі больш інтэнсіўна размывацца. За Гожай, ад вусця р. Гажанка да в. Астравок (прыкладна каля 3,5 км) тэрасы цалкам засаджаны лесам, прычым на працягу каля 1,0–1,5 км маецца толькі верхняя тэраса з высокімі стромкімі схіламі, край якой спрэч перакапаны вайсковымі траншэямі і бліндажамі. Прыкладна праз 0,7–0,9 км на паўночны ўсход ад ніжняй ускраіны в. Астравок на надпоймавай тэрасе, засаджанай лесам і даволі моцна задзірванелай, быў закладзены разведачны шурф. Выразнага культурнага пласта ў ім не заўважана, аднак у ніжнім гарызонце знойдзены 3 крамянёвыя артэфакты: лускавінка і 2 адшчэпы. Дадзенае месца можа разглядацца як перспектыўнае для далейшых і больш грунтоўных пошукаў. Папярэдне для яго прынята назва Астравок-1.

Восенню 2011 г. праводзіліся разведкі і на тэрыторыі Карэліцкага раёна [4] (мал. 1: *2*). Іх вынікі ўжо знайшлі адлюстраванне ў асобным артыкуле аўтара [6, с. 39–41], у тым ліку папярэдняе ўвядзенне ў навуковы зварот новага археалагічнага помніка – стаянкі і селішча Турэц-1.

Ахоўныя археалагічныя даследаванні. У 2011 г. аўтарам былі праведзены мэтанакіраваныя ахоўныя даследаванні ў зонах новабудоўляў: на тэрыторыі будаўніцтва газаправода ад г. п. Астравец да Беларускай АЭС[2] (мал. 1: *5*), будаўніцтва невялікага ўчастка новай аўтадарогі каля вёсак Рацічы, Гінавічы і Польныя Багатыры Гродзенскага раёна[3] (мал. 1: *1*) [2], будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман[4] [3].

Інвентарызацыя помнікаў археалогіі. Значная палявая праца была накіравана на інвентарызацыю ўжо вядомых помнікаў археалогіі на тэрыторыі Гродзенскага (мал. 1: *1*), Карэліцкага (мал. 1: *2*) [4], Слонімскага[5] (мал. 1: *4*), Дзятлаўскага (мал. 1: *3*)

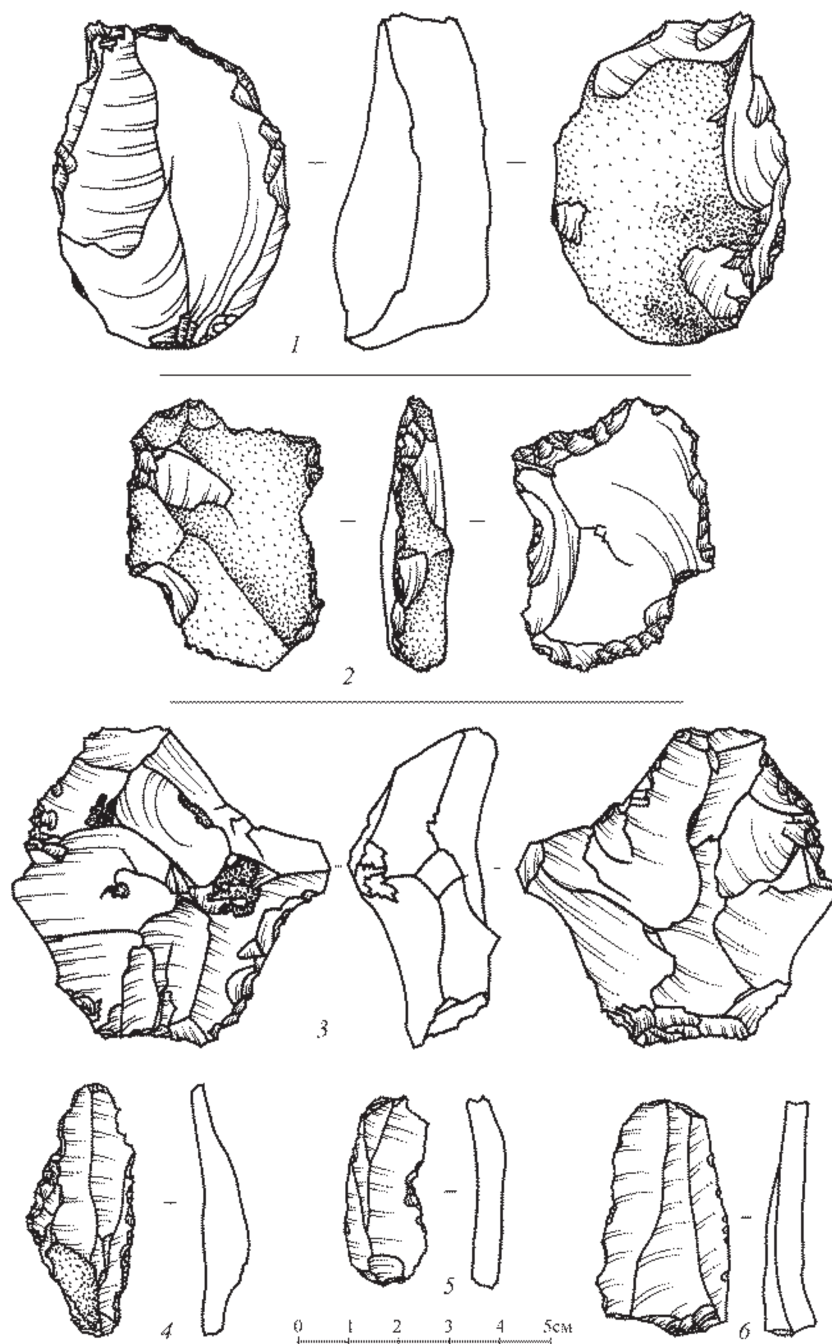
[1] Работы праводзілі без дадатковага фінансавання ў адпаведнасці з індывідуальнай планавай тэматыкай і ў сувязі з неазначальнасцю канчатковага тэрміну пачатку будаўніцтва, яго лёсу ў цэлым, адсутнасцю ў заказчыка вылучаных на перадпраектны этап фінансавых сродкаў, адсутнасцю ў першым варыянце «ОВОС» асобнага каштарыса на археалагічныя даследаванні. Выказваю шчырую ўдзячнасць Макс. М. і Міх. М. Чарняўскім, В. Г. Беляўцу, С. Б. Ліневічу за згоду на ўдзел у дадзенай экспедыцыі.

[2] Падчас абследавання 2011 г. выяўлены некалькі розначасовых помнікаў каля вёсак Газа, Загазь, Малі Астравецкага раёна, у тым ліку ўпершыню для дадзенага мікрарэгіёна стаянка Малі-1. Даследаванні працягнуты на 2012 г. Іх вынікі будуць прадстаўлены ў асобным артыкуле.

[3] Новых помнікаў археалогіі ў зоне новабудоўлі не выяўлена.

[4] Вынікам даследаванняў у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС у 2011 г. прысвечаны асобны артыкул аўтара ў дадзеным зборніку.

[5] Даследаванні працягнуты на 2012 г. Іх вынікі будуць прадстаўлены ў асобным артыкуле.



Мал. 3. Крамянёвыя вырабы 2011 г. з помнікаў Гожа-1 (*1*), Беражаны (*2*), Баля Сольная-2 (*3–6*) Гродзенскага раёна

раёнаў Гродзенскай вобласці (беларускае Панямонне). Абследаваўся сучасны стан іх захаванасці, удакладнялася лакалізацыя, вызначаліся ахоўныя зоны з нанясеннем на карты землекарыстання і спадарожнікаваныя здымкі. На кожны абследаваны помнік археалогіі, узяты на ўлік як гісторыка-культурная каштоўнасць, падрыхтавана ўліковая і навуковая дакументацыя, распрацаваны праекты зон аховы. Шэраг зніклых, разбураных помнікаў археалогіі прапанавана выключыць з ДзСГКК, а некаторыя новыя – ўключыць.

Так, на тэрыторыі Гродзенскага раёна ў 2011 г. было абследавана 46 гісторыка-культурных каштоўнасцей з уласнымі шыфрамі (гл. табліцу).

Пры гэтым агульная колькасць асобных першабытных помнікаў (стаянкі каменнага і бронзавага вякоў, селішчы, гарадзішчы ранняга жалезнага веку) склала 54 адзінкі. Праведзена іх падрабязная фотафіксацыя (мал. 4, 5), збор пад'ёмнага матэрыялу, як на стаянцы Кавальцы-1 (мал. 6: *1–5*), шурфоўка, вызначаны іх памеры, межы, ахоўныя зоны [3, 4]. Для асобных помнікаў падрыхтаваны

рэкамендацыі па практычным выкарыстанні, як па стаянцы Нямнова-1 на беразе Аўгустоўскага канала (мал. 5). Адзначым, што на гэтым помніку Гродзенскім райвыканкамам ўстаноўлены каляровы стэнд, на якім у сканцэнтраваным выглядзе адлюстравана інфармацыя аб гісторыі археалагічнага вывучэння помнікаў Аўгустоўскага канала, раскопках стаянкі Нямнова-1, аб выяўленых на ёй артэфактах.

Археалагічныя помнікі Гродзенскага раёна

Шыфр	Гісторыка-культурная каштоўнасць	Датаванне каштоўнасці	Катэгорыя каштоўнасці
413В000150	Стаянка і селішча Азёры-1	Перыяд неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	3
	Стаянка Азёры-2	Перыяд неаліту і бронзавага веку	3
	Стаянка і селішча Азёры-3	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	3
413В000153	Стаянка Баля Сольная-1	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
	Стаянка Баля Сольная-2	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
413В000154	Стаянка Берагавы-1	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў, X–II тысячагоддзі да н. э.	3
413В000155	Стаянка і селішча Берагавы-1-ГЭС	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, сярэдневякоўя	3
413В000161	Стаянка і селішча Гожа-1	Перыяд фінальнага палеаліту, сярэдневякоўя	3
	Стаянка Гожа-2	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту і неаліту	3
413В000162	Стаянка і селішча Дарошавічы-1-ГЭС	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў, сярэдневякоўя	–
413В000163	Селішча Дарошавічы-2-ГЭС	Перыяд сярэдневякоўя і новага часу	–
413В000164	Стаянка і селішча Дарошавічы-3-ГЭС	Перыяд каменнага і бронзавага веку, сярэдневякоўя і новага часу	–
413В000169	Стаянка Жылічы-1-ГЭС	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, бронзавага веку	3
413В000170	Стаянка і селішча Жылічы-2-ГЭС	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, сярэдневякоўя	3
413В000171	Стаянка Жылічы-3-ГЭС	Перыяд каменнага веку	3
413В000173	Стаянка Жылічы-5-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту і бронзавага веку	3
413В000175	Стаянкі «востраў Запур’еўскі»	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
413Д000180	Стаянка і крэмнеапрацоўчая майстэрня Кавальцы-1	Перыяд фінальнага палеаліту	3
	Стаянка Кавальцы-2	Перыяд фінальнага палеаліту	3
	Стаянка Кавальцы-4	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, бронзавага веку	3
413В000220	Стаянка і селішча Кавальцы-1-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага і жалезнага вякоў	3
413В000221	Стаянка і селішча Кавальцы-2-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	3
413В000222	Стаянка і селішча Кавальцы-3-Турыст-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага і жалезнага вякоў, сярэдневякоўя і новага часу	3
413В000223	Селішча Кавальцы-4-ГЭС	Перыяд сярэдневякоўя і новага часу	3
413В000184	Стаянка Кашэўнікі-1	Перыяд каменнага і бронзавага веку	3
413В000187	Стаянка і селішча Коматава-2-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	3
413В000189	Стаянка і селішча Коматава-4-ГЭС	Перыяд неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	3
413В000190	Стаянка, селішча, могільнік Коматава-5-ГЭС	Перыяд неаліту, жалезнага веку, сярэдневякоўя і новага часу	3
413В000191	Стаянка і селішча Коматава-6-ГЭС	Перыяд мезаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя і новага часу	3
413В000194	Стаянкі «востраў Ліхацкі»	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
413В000198	Стаянка Нямнова-1-Мост	Перыяд мезаліту	3
413Г000199	Стаянка і селішча Пагараны-1	Перыяд фінальнага палеаліту, неаліту, сярэдневякоўя	3
413В000214	Стаянка і селішча Селюкі-1-ГЭС	Перыяд каменнага веку, сярэдневякоўя і новага часу	3

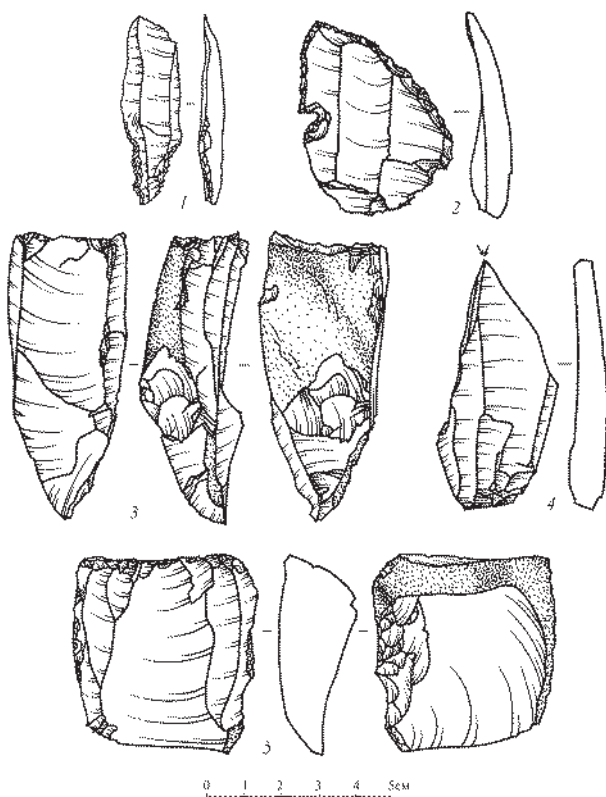
Окончание таблицы

Шыфр	Гісторыка-культурная каштоўнасць	Датаванне каштоўнасці	Катэгорыя каштоўнасці
413В000215	Стаянка і селішча Сіўкава-1	Перыяд фінальнага палеаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя	–
	Стаянка і селішча Сіўкава-2	Перыяд каменнага веку, сярэдневякоўя	3
413В000224	Стаянка і селішча Славічы-1	Перыяд каменнага, бронзавага і жалезнага вякоў, сярэдневякоўя	3
413В000225	Стаянка і селішча Славічы-1-ГЭС	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, сярэдневякоўя	3
413В000226	Стаянка і селішча Славічы-2-ГЭС	Перыяд фінальнага палеаліту, мезаліту, неаліту, сярэдневякоўя	3
413В000228	Стаянка Старая Руда-1	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
	Стаянка Старая Руда-2	Перыяд каменнага і бронзавага вякоў	3
413В000230	Стаянка і селішча Шчачынова-1	Перыяд фінальнага палеаліту, неаліту, бронзавага веку, сярэдневякоўя і новага часу	3

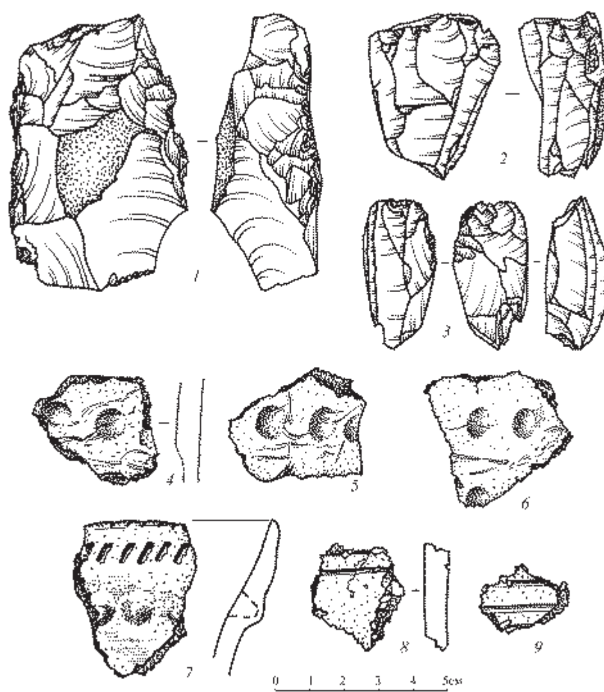
Пасля палявых абследаванняў, грунтоўнага аналізу архіўных крыніц і новых атрыманых матэрыялаў з'явіліся падставы для больш дакладнай культурна-храналагічнай ідэнтыфікацыі практычна ўсіх гісторыка-культурных каштоўнасцей раёна. У іх назвы, храналогію, апісанне лакалізацыі ўнесены ўдакладненні і змены, інфармацыя аб чым была падрыхтавана для Міністэрства культуры ў спецыяльным «Акце». Акрамя таго было прапанавана васьмі розным помнікам археалогіі каля вёсак Азёры, Баля Сольная, Гожа, Славічы (Кавальцы), Сіўкава, Старая Руда, якія раней у ДзСГКК з'яўляліся складанай часткай адной гісторыка-культурнай каштоўнасці з адным шыфрам (напрыклад, Азёры-1, Азёры-2, Азёры-3), надаць самастойны характар і свае ўласныя шыфры рэгістрацыі (гл. табліцу). Устаноўлены і факты разбурэння з наступным затапленнем вадасховішчам Гродзенскай ГЭС на р. Нёман 12 гісторыка-культурных каштоўнасцей (на іх на працягу 2008–2010 гг. праводзіліся раскопкі) [3]. Адзін пом-

Мал. 4. Выгляд археалагічнага помніка Кавальцы-1 Гродзенскага раёна. Чэрвень 2011 г.

Мал. 5. Выгляд археалагічнага помніка Нямнова-1 Гродзенскага раёна. Чэрвень 2011 г.



Мал. 6. Крамянёвыя вырабы 2011 г. з помніка Кавальцы-1 (*1–5*) Гродзенскага раёна



Мал. 7. Археалагічныя знаходкі 2011 г. з помніка Нясілавічы-12 Дзятлаўскага раёна: *1–3* – крамянёвыя вырабы; *4–9* – ляпная кераміка (фрагменты)

нік «гарадзішча» каля в. Жылічы не лакалізаваны на мясцовасці. У сувязі з гэтым у ДзСГКК унесены змены і 13 помнікаў археалогіі Гродзенскага раёна выключаны з яго складу.

У 2011 г. на тэрыторыі Карэліцкага раёна было абследавана 6 гісторыка-культурных каштоўнасцей, уключаных у ДзСГКК пад уласнымі шыфрамі (усяго 8 асобных помнікаў археалогіі) [4]. Устаноўлены факт разбурэння адной гісторыка-культурнай каштоўнасці каля в. Альшаны – каменнага могільніка (ён на дадзены момант ужо выключаны з ДзСГКК). У сувязі з існаваннем на тэрыторыі Карэліцкага раёна каля в. Варонча помніка археалогіі, вядомага яшчэ з мінулага стагоддзя, здавальняючым станам яго захавання, правядзеннем на ім археалагічных раскопак, гарадзішча жалезнага веку Варонча ўключана ў ДзСГКК. Для помнікаў археалогіі Карэліцкага раёна распрацаваны і ўжо зацверджаны праект зон аховы.

У Дзятлаўскім раёне ў 2011 г. неабходна было завяршыць інвентарызацыю, якая пачалася ў 2010 г., адшукаць на мясцовасці і дакладна прывязаць да картаў землекарыстання некаторыя розначасовыя помнікі, удакладніць іх лакалізацыю, межы, распрацаваць праект зон аховы. Сярод такіх помнікаў былі могільнікі каля вёсак Зарой, Карыца, курганы і гарадзішча каля в. Агароднікі, а таксама археалагічны комплекс каля в. Нясілавічы. На адным з паселішчаў Нясілавічы-12, якое размешчана праз 0,9–1,1 км на паўднёвы захад ад вёскі і асфальтавай шашы Дзятлава–Ліда на паўднёвым краі моцна развеянай дзюны на левым беразе р. Нёман сабрана новая калекцыя артэфактаў, сярод якіх маюцца нуклеусы, нарыхтоўка рубячай прылады (мал. 7: *1–3*), фрагмент ранненеалітычнага посуду з арганікай і элементамі арнаментацыі прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры (мал. 7: *4–6*), фрагмент керамікі лысагорскага тыпу нёманскай неалітычнай культуры (мал. 7: *7*) і фрагмент посуду тшцінецкага культурнага кола, у тым ліку арнаментаваныя пракрэсленымі лініямі (мал. 7: *8, 9*). Для абследаваных помнікаў таксама падрыхтаваны неабходная ўліковая і навуковая дакументацыя, прапановы па ўнясенні змен у назвы, лакалізацыю, культурна-храналагічную ідэнтыфікацыю. Не лакалізаваны на мясцовасці і выключаны з ДзСГКК 4 гісторыка-культурныя каштоўнасці – курганы і курганныя могільнікі каля вёсак Войневічы, Колкі, Жыхі і Стараельня.

Мал. 8. Пашкоджаны ахоўны знак на археалагічным помніку Ярэмічы-3 Карэліцкага раёна. Май 2011 г.

Мал. 9. Разрабаванае «чорнымі капальнікамі» пахаванне на каменным могільніку ў в. Зарой Дзятлаўскага раёна. Кастрычнік 2011 г.

На жаль, падчас інвентарызацыі гісторыка-культурных каштоўнасцей мы сутыкнуліся з шматлікімі фактамі пашкоджанняў помнікаў археалогіі «чорнымі капальнікамі». Вынікі рабавання нацыянальнай спадчыны, у тым ліку акты вандалізму ў адносінах да грунтовых, каменных і курганных могільнікаў, зафіксаваны ў кожным раёне. Знішчаюць і ахоўныя знакі, усталяваныя на помніках археалогіі мясцовымі ўладамі ў адпаведнасці з заканадаўствам (мал. 8). Не пазбеглі разбурэння нават могільнікі, якія размешчаны ў населеных пунктах (Коматава, Рудаўка, Зарой і інш.) (мал. 9). Таму сёння неабходна канстатаваць, што ў пачатку XXI ст. Рэспубліка Беларусь, як і суседнія краіны Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, сутыкнулася з вельмі вострай і балючай праблемай – праблемай «чорных капальнікаў» і шырокага несанкцыянаванага (некантралюемага) выкарыстання металадэтэктараў. Гэта таксама асобная і вельмі складаная праблема, станоўчае вырашэнне якой залежыць ад цеснага супрацоўніцтва і ўзаемадзеяння вучоных, органаў дзяржаўнага кіравання і грамадства.

Літаратура

1. Белавежская пушча : вытокі запаведнасці, гісторыя і сучаснасць / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; В. Г. Белявец [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя (старш.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 455 с.

2. Лакіза, В. Л. Справаздача аб правядзенні археалагічных даследаванняў у зоне будаўніцтва аб'екта «Аўтадарога Н-6049 Рацічы–Гінавічы–Польныя Багатыры, км 0,000 – км 9,205», Гродзенскі раён, IV катэгорыя» / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2857. – Мінск, 2011. – 68 с.

3. Лакіза, В. Л. Справаздача № 5 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі ў зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2011 годзе (частка 1) / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2860. – Мінск, 2012. – 225 с.

4. Лакіза, В. Л. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 2011 годзе / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2856. – Мінск, 2012. – 138 с.

5. Лакіза, В. Л. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на паселішчы Камянюкі 6-Студэнцкая гара (Камянецкі раён Брэсцкай вобласці) у 2011 годзе / В. Л. Лакіза // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Мінск, 2012. – 51 с.

6. Лакіза, В. Л. Новыя археалагічныя помнікі і матэрыялы Карэліцкага раёна / В. Л. Лакіза // Карэліччына : людзі, падзеі, час : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад.: А. А. Скеп'ян [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 33–43.

Резюме

В. Л. Лакиза

Предварительные итоги археологических исследований на территории Западной Беларуси в 2011 г.

Введены в научный оборот предварительные результаты исследований 2011 г. разновременных археологических памятников в четырех районах Западной Беларуси. В Гродненском, Кореличском, Дятловском районах была проведена инвентаризация памятников археологии, включенных в «Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь», обследованы их современное состояние, составлены учетные карточки и научные паспорта, подготовлены документы для проекта зон охраны, рекомендации по их дальнейшему сохранению и использованию. Зафиксированы значительные нарушения законодательства в области учета и охраны археологического наследия. Проведены сборы новых артефактов, шурфовка, обнаружены новые первобытные поселения. В Каменецком районе продолжены раскопки на поселении Каменюки-6-Студенческая гора. Исследовано 41 м^2. Выявлены новые артефакты неманской культуры, круга культуры шнуровой керамики, тштинецкого культурного круга, а также эпохи средневековья.

Summary

V. Lakiza

Preliminary results of archaeological research in the territory of Western Belarus in 2011

The article puts into scholarly circulation the preliminary results of research 2011 on archaeological monuments dated to different times and located in 4 districts of Western Belarus. In Grodna, Karelichy, Dyatlava districts we conducted the inventory of archaeological monuments included in «The State List of historical and cultural heritage of the Republic of Belarus», examined their current condition, made registration cards and scientific passports, prepared documents for a reservation zones project along with recommendation on their further preservation and usage. Considerable law violations regarding recordkeeping and archaeological heritage protection were fixed. We gathered new artefacts, conducted pit sampling, discovered new primitive settlements. In Kamenetz district we continued excavations on the settlement Kamenyuki-6-Student's mountain. The investigated area amounted to 41 sq. m. There were uncovered new artefacts of Neman Culture, Corded Ware Cultures Circle, Trzciniec Cultural Circle and also those dating to the Middle Ages.

УДК 902/904(476/7)

А. Ю. Ткачоў, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства (г. Мінск)*

Археалагічныя даследаванні на поўдні Белавежскай пушчы ў 2011 г.

Вясной–летам 2011 г. праводзіліся археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. Асноўная ўвага была скіравана на вывучэнне помнікаў з матэрыяламі неаліту і бронзавага веку ў басейне р. Лясная Правая паміж вёскамі Селішча Малое і Камянюкі Камянецкага раёна.

Шышова-2 – паселішча з матэрыяламі каменнага, бронзавага і жалезнага вякоў. Размешчана ў 1,5 км на ўсход ад вёскі ва ўрочышчы Іванькаўшчына, на ўзвышшы на правым беразе р. Лясная, непадалёку ад месца зліцця р. Правай Лясной і р. Левай Лясной. Помнік выявілі ў 1991 г. В. С. Вяргей, М. М. Крывальцэвіч, В. Я. Кудрашоў [1], ён быў абследаваны В. С. Вяргей ў 1993 г. [2], В. М. Сідаровічам у 2002 г. [6], А. Г. Калечыц у 2007 г. [3].

Падчас павярховых збораў на помніку знойдзены: пласціна рабрыстая (1), праксімальные часткі пласцін (2), адшчэп (1), скол пласціністы (1).

Шышова-3 – паселішча з матэрыяламі каменнага (мезаліт – яніславіцкая культура; неаліт – нёманская культура), бронзавага (кола культур шнуравой керамікі, тшцінецкага культурнага кола), жалезнага вякоў і ранняга сярэдневякоўя. Размешчана праз 0,3 км на поўдзень ад пункта Шышова-2. Займае паўднёва-ўсходні канец выцягнутага з паўночнага захаду на паўднёвы ўсход пясчанага ўзвышша на поплаве правага берага р. Лясная. Большая частка ўзвышша моцна пашкоджана ветравой эрозіяй. Помнік выявілі ў 1991 г. В. С. Вяргей, М. М. Крывальцэвіч, В. Я. Кудрашоў [1], паўторна ён быў абследаваны В. С. Вяргей у 1993 г. [2], В. М. Сідаровічам у 2002 г. [6] і А. Г. Калечыц у 2007 г. [3].

Падчас павярховых збораў на помніку знойдзены: адшчэпы (6), адшчэп з мікрарэтушшу (1), пласціны і іх фрагменты (6), ляпная кераміка (4).

Селішча Малое-3 – паселішча каменнага, бронзавага і жалезнага вякоў. Размешчана праз 450–500 м амаль на поўнач ад паўночна-заходняй ускраіны в. Селішча Малое і праз 140–160 м на паўночны захад ад паселішча Селішча Малое-2 на краі правабярэжнай тэрасы р. Лясная Правая. Помнік выявіў і даследаваў на плошчы 15 м^2 у 2007 г. В. Л. Лакіза [5]. У 2010 г. вывучэнне помніка працягнуў аўтар [8].

У сувязі з тым, што доўгі час плошчу помніка выкарыстоўвалі мясцовыя жыхары пад гаспадарчыя патрэбы, паўднёвая і ўсходняя часткі помніка моцна пашкоджаны ямамі рознага прызначэння. Цэнтральная і паўночная часткі помніка выглядаюць менш пашкоджанымі. Гэта дало падставу меркаваць, што там мог захавацца некрануты культурны пласт. Таму ў 2011 г. было вырашана праверыць гэтую гіпотэзу і закласці шурф у цэнтральнай частцы стаянкі.

Шурф памерам 3 × 3 м быў размешчаны на паўночны захад ад раскопу № 2 2010 г. Верхнія напластаванні шэрага колеру дасягнулі магутнасці да 0,2 м. Адразу пад ім быў прасочаны прапластак цёмнашэрага колеру, які ў паўднёвай частцы шурфа нават выходзіў на паверхню. Усё гэта падсцілалася жоўтым пяском. У шурфе былі выяўлены два аб'екты.

Аб'ект № 14. Памеры выяўленай часткі – 200 × 285 см. Запаўненне стракатае. Падчас разборкі былі знойдзены: нуклеус аднапляцовачны ад пласцін – 1, адшчэпы – 24, пласціны і іх фрагменты – 15, сколы – 3, абломкі крамянёвыя са слядамі апрацоўкі – 2, лускі – 16, фрагменты ляпной керамікі – 10, фрагменты ганчарнай керамікі – 6. Усяго 77 артэфактаў.

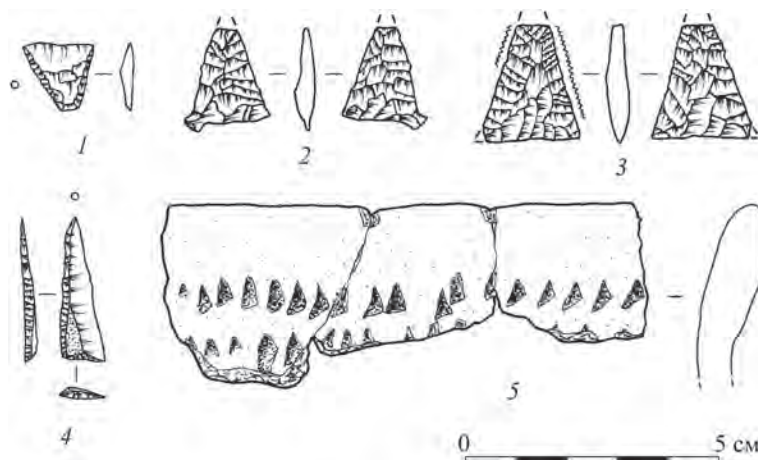
Аб'ект № 15. Падпрамакутная ў плане яма з запаўненнем брудна-жоўтага колеру. Памер перад разборкай – 65 × 150 см, глыбіня з моманту разборкі – 2 см. Знаходак не выяўлена.

Усяго ў шурфе 2011 г. была выяўлена 651 знаходка. З іх 595 апрацаваных крэменяў, у тым ліку 10 нуклеусаў, 9 прылад працы і зброі, 51 фрагмент ляпной керамікі (7 з іх арнаментаваны) (мал. 1: *5*), 4 фрагменты ганчарнай керамікі, фрагмент косткі і інш.

Нуклеусы ў асноўным аднапляцовачныя (8 экз.). Адзін шматпляцовачны са зменай арыентацыі скалвання і адзін двухпляцовачны. Прылады працы і зброя: 2 трохкутныя наканечнікі стрэл (мал. 1: *2, 3*) – рэтуш струменьчатая, двухбаковая. У абодвух наканечнікаў адламаны вастрыі; 2 скрабкі – адзін на адшчэпе (скрабніца аформлена паўстромкай рэтушшу), другі на скарыністым адшчэпе; 1 разец рэтушны адзінарны на рабрыстай пласціне; 2 праколкі – адна на сколе з захлыстам, другая на пласціне; 1 трохкутнік (мал. 1: *4*); 1 трапецыя (мал. 1: *1*).

Знаходкі 2011 г. падцвярджаюць даныя аб храналогіі помніка, якія былі атрыманы ў мінулыя гады даследаванняў. Першае насельніцтва з'явілася тут у эпоху мезаліту і адносіцца да яніславіцкай культуры. У неаліце на помніку пражывала насельніцтва нёманскай культуры, аб чым сведчаць знаходкі тыповай для гэтай культуры керамікі. Акрамя таго, на стаянцы прысутнічаюць матэрыялы, якія можна звязваць з насельніцтвам кола культур шнуравой керамікі. Верагодна, жыццё на помніку працягвалася і ў эпоху жалеза.

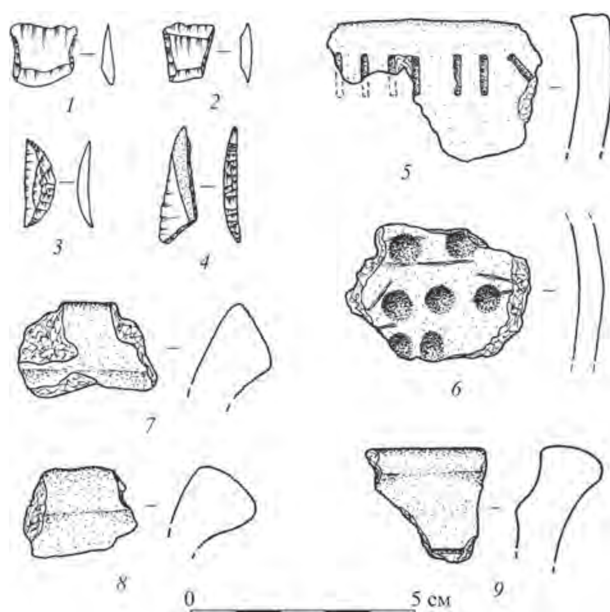
Селішча Вялікае-3. Стаянка з матэрыяламі эпохі неаліту і бронзавага веку размешчана праз 600–650 м практычна на поўнач ад усходняй ускраіны в. Се-



Мал. 1. Крамянёвыя вырабы (*1–4*) і ляпная кераміка (*5*) з помніка Селішча Малое-3

лішча Вялікае адразу ж за меліярацыйнымі каналамі праз 200 м на захад ад помніка Селішча Вялікае-2, на вялікім пясчаным узвышшы ў левабярэжным поплаве р. Лясная Правая. Помнік выявіў і візуальна абследаваў у 2007 г. В. Л. Лакіза [5].

Для высвятлення магутнасці культурнага пласта на помніку ў 2011 г. былі закладзены тры шурфы агульнай плошчай 10 м^2. Усяго на помніку было выяўлена 72 артэфакты, з іх 37 крамянёвых вырабаў, 32 вырабы з гліны, 3 фрагменты кальцыніраваных костак. Вырабы з крэменю не маюць другаснай апрацоўкі і адносяцца да прадуктаў першаснага расчаплення (адшчэпы – 17, фрагменты пласціны – 3) ці дэбітажу (абломкі крамянёвыя – 3, фрагмент сколу – 1, лускі – 13).



Мал. 2. Крамянёвыя вырабы (*1–4*) і ляпная кераміка (*5–9*) з помнікаў Плянта-2 (*1*), Камянюкі-9 (*2–8*), Селішча Вялікае-3 (*9*)

Большасць знаходак з помніка могуць быць датаваны ў вельмі шырокіх храналагічных межах, таму вялікую цікавасць выклікаюць знаходкі венчыка, які адносіцца да старажытнасцей тшцінецкага культурнага кола (мал. 2: *9*) і фрагмент сценкі чорнаглянцаватай пасудзіны, які можна звязваць з насельніцтвам жалезнага веку.

Плянта-2 – стаянка каменнага веку, размешчаная на левым беразе р. Лясная Правая праз 0,2 км на захад ад былой в. Плянта. Займае невысокую дзюну памерам 50 × 250 м, што выцягнута з поўначы на поўдзень уздоўж выпрастанай рачулкі, якая злучае возера з р. Лясная Правая. Помнік выяўлены ў 2010 г. аўтарам [7].

У 2011 г. было вырашана працягнуць даследаванні на помніку, каб вызначыць, ці перспектыўна праводзіць на ім стацыянарныя археалагічныя раскопкі, і даведацца межы стаянкі ў паўднёвым і ўсходнім накірунках. Усяго на помніку былі закладзены тры шурфы агульнай плошчай 24 м^2. Культурны пласт на помніку мае наступную стратыграфію: дзёран (да 0,08 м); сучасная глеба (0,16–0,22 м), якая падсцілаецца стракатым пластом з плямамі шэрага, белага, рудаватага колераў.

На помніку была знойдзена 71 знаходка. У асноўным гэта крамянёвыя вырабы – прадукты першаснага расчаплення (адшчэпы і іх фрагменты – 14, пласціны і іх фрагменты – 6, сколы нявызначаныя – 2), тэхнічныя сколы (скол падпраўкі пляцоўкі нуклеуса – 1), дэбітаж (луска – 14, абломкі са слядамі апрацоўкі – 2). У калекцыі маюцца: трапецыя – 1 (мал. 2: *1*), фрагмент скрабка – 1. Акрамя таго, скрабок і рэтушаваны адшчэп былі знойдзены падчас павярховых збораў.

Вырабаў з гліны знойдзена 17. У асноўным гэта ганчарная кераміка (14 фр.). Частка з іх (4 фр.) з палівай зялёнага колеру ці рознакаляровай. Ляпная кераміка прадстаўлена толькі адным фрагментам. Па аднаму экзэмпляру знойдзены таксама дробны

фрагмент моцна пашкоджанай керамікі і глінянай абмазкі. Вырабы з металу прадстаўлены фрагментам нажа і двума цвікамі. Знойдзен адзін фрагмент косткі.

Папярэдне помнік можна датаваць мезалітам.

Камянюкі-9 – стаянка каменнага і бронзавага вякоў. Размешчана на паўднёва-ўсходняй ускраіне в. Камянюкі, праз 200 м на ўсход ад цаглянага будынка фермы на пясчаным узвышшы пасярод правабярэжнага поплава р. Лясная Правая. Плошча помніка часткова задзірванела, парасла кустамі ядлоўцу. Помнік выявіў у 2007 г. В. Л. Лакіза [5] і даследаваў у 2008 г. метадам шурфоўкі 5 м^2 [4].

На развеянай паверхні былі знойдзены і ўключаны ў калекцыю 10 артэфактаў: нуклеус двухпляцовачны ад пласцін з сустрэчным сколваннем, нуклеус аднапляцовачны ад пласцін, 3 пласціны, 3 пласціны і фрагменты з участкамі рэтушы, 2 сценкі ляпной керамікі.

У 2011 г. на помніку было даследавана 14 м^2. Была прасочана наступная стратыграфія: дзёран (0,08 м), сучасная глеба (ад 0,1 да 0,22 м), жоўты пясок (ад 0,28 да 0,5 м), які плаўна пераходзіў у стракаты слой, слаба насычаны дробным жвірам.

Шурф № 3 памерам 5 × 2 м быў размешчаны ў цэнтральнай частцы помніка. У шурфе знойдзена 759 артэфактаў: 495 вырабаў з крэменю, 262 – з керамікі, 2 – з жалеза.

Крамянёвыя артэфакты ў пераважнай большасці прадстаўлены першаснымі і тэхнічнымі сколамі, адходамі вытворчасці: 32 абломкі са слядамі апрацоўкі, 168 адшчэпаў і іх фрагменты, 84 пласціны і іх фрагменты, 23 скола, 2 разцовых скола, 167 лусак. Знойдзены 4 аднапляцовачныя нуклеусы. З другаснай апрацоўкай выяўлена: 2 вастрыі, мікраліт, трапецыя (мал. 2: *2*), 2 пласціны са скошанным рэтушшу краем, 3 пласціны з участкамі рэтушшы, нож (?), скол з захлыстам рэтушаваны (скобель), разец двайны на пласціне, 5 скрабкоў.

Ляпной керамікі знойдзена 90 фрагментаў: 4 венчыкі і 86 сценак. Ганчарная кераміка прадстаўлена 20 венчыкамі, 145 сценкамі і 7 донцамі. Усяго 172 адзінкі. Уся яна тонкасценная, высокай якасці вытворчасці. Датаваць яе можна XIX–XX стст.

Шурф № 4 памерам 2 × 2 м быў размешчаны на краі паўночна-заходняга схілу ўзвышша. У шурфе знойдзены 363 крамянёвыя артэфакты. У пераважнай большасці гэта першасныя, тэхнічныя сколы і адходы вытворчасці: 15 абломкаў са слядамі апрацоўкі, 114 адшчэпаў і іх фрагменты, 64 пласціны і іх фрагменты, 10 нявызначаных сколаў, 3 мікрасколы, 2 сколы падпраўкі пляцоўкі нуклеуса, 135 лусак. Нуклеусаў выяўлена 9 экзэмпляраў: 5 аднапляцовачных, 2 двухпляцовачных і 2 фрагменты.

З другаснай апрацоўкай знойдзены: адшчэп рэтушаваны (1), пласціна з выемкай (1), пласціна з рэтушшу утылізацыі – нож (?) (1), сегмент (1) (мал. 2: *3*), трохкутнік (1) (мал. 2: *4*), праколка (1), скобель (1), фрагменты скрабкоў (2), цясло (1), прылада долатападобная (1).

Ляпной керамікі знойдзена толькі 9 фрагментаў сценак. Фрагменты дробныя, з дамешкамі жарствы і пяску. Ганчарная кераміка прадстаўлена венчыкам, 23 сценкамі і 3 донцамі. Уся яна тонкасценная, высокай якасці. Датаваць яе можна XIX–XX стст. Акрамя таго, знойдзены 5 фрагментаў сценак, пра тэхналогію вытворчасці якіх цяжка казаць, 3 фрагменты абмазкі і 2 нявызначаныя гліняныя вырабы.

Да каморніцка-кудлаеўскага тэхнакомплексу можна аднесці знойдзеныя сегмент і трохкутнік. Адзін венчык ляпной керамікі (з дамешкамі пяску, шамота і жарствы) упрыгожаны адбіткамі лінейнага штампа (мал. 2: *5*) у традыцыях культуры шарападобных амфар. Да старажытнасцей тшцінецкага культурнага кола адносяцца два фрагменты венчыка (мал. 2: *7, 8*).

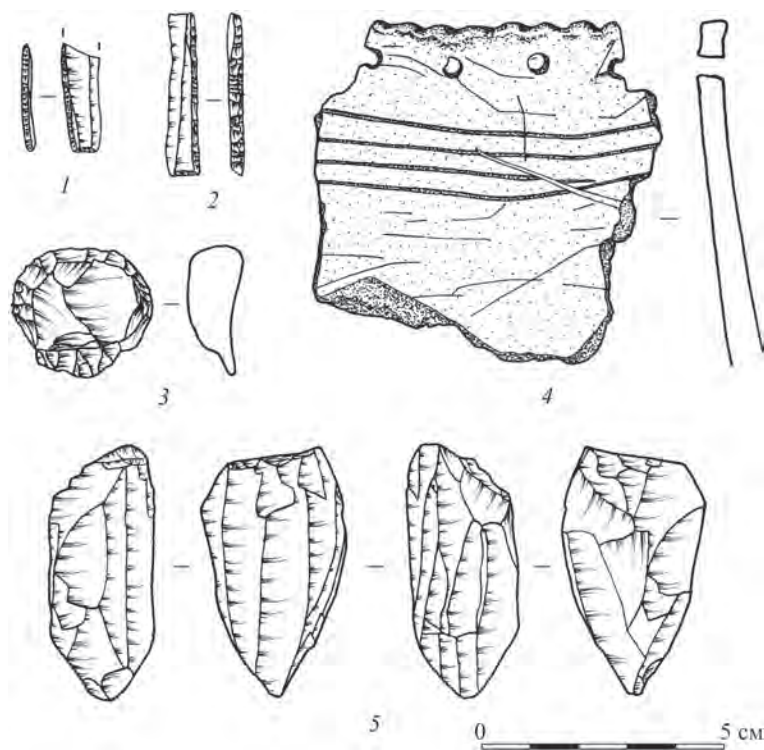
Камянюкі-10 – стаянка каменнага веку, якая размешчана за паўднёва-ўсходняй ускраінай в. Камянюкі ў 400–450 м на паўднёвы ўсход ад цаглянага будынка фермы і 150–200 м на паўднёвы ўсход ад стаянкі Камянюкі-9 на правабярэжнай тэрасе р. Лясная Правая. Помнік выявіў у 2007 г. В. Л. Лакіза [5].

На паверхні былі сабраны: адшчэпы – 3, пласціны і іх фрагменты – 7, сценка ляпной керамікі – 1, ганчарная кераміка – 9. Фрагмент ляпной керамікі, упрыгожаны пасам адступаючых наколаў, адносіцца да прыпяцка-нёманскай культуры.

Селішча Вялікае-2 – паселішча з матэрыяламі каменнага веку размешчана праз 0,7–0,8 м на паўночны-паўночны захад ад усходняй ускраіны в. Селішча Вялікае, на выцягнутым з усхода на захад пясчаным узвышшы (астанцы тэрасы ?) пасярод шырокага левабярэжнага поплава р. Лясная Правая. Паверхня помніка задзірванелая. На невялікіх развеяных участках былі сабраны двухпляцовачны нуклеус ад пласцін, адшчэп, пласціна, фрагмент сценкі ляпной керамікі.

Помнік выявыў В. Л. Лакіза у 2007 г. [5]. У 2010 г. на плошчы 1 м^2 правёў даследаванне аўтар [7]. Шурфоўка паказала, што культурны пласт не пашкоджаны, таму паселішча было абрана для правядзення стацыянарных раскопак.

Раскоп памерамі 4 × 10 м быў размешчаны ва ўсходняй частцы помніка і арыентаваны па баках свету (доўгім бокам па лініі захад–усход). Адразу пад дзёрнам, які дасягаў магутнасці 0,08 м, ішоў пласт шэрага пяску. Магутнасць яго павялічвалася ў заходнім накірунку (ад 0,10 м ва ўсходняй частцы раскопу да 0,20–0,23 м ў заходняй). Шэры пласт падсцілаўся жоўтым (цёмным на мяжы і светлым, часам бялесым, унізе) дробназярністыя пяском. Мяжа паміж слаямі была невыразная, расплывістая. У раскопе былі выяўлены два аб’екты.



Мал. 3. Крамянёвыя вырабы (*1–3, 5*) і ляпная кераміка (*4*) з помніка Селішча Вялікае-2

Аб'ект № 1 – яма падакруглай формы з запаўненнем светла-шэрага колеру. Памеры – 124 × 130 см, глыбіня з моманту фіксацыі – 32 см. У аб'екце знойдзены 2 адшчэпы.

Аб'ект № 2 – яма аморфнай формы з запаўненнем светла-шэрага колеру. Выяўлена часткова. Памеры выяўленай часткі – 195 × 232 см, глыбіня з моманту фіксацыі – 24 см. У аб'екце знойдзены адшчэп, фрагмент пласціны, пласціна рэтушаваная, скол з захлыстам, 2 лускі.

Усяго ў раскопе было выяўлена 1055 знаходак, у тым ліку 802 вырабы з крэменю, 241 выраб з гліны і інш.

Сярод нуклеусаў, якіх у раскопе выяўлены 21 экзэмпляр, пераважаюць аднапляцовачныя (18) (мал. 3: *5*), таксама знойдзены 2 двухпляцовачныя і 1 шматпляцовачны. Прылад працы знойдзена мала: 2 мікраліты (мал. 3: *1, 2*), 3 скрабкі (на адшчэпе (мал. 3: *3*), на пласціне, на пласціне фрагментаваны), праколка, фрагмент прылады з пільчатай рэтушшу.

Ляпной керамікі выяўлены 192 адзінкі. Абсалютная большасць з іх гэта фрагменты сценак (186), значна менш фрагментаў венцаў (5) і донцаў (1). Большую частку нельга дакладна аднесці да той ці іншай культуры. Тры фрагменты паходзяць ад гаршка прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры (мал. 3: *4*). Зрэз венца ў гаршка рыфлёны. Адразу пад ім маецца пас скразных адтулін, пад якімі зроблены тонкія гарызантальныя пракрэсленыя лініі. З нёманскай культурай звязваюцца знаходкі тонкасценнага венчыка з рыфлёным зрэзам і адтулінай пад краем, фрагменты сценкі з рознымі наколамі. Адзін буйны фрагмент упрыгожаны вертыкальным пасам капытак і кампазіцыяй з адбіткаў лінейнага штампа. Да тшцінецкага культурнага кола належыць фрагмент сценкі з пракрэсленымі лініямі і, магчыма, фрагмент венчыка.

Знойдзена 47 фрагментаў ганчарнай керамікі, у тым ліку 4 венчыкі, 39 сценак, 4 донцы. Большая частка ганчарнай керамікі паходзіць з другога пласта. Акрамя таго, знойдзены фрагменты глінянага праселка, цэглы і керамікі, якая не паддаецца вызначэнню.

У храналогіі помніка можна вылучыць некалькі этапаў: мезаліт, неаліт (прыпяцка-нёманская і нёманская культуры), бронзавы век (тшцінецкае культурнае кола), жалезны век. У перспектыве на помніку неабходна працягнуць раскопкі.

Літаратура

1. Вяргей, В. С. Справаздача аб палявых даследаваннях у Камянецкім, Брэсцкім, Столінскім раёнах Брэсцкай вобласці, Жыткавіцкім і Петрыкаўскім раёнах Гомельскай вобласці / В. С. Вяргей, М. М. Крывальцэвіч // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 1392.

2. Вяргей, В. С. Справаздача аб палявых даследаваннях у Камянецкім раёне Брэсцкай вобласці і Петрыкаўскім раёне Гомельскай вобласці ў 1993 годзе / В. С. Вяргей // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 1477.

3. Калечиц, Е. Г. Отчет о полевых исследованиях 2007 года на территории Западного Полесья / Е. Г. Калечиц // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 2462.

4. Лакіза, В. Л. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у Белавежскай пушчы ў 2008 годзе / В. Л. Лакіза // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 2686.

5. Лакіза, В. Л. Вывучэнне помнікаў каменнага і бронзавага вякоў на тэрыторыі Белавежскай пушчы ў 2007 годзе / В. Л. Лакіза // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 17. – Мінск, 2009. – С. 143-150.

6. Сідаровіч, В. М. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у Камянецкім раёне Брэсцкай вобласці ў 2002 годзе / В. М. Сідаровіч // ААНД ІГ НАН Беларусі. – Спр. № 2017.

7. Ткачоў, А. Ю. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Камянецкага і Пружанскага раёнаў Брэсцкай вобласці ў 2010 годзе / А. Ю. Ткачоў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 23. – Мінск, 2012. – С. 262–265.

8. Ткачоў, А. Ю. Раскопкі 2010 года на стаянцы каменнага веку Селішча Малое-3 у басейне р. Лясная Правая / А. Ю. Ткачоў, В. У. Ашэйчык // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 23. – Мінск, 2012. – С. 266–269.

Резюме

О. Ю. Ткачёв

Археологические исследования на юге Беловежской пущи в 2011 г.

Представлены предварительные итоги археологических исследований памятников каменного–бронзового веков на юге Беловежской пущи.

Summary

A. Tkachou

Archaeological research in the south of the Bialowieza Forest in 2011

The article is devoted to the preliminary results of the archaeological research of sites of Stone and Bronze Age in the south of the Bialowieza Forest.

УДК 903.4(476.5)«2011»

З. А. Харытановіч, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства (г. Мінск)*

Археалагічныя даследаванні гарадзішча Бірулі ў 2011 г.

У палявым сезоне 2011 г. на падставе Дазволу № 2294 па форме № 1, які быў выдадзены Інстытутам гісторыі НАН Беларусі, былі праведзены раскопкі на гарадзішчы каля в. Бірулі Туміловіцкага сельсавета Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці. Гарадзішча Бірулі (мясцовая назва «Шведская гара») з'яўляецца часткай рознаасовага археалагічнага комплексу, у які таксама ўваходзяць тры селішчы, два курганных могільніка і дзве стаянкі каменнага–бронзавага вякоў. Помнік размешчаны ў 1,5–2,0 км на поўдзень–паўднёвы захад ад вёскі, на стрэлцы доўгага пагорку ў лесе. Вышыня ад падножжа дасягае 10 м. Мае магутную сістэму ўмацаванняў, якая складаецца з унутранага вала і двух знешніх, падзеленых ровам. Унутраны вал, які мае дугападобную форму, насыпаны на паўночным краі пляцоўкі. Яго максімальная шырыня каля падножжа – 7 м, вышыня – 0,6–0,7 м. Яшчэ два валы ўмацоўваюць гарадзішча з паўночнага захаду і паўночнага ўсходу. Яны ўтвараюць своеасаблівы калідор, які верагодна служыў месцам уваходу. Шырыня валоў каля падножжа – 10–12 м, вышыня – 1,5–2,0 м. Паміж пляцоўкай іваламі выкапаны роў шырынёй да 12–13 м. Паўночна-ўсходні вал пераходзіць у тэрасу, якая ў паўднёвай частцы гарадзішча паступова пераходзіць у схіл. Шырыня тэрасы дасягае 3,0–3,5 м. Пляцоўка гарадзішча роўная, захавалася добра, моцна задзірванелая, парослая хмызняком і дрэвамі; у плане мае яйкападобную форму, даўжыня пляцоўкі – 56 м, шырыня – 48 м (мал. 1: *1*).

У 1971 г. А. Р. Мітрафанаў даў падрабязнае апісанне гарадзішча, склаў план, агледзеў агаленні культурнага пласта. Згодна яго звесткам пласт у цэнтры пляцоўкі складаў 0,3–0,4 м, а бліжэй да краёў – 1,0–1,3 м. Пры зачыстцы сценак адной з ям у паўднёвай частцы пляцоўкі былі знойдзены абломкі штрыхаванага посуду, кавалкі жалезнага жужалю, перапаленыя камяні. Даследчык аднёс гарадзішча да культуры штрыхаванай керамікі і датаваў перыядам II–III – V стст. н. э. [2].

Раскоп 2011 г. памерамі 32 м^2 быў размешчаны ў паўднёвай частцы пляцоўкі ў 6 м ад паўднёвага і ўсходняга краёў. Адразу пад дзёрнам ішоў культурны пласт у выглядзе цёмна-шэрага супеску, насычанага дробнымі каменчыкамі. У кв. 6 было зафіксавана некалькі невялікіх камянёў. Даўжыня іх не перавышала 25 см. Яшчэ адзін, больш буйны (35 см), быў размешчаны ў паўднёвай частцы квадрата.

Другі пласт прадстаўлены цёмна-шэрым супескам, у якім сустракаецца шмат вельмі дробных каменьчыкаў, дробныя кавалкі вугалля. У ім былі зафіксаваны 4 аб'екты. *Аб'ект 1* – пляма супеску чорнага колеру, якая абмежавана дугападобнай паласой жоўтага пяску ў паўднёва-заходнім куце квадрата. Памеры аб'екта па лініі поўнач–поўдзень – 1 м, захад–усход – 0,85 м. *Аб'ект 2* – выцягнутая па лініі захад–усход аморфная пляма буйназярністага пяску карычнева-жоўтага колеру. Размешчаны ў паўночнай палове кв. 8. Даўжыня – 1,3 м, шырыня максімальная – да 0,4 м. Пры разборцы высветлілася, што аб'ект з'яўляецца часткай мацерыковай паверхні, верагодна, рэшткі вала. *Аб'ект 3* – дугападобная выкладка камянёў, якая размешчана на мяжы кв. 7 і 8. Памеры – 1,0 × 0,5 м, памеры камянёў – да 20 см. Верагодна, да гэтага аб'екта адносіцца і нагрувашчанне камянёў каля паўднёвай сценкі раскопу ў кв. 8. *Аб'ект 4* – каменная выкладка, складзеная з буйных (25–30 см) валуноў. Размешчана ў паўночнай палове кв. 6 са змяшчэннем на ўсход. На поўнач і поўдзень ад аб'екта зафіксаваны асобныя камяні. Памеры аб'екта – 1,0 × 0,8 м.

У трэцім пласце характар слою не змяніўся. У паўночных квадратах на глыбіні 0,42 м адзначаецца выхад на мацярык. У астатняй часцы раскопу глыбіня культурнага пласта складае – 0,53–0,58 м. У пласце 3 зафіксаваны 2 аб'екты і яшчэ 2 – у мацерыковай паверхні. *Аб'ект 5* размешчаны ў цэнтральнай частцы кв. 7 і сыходзіць у заходнюю сценку раскопу. Уяўляе сабой аморфную пляму з светла-жоўтага пяску і чорнага супеску, насычанага вуголлем. У паўднёвай частцы плямы зафіксаваны 3 невялікія камяні, памерамі да 20 см па доўгай восі. Памеры плямы па лініі захад–усход – 1,4 м, поўнач–поўдзень – 0,9 м. *Аб'ект 6* – каменная выкладка, зафіксаваная ў кв. 4 уздоўж мяжы з кв. 3. Выцягнута па лініі поўнач–поўдзень, трохі выгнутая дугой. Памеры аб'екта – 1,6 × 1,2 м, памеры камянёў вагаюцца ад 10 да 35–40 см. Паміж вялікімі камянямі ў паўночнай частцы аб'екта зафіксаваны рэшткі перапаленага дрэва.

Мацярык у раскопе прадстаўлены шчыльным буйназярністым пяском са жвірам і дробнымі камянямі. У кв. 7–8 мацерыковая паверхня ўтварае невялікі астанец са жвіру і буйназярністага пяску з уключэннем дробных камянёў (рэшткі аб'ектаў 1 і 2). Пры зачыстцы мацерыка на ім зафіксаваны абрысы двух аб'ектаў. *Аб'ект 7* – паласа культурнага пласта чорнага колеру з уключэннем дробных вугольчыкаў, якая цягнецца ўпоперак раскопу праз кв. 5 і 6, захоплівае кв. 3, 4, 7, 8. Максімальная шырыня аб'екта – 3,76 м уздоўж усходняй сценкі. Максімальная глыбіня раскопу адзначана на мяжы кв. 5 і 7 у аб'екце

7 – 1 м. *Аб'ект 8* – мацерыковая яма на мяжы кв. 1 і 3. Памеры – 1,56 × 1,30 м. У сячэнні прасочваецца паглыбленне да 0,4 м ва ўсходняй частцы. Запаўненне – цёмна-шэры, амаль чорны супесак, знаходак няма.

Стратыграфія ў паўночнай частцы раскопу простая – аднастайны цёмна-шэры супесак. У цэнтральнай частцы зафіксавана паніжэнне мацерыковага ўзроўню да агульнай глыбіні 0,9–1,0 м (аб'ект 7), тут зафіксаваны таксама скапленні камянёў (па ўсходнім профілі), рэшткі перапаленага бярвення. Аб'ект 7 размешчаны ўзждоўж мацерыковага астанца, які ідзе па дыяганалі праз кв. 8, уздоўж краю пляцоўкі. Магчыма, гэта рэшткі першапачатковых умацаванняў гарадзішча, вала і рова. Каменныя вымасткі (акрамя аб'екта 6) фіксуюцца над аб'ектам 7. Складаная стратыграфія прасочваецца толькі ў запаўненні аб'екта 1 па знешнім боку астанца. Тут зафіксаваны праслойкі пяску розных адценняў, перамешанага з культурным пластам. Прызначэнне аб'екта 1 невысветлена. Неабходна працягнуць даследаванне абарончых збудаванняў гарадзішча.

Усяго ў раскопе 1 знойдзена 16 індывідуальных знаходак, у тым ліку з жалеза – 8 вырабаў, з гліны – 2, з бронзы – 5 і са свінцова–алавяністага сплаву – 1 (мал. 1). Вырабы з жалеза прадстаўлены абломкам пінцэта, фрагментам ляза сякеры, галоўкай кіяпадобнай шпількі, нажом з абламаным вастрыём і чаранком, фіцільнай трубачкай. Таксама знойдзены 3 нявызначаныя вырабы: прамавугольная пласцінка з адтулінай, стрыжань з прамавугольным сячэннем і асколак снараду.

Пінцэт жалезны (мал. 1: *6*) адносіцца да тыпу IB па класіфікацыі А. Стробін, аналогіі пінцэтам такога тыпу вядомы на тэрыторыі Польшчы, датуюцца яны мяжой н. э. [4, s. 127–143].

Нож жалезны (мал. 1: *3*). Абламанае вастрыё і частка чаранка. Спінка роўная, аддзяляецца ад чаранка ўступамі з двух бакоў. Нажы такога тыпу сустракаюцца на помніках I тысячагоддзя н. э. Беларускага Падзвіння [3, Табл. 13: *II*].

Кіяпадобная шпілька жалезная (мал. 1: *2*). Абламаны стрыжань, засталася толькі галоўка кроплепадобнай формы з завітком. Шпількі такога тыпу датуюць вельмі шырока, на тэрыторыі Беларускага Паддзвіння сустракаюцца пераважна на помніках пачатку н. э. [3, табл. 3: *I*].

Трубачка для кноту жалезная (мал. 1: *10*) з пятлёй для падвешвання. Даўжыня – 9,2 см, дыяметр – 0,8, таўшчыня – 0,2 см. Аналагічныя вырабы вядомы на тэрыторыі Расіі (могільнік Мініна II, пахаванне з крэмацыяй) і датаваны мяжой X/XI стст. [1, с. 41–42].

Трапецападобная падвеска бронзавая (мал. 1: *8*), складаецца з двух абломкаў. Доўгая трапецападобная падвеска (для грыўны) з вушкам у вузкай частцы, двума выпуклымі палоскамі па баках і кропкавым пуансонным арнаментам. Частка з вушкам пагнутая, адзін край знізу адламаны. Даўжыня – 4,5 см, шырыня мінімальная – 1,1, шырыня максімальная – 3,1, таўшчыня – 0,5 см. Падвескі такога тыпу – вялікіх памераў, упрыгожаныя кропкавым штампаваным арнаментам – з'яўляюцца з VII–VIII стст. Ёсць аналогіі ў латгальскіх пахаваннях VIII–X стст., ва ўсходнелітоўскіх старажытнасцях другой паловы I тысячагоддзя н. э., старажытнасцях банцараўскай культуры. Трапецападобныя падвескі выкарыстоўвалі як элементы ўпрыгажэнняў жаночых галаўных венчыкаў, скроневых кольцаў і шыйных грыўняў [3, табл. 20: *25–26*]

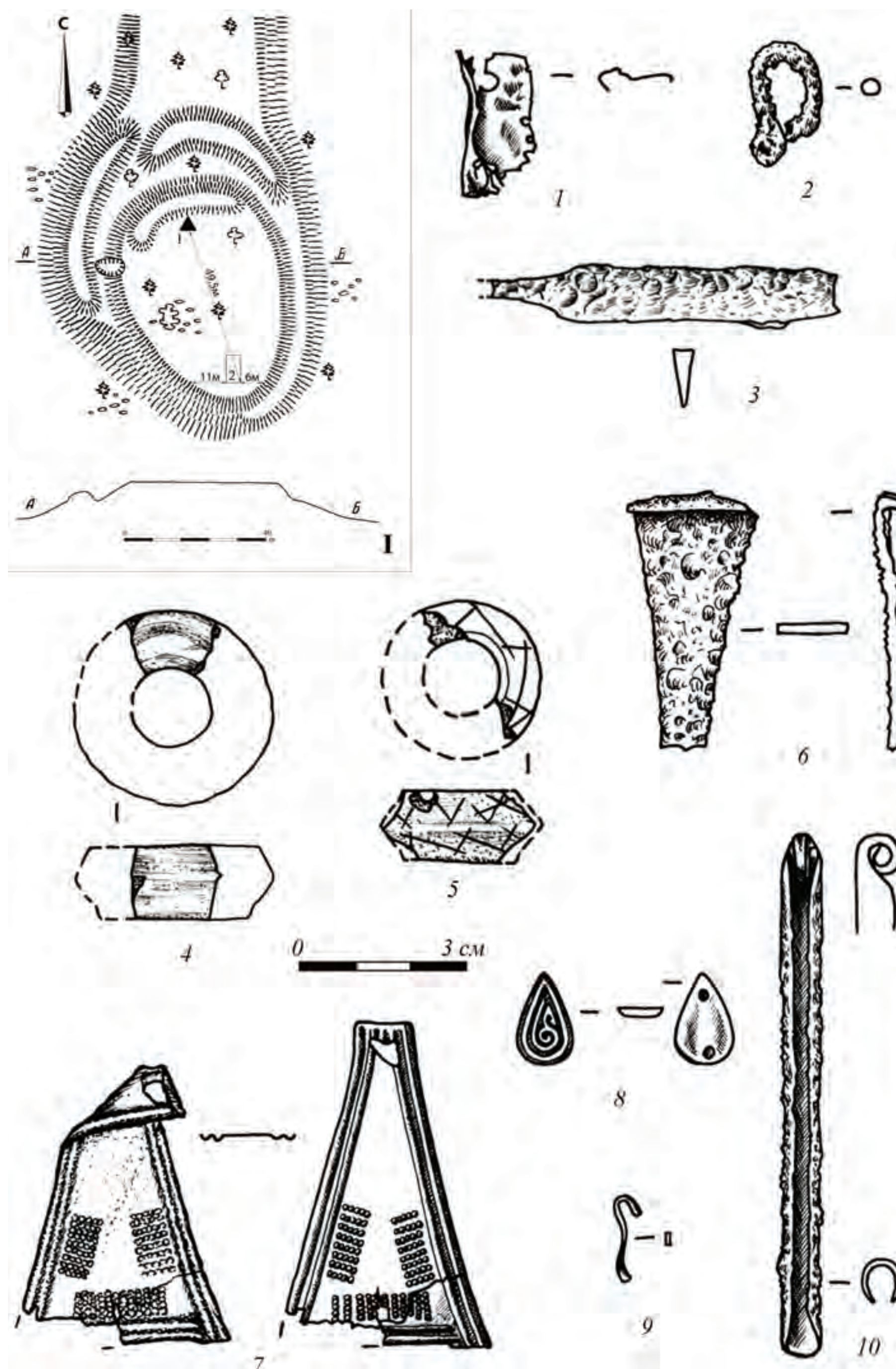
Накладка паясная бронзавая з пазалотай (?) (мал. 1: *8*). Мае кроплепадобную форму, выраблена з бронзы з пазалотай і чарненнем (?), упрыгожана раслінным арнаментам, літая. Мацавалася на двух штырках, якія абламаны. Даўжыня – 1,6 см, шырыня – 1,0, таўшчыня – 0,15 см. Аналогіі такім накладкам вядомы на помніках старажытнарускага часу і датаваны другой паловай X ст. (вызначэнне П. М. Кенькі).

Таксама знойдзены прамавугольная бронзавая падвеска (мал. 1: *1*), якая выраблена з тонкай пласціны, фрагмент спіралепадобнай пранізкі, абломак невызначанага бронзавага вырабу, два фрагменты гліняных біканічных праселак, якія можна аднесці да першай паловы–сярэдзіны I тысячагоддзя н. э. [3, табл. 20: *30*].

Вырабы з гліны прадстаўленыя двума абломкамі праселак. Першае праселка біканічнае з шырокай адтулінай, паверхня заглянцаваная, па абедзьвюх гранях аздоблена зігзагападобным арнаментам з пракрэсленых ліній (мал. 1: *5*). Захавалася часткова. Дыяметр – 2 см, дыяметр адтуліны – 1,2, вышыня – 1,2, таўшчыня сценкі – 0,5 см. Датавана другой–трэцяй чвэрцю I тысячагоддзя н. э. [3, табл. 17: *II: 10*]. Другое праселка таксама біканічнае, але адносіцца да іншага тыпу (мал. 1: *4*). Адна бакавая грань роўная, другая з выгінам. Верхняя і ніжняя грані з борцікам па знешнім краі. Паверхня загладжаная, трохі падглянцаваная. Дыяметр – 3,5 см, дыяметр адтуліны – 1,4, вышыня – 1,3, таўшчыня сценкі – 1,0 см. Датавана першымі стагоддзямі н. э. [3, табл. 26]

Такім чынам, комплекс індывідуальных знаходак з гарадзішча Бірулі можна аднесці да наступных перыядаў: 1) першыя стагоддзі н. э., так датаваны пінцэт, абломак кіяпадобнай шпількі, абломак сякеры (?) і, верагодна, адно з праселак; 2) сярэдзіна–трэцяя чвэрць I тысячагоддзя н. э. (бронзавыя падвескі, нож, арнаментаванае праселка); 3) X ст. н. э. (фіцільная трубачка і паясная накладка).

На помніку было знойдзена 455 адзінак масавага матэрыялу. Выдзяляюцца наступныя катэгорыі: рэшткі вытворчасці жалеза: жужаль і зліткі жалеза;



Мал. 1. План помніка і індывідуальныя знаходкі з раскопу 1: *I* – план гарадзішча (паводле А. Р. Мітрафанава); *1* – падвеска бронзавая; *2* – шпілька кіяпадобная жалезная; *3* – нож жалезны; *4, 5* – праселкі гліняныя; *6* – пінцэт жалезны; *7* – падвеска бронзавая трапецападобная; *8* – накладка бронзавая паясная; *9* – пранізка спіральная; *10* – трубачка жалезная для кноту. Гарадзішча Бірулі. 2011 г. Малюнак Т. Зінчанка

абломкі ляпной і кругавой керамікі, косткі, кавалак шкла.

Асноўную частку масавага матэрыялу складалі фрагменты керамікі – 151 адз. З іх 7 фрагментаў ад кругавой пасудзіны з палівай зялёнага колеру – развал донца. Ляпная кераміка прадстаўлена 144 адз.

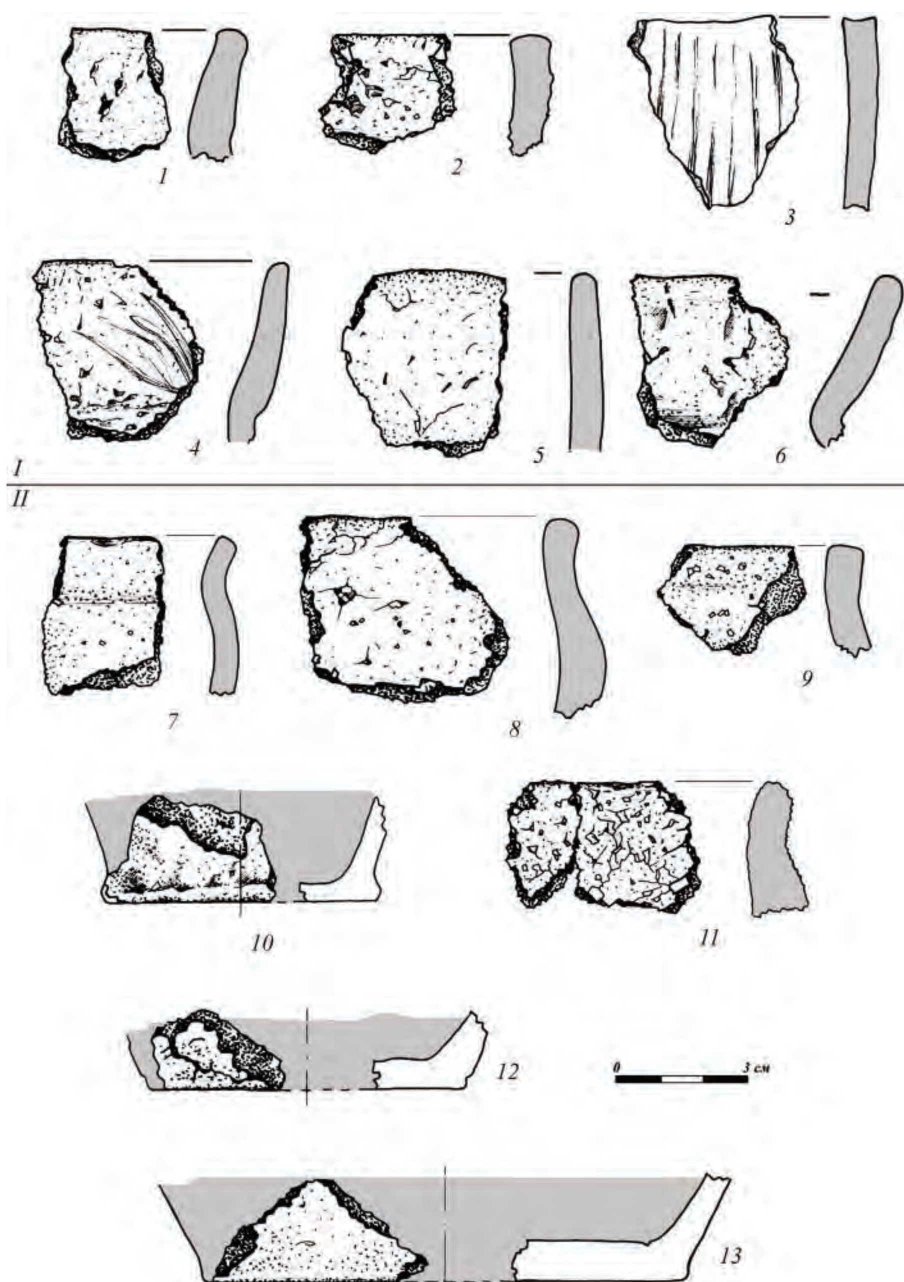
Асноўным тыпам посуду на помніку была гладкасценная кераміка, якую можна аб’яднаць з бугрыстай, бо яны адрозніваліся толькі большай ці меньшай ступенню загладжанасці паверхні. На другім месцы стаіць кераміка з падштрыхоўкай паверхні. Ад керамікі класічнай культуры штрыхаванай керамікі (КШК) яна адрозніваецца больш невыразнай штрыхоўкай і поўнай адсутнасцю рабрыстых форм. Па якасці цеста штрыхаваная і гладкасценная кераміка не адрозніваюцца. Хутчэй за ўсё штрыхоў-

ку на посуду гарадзішча Бірулі выкарыстоўвалі ў тэхналагічных мэтах для загладжвання паверхні посуду.

Па формах посуд выдзяляецца ў дзве групы. Да першай адносяцца пасудзіны прафіляванай формы, з выдзеленай шыйкай (лепельскі тып, аналогіі на гарадзішчах ДДК Лепельскага раёна), прафіляваным венцам і лёгкай падштрыхоўкай паверхні (мал. 2: *I*). Шыйка выдзялялася пракрэсленай лініяй, ці адмысловым загладжваннем. Другая група прадстаўлена фрагментамі керамікі банцараўскай культуры. Гэта пераважна слабапрафіляваныя, з кароткім, адагнутым вонкі венчыкам пасудзіны (мал. 2: *II*).

Такім чынам, паводле папярэдніх даных жыццё на помніку працягвалася ад мяжы I тысячагоддзя н. э. да трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э. Верагодна, у больш позні час гарадзішча выкарыстоўвалі ў якасці сховішча.

Раскопкі на помніку варта працягваць. Так, досыць перспектыўнымі ўяўляюцца раскопкі ў паўночнай частцы пляцоўкі, а таксама прарэзка вала і схілу з мэтай вывучэння абарончых ўмацаванняў.



Мал. 2. Ляпная кераміка з раскопу 1: *I* – кераміка днепра-дзвінскай культуры; *II* – кераміка трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э. Гарадзішча Бірулі. 2011 г.

Літаратура

1. Археология севернорусской деревни X–XШ веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров ; Ин–т археологии РАН. – М. : Наука, 2007 – Т. 2 : Материальная культура и хронология / [ред. С. Д. Захаров]. – 2008. – 365 с.

2. Митрофанов, А. Г. Отчет о полевых исследованиях в 1971 г. / А. Г. Митрофанов // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Арх. № 380.

3. Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў – Мінск : ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. – 150 с. : іл.

4. Strobin, A. Pęsetka brązowa z cmentarzyska kultury oksywskiej w Wyczechowie, pow. Kartuski / A. Strobin // Wiadomości archeologiczne. – T. LVIII. – Warszawa, 2006. – С. 127–143.

Резюме

З. А. Харитонович

Археологические исследования городища Бирули в 2011 г.

В 2011 г. начались археологические исследование на городище Бирули Докшицкого района Витебской области. Был заложен раскоп размером 32 м^2. Получены материалы трех периодов: днепро-двинской культуры, третьей четверти I тысячелетия н. э., X в. н. э.; новые данные по оборонительной системе городища.

Summary

Z. Kharytanovich

Archaeological investigation of the Birulie hill-fort in 2011

Archaeological investigations of the Birulie hill-fort (Dokshitsy district, Vitebsk region) has began in 2011. The studied area of 32 sq. m. Materials of three periods has been excavated: the Dnieper-Dvina culture, the third quarter of the I millennium AD, 10th century AD. New data on the defense system of the hill-fort received.

УДК 902/904(476)«2011»

Макс. М. Чарняўскі, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Даследаванні на Беларускім Паазер'і ў 2011 г.

У 2011 г. аўтар праводзіў планавыя раскопкі на паселішчы Асавец-2 Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці, а таксама разведкі ў Мядзельскім раёне Мінскай, Лепельскім, Чашніцкім раёнах Віцебскай абласцей (мал. 1).

Раскопкі паселішча Асавец-2 («паўднёвы раскоп»). Лета 2011 г. адзначалася павышанай абсохласцю тарфяніка, як вынік культурны пласт паселішча быў амаль цалкам вышэй узроўню грунтовых водаў. Аднак такія ўмовы сталіся прычынай пажару тарфяніку непасрэдна побач з помнікам. На шчасце, узгаранне адбылося толькі буквальна за некалькі дзён да прыезду экспедыцыі, і ў першы ж дзень сіламі валанцёраў быў выкапаны невялікі роў, які спыняў распаўсюджванне агню ў кірунку паселішча. Праз дзень пажар быў цалкам затушаны мясцовым аддзелам МНС, які аператыўна зрэагаваў на наш зварот, за што выказваем ім вялікую падзяку.

З уласна раскопачных работ першапачаткова быў запланаваны працяг даследавання кв. 415–426, якое вялося з 2009 г. Аднак праз дастатковую колькасць валанцёраў, пазней было прынята рашэнне раскансерваваць таксама раскоп 2008 г. – кв. 400–414, у выніку атрымаўся адзін агульны раскоп плошчай 27 м^2. На кв. 415–426 былі ўскрыты 2 пласты (70–80, 80–90 см), на кв. 400–414 – 1 пласт (50–60 см).

Методыка даследавання не мянялася з мінулых гадоў – разборка культурнага пласта метровымі квадратамі пластамі па 10 см дробным інструментам. Увесь перабраны грунт дадаткова прасейваўся на пластыкавай сетцы з вочкамі у 5 мм. Выяўленыя ў квадратах артэфакты фіксаваліся на адзіным плане знаходак. Усе канструкцыі і асаблівасці культурнага пласта асобна фіксаваліся і замалёўваліся. Пасля кожнага пласта праводзілася дадатковая зачыстка і агульная фіксацыя характару культурнага пласта.

Культурны слой вельмі разнастайны, насычаны рэшткамі драўляных канструкцый, спрэсаванымі плямамі паўраскладзенай кары, пясчанымі і апясчаненымі прапласткамі, зольнікамі розных памераў, замешанага глінянага цеста. Вылучаецца вялікая колькасць рыбных костак і кары, якія хоць і сустракалася менш, чым ў сезоне 2010 г., аднак іх усё ж такі было дастаткова многа. Варта адзначыць канцэнтрацыі невялікіх каменьчыкаў і ракавінак перлаў, у тым ліку не падробленых і нават не паламаных на асобныя палавінкі.

Даследаваннямі выяўлена 175 артэфактаў з крэменю, бурштыну, косткі і рогу, гліны і дрэва, больш за 2,5 тысячы фрагментаў керамікі, а таксама шматлікі масавы матэрыял, які складаецца найперш з фрагментаваных костак, лясных арэхаў, чылімаў і іх шалупіння.

Калекцыя крамянёвых артэфактаў менш разнастайная, чым у папярэднія гады у вышэйшых пластах гэтага ж раскопу. Звяртае на сябе ўвагу значнае памяншэнне колькасці наканечнікаў стрэл (15 экзэмпляраў), і павелічэнне вырабаў нявызначанага прызначэння. Усяго выяўлена 78 артэфактаў, сярод іх скрабкі, вырабы невядомага прызначэння, наканечнікі стрэл, рэжучыя вырабы, пракруткі, свердзелы, скоблі, фрагмент мікрапласціны з пільчатай рэтушшу, камбінаваная пракрутка/скобля/скрабок, праколка, скол з нуклеуса, фрагмент сякеры (мал. 2).

Наканечнікі стрэл прадстаўлены пераважна лістападобнымі і рамбічнымі наканечнікамі стрэл (9 экзэмпляраў; мал. 2: *1–5*). Па адным выяўлены трохкутны чаранковы і трохкутны безчаранковы, са злёгку зведзенымі разам шыпамі. 4 артэфакты прадстаўлены ў неазначальных абломках.

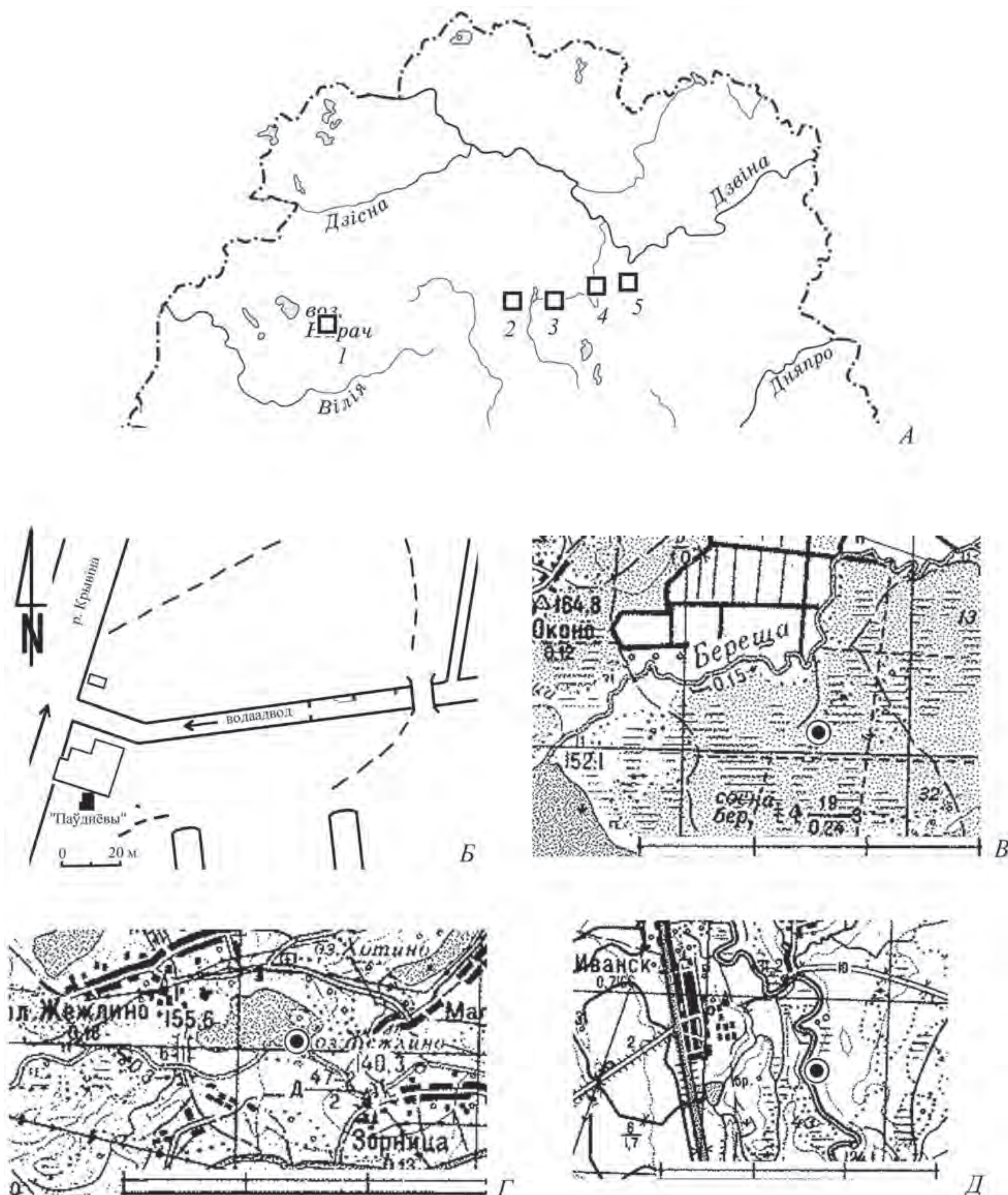
Касцяныя і рагавыя вырабы налічваюць 91 артэфакт. Сярод прылад дамінуюць нявызначаныя фрагменты, выяўлены таксама праколкі, адціскальнікі, арнаменціры, долаты, шпатэль, фрагменты кінжалаў, наканечнікаў стрэл (мал. 3). Звяртае на сябе ўвагу моцная фрагментаванасць невялікіх прылад. Мастацкія і культавыя вырабы гэтага віду прадстаўлены падвескамі з косткі і зубоў жывёл, пацеркамі і іх нарыхтоўкамі (мал. 4: *4–25*).

З бурштынавых вырабаў выяўлены дзве пацеркі, пашкоджаны прамакутны гузік і дробны фрагмент падвескі (мал. 4: *1–3*).

Каменныя вырабы прадстаўлены дзвюма выкруткамі ад свідраваных сякер і адбойнікам (мал. 2: *9, 10*).

Асаблівую ўвагу прыцягвае гліняны шарык з насечкамі ад пазногцяў (адна з іх, верагодна, ад вялікага пальца).

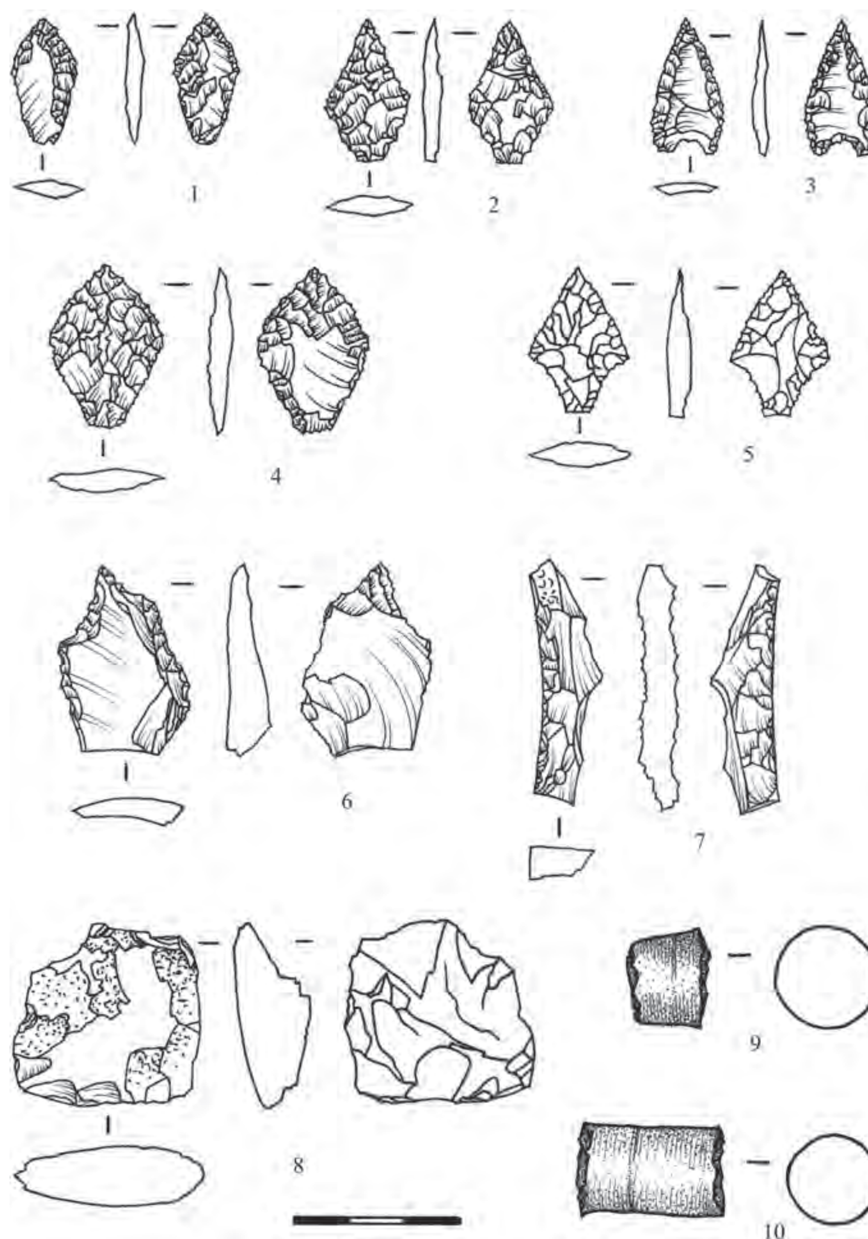
Драўляныя артэфакты ў пласце захоўваюцца даволі блага. Нягледзячы на гэта, у кв. 415 быў выяўлены развал драўлянай вершы. Асобныя лучынкі вельмі мяккія, ломкія, лёгка пашкоджваліся нават пры акуратнай апрацоўцы пэндзлем. Уся верша скіраваная з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад, з невялікім нахілам у гэтым кірунку. Максімальная зафіксаваная даўжыня лучынак – 54 см. Прасачыліся тры ўмоўныя пласты лучынак вершы. Першы ляжаў амаль адразу паверх наступнага, трэці пласт адступаў ад папярэдняга больш чым на 1 см. Пасля выбаркі лучынак выявілася «ложа»» з буйнейшых галінак і фрагментаў кары. Сярод іх спарадычна сустракаліся дробныя фрагменты лучынак. Гэтаксама яны зрэдку сустракаліся і ў кв. 416 і 419.



Мал. 1. Агульны план прац у 2011 г. (*А*): *1* – воз. Наўранскае; *2* – Прыгожая Верацея; *3* – Зорніца; *4* – Сялец; *5* – Асавец-2; план паселішча Асавец-2 з раскопам 2011 г. (*Б*); месцазнаходжанне паселішча Прыгожая Верацея (*В*), пункта Зорніца (*Г*), селішча Сялец (*Д*)

Акрамя вершы, быў выяўлены вельмі пашкоджаны, фрагментаваны берасцяны паплавок ад сеткі.

Керамічная калекцыя паселішча Асавец-2 («паўднёвы раскоп») 2011 г. налічвае 2810 фрагментаў. З іх 143 венцы, 1504 сценкі, 30 донцаў (пераважна плоскія), 1133 дробныя і нявызначаныя фрагменты. Сярод вызначаных 1627 адносяцца да паўночнабеларускай, 42 да усвяцкай, (яшчэ некалькі фрагментаў могуць быць аднесены да гібрыдных усвяцка-паўночнабеларускіх), 4 да сярэднедняпроўскай, 1 абляпны. Трэба адзначыць, што ў параўнанні з міну-



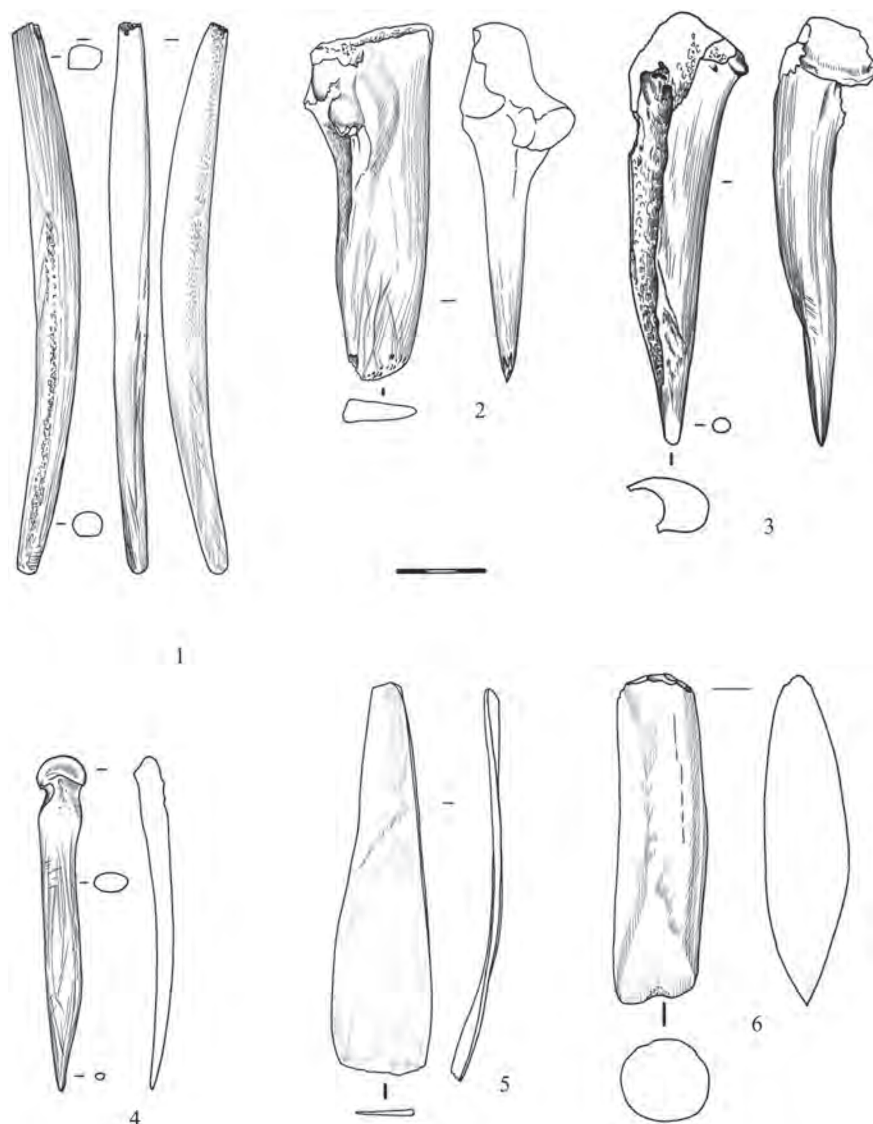
Мал. 2. Крамянёвыя (*1–8*) і каменыя (*9, 10*) вырабы: *1–5* – наканечнікі стрэл; *6* – пракрутка; *7* – скрабучы выраб; *8* – лёзавы фрагмент сякеры; *9* – выкруткі з каменных сякер. Паселішча Асавец-2 («паўднёвы раскоп»). 2011 г.

лымі гадамі колькасць буйных фрагментаў посуду значна павялічылася.

Калекцыя знойдзеных у культурным слое пладоў налічвае 2 ядры арэха ляснога, 817 фрагментаў шалупіння арэха ляснога, 544 чылімы, 872 фрагменты шалупіння чылімаў, 3 плады нявызначаныя. У раскопе таксама выяўлены 4 капраліты. Астэалагічная калекцыя налічвае больш 3000 костак млекакормячых, птушак і паўзуноў, а таксама каля 20 тысяч костак рыб.

Разведкі. ***Воз. Наўранскае, Мядзельскі раён Мінскай вобласці*** (сумесна з М. М. Чарняўскім). На паўднёвым беразе возера, на ўскрайку калгаснага поля, якое абмяжоўваецца дарогай да в. Наўры ад шашы Р-58, быў сабраны пад'ёмны крамянёвы матэрыял у колькасці 36 экзэмпляраў: нуклеусы і іх фрагменты, канкрэцыі і іх фрагменты, пласціны, адшчэпы, лускі, абломкі нявызначаныя і ўласна вырабы. Апошнія прадстаўлены скрабкамі (4), абломкамі (3), тронкавым наканечнікам стралы (1). Выяўлены матэрыял можа быць датаваны перыядам мезаліту, з пэўнымі элементамі фінальнага палеаліту. Месцазнаходжанне (вядома з 1970-х гадоў) разам з яшчэ двума на дадзеным возеры выяўлена Міхалам Чарняўскім.

Дадаткова былі знойдзены яшчэ некалькі дробных фрагментаў позняй кругавой керамікі, паўгрош Аляксандра Ягелончыка (1492–1506 гг.), 2 гільзы ад вінтоўкі,



Мал. 3. Касцяныя і рагавыя вырабы: *1* – адціскальнік; *2, 3* – долаты; *4* – праколка; *5* – мастыхін; *6* – сякера. Паселішча Асавец-2 («паўднёвы раскоп»). 2011 г.

гузік польскага мундзіра і манета вартасцю 2 грошы 1927 г. Аналіз даваенных картаў паказаў, што на ўсходнім ускрайку дадзенага поля пазначаны хутар.

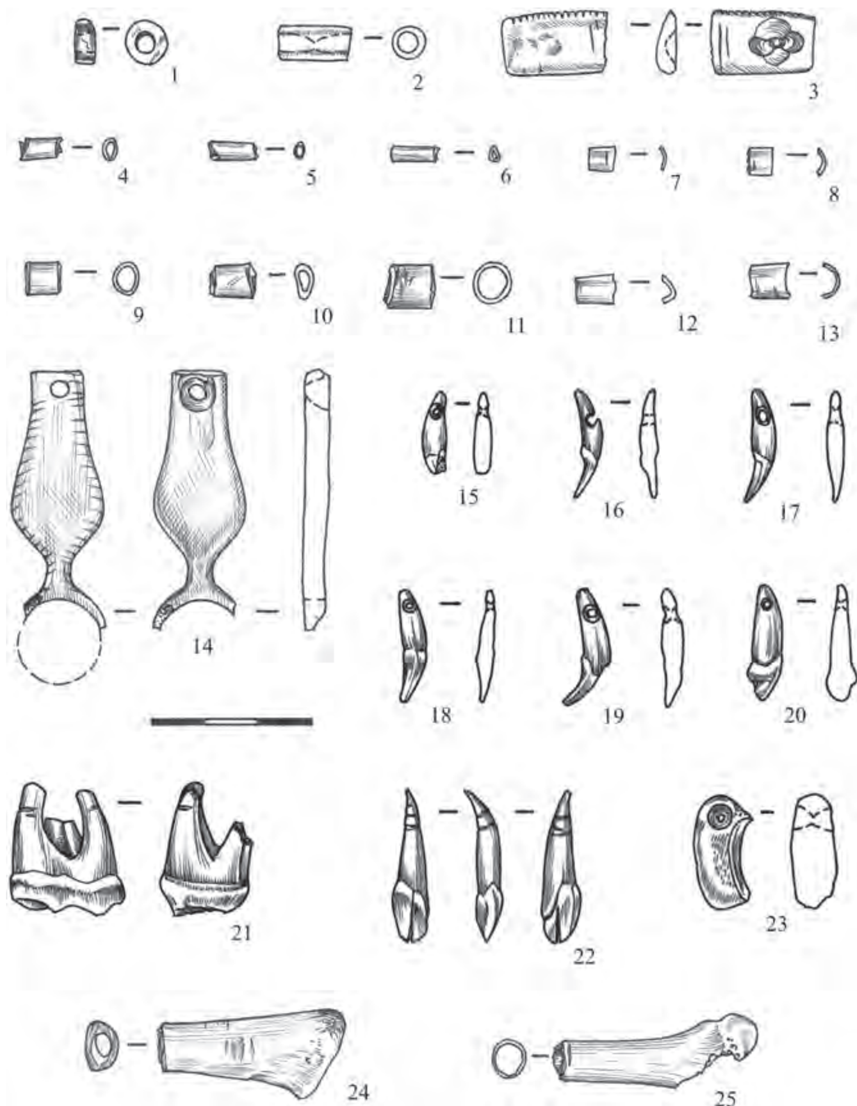
Прыгожая Верацея, Лепельскі раён Віцебскай вобласці. Размешчана за 3 км на паўднёвы захад ад моста праз р. Бярэшча ў в. Верабкі, і за 800 м на паўднёва-паўднёвы усход ад стаянкі Бярэшча-1, на пагорку сярод забалочанага ляснога масіву (мал. 1: *В*). Выяўлена па інфармацыі жыхара в. Верабкі Васіля Хацкевіча.

Форма пагорка разам са схіламі нагадвае класічны трохкутнік, катэты якога з'арыентаваны на поўдзень і ўсход. Схілы парослыя лесам. Уласна пляцоўка, занятая стаянкай, уяўляе сабой авал нерэгулярных абрысаў, выцягнуты з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад, з «выпукласцямі» ў цэнтральнай і паўднёвай частках у заходнім кірунку. Памеры пагорка – 180 × 160 м (уласна пляцоўка – 150 × 70 м). Пад'ёмны матэрыял па кратавінах сустракаўся найбольш у цэнтральнай і паўднёвай частках пляцоўкі.

Шурф плошчай 2 м^2 закладзены за 40 м на поўнач ад паўднёвага краю пляцоўкі і 10 м на ўсход ад заходняга краю. Магутнасць культурнага пласта склала да 40–50 см. Артэфакты сустракаюцца па ўсёй магутнасці слою, найбольш у шэравата-карычневым пяску.

Знаходкі прадстаўлены фрагментамі керамікі грабеньчата-ямкавай, усвяцкай і паўночнабеларускай культур, крамянёвымі артэфактамі. Па сваім характары помнік набліжаецца да размешчанай непадалёку стаянкі Бярэшча-1.

Зорніца, Лепельскі раён Віцебскай вобласці. Помнік размешчаны на клінападобным мысе пры вытоку р. Вула з воз. Жэжліна, на правым беразе (мал. 1: *Г*).



Мал. 4. Бурштынавыя (*1–3*) і касцяныя (*4–25*) мастацкія і культавыя вырабы: *1, 2, 4–13* – пацеркі; *3* – гузік; *14* – ключападобная падвеска; *15–22* – падвескі з зубоў; *23* – падвеска з каленнай чашкі казулі; *24, 25* – лішкавыя часіткі майстравання пацерак. Паселішча Асавец-2 («паўднёвы раскоп»). 2011 г.

Мыс невялікі, каля 100 м даўжынёй, выцягнуты з поўдня на поўнач, залесены, часткова са слядамі свежай вырубкі. На адлегласці 75 м на поўдзень ад паўночнага заканчэння быў закладзены шурф у 1 м^2. Магутнасць культурнага пласта склала да 50 см.

У шурфе былі выяўлены 4 дробныя фрагменты ляпной керамікі з дамешкам буйнога пяску (культуры грабеньчата-ямачнай керамікі), адшчэп і мікрапласцінка.

Сялец, Чашніцкі раён Віцебскай вобласці. Размешчана за 1,3 км на поўдзень–паўднёвы усход ад в. Сялец, за 1 км у тым жа кірунку ад моста праз р. Вула да Іванска (мал. 1: *Д*). Займае разлеглы плаўны пагорак, які апускаецца ў луку ракі, абмежаваны з поўначы і поўдня невялікімі ярамі. З паўднёвага боку непасрэдна падступае да ракі, з заходняга і паўночна заходняга выходзіць на яе пойменны ўчастак.

Па ўсім заходнім схіле пагорка сустракаюцца фрагменты керамікі, паасобныя крэмені. Два шурфы памерамі 1 × 1 м (у цэнтральнай і паўднёвай частках пагорка) паказалі, што культурны пласт тут аднародны, развораны на ўсю глыбіню, складаецца з выразна карычневай гумусіраванай глебы, з уключэннямі мацерыковага жоўтага пяску, занесенага ў яго пры ворцы. Пад'ёмны матэрыял і матэрыялы шурфоў прадстаўлены кругавой і ляпной керамікай, крамянёвым адшчэпам і пласцінкай, металічнымі фрагментамі неідэнтыфікаваных вырабаў, жужалем, фрагментамі цэглы. Матэрыял датуецца позняй бронзай, жалезным векам, X–XIV стст., навейшым часам. Са слоў мясцовага краязнаўца В. Хацкевіча, у гэтым месцы ім быў выяўлены масіўны крамянёвы скрабок акруглай у плане формы, што дае мажлівасць меркаваць пра наяўнасць і матэрыялаў больш ранняга перыяду.

Резюме

Макс. М. Чернявский

Исследования в Белорусском Поозерье в 2011 г.

В 2011 г. автором продолжались раскопки на поселении Асавец-2 Бешенковичского района Витебской области, а также проводились разведки в Мядельском районе Минской, Лепельском, Чашникском районах Витебской областей, в результате которых были выявлены новые памятники каменного и бронзового веков Пригожая Вератея, Зорница, разновременное поселение Сялец.

Summary

Max. Charniauski

The researches in Belarusian Lakeland in 2011

In 2011, the author continued excavations at the settlement Asavec-2 (Beshankovichy district of Vicebsk region). New sites of the Stone and Bronze Ages (Prygozhaya Veraceya, Zornica), and multitemporal settlement Sialec were found during the explorations in Miadzel district of Minsk region, Lepel and Chashniki districts of Vitebsk region.

УДК 902/904(476)«2011»

Міх. М. Чарняўскі, *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, дацэнт, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Даследаванні на Панямонні і Падзвінні ў 2011 г.

Даследаванні палявога сезона 2011 г. былі найперш звязаныя з археалагічнай практыкай студэнтаў гістфака Белдзяржуніверсітэта на тарфяніковай стаянцы Асавец-2. Акрамя таго вялося абследаванне некаторых помнікаў у Панямонні і Павіллі, а таксама, па просьбе аддзелаў культуры Мастоўскага і Стаўбцоўскага РВК, былі агледжаны археалагічныя аб'екты адпаведных раёнаў дзеля праверкі стану іх захаванасці, удакладнення тапаграфіі, прывязкі да картаў землекарыстання і ўстаноўкі ахоўных знакаў. У гэтай працы на Мастоўшчыне прымала ўдзел А. Зуева.

Мастоўскі раён.

Вёска Рыбакі, Зарудаеўскі сельсавет. На паўднёвы захад ад «Замчышча» участак лесу мае назву «Рынак». На пляцоўцы «Замчышча» – сучаснае язычніцкае капішча з драўляным стодам Перуна.

Вёска Азёркі Вялікія, Азёркаўскі сельсавет. На паўночны ўсход ад вёскі, за паўночна-ўсходнім канцом могільніка, на невысокім выступе пясчанага павышэння, на плошчы памерамі 50 × 20 м – расшчэпленыя крэмені і фрагмент ранняй штрыхаванай керамікі.

Вёска Азёркі Малыя, Азёркаўскі сельсавет. На ўсход ад паўднёвага краю вёскі (раней гэта ўскраіна называлася в. Каскоўшчына), каля паўднёва-ўсходняга ўзбярэжжа воз. Азёркаўскага – павышэнне, плошча якога складае 600 × 300 м. На яго паверхні, пераважна ў прыазёрнай частцы – нешматлікія крэмені мезалітычнга часу. У заходняй частцы павышэння, на спуску да ўпадаючай тут у возера рэчкі Сіпы – артэфакты са шляхецкай сядзібы.

Вёска Завозерна (зараз не існуе), Азёркаўскі сельсавет. На поўнач ад былой вёскі, паміж прыбярэжжам возера і поплавам, каля вытоку Сіпы – выступ пясчанага павышэння. На ім на ўчастку плошчай 150 × 100 м – адносна нешматлікія крамянёвыя артэфакты розных перыядаў каменнага і бронзавага вякоў.

Горад Масты. У фондах музея «Лес і чалавек» захоўваюцца: крамянёвая шліфаваная сякера, месцазнаходжанне невядома (гл. малюнак: *1*); каменная свідраваная матыка, месцазнаходжанне невядома (гл. малюнак: *2*); каменная свідраваная сякера, тарфянік каля в. Сухінічы (гл. малюнак: *3*).

Слонімскі раён.

Вёска Русакова, Жыровіцкі сельсавет. Праз 1,2 км на поўнач ад вёскі, 0,15 км на паўночны усход ад канала р. Пратва, 0,15 км на поўдзень ад Літоўскага груда – паўразвеяная дзюна папярэчнікам каля 50 м са знаходкамі расшчэпленых крэменяў. Помнік выяўлены разам з В. Беляўцом.

Вілейскі раён.

Вёска Цінцявічы, Любанскі сельсавет. Праз 2 км на паўночны захад ад вёскі, 0,4 км на поўнач ад цалкам зарослага воз. Ула – пясчаны бугрысты клін, які выступае на поўдзень у тарфяністае балота з лесам. У 2010 г. тут на месцы пясчанага кар'ера сустрэты адзінкавыя расшчэпленыя крэмені. У 2011 г. абследаванне мясцовасці працягнута.

Ад павышэння з кар'ерам ў паўднёвым напрамку цягнецца ланцуг з пяці дзюн рознага памеру, раздзеленых тарфяным балотам. На першай ад кар'ера дзюне памерам 65 × 55 м – культурны пласт з крамянёвымі артэфактамі мезалітычнага часу. На другой ад поўдня дзюне памерам 70 × 40 м у культурным пласце – расшчэпленыя крэмені. Рэшта дзюн пакуль не даследавана.

Мядзельскі раён.

Вёска Наўры, Сваткаўскі сельсавет. На паўднёвым і паўднёва-заходнім узбярэжжы воз. Наўранскае на двух помніках, выяўленых аўтарам у 1978 г., сабраны крамянёвы матэрыял мезалітычнага часу.

Вёска Азаркі Старыя, Мядзельскі пассавет. Насупраць усходняй ускраіны вёскі, на паўднёвым беразе воз. Баторына ў шурфе памерамі 1 × 1 м – бакавінка пасудзіны з заштрыхаванай паверхняй і ўмеранай дамешкай жарствы.

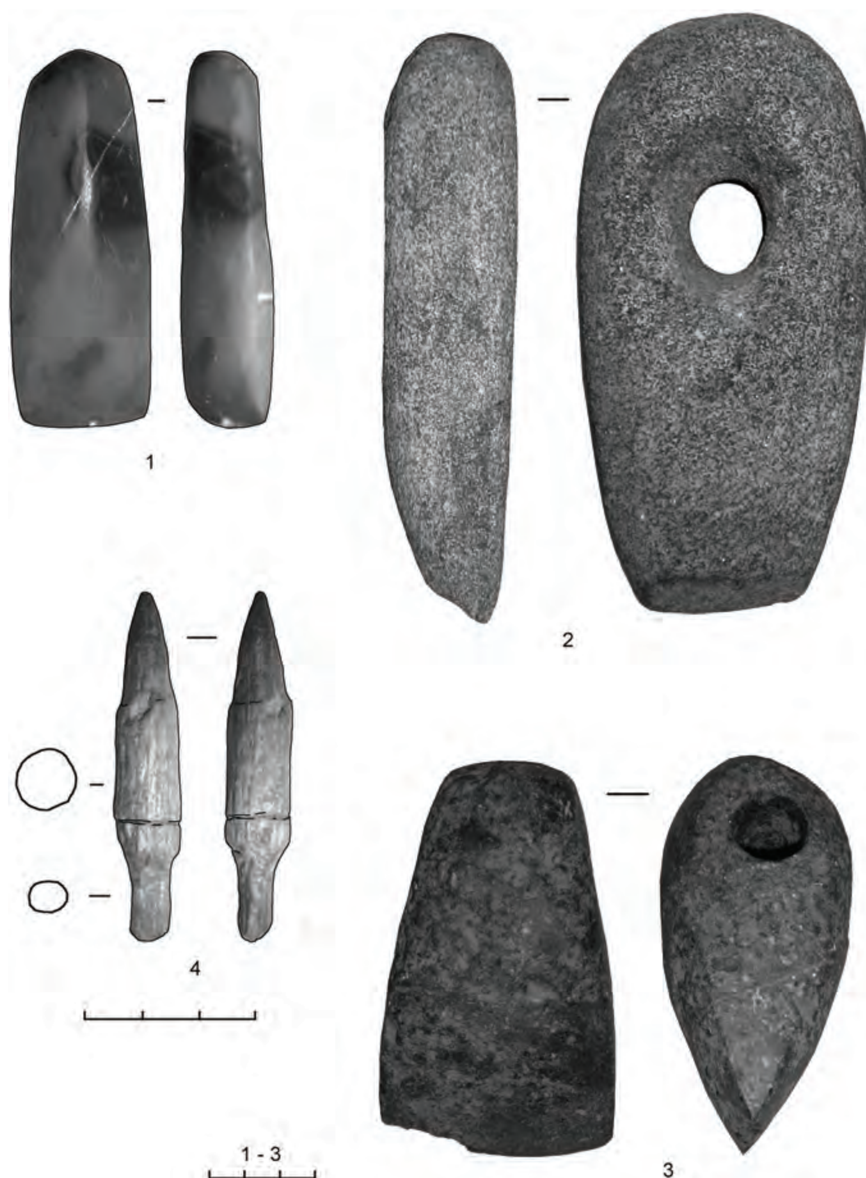
Вёска Круці, Мядзельскі пассавет. Праз 1 км на паўднёвы захад ад вёскі, на паўночна-усходнім узбярэжжы затокі Баторына, на поўнач ад ўпадзення канала Лук'янаўскай рэчкі, на малапрыкметным павышэнні над балотам у шурфе памерамі 1 × 1 м – да дзесятка расшчэпленых крэменяў без рэтушы.

Такім чынам, на тэрыторыі Мастоўшчыны, Слонімшчыны, Вілейшчыны і Мядзельшчыны было выяўлена 8 новых пунктаў з археалагічнымі матэрыяламі.

Бешанковіцкі раён.

Вёска Асавец, Вялікакрывінскі сельсавет. На тарфяніковым паселішчы Асавец-2 працягвалася абследаванне паўночнай часткі помніка. Асноўная частка студэнтаў-практыкантаў была задзейнічана ў раскопках, што рабілі супрацоўнікі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (кіраўнік – Макс. Чарняўскі). Аўтар абмежаваўся шурфоўкай і свідраваннем культурнага пласта.

Шурф паўночна-усходні плошчай 1,2 × 0,5 м быў закладзены праз 77 м на поўнач ад калектарнай



Артэфакты: *1–3* – каменныя вырабы; *4* – драўляны наканечнік стралы. 2011 г.

канавы з бетонным мосцікам і праз 33 м на захад ад канавы, што ідзе з поўначы ад Аксінавага вострава. Культурны пласт дасягаў таўшчыні да 0,5 м і ўтрымліваў матэрыял, тыповы для усвяцкай і паўночна-беларускай культур. Усвяцкая кераміка з ніжніх пластоў мае на ўнутраных паверхнях расчэсы, як перажытак папярэдняй нарвенскай культуры. Шурф паўночны плошчай 2 × 1 м, закладзены праз 60 м ад калектарнай канавы, выявіў культурны пласт таўшчынёй да 0,6 м. У ніжнім напластаванні з усвяцкай керамікай знойдзены плоскачаранковы драўляны наканечнік стралы (гл. малюнак: *4*).

Свідраванне паказала, што паселішча было размешчана на невялікім павышэнні паўвострава і працягвалася на поўнач ад калектарнай канавы на 80–90 м.

Стаўбцоўскі раён. У раёне паўторна абследавана частка першабытных помнікаў, размешчаных пераважна ў левабярэжжы р. Нёман і выяўленых у мінулыя гады [1–7].

Вёска Акіньчыцы (зараз мікрараён Стоўбцаў).

1. Праз 1,2 км на паўднёвы захад ад Акіньчыц, насупраць паўднёвай ускраіны вёскі Новы Свержань, праз 80 м ад правага берага р. Нёман, на пясчаным павышэнні захаваліся рэшткі землянога ўмацавання бастыённага тыпу – «Замак Чартарыйскага». На паўднёва-заходнім краі павышэння, непасрэдна каля бастыёнаў – рэшткі неалітычнага паселішча.

2. Праз 2,4 км на паўднёвы усход ад Акіньчыц, каля правага берага р. Нёман, насупраць цэнтральнай часткі в. Новы Свержань, ва ўрочышчы «Шыркоўская лука» – дзюна з пашкоджаным культурным пластом неаліту і бронзавага веку.

3. Праз 2 км на захад ад Акіньчыц і праз 0,8–0,9 км на поўнач–паўночны усход ад р. Нёман, на

правабярэжным поплаве гэтай ракі – дзюна памерамі 170 × 100 м. У культурным пласце – кераміка і крамянёвыя вырабы пераважна энеалітычнага часу.

Праз 1,2 км на паўднёвы захад ад Акіньчыц і праз 0,3 км на поўнач–паўночны ўсход ад помніка «Замак Чартарыйскага», за 0,6 км ад правага берага р. Нёман знаходзіцца вялікая дзюна даўжынёй да 300 м і шырынёй каля 100 м з трыма стаянкамі.

4. На павышэнні паўднёва-заходняй часткі дзюны – матэрыялы прыпяцка-нёманскай і нёманскай культур, а таксама культуры шнуравой керамікі.

4а. На паўночна-усходнім выступе дзюны з нязначным павышэннем і з пясчаным выдзьмухам – артэфакты бронзавага веку.

4б. На паўднёва-усходнім выступе дзюны – адзінкавыя расшчэпленыя крэмені.

5. На поўнач–паўночны усход ад цэнтральнай часткі Свержаня з бажніцамі і праз 1,2 км на паўднёвы захад ад Акіньчыц – доўгая дзюна з рэдкім хвойнікам. У заходняй частцы дзюны – нешматлікія расшчэпленыя крэмені.

Вёска Васілеўшчына, Літвянскі сельсавет. Праз 0,2 км на поўдзень ад вёскі, у правабярэжжы Сулы, на ўзгорку, абмежаваным з поўначы і поўдня ярападобнымі западзінамі – гарадзішча культуры штрыхаванай керамікі з авальнай пляцоўкай памерам 80 × 40 м. З паўночна-заходняга краю яшчэ 30 гадоў таму назад меўся вал, які па загадзе мясцовага старшыні калгаса быў ссунуты ў напольны роў.

Вёска Дразды, Навасвержанскі сельсавет.

1. Праз 0,7 км на усход ад Драздоў і 1,5 км на паўднёвы захад ад моста праз р. Нёман на старой шашы на Брэст, пры паўднёвым краі нізкага поплаву р. Залужанкі – авальны астанец высокага поплаву з падстанцыяй. На паўночным краі астанца – рэшткі стаянкі каменнага веку.

2. Праз 0,9–1,3 км на поўнач ад папярэдняга пункта, пасярод нізкага поплаву, – тры невялікія груды з дубняком, на якіх сустракаюцца адзінкавыя расшчэпленыя камяні і крэмені.

3. Праз 0,9 км амаль проста на ўсход ад вёскі, на невялікім выступе нізкай левабярэжнай нёманскай тэрасы – авальнае ледзь прыкметнае павышэнне памерам каля 90 × 40 м. На пераворанай паверхні – расшчэпленыя крэмені, сярод якіх і архаічныя формы.

Праз 1 км на поўнач–паўночны ўсход ад усходняй ускраіны Драздоў пры левым беразе р. Нёман, на ўсход ад каналізаванага прывусця Залужанкі, на шырокім поплаве – дзюнападобнае бугрыстае павышэнне «Сосны» папярэчнікам каля 350 м. Па яго перыметры – 4 старажытныя паселішчы.

4. Каля заходняга краю павышэння, на асобнай невялікай дзюне – нешматлікая ляпная кераміка банцараўскага тыпу і ганчарная сярэдневяковая кераміка.

5. Другі помнік размешчаны на паўночна-заходнім выступе павышэння «Сосны», на пясчанай дзюне памерам 60 × 40 м. У раскопе плошчай 10 м^2 – матэрыялы неаліту, бронзавага і жалезнага вякоў, сярэдневякоўя (нёманская культура, культура штрыхаванай керамікі, банцараўская культура, культура эпохі Полацкага княства і Вялікага Княства Літоўскага).

6. На паўночным краі павышэння «Сосны», на поўдзень ад невялікай старыцы левабярэжжа р. Нёман, на ўзроўні 1 м над поплавам – нешматлікія расшчэпленыя крэмені без рэтушы.

7. Чацвёртае паселішча знаходзіцца на дзюнападобным пясчаным утварэнні паўднёва-ўсходняга краю павышэння «Сосны» і мае памеры 90 × 40 м. У шурфе плошчай 8 м^2 – нешматлікі неалітычны матэрыял.

Праз 0,5 км на поўнач ад жывёлагадоўчага комплексу в. Дразды і 0,3 км на ўсход ад адпачынкавага асяродку, на краі лесапасадкі – тры выступы нізкай левабярэжнай надпоймавай тэрасы р. Нёман.

8. На першым, паўднёвым выступе вышынёй над поплавам да 2 м, пад лініяй электраперадачы, на плошчы 60 × 50 м – крамянёвыя артэфакты каменнага веку. Помнік выяўлены Л. Д. Побалем.

9. На другім, цэнтральным выступе (80 м ад паўднёвага, вышыня над поплавам – каля 1,5 м) – паселішча каменнага веку памерам каля 40 × 30 м. Выяўлена да дзесятка расшчэпленых крэменяў без рэтушы.

10. На трэцім, паўночным выступе тэрасы, каля заходняга берага старыцы, на палях колішняга хутара, зараз занятых лесам, у 1960 г. Л. Д. Побаль сабраў расшчэпленыя крэмені і кераміку жалезнага веку.

11. Клінаваты выступ гэтай жа тэрасы паміж правым берагам рэчкі з-пад в. Ператокі і левабярэжным поплавам р. Нёман утрымлівае расшчэпленыя крэмені.

12. На левабярэжным прывусці гэтай жа рэчкі і абрывістым левым берагам р. Нёман, на падмытым рэчкай і р. Нёман пясчаным грудзе – рэшткі паселішча з знаходкамі каменнага і бронзавага вякоў.

Вёска Ініца, Залужскі сельсавет.

1. Праз 1 км на паўночны усход ад вёскі, 0,5 км на поўнач–паўночны захад ад хутара Рудзіца і 1 км на паўднёвы усход ад вусця прытоку р. Нёман р. Ініцы ў поплаў р. Нёман выступае клін нізкай тэрасы. На паўночным краі кліна – крамянёвыя артэфакты, частка якіх адносіцца да мезаліту.

2. Праз 0,25 км на паўночны усход ад папярэдняга пункта, каля самага паўднёвага берага нёманскай лукі – пясчаны груд вышынёй да 2 м. На прырэчным агаленні – адзінкавыя фрагменты перапаленых камянёў.

Вёска Слабодка, Залужскі сельсавет.

1. Праз 0,9 км на поўнач ад вёскі, на ўзгорыстым мысе левабярэжнай нёманскай тэрасы, на захад ад невялікага прытока р. Нёман, праз 20 м ад ракі, на лесапасадцы – матэрыялы каменнага і бронзавага вякоў.

2. Праз 0,4 км на поўнач–паўночны ўсход ад вёскі – рэшткі значна пашкоджанага кар'ерамі дзюннага павышэння на поплаве (урочышча «Барок»). Яго першапачатковая плошча мае памеры 500 × 360 м. На самым усходнім краі павышэння – адзінкавыя крамянёвыя артэфакты. Бліжэй да вёскі, на астанцах, – шэры культурны пласт з чорнай ганчарнай керамікай.

3. Праз 0,7 км на поўнач–паўночны ўсход ад вёскі, каля берагу старыцы «Стульна» – авальны груд памерамі 60 × 80 м з рэшткамі селішча жалезнага веку.

4. Праз 0,15 км на паўнёвы ўсход ад вёскі, на дарозе між краем трохмятровай тэрасы і лесам, на працягу 100 м – нешматлікія расшчэпленыя крэмені.

5. Праз 0,7 км на паўднёвы усход ад вёскі, на выступе гэтай жа тэрасы, на плошчы памерамі 80 × 40 м – адносна шмат расшчэпленых крэменяў.

Горад Стоўбцы. Насупраць горада на шырокім левабярэжным поплаве р. Нёман – груд пад назвай «Гарадзішча» з рэшткамі стаянкі каменнага і бронзавага вякоў, а таксама сярэдневяковага паселішча. Помнік выявіў Л. Д. Побаль.

Вёска Суднікі, Залужскі сельсавет. Праз 1,2 км на паўночны ўсход ад вёскі, на паўночна-ўсходнім краі надпоймавага павышэння з дубняком – рэшткі паселішча бронзавага веку.

Вёска Сула, Літвенскі сельсавет. Праз 1 км на паўночны захад ад вёскі, у лесе, на выступе карэннага левага берага р. Сула, абмежаваным з поўначы клінам балоцістага поплаву, – гарадзішча. Авальная пляцоўка дыяметрам да 80 м абкружана ровам глыбінёй 1,0–1,5 м, а з усходняга боку дадаткова і валам. Помнік моцна зарос лесам і хмызняком. Адносіцца да культуры штрыхаванай керамікі. Вядомы з XIX ст.

Літаратура

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць.– Мінск, 1987.– Кн. 2. – С. 236–246.

2. Чарняўскі, М. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у 1979 г. / М. М. Чарняўскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 633. – 45 с.

3. Чарняўскі, М. М. Справаздача Нёманскай неалітычнай групы аб даследаваннях археалагічных помнікаў у 1983 г. / М. М. Чарняўскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 849. – 22 с.

4. Чарняўскі, М. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у Паўночна-Усходняй Беларусі ў 2003 годзе / М. М. Чарняўскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2091. – 23 с.

5. Чарняўскі, М. М. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у басейнах Нёмана, Віліі і Дзвіны ў 2005 г. / М. М. Чарняўскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2270. – 23 с.

6. Чарняўскі, М. М. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Стаўбцоўскага, Вілейскага, Мядзельскага і Бешанковіцкага раёнаў у 2006 г. / М. М. Чарняўскі // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2387. – 19 с.

7. Чернявский, М. М. Отчет об археологических исследованиях в 1975 г. / М. М. Чернявский // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 513. – 45 с.

Резюме

Мих. М. Чернявский

Исследования на Понеманье и Подвинье в 2011 г.

Исследования полевого сезона были прежде всего связаны с археологической практикой студентов истфака Белгосуниверситета на торфяниковом поселении Асавец-2 в Бешенковичском районе. По просьбе отделов культуры Мостовского и Столбцовского РИК были осмотрены археологические памятники соответствующих районов ради проверки их сохранности и для установки охранных знаков. Кроме того у дер. Великие и Малые Азёрки Мостовского раёна выявлены три новые поселения каменного века и средневековое селище, у д. Русаково Слонимского района – неолитическое поселение, у д. Цинцевичи Вилейского района – две мезолитические стоянки. На поселении Асавец-2 проводились шурфовка и бурение северной части памятника. В результате получены новые материалы усвятской культуры и определено, что стоянка была заложена на небольшом песчаном всхолмлении у берега древнего озера.

Summary

Mich. Charniauski

The researches at Nioman and Dzvina regions in 2011

Field researches were related to the students' archeological practice (the Faculty of History of Belarusian State University) and took place at peat bog settlement Asavec-2 (Beshankovichy district). After the request of cultural departments of Masty and Staubcy REC archaeological sites of the areas were examined for proofing their safety and security before the installation of protective signs. Additionally three new settlements of the Stone Age and medieval settlement near the villages Great and Small Aziorki of Masty district, Neolithic site near village Rusakova of Slonim district, two Mesolithic sites near village Cincavichy of Vilejka district were found. At the Asavec-2 settlement trenching and drilling of the northern part of the site were carried out. As a result, we obtain new materials of Usviaty culture and determined that the site was locate on a little sandy hillocks near the shore of an ancient lake.

УДК 903.4«634»(476.2)

І. М. Язэпенка, *Інстытут гісторыіі НАН Беларусі, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск);*
С. С. Юрэцкі, *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, магістрант (г. Маладзечна)*

Раскопкі на паселішчы каменнага веку Ніжняя Алба-1 (урочышча Лукошыніца) ў нізоўі р. Бярэзіна ў 2011 г.

У жніўні 2011 г. археалагічная група Інстытута гісторыі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам І. М. Язэпенкі праводзіла даследаванне на паселішчы каменнага веку Ніжняя Алба Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці, якое размешчана ў міжрэччы вусця р. Бярэзіна і сучаснага русла р. Днепр.

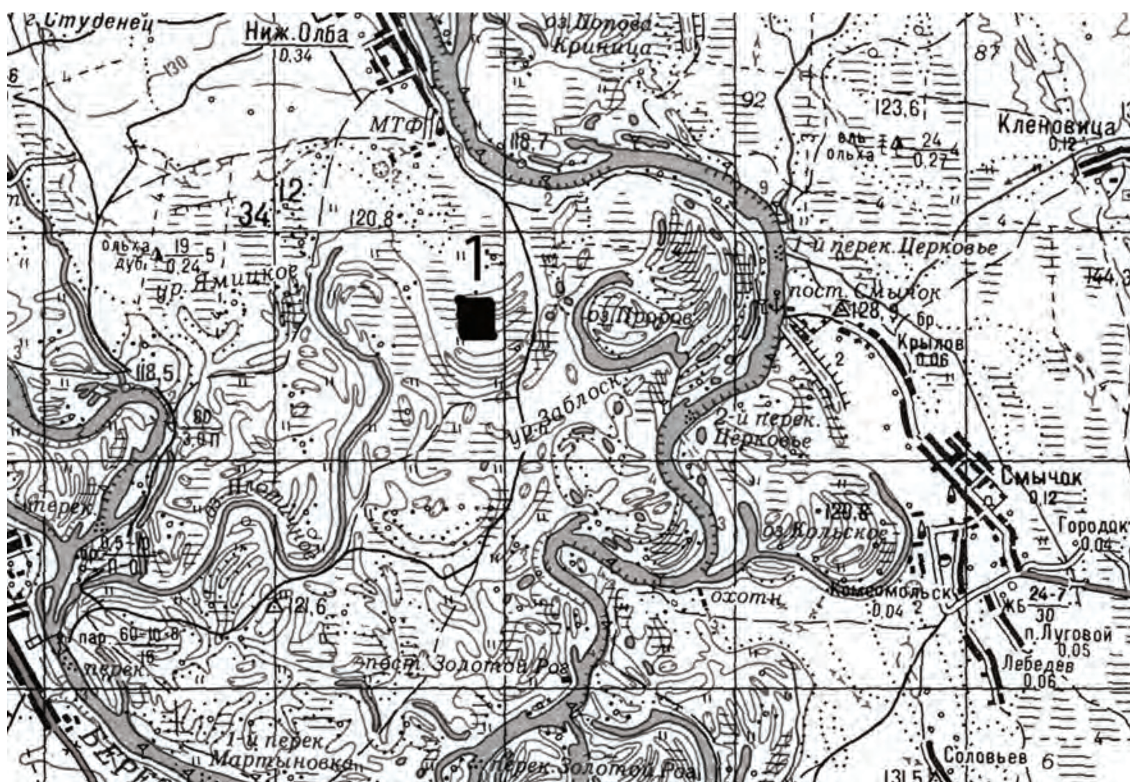
Паселішча займае астанец першай надпоймавай тэрасы р. Днепр, праз 1,1 км на паўднёвы ўсход ад фермы вёскі Ніжняя Алба Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці і праз 0,8 км на поўдзень ад сучаснага русла р. Днепр. Плошча паселішча складае каля 1,5 га, а вышыня яго вагаецца ад 4,5 да 5,0 м над поплавам паўночна-усходняй частцы і да 1,5–2,0 м у паўднёва-заходняй частцы (мал. 1).

Магчыма аб існаванні ў гэтым месцы паселішча каменнага веку згадваваў К. М. Палікарповіч, які адзначыў што ў 1925 г. ў ваколіцах в. Ніжняя Алба знойдзены крэмені [1, с. 267]. Але дакладнай прывязкі ні да самога населенага пункта, ні да ўрочышча ім не прыведзена.

Пазней, у 1977 г., У. П. Ксяндзовым былі выяўлены сляды паселішча ў межах тэрыторыі вёскі, на першай надпоймавай тэрасе р. Днепр, і яно было аднесена даследчыкам да перыяду бронзавага веку [2, с. 179]

У 2011 г. у 15–20 м ад паўднёвага краю паселішча, на ўзроўні 1,9 м над поплавам аўтарамі артыкула быў закладзены раскоп плошчай 32 $м^2$ (8 × 4 м) з арыентацыяй па даўжыні захад–усход.

Стратыграфічна вылучаюцца наступныя ўмоўныя гарызонты: 1) чорна-шэры, шэры дробназярністы пясок магутнасцю ад 0,35 да 0,45 м; 2) буражоўты розназярністы пясок, які залягаў з глыбіні 0,40–0,45 м; 3) мацерыковы ўзровень, прадстаўлены дробназярністым пяском светла-жоўтага колеру і зафіксаваны, пачынаючы з глыбіні 0,43 м ад дзённай паверхні.



Мал. 1. Лакалізацыя помніка каменнага веку Ніжняя Алба (урочышча Лукошыніца). Жлобінскі раён. Гомельская вобласць. Жнівень 2011 г.

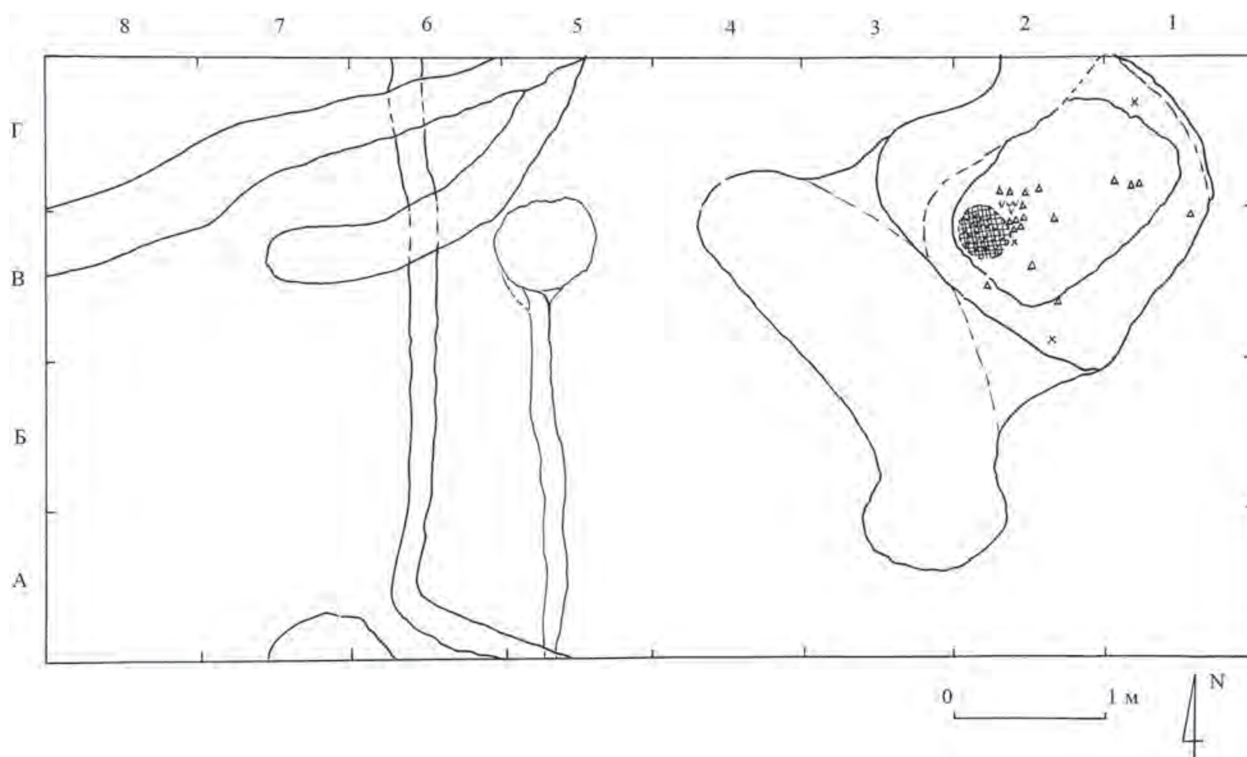
У паўночна-усходняй частцы раскопу на ўзроўні мацерыка быў выяўлены аб'ект (кв. В-Г, 1-3), які папярэдне інтэрпрэтуецца намі як жытло, якое зафіксавана на ўзроўні 0,53 м ад дзённай паверхні і ўяўляе сабой пляму чорна-шэрага колеру з абрысамі няправільна авальнай формы, арыентаваную па доўгай восі з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад (памеры – 1,58 × 2,06 м).

У паўднёва-заходняй частцы аб'екта вылучаецца канцэнтрыраваная пляма вогнішча памерамі 0,3 × 0,4 м светла-шэрага, палевага колеру, у межах якой зафіксаваны шчыльны прапластак да 0,4 м у глыбіню драўняных вугалёў. Акрамя гэтага ў запаўненні аб'екта, асабліва ў цэнтральнай яго частцы, што прылягала да вогнішча, былі знойдзены крамянёвыя вырабы з другаснай апрацоўкай і фрагменты развалаў неалітычных гаршкоў (мал. 2).

Самы ранні этап засялення паселішча – мезалітычны, прадстаўлены невялікай, але выразнай серыяй мікралітаў: асіметрычныя трапецыі, вастрыі і медыяльныя часткі пласцін. Сярод знаходак пераважае неалітычная кераміка. Зыходзячы з папярэдняга тыпалагічнага аналізу, у керамічным комплексе паселішча прысутнічаюць фрагменты пасудзін, якія могуць быць аднесены да ранненеалітычнай фазы.

Акрамя гэтага на помніку Ніжняя Алба (урочышча Лукошыніца) выяўлена ляпная кераміка ранняга перыяду бронзавага веку (сярэднедняпроўская культура), сярэдняга перыяду бронзавага веку (сосніцкая культура), ранняга жалезнага веку (зарубінецкая культура) і ганчарная (кругавая) кераміка перыяду старажытнай Русі.

Прадукты першаснага расшчаплення прадстаўлены наступнымі катэгорыямі вырабаў (табл. 1).



Мал. 2. План аб'екта 1 (жытла). Узровень 0,5–0,8 м ад дзённай паверхні. Раскоп 1. Ніжняя Алба. 2011 г.

Табліца 1. **Агульная структура калекцыі крамянёвага інвентару: адходаў вытворчасці і нуклеусаў**

Вырабы		Пл. 1	Пл. 2	Пл. 3	Пл. 4	Пл. 5	Аб. 1	Усяго
1.	Адшчэпы	153	453	392	274	39	4	1315
2.	Пласціны	11	26	17	17	6	1	78
3.	Асколкі, кускі аморфныя	–	3	4	3	3	1	14
4.	Сячэнні пласцін	1	–	3	1	4	–	9
5.	Фрагменты пласцін	2	5	6	4	1	–	18
6.	Нуклеусы	2	1	1	2	–	–	6
7.	Абломкі нуклеусаў	–	1	3	2	1	1	8
8.	Сколы падпраўкі	1	1	6	1	–	–	9
9.	Сколы краявыя	–	9	2	3	9	1	24
	Разам:	170	499	434	307	63	8	1481

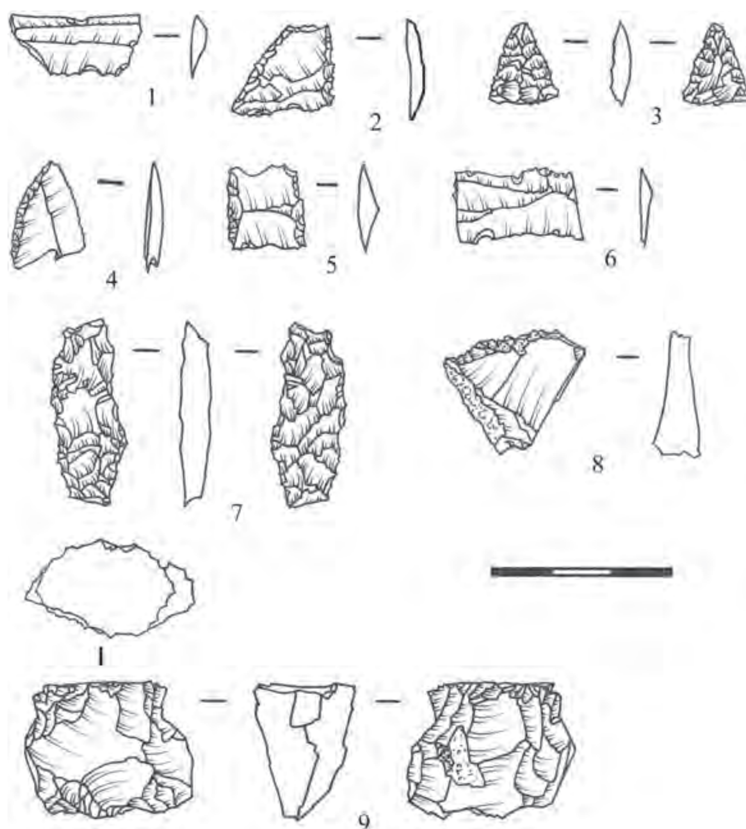
Нуклеусы прадстаўлены ў калекцыі 14 экзэмплярамі, 8 экзэмпляраў у абломках. 3 вырабы па афармленні ўдарных пляцовак блізкія да прызматычных, яшчэ 3 нуклеусы канічнай формы (мал. 3: *9*). Яны ў асноўным дробных памераў, моцна спрацаваныя, аднапляцовачныя.

Прылады працы на помніку Ніжняя Алба прысутнічаюць як ў закончаным выглядзе, так і ў форме нарыхтовак, а таксама ў фрагментах, што адлюстроўвае табл. 2.

Сярод прылад вылучаецца серыя трапецый: сустракаюцца асіметрычныя формы (мал. 3: *2*) з паўкрутой дробнай рэтушшу па краях са спінкі і выкананыя на медыяльных фрагментах пласцін (мал. 3: *5*). Сячэнні пласцін выяўлены ў 2 экзэмплярах (мал. 3: *1, 6*). Вастрыё выраблена на праксімальным фрагменце пласціны, па краі вырабу нанесена дробная паўкрутая рэтуш са спінкі (мал. 3: *4*). Наканечнікаў стрэл у культурным пласце паселішча Ніжняя Алба знойдзена ўсяго 2 экзэмпляры: трохвугольнай формы (мал. 3: *3*) і асіметрычнай, блізкай к рамбічнай, формы (мал. 3: *7*). Паверхня абодвух наканечнікаў апрацавана сплошчанай папраўляючай рэтушшу з боку спінкі і брушка. Самай прадстаўнічай катэгорыяй прылад на помніку з'яўляюцца скрабкі, канцавыя і бакавыя, выкананыя на адшчэпах (мал. 3: *8*) і пласцінах.

Табліца 2. **Вырабы з другаснай апрацоўкай**

Прылада		Пл. 1	Пл. 2	Пл. 3	Пл. 4	Пл.	Усяго
1.	Наканечнікі стрэл	–	2	–	–	–	2
2.	Фрагменты наканечнікаў стрэл	–	–	–	1	–	1
3.	Нарыхтоўкі наканечнікаў стрэл	–	–	–	–	1	1
4.	Скрабкі	3	7	3	3	2	18
5.	Нажы (рэжучыя прылады)	–	–	1	–	–	1
6.	Сякеры	–	–	1	–	1	2
7.	Адшчэпы з рэтушшу	1	2	1	–	2	6
8.	Пласціны з рэтушшу	1	4	3	2	1	11
9.	Сколы з рэтушшу	1	–	–	–	1	2
10.	Трапецыя (укладыш)	1	2	2	3	–	8
11.	Праколкі	–	–	1	–	–	1
	Разам:	7	17	12	9	8	53

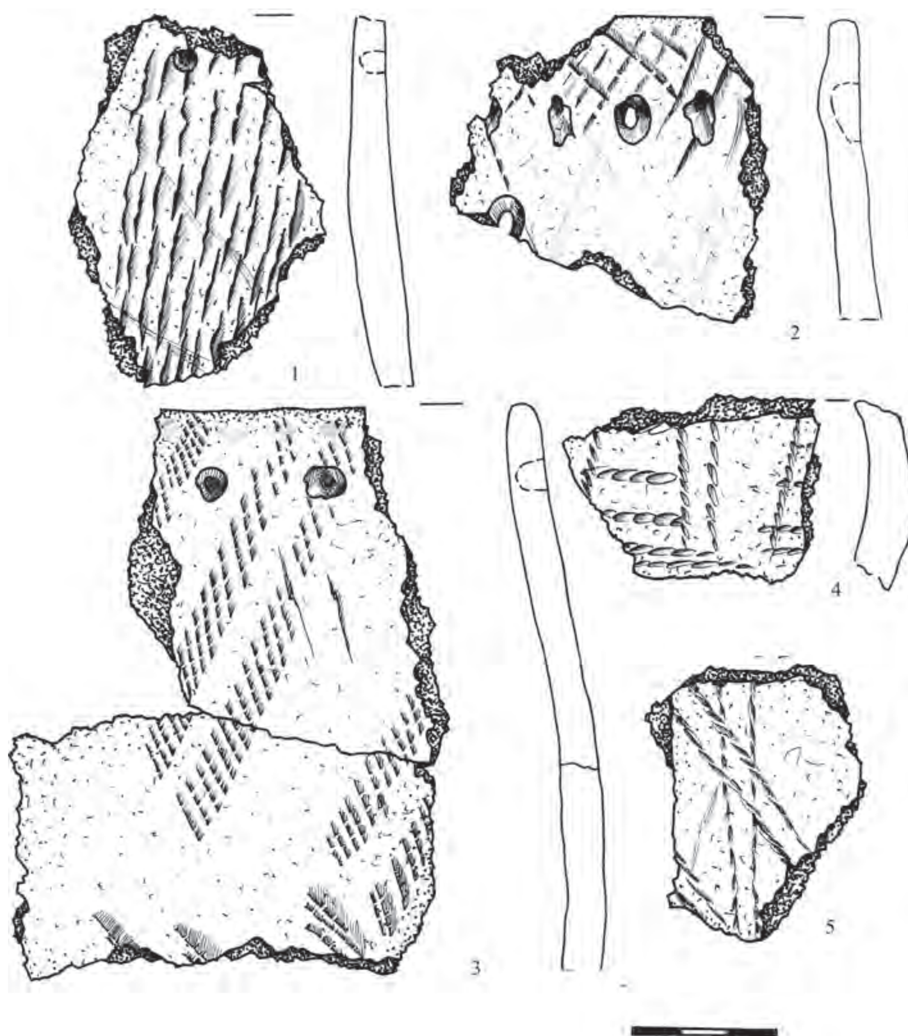


Мал. 3. Крамянёвы інвентар (*1–9*). Пласты 0,1–0,2 м и 0,2–0,3 м. Раскоп 1. Ніжняя Алба. 2011 г.

У 2011 г. на паселішчы Ніжняя Алба ў раскопе 1 былі знойдзены абломкі ляпной і ганчарнай керамікі. Неалітычны посуд прадстаўлены абломкамі, сярод якіх пераважаюць неарнаментаваныя і ўпрыгожаныя грабеньчатымі адбіткамі, што адлюстроўвае табл. 3.

Табліца 3. **Неалітычная кераміка**

Кераміка неалітычная		Пл. 1	Пл. 2	Пл. 3	Пл. 4	Пл. 5	Аб. 1	Усяго
1.	з грабеньчатым арнаментам	77	248	382	158	79	18	962
2.	з адступаючымі наколамі	9	3	11	18	8	4	53
3.	з разрэджанымі наколамі	15	38	85	48	29	5	220
4.	з лапчастым штампам	–	1	5	2	–	1	9
5.	з наразнымі лініямі	–	2	1	–	–	–	3
6.	з насечкамі	–	–	–	–	1	–	1
7.	з перакрыжаванымі расчосамі	–	–	–	–	1	–	1
8.	са шнурам	–	1	1	–	–	–	2
9.	з пракрэсленымі лініямі	–	1	–	2	–	–	3
10.	з адбіткамі птушынага пяра	–	–	–	1	–	–	1
11.	з ямкамі	2	–	–	1	–	–	3
12.	неарнаментаваная	493	1158	494	228	127	15	2515
	Разам:	596	1452	979	458	245	43	3773



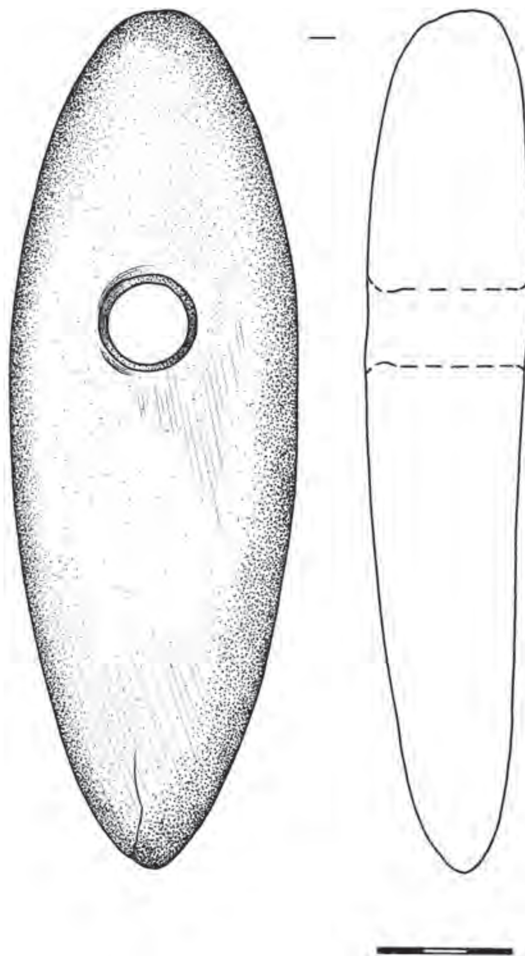
Мал. 4. Неалітычная кераміка (*1–5*). Пласты 0,3–0,4 м і 0,4–0,5 м. Раскоп 1. Ніжняя Алба. 2011 г.

Арнаментацыя неалітычных пасудзін суцельная, гэта у першую чаргу тычыцца гаршкоў, дэкарыраваных грабеньчатымі адбіткамі (мал. 4: *1*), і занальная (мал. 4: *2–5*). На фрагментах неалітычнай керамікі заўважаюцца матывы з дыяганальных шэрагаў грабеньчыка (мал. 4: *1*), якія арганізоўваліся ў рамбічныя фігуры (мал. 4: *3*), альбо ў косасетчатыя матывы (мал. 4: *2*) ці ў крыжападобныя кампазіцыйныя пабудовы (мал. 4: *5*). Марфалагічна вылучаюцца фрагменты венчыкаў, акруглыя па зрэзе, ад гаршкоў С-падобнага профілю, з крыху зведзенымі ўнутр сценкамі (мал. 4: *3*). Адзначаюцца ў керамічным комплексе паселішча Ніжняя Алба (урочышча Лукошыніца) і фрагменты, у профілі якіх праглядаецца павольны перагін сценкі пасудзіны (мал. 4: *4*). Арнаментаваны гэтыя фрагменты адступаючымі наколамі.

Вельмі цікавая знаходка была выяўлена за межамі раскопу, прыблізна праз 210 м на паўночны ўсход ад яго, на адным з вялікіх па плошчы пясчаных раздуваў. Па меркаванні мясцовых жыхароў у гэтай частцы паселішча ў 1970-х гадах былі вырыты дзве траншэі для захавання сіласных кармоў. Каменная свідраваная матыка была знойдзена жыхаром вёскі Верхняя Алба Гузавым Станіславам Рыгоравічам у 2011 г.

Сама прылада выраблена з мяккай пароды каменю, аднатоннага, без ўкрапін, светла-шэрага колеру. Памеры: даўжыня – 191 мм, шырыня – да 65, таўшчыня ў абушковай частцы – да 30, у самай шырокай частцы – 28, бліжэй да ляза – 20 мм. Дыяметр свідраванай адтуліны – 18–20 мм, прычым зроблена ў некалькі спроб-прыёмаў, што заўважаецца па змене дыяметра па знешняй і ўнутранай паверхні вырабу (мал. 5).

Марфалагічна прылада мае выцягнутую авальную форму, вузкі абушок, значна даўжэйшую лязовую частку: суадносіны 2 : 1, прычым знешняя яе паверхня падпаліравана пад невялікім ухілам. Функцыянальна адзначаны артэфакт можа быць аднесены альбо да сякерападобных матык [3, с. 421], альбо да каменных кайлоў ці поліфунцыянальных прылад [4, с. 9; с. 16, рис. 7: *3*]. Культурная атрыбуцыя выяўленай прылады папярэдне можа быць звязана з колам культуры шнуравой керамікі, але для



Мал. 5. Свідраваная матыка. Камень. Паверхневыя зборы. Ніжняя Алба. 2011 г.

больш дакладнай інтэпрэтацыі неабходна працягнуць стацыянарныя даследаванні на помніку.

Такім чынам, у час даследаванняў на паселішчы Ніжняя Алба (урочышча Лукошыніца) выяўлены рэшткі матэрыяльнай культуры розных эпох: ад позняга мезаліту (яніславіцкая культура ?) – ранняга неаліту (днепра-данецкая культура) і да перыяду позняга сярэдневякоўя. Найбольш перспектыўным для вывучэння неалітычнага перыяду застаецца паўднёва-заходняя частка паселішча як тая, што найменш закранута антрапегенным уздзеяннем.

Літаратура і крыніцы

1. Палікарповіч, К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у Усходняй Беларусі / К. М. Палікарповіч // Зап. аддз. гуманіт. навук. – 1928. – Кн. 5. – Працы кафэдры археолёгіі. – Т. 1.– С. 263 – 274.

2. Ксяндзоў, У. П. Ніжняя Алба / У. П. Ксяндзоў // Збор помнікаў гісторыі і культуры Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1985. – С. 179.

3. Ісаенка, У. Ф. Матыка / У. Ф. Ісаенка // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 1993. – С. 421.

4. Килейников, В. В. Культурно-типологические традиции и функциональные новации в орудийных комплексах бронзового века лесостепного Подонья [Электронный ресурс] / В. В. Килейников. – Режим доступа : vspu.as.ru/historic/internation_hist/publish/kileynikov/kileyn.htm. – Дата доступа : 12.06.2011 г. – С. 9–23.

Резюме

И. Н. Езепенко, С. С. Юрецкий

Раскопки на поселении каменного века Нижняя Олба-1 (урочище Лукошиница) в низовье р. Березина в 2011 г.

Проведен предварительный анализ стратиграфической и планиграфической ситуации в пределах раскопа 2011 г., кремневого и каменного инвентаря, керамического комплекса поселения Нижняя Олба (урочище Лукошиница) Жлобинского района Гомельской области. Типологическая характеристика остатков материальной культуры поселения позволяет утверждать, что данный памятник имел несколько этапов заселения. Доминирующей эпохой, судя по статистическим параметрам, представляется неолитическая, и, что наиболее ценно, выявлены фрагменты керамики, которые могут отражать ранний этап (фазу) неолитического периода на данном поселении.

Summary

I. Yazepenka, S. Yurecki

Excavations at the stone age settlement in Lower Olba-1 (Lukoshinitsa tract) at the lower of the river Berezina in 2011

The article presents a preliminary analysis of stratigraphic and planigrafic condition within the excavations in the year of 2011, mainly flint and stone tools, ceramic complex settlements found in Lower Olba (Lukoshinitsa tract), Zhlobin city, Gomel region. Typological characteristics of the material culture remains found at the settlement, which allows the authors to state that the settlement had several stages of population of the territory. Judging from the statistic parameters dominant age is the Neolithic one. And what is more, pieces of pottery were excavated, which may reflect the early stage (phase) of the Neolithic period to the present settlement.

УДК 903.4(476.5)

А. В. Вайцяховіч, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, загадчык сектара навуковых археалагічных фондаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск);*
М. А. Плавінскі, *Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, загадчык аддзела археалогіі, нумізматыкі і зброі, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Новыя даследаванні археалагічнага комплексу на р. Менка

У 2011 г. на падставе Дазволу па форме 1 (№ 2311) былі аднаўлены даследаванні археалагічнага комплексу на рацэ Менка каля вёскі Гарадзішча Шчомысліцкага сельсавета Мінскага раёна. Раскопкі пад кіраўніцтвам А. В. Вайцяховіча былі праведзены ў той частцы селішча, якая размешчана на паўднёвы ўсход ад вялікага гарадзішча[1].

Вывучэнне селішча каля гарадзішча на р. Менка мае дастаткова працяглую гісторыю. У 1964 г. раскопкі селішча праводзіў Э. М. Загарульскі [1, с. 32], у 1975 і 1983 гг. – Г. В. Штыхаў [11, с. 66–69; 12, с. 189–191], у 1992 г., 1996–2001 гг. – Ю. А. Заяц [3, с. 223].

Асноўнымі мэтамі аднаўлення даследаванняў гэтай часткі селішча было выяўленне ступені захаванасці культурнага пласта і вызначэнне перспектыў музеефікацыі археалагічнага комплекса на р. Менка.

Раскоп памерам 6 × 4 м (кв. 1–6 памерам 2 × 2 м) быў закладзены на полі ўздоўж лініі схілу яра з паўднёва-ўсходняга боку вялікага гарадзішча. З мэтай вызначэння перспектыў даследавання дадзенага ўчастка селішча да кв. 6 уздоўж паўднёвай сценкі раскопу была закладзена траншэя даўжынёй 3 м і шырынёй 1 м (кв. 7–9 памерам 1 × 1 м). З прычыны таго, што ўся плошча селішча пастаянна разворваецца і абрыс схілу яра змяняецца, звязаць раскоп 2011 г. з раскопамі папярэдніх гадоў немагчыма. Стацыянарнага рэпера на ворыўным полі няма, таму за ўмоўную нулявую адзнаку быў прыняты ўзровень дзённай паверхні паўночна-заходняга кута раскопу.

Стратыграфія раскопу і аб'екты.

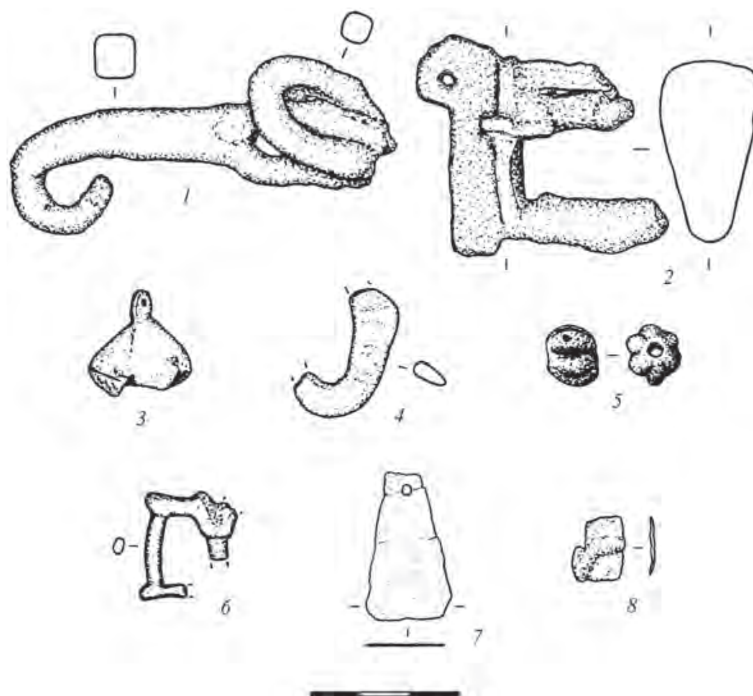
Пласт 1 прадстаўляў сабой ворыўны слой цёмна-шэрага колеру. У слаі траляліся дробныя (з прычыны шматразовага разворвання) фрагменты кругавой керамікі і глінянай абмазкі. Таксама выяўлены фрагменты жалезных нажоў, цэлыя і фрагментаваныя цвікі і жалезныя пласцінкі, фрагментаваная абутковая падкоўка, каменны асялок з адтулінай.

Пласт 2 па структуры і кансістэнцыі падобны да пласта 1, толькі ў кв. 5, 6 і ва ўсходняй частцы кв. 4 выяўлены непарушаны культурны слой. Пасля зачысткі ў гэтых квадратах пачала прасочвацца мацерыковая паверхня. У кв. 3, 5, 6 выяўлены камяні памерам да 20 см. У кв. 5 на глыбіні 35 см ад дзённай паверхні зафіксавана авальная глiністая пляма з уключэннем пяску, пазначаная як ***Аб'ект 1***, у заходняй частцы плямы назіраюцца сляды абпалу. Памер плямы па лініі захад–усход – 50 см, па лініі поўнач–поўдзень – 36 см.

Акрамя фрагментаў кругавой крамікі і глінянай абмазкі, у пласце 2 выяўлены шэраг індывідуальных знаходак. Сярод іх варта адзначыць вырабы з жалеза: палова двухчасткавых колкавых цугляў (мал. 1: *1*), фрагмент механізма навяснога замка (мал. 1: *2*), ігла ад фібулы, фрагменты ляза сякеры, ляза нажа, іголкі. Таксама выяўлены іншыя цэлыя і фрагментаваныя жалезныя вырабы – цвікі, кастылі, пласцінкі, кручок. Вырабы з каляровага металу з пласта 2 прадстаўлены – грушападобнай крыжападобнай бразготкай (мал. 1: *3*), фрагментам ліраподобнай спражкі (мал. 1: *4*) і некалькімі дробнымі фрагментаванымі прадметамі.

Пласт 3 прадстаўляе сабой па большасці некрануты культурны слой шэрага колеру. Пасля выбаркі пласта ва ўсіх квадратах выяўлены мацярык – шчыльны суглінак жоўтага колеру з уключэннямі чырвонай гліны. Акрамя кругавой керамікі і глінянай абмазкі, у пласце 3 выяўлена некалькі індывідуальных знаходак, сярод якіх варта адзначыць вырабы з жалеза: кальчужнае колца, фрагмент дужкі ад вядра, долата, фрагмент ляза нажа, дзве фрагментаваныя іголкі. Вырабы з каляровых ме-

[1] У раскопках прымалі ўдзел загадчык аддзела археалогіі, нумізматыкі і зброі Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь М. А. Плавінскі і супрацоўнікі Інстытута гісторыі НАН Беларусі: загадчык аддзела археалогіі сярэдневяковага перыяду В. І. Кошман, навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі сярэдневяковага перыяду С. Д. Дзярновіч, малодшы навуковы супрацоўнік сектара навуковых археалагічных фондаў Э. А. Ляшкевіч. Замалёўку профіляў і планаў раскопаў, а таксама першасную камеральную апрацоўку знаходак выканала студэнтка IV курса гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта М. І. Сцяпанава.



Мал. 1. Археалагічныя знаходкі: *1* – цуглі (фрагмент); *2* – механізм навяснога замка (фрагмент); *3* – бронзавая грушападобная крыжапраразная бразготка; *4, 6* – лірападобная спражка (фрагмент); *5* – фаянсавая пацерка; *7* – трапецападобная падвеска; *8* – упрыгажэнне з ліставога металу (фрагмент); *1–4* – пласт 2; *5–8* – пласт 3. Селішча на р. Менка. 2011 г. Малюнак М. А. Плавінскага

талаў прадстаўлены трапецападобнай падвескай (мал. 1: *7*), фрагметаванымі лірападобнай спражкай (мал. 1: *6*) і колцам, фрагментам упрыгажэння з ліставога металу (мал. 1: *8*), на якім меўся ціснёны арнамент. Акрамя таго, у пласце 3 выяўлена рабрыстая блакітная фаянсавая пацерка (мал. 1: *5*).

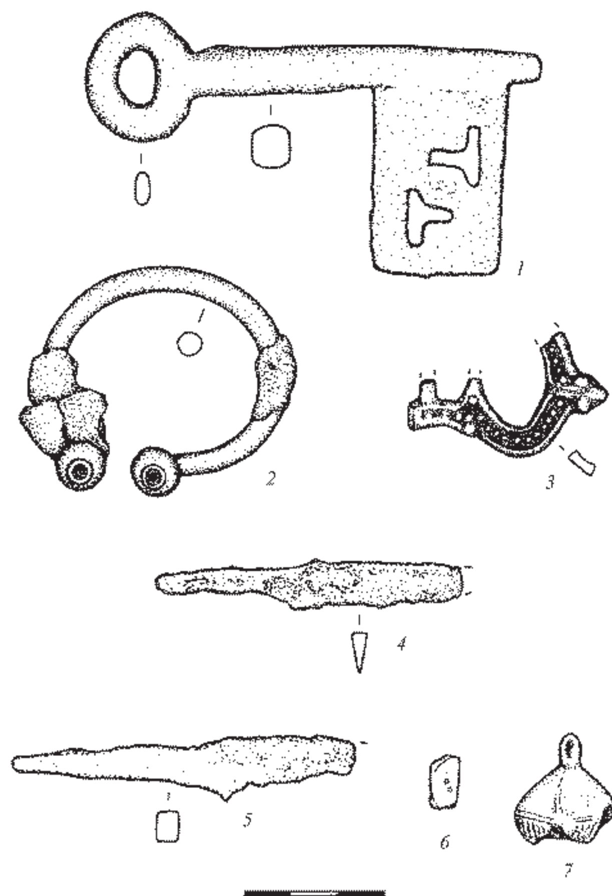
У мацерыку выяўлены 3 аб'екты.

Аб'ект 2 размешчаны ў кв. 2–5. Гэта яма, якая мае блізкую да авальнай форму (кв. 3, 5) з канаўкай, якая дамыкае да яе (кв. 2, 4). Яма арыентавана з паўночнага ўсходу на паўночны захад. Канаўка дамыкае да яе з паўночна-ўсходняга боку, а з паўднёва-заходняга боку яна злучаецца з аб'ектам 3. Паўночна-ўсходні край ямы выходзіць за паўночны край раскопу. Даўжыня ямы – 2,5 м, шырыня ў паўночна-ўсходняй частцы – 1,7, у паўднёва-заходняй – 1,4 м. Максімальная глыбіня ад узроўня мацерыка – 0,75 м. Даўжыня канаўкі – 1,6 м, яе шырыня ў паўночна-ўсходняй частцы – 1,1 м, у паўднёва-заходняй – 0,5 м. Максімальная глыбіня – 0,4 м. Аб'ект 2 запоўнены культурным слоем, які перамяжаецца праслойкамі пяску. У верхняй частцы канаўкі прасочаны вугальны слой таўшчынёй 0,18 м. У яме гэты слой паступова паніжаецца і ў паўночна-ўсходняй частцы дасягае дна ямы. Падчас зачысткі дна ў паўночна-ўсходняй частцы ямы зафіксавана 14 невялікіх паглыбленняў, размешчаных папарна. Дыяметр паглыбленняў – 4–5 см, глыбіня – да 3 см. Паглыбленні запоўнены вуголлем. Верагодна, гэта сляды жэрдак, якія падтрымлівалі навес над аб'ектам 2.

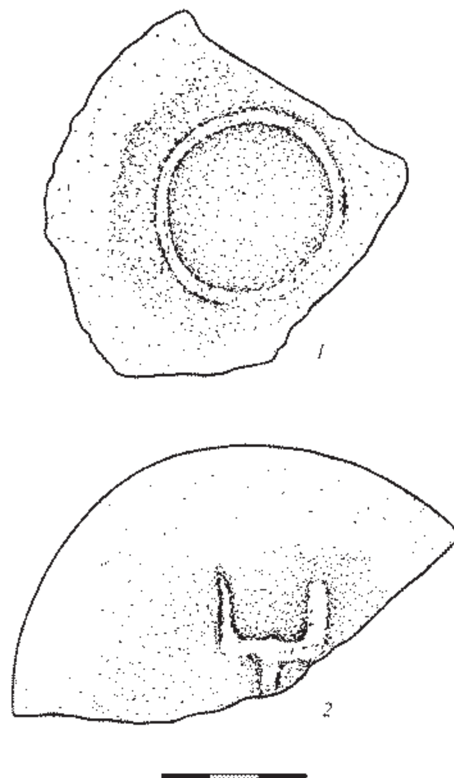
Падчас выбаркі аб'екта 3 у яго запаўненні былі выяўлены шматлікія фрагменты кругавой керамікі, некалькі кавалкаў глінянай абмазкі, косткі жывёл і рыб. Дастаткова шматлікія індывідуальныя знаходкі прадстаўлены артэфактамі: 1) жалезныя: ключ (мал. 2: *1*), фрагмент язычка ад спражкі, кальчужнае колца, фрагмент іголкі, нож (мал. 2: *4*), цвікі і неазначальныя вырабы; 2) бронзавыя: падковападобная фібула з макападобнымі галоўкамі (мал. 2: *2*), фрагмент лірападобнай спражкі (мал. 2: *3*) і фрагмент колца.

Аб'ект 3 размешчаны ў паўднёва-заходняй частцы кв. 2 і меў выгляд ямы, большая частка якой выходзіла за паўднёвы і заходні краі раскопу. Памеры даследаванай часткі ямы па лініі поўнач–поўдзень – 0,8 м, захад–усход – 1,7 м. Максімальная глыбіня – 0,84 м. На дне ямы выяўлена вугальная праслойка таўшчынёй да 0,2 м. Верхняя частка яма запоўнена культурным слоем цёмна-шэрага колеру. У запаўненні ямы выяўлены фрагменты кругавога посуду, фрагмент жалезнага нажа і цвік.

Аб'ект 4 знаходзіўся ў кв. 1, 3 і меў выгляд ямы, чатска якой выходзіла за ўсходні і паўночны краі раскопу. Памер даследаванай часткі ямы па лініі захад–усход – 2,4 м, поўнач–поўдзень – 1,7, глыбіня – 0,5 м. Яма запоўнена культурным слоем цёмна-шэрага колеру. На дне выяўлена праслойка вуголля таўшчынёй 0,15 м, у запаўненні фіксуюцца праслойкі пяску і гліны. У заходняй частцы ямы на



Мал. 2. Археалагічныя знаходкі: *1* – ключ; *2* – бронзавая падкovападобная фібула з макападобнымі галоўкамі; *3* – лірападобная спражка (фрагмент); *4, 5* – нажы; *6* – свінцовая пломба (фрагмент); *7* – грушападобная крыжапраразная бразготка; *1–4* – аб’ект 2; *5–7* – аб’ект 4. Селішча на р. Менка. 2011 г. Малюнак М. А. Плавінскага



Мал. 3. Донцы кругавых гаршчкоў з клеймамі (*1, 2*): *1* – пласт 2; *2* – аб’ект 4. Селішча на р. Менка. 2011 г. Малюнак М. А. Плавінскага

глыбіні 0,2 м ад яе дна выяўлена праслойка суглінку таўшчынёй да 0,1 м. Акрамя фрагментаў кругавой керамікі (сярод якіх маецца донца з кляймом (мал. 3: *2*)), кавалка глінянай абмазкі і костак жывёл у запаўненні аб’екта 4 знойдзены фрагментаваныя жалезныя вырабы, у тым ліку нож (мал. 2: *5*), бронзавая грушападобная крыжапраразная бразготка (мал. 2: *7*) і фрагмент свінцовай пломбы (мал. 2: *6*).

Траншэя была прырэзана да ўсходняй сценкі раскопу з мэтай высвятлення перспектывы яго пашырэння ва ўсходнім накірунку. Квадраты памерамі 1 × 1 м атрымалі нумары 7–9.

Пласт 1 прадстаўляў сабой перамешаны ворыўны слой цёмна-шэрага колеру, у якім знойдзены вельмі дробныя фрагменты кругавой керамікі і неазначальны жалезны выраб. *Пласт 2* па структуры і кансістэнцыі падобны да пласта 1 і толькі ля самага мацерыка выяўлены рэшткі непераадкладзенага культурнага слою. У ім знойдзены фрагменты кругавой керамікі, у тым ліку донца гаршка з кляймом, а таксама фрагмент лірападобнай спражкі і цвік ад падковы. *Пласт 3* выяўлены толькі ў кв. 9 і, часткова, у кв. 8. Ён складаецца з культурнага слою цёмна-шэрага колеру. У ім выяўлены фрагменты кругавой керамікі і кальчужнае колца.

Аб’ект 5 выяўлены ў кв. 9 на глыбіні 0,5 м. Гэта мацерыковая яма, краі якой выходзілі па-за межы траншэі. Яма паступова паніжалася ва ўсходнім кірунку. Яе максімальная глябіня – 0,56 м. Запаўненне складалася з культурнага слою цёмна-шэрага колеру, у якім прасочваліся шматлікі праслойкі пяску і ўключэнні гліны. У заходняй частцы ямы, на дне, зафіксаваны слой вуголля таўшчынёй 0,15 м. У запаўненні аб’екта 5 знойдзены фрагменты кругавой керамікі, глінянай абмазкі і косткі жывёл.

Шурф памерамі 1 × 1 м быў закладзены на правым схіле яра, які аддзяляе селішча ад вялікага гарадзішча (на паўночны ўсход ад раскопу). Глыбіня шурфа дасягала 0,61–0,82 м. Яго запаўненне складалася з перамешанага слою шэрага колеру з сучасным смеццем і некалькімі вельмі дробнымі неазначальнымі фрагментамі керамікі. Рэшткаў культурнага слою ў шурфе не выяўлена.

Храналогія раскопу. Для вызначэння датавання культурнага пласта і аб’ектаў раскопу 2011 г. на менкаўскім селішчы найбольшую каштоўнасць маюць індывідуальныя знаходкі, аналіз якіх дазваляе зрабіць вельмі істотныя заўвагі наконт датавання дадзенай часткі паселішча. Разам з тым варта адзна-

чыць фактычна поўную адсутнасць у раскопе ляпной керамікі, што дазваляе меркаваць аб адсутнасці тут адносна ранніх напластаванняў.

У ***пласце 1*** ніводнага вузкадатаванага артэфакта не выяўлена. Пры гэтым варта адзначыць наяўнасць познесярэдневяковай абутковай падкоўкі.

У ***пласце 2*** да ліку надзейна датаваных артэфактаў належаць фрагмент цугляў, фрагмент механізма навяснога замка, бронзавая грушападобная крыжапраразная бразготка і фрагмент ліурападобнай спражкі:

– фрагмент цугляў (мал. 1: *1*) належыць да тыпу I ці падтыпаў Iа, Iб, паводле А. М. Кірпічнікава. Улічваючы тое, што псалій не захаваўся, наяўны фрагмент цугляў можа быць датаваны ў межах IX–XI стст. [4, с. 13–15, 19];

– фрагмент механізма навяснога замка (мал. 1: *2*) датуецца часам не раней за пачатак XII ст. [5, с. 160, рис. 3];

– бронзавая грушападобная крыжапраразная бразготка (мал. 1: *3*) датавана канцом X – пачаткам XII ст. [7, с. 136];

– фрагмент лірападобнай спражкі (мал. 1: *4*) можа быць шырока датаваны – XI–XII стст. У Ноўгарадзе лірападобныя спражкі знаходзяцца ў слаях першай чвэрці XI – апошняй чвэрці XII ст. [9, с. 144].

У ***пласце 3*** да ліку хронаіндыкатараў належаць блакітная фаянсавая пацерка і фрагмент лірападобнай спражкі:

– фаянсавая пацерка (мал. 1: *5*) можа быць датаваная сярэдзінай X – сярэдзінай XI ст. [10, с. 98–99];

– фрагмент лірападобнай спражкі (мал. 1: *6*) датаваны XI–XII стст.

У ***аб’екце 2*** да ліку вузкадатаваных знаходак належаць бронзавая падковападобная фібула з макападобнымі галоўкамі, ключ ад нутранога замка і фрагментаваная лірападобная спражка:

– бронзавыя падковападобныя фібулы з макападобнымі галоўкамі (мал. 2: *2*) датуюцца на Русі пераважна XI ст. [6, с. 163]. У Ноўгарадзе яны выяўлены ў слаях сярэдзіны XI – сярэдзіны XII ст. [9, с. 88]. Таксама ў XI ст. падковападобныя фібулы з макападобнымі галоўкамі шырока распаўсюджваюцца ў латгалаў [8, с. 103];

– ключ ад нутранога замка (мал. 2: *1*) можа быць датаваны канцом XI – сярэдзінай XIV ст. [5, с. 161];

– фрагментаваная ліурападобная спражка (мал. 2: *3*) можа быць датавана XI–XII стст.

У ***аб’екце 4*** да вузкадатаваных знаходак можа быць аднесена толькі грушападобная крыжапраразная бразготка (мал. 1: *6*) канца X – пачатку XII ст.

Такім чынам, большасць індывідуальных знаходак з культурнага слою і аб’ектаў раскопу 2011 г. датуюцца X ст., ці некалькі шырэй: канцом X – пачаткам XI ст. Разам з тым выразна вызначаецца група артэфактаў (ключ, фрагмент механізма замка і, часткова, лірападобныя спражкі), якая сведчыць аб працягу жыцця на дадзеным участку менкаўскага селішча і ў XII ст. нават у больш позні час. Гэта дазваляе больш упэўнена ставіць пытанне аб верхняй храналагічнай мяжы функцыянавання археалагічнага комплексу. Варта ўзгадаць, што Г. В. Штыхаў і Ю.А. Заяц пісалі аб магчымасці працягу жыцця на селішчы і ў пачатку XII ст. [2, с. 28–29; 12, с. 189–191]. Г. В. Штыхаў таксама адзначаў, што невялікія паселішчы маглі існаваць на тэрыторыі селішча і на тэрыторыі гарадзішча яшчэ і ў XII ст. [12, с. 191]. Гэтыя высновы рабіліся найперш на падставе керамічных матэрыялаў. Пасля раскопак 2011 г. стала магчымым больш упэўнена казаць аб працягу функцыянавання менкаўскага селішча і ў XII ст., прынамсі той яго частцы, якая размешчана на паўднёвы ўсход ад вялікага гарадзішча.

Высновы

1. У выніку прац, якія былі праведзены на тэрыторыі археалагічнага комплексу на р. Менка, была даследавана плошча памерамі 28 м^2. Матэрыялы, атрыманыя падчас раскопак на селішчы, размешчаным на паўднёвы захад ад вялікага гарадзішча, дазваляюць меркаваць, што найбольш актыўная жыццядзейнасць на гэтым участку адбывалася ў канцы X – пачатку XI ст. Але і ў XII ст. жыццё на ім таксама працягвалася. Выяўленне дадзенага факту можна лічыць адным з найбольш важных вынікаў даследаванняў 2011 г.

2. Нягледзячы на шматгадовае разворванне і працяглую дзейнасць «чорных капацелей», перадмацерыковыя ўчасткі культурнага слою селішча засталіся ў непераадкладзеным стане. Тое ж можна сказаць і ў дачыненні да мацерыковых ям. Таму працяг даследаванняў на дадзеным участку археалагічнага комплексу на р. Менка можа быць прызнаны цалкам перспектыўным.

Літаратура

1. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – 358 с. : ил.

2. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Менка и Немига) / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 9. – С. 26–31.

3. Заяц, Ю. А. Гарадзішча / Ю. А. Заяц // Археалогія Беларусі : у 2 т.– Мінск : БелЭН імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : А–К. – С. 222–223.

4. Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников / Свод археологических источников. – Л., 1973. – Вып. Е1–36. – 140 с. : ил.

5. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Ногородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М. : Наука, 1982. – С. 156–177.
6. Мальм, В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы / В. А. Мальм // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды Государственного исторического музея. – М., 1967. – Вып. 43. – С. 149–190.
7. Мальм, В.А. Привески-бубенчики / В. А. Мальм, М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды Государственного исторического музея. – М., 1967. – Вып. 43. – С. 133–148.
8. Радиньш, А. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков / А. Радиньш // Archaeologia Lituana. – Vilniaus, 2001. – Vol. 2. – С. 65–118.
9. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 196 с. : ил.
10. Френкель, Я. В. Опыт датирования пойменной части гнездовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) / Я. В. Френкель // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. – СПб. : Альфарет, 2007. – С. 78–117.
11. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 160 с. : ил.
12. Штыхаў, Г. В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : у 4 т. – Минск : Беларус. навука, 2000. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 171–229.

Резюме

А. В. Войтехович, Н. А. Плавинский

Новые исследования археологического комплекса на р. Менка

В 2011 г. были возобновлены исследования археологического комплекса на р. Менка. Раскопки под руководством А. В. Войтеховича проводились в той части селища, которая размещается к востоку от большого городища. Исследованная площадь составила 28 м^2.

Полученные в ходе раскопок материалы позволяют предполагать, что наиболее активная жизнедеятельность на этом участке памятника существовала в конце X – начале XI в., причем и в XII в. жизнь на этом участке поселения продолжалась.

Summary

A. Vaitsekhovich, M. Plavinski

New research of Menka archaeological sight

Research of the archaeological sight on the river Menka was renewed in 2011. Excavations under the guidance of A. Vaitsekhovich where conducted on the territory of unfortified settlement which lies to the east from the big hill fort. The area of 28 sq. m was investigated.

The materials obtained during the excavations make it possible to consider that the most active live took place on this part of the monument in the end of the 10th – beginning of the 11th century. However in the 12th century life on this part of the monument continued.

УДК 903.4(476.5)

***А. В. Войтехович**, Институт истории НАН Беларуси, заведующий сектором научных археологических фондов Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук (г. Минск)*

Археологические работы на селище «Дружба» в городе Минске в 2011 г.

На территории современного Минска расположен ряд поселений, относящихся к древнерусскому времени. Еще в первой половине XX в. подобные памятники соотносились с населенными пунктами (деревнями), расположенными за пределами городской черты, но после строительства новых микрорайонов они становились частью города. Однако старые топографические названия сохранились. Одно из таких поселений было расположено на правом берегу р. Лошица, возле д. Дружба (прежнее название – Рыловщина). В 1925 г. И. А. Сербов проводил археологические исследования сохранившихся курганов распаханной группы у вышеназванной деревни [9, с. 196–209].

Селище было выявлено Ю. А. Заяцем в 1986 г. По предварительному заключению исследователя оно занимало площадь равную примерно 2,5 га. Согласно современному трассированию улиц г. Минска, территория селища «Дружба» расположена по обе стороны ул. Космонавтов и имеет вид вытянутой полосы (рис. 1). Западное окончание селища выходит за пределы пр. Дзержинского, северная ограничена руслом р. Лошица, южная граница определена в результате археологических исследований 2011 г. Она находится не более чем в 50 м на юг от бордюра ул. Космонавтов. Западная граница требует уточнения. В 1986–1987 гг. Ю. А. Заяцем в зоне строительства жилых домов микрорайона Малиновка-1 были исследованы археологические объекты на площади 1120 м^2. [1, 2]. Культурный слой на территории строительства был снят техникой до проведения археологических работ. В результате археологических раскопок были выявлены следы 16 наземных домов с подпольными и печными ямами, развалы каменных глинобитных печей. Вещевой материал представлен, главным образом, фрагментами керамических сосудов, также найдены изделия из железа и цветных металлов. Согласно хронологии, данное поселение существовало с XI по XIII в. и являлось одним из сельских поселений округи г. Минска [3, 5].

В 2011 г. часть территории селища, расположенная в районе пересечения пр. Дзержинского и ул. Космонавтов, попала в зону строительных работ. В результате нивелировки был снят насыпной гумусированный слой и раскрыта материковая поверхность, на которой четко фиксировались следы ям. Некоторые ямы имели квадратную форму и являлись, видимо, остатками заглубленных в грунт жилищ. Одно из таких пятен было прорезано узкой траншеей, осмотр которой показал, что глубина ямы, заполненной культурным слоем, достигает 0,7 м.

Согласно плану строительных работ, по этому участку должна была быть проложена траншея водопровода. Управление по охране историко-культурного наследия и реставрации Министерства культуры Республики Беларусь приостановило земляные работы на строительной площадке до проведения археологических раскопок. Однако, несмотря на запрет, была прорыта траншея глубиной и шириной до 2 м, и практически все археологические объекты были уничтожены. В результате осмотра траншеи был собран археологический материал – изделия из железа, цветного металла, камня, кости и фрагменты гончарных сосудов. Также было проведено изучение сохранившихся археологических объектов на прилегающих к траншее участках (рис. 2), так как при упорядочивании территории, после прекращения земляных работ, эти объекты могли пострадать.

Археологические работы на селище «Дружба» проходили в несколько этапов. Первый этап включал зачистку профилей траншеи водопровода и сбор археологического материала, второй этап – археологические раскопки вдоль линии траншеи.

Первый этап. Археологические объекты в виде остатков ям, заполненных темным культурным слоем, фиксировались в профилях траншеи, часть культурного слоя осыпалась на ее дно. После зачистки остатков объектов и просмотра осыпавшегося слоя и грунта, вынутого из траншеи, был собран археологический материал. К изделиям из цветных металлов относятся: лировидная поясная пряжка (рис. 3: *1*) и рамка приемника пояса от похожей пряжки (рис. 3: *2*). Подобные пряжки в окрестностях Минска встречаются в комплексах XI в. [4, с. 69]. Еще одна поясная пряжка имела рамку квадратной формы (рис. 3: *3*), такие изделия датируются в основном XII в. [8, с. 147]. К деталям поясного набора может иметь отношение и обоймица, представляющая собой согнутую пластинку с отверстием для заклепки (рис. 3: *4*). Украшения представлены фрагментами изделий. Это фрагмент орнаментированного узкомассивного литого браслета (рис. 3: *6*), характерного для древностей X–XII вв. [8, с. 103]. Найденный фрагмент браслета использовался вторично (подвеска ?), о чем свидетельствует просверленное отверстие.

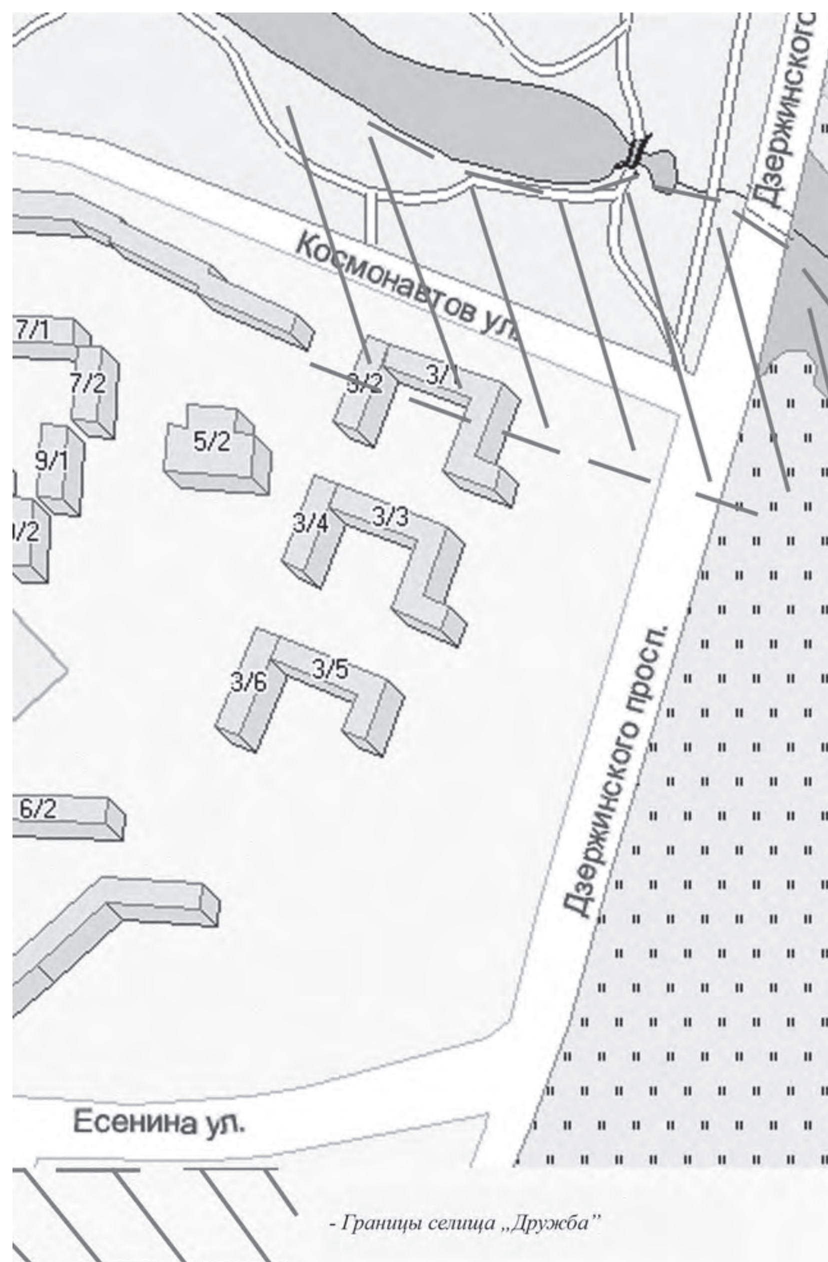


Рис. 1. Границы селища «Дружба» на выкопировке из карты г. Минска (масштаб 1 : 5000)

Изделия из железа представлены различными вещами хозяйственного назначения. Это кресала для высекания огня – целое калачевидное с язычком (рис. 3: *6*) и фрагмент овального кресала (рис. 3: *7*). Согласно Новгородской хронологии, калачевидные кресала с язычком датируются X – третьей четвертью XII в., а овальные началом XIII – серединой XV в. [7, с. 163]. Однако найденное калачевидное кресало имело переходную форму к более поздним кресалам без язычка и может датироваться не ранее XI в., а овальное, согласно общей хронологии памятника, не выходит за рамки XIII в. Ножи представлены только фрагментами лезвий. Один фрагмент имеет толстую спинку (4 мм). Нож был изготовлен в технике пакетирования, когда между двух половинок мягкого железа размещали полоску стали. Такая технология была характерна для X–XI вв. (рис. 3: *8*). Другой фрагмент ножа (рис. 3: *9*) цельнокованный и имеет толщину спинки 3 мм, подобные изделия относятся ко всему времени существования селища. К категории инструментов принадлежит фрагмент стамески, рабочая часть которой практически целиком обломана (рис. 3: *10*). Такие стамески в Новгороде появляются в XI в. [6, с. 41]. Также найдено шило (рис. 3: *11*). Детали одежды представлены пряжкой от обуви или амуниции (рис. 3: *12*) и фрагментами подковообразных фибул (с дужкой ромбического сечения (рис. 3: *13*) и часть дужки фибулы круглого сечения со спиральной головкой).

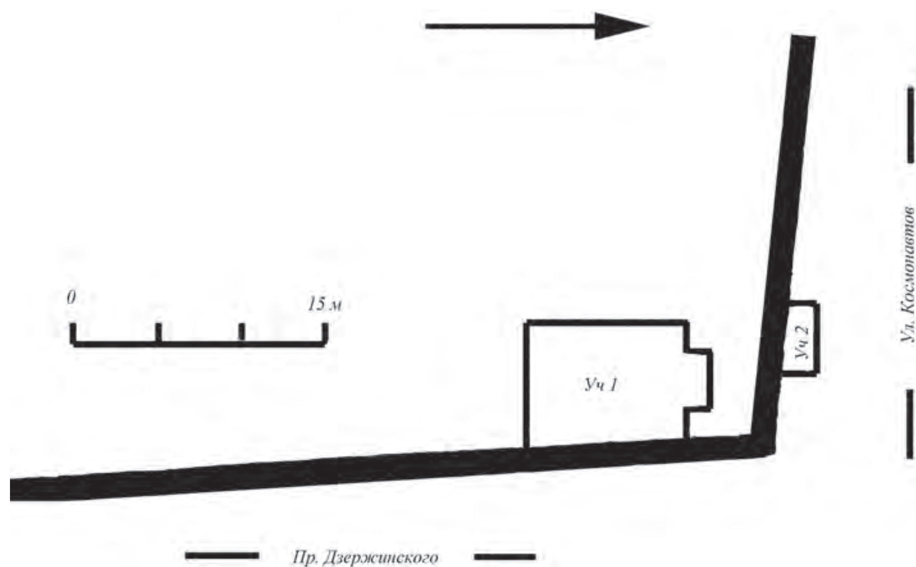


Рис. 2. Схема размещения участков раскопок археологических объектов на селище «Дружба» относительно траншеи водопровода

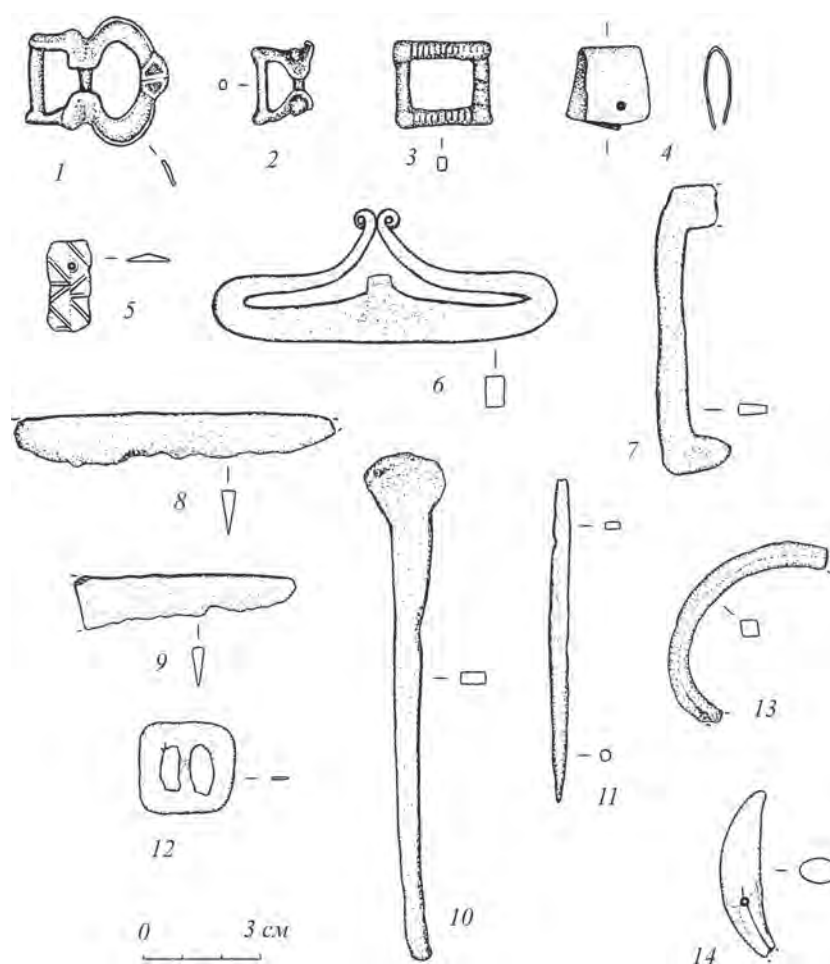


Рис. 3. Археологические материалы, найденные во время первого этапа работ на селище «Дружба»: *1–5* –изделия из цветного металла; *6–13* – изделия из железа; *14* – клык животного

Среди найденных вещей имеются изделия из костей животных. Это подвеска-амулет, изготовленная из клыка лисы (рис. 3: *14*), и фрагмент костяной проколки, сделанной из трубчатой кости.

Среди изделий из глины выделяется фрагмент красноглиняной амфоры с ручками. Остальные находки представлены фрагментами венчиков гончарных горшков XI–XII вв. (рис. 4: *1–12*). Кроме этого, найдены фрагменты стенок и донышек от гончарных горшков, на одном из донышек было клеймо в виде солярного знака (рис. 4: *13*). Также были встречены фрагменты красной глиняной обмазки от деревянных конструкций.

Второй этап. ***Участок № 1.*** Было решено провести исследование участка № 1, прилегающего к траншее, параллельной пр. Дзержинского, со стороны микрорайона (рис. 5). Данный участок мог быть поврежден при дальнейших работах по благоустройству этой территории, а археологические объекты, находящиеся на этом участке, уничтожены техникой. Слой балласта был снят, его толщина колебалась от 0,2 до 0,4 м. Балласт представлял собой очень плотный грунт черного цвета, в котором встречались фрагменты битого красноглиняного кирпича, следов археологического материала в слое бал-

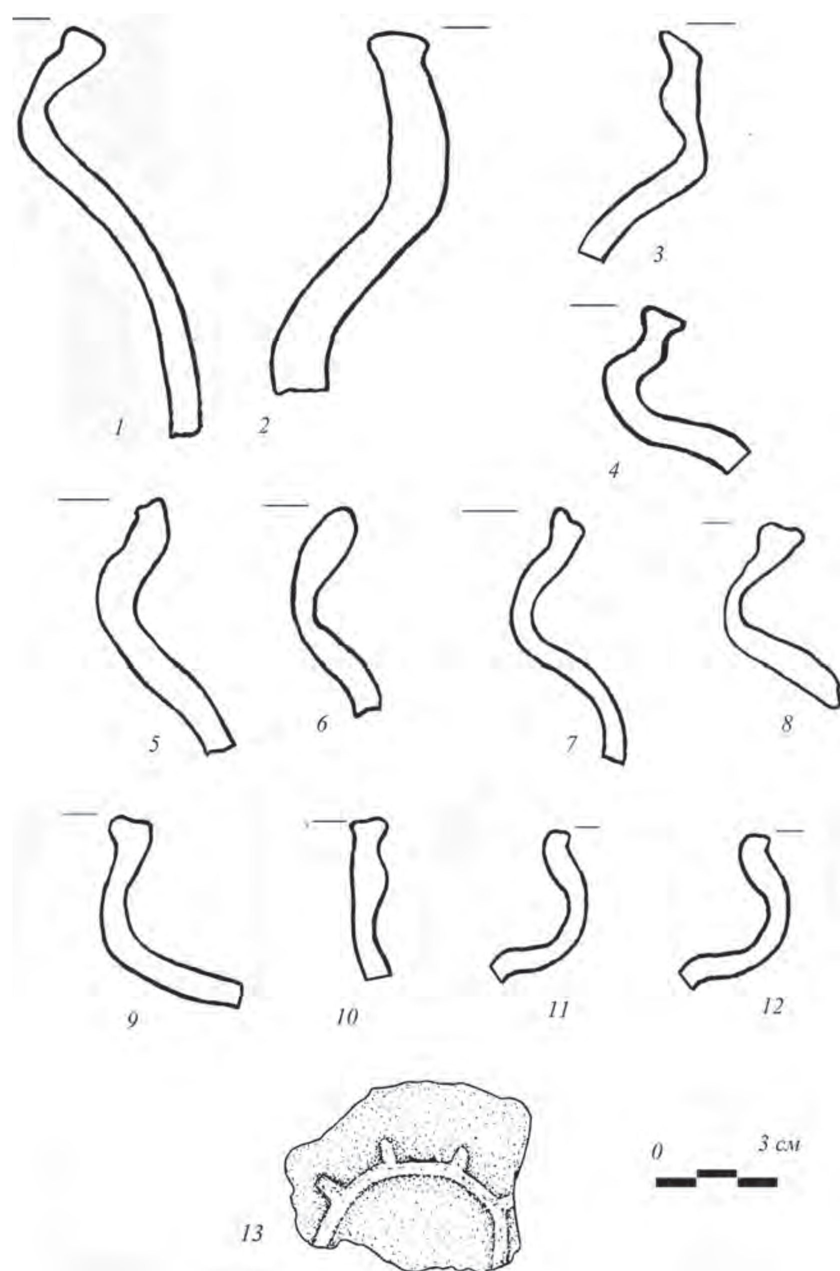


Рис. 4. Венчики (*1–12*) и донышко (фрагмент) (*13*) гончарных горшков, найденные во время первого этапа работ на селище «Дружба»

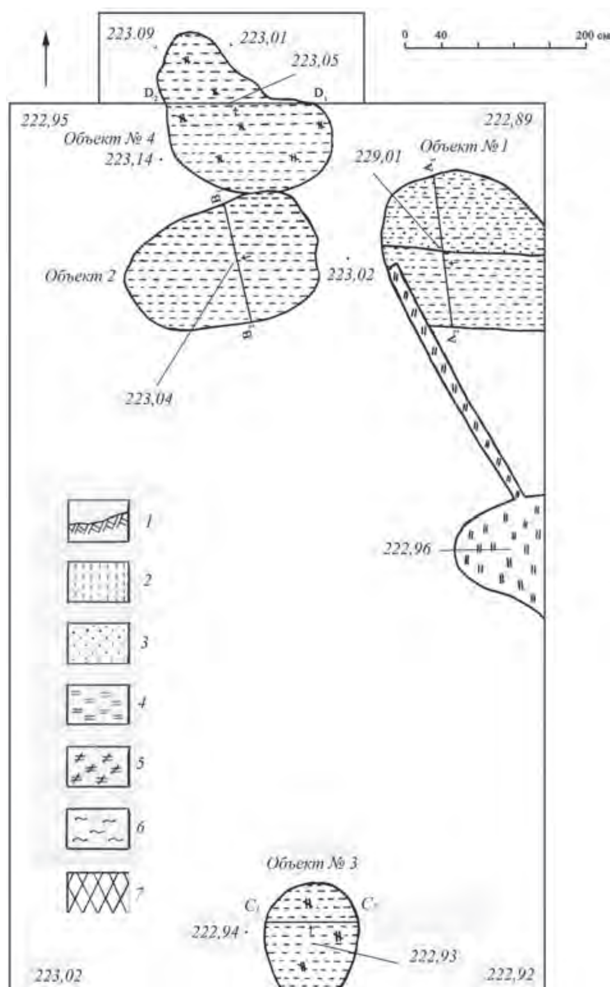


Рис. 5. План зачистки материковой поверхности с контурами археологических объектов на первом участке работ на селище «Дружба» (здесь и далее нивелировочные отметки приводятся по балтийской системе). Условные обозначения: *1* – материк; *2* – культурный слой; *3* – песок; *4* – глина; *5* – обожженая глина; *6* – уголь; *7* – перекоп

ласта не обнаружено. Зафиксированный черный слой, видимо, был насыпан во время благоустройства территории микрорайона после строительства. В результате зачистки был размечен участок материковой поверхности размером 10 × 7 м со сторонами, параллельными пр. Дзержинского и ул. Космонавтов. Одна из сторон участка примыкала к засыпанной траншее. Материковая поверхность была зачищена вручную. Были выявлены следы четырех археологических объектов – ям (рис. 6).

Объект № 1 примыкал к краю траншеи. Он представлял собой пятно темного цвета округлой формы. На расстоянии 2,8 м от него на юг выявлено скопление глины размерами 1,0 × 1,2 м. Между объектом и пятном прослеживалась полоса глины длиной около 3 м при ширине 0,2 м. После выборки выяснилось, что объект № 1 представляет собой углубление диаметром около 2 м, в юго-западной части которого была яма овальной формы размерами 0,6 × 0,8 м и глубиной до 0,2 м, заполненная темным слоем (рис. 7: *1*). Общая глубина объекта достигала 0,3 м. Полоса глины также была углублена в материк на 0,1 м.

Объект № 2 находился на расстоянии 0,6 м на запад от объекта № 1 и представлял собой овальное пятно темного цвета. После выборки ямы оказалось, что размеры объекта несколько больше видимого пятна, его восточный край был заполнен глиной, и в действительности объект № 2 был расположен на расстоянии 0,2 м от объекта № 1. Объект № 2 представлял собой углубление размерами 1,4 × 2,5 м, заполненное культурным слоем, в его восточной части выявлена яма диаметром около 1 м и глубиной до 0,25 м, заполненная темным слоем, а с восточной стороны – глиной. Общая глубина объекта составила 0,3 м (рис. 7: *2*). В заполнении ямы встречались мелкие фрагменты керамических изделий.

Объект № 3 был выявлен у южной стороны исследуемого участка и примыкал к ней. Объект

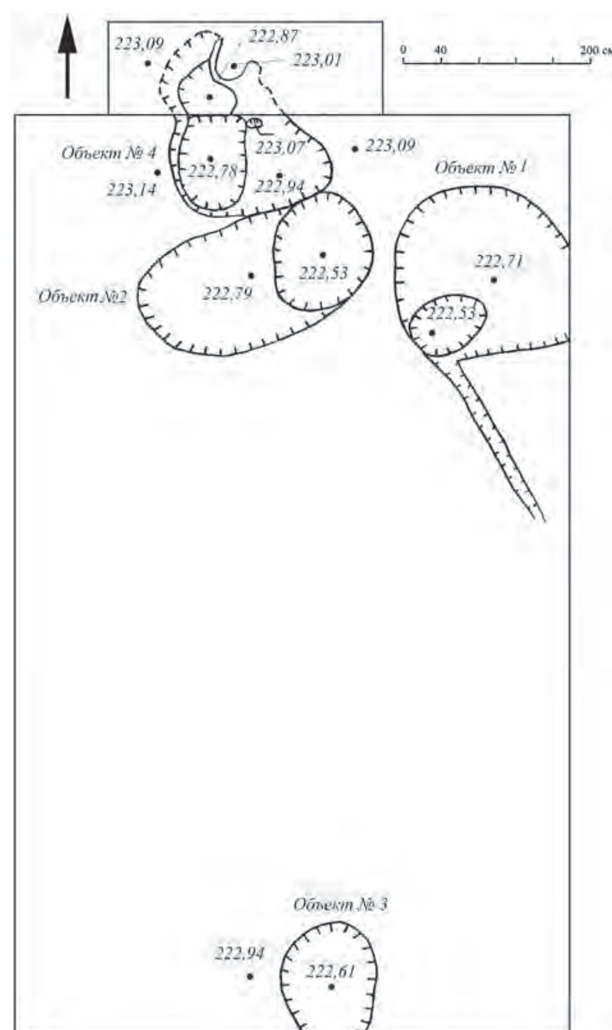


Рис. 6. План раскопанных археологических объектов – ям – на первом участке работ на селище «Дружба»

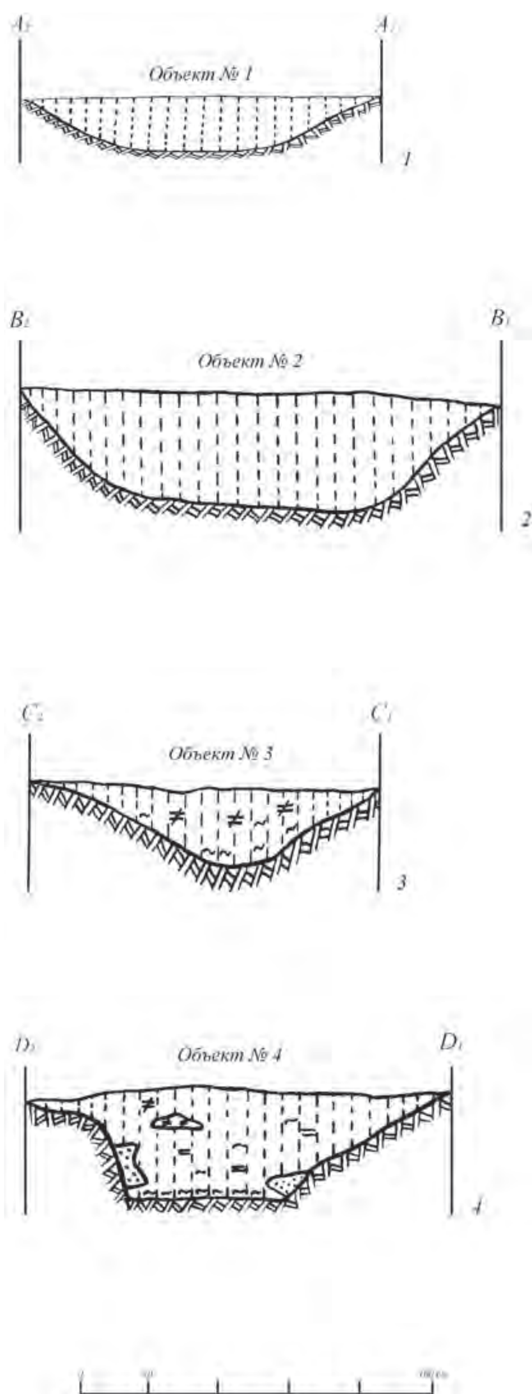


Рис. 7. Профили раскопанных археологических объектов – ям – на первом участке работ на селище «Дружба»

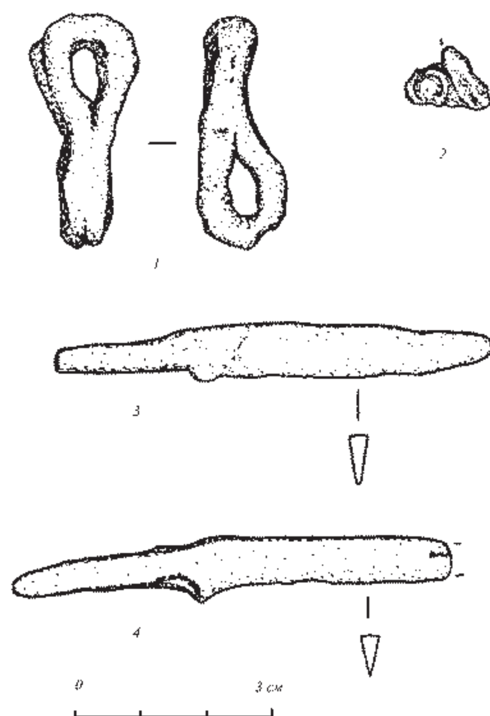


Рис. 8. Материалы, найденные во время археологического изучения объектов – ям – на втором этапе работ на селище «Дружба»: *1, 3, 4* – изделия из железа; *2* – изделие из цветного металла (фрагмент)

представлял собой темное пятно овальной формы. Небольшая (южная) его часть, уходящая за край участка, была уничтожена позднейшим перекопом, заполненным современным мусором и поэтому объект целиком не раскрывался. Объект № 3 представлял собой яму овальной формы размерами 1,0 × 1,2 м, реальная длина которой была около 1,5 м, максимальная глубина 0,33 м (рис. 7: *3*). Яма была заполнена культурным слоем с включениями угольков и обожженной глины. В заполнении ямы присутствовал следующий археологический материал: железное звено цепи в форме восьмерки (рис. 8: *1*), 16 фрагментов венчиков (рис. 9: *1–3*), 60 стенок и 3 фрагмента донышек терракотовых горшков XI–XII вв., 2 фрагмента глиняной обмазки, 27 фрагментов костей животных, среди которых кости копытных и свиньи.

Объект № 4 примыкал к северному краю объекта № 2 и имел вид пятна темного цвета. В результате выборки ямы выяснилось, что ее часть уходит за северный край зачищенного участка, поэтому было решено расчистить дополнительный участок размером 1,0 × 3,0 м, для того чтобы исследовать объект полностью. Объект № 4 представлял собой углубление овальной формы размером 1,2 × 1,9 м, в западной его части выявлена яма размерами 0,6 × 1,2 м и глубиной до 0,35 м. Яма была заполнена темным культурным слоем с включениями глины и линз песка, на ее дне прослеживался слой углей (рис. 10). В углублении найдены фрагмент пластинки из цветного металла с тисненым орнаментом (рис. 8: *2*) и согнутый нож с толстой (до 4,5 мм) спинкой (рис. 8: *3*). Также в заполнении ямы собран следующий археологический материал: фрагменты терракотовых горшков (38 венчиков (рис. 9: 4–*10*), 133 стенки, 15 донышек), кроме этого 15 фрагментов глиняной обмазки, 6 фрагментов костей животных, среди которых зуб лошади и кости свиньи.

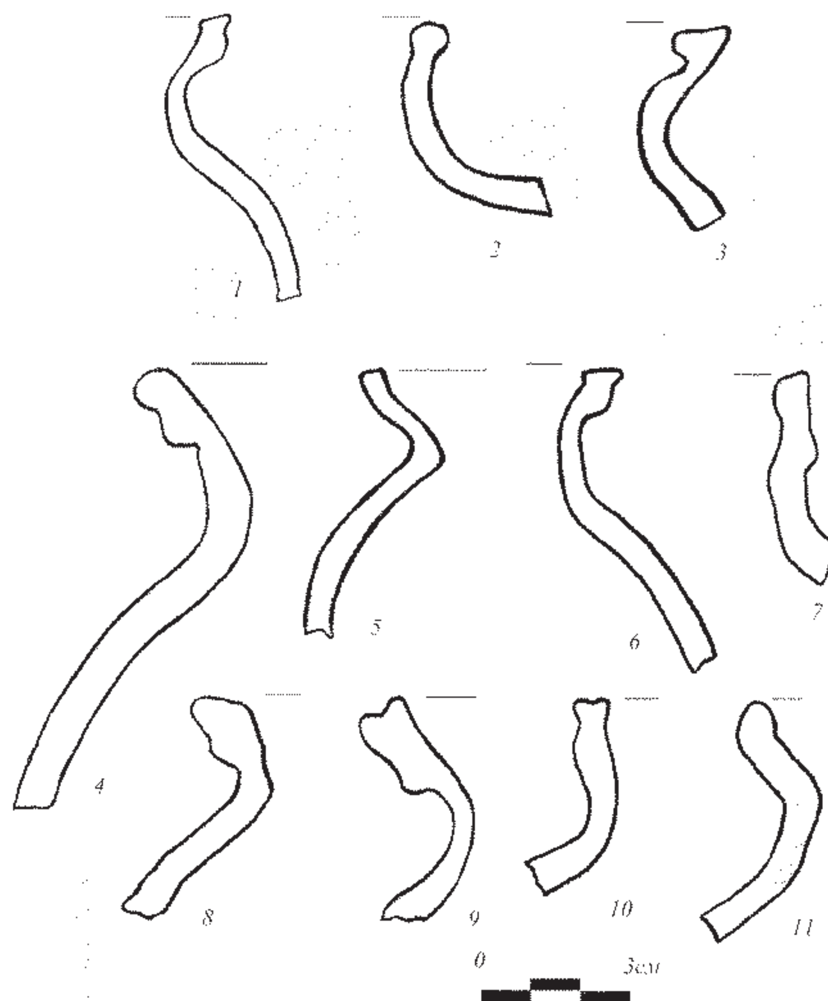


Рис. 9. Венчики гончарных горшков (фрагменты), найденные во время археологического изучения объектов – ям – на втором этапе работ на селище «Дружба»: *1–3* – объект № 3; *4–10* – объект № 4; *11* – объект № 5

Участок № 2. Второй участок, выбранный для исследования, примыкал к краю траншеи со стороны ул. Космонавтов. В профиле траншеи сохранились следы археологического объекта. Так как часть профиля траншеи рядом с *объектом № 5* осыпалась, было решено исследовать этот объект. Для этого у края траншеи вручную был расчищен участок № 2 размерами 2,2 × 0,3 м (рис. 10). Снятый слой достигал толщины 0,3 м и представлял собой черный насыпной грунт и плотный суглинок со щебнем. Юго-восточный край участка № 2 находится на расстоянии 5 м от северного края участка № 1. В результате зачистки были выявлены контуры объекта № 5, который имел вид траншеи, расширяющейся к северо-востоку. Объект целиком не исследовался, так как его северная часть уничтожена позднейшим перекопом. После выборки были определены размеры сохранившейся части объекта: длина – 2,2 м, ширина южной части – 0,6, северной – 1,2, глубина – до 0,4 м.

Заполнение объекта – очень плотная черная земля, перемешанная с углем. В заполнении найден железный нож с обломанным острием (рис. 8: *4*), толщина спинки которого равнялась 3,5 мм. Массовый материал представлены фрагментами терракотовых горшков XI–XII вв.: 4 венчика (рис. 9: *11*), 9 стенок, фрагмент донышка, зуб коровы.

Археологические материалы, полученные в 2011 г., подтверждают то, что селище «Дружба» было достаточно крупным сельским поселением в XI–XIII вв. Ряд таких поселений составлял аграрную округу Минска. О связи с крупным городским центром древнерусского времени свидетельствует вещевой материал, который укладывается в хронологические рамки XI–XII стст., кроме этого, встречались и единичные находки, относящиеся к XIII в. В результате зачистки участков селища выявлены ямы (так называемые хозяйственные ямы), служащие местом утилизации мусора (битой посуды, отвалившейся обмазки, костных остатков пищи). Такие ямы часто встречаются

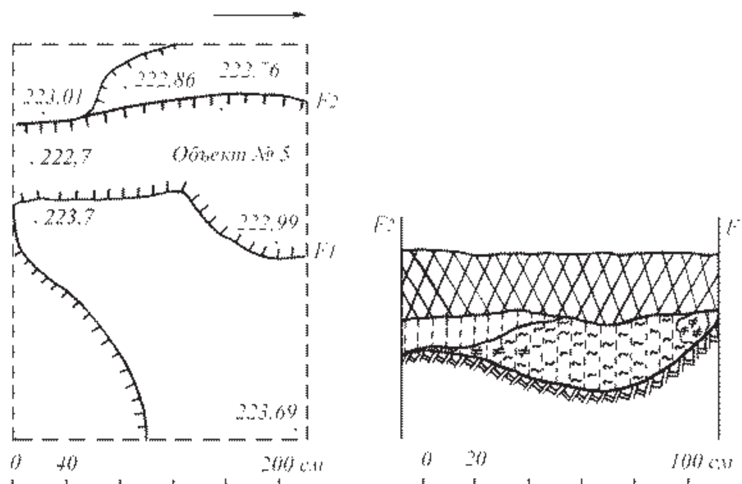


Рис. 10. План и профиль раскопанного археологического объекта – ямы на втором участке работ на селище «Дружба»

на территории жилых дворов. К сожалению, место, где находилось жилище, было уничтожено траншеей, и двор целиком исследовать не удалось. Выявленные археологические объекты находились на самой периферии селища и последующие земляные работы по строительству домов их не затронули.

Литература

1. Заяц, Ю. А. Отчет о полевых исследованиях сельских поселений и могильников центральных районов минской области в 1986 г. / Ю. А. Заяц // ААНД ИИ НАН Беларуси. – Арх. № 959. – С. 12–23.

2. Заяц, Ю. А. Отчет об исследовании и раскопках поселений и могильников сельской округи Минска X–XIII вв. в 1987 г. / Ю. А. Заяц // ААНД ИИ НАН Беларуси. – Арх. № 1031. – С. 9–16.

3. Заяц, Ю. А. Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) / Ю. А. Заяц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – 1994. – № 10. – С. 132–147.

4. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с. : іл.

5. Заяц, Ю. А. Дружба / Ю. А. Заяц // Археалогія Беларусі : у 2 т. – Мінск : БелЭН імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 315–316.

6. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) / Б. А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР № 65. Труды Новгородской экспедиции. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. II. – С. 7–120.

7. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода ; под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. – М. : Наука, 1982. – С. 156–177.

8. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 196 с. : ил.

9. Сербаў, І. А. Археолёгічныя раскопкі ў аколіцах Менску ў 1925 г. (Пятроўшчына і Рылаўшчына) / І. А. Сербаў // Гіст.-археолёг. зб. (даклады і рэфераты 1926–27 году). – Менск, 1927. – № 1. – С. 195–232.

Рэзюмэ

А. В. Вайцяховіч

Археалагічныя працы на селішчы «Дружба» ў горадзе Мінску ў 2011 г.

Дадзеныя археалагічныя даследаванні на селішчы «Дружба» адбываліся ў сувязі з правядзеннем будаўнічых прац. Першы этап уключаў абследаванне археалагічных аб'ектаў, знішчаных будаўнікамі. Другі – раскопкі мацерыковых ям. У выніку знойдзены фрагменты кругавога посуду, вырабы з каляровага металу, жалеза, камення і косці, якія адносяцца да XI–XII стст. Селішча «Дружба» належыць да шэрагу аграрных паселішчаў, якія складалі акругу старажытнага Менска.

Summary

A. Vojtekhovich

Archeological researches on the settlement of Druzhba in Minsk in 2011

Archeological researches on the settlement of Druzhba were caused by carrying out of building. The first stage included the inspection of archeological objects destroyed by builders. The second provided the excavation of pits. Fragments of wheel-made pottery, ferrous and non-ferrous items, stone and bone artifacts which dated back to the 11th–12th centuries were discovered. So the settlement of Druzhba could be concerned as a rural site around the ancient Mensk.

УДК 903.4«638»/«653»(476.2)

***В. С. Вяргей,** кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Даследаванні на паселішчы Снядзін-3 у Петрыкаўскім раёне ў 2011 г.

Палявая праца летам 2011 г. праводзілася ў сувязі з распрацоўкай праблемы засялення Прыпяцкага Палесся ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі ў рамках выканання тэмы ДПНД «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава» падпраграмы № 1 «Гісторыя, духоўная і матэрыяльная культура беларускага народа», для асвятлення навуковай тэмы «Паселішчы жалезнага веку і ранняга сярэднявечча каля в. Снядзін – культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя матэрыялаў», а таксама ў адпаведнасці з інавацыйным праектам па даследаванні археалагічных помнікаў на тэрыторыі Нацыянальнага парка «Прыпяцкі». Археалагічныя даследаванні здзяйснялі на падставе Дазволу № 2298 і яны былі сканцэнтраваны на раскопках паселішча Снядзін-3.

Археалагічны комплекс каля в. Снядзін Петрыкаўскага раёна адкрыты В. С. Вяргей у 1992–1993 гг. Ён складаецца з чатырох паселішчаў і мяркуемага грунтовага могільніка. Размешчаны на правым беразе р. Прыпяць на краі надпоплаўнай тэрасы на вышыні 2,5–3,5 м над узроўнем вады. З захаду і паўночнага захаду яго тэрыторыя абмежавана старычнымі азёрамі Барацкое і Уходнае (Входнэе). Паселішчы Снядзін-1 і Снядзін-3 размешчаны на выцягнутай з захаду на ўсход пясчанай градзе даўжынёй да 1 км. На самай высокай кропцы грады паміж паселішчамі 1 і 3 размешчаны грунтовы могільнік.

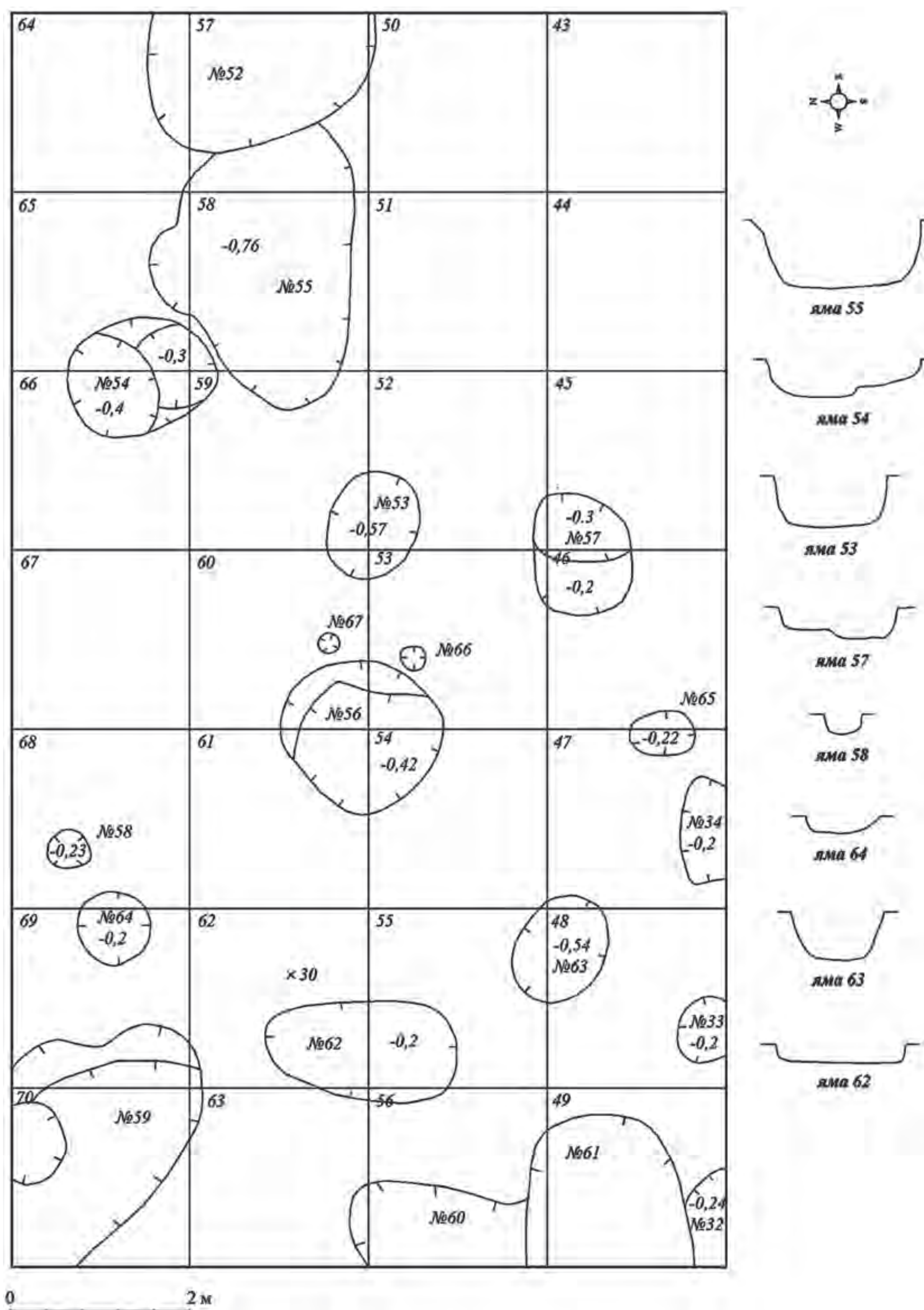
Паселішча Снядзін-3 займае заходні ўчастак доўгай пясчанай грады і абмежавана з заходняга боку старычным возерам Барацкое. Знаходкі на паверхні прадстаўлены абломкамі ляпнога посуду, кавалкамі балотнай руды, жужалю і сустракаюцца на плошчы прыкладна 250 × 250 м. У 1997 г. тут былі закладзены 2 разведачныя шурфы, таўшчыня культурнага пласта ў якіх дасягала 0,6–0,8 м, а ў 2005–2006 гг. праведзены стацыянарныя раскопкі, у выніку якіх было даследавана 176 м^2 культурнага пласта [1, 477–486; 2, с. 21–32]. Паверхня паселішча даволі роўная з невялікім паніжэннем на захад, у бок возера і на поўнач, у бок нізіны, за якой размешчана паселішча Снядзін-2. Раней участак, дзе размешчана паселішча, выкарыстоўваўся мясцовым саўгасам як ворыўнае поле, але зараз выведзены з севазвароту. Паверхня помніка задзірванела. Раскоп 3 памерамі 14 × 8 м закладзены ўстык да паўночных сценак раскопаў 1 і 2 2005–2006 гг. Яго плошча склала 112 м^2. Доўгімі сценкамі раскоп арыентаваны па лініі ўсход–захад, ён разбіты на квадраты плошчай 2 × 2 м. Нумарацыя квадратаў лічбавая ад 43 да 70 і працягвае нумарацыю раскопаў 1 і 2. Нумарацыя аб'ектаў раскопу 3 таксама працягвае нумарацыю аб'ектаў папярэдніх раскопаў.

Стратыграфія раскопу. Дзённая паверхня практычна роўная, перапады не перавышаюць 20 см, а перапад вышыні на ўзроўні мацерыка вагаецца ў межах каля 10 см. Дзённая паверхня задзірванела, зарасла шматтраўем. Верхнюю частку культурнага слою складае ворыўны пласт шэра-карычневага супеску, таўшчыня якога дасягае 0,25–0,30 м. Ніжэйворнага пласта залягаў пласт чорнай зямлі, які прасочаны на ўсёй плошчы раскопу. Яго таўшчыня не аднолькавая ў розных месцах і вагаецца ад 0,40 да 0,15 м. Ніжэй чорнай зямлі ва ўсходняй частцы раскопу назіраўся пласт цёмна-шэрага, месцамі з карычневым адценнем супеску. На асобных участках ён дасягаў мацерыка, у іншых месцах падсцілаўся жаўтавата-шэрым слоем супеску. Таўшчыня шэра-карычневага пласта дасягала 0,2 м. Мацярык складаўся з жаўтаватага пяску з рэдкімі артзандамі і залягаў на глыбіні 0,5–0,6 м. У культурным пласце раскопу і мацерыка прасочаны рэшткі агменю, 3 слупавыя і 13 гаспадарчых ям (мал. 1).

Агмень 1 выяўлены ў кв. 63 на глыбіні 0,3–0,4 м. Мае падквадратную ў плане форму памерамі прыкладна 0,5 × 0,5 м. Выкладзены з невялікіх камянёў з уключэннем кавалкаў металургічнага жужаля. Зямля пад ім слаба насычана вуголлем і попелам. Сярод камянёў агменю знойдзены фрагмент верхняй часткі ляпнога гаршка пражскай культуры. Ямы маюць розныя памеры і канфігурацыю, іх дыяметр вагаецца ў межах ад 3 м да 1 м, глыбіня дасягае 0,2–0,6 м ад узроўню мацерыка. У запаўненні пераважнай большасці ям выяўлены фрагменты ляпнога посуду розных храналагічных этапаў функцыянавання паселішча. Напрыклад, час выкарыстання ям 60 і 61 па характары керамічнага набору можна абмежаваць другой паловай I – II ст. н. э., 56 – III – пачаткам IV ст. н. э. (мал. 2). У ямах 55 і 59 выяўлены толькі фрагменты посуду раннеславянскай пражскай культуры (мал. 3).

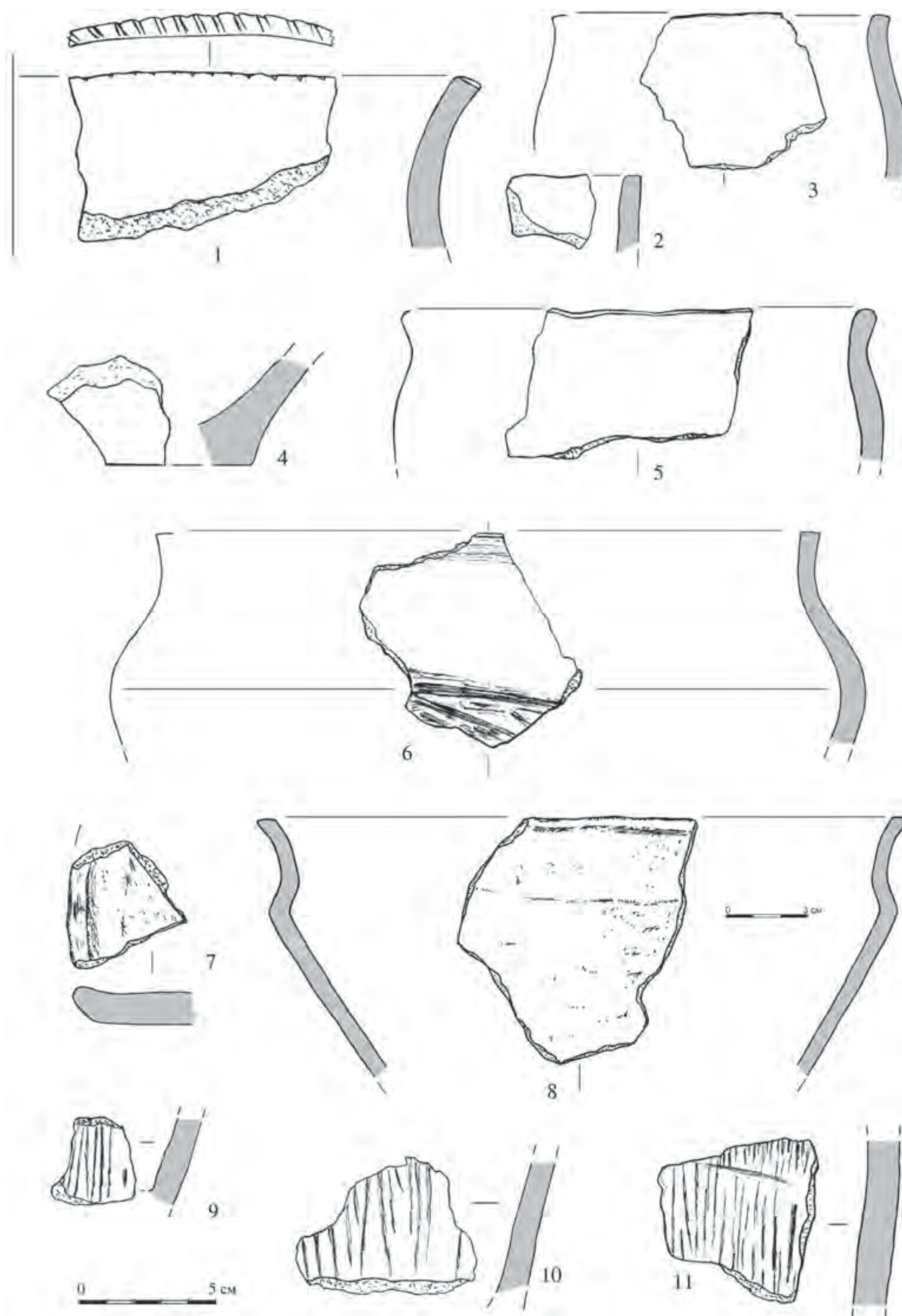
У культурным пласце і аб'ектах раскопу знойдзена: 134 фрагменты ганчарнай керамікі, 12 абломкаў посуду эпох неаліту і бронзы, 2576 – грубаляпнога гладкасценнага посуду, 9 – глянцаванага посуду, 21 – посуду з падштрыхоўкай і расчэсамі, 236 костак жывёл, 863 кавалкі жужалю, 14 крамянёвых артэфактаў, 55 кавалкаў пячыны альбо абмазкі.

Артэфакты, якія адносяцца да эпох неаліту і бронзы, прааналізаваў М. М. Крывальцэвіч, за што аўтар прыносіць яму шчырую ўдзячнасць. Ён адзначыў наяўнасць у керамічным матэрыяле абломкаў посуду ўсходнепалескага варыянта днепра-данецкай неалітычнай культуры, у ганчарнай масе якіх назіраюцца дамешкі шамота і жарствы. Прымяняліся



Мал. 1. План раскопу 3 на ўзроўні мацерыка. Снядзін-3. 2011 г.

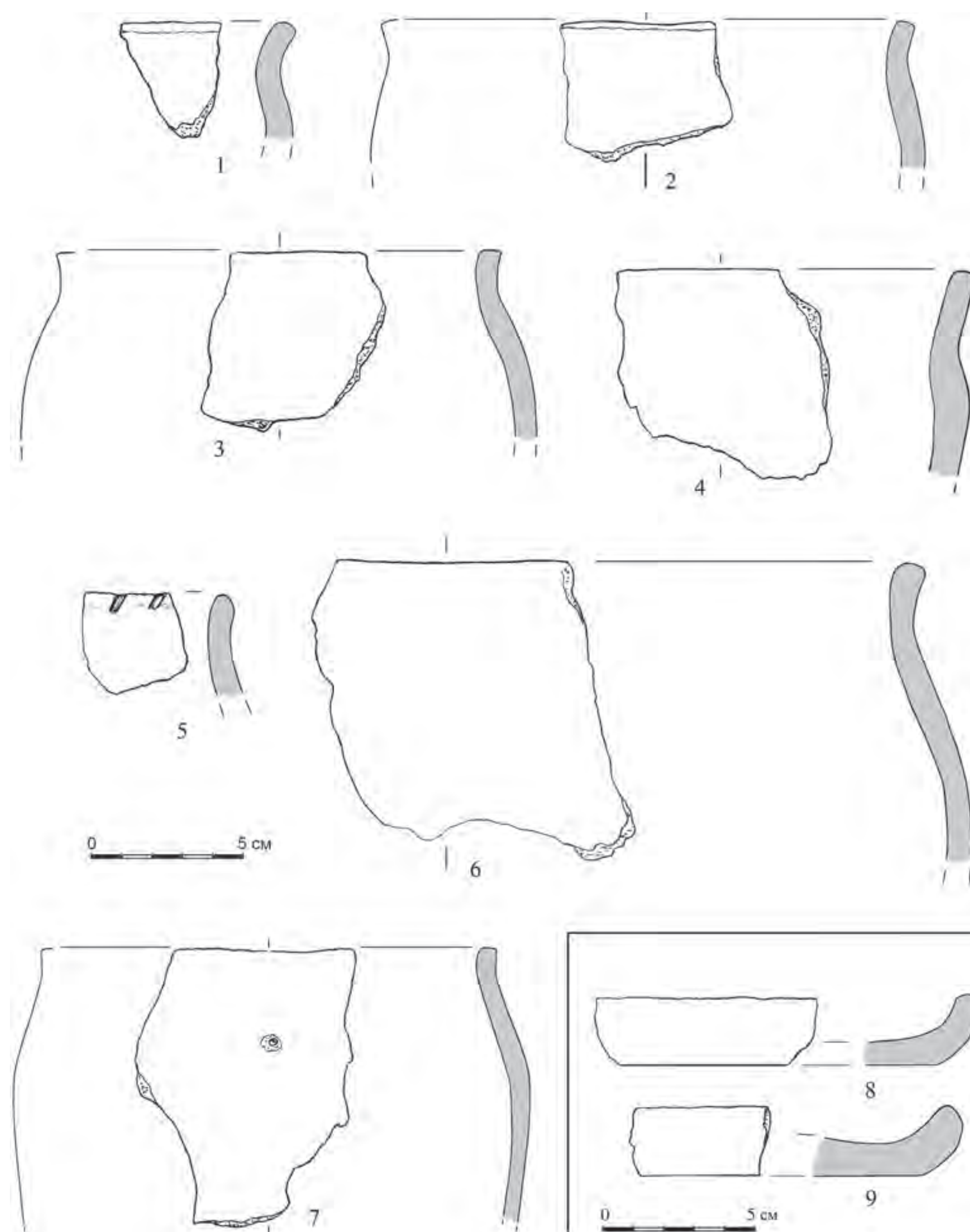
наступныя спосабы арнаментацыі: адступаючыя наколы, ямкі, насечкі. Іншую групу керамікі М. М. Крывальцэвіч аднёс да позняга неаліту – пачатковага бронзавага веку, менавіта да культуры шнуравой керамікі палескага тыпу. Паверхня посуду аздаблялася адбіткамі лінейнага штампа, шнуравым арнаментам. Таўшчыня сценак вагаецца ў межах 0,5–1,0 см, найчасцей – 0,5–0,7 см, у якасці схудняючых дамешак у ганчарнай масе выкарыстаны шамот. Прымянялася прыціранне знешняй і ўнутранай паверхняў, альбо іх загладжванне. Адметнай марфалагічнай прыкметай шнуравой керамікі з'яўляецца каўнерыкавае патаўшчэнне на шыйцы. Вырабы з крэменю прадстаўлены адшчэпам з участкамі рэтушы,



Мал. 2. Ляпная кераміка (*1–11*). III – пачатак IV ст. Яма 56. Снядзін-3. 2011 г.

фрагментам пласціны з учаскамі рэтушы, абломкам абпаленай пласціны, скрабком-скобелем на адшчэпе, скрабком на адшчэпе.

Ганчарная кераміка прадстаўлена дробнымі фрагментамі, паколькі падчас разворвання верхняга пласта культурнага слою яна пастаянна падвяргалася механічнаму пашкоджванню. На падставе марфалагічных прыкмет вылучаюцца фрагменты гаршкоў, характэрных для X–XII стст. Найбольшая колькасць выяўленых у раскопе абломкаў посуду належыць да грубаляпных гладкасценных гаршкоў (звыш 2500 экзэмпляраў). Па марфалагічных і тэхналагічных прыкметах і нешматлікіх арнаментаваных экземплярах у масіве названай кераміке можна вылучыць посуд класічнай зарубінецкай культуры палескага варыянта, постзарубінецкага гарызонту з традыцыямі лясной зоны, раннеславянскіх пражскай і тыпу Лукі-Райкавецкай культур. У культур-



Мал. 3. Ляпная кераміка пражскай культуры (*1–9*). Ямы 59 (*1–7*) і 58 (*8, 9*). Снядзін-3. 2011 г.

ным пласце абломкі зарубінецкай керамікі прадстаўлены ў нязначнай колькасці.

Выразны керамічны комплекс звязаны з функцыянаваннем паселішча ў постзарубінецкі перыяд. Да постзарубінецкай культурна-храналагічнай групы належаць фрагменты сасудаў з паверхняй, упрыгожанай расчэсамі грабянцом, трэскай і лёгкай падштрыхоўкай. Да гэтага ж часу належаць адзінкавыя знаходкі керамікі са злёгку храпаватай паверхняй, а таксама з вертыкальнымі, альбо гарызантальнымі баразёнкамі ад пальцаў. Да перыяду рымскіх уплываў адносяцца фрагменты гаршкоў розных памераў (дыяметр венца – 12–22 см) з адхіленай вонкі рознай даўжыні шыйкай, упрыгожаныя па знешнім краі венца касымі наколамі, насечкамі, ямкамі, а таксама тоўстасценны посуд без арнаментацыі. Паверхня іх бугрыстая, альбо добра загладжаная, у складзе керамічнай масы ў якасці схудняючых дамешак выкарыстаны жарства і шамот, альбо толькі жарства. Пераважае карычневы колер розных адценняў, часам даволі светлы – жаўтаваты. Таўшчыня сценак вагаецца ў межах 0,7–1,5 см. Частка сасудаў мае глянцаваную паверхню чорнага, шэрага, альбо карычневага колеру. Сустракаюцца адзінкавыя экзэмпляры фрагментаваных дыскаў. У керамічнай масе іх прысутнічаюць жарства і шамот, паверхня злёгку бугрыстая.

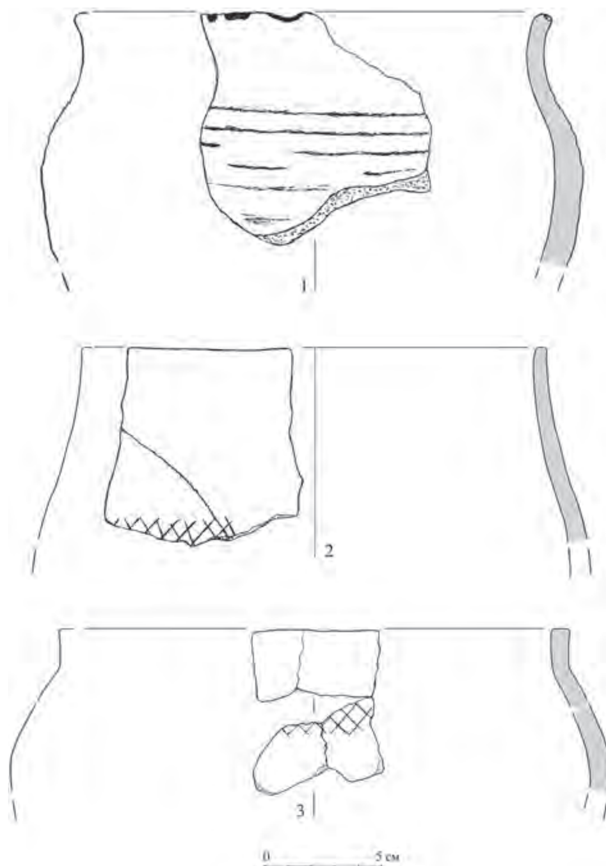
Кераміка, характэрная для раннеславянскай пражскай культуры, прадстаўлена ў асноўным абломкамі гаршкоў. Па характары апрацоўкі паверхні пражскі

комплекс распадаецца на 2 групы: з бугрыстымі і шурпатымі сценкамі. Шурпатая паверхня атрымоўвалася ў выніку прысутнасці ў керамічнай масе значнай дамешкі дробнай жарствы, якая дамінавала ў пражскім посудзе. Асаблівасцю снядзінскай калекцыі пражскай керамікі, выяўленай у ранейшых раскопах і ў 2011 г., з'яўляецца прысутнасць у шэрагу фрагментаў у керамічнай масе не толькі жарствы, але і шамоту. Падобная з'ява раней не прасочвалася ў кераміцы пражскай культуры Палесся. Колер сценак разнастайны, часта плямісты, пераважае розных адценняў карычневая афарбоўка – ад светлых да цёмных таноў. Частка сасудаў мае цаглясты або жаўтаваты колер. Пражскі тып у раскопе прадстаўлены пераважна слабапрафіляванымі гаршкамі з прамымі альбо крыху адагнутымі вонкі шыйкамі і найбольшым пашырэннем у верхняй палове іх вышыні. Дыяметры венцаў вагаюцца ў межах 12–20 см, таўшчыня сценак дасягае 0,5–0,9 см. Абрэз венца гарызантальны, плазаваты, бывае закруглены альбо скошаны вонкі. Сустракаюцца сасуды з падрэзанай унутры ў верхняй частцы шыйкай, альбо знешнім выступам пад венцам. Чатыры фрагменты пражскай керамікі, выяўленыя ў другім пласце ў кв. 58, над ямай 55, упрыгожаныя па плечуках прачэрчаным арнаментам у выглядзе касога крыжа, якія ў асобных месцах зліваецца ў краткі (мал. 4: *2, 3*). Наколькі вядома аўтару, гэта пакуль адзіны выпадак падобнай арнаментацыі ва ўсім арэале пражскай культуры.

У яме 58 знойдзены фрагменты гліняных патэльняў з борцікамі. Падобныя вырабы сустракаюцца і на іншых пражскіх паселішчах Палесся (мал. 3: *8, 9*).

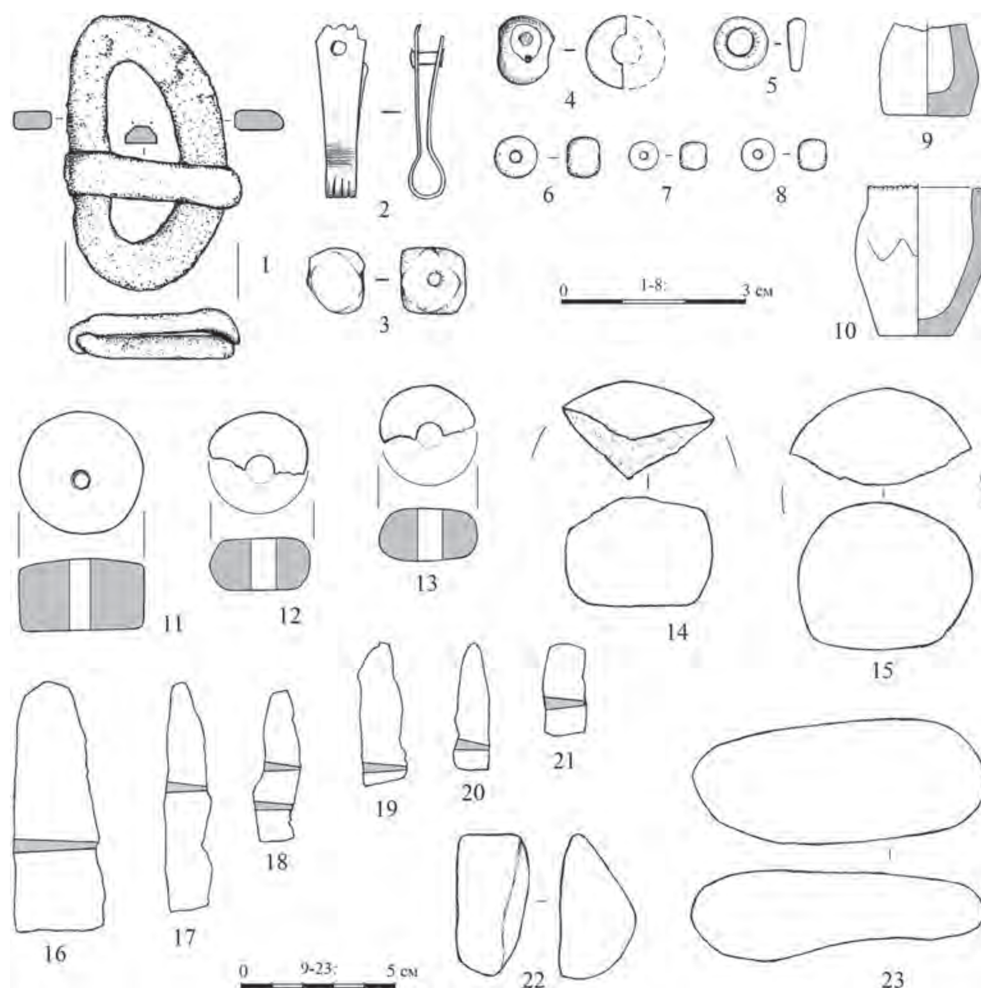
Некалькі фрагментаў ляпной керамікі можна аднесці да VIII–IX ст. У першую чаргу гэта абломак сценкі гаршка, упрыгожанага хвалістым арнаментам. Адзін фрагмент ляпнога гаршка цёмна-карычневага колеру магчыма звязаць з валынцаўскай культурай. Абломкі посуду гэтай культуры зрэдку сустракаюцца і на іншых помніках апошняй чвэрці I тысячагоддзя н. э. у Прыпяцкім Палессі і, відаць, звязаныя з функцыянаваннем гандлёвага шляху Прыпяць–Днепр і далей.

Акрамя глінянага посуду ў раскопе і яго аб'ектах знойдзены асобныя рэчы з гліны, каменю і металаў. Выяўлены 7 фрагментаваных хлябцоў (мал. 5: *14, 15*), якія ўяўляюць сабой гліняныя ляпешкападобныя вырабы дыяметрам 4–8 см. Іх функцыя выклікае дыскусіі ў даследчыкаў. Частка навукоўцаў лічыць, што яны выкарыстоўваліся ў рытуальных мэтах, іншыя мяркуюць, што гэта канструктыўныя дэталі глінабітных печаў. Знойдзены 2 фрагментаваныя гліняныя праселкі. Яны маюць акруглабокую форму (мал. 5: *12, 13*). Іх дыяметр – 3,2–3,0 см, вышыня – 1,7, дыяметр адтуліны – 0,8–0,7 см. У кв. 65 на глыбіні 0,52 м знойдзены цэлы цыліндрычнай формы гліняны грузік. Яго дыяметр – 4,0 см, вышыня – 2,2, дыяметр адтуліны – 0,6 см (мал. 5: *11*). Выяўлены 2 мініяцюрныя сасудзікі. Адзін з іх знойдзены у кв. 67 на глыбіні 0,36 м (мал. 5: *9*). Мае вельмі неахайны выгляд, сценкі бугрыстыя, абрэз па верху няроўны. Іншы знаходзіўся ў яме 55 на глыбіні 1,2 м ад дзённай паверхні. Крыху асіметрычны, яго вышыня – 4,6 см, дыяметр найбольшага пашырэння – 4,2, дыяметр вусця – 3,8 см. Па зрэзе венца сасудзік упрыгожаны насечкамі, а на тулаве прачэрчана хваля, нанесеная не па ўсім дыяметры, а толькі на асобным яго адрэзку (мал. 5: *10*). Па форме і характары арнаментацыі венца ён нагадвае маленькую копію сасуда з пахавання пражскай культуры каля Хорска на р. Гарынь.



Мал. 4. Ляпная кераміка перыяду рымскіх уплываў (*1*) і пражскай культуры (*2, 3*). Культурны пласт. Раскоп 3. Снядзін-3. 2011 г.

У культурным пласце знойдзены каменны глянцавальнік (мал. 5: *22*), тачыльны камень (мал. 5: *23*). Гэта плазаваты выраб даўжынёй 9 см і шырынёй 3,8 см. Бронзавыя вырабы прадстаўлены толькі фрагментаваным паясным кручком (мал. 5: *2*). Выраблены з тонкай пласціны, упругожаны на галоўцы трыма паласкамі. Да дэталяў паяснога набору належыць таксама жалезная авальнарамчатая спражка, выяўленая ў кв. 57 на глыбіні 0,12 м. Яе даўжыня – 4,2 см, шырыня – 2,2 см, сячэнне рамкі прамакутнае з закругленымі вугламі, а язычка – блізкае да



Мал. 5. Рэчы з жалеза (*1, 16–21*), бронзы (*2*), шкла (*3–8*), гліны (*9–15*), каменю (*22, 23*). Культурны пласт. Раскоп 3. Снядзін-3. 2011 г.

трапецападобнага (мал. 5: *1*). Падобныя спражкі, характэрныя для эпохі перасялення народаў, з IV ст. з'яўляюцца ў насельніцтва чарняхоўскай культуры [4, с. 59–64].

У раскопе 3 знойдзена 7 фрагментавных нажоў, 2 з іх выяўлены ў ямах 56 і 60, астатнія – ў культурным пласце (мал. 5: *16–21*), жалезны стрыжань, зроблены з круглага ў сячэнні дроту. Яго верхняя частка абламана, а ніжняя завострана, даўжыня вырабу – 5,5 см. Два жалезныя вырабы, выяўленыя ў кв. 49 і 54, уяўляюць сабой прамакутныя ў сячэнні брускі. Не выключана, што гэта нарыхтоўкі.

Падчас даследавнняў 2011 г. у культурным пласце выяўлена 6 шкляных пацерак. Гэта сіняя паставая пацерка з белым вочкам (мал. 5: *4*). Яе дыяметр – 13 мм, вышыня – 8, дыяметр адтуліны – 4 мм. Блакітная з невыразнымі гранямі пацерка, вырабленая з напаўпразрыстага шкла (мал. 5: *3*). Яе памеры – 11 × 9 мм, дыяметр адтуліны – 2 мм. Цыліндрычнай формы з глухога цёмна-сіняга шкла пацерка. Яе дыяметр – 9 мм, вышыня – 4, дыяметр адтуліны – 4 мм (мал. 5: *5*). Маленькая аранжавага колеру з глухога шкла пацерка. Яе дыяметр – 0,5 мм, вышыня – 0,5, дыяметр адтуліны – 1 мм (мал. 5: *7*). У кв. 57 на глыбіні 0,53 м, наверсе ямы 52 знаходзілася напаўпразрыстая чырвона-карычневая шкляная пацерка. Яе дыяметр – 6 мм, вышыня – 5, дыяметр адтуліны – 1 мм (мал. 5: *8*). У кв. 53 на глыбіні 0,46 м выяўлена сіняя з глухога шкла пацерка. Яе дыяметр – 7 мм, вышыня – 6, дыяметр адтуліны – 1,5 мм (мал. 5: *6*).

У 2011 г. на паселішчы Снядзін-3 даследавана 112 м^2 культурнага пласта. Выяўлена 16 ям featureрознага прызначэння, пераважна гаспадарчага. На падставе аналізу рэчавага матэрыялу прасочваюцца перыяды засялення паселішча. Пачатковы перыяд функцыянавання помніка звязаны з эпохай позняга неаліту з насельніцтвам днепра-данецкай і кола шнуравой керамікі культур. На фінальным этапе існавання класічнай зарубінецкай культуры, тут, хутчэй за ўсё, месціўся грунтовы могільнік [3, с. 34–50]. У керамічным комплексе выразна прадстаўлены посуд перыяду правінцыйна-рымскіх ўплываў. Па тэхналогіі і марфалагічных параметрах ён блізкі кераміцы

постзарубінецкага гарызонту, у першую чаргу такім групам, як Грыні-Ваўкі і Люцеж, а таксама раннекіеўскай культуры тыпу Абідні, заўважана пэўная сувязь з зубрэцкай групай Валыні. Значная колькасць матэрыялаў, выяўленых на паселішчы, адносіцца да ранняга сярэдневякоўя і адклалася падчас пражывання тут насельніцтва пражскай культуры. Перыяд VIII–IX стст. прадстаўлены адзінкавымі фрагментамі керамікі. Раннедзяржаўная фаза функцыянавання паселішча (X–XII стст.) адлюстравана нешматлікімі знаходкамі абломкаў раннеганчарнага посуду. Выяўленыя падчас даследаванняў паселішча Снядзін-3 матэрыялы ўяўляюць значную цікавасць з пункту погляду вырашэння часу і ўмоў фарміравання раннепражскіх старажытнасцей, а таксама іх паходжання. Тут назіраецца стык пражскай культуры і папярэдніх старажытнасцей з традыцыямі лясной зоны.

Літаратура

1. Вергей, В. С. Жилище пражского периода на многослойном поселении Снядин 3 на реке Припять / В. С. Вергей // Studia Antuqua et Medievalia. Edidit Dan Aparaschivei. Editura Academiei Romane. – Bukharest, 2009. – P. 477–486.

2. Вяргей, В. С. Жытло і культавы аб’ект гарызонту пражскай культуры на паселішчы Снядзін-3 на р. Прыпяць у Петрыкаўскім раёне / В. С. Вяргей // Древняя история Восточной Европы. – Минск : БГУ, 2009. – С. 21–32.

3. Вяргей, В. С. Гарызонт эпохі жалеза на паселішчы Снядзін 3 на рацэ Прыпяць / В. С. Вяргей // Acta Archaeologica Albaruthenica.– 2011. – Vol. VII. – С. 34–50.

4. Никитина, Г. Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников) / Г. Ф. Никитина ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии РАН. – М. : ТАУС, 2008. – 448 с.

Резюме

В. С. Вергей

Исследования на поселении Снядин-3 в Петриковском районе в 2011 г.

В 2011 г. на паселении Снядин-3 исследовано 112 м^2 культурного слоя. На основе вещевого комплекса и материалов заполнения отдельных объектов прослеживаются культурно-хронологические этапы функционирования памятника. В эпоху познего неолита здесь проживало население днепро-донецкой и круга шнуровой керамики культур. На рубеже эр появились носители классической зарубинецкой культуры и поселение без хронологических лакун развивалось до XII в. В его керамическом комплексе выразительно представлена лепная посуда постзарубинецкого периода типа Лютеж, Грини-Вовки, ранней Абидни, пражской (IV–VII вв.), Лука-Райковецкой (VIII–X вв.) культур и раннегончарные сосуды эпохи Туровского княжества. Выявленные материалы представляют значительный интерес для выяснения проблемы времени и предпосылок формирования раннеславянской пражской культуры.

Summary

V. Viarhei

Research on the settlement of Snyadin-3 in Petricau district in 2011

112 sq. m. of the cultural layer was investigated in 2011 on the settlement of Snyadin-3. Cultural and chronological stages of functioning of the site are traced according to the collection of artifacts and items from separate objects. The population of the Dnieper-Donets Culture and the Corded Pottery Culture were known here in the Late Stone Age. At the turn of the 1st BC – 1st AD the presenters of the classical Zarubenetskaya Culture could be marked and the settlement had been developed up to the 12th century without any chronological breaks. Its ceramic complex consists of hand-made pottery of types Lutezh, Hrini-Vovki, early Abidnya, the Prague (the 4th–7th centuries), the Luka-Raikovetskaya (the 8th–10th centuries) Cultures and the wheel made pottery of the early period of Turov princedom. The revealed materials represent significant interest for finding out of a problem of time and preconditions of formation the early Slavonic Prague Culture.

УДК 903.4/476.7

***О. В. Иов**, Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела археологии средневекового периода, кандидат исторических наук (г. Минск)*

Раскопки древнерусских памятников в Припятском Полесье

Летом 2011 г. автором были продолжены исследования курганного могильника Пастовичи в Стародорожском районе Минской области, городища летописного Смедина (д. Снядин Голубицкого сельсовета) в Петриковском районе, а также городища в д. Юровичи Калинковичского района Гомельской области [1, 2]. Работы проводились по Открытому листу № 2265 (форма № 1), финансировались из средств Института истории НАН Беларуси.

Могильник Пастовичи расположен в 2 км восточнее деревни, в 100 м слева от дороги республиканского значения Р43 из Пастович в Старые Дороги, на правой надпойменной террасе канализированной р. Орыжня, левого притока р. Птичь, в густом хвойном лесу. Последнее обстоятельство, а также привязка к конкретным срокам экспедиции, сделало невозможным дальнейший точный подсчет курганов в могильнике и снятие его полного плана. Инструментальной съемкой зафиксировано всего 46 курганных насыпей.

По планировке могильник представляет собой вытянутую по линии северо-восток–юго-запад полосу максимальной шириной до 75–80 м и длиной около 160 м. Его северо-западная часть обрывается на окраине леса, на краю террасы. Сохранность большинства курганов хорошая. Из 46 насыпей 4 повреждены кладоискательскими ямами; 3 кургана – лесной дорогой и полем, один курган – лисьей норой. Памятник открыт Л. Д. Поболем в 1964 г. (отчет № 238 в архиве Института истории НАН Беларуси).

В 2011 г. изучено 3 невысоких кургана № 3, 34, 45. Главными критериями выбора были сохранность и отсутствие в центральной части насыпей деревьев.

Курган № 3. Крайний курган могильника с северо-востока. Его западная сторона повреждена лесной грунтовой дорогой. Он имел в плане круглую форму диаметром 7,2 м. Современные размеры – 6,3 × 7,2 м, высота – 0,75 м. Насыпь задернована неплотным лесным дерном с иглицей и листвой. Ровики вокруг ее основания визуально не прослеживались.

Под дерном насыпь состояла из мелкозернистого желтого песка. Под ней на глубине 0,68 м на условном материке (на культурном слое первой половины I тысячелетия н. э. желто-сероватого цвета) располагался костяк, ориентированный головой на 264º. Он сохранился частично, в вытянутом положении лежа на спине. Из-за корневой системы деревьев, скелет расположен не в анатомическом порядке. Череп расчищен в положении лицом вниз. Ребра сохранились только с левой стороны, костей таза почти нет. Кости правой руки почти не сохранились. От левой руки расчищена только плечевая кость. Длина костяка – 1,57 м. Мелких костей рук и ног в кургане нет.

Следов погребенного слоя почвы не выявлено, костяк располагался непосредственно на культурном слое предыдущей эпохи, в насыпи попадались одиночные беспорядочно размещенные фрагменты лепной керамики первой половины I тысячелетия н. э. Проследить границы ровика контрольными траншеями не удалось.

В итоге в насыпи кургана безотносительно к погребению было выявлено 7 фрагментов лепной керамики.

Курган № 34. Расположен в юго-восточной части могильника. Имеет овальную форму: поперечник N–S – 7,58 м; W–O – 8,6 м; высота – 0,75 м.

Насыпь задернована неплотным лесным дерном с иглицей и листвой. Ровик визуально не прослеживался. Возле западной бровки с двух сторон расположены 2 ели. Насыпь состоит из мелкозернистой супеси желтого цвета. Никаких стратиграфических аномалий в ней не обнаружено. На глубине 0,6 м (на подошве кургана) зафиксирован костяк, ориентированный головой на 268º. Он сохранился относительно хорошо, в вытянутом положении лежа на спине. Лицевая часть повернута на север и сильно повреждена (практически отсутствует). Руки сохранились частично, кисти были сложены на животе. Общая длина костяка – 1,7 м. Среди погребального инвентаря найдены 2 предмета.

1) Возле коленного сустава правой ноги расчищен железный топор. По классификации А. Н. Кирпичникова находка принадлежит топорам типа IV [3, с. 36–37]. Он имеет обух с косичками, две пары заостренных щекавиц, а лезвие оттянуто вниз. По мнению исследователя, такие топоры были наиболее распространены в XI в. и имеют древнерусское происхождение. В лезвии имеется круглое отверстие для подвешивания. Параметры находки: длина – 16,50 см; ширина рубящей кромки лезвия – 10,05; ширина нижней части бородки – 3,05; ширина лезвия в наиболее узкой части – 2,30; высота щекавиц – 4,95; высота обуха с косичками – 8,94; диаметр

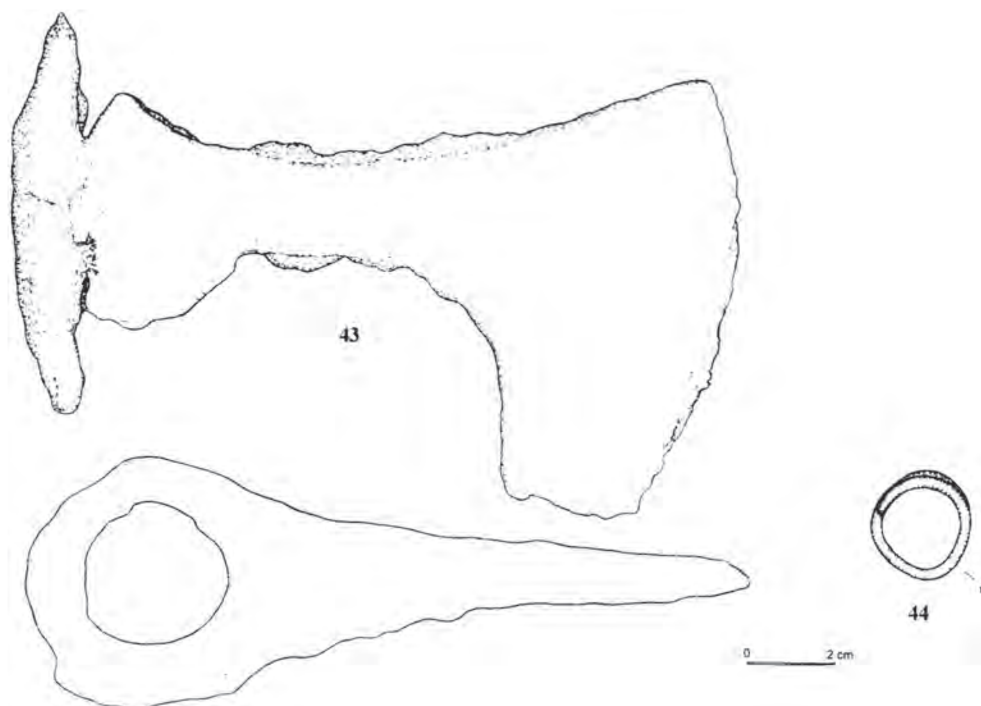


Рис. 1. Курган № 34: *43* – топор железный; *44* – полутораоборотный перстень серебряный (?). Пастовичи. 2011 г. (Номера находок соответствуют коллекционной описи)

округлого проушного отверстия – 3,20; ширина обуха – 5,35 см (рис. 1: *43*)[1].

Так как измерения проводились до очистки изделия, реальные показатели некоторых параметров могут быть на миллиметры меньше.

2) На фаланге пальца расчищен полутораоборотный перстень, изготовленный из серебряной (?) проволоки круглого сечения диаметром 0,18 см. Концы проволоки заострены. Диаметр перстня – 2,3 см. В курганах древнерусского времени такие изделия встречаются повсеместно (рис. 1: *44*).

Следов погребенного слоя почвы в кургане не выявлено, но в насыпи, как и в предыдущих курганах, попадались одиночные беспорядочно размещенные фрагменты лепной керамики первой половины I тысячелетия н. э. (всего 19 экз.). Проследить границы ровика контрольными траншеями не удалось.

Курган № 45. Расположен в юго-восточной части курганного могильника, южнее кургана № 34. Имеет овальную форму: поперечник N–S – 7,58 м; W–O – 8,6 м; высота – 0,7 м.

Насыпь задернована неплотным лесным дерном с иглицей и листвой. Ровик визуально не прослеживался. В восточной половине кургана возле бровки расположены 2 ели, 1 дерево находится в юго-западном секторе.

Насыпь задернована неплотным лесным дерном с иглицей и листвой. Насыпь состоит из мелкозернистой супеси желтого цвета. Никаких стратиграфических аномалий в насыпи не обнаружено. На глубине 0,70 см (на подошве кургана) зафиксирован костяк, ориентированный головой на 245º. Он сохранился почти целиком, в вытянутом положении лежа на спине. Лицевая часть черепа отсутствует. От левой руки осталась локтевая кость, кисть которой находилась в районе живота. Плечевая ее кость оттянута в сторону корневой системой. Правая рука сохранилась во фрагментах. Общая длина костяка – 1,7 м. Вещевой инвентарь не обнаружен.

Следов погребенного слоя почвы не выявлено, но в насыпи, как и в предыдущих курганах, попадались одиночные беспорядочно размещенные фрагменты лепной керамики первой половины I тысячелетия н. э. (всего 16 экз.). Проследить границы ровика контрольными траншеями не удалось.

[1] Здесь и далее номера находок соответствуют коллекционной описи.

* * *

На Снядинском городище был заложен раскоп площадью 24 м^2 (6 × 4 м). Исходя из общей нумерации раскопов ему присвоен № 5. Продолжены исследования участка в пределах ограды школьного двора. Поверхность раскопа ровная, задернована. Ее уровень понижается с запада на восток и с юга на север. Максимальная разница высот составляет 0,28 м. Мощность культурного слоя в этой части поселения

составляет 0,99–1,15 м. Под дерном толщиной до 0,2 м на всей площади раскопа залегает плотный слой темно-серого цвета мощностью до 0,4 м. Ниже темно-серого слоя залегает рыхлый слой темно-серого цвета мощностью до 0,35 м. Под ним расположен плотный серо-коричневый слой погребенной почвы без находок. Последний подстилает материк – мелкозернистый желтый песок.

Как и в предыдущие годы, в этой части поселения в культурном слое полностью и частично расчищены позднесредневековые погребения. На этом же уровне и выше по всей площади раскопа выявлены остатки разрушенных могил – человеческие кости, фрагменты черепов, вещи погребенных. Контуры этих погребений в однородном черном слое не прослеживаются.

Всего в раскопе полностью и частично вскрыто 7 погребений. Целых погребений расчищено 2, частично вскрыты 5 костяков. Материковых ям не выявлено.

Погребение № 1. Расчищено в кв. 3 на глубине 0,53 м. Контуры ямы в черном культурном слое не прослеживаются. Костяк ориентирован на 230º, в положении лежа на спине, руки согнуты в локтях, кисти находятся в области грудной клетки. Среди ребер, на фаланге пальца выявлен медный перстень. Костяк сохранился частично. Отсутствуют голени и левая бедренная кость (нарушены более поздней ямой). Рядом с костяком найдено 6 гвоздей.

Погребение № 2. Расчищено в кв. 6 на глубине 0,71 м. Контуры ямы прослеживаются в верхней части погребенной почвы. Костяк ориентирован на 270º, в положении лежа на спине, руки согнуты в локтях, правая кисть находится в области живота, левая кисть – в области груди. Погребение безинвентарное.

Погребения № 3, 3а. Два нарушенных погребения (одно над другим) найдены в кв. 4, 6 на глубине 0,73 м. Кости расположены не в анатомическом порядке. Длина могилы 3а – 1,2 м. Ориентация – на 270º. Сохранились лишь крупные кости голени и бедра. Кости рук разбросаны. Череп не полный. Погребение перекрыло могилу 3, от которой остался только разрушенный череп и плечевая кость. Другие кости беспорядочно помещены в погребение 3а. Ориентировано головой на 255º. Погребения безинвентарные. Найдены несколько гвоздей от гробов.

Погребение № 4. Расчищено в кв. 3, 5 на глубине 0,76 м. Контуры ямы прослежены в верхней части погребенной почвы. Костяк ориентирован на 269º в положении лежа на спине. Руки согнуты в локтях, кисти – в области живота. Голова костяка повернута вправо. Погребение безинвентарное. Выявлено 6 гвоздей от гроба.

Погребение № 5. Расчищено в кв. 2 на глубине 0,8 м. Ориентировано на 205º. Контуры ямы прослежены в верхней части погребенной почвы. Костяк захоронен в положении лежа на спине. Руки согнуты в локтях, кисти сложены в области живота. Голова костяка повернута влево. Погребение безинвентарное. Найдены несколько гвоздей от гроба.

Погребение № 6. Расположено в кв. 1. Расчищена нижняя половина скелета, верхняя осталась за пределами западной стенки раскопа. Контуры яма прослежены в верхней части погребенной почвы, на глубине 0,82 м. Костяк ориентирован на 268º. Кости голени сохранились плохо. Погребение безинвентарное. Найдено несколько гвоздей от гроба.

Всего в 2011 г. на городище найдено 4327 фрагментов гончарных сосудов, 375 костей животных, 5 мелких фрагментов стеклянной посуды, 7 необработанных кусочков розового сланца, десятки гвоздей и деталей от гробов. В коллекцию отобран 501 фрагмент керамики, в том числе 112 венчиков и 3 фрагмента красноглиняных амфор, 31 кость животных, 7 кусочков сланца, 27 гвоздей, 4 скобы и детали от гробов.

Из 112 отобранных в коллекцию венчиков 2 принадлежат мискам (рис. 2: *443*), остальные – горшкам. Среди последних по профилировке выделяются несколько основных типов.

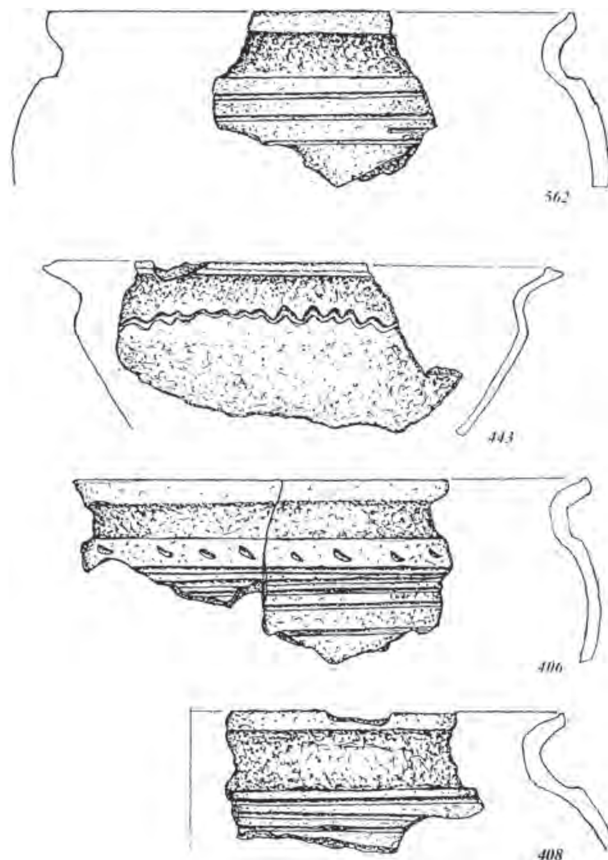


Рис. 2. Керамика гончарная (*562*, *443*, *406*, *408*). Раскоп 5. Снядин. 2011 г. (Номера находок соответствуют коллекционной описи)

Наиболее многочисленной группой горшков являются белоглиняные и сероглиняные сосуды, край которых закруглен и отогнут внутрь в виде валика или оформлен в виде выступа. Такие горшки датируются в целом XII–XV вв., однако у них прослеживается эволюция форм. Наиболее ранними в группе являются горшки без ребра на плечиках. Венчиков таких горшков в коллекции насчитывается 5 экз. (несколько десятков венчиков этого профиля сохранились в мелких фрагментах и обломаны до плечика, поэтому численность горшков этого типа наверняка больше). XII в., на взгляд автора, можно датировать также малочисленные венчики других типов и миску.

Для XIII в. более характерны горшки с высокой вертикальной или наклоненной шейкой и ребром на плечике (64 экз.) (рис. 2: *562, 406, 408*). Орнамент – линейный с месяцеподобными защипами.

В XIV–XV вв. шейка у большинства горшков сильно наклонена, отогнутый венчик короткий, нередко имеет ломаный контур (8 экз.). У многих сосудов шейка вовсе пропадает. Орнамент на этих сосудах обычно линейный, по плечикам часто проходят месяцеподобные защипы, овальные ямки.

Для XV–XVI вв. характерны горшки без шейки с коротким венчиком разной конфигурации, изготовленные из грубого теста с примесью крупнозернистой дресвы. Они имеют архаичный вид, коричневый, красный или черный цвет. Таких горшков в коллекции насчитывается несколько экземпляров. Эти сосуды либо не орнаментированы, либо украшены по плечикам волнистой линией.

В XVI–XVII вв. были распространены белоглиняные горшки без шейки с короткими венчиками разной конфигурации. Таких венчиков в коллекции всего 4 экз.

Для XVII–XVIII вв. характерны тонкостенные белоглиняные и мореные горшки с венчиком разной конфигурации. Таких горшков в коллекции также не много, всего 7 экз.

4 венчика сосудов можно датировать IX–X вв. Они изготовлены из грубой коричневой глины с примесью крупно- и среднезернистого песка. Венчики этого периода в небольшом количестве были обнаружены в предыдущие годы и к летописному Смедину отношения не имеют.

Остальные типы горшков в коллекции представлены всего несколькими экземплярами. В целом их датировка входит в пределы XIII–XVI вв.

Индивидуальных находок в раскопе зафиксировано 35 экз. Среди них – фрагменты стеклянных браслетов фиолетового, оливкового, синего, черного, зеленого и синего цвета (9 экз.), железные ножи (5 экз.), шилья (2 экз.), пробой, стамеска, втульчатые (3 экз.) и бронебойный наконечники стрел (рис. 3: *575, 578, 582, 581*), дужки цилиндрических замков (2 экз.) (рис. 3: *601, 568*), ключи типов Б и В (3 экз.) (рис. 3: *593, 579*), медные перстни (2 экз.), золотостеклянная пятичастная пронизка, сланцевое пряслице с орнаментом и др.

Некоторые из этих изделий на территории Беларуси крайне редки или встречаются впервые. К последним относится кресало (?) – крученый стержень круглого сечения с отвертковидным плоским рабочим концом, расплющенным противоположным концом с отверстием и кольцом для подвешивания (рис. 3: *599*). Аналогов данной находке автору не известны. Предположение о кресале связано с находками в Биляре, где кресала типа 4 имеют такую же отвертковидную рабочую часть [4, с. 125].

Впервые в Припятском Полесье найдено бронзовое навершие рукояти меча типа T1 куршский (по В. Казакавичусу) [5, p. 120]. Оно семичастное, без орнамента. Аналогичное навершие найдено на городище Свислочь [6, с. 88; 7].

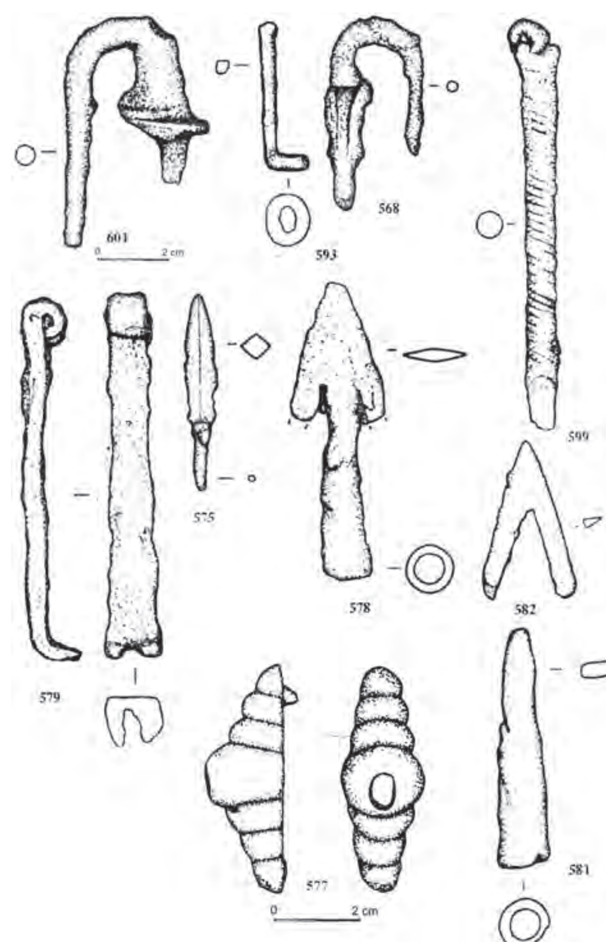


Рис. 3. Изделия из железа (*601, 593, 568, 575, 578, 599, 582,579, 581*) и бронзы (*577*): *601, 568* – дужки замков; *593, 579* – ключи; *599* – кресало (?); *575, 578, 582, 581* – наконечники стрел; *577* – навершие рукояти меча. Раскоп 5. Снядин. 2011 г. (Номера находок соответствуют коллекционной описи)

* * *

На Юровичском комплексе заложена траншея площадью 28 м^2 (2 × 14 м) в урочище Церковище, почти в центре холма. Небольшая площадь траншеи обусловлена тем, что этот участок зарос деревьями, корни которых пришлось постепенно окапывать и бревна извлекать вручную. Мощного травяного покрова здесь практически нет.

Стратиграфия культурного слоя в этой части «Церковища», как и в раскопах на детинце прошлых лет, проста: по всей площади раскопа на всю глубину он имеет интенсивно черный цвет. Лишь в нескольких сантиметрах от материка слой светлеет. Мощность культурных напластований составляет от 0,33 м в северной части траншеи до 0,54 м в южной части. Разница в мощности культурных напластований, вероятнее всего, образовалась после выравнивания поверхности при сельскохозяйственных работах. Материк не однороден – супесь и мореный суглинок желтого и чуть красноватого цвета.

В материке полностью и частично расчищено 4 ямы.

Яма 1 (Е*10/5). Частично расчищена в кв. 5. Ее восточная часть уходит в стенку квадрата. Заполнена слоем черного цвета. Дно линзовидной формы. В плане овальная. Видимые размеры – 1,0 × 0,76 м, глубина – 0,16 м. Найдено 7 фрагментов раннегончарной керамики и 8 костей животных.

Яма 2 (Е*10/15). Частично расчищена в кв. 15. Ее восточная и западные части уходят в стенки квадрата. Заполнена слоем черного цвета. Дно имеет линзовидную форму. Видимые размеры – 2,00 × 1,72 м, глубина – 0,3 м. Заполнена слоем черного цвета. В заполнении найдено 24 фрагмента раннегончарной керамики и 18 костей животных.

Яма 3 (Ж*10/5, 10). Частично расчищена в кв. 5, 10. Она заполнена слоем черного цвета. Дно двухуровневое. Занимает значительную площадь – большинство площади квадратов. Видимые размеры – 4 × 2 м, глубина – 0,36 м. В заполнении найдено 52 фрагмента раннегончарной керамики, 115 – костей животных, 5 фрагментов лепной керамики, 2 фрагмента жаровни и 10 индивидуальных находок: ножи железные (рис. 4: *355–357*), проколки костяные (рис. 4: *348, 351, 352*), обоймы рукоятей роговые (рис. 4: *349, 353*), рога зубра и оленя со следами распилки. При расчистке выявлено несколько десятков расщепленных огнем булыжников, скорее всего, остатков печи или очага. Датируется, вероятнее всего, X–XI вв.

Яма 4 (Е*10/10). Частично расчищена в кв. 10. Ее восточная часть уходит в стенку квадрата. Заполнена слоем черного цвета. Дно имеет линзовидную форму. В плане яма 4 подпрямоугольная. Видимые размеры – 0,8 × 0,9 м, глубина – 0,12 м. В заполнении найдено 43 фрагмента гончарной керамики и 4 кости животных. Датируется, вероятнее всего, XIV–XV вв.

Всего в 2011 г. в Юровичах было найдено 1167 фрагментов раннегончарных сосудов, 7 фрагментов лепной керамики, 222 кости животных, 5 костей рыб, фрагменты жаровни, обмазка и др. В коллекцию отобрано 215 фрагментов раннегончарной керамики (в том числе 52 венчика), 4 фрагмента лепной керамики (в том числе 2 венчика), 124 кости млекопитающих животных, 5 костей рыб, 1 гвоздь, 1 глиняный шарик, фрагменты глиняной обмазки (1) и жаровни (1).

Все 54 венчика раннегончарной керамики принадлежат горшкам. Их типологию и датировку мы определяли исходя из результатов изучения коллекций предыдущих раскопок детинца 2004–2010 гг.

По профилировке венчиков в траншее найдены горшки следующих типов.

Тип 1 (1 экз.). Сосуды с простым плавно отогнутым наружу венчиком, верхний край которого прямо или косо срезан и иногда оттянут вверх или вниз. Изготовлены из бело-серой и коричневой (редко) грубой глины разных оттенков с примесью крупнозернистой дресвы. Основные элементы орнамента –

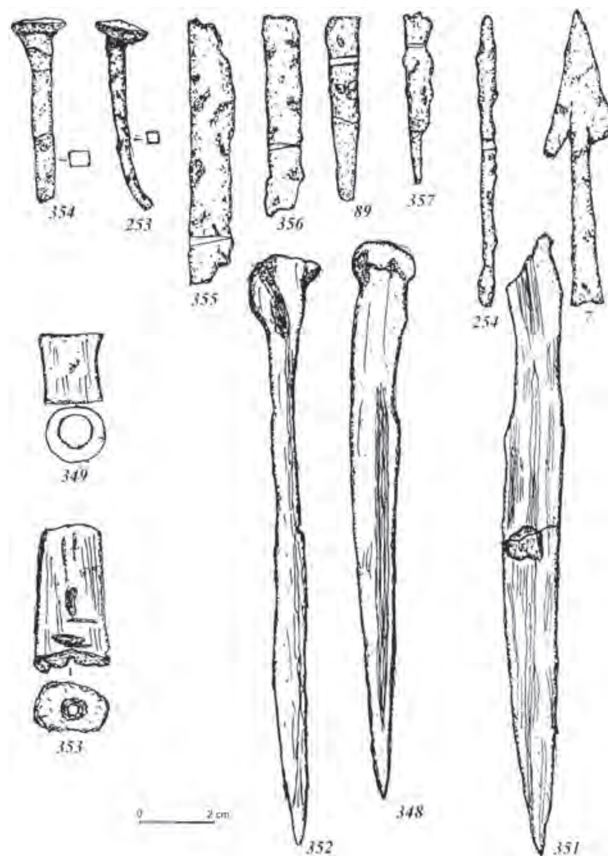


Рис. 4. Индивидуальные находки: *354, 253* – гвозди железные; *355, 357* – ножи железные; *89, 259* – фрагменты изделий из железа; *7* – наконечник стрелы железный; *349, 353* – обоймы рукоятей из рога; *352, 348, 351* – проколки костяные. Юровичи. 2011 г. (Номера находок соответствуют коллекционной описи)

зигзагообразные прочерченные линии и многорядные расчесы, которыми покрывались, как правило, шейка, плечико и часть тулова. Данный тип сосудов датирован IX–X вв. В нашем случае, учитывая, что лепной керамики на детинце выявлено крайне мало, следует отнести эти горшки к его последней стадии бытования.

Тип 2 (1 экз.). Тесто этих горшков грубое, с примесью крупной дресвы, имеет коричневый и бело-серый цвет. Верхний край их венчиков чуть закруглен, а с внешней стороны имеется подтреугольный выступ. Бытовали с X в. до середины XI в. Орнамент – зигзагообразные прочерченные линии и многорядные расчесы, которыми покрывались, как правило, шейка, плечико и часть тулова.

Тип 5 (3 экз., 5,5%). Горшки серо-белого и коричневого цвета с примесью в тесте дресвы и песка. Для них характерен плавно отогнутый венчик с косо срезанным краем и треугольным выступом с внешней стороны. Орнаментирован в основном прямыми линиями. Такая керамика характерна для Городища Пинского района, Франополя. На поселении Лискове-1 часто встречается в комплексах, датируемых авторами раскопок серединой X – серединой XI в.

Тип 6 (4 экз., 7,4%). Горшки серо-белого, иногда розового и коричневого, цвета с примесью в тесте песка и дресвы. Имеют сложнопрофилированный фигурный венчик. В отличие от предыдущего типа верхняя его часть округлена и имеет изнутри округлый или треугольный выступ. На поселении Лискове-1 характерна для комплексов середины X – середины XI в., во Франополе и Хотомеле ее нет, а в Городище Пинского района встречается редко и объединена в один тип с предыдущим.

Тип 7 (31 экз., 57,4%). Глина этих горшков аналогична предыдущему типу. Венчики отогнуты наружу, а их край оформлен сверху в виде валика или треугольного выступа. Традиционно в Беларуси их датируют XII–XV вв. Характерно, что в предыдущих раскопах нет более поздних вариантов этого типа – с ребром на плечике, с вертикальной высокой шейкой, с рельефным ломким профилем, с очень короткой шейкой или без нее вовсе, с массивным венчиком. На поселении Лискове-1 наши горшки характерны для комплексов, датируемых серединой XI – началом XII в. Для более ранней датировки керамики этого типа в Юровичах следует также учесть, что здесь пока не было зафиксировано ни одной находки фрагментов стеклянных браслетов, характерных для XII – первой половины XIII в.

Тип 8 (7 экз., 12,9%). В Юровичах встречен впервые – один из поздних вариантов предыдущего типа – с массивным венчиком, без шейки. Датируется XIV–XV вв.

Тип 9 (4 экз., 7,4%). Также, как и предыдущий тип, датируется XIV–XV вв. и является поздним вариантом развития венчиков типа 7.

Таким образом, траншея на «Церковище» показала, что в отличие от детинца ранней керамики (X – середина XI в.) здесь крайне мало. Значительная часть керамического материала принадлежит горшкам XIV–XV вв., а большая часть – горшкам типа 7 (57,4%).

Литература

1. Іоў, А. В. Археалагічныя даследаванні летапіснага Смедзіна. Раскопкі 2001 г. / А. В. Іоў // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2003. – № 18. – С. 226–230.

2. Іоў, А. В. Новыя даследаванні ў Юравічах і на паселішчы Чарнаўчыцы-1 / А. В. Іоў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларуская навука, 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гг. – С. 306–308.

3. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников // САИ, Е1-36. – М. ; Л. : Наука, 1966. – Вып. 2. – 147 с.

4. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / под ред. А. Х. Халикова – М. : Наука, 1985. – 216 с.

5. Kazakevičius, V. On One Type of Baltic Sword of the Viking Period / V. Kazakevičius // Archaeologia Baltica. 2. The Balts and their Neighbors in the Viking Age. – Vilnius. – P. 117–132.

6. Кошман, В. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005–2007 гадоў) : да пытання аб мангольскіх нападах на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. / В. Кошман, М. Плавінскі // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Мінск : Выдавец І. П. Лагвінаў, 2008. – Vol. IV. – С. 85–110.

Рэзюмэ

А. В. Іоў

Раскопкі старажытнарускіх помнікаў на Прыпяцкім Палессі

У 2011 г. аўтарам было працягнута даследаванне курганнага могільніка X–XI стст. Паставічы ў Старадарожскім раёне Мінскай вобласці, гарадзішча XII–XIII стст. летапіснага Смедзіна (в. Снядзін Галубіцкага сельсавета) у Петрыкаўскім раёне, а таксама гарадзішча X–XI стст. ў в. Юравічы Калінкавіцкага раёна Гомельскай вобласці.

Summary

A. Iov

Excavations of the Ancient Rus sites in the region of Polesie

The author has continued investigatoins of the burial mound cemetry of Pastovichi (the 10th–11th centuries) (Minsk region), the hill-forts of Smedzin (the 10th–13th centuries) and Yurovichi (the 10th–11th centuries) (Gomel region) in 2011.

УДК 902/904 (476)«2011»

А. Ф. Касюк*, Інстытут гісторыі НАН Беларусі, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі сярэдневяковага перыяду (г. Мінск)*

Асноўныя вынікі археалагічных даследаванняў на Палессі ў 2011 г.

У палявым сезоне 2011 г. аўтарам былі абследаваны помнікі археалогіі на тэрыторыі Драгічынскага, Ляхавіцкага і Пінскага раёнаў Брэсцкай вобласці, а таксама праведзены раскопкі на помніках Востраў-8 Пінскага раёна і Барыскавічы-1 Мазырскага раёна Гомельскай вобласці. Мэтай даследаванняў быў пошук і абследаванне помнікаў V–IX стст. на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі, а таксама вывучэнне раннеславянскіх паселішчаў шляхам правядзення раскопак. Разведкі ў Пінскім і Драгічынскім раёнах праводзіліся сумесна з В. Г. Беляўцом, Г. М. Бяліцкай і А. В. Іовам. У раскопках на помніку Востраў-8 прымаў удзел В. А. Кабрынец. Падчас даследаванняў на паселішчы Барыскавічы-1 дапамогу аказваў настаўнік сярэдняй школы в. Зімовішчы В. Гімбут. Вызначэнне матэрыялаў каменнага веку і эпохі бронзы зроблена М. М. Крывальцэвічам. Усім, хто дапамагаў падчас палявых даследаванняў і пры камеральнай апрацоўцы матэрыялаў, аўтар выказвае шчырую падзяку.

Падчас працы ў Драгічынскім раёне быў абследаваны вядомы помнік Жабер-4 на правым беразе Ясельды (месцазнаходжанне апрацаванага крэменю і ляпной керамікі жалезнага веку) [7, с. 251] і курганны могільнік каля вёсак Ласінцы і Белінок. На тэрыторыі Ляхавіцкага раёна палявыя даследаванні праводзіліся па р. Шавялёўка, левым прытоку р. Ведзьма – каля вёсак Шавялі і Падлессе, а таксама каля в. Набярэжная (правы бераг Шчары) і каля в. Гарадзішча на р. Свідроўка, левым прытоку Шчары. Было зафіксавана некалькі новых месцазнаходжанняў археалагічных матэрыялаў: Падлессе-1, Шавялі-1.

У Пінскім раёне археалагічныя разведкі праводзілі ў міжрэччы Прыпяці і Ясельды – былі агледжаны вядомыя помнікі каля вёсак Крывічы (Крывічы-1, -2, -3), Курадава (Курадава-1, -2). Паселішча Крывічы-1 размешчана за 1 км на паўднёвы захад ад вёскі, на краі надпоймавай тэрасы левага берага р. Прыпяць. Падчас першапачатковага абследавання ў 1988 г., В. С. Вяргей і М. М. Крывальцэвіч, акрамя апрацаванага крэменю і абломкаў пасудзін эпохі бронзы–жалезнага веку, сабралі тут раннекругавую кераміку [2, с. 35–36]. У 2011 г. на ўзаранай паверхні помніка былі знойдзены 43 фрагменты ляпной керамікі, сярод іх – некалькі абломкаў пасудзін канца I тысячагоддзя н. э. з лінейным шматрадным і ямкавым арнаментам (мал. 1: *3, 4*). Таксама было знойдзена глінянае праселка. Яно пляскатае, з акруглымі бакамі, дыяметр – 3,6 см, вышыня – 1,6 см, адтуліна прамая, дыяметр адтуліны – 1,1 см (мал. 1: *1*).

Некалькі новых пунктаў было зафіксавана каля в. Плошчава. Наваколлі гэтай вёскі ў 1988 г. абследаваў У. Ф. Ісаенка, які выказаў меркаванне аб тым, што на поўдзень і захад ад населенага пункта могуць быць выяўлены старажытныя паселішчы [5, с. 13].

Плошчава-1 – размешчана за 0,3 км на поўдзень ад вёскі, на левым беразе р. Прыпяць, на ўзвышэнні паміж старыцай (з поўначы) і сучасным рэчышчам. Паселішча выцягнута з захаду на ўсход на 800 м, з поўначы на поўдзень – на 250 м. Вышыня над поймай – 1,0–1,5 м. Разворваецца. На паверхні было знойдзена 16 крамянёвых артэфактаў, сярод якіх – фрагмент нажа на пласціне, праколка, разец, скрабок на адшчэпе. Таксама знаходкі прадстаўлены ляпной керамікай эпохі позняй бронзы–ранняга жалезнага веку (107 адз.).

Плошчава-2 – размешчана за 0,1 км на паўднёвы захад ад вёскі, на левым беразе р. Прыпяць, на ўзвышэнні паміж старыцай (з поўдня) і вёскай. Памеры – 500 × 250 м, вышыня – 1,0–1,5 м. Разворваецца. На паверхні помніка быў знойдзены падскарыністы адшчэп з рэтушшу, 9 фрагментаў ляпной керамікі эпохі позняй бронзы–ранняга жалезнага веку, металургічны шлак.

Археалагічныя разведкі праводзіліся і па правым беразе р. Прыпяць. Тут былі агледжаны вядомыя помнікі каля вёсак Балгары (Балгары-1), Лемяшэвічы (Лемяшэвічы-3, -6), Церабень (Церабень-1), зафіксаваны новыя пункты каля вёсак Хрысцібалавічы, Чарнова-1-е.

Хрысцібалавічы-1 – размешчана за 0,5 км на поўнач ад вёскі, на паўночна-ўсходняй ускраіне вясковых могілак, на правым беразе р. Прыпяць. Помнік займае ўзвышэнне 300 × 150 м, выцягнутае з усходу на захад, вышынёй 3–4 м. Знаходкі прадстаўлены крамянёвай пласцінай з участкамі рэтушы, 3 адшчэпамі, 2 абломкамі крэменю і 2 фрагментамі ляпной керамікі.

Чарнова-1-е-1 – размешчана за 0,5 км на паўночны захад ад вёскі, на правым беразе р. Прыпяць. Помнік займае ўзвышэнне памерамі 450 × 250 м, выцягнутае з захаду на ўсход, вышынёй 2 м. Разворваецца. Культурны пласт цёмна-шэрага колеру, добра насычаны археалагічнымі матэрыяламі. На паверхні помніка былі знойдзены крамянёвыя артэфакты: 2 прылады з рэтушшу (1 цэлая, 1 фрагмент), 2 абломкі крэменю, адшчэп.

Найбольш прадстаўнічай атрымалася калекцыя ляпной керамікі. Сярод 99 фрагментаў пасудзін паводле спосабу апрацоўкі паверхні вылучаюцца глян-

Мал. 1. Археалагічныя матэрыялы, выяўленыя падчас павярховых збораў на помніках Крывічы-1 (*1–5*), Чарнова-1-е-1 (*6–25*), Чарнова-1-е-2 (*26–39*). 2011 г.

цаваныя (з аднаго ці абодвух бакоў) жоўтага, чырванаватага, шэрага і чорнага колеру, таксама пасудзіны з гладкай і шурпатай паверхняй (мал. 1: *6–25*). Глянцаваныя пасудзіны танкасценныя (0,4–0,7 см), шурпатыя – маюць больш тоўстыя сценкі (0,8–1,2 см). Трэба таксама адзначыць разнастайнасць спосабаў арнаментацыі керамікі. У калекцыі ёсць фрагменты пасудзін з налепленым валікам (мал. 1: *17*), «елачным» арнаментам з гарызантальных ліній, зробленых пазногцем (мал. 1: *20*), штрыхоўкай (мал. 1: *24*), рэльефным лінейным арнаментам (мал. 1: *21*), з арнаментам, зробленым ўцісканнямі пальцам (мал. 1: *18*). Дамешкі ў фрагментах з глянцаванай паверхняй – шамот і пясок, у астатніх – жарства і шамот. Пераважаюць дамешкі шамоту. Знойдзеная кераміка папярэдне датуецца раннім жалезным векам.

Да знаходак эпохі позняга сярэдневякоўя з помніка адносяцца 3 фрагменты кругавых пасудзін, гліняны грузік цыліндрычнай формы, дыяметрам 3,6 см, вышынёй 3 см, з прамой адтулінай дыяметрам 1,6 см.

Чарнова-1-е-2 – размешчана за 0,2 км на поўнач ад вёскі, на правым беразе р. Прыпяць, на ўзвышэнні памерамі 450 × 200 м, вышынёй 2,5–3,0 м. Разворваецца. На паверхні помніка былі сабраны крамянёвыя артэфакты ад мезаліту да эпохі бронзы: 4 нуклеусы (мал. 1: *36–39*), скрабок на краявым сколе (мал. 1: *33*), фрагмент крамянёвага вырабу (мал. 1: *34*), 2 сколы з участкамі рэтушы (№ 13 – мал. 1: *32*), 9 пласцін і іх фрагментаў (№ 10 – мал. 1: *35*), 8 адшчэпаў (№ 14 – бронзавы век, мал. 1: *31*), 7 abломкаў. Ляпная кераміка з паверхневых збораў прадстаўлена 96 фрагментамі (№ 32 – венца пасудзіны пражскай культуры ?), яна падобная да керамікі з пункта Чарнова-1-е-1 і ў цэлым датуецца раннім жалезным векам (мал. 1: *26–30*). З культурнага пласта паходзяць таксама 36 фрагментаў кругавых пасудзін эпохі позняга сярэдневякоўя, 4 кавалкі металургічнага шлаку.

На поўдні Пінскага раёна, у басейне р. Стыр, былі агледжаны помнікі каля вёсак Востраў (Востраў-4, -5, -6, -7) і Ласіцк (Ласіцк-3), сабраны крамянёвыя артэфакты і фрагменты ляпных пасудзін ад эпохі неаліту да сярэдневякоўя.

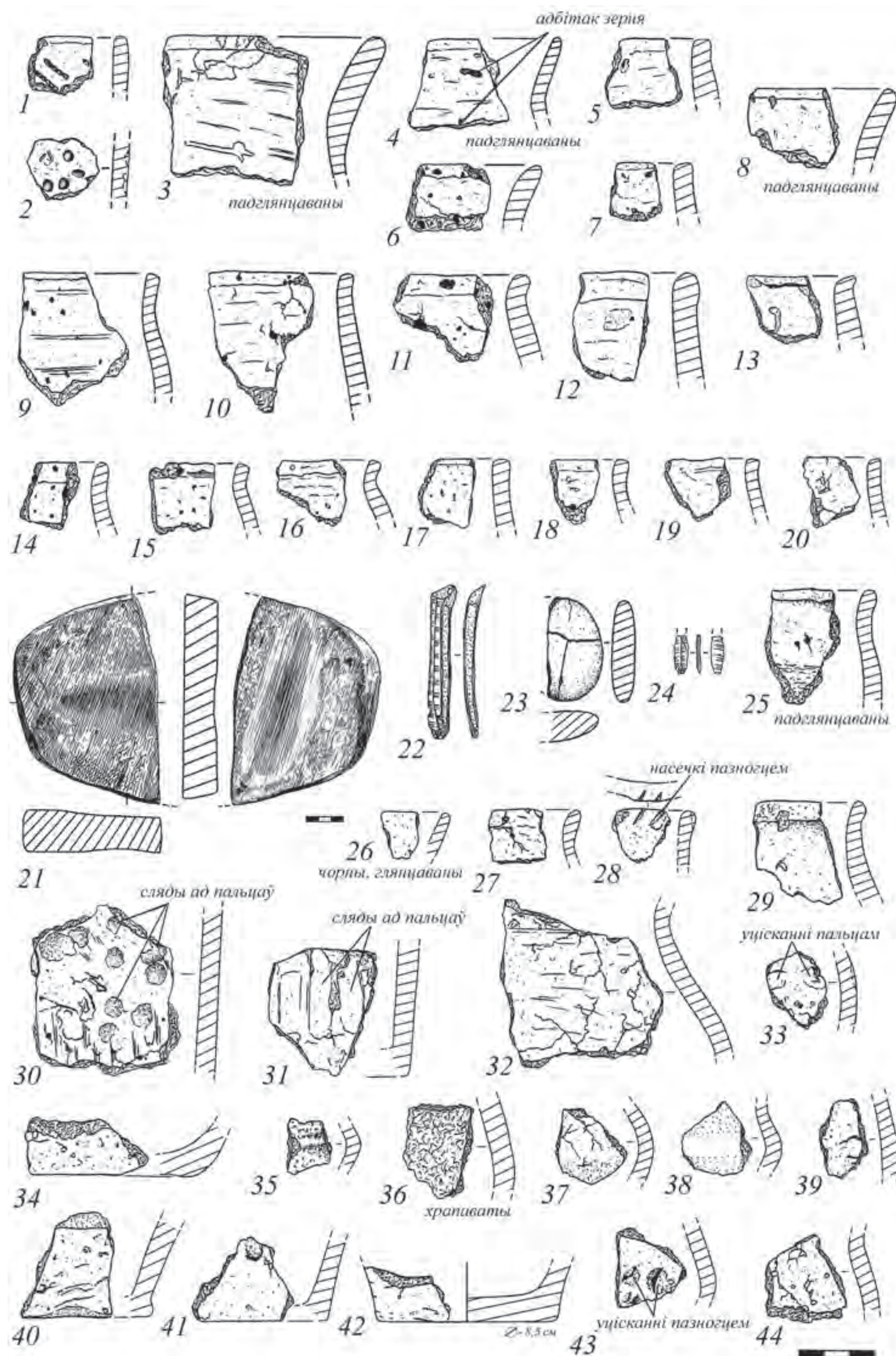
Паселішча Востраў-7 (Ласіцк-2 А) размешчана за 3–4 км на ўсход ад в. Востраў, ці за 1,5–2,0 км на захад ад в. Ласіцк. Помнік выявіў у 1991 г. У. Ф. Ісаенка [6, с. 9–10]. У 2011 г. супрацоўнік Пінскага краязнаўчага музея В. А. Кабрынец на агаленнях культурнага пласта сабраў 83 фрагменты ляпных і 9 фрагментаў кругавых пасудзін. Частка ляпной керамікі датуецца эпохай неаліту–раннім жалезным векам: № 84 – з ямкавым арнаментам, неаліт (мал. 2: *2*), № 83 – неаліт–бронзавы век, № 14 – бронзавы век, шнуравая кераміка палескага тыпу (мал. 2: *1*), № 43, 44, 67, 76, 82 – бронзавы век–ранні жалезны век, №№ 26–28 – ранні жалезны век (мілаградская культура) (мал. 2: *3–5, 7–8*), № 12 – жалезны век (мал. 2: *6*). Астатнія фрагменты (70% ад агульнай колькасці) паходзяць ад пасудзін пражскай культуры (мал. 2: *9–20*). Абломкі танкасценныя, абпал добры, колер ад светла-чырвонага да шэрага. Паверхня пасудзін шурпатая, у цесце дамешкі жарствы, зрэдку – шамоту.

У 2011 г. стацыянарныя даследаванні былі праведзены на паселішчы **Востраў-8** (селішча Востраў-2). Помнік размешчаны за 1 км на захад ад вёскі, ва ўрочышчы Марфінец, займае ўсходнюю частку пясчанага ўзвышэння, якое з усходу і паўночнага ўсходу абмежавана старыцай р. Стыр – р. Заліска. Упершыню паселішча абследаваў у 1987 г. і правёў раскопкі А. А. Егарэйчанка. У раскопе плошчай 296 $м^2$ былі выяўлены рэшткі 3 жытлаў зрубнай канструкцыі, якія ацяпляліся агменямі, складзенымі з кавалкаў жалезнага шлаку. Сярод знаходак – вялікая колькасць абломкаў ляпных і кругавых пасудзін, глінянае праселка, крамянёвыя скрабкі, фрагмент фібулы IV ст. н. э., падвескі, кольца, пранізкі, спражка, шкляныя пацеркі, розныя вырабы з жалеза. На паселішчы былі зафіксаваны матэрыялы эпохі бронзы, ранняга жалезнага веку (мілаградская культура). Большасць знаходак адносяцца да зарубінецкай і пражскай культур [3, с. 61–82].

Сёння культурны пласт на помніку практычна знішчаны ў выніку прыроднага і антрапагеннага ўздзеянняў. Па ўсёй плошчы расце сасновы лес. Археалагічныя матэрыялы, у асноўным ляпная кераміка, у значнай колькасці сустракаюцца на паверхні паселішча (мал. 2: *21–44*). Сярод найбольш цікавых знаходак – палова каменнай шліфавальнай пліткі з другасным выкарыстаннем (пасля таго, як плітка зламалася пасярэдзіне даўжыні, палавінку ад яе працягвалі выкарыстоўваць) (мал. 2: *21*). Даўжыня – каля 12 см, шырыня – 14,5, таўшчыня – 2,9 см. Глыбіня выемкі ад шліфавання (старой) – каля 0,3 см, новай – каля 0,2 см. Знаходка датуецца эпохай неаліту–бронзавым векам.

У 2011 г. раскоп плошчай 32 $м^2$ быў разбіты ў паўднёва-ўсходняй частцы помніка, недалёка ад раскопу 1987 г., на адным з бязлесых участкаў. Мэтай даследаванняў быў пошук ацалелых старажытных аб’ектаў. Культурны пласт складаўся з пяску шэрага колеру магутнасцю 0,1–0,25 м, перамяшанага да мацерыка. На глыбіні 0,1 м ад дзённай паверхні па ўсёй даўжыні раскопу былі прасочаны контуры траншэі шырынёй 1,0–1,2 м у паўночнай яго частцы і да 3,4 м у паўднёвай. Уздоўж траншэі зафіксаваны плямы пяску шэра-карычневага, часам, чорнага колеру, насычаныя вуголлем. Тут жа сустракаліся кальцыніраваныя косці і фрагменты моцна абпаленай таўстасценнай керамікі жалезнага веку. Пасля выбаркі траншэі да мацерыка, аказалася, што яна мае пакатыя сценкі, глыбіню ў паўночнай частцы – да 0,2 м, у паўднёвай частцы – да 0,5 м. Вызначэнне функцыянальнай і храналагічнай прыналежнасці выяўленага аб’екта выклікае пэўныя цяжкасці. Можна меркаваць, што гэта працяг «остатков блиндажа и траншеи периода мировой войны», зафіксаваных у раскопе 1987 г. [3, с. 61–82]. У заходняй частцы доўгай пясчанай дзюны, на якой размешчана паселішча, таксама сустракаюцца археалагічныя матэрыялы (дробныя фрагменты ляпной керамікі). Культурны пласт тут мае магутнасць да 0,3 м. Пункт пазначаны намі як Востраў-8 «А».

Па выніках даследаванняў, праведзеных у 2011 г. на помніку Востраў-8, можна канстатаваць, што найбольш старажытны перыяд засялення адносіцца да мезаліту (?) – бронзавага веку. Сярод знаходак гэтага часу – 10 фрагментаў пасудзін (культура шнуравой



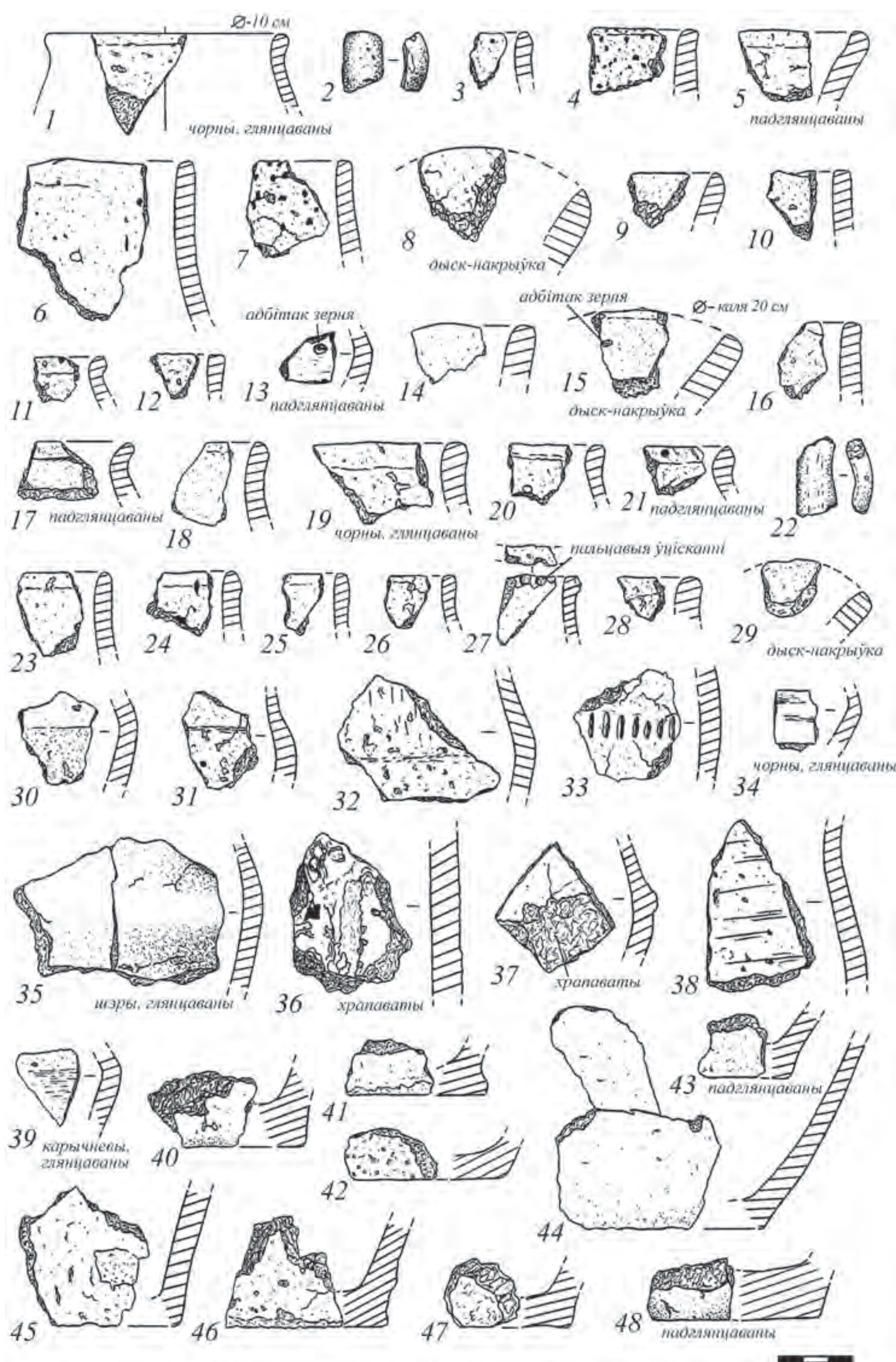
Мал. 2. Знаходкі з павярховых збораў на паселішчах Востраў-7 (*1–20*), Востраў-8 (*21–44*). 2011 г.

керамікі (?), 25 адз. апрацаванага крэменю, палова каменнай шліфавальнай пліткі.

Найбольш інтэнсіўны этап жыццядзейнасці на паселішчы прыпадае на рубеж эр – першыя стагоддзі нашай эры, калі тут пражывалі прадстаўнікі зарубінецкай культуры. Ляпная кераміка «зарубінцаў» складае пераважную большасць усіх знаходак – звыш 800 фрагментаў (з іх 166 – з павярховых збораў). Часцей за ўсё, гэта абломкі таўстасценных грубаляпных пасудзін (карычневага і жаўтаватага колераў) з шурпатай паверхняй. На некаторых фрагментах прасочваюцца шырокія вертыкальныя палосы ад загладжвання пальцамі, ці шматлікія сляды пальцавых адбіткаў (мал. 2: *30, 31*). Дамешкі – жарства розных памераў і шамот. Фрагменты тансасценных пасудзін з глянцаванай паверхняй чорнага, шэрага і карычневага колераў складаюць 6,5% ад агульнай колькасці (мал. 2: *25, 26*; 3: *1, 5, 13, 17,*

19, 21, 34, 35, 39, 43, 48), сустракаюцца фрагменты з храпаватай паверхняй (мал. 2: *36*; 3: *36, 37*). Глянцаваныя і падглянцаваныя пасудзіны часцей за ўсё маюць рабрыстыя сценкі. Таксама знойдзены фрагменты ляпных дыскаў-накрывак жоўтага колеру з падглянцаванай знешняй паверхняй, гліняныя «вушкі» (мал. 3: *2, 8, 15, 22, 29*). Арнаментацыя керамікі заключалася ў нанясенні насечак і наколаў па зрэзе венца, уцісканняў пальцам і пазногцем па баках пасудзіны (мал. 2: *28, 33, 39, 43*; 3: *27*). На шмат якіх фрагментах ёсць адбіткі зерня, у адным выпадку гэта ячмень (мал. 3: *13, 15*).

Аб занятках мясцовага старажытнага насельніцтва металургічным промыслам сведчаць знаходкі кавалкаў жужалю і абломкаў ашлакаваных пасудзін. Таксама на помніку быў знойдзены камень невялікіх памераў з гладкай паверхняй, які выкарыстоўвалі для расцірання ці загладжвання (мал. 2: *23*).



Мал. 3. Ляпная кераміка (*1–48*). Паселішча Востраў-8. 2011 г.

Сярод асноўнай масы ляпной керамікі з паселішча некалькі фрагментаў трэба вылучыць асобна. Яны карычневага колеру, маюць тонкія і тоўстыя (звыш 1 см) сценкі, гладкую (падглянцаваную) і шурпатую паверхню, у цесце – дамешкі шамоту (мал. 3: 32, 38, 44–45). Гэтыя фрагменты былі знойдзены ў паўднёва-ўсходняй частцы раскопу на глыбіні 0,2 м. Яны адрозніваюцца ад керамікі зарубінецкай культуры, прадстаўленай на помніку, і могуць быць аднесены да II–IV стст. – перыяду пасля знікнення на паселішчы Востраў-8 «зарубінцаў» і да з'яўлення тут прадстаўнікоў пражскай культуры. Адсутнасць у керамічным комплексе 2011 г. абломкаў пасудзін пражскага тыпу можа сведчыць аб тым, што ў ранні сярэдневякоўі паселішча выкарыстоўвалі не так інтэнсіўна, як у папярэдні перыяд, таму славянская кераміка, а таксама іншыя рэчы гэтага часу, звязаны пераважна з закрытымі комплексамі (жытламі), што, у сваю чаргу, добра бачна па выніках раскопак 1987 г.

Таксама ў 2011 г. былі праведзены раскопкі на паселішчы **Барыскавічы-1**. Помнік размешчаны на заходняй ускраіне вёскі Барыскавічы (Прудкоўскі сельсавет Мазырскага раёна Гомельскай вобласці), на тэрасе правага берага р. Тур (правы прыток р. Прыпяць), выцягнуты ўздоўж ракі на 500 м, шырыня – больш за 100 м. Вышыня над сучасным рэчышчам – да 5 м. Паверхня паселішча разворваецца. Помнік выявіў у 2009 г. і даследаваў на плошчы 30 м^2 М. М. Крывальцэвіч. Сярод знаходак – фрагмент бронзавай пранізкі, праселка, вытачанае са сценкі ляпной пасудзіны, крамянёвыя артэфакты, ляпная кераміка ад бронзавага веку (кола культуры шнуравой керамікі) – да канца I тысячагоддзя н. э., фрагменты кругавога посуду [8].

Раскоп 2011 г. плошчай 44 м^2 быў разбіты ў цэнтральнай частцы паселішча адносна яго даўжыні, за 10 м ад краю тэрасы, прыкладна за 10–15 м на захад ад раскопу 2009 г. Ён арыентаваны старанамі па баках свету, выцягнуты па лініі поўнач–поўдзень. Стратыграфія культурнага пласта наступная: пласт ворнай глебы магутнасцю 0,10–0,25 м складаўся з супеску шэра-карычневага колеру, у паўночна-заходняй частцы адсутнічаў. Культурны пласт – супесак цёмна-жоўтага колеру, святлейшы дадолу, меў магутнасць да 0,25 м у паўднёвай частцы раскопу, да 0,35 м – у паўночнай. Мацярык – пясок светла-жоўтага колеру, быў расчышчаны на глыбіні 0,4 м у паўночнай і ўсходняй частках раскопу, на глыбіні 0,55 см – у паўднёва-заходняй.

Раскоп па ўсёй даўжыні пашкоджаны траншэяй, у якой траплялася смецце. У паўднёвай частцы, на ацалелых участках, былі даследаваны рэшткі двух аб'ектаў. *Аб'ект 1* – ацяпляльнае збудаванне (печ ?), складзенае з камянёў, было выяўлена ў паўднёва-ўсходняй частцы раскопу. На глыбіні 0,15 м ад дзённай паверхні аб'ект прасочваўся ў выглядзе плямы цёмнага колеру з вуголлем. Дыяметр плямы – 1,2 м. Ніжэй, на глыбіню 0,8 м ад дзённай паверхні, быў расчышчаны развал камянёў з сярэднімі памерамі 10–15 см. Камяні моцна абпаленыя, з вострымі краямі, падобныя на друз вялікіх памераў, ляжалі ў межах ямы бессістэмна на рознай вышыні, найбольш шчыльна – ў цэнтры. Запаўненне паміж камянямі – чорная вуглістая зямля. У межах аб'екта былі знойдзены абломкі трох ляпных гаршкоў, палова глінянага праселка шарападобнай формы, каменны тачыльны брусок, 4 фрагменты костак жывёл. Па формах і тэхналогіі вырабу выяўленыя гаршкі адносяцца да пражскай культуры на заключнай фазе яе існавання (канец VII ст.) і да ранняга этапу Лука-Райкавецкай культуры (VIII ст.). Магутны пласт вуголля (да 0,6 м) і моцная абпаленасць камянёў сведчаць аб высокай інтэнсіўнасці выкарыстання гэтага ацяпляльнага збудавання. Вызначыць яго месца ў забудове старажытнага паселішча можна будзе пасля правядзення раскопак на прылеглым участку.

Аб'ект 2 (вогнішча) быў расчышчаны ў паўднёва-заходняй частцы раскопу. Прасочваўся на глыбіні 0,15–0,20 м ад дзённай паверхні ў выглядзе плямы пяску цёмна-шэрага колеру з уключэннем вугольчыкаў. У плане – авальнай формы, памеры – 1,0 × 1,9 м, выцягнуты па лініі поўнач–поўдзень, глыбіня – 0,35–0,40 м. У межах аб'екта выяўлены фрагмент крамянёвага вырабу са стромкай рэтушшу (позні неаліт), 5 фрагментаў сценак ляпных пасудзін (3 – позні неаліт).

У паўночнай частцы раскопу, на ўзроўні мацерыковай паверхні, былі расчышчаны 3 ямы акруглай у плане формы дыяметрам 0,30–0,40 м, з чашападобным профілем, глыбінёй у мацерыку 0,23–0,34 м. Знаходак у ямах не было.

Па выніках палявых даследаванняў, праведзеных у 2009 і 2011 г., можна зрабіць выснову, што старажытнае паселішча каля вёскі Барыскавічы ў III – пачатку II тысячагоддзя да н. э. было заселена плямёнамі усходнепалескага варыянта днепра-данецкай неалітычнай культуры (позні этап). У бронзавым веку тут з'явіліся прадстаўнікі культуры шнуравой керамікі палескага тыпу. Паселішча існавала і ў жалезным веку – выяўлены нешматлікія фрагменты ляпной керамікі гэтага часу, бронзавая пранізка. Найбольш выразныя матэрыялы на помніку датуюцца эпохай ранняга сярэдневякоўя, адносяцца да пражскай і Лука-Райкавецкай культур.

Вядомыя і могілкі жыхароў раннесярэдневяковага паселішча. На заходняй ускраіне вёскі ў канцы XIX ст. адзначаўся курганны могільнік з 15 насыпаў вышынёй 1–3 м, дыяметрам 3–6 м. У. З. Завітневіч раскапаў 6 курганоў. Былі выяўлены пахаванні па абрадзе трупаспалення на гарызонце (1) і ў насыпе (5). Другі могільнік, больш позняга часу

(X–XII стст.), быў зафіксаваны на ўсход ад вёскі, ва ўрочышчы Курганы [1, с. 259–260; 4, с. 1–2; 9, с. 171]. У культурным пласце паселішча Барыскавічы трапляюцца фрагменты кругавой керамікі і гэтага перыяду.

Такім чынам, у выніку разведак, праведзеных у 2011 г. на тэрыторыі Драгічынскага, Ляхавіцкага і Пінскага раёнаў Брэсцкай вобласці, былі абследаваны ўжо вядомыя помнікі археалогіі і выяўлены новыя. Сярод апошніх – найбольш цікавыя і перспектыўныя для даследаванняў – паселішчы эпох каменю і бронзы, ранняга жалезнага веку: Чарнова-1-е-1, -2; Плошчава-1, -2 у Пінскім раёне. Падчас раскопак на паселішчах з культурнымі напластаваннямі розных перыядаў Востраў-8 і Барыскавічы-1 былі атрыманы прадстаўнічыя калекцыі керамікі жалезнага веку–эпохі ранняга сярэдневякоўя.

Літаратура

1. Барыскавічы // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – С. 259–260.

2. Вергей, В. С. Отчет о полевых исследованиях в Брестской области в 1988 г. / В. С. Вергей // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 1120. – 44 с. : 36 ил., 36 с. кол. оп.

3. Егорейченко, А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской обл. / А. А. Егорейченко // Archaeoslavica. – Krakow, 1991. – С. 61–82.

4. Завитневич, В. З. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье / В. З. Завитневич // ЧИОНЛ. – Киев, 1890. – Кн. IV.

5. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях 1988 года / В. Ф. Исаенко // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 1118. – 17 с., 17 с. кол. оп. : 25 ил.

6. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях Припятского отряда в 1991 году / В. Ф. Исаенко // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 1469. – 16 с. : 6 ил., карты, 5 с. прилож.

7. Касюк, А. Ф. Археалагічныя разведкі на тэрыторыі Брэсцкай і Мінскай абласцей / А. Ф. Касюк // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 годзе. – Мінск, 2011. – Вып. № 20. – С. 249–266.

8. Крывальцэвіч, М. М. Справаздача аб выкананні археалагічных даследаванняў у 2009 годзе на аб'екце «Размеркавальны газаправод высокага ціску для газіфікацыі індывідуальнага жыллёвага фонду аграгарадка Прудок Мазырскага раёна» Гомельскай вобласці / М. М. Крывальцэвіч // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». – Арх. № 2661. – 49 с.

9. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко ; под ред. В. В. Седова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 242 с.

Резюме

А. Ф. Касюк

Основные результаты археологических исследований на Полесье в 2011 г.

В полевом сезоне 2011 г. в результате исследований, проведенных на территории Дрогичинского, Ляховичского и Пинского районов Брестской области, а также Мозырского района Гомельской области, было обследовано 28 памятников археологии, на двух из них – Остров-8 и Борисковичи-1 – были проведены раскопки. Для дальнейшего изучения наиболее перспективны поселения эпох камня и бронзы, раннего железного века Черново-1-е-1, -2; Площево-1, -2 в Пинском районе, а также селище эпохи раннего средневековья Борисковичи-1 в Мозырском районе. На поселении Борисковичи-1 были исследованы остатки отопительного сооружения (печи ?) и выявлен представительный набор лепных сосудов пражской и Лука-Райковецкой культур.

Summary

A. Kasjuk

The main results of archaeological research in Polesie in 2011

In 2011 investigations had place on the territory of Drogichin, Lyakhovichi and Pinsk districts of Brest region, Mozyr district of Gomel region. 28 archaeological monuments were examined. Two settlements (Ostrov-8 and Boriskovichi-1) were excavated. The monuments of Stone Age and Bronze Age – Early Iron Age Chernovo-1, -2; Ploschevo-1, -2 (Pinsk district) and settlement of the Early Middle Ages Boriskovichi-1 are the most promising for further research. On the settlement Boriskovichi-1 remnants of heating installations were investigated and a representative set of ceramic of Prague culture and Luka-Raykovetskaya culture were found.

УДК 903.4(476.5)

М. В. Клімаў, *Інстытут гісторыі НАН Беларусі, навуковы супрацоўнік аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)*

Завяршэнне археалагічных доследаў на помніку Лучна-1

Помнік Лучна-1 знаходзіўся за 12 км на ўсход ад Полацка, на высокім левым беразе р. Заходняя Дзвіна, на вышыні 12–14 м ад узроўню вады. Помнік даследаваўся з 1998 па 2005 г. і з 2010 па 2012 г. Да 2011 г. на помніку была даследавана плошча 3324 $м^2$. Асабліва маштабныя работы разгарнуліся ў 2010 г. у межах раскопу IX на плошчы 1140 $м^2$. У выніку акрамя комплексаў паселішчаў XI–XIII стст. і пахаванняў грунтовага могільніка I (XVI ст.) быў выяўлены грунтовы могільнік II, які папярэдне датавалі канцом XII – XIII ст. [3, с. 324, 328]. У сувязі з планамі будаўніцтва электрастацыі «Полацкая ГЭС», плаціна якой непасрэдна павінна была будавацца на месцы археалагічнага помніка, былі запланаваны і праведзены доследы помніка Лучна-1 у 2011 г. Усе археалагічныя працы на помніку ў 2011 г. праводзілі згодна з Дазволам № 2153 па форме № 4.

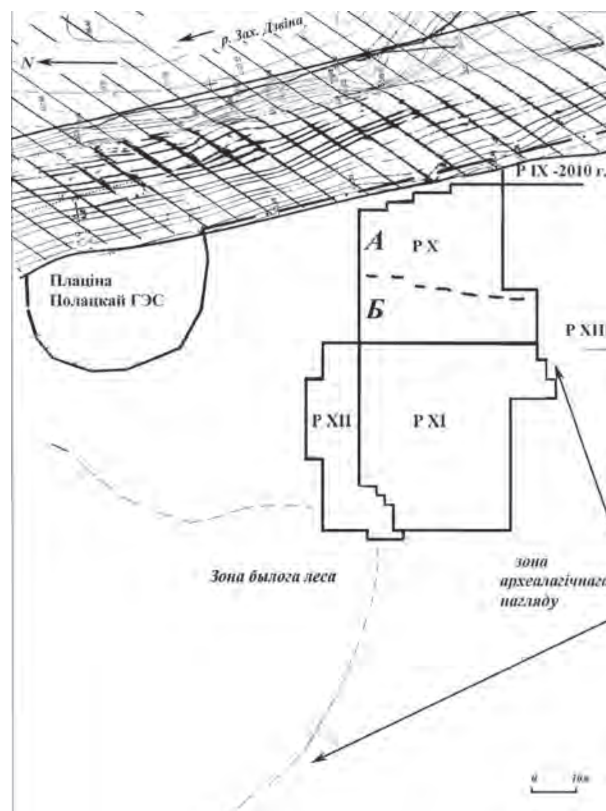
Асноўнай мэтай археалагічных прац у 2011 г. з’яўлялася максімальнае вывучэнне плошчы помніка з фіксацыяй ўсіх комплексаў і аб’ектаў, бо планамі будаўніцтва не прадугледжвалася спыненне пабудовы абваднога канала зімой 2011/12 г. Археалагічныя раскопкі і археалагічны нагляд за рознымі этапамі будаўнічых прац на помніку Лучна-1 працягваліся з 2 ліпеня па 21 снежня 2011 г. і ў студзені 2012 г. У выніку ў 2011 г. былі даследаваны 4 археалагічныя раскопы, X, XI, XII, XIII /часткова/ сумарнай плошчай 3136 $м^2$ (мал. 1). У археалагічных працах прынялі ўдзел В. В. Шадыра, студэнты-практыканты гістфака Белдзяржуніверсітэта пад кіраўніцтвам В. Сідаровіча і А. Плавінскага, малодшага навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі НАН Беларусі П. М. Кенькі, валанцёры[1].

Паралельна з археалагічнымі раскопкамі з жніўня 2012 г. праводзіўся і археалагічны нагляд за дзейнасцю будаўнікоў, бо асноўнай іх мэтай з’яўлялася будаўніцтва абваднога канала, які непасрэдна праходзіў па помніку, частка плошчы яго аказалася пад лясным масівам, які быў ліквідаваны. Звернемся да агульнага аналізу вынікаў даследавання.

Раскоп X, плошчай 1172 $м^2$ быў разбіты з улікам працягу паступовага даследавання ўсёй плошчы помніка, таму з усходняга боку ён быў выцягнуты ўздоўж левага берага р. Заходняя Дзвіна. З паўднёвага боку раскоп X датыкаўся да ранейшых раскопаў V і VIII. Самы паўднёва-усходні кут раскопу X стыкаваўся з паўночна-заходнім кутом раскопу IX, 2010 г. (мал. 1).

Стратыграфія раскопу X не мела адрозненняў ад папярэдне вывучанай плошчы на помніку, пры ваганні магутнасці культурнага пласта ў межах 0,30–0,55 м, ён складаўся з шэрай і цёмна-шэрай супесі з праслойкамі вуголляў, абпаленай гліны (памерамі 1,0 × 1,5 м; 1,5 × 2 м), вялікімі вуголлямі (памерамі 0,05 × 0,10 м; 0,1 × 0,2 м), фрагментамі глінянай абмазкі. Вышэйпазначаныя элементы сведчылі аб наяўнасці пабудоў з рэшткамі печаў. Ніжэй праслоек з вуголлямі і абпаленай глінай пры далейшых доследах былі зафіксаваны падпечкавыя і гаспадарчыя ямы. Асноўная колькасць сведчанняў пабудоў была сканцэнтравана ў заходняй і паўночнай частках раскопу. Плошча кожнай з пабудоў перавышала 20 $м^2$. Найменшая канцэнтрацыя ям характэрна для паўднёва-усходняй часткі раскопу.

Рэшткі пабудоў добра датуюцца па асобных артэфактах і манетах. У раскопе выразна прасочваліся сведчанні пажараў, якія адбываліся ў межах помніка. Адзін з пажараў датаваўся мяжой XII–XIII стст., другі – першай паловай XVI ст. Канцэнтрацыя матэрыялаў на раскопе мае выразны падзел па храна-



Мал. 1. План археалагічных прац (*А, Б*). Лучна-1. 2011 г.

[1] Прыносім удзячнасць усім удзельнікам археалагічных раскопак у 2011 г.

лагічных маркёрах. У заходняй частцы раскопу найбольш прысутнічалі матэрыялы і сведчанні пажару XI–XIII стст. (мал. 1: *Б*), ва ўсходняй частцы раскопу – матэрыялы і сведчанні пажару XV – першай паловы XVI ст. (мал. 1: *А*) У паўднёва-заходняй і цэнтральнай частках раскопу выразна назіраецца «накладанне» матэрыялаў і аб'ектаў абодвух перыядаў. У гэтай сувязі цікавасць выклікалі падмуркавыя траншэі ў цэнтральнай частцы раскопу (ямы № 531, 536), якія мелі накірунак: захад–усход, датаванне: XV – першая палова XVI ст., «праразалі» шэраг ям з матэрыяламі XII–XIII стст., былі звязаны з абарончымі драўлянымі сценамі.

На мяжы раскопачнага пласта 2 (0,35–0,40 м ніжэй дзённай паверхні) і мацерыка ў кв. 951 і 950 быў зафіксаваны скарб у выглядзе раскіда 11 манет на невялікай плошчы. Манеты знаходзіліся сярод цёмна-шэрага пласта з вуголлямі, адна з манет мела абпалены стан. Усе манеты былі вызначаны А. В. Іовым і адносіліся да грошаў і паўгрошаў чаканкі Аляксандра Ягелончыка, Жыгімонта I Старога, Жыгімонта II Аўгуста. Самая позняя манета ў скарбе датавана 1548 г.

У адрозненне ад раскопу X, раскопы XI, XII, XIII распрацоўвалі пасля зняцця верхняй часткі культурнага пласта пры дапамозе бульдозера. Гэта было выклікана хуткімі тэмпамі будаўніцтва канала і немагчымасцю поўнай разборкі культурных напластаванняў пры адсутнасці працоўнай сілы. Усе індывідуальныя знаходкі фіксавалі да пачатку і пасля працы бульдозернай тэхнікі, якая здымала культурны пласт праслойкамі па 20–25 см. Пасля згортвання бульдозерных прац раскоп XI быў разбіты на захад ад раскопу X і датыкаўся па нумерацыі квадратаў да раскопу X. У сувязі з інтэнсіўным працягам будаўніцтва катлавана было вырашана даследаваць яшчэ адзін раскоп XII, далучыўшы яго да заходняй і паўночнай сценак раскопу XI (мал. 1). Раскоп XIII быў разбіты на мяжы раскопаў 1998 г., 2001 г., 2003 г. з мэтай даследавання некалькіх ям, выяўленых раней. У выніку было знойдзена дадаткова некалькі ям і даследавана 2 з іх ліку. Снег і мароз перапынілі доследы на раскопе XIII. На аснове аналізу матэрыялаў мацерыковых ям і асобных артэфактаў адзначым асаблівасці помніка ў межах раскопаў.

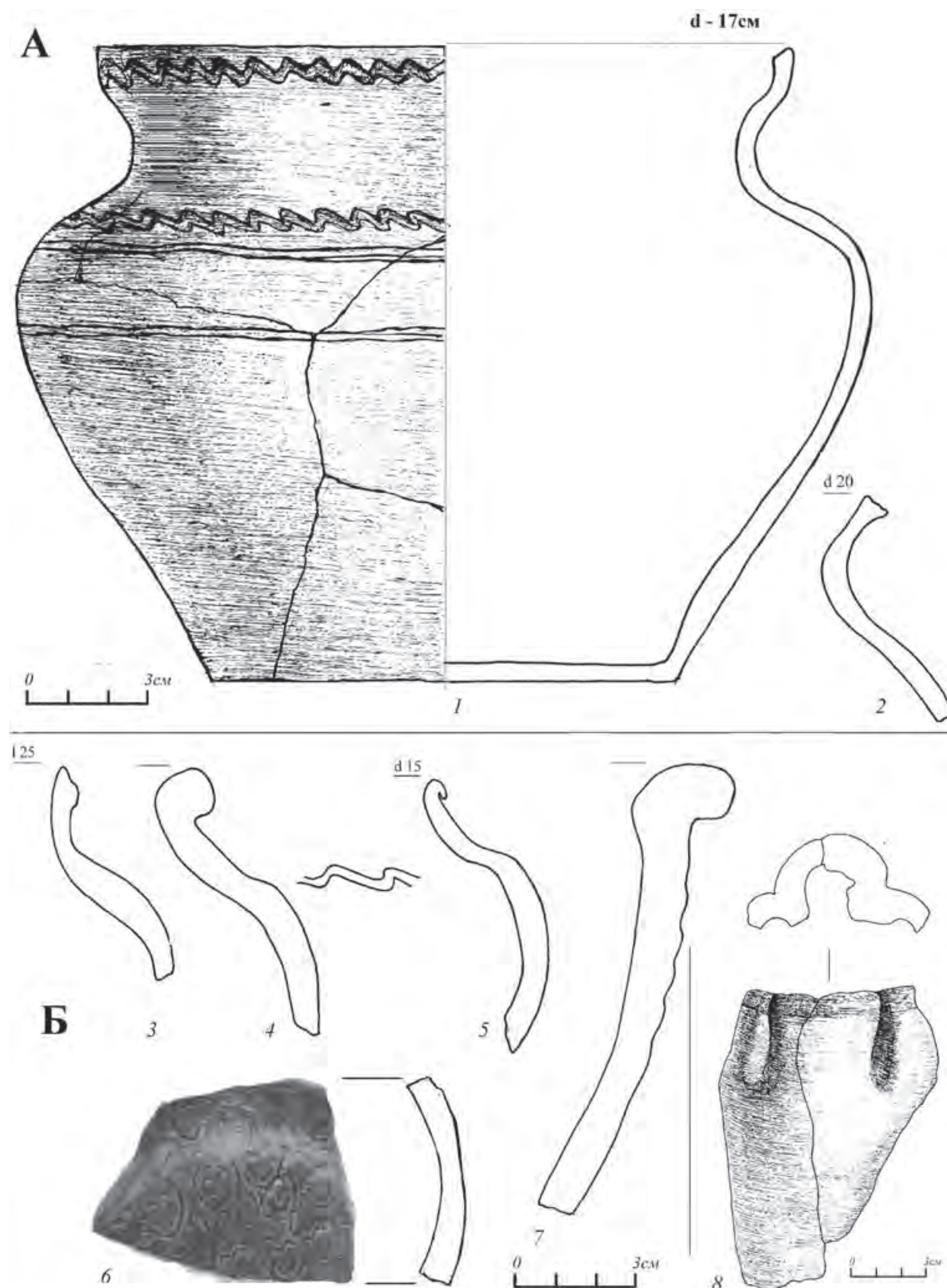
Як указвалася вышэй, усходняя частка раскопу X мела ямы, датаваныя XV–XVI стст., што звязвалася з фінальнай стадыяй існавання феадальнай сядзібы. У заходняй частцы раскопу X, у межах раскопаў XI і XII амаль усе ямы ўтрымлівалі матэрыялы XI–XIII стст. Ямы XV–XVI стст. адносіліся ў асноўным да гаспадарчых і падпечкавых. У адной з падпечкавых ям былі выяўлены фрагменты аплаўленай квадрыфалійнай гаршковай кафлі (мал. 2: *8*). Падобныя ямы мелі поўны спектр матэрыялаў, характэрных менавіта для XV–XVI стст. З гэтай кропкі погляду характэрна запаўненне падпечкавай ямы № 469, памерамі 1,55 × 2,3 м і глыбінёй 0,20–0,85 м. У запаўненні ямы сярод цёмна-шэрага пласта з фрагментамі абпаленай гліны і вуголлямі быў размешчаны шэраг венцаў гаршкоў XV–XVI стст., часткі керамічных плітак, адна з якіх мела таўшчыню 3 см, кавалак цэглы таўшчынёй 7 см, камяні. Фрагмент сценкі пасудзіны з зялёнай палівай і штампам «сэрца з завітком» (мал. 2: *6*). Падобная кераміка з палівай і адпаведным штампам вядома яшчэ з раскопак 2002 г. У яме выяўлены і фрагменты ваконнага шкла таўшчынёй 2,0 і 1,5 мм.

Асаблівасцю ям XI–XIII стст. у межах раскопу X з'яўлялася тое, што вялікія па памерах ямы змяшчалі істотную колькасць фрагментаў бітых гаршкоў з венцамі, звернутымі ўнутр (в. з. у.) (мал. 2: *1*). Акрамя венцаў гаршкоў падобныя ямы ўтрымлівалі і іншыя матэрыялы. Так, з ямы № 480 паходзіў поўнасцю захаваны нож з касцяным, арнаментаваным дзяржальцам, частка палатна сярпа (?), асялок, шыфернае праселка. Ямы з падобнай керамікай пераважаюць і на раскопе XI. Сярод ям на раскопе XI вылучаецца яма № 657. Яма мела авальную форму памерамі 1,6 × 1,7 м і глыбінёй 0,75 м. Пры далейшай разборцы высветлілася, што яма была запоўнена бітымі гаршкамі з венцамі толькі схемы в. з. у. Гаршкі ляжалі даволі шчыльна сярод вуголля і вялікай колькасці жарствы. Вугольная праслойка «падсцілала» перадмацерыковы ўзровень ямы. Пры далейшай разборцы заходняй сценкі ямы звярнула на сябе ўвагу тое, што некаторыя з фрагментаў гаршкоў былі шчыльна «ўціснуты» ў праслойку неабпаленай гліны. Пры далейшай разборцы гэтай часткі ямы працягвалі сустракацца вялікія кавалкі абпаленага дрэва, якія нібы злучаліся між сабой пад вуглом 45º–50º. Такім чынам, яма мела авальную форму і яе выкарыстоўвалі ў мэтах вытворчасці керамічнага посуду.

Акрамя гаспадарчых ям найбольшую цікавасць уяўлялі ямы № 531 і 536. Яны мелі выгляд траншэй, пачыналіся ў раскопе X, перакрыжоўваліся і працягваліся ў раскопе XI. Ямы вызначаліся незвычайнымі памерамі. Яма № 531 пры шырыні ў межах 0,3–0,4 м, мела глыбіню ад 0,3 да 0,4 м. Яма № 536 пры шырыні 0,3–0,8 м вызначалася яшчэ большай глыбінёй – 0,4–0,6 м. Гэтыя ямы па прызначэнні выступалі як падмуркавыя для драўлянай агароджы на розных этапах існавання сядзібы XV – першай паловы XVI ст.

Асаблівасцю зместу ям з раскопу XII з'яўлялася тое, што некалькі закрытых комплексаў мелі ў сваім запаўненні кавалкі амфар трапезундскага тыпу (ямы № 727, 728, 734). У раскопе XIII адна з ям адносілася да XII ст., другая – да падпечкавай ямы XV–XVI стст.

Спынемся на агульнай характарыстыцы знаходак. Керамічныя вырабы на помніку традыцыйна прадстаўлены вялікай колькасцю фрагментаў гарш-



Мал. 2. Керамічныя вырабы (*1–8*): *А* – XI–XIII стст.; *Б* – XV–XVI стст. Лучна-1

коў, сярод якіх пераважаюць фрагменты венцаў схемы в. з. у. (мал. 2: *1*). Іншыя фрагменты дадзенага перыяду адносіліся да тыпаў, характэрных для XI ст., мяжы XII–XIII стст., XIII ст. (мал. 2: *2)* і сустрэтых у іншых гарадах Полацкай зямлі [1, с. 190, рис. 55; 4, рис. 2, 3]. Неабходна адзначыць, што сярод гэтага посуду пераважаюць гаршкі з дыяметрамі ад 18 да 21–22 см, частка з якіх арнаментавана хвалямі, лініямі, наколамі, уцісканнямі. На некаторых донцах гаршкоў зафіксаваны клеймы ў выглядзе «кола», «зорачкі», «трызубца». Большасць з донцаў не маюць ніякіх слядоў.

Для керамічнага посуду XV–XVI стст. характэрны тыпы венцаў з адметным выгінам сцябла (мал. 2: *3–5*). Сярод іншай наменклатуры пабытовай керамікі ў раскопах 2011 г. былі знойдзены накрыўкі, міскі, макотры (мал. 2: *7*), патэльні, свяцільнік, рукамыі, фрагменты паліванага посуду і посуду тыпу «каменны тавар».

Будаўнічая кераміка прадстаўлена фрагментамі выключна гаршковай кафлі, керамічных плітак і цэглы. Круглыя вусці кафлі мелі дыяметры ад 11 ад 13 см. Выяўлены фрагменты і квадрафалійнай кафлі. Варыятыўнасць таўшчыні цэглы вагалася ад 5 см (цэгла-пальчатка) да 6,5–7,4 см.

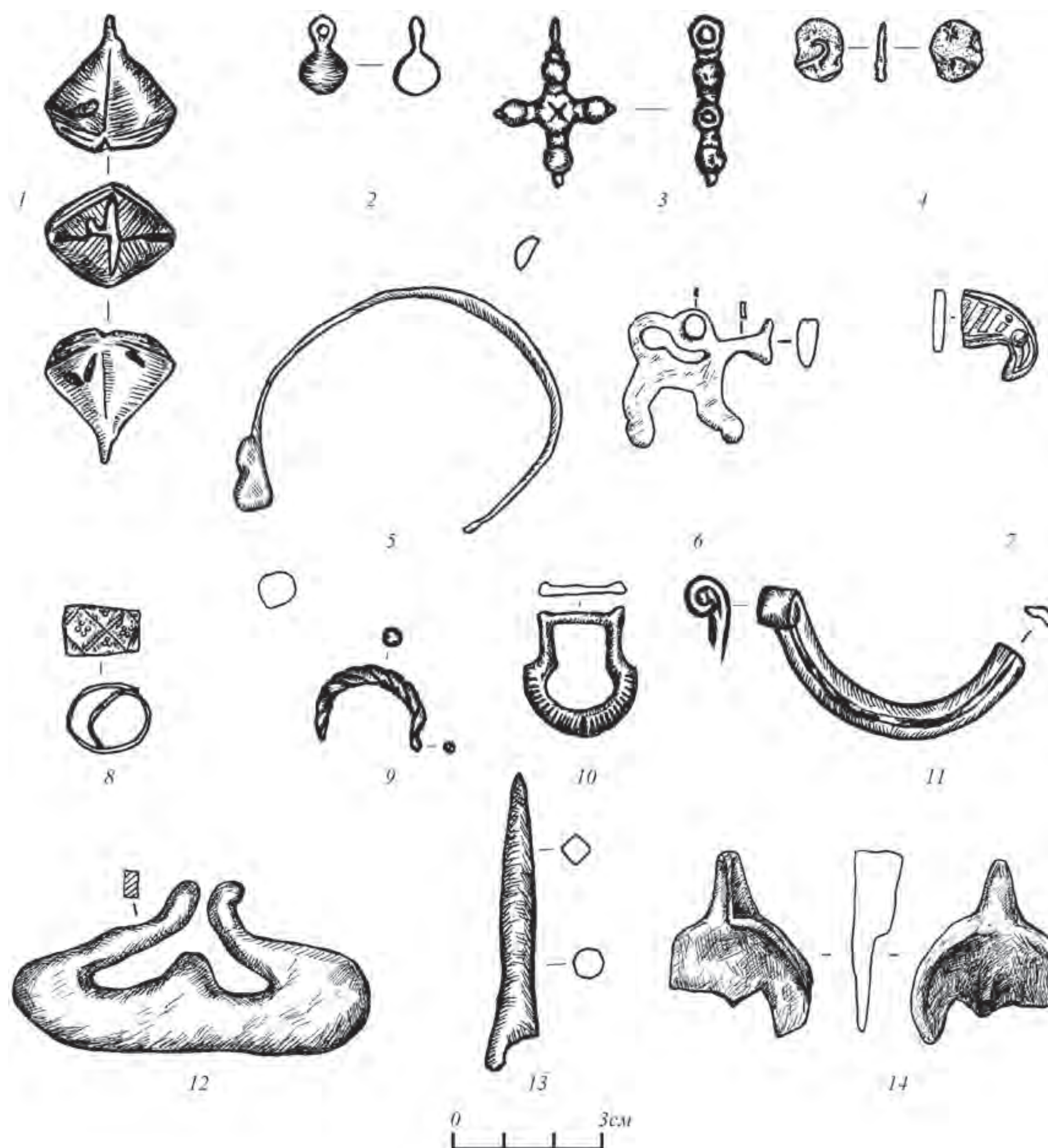
Сярод вырабаў з косткі вылучаецца некалькі рэчаў: лыжачка, часткі грабянёў, жужалка іігральная костка. Выклікае цікавасць дзяржальца нажа, якое выканана з косткі.

Вырабы са шкла з раскопаў мелі традыцыйную наменклатуру: фрагменты бранзалетаў, донца невялікага келіха, шкляныя пацеркі, фрагменты ваконных шкляных дыскаў.

Вырабы з каменю прадстаўлены трыма катэгорыямі рэчаў: асялкамі, шыфернымі праселкамі, прыладамі працы (часткі сякер-кліноў і камянёў-цёрачнікаў), крамянёвай «скалкай». Толькі адна пласціна была аднесена да мезалічнай індустрыі[1].

[1] Вызначэнне зроблена А. Вашанавым, за што прыносім яму ўдзячнасць.

Металічныя вырабы таксама адлюстроўваюць два перыяды ў жыццядзейнасці на помніку: XI–XIII стст. (мал. 3) і XV–XVI стст. (мал. 4). Пры гэтым вырабаў з каляровых металаў было істотна больш ў першы перыяд жыццядзейнасці. Да вырабаў з каляровых металаў з раскопаў адносіліся экзэмпляры культавай мелкай пластыкі (крыжыкі-цельнікі, мал. 3: *3*), крыж-энкалпіён XII ст., упрыгажэнні (пярсцёнкі (мал. 3: *8, 9*), бранзалеты (мал. 3: *5*), прывескі (мал. 3: *6, 7*), фрагмент грыўні, скроневыя і пасавыя кольцы, накладкі (мал. 4: *4*), спражкі (мал. 3: *10*), фібулы (мал. 3: *11*), гузікі (мал. 3: *2;* мал. 4: *3*), бразготкі (мал. 3: *1*), ланцужкі, ланцугатрымальнік), кніжныя зашпількі (мал. 4: *1, 2*), пломбы таварныя (мал. 3: *4*), пераплёты ваконныя, кулі, грузілы, манеты. Аб'ем артыкула не дазваляе разгледзіць усе



Мал. 3. Асноўныя тыпы вырабаў XI–XIII стст. з каляровых (*1–11*) і чорных металаў (*12–14*). Лучна-1

катэгорыі рэчаў падрабязна, але, напрыклад, адносна спражак магчыма сказаць, што ўсе яны датуюцца ў межах канца X – XIII ст. і маюць шэраг аналогій сярод матэрыялаў з іншых помнікаў Беларусі [2, с. 156–159, рис. 16–19]. Некаторыя з бранзалетаў і пярсцёнкаў блізкія па матэрыялах да артэфактаў з Ноўгарада [6, с. 112, рис. 42: *22*; с. 125, рис. 45: *12*]. У выніку археалагічных раскопак былі выяўлены некалькі тыпаў манет, сярод якіх дзірхамы, дэнарыі Вітаўта, дэнарыі Аляксандра, паўгрошы Жыгімонта I; паўгрошы Жыгімонта II, пражскія грошы Вацлава IV, швецкія соліды рыжскай чаканкі Хрысціны Аўгусты, соліды Яна II Казіміра (барацінкі), медныя манеты расійскай чаканкі XVIII–XIX стст., «чашуйкі» расійскай чаканкі XVII – пачатку XVIII ст.[1]

Вырабы з чорных металаў прадстаўлены традыцыйнай для помніка Лучна-1 наменклатурай вырабаў: замкамі (мал. 3: *14*; 4: *5*) і ключамі (мал. 4: *7*), нажамі (чаранковыя і тронкавыя экзэмпляры; мал. 4: *6*), брытвай для галення; прыладамі і інструментамі, наканечнікамі стрэл (мал. 3: *13*), рыштункам вершніка і каня, крэсівамі (мал. 3: *12*), скабянымі вырабамі і інш. Многія вырабы маюць прамыя аналогіі сярод знаходак з чорнага металу з іншых помнікаў Беларусі [5, с. 273–274].

[1] Прыносім удзячнасць за вызначэнне манет Вяч. С. Куляшову, А. В. Іову, Ш. І. Бекцінееву і В. А. Кобрынцу.

Мал. 4. Асноўныя тыпы вырабаў XV–XVI стст. з каляровых (*1–4*) і чорных металаў (*5–7*). Лучна-1

Высновы

1. У выніку археалагічных раскопак на помніку Лучна-1 у 2011 г. былі атрыманы больш дакладныя даныя аб храналогіі помніка. Ранняя храналогія жыццядзейнасці ў мікрарэгіёне, дзе знаходзіўся помнік, была пацверджана двума фрагментамі дзірхамаў. Выяўленыя рэчы прэстыжнага характару, звязаныя з раннім перыядам бытавання сядзібы (І) (сярэбраныя ўпрыгажэнні, рамбічная прывеска, паліваны посуд, амфары), указвалі на тое, што яна была заснавана адным з бліжэйшых падначаленых полацкага князя. У сувязі з гэтым звяртае на сябе ўвагу наяўнасць на помніку пломбаў з выявамі «праквітнеўшага крыжа» і «трызубца».

Былі атрыманы новыя доказы перапынення жыццядзейнасці на помніку Лучна-1 у перыяд існавання сядзібы, у XII–XIII стст., у выніку ваеннага катаклізму. Не выключана, што наканечнікі стрэл маглі трапіць у пласт паселішча падчас міжусобных канфліктаў XII – пачатку XIII ст.

Археалагічныя раскопкі засведчылі, што феадальная сядзіба (II) XI–XIII стст. была абкружана значным вясковым паселішчам, у якім жылі рамеснікі і сяляне.

У выніку раскопак было атрымана ўдакладненне адносна планіроўкі сядзібы ў перыяд XV–XVI стст., асабліва гэта датычылася абарончых сцен (ямы № 531 і 536). Важнае значэнне ў 2011 г. мела выяўленне скарба першай паловы XVI ст., блізкага па складу да скарба 1551 г. (2002 г.), але ранейшага за яго на некалькі гадоў – 1548 г. Гэты скарб, як і іншыя сведчанні (перанос абарончай сцяны, некаторыя комплексы), гавораць аб тым, што ў першай палове XVI ст. у існаванні феадальнай сядзібы (III) магчыма вылучыць два падэтапы развіцця.

Літаратура

1. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1995. – 207 с. : ил.

2. Кенько, П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников / П. М. Кенько. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 172 с.

3. Клімаў, М. В. Асноўныя вынікі археалагічных раскопак на помніку Лучна-1 у 2010 годзе / М. В. Клімаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2012. – Вып. 23. – С. 324–332.

4. Левко, О. Н. Средневековое гончарство Северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 164 с. : ил.

5. Сагановіч, Г. М. Прылады працы і пабытовыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г. М. Сагановіч // Археалогія Беларусі : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. / пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.] / Г. М. Сагановіч – Мінск : Беларус. навука. – С. 260–276.

6. Седова, М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука. – 195 с. : ил.

Резюме

М. В. Климов

Завершение археологических исследований на памятнике Лучно-1

Помещены результаты археологических раскопок на памятнике Лучно-1, которые были получены в 2011 г. В этом году на памятнике Лучно-1 была исследована площадь равная 3136 м^2. Приведены данные об основных исследованых объектах и артефактах. В 2011 г. на памятнике был найден небольшой клад и собрана богатая коллекция украшений из цветных металов и керамической посуды XI–XIII вв., в том числе фрагменты амфор. В результате работ были получены новые данные о хронологии и планировке феодальной усадьбы в XV–XVI стст.

Summary

M. Klimau

Completion of the archaeological study at the monument Luchna-1

The article deals with the results of archaeological excavations at the monument Luchna-1, which were obtained in 2011. In this year on the monument Luchna-1 was investigated area equal to 3136 sq. m. The article prazants data on the main research sites and artifacts. In 2011 a monument was found a little treasure and a fine collection of ornaments from non-ferrous metals and ceramics 11th–13th centuries. Including fragments of amphorae. As a result of the work was to obtain new information about the history and layout of the feudal manor 15th–16th centuries.

УДК 903.4 (476–11)«9/12»

***В. І. Кошман**, Інстытут гісторыі НАН Беларусі, загадчык аддзела археалогіі сярэдневяковага перыяду, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)*

Археалагічныя даследаванні помнікаў басейна сярэдняй Бярэзіны ў 2011 г.

Згодна з Дазволам № 2234 па форме № 1, выданага Інстытутам гісторыі НАН Беларусі, аўтарам былі праведзены археалагічныя раскопкі плошчай 40 м^2 на гарадзішчы Свіслач (Асіповіцкі раён) і палявыя археалагічныя разведкі на тэрыторыі Бярэзінскага раёна Мінскай вобласці, Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці. Мэтай працы сталі далейшыя раскопкі помнікаў старажытнарускага часу для збору матэрыялаў па заданні № 1.5.6. «Свіслач і акруга ў часы сярэднявечча».

Гарадзішча Свіслач размешчана на высокім мысе, які ўтвораны ўпадзеннем р. Свіслач ў р. Бярэзіна. З поўдня, захаду і ўсходу гарадзішча мае высокія стромкія схілы вышынёй 10–12 м. Пляцоўка гарадзішча блізкая да трохвугольнай, яе памеры – каля 70 × 70 м. З боку вёскі (з поўначы) умацавана ровам глыбінёй да 2 м і шырынёй да 13–17 м, валам вышынёй каля 2,2–2,5 м і шырынёй каля падэшвы 8,5–9,0 м. Уезд на гарадзішча размешчаны ў разрыве вала з напольнага боку. Помнік даследаваўся ў 1962 г., 1969–1971 гг. Э. М. Загарульскім (каля 720 м^2). У 2000-х гадах вывучэнне паўднёва-заходняй і паўднёва-ўсходняй часткі гарадзішча было аднаўлена А. У. Ільюцік і В. І. Кошманам (з улікам сезона 2011 г. раскапана 172 м^2).

Культурны слой на гарадзішчы мае магутнасць 1,7–2,3 м. Верхнія пласты (0,2–0,4 м) перамешаны і плотныя, маюць шэрую афарбоўку з шматлікімі дамешкамі бітай цэглы, шкла, вапны. Паступова слой набывае інтэнсіўна чорную афарбоўку (0,4–0,6 м) і да мацерыка прадстаўлены гумусіраваным, насычаным вуголлем, часам вільготным слоем з невялікімі ўкрапінамі гліны, пяску, які добра захоўвае косткі рыб і жывёл, часам абпаленае дрэва. Верхнія пласты стратыграфічна можна датаваць XVI–XVII стст., асноўная колькасць культурных адкладанняў звязана з XII–XIII стст. (пачаткам XIV стст. ?), у перадмацерыковым пласце сустракаюцца матэрыялы ранняга жалезнага веку (культура штрыхаванай керамікі).

Падчас работ 2011 г. у раскопе выяўлены:

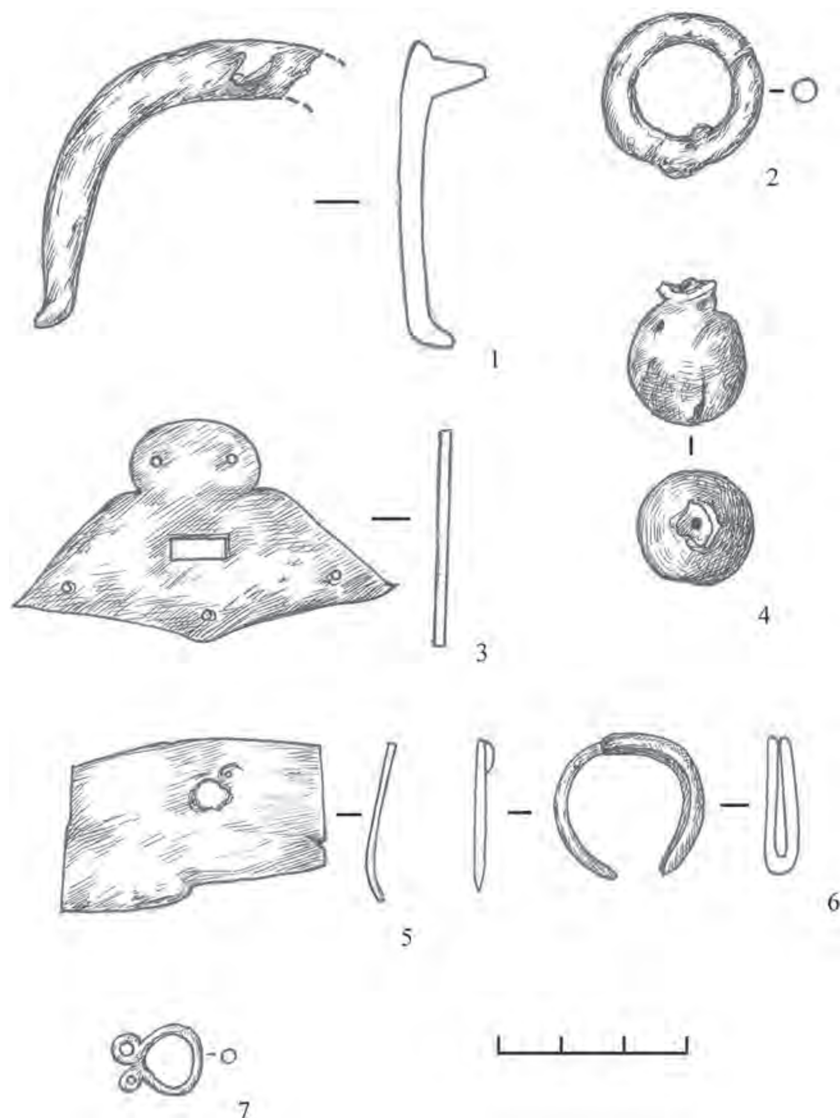
– фундамент з буйных камянёў на вапнавай рошчыне, для забутоўкі таксама выкарыстоўвалася чырвоная цэгла з клеймамі «Розенбергъ» і «Бобруйскъ». Даўжыня раскрытага фундамента – 10 м, шырыня – 0,5–0,6 м. Час ўзвядзення – другая палова–канец XIX ст. На схематычным плане гарадзішча 1926 г. на гэтым месцы паказаны драўляны сарай;

– аб'екты, якія можна звязаць з рэшткамі жылой пабудовы XVII ст. і пабудоў, якія былі знішчаны ў пажары ў сярэдзіне XIII ст. Найбольш цікавым былі расчышчаныя ў кв. 9 рэшткі печы, якая прадстаўлена купалападобным завалам шэра-белай гліны і камянямі. Памеры – каля 1,6 × 1,0 м. Слой вакол аб'екта характарызуецца вялікай колькасцю вуголля, костак, лускі рыб, шэраглінянай керамікі. У паўднёвай частцы маецца правал грунту, які, відаць, фіксуе пустату ў печы. Па контуры аб'екта (з паўднёвага і заходняга бакоў) фіксуецца паласа спарахнелага дрэва даўжынёй да 2,2 м. Украпіны гліны цягнуцца ў заходнім накірунку і перакрываюць кв. 4. Вакол печы і ў яе запаўненні сабраны астэалагічны і керамічны матэрыял. Было вырашана гэту печ цалкам не разбіраць, была ажыццёўлена яе прарэзка ў накірунку захад–усход. Запаўненне складаецца з шэрай светлай гліны з уключэннем камянёў. Магутнасць гліны – 0,2 м. Потым ідзе прапластак чорнага слою з уключэннем вуголля (магутнасць 5–6 см), прапластак светлага пяску (магутнасць 4–5 см) і вугальны прапластак магутнасцю 1,0–1,5 см. Пасля гэтага зноў ідзе чорны рассыпчаты слой без уключэння вуголля;

– калекцыя знаходак (без уліку астэалагічнага і іхціялагічнага матэрыялу) колькасцю 6816 адзінак (з якіх масавыя – 6612, індывідуальныя – 204);

– індывідуальныя знаходкі прадстаўлены вырабамі з жалеза (нажы, праколкі,ігла, цвікі, ключы, дужкі замкоў, скобы, прабоі, наканечнікі стрэл, фрагменты шпор), каляровага металу (солід 1621 г., накладка на кашэль-каліту, свінцовыя пласцінкі, куля, нацельны крыжык) (мал. 1), шкла (фрагменты бранзалетаў (63 экз.), паліхромны крыжык, зонныя пацеркі, «кіеўскія» сасудзікі) (мал. 2), рогу (ігла для пляцення, наканечнікі стрэл, грэбні) (мал. 3), каменю (асялкі, шыферныя праселкі), гліны (фрагменты амфар, донцы з клеймамі);

– масавыя знаходкі, якія прадстаўлены фрагментамі ляпной керамікі жалезнага веку (714 экз.) і ганчарнай керамікай (5891 экз.). Ганчарны посуд прадстаўлены фрагментамі венчыкаў – 1243 экз., сценак – 4488, донцаў – 160 экз. Фрагменты ганчарнага посуду маюць светла-шэры, светла-карычневы,

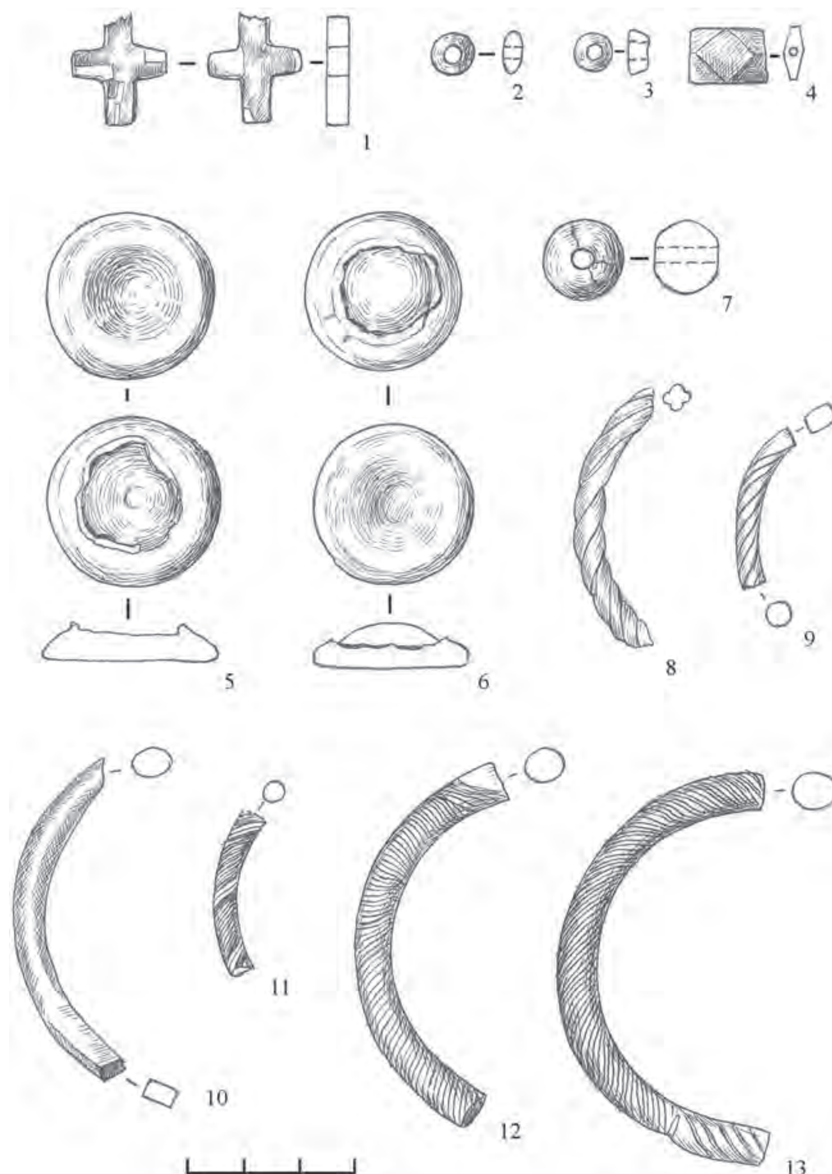


Мал. 1. Вырабы з жалеза і каляровага металу: *1* – падкоўка на абцас; *2* – кальцо; *3* – накладка на кашэль-каліту; *4* – куля; *5* – венчык катла; *6* – пярцёнак; *7* – зашпілька. Гарадзішча Свіслач. 2011 г.

буры і чорны колер. Частка пасудзін выраблена з белай гліны, мае сляды абпалу (найбольш уласціва для керамікі запаўнення печы). Сценкі сасудаў маюць таўшчыню 0,4–0,8 см. Плечукі ў частцы гаршкоў аздоблены лінейным або хвалістым арнаментам. Сярод ганчарнай керамікі верхніх напластаванняў сустракаецца посуд XVI–XVII стст., аднак пераважная колькасць керамічнага матэрыялу датуецца XII–XIII стст. Гэта посуд з нізкай, крута адагнутай шыйкай, акруглымі плечыкамі. Венчыкі простыя, але разнастайныя па форме. Сярод ляпнога посуду пануе кераміка са штрыхаванай паверхняй. Штрыхоўка на кераміцы хаатычная і па якасці крыху адрозніваецца ад класічнай штрыхоўкі, уласцівай для культуры штрыхаванай керамікі, аднак у цэлым адпавядае асаблівасцям керамікі гарадзішчаў басейна р. Бярэзіна (Багушэвічы, Капланцы, Дзмітравічы і інш.). Па меркаванні А. У. Ільюцік, у формах комплексу ляпной керамікі з гарадзішча Свіслач прасочваюцца стылістычная прыёмы і традыцыі вырабу керамікі, уласцівыя як для керамікі гарадзішчаў вярхоўяў р. Бярэзіна, так і для больш паўднёвых тэрыторый, што магчыма патлумачыць ўплывамі мілаградскай і зарубінецкай культур. Пераважная колькасць венчыкаў адносіцца да тыпу рабрыстых, сустракаюцца і прафіліраваныя. Датаванне такой керамікі даволі шырокае – з апошняй чвэрці I тысячагоддзя да н. э. да III–IV стст. н. э.;

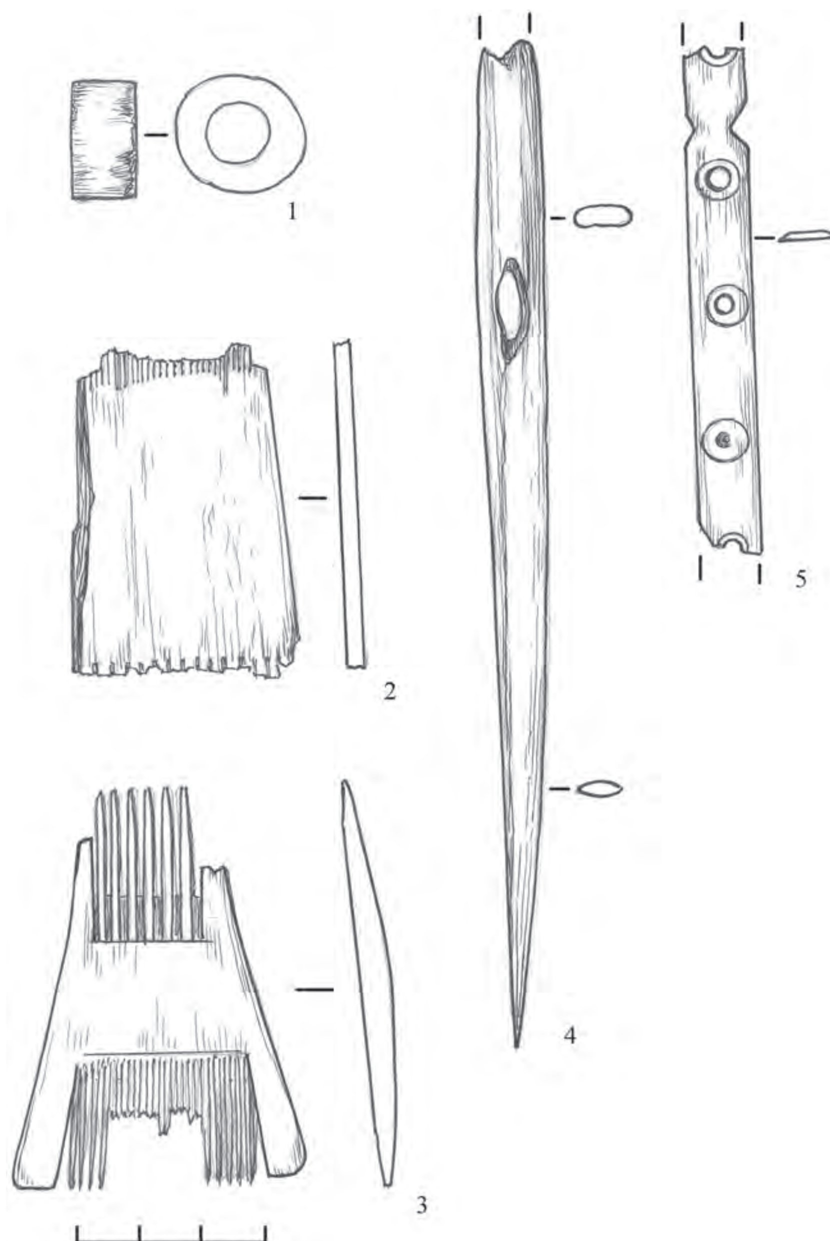
– іхціялагічная калекцыя (3506 костак), вызначаная Э. А. Ляшкевіч. У выбарцы адзначаны асятровыя, шчупак, лешч, сінец, вусач, жэрах, гусцера, карась, язь, платва, лінь, чырвонапёрка, сом, ёрш, акунь, судак.

Падчас археалагічных разведак ажыццяўляўся маніторынг стану ўжо вядомых археалагічных помнікаў. У мэтах пошуку прыдатнага для раскопак паселішча, якое мае «пісьмовую» гісторыю і адно-



Мал. 2. Вырабы са шкла: *1* – крыжык; *2–4, 7* – пацеркі; *5, 6* – паддоны «кіеўскіх» сасудзікаў; *8–13* – бранзалеты (фрагменты). Гарадзішча Свіслач. 2011 г.

сіцца да Свіслацкай воласці, намі была абследавана в. Каменічы (цэнтр сельсавета, Асіповіцкі раён). Першая ўзгадка паселішча адносіцца да 1513 г. як дзяржаўнага сяла Свіслацкай воласці. У 1560 г. налічвала 14 двароў. У чэрвені 1579 г. пералічана ў шэрагу з 12 вёскамі Свіслацкай воласці (Брыцалавічы, Вярэйцы, Вяззе, Вял. Гарожа, Вял. Грава, Задобрычча, Зборск, Каменічы, Лапічы, Гонча, Цяплухі і Шэйпічы). З 1793 г. знаходзілася у складзе Расійскай імперыі. Згодна адміністрацыйнаму падзелу адрозніваюць Вялікія і Малыя Каменічы (у 1967 г. яны былі аб’яднаны ў адну вёску). Археалагічная літаратура сведчыць, што ва ўрочышчы Калодзіжын, у лесе, каля дарогі ў в. Якшыцы, маецца гарадзішча. Пошукі помніка, а таксама роспыты мясцовых жыхароў аб месцазнаходжанні гэтага ўрочышча вынікаў не далі. Мясцовы краязнаўца Ю. В. Клеванец (г. Асіповічы) таксама такога не ведае, яго ўласныя пошукі гарадзішча аказаліся безвыніковымі. У той жа час на агародах вёскі па абодвух берагах р. Каменка (Прыцерпа) адзначаюцца знаходкі керамічнага матэрыялу познесярэдневяковага часу. Не выключана, што падобнае размяшчэнне паселішчаў фіксуе інфармацыю пісьмовых дакументаў, якія адрозніваюць *«село Каменичи»* і *«Слобода Каменичская»*. Адметна тое, што мясцовыя жахары адну з частак вёскі называюць менавіта «слабада». У літаратуры таксама маецца інфармацыя аб знаходжанні ў наваколлях вёскі трох курганных могільнікаў. Яшчэ два курганных могільніка былі выяўлены пры абследаванні В. Ф. Капыціна (даныя не апублікаваны). Пад-



Мал. 3. Вырабы з рогу: *1* – адпіл; *2, 3* – грабяні; *4* – ігла; *5* – накладка. Гарадзішча Свіслач. 2011 г.

час разведкі 2011 г. была абследавана курганная група, якая знаходзіцца на мясцовых могілках. Самі могілкі размешчаны ў 0,3–0,4 км на паўночны захад ад вёскі (левы бераг р. Каменка). Налічаны 22 курганы вышынёй 1,2–1,8 м, дыяметрам 5–6 м. У шэрагу курганоў ёсць ровікі. Насыпы маюць паўсферычную форму, захаванасць іх здавальняючая. Частка курганоў парушана пры распрацоўцы «рва» вакол могілак. Рамешчаны дастаткова кампактна ў паўднёва-заходняй частцы могілак. Частка курганоў знаходзіцца адразу па-за межамі агульнай агароджы могілак. Пераважная колькасць курганоў парасла дрэвамі і кустамі, прасочваюцца ямы. Мясцовыя жыхары называюць іх «курганамі». Паведамляюць, што яны раней раскопваліся вяскоўцамі з мэтай пошуку каштоўнасцей.

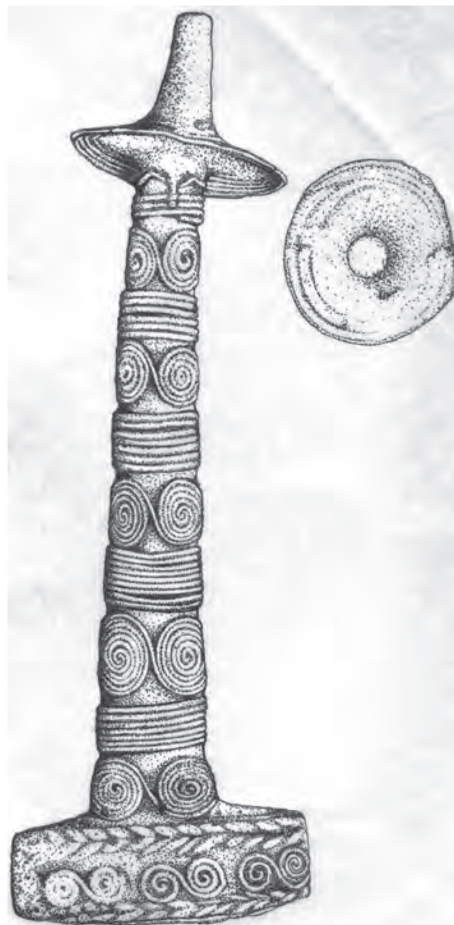
У літаратуры маецца інфармацыя аб наяўнасці паміж вёскамі Орча і Вяззе (Асіповіцкі раён) курганнага могільніка, які ўключае ў сябе падоўжаны курган. Дзякуючы дапамозе краязнаўца Ю. В. Клеванца, могільнік удалося лакалізаваць (каля 1,5 км на захад ад в. Орча ў накірунку да в. Вяззе, у лесе, уздоўж старой лясной дарогі ў накірунку да р. Каменка (Прыцерпа)). Арыенцірам можа выступаць і лінія ЛЭП, ад якой на поўнач (каля 0,4 км) размешчаны курганы. Раней налічвалася 7–9 насыпаў, раскіданых па лесе, і курган у полі. Намі налічана 5 курганных насыпаў, якія «прывязаны» да старой лясной дарогі. Вышыня насыпаў – 1,0–1,5 м, дыя-

метр – 6–10 м. Увагу прыцягвае падоўжаны курган даўжынёй каля 16 м, шырынёй 2,7–3,0 м і вышынёй да 1,4 м. Курган арыентаваны ў накірунку захад–усход. Захаванасць курганоў дастаткова добрая, яны параслі лесам, месцамі парыты норамі дзікіх звяроў.

У в. Ялізава (цэнтр сельсавета, Асіповіцкі раён) паўторна было абследавана гарадзішча, якое добра вядома па археалагічнай літаратуры і шурфавалася намі ў 2004 г. У 2011 г. было зафіксавана, што каля гарадзішча ўсталяваны інфармацыйны шчыт аб помніку археалогіі. У той жа час трэба адзначыць, што пляцоўка гарадзішча стала недаступнай для навуковага вывучэння. Мясцовыя жыхары і дачнікі усталявалі драўляны тын амаль на ўсёй пляцоўцы помніка, актыўна ўключылі гэтую тэрыторыю ў сельскагаспадарчы абарот. Зараз амаль немагчыма нават агледзіць помнік. Даступнымі для вывучэння засталіся толькі абарончыя збудаванні, якія даволі добра захаваліся з паўднёва-заходняга боку.

На вясковых могілках в. Лешніца (Бярэзінскі сельсавет) вясной 2011 г. было праведзена добраўпарадкаванне (спілаваны дрэвы, высечаны кусты) і дзякуючы гэтаму на усходнім ускрайку могілак былі зафіксаваны 5 расплыўшыхся курганоў. Яны размешчаны дастаткова кампактна, у адлегласці 5–15 м адзін ад аднаго. Зараз маюць вышыню 0,4–0,7 м, дыяметр 5–7 м. Часткова пашкоджаны. Відавочна, што раней курганоў было нашмат больш і іх частка зараз знішчана сучаснымі магіламі. У бліжэйшым будучым гэтыя насыпы будуць знішчаны сучаснымі пахаваннямі. Тапаграфічна могілкі займаюць невялікі ўзгорак, які крыху ўзвышаецца над наваколлем. У 1979 г. Т. С. Бубенька зафіксавала наяўнасць аднаго кургана ў 0,05 км ад цэнтра в. Лешніца, на ўскраіне вясковых могілак. Паведамляецца, што раней тут, ва ўрочышчы Курганне, налічвалася 8 курганоў. Даследчыцай адзначана, што захаваўся толькі адзін курган на могілках, астатнія былі развораны. Вышыня кургана, які захаваўся, – 1,0–1,5 м, дыяметр – 10–12 м.

Восенью 2010 г. бярэзінскі краязнаўца І. Жукоўскі перадаў для вызначэння эфес бронзавага кінжала (мал. 4), які быў знойдзены мясцовымі жыхарамі на правым беразе р. Бярэзіна ў межах вёскі 8–10 гадоў таму назад. Пошукі аналогій дадзенага вырабу паказалі, што гэта была ўнікальная клінковая рубяча-колючая зброя з жалезным клінком і эфесам, які ўключае рукаятку, гарду і наверша. Даўжыня крыжавіны (гарды) – 4,0 см, вышыня – 1,2 см. Крыжавіна падпрамавугольная, з закругленымі краямі, у сячэнні мае лінзападобную форму. Рукаятка даўжынёй 8,4–8,6 см, якое, як і крыжавіна, арнаментавана рэльефным дэкорам у выглядзе спіралі. Наверша пераходзіць у ніжні канец рукаяці і мае лейкападобную форму з падоўжаным стрыжнем



Мал. 4. Эфес кінжала. Бронза. в. Перавоз. Бярэзінскі раён. Пачатак 2000-х гадоў

даўжынёй 2,0 см. Памеры лейкападобнага раструба – 2,7 × 3,0 см. Вынікам даследавання гэтага цікавага артэфакта стаў сумесны артыкул, які надрукаваны на тэрыторыі Украіны [1]. Вызначана, што эфес паходзіць з арэала чорналескай археалагічнай культуры, якая адносіцца да канца эпохі бронзы–пачатку жалезнага веку.

Выяўленне такога цікавага артэфакта не магло нас не зацікавіць, і восенню 2011 г. намі быў агледжаны правы бераг р. Бярэзіна ў межах в. Перавоз. Вёска займае высокі правы бераг р. Бярэзіна (надпоймавая тэраса) вышынёй да 10–12 м. Рэчка ў пачатку вёскі робіць круты выгін. Верх гэтай тэрасы (тэрыторыя вёскі) шчыльна забудавана, распрацаваны агароды, усюды пастаўлены тын. Сама тэраса да р. Бярэзіна мае даволі значны ўхіл. На працягу вёскі па правым беразе ракі маецца некалькі размываў (яроў). У працэсе агляду гэтай тэрыторыі слядоў культурнага слою, пахаванняў (кальцыніраваных костак) зафіксавана не было. Агляд больш высокіх і роўных месцаў на тэрыторыі ўласна вёскі і агародаў не адбываўся з-за негатыўнага стаўлення мясцовых жыхароў і дачнікаў.

Літаратура

1. Бандрівський, М. Ефес чорноліського однолезового залізного клинка із с. Перевоз у Білорусі / М. Бандрівський, В. Кошман // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Львів, 2011. – Вiп. 15. – С. 376–384.

Резюме

В. И. Кошман

Археологические исследования памятников бассейна средней Березины в 2011 г.

Представлены основные итоги полевых археологических исследований 2011 г. Уделено внимание результатам раскопок на городище Свислочь (Осиповичский район), где исследовано 40 м^2 площади при мощности культурного слоя свыше 2,0 м. Выявленные артефакты характеризуют материальную и духовную культуру населения средневекового замка XII–XVII вв. Также освещены данные по полевым разведкам в Осиповичском и Березинском районах.

Summary

V. Koshman

Archaeological researches in the middle basin of the river Berezina in 2011

The article is devoted to the main results of the field of archaeological researches in 2011. The main attention is paid on the results of the excavations on the hill-fort of Svisloch (Osipovichi district), where 40 sq. m was investigated. The capacity of the cultural layer was over 2.0 m. Revealed artifacts characterize the material and spiritual culture of the population of the medieval castle of 12th–17th centuries. The results of field survey in Osipovichy and Berezino districts are presented too.

УДК 902/904(476.5)«2010/2011»

О. Н. Левко, *заведующая Центром истории доиндустриального общества Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Археологические исследования строительного котлована под административное здание в г. Витебске по ул. Калинина в 2010–2011 гг.

В течение 2010–2011 гг. на территории средневекового Заручевья в г. Витебске проводилось археологическое исследование во время рытья котлована под административное здание КГБ по ул. Калинина. Пятно строительства с запада ограничено ул. Калинина, с севера – Замковым ручьем, с востока – учреждением по внешкольной работе (Дворец молодежи), с юга – ул. Правды.

Проводимые в последние годы исследования в пределах бывшего Замкового ручья показывают, что его правый коренной берег вдоль укреплений Нижнего замка проходил по территории современной застройки по ул. Замковой и затем огибал церковь Благовещения с юга. В месте установки колодца теплотрассы на площади 1000-летия (2009 г.) зафиксирован фрагмент каменной стены Нижнего замка XIV в., сооруженной вдоль р. Западной Двины. А в самой траншее теплотрассы южнее церкви выявлены фрагменты кирпичной кладки храма Доминиканского монастыря XVIII–XIX вв. и предметы, связанные с ним. Как показывает план города 1904 г., от церкви Благовещения и Доминиканского монастыря к Заручевью вела ул. Могилевская. Ее трасса совпадала с Великой дорогой уличной, или Большой кожемятской, известной по описанию «Чертежа 1664 года» [3].

Южная сторона Заручевья доходила до площади, в которую упирается современная ул. Калинина (в настоящее время это пл. Победы). По письменным источникам с XVI в. на территории Заручевья известна деревянная Воскресенско-Заручевская церковь, принадлежащая корпорации кожевников (Кожемятская) [2, с. 213]. При рытье котлована под административное здание по ул. Калинина были вскрыты остатки уже каменных фундаментов и сводов подвальных помещений данного храма, отмеченного на планах конца XVIII в. и 1904 г. Они имели высоту от 1,0 до 1,7 м и были ориентированы по линии юг–север. Основание фундамента выложено крупными булыжными камнями диаметром 0,2–0,6 м, на которые хаотично набросаны кирпичи и мелкие камни, скрепленные известью. Размеры кирпича – (25,0 × 12,0 × 6,0) см; (25,5 × 13,5 × 6,5) см. Кирпичная кладка в одном месте заканчивалась сводом. Под ним были обнаружены две параллельно расположенные железные трубы (возможно, связанные с обогревающими устройствами). Вблизи постройки выявлены крест-энколпион XIV в., нательные бронзовые крестики XVII–XVIII вв., медальон XVII в. с изображением святых, а также фрагменты церковной утвари из цветных металлов (рис. 1).

В пределы зоны строительства попали также фундаменты бывшего городского ремесленного приюта, построенного предположительно в конце XIX в., так как на планах Витебска 1840–50-х годов он отсутствует. Они выявлены в юго-восточном углу котлована на глубине 4 м. Сложены фундаменты из валунов средней величины на извести. Низ их выполнен из крупных валунов без раствора, положенных на бревна, имеющие длину 1,8 м и диаметр 0,2 м. Над бутовым фундаментом зафиксирована кирпичная кладка. Кирпич имел размеры (26,0 × 12,5 × 6,5) см. Стена строения в южном направлении была выявлена на протяжении 10 м, затем она поворачивала в западном направлении и имела длину равную 4 м. Под бревнами прослежен черный слой с углем и материалами XVII–XVIII вв., ниже – темно-серый слой до глубины 8,5 м, его подстилал материковый песок.

Исследования в котловане под административное здание КГБ позволили восстановить застройку и рельеф местности участка, прилегающего с южной стороны к Замковому ручью в непосредственной близости к р. Западная Двина, а также выяснить характер его культурных отложений. Площадь котлована составила свыше 9300 м^2 при глубине до 12 м. Мощность культурных отложений в котловане колебалась от 6,5 до 10,0 м. Понижение слоя зафиксировано в северо-западном направлении к руслу бывшего Замкового ручья. Так как в значительной степени отложения нарушены строительными работами, проводившимися здесь в XX в., то их стратиграфию удалось проследить лишь на отдельных участках котлована.

Кроме каменных строений в котловане на разной глубине неоднократно зафиксированы фрагменты деревянных построек, частокол. Первый сруб ***(П–1)*** на глубине 4,5 м от уровня дневной поверхности был расположен вблизи ул. Калинина в северо-западной части строительного котлована в темно-сером слое. Здесь выявлено 4 бревна диаметром 0,2–0,4 м. Бревна окоренные, рублены «в чашку». Второй сруб ***(П–2)*** выявлен на глубине 3,5 м напротив здания Федерации профсоюзов. Зафиксировано 5 венцов, рубленых «в обло» с остатком. Бревна в длину составили до 3,5 м, а их диаметр – 0,2–0,4 м. Размеры сруба – 4,0 × 3,5 м, ориентирован он с северо-востока на юго-запад. Сруб находился в черном слое, подстилаемом материковым песком. Третий

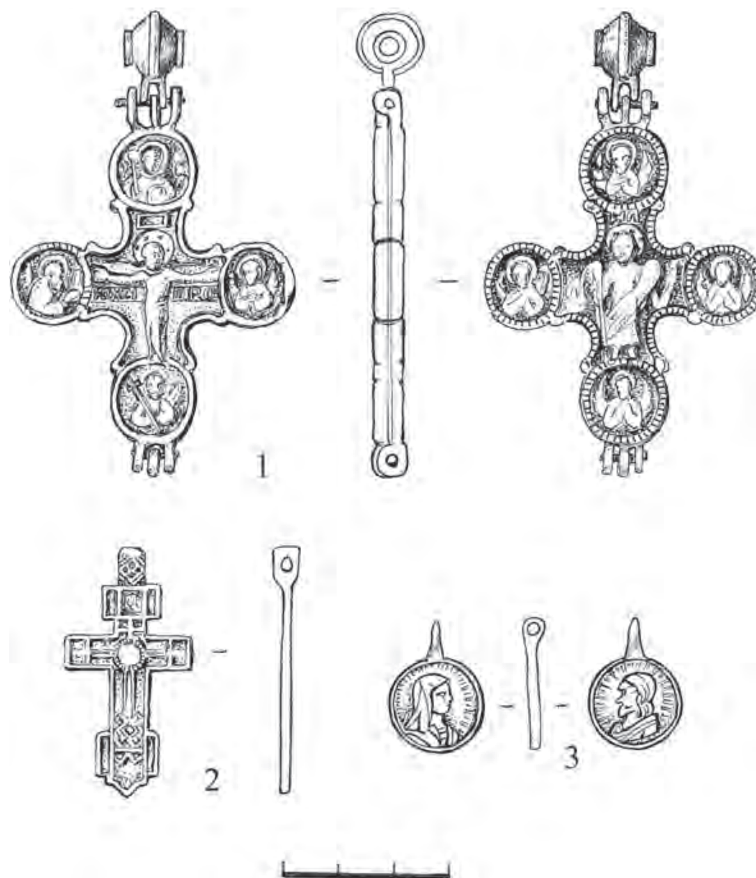


Рис. 1. Предметы культа из цветных металлов: *1* – крест-энколпион; *2* – нательный крест; *3* – медальон. Витебск

сруб ***(П–3)*** располагался в центральной части котлована у восточного края первой очереди административного здания на глубине от 6,5 м. В углу постройки было выявлено рубящее оружие (сабли и шашки). Сруб сохранился на 3–4 венца, рубленые в чистый угол с крепежным шипом у края бревна. Бревна окоренные, отесанные, имели ровную поверхность. Размеры строения – 2,15 × 2,15 м. Ориентировано оно по сторонам света. Диаметр бревен – от 15, до 19 см. В основании постройки выявлено бревно диаметром 27 см. Постройка располагалась в темно-сером слое, ее подстилал серый материковый песок.

В процессе археологических исследований в котловане обнаружен разнообразный материал: фрагменты и целые формы глиняных изделий, в том числе чернильница с зеленой поливой XVII в., помадная банка конца XVIII в., полные профили различной посуды (горшки, миски, тарелки), датируемой широко – от XII до XVIII в. Из цветного металла изготовлены: проволочные браслет и колечко XII–XIII вв. (рис. 2), кольцо и перстень XVII–XVIII вв.; книжные застежки XIII–XVI вв., орнаментированные накладки XVI–XVII вв., пряжки, наконечники поясов XIV–XVII вв. (рис. 3); пуговицы с гербами и другими изображениями XIX в. (рис. 4); гребни и пуговица из кости.

Особые группы находок составляют набор нагрудных знаков и эмблем, и набор колющего и рубящего оружия. Всего обнаружено шесть клинков, из которых пять сабель и шашек сохранились на полную длину, а шпага состояла из трех фрагментов. Все они не имели эфесов, однако эфес с обломанным концом лезвия также был найден с наружной стороны сруба. За пределами сруба и в слое над оружием были выявлены также нагрудные знаки и эмблемы из цветного металла. Совокупность двух групп находок интерпретирована как своеобразный «клад», состоящий из холодного оружия, производство которого относится к 1841–1883 гг. и нагрудных знаков и эмблем, датируемых в пределах последних десятилетий Российской Империи – первых лет Советской власти (до 1920–1922 гг.).

Клинки лежали вместе и, видимо, были во что-то завернуты, так как остатки их покрытия истлели. Лезвия клинков сильно коррозированы. По предварительному определению на основе визуального осмотра до расчистки[1] найденные клинки отнесены

[1] Осмотр произвели художник-реставратор 1-й категории Белорусского Государственного музея истории Великой Отечественной войны В. И. Пчельников и научный сотрудник отдела археологии, нумизматики и оружия Национального исторического музея Республики Беларусь С. А. Лютых.

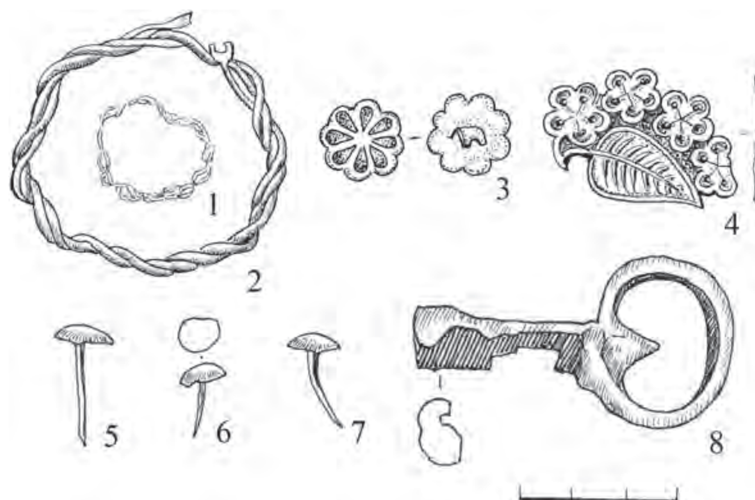


Рис. 2. Изделия из цветных металлов *(1–7)*, железа *(8)*. Витебск

Рис. 3. Изделия из цветных металлов: *1, 3* – наконечники поясов; *2, 6* – пряжки; *4, 5, 7–9* – застежки. Витебск

к драгунским саблям и шашкам. После проведенной Е. В. Власовцом расчистки коррозии, удалось прочесть сохранившиеся клейма, что позволило уточнить датировку и место изготовления оружия (Златоустовская оружейная фабрика). Сабли и шашки выявленного образца использовали и в гражданскую войну. Эфес со сломанным клинком состоит из рукояти и латунной гарды. Деревянная рукоять покрыта кожей и обмотана по поперечным желобкам витой проволокой. Вверху на рукояти находится фигурная латунная втулка, на которую сверху насажена овальная выпуклая головка. Гарда образована передней дужкой, отходящей от верхней части рукояти и плавно переходящей в крестовину, конец которой слегка загнут вниз и закруглен. На обломке клинка сохранилось клеймо Златоустовской оружейной фабрики с обозначением года: «1872». Этот клинок с эфесом и еще один из найденных клинков принадлежат драгунским солдатским саблям образца 1841 г. Целый клинок сабли – стальной искривленный однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец заострен с двух сторон. Два других клинка принадлежали солдатским шашкам образца 1881 г. Клинки стальные, незначительной кри-

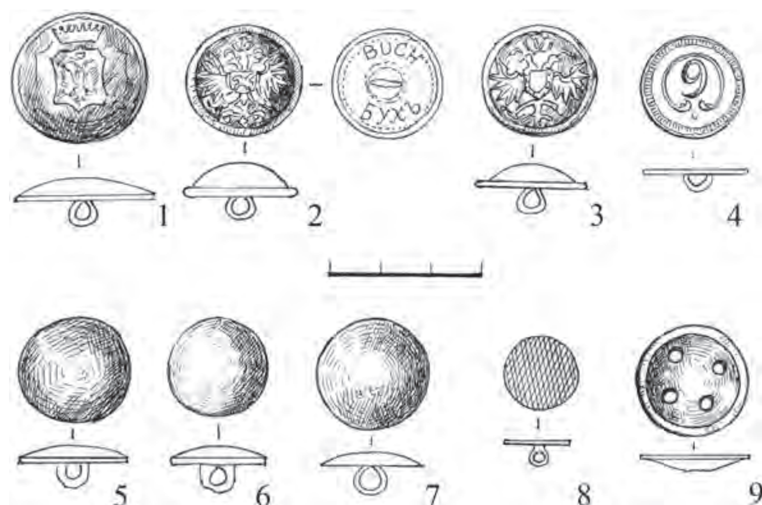


Рис. 4. Пуговицы *(1–9)*. Цветной металл. Витебск

визны, однолезвийные, с одним широким долом. Боевой конец также заострен с двух сторон. Еще один клинок принадлежит драгунской офицерской шашке также образца 1881 г. Клинок стальной, незначительной кривизны, с двумя узкими долами у обуха. Особый интерес представляет клинок шпаги, состоящий из нескольких фрагментов (рис. 5). На фрагменте верхней части шпаги сохранилось клеймо фирмы «Золинген» («Solingen»): голова короля и шлем рыцаря с надписью «WK &…». На оборотной стороне клинка есть также фрагмент надписи «W VER…IN». Клеймо на клинке указывает, что он изготовлен не ранее 1883 г., когда к первому производителю из Золингена (фирма существует с 1560 г.) присоединился второй, и они образовали фирму «Weyersberg, Kirschbaum and Cie» («WKC»). Таким образом, и этот клинок знаменитых европейских производителей относится ко времени производства и использования златоустовских сабель и шашек, выявленных вместе с ним в срубе. Мастерами фирмы Золинген, видимо, был также произведен клинок одной из найденных сабель, однако из-за сильной коррозии клеймо сохранилось лишь частично. Клинок стальной искривленный однолезвийный, с двумя узкими долами.

Златоустовская оружейная фабрика была открыта в декабре 1815 г. Для налаживания производства холодного оружия были приглашены германские

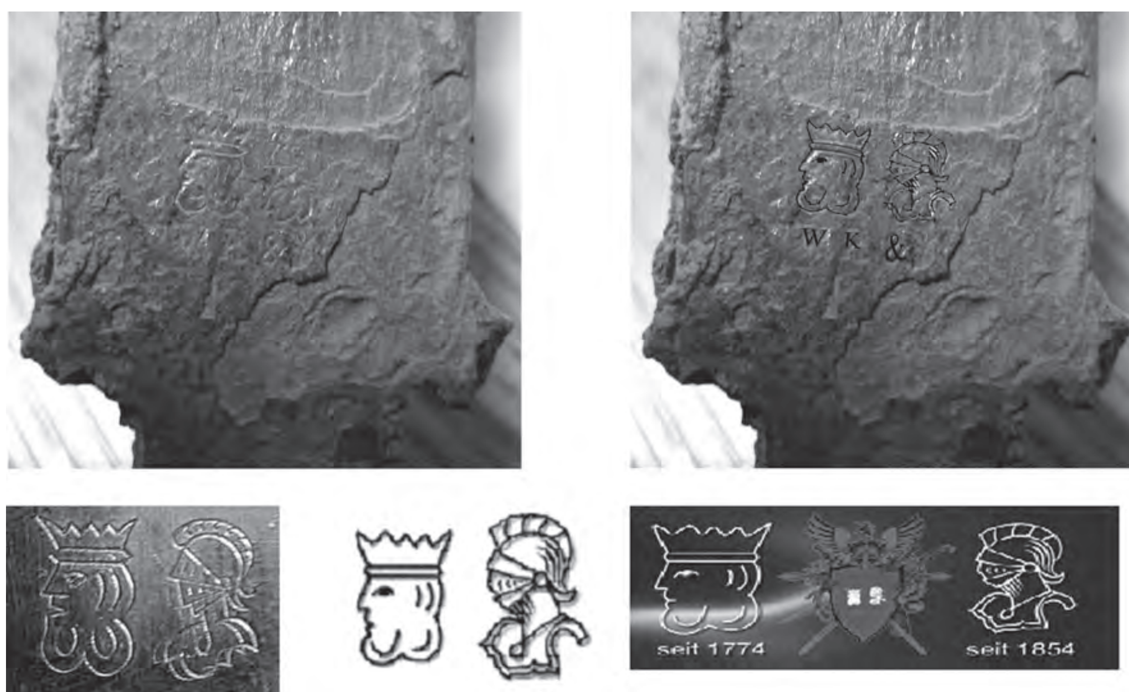


Рис. 5. Клейма фирмы «Золинген» на обломке клинка шпаги. Витебск

мастера-оружейники, обладающие знаниями по обработке стали и художественной отделке клинков. Прибыло 150 ремесленников вместе с семьями. Наиболее известны в Златоусте Вильгельм Шаф с тремя сыновьями, украшавшие изделия серебром и золотом. В качестве сюжета для своих работ немецкие мастера использовали разрозненные геральдические символы [1]. Во второй половине XIX в. Златоустовское холодное оружие многократно экспонировалось на международных и всероссийских выставках, было отмечено наградами Всемирной промышленной выставки в Лондоне (1862 г.), Всемирной выставки в Чикаго (1893 г.), Международной художественно-промышленной выставки в Стокгольме (1897 г.) [4]. Сабли образца 1841 г. заменили в драгунских полках и конно-пионерных частях офицерскую кавалерийскую саблю образца 1827 г. Они использовались вплоть до 1881 г., когда произошла замена сабель на шашки у всех нижних чинов. Шашки образца 1881 г. оставались на вооружении и после 1917 г. Клинки фирмы «Золинген» изготавливали на заказ для офицеров российской армии и выпускников офицерских училищ для ношения в мирное время с парадной формой. Таким образом, на примере одного клада можно проследить историю холодного оружия российской армии с середины XIX в. до начала XX в.

Знаки и эмблемы (за исключением эмблемы Калужской Духовной семинарии), обнаруженные рядом с клинками, также не выходят за пределы 1870-х – 1920-х годов и их узкие хронологические рамки бытования делают эти находки особо ценными.

Эмблема Калужской Духовной семинарии (рис. 6: *1*), основанной в 1775 г. императрицей Екатериной II, введена после официального открытия семинарии в 1776 г. Она имела форму вертикально вытянутого лаврового венка с императорской короной вверху, перекрещенными трикирием с дикирием (тройной и двойной подсвечники) и буквы «КДС». Крепилась на фуражку. Калужская Духовная семинария была закрыта по декрету Совнаркома от 2 декабря 1917 г.

Эмблема автомобильных частей (рис. 6: *2*) соединяет в себе руль, два колеса и крылья. Помещалась в нижней части Знака Офицерского класса Военной автомобильной школы, или бывшего Офицерского класса Учебной Автомобильной роты, утвержденного 11 марта 1916 г. Автомобильная служба в войсках Российской Империи была введена в 1911 г., она предназначалась для обслуживания высших штабов и высшего командного персонала. В 1919–1920 гг. данная эмблема использовалась в автоброневых частях Красной Армии в виде нашивок на рукав и крепилась на головной убор.

Эмблема конных заводов (рис. 6: *3, 4*) представлена в виде головы лошади в обрамлении подковы, под которой скрещены две сабли или шашки. В котловане выявлены два экземпляра, выполненные из цветного металла. Голова лошади на них повернута в разные стороны (для правосторонних и левосторонних петлиц). Вероятно, эмблема чиновников Управления государственного коневодства введена в 1843 г., когда ему были подчинены военно-конские заводы Российской Империи. Данную эмблему использовала кавалерия Красной Армии в 1919–1921 гг. в виде нашивок на рукав с добавлением пятиконечной звезды.

Нагрудный знак Красной Армии – марсовая пятиконечная звезда, покрытая красной эмалью и расположенная на венке из лавровых и дубовых веток (рис. 6: *5*). В центре звезды в белом круге находится эмблема: плуг и молот. Из внутренних углов звезды выходит «сияние» – символ восходящего солн-

Рис. 6. Эмблемы: *1* – Калужской Духовной семинарии; *2* – автомобильных частей; *3, 4* – конных заводов; нагрудные знаки: *5* – Красной Армии; *6* – сельскохозяйственных учебных заведений Российской Империи. Витебск

ца свободы. Изготовляли знаки по разным образцам кустарным способом из красной меди, желтой меди (латуни), жести. С марта 1918 г. их носили на левой стороне груди (сначала в частях Московского гарнизона и МВО). Бесконтрольность в приобретении знаков привела к изданию 7 мая 1918 г. Приказа Наркомвоена (№ 321) о том, что звезду имеют право носить лишь лица, состоящие на службе в войсках Красной Армии. Использовался данный знак в период с 1918 по 1922 г.

Знак сельскохозяйственных учебных заведений Российской Империи конца XIX – начала XX в. (рис. 6: *6*). Представлен снопом с косой, граблями и серпом, размещенными на лавровом венке. Его носили чиновники сельскохозяйственного ведомства, а также корреспонденты отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ. С января 1920 г., в связи с необходимостью срочного восстановления разрушенного народного хозяйства, действующие армии в Советской России начали переводить на положение трудовых. В их задачу входило выполнение сельскохозяйственных работ, а также заготовка продовольствия и фуража. Именно эти армии использовали эмблему сельскохозяйственных учебных заведений Российской Империи, к которой ниже была добавлена красная звезда. Постановлением Совета Труда и Обороны от 30 декабря 1921 г. трудовые армии были расформированы.

Выявленные предметы вооружения и значки характеризуют перелом двух эпох: Российской Империи и сменившей ее Страны Советов. Интересен тот факт, что оружие и значки с эмблемами, произведенные еще в имперскую эпоху, нашли свое применение в первые годы Советской власти. По-видимому, выявленные во время археологических исследований раритеты, представляют собой чью-то коллекцию, спрятанную в постройке, просуществовавшей до 1940-х годов. Постройка (П3) по своим конструктивным особенностям относится к хозяйственным (видимо, это ледник), и ее отличает от других строений данного типа наличие шипа на конце бревна для лучшего сцепления угла «в замок».

Литература

1. Бурмакин А. С. Исторические данные по введению приготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами / А. С. Бурмакин // Горный журнал. – СПб., 1912. – Т. 4.

2. Историко-юридические материалы. – 1891. – Т. XXI.

3. Левко О. Н. Витебск / О. Н. Левко. – Минск, 2010. – (Древнейшие города Беларуси.)

4. Русское холодное оружие. – СПб., 1994.

Рэзюмэ

В. М. Ляўко

Археалагічныя даследаванні будаўнічага катлавана пад адміністрацыйную пабудову у г. Віцебску па вул. Калініна ў 2010–2011 гг.

Даследаванне будаўнічага катлавана па вул. Калініна у г. Віцебску дазволіла вызначыць паўднёвую мяжу Замкавага ручая, які аддзяляў у эпоху сярэдневякоўя Ніжні замак ад Заручэўя. Праведзена вывучэнне рэшткаў каменнай Уваскрасенскай царквы XVIII ст., знойдзены фрагменты царкоўнага начыння, медальён-цельнік з выявай св. Марыі XVII ст. і крыж-энкалпіён XIV ст. У гаспадарчай драўлянай пабудове (ляднік) XIX – пачатку XX ст. знойдзены набор шабель і шашак, а таксама калекцыя воінскіх і грамадзянскіх эмблем таго ж часу.

Summary

O. N. Levko

Archeological researches of the building foundation pit for the administrative building in Vitebsk in Kalinin Street in 2010–2011

Researches of the building foundation pit for the administrative building in Vitebsk in Kalinin Street could allow defining the southern limit of the stream of Zamkovyi which divided the Lower castle and Zaruchav'e in the Middle Ages. The stone rests of the Resurrection church dated back to the 18th century, the fragments of church utensils, medallion with the image of the St. Maria of the 17th century and encolpia of the 14th century had been revealed and studied.

The complex of the cutting weapon and collection of military and civil emblem were found out in the wooden house dwelling construction (glacier) of the 19th – early 20th centuries.

УДК 902/904(476.5–25)«2011»

О. Н. Левко, *заведующая центром истории доиндустриального общества Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор (г. Минск)*

Исследования на территории Задвинья в г. Витебске в 2011 г.

Участок строительства в 2011 г. располагался в северной части исторически сложившегося Задвинского средневекового посада за р. Западная Двина напротив бывшего Взгорского острога и слободы Взгорской. Он ограничивался с севера ул. Жореса, с запада – ул. Революционной. На северо-восток от него на пустыре за ограждением располагались руины культовых построек (рис. 1). По письменным источникам XVII в. известно, что в данной части Задвинья вдоль р. Западная Двина размещалась слобода Зверинецкая и древние «волотовки», т. е. курганный некрополь древнерусского времени. В XVII–XVIII вв. данный участок неоднократно менял свой внешний вид. Пустошь, которая окружала курганный могильник в древности, сменилась вначале деревянной, а затем каменной застройкой вдоль реки. Здесь неоднократно находили единичные монеты и их скопления, относящиеся к XVII–XVIII вв., когда на данном участке размещались склады и артели по обслуживанию судоходства. Вблизи местоположения современной ул. Жореса в средневековье был возведен храм св. Ильи.

Сведения об Ильинской церкви опубликованы А. П. Сапуновым [1]. Автор книги сообщал, что 13 апреля 1904 г. сгорел деревянный храм во имя св. пророка Илии. По преданию церковь была основана в 1447 г. польским королем Казимиром в благодарность Богу за спасение его жены Софьи, тонувшей в Ильин день. Этот храм находился восточнее церкви, погибшей при пожаре 1904 г. Дата постройки сгоревшего храма точно не известна. В «Описи Ильинской церкви», составленной в 1843 г., сказано: «Церковь деревянная, ветхая, во имя св. пророка Илии, построенная витебскими купцами Запольскими в 1746 году». Однако А. П. Сапунов, опираясь на ряд документов, полагал, что храм был построен гораздо ранее 1746 г. Уже в 1717 г. в Витебске упоминается Ильинский приход [2], следовательно, существовала и Ильинская церковь. В 1750 г. при Ильинской церкви было «братство» [3].

В 1788 г. Ильинская церковь из унии возвращена православным, однако окончательный переход храма в православное ведомство последовал одновременно с другими церквями города, а именно в 1839 г.

В 1887 г. церковь ремонтировали: вместо обветшавшего гонта крышу покрыли железом. Посреди храма располагался вход в склеп, куда вела каменная лестница с двенадцатью ступенями. Пол в притворе и передней части храма был деревянный, а посередине и в алтаре – кирпичный, из восьмигранных плиток. Колокольня стояла отдельно южнее алтарной части храма. В «Описи» 1843 г. отмечалось, что колокольня деревянная и ветхая, опирается на 8 колонн со связью, обшита тесом до половины, с просветом, верх покрыт гонтом, купол с железным крестом. Рядом навес на двух колоннах для большого колокола. В 1866 г. колокольня из-за ветхости была разобрана, а колокола помещены на колокольне вновь построенной каменной Покровской церкви.

Ильинской церкви принадлежал каменный с мезонином дом, также сгоревший 13 апреля 1904 г., в котором помещалась приходская богадельня, а также 30 земельных плацев, площадью 1 десятина 528 кв. саженей, за которые выручались деньги для вкладов на поминовение – 300 руб. За Ильинским храмом числился 921 прихожанин (обоего пола).

А. П. Сапунов считал, что Ильинская церковь отдельного кладбища никогда не имела, ее прихожане хоронили умерших вначале в склепе под церковью, а затем на кладбище Богоявленской церкви, за городом.

К северо-западу от Ильинской церкви, за небольшим прудом, находилась приписанная к ней, тоже довольно древняя Свято-Покровская церковь. С 1838 г. из-за ветхости ее уже не использовали по назначению, но разобрана она была лишь в конце 1860-х годов. В 1865 г. в ограде Ильинской церкви вместо древней Покровской церкви был сооружен новый каменный храм, также во имя Покрова Божией Матери (рис. 2). В настоящее время вместо храмов на поверхности имеются лишь невыразительные руины.

Объекты археологического изучения. Рытье котлована под жилой дом № 19 (1) производилось на месте, где ранее в 1956 г. были возведены два двухэтажных кирпичных дома, снесенные в 1991 г. Котлован имел размеры 33,0 м (восточная и западная стороны) × 10,0 м (северная и южная стороны) при глубине 2,5 м. В западной части котлована прослежен культурный слой темно-серого цвета, который имел толщину от 0,2 до 0,4 м. В южной части слой был поврежден перекопами под коммуникации.

В северо-восточной и северо-западной частях котлована зафиксирован мощный бутовый фундамент, относящийся к прежним строениям 1960-х годов. Камень диаметром от 0,2 до 0,8 м был скреплен цементом, высота фундамента достигала 2,0 м. Поверх фундамента были зафиксированы остатки кирпичных кладок вместе со строительным мусором, кирпич имел размеры (26,5 × 12,5 × 6,5) см. На одном из кирпичей выявлено заводское клеймо. Ниже фундаментов прослежен материковый желтый песок.

Рис. 1. Каменные постройки XIX в. (фрагменты) на участке, прилегающем к зоне строительства

Рис. 2. Деревянная Ильинская церковь и каменная Свято-Покровская церковь.
Архив Витебского областного краеведческого музея

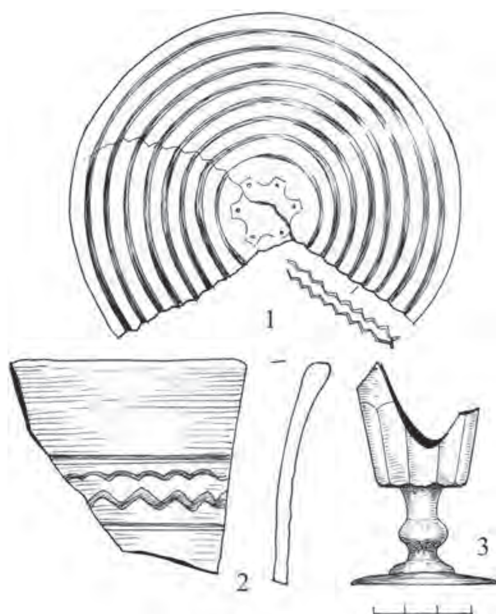


Рис. 3. Изделия из глины и стекла (фрагменты): *1* – крышка; *2* – венчик кувшина; *3* – рюмка

У юго-западного края котлована на глубине 1 м были обнаружены хаотично расположенные человеческие кости. Южный профиль котлована на всем его протяжении прорезала теплосеть, ориентированная с востока на запад и электрокабели, проходившие с севера на юг.

Котлован был расширен на 5 м в восточном направлении, и длина северного профиля составила 15 м. На новом отрезке северного профиля, как и прежде, фиксировался сплошной бутовый фундамент на цементе. При рытье котлована в южном направлении на расстоянии 11 м от северной его стенки выявлены человеческие кости в желтом песке. Глубина их залегания – 1 м от дневной поверхности. С 24-го метра лоток теплосети прорезает весь восточный профиль в южном направлении до отметки 36 м. Он фиксируется на глубине 1 м от дневной поверхности, ниже, на глубине 2,6 м, в южном углу восточного профиля обнаружен заглушенный водопровод, человеческие кости почти отсутствуют. Изредка были встречены фрагменты керамического материала. Протяженность восточного профиля котлована составила с севера на юг 36 м при глубине 2,6 м.

Южная стена котлована составила в длину 18 м, при средней глубине 2,5 м. Профиль характеризуется сплошным перекопом вследствие густой сети инженерных коммуникаций, подходивших ранее к жилому дому. Однако здесь встречены следы погребений, как и в южной части восточного профиля котлована. В котловане найдены монеты 1928 г. (медные 3 копейки), 1957 г. (медные 3 копейки), связанные с культурным слоем XX в., образовавшимся перед сооружением домов, предшествовавших новому строительству.

С восточной стороны котлована параллельно ему была проложена траншея хозфекальной канализации, в которой зафиксирован темно-серый культурный слой толщиной 0,4 м с большим количеством битого кирпича. На участке, соответствующем 20–33-му метрам восточного профиля котлована, также зафиксированы погребения в песке на глубине 1,0 м под культурным слоем. На южном конце траншеи хозфекальной канализации в колодце размерами 5,0 × 5,0 м на глубине свыше 1,0 м выявлено бревно.

Выводы. Характер культурных отложений в зоне строительства дома № 19 (1) по ул. Революционной в г. Витебске, а также выявленные здесь артефакты (останки из погребений), сопровождающий их личный инвентарь (предметы костюма, украшения), предметы быта и церковной утвари, свидетельствуют о наличии в пределах площадки строительства остатков приходского кладбища XVII–XVIII вв. на территории, прилегавшей ранее к храму. Отсутствие точных ориентиров привязки А. П. Сапуновым церкви св. Ильи и Свято-Покровской церкви к местности не позволяют связать данное кладбище конкретно с одним из этих храмов. В то же время наличие остатков культового сооружения на участке, примыкающем к зоне строительства с северо-восточной стороны, а также руин других каменных построек в непосредственной близости к нему, дают возможность предположить их связь с каменной Свято-Покровской церковью, возведенной в XIX в. Времени действия кладбища при храме не противоречат и надгробные плиты XIX в. с надписями на польском языке, выявленные на территории строительства второго дома № 24 (2) вблизи дома № 19 (1) по ул. Революционной в г. Витебске.

Изучение всей территории строительной площадки в 2011 г. позволило выявить остатки кладбища

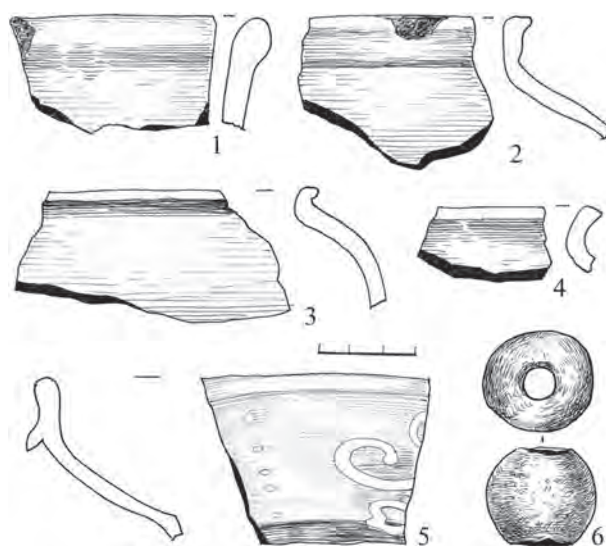


Рис. 4. Изделия из глины: *1, 5* – миски; *2–4* – венчики горшков; *6* – грузило

Рис. 5. Изделия из цветных металлов: *1* – нательный крест; *2* – пуговица; *3* – застежка; *4* – перстень с чашечкой для вставки; *5* – перстень на фаланге пальца; *6* – подсвечник; *7* – пуля; *8* – охотничий свисток

XVII–XIX вв. между ул. Жореса и ул. Революционной вблизи р. Западная Двина. Культурный слой темно-серого цвета на пятне застройки имел толщину от 0,2 до 0,4 м. В нем были выявлены бытовая керамика (рис. 3: *1, 2*; 4: *1–5*), глиняное грузило (рис. 4: *6*), предметы из цветных металлов, являющиеся фрагментами, возможно, церковной утвари: подсвечник (рис. 5: *6*), подставка, ложка. Вместе с человеческими костями у юго-западного края строительного котлована на глубине 1,0 м в материковом песке были собраны перстень с чашечкой для вставки (рис. 5: *4*), перстень на фаланге пальца (рис. 5: *5*), а также старообрядческий крест нательный (рис. 5: *1*) и предметы, связанные с костюмом: пряжка, застежка, пуговицы (рис. 5: *2, 3*), датируемые в пределах XVII–XVIII вв. Подтверждением датировки находок являются выявленные в котловане монеты: солид ВКЛ 1659 г. или 1666 г., 2 копейки 1799 г., деньга первой половины XVIII в. В котловане также найдены несколько предметов из стекла XIX в., в том числе рюмка (рис. 3: *3*), пуля XVII в. (рис. 5: *7*). При исследовании траншей под коммуникации вблизи котлована дома № 24 (2) был обнаружен металлический охотничий свисток (рис. 5: *8*). Установить его датировку не представляется возможным.

Таким образом, приходское кладбище заложено с XVII в. рядом с деревянными церквями св. Ильи и Свято-Покровской, затем погребения совершались и вблизи нового каменного Свято-Покровского храма. Помимо кладбища зафиксированы небольшие культурные отложения, образовавшиеся над старой частью кладбища и относящиеся также к XVII–XIX вв.

Литература

1. Сапунов, А. П. Церковь во имя Святого пророка Илии в городе Витебске / А. П. Сапунов. – Витебск, 1904.
2. Акты Витебские. – Вып. 21. – С. 132.
3. Акты Витебские. – Вып. 18. – С. 443.

Рэзюмэ

В. М. Ляўко

Даследаванні на тэрыторыі Задзвіння у г. Віцебску у 2011 г.

У межах будаўнічых катлаванаў на тэрыторыі Задзвіння у г. Віцебску былі выяўлены рэшткі прыхадскіх могілак, якія належалі Ільінскай і Пакроўскай царквам ў XVII–XIX стст., надмагільныя пліты, а таксама царкоўнае начынне. Вывучаны культурны пласт з матэрыяламі адзначанага часу.

Summary

O. N. Levko

Researches on the territory of Zadvin'e in Vitebsk in 2011

The rests of parish cemetery belonged to the St. Ilya and Intercession churches in the 17th–19th centuries, gravestones and elements of church utensils had been revealed within the limits of building foundation pits on the territory of Zadvin'e in Vitebsk. The cultural layers with materials of same period were studied, too.

Навуковае выданне

МАТЭРЫЯЛЫ ПА АРХЕАЛОГІІ БЕЛАРУСІ

MATERIALS ON THE ARCHAEOLOGY OF BELARUS

Зборнік навуковых артыкулаў

Выпуск 24

Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца)

The investigations of medieval antiquities of Central Belarus (in remembrance of Y. A. Zayatc)

Рэдактар *Н. Т. Гаўрыленка*
Мастацкі рэдактар *А. М. Свірыдзенка*
Тэхнічнае афармленне *В. А. Тоўстая*
Камп’ютарная вёрстка *Л. І. Кудзерка*

Падпісана да друку 25.03.2013. Фармат $60 \times 84^1/_8$. Папера афсетная. Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 44,64. Ул.-выд. арк. 42,0. Тыраж 150 экз. Заказ 73.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Рэспубліканскае унітарнае прадпрыемства «Выдавецкі дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 ад 27.03.2009. Вул. Ф. Скарыны, 40, 220141, г. Мінск.